

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2024. 19(3)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- А. А. Черкасов (г. Вашингтон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
- П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
- В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
- С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
- М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.09.2024 г.

Заказ № 81.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2024. 19(3)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. A. CHERKASOV (WASHINGTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 09/01/2024

Order № 81.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

C O N T E N T S

ARTICLES

“We Are Obligated to Speak the Truth about History”: the Research Laboratory of A.A. Cherkasov N.A. Mininkov, A.Yu. Peretyatko, N.A. Trapsh	992
Christianization of the Samoyeds in the European North of Russia in the XVI–XIX centuries A.M. Tamitskiy, O.V. Eseeva	1005
“Syabry” and Economic Development of the South of Russia in the first half of the 17th century D.A. Lyapin, N.A. Zhiron	1019
Solid-Forged Helmet with Silver Ornamentation of the Second Half of the 17 th – the Middle of the 18 th centuries from the Collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan L.A. Bobrov, O.M. Agatay, S.A. Abdrakhmanov	1027
Relations of Abylai Khan with the Central Government and Regional Centers of the Russian Empire Z.Y. Kabuldinov, D.A. Chernienko, A.D. Arepova	1040
Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18 th –19 th centuries E.A. Sertakova, Yu.S. Zamaraeva, A.A. Omelik, M.S. Koptseva	1052
Monarchical Mythologeme of the Oskoptsy Sect: Genesis and Specificity A. Lebid, A. Palchyk, O. Diadia	1063
The Role of the Nobility in the Development of the Volga-Caspian Fishing Region (60s of the 18 th century – 60s of the 19 th centuries) S.V. Vinogradov, Yu.G. Eshchenko, E.V. Saveleva, O.V. Likholet	1073
Russia's First Program for the Study of Ancient Archaeology Yu.G. Kokorina	1084
Sociocultural Characteristics of Penza Governors of the 19 th – early 20 th centuries I.N. Inozemtsev, O.A. Filenkova	1095
To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the St. Petersburg Educational District (1803–1917) I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova	1107
Russian Population of the Kazan Province in Scientific Publications, Nonfiction Literature and Statistical Materials of the 19 th century – early 20 th centuries V.E. Kozlov, T.A. Titova	1115
Development of the Russian Education System in the first quarter of the XIX century. The Main Provisions of the Charter of 1804 E.K. Mineeva, A.P. Zykina, T.N. Ivanova, I.A. Soshko	1124
The Activity of Special Commissions on the Allotment of Land to the Mohammedan Peoples in the Stavropol Province in the XIX century: Problems and Climatic Factors V.V. Batyrov, E.N. Badmaeva, D.S. Kidirniyazov, B.V. Ochirov	1137
The Development of the Firepower of the Russian Army in the first half of the 19 th century in Comparison with Enemies as a Factor of Russia's Victories and Defeats in the Napoleonic and Crimean Wars G. Popov, V.V. Barabash, N.V. Poplavskaya, O.Yu. Kazenkov	1148
Charitable Institutions of the Yenisei Province in the 1820s–1860s (Based on the Database Materials) T.A. Kattsina, V.N. Shestakov, V.A. Pomazan, E.S. Tsyganova	1161

Generic Conflicts and Barymta: the Evolution of Content E.E. Sailaubay, Kh.B. Maslov, S.O. Smagulova, A.S. Zhanbossinova	1171
The Development of Kazakh Elders and Biys Roles in Russian Empire Administration Structure (XIX century) K.A. Yensenov, G.M. Karassayev, B.B. Aktailak, B.Sh. Shurshitbay	1179
The Significance of the Scientific Activity of Mikhail Sidorov (1823–1887) for the Development of the Northern Territories of the Russian Empire N. Koptseva, K. Degtyarenko, M. Kolesnik, T. Ermakov	1189
To the 200th Anniversary of the Birth of the Traveler Ivan Ivanovich Petrov (1824/1842–1896): Some Biographical Aspects V.V. Bogdan, S.N. Rozhnov, Yu.V. Nikolaeva, I.V. Tyurin	1200
The Biographical Sketch for the 200th Anniversary of the Birth of the Russian Empress Maria Alexandrovna (1824–1880) V.A. Svechnikov, M.G. Smirnov, R.M. Allalyev, S.A. Grimalskaya	1207
The Influence of the Exile on the Dynamics of Socio-Demographic and Ethnocultural Processes in the Population of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries V.I. Fedorova	1215
Features of Social Deviations in the Gold Mines of Yenisei Siberia and Ways To Overcome Them in the 1830s–1890s A.S. Zhulaeva, E.A. Grigoryeva, A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina	1228
Gaps in Penitentiary Policy and Issues of Criminalization of the Asian part of Russia in the Political and Legal Ideology of Siberian Regionalists in the second half of the 19th century A.V. Golovinov, M. Matayeva, Z. Ayupova, Yu.V. Golovinova	1249
Dichotomy of Public and Private on the Case of the Phenomenon of Sexual Commerce in Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries D.N. Nesterenko, D.N. Gergilev, N.L. Khait, T.V. Izluchenko	1257
Caucasian Educational District (1848–1917): A Review of Modern Historiography T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1265
The Historical Sketch for the 175th Anniversary of the Hungarian Campaign of the Russian Army in 1849 N.A. Shevchenko, Yu.V. Kapitanets, G.M. Zinchuk, N.L. Krasnyukova	1276
Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries O.A. Plotskaya, G.T. Urankhaeva, N.S. Grudinin, R.M. Zhirov	1286
Orenburg Educational Institutions in Training Personnel for Administrative and Managerial Institutions of the Turgai Region in the 19th – early 20th centuries M. Bekmagambetova, A. Aitmukhambetov, R. Bekmagambetov, G. Nurusheva	1294
Academician N.S. Kurnakov and His Contribution to the Formation of the Russian Industry in the late XIX – early XX centuries S.I. Podolskiy	1304
Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries M.A. Sosnina, T.V. Vorotilina, N.I. Besedkina, A.A. Avanesova	1318
Wholesale Alcohol Trade in Excise Russia (1863–1894) N.Ye. Goryushkina	1327
The Scientific Study of Historical and Cultural Monuments of the Syrdarya Region of Turkestan by Russian Scientists (XIX – early XX centuries) M.S. Isayev, Kh.M. Tursun, G.B. Batyrbekkyzy, G.B. Kozgambayeva	1337

The Image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France at the end of the XIXth century N.A. Vlasov, A.V. Bodrov, N.E. Adamova, O.V. Smirnova	1345
Vagrant Population and the Causes of Criminal Acts in Pre-Revolutionary Siberia in the Political and Legal Ideological Heritage of N.M. Yadrintseva A.V. Golovinov, Zh. Ibragimov, A.A. Vasilev, Zh. Kenispaev	1356
Development of Gymnasium Classical Education in the second half of the 19th century: Experience of the Past for the Present A.A. Fatyanov, N.A. Mashkin, A.V. Losyakov, A.V. Filippova	1364
Conditions and Prospects of Steamship Traffic on the Yenisei in the 19th century based on Materials from a Report by A.N. Gadalov E.A. Akhtamov, D.N. Gergilev, T.V. Izluchenko, M.G. Tarasov	1373
Quasi-Police of the Counties of the Transcaspian Region in the Russian Empire During the Fight against Robberies and Banditry I.I. Aminov	1382
The Socio-Political and Cultural Life of the Ukrainian-Ruthenian Population of the Austro- Hungarian Empire on the Pages of the Journal “Kievskaya Starina” S.I. Degtyarev	1394
“Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province) T.G. Karchaeva, G.M. Lushchayeva, N.R. Novosel'tsev, M.D. Sever'yanov	1407
Forest and Forest Guards in the System of the Central Asian Possessions of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries G.K. Mukanova, S.M. Syzdykov, S. Zhumatay, A.S. Temirkhanova	1416
Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries S.D. Mamraimov, S.K. Yelshibayev, B.S. Tokmurzayev, Zh.R. Abisheva	1425
Coverage of Technical Progress at the beginning of the XX century on the Pages of the Journal “Vestnik Znaniya” (1903–1917) E.A. Sertakova, N.M. Leshchinskaia, M.A. Kolesnik, A.A. Sitnikova	1433
The Feat of Vasily Ryabov and the Formation of Imperial Identity (Based on Materials from the Penza Region) O.A. Sukhova, I.N. Inozemtsev	1445
N.F. Rudolf – Organizer and Trustee of Public Education in the Caucasus L.R. Gaunova, A.A. Zhurtova, P.A. Kuzminov, Z.H. Soblirova	1453
Charitable Activities in Penza Province during the First World War O.V. Kolpakova, A.B. Shigurova	1462
“Znanie Dlya Vsekh” (1915) as a Source on the History of the Russian Empire Science in the late 19th and early 20th centuries M.S. Koptseva, A.A. Shpak, Yu.N. Menzhurenko, K.A. Degtyarenko	1470
The Reflection of the Trebizond Operation of the Caucasian Army (1916) on the Pages of the Newspaper “Soldatskii Vestnik” G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	1482
Contribution of Academician B.A. Akhmedov to the Study of the Historical Geography of Central Asia of the Modern Era (on the Occasion of the 100th Anniversary of the Scientist's Birth) Zh.M. Tulibayeva, T.E. Tulibayev	1489

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(3): 992-1004
DOI: 10.13187/bg.2024.3.992

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

“We Are Obligated to Speak the Truth about History”: the Research Laboratory of A.A. Cherkasov

Nikolaj A. Mininkov ^{a,*}, Artyom Yu. Peretyatko ^{b,c}, Nikolay A. Trapsh ^{a,d}

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^c Volgograd State University, Russian Federation

^d South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

This article, written to the fiftieth anniversary of the “Bylye Gody” journal editor-in-chief A.A. Cherkasov, attempts to analyze the evolution of his works and identify the basic principles of the historian’s activity. It is shown that thematic diversity of the works of A.A. Cherkasov hampers their systematization and generalization: having started as a historian of the Civil War of 1918–1922, the researcher then turned towards the history of the city of Sochi, and, since 2010s, addresses a variety of issues, including those outside the research field of historical science. Nevertheless, the authors come to a conclusion that 4 features are characteristic for A.A. Cherkasov’s works: 1) Priority of verifiable empirical material; 2) Constant aspiration towards new fields of research practice; 3) Widescale archaeographic practice; 4) Conscious refusal of non-obvious, ideologized or emotional generalizations. Such features of his works, on one hand, connect him with scientific schools of V.E. Shchetnev and V.N. Ratushnyak, but, on the other hand, are a reflection of his individual scientific worldview.

Keywords: historiography, history of the Civil War, history of Sochi, history of the Great Patriotic War, publication of archival materials, A.A. Cherkasov.

1. Введение

Антропологический поворот, свершившийся в исторической науке постмодернистской эпохи, существенно изменил исследовательские подходы к комплексному анализу предшествующего интеллектуального опыта. В частности, традиционная историография перестала быть преимущественно хронологически выверенной системой научных школ, профильных организаций и отдельных наиболее выдающихся персонажей, глобальная деятельность которых не могла оставаться без пристального внимания потомков. Новый взгляд на историографическую традицию отличается приоритетным значением большего числа конкретных исследователей, интеллектуальная лаборатория которых становится важнейшим объектом для профессионального изучения.

Институциональная деятельность главного редактора журнала «Былые годы» А.А. Черкасова, неоднократно выступавшего в качестве крупного организатора современной исторической науки, получила характеристику в нескольких специальных исследованиях (Tarakanov, Ludwig, 2019: 914-920; Cherkasova, 2022: 1039-1047). Однако личная творческая активность ученого до настоящего времени не

* Corresponding author

E-mail addresses: mininkov@aanet.ru (N.A. Mininkov), ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko), dukekeleshbey@gmail.com (N.A. Trapsh)

получила комплексной оценки в отечественной и зарубежной историографии, исключая лаконичные замечания в профильных разделах научных трудов. Как представляется в контексте описанных выше обстоятельств, системный анализ интеллектуальной лаборатории А.А. Черкасова представляет значительный интерес, показывая, как современный исследователь может эволюционировать в стремительно меняющейся социокультурной и эпистемологической реальности, меняя тематику исследований, но сохраняя первоначально заданные научные ориентиры своего творчества.

2. Результаты

Исследователь истории Гражданской войны

Исходное направление научной деятельности А.А. Черкасова в полной мере соответствовало принципиальным трендам постсоветского историописания, ориентированного на системное переосмысление предшествующего опыта интеллектуальной рефлексии. Первым крупным исследованием ученого стала монография «Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны», выросшая из кандидатской диссертации и изданная в 2003 г. (Черкасов, 2003). Системный интерес к революционному лихолетью достаточно характерен для профессиональных историков юга России, в территориальных рамках которого развивались значимые экономические, политические и военные процессы, связанные с глобальным общественным противостоянием. Не случайно в региональном научном пространстве сформировался целый ряд самостоятельных научных школ, ориентированных на комплексное изучение отдельных аспектов Гражданской войны. Признанный лидер одного из таких интеллектуальных объединений и один из крупнейших историков юга России, А.И. Козлов, тридцатью годами ранее также написал монографию с текстуально близким названием «Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.)», но носившую вполне объяснимый апологетический характер (Козлов, 1972). Однако в советский период комплексному изучению Гражданской войны серьезно препятствовала идеологическая конъюнктура, в рамках которой многие авторские выводы имели априорный просоветский характер. В контексте указанного обстоятельства необходимо отметить тот значимый факт, что, даже будучи убежденным коммунистом (по крайней мере, на начальных этапах собственной деятельности), А.И. Козлов признавал, что «подлинные борцы за советскую власть в 30-х годах либо были поставлены к стенке, либо обречены на ГУЛАГ», и, естественно, в советский период он сталкивался с серьезными проблемами в научной работе и общественной деятельности (Сивков, 2012: 37-43).

С началом перестроечных процессов начинают публиковаться новые труды, претендующие на более полное и объективное описание неоднозначных событий Гражданской войны. Единообразный и упрощенный нарратив, предполагающий неизменное прославление исключительно положительных «борцов за советскую власть», сменяется интеллектуальным плюрализмом. В частности, скорректировавший идеологическую парадигму А.И. Козлов призывал к качественной переоценке канонической советской истории Гражданской войны, одновременно продолжая считать советскую власть несомненным благом и связывая ставшие известными широкой общественности ее преступные действия исключительно с порочной практикой отдельных «сталинистов». Согласно яркой характеристике ученого, «... ныне рухнула ложь и клевета, десятки лет возводившаяся пропагандистским аппаратом на тех, кто действительно строил Красную Армию, следуя политике партии и Советского правительства» (Козлов, 1990: 244-253). Известный донской историк А.В. Венков, напротив, в комплексном предисловии к известной монографии «Вешенское восстание» честно признает, что еще в советский период, когда полагалось «разоблачать» «белогвардейцев» и «белогвардейщину», он хотел «реабилитировать» верхнедонских повстанцев, восстанавливая историческую справедливость и в отношении собственных предков (Венков, 2012: 8).

Подобный исследовательский плюрализм способствовал системному обострению общественных дискуссий, оказывавших существенное влияние на мышление профессиональной корпорации историков. Вокруг традиционных вопросов региональной истории, получивших, как казалось, однозначные ответы в предшествующий период, начали генерироваться полярные оценочные суждения. Научный плюрализм вызывал диаметрально противоположные реакции, от апологетических до резко критических, но в рамках данной статьи следует обратить внимание на описание своего подхода к научной интерпретации неоднозначного эмпирического материала, сделанное известным кубанским ученым В.Е. Щетневым, научным руководителем кандидатской диссертации А.А. Черкасова. На одном из круглых столов в Краснодаре в 2006 г. В.Е. Щетнев отмечал: «... здесь возник вопрос о покаянии, о том, что надо брать из истории, оглашать и т.д. Историки сталкиваются с этим делом повседневно. Я придерживаюсь того мнения, что история не бывает плохой или хорошей. История бывает либо правдивая, либо ложная. Мы обязаны об истории говорить правду. Одна правда приятная, когда ты занимаешься позитивными сюжетами, и мы в первую очередь хотим ими заниматься. Другая правда – это тяжелые сюжеты, но историк обязан говорить и об этом» (Сивков, 2014: 29). Научное творчество А.А. Черкасова базируется на схожих аксиологических основаниях, в рамках которых верифицированный факт имеет безусловный приоритет перед эмоциональными оценками и идеологической конъюнктурой. Подобный

исследовательский подход предполагает, что профессиональный историк должен быть готов изучать сложные и спорные исторические сюжеты, не стремясь к искусственной сенсационности и избегая безапелляционных оценочных суждений для неоднозначных событий, явлений и образов, сформировавшихся в другую эпоху. Последовательное применение подобного исследовательского подхода позволяет историку избегать непосредственного участия в сиюминутных общественных спорах, концентрируясь вместо этого на накоплении эмпирического материала.

Примером последовательного применения выделенных аксиологических оснований творчества А.А. Черкасова является одна из его обобщающих статей «К вопросу о периодизации Гражданской войны на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.)» (Черкасов, 2006а: 161–165). Основная идея указанной работы заключается в том, что в советский период изучался почти исключительно тот аспект Гражданской войны, который можно обозначить как повсеместную «борьбу за власть Советов» (Черкасов, 2006а: 161). Деятельность разнообразных противников советского государства не рассматривалась как значимый объект исследования, что исключало из потенциального эпистемологического ракурса важнейший период, когда региональное пространство формально уже контролировалось новыми властными структурами, но сопротивление им продолжалось. Опираясь на солидную источниковую базу, А.А. Черкасов убедительно доказывает, что в 1920–1922 гг. сопротивление советской власти на Кубани и Черноморье носило настолько масштабный характер, что следует считать это вооруженное противостояние значимой частью Гражданской войны. Исследователь справедливо отмечает: «по состоянию на май 1921 г. в Кубано-Черноморской области было зарегистрировано 50 бело-зеленых отрядов общей численностью 1756 штыков, 2774 сабли, на вооружении отрядов находился 51 пулемет» (Черкасов, 2006а: 161–165).

В указанной статье А.А. Черкасов работает и с «тяжелыми сюжетами»: он подробно описывает «красный террор», направленный против повстанческого движения, однако в предложенном нарративе преобладает объективное описание, опирающееся на верифицированные факты, а не на эмоциональные оценки. В частности, массовые расстрелы задержанных представителей гражданского населения безоценочно фиксируются по опубликованным материалам большевистской газеты «Красное знамя», которая в данном случае является абсолютно аутентичным источником. А.А. Черкасов отмечает: «18 августа (1920 г. – Авт.) эта <...> газета («Красное знамя» – Авт.) сообщила о расстреле 84 контрреволюционеров Кубани и Черноморья. 21 августа газета сообщила о том, что Кубчер ЧК 15 августа вынесла расстрельный приговор 18 бывшим офицерам и бело-зеленым. Приговор приведен в исполнение. 22 августа в газете было сообщено о расстреле за контрреволюцию 88 человек, и были опубликованы их списки» (Черкасов, 2006а: 161–165). Обобщая многообразный эмпирический материал, А.А. Черкасов не становится на сторону красных или белых, но указывает, что если Кубань была лояльна белым властям, находясь под их устойчивым институциональным и вооруженным контролем, то в территориальных границах Черноморья повстанческое движение первоначально возникло против Добровольческой армии А.И. Деникина и только с 1920 г. приняло антибольшевистский характер (Черкасов, 2006а: 161). В результате исследователь строго следует поставленной задаче, реконструируя хронологические рамки Гражданской войны на Кубани и Черноморье, но не затрагивая аксиологический вопрос о возможной правоте одной из противоборствующих сторон острейшего социально-политического противостояния.

Последовательное расширение эмпирического фундамента научного исследования не предполагает автоматического формирования новой объяснительной модели, характеризующей объективное содержание избранного исторического периода. Профессиональный историк может создавать новые концепции или интегрировать самостоятельно реконструированные факты в существующие теоретические построения, подтверждая или расширяя сложившуюся интеллектуальную парадигму. В первое десятилетие постсоветской эпохи сформировалась масштабная историографическая традиция, связанная с комплексным исследованием Гражданской войны и системной интерпретацией соответствующих исторических сюжетов и образов. Следует признать, что фундаментальные работы А.А. Черкасова не изменили сложившуюся обобщающую оценку Гражданской войны, рассматриваемой им как сложный процесс социально-политического противоборства в условиях радикального общественного раскола. Зато внимательный исследователь выявил новые источники, интерпретировал оригинальный фактический материал и внес самостоятельные значимые фрагменты в яркую картину исторического противостояния различных сил на юге России, развернувшуюся после революционных событий 1917 года. Личный вклад ученого в комплексное изучение региональных особенностей Гражданской войны получил благоприятную оценку научной корпорации, исследовавшей актуальные проблемы многообразной истории Кубани и Черноморья. Известный кубанский историк О.В. Матвеев относит А.А. Черкасова в качестве специалиста по истории Гражданской войны к научной школе В.Н. Ратушняка, который был научным консультантом докторской диссертации молодого коллеги (Матвеев, 2023: 72).

Докторское диссертационное исследование А.А. Черкасова стало принципиальной основой масштабной монографии «Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 год): "третья сила" в социально-политическом противостоянии» (Черкасов, 2007), опубликованной в 2007 г. Ограничив исследовательский ракурс сравнительно небольшим регионом и используя порой достаточно

эkleктичную терминологию, в которой сочетались базовые понятия традиционной советской историографии и постсоветского научного дискурса, А.А. Черкасов убедительно показал, что на рассматриваемой территории социально-политический конфликт Гражданской войны не сводился к клишированным и идеологически детерминированным схемам. В частности, реальной «третьей силой», вполне сравнимой по исторической значимости с красным проектом и белым движением, были нерегулярные казачьи и крестьянские формирования, объединенные интегрирующим термином «зеленые повстанцы». Кроме того, А.А. Черкасов развил свою принципиальную идею о том, что в рассматриваемом регионе Гражданская война не завершается в 1920 г., так как целый ряд значимых событий (например, целенаправленное создание советской властью двух концентрационных лагерей в территориальных границах Кубано-Черноморья) произошел в более поздний период. Он также отметил то существенное обстоятельство, что к окончательной победе большевистского режима привели не только военные успехи, но и своевременный переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике, отвечавшей хозяйственным и общественным устремлениям доминирующего российского крестьянства (Черкасов, 2007). В целом необходимо признать, что, не переосмысливая традиционные представления об общем ходе Гражданской войны, но опираясь на обширный эмпирический материал, А.А. Черкасов показал, что в конкретном регионе события 1918–1922 гг. имели ярко выраженную специфику. Одновременно он воздержался от масштабного компаративного исследования региональных особенностей глобального социально-политического противостояния, причем, как показал новый этап его творческой деятельности, данное авторское решение имело осознанный характер.

Краевед

Работая над докторской диссертацией, А.А. Черкасов периодически обращался к значимым сюжетам, не связанным с Гражданской войной и отражающим историческое прошлое города Сочи. В 2005 г. в соавторстве с О.Ю. Чекерес появилась интересная статья «К вопросу о снабжении сочинских госпиталей в годы Великой Отечественной войны», раскрывающая малоизученный сюжет неизменно актуального периода (Чекерес, Черкасов, 2005: 70–79). В следующем году было опубликовано оригинальное исследование «Попытка спасения царской семьи: сочинский след», представляющее аргументированную попытку микроисторического изучения сложной и противоречивой проблемы (Черкасов, 2006b: 6–14). Следует отметить, что эволюционная трансформация главного направления исследовательской практики является распространенной формой творческого развития современного ученого, ориентированного на постоянный поиск новых источников и оригинальных сюжетов. Подобные изменения обычно определяются комплексным воздействием разнообразных факторов, имеющих как интеллектуальный, так и социокультурный характер. Как представляется, применительно к исследовательской деятельности А.А. Черкасова последовательное появление новых сюжетных линий с расширенными хронологическими и тематическими рамками в значительной степени детерминировалось еще и особенностями историографической ситуации, сложившейся в южнороссийской научной среде начала XXI столетия.

Широкий круг региональных исследователей, относившихся преимущественно к старшему поколению, сформировал корпорацию профессиональных историков, обращенных в творческой деятельности к актуальным проблемам Гражданской войны. Новая генерация кубанских ученых стремилась к системному поиску оригинальных форм исследовательской активности, обращенных к микроисторическим сюжетам, неразрывно связанным с традиционным краеведением. В рассматриваемый период складывается новое сообщество профессиональных историков, названное О.В. Бершадской «сочинской исторической школой», интеллектуальным основоположником которой она считала В.Е. Щетнева, а в качестве активного участника выделяла А.А. Черкасова (Бершадская, 2014: 32–47). В традиционной модели историографической рефлексии конкретный исследователь обычно связывается с одним определенным научным сообществом либо фиксируется обособленное положение избранного ученого в корпоративной среде. Однако накопленный опыт свидетельствует о том, что профессиональный историк в большинстве случаев формируется и творчески эволюционирует под непосредственным воздействием различных идей и исследовательских сообществ, креативно воспринимая дифференцированные интеллектуальные построения. В контексте указанного обстоятельства механическое отнесение А.А. Черкасова исключительно к научной школе В.Н. Ратушняка, определяемое исключительно существенной близостью избранной проблематики, было бы серьезным упрощением.

Применительно к краеведческой проблематике необходимо обратить специальное внимание на исследовательское взаимодействие А.А. Черкасова и В.Е. Щетнева, зародившееся еще в рамках работы над кандидатской диссертацией молодого ученого. Первый номер созданного журнала «Былые годы» не случайно открывался масштабной статьей одного из признанных лидеров кубанской науки, в которой подчеркивалось, что у города Сочи есть собственная история, которая «при всем желании <...> не может быть изложена в учебнике», но требует отдельного изучения (Щетнев, 2006: 5). Новое поколение профессиональных сочинских историков призвано было решить значимую задачу, связанную с комплексным исследованием предшествующего развития родного

города. И в 2006 г. вышел первый том «Очерков истории Большого Сочи», в авторском коллективе которого были представлены и маститый учитель, и недавний ученик (Очерки..., 2006).

А.А. Черкасов начинает активное формирование собственной научной школы. В январе 2006 г. он становится заведующим кафедры отечественной истории Сочинского государственного университета туризма и курортного дела (с 2011 г. – Сочинского государственного университета), при которой почти синхронно начинает функционировать студенческий научный клуб (Tarakanov, Ludwig, 2019: 915). В результате интенсивной работы три талантливых ученика А.А. Черкасова защитили кандидатские диссертации, связанные с комплексным исследованием сочинской локальной истории: «Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.» К.В. Тарана (Таран, 2011), «Город-курорт Сочи в период перестройки (1985–1991 гг.): социально-экономический аспект» И.А. Ермачкова (Ермачков, 2016), «Черноморская губерния в годы Первой мировой войны (на материалах периодической печати)» Л.Г. Поляковой (Полякова, 2018). Таким образом, целенаправленное расширение тематического спектра исследовательской практики позволило сформировавшемуся ученому не только достичь значимых интеллектуальных результатов, но и создать собственную научную школу. Следует заметить, что, обратившись к сочинской истории, А.А. Черкасов не только ответил на естественно возникший социальный запрос, но и получил благоприятные условия для творческой активности, соответствующей внутренним ментальным установкам. Последовательное изучение локального исторического процесса позволило ученому приступить к системному конструированию собственной концепции, опирающейся на многообразный и верифицированный эмпирический материал, значительная часть которого впервые вводилась в научный оборот. Получив прекрасную возможность не отвлекаться на бесконечные аксиологические дискуссии, свойственные отечественной историографии Гражданской войны, А.А. Черкасов сумел создать яркую и точную модель региональной истории, отразившую значимые элементы авторской познавательной парадигмы.

Отличной иллюстрацией подобного подхода является фундаментальная монография А.А. Черкасова «Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1894–1917)», изданная в 2009 г. (Черкасов, 2009). Значительный интерес представляет внутренняя логика построения ее текста, в рамках которой крупные явления российской истории соотносятся с синхронными материалами сочинской региональной печати (Черкасов, 2009: 3). Опираясь на верифицированный эмпирический материал, А.А. Черкасов охарактеризовал как социально-экономическое развитие провинциального города, так и естественную реакцию местного населения на военные конфликты начала XX столетия. Общий вывод, предложенный в авторском нарративе, не отличается оригинальным характером и сводится к тому, что «анализ периодической печати позволяет оценить постепенно развивающийся Сочи, который приближался к тому, чтобы стать крупнейшим курортом Российской империи» (Черкасов, 2009: 205). Однако реальная ценность рассматриваемого исследования заключается в богатейшей мозаике эмпирического материала, реконструированного из разнообразных источников. Это обстоятельство справедливо отметил В.Г. Иванцов, указавший в специальной рецензии следующее: «... в работе А.А. Черкасова содержится широкий пласт не только малоизвестных фактов, событий, статистических данных из истории Сочи и сочинцев, но порой неизвестных и просто уникальных. <...>. «Сочинский листок» в 1913 г. писал, что именно из-за дороговизны в Сочи местом отдыха выбирали заграничные курорты. Вывод вполне приложимый для Сочи начала XXI в.» (Иванцов, 2009: 77-78).

Внимательному исследователю удалось обобщить значительное число ярких и характерных фактов, демонстрирующих не только парадную сторону повседневной жизнедеятельности, но и реальные проблемы быстро растущего города. В этом контексте особый интерес представляет специальный раздел, характеризующий патриотические настроения местных жителей. А.А. Черкасов показал, что правые партии, опиравшиеся на идеологическую доктрину великодержавного патриотизма, пользовались в Черноморье значительной популярностью. В частности, он справедливо отмечал: «в городе Романовске (Красная Поляна) Сочинского округа в «Союзе русского народа» находилось без исключения все дееспособное мужское население, т. е. в возрасте с 18 лет» (Черкасов, 2009: 92). В то же время А.А. Черкасову не удалось обнаружить значимых примеров, связанных с позитивной социальной ролью великодержавного патриотизма в мирное время. Целый ряд предложенных эмпирических фрагментов вызывает неподдельный интерес, например, занимательный сюжет, связанный с официальным созданием в 1910 г. в Российской империи потешных рот/школ военного строя (детские организации для начальной военной подготовки). В сочинской прессе синхронно появилась статья в пафосном стиле, в которой отмечалось: «... в нашем отечестве опять появились признаки народного энтузиазма. Признаки былой мощи и силы России. Той России, которая дала воинов Святославу, Владимиру и Дмитрию Донскому. Той России, которая дала потешные полки Петру I, ставшие очень скоро из потешных грозными и непобедимыми. Той России, которая дала Суворовских чудо-богатырей и Скобелевские железные батальоны. Да, народный энтузиазм просыпается! А в энтузиазме все!» (Черкасов, 2009: 93). Яркая и пространная цитата резюмируется спокойным фактографическим заключением А.А. Черкасова, согласно которому «к сожалению, неизвестно, была ли попытка создания потешной роты в Сочи или на территории

Черноморской губернии и каковы ее результаты» (Черкасов, 2009: 94). Подобный авторский подход полностью исключает из исследовательского оборота недостаточно верифицированные оценочные суждения, являющиеся очевидным результатом ментального конструирования.

Многочисленные работы А.А. Черкасова, посвященные историческому прошлому города Сочи, охватывают масштабный период от XIX в. (Черкасов, 2008: 3-6) до XXI в. (Guseva et al., 2010: 17-22). Безусловно, подобное увлечение локальной историей может быть оценено не только в контексте осознанного следования современным исследовательским трендам, но и как своеобразное профессиональное самоограничение, отвлечение историка от более общих и фундаментальных тем. Однако в современной России историческое краеведение не только заполняет существующие пробелы в обобщающих исследованиях, но и выполняет целый ряд значимых социальных функций, способствующих формированию локальной идентичности. При этом профессиональные историки не уделяют достаточного внимания предшествующему развитию отдельных населенных пунктов, что способствует широкому распространению деструктивных мифологизированных концепций, легко проникающих в общественное сознание и конструирующих искаженные ментальные стереотипы о «глубокой древности» или «культурной исключительности» малой Родины (Перетяtko, 2023: 26-54). В контексте указанного обстоятельства краеведческие нарративы, свободные от идеологических ограничений и опирающиеся на верифицированный эмпирический материал, следует рассматривать не только в качестве интересного результата исследовательской практики профессионального историка, но и в ракурсе эффективного противодействия социально ангажированному краеведению, опирающемуся на искусственно созданные мифы.

Историк, изучающий мир

В рамках последовательной творческой эволюции А.А. Черкасов значительно расширил тематический и хронологический диапазон собственных исследований, добившись серьезных результатов в комплексном изучении Гражданской войны на юге России и локальной реконструкции предшествующего развития сочинского региона. Создавая научную школу, он продемонстрировал готовность к последовательному поиску новых актуальных проблем, требующих вдумчивого анализа, независимого от политической или идеологической конъюнктуры. Подобный подход к исследовательской эвристике стал характерной чертой творческой деятельности А.А. Черкасова, которая детерминировалась как накопленным опытом, так и постоянным вниманием к общественным запросам, нередко совпадавшим с личными приоритетами. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что исследователь нередко возвращался к отдельным проблемам, предварительное изучение которых началось еще в студенческие годы. Кроме того, А.А. Черкасов руководствовался и объективными задачами, связанными с системным развитием собственной кафедры и студенческого научного клуба.

Однако в 2012 г. в Сочинском государственном университете сервиса и туризма был прекращен плановый набор будущих историков, что вынудило ученого оставить привычную роль кафедрального руководителя и прекратить постоянную работу студенческого научного клуба (Tarakanov, Ludwig, 2019: 915-916). Естественным следствием административных трансформаций стало последовательное сокращение авторского внимания к сочинской истории, рубежным аккордом которого стала интересная статья «Сталин в Сочи (по материалам зарубежной прессы 1945 г.)», датируемая 2014 г. и написанная в соавторстве с О.В. Натолочной (Натолочная, Черкасов, 2014: 147-151). Аналогичный процесс, связанный с системным изменением общей сферы исследовательских интересов, проявился и применительно к историческим событиям Гражданской войны, исследование которой А.А. Черкасов почти прекратил после совместной публикации с М. Шмигелем «The Civil war in Kuban and the Black Sea region (1917–1922): a historiographic overview» (Cherkasov, Šmigel, 2013: 74-94).

Дальнейшая творческая эволюция А.А. Черкасова неразрывно связана с системным поиском новых научных проблем, требующих глубокого анализа и одновременно сущностно интересных автору. Добившись масштабных исследовательских результатов в предшествующий период и обеспечив стартовые позиции для дальнейшей целенаправленной работы, он обращается к дифференцированным вопросам, связанным с различными историческими периодами и явлениями. Среди конкретных проблем, к которым была обращена творческая активность А.А. Черкасова в рассматриваемый период, следует выделить отдельные аспекты имперского противостояния на Западном Кавказе в XIX столетии (Karataev, Cherkasov, 2011: 143-146), специфические сюжетные линии Второй мировой войны, нетрадиционные для отечественной историографии (Šmigel, Cherkasov, 2013: 61-72), типологические особенности северокавказских дольменов (Пергат, Черкасов, 2012: 45-47) и даже локальную историю северной российской деревни (Черкасов, 2013: 15-35).

Подобное тематическое многообразие определяется не только социальной или научной конъюнктурой, но и закономерным стремлением профессионального ученого к максимально эффективному использованию собственных интеллектуальных ресурсов, обращаемых на комплексное познание объектов, представляющих личный эпистемологический интерес. В частности, многообразная и противоречивая история Второй мировой войны интересовала А.А. Черкасова со студенческих времен. Более того, при личном общении он сообщил, что собирался посвятить

указанной сложной проблеме и кандидатскую диссертацию, но после непростых размышлений отказался от исходной идеи. Являясь важной административной фигурой в вузе, А.А. Черкасов постепенно занялся исследованием педагогических и даже психологических проблем, что наглядно демонстрируют интересные статьи об актуальных вопросах российской педагогики (Черкасов, 2012: 142-145) и о панических атаках как социокультурном и ментальном явлении XX столетия (Natolochnaya, Cherkasov, 2014: 12-17).

Постоянный выбор новых исследовательских траекторий не только демонстрирует широкую эрудицию познающего субъекта, но и скрывает целый ряд потенциально проблемных факторов. По справедливому замечанию Л.Н. Гумилева, «... историческая наука в XX в. так расплзлась вширь и вглубь, что историк, скажем, итальянского Возрождения оказывается по отношению к истории Индии или Китая просто квалифицированным читателем» (Гумилев, 2002: 16). Существенный рост эмпирического материала, вводимого в научный оборот, на первый взгляд, детерминирует объективную необходимость локализации ученым собственного исследовательского поля, в рамках которого можно реконструировать и верифицировать конкретные факты. Длительная и целенаправленная работа над хронологически ограниченным периодом или узкой темой позволяет точнее представить общественный менталитет, специфические особенности межличностных отношений и микроисторические контексты рассматриваемой эпохи. Однако если бы профессиональные историки занимались исключительно узкой проблематикой (чаще всего связанной с конкретной научной школой), развитие научного знания осуществлялось бы в замедленном формате, оставляющем масштабные лакуны как в обобщающих концепциях, так и в фактическом материале. В контексте указанного обстоятельства невозможно отрицать, что смелый научный поиск, ориентированный на постоянное обновление актуальной тематики, может быть одним из вариантов эволюции современного историка. При этом объективные особенности творческой активности А.А. Черкасова существенно снижают возможные риски, связанные с перманентным переходом на новые поля исследовательской практики. Накопленный профессиональный опыт, связанный с комплексным изучением различных периодов и дифференцированных проблем, постоянное внимание к эпистемологической эвристике в совокупности определяют успешный характер дифференцированных исследований историка. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что разнообразные работы А.А. Черкасова расширяют существующие научные представления об избранных явлениях, но, как правило, не претендуют на концептуальное обобщение или последовательную констатацию итоговых результатов.

Значимым примером подобного подхода является масштабная монография «История 533-го стрелкового Одерского полка», изданная в 2022 г. (Черкасов, 2022). В настоящее время многочисленные вопросы, связанные с комплексным исследованием Второй Мировой/Великой Отечественной войны, имеют дискуссионный характер, что определяется не только реальной спецификой познавательной деятельности, но и политическими факторами, не имеющими прямой связи с исторической наукой. В сложных условиях А.А. Черкасов остается верен собственным исследовательским принципам. Он избрал оригинальный микроисторический ракурс, позволяющий исключить ненужные аксиологические и концептуальные дискуссии. Объектом заинтересованного внимания становится «повседневная жизнь полка в условиях Второй мировой войны», реконструируемая на основе системного анализа значительного источникового комплекса (Черкасов, 2022: 5). Военная повседневность оценивается А.А. Черкасовым не в рамках компилятивного анализа предшествующих нарративов, а с опорой на новые фактические данные, выявленные в результате фундаментального анализа архивных документов, образовавшихся в штабной работе 533-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии. В известном смысле монографическое исследование представляет собой подробную хронику, описывающую повседневную жизнедеятельность избранного подразделения с ежедневной точностью (Черкасов, 2022: 5-6).

Выводы, сделанные А.А. Черкасовым в рассматриваемой монографии, также имеют фактографический характер, но они важны для комплексной реконструкции военной повседневности Восточного фронта Второй мировой войны. Внимательный исследователь установил, что 533-й стрелковый полк в боевой период 12 раз терял реальную боеспособность и/или заново формировался, хотя понесенные потери были «сравнительно небольшие» по сравнению с другими аналогичными подразделениями (Черкасов, 2022: 238). Страшные цифры сухой статистики получили логичное объяснение, согласно которому полковые наступательные операции «практически всегда» осуществлялись без системной поддержки военно-воздушных сил, а «иногда» – и без «должной артиллерийской поддержки» (Черкасов, 2022: 239). А.А. Черкасов попытался поименно выявить каждого военнослужащего рассматриваемого полка и установил персональные данные 2,5 тыс. человек. Хотя он полагает, что за военный период через штатный состав изучаемого подразделения прошло около 30 тыс. человек (единовременная численность личного состава – не более 3,1 тыс. человек), но выявить реальные имена большей части неустановленных солдат и офицеров не позволила объективная ограниченность источниковой базы (Черкасов, 2022: 238-240).

Применительно к исследовательскому опыту, связанному с системными обобщениями, следует выделить интересную статью А.А. Черкасова, посвященную комплексной оценке системы

образования в России в конце XIX – начале XX столетия (Cherkasov, 2011: 138-149). Опираясь на дифференцированные статистические данные, А.А. Черкасов доказывает, что Российская империя к 1917 г. фактически ввела всеобщее начальное образование (реальный охват детского населения приближался к 100 %) (Cherkasov, 2011: 138-149). Но историк не пытается предложить собственную оценку более сложным и дискуссионным вопросам, связанным с качественными характеристиками образовательных практик, лингвистическими и организационными аспектами педагогической деятельности на национальных окраинах, системной достоверностью имеющейся официальной статистики. В соответствии со своими исследовательскими практиками А.А. Черкасов фиксирует доступный и верифицированный фактический материал, уточняющую оценку которого он оставляет многочисленным коллегам, работающим в рассматриваемой предметной области. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что в рамках дальнейших исследований, осуществлявшихся небольшим коллективом заинтересованных специалистов, он реконструировал количественные данные, характеризующие системное развитие образовательной системы в территориальных границах отдельных губерний Российской империи (Вологодская губерния (Cherkasov et al., 2019: 208-214); Терская область (Cherkasov et al., 2020b: 963-970), Воронежская губерния (Cherkasov et al., 2020a: 202-211), Черноморская губерния (Черкасов и др., 2020: 750-770).

Археограф

Разнообразные и оригинальные труды А.А. Черкасова построены на значительном эмпирическом материале, последовательная реконструкция которого стала возможной благодаря масштабной архивной эвристике, способствовавшей введению в научный оборот широкого спектра новых исторических источников. Выявленные исторические свидетельства не только использовались в авторской исследовательской практике, но и представлялись профессиональной корпорации ученых и широкой общественности в рамках профильных публикаций. Наиболее значимым результатом археографической работы А.А. Черкасова следует признать масштабный документальный сборник «Черкесские невольничьи повествования», опубликованный в рамках соответствующего раздела известного журнала «Былые годы» (Cherkasov, 2020: 1415-2266). В общей сложности было представлено 1,2 тыс. разнообразных документов, посвященных специфическому рабовладению в территориальных границах исторической Черкесии (большая часть опубликованных материалов впервые вводилась в научный оборот) (Cherkasov, 2020: 1416). Содержательным параметрам рассматриваемого сборника посвящен целый ряд специальных рецензий, характеризующих авторские решения, связанные с последовательным обзором презентуемых исторических свидетельств (Peretyatko, 2021: 302-313; Trut, 2021: 58-65; Магсумов, Ковзик, 2021: 284-287). Однако следует обратить особое внимание на то существенное обстоятельство, что в колоссальной археографической работе проявились очевидные черты, свойственные индивидуальному творческому стилю А.А. Черкасова. Он провел системную работу в Государственном архиве Краснодарского края, направленную на выявление документальных комплексов, характеризующих избранную проблематику. Однако, в отличие от классических подходов, традиционных для отечественной археографии, А.А. Черкасов отказался от содержательной выборки исторических свидетельств и опубликовал все обнаруженные «документы, непосредственно связанные с рабовладением на территории Черкесии» (Cherkasov, 2020: 1416). В результате потенциальному читателю оказался доступен широкий спектр разнообразных источников по актуальной проблематике, но авторская оценка эпистемологической ценности представленного материала была исключена из проектных рамок. В современных условиях подобный подход является достаточно перспективным вариантом археографической практики, обеспечивающим свободный доступ к необходимой источниковой базе и одновременно инициирующим содержательную дискуссию об опубликованных материалах как внутри профессиональной корпорации, так и в заинтересованной общественной среде (Magsumov et al., 2021: 97-109; Nikitin, 2023: 24-35; Черкесские невольничьи..., 2022). В известном смысле можно говорить о предложенном адекватном варианте системной популяризации исторического знания, исключаящего «единственно верные оценки» и «выверенные» характеристики значимых событий и выдающихся личностей.

3. Заключение

В целом творческое наследие А.А. Черкасова трудно поддается унифицированной характеристике, что определяется, в первую очередь, тематическим разнообразием рассмотренных работ. Однако можно выделить несколько основных черт, определяющих внутреннее содержание исследовательской лаборатории историка.

1) Приоритетное значение верифицированного эмпирического материала, комплексный анализ которого приводит к очевидным выводам, не содержащим необоснованных предположений и безосновательных объяснительных моделей. Подобный подход не тождественен известной методологической доктрине Л. фон Ранке, он в большей степени отражает концепт «правдивой

истории» из приведенной нами цитаты В.Е. Щетнева, основанной на безусловном первенстве источникового знания.

2) Постоянное стремление к новым полям исследовательской практики, отражающее, прежде всего, эволюционную трансформацию собственных эпистемологических интересов. Последовательное решение возникающих познавательных задач осуществляется на основе органичного сочетания расширяющейся профессиональной эрудиции и целенаправленного привлечения талантливых партнеров, способных к совместной проектной деятельности.

3) Масштабная археографическая практика определяет постоянное расширение эмпирического фундамента исследовательской деятельности, равно как и системное введение в научный оборот новых источников. Самостоятельная эвристическая работа, осуществляемая А.А. Черкасовым, расширяет не только личные творческие горизонты историка, но и формирует локальные поля познавательной деятельности для других представителей профессиональной корпорации.

4) Сознательный отказ от неочевидных идеологизированных или эмоциональных обобщений, равно как и от «потребительского отношения к историческим источникам», практическое использование которых детерминировано исключительно потенциальной возможностью эмпирического подтверждения авторских выводов. Альтернативной моделью исторического построения становится максимально подробная и детальная реконструкция общего хода исторических событий, которая может быть охарактеризована как интеллектуальное эмпирическое конструирование, несовместимое с механической интеграцией разнообразных фактов, свойственной современным адептам «первого позитивизма».

Часть выделенных особенностей творческого стиля А.А. Черкасова сформировалась под непосредственным влиянием научных наставников В.Е. Щетнева и В.Н. Ратушняка, которые являлись не корпоративными менторами, а подлинными учителями, стремившимися развить системные способности талантливого ученика. Другие элементы исследовательской лаборатории историка являются отражением индивидуального научного мировоззрения, сложившегося в рамках системной интеллектуальной деятельности. В целом следует признать, что А.А. Черкасову удалось достичь значимых исследовательских результатов, сохранив авторскую индивидуальность и внутреннюю цельность исходных аксиологически принципов.

Литература

- Бершадская, 2014** – Бершадская О.В. Сочинская историческая школа: памяти профессора В.Е. Щетнева // *Вестник КИГИТ*. 2014. № 6 (47). С. 32–47.
- Венков, 2012** – Венков А.В. Вешенское восстание. М., 2012. 336 с.
- Гумилев, 2002** – Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 2002. 464 с.
- Ермачков, 2016** – Ермачков И.А. Город-курорт Сочи в период перестройки (1985–1991 гг.): социально-экономический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2016. 226 с.
- Иванцов, 2009** – Иванцов В.Г. Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1894–1917). Сочи, 2009. 242 с. // *Былые годы. Черноморский исторический журнал*. 2009. № 2 (12). С. 77–78.
- Козлов, 1972** – Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 1972. 165 с.
- Козлов, 1990** – Козлов А.И. Царицынский «опыт» // *Историки отвечают на вопросы*. Вып. 2. М., 1990. С. 244–253.
- Магсумов, Ковзик, 2021** – Магсумов Т.А., Ковзик Г.О. Черкесские невольничьи повествования (Сборник документов) // *Вопросы истории*. 2021. № 7, ч. 2. С. 284–287.
- Матвеев, 2023** – Матвеев О.В. Научные школы и направления в изучении истории и культуры кубанского казачества в Краснодарском крае (2000–е гг.) / Перспективы изучения казачьей истории в условиях новых вызовов времени. Ростов-на-Дону, 2023. С. 71–90.
- Натолочная, Черкасов, 2014** – Натолочная О.В., Черкасов А.А. Сталин в Сочи (по материалам зарубежной прессы 1945 г.) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2014. № 3–4. С. 147–151.
- Очерки..., 2006** – Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. проф. В.Е. Щетнева. В 4 т. Т. 1. Сочи, 2006. 488 с.
- Пергат, Черкасов, 2012** – Пергат А.А., Черкасов А.А. Типология дольменов. Дольмены-монолиты // *Русская старина*. 2012. № 2 (6). С. 45–47.
- Перетяцько, 2023** – Перетяцько А.Ю. Между наукой и мифом: наблюдения над конструированием историй пяти поселений Юга России в 2010–2020 гг. // *Историческая экспертиза*. 2023. № 2. С. 26–54.
- Полякова, 2018** – Полякова Л.Г. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны (на материалах периодической печати): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018. 201 с.
- Сивков, 2012** – Сивков С.М. Профессор А.И. Козлов: от изучения истории Гражданской войны к осмыслению тоталитаризма / *Историки, научные школы и исторические сообщества Юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства*. Краснодар, 2012. С. 37–43.

- Сивков, 2014** – Сивков С.М. В.Е. Щетнев: путь историка // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2014. № 3-4. С. 27-30.
- Таран, 2011** – Таран К.В. Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 225 с.
- Чекерес, Черкасов, 2005** – Чекерес О.Ю., Черкасов А.А. К вопросу о снабжении сочинских госпиталей в годы Великой Отечественной войны // *История и истории в контексте времени*. 2005. № 3. С. 70-79.
- Черкасов и др., 2020** – Черкасов А.А., Братановский С.Н., Королева Л.А. Система народного просвещения на территории Черноморской губернии в 1896–1917 гг. Часть 1 // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 750-770.
- Черкасов, 2003** – Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003. 194 с.
- Черкасов, 2006a** – Черкасов А.А. К вопросу о периодизации Гражданской войны на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.) // *Клио*. 2006. № 4. С. 161-165.
- Черкасов, 2006b** – Черкасов А.А. Попытка спасения царской семьи: Сочинский след // *Былые годы. Черноморский исторический журнал*. 2006. № 1. С. 6-14.
- Черкасов, 2007** – Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917 – 1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007. 368 с.
- Черкасов, 2008** – Черкасов А.А. Экономика и курорт: продовольственное обеспечение Сочи (дореволюционный опыт) // *Былые годы. Черноморский исторический журнал*. 2008. № 1. С. 3-6.
- Черкасов, 2009** – Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1894–1917). Сочи, 2009. 242 с.
- Черкасов, 2012** – Черкасов А.А. О проблемах оптимизации процесса обучения в условиях высшей школы при переходе к болонской системе образования (на примере преподавания «Истории России») // *Известия Сочинского государственного университета*. 2012. № 1. С. 142-145.
- Черкасов, 2013** – Черкасов А.А. Из истории российской северной деревни: Кереть // *Русская старина*. 2013. № 1 (7). С. 15-35.
- Черкасов, 2022** – Черкасов А.А. История 533-го стрелкового Одерского полка (1941–1945 гг.). Сочи, 2022. 336 с.
- Черкесские невольничьи..., 2022** – Черкесские невольничьи повествования. Обзор на сборник документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XpKL9rHZZZM> (дата обращения: 14.06.2024).
- Щетнев, 2006** – Щетнев В.Е. Краеведение и историческая наука // *Былые годы. Черноморский исторический журнал*. 2006. № 1. С. 3-6.
- Cherkasov et al., 2019** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1). Pp. 208-214.
- Cherkasov et al., 2020a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1). Pp. 202-211.
- Cherkasov et al., 2020b** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4). Pp. 963-970.
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10). Pp. 138-149.
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57–1. Is. 3–1 (Special issue). Pp. 1415–2266.
- Cherkasov, Šmigel', 2013** – Cherkasov A.A., Šmigel' M. The Civil war in Kuban and the Black Sea region (1917-1922): a historiographic overview // *Voennyi Sbornik*. 2013. № 2 (2). Pp. 74-94.
- Cherkasova, 2022** – Cherkasova I.Yu. Cherkas Global University (1992–2022): Yesterday, Today, Tomorrow // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3). Pp. 1039–1047.
- Guseva et al., 2010** – Guseva A.V., Mamadaliev A.M., Natolochnaya O.V., Cherkasov A.A. Zone of Sochi-2014 Olympic Sites and Its Historical and Cultural Heritage // *European Researcher*. 2010. № 1. Pp. 17-22.
- Karataev, Cherkasov, 2011** – Karataev V.B., Cherkasov A.A. Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // *European researcher*. 2011. № 2 (4). Pp. 143-146.
- Magsumov et al., 2021** – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives” // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. Is. 1 Pp. 97-109.
- Natolochnaya, Cherkasov, 2014** – Natolochnaya O.V., Cherkasov A.A. Panic Attack as the Syndrom of the XXI Century // *European Journal of Psychological Studies*. 2014. Vol. (1). № 1. Pp. 12-17.

[Nikitin, 2023](#) – *Nikitin S.M.* To the Issue of the Evolution of Questionnaires of Prisoners and Slaves from Circassia who Fled to Russia in 1810–1857 (using the example of “Circassian Slave Narratives”) // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. Vol. 8(1). Pp. 24-35.

[Peretyatko, 2021](#) – *Peretyatko A.Yu.* The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. Vol. 66. Is. 1. Pp. 302-313.

[Šmigel', Cherkasov, 2013](#) – *Šmigel' M., Cherkasov A.A.* The 14th Waffen-Grenadier-Division of the SS «Galizien No. 1» in Slovakia (1944–1945): Battles and Repressions // *Bylye Gody*. 2013. № 28 (2). Pp. 61-72.

[Tarakanov, Ludwig, 2019](#) – *Tarakanov V.V., Ludwig S.D.* Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity) // *Bylye Gody*. 2019. 53(3). Pp. 914-920.

[Trut, 2021](#) – *Trut V.P.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415–2266 (A Special Issue) // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 58-65.

References

[Bershadskaya, 2014](#) – *Bershadskaya, O.V.* (2014). Sochinskaya istoricheskaya shkola: pamyati professora V.E. Shchetneva [Sochi historical school: in memory of professor V.E. Shchetnev]. *Vestnik KIGIT*. 6(47): 32-47. [in Russian]

[Chekeres, Cherkasov, 2005](#) – *Chekeres, O.Yu., Cherkasov, A.A.* (2005). K voprosu o snabzhenii sochinskikh gospiitalei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [On the question of the Sochi hospitals' supplying during the years of the Great Patriotic War]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 3: 70-79. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2019](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov, 2003](#) – *Cherkasov, A.A.* (2003). Krest'yanskoe dvizhenie na Chernomor'e v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny [Peasant movement in Chernomor'e in the period of Revolution and Civil War]. Krasnodar, 194 p. [in Russian]

[Cherkasov, 2006a](#) – *Cherkasov, A.A.* (2006). K voprosu o periodizatsii Grazhdanskoi voiny na Kubani i Chernomor'e (1917–1922 gg.) [To the issue of periodization of the Civil War in Kuban and Chernomor'e]. *Klio*. 4: 161-165. [in Russian]

[Cherkasov, 2006b](#) – *Cherkasov, A.A.* (2006). Popytka spaseniya tsarskoi sem'i: Sochinskii sled [An attempt of saving the royal family. Sochi trace]. *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 1: 6-14. [in Russian]

[Cherkasov, 2007](#) – *Cherkasov, A.A.* (2007). Grazhdanskaya voina na Kubani i Chernomor'e (1917 – 1922 gg.): «tret'ya sila» v sotsial'no-politicheskom protivostoyanii [The Civil War in Kuban and Chernomor'e (1917 – 1922): the “third power” in the socio-political confrontation]. Sochi, 368 p. [in Russian]

[Cherkasov, 2008](#) – *Cherkasov, A.A.* (2008). Ekonomika i kurort: prodovol'stvennoe obespechenie Sochi (dorevol'yutsionnyi opyt) [The economy and the resort: Soch food supply (pre-revolutionary period)]. *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 1: 3-6. [in Russian]

[Cherkasov, 2009](#) – *Cherkasov, A.A.* (2009). Tsentr i okrainy: Sochi v period tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II (1894–1917) [Center and periphery: Sochi in the period or rulership of the Emperor Nikolai II (1894–1917)]. Sochi, 242 p. [in Russian]

[Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & History*. 2(10): 138-149.

[Cherkasov, 2012](#) – *Cherkasov, A.A.* (2012). O problemakh optimizatsii protsessa obucheniya v usloviyakh vysshei shkoly pri perekhode k bolonskoi sisteme obrazovaniya (na primere prepodavaniya «Istorii Rossii») [Higher Education Optimization When Passing to Bologna System of Education (“History of Russia” Case Study)]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 142-145. [in Russian]

[Cherkasov, 2013](#) – *Cherkasov, A.A.* (2013). Iz istorii rossiiskoi severnoi derevni: Keret' [From the history of a Russian northern village: Keret']. *Russkaya starina*. 1(7): 15-35. [in Russian]

[Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. Is. 3-1 (Special issue): 1415-2266.

- Cherkasov, 2022 – Cherkasov A.A. (2022) Istoriya 533-go strelkovogo Oderskogo polka (1941–1945 gg.) [The History of the 533rd Oder Rifle Regiment (1941–1945)]. Sochi, 336 p. [in Russian]
- Cherkasov, Šmigel', 2013 – Cherkasov, A.A., Šmigel', M. (2013) The Civil war in Kuban and the Black Sea region (1917–1922): a historiographic overview. *Voennyy Sbornik*. 2(2): 74–94.
- Cherkasova, 2022 – Cherkasova, I.Yu. (2022). Cherkas Global University (1992–2022): Yesterday, Today, Tomorrow. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1039–1047.
- Cherkesskie nevol'nich'i..., 2022 – Cherkesskie nevol'nich'i povestvovaniya. Obzor na sbornik dokumentov [The Circassian Slave Narratives. Review on the Documentary Collection]. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XpKL9rHZZZM> (date of access: 14.06.2024). [in Russian]
- Ermachkov, 2016 – Ermachkov, I.A. (2016). Gorod-kurort Sochi v period perestroiki (1985–1991 gg.): sotsial'no-ekonomicheskii aspekt. Dis. ... kand. ist. nauk [The city-resort of Sochi in Perestroika period (1985–1991): socio-economic aspect. PhD History thesis.]. Krasnodar, 226 p. [in Russian]
- Gumilev, 2002 – Gumilev, L.N. (2002). V poiskakh vymyshlennogo tsarstva [In search of fictional kingdom]. Moscow, 464 p. [in Russian]
- Guseva et al., 2010 – Guseva, A.V., Mamadaliev, A.M., Natolochnaya, O.V., Cherkasov, A.A. (2010). Zone of Sochi-2014 Olympic Sites and Its Historical and Cultural Heritage. *European Researcher*. 1: 17–22.
- Ivantsov, 2009 – Ivantsov, V.G. (2009). Cherkasov A.A. Tsentri i okrainy: Sochi v period tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II (1894–1917). Sochi, 2009. 242 s. [Cherkasov A.A. Center and periphery: Sochi in the period of rulership of the Emperor Nikolai II (1894–1917). Sochi, 2009. 242 p.]. *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 2(12): 77–78. [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2011 – Karataev, V.B., Cherkasov, A.A. (2011). Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854. *European researcher*. 2(4): 143–146.
- Kozlov, 1972 – Kozlov, A.I. (1972). Bor'ba trudyashchikhsya Chernomor'ya za vlast' Sovetov (1917–1920 gg.) [Chernomor'e workpeople's struggle for Soviet rule (1917–1920)]. Rostov-on-Don, 165 p. [in Russian]
- Kozlov, 1990 – Kozlov, A.I. (1990). Tsaritsynskii «opyt» [Tsaritsyno “experience”]. *Istoriki otvechayut na voprosy*. Is. 2, Moscow, Pp. 244–253. [in Russian]
- Magsumov et al., 2021 – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2021). The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives”. *Bylye Gody*. 16(1): 97–109.
- Magsumov, Kovzik, 2021 – Magsumov, T.A., Kovzik, G.O. (2021). Cherkesskie nevol'nich'i povestvovaniya (Sbornik dokumentov) [The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)]. *Voprosy istorii*. 7, Ch. 2. Pp. 284–287. [in Russian]
- Matveev, 2023 – Matveev, O.V. (2023). Nauchnye shkoly i napravleniya v izuchenii istorii i kultury kubanskogo kazachestva v Krasnodarskom krae (2000-e gg.) [Scientific schools and directions in the researching of history and culture of the Kuban Cossacks in Krasnodar Region (2000s)]. *Perspektivy izucheniya kazach'ei istorii v usloviyakh novykh vyzovov vremeni*, Rostov-on-Don. Pp. 71–90. [in Russian]
- Natolochnaya, Cherkasov, 2014 – Natolochnaya, O.V., Cherkasov, A.A. (2014). Panic Attack as the Syndrom of the XXI Century. *European Journal of Psychological Studies*. 1(1): 12–17.
- Natolochnaya, Cherkasov, 2014 – Natolochnaya, O.V., Cherkasov, A.A. (2014). Stalin v Sochi (po materialam zarubezhnoi pressy 1945 g.) [Stalin in Sochi (by the materials of foreign press of 1945)]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal*. 3–4: 147–151. [in Russian]
- Nikitin, 2023 – Nikitin, S.M. (2023). To the Issue of the Evolution of Questionnaires of Prisoners and Slaves from Circassia who Fled to Russia in 1810–1857 (using the example of “Circassian Slave Narratives”). *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 24–35.
- Ocherki..., 2006 – Ocherki istorii Bol'shogo Sochi / Pod obshch. red. prof. V.E. Shchetneva. V 4 t. T. 1 [Essays of the Big Sochi. Under gen. ed. of prof. V.E. Shchetnev. In 4 volumes. Vol. 1]. Sochi, 488 p. [in Russian]
- Peretyatko, 2021 – Peretyatko, A.Yu. (2021). The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 66(1): 302–313.
- Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2023). Mezhdru naukoj i mifom: nablyudeniya nad konstruirovaniem istorii pyati poselenii Yuga Rossii v 2010–2020 gg. [Between science and myth: observations on the constructing of histories of five settlements of South Russia in 2010–2020]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2: 26–54. [in Russian]
- Pergat, Cherkasov, 2012 – Pergat, A.A., Cherkasov, A.A. (2012). Tipologiya dol'menov. Dol'meny-monolity [Typology of the dolmens. Dolmen-monoliths]. *Russkaya starina*. 2(6): 45–47. [in Russian]
- Polyakova, 2018 – Polyakova, L.G. (2018) Chernomorskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh periodicheskoi pechati): dis. ... kand. ist. nauk [Black Sea Governorate in the year of World War I (by the material of periodic press): PhD History thesis.]. Volgograd, 201 p. [in Russian]
- Shchetnev, 2006 – Shchetnev, V.E. (2006). Kraevedenie i istoricheskaya nauka [Local history and historical science]. *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 1: 3–6. [in Russian]
- Sivkov, 2012 – Sivkov, S.M. (2012). Professor A.I. Kozlov: ot izucheniya istorii Grazhdanskoi voiny k osmysleniyu totalitarizma [Professor A.I. Kozlov: from the studies of the history of the Civil War to reflecting

on totalitarianism]. *Istoriki, nauchnye shkoly i istoricheskie soobshchestva Yuga Rossiiskoi imperii, SSSR i postsovetского prostranstva*, Krasnodar. Pp. 37-43. [in Russian]

Sivkov, 2014 – *Sivkov, S.M.* (2014) V.E. Shchetnev: put' istorika [V.E. Shchetnev: a historian's path]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal*. 3-4: 27-30. [in Russian]

Šmigel', Cherkasov, 2013 – *Šmigel' M., Cherkasov A.A.* (2013) The 14th Waffen-Grenadier-Division of the SS «Galizien No. 1» in Slovakia (1944–1945): Battles and Repressions. *Bylye Gody*. 28(2): 61-72.

Tarakanov, Ludwig, 2019 – *Tarakanov, V.V., Ludwig, S.D.* (2019) Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity). *Bylye Gody*. 53(3): 914-920.

Taran, 2011 – *Taran, K.V.* (2011). Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Chernomorskoj gubernii v period Pervoi rossiiskoi revolyutsii: 1905–1907 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [Socio-political movement in the Black Sea Governorate during the period of the First Russian Revolution: 1905–1907. PhD History thesis]. Stavropol, 225 p. [in Russian]

Trut, 2021 – *Trut, V.P.* (2021). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye Gody*. 2020. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266 (A Special Issue). *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 58-65.

Venkov, 2012 – *Venkov, A.V.* (2012) Veshenskoe vosstanie [Vyoshenskaya Uprising]. Moscow, 336 p. [in Russian]

«Мы обязаны об истории говорить правду»: исследовательская лаборатория А.А. Черкасова

Николай Александрович Мининков^{a, *}, Артем Юрьевич Перетяtko^{b, c},
Николай Алексеевич Трапш^{a, d}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье, написанной в связи с пятидесятилетием главного редактора журнала «Былые годы» А.А. Черкасова, предпринимается попытка проанализировать эволюцию его творчества и выявить базовые принципы научной деятельности историка. Показано, что систематизации и обобщению творчества А.А. Черкасова мешает его тематическое многообразие. Начиная как историк Гражданской войны 1918–1922 гг. на юге России, исследователь затем обратился к истории города Сочи, а с 2010 гг. обращается к самым различным вопросам, в том числе, выходящим за пределы исследовательского поля исторической науки. Тем не менее, авторы приходят к выводу, что для творчества А.А. Черкасова характерны 4 особенности: 1) приоритет верифицируемого эмпирического материала; 2) постоянное стремление к новым полям исследовательской практики; 3) масштабная археографическая практика; 4) сознательный отказ от неочевидных идеологизированных или эмоциональных обобщений. Подобные особенности творчества, с одной стороны, связывают А.А. Черкасова с научными школами В.Е. Щегнева и В.Н. Ратушняка, но, с другой стороны, являются отражением индивидуального научного мировоззрения.

Ключевые слова: историография, история Гражданской войны, история Сочи, история Великой Отечественной войны, публикация архивных документов, А.А. Черкасов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mininkov@aanet.ru (Н.А. Мининков),

ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko), dukekeleshbey@gmail.com (Н.А. Трапш)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1005-1018
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1005

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Christianization of the Samoyeds in the European North of Russia in the XVI–XIX centuries

Aleksandr M. Tamitskiy ^{a, *}, Olga V. Eseeva ^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The analysis of the historical experience of state governance and the implementation of church-state policy, including at the regional level, serves as a resource for adaptive management in the context of modern diversity of the socio-cultural environment and the need for harmonization of interethnic and interfaith relations. The spread of Christianity among the small-numbered peoples of the European North in the 16th–19th centuries was an attempt to integrate them into Russian society. The preservation of identity, the synthesis of indigenous and introduced elements is evidence not only of religious syncretism but also of the uniqueness of the Christianization processes of the specified period. The purpose of the article is to present the periods of Christianization of the Samoyeds in the European North of Russia in the 16th–19th centuries. The source base of the research is represented by materials of legislative acts of the Russian Empire, 29 funds of the Arkhangelsk Spiritual Consistory of the State Archive of the Arkhangelsk Region, and regional periodicals. The research methods were historical-comparative and problem-chronological. According to the results of the study, four periods of the implementation of church-state policy on the Christianization of the Samoyeds in the European North of Russia in the 16th–19th centuries were identified. In the first period (late 16th century - early 19th centuries), Christianization was carried out through the education and activities of individual missionaries among the local population. The second period (1825–1830) is characterized by mass baptism and attempts to convert the Samoyeds to the church. Within the framework of the third period (1830–1880), the creation of parishes in the Nenets tundra and the churching of the Samoyeds by the parish clergy were recorded. The fourth period (1887–1899) is characterized by missionary activity on Novaya Zemlya and the creation of monastic sketes in the tundra of the European North of Russia.

Keywords: European North, Arkhangelsk Governorate, Christianization, Samoyeds, Nenets, spiritual missions, missionary activity.

1. Введение

В многонациональном и поликонфессиональном государстве в числе наиболее важных социально-политических задач выступает достижение стабильности и гармонии в отношениях между населяющими страну народами при сохранении целостности и суверенитета (Zaikov, Tamitskiy, 2016). Обращение к историческому опыту государственного управления, реализации церковно-государственной политики в отдельных регионах страны с учетом их специфики является инструментом для адаптивного управления в условиях разнообразия социокультурной среды. При этом европейский север России, где «формировались основы российской государственности и русской культуры» (Шабает, 2015: 107), играл важную роль в процессах нациестроительства в России, имеющей глубокие традиции освоения северных территорий (Шабает и др., 2017).

Одним из направлений церковно-государственной политики в XVI–XIX вв. являлась интеграция самоедов в российское общество через распространение христианства среди их

* Corresponding author

E-mail addresses: a.tamitskij@narfu.ru (A.M. Tamitskiy), o.eeseeva@narfu.ru (O.V. Eseeva)

представителей. Ненцы или «самоеды», «самояди» (к ним относились также энцы и нгасаны) (Колычева, 1956: 76), в XVII-XVIII вв. в большей степени проживали на территории между Мезенью и Уральским хребтом на Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах. Некоторые их группы заходили гораздо западнее, в бассейны рек Пинеги и Северной Двины, а также далее в низовьях реки Онеги (ЭИНС, 1982).

Численность самоедов, располагавшихся в европейской части страны, в 1802 году составляла 3 078 чел. (Пошман, 1866: 4), в 1844 г. – 5 540 чел. (ТАН, 1924: 15), в 1920 г. – 3 344 чел. (ТАН, 1924: 15).

Несмотря на длительность процесса христианизации, самоеды и их нынешние преемники ненцы смогли сохранить самобытную культуру и традиционные формы хозяйствования. Сохранение этнической общностью своей уникальной идентичности свидетельствует, с одной стороны, о наличии адаптационных механизмов культурного синтеза, а с другой, – о балансе между привнесенными и исконными элементами культуры. Данный опыт может быть полезен для использования в управлении этнокультурным разнообразием и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах современной России.

Целью данной статьи выступает представление периодов христианизации самоедов на европейском севере России в XVI-XIX вв.

2. Материалы и методы

Статья выполнена на материалах законодательных актов Российской империи, 29 фонда Архангельской духовной консистории Государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация), региональной периодической печати официального издания Архангельской губернии «Архангельские губернские ведомости» (АГВ) и печатного органа Архангельской и Холмогорской епархии «Архангельские епархиальные ведомости» (АЕВ).

Исследование основывалось на принципах историзма и целостности. Примененными общенаучными методами стали историко-сравнительный и проблемно-хронологический. Первый метод позволил сопоставить различные периоды христианизации самоедов, выделить в них общее и особенное, второй – обнаружить историческую преемственность процесса распространения христианства среди самоедов, проживавших на территории Европейского Севера России в рассматриваемый период времени.

3. Обсуждение

Сведения о процессе христианизации и освоении северных земель сохранились до наших дней и дают представление о взаимодействии между миссионерами и самоедами в XVI – начале XX вв. (Верещагин, 1849; Бартенев, 1896; Иславин, 1847).

Дневниковые записи самих миссионеров (Вениамин, 1850; Вениамин, 1851; Вениамин, 1855) и путешественников (Истомин, 1889; Латкин, 1853; Борисов, 1907; Ермилов, 1888; Иславин, 1847), а также политических деятелей (Энгельгард, 1897) характеризуют методы миссионерской деятельности, традиционные верования самоедов, влияние христианизации на их образ жизни и культуру. В современной научной литературе представлена роль миссионеров в христианизации самоедов (Кильдяшова и др., 2022; Toulouze, 2011; Vallikivi, 2003).

Исследователи (Журавский, 1911; Танфильев, 1911; Георги, 1799; Schrenk, 1848-1854; Козмин, 1913) анализируют культурные, этнографические и природные аспекты жизни самоедов, описывая их быт, верования, а также географические и климатические особенности региона, где они проживали.

Автор В.А. Иславин в своей работе приводит доказательства длительного владения самоедами тундрой. Так, в XI в. о существовании самоедов пишет еще Нестор: «...Югра же суть язык немь, и соседят с Самоядью на полунощных странах». Имеются жалобы самоедов на притеснения, подаваемые царям и великим князьям, которые, как правило, разрешались Высочайше жалованными грамотами. Отмечается, что сохранились Грамота, жалованная Канинским и Тиунским Самоедам Царем и Великим Князем Иоанном IV Васильевичем 1545 г. Апреля 15 дня, в защиту от Печерян (Пустозерцев) и Пермьяков (Зырян); Грамота в Кевролу и на Мезень тамошнему Воеводе о том, чтобы Самоеды Меншичко Апицын и товарищы, и Семейко Вотеев владели реками Индигою да Волонгою по прежнему 1631 г. Сентября 7; Царская грамота Кеврольскому и Мезенскому Воеводе Воейкову об оказании тамошним Самоедам защиты от нападения Югорских и Лизовых Самоедов, и о невзымании с них излишних поборов 1688 г. Марта 10; Две грамоты, последовавшие в Пустозерск 1626 г. августа 5 дня на имя воеводы Волынцова и 1695 г. на имя Стольника Новосильцева; Переписи писцов Пустозерской Воеводской Канцелярии 1564, 1574, 1601 и 1625 годов; несколько оброчных записей; окладные ведомости о числе ясачной подати, следующей с Самоедов (Иславин, 1847).

В 1545 году царь Иоанн Грозный даровал канинским и тиманским самоедам жалованную грамоту, согласно которой они получили право владеть рыбными ловлями и звериными угодьями, за исключением некоторых тоней, отданных церквям и слободке; запретил отнимать у самоедов их угодья, взаимоотношения между самоедами, печерянами, пермяками и русскими должны были строиться в соответствии с положениями данной грамоты (АЕВ, 1891: 31-45).

4. Результаты

4.1. Ранний период христианизации самоедов (XVI – нач. XIX вв.)

В Архангельских епархиальных ведомостях отмечается, что до 1783 года христианство «не проникало в самоедские мезенские тундры» (АЕВ, 1895). Вместе с тем источники свидетельствуют о том, что попытки приобщения самоедов к христианской вере были предприняты гораздо раньше.

31 января 1597 года царь Федор Иоаннович приказал пустозерскому воеводе стольнику Василию Ухтомскому вести миссионерскую деятельность среди «самоедов и иных вер иноземцев и крестьян» (Акты..., 1841: 466) с целью обращения их в христианство. Вместе с тем данное царское распоряжение, вероятно, осталось без исполнения, поскольку свидетельств крещения самоедов в документальных источниках не обнаружено. 16 января 1740 года императрица Анна Иоанновна издала указ, направленный на христианизацию самоедов. Данным указом она повелела Святейшему Синоду разработать и принять меры, способствующие распространению христианства среди всех инородцев, населявших территорию Российской империи (АЕВ, 1893).

В 1770-е годы Вениамин, епископ Архангельский и Олонецкий (1775–1779 гг.), заручившись поддержкой местного гражданского начальства, принял решение о зачислении нескольких мальчиков из числа самоедов в Архангельскую духовную семинарию. Цель данной инициативы – «посвятить их в сан священников и диаконов и отправить в мезенские тундры для проповеди евангелия к их сородичам – язычникам...» (Козмин, 1913: 29) Предполагалось, что получившие богословское образование самоедские юноши смогут успешнее привлекать своих соплеменников к принятию христианства. Однако условия проживания (спертый воздух в помещениях, непривычная пища, необходимость строгого соблюдения постов и др. факторы) неблагоприятно отразились на здоровье мальчиков: они умерли один за другим.

Просвещение детей самоедов являлось важнейшей составляющей их христианизации. Среди документов ГААО особый интерес представляют те, которые относятся к концу XVIII – нач. XIX вв., в том числе касающиеся обучения самоедских детей. Их обучение в Мезенском училище, открытом 24 ноября 1787 года, в отличие от семинарии, практически нигде не упоминается. Но именно в нем самоедские дети впервые постигали грамотность.

30 апреля 1788 года владыка Вениамин, епископ Архангельский и Олонецкий, обратился к исполняющему должность Олонецкого и Архангельского губернатора Т. И. Тутолмину: «во исполнение Ея Императорскаго Величества указа из Святейшаго правительствующаго синода ко мне присланнаго, имел я честь представить вашему высокопревосходительству прошлаго 1785 года февраля от 14 дня о некоторых средствах касающихся до обращения в христианство самоедов, состоящих в мезенской округе и остающихся ныне в идолопоклонничестве, как то о отвращении при обращении тех самоедов и препятствий, о доставлении для приемлющих из сих идолопоклонников выгод, и других для понуждения их к тому средствах...» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 3). Примечательно, что губернатор решительно объявил: «по оному исполнению никакова быть не может». К сожалению, из документа неясна причина такой незаинтересованности и категорического отказа в исполнении царского указа. Возможно, это совпало с тем, что Сенат в 1789-1799 гг. принял постановления, которые приостановили деятельность проповедников на Севере, т.к. произошли волнения среди инородцев восточной части Европейской России в связи со слухами о насильственной христианизации (Перевалова, 2004).

Но решение вопроса последовало в соответствии с указом Святейшего синода: «Святейший же Правительствующий синод тем же указом мне наконец повелел: [...] при состоящих в Пустозере церквах, где способнее завести и для обучения детей самоедов Российской грамоте, хотя небольшую школу, дабы из оных современем могли поступить и в священническая чины, а что надлежит до учебных для них книг, то оныя когда усмотрится надобность отпущены будут к ним от Святейшаго Правительствующаго Синода безденежно» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 3-30б.). Указ – свидетельство единого подхода к христианизации самоедов, в основе которого просвещение детей, открытие школ, изучение русского языка. Немаловажно, что расходы на это важное, но явно экономически невыгодное ввиду малочисленности учеников дело синод был готов взять на себя.

Решено было обучать самоедских детей в Мезенской школе: «городе Мезень, в уезде которого состоят те Самоеды, учреждена ныне народная школа» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 3-30б.). Но, несмотря на это, видимо, предполагали, что самоедов, желающих отдать детей учиться, может не быть. Поэтому решено было детей самоедов «некоторое число вызвать от отцов их, или набрать сирот и определить таковых в показанную Мезенскую Городскую народную школу, где их и обучат Российской грамоте и Катихизису...» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 3-30б.). И даже при этом самоеды могли отказать, тогда просили губернатора дать поручение найти того, кто смог бы убедить самоедов в выгоде обучения детей: «с мезенской округи одного надежнаго чиновника, коему препоручить быв? лично в местах пребывания разсеянных по мезенскому уезду самоедов, стараться всевозможной лаской и благоразумным внушением им пользы и выгод от учения приистекавших, приклонить отцов к добровольной отдаче нескольких человек из детей своих в народное училище» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 30б.). Главной задачей для церковнослужителей, видимо, была перспектива рукоположения грамотных самоедов: «дабы из оных современем могли поступить и в

священническая чина» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.1. Д. 325. Л. 30б.). Безусловно, это стало бы завершением, критерием успешности всего процесса христианизации самоедов.

К сожалению, большинство детей так и не овладели грамотой: «как из числа означенных самоедов за болезнями не излечимыми, косноязычностью и другими неспособностями продолжать далее учение оказавшихся, уволено из школы и обращено в их жилища. В течении сего времени шесть человек, да трое во время нахождения их в обучении померло; протчияже: один взят на собственное содержание кушом Фоминым, да шесть человек отправлено к вашему преосвященству, то затем и осталось еще двое, кои и по ныне находятся на содержании Приказа обучающимися в здешнем Главном народном училище» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 4). Кроме смертности, высокой даже для того времени, еще одной веской причиной стала неспособность детей овладеть грамотой.

Нам удалось проследить судьбу двух учащихся, продолживших обучение в семинарии в 1791–1795 годах, а до этого (с 1788 года) – в мезенском училище, и опровергнуть расхожую версию о том, что все самоеды-семинаристы умерли. Двое семинаристов, Константин Попов и Петр Кудинов, по завершении курса могли бы стать священниками, но отказались и обратились с просьбой к архиепископу Вениамину: «отправить нас в архангельское намесническое правление для записи в какой либо род жизни» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.1. Д. 325. Л. 11). Указали причину в следующем: «привыкнув они к городской жизни, и обращаясь между русскими... (воз)гнушаются своими прежними жилищами, возвратиться все в одного до последнего не желают, да и привыкать им к прежней своей жизни, в которой родились, трудно». Примечательна приписка на полях: «и язык свой забыли» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.1. Д. 325. Л. 10). Просьба была удовлетворена. Несостоявшиеся священники не были оставлены в г. Архангельске, а отправлены по их желанию «... во крестьян мезенской округи в селении в ближайшем от отцов их разстоянии состоящие ... а именно: Константина Попова в пустозерскую, а Петра Кудинова в ижемскую слободу с начала сего 1796 года причислить» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 325. Л. 14).

С рассматриваемого времени по 1817 год благодаря трудам священников и православных приходов 55 самоедов приняли крещение, о чем 17 мая 1822 г. сообщил архангельскому генерал-губернатору преосвященный Неофит (Шульгин, 1987: 4).

По Высочайшему повелению Государя Императора Александра I в 1810–1821 гг. через Г. Обер-Прокурора Святейшего Синода происходила переписка с Архангельскими Епископами Парфением, Иосифом и Неофитом об изыскании удобнейших способов к обращению самоедов (АГВ, 1849).

В 1822 году епископ Неофит направил «в самоедская кочевья для научения самоедов истинам христианским и для крещения их священника Ижемскаго прихода, Мезенскаго уезда, Федора Истомина. Священник Истомин в течение 3-х с половиною месяцев (с половины августа и по ноябрь) присоединил к православию ... 115 самоедов ... да 50 человек оглашено» (Шульгин, 1987: 5-6). Вследствие донесения об этом Святейшему Синоду повелено было Епископу Неофиту приступить к общему обращению самоедов в христианство и составить правила. Представленные им «Правила обращения кочующих в Архангельской губернии самоедов в христианскую веру» Святейшим Синодом рассмотрены и 5 августа 1824 года Высочайше утверждены. Содержание правил следующее: «Обращение самоедов в Христианскую веру начать с их Старшин и богачей в Пустозерском приходе. Для сего послать в оный приход, а потом в Самоедские кочевья, состоящие в Большеземельской, Канинской и Тиманской тундрах, двух Священников, поставив им в обязанность войти в обращение с Самоедами, и кротостию, благоприветливостию и другими пастырскими добродетелями снискать их доверенность, вникнуть в образ жизни, мыслей и наклонности к обращению Самоедов; раскрывая им ложность и тщету их веры, открывая им свет Евангелия и крестить по довольном наставлении в веру» (АГВ, 1849).

Принятые правила соответствовали Высочайше утвержденному Уставу от 22 июля 1822 г. «Об управлении инородцев» (ВУУоУИ, 1830), в котором обозначена свобода вероисповедания и богослужения (§53 Устава) для бродячих инородцев, к которым были отнесены самоеды. Им было дозволено строить молитвенные дома с разрешения Гражданского Губернатора (§55 Устава), при этом в случае перехода в христианство они не лишались прежних прав (§56 Устава).

В ГААО обнаружен показательный документ – рапорт Благочинного мезенского собора священника Каллиника Коритова (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 2. Д. 2345. Л. 112), свидетельствующий о самоотверженной предварительной работе ради крещения одного самоеда, включающей увещание, разъяснение о православии. В декабре 1822 года священник встретил в доме мещанина Андрея Куренгина самоеда Меркушку Ардеева и начал убеждать его и других самоедов принять христианство. Поначалу самоеды отказывались, говоря, что им и так хорошо, и что они подумают о крещении под старость. Однако священник не сдавался и через несколько дней снова встретился с Ардеевым, прочитал ему отрывки из Нового Завета, убеждая в необходимости крещения для спасения души. Ардеев признался, что давно думал о крещении, но не знал молитв и как веровать. Священник обещал его наставить и велел приходить по вечерам. 29 декабря, узнав, что товарищи Ардеева собираются уходить, священник приложил все усилия, чтобы убедить его креститься на следующий день, так как уже понял основы веры и научился молитвам. 30 декабря, в воскресенье, после утрени в присутствии народа над Ардеевым было совершено таинство крещения, нарекли его Василием.

В последующие дни новокрещеный Василий исповедался, приобщился Святых Тайн, посещал ежедневные службы и затем отбыл в тундру.

Таким образом, первый период христианизации самоедов, охвативший период конца XVI – нач. XIX вв., характеризовался отсутствием системности в миссионерской деятельности. Обращение самоедов в православие осуществлялось двумя путями. Первый путь заключался в обучении грамоте представителей этнической группы с перспективой их дальнейшего участия в просвещении своих единокровцев. Вторым путем представлял собой индивидуальную работу священников с местным населением, направленную на последующее крещение и приобщение к православию. Однако итоги указанного дела были достаточно скромными.

4.2. Миссия архимандрита Вениамина (1825–1830 гг.)

Исключая деятельность отца Федора Истомина, случаи крещения самоедов в конце XVIII – начале XIX вв. оставались единичными. Ситуация меняется только благодаря деятельности миссии архимандрита Вениамина. Миссия «по просвещению самоедов светом христианской веры» была утверждена в 1824 году и имела просветительские, коммуникативные, интеграционные задачи. Ее руководителем был назначен настоятель Антониево-Сийского монастыря архимандрит Вениамин (Василий Галактионович Смирнов, ок. 1782–1848 гг.). В число участников миссии вошли священники Федор Истомин, Михаил Леонтьевский, Александр Спирихин, а также причетник Иаков Истомин, воцерковленный самоед Канинской тундры Василий Двойников, выступавший при миссии причетником и переводчиком (АЕВ, 1895).

Участники миссии получали весьма приличное жалованье, о чем свидетельствует, к примеру, рапорт благочинного Ижемского прихода священника Михаила Леонтьевского в Архангельскую Духовную канцелярию Мезенского округа: «Его Императорского Величества из пинежского Духовного Правления от 23 Сентября протекшаго 1824го года за № 37м прислан ...указ для объявления Священникам и причетникам [...] содержание и награждение, а именно: доход Священникам по тысящи рублей и доход причетникам по шести сот рублей, выгод» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.2. Д. 2510. Л. 1-106.).

Начальным пунктом осуществления миссионерской деятельности под руководством Вениамина выступила Мезень, где миссия встретила существенные препятствия со стороны мезенских мещан, крестьян и зырян, не желающих терять в лице самоедов дешевую рабочую силу: они находились в услужении в качестве оленьих пастухов. «Главнейшим препятствием к обращению Самоедов в христианство будут их хозяева, русские крестьяне [...]—Самоед, при всей ограниченности своих понятий, судя по таковым поступкам своих хозяев не может иметь хороших мыслей о религии ими (хозяевами) исповедуемой» (АЕВ, 1895а: 516).

Отмечается также, что «миссия может быть и не потерпела бы такой неудачи в начале своей деятельности, если бы не было разногласий относительно самого способа действий миссии» (АЕВ, 1895а: 554). Так, архангельский генерал-губернатор С.И. Миницкий предпочел утаить миссионерскую деятельность и выдал секретное предписание мезенской полиции оказывать содействие миссии. Это же поддержал и земский исправник Болотников. В свою очередь, это было на руку русским мещанам и крестьянам, не желающим терять в лице самоедов дешевую рабочую силу. Они угрожали самоедам «в случае крещения прогнать их от себя, а своих оленей истребить; затем подговаривали самоедов подавать в консисторию коллективное заявление о нежелании принимать христианство, крестившихся же старались совратить снова в язычество или в раскол и т.п.» (АЕВ, 1895а: 556). К примеру, мещане Куренгин и Антипин, крестьяне Маслов и Филатов сумели враждебно настроить самоедов против миссии, и самоеды стали заявлять, что миссионеры «действуют без Царского указа, который, если бы был действительно, им объявило бы их местное начальство, да и были бы присланы к этому делу Царские люди, солдаты» (АЕВ, 1895а: 555). Вениамин предпринимал значительные усилия остановить подобные действия, противоречащие государственному и божественному закону.

Помимо проповедей и совершения таинств крещения, архимандрит Вениамин разрушал идолов, возле которых совершались самоедами жертвоприношения. К примеру, в 20 километрах от Мезени, в роще Козьмин перелесок самоеды сожгли порядка ста идолов, вместо которых был воздвигнут крест под пение молитвы «Да воскреснет Бог» (АЕВ, 1895а: 554-558).

Причиной успеха миссионерской деятельности под руководством Вениамина и быстрого распространения христианского учения среди самоедов являлось то, что проповеди осуществлялись на их языке, которым архимандрит овладел в совершенстве: «хороший знаток самоедского языка, он первый заговорил с инородцами понятной им речью...» (Козмин, 1913: 30). С 1840 года архимандрит занялся составлением самоедской азбуки и составил словарь с грамматикой самоедского языка, добавив особые знаки для выражения самоедских букв, поскольку в русском и церковном языках отсутствовали эквиваленты для выражения таких звуков. В данном процессе Вениамин консультировался с А.М. Шегреном, академиком, членом-корреспондентом РАН. Архимандрит перевел на самоедский язык Евангелия, Соборные послания, Книгу Деяний апостолов, правила благочестивой жизни, послания апостола Петра, катехизис и молитвы.

Приобщению к новой вере способствовало и устройство присланной из Архангельска первой подвижной церкви с живописными иконами и колоколами: «новопросвещенные усердно стали

посещать церковь, и звон колоколов так восхищал этих детей природы, что они наперерыв старались принимать в нем участие» (АЕВ, 1895а: 557). Всего Вениамином было крещено за пять лет (1825–1830 гг.) 3 303 человек (1 676 мужчин и 1 627 женщин) (Козмин, 1913: 31). За миссионерское служение архимандрит Вениамин был награжден орденом Св. Владимира 3 степени.

Массовое обращение в христианскую веру самоедов выступило стимулом открытия в ненецких тундрах церквей для последующего воцерковления самоедов. По ходатайству епископа Аарона Святейшим Синодом было разрешено в Канинской (на р. Неси), Тиманской (на р. Пеше), Большеземельской тундрах (на р. Колве) строительство трех церквей с назначением при них самостоятельных причтов.

В 1827 году архимандрит Анастасий отправился в самоедские кочевья с целью определения наиболее подходящих мест для возведения православных храмов, изучения духовных потребностей и состояния самоедов, принявших христианство, а также использовать все возможные средства «к насаждению и утверждению в сердцах новообращенных Христовой веры» (Сибирцев, 1862: 255). В ходе переписки между архимандритами Анастасием и Вениамином затрагивались вопросы, связанные с духовным окормлением самоедов, недавно принявших христианство. Архимандрит Анастасий, основываясь на своих наблюдениях и опыте общения с новообращенными, охарактеризовал их религиозное состояние как «младенческое», но оставляющее «надежду в будущем».

В 1829 году комиссией «о построении самоедских церквей» проповедовать христианство «находящимся в идолопоклонстве самоедам» было поручено настоятелю Михайло-Архангельского монастыря архимандриту Платону, семь лет остававшемуся благочинным самоедских церквей. И архимандрит Анастасий, и архимандрит Платон за просвещение самоедов награждены орденами Св. Анны 3 степени.

Таким образом, второй период христианизации самоедов, начавшийся с утверждения миссии под руководством архимандрита Вениамина, отличался комплексностью и системностью. Безусловным фактором успешности являлась сама личность Вениамина, его знание самоедского языка, активная деятельность по просвещению самоедов. При этом существенной являлась государственная поддержка проводимой миссии, способствовавшая открытию первых постоянных церквей и формированию самоедских приходов.

4.3. Приходской период (1830–1880-е гг.)

С учреждением самоедских приходов миссионерская деятельность архимандрита Вениамина подошла к завершению. Ответственность за дальнейшее укрепление веры среди новообращенных самоедов и их духовное окормление была возложена на священнослужителей новооткрытых приходов. Образованы 4 самоедских прихода: Канинский (в с. Неси образовался в 1824-1830 гг.), Колвинский самоедский Большеземельский приход (приходский храм в с. Колва построен в 1830 г.), Тиманский (приходский храм в с. Пеша построен в 1834 г.) и Тельвисочный самоедский приход, который выделился из Пустозерского прихода (приходская церковь освящена в 1862 г.) (КИОПиЦАЕ, 1895).

Как отмечал Н.Д. Козмин, анализируя эффективность работы самоедских приходов по утверждению христианства среди самоедов, их результаты были менее впечатляющими по сравнению с достижениями миссии архимандрита Вениамина. По приведенным им данным, за период с 1830 по 1858 гг. в христианство было обращено лишь 177 человек из числа самоедов. Прекращение деятельности миссии архимандрита Вениамина, совершившееся из-за нерасположения к нему Архангельского Епископа Аарона, было несколько преждевременно (Козмин, 1913: 34).

Рапорт большеземельского священника Иннокентия Попова свидетельствует о случаях отказа самоедов от принятия христианских таинств и наставлений. Несмотря на увещания и даже угрозы строгостью суда, некоторые самоеды не соглашались крестить детей и венчаться в церкви. В ответ на это церковные власти заняли жесткую позицию, привлекая административный ресурс для допроса «отступивших» самоедов и принуждения их возможными мерами к исполнению христианских обрядов, считая подобное «отступничество» вредным для других новообращенных (ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 1. Д. 1489. Л. 1-2).

В указанный период обнаруживаем сведения (Таблица 1) о соотношении крещеных и некрещеных самоедов в 1839–1840 гг.. В январе 1841 года губернатор запросил информацию о количестве самоедов, обращенных в православную веру, а также о числе тех, кто еще не был приобщен к христианству. Целью сбора этих сведений являлось их последующее представление в Министерство внутренних дел (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.3. Д. 258. Л. 1-3).

Кроме крещения и окормления самоедов, на приходское духовенство была возложена еще одна важная и сложная задача, не имеющая прямого отношения к их священническим обязанностям, – обсуждение с самоедами и исправление «Устава об управлении Самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» (УоУС, 1835) и «Положения о разборе исков».

Таблица 1. Соотношение крещеных и некрещеных самоедов на 1839/1840 гг.

Приход	Крещеных в 1840 году (из справки от 24 января 1841 года № 363 «Учиненной из росписей, представленных за 1840 год»)	Некрещеных в 1839 году (Из клировых ведомостей, представленных за 1839 год)
Канинский приход	муж. пола 379 жен. пола 400	муж. пола 9 жен. пола 70
Тиманский приход	муж. пола 379 жен. пола 407	муж. пола 14 жен. пола 16
Большеземельский приход	муж. пола 1178 жен. пола 1083	муж. пола 515 жен. пола 331
Итого	1936 муж. пола 1890 жен. пола	муж. пола 537* жен. пола 417
«Некрещеных должно остаться» муж. 530 и жен. 412. Столоначальник Васильев приводит данные о 7 мужчинах и 5 женщинах, крещеных в 1840 году и делает вывод о числе оставшихся некрещеными: «заключением из сего числа окрещенных самоедов в 1840 году м. 7 и ж. 5. должно остаться некрещеных к 1841 г. мужского пола 530 и женского 412» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.3. Д.258. Л. 2-3)		
*По сумме – 538 муж. пола, по данным архивного источника – 537 муж. пола.		

Источник: составлено на основе: ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т.3. Д.258. Л. 2-3

Архимандрит Вениамин в 1836–1837 гг. по поручению архангельского губернатора И.И. Огарева занимался проверкой и исправлением переводов «Самоядского устава и положения о разборе исков по обязательствам, заключенным ими между собой и с лицами посторонними» на самоедский язык, выполненных мещанином А. Окладниковым (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 95. Л. 35) и священником И. Поповым (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 95. Л. 45). Вениамин, получив благословение епископа, дал негативную оценку переводу А. Окладникова и предложил опираться на перевод отца Иннокентия Попова, зачитывая его самоедам во всех тундрах для проверки ясности и доказательства вразумительности переводов Священного Писания.

Перевод, обсуждение и исправление Устава потребовало консолидации усилий и соработничества светской и церковной власти. «17 Марта и 27 апреля 1838 года Губернское Правление предписало Мезенскому Земскому Суду, этот устав сколько возможно между Самоядами сделать известнейшим и поверным замечаниям ... не нужно ли делать каких либо исправлений и в чем именно. А Духовную Консисторию Правление просило вменить в обязанность Священникам Попову и Зуеву знающим Самоядский язык чтобы они при посещении кочевьев в тундрах, и всею точностию объясняли Самоедам Устав, об управлении ими» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 95. Л. 590б.). Очевидно, что в сложившейся ситуации священники были единственными, кто знали язык и имели возможность регулярно общаться с самоедами.

Взаимодействие 1 стола 2 отделения Архангельского Губернского Правления Министерства Внутренних дел и Архангельской духовной консистории стали примером церковно-государственной политики, многолетнего сотрудничества, в центре которого был исключительно светский, правовой вопрос.

В период действия приходов зафиксирован отдельный случай миссионерства, когда в результате деятельности купца Андроника Ситникова из Нижегородской губернии за один год 42 самоеда, в том числе два главных тадебея (шамана), приняли христианство. Доверие и расположение со стороны самоедов он приобрел благодаря медицинским знаниям, поскольку имел звание оспопрививателя и фельдшера. Несмотря на просветительскую деятельность А. Ситникова, «еще много самоедов оставалось в язычестве, да и крещеные-то самоеды в большинстве случаев были и остаются христианами только по имени» (Шульгин, 1987: 35). В 1862 году Ситников по неизвестным причинам прекратил свою миссионерскую работу. Одним из возможных оснований могла стать нехватка финансовых средств, поскольку он не получал материальной поддержки от государства.

Основным механизмом, способным эффективно повлиять на религиозное положение самоедов и обеспечить их полный переход к христианской вере, являлось образование (Шульгин, 1987: 44). Первые упоминания о самоедских детях, получающих образование при приходах, относятся к 1830-м годам. Благочинные приходов регулярно сообщали о количестве учащихся мальчиков, их возрасте, именах отцов и успехах в учебе.

В августе 1838 года священник Иннокентий Попов из Большеземельской Николаевской церкви упомянул о пяти учениках, один из которых начал обучение в 1834 году, а остальные – в 1837–1838 годах. Один из учеников умер от кори в июне 1838 года (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 200. Л. 1-3). Позднее в Колвинском приходе была открыта в 1845 году церковно-приходская школа (КИОПиЦ, 1895).

В 1839 году в приходах Канинской Благовещенской и Тиманской Троицкой церковью обучались самоедские мальчики (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 200. Л. 10; Л. 12-13). При этом Тельвисочном приходе училище самоедских детей устроено в 1855 году, церковно-приходская школа – в 1887 году,

миссионерская школа в Канинском приходе начала работу позднее, в 1893 году, в Тиманском приходе школа грамоты – в 1894 году (КИОПиЦ, 1895).

В 1840-х годах возник вопрос о дальнейшей судьбе самоедских мальчиков после окончания образования. Священник Иннокентий Попов докладывал о направлении одного из учеников, Иосифа Лобеса, на службу в Тиманскую церковь и подготовке других к дьяческим должностям. Однако возник конфликт с отцом Иосифа, который отказывался отпустить сына на службу. В итоге Иосиф вернулся к родителям (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 200. Л. 112-114).

Однако даже к концу XIX в. самоеды неохотно отдавали своих детей учиться. Причины этого, по распоряжению Архангельской духовной консистории от 23 июня 1889 года за №4221, были изложены благочинными. Примечательно, что сформулировать их было необходимо для инородцев севера Российской империи, лопарских и самоедских приходов: «... в приходах Понойском и Кандалакшском есть по части прихожан из Лопарей, в первом из них – Понойском есть школа, но Лопари за дальностью расстояния (150, 200 и 300 верст) не могут отправить детей в школу, вследствие чего необходимо открыть в Лопарских погостах Понойскаго прихода, самостоятельный приход, а в самостоятельном приходе будет священником открыта и школа...в Кандалакшском приходе нет школы ... около двух лет нет в приходе священника...если не будет отпущено средств к открытию школы Кандалакшском приходе от Епархиальнаго Училищнаго совета на первоначальные обзаведения ея классными принадлежностями и на наем помещения, то и при назначении н приход Священника школы открыть не предвидится возможности» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 5. Д. 706. Л. 1-10б.). Итак, выделенные в рапорте благочинным 2-го Кольского благочиния, священником Александром Зиминным причины (дальность расстояния до школ, отсутствие священнослужителей в некоторых приходах и недостаток средств) стали объяснением того, что лишь часть детей коренных народов Севера имела возможности посещать школы.

Более критичен (и его мнение нам особенно интересно) благочинный 1-го Мезенского благочиния, священник Симеон Кудрявцев, который в своем рапорте обозначил главную преграду для учреждения церковно-приходских школ в самоедских приходах в недостаточном усердии и отсутствии должной инициативы со стороны местного духовенства, «нерадение причтов тех церквей» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 5. Д. 706. Л. 3).

Такого же мнения придерживался и благочинный Мезенского благочиния, священник Куйскаго прихода Иоанн Попов: «в Тельвисочном Самоедском приходе школа открыта, в которой занимается должность учителя и законоучителя Священник Михаил Кипреев, и что причин к устраниению открытия школы в других приходах, никаких нельзя предвидеть, как только разве единственная лень со стороны местного причта» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 5. Д. 706. Л. 5)

Несмотря на указанные сложности в получении образования, первые образованные юноши «были определены впоследствии причетчиками при самоедских церквях, а один поступил мирским писарем в тундру ижемских Самоедов» (Старцев, 1930: 39). Однако упоминаются неразрешимые на тот момент противоречия между самоедами и ижемскими крестьянами, что подтверждает приоритетность этнических различий над конфессиональным единством (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 200. Л. 112-114). Преодоление этих противоречий заняло несколько десятилетий, но образование позволило юным самоедам стать первыми представителями интеллигенции среди своего народа.

Таким образом, приходской период христианизации самоедов характеризовался переходом миссионерских функций к причтам местных церквей, однако их деятельность также не была активной. В указанный период началось развитие школьного образования, которое призвано было завершить процесс христианизации, однако он принял затяжной характер. Несмотря на поддержание номинального обращения самоедов в православную веру, их воцерковление было делом дальнейшей перспективы.

4.4. Миссия иеромонаха Ионы на Новой Земле (1887–1899 гг.)

Литературные источники содержат упоминания об исторических документах, свидетельствующих о том, что Новая Земля находилась в сфере интересов как государственной власти, так и церкви уже в XVII веке. Одним из таких свидетельств является грамота Патриарха Иоасафа II, адресованная игумену Антониево-Сийского монастыря Феодосию и датированная 10 января 1672 года (МАЕН, 1889: 38). В упомянутом документе содержится прямое указание направить на Новую Землю священника вместе с причтом из Новгородской епархии, которой управлял тогда митрополит Питирим, будущий Всероссийский Патриарх (1672–1673 гг.).

В конце XIX века Русская Православная Церковь активизировала миссионерскую деятельность на острове Новая Земля, где находились четыре становища: Малые Кармакулы, Гусиная Река, Гагарий Нос и Костин Шар. В этом районе проживали порядка 50 самоедов, принявших православие (МАЕН, 1889: 1). Ежегодно летом сюда направлялся священник для отправления треб и богослужения в устроенной небольшой часовне (Львов, 1909).

Одним из примеров подобных миссионерских поездок является командировка иеромонаха Ионы, насельника Николо-Карельского монастыря, на Новую Землю в июле 1887 года. Поездка состоялась по благословению Преосвященного Нафанаила. Эта миссия была направлена на осуществление богослужений и совершение треб среди местных жителей. По приезде в Малые

Кармакулы Иона нашел новоземельскую часовню фактически полуразрушенной. Сброшенную ветром крышу самоеды стали разбирать на дрова.

В последующие зимние месяцы 1887 года и весной 1888 года иеромонах Иона вновь был направлен на Новую Землю с псаломщиком Павлом Шангиным, чтобы не оставлять самоедов без духовного пастыря и богослужений. Целью миссии было обращение существующей часовни в церковь, открытие церковно-приходской школы для обучения детей церковному пению и грамоте, сбор сведений о религиозном, нравственном и умственном состоянии поселенцев, их образе жизни, климатических особенностях местности.

Миссионеры были снабжены всем необходимым для проживания и совершения богослужений, включая богослужебные принадлежности, рукописи и пособия для обучения грамоте.

Предполагаемая к переделке в церковь Новоземельская часовня во имя Святителя и Чудотворца Николая была построена в 1878 года на средства Общества Спасения на водах (МАЕН, 1889: 5). В 1888 году на архипелаг Новая Земля была привезена православная церковь, оснащенная ценными богослужебными предметами и ризницей. После завершения строительства церкви священник Иона организовал в ней школу для обучения детей самоедов, переделав под эти цели комнату батюшки, при этом обучаться желали и взрослые.

Иеромонах Иона активно занимался просветительской и миссионерской деятельностью среди местного населения. Он совершал регулярные богослужения, беседовал с жителями, обучал их молитвам и грамоте, боролся с остатками языческих верований, в том числе разрушив идола у Карского моря. Благодаря его трудам некоторые самоеды научились церковному пению и чтению.

Для обучения самоедов посещению церковных служб и различению праздничных и воскресных дней от будничных, а также проведению этих дней в соответствии с традициями православной веры иеромонах Иона организовывал церковные службы с максимальной торжественностью. Во все праздничные и воскресные дни, особенно в дни, посвященные царским торжествам, над главным зданием поднимался флаг, начало царских дней отмечалось пушечными и ружейными залпами (МАЕН, 1889: 33).

В 1892 году иеромонах Иона вынужден был взять отдых из-за тяжелых условий жизни в суровом климате. Вместо него на остров был направлен иеромонах того же монастыря Варахииль. Несмотря на свою физическую выносливость, он не вынес тяготы жизни на Новой Земле. Весной 1893 года, так и не дождавшись прибытия первого парохода, он скончался. Трагичность ситуации усугублялась тем, что в скиту от цинги умерли еще четыре человека из числа русских поселенцев, а один из рабочих, как и сам отец Варахииль, лежал больной. Когда на Новую Землю вернулся иеромонах Иона, он застал скит в запущенном состоянии. Данный эпизод ярко иллюстрирует те суровые условия, в которых приходилось нести свое служение православным миссионерам на европейском севере России.

В дошедших до нас сведениях представлены статистические данные о пребывании Ионы на Новой Земле. Им было совершено 86 божественных литургий, 82 всенощных бдения, а также 16 таинств крещения, венчания, отпевания, панихиды (МАЕН, 1889: 33).

В указанный период создавались первые монастырские скиты в самоедских тундрах. Скит на Новой Земле Николо-Корельского монастыря был устроен при Ионе в 1889 г. с разрешения Святейшего Синода.

Скит Веркольского монастыря на Югорском шаре существовал недолго и практически не оказал религиозного влияния на самоедов, он не имел большого значения и для самой обители (Есеева, 2007: 82). Купец Сибиряков устроил скит во имя св. Николая Чудотворца. Предписанием архиепископа Нафанаила он был передан Веркольскому монастырю в 1890 г. Из восьми человек братии монастыря (1 иеромонах, 12 иеродьяконов, 1 монах и 4 послушника), прибывших в скит в начале 1890 г. (выехали 22 февраля, прибыли 30 мая), в живых остался только один. Остальные умерли весной 1892 г. Именно с этим скитом связывали особые надежды на воцерковление самоедов. Насельники совершали богослужения, крестили, венчали, просвещали самоедов. В то же время «счастлирое существование скита на Югорском Шаре подавало надежды на расширение его духовно-просветительской деятельности среди самоедов. Но этим надеждам не суждено было осуществиться» (Шульгин, 1987: 55).

Таким образом, миссионерская деятельность на Новой Земле в конце XIX века была направлена на укрепление православия среди местного населения, просвещение самоедов и создание монастырских скитов на отдаленных окраинах Российского государства.

Целесообразно сделать вывод, что христианизация самоедов отличалась многоэтапностью и неоднозначностью. Комплексного воцерковления самоедов не наблюдалось. Процесс принятия христианства, включающий в себя крещение (фактически осуществленное) и воцерковление (не было реализовано в полном объеме), не завершился к рассматриваемому периоду. Индикатором цельности процесса христианизации могло бы стать появление священников среди самоедов, но до конца XIX века документальных подтверждений этому не найдено. Кроме того, отсутствуют свидетельства о принятии самоедами монашества, что указывало бы на глубокое принятие христианских ценностей и взаимодействие с монастырской жизнью. Так, пострижение или, как минимум, активное

взаимодействие с обителями вместе с рукоположением в священники стало бы свидетельством воцерковления.

Несмотря на сравнительно «мягкое» обращение самоедов в христианскую веру, они недостаточно усваивали содержательную составляющую религии, обращая внимание на обрядовую сторону и «преференции», которые могут получить в результате крещения. При этом свое значение сохранял шаманизм, идолопоклонство не было в полной мере искоренено в самоедских тундрах. «По убеждению некоторых крещеных самоедов, – без веры в идолов в тундре жить совсем нельзя» (Козмин, 1913: 37).

В других источниках самоеды представлены как усердные представители православной церкви, которые особенно почитают Святителя Николая, ему посвящают многие церкви. Даже некрещеные самоеды в сложных жизненных ситуациях обращаются к нему с обетами и приносят дары за удачу в промыслах, «обеты, данные «Николе», исполнялись ими свято; за нарушение они боялись страшной кары» (Латкин, 1853: 94).

Таким образом, синкретизм православия и традиционных для самоедов религиозных взглядов представляет собой сложное переплетение религиозных практик и верований.

Процесс христианизации самоедов сталкивался с многочисленными препятствиями в связи с такими факторами, как отсутствие базового уровня грамотности среди населения, неблагоприятные природно-географические условия, незнание языка самоедов миссионерами, долгое отсутствие стационарных храмов в местах расселения самоедов, интеграция христианских символов веры в пантеон язычества самоедов.

5. Заключение

На основании корпуса проанализированных источников нами выделены четыре периода реализации церковно-государственной политики по христианизации самоедов на европейском севере России в XVI–XIX вв.

Первый период (конец XVI в. – нач. XIX вв.) характеризуется Указом царя Федора Иоанновича пустозерскому воеводе стольнику Василию Ухтомскому вести миссионерскую деятельность среди иноземцев. Указом 16 января 1740 года императрица Анна Иоанновна повелела Святейшему Синоду принять меры, способствующие распространению христианства среди всех инородцев.

Обучение в Архангельской семинарии самоедов началось с 1774 года. В 1822 году священник Федор Истомин крестил 115 самоедов, отмечаясь и единичные случаи крещения. Христианизация осуществлялась благодаря деятельности отдельных миссионеров с местным населением.

Второй период (1825–1830 гг.) характеризуется массовым крещением и попытками воцерковления самоедов. Небывалый успех имела миссионерская деятельность архиепископа Вениамина: он крестил 3 303 самоедов, а также перевел на самоедский язык несколько священных книг, составив словарь и грамматику самоедского языка. В указанный период оказывалась большая поддержка миссии со стороны государственной власти.

Третий период (1830–1880 гг.) включал в себя создание в ненецких тундрах приходов и воцерковление самоедов силами приходского духовенства. В указанный период были образованы 4 самоедских прихода: Тиманский, Канинский, Колвинский Большеземельский приход и Тельвисочный самоедский приход, выделившийся из Пустозерского прихода. Началось развитие школьного образования, при приходах открывались церковноприходские, миссионерские и школы грамоты. Святейший Синод поручил архимандриту Вениамину составить азбуку на ненецком языке.

Четвертый период (1887–1899 гг.) связан с миссионерской деятельностью на Новой Земле и созданием монастырских скитов в тундрах европейского севера России.

Основными механизмами христианизации самоедов в рассматриваемый период выступали миссионерская деятельность, развитие приходской системы, основание скитов и открытие образовательных учреждений. В отличие от северорусских территорий, где значительную роль играла традиционная монастырская колонизация, включая скиты, в контексте взаимодействия с самоедами монастыри не имели существенного влияния ни на процесс христианизации, ни на их образование. Приходская система и образовательные учреждения также имели ограниченное воздействие на христианизацию самоедов чаще всего из-за трудностей с их регулярным посещением. Значительного эффекта в деле христианизации удалось достичь благодаря миссионерам.

Таким образом, крещение самоедов на европейском севере России может быть расценено как уникальная составляющая христианизации всех коренных малочисленных народов в общем контексте развития межнациональных и межконфессиональных отношений в стране в XVI–XIX вв.

Литература

АЕВ, 1891 – Пустозерск. Слобода Мезенского уезда архангельской губернии. Географическое положение и климат Пустозерска // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 3-4. С. 31-45.

АЕВ, 1895 – Архимандрит Вениамин – просветитель мезенских самоедов // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1895. № 21. Неофициальная часть. С. 513-516.

- АЕВ, 1895а** – Архимандрит Вениамин – просветитель мезенских самоедов (Продолжение) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1895. № 23. Неофициальная часть. С. 554-558.
- АГВ, 1849** – *Архангельские губернские ведомости*. 1849. № 9.
- Акты..., 1841** – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2. 1598-1613. СПб., 1841. 478 с.
- Бартенев, 1896** – *Бартенев В.В.* На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. Санкт-Петербург, 1896. 154 с.
- Борисов, 1907** – *Борисов А.А.* У самоедов. От Пинеги до Карского моря: Путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова. С автобиографической заметкой и с 36 снимками картин автора, из коих 15 в красках. СПб., 1907. 104 с.
- Вениамин, 1850** – *Вениамин (Смирнов В.Н.)*. О обращении в христианство мезенских самоедов в 1825–1830 годах // *Христианское чтение*. 1850. Часть II. С. 363-443.
- Вениамин, 1851** – *Вениамин (Смирнов В.Н.)*. О обращении в христианство мезенских самоедов в 1825–1830 годах // *Христианское чтение*. 1851. Часть I. С. 64-84.
- Вениамин, 1855** – *Вениамин (Смирнов В.Н.)*. Самоеды мезенские // *Вестник Императорского Русского географического общества*. 1855. Часть XIV, глава II. С. 77-140.
- Верещагин, 1849** – *Верещагин В.П.* Очерки Архангельской губернии. Санкт-Петербург, 1849. 409 с.
- ВУУоУИ, 1830** – Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. / Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1830. Т. 38. № 29126.
- Георги, 1799** – *Георги*. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов. Ч. III, СПб., 1799.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Ермилов, 1888** – *Ермилов Н.Е.* Поездка на Печору: Путевые заметки. Архангельск, 1888. 95 с.
- Есеева, 2007** – *Есеева О.В.* Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья. Архангельск, 2007. 253 с.
- Журавский, 1911** – *Журавский А.В.* Европейский Русский Север: к вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск, 1911. 36 с.
- Иславин, 1847** – *Иславин В.А.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.
- Истомин, 1890** – *Истомин Ф.М.* Поездка в Печорский край летом 1889 года. Санкт-Петербург, 1890. 29 с.
- Кильдяшова и др., 2022** – *Кильдяшова Т.А., Паршева Е.М., Сибирцева Ю.А.* Миссионерская и просветительская деятельность на Европейском Севере России в XIX – начале XX века: традиции веротерпимости // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Т. 11. № 1А. С. 243-258.
- КИОПиЦАЕ, 1895** – Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2: Уезды: Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. Архангельск, 1895. IV. 406 с.
- Козмин, 1913** – *Козмин Н.Д.* Архангельские самоеды: (Очерк их быта и верований). Санкт-Петербург, 1913. 48 с.
- Кольчева, 1956** – *Кольчева Е.И.* Ненцы Европейской России в конце XVII – начале XVIII в. // *Советская этнография*. 1956. № 2. С. 76-88.
- Латкин, 1853** – *Латкин В.Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печеру, в 1840 и 1843 годах. Санкт-Петербург, 1853.
- Львов, 1909** – *Львов В.Н.* Новая Земля, ее природа, животный мир, промыслы и население. Москва, 1909. 79 с.
- МАЕН, 1889** – Мероприятия Архангельского Епархиального начальства к религиозно-нравственному просвещению поселенцев (самоедов) на Новой Земле. Архангельск, 1889. 69 с.
- Перевалова, 2004** – *Перевалова Е.В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 414 с.
- Пошман, 1866** – *Пошман А.П.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. Архангельск, 1866-1873. 2 т. Т. 1. 1866. VI, 194 с.
- Сибирцев, 1862** – *Сибирцев М.* Воспоминание о Преосвященном Анастасии, бывшем епископе Екатеринославском и Таганрогском // *Странник: духов. уч.-литератур. журн.* 1862. Т. 1. С. 247-262.
- Старцев, 1930** – *Старцев Г.А.* Самоеды (ненча): Историко-этнографическое исследование. Л., 1930. 170 с.
- Танфильев, 1911** – *Танфильев Г.И.* Пределы лесов в Полярной России по исследованиям в тундре тиманских самоедов: С прил. сокр. дневника путешествия. Одесса, 1911. 287 с.
- ТАН, 1924** – Тундры Архангельской губернии и Автономной области Коми (зырян) / Арханг. губ. исполн. ком. Плановая комиссия. Архангельск, 1924. 74 с.
- УоУС, 1835** – Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года / Полное собрание Российской Империи – 2. Т. X. № 8071.

[Шабаев и др., 2017](#) – Шабаев, Ю.П., Садохин А.П., Кузнецова А.Ю., Шилов Н.В. Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 6. С. 125-148.

[Шабаев, 2015](#) – Шабаев Ю.П. Русский Север в процессе деколонизации: социальные и культурные риски на европейском Севере России // *Известия Коми НЦ УрО РАН*. 2015. № 3 (23). С. 106-118.

[Шульгин, 1987](#) – Шульгин В. Исторические сведения о просвещении христианством самоедов Архангельской епархии. Архангельск. 1897. 62 с.

[Энгельгардт, 1897](#) – Энгельгардт А.П. Русский Север. Путевые записки. СПб., 1897. 258 с.

[ЭИНС, 1982](#) – Этническая история народов Севера / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Отв. ред. И. С. Гурвич. Москва, 1982. 267 с.

[Schrenk, 1854](#) – Schrenk A.G. Reise nach dem Nordosten des europaischen Russlands, durch die Tundren der Samoeden, zum Arktischen Uralgebirge, auf Allerhochsten Befehl fur den Kaiserlichen botanischen Garten zu St. Petersburg im Jahre 1837 ausgefuhrt / Von Alexander Gustav Schrenk. Dorpat, 1848-1854. 730 p.

[Toulouze, 2011](#) – Toulouze E. Indigenous Agency in the Missionary Encounter: The Example of the Khanty and the Nenets // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2011. № 5 (1). Pp. 63-74.

[Vallikivi, 2003](#) – Vallikivi L. Minority and mission: Christianization of the European Nenets. *Pro Ethnologia*. 2003. № 15. Pp. 109-130.

[Zaikov, Tamitskiy, 2016](#) – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish factor in the history of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. // *Bylye Gody*. 2016. 3(41): 629-641.

References

[AEV, 1891](#) – Pustozersk. Sloboda Mezensko-go uezda arhangel'skoj gubernii. Geograficheskoe polozhenie i klimat Pustozerska [Pustozersk. The Settlement of the Mezen Uyezd of the Arkhangelsk Province. Geographical Location and Climate of Pustozersk]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1891. 3-4: 31-45. [in Russian]

[AEV, 1895](#) – Arhimandrit Veniamin – prosvetitel' mezenskih samoedov [Archimandrite Veniamin – the enlightener of the Mezen Samoyeds]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1895. № 21. Neofitsial'naya chast'. Pp. 513-516. [in Russian]

[AEV, 1895a](#) – Arhimandrit Veniamin – prosvetitel' mezenskih samoedov (Prodolzhenie) [Archimandrite Veniamin - the enlightener of the Mezen Samoyeds (Continued)]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1895. № 23. Neofitsial'naya chast'. Pp. 554-558. [in Russian]

[AGV, 1849](#) – *Arhangel'skie gubernskie vedomosti*. 1849. № 9. [in Russian]

[Akty..., 1841](#) – Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu kommissieyu [Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. T. 2. 1598-1613. SPb, 1841. 478 p. [in Russian]

[Bartenev, 1896](#) – Bartenev, V.V. (1896). Na krajnem severo-zapade Sibiri. Oчерki Obdorskogo kraja [On the Far North-West of Siberia. Essays on the Obdorsk Region]. SPb. 154 p. [in Russian]

[Borisov, 1907](#) – Borisov, A.A. (1907). U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo morya: Putevye oчерki hudozhnika Aleksandra Alekseevicha Borisova. S avtobiograficheskoy zametkoj i s 36 snimkami kartin avtora, iz koih 15 v kraskah [Among the Samoyeds. From Pinega to the Kara Sea: Travel essays by the artist Alexander Alekseyevich Borisov. With an autobiographical note and with 36 photographs of the author's paintings, 15 of which are in color]. SPb. 104 p. [in Russian]

[EINC, 1982](#) – Etnicheskaya istoriya narodov Severa [Ethnic History of the Peoples of the North]. Akad. nauk SSSR, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Отв. ред. И. С. Гурвич. Moscow, 1982. 267 p. [in Russian]

[Engel'gardt, 1897](#) – Engel'gardt, A.P. (1897). Russkij Sever. Putevye zapiski [The Russian North. Travel Notes]. Saint Petersburg. 258 p. [in Russian]

[Eseeva, 2007](#) – Eseeva, O.V. (2007). Pravoslavnyj monastyr' v religiozno-kul'turnom prostranstve Pinezhya [Orthodox Monastery in the Religious and Cultural Space of Pinezhye]. Arkhangelsk. 253 p. [in Russian]

[GAAO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Region]. Ermilov, 1888. – Ermilov N.E. (1888) Poездka na Pechoru: Putevye zametki [A Trip to Pechora: Travel Notes]. Arkhangelsk. 95 p. [in Russian]

[Georgi, 1799](#). – Georgi (1799). Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom Gosudarstve narodov [Description of all the Peoples Living in the Russian State]. Part III. SPb. [in Russian]

[Islavin, 1847](#) – Islavin, V.A. (1847). Samoedy v domashnem i obshchestvennom bytu [Samoyeds in Domestic and Public Life]. SPb. 142 p. [in Russian]

[Istomin, 1890](#) – Istomin, F.M. (1890). Poездka v Pechorskij kraj letom 1889 goda [A Trip to the Pechora Region in the Summer of 1889]. SPb. 29 p. [in Russian]

- Kildyashova et al., 2022** – *Kildyashova, T.A., Parsheva, E.M., Sibirceva, Y.A.* (2022) Missionerskaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' na Evropejskom Severe Rossii v XIX – nachale XX veka: tradicii veroterpimosti [Missionary and educational activities in the European North of Russia in the XIX - early XX century: traditions of religious tolerance]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*. 11(1A): 243-258. [in Russian]
- KIOPiTsAE, 1895** – *Kratkoe istoricheskoe opisanie prihodov i cerkvej Arhangel'skoj eparhii*. Vyp. 2: Uezdy: Shenkurskij, Pinezhskij, Mezenskij i Pechorskij [A Brief Historical Description of the Parishes and Churches of the Arkhangelsk Diocese. Issue 2: Uyezds: Shenkursky, Pinezhsky, Mezen and Pechora]. Arkhangelsk, 1895. IV. 406 p. [in Russian]
- Kolycheva, 1956** – *Kolycheva, E.I.* (1956). Nency Evropejskoj Rossii v konce XVII – nachale XVIII v. [The Nenets of European Russia in the late 17th – early 18th centuries]. *Sovetskaya etnografiya*. 2: 76-88. [in Russian]
- Kozmin, 1913** – *Kozmin, N.D.* (1913). Arhangel'skie samoedy: (Ocherk ih byta i verovanij) [The Arkhangelsk Samoyeds: (Essay on their Life and Beliefs)]. SPb . 48 p. [in Russian]
- Latkin, 1853** – *Latkin, V.N.* (1853). Dnevnik Vasiliya Nikolaevicha Latkina, vo vremya puteshestviya na Pecheru, v 1840 i 1843 godah [Diary of Vasily Nikolaevich Latkin, During a Trip to Pechora, in 1840 and 1843]. SPb. [in Russian]
- L'vov, 1909** – *L'vov, V.N.* (1909). Novaya Zemlya, ee priroda, zhivotnyj mir, promysly i naselenie [Novaya Zemlya, its Nature, Wildlife, Industries and Population]. M. 79 p. [in Russian]
- MAEN, 1889** – *Meropriyatiya Arhangel'skogo Eparhial'nogo nachal'stva k religiozno-nravstvennomu prosveshcheniyu poselentsev (samoedov) na Novoj Zemle* [Measures of the Arkhangelsk Diocesan Administration for the Religious and Moral Enlightenment of the Settlers (Samoyeds) on Novaya Zemlya]. Arkhangelsk, 1889. 69 p. [in Russian]
- Perevalova, 2004** – *Perevalova, E.V.* (2004). Severnye hanty: etnicheskaya istoriya [Northern Khanty: Ethnic History]. Yekaterinburg. 414 p. [in Russian]
- Poshman, 1866** – *Poshman, A.P.* (1866–1873). Arhangel'skaya guberniya v hozyajstvennom, kommercheskom, filosoficheskom, istoricheskom, fizicheskom i npravstvennom obozrenii, s poleznymi na vse onye chasti zamechaniyami [Arkhangelsk Province in Economic, Commercial, Philosophical, Historical, Physical and Moral Review, with Useful Notes on All These Parts]. Vol. 1. Arkhangelsk. VI, 194 p. [in Russian]
- Schrenk, 1848–1854** – *Schrenk, A.G.* (1848–1854). Reise nach dem Nordosten des europaischen Russlands, durch die Tundren der Samoeden, zum Arktischen Uralgebirge, auf Allerhochsten Befehl fur den Kaiserlichen botanischen Garten zu St. Petersburg im Jahre 1837 ausgefuhrt [Travel to the Northeastern European Russia, through the Tundra of the Samoyeds, to the Arctic Ural Mountains, on the Highest Command for the Imperial Botanical Garden in St. Petersburg in 1837]. Dorpat., 730 p. [in German]
- Shabaev et al., 2017** – *Shabaev, Yu.P., Sadokhin A.P., Kuznetsova A.Yu., Shilov N.V.* (2017). Russkij Sever v istoricheskoy dinamike: razrushenie proekta kul'turnoj kladovoj russkogo naroda i sovremennyj krizis etnicheskogo nacionalizma [The Russian North in Historical Dynamics: the Destruction of the Project of the Cultural Storehouse of the Russian People and the Modern Crisis of Ethnic Nationalism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 6: 125-148. [in Russian]
- Shabaev, 2015** – *Shabaev, Yu.P.* (2015). Russkij Sever v processe dekolonizacii: social'nye i kul'turnye riski na evropejskom Severe Rossii [The Russian North in the Process of Decolonization: Social and Cultural Risks in the European North of Russia]. *Izvestiya Komi NC UrO RAN*. 3(23): 106-118. [in Russian]
- Shul'gin, 1897** – *Shul'gin, V.* (1897). Istoricheskie svedeniya o prosveshchenii hristianstvom samoedov Arhangel'skoj eparhii [Historical Information about the Christianization of the Samoyeds of the Arkhangelsk Diocese]. Arkhangelsk. 62 p. [in Russian]
- Sibircev, 1862** – *Sibircev, M.* (1862). Vospominanie o Preosvyashchennom Anastasii, byvshem episkope Ekaterinoslavskom i Taganrogskom [Memories of His Grace Anastasiy, the Former Bishop of Yekaterinoslav and Taganrog]. Strannik: duhov. uch.-literatur. zhurn. Vol. 1. Pp. 247-262. [in Russian]
- Starcev, 1930** – *Starcev, G.A.* (1930). Samoedy (nencha): Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Samoyeds (Nenets): Historical and Ethnographic Study]. Leningrad. 170 p. [in Russian]
- TAN, 1924** – *Tundry Arhangel'skoj gubernii i Avtonomnoj oblasti Komi (zyryan)* [Tundras of Arkhangelsk Province and the Autonomous Oblast of Komi (Zyryans)]. Arhang. gub. ispoln. kom. Planovaya komissiya. Arkhangelsk. 74 p. [in Russian]
- Tanfil'ev, 1911** – *Tanfil'ev, G.I.* (1911). Predely lesov v Polyarnoj Rossii po issledovaniyam v tundre timanskij samoedov: S pril. sokr. dnevnika puteshestviya [The Limits of Forests in Polar Russia Based on Research in the Tundra of the Timan Samoyeds: With an Appendix of an Abridged Travel Diary]. Odessa. 287 p. [in Russian]
- Toulouze, 2011** – *Toulouze, E.* (2011). Indigenous Agency in the Missionary Encounter: The Example of the Khanty and the Nenets. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 5(1): 63-74.
- UoUS, 1835** – *Ustav ob upravlenii samoedami, obitayushchimi v Mezenskom ueзде Arhangel'skoj gubernii*. Vysochajshe utverzhdenyj 18 aprelya 1835 goda [Charter on the Management of Samoyeds Residing in the Mezen District of the Arkhangelsk Province. Highest Approved on April 18, 1835]. Polnoe sobranie Rossijskoj Imperii – 2. Vol. X. No. 8071. [in Russian]

Vallikivi, 2003 – Vallikivi, L. (2003). Minority and mission: Christianization of the European Nenets. *Pro Ethnologia*. 15: 109-130.

Veniamin, 1850 – Veniamin (Smirnov V.N.) (1850). O obrashchenii v hristianstvo mezenskikh samoedov v 1825–1830 godah [On the Conversion to Christianity of the Mezen Samoyeds in 1825–1830]. *Hristianskoe chtenie*. Part II. Pp. 363-443. [in Russian]

Veniamin, 1851 – Veniamin (Smirnov V.N.) (1851). O obrashchenii v hristianstvo mezenskikh samoedov v 1825–1830 godah [On the Conversion to Christianity of the Mezen Samoyeds in 1825–1830]. *Hristianskoe chtenie*. Part I. Pp. 64-84. [in Russian]

Veniamin, 1855 – Veniamin (Smirnov V.N.) (1855). Samoedy mezenskie [The Mezen Samoyeds]. *Vestnik Imperatorskago Russkago geograficheskago obshchestva*. Part XIV, Chapter II. Pp. 77-140. [in Russian]

Vereshchagin, 1849 – Vereshchagin, V.P. (1849). Ocherki Arhangel'skoj gubernii [Essays on the Arkhangelsk Province]. SPb. 409 p. [in Russian]

VUUoUI, 1830 – Vysochajshe utverzhdenyj Ustav ob upravlenii inorodcev ot 22 iyulya 1822 g. [The Highest Approved Charter on the Management of Foreigners of July 22, 1822]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda*. 1830. Vol. 38. No. 29126. [in Russian]

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov, K.S., Tamitskiy, A.M. (2016). Finnish factor in the history of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. 3(41): 629-641.

Zhuravskij, 1911 – Zhuravskij, A.V. (1911). Evropejskij Russkij Sever: k voprosu o gryadushchem i proshlom ego byta [The European Russian North: on the Question of its Future and Past Life]. *Arkhangelsk*. 36 p. [in Russian]

Христианизация самоедов на европейском севере России в XVI–XIX вв.

Александр Михайлович Тамицкий ^{a, *}, Ольга Владимировна Есеева ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Анализ исторического опыта государственного управления и реализации церковно-государственной политики, в том числе на региональном уровне, выступает ресурсом адаптивного управления в контексте современного разнообразия социокультурной среды и потребности в гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений. Распространение христианства среди малочисленных народов европейского севера России являлось в XVI-XIX вв. попыткой их интеграции в российское общество. Синтез исконных и привнесенных элементов выступает свидетельством не только религиозного синкретизма, но и уникальности процессов христианизации указанного периода. Цель статьи заключается в представлении периодов христианизации самоедов на европейском севере России в XVI-XIX вв. Источниковая база исследования представлена материалами законодательных актов Российской империи, 29 фонда Архангельской духовной консистории Государственного архива Архангельской области, а также материалами региональной периодической печати. Методами исследования выступили историко-сравнительный и проблемно-хронологический. По результатам исследования выделены четыре периода реализации церковно-государственной политики по христианизации самоедов на европейском севере России в XVI-XIX вв. В первом периоде (конец XVI в. – нач. XIX в.) христианизация осуществлялась через обучение и деятельность отдельных миссионеров среди местного населения. Второй период (1825–1830 гг.) отличается массовым крещением и попытками воцерковления самоедов. В рамках третьего периода (1830–1880 гг.) зафиксировано создание в ненецких тундрах приходов и воцерковление самоедов силами приходского духовенства. Четвертый период (1887–1899 гг.) характеризуется миссионерской деятельностью на Новой Земле и созданием монастырских скитов в тундрах европейского севера России.

Ключевые слова: европейский север, Архангельская губерния, христианизация, самоеды, ненцы, духовные миссии, миссионерская деятельность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.tamitskij@narfu.ru (А.М. Тамицкий), o.eseeva@narfu.ru (О.В. Есеева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1019-1026
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1019

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Syabry” and Economic Development of the South of Russia in the first half of the 17th century

Denis A. Lyapin ^{a, *}, Nikolay A. Zhirov ^a

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the consideration of the economic activities of small landowners – the first colonizers of the southern outskirts of the Russian state in the 17th century. “South of Russia” is the conventional name for the southern districts of the western part of the state relative to the era of the reign of the first Romanovs. Today this territory is the economic region of the Central Black Earth Region. The issue of economic development of these forest-steppe spaces at the first stage of annexation remains quite complex. Among the various social aspects of Russian colonization of the region, a special place is occupied by the issue of “syabrs” – under this name small Russian landowners are mentioned in landownership documents. It is believed in science that the “syabrs” were members of informal rural communities, the first landowners who actively populated this region. The authors of the article clarify: they were called “syabrs” only in the case of joint ownership of part of the land, forest or reservoir. This tradition of common ownership (“syabrovoe”) survived until the second half of the 19th century. The arable lands of the “syabrs” were officially in individual use, but in reality they were cultivated collectively. The main source for writing the article was the refusal books of southern Russian districts of the 1630s and 40s. Additional documents were also used: office materials from the Belgorod table and customs books. The authors consider various methods of economic development of the South of Russia and come to the conclusion that the “syabrs”, receiving virgin (“wild”) lands for use, used all opportunities for the exploitation of natural resources: they fished, hunted, extracted honey and tar. Various methods of economic activity contributed to the formation of a single market and the development of this rich and fertile region. As a result, the effectiveness of collective efforts to develop new “wild” spaces in the South was manifested in the fact that Russia, despite external threats and wars, was able to gain a foothold in these lands, build a defensive line and move further to the Black Sea.

Keywords: “syabry”, landowners, single-yarders, South of Russia, plowing, colonization, crafts, land ownership.

1. Введение

Сябрами традиционно считают представителей промыслового населения в России XV-XVII вв., занимающегося хозяйственной деятельностью совместно. Распространение этого термина в юридической документации Великого княжества Литовского, псковщины и новгородчины указывает на его древнее происхождение. В Новгороде под сябрами понимали нескольких совладельцев одной вотчины. Слово «сябр» известно по актам северо-западного края в значении «пайщик», «сосед», с производными от «сябра» – «артель», «община», а сябры – «товарищи» (Ляпунов, 1980: 85). На Псковщине сябрами именовались обычно пришлые новопоселенцы, составлявшие сплоченную общину (Никонов, 2004: 13, 17; Постников, 2023: 31-50). В Старой Руссе этим термином назывались ближайшие соседи по двору, иногда родственники (Селин, Клейменов, 2023: 465-473). В Торопецком уезде «сябренные» общины крестьян совместно владели землей, сельскохозяйственными и промысловыми угодьями и были первопроходцами этого лесного и болотистого края (Степанова,

* Corresponding author

E-mail addresses: lyapin-denis@yandex.ru (D.A. Lyapin), zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

Карпова, 2021: 52-72). «Сябровые» формы землеведения, связанные с коллективным владением на основе кровного родства, отмечались на Русском севере (Косвен, 1950: 65-71).

Вместе с движением Российского государства в южные пограничные земли в конце XVI-XVII вв. этот термин стал употребляться на новых присоединенных территориях лесостепной и степной зон. Здесь сябрами называли себя мелкие помещики, обычно однодворцы, составлявшие единые трудовые коллективы переселенцев на новые земли (Нечаев, 2022: 92-107). В этом отношении данный термин имеет отчасти и дружеский, неформальный оттенок. Показательно, что в белорусском языке слово «сябар» обозначает друга, а в украинском языке «сяборный» – оригинальная форма крестьянского землевладения, суть которого заключается во владения землей группой близких родственников (Лучицкий, 1889: 23-31).

Итак, сябрами на юге России назывались мелкие помещики, как правило, однодворцы, объединившиеся неформально для ведения совместной трудовой деятельности. По причине такого хозяйственно-общинного содержания данный термин был вынесен в заглавие статьи, но в социальном и военном аспектах сябры являлись, прежде всего, служилыми землевладельцами. Неслучайно в документации они прямо называются «старые помещики», т.е. первые владельцы отведенной им в «дачи» территории «диких» земель.

Название «сябровый» в значении «совместного владения» надолго закрепилось на территории черноземного края. Еще в середине XIX в. в Курской губернии так называли общие земли, появлявшиеся на распаханых деревенских лугах или вымороченных участках, а в Харьковской губернии в XIX веке «сябрами» были крестьяне, покупающие в складчину для продажи мед, хлеб или другие товары (Зверев, 1888: 304-307). Коллективные «сябриные леса» упоминаются на Черниговщине в документации 1868 г. (Багалея, 1883: 17).

2. Материалы и методы

Упоминания о сябрах, как правило, встречаются в делах, связанных с земельными отношениями, в столбцах Приказного стола Российского государственного архива древних актов (г. Москва, Российская Федерация) (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6е. Д. 502, 627, 756). Однако в основе данной статьи находится, главным образом, анализ «отказных книг». Под словом «отказ» в XVII в. понимали передачу в пользование земель в качестве официального пожалования за службу. В изучаемой местности, на черноземном юге Российского государства, пожалования осуществлялись по просьбе служилого населения в пределах положенного земельного оклада. Иногда просьбы «отказать» земельные угодья подавались помещиками коллективно на пустые или заброшенные участки. По мере накопления просьб в уезде проводились земельные раздачи, по итогам которых и составлялись «отказные книги». Зафиксированная в них информация являлась правовым основанием для владения земельным участком (Важинский, 1974: 84).

При работе с отказными книгами важно учитывать их формуляр, который довольно стандартен. В начале следует описание места раздачи угодий, затем лиц, получавших земли, потом – подробное описание распределенных территорий, и в конце указывались соседи по угодьям. Применявшийся формулярный анализ позволил обработать большое количество отказных книг с целью получения итоговых обобщенных данных. Сравнительный анализ был направлен на то, чтобы выявить общее и особенное в изученных земельных описаниях. В своей работе мы исходили из того, что сведения о размерах земельных владений в XVII в. носили условный характер, однако описания угодий были вполне достоверными. Метод индукции позволил сделать итоговые выводы исходя из собранных в отказных книгах данных.

3. Обсуждение

Как было показано выше, историками, главным образом, изучалась специфика общины сябров, проживавших на западе русских земель, а также на белорусских и литовских территориях. На основе имеющихся накопленных материалов и сравнительного анализа социального и правового статуса сябров С.В. Васильев даже предположил, что в XV в. они представляли собой отдельную социальную страту свободного населения (Васильев, 2011: 114-121). На южных рубежах России вопрос о сябрах затрагивался всего несколько раз. Впервые это было сделано в 1903 г. в обширной статье П. Иванова. Им были показаны особенности «сябровой трудовой артели», отношения внутри коллектива, а также взаимодействие с властью (Иванов, 1903: 413-427). Затем, уже гораздо позже, В.М. Важинский в исследовании однодворческого землеведения отметил, что «сябрами» называли себя соседи, как правило, мелкие помещики, составлявшие единую «сябровую» общину. По мнению историка, этот термин значил «братство, единение, товарищество в труде» (Важинский, 1974: 168-172). Американский ученый Б. Девис в книге о «ситуации в Козлове» отмечал, что сябры жили большими «деревенскими коммунами» – особыми коллективными хозяйствами, которые были необходимы, чтобы организовать распашку целинных земель и оборону от постоянных набегов татарских отрядов» (Davies, 2004: 118-119).

4. Результаты

Сам термин «сябры» упоминается в отказных книгах всегда применительно к общим владениям служилых людей. Например, при распределении земель в с. Сенном Воронежского уезда в 1631 г. одному из местных помещиков полагалось после получения новых владений пользоваться лесом по обе стороны р. Воронеж к д. Излегощи «*со всеми себрами вопче*» ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 76). При разделе запустевших земель помещицы Федосьи в с. Лопатки того же уезда было составлено их описание с указанием общего пользования лесом и рыбной ловлей в р. Дон и р. Воронеж и «*всякими угоды вопче с помещици в селе Лопатках с детьми боярскими с Архимом Сидоровым да с Анисимом Горожанкинным да с Сергеем Попориновым со всеми себрами вопче*» ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 77). В Тускорском стане Курского уезда в 1631 г. местному помещику предписывалось «в том поместье пахать и сена косить и в леса выезжать и всяким угодем владеть... со старыми помещици, а со своими себрами» ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 137).

Иногда в документах встречаем и список сябров, вместе с которыми помещик должен владеть землями. Обычно это 5-10 человек, но в некоторых случаях сябров у помещика могло быть всего двое. Так, в Курицком стане Курского уезда Федор Проваторов получил земли со всеми угодыями на правах совместного владения «*со старыми помещици, а своими себрами, с Матвеем Сергеевым да с Кутармою Завалишиным вопче через десятину по своим дачам*» ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 139).

Упоминания сябров за пределами документов по землевладению достаточно редки. Так, в Ливенском уезде в 1650 г. на колядках у помещика Гавриила Антоновича Писарева было украдено 20 пудов меда и несколько туш говядины. Пострадавший долго отсутствовал дома, увлекшись весельем, а когда вернулся, к нему пришла в гости большая компания сябров. Обнаружив пропажу, Писарев обвинял в краже одного из них, но тот категорически все отрицал. Сябры всячески стыдили Писарева за то, что он винит в краже товарища, и даже силой «*приводили его к кресту, чтоб ему не мстит*» ([РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 273. Л. 375](#)). 7 января 1639 г. воронежец Исай Щербатый обвинял «*сумежных шабров*» Степана Азарова и Кондратия Костылева в том, что они вывезли заготовленное им и его соседями сено 600 копен «*насильством*», от чего «*поморили с голоду скотину*» ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 78).

Итак, сябры, как правило, упоминаются в качестве соседей, совместно владеющих частью угодий: лесами, озерами и участками рек. Это обстоятельство отсылает к существовавшей в этом окраинном, диком регионе неформальной трудовой общины, игравшей значимую роль в хозяйственном освоении лесостепного Черноземья России, в особенности в первой половине XVII в., когда русская колонизация этих земель только набирала свои обороты ([Ляпин, 2022: 136-141](#)). Именно это последнее обстоятельство определило хронологические рамки нашей статьи первой половиной XVII в., а точнее период 1620–1640-гг.

Из общих упоминаний в документах мы можем понять, что представляла собой деревня помещиков-сябров. По всей видимости, это было поселение, состоящее из частей (усадеб). Сама усадьба включала жилой двор, прилегающие постройки, огород и гумно ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 137, 146). По указу 1682 г. размер земли, выделяемый писцами под усадьбу, должен был составлять 5 дес. на каждые 100 четвертей «*земельной дачи*» ([ПСЗ. Т. 2...., 1830: 379](#)). Деревня имела ограждение (околицу), представлявшее собой изгородь и укрепления (рвы и ямы), иногда называемые словом «*котлубань*» (т.е. котлован), и колки (деревянные кольца) ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 135). Дело о конфликте за «*Хворостанские ухояи*» в Воронежском уезде свидетельствует о том, что укрепления деревни были достаточно серьезными, чтобы «*сидеть в осаде*» некоторое время ([ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 151. Л. 1](#)). В иных случаях при описании полученных угодий сябры особо указывали на наличие гончарной глины вблизи деревни ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 174).

Конечно, главное место в хозяйстве сябров занимало земледелие. В изученных отказных книгах земли делились на «*добрые*» и «*худые*». О способах обработки земли редко упоминалось, но в некоторых случаях указывалось, что местные помещики пахут «*через загон*», то есть поэтапно или определенную часть поля. Кроме ржи, помещики выращивали гречиху, чеснок и коноплю. Пашенные земли сябров находились официально в индивидуальном пользовании, но на деле обрабатывались коллективно, «*через десятину*» ([Важинский, 1974: 164; Жиров, Ляпин, 2023: 442-444](#)).

Домашний скот нуждался в местах для выпаса. Обычно такие выпасы назывались «*выгон животинный*». В других случаях применительно к местам выпаса упоминался термин «*на пощипах*» ([Памятники южновеликорусского наречия...](#), 1977: 175). Речь шла о луговых покосах, на которых обычно пасли скот поздним летом и осенью, когда трава на основных выгонах начинала сохнуть, а животным требовался сочный корм. Этот важный прием также был необходим для того, чтобы очистить луг под сенокос следующего года от остатков старой сухой травы, которая появлялась на местах сенокоса. Доступ к выпасу отводился новым переселенцам и специально оговаривался. Сябры могли пасти общее стадо, выбрав пастуха (подростка, нетрудоспособного инвалида или старика), но у каждого деревенского двора всегда был свой отдельный «*выгон*».

При описании угодий упоминалось наличие *хмелевой лозы*, произрастающей на болотах, по берегам ручьев и рек ([Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 81, 172](#)). Хмель использовался для производства пива, хлеба, а также в народной медицине. Другой вид хозяйственной деятельности – *производство дегтя*. Дегтярные ямы располагались на окраине лесов и иногда фигурировали в описании земель как географические ориентиры. Для добычи дегтя на окраине лесного массива делалась специальная яма, где выжигали смолу. Например, в апреле 1635 г. белгородской помещице Арине Гранкиной были отмерены земли «под Саженым лесом возле дегтяной ямы на Черемашном колодезе» ([Памятники южновеликорусского наречия., 1977: 198, 200](#)). Деготь использовался для просмаливания лодок и любых деревянных строений.

Важное место в жизни сябров-переселенцев занимал лес. В отказных книгах встречаются «хоромные», то есть строевой и «дровяной» леса. Реже упоминался «лес селитебной», значение которого применительно к XVII в. неясно, но, вероятно, речь шла о новой лесной поросли на местах вырубок. В отдельных случаях возле деревень упоминались специальные «леса на убог от воинских людей» ([Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 33](#)). В отказных книгах иногда указывался тип прилегающего к деревне леса: ольшаник, липяг, бор, терновый лес, березовая дубрава (смешанный лес), черный бор (сосново-кленовый), «лещинские леса», ивняк. В некоторых случаях небольшие лесные массивы описывались в угодьях сябров как «лески». Лески всегда находились в коллективном владении. Например, елецкие помещики при распределении новых угодий получили в общее пользование «на диком поле пять лесков» ([Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 89](#)). Лес также был источником грибов, плодов, ягод и иных дополнительных источников питания. В документах можно встретить следующие наименования ручьев, протекавших рядом с лесами или непосредственно в них: Малинки, Смородинный, Клюква и т.д.

В случае долгого запустения оставленные поля зарастали деревьями, что снижало ценность земли при продаже или перераспределении. Иногда, в случае отсутствия открытых площадей для земельных работ, коллективными усилиями сябры «прокапывали» лес (вырубали, потом жгли и распахивали). Получило распространение и подсечно-огневое земледелие, при котором через 2-3 года пашни забрасывались и быстро зарастали березой, осинкой, орешником. Такие леса назывались в отказных книгах «пашенными».

При описании угодий сябров упоминались и *болота*. Как правило, они имели следующие характеристики: моховое, хмелевое, вербовое. Иногда наиболее крупные получали отдельные названия, например, «Сатанинское» в Карачевском уезде ([Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 15, 70, 74, 81, 116](#)). Произрастающие на болотах растения использовались местными жителями. Ива была необходима для плетения корзин, коробов, ларей, мох применяли при строительстве и в народной медицине.

Водоём, которым сябры владели коллективно, был обязательной частью их угодий. «Водопоём» фигурировал в отказных книгах как важная часть того или иного участка. Иногда при описании земель сябров указывалось наличие на реке «мельничных мест». Некоторые помещики при описании земель давали характеристику источника воды: она могла быть «прудовая» или «колодезная». Небольшими рыбными «озерками» владели сообща, а вот промысловая добыча рыбы в реке с целью ее продажи могла быть реализована только путем получения «ухожая» или откупа ([РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 8. Л. 132-133](#)). Сябры могли взять такой участок коллективно или получить в индивидуальное пользование. На реках ставили сети, неводы, а также рыбачили с помощью ости (колющее устройство наподобие остроги) ([РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 8. Л. 131об.](#)). Рыбу привозили для реализации в ближайший город на рынок. Среди видов рыбы отдельно упоминались плотва и ласкирь (сорт мелкой рыбы семейства карповых).

Сбор меда, безусловно, являлся значимой частью хозяйственной эксплуатации региона. Для сябров-переселенцев важную роль играли находящиеся в лесу «бортья», что указывалось в описании угодий, но чаще всего бортные леса брали отдельно в качестве «ухожая» с выплатой налога ([Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 97, 115, 118, 122, 146](#)). Так, например, в Карачевском уезде отмечались коллективные «бортные ухожья в черном бору», а в Елецком – «бортный лес». В качестве примера приведем описание бортьев в Подгороднем стане Карачевского уезда в отказной книге 1636 г. ([Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 122](#)). Здесь «в луках» (изгибистых мелких речках) под Большим лесом росли сосны, в которых были устроены пчелиные дупла: 4 дерева с пчелами и 105 без пчел, на каждом был соответствующий знак владельца – «знамя». Бортья принадлежали «изстари» местным помещикам Лужецким, «отцам их и деду». Далее располагался еще один бортный ухожай: 4 сосны с пчелами и 75 без пчел. Затем уже в другом месте стояли деревья без пчел, из которых 88 были «дельными», а 8 – «холосцов, которые в дело пригодятся». Во всех местных ухожаях находилось более 3 тыс. деревьев, разбросанных вдоль Большого леса вниз по р. Снежить.

Со временем каждый помещик мог поставить себе пчельник, в котором обычно находилось 10-15 ульев ([ГАВО. Ф. И.–182. Оп. 3. Д. 484. Л. 1–8 об.; ОР РГБ. Ф. 204. Д. 6. № 2. Л. 1–3](#)). По обобщенным данным Ю.А. Мизиса, мед активно реализовывался на рынках Черноземья и был одним из самых распространенных товаров ([Мизис, 2006: 589, 590](#)). К северо-западному участку Тамбовского уезда в

Мещерских лесах бортничеством активно занималось местное мордовское население, составлявшее серьезную конкуренцию мелким помещикам (Мизис, Напольникова, 2022: 143-159).

Среди видов хозяйственного использования диких пространств южных окраин важное место занимала охота. В описании сябровых земель встречаем упоминания о таких способах добычи зверя, как вспуды, перевеси и сети. Вспудами назывались специальные ямы, рассчитанные на диких животных, обычно туда попадали кабаны и олени. Перевеси – разновидность сетей, ставившихся на оленей и крупных птиц, а на мелких копытных, косуль, которых называли «козами», в лесу устанавливали особые «козиные сети» (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 146).

Для добычи волков рыли покрытые хворостом «волчьи ямы» с приманкой на шесте. Такие ямы сябры ставили недалеко друг от друга на окраине леса или поля, они служили хорошими ориентирами при описании границ владений (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 122). Изображая достоинства того или иного участка, мелкие помещики в некоторых случаях указывали на наличие по близости «суровых и лисьих ям», т.е. нор сурков и лисиц. Большие скопления этих нор даже давали названия топонимам, например, «Лисья гора» или «Суровые ямы». Кроме того, в документах встречаются топонимы, связанные с добычей пушнины: «Куний верх» и «Барсуков верх» (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 100, 185, 195, 197).

В некоторых отказных книгах сябры указывали на находящиеся рядом с поселением «*лосиные стойла*» – места стоянки этих животных (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 122). Описание процесса охоты на лося в источниках неизвестно. Однако в таможенных книгах лосиные туши («лосина») встречаются в качестве привезенного на продажу товара (Таможенные книги..., 1982: 23, 43). Наконец, упоминаются «*бобровые гоны*» – места добычи бобра как часть ухоя, располагавшегося рядом с поселением сябров. Наиболее частые упоминания о бобрах связаны с районом р. Быстрая Сосна на территории Ливенского и Елецкого уездов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16. Л. 250-252, Л. 556-560).

Отказные книги, содержащие подробные описания земель сябров – первых помещиков, могут служить хорошим источником для получения представлений о ландшафте осваиваемой территории, так как содержат подробное описание «отказываемых» земель и их границ. В качестве наглядного примера здесь можно привести следующий отрывок из белгородских документов, где на Северском Донце земли выдавались помещику Даниле Мезенцеву. Он получил территорию за Ливенской дорогой под Разуменскими лесами от Северского Донца через лес. Его территория начиналась там, где на открытом пространстве стоял большой «дуб толст с наклоном вправо», а рядом в двух саженях стоял дуб поменьше. От этого дуба граница шла через кусты и камыши к трем березам «на одном корени», а далее в 10 саженях у большого куста ивы начинались земли его соседа Якова Гревцова. Далее граница тянулась перелеском к большому кусту с водой и приземистым дубом. Затем начиналась степь, посреди которой «стоят четыре гнезда лозы, а пятое гнездо осины», отсюда граница поворачивала к большому кусту и далее к Ливенской дороге. Здесь сябрам можно было заниматься жатвой. Потом граница шла также через степь к месту, где стоял «дуб краковист на полдни», а затем рубеж шел к большому дубовому пню. От того пня границы поместья поворачивали через небольшую дубраву, прямо через чащу «на полночь». Этот путь вел к большой поляне, посреди которой на одном корне стояли два дуба «на полдень», затем надо было следовать к другому дубу на краю Разуменского леса, а от него к большой березе. Здесь заканчивались границы земель Данилы Мезенцева (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 100, 23).

Данное описание довольно типично. Оно рисует лесостепной ландшафт с преобладанием степных пространств. Среди лесных массивов чаще всего упоминаются дубравы. Но большие дубы служили ориентирами и, следовательно, не были распространены. Лесные поляны были часто заболочены и зарастали ивами или осинами. Отдельно упоминаются ольшаники, произрастающие на берегах ручьев и небольших рек. Встречаем также упоминание березы, тополя и ольхи.

Еще одно описание, которое хорошо подходит в качестве примера, связано с «отказом» отцовских земель в апреле 1635 г. молодой помещице Арине Гранкиной под Саженым лесом возле дегтяной ямы на Черемашном колодезе. Ее 11 четвертей начинались у дубравы на Липовом Донце и включали обширные липовые рощи (липяги). Земля далее тянулась вдоль Липового городища по Курской дороге до большого Тетеревиного леса. Здесь лежали участки, выделенные под распашку через десятину с соседями – помещиками Крюковым и Ждановым. Они владели землями, которые тянулись от той же дегтяной ямы до Липового Донца мимо трех курганов к густому ольшанику, а потом на горку к Непехаевой гати. Косить сено надлежало каждому помещику «в конце своих поль» или же вдоль массивных старых дубрав (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 23).

Летом 1621 г. проходила раздача земель по р. Корень в Белгородском уезде (Памятники южновеликорусского наречия..., 1977: 11). Здесь помещик Авдей Левин получил земли покойного Лукьяна Глубокого. Общий размер его владений составил 109 четвертей «дикого поля» и три осьмины распаханной земли. Интересно, что помещик до этого уже имел 200 четвертей земли, и в итоге размер его владений составил почти 310 четвертей. Владеть пашенной землей Левин должен был так же, как и его предшественник – через полосу со своими соседями, «а сена косить под конец поль и по речке по Нежегали по лугам по обе стороны». Что касается леса, то ему разрешалось пользоваться лесом

«селитебным» и «дровеным» по обе стороны р. Корень вместе с другими местными жителями. Таким образом, приобретая новые земли, он становился частью местного «мира» сябровой общины.

Было бы ошибочным идеализировать общину сябров. Хотя они называли себя в коллективных просьбах «друзьями-товарищами» и «хлебоятцами» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 273. Л. 375; 1184), сплочение их было вынужденной мерой, необходимым условием приспособления, выработанным жизненной необходимостью. В нашем распоряжении имеется большое количество документов о внутренних конфликтах, тяжбах, спорах, воровстве, разбое, грабежах, драках, «бесчестьях». Сплоченная община сябров без труда превращалась в сельское общество, опутанное тяжбами и конфликтами, взаимными претензиями и недовольством (Жиров, 2023: 32-41).

5. Заключение

Таким образом, сябры, первые переселенцы на южную черноземную окраину европейской России, использовали все ресурсы для хозяйственного освоения нового региона, выбирая сразу несколько способов хозяйственной деятельности в зависимости от возможностей своего участка (угодья). Так постепенно менялся окружающий ландшафт, переходя из естественного в антропогенный. Трудно выделить какие-то наиболее значимые средства хозяйственной деятельности общины, кроме земледелия, всегда являвшегося фундаментом развития региона. В отказных книгах при описании угодий встречаем указания на наличие рядом бортовых и рыбных ужожаев, лесов, болот для сбора хмеля, ягод и лозы – все, что можно было подчинить хозяйственному интересу, не только для собственного употребления, но и для продажи. Разнообразные способы хозяйственной деятельности мелких помещиков в лесостепном Черноземье способствовали развитию рынка и освоению этого богатого и плодородного края.

В конечном счете, эффективность коллективных усилий для освоения новых «диких» пространств на Юге проявилось в том, что Россия, несмотря на внешнюю угрозу и частые войны, смогла закрепиться на этих землях, построить оборонительную линию и двинуться дальше к Черному морю. Общинное начало, ярко проявившееся в «сябровом» владении, позволяло русскому населению приспособиться к сложным условиям лесостепного пограничья.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

- Багалец, 1883 – Багалец Д.И. Займанщина в левобережной Украине XVII и XVIII ст. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Нови, 1883. 33 с.
- Важинский, 1974 – Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов). Воронеж: ВГПИ, 1974. 237 с.
- Васильев, 2011 – Васильев С.В. «Сябры» у восточных и южных славян // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 114-121.
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области.
- Жиров, 2023 – Жиров Н.А. Конфликты и тяжбы между однодворцами и помещиками Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *История: факты и символы*. 2023. № 4 (37). С. 32-41. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-41>
- Жиров, Ляпин, 2023 – Жиров Н.А., Ляпин Д.А. Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках // *Научный диалог*. Т.12. № 4. С. 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450.
- Зверев, 1888 – Зверев П. Курские старозаимочники и однодворцы // *Юридический вестник*. 1888. № 6, 7. С. 300-321.
- Иванов, 1903 – Иванов П. Сябры-помещики // *Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП)*. 1903. Ноябрь. С. 406-442.
- Косвен, 1950 – Косвен М.О. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище // *Советская этнография*. 1950. № 2. С. 65-76.
- Лучицкий, 1889 – Лучицкий И. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии: [Ист.-арх. очерк] / [Соч.] И. Лучицкого. Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1889. 34 с.
- Ляпин, 2022 – Ляпин Д.А. Социальный состав и динамика численности сельского населения региона Белгородской черты во второй половине XVII века // *Filo Ariadne*. 2022. № 2. С. 136-150.
- Ляпунов, 1928 – Ляпунов Б. Семья, сябр – шабер: этимолог. исслед. // *Сборник Отделения русского языка и словесности (ОРЯС)*. 1928. С. 257-263.
- Мизис, 2006 – Мизис Ю.А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Юлиус, 2006. 815 с.
- Мизис, Напольникова, 2022 – Мизис Ю.А., Напольникова П.К. На южных рубежах Московского государства. Т. 1. Тамбов: Издательский дом: «Державинский», 2022. С. 143-159.

- [Nechaev, 2022](#) – *Nechaev V.V.* Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // *История: факты и символы*. 2022. № 2 (31). С. 92-107.
- [Никонов, 2004](#) – *Никонов С.А.* Исторический комментарий к псковской ободной грамоте № 32 // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2004. Сер. 2. Вып. 3-4. С. 12-18.
- [Памятники южновеликорусского наречия., 1977](#) – *Памятники южновеликорусского наречия*. Отказные книги. Издание подг. С.И. Котков, Н.С. Коткова. Москва: Наука, 1977. 359 с.
- [Памятники южновеликорусского наречия., 1982](#) – *Памятники южновеликорусского наречия*. Таможенные книги. Издание подг. С.И. Котков, Н.С. Коткова. Москва: Наука, 1982. 343 с.
- [Постников, 2023](#) – *Постников А.Б.* Две данных грамоты преподобному Евфросину Псковскому на земли под монастырь в 1450-х-1465 гг. (новые открытия) // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2023. Вып. 111. С. 31-50.
- [ПСЗ](#) – Полное собрание законов Российской империи.
- [РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов.
- [Селин, Клейменов, 2023](#) – *Селин А.А., Клейменов В.И.* Посадское население Старой Руссы по материалам Писцовой книги 1497/98 г.: предварительные наблюдения // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2023. № 5(50). С. 465-473.
- [Степанова, Карпова, 2021](#) – *Степанова Ю.В., Карпова М.В.* «Гнездовая» система расселения в Торопецком уезде по данным писцовой книги 1540 г. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2021. № 5. С. 52-72.
- [Davies, 2004](#) – *Davies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

References

- [Bagalei, 1883](#) – *Bagalei, D.I.* (1883). Zaimanshchina v levoberezhnoi Ukraine XVII i XVIII st. [Zaimanshchina in the Left-bank Ukraine of the 17th and 18th centuries]. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novyi, 33 p. [in Ukrainian]
- [Devies, 2004](#) – *Devies, L.B.* (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649 (2004). New York, Palgrave Macmillan, 308 p.
- [GAVO](#) – Gosudarstvennyy arhiv Voronezhskoj oblasti [State Archives of the Voronezh Region].
- [Ivanov, 1903](#) – *Ivanov, P.* (1903). Syabry-pomeshchiki [Syabry-landowners]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)*. Noyabr'. Pp. 406-442. [in Russian]
- [Kosven, 1950](#) – *Kosven, M.O.* (1950). Severorusskoe pechishche, ukrainskie syabry i belorusskoe dvorishche [North Russian stove, Ukrainian syabry and Belarusian courtyard]. *Sovetskaya etnografiya*. 2: 65-76. [in Russian]
- [Luchickij, 1889](#) – *Luchickij, I.* (1889). Syabry i syabrinnoe zemlevladienie v Malorossii [Syabry and Syabry land ownership in Little Russia]. I. Luchitskogo. Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova. 34 p. [in Russian]
- [Lyapin, 2022](#) – *Lyapin, D.A.* (2022). Social'nyj sostav i dinamika chislennosti sel'skogo naseleniya regiona Belgorodskoj cherty vo vtoroj polovine XVII veka [Social composition and dynamics of the rural population of the Belgorod region in the second half of the 17th century]. *Filo Ariadne*. 2: 136-150. [in Russian]
- [Lyapunov, 1928](#) – *Lyapunov, B.* (1928). Sem'ya, syabr – shaber: etimolog. Issled. [Family, September – scraper: etymologist. Research]. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti (ORYaS). Pp. 257-263. [in Russian]
- [Mizis, 2006](#) – *Mizis Yu.A.* (2006). Formirovanie rynka Central'nogo Chernozem'ya vo vtoroj polovine XVII – pervoj polovine XVIII vv. [Formation of the market of the Central Black Earth Region in the second half of the 17th – first half of the 18th centuries]. Tambov: Yulius, 815 p. [in Russian]
- [Mizis, Napol'nikova, 2022](#) – *Mizis, Yu.A., Napol'nikova, P.K.* (2022). Na yuzhnyh rubezhah Moskovskogo gosudarstva [On the southern borders of the Moscow state]. T. 1. Tambov: Izdatel'skii dom: «Derzhavinskii». Pp. 143-159. [in Russian]
- [Nechaev, 2022](#) – *Nechaev, V.V.* (2022). Nepriznannoe soslovie (odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII – nachale XIX vv.) [Unrecognized class (odnodvortsy Central Chernozem region in the XVIII – early XIX centuries)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2(31): 92-107. [in Russian]
- [Nikonov, 2004](#) – *Nikonov, S.A.* (2004). Istoricheskij kommentarij k pskovskoj obodnoj gramote №32 [Historical commentary on the Pskov rim charter No. 32]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2(3-4): 12-18. [in Russian]
- [Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya., 1977](#) – *Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya*. Otkaznye knigi [Monuments of the South Great Russian dialect. Refused books]. Otkaznye knigi. Izdanie podg. S.I. Kotkov, N.S. Kotkova. Moskva: Nauka, 1977. 359 p. [in Russian]
- [Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya., 1982](#) – *Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya*. Tamozhennye knigi [Monuments of the South Great Russian dialect. Customs house books]. Izdanie podg. S.I. Kotkov, N.S. Kotkova. Moskva: Nauka, 1982. 343 p. [in Russian]
- [Postnikov, 2023](#) – *Postnikov, A.B.* (2023). Dve dannyh gramoty prepodobnomu Evfrosinu Pskovskomu na zemli pod monastyr' v 1450-h-1465 gg. (novye otkrytiya) [Two letters given to

- St. Euphrosynus of Pskov for land for a monastery in the 1450s-1465. (new discoveries)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoi Tserkvi*. 111: 31-50. [in Russian]
- PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnix aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Selin, Klejmenov, 2023 – Selin, A.A., Klejmenov, V.I. (2023). Posadskoe naselenie Staroj Russy po materialam Piscovoj knigi 1497/98 g.: predvaritel'nye nablyudeniya [Posad population of Staraya Russa based on the materials of the Scribe Book of 1497/98: preliminary observations]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(50): 465-473. [in Russian]
- Stepanova, Karpova, 2021 – Stepanova, Yu.V., Karpova, M.V. (2021). «Gnezdovaya» sistema rasseleniya v Toropeckom ueзде po dannym piscovoj knigi 1540 g. [“Nest” settlement system in Toropetsk district according to the scribe book of 1540]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5: 52-72. [in Russian]
- Vasil'ev, 2011 – Vasil'ev, S.V. (2011). «Syabry» u vostochnyh i yuzhnyh slavyan [“Syabry” among the Eastern and Southern Slavs]. *Rossica Antiqua*. 1: 114-121. [in Russian]
- Vazhinskiy, 1974 – Vazhinskiy, V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke (Po materialam yuzhnyh uezdov) [Land ownership and the formation of a community of single-lords in the 17th century (Based on materials from the southern counties)]. Voronezh, Izd-vo VGPI, 237 p. [in Russian]
- Zhirov, 2023 – Zhirov, N.A. (2023). Konflikty i tyazhby mezhdru odnodvorcami i pomeschikami Orlovskoj gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv. [Conflicts and litigation between odnodvortsy and landowners of the Oryol province at the end of the XVIII - first half of the XIX centuries]. *Istorija: fakty i simvoly*. 4: 32-41. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-41> [in Russian]
- Zhirov, Lyapin, 2023 – Zhirov, N.A., Lyapin, D.A. (2023). Evolyuciya social'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Central'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekah [Evolution of social behavior of rural society of the Central Black Earth Region in the 17th-18th centuries]. *Nauchnyi dialog*. 12(4): 432-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450 [in Russian]
- Zverev, 1888 – Zverev, P. (1888). Kurskie starozaimochniki i odnodvorcy [Kursk old borrowers and one-palace residents]. *Yuridicheskii vestnik*. 6, 7: 300-321. [in Russian]

Сябры и хозяйственное освоение юга России в первой половине XVII в.

Денис Александрович Ляпин ^{a, *}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению хозяйственной деятельности мелких помещиков – первых колонизаторов южной окраины Российского государства в XVII в. «Юг России» – условное название южных уездов западной части государства во время правления первых Романовых. Сегодня это территория экономического региона Центрального Черноземья. Вопрос о хозяйственном освоении этих лесостепных пространств на первом этапе присоединения остается достаточно сложным. Среди различных социальных аспектов русской колонизации региона особое место занимает вопрос о «сябрах» – под таким именем в землевладельческих документах упоминаются мелкие русские помещики. В науке считается, что «сябрами» были члены неформальных сельских общин, первые землевладельцы, активно заселявшие этот край. Авторы статьи добавляют новые характеристики к этому понятию: сябрами они назывались только в случае совместного владения частью угодий, лесом или водоемом. Эта традиция общего владения («сябрового») сохранилась до второй половины XIX в. Пашенные земли сябров находились официально в индивидуальном пользовании, но на деле обрабатывались коллективно. Основным источником для написания статьи послужили отказные книги южнорусских уездов 1630–40-х годов. Использовались также дополнительные документы: делопроизводственные материалы Белгородского стола и таможенные книги. Авторы рассматривают различные способы хозяйственного освоения юга России и приходят к выводу о том, что сябры, получая в пользование целинные («дикие») земли, использовали все возможности для эксплуатации природных ресурсов: ловили рыбу, охотились, добывали мед и деготь. Разнообразные способы хозяйственной деятельности способствовали складыванию единого рынка и освоению этого богатого и плодородного края. В итоге эффективность коллективных усилий для освоения новых «диких» пространств на юге проявилась в том, что Россия, несмотря на внешнюю угрозу и войны, смогла закрепиться на этих землях, построить оборонительную линию и двинуться дальше к Черному морю.

Ключевые слова: сябры, помещики, одноворцы, юг России, распашка, колонизация, промыслы, «ухожай».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lyapin-denis@yandex.ru (Д.А. Ляпин), zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1027-1039
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1027

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Solid-Forged Helmet with Silver Ornamentation of the Second Half of the 17th – the Middle of the 18th centuries from the Collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan

Leonid A. Bobrov ^a, Otkirbay M. Agatay ^{b,*}, Serik A. Abdrakhmanov ^c

^a Novosibirsk State University, Russian Federation

^b Research Institute for Jochi Ulus Studies, Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c National Museum of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Kazakh Historical Society, Republic of Kazakhstan

Abstract

The iron helmet (QRUM nq QZh 114) stored in the National Museum of the Republic of Kazakhstan (NMRK, Astana) has been studied. Previously, the headgear has already attracted the attention of specialists, but has not yet become the object of an individual scientific study. The purpose of the article is to highlight the main stages of the museum history of the helmet, to give its detailed description, to clarify the dating and attribution. It is established that the Kokshetau Regional Museum of History and Local Lore obtained the headgear in 1951. Later it was transferred to the PCCRK and it was handed over to the NMRK in 2015. The central part of the tulle is decorated with silver ornamentation. The two-part visor is gilded. The upper part of the tulle was covered with the overlay in the form of a funnel, which has not been preserved. Typological analysis allowed us to date the helmet to the second half of the 17th – middle of 18th centuries (but not later than the 50s of the 18th century). It is most likely that it was made for Oirat (presumably Dzungarian) Buddhist warrior in the first half of the 18th century. This is indicated by the design of the helmet, as well as by its top, which was made on the model of a Buddhist ritual vessel. The area of distribution of such helmets coincides with the borders of military and political expansion of the Dzungarian state. The helmet could have been forged by armorers of Dzungaria or Maverannahr, who in the middle of the 18th century produced armament for the Dzungars under the supervision of Oirat masters. The silver ornamentation was applied by an Oirat, Central Asian or Kazakh artisan. In the latter case, it probably happened after the headgear was in the hands of the Kazakhs. The helmet is a clear example of interaction between the Kazakh Khanate and the Dzungarian state in the first half – the middle of the 18th century.

Keywords: Dzungaria, Kazakh Khanate, relationship of the Kazakh Khanate with Dzungaria, Oirats, Dzungars, Kazakhs, Dzungar armor, Oirat helmet, Dzungar helmet.

1. Введение

Эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени представляет собой важный этап в военно-политической истории тюрко- и монголоязычных народов Великой степи. Именно к этому времени относится появление, становление и расцвет таких влиятельных государственных образований поздних кочевников, как Крымское, Калмыцкое и Казахское ханство, а также Джунгарское *хунтайджийство*¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), agatayotkirbay@gmail.com (O.M. Agatay), serikabdrakhmanov86@gmail.com (S.A. Abdrakhmanov)

¹ В советской, российской и казахстанской историографии государство западных монголов (ойратов) часто именуется Джунгарским ханством. Однако джунгарские правители из дома Чорос не являлись

На протяжении рассматриваемого периода большинство народов степной полосы Евразии становятся последователями одной из мировых религий (преимущественно буддизма и ислама). Помимо прочего, это приводит к изменению погребального обряда номадов. Если в более ранние исторические периоды в могильную яму вместе с покойным обычно помещали его оружие, а иногда и доспехи, то в позднем Средневековье данный обычай постепенно вытесняется из погребальной практики населения исследуемых территорий. Это в известной степени затрудняет изучение вооружения центральноазиатских кочевников XVII–XIX вв. Тем не менее решение данной научной задачи возможно на основе комплексного анализа изобразительных, письменных, а также вещественных источников, происходящих из числа случайных находок, из старых музейных и частных коллекций, этнографических сборов, старинных арсеналов и т.д. Как показали специальные исследования, подобные образцы вооружения могут датированы и атрибутированы на основе типологического анализа (Бобров, Ожередов, 2021: 78-110). В данной связи одним из важных и актуальных направлений изучения военно-культурного наследия воинов Великой степи XVII–XIX вв. является сбор, систематизация и всесторонний анализ шлемов, миссюрок и кольчатых капюшонов («башлыков») воинов Казахстана и сопредельных регионов, происходящих из музейных и частных коллекций (Бобров, 2016: 119, 120; Бобров, Кушкумбаев, Исмаилов, 2022: 231).

В витрине «Батыры» Национального музея Республики Казахстан (НМРК, г. Астана) экспонируется стальной шлем (КРҰМ нқ ҚЖ 114). В силу особенностей своей конструкции и богатого декоративного оформления он представляет несомненный научный интерес для отечественных и иностранных оружейников, археологов и этнографов (Рисунок 1).

Рис. 1. Шлем КРҰМ нқ ҚЖ 114, НМРК, г. Астана, РК (фото К.К. Мусина)

Данный шлем неоднократно привлекал внимание российских и казахстанских специалистов (см. ниже). Однако ранее он рассматривался в рамках обобщающих оружейно-исторических работ и еще не становился объектом отдельного научного исследования.

Цель статьи – подробно описать конструкцию и оформление шлема КРҰМ нқ ҚЖ 114, изучить его музейную историю, уточнить датировку и атрибуцию.

прямыми потомками Чингиз-хана по мужской линии, а, следовательно, согласно монгольской традиции, не имели прав на ханский титул. Большинство владык Джунгарии носили титул *хунтайджи*, заимствованный из китайской титулатуры и означающий, в буквальном переводе, «августейший наследный принц, старший сын императора, наследник престола» (наиболее точный смысловой перевод на русский – Великий князь). Исключением являлся лишь джунгарский правитель Галдан Бошукту-хан, которому титул хана был дарован главой буддийской церкви Тибета – Далай-Ламой (Бобров, Ожередов, 2021: 103).

История хранения и экспонирования шлема в музейных собраниях Казахстана

Изучение документации позволяет проследить основные этапы музейной истории наголовья, а также уточнить время его передачи в НМРК.

Самое раннее известное нам упоминание о шлеме в советской служебной документации датируется 1951 г. В этот период он уже хранился в фондах Кокчетавского областного историко-краеведческого музея¹. К сожалению, обстоятельства его передачи в музей в документах не зафиксированы².

Первоначально наголовье было определено как «Шлем (головной убор древнего русского война)»³. В разделе «легенда о предметах» музейной описи было помещено описание рассматриваемого варианта защитного вооружения⁴. Под ним схематично изображен шлем и указаны его основные размеры. Высота – 19,0 см., диаметр – 21 см., высота втулки – 3,5 см.⁵

После обретения Казахстаном независимости шлем был передан на хранение в недавно созданный «Президентский центр культуры Республики Казахстан» (ПЦКРК), где получил новый инвентарный номер – 238 (Ахметжан, 2007: 152, 153, рис. 131, 4). Вероятно, именно во время нахождения шлема в ПЦКРК в его втулку был вставлен длинный султан из черного конского волоса. В пользу данной гипотезы свидетельствует тот факт, что в документах АОИМК упоминания о кисти отсутствуют, однако ее уже можно наблюдать на фотографиях шлема, датированных серединой первого десятилетия XXI в. (Ахметжан, 2007: 153, рис. 131, 4).

По причине реорганизации ПЦКРК и завершения строительства здания для нового государственного музея было принято решение передать шлем в экспозицию Национального музея Республики Казахстан. Согласно акту приема №141/39, это произошло 16 ноября 2015 г. Посредником передачи экспоната (в виду ликвидации ПЦКРК) выступил РГУ «Национальная картинная галерея «Астана».

Таким образом, анализ документации свидетельствует, что шлем поступил в фонды Кокчетавского областного историко-краеведческого музея в самом начале 50-х гг. XX в. С этого времени он как минимум дважды менял место хранения, пока не оказался в собрании НМРК.

Обсуждение (история изучения шлема).

Информация о наголовье была впервые введена в научный оборот в 2007 г. казахстанским исследователем К.С. Ахметжаном. Он отнес рассматриваемый предмет защитного вооружения к первому отделу шлемов, который: «По способу создания бронепокрывтия ... составляют шлемы, цельно выкованные из одного куска металла» (Ахметжан, 2007: 155). Исследователь лаконично описал конструкцию наголовья⁶ и проиллюстрировал его небольшой цветной фотографией и графической прорисовкой шлема (в обоих случаях – вид слева), а также прорисовкой орнамента на тулье (Ахметжан, 2007: 153, рис. 131, 4, с. 164, рис. 135, 1).

В следующем 2008 г. описание и прорисовки интересующего нас шлема в четырех проекциях были опубликованы российскими исследователями Л.А. Бобровым и Ю.С. Худяковым (Бобров, Худяков, 2008: 446, 447, рис. 179). Они пришли к выводу, что шлем был изготовлен

¹ В настоящее время – Акмолинский областной историко-краеведческий музей (АОИМК, г. Кокшетау, Республика Казахстан)

² Авторы выражают благодарность заместителю директора по науке АОИМК Кунанбаевой Алме Сунгатовне, н.с. отдела учета и хранения фондов АОИМК Жакуповой Дамеле Тайгаровне, н.с. отдела учета и хранения фондов Укееву Жасулан Каримулы, а также доктору исторических наук, профессору Кушкумбаеву Айболату Кайрслямовичу за возможность ознакомиться с документацией АОИМК.

³ Акт приемки-сдачи № 58 (Приложение № 59) от 20 марта 1951 г. (Главная..., акт приемки-сдачи № 58, приложение № 39).

⁴ «Металлический шлем яв.[лявшийся] головным убором древнего русского (зачеркнуто. Поверх карандашом надписано «казахского») война XVI века (Карандашом исправлено на XVIII в.). Шлем представляет собой металлический колпак диаметром в 21 см. К верхней части шлем несколько вытянут и переходит в плоскую круглую площадку диаметром 6 см. На круглой площадке крепится на ... (не прочитано) заклепках утолщение похожее на ... Вся металлическая часть шлема покрыта серебряным узором, однако во многих местах ... серебряный узор стерт. Шлем также имеет небольшой козырек покрытый золотой ... Шлем имеет двенадцать отверстий для крепления кольчужной сетки (кольчужная сетка не сохранилась). Кроме ... шлем имеет 7 отверстий от верхней круглой площадки на расстоянии 5,8» (Главная..., акт приемки-сдачи № 58, приложение № 39).

⁵ В акте также сообщается, что наголовье имеет удовлетворительную сохранность, при этом, «большая часть шлема покрыта неглубокими раковинами и ржавчиной» (Главная..., акт приемки-сдачи № 58, приложение № 39).

⁶ «Цельнокованный шлем из коллекции ПЦК РК (инв. № 238) весь украшен орнаментальным узором в технике серебряной насечки. Анализ орнаментики показал, что этот шлем – работы казахских мастеров. Форма тульи музейного шлема сферическая, к навершию слегка выдавлена» (Ахметжан, 2007: 155).

центральноазиатскими (скорее всего, джунгарскими) мастерами в первой половине – середине XVIII в. Впоследствии он, по всей видимости, попал в руки казахов, которые, подвергнув его известной переделке, продолжали использовать наголовье вплоть до XIX в. (Бобров, Худяков, 2008: 446).

В 2015 г. К.С. Ахметжан вернулся к изучению интересующего нас наголовья. Оно было атрибутировано, как «казахский шлем... XVII или XVIII вв.» со «сферической» формой тульи, которая была «к наверхию слегка выдавлена» (Ахметжан, 2015: 55, 56). Отнесение предмета к числу изделий казахских оружейников обосновывалось анализом узора на тулье наголовья (Ахметжан, 2015: 56). Описание шлема было проиллюстрировано двумя небольшими фотографиями наголовья (вид спереди и сзади), графической прорисовкой шлема (вид слева) и орнамента на его тулье, а также изображением схожих узоров на изделиях казахских мастеров (Ахметжан, 2015: 57, рис. 21, 6-9; 59, рис. 22; 65, рис. 25, 1).

В 2019 г. три цветные фотографии шлема (общий вид в пол-оборота, фрагмент тульи и наверхие) были опубликованы в каталоге НМРК «Великая степь: история и культура» (Великая степь..., 2019: 282). Иллюстрации сопровождались кратким описанием наголовья. По мнению составителей каталога, шлем может быть датирован XVIII в.¹

Таким образом, как уже отмечалось выше, шлем КРҮМ нк ҚЖ 114 уже неоднократно привлекал внимание казахстанских и российских исследователей. Однако в большинстве случаев ученые ограничивались лишь краткими описаниями наголовья, которые иллюстрировались рисунками и отдельными фотографиями, как правило, небольшого формата. Размеры элементов и детализированные фотографии шлема так и не были опубликованы. Кроме того, предметом научной дискуссии остается вопрос о том, мастерами какого народа мог быть изготовлен данный шлем.

2. Материалы и методы

Методологическое основание и методы изучения шлемов рассматриваемого типа были подробно разобраны нами ранее (Бобров и др., 2022: 232).

Здесь же отметим, что основными критериями типологического анализа боевых наголовий являются материал изготовления и особенности конструкции тульи, а также конструкция и оформление шлемовых элементов (kozyrka, наверхия и др.).

3. Обсуждение и результаты

По материалу изготовления шлем относится к классу железных (стальных), по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по фурме тульи – к типу сфероцилиндрических². Общая высота шлема – 18,5 см (в том числе высота тульи – 15,5 см), диаметр лобно-затылочный – 21,2 см, височный – 21,0 см. Толщина тульи – ок. 2 мм. Вес наголовья – 947,6 г. (Рисунок 2, 3).

Верхняя часть тульи шлема срезана под прямым углом, а образовавшееся отверстие (диаметр – 5,6 см) перекрыто круглой плоской пластиной (Рисунок 2; 3). Подобное конструктивное решение придает наголовью характерный силуэт, благодаря которому шлем напоминает перевернутый горшок-«чугунок». На затылочной стороне тульи (ближе к правому виску) фиксируется неглубокий полуовальный вырез длиной 7,7 см (Рисунок 3, 2). Вдоль нижней кромки купола мастер пробил 12 отверстий (диаметр – ок. 3 мм). Они предназначались для крепления бармицы.

Центральная часть тульи шлема украшена серебряным узором, выполненным в технике набивки. С помощью тонкого резца (зубила) мастер наносил на железную поверхность тульи частую мелкую насечку, после чего накладывал и набивал на нее подготовленный серебряный узор. Стоит отметить, что в данном случае набивка была осуществлена недостаточно аккуратно и надежно, что обусловило утерю части орнамента в ходе эксплуатации наголовья (Рисунок 4, 1).

Основу орнаментальной композиции формируют горизонтальные ряды флоральных символов, расположенных по принципу зеркальной симметрии (Рисунок 4, 1, 2). Указанные символы напоминают стилизованные изображения цветов с раскрывшимся трехлепестковым бутонем, парой изогнутых листьев под венчиком и тремя «корнями» (Рисунок 4, 3). Пространство между «цветами» заполнено серебряными сердцевидными фигурами. Нижняя часть орнаментального поля подчеркнута серебряной «каймой», в которую вписан зубчатый узор (так называемая «зубчатка»)³.

¹ «Шлем XVIII в. Железо, ковка, насечка. 21x22,5x20 см. Казахстан. Национальный музей Республики Казахстан, Инв. № ПМО 5041. Шлем – часть боевой амуниции воина, железный. По типу относится к «шатровидным», тулья формой напоминает юрту. Представлял собой открытый шлем цилиндрической формы с ровным венцом, наверхием в виде усеченного конуса, куда вставлен пучок конских волос – султанчик» (Великая степь..., 2019: 282).

² Наголовья данного типа могут быть так же обозначены как цельнокованные шлемы с тульей в виде усеченного сфероконуса.

³ Согласно прорисовкам К.С. Ахметжана, верхняя часть шлема также была украшена двойной каймой с «зубчаткой» (Ахметжан, 2007: 154, рис. 132; 164, рис. 135, 1; Ахметжан, 2015: 57, рис. 21, 8, 9). Однако при детальном осмотре наголовья подобные декоративные украшения в верхней трети тульи зафиксированы не были (Рис. 1; 2; 3; 5, 1; 6, 1).

Рис. 2. Шлем из НМРК: 1 – вид спереди; 2 – вид слева (фото К.К. Мусина).

Рис. 3. Шлем из НМРК: 1 – вид справа; 2 – вид сзади (фото К.К. Мусина)

Рис. 4. Шлем из НМРК: 1 – фрагмент налобной части (фото К.К. Мусина); 2 – прорисовка орнамента на тулье; 3 – деталь орнамента (2,3 – по: Ахметжан, 2015)

Стоит отметить, что серебряный орнамент покрывает не все пространство тульи, а только ее центральную часть. Вдоль нижней кромки шлема, где к наголовью крепились бармица, орнамент отсутствует. Нет его и на верхней части тульи (Рисунок 2; 3). Данный факт, а также наличие характерных отверстий и заклепок, расположенных по кругу в верхней части шлема (Рисунок 2; 3; 5), позволяют предположить, что первоначально коническая часть тульи была покрыта декоративной пластиной-накладкой, по каким-то причинам удаленной в ходе эксплуатации наголовья. Подобная накладка сохранилась на центральноазиатском шлеме аналогичной конструкции, хранящемся в собрании ВИМАИВиВС (Бобров, Анисимова, 2013: 202, рис. 10, 11; 203, рис. 12, 13; 204, рис. 14-16; 205, 206)¹.

Козырек шлема относится к категории «коробчатых». Он склепан из двух железных пластин – горизонтальной «полки» (выкованной в виде узкого полумесяца) и вертикального «щитка» (Рис. 4, 1; 5). Длина козырька (по прямой) – 15,7 см., ширина «полки» – от 1,3 см (в центре) до 0,7 см (по краям), высота «щитка» – 1,4 см, толщина пластин козырька – ок. 3 мм. Нижний край «щитка» немного отогнут наружу, образуя слабовыпуклый бортик². «Полка» и «щиток» были покрыты позолотой, однако последняя сохранилась лишь фрагментарно (Рисунок 4, 1; 5, 1).

Венчает шлем фигурное навершие, состоящее из круглого железного подвешья диаметром 3,8 см и трубки-втулки для плюмажа (Рисунок 1-5). В плоскость подвешья вбиты три заклепки, соединяющие пластину с верхней частью тульи шлема. Держатель плюмажа оформлен в виде изящного «вазообразного» сосуда (высота – 3,2 см) с расширенным в верхней и суженным в нижней части туловом (высота – 2,9 см, диаметр – 2,7 см), узкой шейкой и широким ярко выраженным венчиком (Рис. 1-3). Диаметр венчика – 1,7 см, диаметр отверстия для плюмажа – 1,0 см.

Ранее была высказана гипотеза о том, что навершие могло быть добавлено к шлему позднее начала его активной эксплуатации в качестве боевого наголовья (Бобров, Худяков, 2008: 446). Однако детальный осмотр показал, что втулка была приклепана к тулье в процессе изготовления наголовья. Таким образом, навершие входило в состав первоначальной версии шлема. Последний факт имеет важное значение для его атрибуции и датировки (см. ниже).

Шлем имеет повреждения в виде вмятин, трещин и пробоин. С левой стороны налобной части тульи фиксируется след от рубящего или дробящего удара, который привел к пробитию купола шлема и появлению характерной косой трещины на его поверхности (Рис. 1; 2; 4, 1). Как уже отмечалось выше, с верхней части тульи шлема удалена воронковидная декоративная пластина, крепившаяся с помощью заклепок (часть из них сохранилась) (Рис. 5). Кроме того, заметно повреждены серебряный орнамент на тулье и позолота на козырьке наголовья.

¹ Стоит отметить, что упомянутый шлем снабжен узким орнаментированным обручем. Не исключено, что схожим обручем мог быть украшен и шлем из НМРК, что объясняет отсутствие орнамента на нижней части тульи наголовья.

² Боковые стороны «щитка» раскованы в виде подпрямоугольных лопастей, в которые вбиты заклепки, соединяющие козырек и тулью шлема. В настоящее время крепление козырька повреждено, вместо оригинальной заклепки в левой лопасти «щитка» вставлен стальной болт (Рисунок 1).

Рис. 5. Шлем из НМРК: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу (фото К.К. Мусина).

Датировка и атрибуция

Ранее было установлено, что шлемы подобной формы и конструкции в целом не характерны для кочевников раннего и развитого Средневековья. Все известные наголовья серии (22 экз.) датируются XVII–XVIII вв. и соотносятся с комплексом вооружения центральноазиатских воинов (Бобров, Худяков, 2008: 446-447; Ахметжан, 2015: 55-62; Бобров, Анисимова, 2013: 197, 202, рис. 10, 11: 203, рис. 12, 13: 204, рис. 14-16, 205-207; Бобров и др., 2022: 233).

В пользу подобной датировки и атрибуции свидетельствует и конструкция узкого «коробчатого» козырька. Подобные козырьки были распространены среди кочевников Центральной Азии, а также их оседлых соседей в конце XVII – начале XIX вв.¹

Держатели плюмажа, выточенные из органических материалов (кости, дерева) или выкованные из металла в виде миниатюрного «вазообразного» сосуда, наиболее часто встречаются на наголовьях, происходящих с территории Казахстана (Бобров и др., 2022: 232-234). По данной причине такие шлемы нередко атрибутировались как наголовья казахских кочевников.

Однако подобные держатели плюмажа применялись и в других регионах Центральной Азии. Так, например, «вазообразным» навершием увенчан богато украшенный шлем, экспонирующийся в Музее искусств Метрополитен (Инв. №36.25.25, г. Нью-Йорк). Узор на навершии указывает на то, что наголовье было выковано мастерами, работавшими в рамках монголо-тибетской военно-культурной традиции (Бобров и др., 2022: 233, 234). Схожее навершие можно наблюдать и на другом центральноазиатском наголовье, украшенном буддийской символикой, также хранящемся в Метрополитене (Инв. № 36.25.95).

На наш взгляд, именно навершие играет ключевую роль для уточнения атрибуции и датировки шлема из НМРК, а также его аналогов из музейных и частных собраний РК, РФ и КНР и других стран (Рисунок 6, 1).

Сложную сосудообразную форму навершия невозможно объяснить лишь необходимостью крепления того или иного вида перьевого или волосяного плюмажа. Традиционные центральноазиатские навершия, выполненные в виде обычной полой трубки, справлялись бы с этой задачей не менее эффективно. Это побуждает рассмотреть данный элемент оформления шлема не только с функционально-технологической точки зрения, но и как культурно-религиозный феномен (Рисунок 6).

¹ Центральноазиатские «коробчатые» козырьки более раннего времени обычно отличались большей массивностью, широким вертикальным «щитком» и угловатыми формами.

Рис. 6. Навершие шлема из НМРК (1) и ритуальные буддийские сосуды: 2 – изображение «Сосуда сокровищ» на тибетской *танка* XVIII–XIX вв.; 3 – ритуальный сосуд из собрания Центрального государственного музея Томской области, Монголия, XVIII–XIX вв.; 3 – фрагмент ритуального сосуда, Центральная Азия, XIX–XX вв.

Специальное исследование показало, что характерная форма сосуда придана навершию шлема далеко не случайно (Бобров и др., 2002: 233). Подобным образом в тибетском изобразительном искусстве традиционно обозначалась одна из разновидностей ритуальных буддийских сосудов (санскр. *ghata*, *kalasha*, тиб. *bum pa*), известная как «Победоносный сосуд»¹.

Данный ритуальный сосуд имел округлое основание, характерное расширяющееся в верхней и сужающееся в нижней части тулово, узкое горлышко и широкий, сужающийся кверху венчик. Основное отличие «победоносного сосуда» от некоторых других разновидностей ритуальных буддийских сосудов заключалось в том, что он не имел S-образного носика, исходящего из его корпуса (Бобров и др., 2002: 234).

Схожую конструкцию, но несколько иное оформление имели и другие разновидности буддийских ритуальных сосудов. Так, например, «Сосуд долгой жизни»², как и «Победоносный сосуд», не имел носика, но был дополнительно украшен четырьмя подвесками, которые спускались по четырем сторонам сосуда «...в форме сплетающихся нитей божественных драгоценностей, цветов, листьев и завитков» (Бобров и др., 2002: 234)³.

Еще одним ритуальным сосудом без носика является «Сосуд сокровищ»⁴ (Рисунок 6, 2). Он «...изображается как богато украшенный золотой горшок, доверху наполненный драгоценностями. Над верхним ободом может помещаться одиночная драгоценность, исполняющая желания, или же группа из трех драгоценностей, представляющая три объекта буддийского прибежища» (Бир, 2013: 260).

Соотнесение шлемовых наверший с буддийскими ритуальными сосудами позволяет ответить на вопрос, почему держатели плюмажа на наголовьях рассматриваемой серии иногда изготовлены не из железа, а из серебра, медного сплава, кости, дерева и других материалов⁵.

Ритуальный сосуд украшался пучком павлиньих перьев. Последние связывались полосками парчи и вставлялись в специальный полый металлический конус (Рисунок 6, 3) или разбрызгиватель (санскр. *prokshani*, тиб. *kha rgyan*), который, в свою очередь, помещался в горлышко сосуда (Бобров и др., 2002: 234). Не исключено, что схожим образом во втулку шлема мог вставляться и перьевой плюмаж.

Конструктивное сходство навершия шлема из НМРК (Рисунок 6, 1) с буддийскими ритуальными сосудами (Рисунок 6, 2-6) представляется несомненным. Учитывая тот факт, что навершие входило в первоначальную комплектацию наголовья, есть основания полагать, что шлем из

¹ Санскр. *vijaya-kalasha*, тиб. *rnam rgyal bum pa*.

² Санскр. *jivana-kalasha*, тиб. *tshe bum*.

³ Навершием в виде «Сосуда долгой жизни» снабжен упомянутый выше ойратский, тибетский или бутанский шлем конца XVII – начала XIX вв. хранящийся в фондах Музея Искусств Метрополитен (Инв. № 36.25.95).

⁴ Санскр. *nidhana-kumbha*, тиб. *gter gyi bum pa*.

⁵ «В соответствии с одним из ранних перечней ритуальных активностей сосуд должен быть хрустальным для умиротворяющих ритуалов, серебряным – для ритуалов приумножения, золотым – для ритуалов привлечения богатства, медным – для ритуалов подчинения, железным – для вызывания вражды, глиняным – для остановки или обездвиживания, деревянным – для введения в заблуждение и из человеческой кости – для убийства» (Бобров и др., 2022: 234).

собрания НМРК был изготовлен в рамках буддийской (ойрато-монгольской) традиции. Косвенным подтверждением этого является и сфероцилиндрическая форма тульи, которая символически отображает форму буддийской ступы – *субурган*¹.

Приведенные факты позволяют предположить, что изучаемый шлем был выкован по заказу состоятельного ойратского (джунгарского или, менее, вероятно, калмыцкого) воина, исповедовавшего буддизм. Это, помимо прочего, подтверждается ареалом распространения цельнокованых наголовий рассматриваемой серии. Большинство из них происходит с территории Юго-Восточного и Восточного Казахстана, Западной Монголии и СУАР КНР. В середине XVII – первой половине XVIII в. данные регионы входили в состав Джунгарского государства или являлись объектом военно-политических притязаний ойратов. Политический центр Джунгарского государства на протяжении большей части данного периода находился в бассейне р. Или в Юго-Восточном Казахстане. Там же располагались и основные оружейные производственные центры джунгар. Неудивительно в данной связи, что с территории современного Казахстана происходит значительное количество предметов ойратского защитного вооружения, в том числе украшенного буддийской религиозной символикой (Бобров, Худяков, 2008: 556, 447).

Буддизм стал широко распространяться среди ойратов в 10-х гг. XVII в. Однако ранние ойратские шлемы обычно имеют клепаный купол и иную систему оформления. Технологические и конструктивные особенности тульи и козырька наголовья из НМРК позволяют предположить, что оно было выковано не ранее второй половины XVII в. Верхней хронологической границей изготовления шлема следует признать середину XVIII в.² В 1771 г. основная масса калмыков (преимущественно торгутов) откочевала из Северного Прикаспия на территорию бывшей Джунгарии и приняла цинское подданство, однако центры по массовому производству защитного вооружения восстановлены не были³.

Учитывая, что все низкие цельнокованные сфероцилиндрические шлемы рассматриваемой серии имеют практически идентичную конструкцию и систему оформления, можно предположить, что все они были изготовлены и оформлены примерно в одно и то же время, возможно, в одном производственном центре во второй половине XVII – середине XVIII вв.⁴

Шлем мог быть выкован как на территории Джунгарии, так и в Мавераннахре по джунгарскому заказу. Во второй четверти XVIII в. Большая Бухария стала важным источником поступления оружия и доспехов в «Последнюю кочевую империю». Для этой цели в Среднюю Азию даже выехали джунгарские мастера. Вероятно, помимо прочего, они были должны следить за тем, чтобы местные ремесленники изготавливали вооружения с учетом вкусов ойратских нанимателей⁵. Этот факт, помимо прочего, объясняет сочетание в рамках одного шлема технологических приемов, характерных для оружейников из оседлых ремесленных центров Мусульманского Востока (цельнокованая туля) с буддийской символикой.

В завершение хотелось бы высказать некоторые соображения относительно серебряного орнамента на тулье шлема, на основании которого наголовье иногда интерпретируется как изделие казахских мастеров⁶

Однако проблема заключается в том, что большинство близких по стилистике символов и орнаментальных сюжетов встречаются на изделиях казахских мастеров, датированных серединой XIX – первой половиной XX вв., то есть выполненных через сто и более лет после верхней возможной даты изготовления шлема из собрания НМРК (Рисунок 7, 3-12).

¹ Монг. суварга(н), калм. суврһн.

² В 50-х гг. XVIII в. Джунгарское государство подверглось опустошительным вторжениям цинских, казахских, и кокандско-киргизских войск, в ходе которых ключевые добывающие и производственные центры джунгар были уничтожены (Бобров и др., 2002: 234, 235).

³ В самой Волжской Калмыкии к этому времени состоятельные ойраты уже использовали защитное вооружение преимущественно северокавказского образца.

⁴ Скорее всего, во второй половине данного периода.

⁵ «... порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцири [джунгары] при прежнем владельце Галдан-Чирине делали. А ныне де оное получают из Большой Бухарии, где и мастера, их, зенгорцы, имеются» (Бобров и др., 2022: 235).

⁶ Так, например, К.С. Ахметжан справедливо отметил: «Стилистический анализ орнамента на рассматриваемом шлеме показывает близость его элементов с народным орнаментом казахов. Крупность элементов узора, плотность их расположения – особенностью также характерная для казахского орнамента. Создание узорной цепочки через чередование одного элемента по зеркальной симметрии – один из основных композиционных приемов в казахской орнаментике» (Ахметжан, 2015: 56).

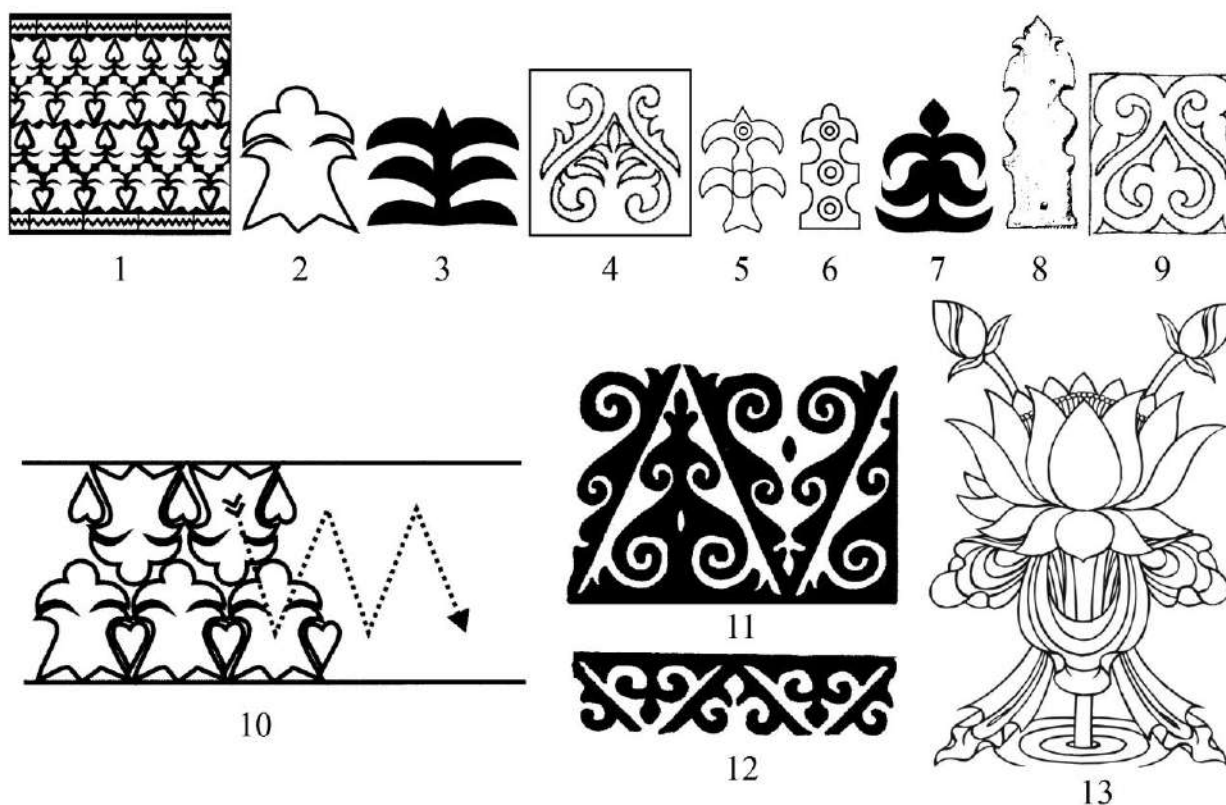

Рис. 7. Орнамент на шлеме из НМРК (1, 2), его аналоги в казахской орнаментике (3-12), один из традиционных вариантов изображения лотоса в буддийской иконографии (13) (1-12 – по: К.С. Ахметжан, 2015).

Кроме того, упомянутые «узорные цепочки» фиксируются преимущественно на коже, коврах, войлоке, деревянных изделиях и т.д. Вопрос о широте применения подобных орнаментов, а также техники серебряной набивки при оформлении боевых наголовий казахов XVII – середины XVIII вв. требует дополнительного изучения. Вместе с тем известно, что данная техника была знакома ближним и дальним соседями казахов – жителями Мавераннахра, Джунгарии, Монголии, Тибета и др. Некоторые шлемы ойратов и тибетцев XV–XVIII вв. украшены именно в технике серебряной и золотой набивки. При этом флоральные узоры сочетаются с буддийской символикой (LaRocca, 2006: 74-78, 83, 84).

Казахи и ойраты проживали по соседству на протяжении столетий. При этом войны и взаимные набеги перемежались периодами сотрудничества и мирного сосуществования. Подобные условия способствовали взаимопроникновению культурных традиций, в том числе через заимствование и переосмысление отдельных элементов костюма, снаряжения, утвари, украшений и т.д. Для того, чтобы вычленил казахские элементы в орнаментальных сюжетах ойратов, ойратские мотивы в казахской орнаментике, а также возможное время подобных заимствований, требуется масштабное научное исследование.

Предки казахов и джунгар являлись подданными правителей Великой Монгольской империи, в рамках которой происходил масштабный процесс взаимопроникновения культурных традиций монголо- и тюркоязычных народов, а также некоторых оседлых народов.

Помимо прочего, это приводило к тому, что схожие орнаментальные символы, мотивы, сюжеты и композиции получили распространение у разных этносов Великой степи. Так, например, фиксируемые на шлеме из НМРК древние образы трехлепесткового бутона (каз. *қошқар мүйіз* – «бараний рог») и зубчатой ленты оказались весьма востребованы как у тюрко-, так и у монгольязычных народов Великой степи, в том числе и при оформлении боевых наголовий.

Таким образом, вопрос об этническом происхождении мастера, украсившего серебряным узором шлем из НМРК, остается открытым. Весьма вероятно, что это сделал казахский ювелир. Однако подобный вариант не является единственно возможным. Не исключено, что узор был выполнен среднеазиатским, восточно-туркестанским или степным мастером по заказу состоятельного казахского или ойратского воина. В последнем случае флоральные символы, составляющие основу орнаментальной композиции (Рисунок 7, 2), могут быть интерпретированы, в том числе, и как стилизованные изображения лотоса – священного цветка буддистов. В этом случае боковые «корни» и «листья» под венчиком могут являться не частью цветка, а концами шелковой ленты, обвивающей стебель лотоса (Рисунок 7, 13).

Если все же орнамент на тулье был выполнен казахским мастером, то маловероятно, что это могло произойти в момент изготовления шлема. Скорее всего, узор был нанесен уже после того, как ойратский шлем оказался в руках казахов. Возможно, это произошло во время бурных событий, связанных с разгромом Джунгарского *хунтайджийства* в 50-х гг. XVIII в. или позднее. Однако следует учитывать, что качественно выполненный шлем мог использоваться казахами на протяжении длительного времени вплоть до первой половины XIX в., и решение об украшении наголовья серебряным узором и позолотой мог принять не первый казахский владелец шлема, а один из его наследников.

4. Заключение

Комплексный анализ источников позволил уточнить основные этапы музейной истории шлема, его датировку и атрибуцию.

Установлено, что наголовье было передано в Кокчетавский областной историко-краеведческий музей¹ в 1951 г. После обретения Казахстаном независимости оно было передано в Президентский Центр культуры Казахстана, а оттуда в 2015 г. – в Национальный музей Республики Казахстан, где и экспонируется в настоящее время.

Изучаемый шлем из собрания НМРК входит в большую группу центральноазиатских боевых наголовий (не менее 22 экз.), отличительными особенностями которых является низкая цельнокованая сфероцилиндрическая тулья, небольшие двухчастные козырьки «коробчатого» типа, а также навершие характерной формы. Наголовья данной серии имеют схожие размеры, практически идентичную конструкцию и оформление. Это дает основание предположить, что они были выкованы примерно в одно и то же время в рамках одной военно-культурной традиции. Более того, не исключено, что большинство упомянутых образцов защитного вооружения являются продукцией одного ремесленного центра.

Конструкция и оформления шлема КРҰМ нқ ҚЖ 114 позволяют датировать его второй половиной XVII – серединой XVIII вв. Наиболее вероятно, что он был изготовлен во второй половине данного периода (но не позднее 50-х гг. XVIII в.) для состоятельного ойратского (предположительно джунгарского) воина-буддиста. На это, помимо прочего, указывает навершие шлема, выполненное по образцу буддийского ритуального сосуда. Детальный осмотр показал, что навершие входило в первоначальную комплектацию наголовья, а не было добавлено к нему позднее. В пользу атрибуции шлемов серии как вооружения джунгарских воинов свидетельствует наличие на них буддийской символики, а так же ареал их распространения, который совпадает с территорией военно-политической экспансии Джунгарского государства.

Наголовье из НМРК могло быть выковано как джунгарскими оружейниками, так и среднеазиатскими ремесленниками Мавераннахра, которые в середине XVIII вв. массово изготавливали доспехи и оружие для джунгарских воинов под присмотром ойратских мастеров. Серебряный орнамент на тулье шлема мог быть нанесен как ойратским, так и казахским ювелиром. В последнем случае это могло произойти уже после попадания шлема в руки казахов, возможно, во второй половине XVIII–XIX в.

Некоторое время серебряный орнамент соседствовал с декоративной воронковидной накладкой на верхней части тульи, а также, возможно, с узким орнаментированным обручем вдоль нижнего края тульи. Впоследствии данные элементы были по каким-то причинам удалены, однако на их наличие в первоначальной комплектации шлема указывают характерные отверстия и заклепки в верхней и нижней части наголовья. О том, как могли выглядеть эти детали, можно судить по целиком сохранившемуся цельнокованому сфероцилиндрическому шлему из собрания ВИМАИВиВС (Бобров, Анисимова, 2013: 202, рис. 10, 11; 203, рис. 12, 13; 204, рис. 15, 16).

Повреждения и потертости на поверхности тульи шлема из НМРК указывают на то, что он продолжал использоваться на протяжении длительного времени. Не исключено, что после падения Джунгарии и «Торгутского побега» калмыков-торгутов в 1771 г. шлем мог применяться казахским или ойратским воином, состоявшем на службе одного из правителей казахов Среднего или Старшего жуза. Известно, что ойратские союзники, пленные, мигранты, а также их потомки составляли ядро дружин *толенгутов* казахских ханов и султанов второй половины XVIII – первой половины XIX вв., в том числе хана Абылая, Кенесары и др. В этот период ойраты упомянуты и в числе отборных воинов правителей Восточного Туркестана, Бадахшана, Бухарского эмирата, Кокандского ханства и др. (Бобров и др., 2022: 235). В качестве боевого наголовья шлем мог применяться вплоть до первой половины – середины XIX в.

Высокая научная ценность шлема КРҰМ нқ ҚЖ 114 из собрания НМРК обусловлена не только его богатой отделкой и хорошей сохранностью, но и тем фактом, что он является наглядным примером взаимодействия различных военно-культурных традиций народов Центральной Азии, а также современником событий, навсегда изменивших политическую, этническую и культурную карту региона. Рассматриваемый шлем представляет собой один из самых ценных оружейных экспонатов позднего Средневековья и Нового времени не только в коллекции НМРК, но и в военно-культурном наследии Республики Казахстан в целом.

¹ В настоящее время – Акмолинский областной историко-краеведческий музей.

5. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR21882223 «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика»).

Литература

Ахметжан, 2007 – *Ахметжан К.С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкітап, 2007. 216 с.

Ахметжан, 2015 – *Ахметжан К.С.* Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана: б.и., 2015. 102 с.

Бобров, Анисимова, 2013 – *Бобров Л.А., Анисимова М.А.* Центральноеазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Вестник НГУ. Серия: История, филология.* 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 196-207.

Бобров и др., 2022 – *Бобров Л.А., Кушкымбаев А.К., Исмаилов Д.* Цельнокованный ойратский шлем из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея // *Отан тарихы.* 2022. № 2 (98). С. 229-237.

Бобров, Худяков, 2008 – *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: СПб ГУ, 2008. 770 с.

Великая степь..., 2019 – *Великая степь: история и культура.* Т. II. Конь и всадник. Каталог выставки. Нур-Султан: «Exponat» ЖШС, 2019. 300 с.

Главная... – Главная инвентарная книга. № 1 – №1643. 1958-1968. 250 с.

References

Akhmetzhan, 2007 – *Akhmetzhan, K.S.* (2007). Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry]. Almaty: Almatykitap, 216 p. [in Russian]

Akhmetzhan, 2015 – *Akhmetzhan, K.S.* (2015). Boevye shlemy kazakhov (istoriya, istoki, tradicii) [Combat Helmets of the Kazakhs (History, Origins, Traditions)]. Astana. 102 p. [in Russian]

Bobrov, Anisimova, 2013 – *Bobrov, L.A., Anisimova, M.A.* (2013). Central'no-aziatskie shlemy pozdnego srednevekov'ya i rannego novogo vremeni iz voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi [Central Asian Helmets of the Late Middle Ages and Early Modern Times of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. *Vestnik NSU.* 12(3): 196-207. [in Russian]

Bobrov i dr., 2022 – *Bobrov, L.A., Kushkymbaev, A.K., Ismailov, D.* (2022). Tsel'nokovannyi oyratskiy shlem iz sobraniya akmolinskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Solid-Forged Oirat Helmet From the Collection of Akmola Regional Historical Museum]. *Otan tarikhy = History of the Homeland.* 2(98): 229-237. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 – *Bobrov, L.A., Khudyakov, Y.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov tsentralnoi asii i yuzhnoi sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.) [Weapons and military tactics of the nomads from Central Asia and Southern Siberia of the late Middle Ages and Modern Age (15th century – the first half of the 18th century)]. Sankt-Peterburg, SPGU – Sankt-Petersburg State University Publ. 770 p. [in Russian]

Velikaya step'..., 2019 – *Velikaya step': istoriya i kul'tura.* T. II. Kon' i vsadnik. Katalog vystavki [The Great Steppe: History and Culture. Vol. II. Horse and Rider. The Exhibition Catalogue]. Nur-Sultan: «Exponat» LTD, 2019. 300 p. [in Kazakh, in Russian, in English]

Glavnaya... – *Glavnaya inventarnaya kniga [The Main Inventory Book].* No. 1 – No. 1643. 1958–1968. 250 p. [in Kazakh, in Russian]

Цельнокованный шлем с серебряным орнаментом второй половины XVII – середины XVIII вв. из собрания Национального музея Республики Казахстан

Леонид Александрович Бобров^a, Уткирбай Мылтыкбайулы Агатай^{b,*}, Серик Амангельдыевич Абдрахманов^c

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Научный институт изучения Улуса Джучи, Казахстан, Национальный музей Республики Казахстан, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), agatayotkirbay@gmail.com (У.М. Агатай), serikabdrakhmanov86@gmail.com (С.А. Абдрахманов)

© Национальный музей Республики Казахстан, Казахстан, Казахское историческое общество, Республика Казахстан

Аннотация. Изучен железный шлем (КРҰМ нк ҚЖ 114), хранящийся в Национальном музее Республики Казахстан (НМРК, г. Астана). Наголовье уже привлекало внимание специалистов, но еще не становилось объектом отдельного научного исследования. Цель – изучить музейную историю шлема, дать его подробное описание, уточнить датировку и атрибуцию. Установлено, что наголовье поступило в Кокчетавский областной историко-краеведческий музей в 1951 г. Позднее оно было передано в Президентский Центр культуры Казахстана, а оттуда в 2015 г. – в НМРК. По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме тульи – к типу сфероцилиндрических. Центральная часть тульи украшена серебряным орнаментом, выполненным в технике набивки. Двухчастный козырек позолочен. Верхняя часть тульи была покрыта орнаментированной накладкой в виде воронки, которая не сохранилась. Типологический анализ позволил датировать шлем второй половиной XVII – серединой XVIII вв. (но не позднее 50-х гг. XVIII в.). Наиболее вероятно, что он был выполнен в первой половине XVIII в. для состоятельного ойратского (предположительно джунгарского) воина-буддиста. На это указывает конструкция шлема, а также его навершие, изготовленное по образцу буддийского ритуального сосуда. Ареал распространения подобных шлемов совпадает с границами военно-политической экспансии Джунгарского государства. Шлем из НМРК мог быть выкован кузнецами Джунгарии или Мавераннахра, которые в середине XVIII в. изготавливали оружие и доспехи для джунгар под присмотром ойратских мастеров. Серебряный орнамент на тулью был нанесен ойратским, среднеазиатским или казахским ювелиром. В последнем случае это, вероятно, произошло уже после того, как наголовье оказалось в руках казахов. Шлем представляет наглядный пример взаимодействия Казахского ханства с Джунгарским государством в первой половине – середине XVIII в.

Ключевые слова: Джунгария, Казахское ханство, взаимоотношения Казахского ханства с Джунгарией, ойраты, джунгары, казахи, джунгарский доспех, ойратский шлем, джунгарский шлем.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1040-1051
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1040

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Relations of Abylai Khan with the Central Government and Regional Centers of the Russian Empire

Ziyabek Y. Kabuldinov ^a, Denis A. Chernienko ^{a, *}, Anar D. Arepova ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Abylai as one of the influential military and political leaders of the Kazakh Steppe of the XVIII century, during the almost 40-year period of rule as Sultan and Khan of the Middle Zhuz, paid considerable attention to building interaction with neighboring states, primarily Russia and China. The presence of two powerful empires with their own priorities and tasks determined the nature of international relations in this part of Eurasia. The Russian direction in Abylai's foreign policy activities became increasingly important as Russia's position on the border line and colonization activity strengthened. Abylai's interaction with the central and regional authorities of the empire was carried out through correspondence and the exchange of embassies. The main issues for discussion were the establishment of mutually beneficial trade in the border area, the safety of trade caravans, and the exchange of prisoners. Chinese and Dzungarian factors occupied a prominent place in Kazakh-Russian relations, so another important topic for negotiations was the possible provision of military assistance. Abylai's extensive correspondence with representatives of the Russian government at various levels from the commandants of fortresses to empresses shows his desire to protect the interests of his subjects, preserve the status of an independent ruler and the sovereignty of the part of the Kazakh Khanate subject to him. The documents show Abylai as an outstanding politician who, not without success, sought to formulate and implement his interests, which in turn strengthened his position within Kazakh society and eventually allowed him to receive the khan's title. Abylai's active foreign policy activity makes him a key historical figure of the XVIII century in Central Asia.

Keywords: Abylai, foreign policy, Kazakh Khanate, Kazakh-Russian relations, correspondence, rule, Russian Empire, Steppe, Sultan, Khan.

1. Введение

Абылай (1711–1780), будучи одним из наиболее влиятельных казахских правителей XVIII в., сначала в статусе султана, а с 1771 г. – старшего хана Среднего жуза, уделял значительное внимание выстраиванию взвешенной, многовекторной внешней политики. Геополитическая ситуация в Казахской Степи, имевшей своими непосредственными соседями такие могущественные державы, как Российская и Китайская (Цинская) империи, а также крайне нестабильное в военно-политическом отношении, особенно в середине XVIII в., Джунгарское ханство, требовала от степных властителей именно такого подхода. Стремясь к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, Абылай стремился к отстаиванию интересов Казахского государства и своих подданных. Этим объясняются его попытки выстраивать отношения на определенной дистанции. Известно, например, что Абылай, как и многие другие казахские ханы, никогда не бывал в столице Российской империи и в крупных губернских центрах, таких как Оренбург, Тобольск, Омск. Сознательно избегал он по возможности и посещения многочисленных крепостей на Сибирской пограничной линии. Поступать таким образом его вынуждали, по всей видимости, соображения

* Corresponding author

E-mail addresses: denis_chernienko@mail.ru (D.A. Chernienko)

личной безопасности, а также тонкая дипломатическая игра, которую Абылай пытался проводить в отношениях с более сильными в военном плане и опытными во внешнеполитических делах соседями, преследуя свои стратегические и тактические задачи.

Понимая важность поддержания высокого уровня контактов и необходимость соблюдения паритета в межгосударственных отношениях, Абылай минимум личных контактов старался компенсировать чрезвычайно активной дипломатической перепиской с российскими центральными и региональными властями. Традиционным шагом в дипломатии казахских правителей, в том числе и Абылая, была отправка своих родственников и приближенных, а также уполномоченных султанов, биев и батыров с посланиями и письмами. Являясь доверенными лицами, они доводили до чиновников разного уровня просьбы, намерения, требования или возможные пути решения возникавших проблем и вопросов.

После завоевания Сибири, когда южные границы Российской империи вплотную приблизились к северным, северо-восточным и восточным рубежам Казахского ханства, дипломатические контакты казахских правителей с российскими властями заметно оживились и осуществлялись преимущественно через пограничную администрацию Западной Сибири, город Тобольск, а также через комендантов отдельных крепостей на Иртышской, Староишимской, Новоишимской линиях военных укреплений.

Абылай в течение всей своей политической деятельности и почти 40-летнего правления придавал особое значение развитию казахско-российских отношений, что нашло отражение и засвидетельствовано в многочисленных исторических источниках – письмах и посланиях, адресованных представителям высшей имперской власти – царствующим персонам, столичным чиновникам, региональным губернаторам, местным военным администрациям. При этом вопросы, поднимавшиеся в корреспонденции, варьировались в зависимости от их сложности и статуса адресатов. Изучение внешнеполитических инициатив Абылая, содержания и особенностей его дипломатической переписки помогают лучше понять общий характер казахско-российских отношений в XVIII в.

2. Материалы и методы

2.1. На сегодня сформировалась достаточно обширная источниковая база, позволяющая изучать различные аспекты и непосредственную роль хана Абылая во взаимодействии Казахского ханства и Российской империи. Основные материалы по данной теме находятся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Историческом архиве Омской области (Омск, Российская Федерация), Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация).

Ряд документов, показывающих личное участие Абылая в формировании казахско-российской дипломатии, были опубликованы в соответствующих сборниках еще в советский период: «Материалы по истории Казахской ССР» (1948), «Материалы по истории политического строя Казахстана» (1960), «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» (1961), «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках» (1964), «Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв.» (1989), «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в.» (1989).

В новейшее время в Казахстане ведется активная работа по дальнейшему выявлению и публикации на русском и казахском языках источников, посвященных, в том числе, эпохе хана Абылая: «Абылай хан. Тарихи жырлар» (1993), «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (1997), «Абылай хан: өмірі мен қызметіне қатысты құжаттар мен материалдар» (2005), «Насенов Б. Абылай хан: Омбы архиві сөйлейді» (2005), «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков» (2005, 2007), «Қазақтың ханы – Абылай: Дәуірі, өмірі мен қызметі» (2011), «История Казахстана в документах и материалах» (2012–2013), «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» (2014), «Восточная дипломатия на стыке цивилизаций» (2015), «Султаны и батыры Среднего жуза» (2018), «Из истории казахско-российских отношений. XVIII век» (2019), «Из истории Великой степи» (2020), «Жизнь и деятельность казахских ханов, султанов, батыров XVIII – первой половины XIX вв.» (2022), «Казахская степь в архивных документах» (2023). Публикации такого плана были подготовлены и в России: «Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в.» (2013).

2.2. В основе исследования лежит принцип историзма – внешнеполитическая деятельность хана Абылая рассматривается в контексте общего развития казахско-русских посольских и дипломатических связей XVIII в. Основными источниками является переписка Абылая со своими респондентами в лице представителей российских центральных и региональных властей. В работе с источниками применялись общенаучные методы анализа, синтеза, интерпретации исторических сведений, которые позволяют установить содержание документа, определить его информационный потенциал и место внутри эпистолярного комплекса. Именно анализ переписки, а не отдельных писем, позволяет наиболее полно раскрыть их значение и возможность для использования в

изучении интересующей темы. Также большое значение имеет установление эпистолярных отношений, которые могут быть обусловлены отношениями между адресатами, ролью переписки в системе социальных связей, традициями составления подобных документов, стилистическими особенностями и другими факторами (Кобак, 2012).

3. Обсуждение

Тема истории казахско-российских взаимоотношений в научной литературе обеих государств представлена значительным корпусом публикаций. Наиболее обоснованным методологическим подходом является отнесение Казахстана и России к разряду международных субъектов, отношения между которыми на разных стадиях развития могли иметь радикальные отличия, но их суть заключалась в поиске разнообразных способов, форм и процедур согласования международных действий (Аяган, Кашкимбаев 2011: 13). Особый исследовательский интерес с точки зрения истоков межгосударственных контактов представляют дипломатические связи казахских правителей и Российской империи в XVIII в. В истории изучения этого периода в настоящее время выделяется три историографических этапа (Казахстан и Россия..., 2022: 231). Фигура Абылая при ее очевидной исторической значимости в контексте истории дипломатии до сих пор остается несколько в тени.

В дореволюционной историографии некоторые сведения об Абылае в связи с колонизацией Россией Центральной Азии содержатся в сочинениях И.Г. Андреева, А.И. Левшина, Н.И. Красовского, П.И. Рычкова, Н.Я. Коншина и др. Ч.Ч. Валиханов полагал, что к началу 1740-х гг. «мы находим его [Абылая – авт.] самым сильным из владельцев Средней орды» (Валиханов, 1904: 2). В советской историографии Абылай в отличие, например, от Тауке или Абулхаира, по-прежнему не рассматривался как важный актор исторических процессов, происходивших на территории Казахстана, его имя упоминалось главным образом в связи с борьбой с Джунгарией. Личность Абылая и его политика по отношению к России отчасти затрагивались в трудах М.В. Вяткина, Н.Г. Аполловой, Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина, В.С. Кузнецова, Ж.К. Касымбаева и др. Так, Н.Г. Аполлова подчеркивала первостепенную роль торговли и торговых отношений при принятии ханом Абулмамбетом и султаном Абылаем российского подданства. В международных отношениях Абылай придерживался политики лавирования: сначала в 1740 г. принял подданство России, в 1757 г. – Цинской империи. Российское правительство, хотя и контролировало дипломатические связи своих «неустойчивых подданных», было вынуждено мириться с двойным подданством Абылая во избежание возможных конфликтов (Аполлова, 1960: 94, 199-200). В.Я. Басин указывал на другую цель, которую преследовал Абылай при получении подданства России, – политическое и военное покровительство со стороны российского правительства, которое, в свою очередь, надеялось на подчинение Казахской степи при помощи казахского правителя (Басин, 1969: 132). По мнению Ж.К. Касымбаева, элементы лавирования между Цинской империей и Россией, допускавшие влиятельным султаном Среднего жуза Абылаем, можно объяснить сложной военно-политической обстановкой. При этом конкретные дела указывали на приверженность Абылая российской ориентации, в частности, он стремился завоевать доверие со стороны русских властей путем создания благоприятных условий для торговли на пограничной линии (Касымбаев, 1986: 45, 55). Р.Б. Сулейменов и В.А. Моисеев полагали, что Абылай использовал поддержку со стороны России и Цинской империи во внешней и внутренней политике в своих личных целях – стремлении к неограниченной власти, при этом «безжалостно расправляясь с непокорными» (Сулейменов, Моисеев, 1988: 132, 137). В целом в историографии советского периода преобладали негативные оценки как личности Абылая, так и его политики, что соответствовало классовому формационному подходу.

В новейшей (постсоветской) историографии представлен более сложный образ казахского правителя, его политическая деятельность рассматривается с точки зрения исторического значения для сохранения и развития казахской государственности. Важные исследования в этой области проводили М.Ж. Абдиров, Х.М. Абжанов, А.А. Абсадык, К.К. Абуев, М.Х. Абусейтова, Ж.О. Артыкбаев, Н.А. Атыгаев, И.В. Ерофеева, З.Е. Кабульдинов, Ж.К. Касымбаев, М.Б. Кожа, В.А. Моисеев, А.К. Мухтар, Е.Б. Сыдыков, Ж.К. Симтиков, О.С. Смагулов, Р.Б. Сулейменов, К.Ш. Хафизова и др. Ж.К. Касымбаев отмечал, что политика «двоеданства» была вынужденной, она обеспечивала безопасность кочевой жизни казахам и служила «связующим звеном между востоком и западом» (Касымбаев, 1999: 122). Этой же точки зрения придерживалась К.Ш. Хафизова, считавшая, что Абылаю приходилось прилагать значительные усилия и дипломатические маневры для сохранения политического баланса между великими соседями (Хафизова, 1999: 116). Важные сведения и интересные оценки политики Абылая по отношению к России содержатся в публикациях И.В. Ерофеевой. В частности, она напоминает, что султан был освобожден из джунгарского плена благодаря усилиям русской дипломатии (посольство К. Миллера), предпринятых по личной просьбе Абулхаир хана к губернатору И.И. Неплюеву (Ерофеева, 2007: 140-143). Один из ведущих абылаеведов Казахстана К.К. Абуев обращал внимание, что именно Абылай заложил основы дружественных отношений с Россией. Но в то же время историк считал, что главные цели и характер политической деятельности Абылая не всегда совпадали, а подчас шли вразрез с задачами Российской империи в Казахстане (Абуев, 2006: 5). В ряде публикаций З.Е. Кабульдинова показана

взвешенная и независимая внутренняя и внешняя политика правителя Казахского ханства, уделено внимание взаимоотношениям с Россией, налаживанию контактов с региональными властями империи (Кабульдинов, 2018; Кабульдинов, 2019). В целом оценки результатов внешнеполитической деятельности Абылая, данные казахстанскими авторами на протяжении последних 30 лет, во многом концептуально совпадают, показывая хана сильным, независимым правителем, проводившим продуманную и сбалансированную политику в интересах укрепления государственной власти.

Тема казахско-русских контактов в XVIII в. рассматривается и в новейших публикациях российских исследователей. Анализ внешнеполитической деятельности Абылая, перипетий его взаимоотношений с российской администрацией отражен в работе Д.В. Васильева, который отмечает большую значимость личности хана для российских властей, и что почти безграничная власть Абылая в Средней орде, его весомый, даже мистический авторитет среди других казахов зиждились на его военных успехах, политике лавирования между интересами соседних империй (Васильев, 2020: 329). Р.Ю. Почекаев, изучая влияние личностного фактора на правовую политику Российской империи в Центральной Азии в XVIII – начале XX вв., предположил, что обращение Абылая в 1757 г. к цинскому правительству с прошением о подданстве (вассалитете) могло быть обусловлено обидой на российские власти, которые не соглашались признавать его ханом. Интерес представляет замечание автора о том, что двойное и даже тройное подданство было довольно обычным явлением среди тюрко-монгольских народов. С этой точки зрения Абылай следовал устоявшейся традиции, и в его глазах двойное подданство не являлось чем-то предосудительным (Почекаев, 2017: 87-90).

Таким образом, отдельные аспекты деятельности Абылая по установлению казахско-русских отношений представлены в достаточно широком корпусе публикаций. Вместе с тем, несмотря на имеющийся исследовательский опыт, задача системного изучения роли Абылая в контексте межгосударственного взаимодействия в 30-80-х гг. XVIII в. сохраняет свою актуальность.

4. Результаты

Молодой султан Абылай начал свою военно-политическую карьеру в начале 1730-х гг. с управления небольшим улусом рода атыгаев племени аргын Среднего жуза на севере Казахского государства. С 1734 г. официально ханом Среднего и части Старшего жузов считался Абулмамбет, но значительные полномочия, по всей видимости, находились уже и в руках Абылая. Это подтверждается тем, что в дипломатической переписке Абулмамбета с российской стороной в 1736–1739 гг. по различным вопросам развития двусторонних отношений, прежде всего, оказания военной поддержки и обеспечения безопасного продвижения торговых караванов в степи, неоднократно фигурируют имена «Аблай-салтан», «Аблай-Багатур-султан». Один из ранних документов от самого Абылая относится к осени 1739 г. 29 октября в канцелярию Сибирского губернаторства поступило донесение от командира Сибирского драгунского полка подполковника Я.С. Павлуцкого о письме, полученном им «от Аблая Мухаммета батыра и салтана» (Эпистолярное наследие, 2014: 279).

Появление относительно регулярной переписки с российскими властями со второй половины 1730-х гг. свидетельствовало о постепенном возрастании интереса к событиям, происходящим в Среднем жузе, со стороны царского правительства. Особенно этот интерес усилился после создания в 1734 г. Оренбургской экспедиции, ведавшей организацией торговли с народами Средней и Центральной Азии и дальнейшей колонизацией казахской степи. Но следует отметить, что казахи Среднего жуза непосредственные переговоры с отправкой послов к российской стороне осуществляли чаще с Тобольском, чем Оренбургом, который был ближе для казахов Младшего жуза и до некоторых пор не отвечал интересам проведения более интенсивной дипломатической деятельности правителей Среднего жуза.

На рубеже 1730–1740-х гг. значительная часть обсуждавшихся вопросов была связана с созданием военного союза против наседавших тогда джунгар, налаживанием торговли, урегулированием проблем, возникавших в связи с взаимными набегами и нападениями подданных России – башкир, калмыков, военного казачества. Будучи кровно заинтересованным в решении указанных вопросов, Абылай вынужден был прибегать к необходимым дипломатическим реверансам, чтобы заручиться поддержкой империи. Так, в совместном с султаном Абулмамбетом обращении на имя императрицы Анны Иоанновны от 12 декабря 1737 г. значилось: «Против неприятеля бесчисленное войско повелительно употребляющая, от востока до запада большим и малым народам и многим городам повелительница... яко глубину акияна власть пространно имущая, яко платом премудро разумеющая, императорскому величеству, отцу нашему, мы Абулмамбет-салтан и Аблай-салтан, нижайше кланяемся» (Эпистолярное наследие..., 2014: 249).

Начало системных и продолжительных контактов Абылая с Россией должно было подчеркнуть и обосновать имевшиеся военные возможности казахских правителей, что, естественно, играло немаловажную роль в формировании последующих партнерских отношений. Поэтому, например, в письме 1737 г. начальнику Оренбургской комиссии и тайному советнику В.Н. Татищеву сообщалось о выполнении разового «повеления» относительно разорения башкир, а также безопасном продвижении торговых караванов в степи: «И приезжающих сюда купцов во всяком благополучии

мы возвратили, и наши купцы поедут, и по указу белого царя и государя башкирцов мы разорjali, и повеление исполнили. Ежели посланцам нашим повеление будет ездить, и то состоит в воле их величества ж. И сию грамоту писал я, Абулмамет-хан, Аблай-Багатур-султан; и сие письмо писано оренбургскому командиру» ([Эпистолярное наследие..., 2014: 262](#)).

В течение следующего 1738 г. владельцы Среднего жуза, в том числе Абылай, обменивались письмами с императрицей Анной Иоанновной, обговаривая место принесения присяги из-за ухода казахов на значительные расстояния в степи ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1167. Л. 725-728об.](#)). В.Н. Татищев 28 мая 1739 г. оперативно доносил императрице о состоянии дел в Оренбургском крае, в том числе о готовности влиятельных чингизидов Среднего жуза принять российское подданство: «Средней Киргизской Орды Барак Салтан, також и Абдул Мамед и Аблай Салтаны ж у насъ в подданстве быть и сие присягою утвердить и надежных Аманатов дать желают» ([ПСЗРИ, 1830: 871](#)).

В свою очередь, Анна Иоанновна давала важные указания по поводу необходимости немедленного рассмотрения писем-просьб султана Абылая и других казахских владельцев степи и направлении им подарков, что следует из указа командиру Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту В.А. Урусову от 20 августа 1739 г.: «...к ним ответствовать со обнадеживанием и Нашей Императорского Величества Высочайшей к ним милости, и при том послать к ним некоторое малое жалованье сукнами, камками и другими вещьми, что в Самаре в готовности есть; а сколько чего к кому отправить, сие полагается в собственное ваше разсуждение» ([ПСЗРИ, 1830: 871](#)).

Из записи переговоров генерал-лейтенанта князя В. Урусова с представителями Малого и Среднего жузов во время их приезда в Оренбург для принятия присяги на подданство России известно, что 28 августа 1740 г. в Орской крепости Абылай принес следующую «присягу» на верность русской императрице: «...я, Аблай салтан киргис-кайсацкой Средней орды, пришел и предстою пред позласченною е. и. в. персоною... прошу, да принят буду с подвластными моими людьми в непобедимое засчищение высочайшей е. и. в. милости и в число совершенных и истинных е. и. в. подданных, за которую высочайшую милость долженствую, не токмо я один, но и со всеми моими, верным и истинным е. и. в. рабом вечно пребывать» ([Материалы по истории..., 1960: 36-38](#)).

Действительно, в это время среди казахов началась череда принятий ни к чему и никому не обязывающих подданств (патронажей), но суливших какие-то материальные или финансовые выгоды. Очевидно, что, принимая подобную присягу, Абылай преследовал и личные цели, желая получить для себя максимум преференций, которые могли заключаться в возможностях торговли с россиянами, переходе на внутреннюю сторону Староишимской и Иртышской линий, возвращении беглых пленников, угнанного скота и так далее. Нельзя исключить и то обстоятельство, что принятие присяги сулило султану прекращение набегов других российских подданных, особенно башкир, и наседавших воинственных кочевых джунгар. Хотя дальнейшие события показали, что эти цели не только не были достигнуты, но и произошли события, заметно ухудшившие отношения казахов и самого султана Абылая с этими народами.

Период 1740-х гг. характеризовался дальнейшими действиями российского правительства, направленными на укрепление позиций в Степи. Письма казахских правителей российским властям свидетельствовали о том, что казахская правящая верхушка пыталась синхронизировать свои планы и рассчитывала на помощь русских военных отрядов в противостоянии с джунгарами.

Осенью 1740 г. началось очередное вторжение джунгарских войск в казахские степи, и Абылай принял активное участие в отражении натиска неприятеля. В.А. Урусов напоминал сибирскому губернатору П.И. Бутурлину о присяге султана на верность империи и заявлял, что казахи, верные русские подданные, не смогут выстоять перед лицом нападения джунгар в Сибири без поддержки. Однако в реальности военной помощи оказано не было. Султан Абылай, оказавшийся в ходе военной кампании в джунгарском плену и освобожденный после казахско-джунгарского перемирия в 1743 г., наверняка мог сделать выводы об эффективности патронажа России.

После установления мира с джунгарами Абылай в октябре 1743 г. в письмах к оренбургской и сибирской администрациям обещал способствовать тому, чтобы «со своими людьми е. и. в. способствовать и никакого к российскому народу обид и изьяну – не чинить, а быть приятелем». Содержание документов свидетельствует, что послы Абылая были весьма любезно приняты сначала в Тобольске, откуда они направились в Оренбург, где вели переговоры по вопросу об укреплении торговых отношений, завершившиеся успешно ([КРО, 1961: 308-311](#)). В торговле, прежде всего, были заинтересованы военные подразделения на Оренбургской и Сибирской линиях, нуждавшиеся в лошадях, которых казахи «имеют довольно» ([Казахстан..., 1969: 133](#)). Развитие взаимной торговли, в которой были заинтересованы как казахская, так и русская стороны, и в последующее время являлось одним из самых перспективных направлений во внешнеполитическом взаимодействии Казахского ханства и Российской империи.

Необходимость поддерживать приемлемый уровень и паритет контактов с Россией подталкивал султана Абылая искать возможности их укрепления различными способами, в том числе и по приведению новых казахских родов в российское подданство. Так, 23 декабря 1745 г. тобольский генерал-губернатор А.М. Сухарев получил письмо от султана Абылая с просьбой принять в российское подданство казахов из рода уйсун, кочевавших «между Верхних калмык и кайсак, всегда России

противности оказывали и от пребывания их здесь никакой пользы от них не было, а ныне оной народ пришед в раскаяние и, оставя прежние ими чинимья поступки, у е. и. в. в подданстве быть желают, и с тем требованием присылая был к нам от них один старшина» (КРО, 1961: 328-329).

Очень важным во взаимодействии Казахского ханства и России был также вопрос обмена пленными, возврат беглых людей, преступников. По представлениям А.И. Тевкелева и П.И. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Младшем и Среднем жузах, с 1742 по 1758 гг. казахами было возвращено 2 253 пленных русских казаков, башкир, татар и калмыков (АВПРИ. Ф. 122. 1749 г. Д. 6. Л. 3-28). Такая достаточно внушительная цифра говорит о постоянном взаимодействии казахских правителей с российской администрацией на местах по улаживанию конфликтных ситуаций.

Сохранение легитимности власти в Казахском ханстве, соблюдение традиций степной государственности, уважение к ее лидерам были одними из принципиальных черт молодого султана Абылая. Свой особый пиетет он испытывал и к старшему хану Абулхаиру, который находился в авангарде выстраивания казахско-российских отношений. В процессе налаживания и развития торговых связей Абылай в 1744-1748 гг. особенно сблизился с ханом. Их консолидированная позиция должна была подчеркнуть единство Казахского ханства и способствовать казахско-российской торговле. По крайней мере, Абулхаир в письме оренбургскому генерал-губернатору И.И. Неплюеву от 21 мая 1745 г. выражал «удовольствие и спокойное пребывание» от хорошо складывавшейся торговли между Россией и Степью. Через своего посла Кутыр батыра хан высказывал предположение, что центру казахско-русской торговли «способнее быть в Орской крепости» (КРО, 1961: 313).

Дружба и уважение к Абулхаиру нашли свое отражение и в ситуации с гибелью верховного хана. В августе 1748 г. Абылай и сын Абулхаира Ералы находились в военном походе на «верхних» каракалпаков, когда получили известие о смерти хана от рук Барак султана. Как писал в сентябре об этих событиях И.И. Неплюев сам Ералы, Абылай помог ему уйти от преследования отряда, посланного Барак для расправы с сыном почившего хана: «Он и меня было убить своих шпионов к Аблаю-салтану послал, но оной Аблай-салтан, услыша то, по общему нашему с ним обещанию от своего войска меня проводил» (ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 127). Абылай жестко осудил убийство султаном Среднего жуза правителя казахов Абулхаира и последующее поведение Барака, пообещав сыновьям бывшего старшего хана личное содействие.

9 мая 1749 г. он отправил официальное послание И.И. Неплюеву, выражая скорбь и негативную оценку действий Барака: «Покойной наш Абулхаир-хан нашего народного счастья содержатель и отец наш был, и по нем мы всегда в верных службах обращались. Ныне же с оставшими от него детьми Нуралы и Эралы салтанами обо всем единственной совет учинили, а злодей Барак, яко собака, з бесчестием умрет... Токмо просим, чтоб мы милости вашею и впредь оставлены не были, и какая служба на нас положена будет, оную на тем своем нести имеем и всегда е. и. в. по возможности нашей верно служить обязуемся» (АВПРИ. Ф. 122. 1749 г. Д. 4. Л. 59-59об.).

Известно, что И.И. Неплюев выступал за ограничение власти хана Абулхаира и изменение традиционной процедуры избрания ханов, считая полезным, «чтобы сами киргиз-казацкие ханы ханство получали не по своей людской народной воле, но с высочайшего Ее Императорского Величества соизволения» (КРО, 1961: 399-400). После смерти Абулхаира некоторое время в казахском ханстве правителем считался его сын Нуралы. Сибирская администрация ставила перед Коллегией иностранных дел вопрос о награждении правителей Казахской степи ценными подарками, чтобы привязать их к себе и сделать лояльными. Например, 27 марта 1758 г. по определению Коллегии султанам Ералы и Айшуаку «за верную службу» были подарены именные серебряные сабли ценой в 90 и 55 рублей соответственно. Помимо этого, по представлению И.И. Неплюева и генерал-майора А.И. Тевкелева, сабля стоимостью в 120 рублей отправлена и султану Абылаю, так как им было ясно, что Нуралы не мог единолично принимать решения без согласия на это Абылая, пользовавшегося в Среднем жузе почти безграничной властью (КРО, 1961: 552).

После смерти хана Абулхаира в силу того, что Нуралы хан оказался в орбите влияния Российской империи, главной фигурой, которая проводила независимую политику в Казахском ханстве, оставался султан Абылай. Он, как и прежде, сохранял дистанцию в отношениях с Россией и искал возможности укрепления своих позиций внутри государства, создания таких внешнеполитических условий, которые отвечали бы интересам Казахского ханства.

Первое посольство от Абылая в Россию, чтобы «засвидетельствовать ее императорскому величеству верность», было организовано в конце 1758 г. Согласно сохранившимся документам, в Москву казахская делегация от «киргиз-кайсацкого главного владельца Аблай салтана» во главе с его двоюродным братом султаном Жолбарысом (Юлбарсом) в составе четырех человек и находившегося при них прапорщика нижегородского пехотного полка Михаила Куроедова прибыла 3 декабря, а в начале января 1759 г. – в столицу империи Петербург. Направляя посольство, Абылай таким образом хотел избежать подозрений в связях с цинским двором и заверить российские власти, что остается верным и готовым «в потребном случае к службе ея императорского величия» (Абуев, 2006: 186-187).

Важное место в дипломатических отношениях султана Абылая и России занимал китайский аспект. Необходимость искать паритет в отношениях и иметь дипломатические гарантии сохранности

территорий на юге и юго-востоке Казахского ханства вызывали у султана Абылая потребность взаимодействовать и с цинским Китаем. Данная ситуация максимально плодотворно была им использована в 50-х гг. XVIII в. Принятие китайского подданства давало возможность Абылаю дистанцироваться от России и в то же время демонстрировать себя в роли независимого правителя, принимавшего свои решения на международной арене. Сближение Абылая с Цинской империей вызывало серьезную обеспокоенность России. В 1758 г. в Оренбурге стало известно, что к Абылаю направилась посольская миссия из Цинской империи (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 430-436). В связи с этим А.И. Тевкелев считал необходимым немедленно пригласить султана в одну из пограничных крепостей для переговоров (КРО, 1961: 559-560). Но Абылай не принял ни этих, ни других предложений российской стороны по организации личных встреч.

В конце мая 1758 г. из Оренбурга в Степь был направлен представитель Коллегии иностранных дел переводчик Яков Гуляев для получения дополнительных сведений. Он должен был склонить хана Нуралы и его близкого с Абылаем брата Ералы к приезду в Оренбург. А.И. Тевкелев хотел побудить и Абылая встретиться с ним лично в Оренбургской крепости, однако тот отправил на встречу своего брата Жолбарыса. По результатам расследования генерал-майор А.И. Тевкелев и коллежский советник П.И. Рычков 26 июня 1758 г. докладывали в Коллегию иностранных дел: «...с теми Аблаевыми людьми китайской богдыхан и к нему то ж самое наказывал, да и письмо прислал, склоняет ево, хана, на свою китайскую сторону, обнадеживая, что он от него не только из детей ево, но и никаких аманатов, как то он в Россию отдает, не потребует, да и содержащихся-де в России аманатов высвободит и впредь до того не допустит» (КРО, 1961: 564). Эта информация об условиях китайского подданства свидетельствует о возможности более выгодных взаимоотношений Абылая с цинским Китаем. Это была серьезная победа султана, сумевшего в условиях ограниченности ресурсов внешней политики создать благоприятные условия для сохранения независимости Казахского ханства, а также сохранить возможность лавирования между двумя стремительно растущими империями.

В ответ на китайские инициативы Абылая Российская империя разрабатывала меры по упрочению своих позиций в Казахском ханстве, усилению влияния на султана. С целью удержать Абылая на своей стороне было решено подготовить почву для «провозглашения» его от имени империи, то есть в обход традиционной системы выборов, ханом Среднего жуза. В этом состояла миссия князя И. Уракова и Я. Гуляева, направленных в Оренбургскую губернию и Степь в конце 1759 – начале 1760 гг. Причем надо было сделать так, чтобы просьба об утверждении ханом и направлении аманатов исходила от самого Абылая. Посланники должны были выяснить также отношение казахов Среднего жуза к хану Абулмамбету, степень его авторитета и возможную реакцию в случае замены последнего Абылаем. Однако такие планы по замене казахского правителя оказались тщетными. Как выяснилось, даже имея подавляющий авторитет в степи, сам Абылай почитал старшего хана Абулмамбета и следовал его советам.

Тем не менее царское правительство продолжало проведение активных мер с целью не допустить перехода Абылая на китайскую сторону. В Указе Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору А. Давыдову от 18 июля 1760 г. в случае приезда султана в Оренбург рекомендовалось принять его как самого почетного гостя и обходиться с ним таким образом, чтобы убедить в самом лучшем к нему расположении. Всех сопровождавших султана лиц следовало одарить ценными подарками, но «...только с некоторою пред ханом малою убавкою. Ибо по здешнему рассуждению кажется, лучше потерять несколько иждевения, нежели его, Аблая солтана, и тамошних старшин» (КРО, 1961: 609). Но Абылай сам лично так никогда и не приезжал получать жалованье. Среди источников имеются ценные материалы с секретной перепиской региональных властей с комендантами пограничных крепостей, толмачами, купцами, некоторыми казахскими батырами. Подарки, жалованье и определенные суммы денег передавались султанам частью открыто, частью тайно. Выдача продовольственного пайка также служила одним из методов усиления лояльности части казахской политической элиты к России. Например, из переписки Абылая с командующим войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-поручиком И.И. Шпрингером известно, что обычно «каждой год нам по двести пудов муки производилось в выдачу» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 118об.).

Башкир Шукур Абзанов, побывавший вначале 1761 г. у Абылая в Среднем жузе, сообщал в апреле администрации Троицкой крепости об угрозах Цинов направить свои войска против Российской империи и казахских жузов. Что касается Абылая, то, со слов башкира, султан состоял в верноподданнической к «русской стороне должности». Ш. Абзанов не раз подтверждал, что казахи Среднего жуза «пребывают спокойно» и против России «никаких худых предприятий не имеют» (КРО, 1961: 614).

Год спустя Абылаю и другим казахским правителям представителями русской администрации И. Ураковым, Я. Гуляевым и Ф. Гордеевым были доставлены грамоты с извещением о восшествии на российский престол Екатерины II. В ответ от имени Абылая, Султанмамета, Нуралы, Ералы и других владетелей Среднего и Младшего жузов императрице было направлено поздравление по случаю восшествия ее на престол. По свидетельствам Ф. Гордеева, за время пребывания в Среднем жузе никаких антирусских настроений он не усмотрел, за исключением обиды на то, что российские власти

недостаточно помогали казахам в организации торговли. В то же время было отмечено, что с цинской стороны устанавливались укрепленные пункты, на территорию которых не допускалось казахское население, и было заметно присутствие значительного количества цинских войск у истоков реки Или (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 4. Л. 145).

В 1764 г. в Оренбург поступили сообщения от башкир Шукура Абзанова, Упака Абзанова и Мустая Утяшева. Они подтверждали, что Абылай в присутствии многих казахских старшин, родоправителей и биев заявил российским послам: «Ныне от китайцев никакого добра нет, и лутчеде нам, сообщась, к стороне нашей всемиловивейшей государыни жить, и китайцы-де чрез то им ничего не могут учинить» (КРО, 1961: 668). В августе того же года переводчик Матвей Арапов, ездивший к султану Абылаю с целью выяснения его отношения к российскому подданству, докладывал в Оренбургскую губернскую канцелярию, что, учитывая постоянное общение казахов с русским населением и оживленную торговлю между ними, враждебных намерений в отношении Российской империи среди людей там не обнаружил, в отношении же Китая казахи «к преданности-де в китайскую сторону генерально склонности не имеют» (КРО, 1961: 666).

В декабре 1764 г. в Оренбург и Тобольск от отдельных казахских владетелей начали поступать докладные сведения о двойном подданстве Абылая. В указанный период Старший жуз находился под номинальной властью Абулмамбета, но фактическим управлением султана Абылая, который активно укреплял свою власть в регионе, особенно на южных границах, где особенно осложнились отношения между казахами и кыргызами из-за споров о пастбищах на жетысуйских землях (История Казахстана..., 2010: 252).

Командир Сибирских войск генерал-поручик И.И. Шпрингер докладывал в Коллегию иностранных дел, что между Казахским ханством и Цинской империей осуществлялся обмен посольствами. Абылай направлял туда подарки и получал ответные дары. В качестве примера приводилось посольство в Поднебесную в составе 33 человек с 30 белыми рысаками в качестве подарка китайскому императору и влиятельным лицам из его окружения. 28 марта 1768 г. от старшины кереевского рода Среднего жуза Сагындыка Мамбетова поступили сведения, что император назначил Абылая начальником «над всеми киргисцами и салтанами», причем он получил право наказывать вплоть до применения смертной казни тех своих подданных, которые нарушали «спокойствие китайского правительства» (ИАОО. Ф. 3. 1823 г. Д. 423. Л. 117).

В 1768 г. Абылай просил царское правительство выделить ему военную силу для укрепления своей власти и направить его сына на царскую службу. Российское правительство не замедлило воспользоваться удобным случаем для получения от Абылая одного из его сыновей в качестве аманата. О значимости такого предложения говорил тот факт, что аманатов от него в России не было со времени принятия Средним жузом российского подданства в 1740 г. Султан Абылай всегда искал возможности альтернативных решений, что позволяло ему правильно оценивать свои шаги, находить компромиссы в решении сложных политических проблем и, таким образом, сохранять баланс между Цинской и Российской империями, где это, скорее всего, прекрасно осознавали. Абылай «оказывал усердие» к Цинской империи лишь для получения с ее стороны практической выгоды, так как он стремился укрепить свою власть и усилить авторитет. При этом Китай практически не вмешивался во внутренние и внешние дела Казахского ханства, не предпринимал никаких действий, направленных на дискредитацию и подрыв власти ханов и султанов.

Дипломатическая переписка хана Абылая с Россией в завершающий период его правления. В конце 1770 г. в Туркестане скончался старший хан казахов Абулмамбет, что создало объективные и легитимные условия для избрания Абылая общекзахским ханом. В 1771 г. после разгрома отступавших волжских калмыков в мечети Ходжи Ахмета Яссауи по казахскому обычаю старшины многих казахских родов Среднего и Старшего жузов и знатные представители городского населения Присырдарьинского региона избрали Абылая ханом (Андреев, 1998: 36-37). Следует отметить, что еще до избрания Абылая старшим ханом его фактическая власть распространялась и за пределы Среднего жуза, охватывая значительную часть Старшего и часть Младшего жузов.

В письме оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 28 февраля 1778 г. Абылай хан так описал это знаменательное событие: «А стал я ханом потому, что в 1771 г. с целью преградить путь отказавшимся от покровительства падишахского величества и сбежавшим калмыкам весь киргиз-казахский народ сел на коней, и все наши знатные и именитые люди казахского йурта уч-алач, города и степные окраины, а также все именитые люди Ташкентского йурта и знатные люди Туркестанского йурта согласились в том, чтобы поставить меня главным над всеми ханами. По нашему обычаю и по правилам предшествующих ханов в городе Туркестане, где скончался наш святой хазрат Ходжа Ахмад Йасауи, над его могилой была прочитана Фатиха, и я был поднят ханом» (ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 69).

В 1772 г. ханский титул Абылая был официально утвержден цинским императором Цяньлуном, отправившим тому грамоту и богатые подарки (Цинская империя..., 1989: 30). Но, несмотря на легитимность избрания в Казахском ханстве и признание китайским императором, подобное признание требовалась и от Российской империи, что должно было способствовать усилению его власти как внутри ханства, так и в отношениях с другими соседними государствами и народами.

В 1778 г. после приобретения своего высшего ранга, желая получить от царского правительства «патент», Абылай обращался к императрице Екатерине II с просьбой «высочайше подтвердить» его ханское звание. Возможно, основной целью такого обращения было стремление получить военную поддержку в преддверии большого похода против кыргызов. В связи с этим хан отправил к императорскому двору в Петербург посольство во главе со своим сыном султаном Тогумом в надежде осуществить свои планы (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1779 г. Д. 1. Л. 42-46).

Однако уже накопленный дипломатический опыт российского правительства по ведению дел с независимым ханом Абылаем привел теперь к выжидательной позиции. Царизм стремился реализовать свои стратегические планы, суть которых заключалась в планомерном снижении влияния степной аристократии в казахской степи, особенно ее лидеров. По сути ставилась задача постепенной ликвидации выборов казахских ханов. Чрезмерное усиление одного из степных правителей, являвшегося к тому же еще и цинским подданным, также не входило в планы. Исходя из этого, по рекомендации Коллегии иностранных дел 24 мая 1778 г. Екатерина II подписала патент об утверждении Абылая ханом только Среднего жуза, в знак чего ему была выделена из кладовой при Алмазной мастерской императорского Кабинета «сабля с надписью, шуба соболья и шапка черной лисицы» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1938. Л. 1).

В 1779 г. распоряжением вице-канцлера М.И. Воронцова по назначению Коллегии иностранных дел Абылаю было еще раз подтверждено жалованье в размере 300 рублей и 200 пудов муки в год. Также для него был построен деревянный дом «близ реки Ишима в горах Енгистау» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. 1819–1820 гг. Д. 54. Л. 12). В то же время основной вопрос нового правителя об отправке русских войск для похода против южных соседей в Петербурге признали не заслуживающим одобрения, и он оказался решительно отвергнутым (Касымбаев, 1999: 123-126). Все принятые решения царского правительства в это время были направлены на то, чтобы «не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо воли царского правительства» (Валиханов, 1985: 115).

Для приведения Абылая к присяге как хана Среднего жуза правительством была подготовлена торжественная церемония, ему были пожалованы знаки подтверждения ханского достоинства: «грамота за Государственною печатью, шуба соболья, покрытая парчой, шапка парчевая ж с околышем чернубурой лисицы и сабля с надписью», отправленные из Петербурга в Оренбургскую крепость 21 сентября 1778 г. (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 110об.-111).

Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп должен был передать знаки власти и патент от императрицы, однако Абылай отказался прибыть на тщательно подготовленную властями торжественную церемонию. Отказ в военной помощи в южном походе и умаление титула верховного хана охладили его отношение, и вместо этого он отправился на юг Казахского ханства, вглубь территорий. Несмотря на отсутствие дополнительных сил в военном походе, Абылай разгромил кыргызов в 1779 г. имевшимися казахскими силами, вернув часть Присырдарьинского региона, и более на север не возвращался. В письмах Абылая за 1778 г. и в посланиях, составленных на протяжении двух последующих лет его жизни, верховный правитель трех жузов титуловал себя исключительно «ханом».

5. Заключение

Анализ переписки султана и хана Абылая в контексте его взаимоотношений с центральной и региональной властями Российской империи показывает, что она всегда была нацелена на соблюдение интересов и решение проблем Казахского ханства. Абылай обладал незаурядной способностью дальновидного политика, который умел оставаться независимым правителем в условиях очевидных намерений двух соседних великих империй установить свое влияние в Степи. России и Китаю пришлось длительное время подбирать различные инструменты и подходы к решению своих внешнеполитических задач. Показательно, что если в 1730-1740-е гг. российские власти вели переписку и переговоры непосредственно с самим Абылаем, то позднее субъектов взаимоотношений с казахской стороны стало больше, тем самым царизм пытался ослабить единство казахской элиты. Но Абылай, в отличие от других казахских правителей, так и не стал частью стратегических планов обеих империй по дальнейшему проникновению в Степь. Казахский правитель сам небезуспешно стремился диктовать повестку дня в регионе, являясь активным военно-политическим деятелем как внутри ханства, так и на международной арене. При этом у Абылая не было специального органа наподобие «канцелярии», такой работой занимались приставленные к нему различные толмачи, писари, муллы или грамотные из числа бывших пленных или толенгутов. Также Абылай не имел подготовленных дипломатов, эти задачи выполняли его близкие родственники: сыновья, братья или уполномоченные батыры.

Обширная по количеству и разнообразная по тематике переписка подтверждает значение Абылая как ключевой исторической фигуры XVIII в. в Центральной Азии. В сложной геополитической ситуации, в условиях двойного подданства он мог решать внутренние жизненно важные проблемы Казахского ханства и в то же время сдерживать влияние двух мощных соседних империй, сохраняя казахскую государственность.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР 19680406 «Неисследованные этапы государственной деятельности ханов Абылая, Уали и Бокея (на основе редких архивных и фольклорных источников)».

Литература

- Абуев, 2006** – *Абуев К.* Абуев К. Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Андреев, 1998** – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.
- Аполлова, 1960** – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
- Аяган, Кашкимбаев 2011** – *Аяган Б.Г., Кашкимбаев А.Н.* Россия – Казахстан: история взаимоотношений и современность. Историко-хрестоматийный очерк. Алматы: Раритет, 2011. 240 с.
- Басин, 1969** – *Басин В.Я.* Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1969. С. 50-145.
- Валиханов, 1985** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. 460 с.
- Валиханов, 1904** – Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1904. 533 с.
- Васильев, 2020** – *Васильев Д.В.* Рождение империи. Юго-восток России XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- ГАОРО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Ерофеева, 2007** – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- История Казахстана..., 2010** – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с.
- Кабульдинов, 2018** – *Кабульдинов З.Е.* Султанмамет султан: государственный деятель, дипломат и батыр. Алматы, 2018. 304 с.
- Кабульдинов, 2019** – *Кабульдинов З.Е.* Абылай хан // *Великие имена Великой степи*. Алматы, 2019. С. 274-289.
- КРО, 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.
- Казахстан..., 1969** – Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Сборник статей. Отв. ред. Б.С. Сулейменов. Алма-Ата: Наука, 1969. 203 с.
- Казахстан и Россия..., 2022** – Казахстан и Россия: очерки истории двусторонних взаимоотношений в новое и новейшее время (XVIII – начало XIX века). Астана: Литера-М, 2022. 392 с.
- Касымбаев, 1986** – *Касымбаев Ж.* Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986. 134 с.
- Касымбаев, 1999** – *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Кобак, 2012** – *Кобак И.В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2*. 2012. Вып. 2. С. 142-148.
- Материалы по истории..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 441 с.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII – начало XX в. М.: Издат. дом ВШЭ, 2017. 384 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Т. X. 1737–1739. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 990 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сулейменов, Моисеев, 1988** – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
- Хафизова, 2019** – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Цинская империя, 1989** – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. Алма-Ата: Наука, 1989. 216 с.
- Эпистолярное наследие..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х т. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 692 с.

References

- Abuev, 2006** – *Abuev, K.* (2006). Khan Abylai i ego vremya [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda. 304 p. [in Russian]
- Andreev, 1998** – *Andreev, I.G.* (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Central Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Fylym. 280 p. [in Russian]
- Apollova, 1960** – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v. [Economic and political ties of Kazakhstan with Russia in XVIII – early XIX century]. M.: Izd-vo AN SSSR. 456 p. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Ayagan, Kashkimbaev, 2011** – *Ayagan, B.G., Kashkimbaev, A.N.* (2011). Rossiya – Kazakhstan: istoriya vzaimootnoshenii i sovremennost'. Istoriko-khrestomatiinyi ocherk [Russia – Kazakhstan: History of Relations and Modernity. Historical and textbook essay]. Almaty: Raritet. 240 p. [in Russian]
- Basin, 1969** – *Basin, V.Ya.* (1969). Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossii v pervoi polovine KhVIII veka [Kazakhstan in the system of foreign policy of Russia in the first half of the XVIII century]. *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii)*. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR. Pp. 50-145. [in Russian]
- Epistolyarnoe nasledie..., 2014** – Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh t. T. 1. Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite in 1675–1821. Collection of historical documents in 2 vol. Vol. 1. Letters of Kazakh rulers. 1675–1780]. Almaty: AO «ABDI Kompani», 2014. 692 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press. 456 p. [in Russian]
- GAOrO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].
- Istoriya Kazakhstana..., 2010** – Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. Vol. 3. Almaty: Atamura, 2010. 768 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2018** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2018). Sultanmamet sultan: gosudarstvennyi deyatel', diplomat i batyr [Sultanmamet Sultan: statesman, diplomat and batyr]. Almaty. 304 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2019** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2019). Abylai khan [Abylai Khan]. Velikie imena Velikoi stepi. Almaty, 2019. P. 274-289. [in Russian]
- Kasyмбаev, 1986** – *Kasyмбаev, Zh.* (1986). Pod nadezhnuyu zashchitu Rossii [Under reliable protection of Russia]. Alma-Ata: Kazakhstan. 134 p. [in Russian]
- Kasyмбаev, 1999** – *Kasyмбаev, Zh.K.* (1999). Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv (XVIII v.) [Statesmen of Kazakh Khanates (XVIII century)]. Almaty: Bilim. 288 p. [in Russian]
- Kazakhstan i Rossiya..., 2022** – Kazakhstan i Rossiya: ocherki istorii dvustoronnikh vzaimootnoshenii v novoe i noveishee vremya (XVIII – nachalo XIX veka) [Kazakhstan and Russia: sketches of the history of bilateral relations in new and modern times (XVIII – beginning of XIX centuries)]. Astana: Litera-M, 2022. 392 p. [in Russian]
- Kazakhstan..., 1969** – Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii) [Kazakhstan in XV–XVIII centuries (Questions of socio-political history)]. Otv. red. B.S. Suleimenov. Alma-Ata: Nauka, 1969. 203 p. [in Russian]
- Khafizova, 2019** – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe rulers and their diplomacy in XVIII–XIX centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 476 p. [in Russian]
- Kobak, 2012** – *Kobak, I.V.* (2012). Pis'ma kak istoricheskii istochnik: zadachi i priemy izucheniya [Letters as a historical source: tasks and methods of study]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2.* 2: 142-148. [in Russian]
- KRO, 1961** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian relations in XVI–XVIII centuries (Collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1960** – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of political system of Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1960. 441 p. [in Russian]
- Pochekaev, 2017** – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii. XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia. XVIII – beginning of XX century]. M.: Izdat. dom VShE. 384 p. [in Russian]
- PSZRI, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. X. 1737–1739. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1830. 990 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Suleimenov, Moiseev, 1988 – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1988). Iz istorii Kazakhstana XVIII veka (o vneshnei i vnutrennei politike Ablaya) [From the history of Kazakhstan of the XVIII century (about foreign and domestic policy of Ablai)]. Alma-Ata: Nauka. 144 p. [in Russian]

Tsinskaya imperiya..., 1989 – *Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.* [The Qing Empire and Kazakh khanates. The second half of the XVIII – the first third of the XIX century]. Part 1. Alma-Ata: Nauka, 1989. 216 p. [in Russian]

Valikhanov, 1904 – *Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova* (1904). [Works by Chokan Chingisovich Valikhanov]. St. Petersburg: Tip. gl. upr. udelov. 533 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 4. Alma-Ata: Gl. red. Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii. 460 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2020 – *Vasil'ev, D.V.* (2020). *Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Birth of Empire. Southeast Russia in the 18th – first half of the 19th century]. SPb: Dmitrii Bulanin. 608 p. [in Russian]

Взаимоотношения хана Абылая с центральной властью и региональными центрами Российской империи

Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a, Денис Аркадьевич Черниенко ^{a, *}, Анар Дуйсенбаевна Арепова ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Абылай как один из влиятельных военно-политических лидеров Казахской Степи XVIII в. в течение почти 40-летнего периода правления в качестве султана и хана Среднего жуза значительное внимание уделял выстраиванию взаимодействия с сопредельными государствами, прежде всего, Россией и Китаем. Наличие двух могущественных империй со своими приоритетами и задачами определяло характер международных связей в этой части Евразии. Российское направление во внешнеполитической деятельности Абылая приобретало все большее значение по мере укрепления позиций России на пограничной линии и колонизационной активности. Взаимодействие Абылая с центральными и региональными органами власти империи осуществлялось через переписку и обмен посольствами. Главными вопросами для обсуждения были налаживание взаимовыгодной торговли на приграничной территории, безопасность торговых караванов, обмен пленниками. В казахско-российских отношениях заметное место занимали китайский и джунгарский факторы, поэтому еще одной важной темой для переговоров являлось возможное оказание военной помощи. Обширная переписка Абылая с представителями российской власти различного уровня от комендантов крепостей до императриц показывает его стремление к защите интересов своих подданных, сохранению статуса независимого правителя и суверенности подвластной ему части Казахского ханства. Документы показывают Абылая как незаурядного политика, который не без успеха стремился формулировать и претворять в жизнь свои интересы, что, в свою очередь, укрепляло его позиции внутри казахского общества и позволило в итоге получить ханский титул. Активная внешнеполитическая деятельность Абылая делает его ключевой исторической фигурой XVIII в. в Центральной Азии.

Ключевые слова: Абылай, внешняя политика, Казахское ханство, казахско-российские отношения, переписка, правление, Российская империя, Степь, султан, хан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: denis_chernienko@mail.ru (Д.А. Черниенко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(3): 1052-1062
DOI: 10.13187/bg.2024.3.1052

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18th–19th centuries

Ekaterina A. Sertakova ^a, Yulia S. Zamaraeva ^{a, b, *}, Anna A. Omelik ^a, Maria S. Koptseva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Dmitry Khvorostovsky Siberian State Academy of Arts, Russian Federation

Abstract

The article is a study of inter-ethnic relations in one of the most remote territories of the Russian Empire – the Turukhansky Krai. The study covers the period from the 18th to the 19th century – a time when the study of indigenous ethnic groups was not focused and was found rather as additional information to the description of geographical features of space and natural riches of the developed area. The published works of travellers, civil servants and clergymen, which now provide valuable insights into the northern territory and its population, served as materials for the study of this issue.

The textological analysis of the sources has shown that interethnic relations in the Turukhan Territory during the period under study were complex and multileveled. They record active intercultural interaction and language borrowings, including those between Russian people and indigenous peoples, describe both positive and negative cases of inter-ethnic and intercultural communications, note the importance of peaceful coexistence of different peoples in the harsh Siberian region.

Keywords: Turukhansky Krai, Siberia, foreigners, Russian peasants, interethnic relations, intercultural interactions.

1. Введение

Туруханский край до XX в. занимал почти 2/3 территории Енисейской губернии. В Российской империи эти земли были самыми северными, выходящими за Полярный круг и граничащими с Северным Ледовитым океаном. Скучная на растительность и непригодная для земледелия земля при этом не была безлюдной. Обилие рыбы ценных пород и пушной зверь не только позволяли выжить аборигенным этносам северных пустынь (остякам, юракам, тунгусам, самоедам и долганам), давая все необходимое, но и привлекали русских торговцев и промышленников, находивших в Туруханском крае возможности для быстрого обогащения. Например, обитающий здесь пушной зверь соболь считался в то время «мягким золотом». Также данные территории стали местом для жизни переселенцев-крестьян и каторги ссыльнопоселенцев, которые могли выжить в подобных условиях только благодаря контактам с местным населением и заимствованию некоторых черт их образа жизни.

История межэтнических отношений на территории Туруханского края берет начало с конца XVI в. – времени расширения влияния русского государства на Восток, когда первые контакты казаков с аборигенным населением были точечными и преимущественно враждебными. К концу XIX в. взаимодействие между разными народами на территории Туруханского края было более тесным и разнообразным, сосредоточенным вблизи самых крупных поселений, таких, как Туруханск (до 1780 г. – Новая Мангазея), Хатанга, Верхнеимбатск, Монастырское и т.д. В этих поселениях проездом или по назначению останавливались путешественники, государственные служащие, деятели Русской православной церкви, которые составляли дневники, путевые заметки и записи о

* Corresponding author

E-mail addresses: rybkao8@bk.ru (Yu.S. Zamaraeva), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), omelik@inbox.ru (A.A. Omelik), koptseva.jn@mail.ru (M.S. Koptseva)

жизни в суровых условиях края. Сегодня они являются ценными историческими источниками, сведения из которых помогают пролить свет на историю самых малочисленных и северных народов Российской империи, которая складывалась в межэтническом и межкультурном взаимодействии.

2. Материалы и методы

2.1. Ключевыми источниками для исследования выступили опубликованные труды путешественников, государственных служащих и священнослужителей, находящиеся в фондах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края. Это труды И.С. Пестова, М.А. Кастрена, М.Ф. Кривошапкина, П.И. Третьякова, А.Ф. Миддендорфа, Н.В. Латкина, Л.К. Теляковского, О.М. Сулова и других исследователей, кто писал о территории и жителях Туруханского края, непосредственно наблюдая за происходящими событиями.

2.2. Базовым методом в данном исследовании выступает текстологический анализ, доказавший свою эффективность в поиске и обработке информации в больших текстовых массивах (Лещинская и др., 2021; Koptseva et al., 2022b; Ермаков, 2023; Квашнина, 2023; Середкина, 2023). Эмпирическим материалом выступают тексты, созданные историческими деятелями изучаемого периода истории Российской империи, в которых приводятся авторские свидетельства по теме исследования. Обращение к данному методу позволило не только провести исследование истории межэтнических взаимодействий на Туруханской земле, но и выявить отношение авторов исторических источников к происходящим здесь событиям.

3. Обсуждение

Вопросы межэтнического взаимодействия в отдаленных территориях Российского государства в период с XVIII по XIX вв. в исследовательской исторической литературе рассматриваются, начиная с XX в. Первые свидетельства межэтнических отношений на территории Туруханского края анализировали советские исследователи-этнографы, затем российские историки, культурологи, этнологи, этносоциологи и этноантропологи.

В данном контексте особую значимость представляют работы известных исследователей-этнологов Б.О. Долгих (Долгих, 1960) и В.И. Васильева (Васильев, 1979), которые сравнивали этнографические данные, полученные в ходе проведенных экспедиций с записями своих предшественников. На основе сравнений они формулировали гипотезы о происхождении сибирских и северных этносов и их расселении на территории Енисейской губернии, в том числе затрагивая вопросы межэтнического взаимодействия.

Среди современных ученых текстологические исследования исторических источников, связанных с северными народами Российской империи, были выполнены в работах Н.П. Копцевой и К.В. Резниковой (Koptseva, Reznikova, 2015), Е.В. Комлевой (Комлева, 2016), Н.П. Копцевой и др. (Koptseva et al., 2022a), Н.Н. Пименовой (Пименова, 2023), О.С. Нагаевой (Копцева, Нагаева, 2023) и ряда других. Так, исследователь Е.В. Комлева провела источниковедческое исследование «Енисейских губернских ведомостей» к. XIX – нач. XX вв. и пришла к выводу о том, что в данной газете, особенно в начале XX столетия, достаточно часто приводились сведения о Туруханском крае и его жителях – инородцах и русских поселенцах (Комлева, 2016). Автор отмечает, что корреспонденты газеты неоднократно указывали, что зажиточные торговцы и енисейские рыбопромышленники эксплуатируют население этого отдаленного края (Комлева, 2016: 39).

Другие авторы рассматривали не только положение дел аборигенного населения на определенном историческом этапе, но и обращали внимание на этнокультурную динамику, а именно на то, как изменились быт, культура, коммуникативные практики с течением времени под воздействием разного рода факторов (Копцева и др., 2022). Так, Н.П. Копцева и К.В. Резникова, обращаясь к различным историческим источникам и к интервью с современными представителями коренного населения Туруханского края, реконструировали представления северных селькупов о своем «историческом» прошлом на этой земле. В частности, удалось описать такое явление, как историческая память коренного населения о битве, происходившей между различными этническими племенами, незафиксированной ранее в исторических исследованиях (Koptseva, Reznikova, 2015). Но, несмотря на имеющиеся исторические исследования Туруханского края и достаточное количество трудов о нем в контексте экономического развития и истории освоения Российской Арктики, история межэтнического взаимодействия на данной территории в период XVIII–XIX вв. изучена недостаточно, хотя многие современные процессы укоренены в событиях прошлого Российской империи, истории освоения и обустройства ее северных территорий.

4. Результаты

Основные сведения о жизни и быте в Туруханском крае до XX столетия представлены в трудах путешественников, государственных служащих и священнослужителей XIX века. История XVIII в. уже в их сочинениях предстает как записи чьих-то воспоминаний об этом периоде. Свои наблюдения и впечатления о суровой и отдаленной территории государства авторы фиксировали в путевых заметках, дневниках и отчетах о поездках, которые в дальнейшем публиковались и становились не

только важными документами для государственной администрации, но и доступными для более широкой аудитории, в том числе, для ученых. Рассмотрим те работы, в которых внимание авторов было привлечено к теме межэтнического взаимодействия народов, проживающих на территории Туруханского края.

Так, в 1833 г. были опубликованы «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г.», составленные Иваном Семеновичем Пестовым, статским советником, председателем Енисейской Казенной палаты в 1827–1834 гг. В 10 главах «Записок» описывается история губернии, ее этнический состав, природные ресурсы и география региона.

Расстояние между городами Енисейском и Туруханском составляло около 1 тыс. верст (~1066 км). В губернии проживало около 170 тыс. человек, в том числе, в Туруханске – не менее 4 тыс. представителей коренных народов. 7 отделений иноверческих управ администрировали 19 волостей, с которых собирались подати и ясаки. Коренные народы кочевали по тундре, занимались рыболовством, охотой и оленеводством, а в июне-июле каждого года выходили на «сугланные места» для оплаты ясаков. Русское население зачастую было теснейшим образом связано различными отношениями с коренными этносами, русские люди владели их языками, занимались такими же промыслами, носили одежду из меха и шкур, питались мясом и рыбой. И.С. Пестов отмечает благожелательные отношения между народами. Тесное взаимодействие русских жителей Туруханска и представителей коренных народов происходило, как правило, с 15 июня по 1 августа на ярмарке каждый год.

В период между 1845–1849 гг. совершил путешествие в Сибирь знаменитый лингвист и этнограф Матиас Александр Кастрен, описавший свою поездку в двух томах книги «Путешествие в Сибирь» (Кастрен, 1999). Отмеченные им устои фактически не отличаются от того, что отмечают другие авторы: коренные народы сосуществуют мирно друг с другом и с русским населением, между ними крайне редки столкновения или серьезные преступления, все они придерживаются христианской веры с некоторыми сохранившимися языческими традициями, относительно хорошо говорят на русском языке. Кроме того, он также упоминает редкость почтового сообщения между южными и северными территориями, из-за которой на день прибытия почты собираются почти все местные жители, коренные и русские, как на праздник (Кастрен, 1999: 158-161). Кастрен отмечает особое гостеприимство и дружелюбие, проявленное к нему тунгусскими и остяцкими князьями, пишет, что такое отношение здесь считается нормой. Представители коренных северных народов часто позволяют путешественникам останавливаться на ночь в их жилищах, выступают для них проводниками (Кастрен, 1999: 149-152). Более напряженные отношения между коренными народами и русским населением Кастрен фиксирует по прибытию в поселение Дудинка, где он встретился с представителями долган. По его описанию, между остяками и смотрителем одного из местных магазинов возник конфликт из-за продолжительной неуплаты остяков за муку (Кастрен, 1999: 165). В остальном конфликты между различными народами здесь считались крайне редкими.

В 1860 г. в Вестнике Императорского Русского географического общества вышла в свет работа сибирского путешественника и географа А.А. Мордвинова «Иногородцы, обитающие в Туруханском крае» (Мордвинов, 1860). Труд А.А. Мордвинова посвящен описанию инородческих групп, условно распределенных исследователем в три категории по названию и типу проживания на территории Туруханского края: тунгусы, самоеды, юраки, живущие в переносных чумах («бродячие»); якуты, постоянно проживающие в своих деревянных домах или избах с печами («оседлые»); долганы, остяки, обитающие в юртах или балаганах («кочевые»). Для больших родов коренного населения было учреждено 4 подвижных казенных магазина на протяжении 1200 верст (~1280 км.), что позволяло обеспечить хлебом постоянно перемещающиеся по территории края коренные семьи. А.А. Мордвинов пишет, что для коренных народов существовал Устав, согласно которому «для каждого рода должны быть определены земли полосами, которые и составляют собственность, неприкосновенную для других; но этого в Туруханском крае не сделано, по обширности земель, и бродячие инородцы, по образу своей жизни, ходят для промыслов свободно по всему пространству края...» (Мордвинов, 1860: 29-30). Раз в год все роды собирались на сугланное (сборное) место для платежа ясака.

Исследователь отмечает, что тунгусы числились 9 родами (от 40 до 200 человек в каждом) и занимали всю местность от Енисея до границы края к востоку и от Нижней Тунгуски к северу. К XIX в. по разным причинам число тунгусов уменьшилось: часть родов ушло вглубь Туруханского края к озеру Ессейскому вести постоянные промыслы рядом с якутами (Илимпские и Усть-Турыжские), часть родов вела промысловую добычу на Енисее (Нижне-Чумские), меньшая часть осталась на Тунгуске (Чапогирские). С апреля до ноября тунгусы занимались рыболовством и оленеводством, в ноябре добывали песцов, что позволяло им вести торги на свои промыслы с якутами.

Долганы состояли из трех родов (Долгано-Тунгусский, Долгано-Жиганский, Долгано-Есейский Тунгусский), проживающих возле крупных озер и ведущих промыслы в разных местностях между Хатангой и Анабарой. Остяки считали себя одним большим родом, но разделялись по месту жительства, они обитали на берегах рек Подкаменной Тунгуска и Енисей, первыми освоили звериные промыслы в лесах и рыбные – по Енисею и речкам. Самоеды состояли из четырех родов и считались

зажиточными, поскольку владели большими стадами диких оленей, вели торговлю с приезжающими енисейскими рыбопромышленниками, сдавали ясак. Юраки состояли из двух управ (Тазовской орды и Берегового рода) и вели промыслы рассредоточено по берегам Енисея. Якуты, названные Мордвиновым как единственно «оседлые инородцы в Туруханском крае», состояли из двух управ. Шорохинская управа обитала на правой стороне Енисея в деревне Шорохино вместе с русскими, «утратив совершенно не только свой народный язык и характер, но и самый наружный тип и усвоив все обычаи русских, с которыми они слились, и по этому весьма справедливо желают уничтожения особого инородческого управления, существующего ныне у них, и обращения в звание обыкновенных поселян, как они и есть в действительности» (Мордвинов, 1860: 30-31). Якуты Нижне-Затундринской управы расселялись в Хатангском районе вдоль рек Хета, Попигай, Хатанга и Анабар, жили в деревянных домах, занимаясь рыбным и звериным промыслами вблизи домов или уходили вглубь тундры для поволоки оленей или добычи песцов.

А.А. Мордвинов отмечает, что в Туруханском крае аборигенное население незначительно по численности по сравнению с другими северными территориями Сибири. Что касается нравов, обычаев и промыслов, то для всех этнических групп главными промыслами были рыбная и звериная ловля. Первыми поселенцами лесов и тундр Восточной Сибири считаются тунгусы. В начале XVII в. кетские казаки (название происходит от острога Кетского, построенного вблизи впадения реки Кеть в Енисей) завоевывали в походах земли туруханских инородцев и облагали их ясаком, включая в подданство русских царей. Остяки, самоеды и юраки, пишет автор, прибыли в «неизвестные времена» с запада или юга, оттесняемые другими племенами вглубь сибирских и северных земель. Якуты частично отделились от своих соплеменников, живших в Якутской области, и прибыли в Туруханский позднее других коренных народов. Долганы считались родственным народом с тунгусами, поскольку говорили на одном языке, обычаи и образ жизни имели схожий. Они сохранили самобытность в одежде, обустройстве чума и балагана, промысловых традициях, рукоделии и ремеслах, повседневных обрядах (свадьбах, рождении и именовании младенцев, обрядах при болезни и смерти). Мордвинов пишет, что тунгусы гостеприимны и приветливы, но «не прощают наносимых обид и потому осторожны в сношениях с чужими», долганы отличаются добрыми качествами, и, как все другие инородцы, «к русским, особенно к начальству, те и другие сохраняют величайшее почтение» (Мордвинов, 1860: 37).

Исследователь отмечает, что в суровых условиях тундры и тайги межэтнические отношения строятся на дружелюбии, выручающем все этносы при добыче пропитания и обмене им по условленной цене. Обязанность сдачи ясака и расплаты за казенный хлеб компенсировалась коренным народам возможностями для них торговли мясом и шкурами диких оленей, ценным мехом песцов и приобретением ими всего необходимого у торговцев и на ярмарках. Они служили проводниками для приезжающих чиновников, путешественников, священнослужителей. Наиболее бедные из них получали казенные олени шкуры по низким ценам для выживания зимой. Немаловажным фактором для понимания характера межэтнических отношений является обустройство кочующими коренными жителями (например, остяками) своих жилищ на длинные суровые зимы вблизи русских поселений. Одновременно с этим кочевые народы (самоеды, юраки), владеющие большими стадами оленей и не имеющие долгов за казенный хлеб, избегали контакта с другими этническими группами, что, по мнению Мордвинова, говорило о стремлении сохранить «свой народный характер от усвоения чужих обычаев» (Мордвинов, 1860: 44).

Что касается религиозного вопроса, то в Туруханском крае для русских и коренных жителей господствующей была православная христианская вера. Для исполнения религиозных таинств и обрядов действовало 5 местных православных храмов, существовавших на доходах только от русских жителей, и одна походная церковь, учрежденная государственной администрацией в 1850 г. с целью просвещения инородцев и крещения коренных жителей отдаленных поселений. А.А. Мордвинов пишет: «Кроме церквей и монастыря находятся в Туруханском крае 4 деревянные часовни; других иноверческих храмов нет», однако некоторые инородцы оставались приверженцами язычества (Мордвинов, 1860: 44).

Таким образом, расселение людей на обширных северных территориях Туруханского края и трудности межэтнических коммуникаций, связанные с удаленностью поселений друг от друга, исторически сформировали специфические формы межэтнических отношений коренных народов и русских людей. Такая форма межэтнических взаимодействий, дружелюбных и одновременно самозамкнутых, охраняющих свою уникальность, является особенностью северной российской культуры, позволившей адаптироваться этносам в межкультурной среде и при этом сохранить свою самобытность.

В 1863 г. в «Записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (кн. 6) было опубликовано этнографическое сочинение «Об остяках, тунгусах и проч. инородцах Енисейского округа» авторства Михаила Фомича Кривошапкина, русского врача, этнографа и фольклориста, который вел свои записки в 1857 г. в Туруханском крае. Его труд содержит 4 раздела, посвященных остякам, тунгусам, самоедам и якутам. Большая часть сочинения включает описание происхождения, исторических данных и современного состояния остяков. По мнению М.Ф. Кривошапкина, именно остяки во многом помогли русским казакам победить многочисленные

кочующие племена тунгусов и освоить северные земли, а «христианство и общение с русскими имели на них свое благодетельное влияние», однако они сохранили свою приверженность к язычеству и верили в единого бога «Ессь» (Кривошапкин, 1863: 46-47). Остяки занимались рыболовством, заготавливая юколу для себя и на продажу енисейским купцам, проживали в берестяных чумах, в зимнее время ели строганину, при рождении детей обрядов не делали, но воспитывали своих детей в суровой строгости при полном послушании родителям с целью приучения к остяцкому образу жизни. Остяки никогда не оставляли в беде своих сородичей, что, по мнению исследователя, стало результатом влияния христианства (Кривошапкин, 1863: 63). По статистическим подсчетам, енисейских остяков на момент написания данного сочинения проживало в Туруханском крае порядка 900 человек.

М.Ф. Кривошапкин отмечает, что в Туруханском крае тунгусы сохраняли обособленный образ жизни рода, не смешиваясь с тунгусами из других территорий. Занимаясь звериным промыслом, они платили ясак исправно, понимая, что делают свой вклад в государево дело, в связи с чем с русскими эти тунгусы имели крепкие и дружественные отношения. Он пишет: «Замечу, во-первых, что туруханский тунгус не только не отказывается, но даже любит изредка пожить и полениться в русской избе; только сами устраиваться также не желают» (Кривошапкин, 1863: 67).

О самоедах и якутах в данном сочинении написано немного, поскольку М.Ф. Кривошапкин оставил в тексте из своих наблюдений именно те, которые опровергают недостоверные факты других исследователей. Енисейские самоеды занимались оленеводством (имея до 1 000 голов дикого и домашнего оленя), были достаточно зажиточны и оттого самодостаточно передвигались по тундре семьями на санях-балках со всем нажитым, останавливаясь периодически для оседлого проживания в чумах. О шорохинских якутах упомянуто, что жилищем и всем другим они не отличаются от русских. «Курные» избы строились ими из барочных досок, отапливались печами и часто проветривались из-за едкого дыма, но для приезжих гостей оставляли светлицу для проживания в знак гостеприимства.

В 1871 г. была опубликована книга П.И. Третьякова «Туруханский край, его природа и жители». Разделив свою работу на две основные части (описание особенностей территории и особенностей ее населения), Петр Иванович затронул и тему взаимоотношений разных сибирских этносов. Начал он с более ранней истории взаимодействия народов на территории Туруханского края, открывая главу о населении региона записью рассказа потомка прежних поселенцев края: «Прадедушка наш казак Лаптуков, говорил наш пращур, находился на Енисейском озере для усмирения взбунтовавшихся тунгусов» (Третьяков, 1871: 118).

Для исследования земли и для открытия торговли с самоедами и остяками в 1598 г. в край был отправлен Федор Дьяков. Как отмечает исследователь, воевод поощряли утверждать в Сибири новые владения и собирать ясак с самоедов и прочих обитателей края (Третьяков, 1871: 130). Следствием этого было отправление из Тобольска князя Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова с сотней казаков для заложения в Самойедской земле на р. Таз нового города Мангазеи. Все это происходило в условиях столкновения с местным населением: «попалась ему на встречу другая партия самоедов, которая, убив 30 человек казаков, разграбила все запасы и принудила Шаховского бежать с 60 человеками на оленях, с душою да телом» (Третьяков, 1871: 130). Иностранцы неоднократно нападали на Мангазею, из-за чего было принято решение о переселении ее жителей в Туруханское зимовье (позже Туруханск).

Впоследствии взаимодействия коренного населения и русских поселенцев происходили более мирно. Тот же Лаптуков к старости в Туруханском крае построил дом, «ласковостью и гостеприимством он не только приобрел дружбу окрестных самоедов, но даже вошел с ними в родственные связи – женившись на 16-летней дочери одного из этих дикарей» (Третьяков, 1871: 118). В этом браке родилось 19 детей, 10 из них выжило. Пять девушек в дальнейшем вышли замуж за переселенцев.

В своей работе «Путешествие на север и восток Сибири» (Миддендорф, 1878) Александр Федорович Миддендорф, российский путешественник, зоолог, географ, натуралист и академик Петербургской академии наук, описывает результаты масштабного этнографического исследования коренных жителей Сибири. Им описаны такие коренные народы Севера и Сибири, как остяки, самоеды, долганы, тунгусы, и якуты. Исследование включает физиологические, языковые, соматические особенности разных народов, а также вопросы их исторического происхождения, быта, воспитания и нравов. В труде А.Ф. Миддендорфа представлены многочисленные антропологические, лингвистические, этнографические данные, полученные в ходе поездок и экспедиций, большое внимание уделено естественно-историческим процессам, связанным с коренными народами. Представлено множество зарисовок портретов местных жителей и сравнительных этноантропологических таблиц, призванных продемонстрировать сходства и различия местных жителей с целью определения их этнической принадлежности и степени смешения коренных этносов друг с другом как в процессе истории их расселения по территории Сибири, так и в середине XIX в., когда А.Ф. Миддендорф проводил свои этнографические исследования.

В контексте нашего исследования остановимся более подробно именно на этой части, а также на некоторых особенностях межэтнических отношений представленных народов друг с другом, а также с русскими старостами и переселенцами.

В первую очередь, опираясь на сравнительные таблицы внешних данных различных этносов, Миддендорф говорит, что, несмотря на поражающие обычно европейских путешественников типические особенности местного населения, при более пристальном изучении каждый этнос обладает своими яркими отличительными чертами. В связи с тем, что развитие и освоение территории Сибири происходило на протяжении тысячелетий, а места пребывания и расселения народов значительно менялись с течением времени, можно заметить как неоспоримое сходство, так и значительное различие в физиологии различных этносов, в том числе, в их внешности.

Относительно межэтнических отношений Миддендорф упоминает передвижения племен по территории традиционного проживания друг друга, традицию покупать жену нередко в других племенах, а также традиционное гостеприимство у самоедов и тунгусов, предполагающее, что гостю могли легко предложить «свободно располагать женой или дочерью хозяина». Подобные взаимоотношения могли быть нормой как между представителями разных местных этносов, так и между местным населением и русскими поселенцами. Также Миддендорф упоминает частые случаи покупки русскими детей у кочевников и нередкого усыновления их впоследствии, описывает случаи спасения русскими детей кочевников, осиротевших или найденных в заброшенных юртах в плачевном состоянии. Постоянные межэтнические браки, пишет автор, тем не менее почти не влияли на антропологическую специфику различных этнических групп, которые сохраняли свою уникальность, в том числе, характерный внешний облик.

А.Ф. Миддендорф описывает частые случаи попадания тунгусов в долговую кабалу к якутским торговцам в большинстве случаев вследствие их «легкомыслия». Поскольку основной валютой для любых видов расчетов между тунгусами и якутами служили соболиные шкурки, тунгусы совершали торговые операции зачастую в долг в расчете на будущую удачу на охоте, которая оправдывалась не всегда. Долг копился, поскольку коренные жители переставали ограничивать себя в покупке еды и дорогой одежды, а торговцы каждый раз за неуплаченный вовремя долг добавляли в него еще по шкурке соболя, стоимость которого оценивалась в достаточно большую сумму и не делилась на части (из-за невозможности заплатить половиной или четвертью шкурки) (Миддендорф, 1878: 736).

Сведения о межэтнических отношениях содержатся в таких исторических источниках, как жалобы, указы и донесения. Миддендорф упоминает несколько указов и распоряжений, изданных в XVIII в. с целью урегулирования межэтнических конфликтов в Сибири, в частности, на территории Туруханского края. Так, в 1794 г. центральной администрацией в Санкт-Петербурге было получено донесение, говорящее о ежегодных столкновениях охотских и майских тунгусов с негидальцами – немногочисленной этнической группой, принадлежащей к тунгусо-маньчжурским народам. В 1780 г. тунгусы жаловались на якутов за то, что те торгуют, обманывают и ловят зверя на «их территории», после чего на следующий год последовало административное запрещение пускать якутов на территорию кочевья тунгусов.

Ранее, в 1744 г., также рассылались правительственные указы, предписывающие разыскивать скрывающиеся якутские племена, а также тунгусов, перешедших в китайские земли, чтобы вернуть их в места традиционного проживания и «не переходить китайскую границу, не обижать и не обворовывать тамошних народов» (Миддендорф, 1878: 735). Таким образом, по косвенным историческим сведениям уже в XVIII в. существовали государственные административные меры, направленные на регулирование межэтнических отношений и перемещений коренных народов по сибирским территориям Российской империи.

В 1884 г. в издании «Енисейские епархиальные ведомости» был опубликован «Путевой журнал священника-миссионера о. Михаила Сулова при поездке к озеру Ессей». О. Михаил (Макарий) Сулов – известный миссионер, просветитель язычников Туруханского края, настоятель Туруханского Преображенского собора, законоучитель Туруханского приходского училища. В истории Туруханского края о. Михаил Сулов является одной из наиболее значимых фигур, поскольку на протяжении всей своей духовной работы, от священника до монаха, он путешествовал по Туруханскому краю в качестве особого миссионера, некоторое время заведовал отдаленным Хатангским приходом на полуострове Таймыр. В своем путевом журнале он подробно описывает путешествие к озеру Ессей в 1883 г., а также все свои взаимодействия с коренным населением. Как и другие авторы, о. Михаил Сулов отмечает высокую степень метисации и ассимиляции русского и коренного населения. По его записям, тунгусы, остяки и якуты Туруханского края в большинстве своем являются христианами, регулярно посещают церковь, несмотря на кочевой образ жизни, хорошо знают русский язык, молитвы и участвуют в христианских православных таинствах (Сулов, 1884, 13: 183-184). Сам о. Михаил на протяжении своего путешествия несколько раз крестил представителей тунгусского народа, как осевших в своих селениях, так и повстречавшихся ему на пути (Сулов, 1884, 13: 185; 19: 265). Он отмечает, что в данном регионе Русской православной церковью ведется активная миссионерская деятельность, в ходе которой путешественникам и миссионерам помогают местные народы, безвозмездно выступая в роли проводников и предоставляя миссионерам место для ночлега. Русские миссионеры занимаются обучением местного населения в основном в рамках духовного просвещения. Однако чем дальше на Север путешествовал о. Михаил Сулов, тем более языческие настроения он отмечал у представителей коренного населения. Многие из

инородцев были положительно настроены к путешественнику, но некоторые были равнодушны к его миссионерской деятельности (Суслов, 1884, 21: 294-296). Более того, в самоедских селениях о. Михаил отмечал открытый страх со стороны местных шаманов и язычников, что определенным образом характеризует межэтнические отношения в этих местах.

В 1893 г. губернатором Енисейской губернии Леонидом Константиновичем Теляковским (губернатор в 1890–1897 гг., с 1895 г. – тайный советник) было опубликовано «Описание Туруханского края» – материалы, собранные в ходе его служебной поездки на север Сибири. Он критикует аморальность поступков по отношению к представителям коренного населения: «Недоверчивость, лукавство, хитрость, эгоизм и даже жестокость проявляется в местном крестьянине, если дело коснется его личных интересов. И эти отрицательные качества создали то приниженное, безотрадное положение инородцев, в каком находятся они в настоящее время. Инородцы – батраки, данники крестьян; последние же хозяева, которые иногда так мало трудятся, что даже поражаешься подобным явлениям в таком диком крае, требующем, казалось бы, особенной деятельности в борьбе за существование» (Описание Туруханского края..., 1894: 30). Автор полагает, что неграмотность инородцев ставит их в полную зависимость от крестьян, которые активно продавали либо обменивали муку, соль, материи, железные изделия, порох на добычу промыслов рыболовства и охоты. Такая меновая торговля довольно часто совершалась не в пользу инородцев, но оказывалась очень выгодной для торговцев.

Губернатор Л.К. Теляковский описывает туруханскую церковно-приходскую школу с интернатом, в котором обучалось несколько мальчиков-инородцев. «Пробыв в школе два-три года, мальчик, кое как обучившись русскому языку и научившись молиться, возвращается в свою семью к родичам, но передать им приобретенное образование не может, так как образование он получал на чуждом языке» (Описание Туруханского края..., 1894: 30).

Представитель Иркутского подотдела ВСОИРГО, известный исследователь Сибири, экономист и общественный деятель Николай Михайлович Ядринцев в 1892 г. опубликовал работу «Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении». В этой книге он фиксирует активное межэтническое взаимодействие коренного и русского старожильческого населения Туруханского края «В Туруханске некоторые казаки и мещане умеют говорить по-остяцки и по-тунгусски. А на низу Енисея и за тундрой русские почти вовсе не употребляют русского языка, а говорят на местных инородческих языках» (Ядринцев, 1892: 42).

В 1892 г. была опубликована еще одна работа «Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее» географа и золотопромышленника Николая Васильевича Латкина. Одна из глав этой книги посвящена взаимоотношению аборигенного населения с русскими поселенцами (купцами и крестьянами). Н.В. Латкин сообщает, что до прихода русских поселенцев у тунгусов существовала своего рода «вендетта», кровная месть, однако вследствие «некоторого обрусения» подобные практики прекратились. Он пишет о том, что в результате охоты стремительно сокращается поголовье пушных зверей, что приводит к обеднению тунгусских охотников (Латкин, 1892: 142). В этой книге характер межэтнических отношений описывается в контексте торговли мехами, где тунгусы и другие представители коренных народов оказываются в экономической зависимости от купцов, произвольно устанавливающих цены на меховое сырье.

Таким образом, текстологический анализ ряда исторических источников, прежде всего, свидетельств путешественников, администраторов, ученых, миссионеров, показывает, что тема межэтнических взаимодействий важна и представлена в каждом источнике. Авторы либо опираются на собственный опыт межэтнических коммуникаций, либо исследуют межэтнические отношения в научном или административном контекстах. Во всех источниках подчеркивается этнокультурное многообразие Туруханского края, приводятся конкретные примеры взаимоотношений народов друг с другом.

5. Заключение

Текстологический анализ ряда исторических источников показал, что под межэтническими взаимоотношениями в Туруханском крае понимаются взаимоотношения русских поселенцев (казаков, купцов, крестьян, ссыльнопоселенцев) и представителей различных коренных народов, которые в этих источниках называются «инородцами». Следует отметить, что «инородцы» – это официальное наименование коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в том числе, в официальных документах Российской империи. Упоминания о межэтнических отношениях между разными коренными этносами встречаются нечасто и касаются в большей степени отношений таких народов, как тунгусы и якуты.

В истории межэтнических отношений в Туруханском крае прослеживаются определенные исторические этапы: от враждебных столкновений (в начале русского освоения северных и сибирских территорий большинство коренных народов Туруханского края выступали против прихода русских служилых, торговых и промышленных людей) до мирного сосуществования и частичной ассимиляции, где каждый этнос (как коренной, так и старожильческий) перенимал определенные навыки и особенности образа жизни своих соседей. Наиболее тесные контакты наблюдались между остяками и русскими людьми. Наиболее обособленными от близких межэтнических отношений были

тунгусы и долганы, сохраняющие свой уникальный образ жизни и стремящиеся обособиться от других этнических групп.

Представители коренного населения рассматривались администрацией Российской империи различных уровней как государственные подданные, на них налагались обязательства платить специальный налог – ясак. Взамен государство через административные структуры на территориях предоставляло право получать детям инородцев образование в церковно-приходских школах и обращаться за врачебной помощью. В городах создавались благотворительные общества, которые старались улучшить качество жизни представителей коренного населения, однако проблемы, связанные с низкой продолжительностью жизни, большой младенческой смертностью, хроническими заболеваниями, бедностью одолеть было чрезвычайно сложно.

Конкретные формы экономических взаимоотношений между этносами проявлялись на сугланах и ярмарках, где велись торговля и обмен. Большое значение для улучшения межэтнических взаимодействий, качества жизни коренных народов имела миссионерская деятельность Русской православной церкви, где священнослужители крестили представителей коренных народов и старались всячески улучшить их повседневную жизнь по мере своих возможностей.

В исторических свидетельствах, тексты которых были проанализированы, межэтнические отношения на территории Туруханского края в XVIII-XIX вв. показаны как сложные и многоуровневые. Многие авторы обращают внимание на неравноправие в торговых сделках, где коммерсанты платили значительно меньше рыночной стоимости за меха, добытые коренными охотниками. Одновременно и эти, и другие авторы указывали на постепенное установление добрососедских отношений представителей коренных народов, в том числе, кочующих, с их русскими соседями, заимствованиями полезных бытовых навыков, в том числе, в строительстве жилищ, производстве одежды, приготовлении пищи.

Необходимо отметить, что в XVIII-XIX вв. активно складываются административные формы взаимодействия государственных чиновников и коренного населения. Так, именно администраторы создают произведения, где тщательно описывают народы, проживающие на управляемых ими территориях. В этих описаниях преобладает объективность, этнические группы описываются в их реальном культурном и экономическом многообразии. Выделяются различные типы коренных этносов, конкретизируются меры государственной поддержки по отношению к конкретному народу.

В исторических текстах фиксируется активное межкультурное взаимодействие между русскими людьми и коренными народами. Несмотря на описание как позитивных, так и негативных случаев межэтнических и межкультурных коммуникаций, все авторы стремятся показать, что наступило время мирного сосуществования и что дальнейшее освоение северных и сибирских территорий связано с установлением правил и установлений, регулирующих жизнь всех подданных Российской империи, проживающих в этих суровых краях.

Литература

- Васильев, 1979** – *Васильев В.И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. Москва, 1979. 243 с.
- Долгих, 1960** – *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. 622 с.
- Ермаков, 2023** – *Ермаков Т.К.* Правовое регулирование традиционной экономики коренных малочисленных народов Севера // *Северные архивы и экспедиции.* 2023. № 7 (3). С. 9-19.
- Записки об Енисейской губернии..., 1833** – Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. Составленные статским советником И. Пестовым. Москва, 1833.
- Кастрен, 1999** – *Кастрен М. А.* Сочинения в двух томах: Т.2. Путешествие в Сибирь (1845-1849). Тюмень, 1999. 352 с.
- Квашнина, 2023** – *Квашнина Ю.В.* Влияние государственной культурной политики СССР на развитие самодельного художественного творчества коренных малочисленных народов Севера // *Северные архивы и экспедиции.* 2023. № 7 (2). С. 43-49.
- Комлева, 2016** – *Комлева Е.В.* Туруханский край на страницах «Енисейских губернских ведомостей» (вторая половина XIX - начало XX в.) // *Научное обозрение Саяно-Алтая.* 2016. № 4-5 (16). С. 36-43.
- Копцева и др., 2022** – *Копцева Н.П., Резникова К.В., Квашнина Ю.В.* Культурная динамика коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в живописных и графических произведениях // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2022. № 15 (6). С. 840-852.
- Копцева, Нагаева, 2023** – *Копцева Н.П., Нагаева О.С.* Традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в Красноярском крае: проблемы и перспективы развития // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2023. № 16 (7). С. 1222–1239.
- Кривошапкин, 1863** – *Кривошапкин М.* Об осяках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа // *Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества.* 1860. № 6. С. 39-87.

- [Кривошапкин, 1865](#) – *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. С.-Петербург, 1865. 650 с.
- [Латкин, 1892](#) – *Латкин Н. В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. С.-Петербург, 1892. 467 с.
- [Лецинская и др., 2021](#) – *Лецинская Н.М., Сертакова Е.А., Пашова Э.В.* Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // *Сибирский антропологический журнал*. 2021. № 5 (1). С. 20-29.
- [Миддендорф, 1878](#) – *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири: в двух частях. Санкт-Петербург, 1860-1878. 833 с.
- [Мордвинов, 1860](#) – *Мордвинов А.* Иностранцы, обитающие в Туруханском крае // *Вестник Императорского русского географического общества*. 1860. № 28. С. 25-64.
- [Описание Туруханского края..., 1894](#) – Описание Туруханского края: из поездки г. [действительного статского советника Л. К. Теляковского] Енисейского губернатора в 1893 году. 1894.
- [Пименова, 2023](#) – *Пименова Н.Н.* Миссия социально-культурной деятельности в северных территориях: качество жизни в северных посёлках и деятельность учреждений культуры (на материале Красноярского края) // *Северные архивы и экспедиции*. 2023. № 7 (1). С. 58-66.
- [Середкина, 2023](#) – *Середкина Н.Н.* Культурно-просветительская деятельность среди коренных и коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в советский период: анализ материалов Эвенкийского архива // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (8). С. 1382-1395.
- [Суслов, 1884](#) – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 13. С. 182-185.
- [Суслов, 1884](#) – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 19. С. 262-269.
- [Суслов, 1884](#) – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 21. С. 292-296.
- [Третьяков, 1871](#) – *Третьяков П. И.* Туруханский край, его природа и жители. С.-Петербург, 1871. 316 с.
- [Ядринцев, 1892](#) – *Ядринцев Н. М.* Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С.-Петербург, 1892. 720 с.
- [Koptseva et al., 2022a](#) – *Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N.* The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. № 17 (2). Pp. 867-875.
- [Koptseva et al., 2022b](#) – *Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N.* Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art // *Bylye Gody*. 2022. № 17 (4). Pp. 1693-1703.
- [Koptseva, Reznikova, 2015](#) – *Koptseva N.P., Reznikova K.V.* Refinement of the causes of Ethnic migration North Selkup based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk krai // *Bylye Gody*. 2015. № 38 (4). Pp. 1028-1038.

References

- [Castren, 1999](#) – *Castren, M.A.* (1999). *Sochineniya v dvukh tomakh: T.2. Puteshestviye v Sibir' (1845-1849)* [Works in two volumes: T.2. Travel to Siberia (1845-1849)]. Tyumen', 352 p. [in Russian]
- [Dolgikh, 1960](#) – *Dolgikh, B.O.* (1960). *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. M., 622 p. [in Russian]
- [Ermakov, 2023](#) – *Ermakov, T.K.* (2023). *Pravovoye regulirovaniye traditsionnoy ekonomiki korennykh malochislennykh narodov Severa* [Legal regulation of the traditional economy of indigenous peoples of the North]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(3): 9-19. [in Russian]
- [Komleva, 2016](#) – *Komleva, Ye.V.* (2016). *Turukhanskiy kray na stranitsakh "Yeniseyskikh gubernskikh vedomostey"* (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) [Turukhansk Territory on the pages of "Yenisei Provincial Gazette" (second half of the 19th - early 20th century)]. *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya*. 4-5(16): 36-43. [in Russian]
- [Koptseva et al., 2022](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kvashnina, Yu.V.* (2022). *Kul'turnaya dinamika korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v zhivopisnykh i graficheskikh proizvedeniyakh* [Cultural dynamics of indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory in paintings and graphic works]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(6): 840-852. [in Russian]
- [Koptseva et al., 2022a](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.
- [Koptseva et al., 2022b](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art. *Bylye Gody*. 17(4): 1693-1703.

- Koptseva, Nagaeva, 2023** – Koptseva, N.P., Nagaeva, O.S. (2023). Traditsionnoye khozyaystvo korennykh malochislennykh narodov Severa v Krasnoyarskom krae: problemy i perspektivy razvitiya [Traditional economy of indigenous peoples of the North in the Krasnoyarsk Territory: problems and development prospects]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(7): 1222-1239. [in Russian]
- Koptseva, Reznikova, 2015** – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Refinement of the causes of Ethnic migration North Selkup based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.
- Krivoshapkin, 1863** – Krivoshapkin, M.F. (1863). Ob ostyakakh, tungusakh i drugikh inorodtsakh Yeniseyskogo okruga [About the Ostyaks, Tungus and other foreigners of the Yenisei District]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 6: 39-86. [in Russian]
- Krivoshapkin, 1865** – Krivoshapkin, M. F. (1865). Yeniseyskiy okrug i yego zhizn' [Yenisei district and its life]. S.-Peterburg, 650 p. [in Russian]
- Kvashnina, 2023** – Kvashnina, Yu.V. (2023). Vliyaniye gosudarstvennoy kul'turnoy politiki SSSR na razvitiye samodeyatel'nogo khudozhestvennogo tvorchestva korennykh malochislennykh narodov Severa [The influence of the state cultural policy of the USSR on the development of amateur artistic creativity of indigenous peoples of the North]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(2): 43-49. [in Russian]
- Latkin, 1892** – Latkin, N.V. (1892). Yeniseyskaya guberniya, yeye proshloye i nastoyashcheye [Yenisei province, its past and present]. S.-Peterburg, 467 p. [in Russian]
- Leshchinskaia et al., 2021** – Leshchinskaia, N.M., Sertakova, E.A., Pashova, E.V. (2021). Traditsionnaya ekonomika korennykh narodov Severnoy Azii, prozhivayushchikh v zonakh s ekstremal'nym klimatom [Traditional economy of the indigenous peoples of North Asia living in areas with extreme climates]. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*. 5(1): 20-29. [in Russian]
- Middendorf, 1878** – Middendorf, A.F. (1878). Puteshestvie na sever i vostok Sibiri: v dvuh chastyakh [Travel to the north and east of Siberia: in two parts]. Sankt-Peterburg, 833 p. [in Russian]
- Mordvinov, 1860** – Mordvinov, A. (1860). Inorodtsy, obitayushchiye v Turukhanskom krae [Foreigners living in the Turukhansk region]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 28: 25-64. [in Russian]
- Opisaniye Turukhanskogo kraya..., 1894** – Opisaniye Turukhanskogo kraya. Iz poyezdki g. deystvitel'nogo statisticheskogo sovetnika L. K. Telyakovskogo Yeniseyskogo gubernatora v 1893 godu [Description of the Turukhansky region: from the trip of the actual state councilor L.K. Telyakovsky Yenisei governor in 1893]. 1894. [in Russian]
- Pimenova, 2023** – Pimenova, N.N. (2023). Missiya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti v severnykh territoriyakh: kachestvo zhizni v severnykh posolkakh i deyatel'nost' uchrezhdeniy kul'tury (na materiale Krasnoyarskogo kraya) [The mission of socio-cultural activities in the northern territories: quality of life in northern villages and the activities of cultural institutions (based on the material of the Krasnoyarsk Territory)]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(1): 58-66. [in Russian]
- Seredkina, 2023** – Seredkina, N.N. (2023). Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' sredi korennykh i korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v sovetskiy period: analiz materialov Evenkiyskogo arkhiva [Cultural and educational activities among indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory during the Soviet period: analysis of materials from the Evenki archive]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(8): 1382-1395. [in Russian]
- Suslov, 1884** – Suslov, M. (1863). Putevoy zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poyezdke k ozeru Yessey [Travel journal of missionary priest Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 13: 182-185. [in Russian]
- Suslov, 1884** – Suslov, M. (1863). Putevoy zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poyezdke k ozeru Yessey [Travel journal of missionary priest Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 19: 262-269. [in Russian]
- Suslov, 1884** – Suslov, M. (1863). Putevoy zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poyezdke k ozeru Yessey [Travel journal of missionary priest Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 21: 292-296. [in Russian]
- Tretyakov, 1871** – Tretyakov, P.I. (1871). Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. S.-Peterburg, 316 p. [in Russian]
- Vasiliev, 1979** – Vasiliev, V.I. (1979). Problemy formirovaniya severosamodiyskikh narodnostey [Problems of formation of Northern Samoyedic peoples]. M., 243 p. [in Russian]
- Yadrintsev, 1892** – Yadrintsev, N.M. (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. S.-Peterburg, 720 p. [in Russian]
- Zapiski ob Yeniseyskoy gubernii..., 1833** – Zapiski ob Yeniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri, 1831 goda. Sostavlennyye statskim sovetnikom I. Pestovym (1833). [Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia, 1831. Compiled by State Councilor I. Pestov]. [in Russian]

Межэтнические отношения в Туруханском крае в XVIII-XIX вв.

Екатерина Анатольевна Сертакова^a, Юлия Сергеевна Замараева^{a,b,*}, Анна Александровна Омелик^a, Мария Сергеевна Копцева^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой исследование межэтнических отношений в одной из самых отдаленных территорий Российской империи – Туруханском крае. Исследование охватывает период с XVIII по XIX столетие – время, когда изучение коренных этносов не было целенаправленным и встречалось, скорее, в качестве дополнительной информации к описанию географических особенностей пространства и природных богатств осваиваемой местности. Материалами для изучения данного вопроса выступили опубликованные труды путешественников, государственных служащих и священнослужителей, которые в настоящее время дают ценные представления о северной территории и ее населении.

Текстологический анализ источников показал, что межэтнические отношения на территории Туруханского края в изучаемый период времени были сложными и многоуровневыми. В них фиксируются активные межкультурные взаимодействия и языковые заимствования, в том числе, между русскими людьми и коренными народами, описываются как позитивные, так и негативные случаи межэтнических и межкультурных коммуникаций, отмечается важность мирного сосуществования разных народов в суровом сибирском крае.

Ключевые слова: Туруханский край, Сибирь, инородцы, русские крестьяне, межэтнические отношения, межкультурные взаимодействия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова), omelik@inbox.ru (А.А. Омелик), koptseva.jn@mail.ru (М.С. Копцева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1063-1072
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1063

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Monarchical Mythologeme of the Oskoptsy Sect: Genesis and Specificity

Andrii Lebid ^{a, b, *}, Andrii Palchyk ^c, Oleksandr Diadia ^b

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

^c Institute of Theological Sciences of the Immaculate Virgin Mary, Kamianets-Podilskyi, Ukraine

Abstract

The article deals with the main aspects and motives of the monarchical mythology of the Oskoptsy sect. In particular, the so-called motif of “substitute (false) tsar” was analyzed. The notions about Peter I as a “substitute”, “false” tsar owe much of their origin to the fact that he introduced bragrimage, foreign customs and clothes, partied with foreigners, arranged fireworks, mocked the clergy and often left his state.

The myth of the return of the tsar was also examined. In the 1840s a sect of admirers of Napoleon I was discovered in Moscow. Their cult, which involved praying in front of a bust of the French emperor, apparently included some ecstatic elements. It is possible, however, that the political mythology of this sect genetically goes back to the Oskoptic adaptation of the story of the hiding emperor.

The article also presents the components of the monarchic mythologeme – questions for reflexion of the Oskoptic heresy. In the monarchical mythologeme of the Oskoptsy, the tsar acts as an ideal monarch. A real tsar, by the fact of his vocation, cannot contradict the expectations of the sect either in his personal life or in the policies he pursues. Facts that do not correspond to such representations are explained by the substitution of the tsar. The monarchical mythologeme of the Oskoptsy, despite its own specificity, fit into the general background of popular perceptions of the tsar.

Thus, the political-religious imagology of the Oskoptsy conceptualizes the image of the tsar-redeemer, the monarchical version of the theology of liberation, tsarebogie. Nevertheless, the cult, the object of which in Oskopchestvo was the personality of the tsar, in our opinion, cannot be called one of the variants of tsarebozhie.

Keywords: Ospreys, mythology, mythologeme, mythotheologeme, monarchic mythologeme, sect.

1. Введение

Секта скопцов берет свое начало в конце 60-х гг. XVIII в. как движение, отделившееся от секты христовцев. Материалы следственного процесса свидетельствуют о существовании в Орловском уезде группы из 60 человек, половина из которых оскопила себя. Среди задержанных не оказалось Акулины Ивановой и Кондратия Селиванова, которым удалось спастись (Панченко, 2004: 171-172). После окончания следствия Селиванов проповедовал в Тульской губернии, а впоследствии учение секты распространилось в центральных губерниях Российской империи, а также в Риге и южных предместьях столицы. Уже к 1790-м гг. скопчество перестало быть исключительно крестьянским религиозным движением. Оно стало активно распространяться в купеческой и мещанской среде, что в существенной степени облегчило финансовые и организационные условия деятельности сектантов (Панченко, 2004: 176).

Известно, что в 1797 г. Селиванов, пережив арест и ссылку, появляется в центральной России. Как пишет А. Панченко, трудно объяснить, как именно это произошло, но понятен мотив

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

возвращения Селиванова: после смерти императрицы Екатерины II в 1796 г. активизировались слухи о том, что предыдущий правитель Петр III, жертва дворцового переворота, якобы жив, а основатель скопчества должен был выступить в его роли как «царь-искупитель».

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки данной рукописи выступили тексты скопческой литературы, в частности, скопческих ересиархов (Кондратия Селиванова). В данных текстах были изложены принципы учения скопцов, составившие фундамент скопческого вероучения и мифологии, в частности, монархической.

При подготовке данной рукописи был использован инструментарий методологии анализа, контекстуальный анализ текстов скопческих ересиархов и скопческих апологий. Использование контекстуального анализа предполагает рассмотрение макроконтекста появления и распространения скопческой литературы и мифологии. Тексты скопческих ересиархов были проработаны по определенному концепту (царь-искупитель, отец-искупитель, кормчий и др.) и сознательно погружены автором в определенный контекст.

Для эффективного анализа текстов скопческой литературы необходимо также выяснить более широкий (макро-) и более узкий (микро-) контекст текстов скопческой литературы. Изучение макроконтекста и микроконтекста дает возможность определить место и функции текста в его контексте. Анализ контекста в нарративах сосредотачивается на событиях и лицах, в нем участвующих. Рассматривается также связь более поздних событий с историей анализируемого текста. Следующим шагом должно стать исследование, является ли этот текст интегральной литературной единицей.

Прагматический анализ направлен на установление интенции текста. Задача исторического текста (в нашем случае – текстов скопческой литературы) – коммуникация между автором текста и его адресатом. Возникающий на этом основании дискурс строится вокруг проблемы целеполагания текста, какими языковыми средствами пользуется автор и каковы коммуникативные функции его языка. Прагматический анализ текстов скопческой литературы позволил определить динамическую функцию данных текстов.

3. Обсуждение

Актуальность тематики раскольников и сектантства в Российской империи в свое время акцептировал этнограф и историк раскола А. Пругавин, который отмечал «весьма существенный пробел» в этом вопросе (Пругавин, 1880). Историография раскольников и сектантства в Российской империи многогранна и многоаспектна. В некоторых наших предыдущих работах (Lebid et al., 2021; Lebid, Shevchenko, 2021a; Lebid, Shevchenko, 2021b; Lebid et al., 2020) мы представили обзор научной литературы по теме раскольников, сектантства и ересей. Обобщая полученные результаты, отметим, что данная тема находилась в плоскости научного интереса как духовных, так и светских лиц. Первые в своих, как правило, просветительских трудах и проповедях осуждали раскольников, схизму и сектантство как губительное общественное явление (Игнатий, 1849; Иоанн, 1847 и др.).

Элементы нравоучения имели место и в трудах светских ученых. Отличительной особенностью изобличительства ересей и раскола был тот факт, что они совмещали как субъективное мнение, так и фактологический материал по расколу (Кутепов, 1891; Надеждин, 1845). Современные авторы более обстоятельны в высказываниях и объективны в оценках раскола (Панченко, 2004; Усенко, 1995a; Усенко, 1995b; Хамидулин, 2015).

Среди всего многообразия изысканий по теме раскола и сектантства наблюдается определенный дефицит исследований по мифологии и мифотеологеме секты скопцов, в частности, их монархической мифологии. Определенную ясность в проблему привносят работы А. Прилуцкого (Прилуцкий, 2023), М. Путилина (Путилин, 2022; Путилин, 2023), В. Лебедева (Лебедев, Прилуцкий, 2022) и др.

Тематика раскольников и сектантства в Российской империи освещалась и на страницах специализированных журналов «Христианское чтение», «Труды Киевской духовной академии», где публиковались научно-богословские труды по догматике, религиозным течениям, истории церкви в целом. По указу Святейшего Синода издавался журнал «Братское слово», непосредственно посвященный изучению раскола. В качестве дополнения к нему публиковались «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Еще один журнал для обличения старообрядчества и сектантства – «Миссионерское обозрение» – официальный орган синодальной миссии. Важной миссией журнала был герменевтический анализ «вероотступных сочинений». В «Православном обозрении» печатались переводы богословской и догматической литературы, труды по церковной истории и христианской апологетике.

4. Результаты

Чтобы очертить специфику мифологии царя в нарративе скопцов, необходима попытка реконструкции мифа, созданного Селивановым, его окружением и другими представителями секты.

Сложность реконструкции мифа заключается в том, что для его представления следует собрать различимые части и сложить в одну мозаику. Такими частями являются рассказы самого основателя секты («Страды» К. Селиванова), Акулины Ивановой, материалы следственных действий, а также составленные скопцами песни и т.п.

Основное содержание скопческого мифа можно изложить следующим образом, в соответствии с хронологией событий. Центральная фигура мифа, Кондратий Селиванов, представляется своим сторонникам как «Бог над Богами, царь над царями и пророк над пророками». Он является Саваофом, Мессией и императором Петром III, которому удалось спастись от покушения на его жизнь, устроенное женой и следующей царицей Екатериной: «Когда ее сын Петр женился на будущей Екатерине Великой, объясняли скопцы, невеста разгневалась, обнаружив, что он скопец, и решила его погубить. Заранее узнав о ее намерениях, он переоделся в мундир одного из своих гвардейцев и бежал из дворца, а на смерть вместо него остался преданный слуга. В ряде версий гвардеец – тоже скопец, добровольно идущий на мученическую смерть ради спасения императора. Петр бежит не только для того, чтобы спасти свою жизнь, но и чтобы спасти весь род человеческий». С того времени начинается новый период жизни императора, характеризующийся постоянными преследованиями и недостатком пищи. Селиванов-Петр III проповедует «огненное крещение» (оскопление), объявляя себя истинным Христом (Энгельштейн, 2002: 59). «Я не сам пришел, – говорил Селиванов своим последователям, – а прислал меня сам Отец Небесный. Со мной случилось, как с прежним Господом Иисусом Христом, Сыном Божьим. Он был «кормчий», посланный Господом, чтобы вести корабли и крепить мачты» (Энгельштейн, 2002: 49).

Распространению культа «Государя-батюшки» и «Отца-искупителя» способствовала «Богородица», которая «признала Селиванова своим сыном, рожденным от Святого Духа, и после этого стала зваться «императрицей Елизаветой Петровной». И, действительно, скопцы почитали царицу Елизавету (правила в 1741–1762), дочь Петра I, истинной Богородицей. Хотя она и не была матерью Петра III, но, по скопческому мифу, она его зачала от Святого Духа. Осознавая свое истинное призвание, Елизавета отказалась от трона, который заняла похожая на нее женщина. Сама же бывшая царица уехала в Орловскую губернию, где проживала среди скопцов под именем Акулины Ивановой, ведя праведную жизнь в молитве и аскетических практиках.

В скопческом мифе получил распространение мотив особой духовной связи Петра III-Христа с правящими в то время российскими монархами. После коронации, которая состоялась вскоре после смерти Екатерины II, новый император Павел I освободил Селиванова из ссылки. Согласно убеждению скопцов, этот факт должен был свидетельствовать о намерении Павла вернуть своего отца, Петра III, на его законное место. Однако признать Павла своим сыном Селиванов мог только при условии, что тот подвергнется оскоплению (Энгельштейн, 2002: 59).

В фольклоре скопцов сохранилось повествование о разговоре К. Селиванова с императором Павлом I. В одной из песен царь якобы спросил основателя секты: «Ты ли мой отец?» Селиванов бесстрашно ответил: «Я греху не отец. Прими мое дело, и я признаю тебя своим сыном». В мемуарах чиновника Ф. Лубяновского также указывается на долгий разговор Павла I с Селивановым, но само его содержание осталось неизвестным. По мнению исследователей скопческого фольклора, такой разговор действительно мог иметь место, поскольку император находился под влиянием слухов о том, что его отец Петр III выжил и долгое время скрывался (Панченко, 2004: 177–178). Однако трудно утверждать, что Павел I и в дальнейшем верил в эти слухи: фактом является эксгумация тела Петра III и его посмертная коронация, которую не успели осуществить при его жизни.

После разговора с императором Селиванова как «секретного арестанта» поместили в больницу для психически больных в Санкт-Петербурге. После убийства Павла I в 1801 г. императором стал его сын Александр I, который также стал важным героем скопческого мифа. «Претендуя на царскую корону, Селиванов именовал здравствующего императора Александра I «явным», подразумевая, что в России существует другой царь, «тайный», указывая тем самым на себя самого» (Хамидулин, 2015: 144).

В марте 1802 г. после визита Александра I в психиатрическую больницу, где содержался Селиванов, скопческого мессию перевели в богадельню при Смольном монастыре, а затем и оттуда освободили по просьбе «польского шляхтича» А. Еленского (Елянского), вероятно, первого шляхтича, вступившего в секту скопцов. Также, демифологизируя нарратив скопцов о божественной харизме Селиванова, следует привести мнение Усенко о настоящих факторах, которые способствовали его успеху: «Своей славой и авторитетом Селиванов был обязан в первую очередь богатым купцам, с которыми он сошелся во время сибирской ссылки, куда был отправлен в 1774 году. Купцы не только создали скопческие «корабли», где господствовал культ нового «Мессии», но и устроили ему побег из ссылки» (Усенко, 1995а: 53).

Период, охватывающий большую часть царствования Александра I, с 1802 по 1820 гг., скопцы называли своим «золотым веком» (Энгельштейн, 2002: 66). Неслучайно для воплощения задуманных реформ император выбрал своего давнего приятеля А.Н. Голицына, назначенного в 1803 г. обер-прокурором Святейшего Синода. Как главный представитель «эзотерической разновидности российского неоконсерватизма» князь Голицын пытался реализовать в

«общегосударственном масштабе социальную утопию «евангельского» или «общехристианского» государства» (Минаков, 2010: 186).

Будучи формально православным, Голицын воспринимал конфессиональную принадлежность как необходимую в земных реалиях внешнюю «оболочку» религиозности. Внутреннюю же духовную жизнь он понимал как жизнь «духом», свободную от внешних условностей. Такие убеждения позволяли князю Голицыну общаться с представителями всех конфессий и духовных течений, включая не только высокопоставленных членов православной иерархии, но и католиками, методистами, квакерами, ясновидящими, визионерами, представителями различных сект, в частности скопцов.

Прочитав Священное Писание, Голицын заинтересовался западной мистической литературой, которую пытался распространять на территории империи. Внутреннее развитие, которое он переживал, отражалось не только в политике, которую он проводил, но и во влиянии на религиозные убеждения самого императора Александра (Минаков, 2010: 187).

Неудивительно, что скопцы видели в лице императора Александра не просто союзника, но и одного из своих сторонников. Сохранилось повествование о том, как царь был вызван ночью в Сенат с целью выяснить его принадлежность к секте скопцов. Члены Сената потребовали подтверждения или опровержения этого факта, прося царя снять штаны. Как оказалось, царь-таки был оскроплен. В это время брат Александра I Константин, ища императора, силой ворвался в Сенат и изрубил его членов (Волков, 1937).

В 1804 г. Еленский передал товарищу министра юстиции Н. Новосельцеву в адрес Александра I материалы, в которых содержался амбициозный проект религиозно-политической реформы Российской империи, в котором секта скопцов должна была выступить идеологом государственного аппарата на всех его ступенях, включая монарха. Невероятность идей, высказанных в проекте, несмотря на либеральный характер религиозной политики царя, привела к тому, что Еленский был арестован и сослан в Спасо-Евфимиевский монастырь как религиозный диссидент.

Проект реформ, предоставленный Еленским царю в 1804 г., действительно является интересным документом, который отражает видение тайного союза скопцов с российскими властями, дух и принципы, по которым должно было происходить сотрудничество между ними. Бесспорно, документ принадлежал авторству самого Еленского, однако в нем были отражены идеи, которые проповедовались Селивановым. Миссия скопцов в проекте представлена как божественное призвание и форма служения «тайнственной Церкви» (то есть сообществ скопцов) во главе с «Настоятелем» (Селивановым) отчизне.

«Тайная Церковь» в своем большинстве состоит из «простачков», хотя хватает в ней и образованных людей. Настоятель же изображается как сосуд, в котором «присутствует Дух Небесный, наполненный Отцом и Сыном». Согласно проекту Еленского, некоторые образованные члены секты должны быть представлены правительству с последующим направлением к епископам для пострига в монахи и подготовки к священническому служению. Миссия таких членов секты должна была реализоваться на кораблях, в армейских подразделениях и городах. В помощь каждому из таких иеромонахов должен был предоставляться скопец из числа «простачков», которые должны были быть пророками.

Иеромонахи должны были играть роль персональных тайных «оракулов» командиров, извещающая их божественную волю. Еленский во главе двенадцати «пророков» должен был выполнять эту задачу у «главного правителя армии», а К. Селиванов – на самом высоком уровне, то есть у самого императора. Сама же реализация задуманного должна была храниться в тайне даже от православных архиереев, которые будут рукополагать скопцов.

Приведенные положения проекта Еленского выглядят как предложение заговора против официальной православной иерархии, которая, по мнению идеолога скопцов, осуществляет «законные обряды... древних Евреев». Зато сама «тайнственная Церковь берет свои начала от апостольских времен и, сохраняя чистоту учения, продолжается и донныне, поселяясь в княжеских дворах, монастырях и простолюдинах. Что же касается верхушки российской власти, то в лице монарха и высших сановников Еленский видит зрелые плоды смиренного мудрия. Эффективность сотрудничества секты с государством многообещающая: «...И без всяких сил военных победит Господь всех врагов, внешних и внутренних, и силою своею защитит возлюбленную свою Россию...».

Предложенный Еленским проект не получил одобрения императора (неизвестно, был ли вообще Александр I лично с ним ознакомлен), однако попытки практической реализации его положений (хотя и безуспешные) все же имели место. Осталось свидетельство К. Селиванова о его встрече с императором Александром I незадолго перед битвой при Аустерлице. Царь якобы сам посетил Селиванова, который пытался отговорить его от войны с Францией. Согласно этому посланию «сверху», мера супостата Наполеона еще не исчерпана; следует подождать несколько лет, и тогда сам Бог поможет разбить его армию (Панченко, 2004: 182).

Ни провозглашение Селиванова себя царем и Христом, ни предсказания так и не привели к реальным попыткам захвата власти. Для этого у скопцов не только не было ресурсов, но и каких-либо серьезных намерений. Гораздо позже, уже при правлении Николая I, когда секты подвергались более

жесткому надзору со стороны Министерства внутренних дел, царские чиновники В. Даль и В. Надеждин характеризовали скопцов как опасную для государства секту. В скопческой мифе они делали упор не столько на духовные, сколько на политические претензии на господство, а также обращали внимание на огромную похоть к наживе сектантов. Присвоение императорского титула К. Селивановым и жесткая централизованность секты, по мнению В. Надеждина, были достаточным поводом для репрессий в отношении ее членов. Однако, по мнению Энгельштейна, «скопцы были не только относительно немногочисленны, но и не представляли угрозы в обычном смысле слова. Скорее стараясь избежать контакта с властями, чем вступать с ними в конфликт, в повседневной жизни они были образцовыми подданными» (Панченко, 2004: 16-20; Энгельштейн, 2002: 80-81).

Пренебрежение проектом со стороны государства и заключение Еленского не остановило деятельность Селиванова, популярность которого все более возрастала также среди высших слоев российского общества. Мистическое сектантство как явление не осуждалось правительством империи в период правления Александра I, а в некоторых случаях даже находило покровительство (например, кружок К. Татариновой в Санкт-Петербурге, на радениях которого использовались переработанные песни хлыстов и скопцов). Однако секта скопцов все больше становилась нежелательным явлением для правительства как явное лжеучение.

С 1818 г. происходят попытки «мягкого» воздействия правительства на Селиванова и членов секты в форме пропаганды, которые, однако, не имели никакого успеха. Наконец, основатель секты в 1820 г. был арестован и выслан в Спасо-Евфимиевский монастырь с просьбой Александра I «обращаться с ним помягче», «из сострадания к старости его и из сожаления о заблуждении его» (Энгельштейн, 2002: 66), где он и умер в феврале 1832 г. (Панченко, 2004: 178-186). Практика исполнения песен и сказаний о Селиванове-Христе и Петре III, его свиданиях с императорами Павлом и Александром возникла, скорее всего, вначале 1820х гг., после ареста и заточения скопческого «искупителя» (Панченко, 2004: 193).

Последователи мессии не верили, что он мог там умереть, и предвещали близкий его приход «со славой и силой». Образ пришествия царя-искупителя рисуется в ярких и фантастических деталях: скопцы «последуют за ним «полки полками» из Сибири в Москву, которая встретит его звоном колоколов Успенского собора. Собрав вокруг себя детей своих «миллионами, миллиардами», Искупитель взойдет на императорский трон и воссядет судьей над живыми и мертвыми, над оскопленными и неоскопленными. Правители земные поклонятся ему, а посланцы его пойдут по свету, обращая мир в истинную веру и оскопляя род человеческий».

Важной деталью эсхатологических ожиданий является то, что предполагалось обращение в скопческую веру Александра I, его жены, а также французского императора Наполеона (якобы незаконного сына Екатерины II, который якобы получил русское образование, а во Франции сделал свою головокружительную карьеру). Следовательно, Бонапарт также не умер, но подвергся оскоплению и бежал в Турцию, откуда явится в России в день Страшного суда (в другой версии Наполеон представлен Антихристом, «порождением Екатерины и дьявола») (Энгельштейн, 2002: 59).

С Александром I связана и другая легенда, поддерживаемая скопцами, согласно которой он на самом деле не умер в 1825 г. в Таганроге, а отошел от мира под именем Федора Кузьмича и поселился в Томске. По свидетельствам местных сектантов, Федор Кузьмич, если и не принадлежал к скопцам, то, по крайней мере, очень их уважал, и каждый раз низко кланялся им при встрече (Волков, 1937).

Источники позволяют уверенно говорить о трех периодах распространения сюжета о царе-старце в народных представлениях. В первый период сюжет о царе-старце обладал многими характерными функциями легенд о «возвращающемся избавителе», что было отмечено К. Чистовым, который на этом основании считал данный сюжет проявлением «несостоявшейся легенды об Александре I «избавителе»» (Волков, 1937: 202). Период бытования сюжета о царе-старце Александре I в форме легенды об «избавителе» продолжался от появления старца Федора Кузьмича в 1837 г. в Сибири до его смерти в 1864 г. Именно эту легенду отражают делопроизводственные документы полицейского расследования. В них отразились такие ключевые моменты легенды об «избавителе», как отождествление с Александром I.

Согласно нашей концепции, легенда о Федоре Кузьмиче является разновидностью легенд о «возвращающемся» избавителе. Она имеет многие сходные с данным видом легенд черты: героем является лишенный власти правитель или непризнанный мессия, который скрывается в далекой глубинке и чудесным образом проявляет как святость, так и свою истинную личность. Тем не менее, есть и существенный ряд отличий: герой данного вида легенд – не бунтарь и не старается вернуть себе власть или свергнуть существующего правителя. Он принимает свою новую жизнь и только помогает окружающим своими советами, даром пророчества и целительством.

Такие фольклорные произведения обусловлены сложным комплексом народной ментальности. Здесь сочетается несколько социально-психологических проблем, потребность разрешения которых вылилась в сюжет о царе-старце. Например, желание людей получить справедливое облегчение жизни для себя «здесь и сейчас» может породить известный с древних времен сюжет о неузнанном Боге/герое/правителе, который появляется под видом простого человека в самых неожиданных местах. Часто это своего рода проверка, которую проходят не все. Те, кто ведет себя правильно и

достойно, получают вознаграждение, а те, кто оскорбляет данного персонажа или пытается ему навредить, бывают наказаны. Желание чувствовать свою причастность к «большой» жизни страны может усилить их уверенность в том, что эти отшельники и святые – не просто особо угодные Богу подвижники, но еще и бывшие цари или важные вельможи. Возможно, сюжет о царе-старце Александре I под именем Федора Кузьмича сформировался под влиянием легенд о «возвращающемся избавителе», но затем приобрел своеобразие, получив уникальное значение в системе народной ментальности (Путилин, 2022: 138).

Скопцы не были единственной сектой в Российской империи, где личность императора Александра I наделялась особым ореолом. Так, среди многих мистических и экстатических религиозных движений, которые даже не имели генетической связи с хлыстами, в 1820-х гг. на Дону фиксируется появление секты «духоносцев», возглавляемой Евлампием Котельниковым.

«Вдохновленный пропагандистской и издательской деятельностью Библейского общества, а также общими религиозными умонастроениями эпохи Александра I, Котельников «начал проповедовать в кругу своей родни и знакомства... особое мистическое учение, по которому выходило, что Антихрист пришел уже в мир, что в официальной церкви видна уже мерзость запустения, предсказанная пророком Даниилом, что внешняя церковь, как царство Антихристово, будет разрушена Александром I, в котором родился духовно И<исус> Христос и который есть муж новой церкви. При Александре должна распространиться новая религия или единоверие» (Панченко, 2004: 197-198).

С новой силой миф о возвращении Петра III заработал в 1870-х гг. в феномене т.н. новоскопчества, основателем которого был Кузьма Лысин, принадлежавший к скопческой общине г. Галаца, которая поддерживала тесные отношения с сообществами юга Украины. «Милосердный Искупитель Батюшка в лице Кондратия Селиванова или, правильнее, в лице Петра Федоровича III, все время в учении заповедовал... в каждом Пришествии Спасителя с неба на землю требовалась настойчивая борьба духа с плотью... Но что значит Корабль, хотя бы и со вздутыми парусами, если на нем нет Главы, Кормчего!»

В лице Лысина «объявилась духовная сила второго искупителя, государя Петра III, Селиванова, чему были свидетелями Иоанн Богослов и Василий Великий». В его сподвижнике Иване Ковалеве объявилась сила апостола Иоанна Богослова, а за «переменой даров» – также сила Александра II, который якобы был помощником Петра III и также сидел в тюрьме. «Сам он, Лысин, по воле отца своего небесного говорил..., что позовет всех скопцов в Москву и с теми, которые признают его, будет ликовать, а тем, которые не признают, будет головы рубить, и что для этой цели он, Лысин, будет видеться с Государем Императором Александром Николаевичем, который по духу ему, Лысину, сын...». В этом отрывке снова видим не только мотив возвращения царя-искупителя Петра III, но и духовного сыновства явного царя, но уже не Павла I, а Александра II. Планируемая встреча с императором в Москве так и не состоялась, а сам Лысин и его сподвижники были арестованы и в 1876 г. по приговору суда высланы в Сибирь.

Анализ мифологемы царя в секте скопцов.

Монархические идеологемы, усвоенные русской культурой из византийского идеодискурса, на протяжении веков догматизировались, обретая статус догматической истины. Причем эта догматизация осуществлялась по двум, хотя и близким, но все же семантически отличным направлениям. Согласно первому, российский самодержец в силу особого статуса является инструментом «Божьего управления земным человеческим царством». В рамках этого направления монархической мысли осуществлялась разработка таких тем, как сакраментальное значение коронования, особый статус монарха в церковной иерархии, божественное избрание монарха, значение наследственности царской власти и др. Свое выражение направление получило как в трудах видных дореволюционных религиозных деятелей (свт. Филарета Московского, св. Иоанна Кронштадтского, св. Иоанна Восторгова и мн. др.), так и в литургическом дискурсе. Например, в чине православия до 1917 г. содержалась анафема: «Помышляющим, яко православнии Государи возводятся на престолы не по особому о них Божию благоволению и при помазании на царство дарования Духа Святаго к прохождению великого сего звания на них не изливаются; и тако дерзающим против них на бунт и измену», исключенная из чинопоследования после Февральской революции. Согласно второму направлению теологизация монархических идеологем осуществлялась в рамках эсхатологической герменевтики, в результате чего российский император начал интерпретироваться как апокалиптический «катехон», удерживающий пришествие в мир и воцарение антихриста (Прилуцкий, 2023: 82).

Самозванство. Существенным фактором, способствовавшим образованию мифологемы царя у скопцов, был распространенный в России тех времен феномен самозванства. О. Усенко различает два типа самозванства: «царское» и «религиозное» (пророческое, мессианское), которые, однако, выступают как «явления одного порядка». Их сходство проявляется прежде всего в том, что человек, объявивший себя царем или Христом либо пророком, теряет возможность дальнейшего жизненного выбора и полностью подчиняется своей новой роли. Вместо этого роль, которую человек должен играть, регламентируется массовым сознанием, ожиданиями последователей. Иначе говоря, самозванец

должен был полностью вписаться в мифологию данного сообщества (Усенко, 1995а: 56). Двойная же роль Петра III и Христа (Бога, мессии, искупителя) была для К. Селиванова еще большим вызовом.

По мнению О. Усенко, от лица, декларировавшего себя царем, кроме удовлетворения социально-экономических потребностей последователей, ожидалась «праведность» («благочестивость»), «справедливость» и «законность». Быть «законным» означало избранность правителя самим Богом. Такие внутренние качества, присущие царю, должны были выражаться соответствующими внешними знаками на теле. «Именно с их помощью (креста, звезды, месяца, «орла», то есть царского герба) многочисленные самозванцы в XVII-XVIII веках доказывали свое право на престол и обеспечивали себе поддержку в народе» (Усенко, 1995а: 54).

В случае Селиванова о таких знаках «божественного избрания» неизвестно, однако сам факт оскопления уже свидетельствовал о принадлежности к Царству небесному. Зато другим важным подтверждением легитимности царя-самозванца в глазах последователей, которое точно имело место в случае Селиванова, было наличие царского двора. Кроме «Богородицы», бывшей «императрицы» Елизаветы Петровны под именем Акулины Ивановны, возле самозванца находилась и другая «Богородица» – Анна Софоновна, которая величалась как «великая княгиня Анна Федоровна», незадачливая супруга цесаревича Константина Павловича. Еще одним аргументом, послужившим для подтверждения подлинности царя, было опознание его одним из приближенных во времена явного правления. Таким свидетелем стал лакей Петра III Кобелев, который подтвердил, что Селиванов – «действительно свергнутый император и что он его сразу узнал, как только увидел» (Усенко, 1995а: 57).

Итак, в отличие от других самозванцев (напр., таких, как А. Пугачев), Селиванов выступил в двойной роли царя и Христа, тем самым придавая своей миссии радикальный религиозный характер. Соответственно, в монархическом мифе, созданном скопцами, будет корректно говорить не просто о мифологеме, но и о мифотеологеме царя.

По мнению Л. Энгельштейна, сама традиция самозванства коренится в давней практике провозглашения себя мнимым царем обычным человеком, который «объявлял себя воплощением отстраненного или даже воображаемого правителя, более справедливого и «законного», чем тот, который сидел на троне, восходит, по крайней мере, к народным воплощениям Христа» (Энгельштейн, 2002: 52). По мнению А. Шапова, в данном случае речь идет о народном религиозном творчестве, «крестьянской вере»: ортодоксального христианства народные низы в своем большинстве не знали, за исключением самого имени Христа, который, по преданию, ходит по земле и появляется людям даже на полях.

Как ни парадоксально, свой вклад в распространение культа Селиванова внес государственный аппарат. «Подвергнув Селиванова телесным мучениям и публичному унижению и отстранив его от общества еще в большей степени, чем он отстранялся сам, государство создало все условия для того, чтобы бывшего бродягу обожествили».

Поверхностность и эклектичность религиозного мировоззрения людей, поверивших в скопческий миф, однако, имеет определенные богословские основания, которые следует искать в мировоззрении хлыстов, откуда берет начало секта скопцов. По вероучению хлыстов, Бог перманентно воплощался в конкретных лиц на протяжении истории, причиной чего было постоянное отклонение людей от истинного пути.

Согласно мифу хлыстов, такое воплощение (Бога Саваофа) произошло у основателя секты Даниила Филипповича в 1645 г., который впоследствии избрал своим помощником Ивана Сулова, провозгласив его Христом (как здесь, так и в последующей практике сохраняется порядок различения между Богом Саваофом и «христами», которыми могли быть и рядовые ее члены). Итак, речь идет о сотериологии, далекой от христианской ортодоксии: для хлыстов не хватает одного воплощения Христа, который после смерти и воскресения остается навсегда единственным главой Церкви, через таинства которой невидимым образом присутствует среди людей.

Представление о Боге в секте хлыстов удивительно парадоксально: с одной стороны, «хлысты верят, что Бог по своей природе духовен, вездесущ, вечен и всемогущ», а с другой, – господствовало убеждение о невозможности существования Бога вне материального мира. «Такая эклектика в религиозных представлениях, – объясняет А. Хамидулин, – является типичной чертой для догматически и логически не проработанного и не систематизированного религиозного культа, содержащего в себе разнородные элементы, характерные для благочестия народных масс» (Хамидулин, 2015: 130).

Жесткая связь между материальным и духовным, присущая вероучению хлыстов, близка концепции панентеизма, в которой предполагается существование двух полюсов: «актуального» (реализующегося в окружающем нас мире) и «потенциального» (трансцендентного) миров, которые образуют «диалектическое единство, необходимое в качестве условия как для развития Бога-Творца, так и для развития человека – Его со-творца». Попытки вместить необъятный Абсолют в лицо конкретного видимого человека понятны психологически и объясняются желанием реального, близкого и понятного присутствия Бога. Однако такие попытки, реализованные как у хлыстов, так и у

скопцов, происходят за счет искусственных манипуляций «элементами священного с целью конкретизации божества» (Хамидулин, 2015: 131-132).

5. Заключение

Итак, в вероучении хлыстов, унаследованном в главных его положениях скопцами, сильный упор был сделан на имманентности Бога миру, которая выражалась в его воплощениях в конкретных людях, объявлявших себя Христом, искупителем, мессией и т.п. «Золотой век» истории скопчества совпал с попытками реформ Александра I, направленными на религиозное просвещение подданных, выражением чего было создание Библейского общества.

Изложенное понятным языком Писание, систематическое объяснение основ христианской веры священниками могли бы приблизить Бога к народу, таким образом, предотвратив популярность «христов» и «богородиц». Перевод библейских текстов на русский язык, начатый по инициативе высшей государственной власти, должен был сделать доступным содержание Писания для широких масс населения, тем самым предоставляя возможность личного ознакомления с содержанием священных книг. Однако эти попытки потерпели неудачу вследствие «восстания» против А. Голицына группы православных архиереев, а Александр I поддался их требованиям прекратить начатую работу.

Структурно в случае эсхатологизации монархии можно видеть удвоение мессианских ожиданий: должны прийти две личности – Христос и монарх. Линия разграничения этих личностей не вполне четкая, их вмешательство в реальность распределяется между ними (сюда добавляется и допущение сочетания в одном лице царя и патриарха). Таким образом, мифологема трансформируется в мифотеологему с превалированием теологических смыслов и даже в догматическую истину.

Литература

- Волков, 1937 – Волков Н. Скопчество и стерилизация. Москва: Изд-во АН СССР, 1937.
- Игнатий, 1849 – Игнатий (Семенов). История о расколах в церкви российской. Ч. 1. СПб.: Типография Е. Фишера, 1849. 355 с.
- Иоанн, 1847 – Иоанн (Малиновский). Обличение заблуждения раскольников перекрещеванцев. СПб.: Типография К. Вингебера, 1847. 86 с.
- Кондаков, 1998 – Кондаков Ю. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). Санкт-Петербург: Нестор, 1998. 223 с.
- Кутепов, 1891 – Кутепов Н.П. Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей. Москва: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. 103 с.
- Лебедев, Прилуцкий, 2022 – Лебедев В., Прилуцкий А. Мифологема о грядущем православном царе: значение и прагматика // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»*. 2022. 3: 81-91.
- Минаков, 2010 – Минаков А. Князь Александр Николаевич Голицын - представитель мистико-космополитического консерватизма в царствование Александра I // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. 1: 186-189.
- Надеждин, 1845 – Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845. 120 с.
- Панченко, 2004 – Панченко А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
- Прилуцкий, 2023 – Прилуцкий А. Монархические мифотеологемы современного фундаменталистского дискурса: герменевтическая специфика // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2023. 43: 81-90.
- Пругавин, 1880 – Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектанства. СПб.: Типография В. Безобразова, 1880. 48 с.
- Путилин, 2022 – Путилин М. О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе» // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. 77: 133-140.
- Путилин, 2023 – Путилин М. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. 83: 66-71.
- Сборник..., 1860 – Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Вып. 1-4. Лондон: 1860-1862.
- Усенко, 1995а – Усенко О. Самозванство на Руси: норма или патология? *Родина*. 1995. 1: 53-57.
- Усенко, 1995б – Усенко О. Самозванство на Руси: норма или патология? *Родина*. 1995. 2: 69-72.
- Хамидулин, 2015 – Хамидулин А. Богословие русских мистических сект. *Труды Нижегородской духовной семинарии*. 2015. С. 117-237.
- Щапов, 1862 – Щапов А. Земство и раскол. Сочинения А. Щапова. Вып. 1. Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков, 1862. 161 с.
- Энгельштейн, 2002 – Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное: Скопческий путь к искуплению. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.

[Lebid et al., 2021](#) – *Lebid A.E., Kostenko A.M., Shevchenko N.A.* N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian empire of the first half of the 19th century // *Bylye Gody*, 2021. 16(1). Pp. 118-125.

[Lebid, Shevchenko, 2021a](#) – *Lebid A.E., Shevchenko N.A.* Review of pre-revolutionary historiography of schismatics, heresies and sectarianism in the Russian empire. *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1211-1224.

[Lebid, Shevchenko, 2021b](#) – *Lebid A.E., Shevchenko N.A.* Some aspects of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian empire in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2). Pp. 629-640.

[Lebid et al., 2020](#) – *Lebid A.E., Shevchenko N.A., Volkov A.N., Ponomareva M.A.* The officialdom of the Russian empire: A modern Ukrainian historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2). Pp. 495-507.

References

[Engelshtein, 2002](#) – *Engelshtein, L.* (2002). Skoptsi i tsarstvo nebesnoe: Skopcheskii put k iskupleniyu [Skoptsy and the Kingdom of Heaven: The Skoptic Way to Redemption]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]

[Ignatii, 1849](#) – *Ignatii (Semenov)* (1849). Istoriya o raskolakh v tserkvi rossiiskoi [History of schisms in the Church of Russia]. Ch. 1. SPb.: Tipografiya Ye. Fishera, 355 p. [in Russian]

[Ioann, 1847](#) – *Ioann (Malinovskii)* (1847). Oblichenie zabluzhdeniya raskolnikov perekreshchevantssev [A denunciation of the delusion of the schismatics of the cross-baptizers]. SPb.: Tipografiya K. Vingebera, 86 p. [in Russian]

[Khamidulin, 2015](#) – *Khamidulin, A.* (2015). Bogoslovie russkikh misticheskikh sekt [Theology of Russian mystical sects]. *Trudi Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii*. Pp. 117-237. [in Russian]

[Kondakov, 1998](#) – *Kondakov, Yu.* (1998). Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801-1825) [Spiritual-religious policy of Alexander I and the Russian Orthodox opposition]. Sankt-Peterburg: Nestor, 223 p. [in Russian]

[Kutepov, 1891](#) – *Kutepov, N.* (1891). Kratkaya istoriya i verouchenie russkikh ratsionalisticheskikh i misticheskikh yeresei [Brief history and doctrine of Russian rationalistic and mystical heresies]. Moskva: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 103 p. [in Russian]

[Lebedev, Prilutskii, 2022](#) – *Lebedev, V., Prilutskii, A.* (2022). Mifologema o gryadushchem pravoslavnom tsare: znachenie i pragmatika [The Mythologeme of the Coming Orthodox Tsar: Meaning and Pragmatics]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya»*. 3: 81-91. [in Russian]

[Lebid et al., 2020](#) – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Volkov, A.N., Ponomareva, M.A.* (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern Ukrainian historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.

[Lebid et al., 2021](#) – *Lebid, A.E., Kostenko, A.M., Shevchenko, N.A.* (2021). N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian empire of the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(1): 118-125.

[Lebid, Shevchenko, 2021a](#) – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A.* (2021). Review of pre-revolutionary historiography of schismatics, heresies and sectarianism in the Russian empire. *Bylye Gody*. 16(3): 1211-1224.

[Lebid, Shevchenko, 2021b](#) – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A.* (2021). Some aspects of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian empire in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(2): 629-640.

[Minakov, 2010](#) – *Minakov, A.* (2010). Knyaz Aleksandr Nikolaevich Golitsin - predstavitel mistiko-kosmopoliticheskogo konservatizma v tsarstvovanie Aleksandra I [Prince Alexander Nikolayevich Golitsyn - representative of mystical-cosmopolitan conservatism in the reign of Alexander I]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 1: 186-189 [in Russian]

[Nadezhdin, 1845](#) – *Nadezhdin, N.I.* (1845). Issledovanie o skopcheskoj eresi [A study on the heresy of the Scopians]. Sankt-Peterburg. 120 p. [in Russian]

[Panchenko, 2004](#) – *Panchenko, A.* (2004). Khristovshchina i skopchestvo: folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt [Khristovshchina and Skopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. M.: OGI, 541 p. [in Russian]

[Prilutskii, 2023](#) – *Prilutskii, A.* (2023). Monarkhicheskie mifoteologemi sovremennogo fundamentalistskogo diskursa: germeneticheskaya spetsifika [Monarchical mythotheologemes of modern fundamentalist discourse: hermeneutical specificity]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. 43: 81-90. [in Russian]

[Prugavin, 1880](#) – *Prugavin, A.S.* (1880). O neobkhodimosti i sposobakh vsestoronnego izucheniya russkogo sektantstva [On the necessity and ways of comprehensive study of Russian sectarianism]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova, 48 p. [in Russian]

[Putilin, 2022](#) – *Putilin, M.* (2022). O perspektivakh issledovaniya legend o «vozvrashchayushchemsya izbavitele» [On the prospects of researching legends about the “returning deliverer”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 77: 133-140. [in Russian]

[Putilin, 2023](#) – *Putilin, M.* (2023). Syuzhet o tsare-startse kak spetsifika provintsialnoi slavyanskoi mentalnosti v period modernizatsionnogo perekhoda [The story of the Tsar-Star as a specificity of provincial Slavic mentality in the period of modernization transition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 83: 66-71. [in Russian]

- Sbornik..., 1860** – Sbornik pravitelstvennikh svedenii o raskolnikakh [Collection of governmental information about schismatics]. Sost. V. Kelsiev. Vip. 1-4. London, 1860-1862. [in Russian]
- Shchapov, 1862** – *Shchapov, A.* (1862). Zemstvo i raskol [Zemstvo and schism]. Sochineniya A. Shchapova. Vip. 1. Sankt-Peterburg: D.E. Kozhanchikov, 161 p. [in Russian]
- Usenko, 1995a** – *Usenko, O.* (1995). Samozvanstvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Russia: norm or pathology?]. *Rodina*. 1: 53-57. [in Russian]
- Usenko, 1995b** – *Usenko, O.* (1995). Samozvanstvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Russia: norm or pathology?]. *Rodina*. 2: 69-72. [in Russian]
- Volkov, 1937** – *Volkov, N.* (1937). Skopchestvo i sterilizatsiya [Scoping and sterilization]. M.: Izd-vo AN SSSR. [in Russian]

Монархическая мифологема секты скопцов: генезис и специфика

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Андрей Александрович Пальчик ^c, Александр Павлович Дядя ^b

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^c Институт богословских наук Непорочной Девы Марии, Каменец-Подольский, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты и мотивы монархической мифологии секты скопцов. В частности, проанализирован так называемый мотив «ложного царя». Представления о Петре I как о «ложном» царе во многом связаны с тем, что он ввел бранобритие, иноземные обычаи и одежду, веселился с иностранцами, устраивал фейерверки, издевался над духовенством и часто покидал свое государство.

Также был рассмотрен миф о возвращении царя. В 1840-х годах в Москве была обнаружена секта почитателей Наполеона I. Их культ включал в себя молитвы перед бюстом французского императора. Не исключено, однако, что политическая мифология этой секты генетически восходит к скопческой адаптации истории о скрывающемся императоре.

В статье также представлены компоненты монархической мифологемы – вопросы для рефлексии скопческой ереси. В монархической мифологеме скопцов царь выступает как идеальный монарх. Реальный царь по факту своего призвания не может противоречить ожиданиям секты ни в своей личной жизни, ни в проводимой им политике. Факты, не соответствующие таким представлениям, объясняются подменой царя. Монархическая мифологема скопцов, несмотря на свою специфику, вписывается в общий фон народных представлений о царе.

Так, политико-религиозная имагология скопцов концептуализирует образ царя-искупителя, монархическую версию теологии освобождения, царебожия. Тем не менее, культ, объектом которого в скопчестве была личность царя, на наш взгляд, не может быть назван одним из вариантов царебожия.

Ключевые слова: скопцы, мифология, мифологема, мифотеологема, монархическая мифологема, секта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1073-1083
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1073

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Nobility in the Development of the Volga-Caspian Fishing Region (60s of the 18th century – 60s of the 19th centuries)

Sergey V. Vinogradov ^{a, *}, Yuliya G. Eshchenko ^a, Elena V. Saveleva ^a, Oleg V. Likholet ^a

^a Astrakhan Tatishchev State University, Russian Federation

Abstract

In this article the authors analyze the noble period of development of the Volga-Caspian fishing region, which lasted about 100 years: from the time of general land surveying in the Russian Empire in the 1760s to the Great Reforms in the 1860s. In the middle of the 18th century, the government tried quickly to bring under the Volga-Caspian region, with the help of the economically active population. The government was interested in the development of the region's fish resources as an alternative source of food, which was important for a northern country with climate-risky agriculture. The possibilities of free migration were limited under conditions of the serfdom and the absence of a free labor market in the country. Therefore, the government policy of developing this territory shifted towards the nobility. Noble migration was an effective tool for settling new territories in the Russian Empire in the 18th-19th centuries. The government sold land at preferential prices to nobles, who brought serfs from the central regions to their new estates. However, this scheme did not work in the Volga-Caspian fishing region. The arid climate was not conducive to profitable farming, so the nobility bought fishing waters. The nobles were able to oust the merchants and other free classes from the fishing industry at the end of the 18th century. The authors conclude that the noble monopoly on fishing industry had a detrimental effect for the development and settlement of the region.

Keywords: Caspian Sea, Volga-Caspian fishing region, Astrakhan, Astrakhan region, fishing, nobility, merchants, peasantry, catchers.

1. Введение

Основным источником заселения окраинного Волго-Каспийского рыболовного района (ВКРР) в течение XVII – первой половины XVIII вв. являлась вольная миграция. Правительство было вынуждено относиться к ней лояльно. Так, в конце 1630-х гг. вышло предписание о том, что с Астрахани «в верховые города» посадских людей, бежавших в низовья Волги, не возвращать (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 2). Почти через 100 лет, в 1740-е гг., в ответ на сообщения Астраханской губернской канцелярии об имевшихся в Астрахани беглых людях был получен похожий правительственный ответ о том, что пришлый люд, «повсеместно прибывающий» в губернию без паспортов, здесь необходим в качестве рабочей силы (Любомиров, 1926: 61).

Правительство Екатерины II также было озабочено проблемой заселения Волго-Каспийского пространства и освоением его рыбных ресурсов. Важным и нестандартным для своего времени решением, призванным оживить развитие и освоение ВКРР, стал Манифест 1762 г., согласно которому Екатерина II передала обширные рыболовные участки, находившиеся с 1704 г. в казенной собственности (ПСЗ РИ: № 1956, 1994, 1995), в «вечное содержание» астраханскому купечеству для «свободного торга» (ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 174. Л. 1-3).

* Corresponding author

E-mail addresses: dissovetdm@yandex.ru (S.V. Vinogradov), pushistik_yuliya@mail.ru (Y.G. Eshchenko), elenasava03@gmail.com (E.V. Saveleva), oleg.liholet@mail.ru (O.V. Likholet)

В интересах «правильного и последовательного заселения» региона в 1772 г. вышел указ Правительствующего Сената (далее – Сенат), в котором указывалось: «прежде всего, должны быть удовлетворены землями перешедшие в Астраханскую губернию государственные крестьяне, татары и имеющие уже на тех землях оседлость поселенцы, а также вновь желающие селиться разного звания люди» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4). Из документа следовало, что освоение рыбных ресурсов региона, в которых нуждалась страна, планировалось силами экономически активного населения. В числе таких переселенцев могли быть как представители свободных сословий (дворянство, купечество, казачество, государственные крестьяне), так и уходившие на отхожий промысел крепостные крестьяне, а также беглые.

Отходничество стало особенно распространено в регионе со второй половины XVIII в. (Трофимов, Миндубаев, 1981: 6). Часть таких крестьян предпочитала не возвращаться к своим хозяевам, оседая в устье Волги. Чтобы хоть как-то пополнить население региона, правительство в течение XVIII в., несмотря на жалобы помещиков центральных губерний, вынуждено было прибегать к легализации этой части вольной миграции (Марков, 1983: 8).

Процедура такого «социального лифта» не отличалась особой гуманностью: «Тех подлых, кои задержаны будут, бить нещадно батогами с трех раз, и которые из них сознаются, тех высылать к своим помещикам, а которые и с третьего раза в утверждении своем утвердятся, тех приписывать к казенным вотчинам и при рыбных промыслах оставлять» (Зыков, 1924: 121). Тем не менее, большинство отходников старалось закрепиться в регионе и обрести свободу от крепостной зависимости (Любомиров, 1926: 61). Примером успешного мигранта, бежавшего в Астрахань в начале 1790-х гг. и через очередную «компанию по легализации» сумевшего получить статус государственного крестьянина, являлся дед В.И. Ленина, Николай Васильевич Ульянов (Трофимов, Миндубаев, 1981: 6-7).

Официальные данные о количестве беглого населения, занимавшегося ловом в ВКРР в XVIII в., отсутствуют. Историки XIX в. делали приблизительные подсчеты, используя косвенные данные. Например, число ловцов, выходивших на лов рыбы на рубеже XVIII – XIX вв., вычислялось по количеству и классу рыболовецких судов и лодок, работавших во время весеннего лова рыбы на Каспии. Ловом рыбы на рубеже веков занималось 3 500 чел. Столько же приблизительно собирали купцы-рыбопромышленники работников на контролируемых ими промыслах (Зыков, 1924: 120). Такого количества ловцов и промысловых рабочих было явно недостаточно для освоения рыбных ресурсов региона. Но большего в условиях отсутствия в стране свободного рынка труда вольная миграция дать не могла. Поэтому правительство с середины 1760-х гг. начало активное использование такого инструмента освоения новых территорий, как дворянская миграция. Она осуществлялась за счет продажи помещикам земли на территории ВКРР по ценам более низким, чем в центральных земледельческих районах, с целью заселения ее крепостными крестьянами из центральных районов страны (как это было на других территориях, осваиваемых Российской империей) (ПСЗ РИ: № 12595).

2. Материалы и методы

2.1. В качестве основного источника при написании статьи использовались документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Астраханской области (Астрахань, Российская Федерация), часть из которых впервые вводится в научный оборот. Это указы и предписания Сената, государственных коллегий, журналы и протоколы заседаний Кавказского наместнического правления (Ф. 476); постановления, распоряжения, переписка канцелярии Астраханского гражданского губернатора с центральными правительственными ведомствами и местными органами управления, списки дворян, формулярные списки чиновников, дела об определении прав на владение крепостными и дворовыми людьми, о наложении и снятии запрещений на имения дворян, о решении земельных и водных вопросов и освобождении от крепостничества, документы о доходах владельцев имений (Ф. 394); журналы заседаний правления Экспедиции рыбных и тюленьих промыслов, годовые отчеты, циркуляры и положения Управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами (Ф. 194).

Другим источником стали опубликованные законодательные документы Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ), касавшиеся проблем заселения и освоения пространства ВКРР представителями различных сословий в исследуемый период. Сведения ревизий и отчеты Астраханского губернского статкомитета послужили источником статистических данных, характеризовавших демографические результаты дворянского этапа освоения и заселения пространства ВКРР (1760-е–1860-е гг.).

2.2. В рамках исследования миграционной политики ранее нами применялась теория Л.Л. Рыбаковского о трехстадийности миграционного процесса (Рыбаковский, 2003). На примере пореформенного периода было доказано, что именно контроль государства над всеми тремя этапами переселения (планирование, перемещение, адаптация) позволил сформировать эффективную миграционную модель (Виноградов и др., 2023). В 1760–1860-х гг. государственное регулирование касалось, в первую очередь, планирования. Отдача на откуп частным лицам организации

перемещения трудовых ресурсов, непроработанность мер для их закрепления и адаптации по новому месту жительства привели к тому, что миграционная модель, основанная на дворянстве как движущей силе, показала свою безрезультатность для заселения и освоения окраинных территорий. Тем не менее в законотворческой работе правительства данного периода следует отметить активный поиск методов не только для увеличения численности населения ВКРР, но и для развития рыбного промысла, что в дальнейшем легло в основу создания государственной модели регулирования миграционной политики в конце XIX – начале XX вв.

В статье также применялся традиционный для исторического исследования методологический инструментарий, представленный совокупностью специально-исторических методов и базовых принципов (историзма, системности и объективности).

3. Обсуждение

Дворянский период освоения ВКРР достаточно активно изучался исследователями Волго-Каспийских рыбных промыслов в середине XIX – начале XX вв. Причем среди них можно выделить как апологетов деятельности дворянства в крае (Равинский, 1809; Бочечкаров, 1859; Лебедев, 1863; Петриченко, 1862; Пелль, 1895), так и сторонников освоения ВКРР с помощью развития вольной миграции (Михайлов, 1856; Шульц, 1874; Никольский, 1898; Grimm, 1896; Бородин, 1903; Кевдин, 1915). Изучение истории освоения ВКРР середины XVIII – середины XIX вв. было продолжено в 1920-е., когда на местном уровне стали активно развиваться краеведческие исследования, в которых самое деятельное участие принимала т.н. «старая интеллигенция». В Астрахани историки-краеведы концентрировались вокруг изданий «Наш край» (1922–1928 гг.) и «Краеведение» (1924–1925 гг.). Среди наиболее заметных работ, касавшихся темы дворянского этапа освоения ВКРР, можно выделить исследования П. Юдина (Юдин, 1925), Н.Н. Пальмова (Пальмов, 1924), П.Г. Любомирова (Любомиров, 1926), Ф.П. Зыкова (Зыков, 1924).

Новый этап в изучении освоения и заселения ВКРР открыла небольшая обзорная работа Н.М. Васькина, вышедшая в 1974 г. (Васькин, 1974). В начале 2000-х гг. было опубликовано большое коллективное исследование, одна из глав которого была посвящена истории освоения Астраханской губернии в XVIII в. (История Астраханского края, 2000). В настоящий момент тема освоения и заселения края в XIX в. активно разрабатывается в работах С.С. Белоусова (Белоусов, 2020; Белоусов, 2011). Реализации государственной переселенческой политики в Нижнем Поволжье в пореформенный период посвящены статьи И.В. Кузьминой (Кузьмина, 2011; Кузьмина, 2016). Различные аспекты экономического развития Астраханской губернии прослеживаются в исследованиях И.В. Торопицына (Торопицын, 2001), А.Л. Рябцева (Рябцев, 2002), М.М. Имашевой (Имашева, 2015), А.А. Вороновой (Воронова, 2005), М.М. Хайрлаповой и Т.В. Юдиной (Хайрлапова, 2020; Хайрлапова, Юдина, 2022).

Анализ исторической литературы показывает, что с конца 1920-х гг. дворянский этап освоения и заселения ВКРР не являлся предметом специального исторического исследования.

4. Результаты

Важным условием для продажи земли дворянам являлось заселение ее крепостными крестьянами, которых волго-каспийские помещики должны были переселить из центральных районов страны. Непосредственно сделками по продаже земли в регионе на основе общих правительственных инструкций с 1765 г. занималась Московская межевая канцелярия (далее – Межевая канцелярия) (ПСЗ РИ: № 12474). Общее руководство освоением региона императрица поручила Кавказскому генерал-губернатору П.С. Потемкину. Впоследствии выяснилось, что эта его деятельность в пределах ВКРР осуществлялась со значительными нарушениями и отступлениями от правительственного плана по привлечению к освоению региона представителей всех сословий (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 2).

В ВКРР имелось небольшое количество земли, подходившей для земледелия. Да и сухой степной климат не способствовал развитию сельского хозяйства. Поэтому первоначально правительственная инициатива по покупке астраханских земель не была поддержана дворянством (Равинский, 1809: 46). Но по мере освоения региона вольными мигрантами и купцами-рыбопромышленниками сведения о его богатствах распространялись по стране (Хренов, 1893).

Самой ценной землей в регионе являлось речное и морское побережье, с которого было возможно осуществлять рыбный промысел. Не вникая в региональную специфику, к продаже земли в рамках реализации изданного 19 сентября 1765 г. манифеста о генеральном межевании и обнародованных «генеральных правил» власти подошли со стандартным подходом (ПСЗ РИ: № 12474). Земля была разделена на две категории. К первой категории относилась так называемая «полезная» земля, то есть пригодная к ведению сельскохозяйственных работ (ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Т. 2. Д. 3781. Л. 5). Продавалась она по цене 1 руб. за десятину (1,09 га). Это было почти в 10 раз дешевле, чем в центральных земледельческих губерниях страны (Беккер, 2004: 67). Ко второй категории была отнесена «бесполезная земля», то есть непригодная для сельского хозяйства. Массивов с такой землей было гораздо больше, чем с «полезной». Чтобы как-то ее окультурить,

значительные участки с «бесполезной» землей передавались государством покупателям в дополнение к «полезной» земле. Но своеобразие ВКРР заключалось в том, что наиболее ценными являлись территории дельты реки Волги и побережья Каспийского моря с их выходом на рыболовные воды. И эти по-настоящему ценные пространства были отнесены чиновниками Московской межевой канцелярии к «бесполезным землям» и переходили к владельцам имений фактически бесплатно (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 2).

В дворянской среде достаточно быстро сложилось понимание того, как надо было извлекать прибыль (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 2). Помещики прикладывали некоторые усилия только по освоению рыболовных участков по берегам Волги и Каспийского моря. Но для этого выгоднее было нанять рабочих из числа местного населения или беглых, знакомых с промыслом, а не везти в низовья Волги крепостных крестьян, рискуя потерять их по дороге (Васькин, 1974).

Другой стратегией извлечения прибыли из волго-каспийских имений являлась сдача рыболовных участков в аренду. Арендаторами становились разбиравшиеся в рыбном промысле местные чиновники, а также богатые купцы-рыбопромышленники. В арендных сделках проявлялась реальная ценность полученных в нагрузку «бесполезных» земель. Так, например, за воды И.П. Кутайсова и Н.Б. Юсупова коммерции советник И.И. Перетц платил в год 100 тыс. руб. арендной платы. За сдачу части своих рыболовных участков Н.А. Бекетов имел в годовой доход в 60 тыс. руб. (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 23. Л. 3).

В правительстве знали о дворянских хитростях в освоении ВКРР и пытались с этим бороться. Сенат неоднократно напоминал дворянам, скупавшим в регионе земли, об обязательности их заселения. Например, 22 августа 1772 г. был издан сенатский указ, в котором говорилось следующее: «Как от иных помещиков статья может, что они в Астраханской губернии дикопорожные земли будут покупать только для того, чтобы по оным воспользоваться рыбными промыслами и сопряженным с тем доходами, а о населении здесь крестьян, в чем прямая государственная польза состоит и для которой единственно те земли в продажу назначены, никакого попечения не будут, если только не определить им на то точного времени, то на сей случай и полагается 6 лет. Когда же кто в сей срок ничего не заселит, у таковых отнимать проданные земли и отдавать другим за ту же цену» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 2).

Ценность астраханских земель как способа быстрого обогащения через рыбный промысел в дворянской среде постоянно росла. Если в 1770-е гг. среди помещиков могли оказаться «незначительные персоны», в основном использовавшие выгодную конъюнктуру местные чиновники (директор таможи, коллежские ассесоры И.П. Скрипицын, И.И. Григорьев, секретарь губернатора Ф.И. Пушкин и др. (Любомиров, 1926: 69)), то уже в 1780-е – 1790-е гг. эти случайные люди вымываются, и владельцами имений становятся представители высшей государственной элиты, выдвинувшиеся при Екатерине II, и крупнейшие землевладельцы страны. Так, князю А.А. Безбородко императрица в 1785 г. пожаловала участок земли в 164 084 десятины, так называемое «Синеморское имение». 2/3 земли в этом имении являлись «бесполезными», зато имелся выход к богатым рыболовным водам в низовьях Волги (Пелль, 1895: 5). Волго-каспийскими помещиками в тот период также стали генерал-фельдмаршал И.П. Салтыков (Бочечкаров, 1859: 63), греческий капитан на русской службе И.А. Варваца (Марков, 2000: 31) и др.

Свободные земли в низовьях Волги постепенно закончились, но не все желавшие среди крупных землевладельцев и высшей бюрократии империи успели их приобрести. Поэтому неудивительно, что укрепившееся в регионе дворянство повело наступление на обширные рыболовные участки, полученные астраханским купечеством от Екатерины II. В 1785 г. губернатор М.М. Жуков доносил: «земли помещикам отведены в большем против покупного, количестве десятин, что угодья эти не хлебопашеские, а рыболовные, ни шелковых, ни хлопчатобумажных заводов ни у кого нет; осушение болот и других хозяйственных операций нигде не производится» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 3). В 1770–1780-е гг. рыбопромышленники неоднократно обращались с жалобами на самовольный захват помещиками их рыболовных вод. Например, губернатор Н.А. Бекетов, по их мнению, незаконно захватил участок с рыболовными заведениями на побережье Каспия, находившийся в пользовании Астраханского магистрата (Лебедев, 1863: 27). Весьма часто в 1780-е гг. дворяне через Межевую канцелярию незаконно приобретали богатые рыболовные участки, находившиеся перед купеческими участками. В подтверждение этому в архивных фондах канцелярий Астраханского губернатора и Кавказского генерал-губернатора хранится большое количество жалоб и обращений как от рыбопромышленников, так и от городского магистрата г. Астрахани (ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 262. Л. 3-9; Д. 273. Л. 1-12 об.; Д. 350 Л. 1-8; Д. 460. Л. 1-3; Д. 477. Л. 1-2). От дворянского произвола страдали и другие группы населения. Так, Астраханский губернатор И.В. Якоби сообщал в Сенат, что проданные дворянам земли были «отведены вопреки изданному 8 октября 1765 г. Манифесту и незаконно отмежеваны; причем обнаружилось, что к купленным имениям отошли многие земли, принадлежавшие татарским мурзам» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 3).

Многочисленные жалобы, приходившие из Астрахани в центральные органы власти и аккумулировавшиеся в Сенате, приводили к периодическим сенатским проверкам местных органов власти. Так, в мае 1787 г. Сенат на основании сведений, собранных комиссией во главе с сенаторами

Воронцовым и Нарышкиным, вынужден был признать, что часть сделок по продаже и отмежеванию земли в Астраханской губернии была оформлена незаконно. Вследствие этого 11 мая 1787 г. был выпущен указ, по которому Кавказскому наместническому управлению предписывалось утвердить в правах владения только тех помещиков, которые успели оформить свои приобретения. У прочих владельцев имений приобретенные земли изымались в пользу государства (ГААО. Ф. 476. Оп.1. Д. 18. Л. 2-3).

Под давлением влиятельных чиновников и землевладельцев власти время от времени вынуждены были отступать от собственных решений, как, например, в случае с упомянутым выше Александром Андреевичем Безбородко. В другом случае Сенат разрешил отмежевать князю Н.Б. Юсупову (старшему) купленные его сестрой княгиней Ириной Юсуповой в Межевой канцелярии 22 июня 1772 г. 477 десятин удобной и 11 416 десятин неудобной земли в Астраханской губернии. Причем в результате этого приобретения во владении князей Юсуповых в Астраханской губернии оказалось 31 500 десятин, т.е. почти на 20 000 десятин больше купленной в действительности (ГААО. Ф. 476. Оп. 1. Т. 1. Д. 349. Л. 10).

Раздача бесплодной земли также осуществлялась со значительными нарушениями. «Замечательно, что все относящиеся сюда Высочайшие указы имели в виду и позволяли раздачу земель лишь в точно определенном месте, а именно по Моздокской линии. Между тем, Кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин и, отчасти граф И.В. Гудович, игнорируя правительственные планы по освоению Астраханской губернии, раздавали земли дворянству не в указанном месте, а по бассейну р. Волги» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 3).

В Высочайшем указе от 22 декабря 1782 г. говорилось: «По плодородию земель, составляющих обширную степь, простирающуюся по линии Моздокской и их удобности не только для хлебородия и скотоводства, но и для произведения разных произрастаний, климату свойственных, Мы Всемилостивейше дозволяем раздать те земли желающим под поселение, поручая исполнение сего в единственное распоряжение Нашего генерал-губернатора Новороссийского, Азовского, Астраханского и Саратовского князя Потемкина, с таковым наблюдением, дабы при переводе в тамошний край помещичьих крестьян, поступить во всей точности, по силе указа Нашего, данного Сенату 20 октября 1782 г.» (ПСЗ РИ: № 15619).

В дополнение к указу 3 мая 1785 г. последовал Высочайший рескрипт на имя Кавказского генерал-губернатора П.С. Потемкина, в пункте 6 которого было указано: «Со вступлением в действие Казенной палаты, будет должностью ее, а особливо Директора домоводства удовлетворять под распоряжением Вашим татар и других поселенцев и вновь селиться желающих нужными землями, и за тем Вы не оставите остающиеся земли раздать для поселения и заведения хозяйств желающим на таком основании, как предписано было (Указом от 22 декабря 1782 г. – прим. авт.) Фельдмаршалу князю Потемкину по тогдашнему управлению его в Астраханской губернии и на новой линии» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4).

Основание, упоминавшееся в Рескрипте по официальному разъяснению П.С. Потемкина, заключалось в следующем: «По раздаче земель владельцам давать льготы на 6 лет, с обязательством, чтобы в течение оных те земли обсеменить; по прошествии же сих годов, буде кто, взяв землю, оставить оную в пренебрежении, таковой подвержен взысканию за всякую десятину по 30 коп. и земля от него будет взята для отдачи другому» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4). В этом же документе были детально определены размеры требуемого заселения. На одного поселенца должно было приходиться не более 30 десятин отведенной земли.

Анализ вышеперечисленных документов позволяет понять первоначальный правительственный замысел по освоению ВКРР, который можно охарактеризовать следующим образом.

1. В приоритетном порядке должны были наделяться землей переведенные в Астраханскую губернию государственные крестьяне, татары, со времен Золотой Орды занимавшиеся на этих землях сельским хозяйством, а также «имевшие уже на тех землях оседлость поселенцы и вновь желающие селиться разного звания люди» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4).

2. Дворянству было запрещено скупать земли, которые были уже заселены ловецким населением. Это решение затем было продублировано сенатским указом от 14 декабря 1792 г. (Кузнецов-Липецкий и др., 2023: 184).

3. Под дворянские поместья отводились пригодные для развития земледелия земли, находившиеся по Моздокской оборонительной линии.

4. Дворянам, как и другим «разного рода людям», в ВКРР могли быть проданы оставшиеся от свободного заселения земли, но при строгом соблюдении условия по их заселению. Необходимо было в шестилетний срок довести плотность населения до одного жителя на 30 десятин земли. Проданные земли в случае невыполнения этого условия вновь изымались в пользу государства.

В период правления Екатерины II этот план, предусматривавший привлечение к освоению ВКРР экономически активных представителей разных сословий, реализовывался в основном в пользу дворянства. Так, вскоре после получения вышеупомянутого рескрипта по распоряжению П.С. Потемкина двадцати двум помещикам было роздано в пределах Астраханской губернии

145 487 десятин удобной и 670 014 десятин неудобной земли. Фактически отмежевано, как было обнаружено впоследствии, гораздо больше. Помимо этого, генерал-губернатор отвел себе и своим родственникам более 54 000 десятин земли по берегам Волги, несмотря на то, что часть их была уже отведена Межевой комиссией крестьянам, другая же принадлежала по указу Екатерины II купцам-рыбопромышленникам (Виноградов и др., 2022: 1568-1570).

Эта «дворянская приватизация» осуществлялась одновременно с прибытием в Астраханскую губернию нескольких тысяч семей государственных крестьян, которых правительство, недовольное результатами дворянской колонизации, самостоятельно отправляло для заселения ВКРР. Рядом указов, из которых особого внимания заслуживает документ от 20 марта 1798 г., Сенат «признал в общем раздачу земель, производившуюся в Астраханской губернии неправильной» и постановил имения некоторых помещиков (Кишенского, Грибовского, Потемкиной, Толстой и др.) вернуть в распоряжение государства (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 5).

При жизни Екатерины II Манифест 1762 г. де-юре соблюдался чиновниками, но при следующем императоре, Павле I, положение изменилось. В апреле 1797 г. Манифест был отменен. Рыбные промыслы на Волге и Каспии, согласно распоряжению нового императора, передавались в собственность его приближенным – братьям Александру и Алексею Куракиным, Н.Б. Юсупову и др. (Виноградов и др., 2022: 1568-1570).

Помещики, нуждавшиеся в рабочей силе для промыслов, стремились к закабалению вольного ловецкого населения, ранее осевшего в низовьях Волги. Инициатором этого процесса выступил в 1770-е гг. астраханский губернатор Н.А. Бекетов. Начал он с проведения компаний по очищению от «подлых» (беглых) людей Астрахани и ее окрестностей. Пойманных таким образом беглецов он не возвращал прежним хозяевам, а отправлял на принадлежавшие ему рыбные промыслы в низовьях Волги. За десять лет своей работы в Астрахани этот предприимчивый губернатор наполнил рабочей силой из захваченных в низовьях Волги мигрантов несколько своих имений: Бекетовка, Тумак, Хмелевка и Никольское (Зыков, 1924: 120).

По этой же схеме в 1790-е гг. действовали Куракины, Юсуповы, Всеволожские и др. владельцы имений. Опираясь на военную силу, предоставляемую губернаторами, приказчики волго-каспийских помещиков заходили в ловецкие поселки и, «перепоров мужское население, объявляли их крепостными, а поселок собственностью владельца имения» (ГААО. Ф. 194. Оп.1. Д. 23. Л. 4). После этого жители поселений должны были ловить рыбу в качестве выполнения оброка для своего хозяина либо отрабатывать барщину, трудясь на его рыболовных промыслах. Но из-за труднодоступности дельтовых территорий не до всех поселков помещики смогли добраться, так что часть ловецкого населения продолжала оставаться свободной, нанимаясь для морского лова к купцам-рыбопромышленникам (Любомиров, 1926: 65).

Интересные подробности процесса дворянского освоения ВКРР открылись в ходе судебного процесса по иску генерала И.П. Салтыкова к графу И.П. Кутайсову. В 1792 г. Кавказский генерал-губернатор И.В. Гудович отвел генерал-фельдмаршалу И.П. Салтыкову по берегу одного из волжских притоков «Мертвый Култук» 786 десятин удобной и 20 992 десятины неудобной земли для поселения крестьян. На основании этого Салтыков получал право на «исключительное пользование рыболовством в Мертвом Култуке». В конце 1790-х гг. у Салтыкова появился сосед по имению, фаворит Павла I, граф И.П. Кутайсов, которому были пожалованы во владение Эмбинские воды «с островами, косами и буграми, присоединяя к помянутым рыбным ловлям, по берегам, потребное количество земли» (ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 25. Л. 9). Вскоре между Кутайсовым и Салтыковым возник спор по поводу границ их имений, перекинувшийся в столичные суды. Дело это получило широкий общественный резонанс (Лебедев, 1863: 28).

Данная тяжба имела важные последствия для дальнейшего освоения региона. Она обратила внимание нового императора Александра I на злоупотребления при освоении территории. В 1802 г. император инициировал сенатскую проверку, которая выявила многочисленные нарушения в получении имений обоими фигурантами дела. Причем Александр рассматривал проблему гораздо шире, чем просто тяжбу двух помещиков из-за спорных территорий. Возмущение императора и его сторонников из Негласного комитета вызывал факт частного владения берегом моря. Это, по их мнению, было незаконно с точки зрения права и подрывало саму идею быстрого освоения региона с помощью вольной миграции (ПСЗ РИ: № 20388). Александр I выступил за передачу береговой полосы северного Каспия из частного владения «в общее хозяйственное пользование». Противники этого мнения, а таких, учитывая политическую и экономическую значимость владельцев волго-каспийских поместий, было немало в Сенате, старались максимально затянуть обсуждение этого вопроса, в том числе навязав дискуссию с привлечением ученых из Императорской академии наук и художеств по вопросу классификации Каспийского водоема в качестве моря или озера. Вопрос этот не являлся праздным, так как к разному типу водоемов применялись разные правовые нормы (Лебедев, 1863: 29-30).

Но, несмотря на противодействие, Александр сумел провести через Сенат необходимые ему решения по делу Салтыкова против Кутайсова. По результатам проверки императорским указом из поместья Салтыковых в Астраханской губернии в пользу государства было конфисковано 786 десятин

удобной земли. Взамен ему было предоставлено право выбрать такое же количество земли в других российских губерниях. А вот неудобная земля, примыкавшая к рыболовным водам, изымалась у Салтыкова полностью, без всякой компенсации, так как «отведена она ему по единственному расширению власти местного Начальства, выступившей из пределов ясно и точно ей предназначенных» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 5). Императорским указом от 20 ноября 1802 г. владения Кутайсова в ВКРР были выкуплены государством за 150 000 руб. и переданы «в общее вольное всех желающих безоброчное пользование» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 5).

Важным результатом этого судебного процесса представляется попытка Александра I реализовать план Екатерины II по освоению региона с привлечением представителей всех сословий. Это отразилось, прежде всего, в указе Сенату от 27 августа 1802 г., который был призван за счет выкупленных у И.П. Кутайсова Эмбинских рыболовных вод оживить рыбный промысел и способствовать миграционному потоку в регион.

В указе в декларативной форме говорилось о необходимости изъятия из частного владения и закрепления как свободной территории для хозяйственного использования береговой полосы Каспийского моря шириной в одну версту (Кузнецов-Липецкий и др., 2023: 192). В дальнейшем этот указ Александра I послужил прообразом Устава Каспийских рыбных и тюленых промыслов 1865 г., который уже законодательно закрепил передачу «в общее хозяйственное пользование» одноверстной береговой полосы Каспийского моря (Виноградов и др., 2023: 1267).

Несмотря на данные меры, призванные поддержать свободных ловцов и морской лов, освоение региона шло медленными темпами, а основные богатства ВКРР – рыбные промыслы – по-прежнему оставались во владении у помещиков. По официальным отчетам, к 1800 г. в ВКРР дворянами было перемещено всего лишь 3 500 крепостных крестьян мужского пола (История Астраханского края, 2000: 222). В 1851 г. Астраханская губерния с показателем населения в 387 000 жителей (Кеппен, 1857: 21) являлась одной из самых малонаселенных европейских территорий Российской империи, уступая лишь северным губерниям – Архангельской (234 тыс. жителей) (Кеппен, 1857: 19) и Олонецкой (263 тыс. жителей) (Кеппен, 1857: 92).

5. Заключение

Дворянский период освоения ВКРР длился около 100 лет: с начала проведения мероприятий по генеральному межеванию земель Российской империи, начавшихся в 1760-е гг., и до Великих реформ 1860-х гг. Правительство страны было заинтересовано в быстром освоении рыбных богатств ВКРР как в дополнительном источнике продовольствия, что было важно для северной страны с климатически рискованным сельским хозяйством. Однако возможности свободной миграции в условиях крепостного права и отсутствия в стране рынка свободной рабочей силы были ограничены. Поэтому Павел I сделал ставку на крупное дворянство в надежде на то, что, получив доступ к рыбным промыслам, оно сумеет заселить пространство региона крепостными крестьянами. Но этот план оказался ошибочным. Получив во владение рыбные промыслы, дворяне обеспечивали себе значительные прибыли, но в дальнейшем развитии рыбной промышленности (строительстве новых предприятий, развитии морского лова, совершенствовании орудий лова и судостроении и т.д.), как и в заселении края, они не были заинтересованы. Засушливые условия Нижней Волги не позволяли вести прибыльное сельское хозяйство, а эксплуатация немногих старых промыслов для обеспечения рыбной монополии не требовала привлечения значительного количества рабочей силы. Таким образом, правительству не удалось с помощью дворянства добиться каких-либо прорывов в заселении и освоении ВКРР.

Некоторые положительные изменения в социально-экономическом развитии региона произошли при Александре I, который выступал против монополии дворянства на владение рыбными промыслами Волго-Каспия. В годы правления этого императора правительству удалось частично вернуть права купечества на свободный лов в Каспийском море, что способствовало возобновлению вольной миграции в регион. Но эти частичные изменения наталкивались на серьезное сопротивление владельцев волго-каспийских имений, в том числе и в Сенате. Сложившаяся в регионе феодальная система организации рыбного промысла тормозила развитие капиталистических элементов в рыбной промышленности, а также сдерживала вольную миграцию в ВКРР.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861-1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)», <https://rscf.ru/project/23-28-00547>.

Литература

Беккер, 2004 – Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 346 с.

- Белоусов, 2011** – Белоусов С.С. Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 3. С. 153-158.
- Бородин, 1903** – Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1903. 96 с.
- Бочечкаров, 1859** – Бочечкаров Н. Записки об астраханском и каспийском рыболовстве. [Б.м.], 1859. 78 с.
- Васькин, 1974** – Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1974. 47 с.
- Воронова, 2005** – Воронова А.А. Государственное регулирование рыболовства в Каспийско-Волжском регионе во второй половине XIX - начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2005. № 4. С. 129-136.
- ГААО** – Государственный архив Астраханской области.
- Гримм, 1896** – Гримм О.А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: тип. В. Демакова, 1896. 154 с.
- Зыков, 1924** – Зыков Ф.П. Астраханские морские ловцы // *Астрахань и Астраханский край*. Сб. 1. Астрахань: Коммунист, 1924. С. 119-150.
- Имашева, 2015** – Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII - начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2015. 186 с.
- История Астраханского края, 2000** – История Астраханского края. Астрахань: изд-во АГПУ, 2000. 1122 с.
- Кевдин, 1915** – Кевдин В.А. Современное рыболовство России. М.: Тип. «Земля», 1915. 153 с.
- Кеппен, 1857** – Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1857. 296 с.
- Кузнецов-Липецкий и др., 2023** – Кузнецов-Липецкий Н.В., Виноградов С.В., Кулакова Н.И. Государственная политика регулирования трудовой миграции в Волго-Каспийском рыболовном районе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. // *Журнал фронтирных исследований*. 2023. Т. 8, № 4 (32). С. 178-202. DOI: 10.46539/jfs.v8i4.508
- Кузьмина, 2011** – Кузьмина И.В. Государственное регулирование переселений в Нижнее Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 2 (27). С. 33-38.
- Кузьмина, 2016** – Кузьмина И.В. Аренда земли в структуре крестьянского хозяйства в Нижнем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2016. № 2 (47). С. 47-55.
- Лебедев, 1863** – Лебедев К.Н. О каспийском рыболовстве. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1863. 132 с.
- Любомиров, 1926** – Любомиров П.Г. Заселение Астраханского края в XVIII в. // *Наш край*. 1926. № 4. С. 54-77.
- Марков, 1983** – Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983. 112 с.
- Марков, 2000** – Марков А.С. Варвакис. Астрахань: Волга, 2000. 304 с.
- Михайлов, 1856** – Михайлов И.И. Астраханские ловцы // *Библиотека для чтения*. 1856. Отд. 1: Т. 137. С. 135-192; Т. 138. С. 113-136.
- Никольский, 1898** – Никольский А.М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: тип. Морского министерства, 1898. 178 с.
- Пальмов, 1924** – Пальмов Н.Н. К истории рыбной промышленности Астраханского края в первой половине XVIII в. // *Наш край*. 1924. № 4. С.113-136.
- Пелль, 1895** – Пелль Ф.А. Синеморские рыболовные промыслы. Астрахань: Типография Н.Л. Рослякова, 1895. 140, [4], XXXVI с., 26 л. ил.
- Петриченко, 1862** – Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля. СПб.: тип. Морского министерства, 1862. 88 с.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1.
- Раввинский, 1809** – Раввинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.: Имп. тип., 1809. 527 с.
- Рыбаковский, 2003** – Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований, 2003. 240 с.
- Рябцев, 2002** – Рябцев А.Л. Роль Ирана в восточной торговле России в XVIII в. М.: Изд-во МПГУ, 2002. 214 с.
- Торопицын, 2001** – Торопицын И.В. В.Н. Татищев и социально-экономическое развитие России первой половины XVIII в. Астрахань: изд-во АГУ, 2001. 252 с.
- Трофимов, Миндубаев, 1981** – Трофимов Ж.А., Миндубаев Ж.Б. Илья Николаевич Ульянов. М.: Молодая гвардия, 1981. 224 с.

[Хайрлапова, 2020](#) – Хайрлапова М.М. Организация добычи соли на Баскунчакском озере Астраханской губернии во второй половине XIX в. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 5. С. 168-179. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810

[Хайрлапова, Юдина, 2022](#) – Хайрлапова М.М., Юдина Т.В. Организация соляного дела в Астраханской губернии на рубеже XIX-XX вв. (на примере Басинских соляных озер) // *Вопросы истории*. 2022. № 5-2. С. 78-88. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52

[Хренов, 1893](#) – Хренов А.П. По Волге (от Нижнего до Астрахани). СПб.: тип.-лит. Э. Арнольда, 1893. 113 с.

[Шульц, 1874](#) – Шульц А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы // *Труды Астраханского губернского статистического комитета*. Вып. 3. Астрахань: Губ. тип., 1874. С.1-41.

[Юдин, 1925](#) – Юдин П. К истории астраханского рыболовства // *Наш край*. 1925. № 7. С. 58-69.

[Belousov, 2020](#) – Belousov S.S. Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century) // *Bylye gody*. 2020. 57(3): 1264-1269. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264

[Vinogradov et al., 2022](#) – Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G., Savel'eva E.V., Likholet O.V. Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th century: the Search for a Strategy (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region) // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1564-1574. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564

[Vinogradov et al., 2023](#) – Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G., Krasnozhenova E.E., Kulakova N.I. (2023). The Transformation of the State Regulation Model of Labor Migration to the Outlying Territories of Russian Empire in the 19th century (on the example of the Volga-Caspian Fishing Region) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1263-1274. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1263

References

[Bekker, 2004](#) – Bekker, S. (2004). Mif o russkom dvoryanstve. Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoi Rossii [The myth of the Russian nobility. Nobility and privileges of the last period of imperial Russia]. М.: Novoe lit. obozrenie, 346 p. [in Russian]

[Belousov, 2011](#) – Belousov, S.S. (2011). Gosudarstvennaya politika zaseleniya Astrakhansko-Kizlyarskogo i Tsaritsynsko-Stavropol'skogo traktov vo vtoroi polovine XIX v. [State policy of settlement of the Astrakhan-Kizlyar and Tsaritsyn-Stavropol tracts in the second half of the 19th century]. *Voprosy istorii*. 3: 153-158. [in Russian]

[Belousov, 2020](#) – Belousov, S.S. (2020). Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century). *Bylye gody*. 57(3): 1264-1269. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264

[Bochechkarov, 1859](#) – Bochechkarov, N. (1859). Zapiski ob astrakhanskom i kaspiskom rybolovstve [Notes on Astrakhan and Caspian fisheries]. [B.m.]. 78 p. [in Russian]

[Borodin, 1903](#) – Borodin, N.A. (1903). Kaspijsko-Volzhscoe rybolovstvo i ego jekonomicheskoe znachenie [Caspian-Volga fishing and its economic importance]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 96 p. [in Russian]

[GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan Region].

[Grimm, 1896](#) – Grimm, O.A. (1896). Kaspijsko-Volzhscoe rybolovstvo [Caspian-Volga fishery]. SPb.: tip. V. Demakova, 154 p. [in Russian]

[Imasheva, 2015](#) – Imasheva, M.M. (2015). Musul'manskoe predprinimatel'stvo Astrahanskoj gubernii v konce XVIII - nachale XX vv.: jekonomicheskie i social'nye aspekty razvitija [Muslim entrepreneurship in the Astrakhan province in the late 18th - early 20th centuries: economic and social aspects of development]. Astrakhan: IP Sorokin R.V., 186 p. [in Russian]

[Istoriya Astrakhanskogo kraja, 2000](#) – Istoriya Astrakhanskogo kraja [History of the Astrakhan region]. Astrakhan': Astrakhan State Pedagogical University Publ., 1122 p. [in Russian]

[Keppen, 1857](#) – Keppen, P.I. (1857). Devyataya reviziya. Issledovanie o chisle zhitelei v Rossii v 1851 g. [Ninth revision. Study on the number of inhabitants in Russia in 1851]. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 296 p. [in Russian]

[Kevdin, 1915](#) – Kevdin, V.A. (1915). Sovremennoe rybolovstvo Rossii [Modern fishery in Russia]. М.: tip. "Zemlya", 153 p. [in Russian]

[Khairlapova, 2020](#) – Khairlapova, M.M. (2020). Organizatsiya dobychi soli na Baskunchakskom ozere Astrakhanskoj gubernii vo vtoroi polovine XIX v. [Organization of salt mining on the Baskunchak lake of the Astrakhan province in the second half of the 19th century]. *Istoriicheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5: 168-179. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810 [in Russian]

[Khairlapova, Yudina, 2022](#) – Khairlapova, M.M., Yudina, T.V. (2022). Organizatsiya solyanogo dela v Astrakhanskoj gubernii na rubezhe XIX-XX vv. (na primere Basinskih solyanikh ozer) [Organization of salt business in Astrakhan province at the turn of the 19th-20th centuries (on the example of the Basinsk salt lakes)]. *Voprosy istorii*. 5-2: 78-88. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52 [in Russian]

[Khrenov, 1893](#) – Khrenov, A.P. (1893). Po Volge (ot Nizhnego do Astrakhani) [On the Volga (from Nizhny to Astrakhan)]. SPb.: tip.-lit. E. Arngol'da, 113 p. [in Russian]

- Kuz'mina, 2011** – *Kuz'mina, I.V.* (2011). Gosudarstvennoe regulirovanie pereselenii v Nizhnee Povolzh'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [State regulation of resettlement in the Lower Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2(27): 33-38. [in Russian]
- Kuz'mina, 2016** – *Kuz'mina, I.V.* (2016). Arenda zemli v strukture krest'yanskogo khozyaistva v Nizhnem Povolzh'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Lease of land in the structure of the peasant economy in the Lower Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2(47): 47-55. [in Russian]
- Kuznetsov-Lipetskii et al., 2023** – *Kuznetsov-Lipetskii, N.V., Vinogradov, S.V., Kulakova, N.I.* (2023). Gosudarstvennaya politika regulirovaniya trudovoi migratsii v Volgo-Kaspiiskom rybolovnom raione vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX v. [State Policy of Labor Migration Regulation in the Volga-Caspian Fishing Region in the Second Half of the 18th to the First Half of the 19th Century]. *Journal of Frontier Studies*. 4 (32): 178-202. DOI: 10.46539/jfs.v8i4.508. [in Russian]
- Lebedev, 1863** – *Lebedev, K.N.* (1863). O kaspiiskom rybolovstve [About the Caspian fishery]. SPb.: Tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 132 p. [in Russian]
- Lyubomirov, 1926** – *Lyubomirov, P.G.* (1926). Zaselenie Astrakhanskogo kraja v XVIII v. [Settlement of the Astrakhan region in the XVIII century]. *Nash kraj*. 4: 54-77. [in Russian]
- Markov, 1983** – *Markov, A.S.* (1983). Ul'yanovy v Astrakhani [Ulyanovs in Astrakhan]. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 112 p. [in Russian]
- Markov, 2000** – *Markov, A.S.* (2000). Varvakis [Varvakis]. Astrakhan': Volga, 304 p. [in Russian]
- Mikhailov, 1856** – *Mikhailov, I.I.* (1856). Astrakhanskie lovtsy [Astrakhan catchers]. Biblioteka dlya chteniya. 137: 135-192; 138: 113-136. [in Russian]
- Nikol'skii, 1898** – *Nikol'skii, A.M.* (1898). Astrakhanskie morskije lovtsy. Statistiko-ekonomicheskoe opisanie [Astrakhan sea fishers. Statistical and economic description]. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 178 p. [in Russian]
- Palmov, 1924** – *Palmov, N.N.* (1924). K istorii rybnoj promyshlennosti Astrakhanskogo kraja v pervoi polovine XVIII v. [On the history of the fishing industry of the Astrakhan region in the first half of the 18th century]. *Nash kraj*. 4: 113-136. [in Russian]
- Pell', 1895** – *Pell', F.A.* (1895). Sinemorskie rybolovnye promysly [Sinemorsky fisheries]. Astrakhan': Tipografiya N.L. Roslyakova, 140, [4], XXXVI p. [in Russian]
- Petrichenko, 1862** – *Petrichenko, K.* (1862). Kaspii, ego promyshlennost' i trgovlya [Caspian Sea, its industry and trade]. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 88 p. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Ravvinskii, 1809** – *Ravvinskii, I.V.* (1809). Khozyaistvennoe opisanie Astrakhanskoi i Kavkazskoi gubernii [Economic description of the Astrakhan and Caucasus provinces]. SPb.: Imp. tip., 527 p. [in Russian]
- Rybakovskii, 2003** – *Rybakovskii, L.L.* (2003). Migraciya naseleniya (voprosy teorii) [Population migration (questions of theory)]. M.: Nekommercheskii fond – Institut socialno-jekonomicheskikh i politicheskikh issledovanii, 240 p. [in Russian]
- Ryabtsev, 2002** – *Ryabtsev, A.L.* (2002). Rol' Irana v vostochnoj trgovle Rossii v XVIII v. [The role of Iran in the eastern trade of Russia in the XVIII century]. M.: Izd-vo MPGU, 214 p. [in Russian]
- Shul'ts, 1874** – *Shul'ts, A.* (1874). Vzglyad na Kaspiiskie rybnye i tyulen'i promysly [A look at the Caspian fish and seal fisheries]. Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Astrakhan': Gub. tip., pp. 1-41. [in Russian]
- Toropitsyn, 2001** – *Toropitsyn, I.V.* (2001). V.N. Tatishchev i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii pervoi poloviny XVIII v. [V.N. Tatishchev and the socio-economic development of Russia in the first half of the 18th century]. Astrakhan': Astrakhan State University Publ., 252 p. [in Russian]
- Trofimov, Mindubaev, 1981** – *Trofimov, Zh.A., Mindubaev, Zh.B.* (1981). Il'ya Nikolaevich Ul'yanov [Ilya Nikolaevich Ulyanov]. M.: Molodaya gvardiya, 224 p. [in Russian]
- Vaskin, 1974** – *Vaskin, N.M.* (1974). Zaselenie Astrakhanskogo kraja [Settlement of the Astrakhan region]. Volgograd: Nizhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 47 p. [in Russian]
- Vinogradov et al., 2022** – *Vinogradov, S.V., Eshchenko, Yu.G., Savel'eva, E.V., Likholet, O.V.* (2022). Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th century: the Search for a Strategy (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region). *Bylye Gody*. 17(4): 1564-1574. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564
- Vinogradov et al., 2023** – *Vinogradov, S.V., Eshchenko, Yu.G., Krasnozhenova, E.E., Kulakova, N.I.* (2023). The Transformation of the State Regulation Model of Labor Migration to the Outlying Territories of Russian Empire in the 19th century (on the example of the Volga-Caspian Fishing Region). *Bylye Gody*. 18(3): 1263-1274. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1263
- Voronova, 2005** – *Voronova, A.A.* (2005). Gosudarstvennoe regulirovanie rybolovstva v Kaspiisko-Volzhskom regione vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [State regulation of fishing in the Caspian-Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *RUDN Journal of Russian History*. 4: 129-136. [in Russian]

Yudin, 1925 – Yudin, P. (1925). K istorii astrakhanskogo rybolovstva [On the history of the Astrakhan fishery]. *Nash kraj*. 7: 58-69. [in Russian]

Zykov, 1924 – Zykov, F.P. (1924). Astrakhanskije morskije lovtsy [Astrakhan sea lovests]. *Astrakhan' i Astrakhanskii kraj*. Astrakhan': Kommunist, pp. 119-150. [in Russian]

Роль дворянства в освоении Волго-Каспийского рыболовного района (60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.)

Сергей Вадимович Виноградов^{а, *}, Юлия Геннадьевна Ещенко^а, Елена Викторовна Савельева^а,
Олег Владимирович Лихолет^а

^а Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Российская Федерация

Аннотация. В работе анализируется дворянский период освоения Волго-Каспийского рыболовного района, который длился около 100 лет: со времени проведения мероприятий по генеральному межеванию земель в Российской империи, начавшихся в 1760-е гг., и до Великих реформ 1860-х гг. До середины XVIII в. правительство стремилось к быстрому освоению Волго-Каспийских территорий силами экономически активного населения. Оно было заинтересовано в скорейшем освоении рыбных богатств региона как дополнительного источника продовольствия, что было важно для северной страны с климатически рискованным сельским хозяйством. Однако возможности свободной миграции в условиях крепостного права и отсутствия в стране рынка свободной рабочей силы были ограничены. Поэтому постепенно акцент в правительственной политике освоения этой территории смещался в сторону дворянства. Дворянская миграция для Российской империи XVIII-XIX вв. являлась эффективным инструментом заселения новых территорий. Правительство продавало землю по льготным ценам дворянам, которые завозили в свои новые поместья крепостных крестьян из центральных районов страны. Однако в Волго-Каспийском рыболовном районе эта схема не сработала. Засушливый климат не располагал к ведению прибыльного земледелия, поэтому дворянство стремилось к скупке рыболовных вод, а для этого большое население было не нужно. К концу XVIII в. дворяне при поддержке императора Павла I смогли вытеснить из рыбного промысла купечество и другие свободные сословия. В статье делается вывод о том, что сформировавшаяся к началу XIX в. дворянская монополия на владение рыболовством пагубно сказалась на освоении и заселении региона. К середине XIX в. Астраханская губерния являлась одной из самых незаселенных российских территорий, а добыча рыбы при расширении спроса со стороны увеличивавшегося населения Российской империи не росла.

Ключевые слова: Каспийское море, Волго-Каспийский рыболовный район, Астрахань, Астраханская губерния, рыбный промысел, дворянство, купечество, крестьянство, ловцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dissovetdm@yandex.ru (С.В. Виноградов),
pushistik_yuliya@mail.ru (Ю.Г. Ещенко), elenasava03@gmail.com (Е.В. Савельева),
oleg.liholet@mail.ru (О.В. Лихолет)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1084-1094
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1084

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russia's First Program for the Study of Ancient Archaeology

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the history of archaeological science in Russia. Turning to the history of archaeology, which is a complex, synthetic science, allows us to expand our understanding of the level of development of this discipline at the dawn of its formation, to realize the contribution to its pioneers of archaeological knowledge in Russia. This is the relevance of this work. The material for the study was the works of one of the first Russian archaeologists Ivan Alekseevich Stempkovsky (1788–1832), whose contribution to science has long remained invaluable. Although the scientist's works were published, they did not become the subject of special study. The analysis of his works from the point of view of the scientist's contribution to the development of Russian archaeology determines the novelty of this article. I.A. Stempkovsky came from Polish gentry, served in military service as an aide-de-camp to the founder of Odessa Duke Richelieu, and after retirement – the mayor of Kerch. Contemporaries highly appreciate the business and personal qualities of I.A. Stempkovsky, note his nobility, loyalty to duty, exceptional diligence and modesty. These qualities were reflected in his writings, among which the most valuable is "Thoughts on the exploration of antiquities in the Novorossiysk Territory", published in the journal "Otechestvennye Zapiski" in 1827. It is programmatic in nature. In this work, I.A. Stempkovsky points out the need to clearly register each find, to stop collecting random things. The scientist points out the need to create a scientific society that will take care of the protection of antiquities in the Northern Black Sea region, conduct systematic excavations, publish and interpret the materials found, take down plans of Greek cities while their buildings are still visible. A century and a half before European thinkers, the idea of a scientific community capable of critically evaluating, preserving and transmitting archaeological knowledge was expressed. The idea of an archaeological passport, which has become mandatory nowadays, is fundamentally new for that time. I.A. Stempkovsky appears in his works not only as an erudite and talented researcher, but as a worthy citizen, a true patriot of Russia, rebelling against the export of archaeological sites abroad, which leads to their loss to science. The personality and work of one of the pioneers of Russian science is an inspiring example for our contemporaries.

Keywords: history of Russia of the XIX century, history of archeology, antiquity, Northern Black Sea region, I.A. Stempkovsky.

1. Введение

Изучение истории науки помогает современным ученым видеть истоки современных концепций, трезво оценивать уровень собственных знаний, учиться у великих предшественников. Это в полной мере относится и к археологии. Археология развивалась от кладоискательства и «народной археологии» (термин Л.С. Клейна) до современной мультидисциплинарной науки, использующей не только методы, но и теории других наук: кибернетики, антропологии, семиотики, технетики, искусствознания (Щапова и др., 2019). Археология – синтетическая наука с ведущей гуманитарной составляющей, превратившаяся из науки об артефактах в науку о человеке и

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

человечестве (Щапова, 2011: 11). Не случайно выдающийся российско-американский археолог А.М. Лесков (1933–1917) называл в своих лекциях археологию не просто гуманитарной, а гуманистической специальностью.

Обращение к истокам российской археологии, трудам ее пионеров, позволяет яснее представить уровень развития отечественной археологической науки, проследить пути ее формирования, оценить уровень развития российской археологии почти двухсотлетней давности. Оно позволяет осознать, что многие современные достижения закладывались еще на заре формирования российской археологической мысли. Предметом нашего рассмотрения стала работа одного из первых российских археологов Ивана Алексеевича Стемповского (1788–1832), личность и труды которого, как будет показано далее, долгое время оставались незаслуженно забытыми. Его работа «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» содержит развернутую программу исследования античной и археологии юга России, затрагивая и археологию соседних с греками народов. В раскрытии глубины, новизны и поразительно современного звучания многих положений программы видится актуальность данной работы. И.А. Стемповский был не только дальновидным и талантливым археологом, но и достойным гражданином и настоящим патриотом, и его яркий, взволнованный слог является тому дополнительной иллюстрацией. Поэтому в нашей статье звучат цитаты из его трудов и из работ авторов, писавших о нем.

2. Материалы и методы

Материалами для данной статьи являются опубликованные на русском языке работы И.А. Стемповского. Он является автором более 40 публикаций, большинство из которых вышло на французском языке и до сих пор не переведено. Тем большую ценность представляют «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», опубликованные в журнале «Отечественные записки» в 1827 году. Это перевод записки, поданной на французском языке графу М.С. Воронцову в 1823 году. С этой же запиской А.И. Стемповский обратился в Московское общество истории и древностей российских, желая привлечь внимание московских археологов к проблемам изучения памятников Новороссии (Ашик, 1863:911). Статья И.А. Стемповского была переиздана с сокращениями в сборнике «Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков» (Музееведческая мысль..., 2010).

Кроме этого программного документа, для целей нашей работы важны другие труды ученого: «Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского, между Тирасом и Борисфеном», вышедшие в том же журнале годом раньше, и «Два письма к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса», опубликованные в альманахе «ПроPILEИ» уже после смерти исследователя (Стемповский, 1826; Стемповский, 1827; Стемповский, 1854).

Мы применили такой метод исторической науки, как сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений). Он позволил нам выявить развитие идей И.А. Стемповского в российской науке. Следующий, дескриптивный метод применен для описания краткой биографии ученого, его вклада в археологическую науку того времени. Принцип историзма важен для определения места работы И.А. Стемповского в контексте развития археологического знания XIX века. Принцип объективности является важнейшим в данном исследовании как в любой работе по историографии археологии (Формозов, 2004:65). Он позволяет оценить уровень развития российской археологической науки эпохи ее становления.

3. Обсуждение

Деятельность И.А. Стемповского, обаяние его личности находили живой отклик у современников. О нем очень тепло отозвался один из пионеров российской археологии Поль Дюбрюкс (Древности..., 1854: 24). В некрологе И.А. Стемповского, написанном известным российским археологом Б.А. Ашиком и опубликованном в 1863 году, говорится: «трудно найти человека, у которого ум так подчинялся бы движениям доброго сердца, как у Стемповского» (Ашик, 1863:907). Кратко упоминая труды И.А. Стемповского, А.Б. Ашик обращает внимание на то, что «он старался доказать, что отдельные труды ученых не могут принести столько пользы, сколько труды многих, и желал, чтобы в Новороссийском крае образовалось общество, которое под покровительством правительства старалось изыскивать, описывать и объяснять все находимые предметы древности» (Ашик, 1863: 911). Другие стороны научного наследия И.А. Стемповского Б.А. Ашик не рассматривает, акцентируя свое внимание на биографии ученого.

О биографии ученого повествует «Русский биографический словарь», но в его статье основное внимание уделено служебной деятельности археолога, приводится список его основных археологических трудов и дается краткая характеристика практической деятельности по открытию кургана Куль-Оба (Русский..., 1896–1913).

В советское время личность и деятельность И.А. Стемповского не изучалась. В работе А.А. Формозова дается краткий пересказ «Мыслей относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» и делается труднообъяснимый, с нашей точки зрения, вывод: «Стемповскому импонирует в археологии в первую очередь эстетическая сторона» (Формозов, 1986: 41). Для него

характерно отношение «к античности как к недостижимому идеалу и лучшей эпохе в истории человечества» (Формозов, 1986: 41).

Специальное исследование биографии ученого, основанное на архивных материалах, выполнено И.В. Тункиной (Тункина, 2000; Тункина, 2002). В нем И.В. Тункина раскрывает различные стороны биографии ученого, приводит выдержку из «Мыслей относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», называя документ «своего рода археологическим кредо неформальных объединений любителей древностей на юге России» (Тункина, 2002: 133). Именно И.В. Тункиной высказано положение о том, что записку И.А. Стемпковского «полным основанием можно расценить как первую научно-исследовательскую программу русской науки о классических древностях юга России, где впервые были названы стратегические цели и тактические задачи развития науки» (Тункина, 2002: 134).

Опираясь на работу И.В. Тункиной, специальный раздел в своей монографии истории российской археологии посвятил Л.С. Клейн (Клейн, 2014). Исследователь приводит пересказ основных пунктов программы И.А. Стемпковского и вслед за И.В. Тункиной не согласен с оценкой взглядов ученого, данных А.А. Формозовым. Л.С. Клейн считает: «у Стемпковского проглядывает здесь если не понимание роли археологических материалов как источников истории в точном смысле, то во всяком случае источников по древней культуре» (Клейн, 2014: 204). Таким образом, несмотря на возросший интерес к личности И.А. Стемпковского, специально его программа в науке не рассматривалась.

4. Результаты

И.А. Стемпковский: краткая биографическая справка

Наиболее полное изложение биографии И.А. Стемпковского содержат работы И.В. Тункиной, к ним мы отсылаем заинтересованного читателя (Тункина, 2000; Тункина, 2002). Излагая биографию исследователя, мы акцентируем внимание на особенностях его жизненного пути, приведших к созданию программы изучения античных древностей юга России.

Родился Иван Алексеевич Стемпковский в 1788 году в Саратовской губернии, принадлежал к роду польских шляхтичей. Поступив в 16 лет на военную службу, он был назначен герцогом Ришелье адъютантом и личным секретарем. Выполнял свои обязанности с 1808 до 1818 гг. «Светская образованность была в нем отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что он был избран членом Французского института» (Вигель, 1893: 210). Как пишет А.Б. Ашик, И.А. Стемпковский с 14 лет увлекся античной историей, начал собирать древние монеты. Молодой офицер отличился в Кавказской войне, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, активно продвигался по служебной лестнице. В 1814 герцог Ришелье в сопровождении И.А. Стемпковского выехал из Одессы в Вену, а затем — в Париж. «Живя в Париже в 1815–1819 гг., Иван Алексеевич трудолюбиво пополнял свое образование. Все свободное время он посвящал изучению античных и средневековых авторов, из которых сделал 6 толстых томов выписок в формате in quarto» (Тункина, 2002: 121). И.А. Стемпковский написал ряд глав в книге маркиза де Кастильно по истории древней и современной Новороссии, что говорит о признании высокого научного уровня работ молодого офицера. Во Францию И.А. Стемпковский привез для консультации с нумизматами свое собрание монет, опубликовал ряд трудов по античной эпиграфике, был избран иностранным членом французской Академии надписей, способствовал публикации находок российских археологов. «Парижские публикации одесских антиквариев познакомили западноевропейских ученых с великолепием археологических памятников юга России» (Тункина, 2002: 123).

Из-за чахотки И.А. Стемпковскому пришлось уволиться с военной службы и на гражданской службе он проявил свои недюжинные организаторские способности, в частности, организовав установку в Одессе памятника герцогу Ришелье работы скульптора И.П. Мартоса. Анализ архивных материалов позволил И.В. Тункиной предположить факт знакомства И.А. Стемпковского с А.С. Пушкиным во время пребывания поэта на юге России, однако точных сведений об этом нет (Тункина, 2002: 126).

И.А. Стемпковский опубликовал более 40 научных трудов, при этом прекрасное знание античных авторов и наблюдательность позволили И.А. Стемпковскому верно локализовать античные города Мирмекий, Нимфей, Танаис, правильно определить направление улиц Пантикапея. Он принимал участие в раскопках Ольвии и опубликовал труд по ольвийской эпиграфике, а также историко-археологические комментарии сообщениям Страбона о Босопре Киммерийском.

«В феврале 1828 г. новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, оценивший деловые и личные качества Стемпковского, предложил ему должность градоначальника в Керчи. Современник назвал выбор Воронцова «действительно счастливым»» (Тункина, 2002: 127). Служебные обязанности забирали у И.А. Стемпковского практически все время, обострялась давно мучившая болезнь легких. Ученый умер в возрасте 43 лет, в расцвете научных сил и на пике замыслов, и по его завещанию был похоронен благодарными жителями на вершине горы Митридат, где на месте погребения была воздвигнута часовня. Она была снесена в ходе строительных работ в 1940-е гг., и могила археолога была

обнаружена в ходе раскопок 2020 года (*Кто такой...; И.А. Стемповский...*). Сейчас планируется восстановление памятника выдающемуся российскому археологу (*Ходаковский, 2022*).

Программа археологических исследований И.А. Стемповского

И.А. Стемповский начинает свою статью с констатации заселенности берегов Черного моря, наличия на них колоний древних греков (*Стемповский, 1827: 3*). Эта констатация – не просто дань общему увлечению античностью, но и результат кропотливых самостоятельных исследований. Так, И.А. Стемповский разделяет предположение своего коллеги Баламберга о нахождении на месте современной Одессы «Гавани истриян» и повествует о собственной реставрации случайно обнаруженной чернолаковой «Этрусской вазы». Анализируя изображения на ней, И.А. Стемповский высказывает предположение о том, что колония на месте Одессы была основана греками из Милета (*Стемповский, 1826: 8-9*). И.А. Стемповский создает историко-археологические комментарии Страбону, устанавливает расположение древней Тиры, Никония и Орфиусы (*Стемповский, 1826: 24-25*), проводит аналогичное исследование сообщений Арриана и безымянного автора «Перипла Понта Эвксинского», приводит документы о средневековой истории места, где была заложена Одесса (*Стемповский, 1826: 66*).

В опубликованных после смерти исследователя его письмах говорится о верной локализации античного Танаиса, основанной на знании античной письменной традиции и сравнении цитадели городища у Недвиговки с акрополем античной Ольвии, а также на сообщениях местных жителей о находках на территории поселения античных золотых монет (*Стемповский, 1854: 389-390*). Осмотр Недвиговского поселения и памятников вокруг него, на которых были найдены остатки сооружений и осколки греческих сосудов, еще более утвердили исследователя во мнении о том, что перед ним древний Танаис (*Стемповский, 1854: 394-395*).

И поэтому такой болью проникнуты слова исследователя о том, что по мере заселения Новороссии следы древних городов, о которых пишут античные авторы, стираются (*Стемповский, 1827: 3*). Для археологов, наших современников, исключительно ценны упоминания керченского градоначальника о состоянии Херсонеса, у которого еще видны хорошо сохранившиеся стены, башни и ворота (*Стемповский, 1827: 4*). Строительство современного Севастополя, для которого брали камень из руин древней греческой колонии, послужило причиной того, что от древнего города практически ничего не осталось на дневной поверхности.

И.А. Стемповский видел гуманистический посыл археологии еще на заре ее зарождения. Он пишет: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий, как стараться спасти от совершенного забвения существующая еще в отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности» (*Стемповский, 1827: 5*). Исследователь считает, что предмет археологии – поиск сведений о религии, государственном управлении, науке, искусстве минувших эпох (*Стемповский, 1827: 5*). Таким образом, под археологией ученый понимал не просто науку о древностях, но видел в ней то, что в начале XXI века современные нам археологи назовут «наукой о Человеке» (*Щапова, 2011: 11*). К пониманию необходимости изучения религии народов древности, семантики их искусства, реконструкции их научных и идеологических представлений российские археологи придут в конце XX – начале XXI вв. (*Раевский, 2006; Лушникова, 2004*).

И.А. Стемповский демонстрирует в своей статье не только знание эмпирического материала, но и труды предшественников, не раскапывавших, а описывавших памятники Северного Причерноморья, – П.С. Палласа и Л.С. Вакселя, высоко оценивая их вклад в сбор информации о памятниках Тавриды.

И.А. Стемповский выступает как патриот России, понимающий ценность находимых в Новороссии памятников и с болью указывающий на то, что из России, в частности, с территории Крыма, вывозятся древности, которые оседают в частных коллекциях, что ведет к потере их для науки (*Стемповский, 1827: 7*). Составление частных собраний и «музеумов», распространенное в XVII-XIX веках, с одной стороны, позволяло сохранять найденные вещи, но, с другой, способствовало появлению целых артелей «бурговщиков» или, как их называли в Крыму, «счастливищиков», грабивших древние погребения для продажи эффектных вещей (*Тункина, 2002; Формозов, 1986*). При этом И.А. Стемповский понимает значение анализа археологического комплекса, в котором произведена находка, осознает необходимость тщательной фиксации мест ее обнаружения. Он указывает, что если вывезенные из России и оказавшиеся в частных собраниях памятники и попадут в поле зрения археологов, то информация о месте и условиях их обнаружения будет отсутствовать (*Стемповский, 1827: 7*).

И.А. Стемповский выступает не только как талантливый исследователь, он осознает необходимость организации науки, выражаясь современным языком. Исследователь пишет о необходимости системного научного изучения причерноморских памятников, мечтает о том, чтобы в Новороссии сформировалось общество археологов-профессионалов, которые будут заниматься раскопками и, что особенно важно, толкованием найденных артефактов (*Стемповский, 1827: 7-8*). Такое общество возникнет в Одессе уже после смерти керченского градоначальника и проведет

значительную исследовательскую работу. В периодическом издании общества, «записках Одесского Общества истории древностей» (ЗООИД), будут публиковаться не только новороссийские, но и столичные археологи: М.И. Ростовцев, В.В. Латышев, В.П. Кондаков, и многие из опубликованных Обществом материалов не утратят своего значения и в наши дни (Юргевич, 1888; Юргевич, 1889).

Причем И.А. Стемповский видит ценность создания такого Общества не только в координации, финансировании проведения полевых работ и публикации находок, но и в сохранении и приумножении научного наследия российских археологов. Думаю, не будет преувеличением сказать, что он понимает более чем за полторы сотни лет до Т. Куна (Кун, 1975) необходимость формирования научного сообщества, в том числе и археологического. Так, И.А. Стемповский отмечает важность научного общения между археологами, проявляет тонкое понимание психологии научного труда, в ходе занятия которым возможны вольные и невольные ошибки и заблуждения. В ходе научных дискуссий в рамках археологического сообщества эти заблуждения рассеиваются, а нездоровое соперничество приобретает вид «благородного соревнования». Научное сообщество способно сохранить идеи и мысли ученого даже после его смерти (Стемповский, 1827: 11).

И.А. Стемповский настаивает на государственной поддержке такого Общества, с благодарностью высказывается о создании археологических музеев в Николаеве, Феодосии, Одессе и Керчи (Стемповский, 1827: 11). Историю создания этих музеев подробно рассматривает И.В. Тункина (Тункина, 2002).

Перед Обществом И.А. Стемповский ставит следующие задачи:

1. Сбор письменных источников по истории Тавриды.
2. Составить полное собрание палеографических и нумизматических памятников, которые уже опубликованы, «распределить оные по порядку городов и народов, коим они некогда принадлежали» (Стемповский, 1827: 13), дополнив их научными описаниями и толкованиями.
3. Описывать «в таком же порядке» все памятники, которые будут обнаружены. Здесь мы видим понимание И.А. Стемповским необходимости первичной классификации археологических объектов, важность которой для археологических построений будет осознана более чем через сто лет спустя (Городцов, 1927).
4. Сбирать новые памятники, хранить их в музеях, которые были уже созданы в Новороссии, и проводить новые раскопки (Стемповский, 1827: 14), охранять сохранившиеся сооружения. Особое внимание И.А. Стемповский уделяет поиску надписей и «медалей», как в археологической литературе того времени называли монеты, справедливо видя в них важное дополнение письменным источникам по античной истории Северного Причерноморья.
5. Создавать планы остатков античных городов и отдельных зданий (Стемповский, 1827: 14).
6. Нанести на специальную карту остатки древних зданий и реконструировать расположение греческих городов-колоний (Стемповский, 1827: 15).

Далее И.А. Стемповский описывает различные памятники Северного Причерноморья, «в коих надлежало бы предпринять изследования» (Стемповский, 1827: 15). В этой части своего труда ученый указывает на необходимость локализации Тиры, Овидиополя, Никония, сообщает о находке в Одессе расписного сосуда и глиняных амфор. И.А. Стемповский демонстрирует как прекрасное знание античных авторов, так и знакомство с местными археологическими памятниками. Он указывает на необходимость исследования святилища Ахилла на о. Березань и сообщает о «мраморах с надписями», «несколько обломков которого было вывезено оттуда» (Стемповский, 1827: 18), и о храме Деметры на Ипполаевом мысу. Ученый пишет о необходимости раскопок на территории Ольвии и курганов вокруг нее. Рассказывает И.А. Стемповский о раскопках кургана на месте святилища Ахиллов бег, с горечью сообщая: «большая часть этих сокровищ разошлась по рукам частных лиц» (Стемповский, 1827: 19).

И.А. Стемповский обращает внимание читателей на необходимость изучения городов, на которых жизнь не возобновлялась с периода античности, поскольку в городах Тира, Херсонес, Феодосия и других жизнь продолжалась и в позднейшее время, что приводило к уничтожению античных памятников или их вторичному использованию (Стемповский, 1827: 21). Ученый указывает на необходимость раскопок на территории Херсонеса и снятия планов сохранившихся домов и башен. С удивительной прозорливостью И.А. Стемповский указывает на наличие так называемой «хоры» Херсонеса (термин современной археологии) – сельских поселений, принадлежавших городу» (Стемповский, 1827: 22).

Значительное место уделяет И.А. Стемповский обоснованию необходимости раскопок Боспорского царства. Прекрасно осведомленный о письменной истории этого древнего государства, собрав, как уже говорилось, ценную коллекцию монет, исследователь понимает ценность археологических свидетельств, позволивших по монетам и надписям восстановить имена двадцати боспорских царей и их очередность правления. Ученый указывает на необходимость планомерных, систематических раскопок, которые должны производиться профессиональными археологами (Стемповский, 1827: 27).

Особое внимание уделяет И.А. Стемпковский раскопкам на территории Керчи – древнего Пантикапея, требуя снять планы остатков сохранившейся цитадели и указывая на необходимость археологического наблюдения за разбором стен крепости, сохранивших древние надписи (Стемпковский, 1827: 29). При этом он указывает на необходимость снятия планов древнего Мирмекия и Золотого кургана. Прекрасно зная местность, И.А. Стемпковский описывает три линии боспорских укреплений, проводя исторические реконструкции и связывая их с каждым этапом развития Боспорского царства и захватнической политикой его правителей. То есть в данном случае мы имеем настоящее историческое исследование, завершающееся указанием на необходимость «определить с достоверностью направление сих линий и сделать местные изыскания по всему протяжению оных» (Стемпковский, 1827: 33). Кроме античных городов, исследователь указывает на необходимость изучать курганы Северного Причерноморья и размещенные на их вершинах изваяния (Стемпковский, 1827: 34).

И в заключение статьи звучат следующие слова ученого-гуманиста и горячего патриота: «мне остается желать, чтобы мысли мои, единственно к пользе науки и славе отчизны моей устремленные, были одобрены просвещенными моими соотечественниками» (Стемпковский, 1827: 35).

Прозорливость ученого: воплощение в жизнь программы И.А. Стемпковского

Следует отметить, что программа И.А. Стемпковского, созданная почти двести лет назад, до сих пор полностью не реализована. Но российские археологи делали и делают многое для ее воплощения в жизнь.

Так, еще в конце XIX – начале XX вв. издал свой фундаментальный труд античных надписей В.В. Латышев (Латышев, 1893-1906). Это издание было повторено в журнале «Вестник древней истории» уже в советское время и неоднократно переиздавалось с сокращениями. Советскими исследователями начали публиковаться корпуса боспорских надписей (Корпус..., 1965; Корпус..., 2004).

Многочисленны исследования античных монет Северного Причерноморья – от первых работ С.П. Кеппена, опубликованных в XIX веке (Кеппен, 1828; Кеппен, 1837), до трудов современных российских археологов (Зограф, 1857; Сапрыкин, 2005; Фролова, 2006).

В продолжение идей И.А. Стемпковского об исследовании древнего Боспора вышли обобщающие работы российских археологов по истории Боспорского царства, начиная с работ М.И. Ростовцева до наших дней (Ростовцев, 1906; Ростовцев, 1918; Жебелев, 1853; Гайдукевич, 1949), а с 2015 года выходит периодический сборник «Боспорские исследования» и материалы конференций «Боспорский феномен» (Боспорский феномен, 2023), с 2014 года – международный ежегодник «Древности Боспора» (Древности..., 2004–2022).

И.А. Стемпковский говорил о раскопках отдельных городов, в частности, Херсонеса и Ольвии, и о публикации их материалов по археологическим категориям – отдельно монеты, надписи, вещи и т.п.

Начиная с фундаментальных работ Б.В. Фармаковского (Фармаковский, 1915), опубликованы обобщающие труды по раскопкам древней Ольвии (Ольвия, 1956). Провидческими оказались замечания И.А. Стемпковского о земледельческой окраине Херсонеса, раскопанной российскими археологами (Блаватский, 1953). Обобщением достижений российского антиковедения стал том «Античные государства Северного Причерноморья» (Античные государства..., 1984).

Мысли И.А. Стемпковского о создании специальных карт античных городов Северного Причерноморья, его историко-географические исследования положили начало современной исторической географии региона (Зубарев, 2005). Отдельной темой являются раскопки скифских и сарматских курганов Причерноморья, о которых писал И.А. Стемпковский. Открытия в этих курганах осуществлялись как в XIX (Древности..., 1866–1872), так и в XX веках (Алексеев и др., 1991; Граков, 1971; Гуляев 2005; Манцевич, 1987; Сокровища..., 1966). Можно сказать, что практически все стороны программы И.А. Стемпковского находят свою реализацию, и этот процесс еще не завершен.

5. Заключение

Таким образом, составленная И.А. Стемпковским на имя М.В. Воронцова записка, опубликованная на русском языке в журнале «Отечественные записки» в 1827 году, представляет собой уникальный исторический документ. Она демонстрирует понимание одним из первых российских археологов необходимости тщательно регистрировать каждую находку, покончить с собирательством случайных вещей. Так закладывалась идея археологического паспорта, которая кажется тривиальной современному исследователю-археологу, но которая была новой и передовой в начале XIX века. Рождалась идея о необходимости создания научного общества, члены которого будут посвящать свои занятия изучению памятников Северного Причерноморья, охране памятников старины, проведению раскопок, публикации и объяснению археологических материалов. Наряду с понятием об археологическом обществе И.А. Стемпковского формировалось понятие о научном сообществе археологов, которое способно обеспечить научную критику, развитие, сохранность и преемственность археологического знания.

Впервые была поставлена задача снятия планов и разрезов греческих городов и поселений, сбора и систематизации археологических находок, их планомерного изучения и научной публикации.

Кроме античных памятников, поставлена задача раскопок курганов Приазовья, многие из которых И.А. Стемповский справедливо считал современниками античных городов. Воплощением в жизнь программы И.А. Стемповского занимаются российские археологи почти двести лет, сделано очень много, но до конца она до сих пор не реализована.

Перед нами предстает образ не только внимательного исследователя, но и человека с активной жизненной позицией, настоящего патриота, восстающего против разграбления археологических памятников, вывоза находок за рубеж, где они оседают в частных коллекциях и оказываются навсегда потерянными для науки. В наши дни засилья так называемой «черной археологии», расхищения древностей и перепродажи их, в условиях практического бессилия со стороны государств бороться с современными грабителями древностей эти слова звучат особенно актуально. Пример И.А. Стемповского, человека, отдававшего все силы изучению археологических памятников Северного Причерноморья, считавшего свою работу актом гражданского служения, является вдохновляющим для наших современников. Остается надеяться, что память исследователя будет по достоинству увековечена, часовня на горе Митридат восстановлена, а имя талантливого исследователя и выдающегося гражданина России войдет в анналы отечественной науки.

Литература

- Алексеев и др., 1991** – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев: Наукова думка, 1991. 410 с.
- Античные государства..., 1984** – Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков; авт. Е.М. Алексеева, А.К. Амброз, Т.М. Арсеньева и др. М.: Наука, 1984. 392 с.
- Ашик, 1863** – Ашик А.Б. И. А. Стемповский: [Некролог] // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: Типография А. Шульце. 1863. Т. 5. С. 907-915
- Блаватский, 1953** – Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Издательство Акад. наук СССР, 1953. 208 с.
- Босопрский феномен..., 2023** – Боспорский феномен: quarta pars saeculi = Bosporanum phaenomenon: quarta pars saeculi: итоги, проблемы, дискуссии / *Материалы Международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 2023. 463 с.
- Вигель, 1864** – Вигель Ф.Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля : Ч. 1-7. М.: Университетская типография. (Катков и К°), 1864-1865. 7 т.
- Гайдукевич, 1949** – Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Ленинград: издательство и 1-я типография Издательства Академии наук СССР, 1949 (Ленинград). 624 с.
- Городцов, 1927** – Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань: [б. и.], 1927.9 с.
- Граков, 1971** – Граков Б. Н. Скифы. М.: Издательство Московского университета, 1971. 170 с.
- Гуляев, 2005** – Гуляев В. И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2005. 398 с.
- Древности..., 1854** – Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Академии наук, 1854.Т.1. 279 с.
- Древности..., 2004–2022** – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: Институт археологии, 2004-2022.
- Древности..., 1866–1872** – Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / Издание Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург: В типографии Императорской академии наук, 1866–1872.
- Жебелев, 1853** – Жебелев С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. 388 с.
- Зограф, 1957** – Зограф А. Н. Монеты Тире. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 130 с.
- Зубарев, 2005** – Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 502 с.
- И.А. Стемповский...** – И.А. Стемповский: градоначальник, археолог, просветитель. Новости и события Российского исторического общества. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/i-a-stempkovskij-gradonachalnik-arkheolog-prosvetitel.html> (дата обращения: 03.05. 2024).
- Кеппен, 1837** – Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1837. 412 с.
- Кеппен, 1828** – Кеппен П.И. Древности северного берега Понта. М.: Общество истории и древностей российских, 1828. 175 с.
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Корпус..., 2004** – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) = : Corpus inscriptionum regni bosporani. Album imaginum (CIRB-album). Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 431 с.

- Корпус...**, 1965 – Корпус боспорских надписей. Под ред. акад. В. В. Струве. М.; Ленинград: Наука, 1965. 951 с.
- Кто такой....** – Кто такой Стемповский и почему так важна его могила [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/X4ajrgHDUyMg8WS> (дата обращения: 03.05. 2024).
- Кун, 1975** – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
- Латышев, 1893–1906** – *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе = Scythica et caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893-1906.
- Лушникова, 2004** – *Лушникова А.В.* Модель универсума древних календарей. М.: Советский писатель, 2004. 256 с.
- Манцевич, 1987** – *Манцевич А.П.* Курган Солоха. Ленинград: Искусство: Ленинградское отделение, 1987. 141 с.
- Музееведческая мысль..., 2010** – Музееведческая мысль в России XVIII - XX веков. Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 957 с.
- Ольвия, 1956** – Ольвия и нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Ленинград Издательство Академии Наук СССР, 1956. 278 с.
- Раевский, 2006** – *Раевский Д. С.* Мир скифской культуры. М. : Языки славянских культур, 2006 598 с.
- Ростовцев, 1906** – *Ростовцев М.И.* Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического исследования Керчи. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1906. 23 с.
- Ростовцев, 1918** – *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России Петроград: Огни, 1918. 190 с.
- Русский..., 1896–1913** – Русский биографический словарь. Санкт-Петербург : Императорское Русское историческое общество, 1896-1913. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-19/209> (дата обращения: 03.05.2024).
- Сапрыкин, 2005** – *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху: историко-нумизматическое исследование. М.: Институт всеобщей истории, 2005. 204 с.
- Сокровища..., 1966** – Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / Текст М. И. Артамонова. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник, 1966. 120 с.
- Стемповский, 1854** – *Стемповский И.А.* Два письма к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // *Прописки*. М., 1854. Кн. 4. С. 387-395.
- Стемповский, 1827** – *Стемповский И.А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // *Отечественные записки*. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 3-35.
- Стемповский, 1826** – *Стемповский И.А.* Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского, между Тирасом и Борисфеном // *Отечественные записки*. 1826. Ч. 26. Кн. 73–74. С. 3-80
- Тункина, 2000** – Тункина И. В. И. А. Стемповский: Материалы к биографии // *ΣΥΣΣΤΙΤΑ: Памяти Ю.В. Андреева*. СПб., 2000. С. 357-379;
- Тункина, 2002** – *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 674 с.
- Фармаковский, 1915** – *Фармаковский Б. В.* Ольвия. М.: Товарищество скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 36 с.
- Формозов, 1986** – *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.238 с.
- Формозов, 2004** – *Формозов А.И.* Историография русской археологии на рубеже XX-XXI веков: (обзор кн., вышедших в 1997-2003 гг.). Курск: Издательство Курского государственного университета, 2004. 67 с.
- Фролова, 2006** – *Фролова Н.А.* Каталог монет античной Тире. М.: РОССПЭН, 2006. 217 с.
- Ходаковский, 2022** – *Ходаковский К.Н.* Восстановление часовни И. А. Стемповского в Керчи. Концепция. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2022.
- Щапова и др., 2019** – *Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г.* Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.
- Щапова, 2011** – *Щапова Ю.Л.* Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.: Алейтейя, 2011. 236 с.
- Юргевич, 1888** – *Юргевич В.* Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского Общества истории и древностей // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: Типография А. Шульце, 1888.Т. 14. С. 27-51.
- Юргевич, 1889** – *Юргевич В.Н.* Исторический очерк пятидесятилетия Одесского общества истории и древностей 1839-1889. Одесса: Типография А. Шульце, 1889. 121 с.

References

- Alekseev et al., 1991** – *Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle, R.* (1991). Chertomlyk. Kiev: Naukova dumka. 410 p. [in Russian]
- Antichnye gosudarstva..., 1984** – Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Ancient states of the Northern Black Sea region]. Red. by G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov; avt. E.M. Alekseeva, A.K. Ambroz, T.M. Arsen'eva i dr. M.: Nauka. 392 p. [in Russian]
- Ashik, 1863** – *Ashik, A* (1863). B. I. A. Stempkovskii: [Obituary] Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse. 1863. T. 5. Pp. 907-915. [in Russian]
- Blavatskii, 1953** – *Blavatskii, V.D.* (1953). Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Agriculture in the ancient states of the Northern Black Sea region]. M.: Izdatel'stvo Akad. nauk SSSR. 208 p. [in Russian]
- Bosporskii fenomen..., 2023** – Bosporskii fenomen: quarta pars saeculi = Bosporum phaenomenon: quarta pars saeculi : itogi, problemy, diskussii : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Bosporan phenomenon: quarta pars saeculi = Bosporum phaenomenon: quarta pars saeculi : results, problems, discussions: proceedings of the International Scientific Conference]. Sant-Peterburg: Chisty list, 2023. 463 p. [in Russian]
- Drevnosti..., 1854** – Drevnosti Bospora Kimmeriiskogo, khrynyashchiesya v Imperatorskom Muzee Ermitazha [Antiquities of the Bosporus of Cimmeria, kept in the Imperial Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 1. 279 p. [in Russian]
- Drevnosti..., 1866–1872** – Drevnosti Gerodotovoi Skifii: sbornik opisaniy arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v chernomorskikh stepyakh s atlasom [Antiquities of Herodotus Scythia: collection of descriptions of archaeological excavations and finds in the Black Sea steppes with an atlas]. Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii. Sankt-Peterburg: V tipografii Imperatorskoi akademii nauk, 1866-1872. [in Russian]
- Drevnosti..., 2004–2022** – Drevnosti Bospora: mezhdunarodnyi ezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriiskogo [Antiquities of the Bosporus: an international yearbook on the history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of the Bosporus of Cimmeria]. M.: Institut arkheologii. [in Russian]
- Farmakovskii, 1915** – *Farmakovskii, B.V.* (1915). Ol'viya [Olvia]. M.: Tovarishchestvo skoropech. A.A. Levenson. 36 p. [in Russian]
- Formozov, 1986** – *Formozov, A.A.* (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the history of Russian archaeology]. M.: Nauka. 238 p. [in Russian]
- Formozov, 2004** – *Formozov, A.A.* (2004). Istoriografiya russkoi arkheologii na rubezhe XX-XXI vekov: (obzor kn., vyshedshikh v 1997-2003 gg.) [Historiography of Russian archaeology at the turn of the XX-XXI centuries: (review of books published in 1997-2003)]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 67 p. [in Russian]
- Frolova, 2006** – *Frolova, N.A.* (2006). Katalog monet antichnoi Tiry [Catalog of coins of ancient Tyre]. M.: ROSSPEN. 217 p. [in Russian]
- Gaidukevich, 1949** – *Gaidukevich, V.F.* (1949). Bosporskoe tsarstvo [Bosporan kingdom]. M.; Leningrad: izdatel'stvo i 1-ya tipografiya Izdatel'stva Akademii nauk SSSR, 1949 (Leningrad). 624 p. [in Russian]
- Gorodtsov, 1927** – *Gorodtsov, V.A.* (1927). Tipologicheskii metod v arkheologii [Typological method in archaeology]. Ryazan': [b. i.]. 9 p. [in Russian]
- Grakov, 1971** – *Grakov, B.N.* (1971). Skify [Scythians]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 170 p. [in Russian]
- Gulyaev, 2005** – *Gulyaev, V.I.* (2005). Skify: rastsvet i padenie velikogo tsarstva [Scythians: the rise and fall of the great kingdom]. M.: Aleteia. 398 p. [in Russian]
- I.A. Stempkovskii...** – I.A. Stempkovskii: gradonachal'nik, arkheolog, prosvetitel'. Novosti i sobytiya Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva [Electronic resource]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/i-a-stempkovskij-gradonachalnik-arkheolog-prosvetitel.html> (date of access: 03.05.2024). [in Russian]
- Keppen, 1828** – *Keppen, P.I.* (1828). Drevnosti severnogo berega Ponta [Antiquities of the northern shore of the Pontus]. M.: Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh. 175 p. [in Russian]
- Keppen, 1837** – *Keppen, P.I.* (1837). O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor tavrisheskikh [On the antiquities of the Southern coast of Crimea and the Tauride Mountains]. Sant-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 412 p. [in Russian]
- Khodakovskii, 2022** – *Khodakovskii, K.N.* (2022). Vosstanovlenie chasovni I. A. Stempkovskogo v Kerchi. Kontseptsiya [Restoration of the I. A. Stempkovsky chapel in Kerch]. M.: Rossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhacheva, 2022. [in Russian]
- Klein, 2014** – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya [The History of Russian Archaeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. Sankt-Peterburg: EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]

- Korpus..., 1965** – Korpus bosporskikh nadpisei [Corpus of Bosporan inscriptions]. Red. Academician. V.V. Struve. M.; Leningrad: Nauka. 951 p. [in Russian]
- Korpus..., 2004** – Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illyustratsii (KBN-al'bom) [Corpus of Bosporan inscriptions. Album of illustrations] = Corpus inscriptionum regni bosporani. Album imaginum (CIRB-album). Sankt-Peterburg: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 431 p. [in Russian]
- Kto takoi...** – Kto takoi Stempkovskii i pochemu tak vazhna ego mogila [Who is Stempkovsky and why his grave is so important]. [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/a/X4ajpgHDUyrMg8WS> (date of access: 03.05.2024). [in Russian]
- Kun, 1975** – *Kun, T.* (1975). Struktura nauchnykh revolyutsii [The structure of scientific revolutions]. M.: Progress. 288 p. [in Russian]
- Latyshev, 1893–1906** – *Latyshev, V.V.* (1893–1906). Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze [News of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus]. Scythica et caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1893–1906. [in Russian]
- Lushnikova, 2004** – *Lushnikova, A.V.* (2004). Model' universuma drevnikh kalendarei [The model of the universe of ancient calendars]. M.: Sovetskii pisatel'. 256 p. [in Russian]
- Mantsevich, 1987** – *Mantsevich, A.P.* (1987). Kurgan Solokha [Kurgan Solokha]. Leningrad: Iskusstvo: Leningradskoe otdelenie. 141 p. [in Russian]
- Muzeevedcheskaya mysl'..., 2010** – *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII - XX vekov* [Museological thought in Russia of the XVIII - XX centuries]. Ed. by E. A. Shulepova. M.: Eterna. 957 p. [in Russian]
- Ol'viya..., 1956** – *Ol'viya i nizhnee Pobuzh'e v antichnyu epokhu* [Olvia and Nizhny Pobuzhye in the ancient era]. Edited by V. F. Gaidukevicha. M.; Leningrad Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1956. 278 p. [in Russian]
- Raevskii, 2006** – *Raevskii, D. S.* (2006). Mir skifskoi kul'tury [The world of Scythian culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 598 p. [in Russian]
- Rostovtsev, 1906** – *Rostovtsev, M.I.* (1906). Kerchenskaya dekorativnaya zhivopis' i blizhaishie zadachi arkheologicheskogo issledovaniya Kerchi [Kerch decorative painting and the immediate tasks of the archaeological study of Kerch]. Sankt-Peterburg: Senatskaya tipografiya. 23 p. [in Russian]
- Rostovtsev, 1918** – *Rostovtsev, M.I.* (1918). Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii [Hellenism and Iranism in the south of Russia]. Petrograd: Ogni. 190 p. [in Russian]
- Russkii..., 1896-1913** – *Russkii biograficheskii slovar* [Russian Biographical Dictionary]. Sankt-Peterburg: Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 1896–1913. [Electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-19/209> (date of access: 03.05.2024). [in Russian]
- Saprykin, 2005** – *Saprykin, S.Yu.* (2005). Denezhnoe obrashchenie na khore Khersonesa Tavricheskogo v antichnyu epokhu: istoriko-numizmaticheskoe issledovanie [Monetary circulation in the choir of Tauric Chersonesos in the ancient era: historical and numismatic research]. M.: Institut vseobshchei istorii. 204 p. [in Russian]
- Shchapova i dr., 2019** – *Shchapova, Yu. L., Grinchenko, S. N., Kokorina, Yu.G.* (2019). Informatiko-kiberneticheskoe i matematicheskoe modelirovanie arkheologicheskoi epokhi: logiko-ponyatiinyi apparat [Computer-cybernetic and mathematical modeling of the archaeological epoch: a logical and conceptual apparatus]. M.: Federal'nyi issledovatel'skii tsentr «Informatika i upravlenie» RAN. 136 p. [in Russian]
- Shchapova, 2011** – *Shchapova, Yu.L.* (2011). Material'noe proizvodstvo v arkheologicheskuyu epoch [Material production in the archaeological era]. SPb.: Aleiteiya. 236 p. [in Russian]
- Sokrovishcha..., 1966** – *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Treasures of the Scythian mounds in the collection of the State Hermitage Museum]. Tekst M.I. Artamonova. Praga: Artiya; Leningrad: Sovetskii khudozhnik, 1966. 120 p. [in Russian]
- Stempkovskii, 1827** – *Stempkovskii, I.A.* (1827). Mysli otnositel'no izyskaniya drevnostei v Novorossiiskom krae [Thoughts on the exploration of antiquities in the Novorossiysk Krai]. *Otechestvennye zapiski*. Ch. 29. Kn. 81. Pp. 3–35. [in Russian]
- Stempkovskii, 1826** – *Stempkovskii, I.A.* (1826). Issledovaniya o mestopolozhenii drevnikh grecheskikh poselenii na beregakh Ponta Evksinskogo, mezhdru Tirasom i Borisfenom [Research on the location of ancient Greek settlements on the shores of the Euxine Pontus, between Tiras and Borysthenes] *Otechestvennye zapiski*. Ch. 26. Kn. 73–74. Pp. 3–80. [in Russian]
- Stempkovskii, 1854** – *Stempkovskii, I.A.* (1854). Dva pis'ma k Blarambergu o mestopolozhenii drevnego goroda Tanaisa [And Two letters to Blaramberg about the location of the ancient city of Tanais] *Propilei*. M. Kn. 4. Pp. 387–395. [in Russian]
- Tunkina, 2000** – *Tunkina, I.V.* (2000). I. A. Stempkovskii: Materialy k biografii [Stempkovsky: Materials for biography]. ΣΨΣΣΙΤΙΑ: *Pamyati Yu.V. Andreeva*. SPb. Pp. 357–379. [in Russian]
- Tunkina, 2002** – *Tunkina, I.V.* (2002). Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) [Russian science of classical antiquities of the South of Russia (XVIII – mid-XIX centuries)]. SPb.: Nauka. 674 p. [in Russian]

- Vigel', 1863** – *Vigel', F.F.* (1863-1865). *Vospominaniya F.F. Vigelya*[Memoirs of F.F. Vigel]: Ch. 1-7. M.: Universitetskaya tipografiya. (Katkov i K°). 7 Vol. [in Russian]
- Yurgevich, 1888** – *Yurgevich, V.* (1888). *Ob arkhеologicheskikh razyskaniyakh i otkrytiyakh v Yuzhnoi Rossii, predshestvovavshikh uchrezhdeniyu Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostei*[On archaeological research and discoveries in Southern Russia that preceded the establishment of the Odessa Society of History and Antiquities] *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse, Vol. 14. Pp. 27-51. [in Russian]
- Yurgevich, 1889** – *Yurgevich, V.N.* (1889). *Istoricheskii ocherk pyatidesyatiletia Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei 1839-1889* [Historical sketch of the fiftieth anniversary of the Odessa Society of History and Antiquities 1839-1889]. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse. 121 p. [in Russian]
- Zhebelev, 1853** – *Zhebelev, S.A.* (1953). *Severnoe Prichernomor'e: Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoi epokhi* [The Northern Black Sea region: Studies and articles on the history of the Northern Black Sea region of the ancient era]. M.; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 388 p. [in Russian]
- Zograf, 1957** – *Zograf, A.N* (1957). *Monety Tiry* [Coins of Tyre]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 130 p. [in Russian]
- Zubarev, 2005** – *Zubarev, V.G.* (2005). *Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii* [Historical geography of the Northern Black Sea region according to the ancient written tradition]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 502 p. [in Russian]

Первая в России программа изучения античной археологии

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена истории археологической науки в России. Обращение к истории археологии, которая является комплексной, синтетической наукой, позволяет расширить наше понимание уровня развития этой дисциплины на заре ее формирования. В этом видится актуальность данной работы. Материалом для исследования послужили труды одного из первых российских археологов Ивана Алексеевича Стемпковского (1788–1832), вклад которого в науку долго оставался не оцененным. Хотя работы ученого были опубликованы, они не становились предметом специального изучения. Анализ его трудов с точки зрения вклада ученого в развитие отечественной археологии определяет новизну данной статьи. И.А. Стемпковский происходил из польских шляхтичей, служил на военной службе в качестве адъютанта основателя Одессы дюка Ришелье, а после выхода в отставку – градоначальника города Керчь. Современники высоко оценивают деловые и личные качества И.А. Стемпковского, отмечают его благородство, верность долгу, исключительное трудолюбие и скромность. Эти качества нашли отражение и в его трудах, среди которых наибольшую ценность представляют «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», опубликованные в журнале «Отечественные записки» в 1827 году. Работа носит программный характер. В ней И.А. Стемпковский указывает на необходимость четко регистрировать каждую находку, прекратить собирательство случайных вещей. Ученый указывает на необходимость создания научного общества, которое будет заботиться об охране старины в Северном Причерноморье, вести планомерные раскопки, публиковать и истолковывать найденные материалы, снимать планы греческих городов, пока их здания еще заметны. За полтора века до европейских мыслителей высказывается идея научного сообщества, способного критически оценивать, сохранять и передавать археологическое знание. Формируется принципиально новая для того времени идея археологического паспорта, ставшего обязательным в наши дни. И.А. Стемпковский предстает в своих работах не только как эрудированный и талантливый исследователь, но и как достойный гражданин, настоящий патриот России, восстающий против вывоза археологических памятников за рубеж, что ведет к потере их для науки. Личность и деятельность одного из пионеров российской науки является вдохновляющим примером для наших современников.

Ключевые слова: история России XIX века, история археологии, античность, Северное Причерноморье, И.А. Стемпковский.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1095-1106
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1095

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sociocultural Characteristics of Penza Governors of the 19th – early 20th centuries

Ivan N. Inozemtsev ^{a, *}, Olga A. Filenkova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article, based on the analysis of diverse sources, examines the socio-cultural appearance of Penza governors in 1801–1917. Its comprehensive characteristics are given according to the following indicators: class origin, level and type of education, rank, age at taking office, presence of administrative experience.

The main features of personnel policy in relation to the heads of the province are considered. It was established that the choice of candidate was determined not only by a set of formal criteria necessary to occupy the gubernatorial position, but was also often determined by a number of informal circumstances. In general, the outcome of one or another personnel option depended on a combination of factors, the combination of which could vary throughout the period under study depending on domestic and international processes. At the same time, despite the fact that the Penza region was not characterized by a decline in the role of the military element in the civil gubernatorial service, throughout the 19th century. There was a clear increase in the professional and educational potential of managers.

The authors also studied the main milestones in the professional path of Penza governors. When considering the place of the governor's office in the career of an imperial official, it was noted that its receipt was a fairly important stage in the career, in most cases opening the way to the capital service. In addition, in this context, an attempt was made to reconstruct the image of the Penza region, presented in memoirs and private correspondence of individual provincial administrators.

Keywords: Penza region, governors, personnel policy, officialdom, civil service, career, sociocultural portrait.

1. Введение

Стержневым и многофункциональным элементом имперской системы местного управления в России, испытавшим за более чем двухсотлетний период своей истории ряд серьезных трансформаций, являлась губернаторская власть. Личностные и профессиональные характеристики губернатора выступали фактором, в значительной степени определявшим результаты социально-экономического, политического и культурного развития края, эффективность реализуемого правительственного курса. В связи с этим подбор губернаторских кадров являлся одним из ключевых аспектов имперского администрирования.

Сложившаяся в России на сегодняшний день модель управления административно-территориальными единицами во многом тяготеет к имперским традициям. Ее дальнейшая эффективная модернизация невозможна без изучения исторических практик организации регионального управления, в частности, специфики государственной кадровой политики в отношении института губернаторства.

Говоря об актуальности исследования управленческих традиций региона, нельзя не отметить возрастающий интерес со стороны региональных органов власти и общественности к конструированию социокультурной идентичности через реализацию коммеморативных практик.

* Corresponding author

E-mail addresses: Kerskij@mail.ru (I.N. Inozemtsev), filenkova_oa@mail.ru (O.A. Filenkova)

В последние годы их реализация находит особенно активное воплощение в установке памятных объектов и подготовке печатных изданий, посвященных видным деятелям регионального управления. Подобный тренд представляется дополнительным стимулом к исследованию персонального состава местного чиновничества на различных этапах российской истории.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют Именные Императорские указы и высочайшие повеления Сенату, находящиеся на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1329), а также акты, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» и «Своде законов Российской империи». Их анализ позволил отследить основные этапы становления Пензенской губернии как самостоятельной административно-территориальной единицы Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв., получить представление о функционале губернаторской власти и формальных критериях, предъявляемых к начальникам губернии при поступлении на государственную службу.

Выявление и обобщение индивидуальных характеристик пензенских губернаторов осуществлялось на основе привлечения сведений, содержащихся в региональных биографических изданиях, опубликованных на волне интереса к истории возрожденного в конце XX в. института губернаторства (Кузичкин, 2002; Тюстин, 2001), а также в энциклопедиях (Пензенская энциклопедия, 2019а; Пензенская энциклопедия, 2019б).

В процессе создания социокультурного портрета носителя губернаторской власти активно использовалась частная переписка и мемуарное наследие (воспоминания) начальников губернии и их современников. Выразительный социокультурный образ Пензы и ее обывателей детально воспроизводится в «Записках» Ф.Ф. Вигеля, сына пензенского губернатора Ф.Л. Вигеля. Особую ценность представляют описания личных впечатлений родителей мемуариста о Пензе, обстоятельств и истинных причин назначения того или иного губернатора и его взаимоотношений с провинциальным дворянским обществом (Записки..., 1891; Записки..., 1892).

Отношение М.М. Сперанского к назначению на должность начальника Пензенской губернии подробно раскрывают его письма, адресованные влиятельному другу, бывшему сенатору А.А. Столыпину (Письмо..., 1870а; Письмо..., 1870б).

Не меньшего внимания заслуживают воспоминания пензенского губернатора И.Ф. Кошко, опубликованные в 1916 г. Автор описывает подробные обстоятельства своего назначения и переживаемые им при этом эмоции, размышляет о принципах кадровой политики самодержавия в отношении высшего чиновничества, детально характеризует обстановку в регионе и свои взаимоотношения с некоторыми сослуживцами и вышестоящими руководителями (Кошко, 1916).

Методологическая основа исследования базируется на применении системного подхода и принципа историзма, позволяющих анализировать исследуемые объекты в контексте общеимперского последовательного развития и взаимодействия. Изучение социокультурных характеристик губернаторов невозможно без широкого использования биографического, просопографического и сравнительно-исторического методов. Их синтез дает возможность не только воссоздать обобщенный портрет начальника Пензенской губернии, но и выявить его региональную специфику в сравнении с общеимперскими тенденциями.

3. Обсуждение

Историография изучения института губернаторской власти в России имеет давнюю традицию. Первоначально предметом научного анализа стали формальные аспекты функционирования института губернаторства: правовой статус, функции, полномочия губернаторов, их место в системе органов власти и др. (Градовский, 1908; Ивановский, 1891; Коркунов, 1909; Корф, 1910; Лохвицкий, 1864). Довольно подробная картина изменений правовых основ деятельности губернаторов в ее исторической ретроспективе представлена в работе И.А. Блинова (Блинов, 1905).

В советской историографии проблематика губернаторства затрагивалась исключительно в рамках общих вопросов государственного устройства и управления Российской империей, исследование которых приобретает все более планомерный характер ближе к 1970-м гг. Так, в 1968 г. опубликовано исследование Н.П. Ерошкина, ставшее первым систематическим очерком истории государственного строя, центральных и местных органов управления, в том числе, института губернаторства (Ерошкин, 1968).

Основоположником целого исследовательского направления становится П.А. Зайончковский. В его работе «Правительственный аппарат самодержавной России» (1978 г.) не только анализируется личный состав чиновничьего аппарата империи (в т.ч. и губернского звена), но и предлагается новая методика его изучения за счет привлечения законодательных актов, формулярных и послужных списков, источников личного происхождения (Зайончковский, 1978).

Широкое использование формулярных списков позволило М.М. Шумилову выявить целую совокупность факторов (знатность происхождения, служебный опыт, личные связи и пр.), влиявших на получение должности губернатора (Шумилов, 1988; Шумилов, 1991).

Попытка реконструкции социокультурного портрета «типичного» носителя губернаторской власти (образовательный уровень, служебный опыт, имущественное положение) в конце XIX – начале XX вв. на основе анализа формулярных списков осуществлена крупным американским русистом Р. Роббинсом (Robbins, 1987).

С начала 1990-х гг. в связи с радикальными административными преобразованиями и возрождением института губернаторства интерес к изучению истории губернаторской власти заметно возрос. Среди работ общероссийского уровня особую ценность для нашего исследования представляет монография Л.М. Лысенко. Создание и последующий анализ тематического банка данных (включает сведения на более чем 2000 губернаторов и около 200 генерал-губернаторов) позволил автору не только выявить обобщенные характеристики начальников губерний в различные периоды и в разных регионах Российской империи, но и определить ряд важных тенденций в развитии института губернаторства (Лысенко, 2001).

В рамках комплексного анализа деятельности Российского государства по созданию и совершенствованию системы губернаторской власти в 1708–1917 гг. личные особенности ее носителей (социальное происхождение, национальность, вероисповедание, имущественные возможности, возраст, образование, опыт и пр.) рассмотрены Г.В. Алексушиным (Алексушин, 2008).

В конце XX – начале XXI вв. всплеск интереса к губернаторской теме произошел и на региональном уровне. Так, имеющийся массив региональных исследований можно условно поделить на две группы. Первая из них представлена обобщающими исследованиями, выполненными на материалах одной или нескольких губерний, затрагивающими специфику функционирования различных губернских органов управления и являющимися естественным результатом концептуализации проблемы (Вакилев, 2017; Гарбуз, 2002; Голубев, 2000; Исаев, 2006; Карнишина и др., 2022; Карнишина, 2015; Кошелев, 2006; Ломизова, 2003; Любичанковский, 2008; Минаков, 2011; Старков, 2008; Тюрин, 2004). Вторую группу составляют биографические и справочные издания, содержащие те или иные сведения о представителях губернской администрации эпохи самодержавия (Кузичкин, 2002; Тюстин, 2001; Савин, 2006).

В целом, несмотря на то что выявление сведений о начальниках Пензенской губернии стало достаточно популярным направлением, обобщенного и целостного социокультурного портрета главного губернского управленца еще не создано.

Предметное поле рассматриваемой проблематики формируют такие аспекты, как факторы эволюции института губернаторской власти; статус в системе управления; функционал и миссия начальника губернии; источники и условия рекрутирования; профессиональные компетенции и перспективы карьерного роста; социальное положение, личные характеристики; повседневные практики; роль в истории региона и т.д.

4. Результаты

В ходе процесса государственного строительства Пензенский край¹ неоднократно изменял свой административно-территориальный статус. Так, к началу проведения губернской реформы императрицы Екатерины II территория Пензенского края входила в состав Тамбовской, Шацкой и Пензенской провинций, относящихся, соответственно, к Воронежской и Казанской губерниям (ИПК, 2022: 347). 15 сентября 1780 г. в соответствии с указом Екатерины II было образовано Пензенское наместничество в составе 13 уездов (ПСЗ РИ, 1830а: № 15061). Указом императора Павла I от 12 декабря 1796 г. Пензенское наместничество стало именоваться губернией. Территория упраздняемой Саратовской губернии была разделена между Пензенской и Астраханской (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 185. Л. 554). Впрочем, уже 5 марта 1797 г. Пензенская губерния была упразднена. Пенза стала уездным городом восстановленной Саратовской губернии, а уезды в соответствии с указом от 11 октября 1797 г. были разделены между Саратовской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской губерниями (ПСЗ РИ, 1830б: №№ 17867, 18199).

9 сентября 1801 г. Пензенская губерния была восстановлена в границах 1797 г. в составе 10 уездов: Городищенского, Инсарского, Керенского, Краснослободского, Мокшанского, Наровчатского, Нижнеломовского, Пензенского, Саранского и Чембарского (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 242. Л. 20-25). В дальнейшем до 1917 г. в административно-территориальном делении Пензенской губернии значительных изменений не произошло.

Постепенное усиление централизма в управлении административно-территориальными единицами Российской империи оказывало непосредственное влияние на характер губернаторской власти. Из прогрессивного, почти гражданского института в конце XVIII – начале XIX вв. институт

¹ Пензенский край – условное историографическое понятие, применяемое для обозначения региона, исторически, географически и административно-территориально связанного с г. Пензой и в основном с современной Пензенской областью. Территориально под Пензенским краем понимаются земли, когда-либо входившие в состав Пензенской провинции, наместничества, губернии, округа и области (Справочник..., 2003: 4).

губернаторства к началу XX в. превратился в охранительную и даже реакционную силу (Лысенко, 2001: 131-132).

Осуществленный в начале XIX в. переход от территориального принципа управления государством к отраслевому породил представление о «двойственности» или даже «тройственности» власти губернатора. В связи с этим Г.В. Алексушин подчеркивает, что губернатор с начала XIX в. действительно играл три весьма противоречивые роли: наместника императора, чиновника МВД, представителя дворянства. Говоря о функционале губернаторской власти, исследователь выделяет 22 задачи, возлагаемые на губернских руководителей к началу XX в.: правоохранительную, военную, финансовую, судебную, административную, пенитенциарную, противопожарную, здравоохранительную, повинностную, правотворческую, строительно-благоустройственную, призывательную, продовольственную, почтовую, развития путей сообщения и кораблестроительную, торгово-производственную, товарно-бытовую первой необходимости, таможенно-пограничную, цензурную, управления народностями и конфессиями, общественную, контрольную (Алексушин, 2008: 85-86, 162-166). Как видим, из внушительного списка задач полномочия губернаторов охватывали практически все стороны жизни региона.

Если основные функции и предметы ведения губернаторов обозначались различными нормативно-правовыми актами, например, ставшим своего рода административным кодексом губернаторов «Общим наказом гражданским губернаторам» (1837 г.) (ПСЗ РИ, 1838: № 10303), то четких критериев для отбора кандидатов на губернаторские посты не существовало. Официально к кандидатам предъявлялся лишь ряд общих требований, распространявшихся на всех лиц, поступающих на гражданскую службу (Свод законов..., 1857). Во многом механизм назначения на губернаторскую должность складывался под влиянием факторов, не связанных с законодательной регламентацией (Минаков, 2011: 86).

За период с 1801 (с момента окончательного приобретения Пензенским краем губернского статуса) по 1917 гг. должность пензенского губернатора последовательно занимали 20 человек: Филипп Лаврентьевич Вигель (1801–1809), Александр Федорович Крыжановский (1809–1811), Григорий Сергеевич Голицын (1811–1816), Михаил Михайлович Сперанский (1816–1819), Федор Петрович Лубяновский (1819–1831), Александр Алексеевич Панчулидзе (1831–1859), Егор Петрович Толстой (1859–1861), Яков Александрович Куприянов (1861–1862), Василий Павлович Александровский (1862–1867), Николай Дмитриевич Селиверстов (1867–1872), Александр Александрович Татищев (1872–1886), Аполлон Николаевич Волков (1887–1889), Алексей Алексеевич Горайнов (1890–1895), Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1895–1897), Александр Васильевич Адлерберг (1898–1903), Сергей Алексеевич Хвостов (1903–1906), Сергей Васильевич Александровский (1906–1907), Иван Францевич Кошко (1907–1910), Анатолий Павлович Либиенфельд-Тоаль (1910–1914), Александр Александрович Евреинов (1914–1917) (Пензенская энциклопедия, 2019a: 24, 33, 211, 239, 279, 298, 384, 597, 617, 653, 697, 713; Пензенская энциклопедия, 2019b: 134, 380, 385, 449, 510, 538, 629).

Характер и реализация губернаторской власти неразрывно связаны с личностными особенностями ее носителей. Конечно, каждый губернатор обладал набором индивидуальных социокультурных параметров, но в то же время начальники губернии входили в отдельную профессиональную группу с ярко выраженными признаками и отличиями.

Первым признаком, определявшим принадлежность к губернаторской «когорте», являлось сословное происхождение. Так, все пензенские губернаторы, за исключением Ф.П. Лубяновского и М.М. Сперанского, которые являлись выходцами из духовенства, получившими дворянство на службе, были потомственными дворянами. При этом применительно к Пензенской губернии, совершенно заслуженно слывшей «дворянским гнездом», данный фактор имел особую значимость. Местное дворянство всегда особенно чувствительно реагировало на положение носителя губернаторской власти во внутрисословной иерархии. Среди губернаторов четверо (20 %) имели родовые титулы: Г.С. Голицын и П.Д. Святополк-Мирский – княжеский, А.В. Адлерберг и Е.П. Толстой – графский (Рассчитано по: Пензенская энциклопедия, 2019a; Пензенская энциклопедия, 2019b). В процентном отношении этот показатель не отличается значительно от аналогичного показателя по губерниям центрального района Российской империи в целом (Лысенко, 2001: 222).

Важным показателем подготовки региональных руководителей являлось полученное ими образование. Из рассмотренных данных следует, что среди начальников Пензенской губернии явно преобладают лица (более 9 человек), окончившие военные учебные заведения. Так, например, А.В. Адлерберг, С.В. Александровский, А.А. Горайнов, А.А. Евреинов и П.Д. Святополк-Мирский учились в привилегированном Пажеском корпусе, И.Ф. Кошко – в Николаевском инженерном училище, Н.Д. Селиверстов и А.А. Татищев – в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Кроме того, А.А. Горайнов, И.Ф. Кошко и П.Д. Святополк-Мирский окончили курс в Николаевской академии Генерального штаба (Пензенская энциклопедия, 2019a; Кузичкин, 2002: 29, 33, 48).

Среди губернаторов были и обучавшиеся в высших гражданских учебных заведениях: в Московском университете (А.Н. Волков, Ф.П. Лубяновский, С.А. Хвостов), Императорском училище правоведения (Я.А. Куприянов). Привилегированный Императорский Александровский

(Царскосельский) лицей окончил А.П. Лилюенфельд-Тоаль. На фоне означенных персон особенно выделяется М.М. Сперанский, имевший высшее духовное образование (Алекса́ндро-Невская семинария). Домашнее образование получили Г.С. Голицын, А.А. Панчулидзе, Е.П. Толстой ([Пензенская энциклопедия, 2019a](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#); [Тюстин, 2001: 18, 25, 30](#)).

Как видим, пензенские губернаторы в основном оканчивали средние и высшие военные, а также высшие гражданские учебные заведения, т.е. в большинстве своем обладали высоким образовательным потенциалом. Также очевидно, что в пореформенный период произошел заметный рост образовательного ценза. На это указывает уже то, что из 7 управленцев, чье губернаторство пришлось на 1801–1861 гг., высшие учебные заведения окончили лишь М.М. Сперанский и Ф.П. Лубяновский.

Помимо образовательного уровня, значимым аспектом являлся служебный опыт кандидата. Губернаторов часто подбирали из военной среды как из числа действующих военных, так и из числа лиц, уволенных из армии и продолжавших карьеру на гражданских должностях. Так, опыт военной службы имели 16 пензенских губернаторов. Из их числа не менее 10 человек до назначения в Пензу в разные годы также состояли на гражданской службе (Рассчитано по: [Пензенская энциклопедия, 2019a](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#)).

Проведенный анализ показывает, что большинство начальников Пензенской губернии рекрутировались из числа лиц, занимавших губернаторские и вице-губернаторские должности в других регионах. Так, перед пензенским губернаторством А.Н. Волков возглавлял Вятскую губернию, а С.В. Александровский – Екатеринославскую. До перевода в Пензу на вице-губернаторском посту находились: А.В. Адлерберг (Псковская губ.), А.А. Евреинов (Эстляндская губ.), И.Ф. Кошко (Самарская губ.), Я.А. Куприянов (Нижегородская губ.), А.П. Лилюенфельд-Тоаль (Санкт-Петербургская губ.), С.А. Хвостов (Владимирская губ.). Вице-губернаторский опыт также имел В.П. Александровский, состоявший до февраля 1862 г. Саратовским вице-губернатором. Большим административным опытом обладал Е.П. Толстой, служивший в 1851–1854 гг. Калужским губернатором, а в 1854–1856 гг. – Таганрогским военным губернатором.

Три губернатора (А.А. Панчулидзе, П.Д. Святополк-Мирский, А.А. Татищев) перед назначением были предводителями дворянства Саратовской губернии, Харьковского уезда Харьковской губернии и Крестецкого уезда Новгородской губернии соответственно. Среди сценариев назначения на пост начальника Пензенской губернии встречаются вызов из отставки (Ф.Л. Вигель, Г.С. Голицын и Ф.П. Лубяновский), перевод с военных должностей (Н.Д. Селиверстов и А.А. Горяинов), а также уникальный случай назначения опытного М.М. Сперанского ([Пензенская энциклопедия, 2019a](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#); [Кузичкин, 2002: 7, 27, 29](#)).

Таким образом, реализация кадровой политики в отношении губернаторов сопровождалась ростом требований к их профессиональным компетенциям. Это было особенно характерно для второй половины XIX – начала XX вв. (9 и 13 пензенских губернаторов уже имели опыт губернаторства и вице-губернаторства) и соответствовало общеимперской тенденции.

Условия карьеры губернских управленцев нередко зависели от возраста. Анализ возраста губернаторов на момент их назначения дает следующую картину: в возрасте 31-35 лет губернаторский пост занял 1 человек (5 %), 36-40 лет – 4 (20 %), 41-45 – 7 (35 %), 46-50 лет – 4 (20 %), 51-55 – 1 (5 %), 56-60 лет – 1 (5 %), 61-70 лет – 2 (10 %) (Рассчитано по: [Пензенская энциклопедия, 2019a](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#)). Сопоставление с данными общероссийской выборки (по 171 губернатору), представленной Г.В. Алексушиным, позволяет утверждать, что возрастные характеристики пензенских губернаторов в целом вписывались в общеимперскую картину. Так, наиболее частый возраст вступления в губернаторскую должность составлял 41-50 лет ([Алексушин, 2008: 117](#)). Самым молодым пензенским губернатором, получившим должность в 31 год, был Голицын Г.С., самым старшим – Волков А.Н., вступивший в должность уже в 68 лет.

В то же время, в отличие от общероссийского уровня, для пензенского губернского руководства во второй половине XIX в. не была характерна тенденция к заметному «омоложению» ([Трушков, 2017: 92](#)). Если в 1801–1860 гг. средний возраст вступления в должность пензенского губернатора составлял 47 лет, то 1861–1917 гг. он снизился только до 45 лет (Рассчитано по: [Пензенская энциклопедия, 2019a](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#)).

Важным критерием отбора являлось наличие чина, соответствующего губернаторской должности. В отечественной историографии сложилось четкое представление о том, что губернаторами, как правило, являлись служащие с чином 4 класса (действительного статского советника и генерал-майора). В разные периоды на второе место после 4 класса выходили 3 класс (тайный советник, генерал-лейтенант) и 5 класс (статский советник) ([Алексушин, 2008: 120](#); [Лысенко, 2001: 210](#)). Аналогичная картина была характерна и для Пензенской губернии. Так, на момент пребывания в должности 12 человек имели чины 4 класса, 6 – 3 класса, 2 – 5 класса. 4 губернатора имели придворное звание камергера (Рассчитано по: [Пензенская энциклопедия, 2019a](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#); [Кузичкин, 2002: 19, 46, 48](#)). Обычной практикой тех лет были ситуации, когда управленец получал соответствующий чин только после назначения в Пензенскую губернию, или получал более высокий чин накануне его перевода из губернии. Таким образом, большинство

пензенских губернаторов были достаточно опытными руководителями, высоко зарекомендовавшими себя во время прохождения военной или гражданской службы.

Впрочем, были и исключения. Так, одним из факторов влияния на карьеру были фаворитизм или протекция высшего руководства. Ярким примером является назначение губернатором молодого князя Г.С. Голицына. Будучи выходцем из одного из самых знатных дворянских родов, крестником Г.А. Потемкина и Екатерины II, он быстро поднялся по карьерной лестнице и в возрасте 25 лет в чине генерал-майора вышел в отставку. В 1811 г. при содействии М.А. Нарышкиной (родственницы жены Г.С. Голицына и фаворитки Александра I) Голицын получил должность начальника Пензенской губернии и был произведен в действительные статские советники (Тюстин, 2001: 17-18).

«Таинственные хитросплетения» сопровождали карьеру А.Ф. Крыжановского. По этому поводу известный мемуарист Ф.Ф. Вигель писал: *«Должно полагать, что он [А.Ф. Крыжановский] служил в канцелярии Потемкина, ибо всегда пользовался покровительством Василия Степановича Попова, правителя оной, который выдал за него Марию Константиновну, любовницу свою, гречанку, простую девуку, им где-то добытую; за такое избавление Попов всегда почитал себя ему обязанным»* (Цит. по: Тюстин, 2001: 16).

В зависимости от предыдущей деятельности, престижности новой должности, перспектив дальнейшего карьерного роста и личных обстоятельств назначение на губернаторскую должность могло быть либо радостным, либо не самым желанным событием в жизни российского государственного служащего. В чиновничьей среде империи постепенно сформировалось неформальное деление губерний на престижные и непрестижные. Исходя из классификации престижности регионов, предложенной Г.В. Алексушиным (Алексушин, 2008: 125), Пензенская губерния, относившаяся к числу центральных губерний Европейской части России, вероятнее всего, занимала промежуточное положение между средним и низшим уровнем губернской иерархии.

Между тем имеющиеся данные позволяют говорить о том, что получение поста пензенского губернатора воспринималось управленцами, скорее, положительно, нежели отрицательно. Так, Ф.Л. Вигель, который провел в Пензе молодые годы и владел поместьями в Пензенском крае, весьма позитивно воспринял вызов из отставки и назначение в 1801 г. в восстановленную Пензенскую губернию (Тюстин, 2001: 13). Отношение Ф.Л. Вигеля к городу и губернии хорошо отражают слова его сына Ф.Ф. Вигеля: *«[Пенза] для обоих [родителей] была нежнейшею матерью»* (Записки..., 1891: 27).

Желанной была губернаторская должность и для Г.С. Голицына, подолгу проживавшего с семьей в родительском имении, расположенном в с. Забриловке (Зубрилово) Балашовского уезда Саратовской губернии (ныне – Тамалинского района Пензенской области) (Савин, 2006: 101). После смерти отца Григория Сергеевича (Сергея Федоровича) в 1810 г. его мать Варвара Васильевна переехала в Зубриловку на постоянное место жительства. Чтобы находиться с ней и одновременно продолжить службу, Г.С. Голицын *«начал искать места Пензенского губернатора и получил его вместе с дозволением каждое лето за 130 верст ездить в деревню к матери. Весною и осенью мог он проживать у нее под предлогом обозрения губернии, а зимою могла она приезжать к нему... В отдаленному краю, где сходятся две губернии, Саратовская и Тамбовская, и по соседству с Пензенской, создала себе княгиня Голицына маленькое царство, которое, по назначению сына ее в правители, чрезвычайно умножилось присоединением к нему целой губернии»*, – писал по этому поводу Ф.Ф. Вигель (Цит. по: Записки..., 1892: 8, 10).

М.М. Сперанский, возвращенный на государственную службу из ссылки, считал назначение в Пензенскую губернию концом происходивших с ним «странностей» и рассматривал губернаторство как «очистительную службу» (Письмо..., 1870а: 890; Савин, 2006: 126-127). Переписка М.М. Сперанского служит ярким свидетельством того, что по прибытии в Пензу он был искренне очарован городом, а впоследствии проникся к губернии и ее жителям особыми чувствами. *«Как вы были несправедливы, описывая некогда Пензу пустынею! Прекраснейший город на свете. И не говорите мне о недостатке ни ремесленников, ни учителей, ни книг, – все это соберется и уже собирается. Два три дома порядочных, таких, как мой и ваш, – и все устроится»* (Цит. по: Письмо..., 1870б: 1134). *«Пензу я избрал бы моим отечеством даже тогда, когда бы мне можно было выбирать одну из пятидесяти губерний»* (Цит. по: Письмо..., 1870с: 1130). *«Я нашел способ столько быть счастливым в Пензе, что истинно и сердечно вам говорю, нигде более жить и умереть не желаю»* (Письмо..., 1869: 1692), – говорил известный реформатор в своих письмах А.А. Столыпину.

Другой губернатор, И.Ф. Кошко, вначале XX в. указывал в своих воспоминаниях, что, ожидая своего назначения на одну из вакантных губернаторских должностей, он предпочел бы Нижегородскую губернию (в силу ее экономической развитости и большой финансовой выгоды) (Кошко, 1916: 129). Однако назначение в Пензенскую губернию, в которой ему ранее приходилось бывать по долгу службы, несмотря на обострившуюся обстановку в регионе и убийство предыдущего губернатора С.В. Александровского, все же представлялось ему хорошим карьерным шагом: *«Тревожные мысли налетали только мимолетно и во всяком случае почти не отравляли чувства глубокого довольства, в котором я постоянно в это время пребывал»*, – вспоминал Иван Францевич о своем состоянии (Цит. по: Кошко, 1916: 133).

Характеризуя стабильность кадрового состава губернаторов, следует отметить, что средний срок губернаторства в Пензенской губернии был больше, чем в целом по империи – более 5,5 лет против 4,29 (рассчитано по: [Пензенская энциклопедия, 2019а](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#); [Лысенко, 2001: 226](#)). Наиболее продолжительным являлось губернаторство А.А. Панчулидзева, находящегося на посту 27 лет 6 месяцев. Менее 7 месяцев руководил губернией С.В. Александровский. Наиболее частая сменяемость губернаторов приходилась на периоды проведения крупных государственных преобразований и социальных катаклизмов. Если в 1801–1859 гг. средний срок пребывания в губернаторской должности составлял 9 лет 5 месяцев, то в 1859–1917 гг. – 4 года.

Не менее важна частота встречающихся сроков пребывания в должности. Если рассматривать этот показатель, то мы увидим, что 9 пензенских губернаторов (45 %) находились на посту от 6 месяцев до 3 лет, что соответствовало общеимперским тенденциям ([Лысенко, 2001: 226](#)) (от 3 до 4 лет – 1 чел., от 4 до 5 – 3 чел., от 5 до 10 – 4 чел., более 10 лет – 3 чел.) (рассчитано по: [Пензенская энциклопедия, 2019а](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#)). Как видим, большинство губернских начальников занимали свой пост меньше среднего срока. Это, с одной стороны, может указывать на нестабильность в функционировании института губернаторства, с другой, – позволяет сделать предположение, что пост пензенского губернатора мог рассматриваться как ступень в карьерной лестнице, особенно во второй половине XIX – начале XX вв.

Рассматривая дальнейшую судьбу местных управленцев, приходим к выводу о том, что служба в должности пензенского губернатора в большей части случаев действительно способствовала продвижению чиновника в бюрократической иерархии. Так, сразу после губернаторства сенаторами были назначены Е.П. Толстой и А.А. Татищев. После ухода с поста пензенского губернатора и трехлетней отставки продолжил службу в сенаторской должности и Г.С. Голицын. Членами Совета Министерства внутренних дел стали В.П. Александровский, А.А. Горяйнов и С.А. Хвостов, вскоре погибший при взрыве на Аптекарском острове в ходе покушения на П.А. Столыпина. Продвижение по линии Министерства финансов получил Я.А. Куприянов, назначенный директором департамента государственного казначейства, а впоследствии – сенатором ([Кузичкин, 2002: 26](#)).

После Пензы непродолжительное сибирское генерал-губернаторство (1819–1821), ставшее дальнейшим шагом по возвращению в высшие эшелоны власти, ожидало М.М. Сперанского. Часть губернаторов была переведена на аналогичные посты в не менее или более престижные регионы империи: А.В. Адлерберг (1903–1911 гг. – псковский губернатор, 1911–1915 гг. – санкт-петербургский губернатор, с 1912 г. – сенатор), И.Ф. Кошко (1911–1914 – пермский губернатор), Ф.П. Лубяновский (1831–1833 гг. – подольский губернатор, с 1833 г. – сенатор) и П.Д. Святополк-Мирский (1897–1900 гг. – екатеринославский губернатор; 1900–1902 гг. – командир отдельного корпуса жандармов и товарищ Министра внутренних дел; 1902–1904 гг. – виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор; 1904–1905 гг. – министр внутренних дел).

Трагично сложилась судьба Н.Д. Селиверстова, в 1872 г. освобожденного по состоянию здоровья от должности губернатора и зачисленного в запасные войска. С 1875 г. Николай Дмитриевич находился в отставке, затем являлся почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета. В марте–августе 1878 г. занимал пост товарища главного начальника 3-го отделения СЕИВК и шефа Отдельного корпуса жандармов Н.В. Мезенцова. В августе–октябре того же года временно исполнял обязанности начальника данного органа. С конца 1880-х гг. проживал за границей. В 1890 г. в Париже был убит польским социалистом.

Для шести управленцев должность пензенского губернатора стала последней на государственной службе. Так, с уходом в отставку окончилась чиновничья карьера Ф.П. Вигеля, А.Н. Волкова, А.А. Евреинова, А.П. Лилиенфельд-Тооля (из-за немецкого происхождения ушел в отставку с началом Первой мировой войны) и А.А. Панчулидзева. Одной из жертв террористического акта, произошедшего в Пензе 25 января 1907 г., стал губернатор С.В. Александровский ([Пензенская энциклопедия, 2019а](#); [Пензенская энциклопедия, 2019b](#); [Кузичкин, 2002: 55–56](#); [Тюстин, 2001: 41–42](#)).

5. Заключение

Пензенские губернаторы по своим личностным и профессиональным характеристикам в основном соответствовали предъявляемым в разные периоды со стороны центральной власти критериям. Между тем их соотношение зависело как от конкретного кандидата, так и от социально-экономической и политической ситуации в регионе и в стране в целом.

Губернатор был важнейшим элементом бюрократической системы. Центр видел в нем универсального специалиста, проецировавшего облик самодержавия в своем регионе и претворяющего в жизнь разработанные в министерских кабинетах идеи.

Носители губернаторской власти в основном были потомственными дворянами, имевшими опыт военной или гражданской службы и чин V–III класса. Набор подобных параметров включал губернаторов в число представителей высших ступеней бюрократической иерархии и придавал их власти элитарно-корпоративный характер.

Проведенный анализ показывает, что должность пензенского губернатора была весьма привлекательной для чиновника и благоприятствовала его переводу в столицу на более высокие

посты. Несмотря на то что губернаторы не всегда отличались образованием высокого уровня, они могли получить свой пост благодаря протекции сверху и в большинстве своем пребывали на посту менее 3 лет. Многие из них оставили заметный след в жизни губернии. Губернаторская власть в значительной степени способствовала формированию культурного пространства Пензенского края, большинство элементов которого стали важнейшими компонентами визуализации ментального образа региона и конструирования его локальной идентичности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>.

Russian Science Foundation, сокращеннонаименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Алексушин, 2008** – *Алексушин Г.В.* Развитие губернаторской власти в России (1708-1917 гг.): исторический опыт и уроки: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 457 с.
- Блинов, 1905** – *Блинов И.А.* Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб.: Типо-литография К.Л. Пентковского, 1905. 366 с.
- Вакилев, 2017** – *Вакилев Т.Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. 370 с.
- Гарбуз, 2002** – *Гарбуз Г.В.* Местное управление в губерниях Поволжья в 1905-1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 301 с.
- Голубев, 2000** – *Голубев А.Г.* Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 304 с.
- Градовский, 1908** – *Градовский А.Д.* Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9: Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления, СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 599 с.
- Ерошкин, 1968** – *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
- Зайончковский, 1978** – *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Записки..., 1891** – Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1891. 221 с.
- Записки..., 1892** – Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 4. М.: Университетская типография, 1892. 184 с.
- Ивановский, 1891** – *Ивановский В.В.* Административное устройство наших окраин. Казань: Типография Императорского университета, 1891. 47 с.
- Исаев, 2006** – *Исаев А.В.* Государственная власть и местное самоуправление в Пензенской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 250 с.
- ИПК, 2022** – История Пензенского края: в 3 т. Т. 1. История Пензенского края с древнейших времён до конца XVIII века / под ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. 448 с.
- Карнишина и др., 2022** – *Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю., Шевнина О.Е.* Провинциальный город Российской империи последней четверти XIX – начала XX вв.: опыт исторического моделирования. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2022. 120 с.
- Карнишина, 2015** – *Карнишина Н.Г.* Институт губернаторства в Российской империи в 1850-1890 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (34). С. 12-22.
- Коркунов, 1909** – *Коркунов Н.М.* Русское государственное право: в 2 т. Т.2: Особенная часть / под ред. и с доп. М.Б. Горенберга, прив.-доц. С.-Петербур. ун-та. 6-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. 739 с.
- Корф, 1910** – *Корф С.А.* Административная юстиция в России: в 2 т. Т.2. Кн. 2: Очерк действующего законодательства. Кн. 3: Очерк теории административной юстиции. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. 507 с.
- Кошелев, 2006** – *Кошелев А.А.* Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1880-х – 1890-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 268 с.
- Кошко, 1916** – *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора: Новгород-Самара-Пенза. Петроград: Типография «Содружество», 1916. 259 с.
- Кузичкин, 2002** – *Кузичкин С.Н.* Они управляли Пензенской губернией. Пенза: Б.и., 2002. 64 с.
- Ломизова, 2003** – *Ломизова Н.И.* Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1801-1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. 221 с.

- Лохвицкий, 1864** – *Лохвицкий А.В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб.: Типография И. Бочкарева, 1864. 228 с.
- Лысенко, 2001** – *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). 2. изд., испр. и доп. М.: Изд-во МПГУ, 2001. 357 с.
- Любичанковский, 2008** – *Любичанковский С.В.* Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2008. 869 с.
- Минаков, 2011** – *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений: по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2011. 524 с.
- Пензенская энциклопедия, 2019a** – Пензенская энциклопедия. 2-е изд-е. В 2 т. Т. 1.: А-М. Пенза, 2019. 836 с.
- Пензенская энциклопедия, 2019b** – Пензенская энциклопедия. 2-е изд-е. В 2 т. Т. 2.: Н-Я. Пенза, 2019. 812 с.
- Письмо..., 1870a** – Письмо М.М. Сперанского к А.А. Столыпину от 6 сентября 1816 г. // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. 1870. Вып. 1-6. С. 890.
- Письмо..., 1870b** – Письмо М.М. Сперанского к А.А. Столыпину от 10 апреля 1817 г. // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. 1870. Вып. 1-6. С. 1134.
- Письмо..., 1870c** – Письмо М.М. Сперанского к А.А. Столыпину от 27 марта 1817 г. // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. 1870. Вып. 1-6. С. 1130.
- Письмо..., 1869** – Письмо М.М. Сперанского к А.А. Столыпину от 26 ноября 1817 г. // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. 1869. Вып. 7-12. С. 1692.
- ПСЗ РИ, 1830a** – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XX. С 1775 по 1780. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ, 1830b** – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. СПб., 1830. № 17867, № 18199.
- ПСЗ РИ, 1838** – Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. Т. XII. Отд. 1. 1837 г. СПб., 1838.
- Савин, 2006** – *Савин О.М.* Императоры и губернаторы: страницы истории пензенского края. Пенза: Б. и., 2006. 429 с.
- Свод законов..., 1857** – Свод законов Российской империи. Т. III. Уставы о службе гражданской. СПб., 1857.
- Справочник..., 2003** – Справочник по административно-территориальному делению Пензенского края 1663-1991 гг.: / Сост.: Т. Б. Яковлева, В. С. Годин. Пенза: Б. и., 2003. 537 с.
- Старков, 2008** – *Старков Д.А.* Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917 гг.: Пензенская, Самарская, Симбирская губернии: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2008. 241 с.
- Трушков, 2017** – *Трушков С.А.* Социокультурный облик вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX века // *История. Историка. Источники*. 2017. № 3. С. 90-97.
- Тюрин, 2004** – *Тюрин В.А.* Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX века: Пензенская, Самарская, Симбирская губернии: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 229 с.
- Тюстин, 2001** – *Тюстин А.В.* Пензенские губернаторы. Пенза: Б.и., 2001. 50 с.
- Шумилов, 1988** – *Шумилов М.М.* Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX века. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. 89 с.
- Шумилов, 1991** – *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М.: Прометей, 1991. 218 с.
- Robbins, 1987** – *Robbins R.G.* The Tsar' viceroys. Russian Provincial Governors in the last years of the Empire. Ithaca; London : Cornell University Press, 1987. 272 p.

References

- Aleksushin, 2008** – *Aleksushin, G.V.* (2008). Razvitie gubernatorskoi vlasti v Rossii (1708-1917 gg.): istoricheskii opyt i uroki [Development of gubernatorial power in Russia (1708-1917): historical experience and lessons]: dis. ...d-ra ist. nauk. M., 457 p. [in Russian]
- Blinov, 1905** – *Blinov, I.A.* (1905). Gubernatory: istoriko-yuridicheskii ocherk [Governors: historical and legal essay]. SPb.: Tipo-litografiya K.L. Pentkovskogo, 366 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1968** – *Eroshkin, N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M.: Vysshayashkola, 368 p. [in Russian]
- Garbuz, 2002** – *Garbuz, G.V.* (2002). Mestnoe upravlenie v guberniyakh Povolzh'ya v 1905-1914 gg. [Local government in the Volga region provinces in 1905-1914]: dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 301 p. [in Russian]
- Golubev, 2000** – *Golubev, A.G.* (2000). Gubernskaya administratsiya Srednego Povolzh'ya v poreformennyi period [Provincial administration of the Middle Volga region in the post-reform period]: dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 304 p. [in Russian]

Gradovskii, 1908 – *Gradovskii, A.D.* (1908). *Sobranie sochinenii A.D. Gradovskogo. T. 9: Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [Collected works of A. D. Gradovsky. Vol. 9: Beginnings of Russian state law. P. 3: Local governments]. Ch. 3: *Organy mestnogo upravleniya*, SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 599 p. [in Russian]

IPK, 2022 – *Istoriya Penzenskogo kraja: v 3 t. T 1. Istoriya Penzenskogo kraja s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of the Penza region: in 3 volumes. Volume 1. History of the Penza region from ancient times to the end of the 18th century]. Pod red. G. N. Belorybkina. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoi oblasti, 2022. 448 p. [in Russian]

Isaev, 2006 – *Isaev, A.V.* (2006). *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie v Penzenskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka* [State power and local self-government in the Penza province in the second half of the 19th century]: dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 250 p. [in Russian]

Ivanovskii, 1891 – *Ivanovskii, V.V.* (1891). *Administrativnoe ustroistvo nashikh okrain* [Administrative structure of our outskirts]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 47 p. [in Russian]

Karnishina i dr., 2022 – *Karnishina, N.G., Karnishin, V.Yu., Shevnina, O.E.* (2022). *Provintsial'nyi gorod Rossiiskoi imperii poslednei chetverti XIX – nachala XX vv.: opyt istoricheskogo modelirovaniya* [Provincial city of the Russian Empire in the last quarter of the 19th – early 20th centuries: experience of historical modeling]. Penza: Privolzhskii Dom znaniy, 120 p. [in Russian]

Karnishina, 2015 – *Karnishina, N.G.* (2015). *Institut gubernatorstva v Rossiiskoi imperii v 1850-1890 gg.* [The institution of governorship in the Russian Empire in 1850-1890]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 2(34): 12-22. [in Russian]

Korf, 1910 – *Korf, S.A.* (1910). *Administrativnaya yustitsiya v Rossii: v 2 t. T.2. Kn. 2: Ocherk deistvuyushchego zakonodatel'stva. Kn. 3: Ocherk teorii administrativnoi yustitsii* [Administrative justice in Russia: in 2 volumes. Vol. 2. Book 2: Outline of current legislation. Book 3: Essay on the theory of administrative justice]. SPb.: Tipografiya Trenke i Fyusno, 507 p. [in Russian]

Korkunov, 1909 – *Korkunov, N.M.* (1909). *Russkoe gosudarstvennoe pravo: v 2 t. T.2: Osobennaya chast'* [Russian state law: in 2 volumes. Vol. 2: Special part]. Pod red. i s dop. M.B. Gorenberga, priv.-dots. S.-Peterb. un-ta. 6-e izd. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 739 p. [in Russian]

Koshelev, 2006 – *Koshelev, A.A.* (2006). *Mestnoe upravlenie v guberniyakh Srednego Povolzh'ya v 1880-kh – 1890-kh gg.* [Local government in the provinces of the Middle Volga region in the 1880s – 1890s]: dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 268 p. [in Russian]

Koshko, 1916 – *Koshko, I.F.* (1916). *Vospominaniya gubernatora: Novgorod-Samara-Penza* [Memoirs of the governor: Novgorod-Samara-Penza]. Petrograd: Tipografiya «Sodruzhestvo», 259 p. [in Russian]

Kuzichkin, 2002 – *Kuzichkin, S.N.* (2002). *Oni upravlyali Penzenskoi guberniei* [They ruled the Penza region]. Penza: B.i., 64 p. [in Russian]

Lokhvitskii, 1864 – *Lokhvitskii, A.V.* (1864). *Guberniya, ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya* [The region, its zemstvo and government institutions. P. 1]. Ch. 1. SPb.: Tipografiya I. Bochkareva, 228 p. [in Russian]

Lomizova, 2003 – *Lomizova, N.I.* (2003). *Mestnoe upravlenie v guberniyakh Srednego Povolzh'ya v 1801-1825 gg.* [Local government in the provinces of the Middle Volga region in 1801-1825]: dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 221 p. [in Russian]

Lysenko, 2001 – *Lysenko, L.M.* (2001). *Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and governors general of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)]. 2. izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo MPGU, 357 p. [in Russian]

Lyubichankovskii, 2008 – *Lyubichankovskii, S.V.* (2008). *Gubernskaya administratsiya i problema krizisa vlasti v pozdneimperskoi Rossii (na materialakh Urals, 1892-1914 gg.)* [Provincial administration and the problem of the crisis of power in late imperial Russia (based on materials from the Urals, 1892-1914)]: dis. ... d-ra ist. nauk. Samara, 869 p. [in Russian]

Minakov, 2011 – *Minakov, A.S.* (2011). *Gubernatorskii korpus i tsentral'naya vlast': problema vzaimootnoshenii: po materialam gubernii Chernozemnogo tsentra vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.* [The governor's corps and the central government: the problem of relationships: based on materials from the regions of the Black Earth Center of the second half of the 19th – early 20th centuries]: dis. ... d-ra ist. nauk. Orel, 524 p. [in Russian]

Penzenskaya entsiklopediya, 2019a – *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza encyclopedia]. 2-e izd-e. V 2 t. T. 1.: A-M. Penza, 2019. 836 p. [in Russian]

Penzenskaya entsiklopediya, 2019b – *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza encyclopedia]. 2-e izd-e. V 2 t. T. 2.: N-Ya. Penza, 2019. 812 p. [in Russian]

Pis'mo..., 1869 – *Pis'mo M.M. Speranskogo k A.A. Stolypinu ot 26 noyabrya 1817 g.* [Letter from M.M. Speransky to A.A. Stolypin dated November 26, 1817]. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik.* 1869. Vyp. 7-12. P. 1692. [in Russian]

Pis'mo..., 1870a – *Pis'mo M.M. Speranskogo k A.A. Stolypinu ot 6 sentyabrya 1816 g.* [Letter from M.M. Speransky to A.A. Stolypin dated September 6, 1816]. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik.* 1870. Vyp. 1-6. P. 890. [in Russian]

- Pis'mo..., 1870b** – Pis'mo M.M. Speranskogo k A. A. Stolypinu ot 10 aprelya 1817 g. [Letter from M.M. Speransky to A.A. Stolypin dated April 10, 1817]. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik*. 1870. Vyp. 1-6. P. 1134. [in Russian]
- Pis'mo..., 1870c** – Pis'mo M.M. Speranskogo k A. A. Stolypinu ot 27 marta 1817 g. [Letter from M.M. Speransky to A.A. Stolypin dated March 27, 1817]. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik*. 1870. Vyp. 1-6. P. 1130. [in Russian]
- PSZ RI, 1830a** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. T. XX. S 1775 po 1780. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI, 1830b** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. T. XXIV. S 6 noyabrya 1796 po 1798. SPb., 1830. № 17867, № 18199. [in Russian]
- PSZ RI, 1838** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881 gg. T. XII. Otd. 1. 1837 g. SPb., 1838. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Robbins, 1987** – *Robbins, R.G.* (1987). The Tsar' viceroys. Russian Provincial Governors in the last years of the Empire. Ithaca; London : Cornell University Press, 1987. 272 p.
- Savin, 2006** – *Savin, O.M.* (2006). Imperatory i gubernatory: stranitsy istorii penzenskogo kraia [Emperors and governors: pages from the history of the Penza region]. Penza: B. i., 429 p. [in Russian]
- Shumilov, 1988** – *Shumilov, M.M.* (1988). Gubernskaya administratsiya i organy tsentral'nogo upravleniya Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Provincial administration and central government bodies of Russia in the second half of the 19th century]. L.: Izd-vo LGPI im. A.I. Gertsena, 89 p. [in Russian]
- Shumilov, 1991** – *Shumilov, M.M.* (1991). Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX veka [Local government and central government in Russia in the 50s – early 80s of the XIX century]. M.: Prometei, 218 p. [in Russian]
- Spravochnik..., 2003** – Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniyu Penzenskogo kraia 1663-1991 gg. [Handbook on the administrative-territorial division of the Penza region 1663-1991]. Sost.: T. B. Yakovleva, V. S. Godin. Penza: B. i., 537 p. [in Russian]
- Starkov, 2008** – *Starkov, D.A.* (2008). Mestnoe administrativnoe upravlenie v Srednem Povolzh'e v gody Pervoi mirovoi voiny, avgust 1914 – fevral' 1917 gg.: Penzenskaya, Samarskaya, Simbirskaya gubernii [Local administrative management in the Middle Volga region during the First World War, August 1914 – February 1917: Penza, Samara, Simbirsk regions]: dis. ... kand. ist. ikh nauk. Samara, 241 p. [in Russian]
- Svod zakonov..., 1857** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of laws of the Russian Empire. Vol. III. Charters on civil service]. T. III. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi. SPb., 1857. [in Russian]
- Trushkov, 2017** – *Trushkov, S.A.* (2017). Sotsiokul'turnyi oblik vyatskikh gubernatorov vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Sociocultural appearance of Vyatka governors of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki*. 3: 90-97. [in Russian]
- Tyurin, 2004** – *Tyurin, V.A.* (2004). Gubernskaya administratsiya i gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v provintsial'noi Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: Penzenskaya, Samarskaya, Simbirskaya gubernii [Provincial administration and city public administration in provincial Russia of the late XIX - early XX centuries: Penza, Samara, Simbirsk regions]: dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 229 p. [in Russian]
- Tyustin, 2001** – *Tyustin, A.V.* (2001). Penzenskie gubernatory [Penza governors]. Penza: B.i., 50 p. [in Russian]
- Vakilev, 2017** – *Vakilev, T.R.* (2017). Provintsial'noe chinovnichestvo v sisteme gosudarstvennogo upravleniya vo vtoroi chetverti XIX veka (na materialakh Penzenskoi gubernii) [Provincial bureaucracy in the system of public administration in the second quarter of the 19th century (based on materials from the Penza region)]: dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 370 p. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1978** – *Zaionchkovskii, P.A.* (1978). Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v. The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. M.: Mysl', 288 p. [in Russian]
- Zapiski..., 1891** – Zapiski Filippa Filippovicha Vigelya [Notes of Philip Philipovich Vigel. P. 1]. Ch. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1891. 221 p. [in Russian]
- Zapiski..., 1892** – Zapiski Filippa Filippovicha Vigelya. Ch. 4 [Notes of Philip Philipovich Vigel. P. 4]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1892. 184 p. [in Russian]

Социокультурная характеристика пензенских губернаторов XIX – начала XX вв.

Иван Николаевич Иноземцев^{a, *}, Ольга Александровна Филенкова^a

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Kerskij@mail.ru (И.Н. Иноземцев), filenkova_oa@mail.ru (О.А. Филенкова)

Аннотация. В статье на основе анализа разноплановых источников исследуется социокультурный облик пензенских губернаторов в 1801–1917 гг. Дается его комплексная характеристика по следующим показателям: сословное происхождение, уровень и вид образования, чин, возраст при вступлении в должность, наличие административного опыта.

Рассмотрены основные черты кадровой политики в отношении начальников губернии. Установлено, что выбор кандидата определялся не только набором формальных критериев, необходимых для занятия губернаторской должности, но и часто обуславливался рядом неформальных обстоятельств. В целом исход того или иного кадрового варианта зависел от совокупности факторов, комбинация которых могла варьироваться на протяжении изучаемого периода в зависимости от внутригосударственных и международных процессов. При этом, несмотря на то что для Пензенской губернии не было характерно снижение роли военного начала в гражданской губернаторской службе, на протяжении XIX в. наблюдался явный рост профессионального и образовательного потенциала управленцев.

Авторами также изучены основные вехи профессионального пути пензенских губернаторов. При рассмотрении места губернаторской должности в карьере имперского чиновника отмечено, что ее получение являлось достаточно важным этапом карьеры, в большинстве случаев открывающим путь к столичной службе. Кроме того, в этом контексте осуществлена попытка реконструкции образа Пензенской губернии, представленного в мемуарных текстах и частной переписке отдельных губернских администраторов.

Ключевые слова: Пензенская губерния, губернаторы, кадровая политика, чиновничество, государственная служба, карьера, социокультурный портрет.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1107-1114
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1107

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the St. Petersburg Educational District (1803–1917)

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Valentina S. Nikitina ^d, Natalia V. Svechnikova ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper examines the pedagogical periodical press on the territory of the St. Petersburg Educational District in 1803–1917. The source base of the research was both highly specialized publications on the periodical press of the Russian Empire, as well as pre-revolutionary periodicals themselves. The methodological basis of the work is the methods of content analysis, the retrospective method and the method of deduction. The combined use of these methods allowed the authors to carry out work on the search, systematization (including chronological) and verification of materials.

In conclusion, the authors note that in the territory of the St. Petersburg Educational District in the period 1803–1917, a record number of educational journals were published among the educational districts – 115 pedagogical ones, 114 of them in St. Petersburg and 1 in Vologda. At the same time, the district also had the oldest Periodical in the Russian Empire (founded in 1803). St. Petersburg scientific journals, due to their large number, were devoted to various issues, starting with preschool education and ending with the teaching methods of various disciplines. Some scientific journals, such as the “Spravochnyi listok” (aka “Petrogradsky Uchitel”), “Vestnik psikhologii”, “Kommercheskoe obrazovanie”, were published almost until 1917.

Keywords: pedagogical periodical press, St. Petersburg Educational District, 1803–1917.

1. Введение

Уникальное явление в Российской империи представляла территория Санкт-Петербургского учебного округа, который был основан в 1803 г. Несмотря на то что в 1897 г. в губерниях его проживало всего 6,7 млн человек (к примеру, в Московском учебном округе – 17,9 млн, в Казанском – 13 млн, в Харьковском – 14,2 млн и т.д.), округ в разное время издавал 114 педагогических изданий (к примеру, в Московском учебном округе их было 43, в Казанском – 10, в Харьковском – 11 и т.д.) (Cherkasov, 2023: 1684-1687). Уникальность Санкт-Петербургского учебного округа заключалась в том, что в состав ее территорий входила и столица Российской империи – город Санкт-Петербург, на долю которого и приходилась основная часть периодических изданий. Данным исследованием мы завершаем цикл работ, посвященных педагогической периодической печати учебных округов Российской империи.

2. Материалы и методы

Традиционно источниковой базой нашего исследования становились как узкоспециализированные издания о периодической печати Российской империи, так и

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

непосредственно дореволюционные периодические издания. Среди материалов периодической печати мы можем назвать «Отклики народного учителя и его досуги» ([Отклики народного учителя..., 1907](#)), «Русский педагогический вестник» ([Русский педагогический..., 1857](#)), «На помощь матерям» ([На помощь..., 1894](#)).

Методологической основой работы являются методы, характерные для данного жанра работы. В первую очередь, речь идет о методе контент-анализа. Второстепенное, но большое значение для нас имели хронологический (ретроспективный), а также дедуктивный методы. Совокупное применение этих методов позволило нам провести работу по поиску, систематизации (в том числе хронологической) и верификации материалов.

3. Обсуждение

Историографию темы нашего исследования мы разделили на несколько проблемных групп: первая – работы, посвященные разным аспектам деятельности Санкт-Петербургского учебного округа; вторая – публикации о редакторах и научных журналах, которые работали на территории Санкт-Петербургского учебного округа; третья – это труды о периодических изданиях других учебных округов и ведомственная периодическая печать.

К первой группе работ мы хотели бы отнести труд Т.С. Буториной и Н.И. Кабринской об учительском составе на территории Архангельской губернии в начале XIX века ([Буторина, Кабринская, 2010](#)). Также стоит отметить работу Н.М. Федоровой и других о сравнении женского образования на рубеже XIX-XX вв. на примере Санкт-Петербурга и Витебской губернии ([Федорова и др., 2020](#)). Интерес представляют и труды И.А. Трофимова о чиновничьем персонале Санкт-Петербургского учебного округа ([Трофимов, 2022](#); [Трофимов, 2023](#)).

Ко второй группе работ мы бы отнесли публикацию О.Н. Мязотс о критике детской литературы и, в частности, журнала «Что и как читать детям» ([Мязотс, 2016](#)). С.В. Воробьев рассматривал деятельность В.М. Бехтерева (редактор журнала «Вестник психологии») ([Воробьев, 2007](#)). В.В. Шевлякова обращалась к проблеме трудового воспитания ([Шевлякова, 2020](#)). Труд Г.С. Лапшиной был непосредственно посвящен редактору А. Симонович и ее журналу «Детский сад» ([Лапшина, 2010](#)). В.Ю. Шевелев обращался к социальному портрету учителя в педагогической периодической печати ([Шевелев, 2023](#)).

В третьей группе среди работ о ведомственной периодической печати мы хотели бы назвать публикацию А.М. Мамадалиева ([Mamadaliyev et al., 2022](#)), а также его же работу о дошкольных журналах Российской империи ([Mamadaliyev et al., 2023](#)). Труд И.Ю. Черкасовой и других – о журналах учебных заведений ([Cherkasova et al., 2023](#)), ее же работа – о журналах Министерства народного просвещения ([Cherkasova et al., 2023a](#)). Что касается работ о журналах других учебных округов, то здесь нужно назвать следующие труды. А.М. Мамадалиевым и другими были рассмотрены педагогические журналы на территории Кавказского, Рижского, Харьковского и Киевского учебных округов ([Mamadaliyev et al., 2022a](#); [Mamadaliyev et al., 2023a](#); [Mamadaliyev et al., 2023b](#); [Mamadaliyev et al., 2023c](#)). И.Ю. Черкасова и другие обращались к изучению аналогичных проблем на территории Оренбургского, Одесского, Варшавского, Виленского и Московского учебных округов ([Cherkasova et al., 2023b](#); [Cherkasova et al., 2023c](#); [Cherkasova et al., 2024](#); [Cherkasova et al., 2024a](#); [Cherkasova et al., 2024b](#)). В.Л. Музыкант и другие обращались к изучению периодики Казанского учебного округа ([Muzykant et al., 2022](#)).

4. Результаты

Итак, общеизвестно, что в состав Санкт-Петербургского учебного округа, помимо одноименной губернии, входили Новгородская, Псковская, Олонецкая, Вологодская и Архангельская губернии. Как правильно отмечал в своем исследовании А.А. Черкасов, в Санкт-Петербурге издавалось 114 педагогических журналов ([Cherkasov, 2023: 1684-1685](#)), но в округе их было 115, так как в административном центре Вологодской губернии, в городе Вологда, издавался еще один педагогический журнал – «Отклики народного учителя и его досуги». Период издания этого журнала были 1907–1908 гг. Журнал издавался в Вологде ежемесячно под редакцией А.Ф. Знаменского. Известно о выходе 12-ти номеров в 1907 г. и 6-ти номеров – в 1908 г. Основателем журнала был местный педагог, а впоследствии инспектор Вологодской дирекции народных училищ. Журнал позиционировался как площадка для обмена мнениями между учителями низших и начальных народных училищ ([Отклики народного учителя, 1907](#)).

Что же касается Санкт-петербургских периодических журналов, то они представлены, в том числе, старейшим в России педагогическим журналом «Периодическое сочинение», который издавался с 1803 г., то есть являлся ровесником Санкт-Петербургского учебного округа. Это издание являлось официальным органом Главного правления училищ и существовало в период 1803–1817 гг. На протяжении этого периода его редактором являлся известный русский энциклопедист, член Петербургской и Российской академий наук Николай Яковлевич Озерецковский ([Библиография..., 1915: 39](#)). Всего было выпущено 44 номера.

Рис. 1. Н.Я. Озерецковский (1750–1827 гг.)

В 1802 г. в России было создано Министерство народного просвещения. «Периодическое сочинение» по своей сути являлось первым его официальным органом. В рубрику журнала входили такие темы, как законодательство по народному образованию; вопросы поддержки частных лиц, способствующих развитию образования; сведения о результатах успеваемости воспитанников; отчеты (Аблов, 1937: 25). На журналах ведомства Министерства народного просвещения мы не будем подробно останавливаться, так как они уже рассматривались в труде Р.М. Аллалыева и других (Allaluyev et al., 2022).

Старейшим неминистерским изданием был «Педагогический журнал», который издавался в 1833–1834 гг. А.Г. Ободовским и другими. За указанное время вышло 6 номеров журнала. А.Г. Ободовский являлся известным русским педагогом, автором издания «Руководство к педагогике, или науке о воспитании» (Ободовский, 1835).

В 1857–1859 гг. в Санкт-Петербурге начал издаваться первый для родителей и наставников «Журнал для воспитания». Этот журнал издавался ежемесячно, а его редактором был педагог-практик А. Чумиков. В журнале освещались темы экзаменов, физического воспитания и даже вопросы педагогической психологии. В 1860 г. журнал был переименован в «Воспитание», после чего издавался еще 3 года (Аблов, 1937: 29–30).

В 1857–1861 гг. в столице издавался и «Русский педагогический вестник», который был основан педагогом Н. Вышнеградским. Журнал фокусировался на идее женского образования и занимался пропагандой этого направления (Русский педагогический..., 1857: 2).

В 1862 г. в городе была предпринята попытка издавать журнал «Гувернантка» для начальниц институтов и пансионов, классных дам, домашних наставниц и учительниц. Редакторами-издателями были Агния Мамышева и Зоя Травлинская. В 1862 г. было издано 6 номеров журнала (Библиография..., 1915: 178).

В том же 1862 г. делается попытка создания и справочного издания для учителей – «Справочный листок», который издавался при журнале «Учитель». «Справочный листок» издавался 24 раза в год в период с 1863 по 1870 гг. В этом периодическом издании публиковались сведения о новых книгах по педагогическим вопросам и об учебной литературе (Аблов, 1937: 33).

Настоящим событием в педагогической жизни Российской империи стал выход в свет первого номера журнала «Детский сад». Журнал выходил ежемесячно в 1866–1868 гг., а его издателем была Аделаина Семеновна Симанович. Журнал был полностью посвящен воспитанию детей дошкольного возраста. Интересно то, что журнал открылся спустя три года после создания в России первого детского сада, который также находился в Санкт-Петербурге. В рубрику журнала входили статьи по вопросам воспитания семьи и детского сада, а также практические занятия (рассказы детского сада, работа детского сада, подвижные игры и т.д.). Большая часть статей принадлежала самому редактору (Лапшина, 2010: 16–18). В 1869 г. А.С. Симанович вошла в состав редакторов журнала, а издавать журнал начала Е. Бороздина. В таком виде журнал просуществовал до 1876 г., а в 1877 г. сменил название на «Воспитание и обучение».

В 1869–1889 гг. предпринимались также попытки выпуска журнала «Народная школа». В 1869–1877 гг. редактором-издателем был Ф.Ф. Медников, в 1878–1889 гг. – А.П. Пятковский. Целью издания было предоставить народным учителям педагогический и общеобразовательный материал, необходимый для практической и специальной деятельности, а также для самообразования. В рубрику журнала входили следующие разделы: школьное законодательство; педагогика и

дидактика; практика народных школ и народного образования; публикации общенаучного содержания; критика и библиография (Аблов, 1937: 39).

В 1872 г. в городе появился «Педагогический листок» при Санкт-Петербургских женских гимназиях. Это издание редактировал И.Т. Осинин. Журнал издавался по 10 раз в год (с августа по май) до 1875 г. В рубрикации журнала входили следующие разделы: приказы и распоряжения, которые относились к женскому образованию; сведения об образовании и состоянии женских гимназий города; программы и образцовые уроки, а также статьи общепедагогического содержания (Аблов, 1937: 41).

В 1873 г. в Санкт-Петербурге начал издаваться журнал по проблемам начальной школы – «Наша начальная школа». Периодичность издания была 10 раз в год. Редактором-издателем был Ю. Семашко (Библиография..., 1915: 295).

По мере развития в России технического образования стала появляться и соответствующая периодическая печать. Так, в 1877–1891 гг. с перерывами издавался журнал «Труды по техническому образованию». На последнем этапе работы журнала ответственным редактором был Е.М. Гаршин. В этом издании публиковались журналы заседаний постоянной комиссии по техническому образованию, журналы заседаний специальных комиссий по техническому образованию, доклады, а также хроника технического общества (Аблов, 1937: 44). В это время, с 1885 по 1887 гг., в городе издавался еще один естественнонаучный журнал – «Медико-педагогический вестник». Этот ежемесячный журнал был изданием врачебно-воспитательного учреждения для умственно-отсталых и дефективных детей, и редактировал его врач М.В. Маляревский. В рубрикации журнала были следующие темы: статьи по общим вопросам и медицине; гигиена в семье и школе; педагогическая антропология; наблюдения над явлениями общественной жизни; училищеведение и теория педагогики (Библиография..., 1915: 463).

В 1890–1891 гг. предпринималась попытка издания международного литературно-лингвистического журнала «Учитель-лингвист» для изучения шести языков для взрослых и детей. Редактором-издателем была О. Максимова. В журнале публиковались статьи педагогического характера по методике преподавания языков (Библиография..., 1915: 540).

В 1892–1909 гг. в городе издавался педагогический и научно-популярный журнал «Образование». В разное время его редакторами-издателями были В. Сиповский (1892–1901 гг.) и А.Я. Острогорский (1902–1907 гг.) (Аблов, 1937: 53).

В 1894–1904 гг. в Санкт-Петербурге делалась попытка издания журнала «На помощь матерям», который был посвящен вопросам воспитания детей дошкольного возраста. Редактором-издателем журнала была А.Н. Пешкова-Толиверова. Он издавался 9 раз в год и являлся приложением к журналу для детей «Игрушечка» (На помощь..., 1894).

В 1894 г. был создан еще один журнал, который просуществовал до 1917 г., – «Справочный листок». Журнал являлся изданием Санкт-Петербургского педагогического общества взаимной помощи. Редактировал его Ф.С. Матвеев. Всего вышло 42 номера этого издания. В 1915 г. журнал сменил название и стал называться «Петроградский учитель» (Аблов, 1937: 66).

В 1896–1901 гг. предпринималась попытка выпуска узкоспециализированного журнала «Школьное хозяйство». Этот иллюстрированный журнал специализировался на вопросах по разным отраслям сельского хозяйства и садоводства для народных училищ. В 1896–1898 гг. журнал редактировал и издавал А.Ф. Рудзкий, а в 1899–1901 гг. – А. Калантар. Издание выходило 6 раз в год (Шевлякова, 2020: 91-92).

В 1898–1900 г. предпринималась попытка издания еще одного узкоспециализированного издания для глухонемых – «Листок по обучению» глухонемых по звуковому способу, а также по их поддержке. Редактором-издателем был А.Ф. Острогорский. В 1898 г. вышел пробный номер журнала. В этом издании публиковались работы по истории обучения глухонемых, по методике преподавания и прочему (Аблов, 1937: 59).

В 1901–1909 гг. издавался «Вестник учителей рисования», художественно-педагогический ежемесячный журнал. Редактором-издателем этого проекта был А.И. Смирнов. В журнале публиковались статьи по эстетическому воспитанию, по методике преподавания рисования и пр. В 1910 г. журнал стал издаваться под названием «Художественно-педагогический журнал» (Беляева и др., 1958: 245).

В 1908 г. в городе появился журнал «Коммерческое образование», который являлся органом Русского счетоводного общества взаимной помощи. Издание позиционировалось как журнал коммерческого образования, коммерческих знаний и практической деятельности. Редакторами его были А.И. Даринский и Е.Е. Сиверс. Выходил до 1916 г. В журнале публиковались Т. Богданович, В. Алмединген, М. Фишер, Ц. Шимановский и др. (Беляева и др., 1959: 187).

В 1909 г. в городе начал свою работу «Ежегодник экспериментальной педагогики». Издавался под редакцией А.П. Нечаева до 1914 г. Всего было опубликовано 7 номеров. Это издание являлось сборником статей и преследовало целью дать научно-педагогической общественности возможность ознакомиться с характерными работами в области международных педагогических исследований (Аблов, 1937: 79).

В 1911 г. к изданию собственных средств массовой информации приступили и студенты, создав «Листок студентов-психоневрологов». Это издание являлось газетой студентов и слушателей Психоневрологического института. В 1911/1912 уч. г. редактором-издателем был М. Костин, а в 1912/1913 уч. г. – Г. Малицкий. Этот орган был создан для информирования по всем вопросам институтской жизни и деятельности, а также для освещения принципиальных вопросов, касающихся учебных планов, проведения студенческих научных кружков и т.д. (Аблов, 1937: 85).

Еще одним интересным проектом был педагогический журнал «Обновление школы». Время его создания было связано с масштабной школьной реформой, в ходе которой в России появились 6-классные высшие начальные училища. Редактором-издателем был А. Зачинцев, а журнал издавался в 1911–1915 гг. Отдел экспериментальной педагогики выходил под редакцией приват-доцента Нью-Йоркского университета, доктора философии и педагогики И.Р. Радославдьеви́ча (Беляева и др., 1959: 497).

В 1911–1917 гг. в городе также издавался «Вестник психологии», в сферу которого также входили вопросы криминологии, антропологии и педологии. Редактором-издателем был В.М. Бехтерев. Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927 гг.) являлся одним из ведущих представителей мировой неврологии и психиатрии (Воробьев, 2007: 56). Ежегодно издавалось по 5 номеров данного журнала. Журнал преследовал целью разработку приоритетных вопросов психологии, в том числе, и психологии детства. Уделялось внимание педагогической психологии и вопросам педагогики.

Еще один интересный проект был начат в 1912 г. – это критико-библиографический журнал «Что и как читать детям». Издателем журнала была Н.А. Бекетова, а редактором – Е.А. Елачич. Журнал издавался ежемесячно вплоть до 1917 гг. В журнале публиковались критико-библиографические обзоры на литературу, но, помимо этого, публиковались и педагогические статьи по отдельным вопросам детского чтения и воспитания (Мяэотс, 2016: 137).

Очевидно, что мы не преследовали целью назвать и рассмотреть все 114 журналов, которые издавались в Санкт-Петербурге, так как мы уже отмечали, что здесь не указывались журналы Министерства народного просвещения. Помимо этого, мы не включили в выборку журналы духовного ведомства, а также журналы, которые имели короткий период существования. Тем не менее представленная нами выборка вполне репрезентативна.

5. Заключение

Итак, подводя итоги, сделаем следующие выводы.

1. На территории Санкт-Петербургского учебного округа в период 1803–1917 гг. издавалось рекордное среди учебных округов количество журналов: 115 педагогических журналов, из них 114 – в Санкт-Петербурге, и 1 – в Вологде. При этом в округе был и старейший в Российской империи журнал «Периодическое сочинение» (основан в 1803 г.).

2. Санкт-петербургские научные журналы ввиду своей многочисленности были посвящены разнообразным вопросам, начиная с дошкольного воспитания и заканчивая методикой преподавания разных дисциплин. Некоторые научные журналы, такие, как «Справочный листок» (он же «Петроградский учитель»), «Вестник психологии», «Коммерческое образование», издавались практически до 1917 г.

Литература

- Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803-1916 гг.). М., 1937.
- Беляева и др., 1958 – Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 1. Ленинград, 1958.
- Беляева и др., 1959 – Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 2. Ленинград, 1959.
- Библиография..., 1915 – Библиография русской периодической печати. 1703-1900 гг. / Сост. Н.М. Лисовский. Петроград, 1915.
- Буторина, Кабринская, 2010 – Буторина Т.С., Кабринская Н.И. Учительские кадры Архангельской губернии в первой четверти XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2010. № 4. С. 115-119.
- Воробьев, 2007 – Воробьев В.С. В.М. Бехтерев и XXI век: к 150-летию со дня рождения ученого // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. 2007. № 3. С. 56-62.
- Лапшина, 2010 – Лапшина Г.С. Аделаина Симонович и журнал «Детский сад» // Гендер и СМИ. 2010. № 3. С. 16-25.
- Мяэотс, 2016 – Мяэотс О.Н. Критика детской литературы в России в годы Первой мировой войны (по материалам журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям») // Детские чтения. 2016. № 2. С. 136-160.
- На помощь..., 1894 – На помощь матерям. 1894. № 1.
- Ободовский, 1835 – Ободовский А.Г. Руководство к педагогике, или науке о воспитании. СПб., 1835.
- Отклики народного учителя..., 1907 – Отклики народного учителя и его досуги. 1907. № 7.
- Русский педагогический..., 1857 – Русский педагогический вестник. 1857. № 1.

- Трофимов, 2022** – Трофимов И.А. Функции попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2022. № 4 (27). С. 47-49.
- Трофимов, 2023** – Трофимов И.А. Окружные инспектора Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III // *Интеллигенция и мир*. 2023. № 2. С. 31-49.
- Федорова и др., 2020** – Федорова Н.М., Михайлова Е.Л., Бусел-Кучинская Е.Н. Женское образование в Российской империи на рубеже XIX-XX вв.: опыт столицы и белорусских земель (на примере Витебской губернии) // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические труды*. 2020. № 20-1. С. 158-166.
- Шевелев, 2023** – Шевелев В.Ю. Социальный портрет учителя в отечественной педагогической периодической печати в 1860-1880-е гг. // *История повседневности*. 2023. № 4(28). С. 69-84.
- Шевлякова, 2020** – Шевлякова В.В. Проблемы трудового воспитания в России в конце XIX – начале XX века // *Педагогический журнал*. 2020. Т. 10. № 2-1. С. 91-96.
- Allalyev et al., 2022** – Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Novitskay L.Yu., Rozhnov S.N. The Periodical Press of the Ministry of Public Education in the Russian Empire (1803–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 962-971.
- Cherkasov, 2023** – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- Cherkasova et al., 2023** – Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. Pedagogical Journals Produced by Educational Institutions in the Russian Empire in the Period 1873–1917 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(3): 1064-1070.
- Cherkasova et al., 2023a** – Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. Pre-Revolutionary Pedagogical Periodical Press: the Reference Publications on Public Education (1862–1916) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1283-1289.
- Cherkasova et al., 2023b** – Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1881-1888.
- Cherkasova et al., 2023c** – Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. Revisiting the Pedagogical Periodical Press in the Odessa Educational District (1864–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1508-1513.
- Cherkasova et al., 2024** – Cherkasova I.Yu., Koroleva L.A., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Warsaw School District (1867–1916) // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 232-237.
- Cherkasova et al., 2024a** – Cherkasova I.Yu., Koroleva L.A., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. Revisiting the Pedagogical Periodical Press in the Vilna Educational District (1862–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2024. 13(1): 347-351.
- Cherkasova et al., 2024b** – Cherkasova I.Yu., Koroleva L.A., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Moscow Educational District (1804–1917) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 632-639.
- Mamadaliev et al., 2022** – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1877-1884.
- Mamadaliev et al., 2022a** – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- Mamadaliev et al., 2023** – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The Russian Prerevolutionary Periodical Press on Out-Of-School Education (1907–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(1): 295-300.
- Mamadaliev et al., 2023a** – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699-704.
- Mamadaliev et al., 2023b** – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- Mamadaliev et al., 2023c** – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.
- Muzykant et al., 2022** – Muzykant V.L., Burdovskaya E.Yu., Yurova Yu.V., Zyukina Z.S. The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1339-1344.

References

- Ablov, 1937** – Ablov, N.N. (1937). *Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803-1916 gg.) [Pedagogical periodicals (1803-1916)].* М. [in Russian]

- Allalyev et al., 2022 – Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Novitskay, L.Yu., Rozhnov, S.N. (2022). The Periodical Press of the Ministry of Public Education in the Russian Empire (1803–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 962-971.
- Belyaeva i dr., 1958 – Belyaeva, L.N., Zinov'eva, M.K., Nikiforov, M.M. (1958). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals 1901-1916]. V 4 t. T. 1. Leningrad. [in Russian]
- Belyaeva i dr., 1959 – Belyaeva, L.N., Zinov'eva, M.K., Nikiforov, M.M. (1959). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1703-1900]. V 4 t. T. 2. Leningrad. [in Russian]
- Bibliografiya..., 1915 – Bibliografiya russkoi periodicheskoi pechati. 1703-1900 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1703-1900]. Sost. N.M. Lisovskii. Petrograd, 1915. [in Russian]
- Butorina, Kabrinskaya, 2010 – Butorina, T.S., Kabrinskaya, N.I. (2010). Uchitel'skie kadry Arkhangel'skoi gubernii v pervoi chetverti XIX veka [Teaching staff of the Arkhangel'sk province in the first quarter of the 19th century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 4: 115-119. [in Russian]
- Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- Cherkasova et al., 2023 – Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2023). Pedagogical Journals Produced by Educational Institutions in the Russian Empire in the Period 1873–1917. *European Journal of Contemporary Education*. 12(3): 1064-1070.
- Cherkasova et al., 2023a – Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2023). Pre-Revolutionary Pedagogical Periodical Press: the Reference Publications on Public Education (1862–1916). *Bylye Gody*. 18(3): 1283-1289.
- Cherkasova et al., 2023b – Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2023). To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917). *Bylye Gody*. 18(4): 1881-1888.
- Cherkasova et al., 2023c – Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2023). Revisiting the Pedagogical Periodical Press in the Odessa Educational District (1864–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1508-1513.
- Cherkasova et al., 2024 – Cherkasova, I.Yu., Koroleva, L.A., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2024). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Warsaw School District (1867–1916). *Bylye Gody*. 19(1): 232-237.
- Cherkasova et al., 2024a – Cherkasova, I.Yu., Koroleva, L.A., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2024). Revisiting the Pedagogical Periodical Press in the Vilna Educational District (1862–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 13(1): 347-351.
- Cherkasova et al., 2024b – Cherkasova, I.Yu., Koroleva, L.A., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2024). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Moscow Educational District (1804–1917). *Bylye Gody*. 19(2): 632-639.
- Fedorova i dr., 2020 – Fedorova, N.M., Mikhailova, E.L., Busel-Kuchinskaya, E.N. (2020). Zhenskoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX-XX vv.: opyt stolitsy i belorusskikh zemel' (na primere Vitebskoi gubernii) [Female education in the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries: the experience of the capital and the Belarusian lands (on the example of the Vitebsk province)]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie trudy*. 20-1: 158-166. [in Russian]
- Lapshina, 2010 – Lapshina, G.S. (2010). Adelaina Simonovich i zhurnal «Detskii sad» [Adelaina Simonovich and the journal “Detskii sad”]. *Gender i SMI*. 3: 16-25. [in Russian]
- Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1877-1884.
- Mamadaliev et al., 2022a – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- Mamadaliev et al., 2023 – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). The Russian Prerevolutionary Periodical Press on Out-Of-School Education (1907–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 295-300.
- Mamadaliev et al., 2023a – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 699-704.
- Mamadaliev et al., 2023b – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.
- Mamadaliev et al., 2023c – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.

Muzykant et al., 2022 – Muzykant, V.L., Burdovskaya, E.Yu., Yurova, Yu.V., Zyukina, Z.S. (2022). The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1339-1344.

Myaets, 2016 – Myaets, O.N. (2016). Kritika detskoj literatury v Rossii v gody Pervoi mirovoj vojny (po materialam zhurnalov «Novosti detskoj literatury» i «Chto i kak chitat' detyam») [Criticism of children's literature in Russia during the First World War (based on materials from the journals “Novosti detskoj literatury” and “Chto i kak chitat' detyam”)]. *Detskie chteniya*. 2: 136-160. [in Russian]

Na pomoshch'..., 1894 – Na pomoshch' materyam [To Help Mothers]. 1894. № 1. [in Russian]

Obodovskii, 1835 – Obodovskii, A.G. (1835). Rukovodstvo k pedagogike, ili nauke o vospitanii [Guide to Pedagogy, or the Science of Education]. SPb. [in Russian]

Otkliki narodnogo uchitelya..., 1907 – Otkliki narodnogo uchitelya i ego dosugi [Responses of the people's teacher and his leisure time]. 1907. № 7. [in Russian]

Russkii pedagogicheskii..., 1857 – Russkii pedagogicheskii vestnik. 1857. № 1. [in Russian]

Shevelev, 2023 – Shevelev, V.Yu. (2023). Sotsial'nyi portret uchitelya v otechestvennoj pedagogicheskoi periodicheskoi pechati v 1860-1880-e gg. [Social portrait of a teacher in the national pedagogical periodical press in the 1860-1880s]. *Istoriya povsednevnosti*. 4(28): 69-84. [in Russian]

Shevlyakova, 2020 – Shevlyakova, V.V. (2020). Problemy trudovogo vospitaniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Problems of labor education in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Pedagogicheskii zhurnal*. 10. 2-1: 91-96. [in Russian]

Trofimov, 2022 – Trofimov, I.A. (2022). Funktsii popechitelya Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga v period pravleniya Aleksandra III [Functions of the trustee of the St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 4(27): 47-49. [in Russian]

Trofimov, 2023 – Trofimov, I.A. (2023). Okruzhnye inspektora Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga v period pravleniya Aleksandra III [District inspectors of the St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III]. *Intelligentsiya i mir*. 2: 31-49. [in Russian]

Vorob'ev, 2007 – Vorob'ev, V.S. (2007). V.M. Bekhterev i XXI vek: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo [Bekhterev and the 21st century: on the 150th anniversary of the scientist's birth]. *Annaly klinicheskoi i eksperimental'noi neurologii*. 3: 56-62. [in Russian]

К вопросу о педагогической периодической печати Санкт-Петербургского учебного округа (1803–1917 гг.)

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Валентина Сергеевна Никитина ^d, Наталья Викторовна Свечникова ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается педагогическая периодическая печать на территории Санкт-Петербургского учебного округа в 1803-1917 гг. Источниковой базой исследования стали как узкоспециализированные издания о периодической печати Российской империи, так и непосредственно дореволюционные периодические издания. Методологической основой работы являются методы контент-анализа, ретроспективный метод и метод дедукции. Совокупное применение этих методов позволило авторам провести работу по поиску, систематизации (в том числе хронологической) и верификации материалов.

В заключение авторы отмечают, что на территории Санкт-Петербургского учебного округа в период 1803–1917 гг. издавалось рекордное среди учебных округов количество журналов – 115 педагогических, из них 114 – в Санкт-Петербурге и 1 – в Вологде. При этом в округе был и старейший в Российской империи журнал «Периодическое сочинение» (основан в 1803 г.). Санкт-Петербургские научные журналы ввиду своей многочисленности были посвящены разнообразным вопросам, начиная с дошкольного воспитания и заканчивая методикой преподавания разных дисциплин. Некоторые научные журналы, такие, как «Справочный листок» (он же «Петроградский учитель»), «Вестник психологии», «Коммерческое образование», издавались практически до 1917 г.

Ключевые слова: педагогическая периодическая печать, Санкт-Петербургский учебный округ, 1803–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1115-1123
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1115

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Population of the Kazan Province in Scientific Publications, Nonfiction Literature and Statistical Materials of the 19th century – early 20th centuries

Vadim E. Kozlov ^{a, *}, Tatiana A. Titova ^a

^a Kazan State University, Kazan, Russian Federation

Abstract

Russian population of the region is becoming the object of research of the representatives of Kazan ethnographic school from the second half of the 1940s. By the early 1990s the material culture, features of family life and social relations had been thoroughly studied, local variations of the rituals of the life cycle and especially the wedding cycle were described in detail. The acknowledgement of the narrowness of the written source base, which was essential for the deep reconstruction of local Russian culture of the 19th century, became the common place of most publications. Thus, the key element of the ethnographic description was the authors' "field" material, which was obtained during regular ethnographic expeditions. The age of informants and the conservativeness of the rural environment made it possible to accurately recreate the "ethnographic present" of the late 19th – early 20th centuries. The analysis of the earlier period used to be mainly based on individual works of the pre-Soviet era.

The purpose of this work is a comprehensive historiographic analysis of materials published between 1804 and 1917, containing information about the Russian population of the Kazan province and, its ethnographic features. The object of study is the corpus of published materials of different genres, publications of scientific and cultural-educational nature in particular, as well as statistical and other documentary information about the Russian population of the Kazan province. Consideration of the published sources in combination will allow to compile a more accurate and complete picture of the representation of the Russian population in public space during the formation of ethnography in Russia as an independent field of scientific knowledge.

Keywords: Kazan province, Russian population, ethnographic features, foreigners, folklore, life-cycle rituals, dialect.

1. Введение

Становление отечественной этнографии проходило в XIX веке через институализацию предметной области в рамках университетской науки и деятельность тематических добровольных научных обществ, в частности, Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее ОАИЭ), а также ряда других. Применительно к этнографической традиции изучения русского населения Казанской губернии ключевыми акторами в рассматриваемый период стали Казанский императорский университет, образованный в 1804 году, и ОАИЭ, учрежденное при Казанском университете в 1878 году. В Уставе последнего впервые в качестве основополагающей цели было указано «изучение прошлого и настоящего русского населения края» (*Известия ОАИЭ, 1878: 13*). Тем не менее ОАИЭ, а также образованная в 1884 году в структуре Казанского университета кафедра географии и этнографии в целом так и не решили задачи по формированию целостного научного описания и типологизации

* Corresponding author

E-mail addresses: vadim.kozlov@list.ru (V.E. Kozlov), tatiana.titova@rambler.ru (T.A. Titova)

местного русского населения. Данный факт был отмечен выдающимися казанскими этнографами второй половины XX в. Е.П. Бусыгиным и Н.В. Зориным в их совместной монографии (Бусыгин, Зорин, 2002: 36). Причины, почему этого не произошло, несмотря на наличие в Казанской губернии кадрового потенциала, организующих структур и научного интереса к этнографии, не получили должного внимания вплоть до настоящего времени. Вместе с тем определенные ответы могут быть найдены в ходе комплексного анализа корпуса опубликованных материалов этнографического характера XIX – начала XX вв., включающего собственно научные статьи и монографии, а также близкие к ним по степени верификации материала публицистические работы и публикации, содержащие различные статистические сведения о русском населении.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили изданные в период с начала XIX до первых десятилетий XX вв. работы российских ученых и публицистов, а также печатные материалы статистического характера, касающиеся этнографических сведений о русском населении Казанской губернии. Необходимо подчеркнуть, что объектом изучения стали именно опубликованные материалы, которые обладают достаточно высокой степенью публичности и способны выступать в качестве социогуманитарных нарративов. Поэтому предметом анализа являлись как особенности перцепции специализированного знания в целевой аудитории, так и его влияние на дисциплинарную эволюцию этнографии в конкретном регионе Российской империи. Хронологические рамки исследования обусловлены исторической непрерывностью локальной научной традиции с момента образования в 1804 году Казанского университета вплоть до фундаментальной трансформации всей российской науки в результате краха Российской империи в 1917 году, хотя и с оговоркой о частичном сохранении «казанской этнографической школы» до начала 1930-х годов.

Историографическое исследование выполнено в рамках направления «интеллектуальная история» на основе полипарадигмального подхода. Для описания и систематизации рассматриваемого материала использовался историко-генетический метод, в сочетании с дискурс- и фрейм-анализом. По мнению автора, использование указанных методологических принципов и научно-аналитического инструментария позволяет не только более концептуально охарактеризовать общую направленность процесса конструирования объекта этнографического изучения в лице местного русского населения, но и попытаться понять содержательные особенности интеллектуальной деятельности на основе дисциплинарной специализации в заданных тематических, а также пространственно-временных границах. При этом автор не претендует на исчерпывающий характер своих заключений и подчеркивает их дискуссионную направленность.

3. Обсуждение

Несмотря на систематическое этнографическое изучение русского населения Татарской автономной советской социалистической республики (ТАССР) и шире – Среднего Поволжья, с середины XX века до начала 1990-х годов историографические обзоры в публикациях данного периода не обладали качеством самостоятельного исследования и представляли собой, как правило, введение к репрезентации «полевого» авторского материала (Бусыгин, 1966; Зорин, 1981; Семейная обрядность..., 1990). Позднее появились отдельные труды и публикации, посвященные в целом развитию этнографии в стенах Казанского университета (Бусыгин, Зорин, 2002) и в отдельных его институциях, в частности, этнографическом музее (Гущина, 2013) и ОАИЭ (Сидорова, 2014). В последние годы опубликованы статьи (Яковлев, 2019: 3-9) и раздел в коллективной монографии (Гущина, Титова, 2022: 341-366), анализирующие историю «казанской этнографической школы». Некоторые аспекты дореволюционных работ, посвященных русскому населению губернии, рассмотрены в рамках конкретной, достаточно узкой тематики диссертационного исследования (Крот, 2021). В указанных работах ученые не ставили задачу методологической интерпретации трудов дореволюционных авторов, в том числе, по вопросам этнографии русского населения, фиксируя в качестве объекта научного описания формализованные научные институты (Казанский университет, этнографический музей, ОАИЭ) или неформализованные («казанская этнографическая школа»). В рамках такой исследовательской оптики приведенные историографические сюжеты носили сугубо дескриптивный характер и не содержали авторской концептуализации. Отдельного упоминания заслуживает монография М. Могильнер, в которой автор, используя подходы таких направлений, как интеллектуальная история и история понятий, затрагивает тему антропологии и этнографии в Казанском университете, в том числе, использование концепта «русские» в контексте научной дискуссии вокруг категорий «инородческое население края», «раса» и «народность» (Могильнер, 2008: 83-101). В целом же проблема анализа и дискурсивной интерпретации корпуса этнографических материалов по русскому населению Казанской губернии досоветского периода к настоящему времени так и не приобрела какого-либо полемического статуса в этнологическом сообществе ни на федеральном, ни на региональном уровне. По мнению автора, история отечественной этнографии (этнологии) нуждается в серьезной теоретической ревизии, которая будет способствовать общему развитию науки.

4. Результаты

Научные публикации

Одной из основных форм научного описания этнографических особенностей русского населения края в рассматриваемый период являлась публикация в печатных научных изданиях. Появление подобного формата репрезентации исследовательской деятельности стало следствием ряда объективных причин: временными затратами на подготовку статьи или сообщения в сравнении с монографией, доступностью в связи с наличием бесплатных изданий и необходимостью регулярной демонстрации своей состоятельности в качестве ученого перед работодателем и научным сообществом. Среди официальных изданий, обладающих соответствующим научным статусом, в которых публиковались материалы, посвященные тем или иным сторонам жизнедеятельности русского населения Казанской губернии, практически все имели непосредственное отношение к Казанскому университету, начиная с главного печатного органа университета, «Ученых записок», издававшихся с 1834 года, и заканчивая постоянно расширяющейся номенклатурой регулярных изданий второй половины XIX – нач. XX вв., что было обусловлено расширением тематического спектра вновь образуемых научных обществ. Вместе с тем необходимо отметить, что публикации по этнографии в общей массе работ первые десятилетия существования «Ученых записок» носили эксклюзивный характер. С 1834 по 1872 гг. не было опубликовано ни одного материала, отдельно посвященного местному русскому населению (*Ученые записки...*, 1873: 1072-1087), а общее количество публикаций по этнографической тематике не превышало десяти. При этом всего за этот период было «помещено триста пятьдесят четыре монографии, принадлежащие перу ста сорока четырех авторов» (*Ученые записки...*, 1885: 6). Не произошло качественных изменений в количестве и тематике этнографических работ, опубликованных в «Ученых записках» и в последующие десятилетия их существования вплоть до начала советской эпохи. Столь же скудное внимание к вопросам этнографии, в том числе, касавшимся изучения отдельных аспектов культуры местного русского населения, было уделено в Трудах и Приложениях к протоколам заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете, издававшимся с 1869 года. Несмотря на наличие рубрики «Антропология» и «Этнография», последняя фактически не рассматривалась как самостоятельное направление исследований и включалась авторами в общую тематику описания физических особенностей народов России. Фактически единственное исключение представляет собой публикация А. Можаровского, отпечатанная отдельным изданием и полностью посвященная песенной культуре русского населения ряда уездов Казанской губернии (*Можаровский*, 1873). Во введении автор поясняет критерии, которыми руководствовался при отборе песенного материала, и подчеркивает важность изучения народной культуры в ее региональных вариантах для выявления особенностей одних и тех же песен, бытующих в разных губерниях и регионах, а также для сравнения в динамике, фиксируя и анализируя на примере песен характер произошедших за определенный временной период изменений (*Можаровский*, 1873: 14-15). В качестве основного рупора профессиональной этнографической науки в Казанской губернии в последней четверти XIX в. закрепляются «Известия Общества археологии, истории и этнографии» и сохраняют данный неформальный статус вплоть до самого закрытия общества в 1931 году. Контент-анализ тематики публикаций, включенных в «Известия», показывает, что приоритет отдавался, в первую очередь, археологическим и историческим проблемам с заметным приоритетом в пользу первых. Так, в отчете о деятельности Общества за 1878-й год было отмечено: «Итого в результате пяти очередных общих собраний общества имеем мы 14 научных сообщений, из которых 8 относятся к чистой археологии, 3 к нумизматике и 3 исторического характера» (*Известия ОАИЭ*, 1879: 24). Одной из немногочисленных тем, получивших профессиональное внимание, стала тема диалектов и говоров русского населения Казанской губернии. Этот факт был связан не с дисциплинарными, а личностными приоритетами и носил индивидуальный характер. Лингво-фонетическими вопросами русского языка занимался известный диалектолог, с 1894 года преподаватель казанского университета Е.Ф. Будде. В своей работе, посвященной особенностям народного русского говора в Казанской губернии, он стремился не только охарактеризовать фонетические особенности местного наречия русского языка, но и высказал предположения о направлениях миграции в губернию по лингво-фонетическим характеристикам, типичным для территориальных групп местного русского населения (*Известия ОАИЭ*, 1879: 24). Исследования Е.Ф. Будде во многом способствовали формированию проблемного принципа исследовательской работы по этнографическим темам, в том числе применительно к изучению русского населения края. Со временем именно такой подход становится неотъемлемой частью научного текста. Кроме того, поставленная им проблема происхождения русских Казанской губернии в последующем станет рамочной для местных ученых, занимавшихся этнографическими темами на длительное время, при этом без формирования сколько-нибудь серьезной дискуссии или полемики.

Еще одной распространенной формой научной публикации становится монография. Ее эволюция от текста, являющего просто описанием фактов, до развернутой презентации концептуальных подходов автора в дисциплинарных рамках этнографии приходится как раз на рассматриваемый период. Если в первой половине XIX века немногочисленные издания

монографического характера по этнографии были большой редкостью, то ближе к последней трети этого же столетия их количество несколько возрастает. При этом повышается и методологический уровень, что стало следствием общего развития российской гуманитаристики в целом и этнографии в том числе. Неслучайно в конце XIX в. появляются серьезные историографические издания, посвященные развитию этнографической мысли в России. Одной из самых известных попыток осмысления исторического пути развития отечественной этнографии стал четырехтомный труд А.Н. Пыпина, причем первый том был, помимо общетеоретических вопросов, посвящен изучению русского народа (Пыпин, 1890). Во введении автор подчеркивает: «Русская этнография только в последние десятилетия, почти только с сороковых годов, получила характер настоящей научной дисциплины: до тех пор мы можем следить только ее зародыши» (Пыпин, 1890: 3). Действительно, первые собственно монографические публикации появляются ближе к середине века, при этом этнографические аспекты в тех из них, что затрагивали различные стороны жизни местного русского населения, вплетены в общеисторический контекст истории края без выделения этой темы в самостоятельную проблему. Именно так видел ситуацию с Казанской историей один из авторов того периода, историк и врач по профессии, Н. Баженов (Баженов, 1847). По мере оформления предметной области этнографии во второй половине XIX в. публикуемые монографии все чаще содержат указание на это в своем названии. При этом собственно русскому населению по-прежнему не уделяется хоть сколько-нибудь значимого внимания, особенно с точки зрения теоретической проблематизации. Можно согласиться с М. Могильнер, что в качестве главной этнографической темы описания для казанских специалистов виделась «история русификации этнических меньшинств» (Могильнер, 2008: 88). Иначе подходили к этнографической тематике ученые, которые интересовались описанием этнографического разнообразия всей России. Общим местом подобных публикаций стал тезис о типичном характере местной русской культуры при наличии некоторых особенностей. Например, автор одной из наиболее полных работ по этнографии казанской губернии, изданной в 1870 году, полковник А.Ф. Риттих рассуждал о русском населении следующим образом: «Но мы не можем пройти молчанием, ту отличительную черту русского народа Казанской губернии, которая ставит его ниже своих собратьев других губерний; это его безнравственность и в особенности женщин. Жить незаконным браком, переходить от одного к другому, вовсе не стыдиться таких отношений, рожать незаконных детей, также легко их хоронить, все это считается делом обыкновенным» (Риттих, 1870: 109). Далее, переходя к возможному объяснению причин подобного, автор заключает: «Нам случилось это заметить в первый раз, за все время наших этнографических наблюдений и мы полагаем, что тому виною татары и их обычай иметь несколько жен, разводиться, когда угодно и опять жениться на тех же или других» (Риттих, 1870: 109). Говоря в целом о таком формате этнографического издания, как научная публикация, можно констатировать, что русские в качестве объекта изучения в рассматриваемый период обретают свое место на общероссийском уровне, в то время как локальные исследования исходят из идеи о приоритете научного описания нерусских народов. В такой оптике русские казанской губернии выступают, скорее, как нечто естественное для истории государства, но не обладающее субъектностью. Особенности отдельных групп интересны как вариации общего, но не как предмет для самостоятельного изучения или как фон, на котором происходят изменения в культуре и быту местного инородческого населения. В отдельных случаях, как в указанной работе Риттиха, выделяемые особенности переносятся из сугубо научной сферы в этическую, приобретая, скорее, морализаторский характер.

Публицистическая литература

Весьма распространенной формой описания различных регионов Российской Империи в XIX веке становится публицистическая литература. В случае с этнографическими сюжетами наиболее популярными формами таких публикаций стали краеведческие зарисовки и путеводители. Именно первый тип изданий о различных населенных пунктах Казанской губернии в рассматриваемый период приобрел достаточно широкий размах. Уже в первой половине – середине XIX вв. в Русское географическое общество поступают материалы, посвященные весьма подробному описанию того или иного уезда Казанской губернии (Ардашев, 1849), города (Иванов, 1850) и даже отдельных сел (Хрусталева, 1848; Владимирский, 1854). Авторами записок, как правило, выступают не профессиональные ученые, а образованные энтузиасты: священники, служащие и др. Большинство подобных сообщений так и осталось в архивах научных обществ. Со второй половины столетия подобные изыскания приобретают публичность, становясь одним из видов познавательной литературы для широких слоев городского населения. Появляется самостоятельный тип краеведческой литературы, посвященный широкому и разностороннему описанию городов и поселений. Его отличает достаточно высокое внимание авторов к историческим фактам, связанным с описываемым местом, а также различным количественным показателям, отражающим демографические, социально-экономические и этнические особенности конкретного поселения (Износков, 1885; Орлов, 1885).

Путеводители, являясь, скорее, литературой просветительского и отчасти рекламного толка, содержали этнографические сведения, которые представляли как визитная карточка той или иной местности, и русское население Казанской губернии в данном случае выступало как часть общего

культурного ландшафта территории (*Странствователь...*, 1880; Зеленин, 1904). Общее значение текстов такого типа для этнографического описания русского населения края заключалось не в стремлении документальной фиксации тех или иных особенностей культуры или формулировки исследовательских задач, а в общем повышении общественного интереса к этнографической тематике и дальнейшей профессионализации одноименной науки на этом фоне.

Статистические материалы

Наиболее обширным и регулярным типом публикаций по русскому населению в рассматриваемый период стали издания, содержащие различные статистические сведения. Ведущую роль в этом сыграло образование в 1811 году Статистического отделения департамента исполнительной полиции при Министерстве полиции. С этого времени началась систематизация различных сведений о государстве и населении, включая этническую составляющую. Несмотря на то, что в рамках Всеобщей переписи населения 1897 года предпочтение было отдано таким группирующим категориям, как вероисповедание и язык, в материалах губернских статистических комитетов, как правило, содержались сведения об этническом составе населения. Это дает возможность достаточно точно восстановить численность русского населения Казанской губернии в конкретные временные периоды на протяжении всего XIX и начала XX вв. как по отдельным населенным пунктам, так и в обобщенном виде (*Казанская губерния, 1866*). Различные статистические издания рассматриваемого периода позволяют проанализировать особенности демографического поведения, а также получить экономические данные и некоторые дополнительные сведения, касающиеся традиционных занятий и промыслов (*Материалы для исследования...*, 1887; *Пчеловодство...*, 1903). В сравнении с первыми двумя видами публикаций (научными и публицистическими) именно издания статистических материалов обладали той целостностью и охватом, которые позволяют современному исследователю при бережной работе с каждым подобным источником восстановить объективную картину жизни и быта русского населения края, а также отметить происходившие в течение столетия изменения. При всей сухости цифр они несут в себе черты времени и, как фотография, сохраняют аутентичность даже по прошествии десятилетий. Именно обширный корпус статистических изданий обладает наибольшим эвристическим потенциалом для аналитического осмысления этнических особенностей русского населения Казанской губернии.

5. Заключение

Проведенный анализ трех типов публикаций, содержащих этнографические сведения о русском населении Казанской губернии в XIX – начале XX вв., позволяет оценить долю каждого в общей картине развития общероссийской и региональной этнографии. Научные публикации, являясь результатом профессиональной деятельности ученого, за счет необходимого тематического фокуса давали возможность автору для артикуляции собственных исследовательских предпочтений. Но фактическое отсутствие специалистов, даже из смежных областей, не позволило сформировать необходимой интеллектуальной среды, в которой бы вызревала полноценная теория. Работы о местном русском населении сохраняли эту очаговость этнографического исследования на всем протяжении XIX столетия. Второй отличительной чертой научных публикаций оставалась их повествовательность, которая не обладала тем качеством авторской рефлексии, которая позволила бы трансформироваться российской этнографии в этнологию или слиться с антропологией в обобщенную науку о человеке, как это случилось в Европе и США. Таким образом, научные публикации не стали основой для формирования систематического знания о русском населении губернии и не позволили ему оформиться в качестве самостоятельного объекта этнографического изучения. Публицистические произведения играли в основном популяризаторскую и просветительскую роль, привлекая внимание расширяющегося круга читателей к теме этнографического разнообразия регионов российской империи. Русское население в данном случае являлось инклюзивной частью обобщенного объекта описания – российский народ. Наконец, издания, содержащие статистические сведения, являются действительно важным систематическим источником по различным сферам жизни русского населения края, но в большей степени это касается не этнографических особенностей, а повседневной жизнедеятельности представителей конкретной этнотерриториальной группы.

Литература

- Ардашев, 1849* – *Ардашев М.* Этнографические сведения о селениях Елабужского уезда: Ананьино, Мальцево и Пospelово. 1849. Разряд 10. Рукописи трудов членов Русского Географического Общества и отдельные документы по Вятской губернии, Дело 25.
- Баженев, 1847* – *Баженев Н.* Казанская история. Казань: L. Schewiten, 1847. 458 с.
- Будде, 1894* – *Будде Е.Ф.* Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии. Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1894. 48 с.
- Бусыгин, Зорин, 2002* – *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Этнография в Казанском университете. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 220 с.

Бусыгин, 1966 – *Бусыгин Е.П.* Русское население Среднего Поволжья: историко – этнографическое исследование (середина XIX – начало XX в.) Казань: Изд.-во Казанского университета, 1966. 402 с.

Владимирский, 1854 – *Владимирский В.* Этнографические сведения о жителях села Багаева Свяжжского уезда. Автор – благочинный священник этого села. 1854. Разряд 14. Рукописи трудов членов Русского Географического Общества и отдельные документы по Екатеринбургской губернии. Дело 98.

Гущина, 2013 – *Гущина Е.Г.* Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. Казань: Отечество, 2013. 108с.

Гущина, Титова, 2022 – *Гущина, Е.Г., Титова Т.А.* Народы Поволжья и казанская этнографическая школа / Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.

Загоскин, 1902 – *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904. Т.1. Казань: Типо-литогр. Имп. Казанского ун-та, 1902. 567 с.

Зеленин, 1904 – *Зеленин Д.К.* Путеводитель «Кама и Вятка». Этнографическое описание Прикамского края. Юрьев: Типография Эд. Бергмана, 1904. 180 с.

Зиньковская, 2003 – *Зиньковская И.В.* История отечественной этнографии (1845-1945): Учебное пособие. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 152 с.

Зорин, 1981 – *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казанского университета, 1981. 200 с.

Иванов, 1850 – *Иванов Н.С.* Сведения о г.Мензелинске и его округе // *Журнал министерства внутренних дел.* 1850. ч. 29. Кн.1. С. 21-51.

Известия ОАИЭ, 1878 – Устав общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // *Известия ОАИЭ.* 1878. Т.1. С. 13-17.

Известия ОАИЭ 1879. – *Известия ОАИЭ.* Т. II. Казань: Типография Императорского университета, 1879. 282 с.

Износков, 1885 – *Износков И.А.* Список населенных мест Казанского Уезда с кратким их описанием. Казань: Типография губернского правления, 1885. 228 с.

Казанская губерния, 1866 – Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Издан центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1866. 237 с.

Косолапов, 1901 – *Косолапов В.Н.* Кустарные промыслы в Казанской губернии. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1901. Вып. 1. 35 с.

Крот, 2021 – *Крот Н.С.* Демографическое поведение русского населения Республики Татарстан: традиции и современность / Автореф. канд. дисс. Казань, 2021. 25 с.

Материалы для исследования..., 1887 – Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии / Издание Казанской губернской земской управы. Казань: Типография Казанского биржевого листка, 1887. IV. 295 с.

Могильнер, 2008 – *Могильнер М.* Номо imregii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

Можаровский, 1873 – *Можаровский А.* Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань: Лито- и Типография К.А. Тилли, 1873. 131 с.

Орлов, 1885 – *Орлов А.П.* Опись городских поселений Казанской губернии. Казань: Типография губернского правления, 1885. 185 с.

Пчеловодство..., 1903 – Пчеловодство в Казанской губернии / Статистическое отделение Казанской губернской земской управы. Казань: Типография А.М. Петрова, 1903. 106 с.

Пыпин, 1890 – *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. I. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. 433 с.

Риттих, 1870 – *Риттих А.Ф.* Материалы по этнографии России. Казанская губерния. Ч. 1-2. Казань: Типография Императорского казанского университета, 1870. 150 с.

Семенов, 1896 – *Семенов П.П.* История полувекковой деятельности Императорского Русского Географического Общества, 1845-1895. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. 468 с.

Семейная обрядность..., 1990 – Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (историко-этнографические очерки). Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. 130 с.

Сидорова, 2014 – *Сидорова И.Б.* Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878 – 1931 годы). Казань: Институт археологии АН РТ, 2014. 304 с.

Странствователь..., 1880 – Странствователь по Казанской губернии. СПб.: Издание редакции народного журнала «Мирской Вестник», 1880. 36 с.

Устав РГО..., 1885 – Устав Императорского русского географического общества. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1885. 20 с.

Ученые записки..., 1873 – Ученые записки Императорского Казанского университета. 1873. Т. 1-4. С. 1072-1087.

[Ученые записки..., 1885](#) – Ученые записки Императорского Казанского университета по историко-филологическому факультету за 1884 год. Казань: Типография Императорского университета, 1885. С. 6.

[Хрусталеv, 1848](#) – *Хрусталеv А.* Этнографические сведения о селе Кильдеве Свияжского уезда. Препроводительная бумага от 19 декабря 1848 года. Автор – священник этого села. Разряд 14. Рукописи трудов членов Русского Географического Общества и отдельные документы по Екатеринбургской губернии. Дело 70.

[Яковлев, 2019](#) – *Яковлев В.И.* Казанская этнографическая школа в историческом времени и пространстве / *Сборник материалов научной конференции XII Бусыгинские чтения 2019 г. (Казань)*. Казань: Изд-во Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова, 2019. С. 3-9.

References

[Ardashev, 1849](#) – *Ardashev, M.* (1849). Etnograficheskie svedeniya o seleniyah Elabuzhskogo uezda: Anan'ino, Mal'cevo i Pospelovo. Razryad 10. Rukopisi trudov chlenov Russkogo Geograficheskogo Obshchestva i ot del'nye dokumenty po Vyatskoj gubernii, Delo 25 [Ethnographic information about the villages of Yelabuga district: Anan'ino, Mal'cevo and Pospelovo. Rank 10. Manuscripts of works of members of the Russian Geographical Society and selected documents on Vyatka province. Case 25]. [in Russian]

[Bazhenov, 1847](#) – *Bazhenov, N.* (1847). Kazanskaya istoriya [Kazan history]. Kazan': L.Sehevitin, 458 p. [in Russian]

[Budde, 1894](#) – *Budde, E.F.* (1894). Glavnejshie cherty narodnogo russkogo govora v Kazanskoj gubernii [The main features of the folk Russian dialect in the Kazan province]. Varshava: Tipografiya varshavskogo uchebnogo okruga, 48 p. [in Russian]

[Busygin, 1966](#) – *Busygin, E.P.* (1966). Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ya: istoriko – etnograficheskoe issledovanie (seredina XIX – nachalo XX v.) [Russian population of the Middle Volga region: historical-ethnographic research (the middle of XIX- beginning of XX century)]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 402 p. [in Russian]

[Busygin, Zorin, 2002](#) – *Busygin, E.P., Zorin, N.V.* (2002). Etnografiya v Kazanskom universitete [Ethnography at Kazan university]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 220 p. [in Russian]

[Gushchina, 2013](#) – *Gushchina, E.G.* (2013). Etnograficheskij muzej Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i osnovnye etapy razvitiya [Ethnographic museum of Kazan University: history of formation and main stages of development]. Kazan': Otechestvo, 108 p. [in Russian]

[Gushchina, Titova, 2022](#) – *Gushchina, E.G., Titova, T.A.* (2022). Narody Povolzh'ya i kazanskaya etnograficheskaya shkola [Ethnic groups of the Volga region and ethnographic school of Kazan]. Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i nacional'noj politiki: kol. monografiya. M.Yu. Martynova, V.A. Tishkov [i dr.]; otv. red. M.YU. Martynova M.: IEA RAN, 556 p. [in Russian]

[Hrustalev, 1848](#) – *Hrustalev, A.* (1848). Etnograficheskie svedeniya o sele Kil'deeve Sviyazhskogo uezda. Preprovoditel'naya bumaga ot 19 dekabrya 1848 goda. Avtor – svyashchennik etogo sela. Razryad 14. Rukopisi trudov chlenov Russkogo Geograficheskogo Obshchestva i ot del'nye dokumenty po Ekaterinoslavskoj gubernii. Delo 70 [Ethnographic information about the village of Kildeevo, Sviyazhsky district. Transmitting paper from December 19, 1848. Author – the priest from this village. Rank 14. Manuscripts of works of members of the Russian Geographical Society and selected documents on Ekaterinoslav province. Case 70]. [in Russian]

[Ivanov, 1850](#) – *Ivanov, N.S.* (1850). Svedeniya o g. Menzelinske i ego okruge [Information about the town of Menzelinsk and its region]. Zhurnal ministerstva vnutrennih del. ch.29. kn.1. Pp. 21-51. [in Russian]

[Iznoskov, 1885](#) – *Iznoskov, I.A.* (1885). Spisok naselennyh mest Kazanskogo Uezda s kratkim ih opisaniem [The list of populated places of Kazan district with their short description]. Kazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 228 p. [in Russian]

[Izvestiya OAIE 1879](#) – *Izvestiya OAIE*. T. II. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 282 p. [in Russian]

[Izvestiya OAIE, 1878](#) – Ustav obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [Charter of the society of archaeology, history and ethnography at the Imperial Kazan university]. *Izvestiya OAIE*. T. 1. Pp. 13-17. [in Russian]

[Kazanskaya guberniya, 1866](#) – Kazanskaya guberniya. Spisok naselennyh mest po svedeniyam 1859 goda [Kazan province. The list of populated places according to the references of 1859]. SPb.: Izdan central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del, 1866. 237 p. [in Russian]

[Kosolapov, 1901](#) – *Kosolapov, V.N.* (1901). Kustarnye promysly v Kazanskoj gubernii [Artisanal crafts of Kazan province]. Kazan': Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova, Vyp. 1. 35 p. [in Russian]

[Krot, 2021](#) – *Krot, N.S.* (2021). Demograficheskoe povedenie russkogo naseleniya Respubliki Tatarstan: tradicii i sovremennost' [Demographic behaviour of the Russian population of the Tatarstan Republic: current traditions]. Avtoref. kand. diss. Kazan', 25 p. [in Russian]

[Materialy dlya issledovaniya..., 1887](#) – Materialy dlya issledovaniya promyslov naseleniya Kazanskogo gubernii. Izdanie Kazanskogo gubernskogo zemskogo upravly [Materials for the research of crafts of the population

of Kazan province. The publication of Kazan provincial administration]. Kazan': Tipografiya Kazanskogo birzhevo listka, 1887. IV. 295 p. [in Russian]

Mogil'ner, 2008 – *Mogil'ner, M.* (2008). Homo imperii: Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konec XIX – nachalo XX vv.) [Homo imperii: the history of physical anthropology in Russia (end of XIX – beginning of XX centuries)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 512 p. [in Russian]

Mozharovskij, 1873 – *Mozharovskij, A.* (1873). Svyatochnye pesni, igry i gadaniya Kazanskoj gubernii [Yuletide, games and fortune-telling in Kazan province]. Kazan': Lito- i Tipografiya K.A. Tilli, 131 p. [in Russian]

Orlov, 1885 – *Orlov, A.P.* (1885). Opis' gorodskih poselenij Kazanskoj gubernii [Inventory of urban settlements in Kazan province]. Kazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 185 p. [in Russian]

Pchelovodstvo..., 1903 – Pchelovodstvo v Kazanskoj gubernii. Statisticheskoe otdelenie Kazanskoj gubernskoj zemskoj upravy [Beekeeping in Kazan province (1903). Statistical department of the Kazan provincial administration]. Kazan': Tipografiya A.M. Petrova, 1903. 106 p. [in Russian]

Pypin, 1890 – *Pypin, A.N.* (1890). Istoriya russkoj etnografii. T.I. Obshchij obzor izuchenij narodnosti i etnografiya velikorusskaya [History of Russian ethnography. Vol.1. General overview of the studies of the nationalities and ethnography of Russia]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 433 p. [in Russian]

Rittih, 1870 – *Rittih, A.F.* (1870). Materialy po etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. Ch. 1-2. [Ethnographic materials of Russia. Kazan province. Pt. 1-2]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo kazanskogo universiteta, 150 p. [in Russian]

Semejnaya..., 1990 – Semejnaya obryadnost' narodov Srednego Povolzh'ya (istoriko-etnograficheskie ocherki) [Family rituals of the ethnic groups in the Middle Volga region (historical-ethnographic essays)]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 130 p. [in Russian]

Semenov, 1896 – *Semenov, P.P.* (1896). Istoriya poluvekovoj deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, 1845-1895 [History of half-century effort of the Imperial Russian Geographical Society, 1845-1895]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K^o, 468 p. [in Russian]

Sidorova, 2014 – *Sidorova, I.B.* (2014). Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878 – 1931 gody) [Academic community: Society of Archaeology, history and ethnography at the university of Kazan (1878-1931)]. Kazan': Institut arheologii AN RT, 304 p. [in Russian]

Stranstvovatel'..., 1880 – Stranstvovatel' po Kazanskoj gubernii [A wanderer in the Kazan province]. SPb.: Izdanie redakcii narodnogo zhurnala «Mirskoj Vestnik», 1880. 36 p. [in Russian]

Uchenye zapiski..., 1873 – Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. T. 1-4 [Scientific notes of the Imperial Kazan University. Vol. 1-4]. Pp. 1072-1087. [in Russian]

Uchenye zapiski..., 1885 – Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta po istoriko-filologicheskomu fakul'tetu za 1884 god [Scientific notes of the Imperial Kazan University on the faculty of history and philology]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. P. 6. [in Russian]

Ustav RGO, 1885 – Ustav Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Charter of the Imperial Russian Geographical Society]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 20 p. [in Russian]

Vladimirskij, 1854 – *Vladimirskij, V.* (1854). Etnograficheskie svedeniya o zhitelyah sela Bagaeva Sviyazhskogo uezda. Avtor – blagochinnyj svyashchennik etogo sela. Razryad 14. Rukopisi trudov chlenov Russkogo Geograficheskogo Obshchestva i otdel'nye dokumenty po Ekaterinoslavskoj gubernii. Delo 98. [Ethnographic information about the population of Bagaev village of Sviyazhskiy district. Author- the priest from this village. Rank 14. Manuscripts of works of members of the Russian Geographical Society and selected documents on Ekaterinoslav province. Case 98]. [in Russian]

Yakovlev, 2019 – *Yakovlev, V.I.* (2019). Kazanskaya etnograficheskaya shkola v istoricheskom vremeni i prostranstve [Kazan ethnographic school in historical time and space]. *Sbornik materialov nauchnoj konferencii XII Busybinskie chteniya 2019 g.* Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennoj konservatorii imeni N.G. Zhiganova, pp. 3-9. [in Russian]

Zagoskin, 1902 – *Zagoskin, N.P.* (1902). Istoriya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya, 1804-1904. T. 1. [History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of existence 1804-1904. Vol. 1]. Kazan': Tipo-litogr. Imp. Kazanskogo un-ta, 567 p. [in Russian]

Zelenin, 1904 – *Zelenin, D.K.* (1904). Putevoditel' «Kama i Vyatka». Etnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraya [Guide «Kama and Vyatka». Ethnographic description of the Kama territory]. Yur'ev: Tipografiya Ed. Bergmana, 180 p. [in Russian]

Zin'kovskaya, 2003 – *Zin'kovskaya, I.V.* (2003). Istoriya otechestvennoj etnografii (1845-1945): Uchebnoe posobie [History of domestic ethnography: training manual]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 152 p. [in Russian]

Zorin, 1981 – *Zorin, N.V.* (1981). Russkaya svad'ba v Srednem Povolzh'e [Russian wedding in the Middle Volga region]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 200 p. [in Russian]

Русское население Казанской губернии в научных публикациях, публицистической литературе и статистических материалах XIX – начала XX вв.

Вадим Евгеньевич Козлов ^{а,*}, Татьяна Алексеевна Титова ^а

^а Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Аннотация. Русское население края становится основным объектом исследования представителей казанской этнографической школы со второй половины 1940-х годов. К началу 1990-х годов глубоко изучены такие стороны повседневной жизни местного русского населения, как материальная культура, особенности семейной жизни и социальных отношений, подробно описаны локальные вариации обрядов жизненного цикла. Общим местом большинства публикаций была констатация узости источниковой базы, необходимой для глубокой реконструкции местной русской культуры XIX века. Поэтому ключевым элементом этнографического описания являлся собственный «полевой» материал авторов, полученный в ходе регулярных этнографических экспедиций. Возраст информантов и консервативность сельской среды позволяли достаточно точно восстановить «этнографическое настоящее» самого конца XIX – нач. XX вв. Анализ более раннего периода, как правило, основывался на отдельных произведениях досоветского периода.

Целью настоящей работы является комплексный историографический анализ материалов, опубликованных в период с 1804 по 1917 гг. и содержащих сведения о русском населении Казанской губернии и его этнографических особенностях. Объектом изучения выступает корпус опубликованных материалов разной жанровой принадлежности, в частности, публикации научного и публицистического характера, а также статистические и иные фактические данные о русском населении Казанской губернии. Рассмотрение всего комплекса опубликованных источников в совокупности позволит составить более точную и полную картину репрезентации русского населения в публичном пространстве в период становления этнографии в России в качестве самостоятельной отрасли научного знания.

Ключевые слова: Казанская губерния, русское население, инородцы, этнографические особенности, фольклор, обряды жизненного цикла, говор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vadim.kozlov@list.ru (В.Е. Козлов), tatiana.titova@rambler.ru (Т.А. Титова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1124-1136
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1124

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Development of the Russian Education System in the first quarter of the XIX century. The Main Provisions of the Charter of 1804

Elena K. Mineeva ^{a, *}, Alevtina P. Zykina ^a, Tatyana N. Ivanova ^a, Irina A. Soshko ^a

^a I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Abstract

The content and quality of education traditionally attract the attention of the state and society. In modern conditions, Russian secondary schools receive more critical comments than enthusiastic assessments. This encourages us to look for transformation options to overcome the existing shortcomings. According to the authors, any reform, including in the field of education, can be successful only if it meets the challenges of the time and is based on historical experience. Therefore, it is important to study and summarize the pages of the history of the national school. The purpose of this article is to study the formation of the national education system and its evolution in the first quarter of the XIX century. The work uses normative legal documents adopted during the period under review by the government of Alexander I, which reflect the essence of state policy in the field of education. They regulated the types of educational institutions, their purpose and objectives, the list and content of academic disciplines, the rights and obligations of participants in the educational process, etc. The main conclusions on the research topic are as follows. The policy of the government of Alexander I in the field of education can be divided into 2 stages. As part of the first stage, the Charter of Educational Institutions was developed, which is characterized by a liberal nature. He introduced the principle of continuity and general education into the school system being created in the country. At the second stage, serious changes were made to the content of education, the powers of school administrations were limited, etc.

Keywords: reforms of Alexander I, the Ministry of Public Education, the Charter of educational institutions, parish and county schools, gymnasiums.

1. Введение

В адрес современной системы общего образования России высказывается ряд претензий и замечаний, связанных с разными аспектами ее деятельности. Это и качество образования, и переполненность классов, и низкая заработная плата учителей, материальные трудности (особенно актуальные для сельских школ), и многое другое. На первый взгляд может показаться, что многие сегодняшние трудности отечественной школы уже знакомы, поскольку они встречались на разных этапах ее развития. Поэтому важным становится обращение к историческому опыту, чтобы не только лучше понять современные проблемы школьного образования, но и определить пути их дальнейшего решения.

2. Материалы и методы

В работе использованы нормативно-правовые документы, принятые правительством Александра I, которые отражают суть государственной политики в области образования в рассматриваемый период. О либеральном характере мероприятий в исследуемой области наглядно свидетельствуют следующие исторические документы: «Об учреждении министерств» 1802 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: mineevaek21@mail.ru (E.K. Mineeva), alevtina-pet@mail.ru (A.P. Zykina), tivanovan@mail.ru (T.N. Ivanova), irinasoshko@yandex.ru (I.A. Soshko)

(Об учреждении..., 1830: 246), «О должности Комиссии училищ» 1802 г. (О должности..., 1830), «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г. (Предварительные правила..., 1830), «Устав учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г. (Устав..., 1864). Изменения в правительственном курсе по вопросам школьного образования в консервативную сторону отражены в таких законодательных документах, как «Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения» 1817 г. (Учреждение..., 1864), «Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах» 1819 г. (Циркулярное предложение..., 1866) и др. Изученные авторами статьи документы регламентировали типы учебных заведений Российской империи, их цели и задачи, перечень и содержание преподававшихся дисциплин, права и обязанности участников процесса и др. Интересные данные об истории образовательных организаций содержат материалы архивных фондов. Например, о появлении первых школ на территории современной Чувашии свидетельствуют дела Государственного исторического архива Чувашской Республики (Чебоксары, Российская Федерация), находящиеся в составе фонда 211 – «Цивильское начальное училище». Архивные документы содержат данные о конкретных условиях открытия и дальнейшей работы школ, проблемах и достижениях училищ, личностях учителей и др. Большую помощь в написании статьи оказала исследовательская литература, так или иначе касающаяся темы работы.

Интерес к истории школы был достаточно высоким еще в дореволюционной историографии России, в которой, в первую очередь, давалась оценка роли государства и отдельных деятелей в становлении и развитии отечественной школы. К сожалению, в советский период вплоть до 50-60-х гг. XX в. школьное образование Российской империи не являлось востребованным. В связи с отсутствием интереса к нему со стороны представителей ученого мира многие ранее полученные достижения в рамках изучения данной темы оказались утраченными. Значительное увеличение количества публикаций по указанной проблеме наблюдается лишь с конца прошлого столетия.

Авторами данной статьи использованы различные методы исследовательской работы: исторический и логический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный и др. Исторический метод позволил рассматривать изучаемые факты и явления не статично, а в динамике развития; логический – делать аргументированные выводы. С помощью историко-сравнительного метода удалось провести сравнительный анализ содержания образовательных программ, введившихся и изменявшихся в учебных заведениях России на протяжении первой четверти XIX в.; историко-типологический оказал помощь в характеристике основных типов общеобразовательной школы, а также контингента учащихся в них. Историко-системный метод предоставил возможность рассматривать интересующие авторский коллектив явления как целостную систему, то есть во взаимосвязи и взаимодействии всех составляющих ее компонентов (состояние материальной базы, содержание учебно-воспитательного процесса, состав учащихся и др.).

3. Обсуждение

Историография темы становления и эволюции системы российского школьного образования достаточно обширна. Например, на протяжении ее дореволюционного этапа появились фундаментальные труды по истории педагогики и народного образования, авторы которых, однако, больше внимания уделяли роли государства и анализу правительственной политики, нежели другим аспектам темы. Тогда появились работы М.Ф. Владимирского-Буданова «Государство и народное образование с XVIII в. до учреждения министерств» (Владимирский-Буданов, 1874), С.В. Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках» (Рождественский, 1912), М.И. Сухомлинова «Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I» (Сухомлинов, 1866), Г.А. Фальборка и В.И. Чарнолуцкого «Народное образование в России» (Фальборк, Чарнолуцкий, 1900) и др. Авторы публикаций, вышедших в конце XIX – начале XX вв., делали акцент на роли земств в развитии просвещения в России. К подобным исследованиям следует отнести работы П.Ф. Каптерева «История русской педагогики» (Каптерев, 1915), Н.В. Чехова «Типы русской школы в их историческом развитии» (Чехов, 1923), П.Н. Милокова «Очерки по истории русской культуры» (Милоков, 1897), И.А. Алешинцева «История гимназического образования в России (XVIII и XIX век)» (Алешинцев, 1912) и др.

После революций 1917 г. история школьного образования стала не столь популярной темой исследования для историков. Из работ, выполненных в советский период, хотелось бы выделить «Историю русской педагогики» Е.Н. Медынского (Медынский, 1938), «Очерки по истории начального образования в России» Н.А. Константинова и В.Я. Струминского (Константинов, Струминский, 1953) и некоторые другие. Особо отметим, что в оценке дореволюционной школы указанные авторы придерживались однозначной критики правительственного курса в сфере образования, принципов организации общеобразовательной школы и результатов ее деятельности.

На следующем этапе развития историографии вопроса, начиная с 1960-х и до середины 1980-х гг., интерес историков к отечественному школьному образованию возростал, в результате чего были изучены тенденции развития образования в России, основные типы учебных заведений,

особенности воспитательного и образовательного процесса в них. Прежде всего, следует отметить 6-томное издание «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР», посвященное разным этапам отечественной педагогики и школы, начиная с древнейших времен и до конца XX века (например, [Очерки..., 1973](#)). В это время стали разрабатываться вопросы, связанные с историей народного образования в отдельных регионах страны.

В историографии темы особенно ярко выглядит следующий этап – конец XX – начало XXI вв. Намного шире и разнообразнее стала тематика научных исследований в рамках рассматриваемой проблемы. Здесь следует выделить монографии Г.И. Смагиной о роли Академии наук России в становлении отечественной школы ([Смагина, 1996](#)), Л.М. Артамоновой – о реализации образовательной реформы конца XVIII – начала XIX вв. в юго-западных губерниях страны ([Артамонова, 2001](#)) и др. Еще одним важным направлением современной историографии является изучение вопросов образования в отдельных субъектах России. Например, данные аспекты проблемы весьма подробно представлены на региональном материале в сочинениях Л.А. Дашкевич «Городская школа в общественной и культурной жизни Урала конца XVIII – первой половины XIX века» ([Дашкевич, 2006](#)), Т.А. Калининой «Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)» ([Калинина, 1992](#)), И.В. Алметевой «Начальное школьное образование в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX вв.» ([Алметева, 2003](#)) Н.А. Шевченко, Е.В. Видищевой, О.В. Емельяновой «Становление системы народного образования на Кавказе (1802–1917 годы): характерные черты» ([Shevchenko et al., 2016](#)), А.А. Черкасова, С.Н. Братановского, Л.Г. Зимовец Л.Г., Л.А. Королевой «Система народного образования в Волынской губернии в период 1796–1917 гг.» ([Cherkasov et al., 2021](#)) и др. Определенная работа в данном направлении проделана историками и педагогами Чувашии, например, монография А.В. Арсентьевой, А.П. Петрянкиной «Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века» ([Арсентьева, Петрянкина, 2007](#)) и др.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, многочисленную литературу по рассматриваемой проблематике, на основе имеющихся в историографии трудов напрашивается вывод о том, что отдельные аспекты истории российского школьного образования требуют дополнительного изучения. К таким вопросам относится объективный анализ государственной политики России на дореволюционных этапах его развития. Дело в том, что авторы работ, выполненных до 1917 г., традиционно рассматривали указанный вопрос исключительно с положительной точки зрения, восхваляя правителей Российской империи и их деятельность в сфере просвещения. В то же время после октября 1917 г. оценка истории школьного образования радикально изменилась. Теперь главной задачей становилась критика дореволюционного прошлого школы для выпячивания выдающегося значения советской власти в развитии просвещения. Возрождение интереса к изучаемой теме в настоящее время связано с необходимостью провести критический анализ становления системы школьного образования Российской империи в первой четверти XIX в. в результате политики правительства Александра I с учетом современных концепций исторической науки. Авторами статьи впервые рассматривается эволюция образовательной политики России при Александре I, начиная с разработки учебной реформы вначале его правления и завершая консервативными мероприятиями в сфере просвещения в течение последних десятилетий его царствования. К научной новизне работы следует также отнести частичное использование регионального материала при оценке преобразований изучаемого периода и аргументации выводов.

4. Результаты

В начале XIX в. правительство Александра I предприняло масштабные реформы, в соответствии с чем 8 сентября 1802 г. был опубликован Манифест об учреждении министерств. В отношении модернизации сферы образования особо отметим создание Министерства народного просвещения (далее – МНП), которому поручалось управление школами, университетами, научными учреждениями, издательским делом ([Об учреждении..., 1830: 246](#)).

С учреждением специального ведомства по просвещению (его основное структурное подразделение – Главное управление училищ) в стране связывали формирование новой системы управления учебными заведениями, центрами которых должны были стать университеты. Новому органу предстояло подготовить «правила, на коих должны быть основаны сношения и зависимость окружных училищ от центральных университетов» ([О должности..., 1830: 248](#)). С предложением проектов правил выступили Ф.И. Клиндер, Н.И. Фус, А. Чарторыйский, Ф.И. Янкович и др., члены Комиссии училищ ([О должности..., 1830: 248](#)).

На основе ее работы в 1803 г. были опубликованы «Предварительные правила народного просвещения» (Правила), прежде всего зафиксировавшие главные виды учебных заведений, входивших в ведение министерства: приходские, уездные училища, губернские гимназии, университеты.

В Правилах были расписаны вопросы, которые касались открытия школ и их дальнейшего развития. Например, по низшему типу учебных заведений говорилось следующее: «Всякий церковный приход или два прихода вместе... должны иметь, по крайней мере, одно приходское училище» ([Предварительные правила..., 1830: 438](#)). Школы начального и среднего образования, уездные училища

и гимназии обязывались работать во всех уездных и губернских городах страны: «В каждом уездном городе должно быть по крайней мере одно уездное училище... В каждом губернском городе сверх нижних училищ первых двух классов иметь быть гимназия» ([Предварительные правила..., 1830: 438](#)). Что касается университетов, то их количество было крайне ограниченным (6 в рассматриваемый период), полагалось по одному университету на один учебный округ.

Важным принципом, определявшим содержание образовательной деятельности учебных заведений, являлась преемственность. Программы разных типов учебных заведений были связаны так, что при успешном окончании нижеследующих можно было продолжить обучение дальше. Итогом стало создание в России единой системы образования в стране.

Согласно «Предварительным правилам», важным пунктом формировавшейся системы образования в России рассматривались учебные округа. Они объединяли все школы нескольких губерний вокруг университетов. Наиболее значимой фигурой в учебном округе должен был стать его попечитель, одновременно являвшийся куратором университета ([Предварительные правила..., 1830: 439](#)). Решение же организационных вопросов всецело возлагалось на ректора университета, находившегося в подчинении попечителя и избиравшегося собранием профессоров вуза. Среди исследователей нет единого мнения относительно функции университетов, насколько правомерно было возлагать на профессуру обязанности по руководству средними и начальными школами. Например, в работах, посвященных истории Московского университета, говорится, что многие профессора считали участие в управлении учебным округом, визитаторские поездки по школам повинностью, которая не вызывала особого энтузиазма и отвлекала их от прямых обязанностей (Например, [Грачева, 2020](#)).

Следующим должностным лицом в системе управления учебными заведениями являлся директор губернской гимназии. Он отвечал за работу своего образовательного учреждения и всех школ губернии. Директору подчинялись смотрители уездных училищ, возглавлявшие их и контролировавшие приходские училища на территории уезда. Выстроенная таким образом четкая вертикаль в управлении всеми учебными заведениями России в соответствии с «Предварительными правилами» полностью отличалась от предыдущего административного контроля по нормам Устава народных училищ 1786 года.

Для создания школы и ее дальнейшего стабильного функционирования требовались материальные средства. Поэтому любой закон, регламентировавший порядок существования учебных заведений, содержал пункты, касающиеся финансовых вопросов. Они определены и в «Предварительных правилах». Судя по содержанию документа, финансовое благополучие разных типов школ серьезно отличалось друг от друга. Например, «назначение сумм на содержание приходских училищ предоставляется учинить впредь, по соображении местных обстоятельств и удобностей» ([Предварительные правила..., 1830: 441](#)). Следовательно, расходы из бюджета на открытие и содержание подобных школ не предусматривались. Если учесть, что данный тип учебных заведений в основном был рассчитан на крестьян, то несложно представить, с каким трудом открывались и работали приходские училища. Более выигрышным являлось положение школ среднего звена, по которым предполагалось, что они «будут содержимы из доходов городских обществ с достаточным дополнением из казны, где оно потребуется» ([Предварительные правила..., 1830: 441](#)). Таким же образом обеспечивались материальными средствами и гимназии: «Гимназии будут содержимы насчет приказов общественного призрения, с достаточным дополнением из казны, если, где оно потребуется» ([Предварительные правила..., 1830: 441](#)). Кроме того, в данном конкретном случае речь шла о гораздо более высоких суммах. На развитие же высших учебных заведений средства полностью должны были поступать из государственной казны.

После некоторых дополнений цитируемого документа правительство принимает «Устав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.). Центрами образованных в стране на основе вышеназванных документов учебных округов становились университеты, под началом которых пребывали все «учебные заведения, ..., суть: гимназии, уездные, приходские и другие, под каким бы то ни было названием, училища и пансионы, находящиеся в губерниях» ([Устав..., 1864: 301](#)). Следовательно, исходя из всех вышеназванных нормативно-правовых актов и структурных изменений первой четверти XIX в. в России сложилась новая система образования.

Наиболее сложно власти давалось осуществление финансирования учебных заведений. Из Уставов вытекает, что полностью содержать начальную и среднюю школу государство было неспособно. Бюджетные деньги лишь частично покрывали расходы гимназий и уездных училищ. В этой связи отсутствие у школ материальных возможностей сказывалось на всех вопросах их функционирования. Особенно тяжелым было положение у самого низшего звена всей образовательной системы – приходских училищ, в силу чего они медленно развивались. Перед существовавшими школами данного типа практически постоянно стояли трудноразрешимые проблемы, связанные с недостатком кадров учителей, учебников и учебных пособий, училищных зданий. Допуская возможность таких трудностей перед школами, Устав допускал работу училищ в 2 смены: «поутру от 8 до 11 часов» и «от 1 до 4-х часов по полудни» ([Устав..., 1864: 331](#)).

Как на деле выглядела ситуация с финансами, можно показать на конкретных примерах. Архивные данные свидетельствуют о том, что при открытии приходского училища в селе Буртасы Цивильского уезда Казанской губернии в августе 1807 г. священник Н.С. Михеев не только предоставил свой двухэтажный дом, но и согласился преподавать в учебном заведении бесплатно (ГИА ЧР. Ф.211. Оп.3. Д.7. Л. 27). Однако даже и в таком случае возникали дополнительные сложности, в частности, с набором учащихся, поскольку в селе Буртасы наряду с государственными проживали и помещичьи крестьяне. Владелец последних, помещик Чашков, заставил своих крестьян письменно отказаться отдавать детей в школу.

Приходские училища, помимо общеобразовательной функции, должны были решать еще и задачу профессионального образования. Соответственно, их выпускники могли продолжить обучение, а также практиковать, «чтобы приуготовить юношество для уездных училищ, если родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение и чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные» (Устав..., 1864: 329). Далеко не последнюю роль играла воспитательная функция школы: «сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия коих столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию» (Устав..., 1864: 329).

По Уставу в начальные учебные заведения принимались дети всех сословий. Здесь могли учиться и девочки. Обращает на себя внимание и то, что не имел значения возраст желавшего обучаться. «Для поступления в школу необходимо было пройти открытое испытание. Правда не было уточнения, что под этим имеется в виду. Срок обучения в данном типе училищ был самым коротким: "Учение... продолжается в течение 6 или 7 зимних месяцев"» (Арсентьева, Петрянкина, 2007: 30). Как видим, работа школы в аграрной стране находилась в зависимости от сельскохозяйственного графика и полевых потребностей общества.

Нормативно-правовые документы определяли и учебные дисциплины, обязательные для данных учебных заведений: чтение, письмо, первые действия арифметики, закон божий и нравоучения, чтение с объяснением книги «Краткое наставление о сельском домоводстве, произведении природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья» (Устав..., 1864: 330). Недельный образовательный курс предусматривал 9 уроков, которые должен был проводить один педагог. Нагрузка распределялась следующим образом: «3 часа познанию букв и чисел как гражданской, так и церковной печати и чтению букваря; 3 часа изображению букв и чисел и чтению Правил для учащихся, и 3 часа сокращенному Катехизису и священной истории, по одному часу в день попеременно» (Устав..., 1864: 330). Следовательно, основной акцент в школах делался на религиозное воспитание, дополнявшееся элементарной грамотностью. В Уставе перечислялась также рекомендованная к использованию учебная и методическая литература, список которой позволяет утверждать, что для изучения всех заявленных выше предметов литература была вполне достаточной.

Еще одним типом начальной школы являлись уездные училища. Устав обязывал их открывать в городах, в основном они рассчитывались на детей ремесленников и мелких торговцев. Им также следовало решать 2 основные задачи: готовить учащихся для гимназий и к практической деятельности. Полный объем запланированных для обучения знаний приобретался школьниками в течение двух лет. Предполагалась работа двух учителей: за одним закреплялось преподавание религиозно-нравственных дисциплин, за вторым – общеобразовательных. Достаточно внушительный по количеству и содержанию список предметов позволяет утверждать, что наполненность уездных училищ дисциплинами напоминала курс главных народных училищ, учрежденных в России еще в конце XVIII века (Воронов, 1849: 94). Кроме того, перечень или курс образовательных предметов уездного училища условно можно сравнить с уровнем основного общего образования в современной российской школе.

«В уездные училища поступают всякого звания ученики из училищ приходских, также и все получившие в других местах начальные сведения в предметах, преподаваемых в училищах приходских. Прием учеников бывает один раз в год, по окончании открытых испытаний» (Устав..., 1864: 324). Обучение рассчитывалось на 10 месяцев (с 1 августа настоящего и до 1 июля следующего календарного года), в неделю планировалось по 28 уроков. Был опубликован и список учебной литературы, свидетельствующий о том, что

власть уделяла большое внимание важности обеспечения учащихся и учителей необходимыми учебными и методическими пособиями в достаточном количестве.

Документ оговаривает и вопросы управления училищем, в частности, рассматриваются требования к должности смотрителя учебного заведения, стоявшего во главе школы. Главным основанием для потенциального кандидата на указанную должность являлось наличие педагогического образования. Смотритель уездных училищ отвечал за состояние школ и организацию их работы на территории своего уезда, также отправлял отчет директору гимназии.

По оценке одного из дореволюционных исследователей Н.Я. Аристов, «самым крупным событием тогдашнего времени было открытие уездных и приходских училищ» (Аристов, 1879: 7). Скорее всего, данное мнение обусловлено значительными трудностями, связанными с поиском

денежных средств для открытия и организации работы начальных школ. Так, например, Н.Я. Аристов, основываясь на источниках, в частности, пишет: «... в Казанском округе профессор Кондырев ездил 3 года с этой целью, приглашал к пожертвованиям население и всюду встречал живое сочувствие к делу просвещения и собирал средства» (Аристов, 1879: 7). Выдающийся деятель просвещения П.С. Кондырев сыграл решающую роль в вопросах распространения образования в Чувашском крае. Он неоднократно приезжал и решал организационные вопросы по преобразованию Чебоксарского и Ядринского малых народных училищ в уездные училища, а также по открытию такой же школы в Цивильске. Его роль в истории Цивильского училища этим не ограничивалась. Так, при открытии школы он еще продемонстрировал и мастер-класс для будущих педагогов.

Среднюю школу в начале XIX в. представляли гимназии, которые в обязательном порядке должны были присутствовать в каждом губернском городе. Как и два типа начальной школы гимназии выполняли 2 функции: «1) приготовление к университетским наукам ...; 2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в Университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека» (Устав..., 1864: 302), т.е. предоставлять достаточные знания для продолжения учебы в университете или знания и навыки – для практической деятельности.

В Уставе также были перечислены обязательные предметы гимназического курса, способствовавшие достижению поставленной перед школой задачи. Список выглядит достаточно внушительно, в нем присутствуют и иностранные языки, и география, история, статистика, коммерция и многое другое. Первоначально не вошедший в состав гимназического курса закон божий, что было оценено дореволюционными авторами в качестве «важной ошибки» (Воронов, 1849: 93), вскоре был включен в перечень обязательных учебных дисциплин. В результате того, что в стране в это время катастрофически не хватало учителей, гимназисты получили право дополнительно проходить подготовку: «Обучаясь способу преподавания, они испытываются в знаниях своих; после чего с ведома университета, за подписанием директора и учителей, получают свидетельства, что имеют способности, потребные учителям» (Устав..., 1864: 303-304).

Содержание образования в новых школах существенно отличалось от народных училищ. Оно стало намного сложнее, справиться с такой нагрузкой было очень не просто не только ученикам, но и учителям. Исследователь Т.В. Филоненко пишет: «в двухклассном уездном училище ученикам... преподавали 17 (!) предметов, а еще могли быть и дополнительные (платные) курсы. При этом в приходском училище, кроме обычных предметов, читалось нечто вроде природоведения, в уездном – обществоведение, а в гимназии – целый набор университетских курсов: политэкономия, статистика, философия, эстетика. Естественно, что нагрузка как на учителя, так и на учащегося была очень велика, и никаких послаблений в этом отношении не допускалось» (Филоненко, 2004: 255).

Между образовательными организациями присутствовала преемственность. Продолжительность обучения в средней школе равнялась четырем годам. Недельная нагрузка гимназистов свидетельствует о том, что они проходили обучение в количестве 30 часов по шестидневной рабочей неделе, воскресенье оставалось выходным днем. Иначе говоря, в день у учащихся в среднем проходило по 4–5 уроков. Как и в уездных училищах, учебный год длился в течение 10 месяцев. Для выполнения возложенных на гимназии учебных обязательств для работы в них требовалось не менее 8 учителей, количество уроков которых во многом зависело от проводившихся ими дисциплин, то есть разная нагрузка педагогов была связана с уровнем сложности учебных предметов.

В Уставе 1804 г. присутствуют статьи и об обязанностях педагогического персонала. Среди правил, которые являются общими для преподавателей всех учебных заведений, названы соблюдение трудовой дисциплины и педагогического такта; умение строить свою работу таким образом, чтобы курс по учебной дисциплине можно было уложить в том объеме, которой предусматривался Уставом; ведение «Записной книги учителей» (т.е. классный журнал); ежемесячная подача директору сведений об успеваемости каждого ученика. Учителя гимназий, помимо указанного, каждый месяц принимали участие в «заседаниях педагогического совета». Важность подобных мероприятий заключалась в том, что при отсутствии курсов повышения квалификации учителя здесь могли обмениваться опытом.

Следует подчеркнуть также и то, что Устав отдельно обращал внимание на использование экскурсий в учебном процессе. В частности, в документе говорилось, что подобные мероприятия являлись необходимостью для соединения теории с практикой, чтобы ученики лучше понимали изучаемые предметы. Например, преподавателю математики было рекомендовано на практике рассматривать и анализировать мельницы, гидравлические машины, другие механические предметы. Учителю естественной истории и технологии предлагалось собирать травы, различные роды земель, камней, объяснять их свойства и отличительные признаки.

Обязательное присутствие школьных библиотек с наличием определенной литературы, предусмотренное в документах, относительно, например, гимназий звучало следующим образом: «... в каждой гимназии должны быть: 1) Библиотека, избранная из известнейших классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских...; 2) Собрание географических карт, глобусов и

армилярных сфер с небольшим атласом древней географии...; 3) Собрание естественных вещей из всех трех царств природы, потребных к изъяснению и наглядному познанию естественной истории...; 4) Собрание чертежей и моделей машин...; 5) Собрание геометрических тел, геодезических орудий, астролябий, компасов и прочее; 6) Собрание орудий физических» (Устав..., 1864: 308-309). Анализ источника свидетельствует о том, что в гимназиях наряду с библиотекой предусматривалось также оформление специализированных кабинетов географии, биологии, математики и физики.

Библиотеки приходских училищ выглядели значительно скромнее. Судя по архивным данным, в Шихазанском приходском училище Цивильского уезда Казанской губернии в 1825 г. имелось 37 томов 16 наименований списка литературы, в том числе, букварь, азбучные таблицы церковного гражданского и письменного писания, Библия, Новый Завет, Евангелие на славянском и русском языках, краткий и пространный Катехизис, христианское чтение в 12 книгах, книги по арифметике, всемирной истории, также правила для учащихся, генеалогическая таблица Российской империи, «Вестник Европы» в 12 книгах, пантеон российской и иностранной словесности (ГИА ЧР. Ф.211. Оп.3. Д. 28: 85). В перечне имеется не только учебная и методическая, но и художественная литература.

Устав 1804 г. возлагал на учителей, помимо основной работы, выполнение научно-исследовательской нагрузки. Прежде всего, это касалось составления исторических записок, в которых предусматривалось исследование истории школьного образования в своем регионе. Помимо этого, существовала рекомендация по проведению метеорологических, топографических и статистических наблюдений на территории своей губернии.

Таким образом, требования к учителям гимназии были довольно высокими, также как и функциональные обязанности, возлагавшиеся на них. Подыскать необходимое число кандидатов на педагогические должности в школах Российской империи в это время было крайне тяжело. Педагогическое образование в России фактически еще только зарождалось, в целом по стране действовал лишь один институт, специализировавшийся на подготовке будущих учителей. Его выпускников явно не хватало с учетом размеров и площадей империи. Поэтому для решения кадровых вопросов использовались различные средства, в том числе, и административные методы: «... за счет казеннокоштных студентов университетов, которые за получение казенной стипендии обязывались отработать не менее 6 лет в учительском звании» (Филоненко, 2004: 258-259). Кроме заработной платы, учителя могли пользоваться казенной квартирой и за прилежную работу рассчитывать на получение тех или иных административных чинов.

В Уставе присутствуют и специальные статьи, касающиеся обязанностей учеников, которые должны были уважительно относиться к своим учителям, а также иметь все необходимые для учебы принадлежности (книги, бумагу, перья и т.д.). Отдельным пунктом подчеркивалась обязанность завершить полный курс обучения в школе.

Тем не менее, «несмотря на целый ряд положительных сторон, которые содержал в себе Устав 1804 г., все же он носил ограниченный характер. Хотя официально в Уставе говорилось, что «принимаются в гимназию всякого звания ученики», имевшие знания в объеме курса уездного училища, дети крепостных не могли учиться в гимназии. К ученикам уездных училищ не проявлялось столько заботы, что было характерно в отношении к гимназистам. Дворянское правительственное, вынужденное включать в государственную систему школьного образования училища «для простого народа», не заботилось о распространении на них гуманных педагогических принципов. Оно строго ограничивало список книг, по каким следовало обучать детей в уездных училищах, в то время как в гимназиях давалось право выбора книг самими учащимися» (Школьное образование..., 2005: 34).

Высшее образование в России в данное время предоставляли университеты. Они были доступны молодым людям, успешно окончившим гимназический курс. При Александре I принятый университетский Устав возлагал на вузы широкие автономные права.

Следовательно, из всех типов учебных заведений в крайне сложном положении находились приходские училища. Неслучайно их количество на практике было весьма незначительным. Основная причина, как отмечалось ранее, состояла в отсутствии бюджетного финансирования. Сложная материальная ситуация приводила к тому, что некоторые из них, с трудом образовавшиеся, со временем, не сумев справиться с непреодолимыми финансовыми трудностями, просто закрывались. Отсутствие средств ограничивало возможности получения образования представителями низших сословий. Справедливости ради надо сказать, что материальные проблемы касались всех типов школ страны. Данное утверждение подкрепляется источниками. Так, например, Т.В. Филоненко приводит следующие статистические данные, подтверждающие ее: «По первоначальным расчетам, содержание 4 университетов, 42 гимназий и 405 уездных училищ должно было обходиться в 1 319 450 руб. в год. Это составляло 1,08 % расходной части бюджета на 1804 г., равнявшегося 122 млн руб.; для сравнения: на армию и флот в этом году было израсходовано 53 млн. руб., т.е. 43,4 %. Войны, которые вела Россия в составе антинаполеоновских коалиций (а также синхронные персидские и турецкие), поглощали огромные средства: на армию и флот в 1812 г. было израсходовано 184 млн руб. (из бюджета в 342 млн руб., т.е. 53,8 %), в 1813 г. – 285 млн

(из бюджета в 423 млн руб., т.е. 67,4 %), всего же военные кампании 1812–1814 гг. обошлись в 926 млн руб.» (Филоненко, 2004: 262).

В этой связи следует учесть и активную внешнюю политику России, проводившуюся предшественниками Александра I – Павлом I и, конечно, Екатериной II, на что власть вынуждена была тратить большие средства. В результате государственный долг России увеличивался, правительству приходилось пересматривать статьи расходов в пользу увеличения бюджетных средств на военные нужды. «Понятно, что в этих условиях правительству было не до школы, тем более что реальные расходы на нее оказались много выше первоначального плана; спустя двадцать лет после введения в действие Устава 1804 г. количество уездных училищ и даже гимназий все еще не достигало установленной нормы» (Филоненко, 2004: 262).

На основе всего сказанного можно сделать следующий вывод: реформирование учебных заведений начала XIX в. отличалось рядом существенных позитивных идей и признаков. Значительным шагом вперед в области образования явилось установление в этот период преемственности низшей, средней и высшей школы, а также расширение учебных программ. За исключением приходских училищ, во всех остальных учебных заведениях сроки начала и завершения учебного года были едиными. Процесс преобразования прежних народных училищ в новые проходил постепенно. Главные народные училища Москвы и Санкт-Петербурга стали первыми учебными заведениями, которых коснулись эти изменения. В 1805 г. они приобрели статус Московской и Санкт-Петербургской губернских гимназий. «Затем преобразование главных народных училищ в гимназии стало производиться по губерниям» (Григорьев, 1900: 303). Актуальным на протяжении всего изучаемого периода являлся вопрос подготовки учителей. Единственный педагогический институт в Санкт-Петербурге не мог справиться с решением данной задачи. В этой связи государственная власть принимала и другие меры. Так, наряду с выпускниками пединститута право преподавать в гимназиях приобрели также и окончивавшие университет студенты. В уездных и приходских училищах имели возможность учительствовать прошедшие специальную подготовку гимназисты. В начальной школе могли работать и выпускники духовных семинарий.

За время царствования Александра I с 1810-х гг. можно наблюдать очередные изменения правительственной политики в сфере образования. Первоначально текст Устава 1804 г. предполагал принцип бесплатности обучения. Однако со временем отношение к этому вопросу изменилось. Начиная с 1810 г., обучение становится платным, сначала это произошло в Санкт-Петербургском учебном округе, затем указанная мера распространилась и на другие округа.

По-разному к оценке этого вопроса отнеслись исследователи. Например, В.В. Григорьев считал, что данная мера имела и положительное значение, так как при бесплатном обучении родители проявляли равнодушие и беспечность к требованиям школы и к обязанностям их детей, а с введением платы с их стороны ответственность повышалась (Григорьев, 1900: 303). Исследователь Е.А. Калинина по этому поводу пишет так: «Правительство считало, что эти суммы могут поправить неудовлетворительное финансовое положение российских гимназий» (Калинина, 2023: 199). Действительно, введение платы за обучение было вызвано острой нехваткой средств. В то же время следует вспомнить об увеличении других расходов России, которые, по мнению государственных деятелей, являлись первостепенными. В первую очередь, это касается военных расходов, их оказалось намного больше, чем планировалось в связи с активной внешней политикой страны, а также средств, использованных на экономическое развитие ряда регионов (в связи с разрушением хозяйств в Отечественной войне 1812 г.). «В результате пришлось отказаться от идеи бесплатности обучения, и в 1819 г. была введена плата за обучение вначале в гимназиях, а затем в уездных и приходских училищах» (Захаров, Иванова, 2019: 14).

С 1811 г., по предложению С.С. Уварова (в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа), стали вносить поправки в учебный план гимназий. Сначала в Санкт-Петербургской гимназии, а затем и в других средних школах были увеличены часы на изучение греческого и латинского языков. Также были прибавлены часы на российскую грамматику, историю и географию, но одновременно прекратилось изучение технологии, коммерческих наук, всеобщей грамматики, эстетики, психологии и нравов. Вводилось преподавание закона божьего, он был поручен представителям духовенства (Григорьев, 1900: 315). Вскоре данная дисциплина стала самым важным учебным предметом.

В 1817 г. МНП прошло через серьезные структурные преобразования, его включили в состав Министерства духовных дел и народного просвещения. Пост министра получил А.Н. Голицын, ранее занимавший должность обер-прокурора Синода. В соответствующем документе, подписанном Александром I, было сказано: «Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы полезным соединить дела по Министерству народного просвещения с делами всех вероисповеданий в состав одного управления» (Учреждение..., 1864: 971). Далее последовали изменения в учебных планах. Главное внимание теперь стало уделяться увеличению времени на изучение основ православия и сокращению часов на общеобразовательные предметы. Попечители учебных округов обязывались отчитываться о выполнении соответствующих указаний. В этой связи совершенно справедливо пишет дореволюционный автор Н.Я. Аристов:

«с 1817 г. главным основанием учения и воспитания юношей поставлено религиозное просвещение, система образования основалась на началах священного союза, из школы делали монастырь... Таким образом, настал поворот от развития образования к умственному застою» (Аристов, 1879: 28).

В 1818 г. был создан Ученый комитет. Согласно Манифесту об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения, «Ученому комитету поручалось: 1) рассмотрение книг, для учебных заведений заготавливаемых; 2) суждение о книгах всякого рода, входящих к министру по разным случаям и для разных предметов, от издателей и иным образом; 3) об учебных пособиях для училищ; 4) рассмотрение проектов предложений и представлений по ученой части и другие дела, тому подобные» (Учреждение..., 1864: 992). Задачей нового министерства стало претворение в жизнь мер, усиливавших роль религии в формировании мировоззрения молодого поколения. Ученый комитет в 1818–1819 гг. занимался анализом имевшихся в школах учебников и учебных планов. В итоге было принято «Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах» (Циркулярное предложение..., 1866: 385). В соответствии с ним в учебные планы школ вносились конкретные изменения. Из учебного плана гимназий были выведены преподававшиеся с начала XIX в. начальный курс философии и изящных наук, начальные знания по торговле и технологии. Затем в учебный план был включен еще и закон божий.

Аналогичные мероприятия в это время проводятся и в сфере высшего образования. Так, в 1819 г. для инспектирования Казанского университета был отправлен симбирский губернатор, возглавлявший местное отделение Библейского общества, М.Л. Магницкий, который пришел к заключению: «1) Казанский университет подлежит уничтожению; 2) уничтожение сие может быть двух родов: а) в виде приостановления и б) в виде публичного его разрушения. Я бы предпочел последнее» (Шмид, 1878: 145). На крайнюю меру – закрыть университет – министерство все же не пошло. После такой ревизии оказавшийся во главе Казанского учебного округа М.Л. Магницкий активно занялся «наведением порядка» в университете (Логинава, 2010: 260). Фактически он сразу же приступает, по его мнению, к исправлениям вуза. В результате активной репрессивной деятельности Магницкого в университете была уволена половина профессоров (11 из 25), разорена библиотека, многих студентов отчислили и отправили в армию, за семь лет не было напечатано ни одного научного труда (Островский, 2013: 12). Затем Главное правление училищ, согласно отчету того же М.Л. Магницкого, приняло решение, на основании которого одной из обязательных дисциплин на факультетах университета стали основы православной религии. Согласно новым требованиям к университетскому образованию, в учебных планах, соответственно, произошли серьезные изменения. «Философские учения предлагалось излагать в духе апостольских посланий, политические науки – на основе Ветхого завета» (Логинава, 2010: 260).

Такая разрушительная и неразумная деятельность М.Л. Магницкого в отношении Казанского университета через несколько лет была пресечена. Николай I уже в 1826 г. приказал провести очередную ревизию университета и роли Магницкого в его судьбе. Как пишет Е.К. Шмид, «Магницкий был отставлен от должности и над ним произведено следствие» (Шмид, 1878: 220).

Следующим объектом, который был подвергнут подобным преобразованиям, стал Петербургский университет (он появился в 1819 г. в связи с преобразованием Главного педагогического института). Здесь работали выдающиеся деятели науки и образования того времени (например, А.П. Куницын, К.И. Арсеньев и др.). Первым ректором являлся М.А. Балугьянский. Благодаря его усилиям университет только начал уверенно развиваться, когда последовали похожие на то, что происходило в Казанском университете, порядки. Следовательно, не успев окрепнуть, Петербургский университет стал жертвой репрессий. В 1821 г. на Петербургский университет была распространена инструкция Магницкого, составленная для Казанского университета, «требовавшая изложения всех наук в духе евангельского учения. Далее в Петербургском университете началась ревизия, которую возглавил попечитель Санкт-Петербургского округа П.С. Рунич. Результатом стал суд над передовыми преподавателями (например, Раупахом, Арсеньевым и др.), их обвинение и исключение из университета» (Арсентьева, Петрянкина, 2007: 42). Впрочем, в 1826 г. П.С. Рунича настигла та же участь, что и М.Л. Магницкого, он также был «отрешен от должности и предан суду за непростительные поступки по управлению учебным округом» (Шмид, 1878: 221).

Подобные Казанскому и Петербургскому университетам испытания прошли и другие университеты России.

5. Заключение

Подводя итоги реализации образовательной политики правительством Александра I, среди важнейших положительных результатов, прежде всего, следует назвать становление самой системы школьного образования в Российской империи, а также количественный рост учебных заведений в целом по России – с 315 народных училищ к 1801 г. до 418 школ (одна школа на 115,5 тыс. человек) в 1825 году. Из новых типов учебных заведений, учрежденных вначале XIX в., в большей степени испытывали трудности приходские училища, что, в первую очередь, связано с отсутствием бюджетного финансирования.

Вначале XIX в. широкие права были предоставлены университетам. Что же касается преобразований и их динамики, здесь следует выделить 2 этапа. На первом, вначале правления Александра I, явно преобладают позитивные закономерности, когда создаются нормативно-правовая база организации образовательных учреждений, государственные ведомства, необходимые для реализации реформ. Характерной для системы образования стала преемственность между разными типами школ (начальной, средней и высшей), появились единые учебные планы, широкий список учебных дисциплин, учебно-методическая литература и др. На втором же этапе правительство вносит в систему образования многочисленные поправки, связанные с увеличением часов на цикл религиозных дисциплин, что сопровождалось усилением роли церкви как в образовательном, так и в воспитательном процессе. В эти годы наблюдалось подавление свободомыслия в университетах, их подчинение и подконтрольность государственной власти. Подобные перемены не способствовали повышению качества образования в отечественной школе. Однако определившаяся в последние годы правления Александра I негативная тенденция в области народного образования с приходом Николая I была продолжена, на что, безусловно, повлияли события политической истории.

В развитии отечественной школы этого времени наиболее трудными для решения являлись такие вопросы, как недостаточная материальная и денежная база, нехватка учителей. Они, в свою очередь, влияли на возникновение других проблем, например, качество успеваемости учащихся и др. Тем не менее, даже испытывая такие серьезные проблемы, российская школа развивалась и шла уверенно вперед, совершенствуя как количественные, так и качественные показатели своего развития.

Литература

- [Алешинцев, 1912](#) – *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: издание О. Богдановой, 1912. 346 с.
- [Алметева, 2006](#) – *Алметева И.В.* Начальное школьное образование в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX вв. Йошкар-Ола, 2006. 314 с.
- [Аристов, 1879](#) – *Аристов Н.Я.* Состояние образования России в царствование Александра I-го. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1879. 44 с.
- [Арсентьева, Петрянкина, 2007](#) – *Арсентьева А.В., Петрянкина А.П.* Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII - начала XX века. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2007. 503 с.
- [Артамонова, 2001](#) – *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2001. 392 с.
- [Владимирский-Буданов, 1874](#) – *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874. 338 с.
- [Воронов, 1849](#) – *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб.: Издательство. тип. Я. Третья, 1849. 293 с.
- ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики.
- [Грачева, 2020](#) – *Грачева Ю.Е.* Вклад Московского университета в развитие училищ Московского учебного округа в начале XIX века // *Вестник Волгоградского государственного университета.* 2020. Т. 25. №. 2. С. 56-67.
- [Григорьев, 1900](#) – *Григорьев В.В.* Исторический очерк русской школы. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1900. 587 с.
- [Дашкевич, 2006](#) – *Дашкевич Л. А.* Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII - первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006. 412 с.
- [Захаров, Иванова, 2019](#) – *Захаров В.Ю., Иванова А.Н.* Всеобщее начальное образование в Российской империи в XIX – начале XX вв.: причины неудачи реформы // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2019. № 2. С. 11–26.
- [Калинина, 1992](#) – *Калинина Т. А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 92 с.
- [Калинина, 2023](#) – *Калинина Е.А.* Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // *Власть, общество, армия.* 2023. С. 192–202.
- [Каптерев, 1915](#) – *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. Пг.: Кн. склад «Земля», 1915. 746 с.
- [Константинов, Струминский, 1953](#) – *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1953. 272 с.
- [Логинова, 2010](#) – *Логинова О.А.* Влияние социокультурных институтов России на воспитательную среду средних и высших учебных заведений: историко-педагогический аспект // *Труды международного симпозиума «Надежность и качество».* Т. 1. С. 258–262.
- [Медынский, 1938](#) – *Медынский Е. Н.* История русской педагогики. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1938. 512 с.
- [Милуков, 1897](#) – *Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. 365 с.

- [О должности..., 1830](#) – О должности Комиссии училищ / Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. СПб., 1830. Т. 27. С. 248-249.
- [Об учреждении..., 1830](#) – Об учреждении министерств / Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. СПб., 1830. Т. 27. С. 243-248.
- [Островский, 2013](#) – *Островский О.Б.* Судьба народного образования в России в 1815–1825 гг. // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. Т. 2. № 2. С. 7-20.
- [Очерки..., 1973](#) – Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX века. М.: Педагогика, 1973. 608 с.
- [Предварительные правила..., 1830](#) – Предварительные правила народного просвещения / Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 27. С. 438.
- [Рождественский, 1912](#) – *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 679 с.
- [Смагина, 1996](#) – *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа, вторая половина XVIII в. СПб.: Наука, 1996. 162 с.
- [Сухомлинов, 1866](#) – *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1866. 112 с.
- [Устав..., 1864](#) – Устав учебных заведений, подведомых университетам // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т.1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Ст. 301.
- [Учреждение..., 1864](#) – Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т.1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Ст. 971.
- [Фальборк, Чарнолуцкий, 1900](#) – *Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В.И.* Народное образование в России. СПб.: Изд-е О.Н. Поповой, 1900. 263 с.
- [Филоненко, 2004](#) – *Филоненко Т.В.* Первая школьная система в России // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2004. № 2. С. 248-265.
- [Циркулярное предложение..., 1866](#) – Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах // *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*. Т. 1. 1802–1834 г. СПб., 1866. Ст. 385.
- [Чехов, 1923](#) – *Чехов Н.В.* Типы русской школы в их историческом развитии. М.: Мир, 1923. 148 с.
- [Школьное образование..., 2005](#) – Школьное образование в России в конце XVIII – начале XX вв.: учеб. пособие для вузов / сост. А. В. Арсентьева, А. П. Петрянкина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 160 с.
- [Шмид, 1878](#) – *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. 684 с.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A.* (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 790-798.
- [Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

References

- [Aleshintsev, 1912](#) – *Aleshintsev, I.A.* (1912). Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vek) [The history of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries)]. Sankt-Peterburg: izdanie O. Bogdanovoi. 346 p. [in Russian]
- [Almeteva, 2006](#) – *Almeteva, I.V.* (2006). Nachal'noe shkol'noe obrazovanie v Mariiskom krae vo vtoroi polovine XIX-nachale XX vv. [Primary school education in the Mari region in the second half of the XIX-early XX century]. Ioshkar-Ola. 314 p. [in Russian]
- [Aristov, 1879](#) – *Aristov, N.Ya.* (1879). Sostoyanie obrazovaniya Rossii v tsarstvovanie Aleksandra I [The state of education in Russia during the reign of Alexander I]. Kiev: Tip. M. P. Fritsa. 44 p. [in Russian]
- [Arsent'eva, Petryankina, 2007](#) – *Arsent'eva, A.V., Petryankina, A.P.* (2007). Uchebnye zavedeniya v obrazovatel'nom prostranstve Chuvashii kontsa XVIII - nachala XX veka [Educational institutions in the educational space of Chuvashia of the late XVIII - early XX century]. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo universiteta. 503 p. [in Russian]
- [Artamonova, 2001](#) – *Artamonova, L.M.* (2001). Obshchestvo, vlast' i prosveshchenie v russkoi provintsii XVIII – nachala XIX vv. (yugo-vostochnye gubernii Evropeiskoi Rossii) [Society, power and education in the Russian province of the XVIII – early XIX centuries. (southeastern provinces of European Russia)]. Samara: Izd-vo Samar. nauch. tsentra RAN. 392 p. [in Russian]
- [Chekhov, 1923](#) – *Chekhov, N.V.* (1923). Tipy russkoi shkoly v ikh istoricheskom razvitii [Types of the Russian school in their historical development]. Moskva: Mir. 148 p. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A.* (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 790-798.

- Dashkevich, 2006** – *Dashkevich, L.A.* (2006). Gorodskaya shkola v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Urala (konets XVIII - pervaya polovina XIX v.) [Urban school in the social and cultural life of the Urals (late XVIII - first half of the XIX century)]. Ekaterinburg. 412 p. [in Russian]
- Fal'bork, Charnoluskii, 1900** – *Fal'bork, G.A., Charnoluskii, V.I.* (1900). Narodnoe obrazovanie v Rossii [Public education in Russia]. Sankt-Peterburg: Izd-e O.N. Popovoi. 263 p. [in Russian]
- Filonenko, 2004** – *Filonenko, T.V.* (2004). Pervaya shkol'naya sistema v Rossii. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [The first school system in Russia]. *Gumanitarnye nauki*. 2: 248-265. [in Russian]
- GIA ChR** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki [The State Historical Archive of the Chuvash Republic].
- Gracheva, 2020** – *Gracheva, Yu.E.* (2020). Vklad Moskovskogo universiteta v razvitie uchilishch Moskovskogo uchebnogo okruga v nachale XIX veka [The contribution of Moscow University to the development of schools in the Moscow Educational District at the beginning of the XIX century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 25(2): 56-67. [in Russian]
- Grigor'ev, 1900** – *Grigor'ev, V.V.* (1900). Istoricheskii ocherk russkoi shkoly [Historical sketch of the Russian school]. Moskva: Tovarishestvo tip. A. I. Mamontova, 587 p. [in Russian]
- Kalinina, 1992** – *Kalinina, T.A.* (1992). Razvitie narodnogo obrazovaniya na Urale v doreformennyi period (80-e gg. XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The development of public education in the Urals in the pre-reform period (the 80s of the XVIII – the first half of the XIX century)]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta. 92 p. [in Russian]
- Kalinina, 2023** – *Kalinina, E.A.* (2023). Shkol'naya reforma Aleksandra I i «Polozhenie ob uchilishchakh» 1804 goda [The school reform of Alexander I and the "Regulations on Schools" of 1804]. *Vlast', obshchestvo, armiya*. Pp. 192-202. [in Russian]
- Kapterev, 1915** – *Kapterev, P.F.* (1915). Istoriya russkoi pedagogiki [The History of Russian pedagogy]. Petrograd: Kn. sklad «Zemlya». 746 p. [in Russian]
- Konstantinov, Struminskii, 1953** – *Konstantinov N.A., Struminskii V.Ya.* (1953). Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii [Essays on the history of primary education in Russia]. Moskva: Uchpedgiz. 272 p. [in Russian]
- Loginova, 2010** – *Loginova, O.A.* (2010). Vliyanie sotsiokul'turnykh institutov Rossii na vospitatel'nyu sredu srednikh i vysshikh uchebnykh zavedenii: istoriko-pedagogicheskii aspect [The influence of socio-cultural institutions of Russia on the educational environment of secondary and higher educational institutions: historical and pedagogical aspect]. *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo»*. 1: 258-262. [in Russian]
- Medynskii, 1938** – *Medynskii, E.N.* (1938). Istoriya russkoi pedagogiki [The History of Russian pedagogy]. Moskva: Gos. uch.-ped. izd-vo. 512 p. [in Russian]
- Milyukov, 1897** – *Milyukov, P.N.* (1897). Ocherki po istorii russkoi kul'tury [Очерки по истории русской культуры]. V 3 ch. Ch. 2. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova. 365 p. [in Russian]
- O dolzhnosti..., 1830** – O dolzhnosti Komissii uchilishch [About the position of the Commission of Schools]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sankt-Peterburg, 1830. T. 27. Pp. 248–249. [in Russian]
- Ob uchrezhdenii..., 1830** – Ob uchrezhdenii ministerstv [On the establishment of ministries]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sankt-Peterburg, 1830. T. 27. Pp. 243-248. [in Russian]
- Ocherki..., 1973** – Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR: XVIII – pervaya polovina XIX veka [Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR: XVIII–first half of the XIX century]. Moskva: Pedagogika, 1973. 608 p. [in Russian]
- Ostrovskii, 2013** – *Ostrovskii, O.B.* (2013). Sud'ba narodnogo obrazovaniya v Rossii v 1815–1825 gg. [The fate of public education in Russia in 1815-1825]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2(2): 7-20. [in Russian]
- Predvaritel'nye pravila..., 1830** – Predvaritel'nye pravila narodnogo prosveshcheniya [Preliminary rules of public education]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sankt-Peterburg, 1830. T. 27. P. 438. [in Russian]
- Rozhdestvenskii, 1912** – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1912). Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII-XIX vekakh [Essays on the history of the public education system in Russia in the XVIII-XIX centuries]. T. 1. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova. 679 p. [in Russian]
- Shevchenko et al., 2016** – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.
- Shkol'noe obrazovanie..., 2005** – Shkol'noe obrazovanie v Rossii v kontse XVIII – nachale XX vv. (2005). [School education in Russia in the late XVIII – early XX centuries.]: ucheb. posobie dlya vuzov. Sost. A. V. Arsent'eva, A. P. Petryankina. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2005. 160 p. [in Russian]
- Shmid, 1878** – *Shmid, E.K.* (1878). Istoriya srednikh uchebnykh zavedenii v Rossii [The history of secondary educational institutions in Russia]. Sankt-Peterburg, 684 p. [in Russian]

[Smagina, 1996](#) – *Smagina, G.I.* (1996). Akademiya nauk i rossiiskaya shkola, vtoraya polovina XVIII v. [The Academy of Sciences and the Russian school, the second half of the XVIII century]. Sankt-Peterburg: Nauka. 162 p. [in Russian]

[Sukhomlinov, 1866](#) – *Sukhomlinov, M.I.* (1866). Materialy dlya istorii prosveshcheniya v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I [Materials for the history of Enlightenment in Russia during the reign of Emperor Alexander I]. Sankt-Peterburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo. 112 p. [in Russian]

[Tsirkulyarnoe predlozhenie..., 1866](#) – Tsirkulyarnoe predlozhenie o predmetakh prepodavaniya v gimnaziakh, uездnykh i prikhodskikh uchilishchakh [A circular proposal on the subjects of teaching in gymnasiums, county and parish schools]. *Sbornik rasporyazhenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. T. 1. 1802–1834 g. Sankt-Peterburg, 1866. P. 385. [in Russian]

[Uchrezhdenie..., 1864](#) – Uchrezhdenie Ministerstva dukhovnykh del i narodnogo prosveshcheniya [Establishment of the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education]. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. T.1. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802–1825. Sankt-Peterburg, 1864. P. 971. [in Russian]

[Ustav..., 1864](#) – Ustav uchebnykh zavedenii, podvedomykh universitetam [The Charter of educational institutions under the jurisdiction of universities]. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. T.1. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802–1825. Sankt-Peterburg, 1864. P. 301. [in Russian]

[Vladimirskii-Budanov, 1874](#) – *Vladimirskii-Budanov, M.F.* (1874). Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii XVIII veka [The state and public education in Russia of the XVIII century]. Ch. 1. Yaroslavl': Tipografiya G. V. Fal'k. 338 p. [in Russian]

[Voronov, 1849](#) – *Voronov, A.S.* (1849). Istoriko-statisticheskoe obozrenie uchebnykh zavedenii Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga s 1715 po 1828 god vklyuchitel'no [Historical and statistical review of educational institutions of the St. Petersburg Educational District from 1715 to 1828 inclusive]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo. tip. Ya. Treya. 293 p. [in Russian]

[Zakharov, Ivanova, 2019](#) – *Zakharov, V.Yu., Ivanova, A.N.* (2019). Vseobshchee nachal'noe obrazovanie v Rossiiskoi imperii v XIX – nachale XX vv.: prichiny neudachi reform [Universal primary education in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries: the reasons for the failure of the reform]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2: 11-26. [in Russian]

Развитие системы российского образования в первой четверти XIX века. Основные положения Устава 1804 г.

Елена Константиновна Минеева ^{a, *}, Алевтина Петровна Зыкина ^a, Татьяна Николаевна Иванова ^a, Ирина Александровна Сошко ^a

^a Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Аннотация. Содержание и качество образования традиционно привлекают внимание государства и общества. В современных условиях в адрес российской общеобразовательной школы поступает больше критических замечаний, нежели восторженных оценок. Это побуждает искать варианты преобразований для преодоления имеющихся недостатков. По мнению авторов, любая реформа, в том числе и в сфере образования, может быть успешной только в том случае, если она отвечает вызовам времени и опирается на исторический опыт. Поэтому актуально изучать и обобщать страницы истории отечественной школы. Целью данной статьи является исследование становления системы отечественного образования и ее эволюция в первой четверти XIX в. В работе использованы нормативно-правовые документы, принятые в рассматриваемый период правительством Александра I, которые отражают суть государственной политики в области образования. Они регламентировали типы учебных заведений, их цель и задачи, перечень и содержание учебных дисциплин, права и обязанности участников образовательного процесса и др. Основные выводы по теме исследования заключаются в следующем. Политику правительства Александра I в сфере образования условно можно разделить на 2 этапа. В рамках первого этапа был разработан Устав учебных заведений, который отличается либеральным характером. Он вводил принцип преемственности и общеобразовательный характер в создаваемую систему школьного образования в стране. На втором этапе были внесены серьезные изменения в содержание образования, ограничены полномочия училищных администраций и др.

Ключевые слова: реформы Александра I, Министерство народного просвещения, Устав учебных заведений, приходские и уездные училища, гимназии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [mineevak21@mail.ru](mailto:mineevek21@mail.ru) (Е.К. Минеева), alevtina-pet@mail.ru (А.П. Зыкина), tivanovan@mail.ru (Т.Н. Иванова), irinasoshko@yandex.ru (И.А. Сошко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1137-1147
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1137

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Activity of Special Commissions on the Allotment of Land to the Mohammedan Peoples in the Stavropol Province in the XIX century: Problems and Climatic Factors

Valery V. Batyrov ^{a, *}, Ekaterina N. Badmaeva ^a, Daniyal S. Kidirniyazov ^b, Baatr V. Ochirov ^a

^a KGU – university, Russian Federation

^b Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the activities of Special Commissions for the allotment of land to the Mohammedan peoples in the Stavropol province in the XIX century. The main problem facing the Commissions was solving the problem of the distribution of pasture territories among nomadic peoples. A similar issue, in particular, between the Kalmyks and Stavropol Turkmens, arose in 1806, when the Turkmen population was included in the Kalmyk steppe of Astrakhan province by the decision of the authorities. This decision has aggravated land relations in general among the nomadic peoples. The situation in land use was aggravated by the growth of the peasant population in the Stavropol province. Newly arrived Russian peasants in difficult climatic conditions of the territory were forced to switch to cattle breeding as the most profitable type of management, thus entering into a struggle for pastures and water resources with nomadic peoples. Constant complaints and conflicts from all parties involved in land disputes throughout the first half of the 19th century raised an urgent question for the Russian authorities about the exact definition of the boundaries of the territories of nomadic peoples. The difficult natural and climatic conditions of the region were among the main reasons for the failure of the project to delimit the territories of nomads between Kalmyks and Turkmens. The arid territory, the lack of water resources, the shortage of winter feed stocks caused by the burning of pastures in the rest of the year predetermined the constant dependence of nomadic farms on natural disasters, created serious obstacles to the further development of nomadic cattle breeding. Disputes and conflicts between pastoralists over limited water resources and the best pasture areas were especially fierce. Nevertheless, since the beginning of the 19th century, Kalmyks and Turkmens have managed to develop a regime of mutual migrations in the same territory, since they understood that the lack of consensus on this issue could lead to the ruin of one of the peoples. Eventually, the Russian authorities cut the Gordian knot of land contradictions between Kalmyks and Turkmens, transferring in 1859 the lands of Bolshederbetovskiy ulus and a separate part of Maloderbetovskiy ulus to the department of Stavropol province, thereby giving the solution of all conflict situations due to nomadic pastures and water sources to the local administration. It was only at the beginning of the 20th century that the intensity of land disputes between Kalmyks and Turkmens somewhat weakened due to the partial abandonment of pastoralists from the practice of herding cattle and the gradual transition of the nomadic population to a sedentary lifestyle.

Keywords: Astrakhan province, Stavropol province, Kalmyk steppe, nomadic peoples, Kalmyks, Turkmens, nomadic farming, cattle breeding.

1. Введение

Исторически сложилось, что совместное проживание кочевых обществ на юге России требовало определения пастбищных территорий для наиболее эффективного ведения кочевого хозяйства.

* Corresponding author

E-mail addresses: valerabatyrov@yandex.ru (V.V. Batyrov), en-badmaeva@yandex.ru (E.N. Badmaeva), daniyal2006@rambler.ru (D.S. Kidirniyazov), ochirov.baatr@yandex.ru (B.V. Ochirov)

После ликвидации в конце XVIII в. Калмыцкого ханства калмыцкое и туркменское скотоводство оказалось в сложном положении в связи с неопределенностью границ их кочевых территорий. В это время туркмены кочевали совместно с калмыками на строго определенной территории ханства, им запрещалось претендовать на земли за его пределами. Более того, в 1802 г. центральная власть установила границы калмыцких земель и приняло решение о подчинении степняков астраханскому военному губернатору, князю П.Д. Цицианову с тем, чтобы наделить «кочующих калмык и киргиз землями» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 233).

Для решения проблем туркменского скотоводства 19 мая 1806 г. в Георгиевске была создана «Комиссия для наделения землями кочующих в Кавказской губернии магометанских народов», которая должна была совершить отвод земли для кочевников в Ставропольском и Георгиевском уездах. Данная комиссия, состоявшая из чиновников Кавказской губернии, долгое время не могла решить этот вопрос в связи постоянно возникающими земельными спорами казаков и помещичьих крестьян с туркменами, поскольку кочевья последних не были разграничены. Ко всему прочему, соседние кочевые народы, калмыки и ногайцы, воспринимая их как соперников, не давали им вернуться на те территории, на которых они кочевали в период Калмыцкого ханства. В этих обстоятельствах Комиссия выдвинула проект, по которому туркмены совместно с ногайцами должны были делить кочевые пастбища по правому берегу р. Кума. Это грозило новыми конфликтами для туркменского населения, что привело к их отказу от проекта. Ситуация, в которой кочевья туркмен располагались на ограниченной территории близ г. Моздок, постепенно вела к разорению кочевников, и в 1806 г. ставропольские туркмены в поисках выхода из сложившегося негативного положения обратились к министру внутренних дел В.П. Кочубею с двумя просьбами: 1. включить их в административном подчинении в состав Калмыцкой степи, учитывая период их совместного проживания под управлением калмыцким ханов в XVIII в.; 2. отменить обременительные повинности по содержанию «почты и развозки провианта» (Кольцов, Шургучинов, 2023: 27). В связи с достаточно тяжелым положением туркменского населения из-за нехватки пастбищных территорий их присоединение к калмыкам оказалось простым решением для администрации, которое пошло навстречу этому ходатайству. Таким образом, сложилась несколько парадоксальная правовая коллизия, когда туркмены, жители Кавказской губернии, войдя в состав Калмыцкой степи, административно оказались в подчинении властной структуры соседней губернии — Астраханской казенной палаты.

Это были первые, во многом противоречивые, шаги этой особой комиссии, созданной правительством для наделения землями кочующих в Кавказской губернии магометанских народов. В дальнейшем в сферу деятельности Комиссии входило урегулирование постоянно возникавших земельных споров казаков и помещичьих крестьян с кочующими в Кавказской губернии калмыками, туркменами (трухменами) и ногайцами. В середине XIX в. была учреждена особая «Комиссия для определения участков, калмыцкой в Ставропольской губернии земли, необходимых для кочевья Магометанским народам». В настоящей статье нами предпринята попытка рассмотреть деятельность этих Комиссий в контексте административной политики Российского государства и то, каким образом их работа сказывалась на решении земельных вопросов в Кавказской (Ставропольской) губернии и Калмыцкой степи на протяжении всего XIX в.

2. Материалы и методы

Источниками настоящей статьи послужили архивные материалы Государственного архива Астраханской области (Астрахань, Российская Федерация), Государственного архива Ставропольского края (Ставрополь, Российская Федерация), Национального архива Республики Калмыкия (Элиста, Российская Федерация), а также сборник опубликованных документов – Полный свод законов Российской империи. Исследование базируется на использовании исторического и историко-системного методов, а также метода системного анализа. Использование исторического метода способствовало установлению взаимосвязи исторической перспективы и процессов современного развития. Применение историко-системного метода позволило исследовать отдельные исторические события в контексте общественно-исторической реальности жизни кочевников юга России. Системный подход к познанию истории позволил преломить некоторые теоретические выводы отечественной исторической науки в отношении социально-экономического развития кочевых народов. Логико-исторический метод послужил в качестве конкретного способа организации и анализа исследуемого нами материала.

3. Обсуждение

История и социально-экономическое развитие кочевых народов Астраханской и Ставропольской губерний в XIX в. привлекали постоянное внимание отечественной исторической науки. Тем не менее на сегодняшний день все еще остается малоизученным вопрос о наделении кочевых народов юга России пастбищными территориями в контексте деятельности таких особых властных органов, как «Комиссия для наделения землями кочующих в Кавказской губернии магометанских народов» и «Комиссия для определения участков, калмыцкой в Ставропольской

губернии земли, необходимых для кочевья Магометанским народам». Дореволюционные исследователи, касаясь хозяйственного развития кочевых туркмен, в основном ограничивались описанием уже устоявшихся границ туркменских кочевий в середине XIX в., при этом опуская суть и подробности земельных споров между туркменами и другими кочевыми народами (Архипов, 1858; Бентковский, 1883; Дуброва, 1998; Володин, 1908; Щеглов, 1910; Фарфоровский, 1912). В своих работах исследователи зачастую не улавливали прямую взаимосвязь упадка туркменского скотоводства с крестьянской колонизацией Ставропольской губернии (Бентковский, 2011; Прозрителев, 1912). Из дореволюционных авторов лишь Н.Ф. Бурдуков попытался изучить вопросы влияния выпаса постороннего скота в Калмыцкой степи на калмыцкое хозяйство (Бурдуков, 1902).

Более углубленно проблемы землепользования туркменского населения в дореволюционный период исследователи стали изучать только в XX в. Так, А.В. Курбанов рассмотрел попытки губернской администрации урегулировать земельный вопрос туркмен в Ставрополье после 1825 г. О.И. Брусина попыталась выявить основные причины, приведшие к трансформации кочевого общества ставропольских туркмен во второй половине XIX в. (Брусина, 2023: 62).

Обозревая историографию изучения кочевого хозяйства ставропольских туркмен в XIX в., мы делаем однозначный вывод о том, что вопросы землепользования туркменского населения в указанный период, равно как и целенаправленная деятельность имперской администрации по урегулированию земельных вопросов, взаимоотношения кочевников и новоприбывших в край русских крестьян, все еще не изучены в полной мере. Отметим, что эти вопросы, в частности, земельные проблемы между кочевниками и переселенческой деревней, в контексте имперской политики более детально исследованы, на наш взгляд, в современной калмыцкой историографии (Белосов, 2012; Лиджиева, 2023).

4. Результаты

11 апреля 1809 г. главнокомандующий в Грузии и астраханский генерал-губернатор И.В. Гудович переслал приставу туркменского народа майору Я. Ростованову копию с отношения товарища министра иностранных дел А.Н. Салтыкова о том, чтобы «туркменских татар к калмыкам приписать» (Кольцов, Шургучинов, 2023: 28). 15 октября 1810 г. Комиссия приняла постановление о «разделении между Трухмянцами и Каранагайцами зимовых мест и земли между калмыками» (ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 59). Астраханскому гражданскому губернатору И.И. Попову было предписано передать всех туркмен в ведение Кавказской области на основании Указа от 24 июня 1822 г. (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194).

Совместные кочевки двух народов — калмыков и туркмен — на одной территории, безусловно, не могли обойтись без взаимных претензий по поводу границ кочевий, но уже к середине XIX в. проблема территориальных споров приобрела новое наполнение, связанное с появлением третьей стороны, участвующей в борьбе за земли, — русского крестьянского населения. За 13 лет (1820–1833 гг.) в Кавказскую область прибыли 105 765 государственных крестьян, которые в основном находились в Ставропольском округе (Варивода, 2007: 140). В связи с массовым переселением в регион крестьян из других местностей по решению третьего департамента МГИ с 1840 г. в деятельности Комиссии, работавшей в составе Кавказской палаты государственных имуществ, добавилось новое направление — проведение «съемки казенных свободных земель для заготовления участков под переселенцев» (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1). В 1840 г. по предложению Кавказского гражданского губернатора, которое поддержал III Департамент МГИ своим отношением от 26 мая 1841 г. №5509, начались работы по межеванию казенных земель Кавказской области (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1488. Л. 1). Отвод земли новоприбывшим крестьянам грозил усечением туркменских кочевий и возможным разорением их хозяйств, что вызывало серьезную озабоченность чиновников Ставропольского ведомства. 27 апреля 1838 г. Комиссия представила Записку «о стеснении в кочевье магометан каранагайцами и едишкульцами от разных землевладельцев Кизлярского округа» (ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 59). 28 июня 1841 г. начальник съемки земель Кавказской области потребовал в целях сохранения традиционного скотоводства кочевников прислать «к нему ведомости землям предположенными для наделения кочующих магометан с копией и планами на земли» (ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 73).

Рост переселенческого населения в Ставропольской губернии стал причиной все более усиливавшейся конкуренции крестьян с кочевниками за пастбищные земли, а в аридных территориях — еще за водные ресурсы. В этих условиях актуальным в повестке дня стал вопрос о точном определении границ территорий кочевых народов. 13 мая 1853 г. принимается решение об образовании в Ставрополе из двух существовавших тогда комиссий единой комиссии по наделению землями местных казаков и магометанских (кочующих) народов. С 1 сентября 1853 г. она стала именоваться Межевой комиссией Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов Ставропольской губернии. В Положении о Межевой комиссии указывалось, что территории Калмыцкой степи не могут передаваться для наделения туркменского народа, несмотря на их «прочное обзаведение» (Положение..., 1853: 27). И все земельные вопросы туркменского населения Комиссия должна согласовывать с Астраханской Палатой государственных имуществ (далее — АПГИ).

12 ноября 1853 г. из МГИ в АПГИ поступило предписание от 26 июля 1852 г., в котором сообщалось о предложении Кавказского наместника М.С. Воронцова об учреждении особой «Комиссии для определения участков, калмыцкой в Ставропольской губернии земли, необходимых для кочевья Магометанским народам». К этому времени М.С. Воронцовым уже было издано распоряжение об учреждении комиссии в составе Главного пристава Магометанских народов, члена от Ставропольской Палаты государственных имуществ и из межевого чиновника с тем условием, чтобы со стороны АПГИ также были представлены чиновники. При этом наместник ходатайствовал до определения границ территорий о воспрещении раздачи калмыцких земель в Ставропольской губернии в оброчные участки до окончательного постановления Комиссии (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 1-2).

В первом заседании новой Комиссии 17 мая 1853 г. участвовали чиновник особых поручений АПГИ А. Курлов, пристав Туркменского и киргизского народа А.Х. Артемьев, заведующий отдельной частью калмыков Малодербетовского улуса Д.М. Петухов, Туркменский голова Толек, старшины и почетные старики от туркменского народа, а также старшины и поверенные от калмыков отдельной части Малодербетовского улуса. Заседание проходило в ставке Туркменского пристава, где ее участникам предложили осмотреть туркменские кочевья, находящиеся на территории отдельной части калмыков Малодербетовского улуса, на которых они кочевали в весеннее, летнее и осеннее время по обеим сторонам р. Калаус (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 207-208). В окончательном протоколе заседания члены комиссии обозначили расположение основных мест кочевий туркмен в урочищах «Казы, Илга, Юсуп Кулак, Чрак-Куй (общее название Кок-Айгыр или Айгур), Барханчак, Соку Кулак (в границах урочищ Урбелева и Кочермы и части Кочери) и Маштак Кулак». Пристав Туркменского и киргизского народа, Туркменский голова, старшины и почетные старики сообщили, что, кроме осмотренных членами комиссии урочищ, кочевья туркмен заключаются на урочищах «Кундек, Кок-Гол, Састи, Балбыр Ташуй, Терменти, Кол-Куй, Лахайтын, Сухая Буйвола, Доши Куй, Юз Куй, Курнеты, Зурнеты, Хынты, Чогорай, Хорун, Кахылар». Также они проинформировали о том, что туркменское население занимает урочища «по направлению Манычей», — по направлению «Кок-Айгыр — Овазче Куй и между р. Калаус и р. Маныч». Данные территории были наиболее подходящими под кочевья в связи наличием на них водопоев (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 207-208). Из этих пояснений можно примерно установить территории кочевья трех туркменских родов. Основные кочевые территории Чавдунова рода проходили через урочища Курмута и Зурмута на Бургон Можар и Владимировку, причем местные крестьяне, несмотря на указание оставить скотопроегн шириной в 7 верст, оставили одну только дорогу. Игдыров и Союн Аджи рода кочевали от местностей Чуграй и Хорун (по Манычу), двигаясь по направлению к Куме (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 16-17).

Астраханские чиновники и калмыцкая элита, понимая неизбежность потери части калмыцких земель, на которых кочевали туркмены, стали активно передавать эти пастбищные земли для распашки крестьянам Ставропольской губернии. Так, в рапорте пристава Туркменского и киргизского народа А.Х. Артемьева к Главному приставу Магометанских народов Шейх-Али Давлет-мирзе от 7 июня 1853 г. указывалось, что 31 марта заведующий отдельной частью Малодербетовского улуса Д.М. Петухов сообщил о просьбе крестьян села Петровское об отдаче им для распашки Калмыцкой земли, лежащей между урочищами Калаусом, Айсурами и Бараханчагом. Сообщалось также, что откупщики из крестьян Ставропольской губернии селений Сухой Буйволы, Петровское и др. часть испрашиваемой земли уже распахали без дозволения АПГИ на урочищах Барханчик, Юсуп-Кулак и Кочерми, в связи с чем туркмены практически лишились возможности совершать сезонные миграции, пользоваться водопоями, так как они были окружены крестьянскими посевами. Все это грозило для туркмен уничтожением скотоводства «единственного их достояния» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 6-7). 28 апреля 1853 г. Шейх-Али Давлет-мирза направил представление на имя Управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии А.А. Волоцкому, в котором отмечалось, что, несмотря на отсутствие карт туркменских кочевий, пристав туркменского и киргизского народов 1 апреля донес ему, что подведомственный ему народ имеет нужду, по крайней мере, в тех землях, которые находятся на территории Малодербетовского улуса, «по северной стороне колодца Арзигир и урочища Кочерли» и Большедербетовского улуса «при Узун-Илга, Мухур-Илга, Маки Кийста и Койсала», но положение туркменского народа ухудшается, потому что не остановлена практика раздачи и распашки земель, даже в тех местах, которые находятся на север от Арзигир и Кочерли, а другие участки находятся на спорных территориях между ногайцами и калмыками (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 7).

Шейх-Али Давлет-мирза упрекал чиновников АПГИ, что они, несмотря на их уверения, под разными предлогами уже длительное время осуществляют практику выживания туркмен из калмыцких земель. Комиссия по раздаче калмыцких земель и АПГИ в случавшихся земельных спорах почти всегда придерживаются мнения калмыцкой стороны. В 1851 г. указанная Комиссия «без ведома магометан на местах летней их кочевки» выделила 14 участков на том основании, что «калмыки уверили в ненужности их магометанским народам» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 8). По мнению Шейх-Али Давлет-мирзы, АПГИ негласно одобряют «самовластные распоряжения» калмыцкой знати и их подчиненных, как, например, помощника Аракелова, который раздал в 1852 г.

по собственному усмотрению до 36 десятин земли. Главный пристав Магометанских народов писал в донесении уже от 25 октября 1852 г., что крестьяне на незаконном основании спокойно продолжают распахать земли в местах, близких к водопоям, при этом ссылаются на приговоры калмыцких обществ. На распашку земли им дано согласие АПГИ без учета прав туркмен и прочих «магометан» на кочевые территории. По словам Шейх-Али Давлет-мирзы, «не могут успокоены магометане дотоле, пока Астраханская Палата, безусловно, будет распоряжаться землями в Ставропольской губернии». Подобная практика, по его мнению, в будущем может привести к вытеснению туркмен за р. Маныч в пределах Астраханской губернии «чего по видимому желает и сам Главный Попечитель Калмыцкого народа» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 8-9).

7 июня 1853 г. управляющий гражданской частью Ставропольской губернии А.А. Волоцкой подал выписку Кавказскому наместнику М.С. Воронцову, в которой говорилось, что в 1852 г. АПГИ, согласно предположению чиновника Курлова, вознамерилась образовать на Калмыцкой земле 13 новых участков, которые нарушат права уже не только туркмен, но и казыларских татар и Джембулуцких ногайцев, и если первые были почти забыты администрацией в силу своей малочисленности, то вторые имели обоснованные претензии на ныне принадлежащую им землю, простиравшуюся до местности Курган Баран-Толга, по плану землемера Кондратьева, составленного в 1824 г. Даже в тех местах, которые были указаны Комиссией туркменам для проживания, житель селения Донской Балки Паклов взял в оброк 4 десятины и распахал уже до 1000 десятин к явному стеснению казыларских татар. Другой крестьянин, прибывший из Московской губернии, житель селения Благодарное Гандарин распахал под пашни земли на этих же территориях и даже отбил у Казыларцев колодезь. Самозахват земли, к примеру, крестьяне с. Благодарное Василий Кондратьев и Григорий Малыхов объясняли приставу тем, что им позволено пахать в любом месте калмыцкими старшинами Джиджа и Джанбе на условии вспахать и засеять по две десятины с плуга на каждого из старшин (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 16-17). Ситуация усугублялась еще и тем, что крестьянское население Ставропольской губернии, дополняя земледелие скотоводством, стало соперничать с туркменами не только за пастбища, но и за водные ресурсы. Узкая полоса, оставленная крестьянами по распоряжению АПГИ по берегам балок, была недостаточна для водопоя туркменского скота, а в некоторых местах отсутствовал элементарный доступ к водопоям.

Отвечая на эти обвинения, Д.М. Петухов в 1855 г. подал в АПГИ рапорт, в котором обосновывал раздачу улусных территорий под распашку приговорами калмыцких родов. По его словам, он поддержал приговоры в связи с нуждами калмыков, кочующих в отдельной части Малодербетовского улуса. Чиновник посчитал: «находя изложенные в поданном мне приговоре причины справедливыми, ибо просимая калмыками распашка по числу плугов и количеству семейства как, не составить большого пространства земли и ущерба калмыцкого капитала». Потому он направил в АПГИ «на благорассмотрение и разрешение в подлиннике приговора при имянном списке» от 28 февраля 1855 г. В приговоре говорилось: «мы, старшины, избранные от общества калмыков <...>, для исполнения, как служебных, так и общественных надобностей; собравшись и посоветовавшись, признали нужно составить сей приговор в следующем: в прошлом 1852 году объявлены нам предписание <...> Главного попечителя калмыцкого народа от 13 мая и Астраханской Палаты государственных имуществ от 28 августа <...> о том, что калмыкам предоставляется обрабатывать землю для хлебопашества и если не имеют сами средств вспахать землю, пригласить на небольшую часть и посторонних соседних лиц». Однако в связи с бедственным положением к началу сезона сельскохозяйственных работ многие калмыки были не готовы. Большая часть из них, чтобы уплачивать казенные повинности, нанимались на работу в соседние села. Бедность и нужда калмыцкого населения приводила к тому, что, несмотря на желание заниматься обработкой земли для посева хлеба, только немногие имели у себя по одной и по две пары быков, необходимых для распашки. Распашка, как и в прошлые годы, производилась «для поддержания семейного их быта, имея в виду свободную землю, незанятую кочевьем магометан и не состоящую в оброчном содержании у жителей Ставропольской губернии, положили пригласить в нынешний год соседних крестьян, каждому из старшин по пяти плугов и произвести общую с ними распашку и сев как семенами, с тем, чтобы при урожае хлеба, взять в пользу Калмыков с каждого плуга по две десятины, или как по условию крестьян будет выгоднее и удобнее для калмыков, равно предоставить в пользу калмыков солому по уборке хлеба. Учинив этот приговор, мы просим Заведующего в отдельной части представить в АПГИ разрешение о дозволении произвести распашку на основании предписания АПГИ нам объявленного. Это одно только благодетельное средство и может поддержать калмыков <...> как в содержании их семейства, так и отбытии казенных повинностей» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 1-4). Именной список состоял из 30 старшин родов отдельной части Малодербетовского улуса: Ики-Хурулова рода, Дунду-Хурулова рода, Ики Манлаин Шабинерова рода, Манлаин Шабинерова рода, Бага Манлаин Шабинерова рода, Богдан Шабинерова рода, Абганерова рода, Кетченерова рода, Бурулова рода, Бага Бурулова рода (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 5-6).

Из приговора, поданного 5 марта 1855 г. в АПГИ, следует, что распашка производилась на указанных старшинами урочищах, а именно: на трех вершинах Камбулата, на Уче, Зурматинском бутре, Сухой и Мокрой Буйволе, при этом невозможно определить какое количество десятин будет

распахано. Но исходя из того, что весной при благоприятной погоде каждым плугом можно распахать до 10 десятин, в приговоре предполагалось примерно на каждый плуг распашки по 7 десятин, а плугов до 300, что составляло примерно «21 000 десятин» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 7-8).

26 апреля этого же года управляющий Ставропольской губернией уведомил Астраханского военного губернатора о том, что раздача крестьянам под распашку калмыцких земель, необходимых для кочевки туркмен, продолжается, и, как указано в донесении Главного пристава магометанских народов, «слишком произвольно». Туркмены оказались «постоянно стеснены» по целому ряду причин: когда одни крестьяне пахали с дозволения чиновника Петухова, другие — с дозволения «некоторых калмыков», а третьи и вовсе самовольно. Масштаб распашек был таков, что страдали уже не только туркмены, но и казыларцы на урочище Капбулат. Ставропольский управляющий направил своему астраханскому коллеге списки с указанием конкретных имен с последнего рапорта Главного пристава магометанских народов подполковника Шейх-Али и донесения к нему Туркменского пристава капитана А.Х. Артемьева. В этом письме он интересовался, на каком собственно основании допускается чиновником Д. М. Петуховым и калмыками раздача калмыцких земель до времени окончания работы Комиссии «по наделению магометан землею» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 14-15). Губернатор просил воспретить чиновнику Петухову и калмыкам отдавать крестьянам под распашку кочевые земли «магометан до того времени, пока Комиссия не исполнит возложенные на нее поручения и не будут им предоставлены в пользование необходимые для них земли». 27 мая 1855 г. военный губернатор Астраханской губернии Н.А. Васильев с учетом позиции ставропольской администрации издал приказ АПГИ «О воспрещении отдавать под распашку калмыцкие земли крестьянам». В нем содержался однозначный запрет отдавать кому-либо под распашку или в оброчное содержание калмыцкие земли, расположенные в отдельной части Малодербетовского улуса, за исключением 14 участков, «образованных в 1851 году бывшею тогда Комиссией и признанных ненужными для магометан», который был получен в феврале 1854 г. на основании предписания министра МГИ от 12 ноября 1853 г. Д.М. Петухову предписывалось наблюдать, чтобы «никто не пользовался и не распоряжался, как из зайсангов, так и старшин калмыков, самовольно калмыцкою землей» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 14-15).

Следуя предписанию АПГИ от 27 апреля 1854 г., Петухов собрал калмыцких старшин, чтобы осмотреть те места, на коих они желают произвести распашку с приглашенными крестьянами «и открыл, что таковая производилась при вершинах Камбулата, на Уче, близ границы села Александрии, на Маштак Кулак, на Кочурме, расстоянием от водополя более 7 верст, на Зурматинском бугре и на Сухой и Мокрой Буйвола» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26). При этом старшины и калмыки объявили: «по огромному пространству земли по реке Калаусу и Манычу, предположительная распашка нисколько не может Трухмен, и в земли этой, по близкому кочевью, они сами встречают необходимость, если бы и назначенная Комиссия для наделения Трухмен землею из Калмыцких степей, предложила им вопрос в этом». Калмыцкие старшины жаловались чиновнику, что если распашка будет не дозволена, то они окажутся не в состоянии уплачивать денежные повинности в доход улусного владельца, в доход аймачных зайсангов и, наконец, на содержание Управления калмыцким народом, а также нести общественные повинности, но и «пропитывать свои семейства, по малому скотоводству». Чиновник Петухов, якобы удовлетворенный этими высказываниями, а не собственным мнением, считал это единственным средством к поддержанию калмыков и поэтому уже не мог отстранить калмыков и приглашенных ими крестьян от начатой распашки (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

Также Петухов добавлял: «сам он от своего лица, как писал Трухменский пристав капитан А.Х. Артемьев, никаких дозволений крестьянам не давал и кто из крестьян это произвел, ни я сам, ни посылаемые мною для осмотра находящиеся в отдельной части старшины в то время таковых распашников» не знает, о чем чиновник доводил до сведения АПГИ донесением от 11 сентября 1854 г., где указывал, что если «крестьяне с дозволения моего и самовольно начали распахивать землю, о чем я до получения настоящего предписания, даже ни от кого не был предупрежден: то, вероятно Г. Артемьевым открыты эти распашки — но кто они поименно и фамилиям» он пояснить не смог. Более того, вся распашка шла на территории его ведомства. А все слухи о разрешениях, которые выдавал он — «письменные или одни словесные» — взяты со слов туркмен, которые считали эти земли своей собственностью (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

Петухов в своем рапорте также обращал внимание на выпас постороннего скота на кочевых территориях туркмен на р. Маныч, на который он не только не давал дозволения пасты, но до получения предписания и не знал, что посторонние лица вторгаются со скотом своим в земли отдельной части Малодербетовского улуса, пока ему не сообщили старшины и Управляющий калмыками Зайсанг Санжи Мулаев. При этом находящиеся кочевьем на р. Маныч калмыки ему не подчиняются, а находятся в составе управления другого чиновника; разрешения помещику Скаржинскому о выпасе скота на р. Маныч он не давал» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

Далее Петухов в своем рапорте касался злоупотреблений ставропольских жителей, которые своего скота имеют не более трети, а две трети скота на кочевьях Калмыцкой степи принадлежат жителям г. Моздок. Этот скот выпасается туркменами на условиях «за пастьбу скота и корм скота

части из последующего ежегодно от того скота приплода», и этот-то скот турмены называют своей собственностью, и постоянно пишут жалобы на стеснение. Что касается казыларцев или шеретов, то они не только не стеснены кочевкою, но и сами на калмыцкой земле производят распашки и пользуются сенокосом и, мало того, позволяют еще крестьянам соседних сел косить траву и пасти скот, «отзываясь тем, что земля близ урочища Камбулат есть их принадлежность», о чем Петухов 4 мая 1852 г. доносил в АПГИ и 10 сентября того же года получил предписание о запрещении шеретам, кочующим на калмыцких землях, производить распашки, сенокосение и пастьбу скота. Главному Магометанскому приставу было сообщено от Палаты, что если на тех землях будет найден принадлежащий сторонним лицам скот, то он будет конфискован и отдан в «пользу Калмыков, как хозяев земли», поскольку они постоянно приносят жалобы на нехватку кочевых территорий (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

20 декабря 1855 г. особая Комиссия отправила Главному попечителю калмыцкого народа генерал-майору и кавалеру М.И. Тагайчинову запрос, где запрашивала сведения о своем отношении от 11 сентября 1854 г., в котором она просила Д.М. Петухова сообщить, на каком основании производилась разными лицами распашка земель и сенокосение в улусе, сверх 14 участков, которые были оставлены в оброчном содержании и не последовало ли на это каких-либо особых распоряжений от АПГИ. Особо Комиссию интересовало, на каком основании были предоставлены права зайсангам, старшинам и калмыкам на раздачу земель под хлебопашество и сенокосение сверх оброчных статей, и в каком количестве, чтобы Комиссия могла точно определить надел земель «магометанам», поскольку при предварительном обзоре и съемке оброчных участков оказалось, что кроме 14 участков, оставленных для оброчного содержания, и участков, исключенных из них, многие другие участки земли распашаны вновь «весьма в значительном количестве тою весною под пары озимого хлеба разными лицами». На это отношение Петухов никаких сведений не представил, несмотря на личное обещание чиновникам Комиссии, что затрудняет работу Комиссии по распределению земель туркменскому населению, вопреки распоряжению губернского начальства и отзыв АПГИ от 18 марта 1855 г. о том, что распашка земель и их отдача в оброк в отдельной части Малодербетовского улуса запрещена распоряжением Палаты еще в феврале 1854 г. (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 36-37).

6 апреля 1856 г. Главный пристав Магометанских народов Ставропольской губернии подполковник Шейх Али написал в АПГИ, что частая отписка улусных калмыцких попечителей о том, что указанные земли отданы под распашку по решению калмыцких родовых обществ, на том основании, что они «магометанам не нужны», есть не что иное, как отговорка. Это доказывается тем, что сам Петухов сообщал, что весной 1855 г. были допущены распашки за пределами 14 оброчных участков на урочищах Камбулат, Уче, Маштак Кулак, Кучерме, Зуратинскому бугре и Сухой и Мокрой Буйвола, которые необходимы туркменскому населению для скотоводства. Даже освободившиеся на несколько месяцев участки бесполезны для кочевков, а с учетом желания зайсанга С. Мулаева оседло поселиться на Чограе встает вопрос, где же те земли, которые «Трухменам нужны, когда вышеописанные места, по уверению калмыков и убеждению их начальства были им не нужны», между тем туркмены лишились бы одних из лучших мест своих кочевий. При этом Главный пристав Магометанских народов выражал протест против намерения С. Мулаева в связи с распоряжением МГИ и АПГИ Палаты, что сверх 14 участков другие территории остаются свободными (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 55-56).

В декабре 1855 г. Комиссия, учрежденная для наделения магометан землею из калмыцких степей, отписала в АПГИ, что из отношения Д.М. Петухова от 24 ноября 1855 г. видно, что АПГИ в разрешении прошения зайсанга Малодербетовского улуса Мулаева о дозволении ему с братьями построить деревянный дом на урочище Чограй, требует от господина Гусановского сведения о том, не нужно ли означенное урочище для кочевки магометанских народов. С учетом этого Комиссия просила о всех вопросах, «имеющих связь с заселением калмыцких земель находящимися в Ставропольской губернии уведомлять Комиссию <...> до окончания возложенных на нее поручений» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 8-9).

В январе 1856 г. Д.М. Петухов отправил в АПГИ донесение по просьбе зайсанга Мулаева о дозволении ему построить на урочище Чуграй деревянный дом (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 15). Также он сообщал, что по вопросу о дозволении зайсангу С. Мулаеву с братьями и аймачными устроить на урочище Чуграй при устье р. Гашун-Уста оседлое поселение, которые якобы составляют постоянные летние кочевки туркмен и должны были по проекту Комиссии быть переданы в им надел, а в отзыве зайсанга С. Мулаева указывалось, что на этом урочище он всегда имел кочевку со своими аймачными людьми, а туркмены только изредка кочевали при «самой вершине того урочища». Более того, в настоящее время к поселению на том урочище готовы присоединиться другие зайсанги — Шалхик Терменкеев и Нимбуев со своими аймачными людьми (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 8-9).

В прошении от управляющего калмыками отдельной части Малодербетовского улуса С. Мулаева губернатору Тагайчинову от 20 января 1856 г. сообщалось, что 22 сентября 1855 г. он входил в АПГИ с прошением о дозволении ему с четырьмя братьями построить оседлое поселение на урочище Чуграе при устье р. Гашун Уста. При этом он указывал, что если это урочище будет отдано

в надел туркменам, то калмыки его аймака лишатся удобных зимовых мест на территории при устье р. Шун Уста, и Хара Булак (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 17-18).

В письме Министерства государственных имуществ, направленного 9 мая 1856 г. Главному попечителю калмыцкого народа, подчеркивалась особая значимость туркменского скотоводства для Ставропольской губернии. В нем сообщалось о готовности начальника Ставропольской губернии отправиться в текущем году вместе с Главным попечителем в Калмыцкую степь для устранения всех недоразумений и предписывалось Главному попечителю калмыцкого народа территории калмыцких земель в Ставропольской губернии, не подходящие для заселения дорог на основании высочайшего указа от 30 декабря 1846 г., оставить свободными до личного с начальником Ставропольской губернии «обозрения местностей». Прошение С. Мулаева будет зависеть от соглашения Главного попечителя с начальником Ставропольской губернии (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 25-26).

Комиссия для наделения магометан землею из калмыцких степей, лежащих в Ставропольской губернии, закончила свою деятельность в январе 1857 г. Она представила наместнику Кавказскому через ставропольского губернатора «проект наделения землею магометан». В нем основаниями для наделения землей признавались: «1. высочайший указ от 1806 года и объявленном при нем Положении об отводе земель калмыкам; 2. То обстоятельство, что калмыки сами в этой земле не нуждаются» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 182). Представленный проект противоречил целому ряду указов АПГИ, а также Положению об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. В конечном итоге разделение кочевых территорий так и не было доведено до конца. По утверждению С.В. Фарфоровского, «приведенные указания закона комиссией не были выполнены, и границы, и объем землепользования тухмен остались неопределенными» (цит. по: Лиджиева, 2023: 14).

Тем не менее к началу XIX в. калмыки и туркмены сумели выработать режим взаимных кочевков на одной территории. Однако территориальные споры между калмыками и туркменами все еще случались. Во многом виной тому неясность и нечеткость в определении компетенции Астраханского и Ставропольского губернаторов в части управления кочевыми народами. 21 октября 1859 г. для прекращения споров по управлению калмыками и туркменами между Астраханским и Ставропольским губернскими администрациями был издан Высочайший указ, по которому калмыки Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями переходили в подчинение Главному приставу магометанских народов, кочующих в Ставропольской губернии (НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 9–10; НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 206. Л. 50б.).

5. Заключение

Таким образом, вышеуказанные Особые комиссии в конечном итоге не смогли в полной мере выполнить поставленные перед ними задачи наделения землями магометан и размежевания кочевий между туркменами и калмыками. Включение в состав Калмыцкой степи туркменов привело к их неизбежным конфликтам с калмыками в борьбе за пастбищные территории. Рост крестьянского населения в первой половине XIX в. в Калмыцкой степи и Ставропольской губернии привел к ожесточенной конкуренции с кочевниками за пастбищные земли и, что наиболее важно для аридных территорий, за водные ресурсы. Решение земельных проблем в регионе усложнялось еще и тем, что калмыцкое население в борьбе за территории под видом желания перейти на оседлый образ жизни стало массово привлекать для распашки спорных земель крестьян соседних сел при полном попустительстве со стороны АПГИ. Параллельно туркменское население, имея собственные интересы, также вовлекало в незаконный выпас скота жителей г. Моздок на землях Калмыцкой степи, тем самым увеличивая антропогенную нагрузку на пастбища. В совокупности все указанные факторы привели к нарушению стройной системы кочевий калмыцкого и туркменского народов. Они разрушили устоявшуюся систему пастбищного скотоводства в Калмыцкой степи и Ставропольской губернии, стали катализатором трансформаций традиционного образа жизни кочевников, изменения методов скотоводства и перехода к оседлому образу жизни калмыков и ставропольских туркмен. При этом российские власти оказались в весьма сложном положении, когда однозначная поддержка оседлого христианского населения могла привести к окончательному разорению кочевых хозяйств. Местные власти не сумели организовать четкий контроль над распределением пастбищных угодий, что приводило к межхозяйственным спорам, а подчас к открытым конфликтам между скотоводами. Властные структуры не смогли донести до кочевников необходимость организации правильного выпаса скота и улучшения качества пастбищных угодий, что приводило к их постепенной деградации. Критическое положение скотоводческой отрасли в регионах юга России в конце XIX в. в немалой степени было обусловлено сложными природно-климатическими условиями территории. К примеру, малое количество осадков, приходящихся на аридные районы, к которым относятся юго-восточная часть Ставропольской губернии и Калмыцкой степи, не способствовало росту травостоя на пастбищах, что приводило к дефициту кормов в осенне-зимнее время, создавало постоянные ситуации незащищенности зимующего поголовья кочевников от стихийных бедствий. Недостаток водных ресурсов в полупустынной и засушливой местности, а, следовательно, и нехватка питьевой воды, негативно влияли на самочувствие животных, на их продуктивность и общую рентабельность. В конечном итоге можно определенно сказать, что во многом непродуманные решения различных властных структур замедлили развитие

традиционного пастбищного скотоводства калмыков, ставропольских туркмен и ногайцев. Созданные ими особые Комиссии по землепользованию в Ставропольской губернии не смогли в полной мере решить спорные земельные вопросы, вследствие чего можно говорить о провале актуального по времени и важного по замыслу правительственного проекта.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

Архипов, 1858 – Архипов А. Этнографический очерк ногайцев и туркмен // *Кавказский календарь на 1859 год*. Тифлис, 1858. С. 347-356.

Бентковский, 1883 – Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1883. 134 с.

Бентковский, 2011 – Бентковский И.В. Крепостная колонизация в бывшей кавказской, ныне Ставропольской губернии // *Опальные: Русские писатели открывают Кавказ*. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.

Белоусов, 2018 – Белоусов С.С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018. № 1 (55). С. 6-20.

Бурдуков, 1902 – Бурдуков Н.Ф. Выпасы постороннего скота в калмыцкой степи и их влияние на калмыцкое хозяйство. Санкт-Петербург, 1902. 33 с.

Брусина, 2023 – Брусина О.И. Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. №2 (75). С. 62-71.

Варивода, 2007 – Варивода Н.В. Русская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XVIII - начале XX веков // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2007. №. 16. С. 139-141.

Володин, 1908 – Володин А. А. Трухменская степь и трухмены // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. 1908. Вып. 38. Отд. 1. С. 1-98.

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Кольцов, Шургучинов, 2023 – Кольцов П.М., Шургучинов Р.С. Установление границ кочевых территорий ставропольских туркмен в начале XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023 № 2 (75). С. 26-31.

Курбанов, 1995 – Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 237 с.

Лиджиева, 2023 – Лиджиева И.В. «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 2 (75). С. 11-20.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Положение..., 1848 – Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXII. Отделение первое. 1847 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. 951 с.

Положение..., 1853 – Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитающих в Ставропольской губернии. Санкт-Петербург: тип. Деп. воен. поселений, 1853. 43 с.

Прозрителев, 1912 – Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1912. 24 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Фарфоровский 1911 – Фарфоровский С.В. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1911. 42 с.

Щеглов, 1910 – Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии: сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии. Ставрополь: Деп. гос. зем. имуществ, 1910-1911. 26 с.

References

- Arkhipov, 1858** – Arkhipov, A. (1858). Ehtnograficheskiy ocherk nogajcev i turkmen [Ethnographic essay of Nogais and Turkmens]. *Kavkazskij kalendar na 1859 god*. Tiflis. Pp. 347-356. [in Russian]
- Belousov, 2018** – Belousov, S.S. (2018). Samovolnye poseleniya na kalmyckikh zemlyakh Astrakhanskoj i Stavropolskoj gubernij: pereselency i gubernskie vlasti (XIX – nachalo XX vekov) [Unauthorized settlements on the Kalmyk lands of Astrakhan and Stavropol provinces: settlers and provincial authorities (XIX – early XX centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 1(55): 6-20. [in Russian]
- Bentkovskij, 1883** – Bentkovskij, I.V. (1883). Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodcev-magometan, kochuyushchikh v Stavropolskoj gubernii [Historical and statistical review of the Mohammedan foreigners roaming in the Stavropol province]. P. 1. Stavropol: tip. Gub. pravl., 34 p. [in Russian]
- Bentkovskij, 2011** – Bentkovskij, I.V. (2011). Krepостnaya kolonizaciya v byvshej kavkazskoj, nyne Stavropolskoj gubernii [Serf colonization in the former Caucasian, now Stavropol province]. Opalnye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. V. 2. Stavropol: Izd-vo SGU. [in Russian]
- Brusina, 2023** – Brusina, O.I. (2023). Transformaciya kochevogo obraza zhizni stavropolskikh turkmenov v XIX–XX vv. [Transformation of the nomadic lifestyle of Stavropol Turkmens in the XIX–XX centuries]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura*. 2(75): 62-71. [in Russian]
- Burdukov, 1902** – Burdukov, N.F. (1902). Vypasy postoronnego skota v kalmyckoj stepi i ikh vliyanie na kalmyckoe khozyajstvo [Grazing of foreign cattle in the Kalmyk steppe and their impact on the Kalmyk economy]. Sankt-Peterburg, 33 p. [in Russian]
- Farforovskij, 1911** – Farforovskij, S.V. (1911). Trukhmeny (turkmeny) Stavropolskoj gubernii [Trukhmen (Turkmens) Stavropol province]. Kazan: tipo-lit. Imp. Un-ta, 42 p. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyj arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan region].
- GASK** – Gosudarstvennyj arkhiv Stavropolskogo kraja [The State Archive of the Stavropol Territory].
- Kolcov, Shurguchinov, 2023** – Kolcov, P.M., Shurguchinov, R.S. (2023). Ustanovlenie granic kochevykh territorij stavropolskikh turkmenov v nachale XIX v. [The establishment of the boundaries of the nomadic territories of Stavropol Turkmens at the beginning of the XIX century]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura*. 2(75): 26-31. [in Russian]
- Kurbanov, 1995** – Kurbanov, A.V. (1995). Stavropolskie turkmeny: Ist.-ehtnogr. Ocherki [Stavropol Turkmens: Historical and ethnographic essays]. SPb.: Yazykovoju centr SPBGU, 237 p. [in Russian]
- Lidzhieva, 2023** – Lidzhieva, I.V. (2023). «Priokhochivat k osedlosti»: imperskaya politika na inorodcheskikh territoriyakh» [“To settle down”: imperial policy in foreign territories]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura*. 2(75): 11-20. [in Russian]
- NARK** – Nacionalnyj arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Polozhenie..., 1853** – Polozhenie o razmezhevanii zemel Kavkazskogo linejnogo kazachego vojska i magometanskikh narodov, obitayushchikh v Stavropolskoj gubernii [Regulation on the delimitation of the lands of the Caucasian linear Cossack army and the Mohammedan peoples living in the Stavropol province]. Sankt-Peterburg: tip. Dep. voen. poselenij, 1853. 43 p. [in Russian]
- Polozhenie..., 1848** – Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii Kalmyckim narodom ot 23 aprelya 1847 g. [The most highly approved Regulation on the administration of the Kalmyk people of April 23, 1847]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom XXII. Otdelenie pervoe. 1847. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1848. 951 p. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – Prozritelev, G.N. (1912). Pervye russkie poseleniya na Severnom Kavkaze i v nyneshnej Stavropolskoj gubernii [The first Russian settlements in the North Caucasus and in the present Stavropol province]. Stavropol: tip. Gub. pravl., 24 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shcheglov, 1910** – Shcheglov, I.L. (1910). Trukhmeny i nogajcy Stavropolskoj gubernii: svedeniya o khozyajstve osedlykh i kochuyushchikh inorodcev, russkikh krestyan i khutoryan ovcevodov v Trukhmenskoj i Achikulakskoj stepi Stavropolskoj gubernii [Trukhmen and Nogais of Stavropol province: information about the economy of settled and nomadic foreigners, Russian peasants and sheep farmers in the Trukhmen and Achikulak steppe of Stavropol province]. Stavropol: Dep. gos. zem. imushchestv, 1910-1911. 26 p. [in Russian]
- Variyoda, 2007** – Variyoda, N.V. (2007). Russkaya kolonizaciya Centralnogo Predkavkazya vo vtoroj polovine XVIII - nachale XX vekov [Russian colonization of the Central Caucasus in the second half of the XVIII - early XX centuries]. *Promyshlennost: ehkonomika, upravlenie, tekhnologii*. 16: 139-141. [in Russian]
- Volodin, 1908** – Volodin, A.A. (1908). Trukhmenskaya step i trukhmeny [Trukhmen steppe and Trukhmens]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza*. Vyp. 38, otd. 1. Pp. 1-98. [in Russian]

Деятельность Особых Комиссий по наделению землей Магометанских народов в Ставропольской губернии в XIX в.: проблемы и природно-климатические факторы

Валерий Владимирович Батыров ^{a, *}, Екатерина Николаевна Бадмаева ^a,
Даниял Сайдахмедович Кидирниязов ^b, Баатр Викторovich Очиров ^a

^a Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

^b Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Российская Федерация

Аннотация Статья посвящена деятельности Особых Комиссий по наделению землей Магометанских народов в Ставропольской губернии в XIX в. Основной проблемой, стоявшей перед Комиссиями, являлось решение проблемы распределения пастбищных территорий среди кочевых народов. Подобный вопрос, в частности, между калмыками и ставропольскими туркменами, возник в 1806 г., когда решением властей туркменское население было включено в состав Калмыцкой степи Астраханской губернии. Данное решение обострило земельные отношения в целом среди кочевых народов. Усугубило ситуацию в землепользовании рост численности крестьянского населения в Ставропольской губернии. Новоприбывшие русские крестьяне в сложных природно-климатических условиях территории были вынуждены переходить к скотоводству как наиболее рентабельному виду хозяйствования, вступая, таким образом, в борьбу за пастбища и водные ресурсы с кочевыми народами. Постоянные жалобы и конфликты от всех сторон-участников земельных споров на протяжении всей первой половины XIX в. поставили перед российскими властями неотложный вопрос о точном определении границ территорий кочевых народов. Сложные природно-климатические условия региона были в числе основных причин провала проекта по размежеванию территорий кочевий между калмыками и туркменами. Аридная территория, нехватка водных ресурсов, дефицит зимних запасов кормов, обусловленный выгоранием пастбищ в остальное время года, предопределяли постоянную зависимость кочевых хозяйств от стихийных бедствий, создавали серьезные препятствия для дальнейшего развития кочевого скотоводства. Особенно ожесточенно шли споры и конфликты между скотоводами за ограниченные водные ресурсы и лучшие пастбищные территории. Тем не менее, с начала XIX в. калмыки и туркмены сумели выработать режим взаимных кочевок на одной территории, так как они понимали, что отсутствие консенсуса по этому вопросу могло бы привести к разорению одного из народов. В конечном итоге, российские власти разрубили гордиев узел земельных противоречий между калмыками и туркменами, передав в 1859 г. земли Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса в ведомство Ставропольской губернии, тем самым отдав решение всех конфликтных ситуаций из-за кочевых пастбищ и водных источников на откуп местной администрации. Только в начале XX в. накал земельных противоречий между калмыками и туркменами несколько ослаб вследствие частичного отказа скотоводов от практики отгонного скотоводства и постепенного перехода кочевого населения к оседлому образу жизни.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Ставропольская губерния, Калмыцкая степь, кочевые народы, калмыки, туркмены, кочевое хозяйство, скотоводство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: valerabatyrov@yandex.ru (В.В. Батыров), en-badmaeva@yandex.ru (Е.Н. Бадмаева), daniyal2006@rambler.ru (Д.С. Кидирниязов), ochirov.baatr@yandex.ru (Б.В. Очиров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1148-1160
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1148

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the Firepower of the Russian Army in the first half of the 19th century in Comparison with Enemies as a Factor of Russia's Victories and Defeats in the Napoleonic and Crimean Wars

Gregory Popov ^a, Victor V. Barabash ^b, Natalia V. Poplavskaya ^b, Oleg Yu. Kazenkov ^{c,d,*}

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

^c Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^d P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract

The paper compares the firepower of the Russian army during the Napoleonic Wars and the Crimean War. The authors want to answer the question of how Russia, which defeated Napoleonic France – the militarily strongest power of the early 19th century – lost the Eastern War to Western democracies represented by Great Britain and France. The authors limit themselves to solving this problem by studying the firepower of the Russian army in comparison with the armies of the opponents, proving that the positional war in the process of defending Sevastopol required greater efforts from the Russian military industry, as well as from the logistics of the Russian Armed Forces, than the maneuver war with the Great Army of Napoleon Bonaparte in 1812 and during Foreign campaigns. The Crimean War was a small prototype of the First World War, and the Russian defense industry, as well as its military-bureaucratic apparatus, were not ready for this new type of industrial war. This work is based on some scientific works that are little known in Russian historiography, as well as on the book of General E.I. Totleben, a participant of the organization of the Sevastopol's defense, which is insufficiently studied in Russian science. The authors prove that, according to technical characteristics, the Russian artillery did not lag behind the Western one either during the Napoleonic Wars or during the Crimean War. The authors also believe that in the middle of the XIX century in Russia there was also a crisis of the military-bureaucratic apparatus.

Keywords: The Napoleonic Wars, the Battle of Borodino, Foreign campaigns, the Crimean War, the history of the Russian defense industry.

1. Введение

В российской и зарубежной историографии устоялось положение, что в Крымской войне (Восточной) Россия потерпела поражение из-за отставания в развитии. Однако возникает вполне логичный вопрос: почему Россия победила Наполеоновскую Францию? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо, разумеется, сравнить эти войны. Цель настоящей работы более скромная – отследить развитие огневой мощи Российской империи в первой половине XIX в. в ракурсе Наполеоновских войн и Крымской войны. Изучение огневой мощи как предмета исследования позволяет лучше понять причины побед и неудач русской армии в крупнейших войнах Российской империи первой половины XIX в., а также определить фактические масштабы этих войн в техническом и экономическом измерениях.

* Corresponding author

E-mail addresses: o.kazenkov@gmail.com (O.Yu. Kazenkov)

Вопрос можно поставить и в обратном порядке: каким образом в Крымскую кампанию две экономически и технологически превосходившие Россию державы увязли при осаде Севастополя? В этой осаде участвовала та самая французская армия, которая менее чем за два поколения до этого взяла Москву.

Говоря о столкновениях Российской империи с Англо-Французским альянсом в середине XIX в., мы должны помнить, что это было противостояние самодержавной милитаризированной монархии с западными демократиями. Механизмы мобилизации населения и экономик у этих двух систем были достаточно разными, если вспомнить хотя бы традицию постоянных дебатов по поводу военного бюджета в Английском парламенте (из-за чего, в общем, этот государственный институт Великобритании и возник). В период Наполеоновских войн Россия в лице Французской республики, а затем империи, боролась с государством, имевшим фактически военную диктатуру, но на конституционной основе.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование построено отчасти (в разделе про Крымскую войну) на труде инженер-генерала и генерал-адъютанта Эдуарда Ивановича Тотлебена ([Тотлебен, 1863](#)), который по заданию императора Александра II составил подробное описание обороны Севастополя, одним из организаторов которой он являлся. По периоду Наполеоновских войн подобные работы нам не встречались (правда, есть много мемуарных трудов, которые не являются надежными источниками), поэтому мы опираемся при изучении огневой мощи Русской армии в это время на исследования современных историков, включая знаменитую работу Кевина Кили про артиллерию армии Наполеона Бонапарта ([Kiley, 2004](#)). Эта книга не утратила своей актуальности, и ее материалы позволяют сравнить состояние российской артиллерии с артиллериями других государств в интересующий нас период.

Крупным событием в историографии Отечественной войны 1812 года стало издание в начале XX в. нескольких томов документов о Русской армии в этой войне. Однако данный корпус документов содержит мало сведений по интересующим нас вопросам ([Отечественная война 1812 года, 1911](#)). Тем не менее отдельные документы из этого сборника для нас оказались достаточно важными. Нами также привлечен ряд вторичных источников, среди которых значится хрестоматийная работа Бескровного, которая не утратила своей актуальности, несмотря на то что была издана в 1973 г. ([Бескровный, 1973](#)).

Работа основана на историко-проблемном и системном методах. Мы отслеживаем такую проблему, как изменение огневой мощи Русской армии, по указанным во введении критериям на фоне развития вооруженных сил и военной мысли. В частности, на базе этого мы определяем, насколько огневая мощь Русской армии и ее противников была решающей в процессе развития той или иной стратегической ситуации. Системный метод применяется для анализа изучаемой проблемы в комплексе с другими факторами, в частности, со структурами промышленности.

3. Обсуждение

В целом сравнительного анализа Наполеоновских кампаний с участием России и Крымской войны не проводилось с точки зрения именно значения огневой мощи в развитии стратегической ситуации для Русской армии. В.Н. Земсков верно заметил в своей работе о Бородинском сражении ([Земсков, 2018: 30-79](#)), что до сих пор статистика по этому одному из величайших сражений в XIX в. остается полем споров, но в этой фундаментальной работе сам В.Н. Земсков не концентрирует внимание на военно-технических и военно-экономических факторах успехов и неудач Русской армии в 1812 г.

Вопросы огневой мощи Русской армии в 1812 г. затрагивает в своей фундаментальной работе об Отечественной войне Н.А. Троицкой ([Троицкий, 2007: 162](#)), но этот автор приводит обычное соотношение численности орудий в артиллерийских парках Русской и Великой армий, при этом речь, скорее всего, идет о полевой артиллерии в действующей армии на границе: 1 102 орудия против 1 372 у французов и их союзников ([Троицкий, 2007: 162](#)). О работе оборонной промышленности России в этот период у Н.А. Троицкого очень мало сведений, несмотря на то что это был важный фактор в победе Русской армии в Отечественной войне 1812 г. Оценка работы российского тыла у Н.А. Троицкого до конца не понятна.

20 лет назад вышла в свет знаковая работа под редакцией В.М. Безотосного ([Безотосный, 2004](#)). Однако по работе оборонных предприятий в этой энциклопедии сказано мало, что вытекает из очевидной цели данного труда.

Известный российский историк Наполеоновских войн И.Н. Васильев в одной из редких для отечественной историографии работ о кампании 1806–1807 гг. в Пруссии ([Васильев, 2010](#)) не останавливается подробно на роли огневой мощи армий России и Франции в этой кампании, но он затрагивает многие вопросы работы тыла Русской армии.

Полное представление о состоянии вооруженных сил Российской империи в интересующие нас периоды дает упомянутая выше работа Л.Г. Бескровного ([Бескровный, 1973](#)), аналогов которой мы в

современной историографии не встречали. Но в этой фундаментальной работе проблемы развития российской военной промышленности и снабжения войск рассматриваются через призму марксистско-ленинской парадигмы, где развитие вооруженных сил государства ставится в зависимость от состояния производительных сил и характера производственных отношений. В этой связи феодальная и отсталая Россия противопоставлена в работе Л.Г. Бескровного и других авторов советского периода капиталистически развитому Западу, но победа над Наполеоновской Францией объясняется отчасти тем, что уровень технологического развития Европы того времени позволял России при ее отсталом общественном строе конкурировать с западными государствами в военно-технической сфере и в аспекте военного производства. Однако не совсем понятно, как и почему военные технологии 1840–1850-х гг. принципиально отличались от этих же технологий начала XIX в., кроме появления боевых судов с паровым двигателем.

Словом, отечественную историографию Наполеоновских войн можно охарактеризовать как множество работ, концентрирующих внимание на сборе и систематизации энциклопедических данных и подробностях с уходом от советской марксистско-ленинской традиции объяснения успехов и поражений вооруженных сил уровнем развития производительных сил и производственных отношений в обществе.

Еще более сложно обстоит вопрос с описанием Крымской войны в российской историографии. Исследование этой войны велось и ведется через призму оценки последнего десятилетия правления императора Николая I, эта оценка отрицательная, в ее рамках этот император противопоставлен «царю-освободителю» и реформатору Александру II (Шевченко, 2007: 302). Однако после 2010 г. активно ведется переосмысление всего периода правления Николая I, сопровождающееся уходом от «стереотипа Палкина» (Ростовцев, Сосницкий, 2013: 130). Пересмотру также подверглось положение об отсталости вооруженных сил и военных технологий России в 1840–1850-е гг. Например, А.В. Кухарук считает, что система комплектования армии при Николае I была более продвинутой, нежели было ранее принято считать. Но при этом А.В. Кухарук выдвигает главный критерий оценки мобилизации общества во время Крымской войны: в армии к началу 1856 г. находилось более 2,3 млн. человек (Кухарук, 1999: 57-79; 79-82; 182). Однако здесь можно выдвинуть возражение, что большинство вновь призванных в военный период (1853–1856 гг.) являлись плохо вооруженными ополченцами, даже регулярным частям, включая и гвардейские полки, не хватало винтовок и прочих современных на то время средств борьбы, в Русской армии имели сложности с логистикой, в сфере артиллерии логистика стала для российских войск в Крыму фатальной. Это мнение А.В. Кухарука до некоторой степени согласуется с мнением известного западного историка Ф. Кэгана, который считает, что главной причиной поражения России в Восточной войне была ее внешнеполитическая изоляция, а также географическая разбросанность театров военных действий, а не отсталость военно-бюрократического аппарата этой империи (Kagan, 1999: 243-245).

Мы можем возразить Ф. Кэгану тем, что театры военных действий для Русской армии были привычными, незадолго до этого армия вела наступления на Балканах и в Закавказье (Русско-турецкая война 1828-1829 гг.). Военно-бюрократический аппарат режима Николая I эти проблемы не решил. Стратегическая разведка была организована перед Крымской войной плохо, как и военно-морская тактическая разведка.

Известный историк Восточной войны О.Р. Айрапетов высказывает схожие с концепцией Ф. Кэгана идеи, утверждая, что главной причиной поражения России была ее внешнеполитическая изоляция (Айрапетов, 2006: 208, 219). Тем не менее непонятно, когда Россия могла в XIX в. опереться на надежных союзников. Во время Наполеоновских войн этого не было, если не считать ограниченного военно-технического сотрудничества с Англией.

Ревизионистской выглядит концепция А.А. Криволапова, что отставание в развитии военных технологий не было решающим в поражении в Крымской войне. Главный акцент в анализе причин поражения России в этой войне А.А. Криволапов делает на том, что в стратегии Высшего командования Крым не фигурировал в качестве главного театра военных действий, когда основное внимание уделялось Царству Польскому и Дунаю, где возможны были столкновения с Пруссией и Австрией (Криволапов, 2016: 71). А.А. Криволапову можно возразить, что десант в Крыму не предполагался Военным советом, высадку ожидали под Одессой (о чем ниже), но при этом и на линии Одесса–Николаев было мало войск. После сентября 1854 г. усиление группировки русских войск в Крыму было вполне возможно, так как особо крупных контингентов там и не требовалось. Кроме того, на Дону имелось много казачьих полков, можно было приостановить и наступательные операции в Закавказье, перебросив оттуда несколько частей. Но, главное, – логистика. Крымская армия не получила достаточно боеприпасов и вооружений вовремя. Когда она уже была перевооружена, как говорится, «поезд уже ушел». Категорически против таких концептуальных идей выступил десять лет назад историк С.В. Мироненко (Мироненко, 2013: 3), он считает Русскую армию в середине XIX в. все-таки отстававшей от Запада.

4. Результаты

Наполеоновские войны

Начнем с пороха. С ним у России были определенные сложности: его производство к 1770 г. пришло в упадок, а затем достаточно медленно восстанавливалось. В конце правления Екатерины II Россия производила 210-220 т пороха ежегодно (Лосик, Щерба, 2008: 78), и это не соответствовало даже нормам Северной войны. При Александре I положение было исправлено: российские заводы стали производить от 1 650 до 3 300 т пороха в год (Попов, 2012: 75) или 2 475 т среднегодового выпуска. Но этого не хватало, поэтому С-Петербург импортировал 500 т пороха из Англии в 1811 г. и 655 т – в 1813 г.

О французском производстве судить сложно за дефицитом сохранившихся документов. К тому же французская армия периода Наполеоновских войн часто снабжалась трофеями. Только в результате сражения под Магдебургом французы взяли примерно 1 миллион фунтов пороха, что эквивалентно приблизительно 500 т этого материала (Parsons, 1914: 127).

Для подготовки к нападению на Россию только артиллерийских снарядов для Великой армии было изготовлено к 1 мая 1812 г. в основных депо Восточной Европы 761 801 шт. (Salavrakos, 2018a: 52). Каждый снаряд должен был быть обеспечен в среднем 2,5 кг пороха, что дает почти 1 900 т. Помимо этого, были заряды для орудий на корпусных складах. Если исходить из расчета, что у Великой армии перед вторжением в Россию было примерно 1 300 артиллерийских систем и на каждую из них 147-300 снарядов (берем среднее число 223 снаряда или ядра, как было принято в России), то получаем, что только артиллерия Наполеона в первые дни вторжения в Россию получила почти 725 т пороха.

Русские стратеги ошиблись до кампаний 1805–1807 гг. с необходимыми для армии масштабами выпуска пороха, потребовалось на основе полученного опыта его увеличение. Пороха оказалось так много, что его запасов хватило даже для ведения боевых действий в первом полугодии 1813 г., в конце 1811 г. его запас составил почти 5 145 т., но часть его находилась на складах заводов, а также в гарнизонах (Богданов, 1979: 165).

Мы знаем, что по французским нормам конца Наполеоновских войн на каждую формуацию 8 тыс. человек (примерно соответствует дивизии) должно было приходиться 97 тыс. выстрелов. В начале XIX в. мушкетный выстрел требовал примерно 10-12 гр. Исходя из этой нормы, скажем, что для французской дивизии требовались максимум почти 1,2 т только для основных типов ручного стрелкового оружия пехоты. То есть для этой цели на всю Великую армию требовалось 91,5 т, но к лету 1812 г. эта норма, очевидно, нарушалась, так как известно, что имперская гвардия, насчитывавшая 56 200 чел., имела в июле того же года в своем распоряжении 1 224 тыс. выстрелов для ручного стрелкового оружия (Salavrakos, 2018a: 52) или почти 14,7 т. Другие части были оснащены порохом не намного худшем уровне, а, учитывая интенсивность боевых действий обычных армейских соединений, возможно, даже немного на лучшем. Таким образом, при делении 14,7 т на весь личный состав гвардии Наполеона получаем, что на каждого солдата и офицера Великой армии приходилось почти 262 гр. пороха в июле 1812 г., но это только для ручного оружия.

Вооруженные силы Российской империи к июлю 1812 г. насчитывали 480 тыс. человек. Запасы пороха, напомним, оценивались в 5 145 т. (около 10,72 кг на солдата и офицера). Великая армия насчитывала 610 тыс. человек, что означало обеспечение их порохом только для стрелкового оружия в объеме почти 160 т., исходя из нормы 262 гр. на солдата и офицера. К ним надо добавить 725 т пороха для артиллерии, что дает нам запас пороха к началу Русской кампании (официально во Франции она называлась Вторая польская) в объеме 1,45 кг на человека. По пороху очевидно явное многократное преимущество в пользу Русской армии.

У Наполеона имелись еще депо в Восточной Европе, которые регулярно пополнялись запасами пороха. Правда, часть этих запасов из депо оказалась к июлю 1812 г. уже в действующих войсках. В этой связи справедливо было бы считать количество пороха на каждого солдата и офицера Великой армии, исходя из данных по запасам депо – 1900 т. Но в таком случае получаем почти 3,15 кг пороха на француза или солдата союзных армий, вторгшихся в Россию, но это все равно заметно меньше, чем было в распоряжении русских. Но, очевидно по примеру имперской гвардии, даже примерно одной трети от этого объема пороха хватило для ведения боевых действий Великой армии в июле 1812 г.

В 1813 г. расход пороха составил в Русской армии 127 724 пуда при запасах на начало года 278 002 пуда (Бескровный, 1973: 383). Такие затраты пороха соответствовали интенсивности боевых действий периода Северной войны и Русско-турецким войнам конца XVIII в. Причинами тому были средняя частота и продолжительность боевых столкновений и большая нагрузка на кавалерию в ходе боевых действий. При этом численность действующей армии Российской империи была в 1813–1814 гг. незначительно меньше, чем в 1812 г.

К началу кампании 1812 г. в артиллерийских парках России имелись 296 тыс. снарядов (Богданов, 1979: 172), когда только в нескольких депо Восточной Европы для Великой армии был изготовлен 761 801 снаряд, не считая депо под Ульмом (Бавария), которое было в состоянии отправлять Великой армии по 75-100 тыс. снарядов ежедневно (Salavrakos, 2018a: 52). Таким образом, на каждое орудие Великой армии без учета Ульма приходилось 586 снарядов в начале кампании 1812 г., когда у Русской

армии это отношение было 1:325, если исходить из того, что у русской стороны имелись 910 боеготовых полевых орудий на начало кампании. Принимая во внимание, что русской стороне приходилось в основном обороняться на заранее подготовленных позициях, французское превосходство в количестве снарядов не было столь серьезным, как и преимущество в численности орудий.

Расчеты русских интендантов, сделанные перед войной, оказались верными, армии вполне хватило пороха, патронов и снарядов. Тот факт, что наполеоновским войскам удалось захватить в Москве 400 т пороха, 1,6 млн. патронов, 60 тыс. ружей, а также 150 орудий (Salavrakos, 2018a: 53), указывает на то, что у Русской армии и после Бородинского сражения имелись большие резервы материальной части. При этом надо учесть, что из почти 37,5 млн. заготовленных к началу кампании Россией патронов многие нуждались в переделке под новые калибры (Богданов, 1979: 174-175). Тем не менее мы не встречаем свидетельств, что у Русской армии в 1812 г. возникал серьезный дефицит патронов, но это также можно объяснить сравнительно небольшой интенсивностью боевых действий, а также значительным удельным весом кавалерии в операциях конца кампании 1812 г. Обратимся к данным по некоторым количественным характеристикам битв периода Наполеоновских войн (Таблица 1).

Таблица 1. Характеристики некоторых битв периода Наполеоновских войн (мы понимаем под Францией также ее союзников)

Название битвы	Численность войск с каждой стороны, тыс. чел.	Количество орудий	Продолжительность боевого противостояния в часах	Расход снарядов
Лейпциг (16-19 октября 1813 г.)	Франция: 190 000 Коалиция: 300 000	Франция: 690 Коалиция: 1 360	60 (приблизительно)	Франция: 220 000 Коалиция: не известно
Бородино (7 сентября 1812 г.)	Франция: 138 000 Россия: 138 000	Франция: 587 Россия: 624	12,5	Франция: 90 000 Россия: 60 000 (приблизительная оценка)
Аустерлиц (2 декабря 1805)	Франция: 73 200 Коалиция: 85 400	Франция: 139 Коалиция: 278	11 (приблизительно)	Франция: неизвестно Коалиция: не известно
Ваграм (5-6 июля 1809 г.)	Франция: 178 400 Австрия: 129 000	Франция: 395 Австрия: 452.	34 (приблизительно)	Франция: неизвестно Австрия: не известно
Ватерлоу (16-19 июня 1815 г.)	Франция: 128 000 Коалиция: 234 000	Франция: 366 Коалиция: 528	40 (приблизительно)	Франция: 21 000 Коалиция: не известно

Составлено по Kiley, 2004; Чандлер, 1999: 561

Судя по описанию преследования остатков Великой армии 3-й Западной армией, французы и их союзники даже в ноябре 1812 г. продолжали обладать достаточно большим количеством орудий. В журнале боевых действий 3-й Западной армии указано: «В продолжение 19 дней преследования неприятельской армии от Борисова до границ России, одна 3-я Западная армия повергла к стопам Его Императорского Величества 6 ген., 747 шт. и об.-оф., 42.633 н. ч., 8 знамен, 297 пушек и 4.125 фургонов военного обоза, да почти таковое же число людей осталось по дороге убитыми и замерзшими» (Отечественная война 1812 года, 1911: 230).

Крымская кампания

Планы Военного Министерства, сделанные до 1853 г., по поводу потенциального в случае войны расхода пороха оказались неверными. Как признал позднее военный министр Д.А. Милютин, отечественного производства в период Крымской войны было недостаточно (Бескровный, 1973: 385). Пруссия, объявив о нейтралитете, отказалась осуществлять поставки. Общий расход пороха при обороне Севастополя составил 250 тыс. пудов (4075 т) (Бескровный, 1973: 385).

На 1 января 1853 г. на складах армии различных уровней, включая парки, имелось 876 076 снарядов (Бескровный, 1973: 333) против 296 тыс. снарядов в парках в начале 1812 г. Но и масштаб работы артиллерии был большим: за 349 дней обороны Севастополя русские войска израсходовали 1 027 тыс. снарядов, когда англо-французский противник – 1 356 тыс. При этом русская сторона потеряла 102 669 человек, силы коалиции – 54 тыс. человек (Ченнык, 2014: 315).

Артиллерия Англо-французского альянса оказалась все-таки более эффективной, если судить по потерям российской стороны, но это стало причиной недостатков в фортификации, а не

технологического отставания русской артиллерии. Англоязычные авторы считали большие потери войск Великобритании следствием слабых логистики и военного планирования (Trevor, 2000).

В отчете американской военной комиссии, изучавшей опыт Крымской войны (офицеры армии США получили от англичан доступ ко многим статистическим документам), дана достаточно полная картина характера применения артиллерии англичанами и французами (Delafield, 1860: 77). За всю осаду Севастополя непосредственно полевой артиллерии армии Великобритании были выданы 253 042 выстрелов (снаряд и пороховой заряд), в рамках этого количества наибольшее число пришлось на восьмидюймовые и тридцатидюймовые гаубицы: 64 280 и 62 916 выстрелов соответственно. Основным противником Русской армии в Крыму выступали войска Великобритании. Летальные потери российских соединений в крупных сражениях на открытой местности: 25 998 человек (Федоров, 1904: 6) или почти четверть всех потерь при обороне Севастополя. При этом за отдельные месяцы, как, например, за декабрь 1854 г., британцы выпустили по русским позициям очень незначительное количество снарядов – 483 штуки (Delafield, 1860: 77). В ходе осады Севастополя англичане задействовали в общей сложности 911 орудий (Delafield, 1860: 77).

Французы испытывали немалые сложности с артиллерией: генерал Канроберт смог перебросить в Крым из военного лагеря под Стамбулом 160 орудий (при этом арсенал Тулона предоставил только 60 орудий), к ним он добавил 605 морских орудий в течение всей осады Севастополя, часть которых была снята с кораблей, 238 морских орудий были задействованы в последнем наступлении на эту крепость (Delafield, 1860: 77). Французы применяли в основном мортиры и морские орудия, в общей сложности ВС Франции выпустили по русским позициям 1 159 320 снарядов (Delafield, 1860: 78). Помимо этого, французский флот (огнем с борта) выпустил по Севастополю 968 680 снарядов (Delafield, 1860: 78).

Уже весной 1855 г. между противниками в Севастополе началась война на истощение, которая сводилась в основном к наращиванию огневой мощи, которая зависела даже не столько от количества задействованных орудий, сколько от поставок в войска снарядов и пороха.

С 18 июня по 9 сентября 1855 г. (генеральное наступление на Севастополь) англо-французские войска тратили по 75 тыс. артиллерийских снарядов в день, имея в начале июня 1855 г. в своем распоряжении уже порядка 800 орудий (Salavrakos, 2018b: 141). В августе 1855 г. российские силы, оборонявшие Севастополь, могли уже выпускать только по 12 500 снарядов в день. Англичане и французы буквально заваливали русских снарядами, это вело к большим потерям с российской стороны, из 1 656 орудий, задействованных русскими частями к лету 1855 г., к концу кампании боеспособными оставались 253 единицы (Salavrakos, 2018b: 141), более 1 тыс. русских орудий в конце Крымской кампании стали трофеями, это указывает на большие сложности с вывозом для ремонта поврежденных орудий (Barlett, Payne, 2014: 656). Надо сказать, что перед войной в Севастополе имелось только орудий береговой артиллерии 610 шт. (Бескровный, 1973: 339).

Имелись сложности и с развертыванием новых батарей в Крыму в конце Восточной войны. Известно, что только на Каменском и Верхнетуринском заводах выпуск артиллерийских орудий возрос во много раз в военный период, в течение которого были произведены 343 полевых орудия (Шумкин, 2017: 577), но были еще другие заводы и арсеналы. Перед этой войной ежегодный производственный потенциал четырех арсеналов Артиллерийского департамента составлял 127 орудий (Литвиненко, 2008: 50).

В общей сложности на 1 января 1853 г. в армии было 124 батареи, в которых по штату состояло 1 280 орудий (Бескровный, 1974: 225). По данным, приводимым у Э. Тотлебена, в армии было 1 608 орудий на начало Восточной войны, но в Крыму – только 84 единицы (Тотлебен, 1863: 20), при этом ЧФ имел на кораблях 2 855 орудий (Тотлебен, 1863: 21). Перед высадкой англо-французских войск в Крыму Севастополь был укреплен, в крепость подвезли другие орудия, только на Южной стороне их оказалось 145 шт., но такого количества пушек было мало на 6,5 верст оборонительной линии (Тотлебен, 1863: 125). По Э. Тотлебену, Высшее командование и не собиралось незадолго до начала осады перебрасывать в Крым крупные дополнительные части полевой артиллерии. После усиления летом 1853 г. войск в Крыму там появились 42 батальона, 16 эскадронов, 9 сотен казаков, 88 боеготовых полевых орудий, но из последних 44 были размещены в Севастополе (Тотлебен, 1863: 134). Всего к осаде в крепости удалось подготовить 974 орудия, большая часть из них относилась к системам береговой обороны (Тотлебен, 1863: 138).

Снижение расхода боеприпасов Русской армией в Крыму связано во многом с финансированием войны, затраты оборонного бюджета Российской империи прекратили расти после декабря 1854 г. (Ponting, 2005: 204). У Великобритании, напротив, военные затраты составили в 1855 г. 35 млн. ф. ст. против 9 млн. ф. ст. в 1853 г. (Ponting, 2005: 204). Обратимся теперь к характеристикам артиллерийских систем (Таблица 2).

Таблица 2. Технические характеристики основных полевых орудий по государствам (середина XIX в.)

Россия					
Артиллерийская система	Калибр (дюймы)	Длина орудия без винграда (калибры)	Вес (пуды)	Вес снаряда (граната, фунты)	Вес заряда (стандартно для гранаты, фунты)
Батарейное орудие 12 фн. образца 1838 г.	4,8	16,2	49	14,5	4
Облегченное орудие 12 фн. образца 1850 г.	4,8	14,2	32,5	14,5 (максимальный)	3 (максимальный)
Легкое орудие 6 фн.	3,76	16,9	21	7	2
1/2-пуд. медный полевой единорог обр. 1850 г.	6	11,8	49,5	20,5	3,5
1/4-пуд. медный полевой единорог	4,8	11	22	10,3	1,75
Франция					
Батарейное орудие 12 фн. (образца 1839 г.)	4,776	18	53	14,7	4,8
Пушка-гаубица 12 фн.	4,763	15	38	9,5	3,7
Орудие 8 фн. (образца 1839 г.)	4,177	18	35,5	9,8	3,0
Гаубица 16 см	6,516	11	54	25,7	3,7
Гаубица 15 см	5,957	11	35,5	17,3	2,5
Великобритания					
Среднее орудие 12 фн.	4,2	17	55,5	14,2	4,4
Легкое орудие 12 фн.	4,2	13	37	14,2	3,3
Орудие 9 фн.	4,2	17	42	10,8	3,3
Тяжелое орудие 6 фн.	3,66	22	37	7	2,2
Легкое орудие 6 фн.	3,66	16	18,5	7	1,75
Гаубица 32 фн.	6,3	10,5	54	27	3,3
Длинная гаубица 24 фн.	5,72	10,5	37	17	2,8
Длинная гаубица 12 фн.	4,58	9	37	8,5	1,4
Гаубица 18 фн.	5,29	18	119	20	6,7

Составлено по: [Нилус, 1904: 60-61](#)

Наиболее известным орудием в Крымской войне стала французская пушка-гаубица 12 фунтов. И здесь остановимся на вопросе дальности стрельбы этой системы и российских образцов начала и середины XIX в. ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Сравнение дальностей стрельбы некоторых артиллерийских систем первой половины XIX в.

Артиллерийская система	Максимальная дальность стрельбы, м
12-фунтовая пушка средней пропорции образца 1805 г.	2130
1/2-пудовый Единорог образца 1805 г.	2300
Облегченное орудие 12 фн. образца 1850 г.	1278 (эффективная дальность стрельбы картечной гранатой)
Французская пушка-гаубица 12 фн. образца 1853 г.	2300 (прицельная дальность стрельбы ядром – 1000 м)
Батарейное орудие 12 фн. образца 1838 г.	2 800

Составлено по: [Веренцов, 1962: 30](#); [Нилус, 1904: 63](#)

Русское облегченное 12-фунтовое орудие образца 1850 г. стало ответом на французскую пушку-гаубицу 12-ти фунтов образца 1839 г., модифицированную в 1853 г. Обе эти системы предназначались, в первую очередь, для борьбы с пехотой. Важно, что русское и французское основные полевые орудия слабо различались по своим техническим характеристикам. Но проблема была экономическая: русское 12-фунтовое орудие образца 1850 г. оказалось, в понимании Военного Министерства, слишком дорогим, поэтому перевооружение им артиллерийских частей шло медленно, в силу чего оборона Севастополя оказалась насыщена устаревшими 1/4-пуд. единорогами ([Нилус, 1904: 63](#)), последние стреляли максимум на 1 050 м ([Веренцов, 1962: 30](#)).

Английские гаубицы были ранних модификаций и достаточно несовершенными. Кроме системы 32 фн., остальные английские гаубицы могли вести огонь прицельно гранатами до 1 065 м ([Нилус, 1904: 63](#)). Гаубицы 32 фн. находились у англичан в малом количестве, данное орудие могло стрелять на расстояние более 1 100 м, но оно было разработано в основном для ведения огня шрапнелью, которую они могли посылать почти на 1 500 м ([Нилус, 1904: 56](#)). Английские гаубицы не вели навесной огонь ([Нилус, 1904: 56](#)). В этой связи понятно утверждение Э. Тотлебена, что русские батареи Малахова кургана успешно боролись с английской артиллерией ([Тотлебен, 1863: 402](#)).

По стрелковым вооружениям Российская империя стала отставать от Великобритании и Франции к 1850 г., это было связано с медленным процессом внедрения в Русскую армию нарезных ружей.

Английская армия до Крымской войны была перевооружена на знаменитые ружья системы Брансуика или винтовки Брансуика (разработана в 1836 г.), фактически в реальном бою эта система была ненадежной и стреляла не так далеко, поэтому в первые месяцы осады Севастополя англичане были вооружены в основном французскими винтовками. Знаменитая винтовка «Энфилд» с прицельной дальностью стрельбы около 800 м появилась на вооружении английской армии в конце Восточной войны и первые же ее серийные экземпляры отправились под Севастополь. Наиболее опасными на поле боя в то время были штуцерные ружья. Например, прицельная стрельба французского штуцера достигала 1 100 м, винтовки Тувинена (Франция) – 1 200 м.

Россия имела Люттихский штуцер с прицельной стрельбой 1 200 м., который изготавливался для России в Бельгии по цене предвоенного времени – около 81 франка за штуку ([Федоров, 1904: 17](#)). В общей сложности к 1853 г. в России оказалось 20 тыс. шт. Люттихских штуцеров. Помимо них, на вооружении Русской армии имелись штуцеры Гартунга и Эрнрота (их было заметно меньше), а также крепостные штуцеры (фактически малые крепостные пушки, которых Военное Министерство также мало закупило). 11 января 1854 г. император Николай I приказал создать команды оснащенных штуцерами стрелков по 26 человек на батальон ([Федоров, 1904: 30](#)). 2 сентября 1854 г. Высшим командованием было принято решение увеличить количество нарезных ружей до 24 единиц на роту ([Федоров, 1904: 30](#)).

Англичане и французы активно вели поиски новых улучшенных систем стрелкового вооружения после Наполеоновских войн, в России этот процесс оказался менее динамичным (французы перешли на перевооружение своей армии винтовками, когда в Алжире столкнулись с кустарно изготовленными дальнобойными ружьями арабов).

Назвать десант войск Англо-французского альянса в Крыму в сентябре 1854 г. серьезной силой достаточно сложно, принимая во внимание, что со стороны Великобритании было на тот момент только 27 тыс. солдат и офицеров ([Murphy, 2023: 69](#)). В этой связи командующий Крымской армией князь Меншиков вполне обоснованно рассматривал контрудар по этим экспедиционным силам в качестве верного способа избавиться Севастополь от осады и выиграть всю кампанию.

Изначально Наполеон III планировал отправить ограниченный контингент войск (примерно 6 тыс. солдат и офицеров) для обороны Стамбула. Но французские военные эксперты сочли такую численность войск недостаточной, в связи с чем численность французского экспедиционного корпуса была увеличена до 30 тыс. человек. Англичане обещали отправить в Стамбул 30 тыс. человек ([Rousset, 1878: 120](#)), но фактически снарядили для этой миссии меньше. При таком увеличении сил на

Балканах в Париже задумались о проведении широкомасштабных операций, в связи с чем французское Военное Министерство решило перенести главную базу альянса в Варну, где удалось сосредоточить до 50 тыс. человек англо-французских сил, в Стамбуле осталось немного вспомогательных частей (Rousset, 1878: 121). Выбор в пользу Болгарии был связан с затянувшейся осадой Силистрии русскими войсками под руководством генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Осаду в итоге сняли из-за давления Австрии. Главной причиной неудачи И.Ф. Паскевича была артиллерия, которой из-за сложностей логистики оказалось недостаточно под Силистрией (Тотлебен, 1863: 24). В итоге русские силы отошли за Прут, нанести удар по ним в Бессарабии у англо-французских соединений из-за сложностей с логистикой не было возможности. Возник стратегический тупик, выйти из которого маршал де Сен-Арно решил высадкой десанта под Севастополем, задействовав всю группировку англо-французских сил в Болгарии и сходу взять эту базу, после чего ожидать подхода на полуостров основных русских сил, чтобы дать генеральное сражение (Rousset, 1878: 172) (стратегия в духе Наполеона Бонапарта). Для подготовки такой операции у французов имелись короткие сроки, англо-франко-турецкая группировка была «сколочена» наспех (Rousset, 1878: 172).

Военный совет в России, в отличие от де Сен-Арно, искал выход из стратегического тупика неторопливо, в Бессарабии к сентябрю 1854 г. продолжала сохраняться сильная группировка войск – примерно в 180 тыс. человек, имевшая приблизительно 450 орудий полевой артиллерии. В Одессе и Николаеве были развернуты хуже оснащенные части общей численностью 32 тыс. человек. Французы почти не имели кавалерии, когда английская была представлена в основном драгунами. На Дону у России были казачьи части общей численностью 46 тыс. человек (Rousset, 1878: 185). Почти половина боеспособных сил Русской армии была сосредоточена в западных губерниях (Rousset, 1878: 185) для отражения возможного удара Пруссии и Австрии. В этой связи А. Меншикову оставалось действовать малыми силами. К тому же А. Меншиков считал, что в Крыму противник высадиться не посмеет, когда в С-Петербурге ожидали десант под Одессой (Rousset, 1878: 185). Морская разведка почти не велась, присутствие боевых судов врага определялось с берега по дымам и визуальному наблюдению самих кораблей (Rousset, 1878: 187).

Еще до Крымской войны русские оружейники освоили массовый выпуск винтовок. 30 ноября 1854 г. Военный совет утвердил обычный наряд арсенальным заводам на выпуск в 1855 г. приблизительно 44 тыс. нарезных ружей (Федоров, 1904: 13). Помимо этого, заводам давались усиленные наряды, а также делались закупки за рубежом. С учетом выпуска и заграничных поставок в 1852–1853 гг. российские войска в Крыму вполне могли получить достаточно ручного стрелкового оружия. В 1855 г. в войска в общей сложности было отправлено 66 858 винтовок, немалая их часть в Крым не попала (Федоров, 1904: 36). Однако более 40 тыс. нарезных ружей в войсках, сражавшихся в Крыму, в 1855 г. все-таки оказалось (Федоров, 1904: 34-36).

На 8 июня 1855 г. в Крымской армии имелось на вооружении 2 829 исправных Люттехских штуцеров (Федоров, 1904: 38). К этой дате 452 штуцера были утрачены в ходе боевых действий. Таким образом, к моменту сдачи южной части Севастополя положение со стрелковым оружием в Крымской армии все-таки было частично исправлено. Кроме того, заводы в военное время стали производить модифицированные гладкоствольные ружья. Однако главной проблемой было то, что эти системы вооружения поступили в Крым не за одну неделю или месяц, а доставлялись отдельными партиями на протяжении почти года. При этом противник наращивал огневую мощь под Севастополем более стремительным темпом.

Несмотря на техническое превосходство в стрелковом вооружении, только французам удалось затратить 61 606 869 условных мушкетных выстрелов в ходе осады Севастополя (Delafield, 1860: 79), что сопоставимо с расходом Великой армии примерно в 50-ти Бородинских сражениях.

5. Заключение

Если рассматривать огневую мощь в изученных нами в настоящей статье войнах, то стоит отметить, что она имела меньшее значение, с точки зрения артиллерии, в период Наполеоновских войн. Но там, где стороны вели интенсивные позиционные бои, пусть и в течении нескольких часов (наглядные примеры Бородинского и Лейпцигского сражений), артиллерия приобретала очень большую роль. Огромный артиллерийский парк не помог Великой армии при отступлении из Москвы (осень 1812 г.) из-за дезорганизации управления войсками французов и их союзников. Маневренная война при растянутых коммуникациях требовала в то время больше решений в сфере кавалерии. В этих условиях российская оборонная промышленность хорошо справилась с теми задачами, которые поставило перед ней правительство в начале XIX в.

Несколько иная ситуация, нежели во время Наполеоновских войн, сложилась к середине XIX в., когда вспыхнула Восточная война. Высшее российское командование не ожидало, что его крупные силы Русской армии окажутся в тупике позиционной войны в Севастополе. В этих условиях перестройка работы оборонной промышленности и логистики вооруженных сил требовала от российской стороны колоссальных усилий. Крупные по тем временам заказы на выпуск

артиллерийских систем были размещены даже на уральских заводах, которые рассматривались до войны в качестве вспомогательных предприятий.

Правительство Николая I стало действовать по той же самой схеме мобилизации, как и Александр I в 1812 г.: превращение межгосударственной войны в войну народную с привлечением крупных контингентов ополченцев. Но в условиях уже индустриальной войны этот метод плохо работал, требовались новые артиллерийские части, укомплектованные новейшими на то время системами, егерские батальоны, полностью оснащенные винтовками.

Литература

- Айрапетов, 2006** – Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М.: Европа, 2006. 672 с.
- Безотосный, 2004** – *Безотосный В.М.* (ред.). Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 880 с.
- Бескровный, 1973** – *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М.: Наука. 1973. 616 с.
- Бескровный, 1974** – *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М.: Издательство «Наука», 1974. 356 с.
- Богданов, 1979** – *Богданов Л.П.* Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. 1979. 192 с.
- Васильев, 2010** – *Васильев И.Н.* Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806-1807 гг. [В 3 томах]. М.: ООО "Книга", 2010. 322 с.
- Веренцов, 1962** – *Веренцов С.С.* (отв. ред.). История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 3. Артиллерия русской армии в эпоху феодализма. М-Л: Управление командующего ракетными войсками и артиллерией; Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск, 1962. 695 с.
- Земсков, 2018** – *Земсков В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, Яуза, 2018. 658 с.
- Криволапов, 2016** – *Криволапов А.А.* Восточная война 1853-1854 гг. и русская стратегия в середине XIX в. / *Крымская война 1853-1856 гг. в военной истории России и Европы. Материалы научно-практической конференции.* М.: Aegitas, 2016. С. 71-74.
- Кухарук, 1999** – *Кухарук А.В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1999. 235 с.
- Литвиненко, 2008** – *Литвиненко Д.В.* Артиллерийская промышленность России во второй половине XIX – начале XX века // *Военно-исторический журнал.* 2008. №10 (582). С. 50-52.
- Лосик, Щерба, 2008** – *Лосик А.В., Щерба А.Н.* Производство пороха в России от его возникновения и до XX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2008. № 4. С. 74-82.
- Мироненко, 2013** – *Мироненко С.В.* Тридцать лет одиночества // *Родина: Николаевская эпоха.* 2013. № 3. С. 2-5.
- Нилус, 1904** – *Нилус А.* (сост.). История материальной части артиллерии XIX века. Т. II. С.-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1904. 334 с.
- Отечественная война 1812 года, 1911** – Отечественная война 1812 года. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том XVII. Боевые действия в 1812 году (журналы боевых действий и переписки). С.-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1911. 381 с.
- Попов, 2012** – *Попов Г.Г.* Социально-экономические причины поражения Наполеоновской Франции в Отечественной войне 1812 г. // *Journal of institutional studies.* 2012. Т. 4 № 3. С. 72-78.
- Ростовцев, Сосницкий, 2013** – *Ростовцев Е., Сосницкий Д.* Уже не Палкин? // *Родина: Николаевская эпоха.* 2013. № 3. С. 128-130.
- Тотлебен, 1863** – *Тотлебен Э.* (сост.). Описание обороны Севастополя. Часть I. СПб: Типография Н. Тиблена и компании, 1863. 825 с.
- Троицкий, 2007** – *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.
- Федоров, 1904** – *Федоров В.* (сост.). Вооружение Русской армии в Крымскую кампанию. СПб.: Музей Севастопольской обороны, 1904. 206 с.
- Шевченко, 2007** – *Шевченко М.М.* Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения / *Труды ГИМ: XIX в. в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейные интерпретации.* Т. 163. М., 2007. С. 281-302.
- Шумкин, 2017** – *Шумкин Г.Н.* Производство чугунных орудий на Урале в середине XIX века / *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой научно-практической конференции: в 4-х частях.* Ч. 4. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 574-586.
- Чандлер, 1999** – *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: «Центрполиграф», 1999. 694 с.
- Ченнык, 2014** – *Ченнык С.В.* Крымская кампания Восточной войны. 1853 – 1856 гг. Часть 5. Последний штурм – Севастополь. М.: Гала, 2014. 320 с.
- Barlett, Payne, 2014** – *Barlett R., Payne R.* Britain's Crimean War Trophy Guns: The Case of Ludlow and the Marches // *History.* 2014. Vol. 99. No. 4 (337). Pp. 652-669.

- Kagan, 1999** – *Kagan F.W.* The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York: Palgrave MacMillan, 1999. 337 p.
- Kiley, 2004** – *Kiley K.* Artillery of the Napoleonic wars 1792-1815. London: Greenhill Books; Pennsylvania: Stackpole Books, 2004. 318 p.
- Murphy, 2023** – *Murphy D.* Irish Regiments and Soldiers in the Crimean War - their Contribution and Legacy // *British Journal for Military History*. 2023. Vol. 9. No 2. Pp. 67-81.
- Parsons, 1914** – *Parsons J.H.* Historical Papers upon Men and Events of Rare Interest in the Napoleonic Epoch, Volume II. New-York: The Saalfeld Publishing Company, 1914. 473 p.
- Ponting, 2011** – *Ponting C.* The Crimean War. London: Pimlico, 2011. 379 p.
- Delafield, 1860** – *Delafield R.* Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. / By Major Richard Delafield, Corps of engineers, from his notes and observations made as a member of a "Military commission to the theater of war in Europe," under the orders of the Hon. Jefferson Davis, secretary of War. Washington, G.W. Bowman, printer, 1860. 867 p.
- Rousset, 1878** – *Rousset C.* Auteur du texte. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Paris: De L'Académie Française, 1878. 486 S.
- Salavrakos, 2018a** – *Salavrakos I-D.* An Analysis of the French economic industrial and military mobilization in the Revolutionary and Napoleonic wars. 1789 – 1815. *Journal of Military and Strategic Studies*. 2018. Vol. 18. Is. 3. Pp. 31-77.
- Salavrakos, 2018b** – *Salavrakos I-D.* An economic and industrial mobilization // *Analysis of European Post-Napoleonic military conflicts*. 1853-1871. Vol. 6. No 1. Pp. 135-154.
- Trevor, 2000** – *Trevor R.* Crimea: the great Crimean War, 1854–56. New York: St. Martin's Press, 2000.

References

- Airapetov, 2006** – *Airapetov, O.R.* (2006). Vneshnyaya politika Rossiiskoi imperii (1801-1914) [Foreign policy of the Russian Empire (1801-1914)]. M.: Evropa, 672 p. [in Russian]
- Barlett, Payne, 2014** – *Barlett R., Payne R.* Britain's Crimean War Trophy Guns: The Case of Ludlow and the Marches // *History*. 2014. Vol. 99. No. 4 (337). Pp. 652-669.
- Beskrovnyi, 1973** – *Beskrovnyi, L.G.* (1973). Russkaya armiya i flot v XIX v. [The Russian army and Navy in the XIX century.]. M.: Nauka. 616 p. [in Russian]
- Beskrovnyi, 1974** – *Beskrovnyi, L.G.* (1974). Russkoe voennoe iskusstvo XIX v. [Russian military art of the XIX century]. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 356 p. [in Russian]
- Bezotosnyi, 2004** – *Bezotosnyi, V.M.* (red.). (2004). Otechestvennaya voina 1812 goda. Entsiklopediya [The Patriotic War of 1812. Encyclopedia]. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 880 p. [in Russian]
- Bogdanov, 1979** – *Bogdanov, L.P.* (1979). Russkaya armiya v 1812 godu. Organizatsiya, upravlenie, vooruzhenie [The Russian army in 1812. Organization, management, armament]. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR. 192 p. [in Russian]
- Chandler, 1999** – *Chandler, D.* (1999). Voennye kampanii Napoleona. Triumf i tragediya zavoevatel'ya [Napoleon's military campaigns. The triumph and tragedy of the conqueror]. M.: «Tsentrpoligraf», 694 p. [in Russian]
- Chennyk, 2014** – *Chennyk, S.V.* (2014). Krymskaya kampaniya Vostochnoi voiny. 1853 – 1856 gg. Chast' 5. Poslednii shturm – Sevastopol' [The Crimean campaign of the Eastern War. 1853 – 1856 Part 5. The last assault – Sevastopol]. M.: Gala, 320 p. [in Russian]
- Delafield, 1860** – *Delafield, R.* (1860). Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. By Major Richard Delafield, Corps of engineers, from his notes and observations made as a member of a "Military commission to the theater of war in Europe," under the orders of the Hon. Jefferson Davis, secretary of War. Washington, G.W. Bowman, printer, 867 p.
- Fedorov, 1904** – *Fedorov, V.* (sost.). (1904). Vooruzhenie Russkoi armii v Krymskuyu kampaniyu [Weaponry of the Russian army in Crimea war]. SPb.: Muzei Sevastopol'skoi oborony, 206 p. [in Russian]
- Kagan, 1999** – *Kagan, F.W.* (1999). The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York: Palgrave MacMillan, 337 p.
- Kiley, 2004** – *Kiley K.* Artillery of the Napoleonic wars 1792-1815. London: Greenhill Books; Pennsylvania: Stackpole Books, 2004. 318 p.
- Krivolapov, 2016** – *Krivolapov, A.A.* (2016). Vostochnaya voina 1853-1854 gg. i russkaya strategiya v seredine XIX v. [The Eastern War of 1853-1854 and Russian strategy in the middle of the XIX century]. *Krymskaya voina 1853-1856 gg. v voennoi istorii Rossii i Evropy. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. M.: Aegitas. Pp. 71-74. [in Russian]
- Kukharuk, 1999** – *Kukharuk, A.V.* (1999). Deistvuyushchaya armiya v voennykh preobrazovaniyakh pravitel'stva Nikolaya I [The active army in the military transformations of the Government of Nicholas I]. Diss. na soiskanie uch. step. kand. ist. nauk. M.: MGU, 235 p. [in Russian]

- [Litvinenko, 2008](#) – *Litvinenko, D.V.* (2008). Artilleriiskaya promyshlennost' Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The artillery industry of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 10(582): 50-52. [in Russian]
- [Losik, Shcherba, 2008](#) – *Losik, A.V., Shcherba, A.N.* (2008). Proizvodstvo porokha v Rossii ot ego vozniknoveniya i do XX v. [Production of gunpowder in Russia from its origin up to the XX century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 4: 74-82. [in Russian]
- [Mironenko, 2013](#) – *Mironenko, S.V.* (2013). Tridtsat' let odinochestva [Thirty years to be alone]. *Rodina: Nikolaevskaya epokha*. 3: 2-5. [in Russian]
- [Murphy, 2023](#) – *Murphy, D.* (2023). Irish Regiments and Soldiers in the Crimean War - their Contribution and Legacy. *British Journal for Military History*. 9(2): 67-81.
- [Nilus, 1904](#) – *Nilus, A.* (sost.). (1904). Istoriya material'noi chasti artillerii XIX veka [The history of the material part of the artillery in XIX century]. T. II. S.-Peterburg: Tipografiya P.P. Soikina, 334 p. [in Russian]
- [Otechestvennaya voina 1812 goda, 1911](#) – *Otechestvennaya voina 1812 goda*. Otdel I. Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii. Tom XVII. Boevye deistviya v 1812 godu (zhurnaly boevykh deistvii i perepiski) [The Patriotic War of 1812, 1911 - the Patriotic War of 1812, 1911 - the Patriotic War of 1812. Department I. Correspondence of Russian government officials and institutions. Volume XVII. Military operations in 1812 (journals of military operations and correspondence)]. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1911. 381 p. [in Russian]
- [Parsons, 1914](#) – *Parsons, J.H.* (1914). Historical Papers upon Men and Events of Rare Interest in the Napoleonic Epoch, Volume II. New-York: The Saalfield Publishing Company, 473 p.
- [Ponting, 2011](#) – *Ponting, C.* (2011). The Crimean War. London: Pimlico, 379 p.
- [Popov, 2012](#) – *Popov, G.G.* (2012). Sotsial'no-ekonomicheskie prichiny porazheniya Napoleonovskoi Frantsii v Otechestvennoi voine 1812 g. [Socio-economic reasons for the defeat of Napoleonic France in the Patriotic War of 1812]. *Journal of institutional studies*. 4(3): 72-78. [in Russian]
- [Rostovtsev, Sosnitskii, 2013](#) – *Rostovtsev, E., Sosnitskii, D.* (2013). Uzhe ne Palkin? [Not Palkin anymore?]. *Rodina: Nikolaevskaya epokha*. 3: 128-130. [in Russian]
- [Rousset, 1878](#) – *Rousset, C.* (1878). Auteur du texte. Histoire de la guerre de Crimée [Author of the text. History of the Crimean War. Volume 1]. Tome 1. Paris: De L'Académie Française, 486 p. [in French]
- [Salavrakos, 2018a](#) – *Salavrakos, I-D.* (2018). An Analysis of the French economic industrial and military mobilization in the Revolutionary and Napoleonic wars. 1789 – 1815. *Journal of Military and Strategic Studies*. 18(3): 31-77.
- [Salavrakos, 2018b](#) – *Salavrakos, I-D.* (2018). An economic and industrial mobilization. *Analysis of European Post-Napoleonic military conflicts*. 1853-1871. 6(1): 135-154.
- [Shevchenko, 2007](#) – *Shevchenko, M.M.* (2007). Istoricheskoe znachenie politicheskoi sistemy imperatora Nikolaya I: novaya tochka zreniya [Historical significance of political system of The Emperor Nikolaya I: a new approach]. *Trudy GIM: XIX v. v istorii Rossii. Sovremennyye kontseptsii istorii Rossii XIX veka i ikh muzeinye interpretatsii*. T. 163. M. Pp. 281-302. [in Russian]
- [Shumkin, 2017](#) – *Shumkin, G.N.* (2017). Proizvodstvo chugunnykh orudii na Urale v seredine XIX veka [Production of iron cannons in Ural in the mid of XIX century]. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Vos'moi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 4-kh chastyakh*. Ch. 4. SPb.: VIMAIIVS. Pp. 574-586. [in Russian]
- [Totleben, 1863](#) – *Totleben, E.* (sost.). (1863). Opisanie oborony Sevastopolya. Chast' I [The research of Sevastopol's defence. Part I]. SPb: Tipografiya N. Tiblena i kompanii, 825 p. [in Russian]
- [Trevor, 2000](#) – *Trevor, R.* (2000). Crimea: the great Crimean War, 1854–56. New York: St. Martin's Press.
- [Troiczkiy, 2007](#) – *Troiczkiy, H.A.* (2007). 1812. Velikij god Rossii [The Great year of Russia]. Moscow: Omega, 560 p. [in Russian]
- [Vasil'ev, 2010](#) – *Vasil'ev, I.N.* (2010). Nesostoyavshij revansh: Rossiya i Franciya 1806-1807 gg. [V 3 tomakh] [The failed revenge: Russia and France 1806-1807]. Moscow: OOO "Kniga", 322 p. [in Russian]
- [Verenczov, 1962](#) – *Verenczov, S.S.* (otv. red.). (1962). Istoriya otechestvennoj artillerii. T. 1. Kn. 3. Artilleriya russkoj armii v e`poxu feodalizma [The history of Russian artillery. Vol. 1. Book 3. Artillery of the Russian army in the era of feudalism]. Moscow, Leningrad: Office of the Commander of Missile Forces and Artillery; Military Historical Museum of Artillery and Engineering Troops, 695 p. [in Russian]
- [Zemskov, 2018](#) – *Zemskov, V.N.* (2018). Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [Napoleon's Great Army in the Battle of Borodino]. Moscow: Eksmo, Yauza, 658 p. [in Russian].

Развитие огневой мощи Русской армии в первой половине XIX в. в сравнении с противниками как фактор побед и поражений России в Наполеоновских и Крымской войнах

Григорий Германович Попов ^a, Виктор Владимирович Барабаш ^b,
Наталья Владимировна Поплавская ^b, Олег Юрьевич Казенков ^{c, d, *}

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация

^c Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

^d Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В работе проводится сравнение огневой мощи Русской армии в период Наполеоновских войн и в Крымскую войну. Авторы стремятся ответить на вопрос, как Россия, победившая Наполеоновскую Францию – сильнейшую в военном отношении державу начала XIX в. – проиграла Восточную войну западными демократиям в лице Великобритании и Франции. Авторы ограничиваются в решении данной проблемы исследованием огневой мощи Русской армии в сравнении с армиями противников, доказывая, что позиционная война в процессе обороны Севастополя потребовала от российской военной промышленности, как и от логистики Вооруженных сил России, больших усилий, нежели маневренная война с Великой армией Наполеона Бонапарта 1812 года и во время Заграничных походов. Крымская война явилась малым прообразом Первой мировой войны, и оборонная промышленность России, а также ее военно-бюрократический аппарат оказались не готовы к этому новому типу уже индустриальной войны. Настоящая работа основана на некоторых малоизвестных в российской историографии научных трудах, а также на недостаточно изученном в российской науке труде генерала Э.И. Тотлебена – участника организации обороны Севастополя. Авторы доказывают, что по техническим характеристикам русская артиллерия не отставала от западной ни во время Наполеоновских войн, ни в период Крымской войны. Авторы также считают, что в середине XIX в. в России также имел место кризис военно-бюрократического аппарата.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Бородинское сражение, заграничные походы, Крымская война, история оборонной промышленности России.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.kazenzkov@gmail.com (О.Ю. Казенков)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(3): 1161-1170
DOI: 10.13187/bg.2024.3.1161

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charitable Institutions of the Yenisei Province in the 1820s–1860s (Based on the Database Materials)

Tatyana A. Kattsina ^{a, *}, Viacheslav N. Shestakov ^a, Valery A. Pomazan ^a, Elena S. Tsyganova ^{a, b}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article attempts to determine the trends in the development of charitable institutions in the Yenisei province in the 1820s–1860s through statistical data. The choice of the chronological framework of the study is due to their poor knowledge, the peculiarities of the socio-economic life of the Yenisei province and the administrative policy of the tsarist government. The process of the emergence and activity of charitable institutions was determined by a combination of economic, political and social factors specific to this region. The Yenisei province belonged to the agricultural sector, industry and trade were poorly developed in it. Both archaic and feudal socio-economic structures, as well as elements of the capitalist type, were combined here at the same time. With the involvement of modern scientific achievements, based on a thematic database, which is a multi-species collection of sources, the authors characterize the network of charitable institutions of the Yenisei province through their varieties, give a quantitative and qualitative analysis. The article notes that the number of charitable institutions was not proportional to the number of settlements and residents in them. The ratio of the number of charitable institutions in the city and in the countryside was in favor of the city. The distribution of charitable institutions of medical care for the population living outside cities was the least favorable. An important place in the system of public charity was occupied by almshouses, which, as a special type of closed charity, had to ensure the full maintenance of their contingent. Meanwhile, in practice, there were more almshouses in which the assistance provided did not cover all the vital needs of a person, but only some of them.

Keywords: Yenisei province, public charity, charity, charitable institutions, great reforms, historical database.

1. Введение

При изучении функционирования системы общественного призрения, получившей устойчивый характер в царствование Екатерины II (1762–1796 гг.), важным видится анализ количественно-качественных характеристик благотворительных учреждений в разные периоды российской истории, а также в региональном преломлении. В статье предпринята попытка через статистические данные определить тенденции развития благотворительных учреждений в Енисейской губернии, в современных границах которой расположен Красноярский край. Хронологические рамки работы включают период с 1820-х по 1870 гг., выбор которого обусловлен его слабой изученностью, особенностями социально-экономической жизни Енисейской губернии и административной политикой царского правительства. Нижний рубеж связан с выделением Енисейской губернии из состава Томской губернии в результате реформы по проекту М. М. Сперанского (1822 г.) и созданием

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), vshestakov@sfu-kras.ru (V.N. Shestakov), vpomazan@sfu-kras.ru (V.A. Pomazan), asdalena@mail.ru (E.S. Tsyganov)

в составе губернских учреждений Енисейского приказа общественного призрения (1823 г.). Верхняя временная граница (1870 г.) определяется принятием Городового положения, по которому вопросы городского хозяйства, общественного призрения, здравоохранения, культуры и образования были переданы городским думам. Крестьянская реформа 1861 г., ставшая эпохальной для европейской части Российской империи, в Сибири не имела такого значения, прежде всего, потому, что помещичье землевладение здесь не сложилось в больших масштабах. Реформа органов крестьянского самоуправления, в сферу ответственности которых входила организация социальной помощи, распространилась на Восточную Сибирь только в 1882 г., а Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 и 1890 гг. – еще позже, в 1917 г.

2. Материалы и методы

Рассматривая заведения общественного призрения и благотворительного характера в Енисейской губернии на дореформенном этапе ее истории, мы опирались на «Реестр благотворительных заведений Восточной Сибири (1822–1870 гг.)» (Катцина, 2017). Это база данных, представляющая собой поливидовую коллекцию источников (делопроизводственной документации органов и учреждений благотворительного характера, справочно-статистических материалов, летописей), достаточных для конструирования некоторых показателей, характеризующих состояние сети благотворительных заведений. Использовались тексты «Устава об общественном призрении» 1857 г., «Учреждения для управлений губерний Всероссийской империи» 1775 г., издание статистического характера «Благотворительность в России» [1907] г.,

делопроизводственная документация из ф. 161 «Городская управа», ф. 522 «Енисейский приказ общественного призрения», ф. 595 «Енисейское губернское управление» государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). В число учтенных по Енисейской губернии вошли сведения о работном доме и 24 богоугодных (благотворительных) заведениях (общее название больниц, богаделен, приютов в дореволюционное время).

В статье применены научные принципы достоверности, объективности, историзма, критической интерпретации и систематизации сведений источников. Использование историко-сравнительного метода было подчинено задаче выявления особенностей в деятельности местных благотворительных учреждений. Метод классификации употреблен для раскрытия типов благотворительных учреждений (обществ и заведений), функционирующих на территории Енисейской губернии. Проблемно-хронологический метод обусловил общее построение статьи и предопределил рассмотрение благотворительных заведений в губернии в исторической динамике. Ряд приемов метода статистики использован для сбора и обработки сведений, их обобщения и оформления в таблицах, а также для оценки полученных данных.

3. Обсуждение

Разработка проблем истории российской благотворительности, равно как и одной из распространенных ее форм – призрения, занимает важное место в постсоветской историографии. Нередко изучению отдельных аспектов благотворительности способствуют труды, прямо ей не посвященные, а рассматривающие иные вопросы, например, общественных неполитических организаций (Дегальцева, 2002), общественного быта горожан (Гаврилова, 2014), истории купеческого сословия (Бойко, 2009) и т. п.

Результаты деятельности большого числа историков нашли свое отражение во множестве монографических исследований, научных статей и документальных изданий, выпущенных за последнее тридцатилетие. Однако дело не в числе работ, посвященных различным сторонам благотворительности, а в попытке рассмотреть проблему в целом, установить взаимосвязи и взаимодействия событий и процессов исторического развития, составляющих ее основное содержание. Полученная таким образом общая картина системной помощи в Российской империи дана в работах А.Р. Соколова (Соколов, 2006), Г.Н. Ульяновой (Ульянова, 2005), И.П. Павловой, (Павлова, 2003), Н.А. Гаврилиной (Гаврилина, 2014), исследована на материалах Сибири (Бочанова и др., 2000), Енисейской губернии (Катцина, 2018), Забайкальской области (Мангурова, 2005) и др. Резльтирующим этих изысканий стал вывод о том, что развитие системы социальной помощи включает в себя, прежде всего, изменение ее форм и практик, способа установления связей управления, рост их сложности и разнообразия.

Одним из интересных ракурсов изучения истории благотворительности в Российской империи, к которому в современной историографии одной из первых обратилась Г.Н. Ульянова, является сбор и анализ статистических данных, включающих «сведения о количестве благотворительных обществ и заведений, о численности лиц, которым была оказана помощь, о доходах, расходах и структуре финансирования благотворительных организаций» (Ульянова, 2017: 310). В сибиреведении предпосылки для их изучения заложены Г.А. Ноздриным (Ноздрин, 1998), нашли свое отражение в работах В.П. Зиновьева, О.А. Харусь (Зиновьев, Харусь, 2013) и др. Надо заметить, что при статистическом изучении благотворительных организаций Томской губернии второй половины XIX – начала XX вв. историки обратились к разным критериям подсчета и разным источникам, что привело

к расхождению полученных числовых данных. В результате дополнительной большой кропотливой работы томские историки довели число ранее выявленных благотворительных обществ с 73 до 87 (Zinovyev et al., 2018: 209). Анализу благотворительных обществ Иркутска второй половины XIX – начала XX вв. посвящено исследование Н.И. Гавриловой (Гаврилова, 2019), где приводится статистика количества благотворительных обществ, выявлена их доля среди общего числа неполитических общественных объединений Иркутской губернии, проведено сравнение с аналогичными общероссийскими показателями. Методы статистических исследований нашли свое применение при изучении сети учреждений общественного призрения и благотворительного характера в Восточной Сибири (Катцина, 2017; Катцина, 2018; Катцина и др., 2023). И хотя в разработке обозначенных вопросов достигнуты определенные результаты, до полного, глубокого их изучения еще далеко. Как правило, обобщение освоенного исторического материала ведется в границах хронологического периода второй половины XIX – начала XX вв., реже – в пределах формирования благотворительных учреждений и их деятельности до начала изменений системы общественного призрения в эпоху «великих реформ».

4. Результаты

Следует отметить, что до учреждения приказов общественного призрения чистых типов благотворительных заведений в России почти не существовало. Госпитали нередко служили и богадельнями, и домами для неизлечимых и душевнобольных, и больницами. «Богадельни наполнялись и взрослыми, и детьми, и трудоспособными, и нетрудоспособными, и здоровыми, и больными ...» (Общественное и частное призрение..., 1907: 19). «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. определили исходные положения организации специализированных заведений. В их число вошли народные школы, учреждения призрения (сиротские дома и близкие к ним детские приюты, богадельни для убогих, увечных и престарелых), лечебной помощи (больницы, особые дома для неизлечимых больных, дома для умалишенных), трудовой (работные дома), а также и исправительного характера (смирительные дома) (ПСЗ РИ, 1830: 271). Устройство и надзор за этими заведениями возлагались на приказы общественного призрения.

Как показало исследование Г.Н. Ульяновой, юридическая база российской благотворительности до начала 1860-х гг. была вполне четко прописана, и ее нельзя считать недостаточной (Ульянова, 2021). Под влиянием законодательства сложились распорядки жизни заведений и практические способы осуществления их целей.

Указ Сената 1775 г. о создании приказов общественного призрения вступил в действие в Красноярске в 1823 г., через год после того, как город стал административным центром Енисейской губернии. Ее территория включала пять округов: Красноярский, Канский, Минусинский, Ачинский и Енисейский.

По имеющимся в нашем распоряжении источникам датировать время учреждения ряда подведомственных Енисейскому приказу общественного призрения заведений не удалось. Известно, что в 1826 г. их было четыре, в 1836 – пять, в 1842 – семь, с общим числом призреваемых 374, 558 и 704 соответственно (Фролов, 1844, 444-445). Надо полагать, что в число учтенных вошли больницы окружных городов Енисейска, Минусинска, Ачинска (первые сведения о больнице в Канске относятся к 1865 г.), а также расположенные в Красноярске больница, дом для умалишенных, дом для неизлечимых больных, богадельня. Важным обстоятельством является то, что все перечисленные заведения были сосредоточены в городах, что ставит под вопрос их доступность для преобладающей части населения (91,8 %), занятого в сельском хозяйстве и проживающего чрезвычайно разбросано.

В ведении Енисейского приказа общественного призрения находился и Красноярский работный дом, учрежденный не позднее 1835 г. для ссыльнопоселенцев с тем, чтобы дать «неимущим прокормление собственной работой». Здесь находили применение своему труду плотники и столяры, каменщики, кузнецы, слесари, медники и серебряники, кожевники, мастера по изготовлению конской упряжи (шорники). Востребованы были маляры и чернорабочие. Приказ общественного призрения определял для них характер и объем работы, руководствуясь местными потребностями. Так, в работном доме изготавливали мебель, легкие четырехколесные открытые повозки на рессорах (дрожки). Тем не менее, в 1853 г. он был закрыт как не приносящий пользы (Катцина, 2018: 32-33).

Помимо заведений лечебной помощи и трудовой, в выбранный временной промежуток в Енисейской губернии выделяются заведения для призрения взрослых: богадельни, богадельные приюты и заведения бесплатного проживания – ночлежные дома (Таблица 1).

Из материалов таблицы видно, что в Енисейской губернии первая сельская богадельня возникла в 1846 г., а к концу 1860-х гг. губерния вышла на небольшой (6) количественный уровень сельских богаделен. В большинстве случаев организация богаделен обеспечивалась частными лицами. Лишь в единичных случаях к устройству домов призрения для инвалидов и престарелых членов сельских обществ, которые не могли «трудом приобретать себе пропитание», обращались сельские и волостные общества.

Таблица 1. Статистика заведений, предназначенных для призрения взрослых в Енисейской губернии, 1820-е – 1870 г.

Тип заведения, местоположение	Год образования	Учредитель	Штатное число мест	Контингент призреваемых
Богадельня при женском Рождественском монастыре, г. Енисейск	[ранее 1801]	Нет сведений	Нет данных	Нет сведений
Богадельня при Спасском соборе, г. Минусинск	[1813–1814]	Крестьянин Ф. Сомов	15	Нет сведений
Богадельня при Соборной церкви, г. Енисейск	1818	Купец Д. Д. Дементьев	10	Нет сведений
Богадельня, г. Красноярск	[1830]	Нет сведений	22	Неимущие граждане разного звания
Богадельня, с. Балахтинское, Ачинский округ	1846	Частные лица	12	Неимущие престарелые, калеки, слепые, глухонемые поселенцы и крестьяне Балахтинской, Дaurской и Тюльковской волостей
Ночлежный дом, с. Покровское Ачинский округ	1853	Сельское общество	Не введено	Все нуждающиеся, но предпочтительно престарелые
Богадельня, г. Ачинск	1854	Частные лица	20	Неимущие престарелые обоого пола, православного вероисповедания, мещанского сословия, без различия рода званий
Богадельня, с. Рыбинское, Канский округ	1857	Нет сведений	Нет данных	Нет сведений
Богадельня, г. Енисейск	1860 (1865)	Частные лица	40	Неимущие престарелые обоого пола, православного исповедания, преимущественно местные жители мещанского сословия, без различия рода занятий
Богадельня, с. Казачинское, Енисейский округ	1861	Крестьянин Ив. Серебряков	Не введено	Лица обоого пола неспособные к труду и одержимые старческими болезнями
Богадельня, с. Абаканское, Минусинский округ	1863	Крестьянин Ф. Г. Тархов	18	Престарелые и увечные обоого пола, не имеющие средств к существованию крестьяне и ссыльнопоселенцы Абаканской волости
Богадельня, с. Тесинское, Минусинский округ	1864	Частные лица	Не введено	Престарелые от 50 лет, увечные крестьяне и ссыльнопоселенцы с. Тесинского

Тип заведения, местоположение	Год образования	Учредитель	Штатное число мест	Контингент призреваемых
Комиссаровская богадельня, с. Назаровское Ачинский округ	1864	Частные лица	20	Для всех сельских жителей Енисейской губернии, но с предпочтением для обывателей Назаровской волости
Ночлежный дом, с. Ужур Ачинский округ	Конец 1860-х гг.	Волостное правление	Нет данных	Неимущие поселенцы Ужурской волости

Составлено по: ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 7. Л. 44; ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 609. Л. 310б.; ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 222; ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4389. Л. 10; Катцина, 2018: 153-158.

Для учредителей благотворительных заведений ключевым являлся вопрос обеспечения потребности в ресурсах. «Устав об общественном призрении» 1857 г. закрепил положение о том, что открывать общественные и частные благотворительные заведения можно лишь тогда, когда они будут обеспечены всеми необходимыми для дальнейшего содержания средствами (Свод учреждений..., 1857: 72), не рассчитывая на случайные доходы от лотерей, единовременные пожертвования и т. п. Существенным признаком организованных таким образом заведений было наличие определенного имущества (денег, земельных участков, недвижимости и т. д.), необходимого для того, чтобы обеспечить полное содержание призреваемых на продолжительное время (Tishkina, Katsina, 2023: 1298). Примером такого устройства были богадельни в с. Абаканском и Назаровском.

Большинство же заведений представляли собой лишь общественный приют, состоящий из почти голых стен, в которых проживало несколько (7-15) человек, преимущественно старики-поселенцы. Такие заведения нельзя отнести к богадельням (хотя в источниках они фигурируют именно так) в собственном смысле этого слова, поскольку они не удовлетворяли главному критерию – полному обеспечению своего контингента. Но в то же время они не могут быть отнесены и к ночлежным домам, под которыми понимают помещения, предназначенные исключительно для ночного пребывания, где отвод мест производится лишь на одну ночь (Общественное и частное призрение..., 1907: 161). В заведениях этого разряда помещение предоставлялось бесплатно, а на его отопление и освещение, как правило, выделялось пособие из сельских мирских сумм. Одежда и обувь приобретались «в миру» самими призреваемыми, питание же удовлетворялось за счет добровольных пожертвований. Пожертвования продуктами питания, поступавшие в богадельни, были малозначительными. Не лучше обстояло дело и в городских богадельнях. Муниципалитеты предпочитали ограничиться лишь предоставлением бесплатного помещения и постельного белья. В Ачинске продовольственное пособие отпускали только в праздники Рождества Христова и Святой Пасхи, в Енисейске ежемесячно каждому выдавали по 1 пуду (16,3 кг) муки, а в главные храмовые праздники – масло, пшено, крупчатку (Катцина, 2018: 157-158).

Благотворительные пожертвования не имели стабильного характера, и при их нехватке деятельность заведений угасала. Так, богадельня в с. Казачинском в течение семи лет содержалась на средства учредившего ее крестьянина Ив. Серебрякова, а после его отказа быть попечителем осталась брошенной на произвол судьбы. Богадельня при Енисейской Соборной церкви содержалась купцом Д.Д. Дементьевым и его наследниками с 1818 по 1846 гг., а затем осталась без средств (Катцина, 2018: 157).

В рассматриваемый период в Енисейской губернии открылось только два заведения для призрения детей: Владимирский детский приют в Красноярске и Александровский городской дом призрения в Енисейске (Таблица 2).

Надо заметить, что для благотворительных заведений вопрос о недвижимой собственности был особенно важным, а в ряде случаев владение недвижимостью являлось тем существенным условием, без которого невозможно существование самого заведения. Так, под Александровский городской дом призрения двухэтажный деревянный дом пожертвовал купец И.П. Кытманов. Владимирский детский приют первоначально располагался бесплатно во флигеле дома, принадлежавшего коллежскому советнику В.П. Голубкову, который в 1848 г. пожертвовал приюту как флигель, так и сам дом, оцененный в 21 тыс. руб. Средства благотворительных заведений состояли из недвижимых капиталов и ежегодных доходов, в числе которых были процентные поступления с капиталов, пособия от города (Александровский дом призрения) или правительственных учреждений (Владимирский детский приют), плата за пользование заведением и т. п.

Таблица 2. Статистика заведений, предназначенных для призрения детей в Енисейской губернии, 1820-е – 1870 г.

Название, местоположение	Дата открытия	Ведомственная подчиненность/ управление	Штатное число мест	Контингент призреваемых
Владимирский детский приют, г. Красноярск	15 июля 1848 г.	Ведомство учреждений императрицы Марии/ Енисейское губернское попечительство детских приютов	30	Девочки 7-14 лет православного вероисповедания, преимущественно из жителей Енисейской губернии, без различия сословий принимались на постоянное проживание с целью воспитания, обучения грамоте, рукоделиям и домоводству. Допускались и приходящие в возрасте 3-10 лет. На бесплатное содержание зачислялись только сироты.
Александровский городской дом призрения, г. Енисейск	17 июля 1869 г.	Министерство внутренних дел/ управление через особый Комитет дома призрения	20	Мальчики православного вероисповедания из сирот и беднейших жителей г. Енисейска принимались в возрасте от 7 до 14 лет на полное содержание с целью воспитания, обучения грамоте и ремеслам

Составлено по: Катцина, 2018: 154, 158.

Обращаясь к распределению благотворительных заведений в Енисейской губернии по типу поселения, можно заметить, что значительная их часть функционировала в городах (Рисунок 1).

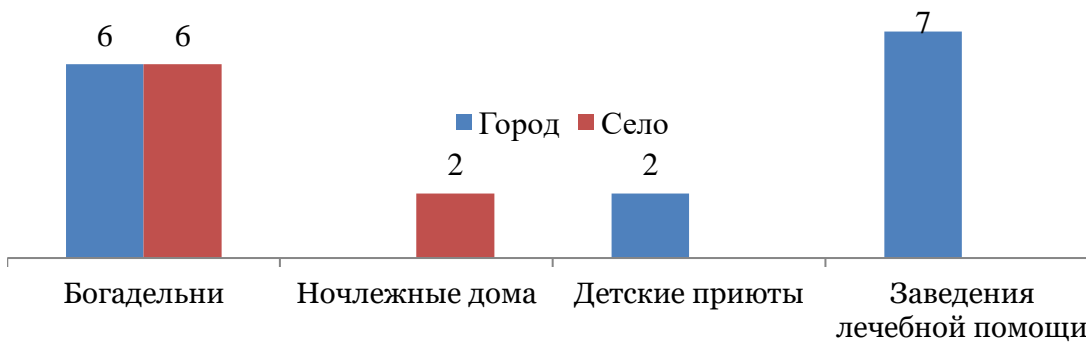

Рис. 1. Распределение благотворительных заведений в Енисейской губернии по типу поселения, 1820-е – 1870 гг.

По числу заведений, организованных в 1820-е–1860-е гг., доминируют учреждения для взрослых (Рисунок 2).

Что касается начала деятельности благотворительных заведений, большинство из них было открыто в 1820-е гг., т. е. в первое десятилетие действия Енисейского приказа общественного призрения, и в 1860-е гг. – начало эпохи «великих реформ» (Рисунок 3).

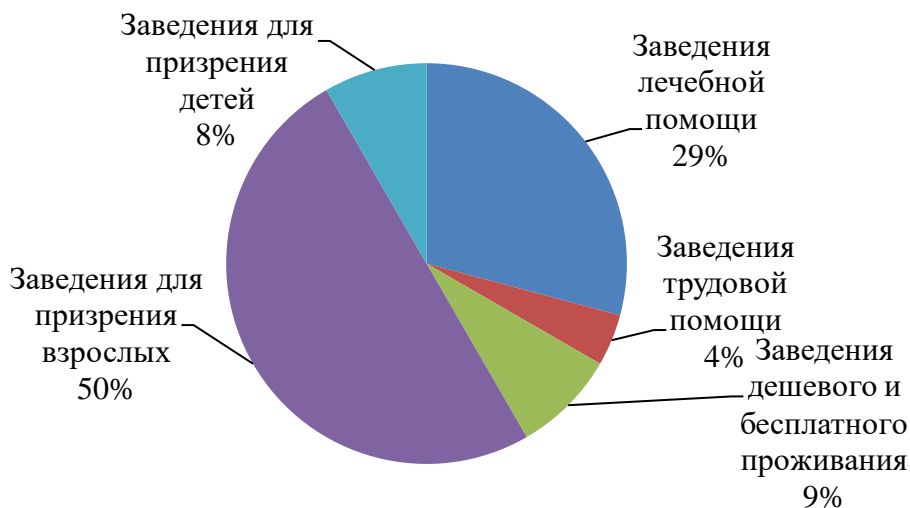

Рис. 2. Распределение благотворительных заведений в Енисейской губернии по типам, 1820-е – 1870 гг.

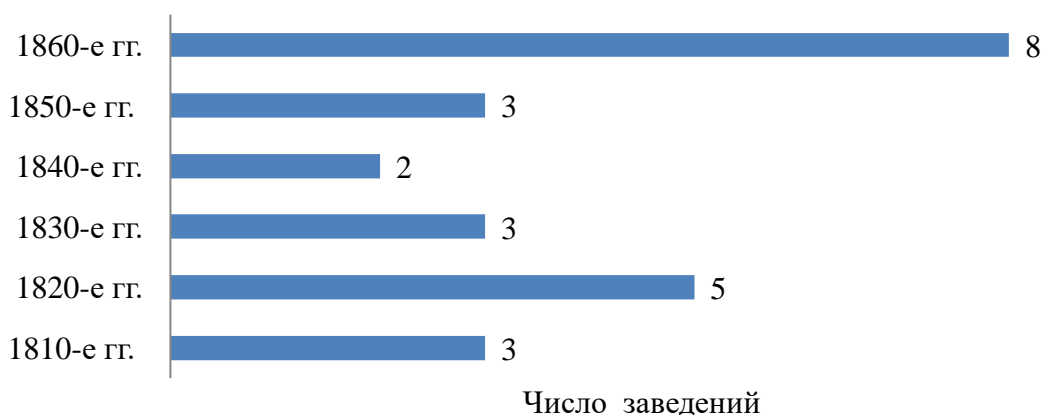

Рис. 3. Динамика роста числа благотворительных заведений в Енисейской губернии, 1810-е – 1860-е гг.

Как видим, число благотворительных заведений в губернии заметно увеличивается с 1860 г. Поводом к такому всплеску, очевидно, послужили важнейшие события в доме Романовых, а также во внутренней и политической жизни страны.

5. Заключение

Вышеприведенные сведения показывают, что процесс возникновения и деятельности благотворительных заведений в Енисейской губернии не являлся одномоментным и равномерным. Большая часть благотворительных заведений состояла в ведении частных лиц, которые брали на себя личную ответственность за их содержание. Заведения для детей сочетали воспитательные и образовательные функции, располагались исключительно в городах. Количество благотворительных заведений не являлось пропорциональным численности населенных пунктов и жителей в них. Соотношение числа благотворительных заведений в городе и на селе было в пользу города. Отмечается наименее благоприятное распределение благотворительных учреждений лечебной помощи для населения, живущего вне городов. Важное место в системе общественного призрения занимали богадельни, которые как особый вид закрытого призрения должны были обеспечивать полное содержание призреваемых. Между тем на практике больше встречались богадельные приюты, в которых оказываемая помощь охватывала не все жизненные потребности человека, а только некоторые из них.

6. Благодарности

Результаты получены при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Литература

- Благотворительность в России, 1907** – Благотворительность в России. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Губернии и области: Олонецкая – Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. СПб.: [б. и.], 1907. 938 с., IV.
- Бойко, 2009** – *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск: Изд-во Томского гос. архитектурно-строительного ун-та, 2009. 308 с.
- Бочанова и др., 2000** – *Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал Гео, 2000. 212 с.
- Гаврилина, 2014** – *Гаврилина Н.А.* Благотворительность в России как фактор социальной стабилизации в условиях рыночных трансформаций в XVII –XIX вв. Тула: Изд-во Тульского гос. педагогического ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. 117 с.
- Гаврилова, 2014а** – *Гаврилова Н.И.* Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2014. 308 с.
- Гаврилова, 2019** – *Гаврилова Н.И.* Основные направления деятельности благотворительных организаций Иркутска: к анализу модели социальной помощи периода капиталистической модернизации // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 4. С. 380–390.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Дегальцева, 2002** – *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002. 288 с.
- Зиновьев, Харусь, 2013** – *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т. 1. 1880 – февраль 1917 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. 402 с.
- Катцина и др., 2018** – *Катцина Т.А., Шестаков В.И., Помазан В.А.* Описательная статистика и визуализация исторических данных о благотворительных учреждениях в Восточной Сибири XIX в. // *Историческая информатика*. 2023. № 4(46). С. 10–29. DOI: 10.7256/2585-7797.2023.4.68781.
- Катцина, 2017** – *Катцина Т.А.* Реестр благотворительных заведений Восточной Сибири (1822–1870 гг.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2017621434, 07.12.2017. Заявка № 2017620907 от 14.08.2017.
- Катцина, 2018** – *Катцина Т.А.* Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2018. 200 с.
- Мантурова, 2005** – *Мантурова С.Ч.* Государственное призрение и благотворительность в культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 230 с.
- Ноздрин, 1998** – *Ноздрин Г.А.* Благотворительные общества дореволюционной Сибири // *Вопросы истории Сибири XX в.* Новосибирск, 1998. С. 3–10.
- Общественное и частное призрение..., 1907** – *Общественное и частное призрение в России*. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1907. 298 с.
- Павлова, 2003** – *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX в. Красноярск, 2003. 249 с.
- ПСЗ РИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. 1775–1780. Т. XX. № 14392. СПб.: [б.и.], 1830. С. 229–304.
- Свод учреждений..., 1857** – *Свод учреждений и уставов об общественном призрении* // *Свод законов Российской империи*. Т. 13: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб.: 1857. 163, [294], [384], [136] с.
- Соколов, 2006** – *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). Санкт-Петербург: Лики России, 2006. 648 с.
- Ульянова, 2005** – *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX в. М.: Наука, 2005. 415 с.
- Ульянова, 2017** – *Ульянова Г.Н.* Статистика благотворительности и общественного призрения в России. 1906–1914 гг. / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2017. № 27. С. 310–314.
- Ульянова, 2021** – *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12, № 2(100).
- Фролов, 1844** – *Фролов Г.И.* Развитие и устройство общественного призрения в империи // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1844. Книга 5. С. 407–447.
- Tishkina, Katsina, 2023** – *Tishkina K.A., Katsina T.A.* Kommisarovskaya almshouse: to the analysis of charitable institutions in Siberia during the period of capitalist modernization // *Bylye Gody*. 2023. 18(3). Pp. 1298–1306.
- Zinovyev et al., 2018** – *Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.F.* Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // *Bylye Gody*. 2018. 47(1). Pp. 208–216.

References

- Bochanova, 2000** – *Bochanova, G.A., Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A.* (2000). Ocherki istorii blagotvoritelnosti v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Essays on the history of charity in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN, filial Geo. 212 p. [in Russian]
- Boyko, 2009** – *Boyko, V.P.* (2009). Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v konze XVIII–XIX v. [Merchant of West Siberia in the late of XVIII–XIX centuries]. Ocherki socialnoy, otraslevoy, bytovoy i mentalnoy istorii. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 308 p. [in Russian]
- Blagotvoritel'nost' v Rossii, 1907** – Blagotvoritel'nost' v Rossii. T. II. Spisok blagotvoritel'nykh uchrezhdenii. Ch. II. Gubernii i oblasti: Olonetskaya – Yaroslavskaya, Privislinskie, Kavkaza, Srednei Azii i Sibiri [Charity in Russia. T. II. List of charitable institutions. Part II. Provinces and regions: Olonets – Yaroslavl, Privislinsky, Caucasus, Central Asia and Siberia]. SPb.: [b. i.], 1907. 938 p., IV. [in Russian]
- Degalzeva, 2002** – *Degalzeva, E.A.* (2002). Obshchestvennye nepoliticheskiye organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.) [Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Monografiya. Barnaul. 288 p. [in Russian]
- Frolov, 1844** – *Frolov, G.I.* (1844). Razvitiye i ustroystvo obshchestvennogo prizreniya v imperii [Development and structure of public charity in the empire]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. Kn. 5. Pp. 407–447. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyy arhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gavrilina, 2014** – *Gavrilina, N.A.* (2014). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak faktor sotsial'noy stabilizatsii v usloviyakh rynochnykh transformatsiy v XVII – XIX vv. [Charity in Russia as a factor of social stabilization in the conditions of market transformations in the 17th – 19th centuries]. Tula: Izd-vo Tul'skogo gos. pedagogicheskogo un-ta im. L.N. Tolstogo, 117 p. [in Russian]
- Gavrilova, 2014a** – *Gavrilova, N.I.* (2014). Obshchestvennyy byt gorozhan Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [Social life of the townspeople of the Irkutsk province in the second half of the 19th century]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 308 p. [in Russian]
- Gavrilova, 2019** – *Gavrilova, N.I.* (2019). Osnovnyye napravleniya deyatel'nosti blagotvoritel'nykh organizatsiy Irkutsk: k analizu modeli sotsial'noy pomoshchi perioda kapitalisticheskoy modernizatsii [The main activities of charitable organizations in Irkutsk: to the analysis of the model of social assistance during the period of capitalist modernization]. *Sotsial'naya kompetentnost'*. 4(4): 380–390. [in Russian]
- Katsina i dr., 2018** – *Katsina, T.A., Shestakov, V.I., Pomazan, V.A.* (2023). Opisatel'naya statistika i vizualizatsiya istoricheskikh dannykh o blagotvoritel'nykh uchrezhdeniyakh v Vostochnoy Sibiri XIX v. [Descriptive statistics and visualization of historical data on charitable institutions in Eastern Siberia in the 19th century]. *Istoricheskaya informatika*. 4(46): 10–29. [in Russian]
- Kattsina, 2017** – *Kattsina, T.A.* (2017). Reestr blagotvoritel'nykh zavedenij Vostochnoy Sibiri (1822–1870 gg.) [Register of charitable institutions in Eastern Siberia (1822–1870)]. Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2017621434, 07.12.2017. Zayavka № 2017620907 ot 14.08.2017. [in Russian]
- Kattsina, 2018** – *Kattsina, T.A.* (2018). Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v Enisejskoj gubernii (1822–1917 gg.) [Public charity and charity in Yenisei province (1822–1917)]. Krasnoyarsk, 199 p. [in Russian]
- Manturova, 2005** – *Manturova, S.Ch.* (2005). Gosudarstvennoye prizreniye i blagotvoritel'nost' v kul'turnoy zhizni Zabaykal'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [State charity and charity in the cultural life of Transbaikalia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 230 p. [in Russian]
- Nozdrin, 1998** – *Nozdrin, G.A.* (1998). Blagotvoritelnye obshchestva dorevoluzionnoy Sibiri [Charitable societies of pre-revolutionary Siberia]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka*. Novosibirsk. Pp. 3–10. [in Russian]
- Pavlova, 2003** – *Pavlova, I.P.* (2003). Social'noe popechenie v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Social care in Russia in the late XIX – early XX century: a monograph; Krasnoyarsk State Agrarian University]. Krasnoyarsk, 249 p. [in Russian]
- PSZ RI, 1830** – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. 1775–1780. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1775–1780]. T. XX. № 14392. SPb.: [b. i.], 1830. Pp. 229–304. [in Russian]
- Obshchestvennoye i chastnoye..., 1907** – Obshchestvennoye i chastnoye prizreniye v Rossii (1907) [Public and private charity in Russia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, 1907. 298 p. [in Russian]
- Sokolov, 2006** – *Sokolov, A.R.* (2006). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX v.) [Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (beginning of the 18th – end of the 19th centuries)]. SPb: Liki Rossii, 648 p. [in Russian]
- Svod uchrezhdenij..., 1857** – Svod uchrezhdenij i ustavov o obshchestvennom prizrenii [Code of Institutions and Statutes on Public Charity]. Svod zakonov Rossijskoy imperii. T. 13: Ustavy o narodnom prodovol'stvii, obshchestvennom prizrenii i vrachebnye. SPb., 1857. 163, [294], [384], [136] pp. [in Russian]

Tishkina, Katsina, 2023 – Tishkina, K.A., Katsina T.A. (2023). Kommisarovskaya almshouse: to the analysis of charitable institutions in Siberia during the period of capitalist modernization. *Bylye Gody*. 18(3): 1298-1306.

Ulyanova, 2005 – Ulyanova, G.N. (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii, XIX – nachalo XIX v. [Charity in the Russian Empire, XIX – early XX centuries]. M.: Nauka. 415 p. [in Russian]

Ulyanova, 2017 – Ulyanova, G.N. (2017). Statistika blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii. 1906–1914 gg. [Statistics of charity and public charity in Russia. 1906–1914]. *Yezhegodnaya bogoslouskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 27: 310-314. [in Russian]

Ulyanova, 2021 – Ulyanova, G.N. (2021). Blagotvoritel'nost' v Rossii v pervoy polovine XIX v.: itogi i perspektivy izucheniya zakonodatel'stva i statistiki [Charity in Russia in the first half of the XIX century: the results and prospects of the study of legislation and statistics]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 12. № 2(100). DOI: 10.18254/S207987840014110-0 [in Russian]

Zinovyev, Kharus, 2013 – Zinovyev, V.P., Kharus, O.A. (2013). Khronika Obshchestvenno-politicheskoy zhizni Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Chronicle of social and political life of Tomsk province in 1880 – February 1917]. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg. T. 1. 1880 – fevral 1917 g. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 402 p. [in Russian]

Zinovyev et al., 2018 – Zinovyev, V.P., Zinovyeva, V.I., Fominykh, S.F. (2018). Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917. *Bylye Gody*. 47(1): 208-216.

Благотворительные заведения Енисейской губернии в 1820–1860-е гг. (по материалам базы данных)

Татьяна Анатольевна Катцина^{a,*}, Вячеслав Николаевич Шестаков^a, Валерий Александрович Помазан^a, Елена Сергеевна Цыганова^{a, b}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка через статистические данные определить тенденции развития благотворительных заведений в Енисейской губернии в 1820–1860-е гг. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен их слабой изученностью, особенностями социально-экономической жизни Енисейской губернии и административной политикой царского правительства. Процесс возникновения и деятельности благотворительных заведений был обусловлен специфическим для данного региона сочетанием экономических, политических и социальных факторов. Енисейская губерния принадлежала к числу сельскохозяйственных, промышленность и торговля в ней были развиты слабо. Здесь одновременно сочетались как архаичные и феодальные социально-экономические уклады, так и элементы капиталистического типа. С привлечением современных научных достижений, с опорой на тематическую базу данных, представляющую собой поливидовую коллекцию источников, авторы характеризуют сеть благотворительных заведений Енисейской губернии через их разновидности, дают количественный и качественный анализ. В статье отмечается, что количество благотворительных заведений не являлось пропорциональным численности населенных пунктов и жителей в них. Соотношение числа благотворительных заведений в городе и на селе было в пользу города. Распределение благотворительных учреждений лечебной помощи для населения, живущего вне городов, было наименее благоприятным. Важное место в системе общественного призрения занимали богадельни, которые как особый вид закрытого призрения должны были обеспечивать полное содержание своего контингента. Между тем на практике больше встречались богадельные приюты, в которых оказываемая помощь охватывала не все жизненные потребности человека, а только некоторые из них.

Ключевые слова: Енисейская губерния, общественное призрение, благотворительность, благотворительные заведения, великие реформы, историческая база данных.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), vshestakov@sfu-kras.ru (В.Н. Шестаков), vpomazan@sfu-kras.ru (В.А. Помазан), asdalena@mail.ru (Е.С. Цыганова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1171-1178
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1171

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Generic Conflicts and Barymta: the Evolution of Content

Erlan E. Sailaubay ^{a,*}, Khalil B. Maslov ^a, Svetlana O. Smagulova ^b, Al'bina S. Zhanbossinova ^a

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Kazakhstan's entry into the Russian Empire became a catalyst for many socio-economic processes and the transformation of the system of social institutions. The purpose of the author's research is to study the cause-and-effect relationships of tribal confrontation and the evolution of the content of the barymta institute in the boundary framework of the late XIX – early XX centuries. The administrative and territorial lines of research are limited to the Semipalatinsk province of Karkaraly county, where, within the specified chronological framework, it is possible to trace the evolution of the transition of social institutions of Kazakh society and the transformation of their content. In their research, the authors reveal the issues of social history at the junction of interdisciplinary approaches based on an empirical analysis of primary sources, archival documents deposited in the funds of Kazakh archives, published publications of travel scientists and open-access research materials, articles, monographs, collections of materials, dissertations. The authors paid special attention to the system of value orientations of the traditional Kazakh society and the evolution of social institutions in the focus of reforming regulatory and legal relations, family and hierarchical management structures. Innovations in the Kazakh steppe served as an impetus to strengthen the tribal struggle for a place in the echelon of grassroots power, determined tribal strife and barymta as a weapon of retaliation. In the new system of legal norms, the traditional institution of barymta acquired criminal content, although in the nomadic value system it was a way of protecting the honor of the clan, demonstrating the strength of the clan, and a traditional form of protecting property. The clan-hierarchical principle did not undergo any practical changes; the traditional nomadic Kazakh society adapted and «integrated» into the imperial system, preserving the patriarchal-clan institutions until the mid-20s of the twentieth century.

Keywords: Kazakhstan, aul, Russian Empire, tribal relations, social institutions, barymta, tribal confrontation.

1. Введение

Вхождение современной территории Казахстана в состав Российской империи и последующие социально-экономические реформы оказали влияние на традиционные структуры казахского сообщества. Изменения коснулись многих сфер жизнедеятельности, в том числе, административно-территориальной системы, правового поля, экономической сферы. Законодательная практика Российской империи с принятием Устава 1822 и 1824 годов, последующие реформы 60-х годов XIX века должны были унифицировать правовые нормы и социальные институты Казахстана, сохранив единичные фрагменты традиционной судебной системы с ограничением их компетенции. В новой системе правовых норм традиционный институт барымта приобрел уголовное содержание, хотя в кочевой системе ценностей это был способ защиты чести рода, демонстрация силы рода,

* Corresponding author

E-mail addresses: alashordai00@mail.ru (E.E. Sailaubay), halel_86@mail.ru (Kh.B. Maslov), adep_s68@mail.ru (S.O. Smagulova), sovetuk@rambler.ru (A.S. Zhanbossinova)

традиционная форма защиты имущества. Родо-иерархическое начало не претерпело никаких практически изменений, традиционное кочевое казахское общество адаптировалось и «встроилось» в имперскую систему, сохранив патриархально-родовые институты.

Актуальность предложенной темы заключается в исследовании причинно-следственных связей родового противостояния и в эволюции содержания института барымта в пограничных рамках конца XIX – начала XX веков.

2. Материалы и методы

При написании статьи авторы опирались на архивные материалы, отложившиеся в фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), а также специального Государственного архива Министерства Внутренних дел Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). Эмпирический анализ выявленных материалов позволил изучить административно-территориальное устройство исследуемого нами региона, Семипалатинской губернии, и определить размещение родов-племенных структур казахского общества, верифицировать персональные данные участников описываемых событий. Несомненную роль сыграли опубликованные издания ученых-исследователей путешественников, занимавшихся изучением Казахстана.

Изучение традиционного казахского общества на рубеже XIX – начала XX веков обусловило обращение к концептам социальной истории, где фокус познания смещен на социальные институты и их трансформацию, на их взаимодействие и эволюцию с логикой меняющегося мира. Методология теории модернизации вскрывает макросоциальные процессы и их влияние на качественное содержание социальных структур. Социальные институты традиционного общества претерпевали качественные изменения, меняя внутреннее содержание. Опираясь на имеющиеся маркеры типологического анализа, разработанные теорией модернизации, можно выделить два уровня социальных изменений казахского кочевого общества в указанный период. С одной стороны, мы наблюдаем адаптивные процессы мимикрии родовой элиты к новым условиям, с другой, – трансформацию содержания традиционных институтов, как родо-иерархические группы и барымта. Авторское исследование опиралось на классический методический инструментарий: эмпирический метод изучения конкретных социальных явлений и институтов; трансформацию их содержания с опорой на исторический, сравнительный и описательный методы. В том числе, системный метод позволил сформировать целостное представление об исторических событиях в указанных хронологических рамках.

3. Обсуждение

Тема, предложенная авторами, имеет широкую дискуссионную площадку. История Казахстана имперского периода представлена значительными научными разработками различного временного диапазона. Есть известные труды путешественников-исследователей: Ч. Валиханова, А. Левшина, В. Радлова и т.д. Из казахстанских исследователей следует упомянуть И. Ерофееву – знатока персональной истории казахских ханов, высочайшего специалиста новой истории Казахстана. Благодаря ее скрупулезной работе увидели свет дневники и записки российских чиновников и путешественников, посвященных истории казахской степи (Андреев, 1998; Ерофеева, 2006а; Ерофеева, 2006б).

Исследование родовых отношений и содержание барымта в фокусе действий обычного права раскрывает взаимосвязь имперской политики и эволюции социальных институтов казахской степи. Система родо-иерархических институтов занимала особое место в казахском традиционном обществе. Обращение к авторским исследованиям Ч. Валиханова и А. Левшина демонстрирует, что обычное право казахов, по сути, – право рода, родовой закон и содержание понятия барымта – не скотокрадство, не воровство и угон скота. Изначально барымта воспринималась как родовой конфликт, его содержание не вписывалось в правовые законы Российской империи. Законотворческие нормативы Российской империи ограничили «применение норм обычного права и деятельность суда биев» (Вареникова, 2016). Устав 1822 года позволял разрешать судебные дела согласно обычному праву казахов (адату), определив особо тяжкие – убийство, барымту. В частности, Ч. Валиханов в своей «Записке о судебной реформе» писал: «Уголовными преступлениями в отношении к сибирским киргизам, – гласит 1167 ст. Зак. уголов. судопр., XV т., II часть, изд. 1857 года, – считаются: измена, убийство, разбой, баранта...» (Валиханов, 1985: 77-104). Тезис А. Левшина показывает влияние последствий барымты на повседневное существование аула, вынужденного покидать родные места из-за мести ввиду наличия коллективной ответственности рода: «Месть одного частного человека другому, участие, принимаемое в оной семействами их, аулами, отделениями, даже целыми родами и возникающие из того непрерывные баранты принуждают иногда сотни кибиток оставлять обыкновенные жилища свои и для избежания преследований безвозвратно переходить на другие отдаленные места» (Левшин, 1996).

Положение С. Фукса о том, что родовые отношения следует рассматривать как коллективную ответственность за каждого члена рода подтверждает тезис А. Левшина. С. Фукс в своей работе цитирует работу М. Путинцева «Записи о киргизских законах»: «Вор, в краже изобличенный,

презирается, а отогнавший барымту почитается за человека расторопного», а также упоминает Я. Гавердовского. В описании последнего «удалец, преуспевающий в отгоне чужих стад, пользуется почетом, получает даже титул батыра», собравшего кучку сотоварищей для угона скота из богатых аулов. В завершение своего исследования С. Фукс рассматривает барымту как феодальную войну, как грабеж (Фукс, 1981: 128).

Одной из самых, на взгляд авторов, сильных в методологическом плане фундаментальных работ, затрагивающих некоторые интересующие нас вопросы по родовым отношениям и барымте, является «Российская империя в зарубежной историографии». Прекрасный авторский коллектив «Антологии» предложил иной исследовательский фокус, своего рода «дорожный указатель» – путеводитель, оригинальное прочтение имперской истории, в том числе, и ее национальных окраин (Российская империя..., 2005). Дж. Слокум отметил связь между низложением казахских ханов и присвоением их подданным статуса «инородцев» с последующим закреплением за кочевниками «Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей» и Туркестана указанной идентификации (Российская империя..., 2005: 512-513). Термин «инородцы» озвучивал отношение и к казахам. Он связал две империи периода царской и советской России. Корень «иные» так и остался в содержании отношения к родо-иерархическим институтам казахского сообщества, сохранившимся в условиях вхождения в состав Российской империи и плавно адаптировавшимся в первое двадцатилетие XX века.

Зарубежные исследователи, как, например, В. Марти, рассматривают барымту как один из способов разрешения спора, восстановления чести рода (Марти, 2005: 360-361). Соглашаясь с мнением В. Марти, отметим, что барымта в царский и советский периоды приравнивалась к уголовному преступлению как особо тяжкой категории. При этом изменилось содержание термина «барымта», оно стало синонимом скотокрадства, воровства и родо-иерархического противостояния. В исследовании В. Марти показан мотив барымты – «личная и клановая честь» (Марти, 2005: 376-377). В нашем понимании это ожесточенная родовая борьба, тяжба, противостояние вплоть до применения крайних мер, например, убийства. Царские чиновники относили барымту к родовой расправе, что отмечено в проведенном исследовании А. Перфильева. Однако мы не можем согласиться с мнением автора о том, что ослабление ханской власти является причиной усиления барымты (Перфильев, 2010: 5-8). Вполне полагаем, что ослабление ханской власти могло стать катализатором родовых междоусобиц, подтолкнуть аулы к родовым тяжбам ввиду отсутствия сильного авторитетного правителя. В своих исследованиях А. Перфильев рассмотрел вопросы трансформации социального института барымты, провел анализ родовых конфликтов. Автор преподносит барымту как механизм урегулирования общественных отношений, как способ объединения кочевников. Согласимся, что в качестве причин межродовых конфликтов и барымты являлись экономическая нестабильность и земельный вопрос казахских кочевников (Перфильев, 2009: 280). Из казахстанских историков, затронувших исследуемые вопросы, интересно мнение Ж. Артыкбаева о том, что родовые столкновения, и в том числе барымта, «могут быть квалифицированы как структурообразующие, дисциплинирующие факторы» (Артыкбаев, 2005: 219). Адаптационные практики родоначалия и родовые конфликты описали по архивным материалам С. Смагулова (Смагулова и др., 2023) и А. Жанбосинова (Zhanbossinova, 2021). Учитывая вышеизложенные авторские мнения по содержанию термина «барымта», отметим тезис Ж. Мажитовой, тонко подметившей, что «значение термина «барымта» настолько широко, что его зачастую применяли к различным актам насильственного угона скота. По сути, это не совсем правильно, нужно отличать барымту как легальный акт захвата движимого имущества от разбоя, воровства, конокрадства. Задача непростая, если учесть, что между этими понятиями существует тонкая грань. Однако различие установить возможно» (Мажитова, 2015).

Барымта постоянно присутствовала в системе родо-иерархических отношений независимо от состояния ханской власти. Первое десятилетие органы советской власти рассматривали проблемы барымтования казахских аулов, относя их к категории уголовных преступлений. Родо-иерархические отношения регулировались системой обычного права, традиционными формами авторитетности, происхождения и экономического влияния. Ж. Джампеисова показывает, что внутри родо-иерархических отношений находились оппозиционные сегменты, порождаемые социально-экономическими условиями кочевого хозяйства (Джампеисова, 2006). Соответственно, родовые конфликты становились основой ожесточенных действий, вплоть до применения таких крайних мер, как барымта. Подтверждением тому являются исследования А. Токтабай о широком распространении в XIX веке «...среди казахов ... барымты и конокрадства» (Токтабай, Нугумарова, 2022: 611). По сути, сам факт барымты – это «насильственный захват чужого имущества (Алимбай, Смагулов, 2021: 92).

Интересное мнение об эволюции понятия и содержания барымты высказала эксперт А. Мустояпова. Барымта, по мнению автора, является универсальным институтом и важным звеном всей системы казахского обычного права. Это был способ казахской степи в борьбе с несправедливостью. Выполняемые ею функции от защиты пострадавшего до прекращения вражды без различного рода последствий в имперский период трансформировалось в простой грабеж и насилие (Мустояпова, 2020).

Проведенный краткий обзор опубликованных работ показывает наличие интересных научных исследований, затрагивающих отдельные вопросы предложенной нами темы. К сожалению, не все источники относительно ситуации с барымтой опубликованы, указывает российский историк Д. Васильев (Васильев, 2017). Автор раскрывает вопросы межродовых взаимоотношений и их эволюцию, где барымта и род – взаимосвязанные понятия, «обеление рода». «Зачастую в возмещении претензий участвовал весь родовой коллектив обидчика» (Васильев, 2017: 178).

4. Результаты

Семипалатинская область состояла из пяти уездов: Семипалатинский, Павлодарский, Усть-Каменогорский, Зайсанский и Каркаралинский. Административно-территориальное устройство казахской степи с 20-х годов XIX века, по мнению Н. Коншина, обусловило родовые казахские распри по земельному вопросу, а новые административные единицы округа, губернии, способствовали «султанским распрям» и повлекли «за собой смуту» (Среднее Прииртышье..., 2008: 73).

На примере Каркаралинского уезда и его отдельных волостей, входивших в состав Семипалатинской губернии, рассмотрим вопросы истории межродовых конфликтов и эволюцию содержания барымты. Выбранный нами уезд может стать типичным образцом имевшихся межродовых столкновений, в том числе, постоянных явлений барымты. Старшим султаном Каркаралинского уезда долгое время был Кунанбай Ускенбаев, отец известного казахского поэта, мыслителя Абая Кунанбаева. На действия Кунанбая Ускенбаева большим потоком шли жалобы «о смертоубийствах и грабежах, учиненных в течение 1851 и 1852 годов» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3649. Л. 325).

В своей объяснительной записке Кунанбай Ускенбаев сообщил, что в 1851 году Кучук-Тобуктинской волости «аульный старшина Байбулат Байтов и киргизцы Кайдан и Киял Мурзины, Ултай и Картабай Тыныбековы с прочими убили до смерти Сасыккару, и в 1852 году там же в Кучук-Тобуктинской волости киргизцы Байкадам и Чомирбай Байбуловы, Бокан Табалдин и Уркунбай Азбергенов с товарищами также учинили смертное убийство киргизу Чамге Карпыкову. И в этом же году ... убили киргиза Мамырбая Кабасова». В дополнение была озвучена информация о совершенной барымте казахами Кучук-Тобуктинской волости. Были ограблены несколько биев, разыскивавших вместе со своими работниками свой скот (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3649. Л. 325-326).

По воспоминаниям современников, Кунанбай был жестким родопрavitелем, требуя от других соблюдения древних законов. «Пострадавшие от него... обращались с жалобами к русской власти», последняя заводила на Кунанбая следственные дела, которые впоследствии «были благополучно закрыты» (Сыдыков, 2012: 20). Все вышеупомянутые действия, совершенные в период выяснения родовых отношений, демонстрируют способы применения насилия с целью принуждения противоположной стороны удовлетворить их «законные требования». Родовое начало защищало право рода, показывало свою силу, требовало компенсацию. Проигравшая сторона отправлялась к власти, однако администрация использовала барымту в своих целях в попытке укротить обе противоборствующие стороны и насадить свое право.

Анализ документальных источников показывает, что родо-иерархические отношения сохранили свое влияние и возможности в начале XX века. Особенно ярко это выразилось в реализуемой избирательной системе (Zhanbossinova, 2021: 49-62) даже в тяжелые голодные годы (Smagulova, 2023: 160-177).

В этническом плане казахское население превалировало в Каркаралинском уезде. Судя по справке, Каркаралинским уездом управляют «кара-таяки» (дословный перевод – «черная палка»), что в простонародье обозначает европеизированную разночинную казахскую интеллигенцию. Ситуация в Каркаралинском уезде была несколько иной. Несмотря на установившуюся советскую власть, в уезде сохранялись традиции ханско-аристократического сословия торе – потомков прежних ханов. Вплоть до 1917 года, в отличие от остальных районов, торе Каркаралинского уезда сохраняли свои привилегии.

Кентская волость ранее называлась Дюсембай-Чекческой по имени двух родовых групп. При образовании Кентской волости к Дюсембай-Чекческой были присоединены части Кара-Айтимбетовской и Караул-Камбаровской волостей. В Кентскую волость вошли роды Караул, Тлеубай и Айтимбет. Последними управителями в названных волостях были Абдильда Чингисов в Дюсембай-Чекческой, Смаилхан Арыстамбеков – в Кара-Айтимбетовской и Ормахай Чингисов – в Караул-Камбаровской. Все трое – ханско-аристократического происхождения. Упомянутые волости фактически представляли собой уделы князей-торе. Имена казахских султанов и их султанаты во главе с ага-султанами сохранились в истории Каркаралинского уезда, как, например Джамантай, Кусбек, Султангазы, Кунанбай, Чалгимбай, Тулик. При султанах находились служилые люди, кочевники их называли толенгутами. На самоуправство последних были частые жалобы от казахов (Турсун, 2012). Из этого же уезда произошли такие политические деятели, как А. Букейханов и А. Ермеков.

Традиции ханско-аристократического прошлого связывают всю казахскую интеллигенцию. Последняя делится на две враждующие группы по признаку родовой принадлежности. В родовых распрах участвуют представители уездной, волостной и аульной администрации. Ожесточенная борьба между ними длится на протяжении конца XIX – начала XX вв. Особенно эта борьба

ожесточилась в 1917–1919 годах между Акпаевым и Акаевым на почве конкуренции за монополию влияния в уезде. Особо отметим, что в эту борьбу ввязалось все население уезда, независимо от этнической принадлежности. Отряды противостоящих групп составляли по 400-500 человек. Весь Каркаралинский уезд разделился, и весь его руководящий состав обвиняли в «баянаулизме». Им противостояли каркаралинцы. Участие в борьбе каркаралинской интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг двух персоналий, Акпаева и Акаева, обострила ситуацию в уезде.

Истоки межродовой распри, перешедшей в формат межплеменных отношений в Каркаралинском уезде между киреями и найманами, уходят в 1909 год, когда со станции Аягуз было похищено 4 лошади у русского казака. В ходе поиска своих лошадей казак добрался до Дагандинской волости Каркаралинского уезда. Последние были наказаны и подвергнуты наказанию судебными органами. В результате местных коллизий представители родов кирей и найман оказались в состоянии длительной конфронтации. Богач аула Мало-Аягуз Шерубай Солтанаев в целях ограждения своего скота от произвольной реквизиции укочевал в район озера Балхаш, где проживали его родственники Дагандинской волости Каркаралинского уезда. При обратной откочевке у Солтанаева отобрали часть скота и другого имущества, что стало поводом к очередному витку барымтачества. Судебная исполнительная система зафиксировала 8 крупных случаев барымты, не считая мелкие угоны скота (ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 8рсч. Д. 47. Л. 187). На почве контрабандных операций в пограничных линиях Каркаралинского и Лепсинского уезда в период гражданского противостояния и безвластия в казахской степи разыгралась крупная барымтовая битва. В ходе ее были не только кражи и угон скота, но и убийства на почве мести. Несмотря на полученный кун найманами, «барымтачество продолжалось до 1926 года..., завершившись угоном 80-ю голов коров керейскими родами от найман» (ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 8рсч. Д. 47. Л. 188).

Таким образом, перманентное состояние барымтачества в Каркаралинском уезде усиливалось по мере обострения родового противостояния. Социально-экономические и политические коллизии начала XX века оказали влияние на содержание родового противостояния, барымта стала инструментом в борьбе за власть. Аналогом Каркаралинской ситуации можно считать родовую группировку во главе с Тобониязом Алниязовым, который с целью расширения своего «ханства» собрал трехтысячный отряд джигитов. Они совершали скотокрадство и насилие. При Алниязове в Адае на почве деления ограбленного с участием милиционеров в угоне скота произошел родовый конфликт (СГА ДП г. Алматы. Ф. 1. Оп. 1. Наблюдательное дело № 2098. Л. 1-127).

5. Заключение

Родо-иерархические структуры в период конца XIX – начала XX вв., с одной стороны, переживали трансформацию, а с другой, – эволюционировали, меняя содержание и адаптируясь под условия времени. Барымтачество возникало из-за конфликтов и неурядиц между баями, родоправителями, султанами на почве гражданских взаимоотношений и родовых конфликтов. В них в большей степени страдало бедняцкое население. Родовые авторитеты так или иначе всегда добивались компенсации по утерянному имуществу через авторитетных аксакалов, принуждали аул к ответной барымте. Следует учитывать, что кочевой образ жизни и удаленность кочевий друг от друга не позволяли властям постоянно контролировать административные территории. Однако указанный факт не мешал им использовать барымту как инструмент политического и экономического давления, что происходило в моменты проведения выборов в низовые органы власти в казахском ауле или волости. В период обострения экономической ситуации и продовольственного кризиса барымта становилась источником и средством существования, что трансформировало барымтачей из статуса борцов за справедливость в статус бандитов, разбойников, контрабандистов.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Комитета науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан ИРН АР14869309.

Литература

- Андреев, 1998 – Андреев И. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Сост. И. Ерофеева. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
- Артыкбаев, 2005 – Артыкбаев Ж. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). СПб.: Мажор, 2005. 320 с.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата, 1985. С. 77-104.
- Вареникова, 2016 – Вареникова С. Казахское обычное право и судопроизводство биев // *Lex Russica*. 2016. №8(117). С. 168-177.
- Васильев, 2017 – Васильев Д. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2017. 605 с.
- Джампеисова, 2006 – Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: ЕНУ, 2006. 269 с.

Ерофеева, 2006a – *Ерофеева И.* Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII – первой трети XVIII века. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 178 с.

Ерофеева, 2006b – *Ерофеева И.* История Казахстана в западных источниках. Алматы: Санат, 2006. 408 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.* Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.

Мажитова, 2015 – *Мажитова Ж.* Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев // *Научный диалог.* 2015. № 12 (48). С. 291-302.

Марти, 2005 – *Марти В.* Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* М.: Новое издательство, 2005. С. 360-361.

Мустояпова, 2020 – *Мустояпова А.* Оклеветанная барымта – институт медиации кочевников. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.old.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/121994/20.11.2020>

Перфильев, 2010 – *Перфильев А.* Политика Российской империи по урегулированию межродовых конфликтов казахов младшего и среднего жузов // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2010. №3(11). С. 5-8.

Перфильев, 2009 – *Перфильев А.* Родоплеменной фактор в политической борьбе в Младшем казахском жузе в первой четверти XIX в. / *История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской науч.конф.* Нижневартовск, 2009. С. 279-283.

Российская империя..., 2005 – *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* М.: Новое издательство, 2005. 696 с.

СГА ДП г. Алматы – Специальный Государственный архив Департамента полиции г. Алматы.

Среднее Прииртышье..., 2008 – Среднее Прииртышье в источниках и материалах. Сборник документов и материалов (XV в. – нач. XX в.). В 2-х т. Павлодар: Кереку, 2008. 220 с.

Сыдыков, 2012 – *Сыдыков Е.* Шакарим. Москва: Молодая гвардия, 2012. 368 с.

Смагулова и др., 2023 – *Смагулова С., Сайлаубай Е., Маслов Х.* Қазақ ауылындағы аштық және оған бейімделу тәжірибесі // *Вестник ЕНУ им. Л.Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2023. Т.145. No.4. С. 160-177.

Турсун, 2012 – *Турсун Х.* История деятельности казахской родовой знати в политических процессах Туркестана // *Вестник КазНУ: Серия историческая.* Т. 2. № 58. Алматы, 2012. С. 96-104.

Токтабай, Нугумарова, 2022 – *Токтабай А., Нугумарова А.* Проблемы казахского коневодства в трудах исследователей Российской империи // *Bylye Gody.* 2022. 17(2). Р. 604-620.

Фукс, 1981 – *Фукс С.* Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981. 224 с.

ЦГА – Центральный Государственный архив Республики Казахстан

Alimbay, Smagulov, 2021 – *Alimbay N., Smagulov B.* Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 85-96.

Toktabay, Nugumarova, 2022 – *Toktabay A., Nugumarova A.* Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire // *Bylye Gody.* 2022. 17(2): 604-620.

Zhanbossinova, 2021 – *Zhanbossinova A.* Kazakh nomads: the road to socialism // *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series.* 2021. Vol.134. No.1. Pp. 49-62.

References

Andreev, 1998 – *Andreev, I.* (1998). Opisanie srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the middle horde of the Kirghiz-Kaysaks]. Sost. I. Erofeeva. Almaty: Gylym, 280 p. [in Russian]

Artykbaev, 2005 – *Artykbaev, Zh.* (2005). Kochevniki Evrazii (v kaleidoskope vekov i tysyacheletii) [The nomads of Eurasia (in a kaleidoscope of centuries and millennia)]. SPb.: Mazhor, 320 p. [in Russian]

Dzhampeisova, 2006 – *Dzhampeisova, Zh.* (2006). Kazakhskoe obshchestvo i pravo v poreformennoi stepi [Kazakh Society and Law in the Post-Reform Steppe]. Astana: ENU, 269 p. [in Russian]

Erofeeva, 2006a – *Erofeeva, I.* (2006). Svedeniya o kazakhskom narode i Kazakhstane v rossiiskikh letopisnykh i diplomaticheskikh istochnikakh XVII-pervoi treti XVIII veka [Information about the Kazakh people and Kazakhstan in Russian chronicle and diplomatic sources of the XVII – first third of the XVIII centuries]. Almaty: Daik-Press, 178 p. [in Russian]

Erofeeva, 2006b – *Erofeeva, I.* (2006). Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh [The history of Kazakhstan in Western sources]. Almaty: Sanat, 408 p. [in Russian]

Fuks, 1981 – *Fuks, S.* (1981). Obychnoe pravo kazakhov v XVIII – pervoi polovine XIX veka [The customary law of the Kazakhs in the XVIII – first half of the XIX century]. Alma-Ata, 224 p. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak, hordes and steppes]. Almaty, 656 p. [in Russian]

Marti, 2005 – *Marti, V.* (2005). Barymta: Obychai v glazakh kochevnikov, prestuplenie v glazakh imperii [Barymta: Custom in the eyes of nomads, crime in the eyes of the Empire]. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. M.: Novoe izdatel'stvo. Pp. 360-361. [in Russian]

Mazhitova, 2015 – *Mazhitova, Zh.S.* (2015). Razrabotka teoretiko-metodologicheskikh podkhodov v dorevolutsionnoi istoriografii instituta biev [Development of theoretical and methodological approaches in the pre-revolutionary historiography of the Biev Institute]. *Nauchnyi dialog*. 12(48): 291-302. [in Russian]

Mustoyatova, 2020 – *Mustoyapova, A.* (2020). Oklevetannaya barymta – institut mediatsii kochevnikov [Maligned barymta – Institute of Mediation of Nomads]. [Electronic resource]. URL: <https://www.old.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/121994/20.11.2020> [in Russian]

Perfil'ev, 2009 – *Perfil'ev, A.* (2009). Rodoplemennoi faktor v politicheskoi bor'be v Mladshem kazakhskom zhuzhe v pervoi chetverti XIX v. [The tribal factor in the political struggle in the Younger Kazakh zhuzh in the first quarter of the XIX century]. *Istoriya idei i istoriya obshchestva: Materialy VII Vserossiiskoi nauch.konf. Nizhnevartovsk*. Pp. 279-283. [in Russian]

Perfil'ev, 2010 – *Perfil'ev, A.* (2010). Politika Rossiiskoi imperii po uregulirovaniyu mezhrodovyykh konfliktov kazakhov mladshogo i srednego zhuzov [The policy of the Russian Empire on the regulation of intergenerational conflicts of Kazakhs of the younger and middle Zhuzes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 3(11): 5-8. [in Russian]

Rossiiskaya imperiya..., 2005 – *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii* [The Russian Empire in foreign historiography]. *Raboty poslednikh let: Antologiya*. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 696 p. [in Russian]

SGA DP g. Almaty – Spetsial'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Departamenta politsii g. Almaty [Special State Archive of the Almaty Police Department] [in Russian]

Smagulova et al., 2023 – *Smagulova, S., Sailaubay, Y., Maslov, Kh.* (2023). Kazakh auylyndagy ashtyk jane ogan beiimdelu tajiribesi [Hunger and adaptation practices of the Kazakh village]. *Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series*. 145(4): 160-177. [in Kazakh]

Srednee Priirtysh'e..., 2008 – *Srednee Priirtysh'e v istochnikakh i materialakh*. Sbornik dokumentov i materialov (XV v. – nach. XX v) [Average Irtysh in sources and materials. Collection of documents and materials (XV century – beginning XX c)]. V 2-kh t. Pavlodar: Kereku, 2008. 220 p. [in Russian]

Sydykov, 2012 – *Sydykov, E.* (2012). *Shakarim*. Moskva: Molodaya gvardiya, 368 p. [in Russian]

Toktabay, Nugumarova, 2022 – *Toktabay, A., Nugumarova, A.* (2022). Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(2): 604-620.

TsGA – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tursun, 2012 – *Tursun, Kh.* (2012). Istoriya deyatel'nosti kazakhskoi rodovoi znati v politicheskikh protsessakh Turkestana [The History of the activity of the Kazakh ancestral nobility in the political processes of Turkestan]. *Vestnik KazNU: Seriya istoricheskaya*. 2(58): 96-104. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.* (1985). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected works in five volumes]. T. 4. Alma-Ata. Pp. 77-104. [in Russian]

Varenikova, 2016 – *Varenikova, S.* (2016). Kazakhskoe obychnoe pravo i sudoproizvodstvo biev [Kazakh customary law and judicial proceedings biev]. *Lex Russica*. 8(117): 168-177. [in Russian]

Vasil'ev, 2017 – *Vasil'ev, D.* (2017). Organizatsiya administrativnogo upravleniya v Kazakhskoi stepi: gosudarstvennaya politika i regional'nye praktiki (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Organization of administrative management in the Kazakh Steppe: state policy and regional practices (XVIII – first half of the XIX century)]. M., 605 p. [in Russian]

Zhanbossinova, 2021 – *Zhanbossinova, A.* (2021). Kazakh nomads: the road to socialism. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 134(1): 49-62.

Родовые конфликты и барымта: эволюция содержания

Ерлан Ерназарұлы Сайлаубай^{a, *}, Халил Борисович Маслов^a, Светлана Одеповна Смагулова^b, Жанбосинова Альбина Советовна^a

^a Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Вхождение Казахстана в состав Российской империи стало катализатором многих социально-экономических процессов и трансформации системы социальных институтов. Цель авторского изыскания – исследование причинно-следственных связей родового противостояния и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alashorda100@mail.ru (Е. Сайлаубай), halel_86@mail.ru (Х. Маслов), adep_s68@mail.ru (С. Смагулова), sovetuk@rambler.ru (А. Жанбосинова)

эволюции содержания института барымты в пограничных рамках конца XIX – начала XX вв. Административно-территориальные линии исследования ограничиваются Семипалатинской губернией, а именно Каркаралинским уездом, где в указанных хронологических рамках можно проследить эволюцию перехода социальных институтов казахского общества и трансформацию их содержания. Авторы в своем исследовании раскрывают вопросы социальной истории на стыке междисциплинарных подходов на основе эмпирического анализа первоисточников, архивных документов, отложившихся в фондах казахстанских архивов, опубликованных изданий ученых-путешественников и научно-исследовательских материалов открытого доступа. Особое внимание авторы уделили системе ценностных ориентиров традиционного казахского общества и эволюции социальных институтов в фокусе реформирования нормативно-правовых отношений, родо-иерархических структур управления. Нововведения в казахской степи послужили толчком к усилению родоплеменной борьбы за место в эшелоне низовой власти, детерминировали родовые распри и барымту как оружие возмездия. В новой системе правовых норм традиционный институт барымта приобрел уголовное содержание, хотя в кочевой системе ценностей это был способ защиты чести рода, демонстрация силы рода, традиционная форма защиты имущества. Родо-иерархическое начало не претерпело никаких практически изменений, традиционное кочевое казахское общество адаптировалось и встроилось в имперскую систему, сохранив патриархально-родовые институты вплоть до середины 20-х годов XX века.

Ключевые слова: Казахстан, аул, Российская империя, родовые отношения, социальные институты, барымта, родовое противостояние.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1179-1188
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1179

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of Kazakh Elders and Biys Roles in Russian Empire Administration Structure (XIX century)

Kanat A. Yensenov ^{a,*}, Ganiy M. Karassayev ^b, Bakytzhan B. Aktailak ^b, Beibitgul Sh. Shurshitbay ^c

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Institute of History of the State, the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c East-Kazakhstan state University named after S. Amanzholov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The Kazakh Khanate was abolished and new administrative institutions were established in its stead as a result of the political and administrative reforms carried out by the Tsarist Russian Empire in 1822 and 1824. Senior Sultanate, Volost, and Senior Power institutions started to take the place of the former Khanate power in the Kazakh steppes. In the Russian Empire, the post-Tsarist structures served as the governing Senate, Governors-general, and in western Siberia, the Omsk Governor-General established new district orders in the Order of Kokshetau, Karkaraly in 1824, Ayagoz external district in 1832, Bayanaul external district in 1833, Kokpekty external district in 1844. Following the dissolution of the Khanate, several regions of the Kazakh territory were governed by powerful Sultans. And there were villages and Volosts in every one of them. They had foremen and volosts in charge.

Following the 1824 reform, the Khanate authority in the minor zhuz was dissolved and split into Eastern, Central, and Western regions in accordance with the “Charter of the Orenburg Kazakhs”. He had three different senior Sultans appointed to him. The Bokei Horde originated in the western part of the Kazakh steppe. In the Kazakh steppe, the senior Sultan, volosts, and elders were chosen in conjunction with this administrative management overhaul. They worked in the Russian Empire's administrative system. Information on the judges' and elders' activity during that era is kept in Russia's archive funds. Generally speaking, it is evident that the institution of judges and elders should be given careful consideration as a subject of specialized research. Consequently, data from several archives in Kazakhstan and Russia as well as literature in global historiography were used in scientific circulation for the purpose of carrying out study.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Empire, Khanate power, Kazakhs, Russians, Administrative management, Reform, Senior sultans, Volosts, Institute of judges, elders.

1. Введение

В исследуемый период структура общественных отношений в казахском обществе претерпевает значительные изменения. На первый план выходят взаимоотношения между двумя наиболее активными социальными группами: правящей верхушкой чингизидов и старшинами – представителями родовой знати, которые обретают значительное политическое влияние в XVIII веке.

В казахском обществе, где традиционное хозяйство сочеталось с развитыми общественными отношениями, существовала сложная социальная иерархия и иерархическая политическая система. Как и в других обществах, эта иерархия служила для поддержания внутреннего порядка, необходимого для нормального функционирования общества (Лапин, 2012: 79).

* Corresponding author

E-mail addresses: kanat-02-79@mail.ru (K.A. Yensenov)

Согласно традиционному адату казахов главным отличием хана от биев было исключительное право карать смертью. Бии же несли следующие обязанности: следить за соблюдением родовых правил среди членов рода; регулировать отношения с представителями других родов; выступать в качестве посредников при разрешении споров между родами.

Бии не только исполняли обязанности следить за порядком внутри рода, но и возглавляли его в любых родовых делах. Согласно адату члены семьи должны были безоговорочно подчиняться главе семьи. В свою очередь, семья вместе со своим главой подчинялась роду или его представительной власти – биям.

В период Российской империи ханская власть была упразднена, а в казахской степи были образованы внешние округа. Они были подконтрольны генерал-губернаторам. На место ханской власти были закреплены старшие султаны, бии, волостные управители и старшины.

Для царской администрации институт биев старшинства был неотъемлемой частью политико-управленческой системы казахского общества. Старшины, пользуясь авторитетом, выполняли административные, хозяйственные и регуляторные функции в рамках общин. Их влияние и вес в обществе напрямую зависели от личных качеств, таких, как организаторские способности (например, при сезонных кочевках), умение решать внутренние конфликты и отстаивать интересы общины перед другими.

В казахской кочевой системе управления сельские общины, возглавляемые старшинами, являлись низовым звеном. Старшины, таким образом, занимали ступень младших администраторов. В 20-е годы XIX века в ходе административно-политических реформ институт биев старшин претерпел существенные изменения.

2. Материалы и методы

Фактическая основа исследовательской работы. Источники информации для данного исследования можно условно разделить на две группы. Данные первой группы составляют опубликованные материалы. Это сборник документов и материалов, изданных в разное время: «Материалы по истории политического строя Казахстана», «Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках» ([Материалы по истории..., 1960](#); [Казахско-русские отношения, 1964](#)).

Для написания научно-исследовательской работы были рассмотрены документы фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Государственного исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

При изучении истории института старшинства нами были применены различные методологические подходы. В частности, мы руководствовались принципами ретроспективного, просопографического, историографического, сравнительного анализа и исторического исследования. Ретроспективный метод (от лат. *retro* – назад и *spicio* – смотреть) позволяет нам проследить развитие событий в хронологическом порядке, от их истоков к последствиям.

Суть ретроспективного метода заключается в том, чтобы с опорой на более высокую стадию развития понять и оценить предыдущие. Это не только потому, что точные данные и источники были невозможны, но и потому, что это важно. Ведь для того, чтобы понять суть изучаемого события или мыслительного процесса, необходимо проследить его развитие от начала до конца, но этого недостаточно. Каждый предшествующий этап можно понять не только с точки зрения его связи с другими этапами, но и в контексте более поздней и более высокой стадии общего развития, где наиболее полно выражена сущность всего процесса.

Используя этот метод, специалисты могут восстанавливать объекты, пришедшие через различные источники, которые дошли до нас. Ретроспективный метод используется при изучении как отдельных событий прошлого, так и целых исторических эпох. Основная идея — это идея эволюции и природы развития всего человеческого общества, которая позволяет строить и реконструировать прошлую модель этого общества ([Смоленский, 2010: 237](#)). То есть это один из методов, используемых в исследовании.

Просопографический метод заключается в изучении биографий ключевых фигур института старшинства, что помогает нам глубже понять их роль и влияние на его становление и развитие.

Историографический анализ позволяет нам ознакомиться с существующими исследованиями по данной теме, оценить их вклад и выявить возможные пробелы в знаниях.

Сравнительный анализ дает возможность сопоставить институт старшинства с аналогичными институтами в других обществах, что позволяет нам выявить его уникальные черты и закономерности его развития.

Историческое исследование в целом позволяет нам систематизировать и интерпретировать полученные данные, сделать обоснованные выводы о генезисе, функциях и эволюции института старшинства.

3. Обсуждение

В традиционной казахской системе устройства общества бий являлся носителем демократической власти. Исследователь В.В. Бартольд полагает, что слово «би» возникло в XIV–XV веках как один из вариантов древнетюркского термина «бек», обозначающего правителя или главу государства. Со временем, утратив свой первоначальный семантический оттенок, оно стало чаще употребляться по отношению к человеку, уполномоченному разрешать споры, судить по обычаям и выносить справедливые решения.

Бии и батыры, обладая значительным авторитетом среди народа, в некоторой степени сдерживали власть ханов и султанов. Это позволило им повысить свой статус в обществе и завоевать репутацию справедливых и мудрых лидеров. Несмотря на родовую структуру общества, которая порой приводила к социальным разногласиям, бии и батыры играли важную роль в укреплении организационных государственных символов общества, привлекая к себе субэтнические социальные группы. Потомки Чингисхана, торе, правившие степным народом на протяжении веков, не могли игнорировать авторитет биев в административных, социально-политических и культурных вопросах.

«Совет биев» был сформирован из мудрых и справедливых биев, пользовавшихся авторитетом среди народа. Его члены, учитывая сложившуюся историческую обстановку, вводили новые законы и пересматривали устаревшие нормы, соответствуя интересам страны. Деятельность "Совета биев" не ограничивалась внутренними делами, она также влияла на внешнюю политику и военную доктрину хана (Нысанбаев, 1999: 317-318).

Согласно Е. Бекмаханову, казахские бии – не просто правящая элита, но и носители исключительных правовых и экономических привилегий. В отличие от султанов, чей статус определялся знатным происхождением, бии выдвигались из среды лучших представителей кочевых племен. В традиционном казахском обществе, основанном на племенной структуре, институт биев играл роль регулятора в хозяйственно-экономических спорах между различными социальными группами: кланами, племенами, аулами и жузами. Исследователю удалось провести детальный анализ таких социальных категорий казахского общества, как «аксуйек», «карасуйек», «торе», «караша», «султан», «би», «батыр», «бай» и «толенгит» (Бекмаханов, 1994: 75-77).

Среди научных работ, посвященных изучению социальных институтов и их роли в казахском обществе конца XVIII – первой половины XIX вв., особое место занимает монография академика С.З. Зиманова «Общественный строй казахов первой половины XIX века», опубликованная в 1958 году. В ней автор глубоко исследует социальные, политические и экономические отношения в казахском обществе, обусловленные кочевым образом жизни. Он рассматривает виды политической власти, характерные для казахского народа, и дает подробный анализ социальных групп, таких, как «султаны», «бии», «тарханы», «старшины», «баи», «бедняки», «шаруа», «жатаки», «кулы» и «туленгиты». Используя архивные материалы, С. Зиманов доказывает, какое место эти группы занимали в политической и экономической жизни казахского общества. Особое значение имеет его анализ роли старшин в каждом регионе Казахстана, а также выводы о происхождении и значении этого термина в казахской истории. Монография С. Зиманова стала ценным вкладом в изучение казахского общества XIX века. Она содержит богатый фактический материал и оригинальные интерпретации, что делает ее незаменимым источником информации для исследователей.

Термин «старшин» не является исконно казахским, а заимствован из русского языка. Его использование в отношении казахской социальной структуры было инициировано царскими чиновниками с момента их появления на казахских землях. Как отмечает ученый С.З. Зиманов, «в истории Казахстана бии и старшины всегда играли важную роль, поскольку именно в их руках находилась власть над кочевыми общинами» (Зиманов, 1958: 11, 208).

В своей работе «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» казахстанский историк Е.Б. Бекмаханов глубоко исследует социальные отношения в казахском обществе, уделяя особое внимание роли старшин и биев. Он отмечает: «в отличие от султанов, происходящих из ханских династий, старшины и бии являлись доминирующими социальными группами, непосредственно выросшими из кочевой общины» (Бекмаханов, 1957: 342).

В работе «Батыр Сырым» М.П. Вяткин тщательно исследует роль и место родовой знати в системе власти в тех политических условиях. Он также глубоко анализирует социальные категории и их терминологию. Автор одним из первых обратил внимание и проанализировал терминологическое значение понятия «старшин». Он приходит к выводу о том, что данное понятие окончательно вошло в казахское общество к концу XVIII века (Вяткин, 1947: 391).

Н.Г. Аполлова в своем монументальном исследовании, посвященном анализу трансформаций в социальном составе института старшинства, фиксирует, что на старшинскую службу стали приходиться не опытные, но состоятельные и хитрые люди (Аполлова, 1948: 260).

Американский историк, ученый Марта Брилл Олкотт в своей книге «Казахи» отмечает, что на протяжении последних двухсот лет история Северного Казахстана была тесно переплетена с Россией. В частности, сотни тысяч казаков и других русских переселились на казахские земли до установления советской власти, став поселенцами. Близость к территории Западного и Северного Казахстана обусловила тесные связи между казаками Средней и Малой Орды с Российской империей. Стоит

отметить, что на протяжении веков отношения между двумя регионами носили характер добрососедства (Olcott, 1995: 28).

В своей книге «The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries (Казахские ханства между Российской и Цинской империями: Центральноазиатские международные отношения в XVIII–XIX веках)» японский историк Нода Джин анализирует «Устав сибирских киргизов» 1822 года и «Официальное мнение Азиатского комитета о реорганизации Оренбургского округа» 1824 года. Автор отмечает, что после реорганизации на казахских землях вместо ханских титулов стали присваиваться звания старших султанов. Однако в Букеевской Орде и других регионах потомки казахских ханских родов, такие, как Жангир и Кенесары, продолжали использовать титул хана. В частности, восстание Среднего жуза против Российской империи, возглавляемое ханом Кенесары, продемонстрировало неоднозначность отношений казахов с Россией. В то же время автор подчеркивает, что отношения с Цинской империей играли ключевую роль в дипломатии казахских ханов в отношении России, что впоследствии привело к упразднению ханского титула (Noda, 2016: 80).

4. Результаты

В первой половине XIX века были проведены административные реформы, направленные на изменение системы управления казахскими землями. К числу этих реформ относятся «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» и введение дистанционной системы управления. В Казахской степи произошло возвышение представителей казахской знати. Стремясь к получению более престижных постов и более высокому содержанию, они постепенно интегрировались в управленческую систему Российской империи (Лапин, 2012: 26-27).

9 мая 1805 года оренбургский генерал-губернатор Г. Волконский обратился ко всем султанам, старшинам и всему народу Малой Орды. В своем послании он выразил озабоченность по поводу участвовавших беспорядков в степи, включая грабежи (барымта), убийства и неисполнение административных указов. Ссылаясь на волю царя, Г. Волконский сообщил о формировании новых военных отрядов, которые будут отправлены в глубины степи с целью наведения порядка. Для обеспечения безопасности оренбургский генерал-губернатор потребовал от каждого племени выслать по одному представителю в Оренбург (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 9).

В 20-е годы XIX века ханская власть в степи Малого жуза уже не соответствовала чаяниям даже местной элиты. Это привело к обострению социальных противоречий. Царская администрация, накопив опыт управления степными регионами через пограничную комиссию, пришла к выводу о возможности ликвидации ханства и внедрения российской системы управления в Малой Орде. В 1822 году по предложению М.М. Сперанского был разработан новый проект, направленный на усиление контроля над казахами Сибири. Тем самым казахи Средней Орды подчинялись законам российского государства.

В 1822 году Оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен с целью оптимизации управления казахами Малой Орды (также известными как оренбургские казахи) инициировал разработку законопроекта. В 1824 году Департамент Азии Министерства иностранных дел Российской империи утвердил проект Эссена. С этого момента в управление казахами Малой Орды была внедрена новая система Российской империи (Материалы по истории..., 1960: 205-214).

В мае-июле 1822 года по инициативе сибирского губернатора М.М. Сперанского был разработан «Устав о сибирских киргизах (казахах)». Этот закон упразднил ханскую власть на казахских землях и ввел новую систему управления, создав институты старшего султана, волостных правителей и старшинской власти. Согласно Уставу округа возглавлялись старшими султанами. Волости, в составе которых были аулы (села), управлялись волостными правителями. Старшины же управляли аулами. Аул должен был состоять из 50-70 домов, а волость – из 10-12 аулов. Старшие султаны, волостные правители и старшины избирались на местах. Кандидатами на эти должности могли быть только местные жители. Победителем на выборах становился тот, кто набрал наибольшее количество голосов. Деятельность вводимых новых политических институтов власти была тесно связана с деятельностью российской администрации. Таким образом, Устав о сибирских киргизах (казахах) 1822 года ввел новую систему управления казахскими землями, основанную на принципах самоуправления под контролем Российской империи (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 322. Л. 1-10).

В письме казахских султанов, старшин и биев Малой орды оренбургскому военному губернатору Петру Кириловичу Эссену от 1824 года имеются следующие сведения: «В период правления мудрого хана Бокея, сына Нурали-хана, киргиз-кайсаки (казахи) степной нижней и внутренней стороны реки Урала, жили мирно и в согласии. Возникавшие между нами разногласия он, будучи человеком дальновидным и справедливым, с помощью своих усилий всегда улаживал, удовлетворяя обиженных. Благодаря его стараниям никто из обиженных не остался неудовлетворенным. Под его мудрым правлением народ жил в спокойствии. Однако после его смерти все изменилось, среди нас разгорелись беспорядки и смута. Нам стало известно, что султан Джангир, родной сын нашего покойного хана Бокея, занял пост главного управителя киргиз-кайсацкого

народа, кочующего во внутренней части границы между Уралом и Волгой» (СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 18. Л. 312-313).

Уничтожение ханской власти и учреждение должностей султанов привело к ряду важных последствий, в том числе к ослаблению влияния традиционной элиты, укреплению российской администрации и новым вызовам для казахского общества. В 1824 году Российская империя упразднила ханскую власть в Малой Орде. Вместо ханов были введены султаны-правители, управлявшие тремя частями киргизских степей Оренбургского воеводства: западной, средней и восточной. На должности султанов-правителей избирались ближайшие потомки бывших ханов. Пределы административной и судебной власти султанам-правителям были предоставлены те же, что раньше предоставлялись ханам, только с тем различием, что ханы не могли требовать от населения исполнения как своих распоряжений, так и пограничного начальства, ибо они как чиновники не располагали для этого никакой физической силой (Добосмыслов, 1904: 22).

После упразднения ханской власти бии стремились усилить свою роль в обществе, особенно в политической сфере. Им удалось добиться некоторых успехов в этом деле. Например, в 1866 году в Сергиопольском округе согласно положению о выборах биев избирать их могли только влиятельные люди, известные представители местной знати, имевшие пожалованные правительственные чины. Право голоса на выборах биев в разных волостях было распределено следующим образом:

– В Каракерей-Семизнайманской волости: 21 султан, 3 старшины, 26 биев, 37 «почетных» казахов;

– В Джангуль-Семизнаймановской волости: 9 старшин, 20 биев, 37 влиятельных казахов (всего 66 человек);

– В Булатчинской волости: 6 султанов, 8 старшин, 11 биев, 36 других лиц;

– В Туминской волости: 9 старшин, 17 биев, 40 других лиц.

Таким образом, среди родовой знати, участвующей в выборах, бии занимали лидирующее положение как по количеству выборщиков, так и по своему влиянию.

Звание бия не было наследственным. Не каждый богатый человек мог стать бием. Для того чтобы заслужить это почетное звание, надо было, как уже говорилось, обладать определенными личными качествами и способностями. Представители знати, добившись успеха в судах, советах и собраниях, заслужив признание как мудрые и справедливые бии, стремились сделать это звание наследственным. Они хотели, чтобы их потомки автоматически становились биями, даже если не обладали необходимыми качествами. Однако на практике звание бия по-прежнему присваивалось за личные достоинства. Наследники знатных биев не всегда могли соответствовать ожиданиям. Таким образом, стремление знати к наследственности звания бия не было полностью реализовано.

После принятия «Устава о сибирских киргизах» в 1822 году положение биев стало еще более сложным. Согласно этому указу должности биев стали выборными. Избранные бии должны были утверждаться государственной властью. Эти изменения открыли доступ к званию бия для большего числа людей и привели к появлению «избранных» новых биев, которые соперничали со старыми биями за власть. Это привело к созданию своеобразной системы двоевластия в родовых отношениях. Соперничество между старыми и новыми биями повлияло на снижение эффективности традиционного управления.

Социальная роль биев в казахском обществе многогранна и может быть описана тремя ключевыми моментами.

1. Представители крупной знати. Бии, как правило, происходили из знатных родов и обладали высоким социальным статусом. Они пользовались уважением и авторитетом среди кочевников.

2. Лидеры кочевых коллективов. Бии возглавляли кочевые коллективы (аулы, роды) и несли ответственность за их благополучие. Они решали вопросы землепользования, распределения ресурсов, разрешения споров и конфликтов.

3. Судьи. Бии обладали судебной властью и разрешали различные правовые вопросы, возникающие в кочевом обществе. Они руководствовались обычным правом (адат) и старались обеспечить справедливое решение споров (Зиманов: 1960: 196-200).

Таким образом, бии являлись не только представителями знати, но и лидерами, и судьями в своих сообществах. Их деятельность играла важную роль в жизни казахского общества, обеспечивая его целостность и стабильность.

Из данного отрывка можно сделать вывод о том, что суд биев пользовался большим уважением. Также царский чиновник и этнограф А.К. Гейнс приводит сведения, что бии считались справедливыми и самоотверженными (Гейнс, 1897: 110-111).

Исполнение приговоров волостных съездов биев было серьезной проблемой. Местные власти, за исключением волостных визирей, не обязаны были исполнять судебные решения съездов биев, что приводило к ряду сложностей. Волостные управляющие могли долго не реагировать на требования уездных властей об исполнении приговоров. Даже если волостной управляющий соглашался исполнить приговор, у проигравшей стороны могло просто не быть имущества, на которое можно было бы наложить взыскание.

Как отмечал в своих трудах чиновник Российской империи А.К. Гейнс, «положение» предусматривало созыв внеочередных съездов биев. Эти съезды могли решать два вида дел: споры между несколькими волостями и жалобы на неполные постановления волостных съездов. Созыв внеочередных съездов биев осуществлялся по распоряжению подчиненных органов (Гейнс, 1898: 625).

В отчете Главного управления Западной Сибири за 1825 год, помимо общего обзора состояния Казахской степи, содержалась информация об отсутствии у казахского народа четкого представления о новых учреждениях, введенных в степи; о том, что простой народ не выражал никакого недовольства; о недоверии к вводному приказу со стороны султанов, биев и старшин. По этой причине они через своих депутатов, находившихся в Петербурге в 1824 году, обратились к властям с просьбой издать специальный высший устав, который бы четко определил их постоянные права и обязанности (СПБ ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 9). В связи с этим царская администрация на местах приходит к выводам, что для того, чтобы окончательно убедиться в том, как султаны, бии и простой народ киргизской степи относятся к новому устройству, введенному в соответствии с высочайше утвержденным уставом о сибирских киргизах, необходимо постоянное присутствие в степи военных отрядов (СПБ ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 17).

Согласно Уставу о разделении сибирских киргизов (казахов), кочевое население делилось на волости. Волости состояли из 10-12 аулов. В каждом ауле насчитывалось от 50 до 70 кибиток. «Старшины и бии, ежели не имеют действительных чинов, считаются наравне с сельскими головами» (СПБ ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 41).

В 1839 году в Акмолинском округе из 16 волостных управителей были 4 султана, 11 биев, 1 старшин. В Кокчетавском округе из 9 волостных начальников 3 султана, 5 старшин, 1 би. В Баянаульском округе в 1844 году картина была схожей: 8 волостных управителей были биями, 5 – старшинами, 1 – султаном. Таким образом, можно наблюдать постепенный переход от наследственной к выборной системе назначения волостных начальников (Зиманов, 2009: 189).

Вопрос об институте старшинства впервые рассматривается, хотя и в меньшей степени, в дореволюционной и советской исторической литературе.

Прежде чем описать институт старшин, остановимся на происхождении слова «старшин». Согласно имеющимся данным, старшин – это избранный человек, на которого возлагалась ответственность за управление делами. Институт старшин играл важную роль в традиционном казахском обществе. В дореволюционной историографии отечественной истории существует ряд четко сформулированных точек зрения и мнений относительно данного института управления.

Старшины возглавляли сельские общины, которые являлись низшим звеном в системе местного управления. В этой иерархической структуре старшины занимали позицию младших административных работников. В 20-е годы XIX века в ходе административно-политических реформ казахская система старшин претерпела значительные изменения. Царские власти стремились привлечь на свою сторону влиятельных представителей казахской знати для проведения колониальной политики в регионе. Одним из инструментов этого привлечения стало широкое распространение старшинских наград. Фактически царская власть легализовала институт старшинства, постепенно превращая его в инструмент управления. В 1822 и 1824 годах были приняты положения, вводившие новую официальную должность – «аульный старшина». Таким образом, царская власть, осознавая влияние института старшин в традиционном казахском обществе, расширила его полномочия, стремясь использовать его для укрепления своего контроля над регионом.

Статус старшины в системе местной власти был не просто престижным и уважаемым, но и был сопряжен с реальной властью в общине. Примечательно, что история института старшинства в Казахстане до сих пор не являлась предметом систематического изучения. В то время как исследования в целом затрагивали темы институтов власти в казахском обществе, данная тема не получила должного внимания. В связи с этим раскрытие исторических данных о месте института старшинства в системе местной власти становится одной из актуальных задач современного научного сообщества (Рахымкулов, 2010: 1-28).

Архивные материалы о старшинах, служивших в администрации царской Российской империи, содержат множество ценных сведений. Например, в апреле 1844 года был утвержден штат Кокпектинского внешнего округа, в котором числилось 60 человек. В состав штата входили 1 старший султан, 2 заседателя (русских), 2 заседателя (казахов), 1 секретарь, 1 врач, 1 повар, 3 переводчика, 1 клерк, 12 волостных управляющих и другие. Об официальном образовании Кокпектинского округа после указа сообщается в документе Западно-Сибирского Генерал-губернаторства г. Омска от 30 мая 1844 г. (ГИАОО. Ф. 3. Оп.-2. Д. 2188. Л. 4).

Пограничное управление сибирских киргизов (казахов) составило список для изготовления индивидуальных печатей старшего султана, заседателей, судей, волостей и старшин Кокпектинского округа, образованного в 1844 году. Отмечается, что на изготовление индивидуальной печати из серебра на каждого человека тратится 240 рублей (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4002. Л. 108).

26 сентября 1844 года Пограничный департамент Западно-Сибирского генерал-губернаторства направил приказ о назначении штабс-капитана старшего султана Кисыка Тезекова на вновь начавшийся 3-летний срок (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4227. Л. 1).

Пограничное управление сибирских киргизов передало список начальникам и судьям Каркаралинского района. Цель передачи – сбор средств на изготовление личных серебряных печатей. Для этого старшинам и биям было поручено провести подготовительные работы по регистрации №3816 от 26 мая для Пограничного управления Западной Сибири. Отмечается, что мастеру Зяде Туманову было отправлено 48 серебряных печатей по 240 рублей за каждую для изготовления печатей для 48 старшин и биев Каркаралинского округа (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4002. Л. 100-108).

20 июня 1850 года Пограничный департамент Западно-Сибирского генерал-губернаторства составил доклад, посвященный волостям Кокпектинского уезда. В докладе были перечислены волостные управляющие, выдвинутые от старшего султана, среди которых числились Кисык Тезеков и Рустем Жангобеков. Далее в списке были внесены люди, проживающие в этих волостях. В числе прочих в списке был указан Би Тана Тилемисов, занимавший на тот момент должность управляющего волостью Назар-Мурына.

Согласно архивным данным, в период с 1851 по 1853 гг. Кисык Тезеков из рода Кенже-Мурын был в третий раз избран на должность старшего султана Кокпектинского уезда. Помимо него, были избраны 2 заседателя от русского населения и 2 заседателя от казахского населения. Сохранился список из двух казахских заседателей (заместителей старшего султана): Шерубай Кулов (внук Токабая Кегенбая) и Кайкы Бекчурин. Также в списке указаны управители 15 волостей, среди которых числится и Би Тана Тилемисов, глава волости Назар-Мурын (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4465. Л. 5-6).

17 октября 1852 года отделение Пограничного управления направило генерал-губернатору Западной Сибири сведения о названиях и должностных лицах управления 15 волостей Кокпектинского уезда. В документе имеется список глав волостей, подчиненных Кокпектинскому приказу, которые были представлены с титулом «би-старшины» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3221. Л. 911).

21 октября 1860 года генерал-губернатору Западной Сибири были направлены сведения о порядке избрания старшин и султанов. На заседании с учетом необходимости изменения действующего законодательства и полномочий военных губернаторов было предложено областному совету рассмотреть проект новых правил выборов. Помимо султанов и киргизов (казахов), имеющих офицерские чины, предлагается предоставить им право занимать должности губернаторов, а также получать медали и другие награды и другим лицам. Считалось, что это повысит ценность таких наград в глазах населения. Одновременно подчеркивалась необходимость повышения доверия как народа, так и правительства к управлению казахов. Было отмечено, что необходимо как можно скорее предоставить заключение областного совета по данному вопросу (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4444. Л. 10-11).

11 июля 1867 года был издан Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства. Указ заложил основы для управления обширным регионом на юго-востоке Российской империи. Он установил новую систему управления, которая учитывала особенности кочевого образа жизни населения.

Согласно этому указу управление краем возлагалось на генерал-губернатора, а управление Сырдарьинской и Семиреченской областями – на военных губернаторов. Для управления военными силами и учреждениями в этих областях был образован Туркестанский военный округ. Указ также определял систему управления кочевым населением Семиреченской и Сырдарьинской областей. Кочевое население, состоявшее преимущественно из казахов, разделялось в каждом уезде на волости, а волости – на аулы. Разделение на волости и аулы производилось постепенно, с учетом местных обстоятельств, и утверждалось военным губернатором. В каждом ауле должно было быть от 100 до 200 кибиток, а в волости – от 1 000 до 2 000 кибиток.

Семьям или кибиткам разрешается переходить из одной волости в другую, а также из одного аула в другой. Для этого требуется согласие аульных старшин и волостных управителей, а также решение общественного собрания. Переселение целых аулов из одной волости в другую возможно только с разрешения уездного начальника. Волостями управляют волостные управители. Аулами управляют аульные старшины. Уездный начальник имеет право назначать и снимать с должности аульных старшин (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 488. Л. 1-33).

В 1876 году полковник Павцов, представитель царской администрации, во время беседы с двумя биями в Малой Орде записал «Законы Адата», которые использовались институтом биев в казахском обществе. Согласно этим архивным данным все взаимоотношения между казахами, включая преступления против гражданских прав, недоразумения, судебные процессы, убийства и т.д., строго регулировались этим законом. Бии, будучи беспристрастными и неумолимыми, выносили решения даже в отношении своих сородичей, строго следя за тем, чтобы не было никаких отклонений от закона. Они опирались на общепринятые правила, прекрасно понимая, что, если решение не удовлетворит наиболее пострадавшую сторону, это может привести к войне и барымте и, возможно, к уничтожению семьи. Поэтому судьи всегда стремились к справедливому разрешению споров (РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 18. Л. 13).

5. Заключение

Согласно «Уставу сибирских киргизов (казахов)» 1822 года и «Уставу оренбургских киргизов» 1824 года институт ханской власти в казахской степи был упразднен. Вместо него была создана новая

система управления, включающая должности старших султанов, волостных управителей и старшин под административным контролем Российской империи. Между 1824-1844 годами были образованы Кокшетауский, Каркаралинский, Баянаульский, Аягоский и Кокпекский внешние округа, во главе которых стояли старшие султаны. В пределах каждого из этих округов были организованы волости и аулы, возглавляемые биями и старшинами. Своеобразная избирательная система этих институтов власти проводилась каждые 3 года. Старшие султаны, волостные управители и старшины имели свои печати и тесно сотрудничали с административным аппаратом Российской империи в управлении регионом. Многочисленные архивные документы, хранящиеся в России и Казахстане, подтверждают преемственность институтов власти в казахской степи. К ним относятся канцелярские записи, журналы, административные материалы, указы, письма и печати, которые свидетельствуют о существовании тесных связей между различными органами управления. Несмотря на упразднение ханской власти, на ее месте были сформированы новые институты: старшего султана, биев, волостных управителей и старшин.

В XIX веке казахские бии и старшины играли важную роль в структуре управления царской России. Они выступали посредниками между казахским населением и царской администрацией, помогая в сборе налогов, поддержании порядка и разрешении конфликтов. Казахские бии и старшины также были важны для сохранения казахской культуры и традиций. Роль казахских биев и старшин постепенно уменьшалась по мере того, как царская администрация становилась более централизованной к концу девятнадцатого столетия.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)» (ИРН № BR21882308).

Литература

- Аполлова, 1948** – Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: АН. Каз ССР. 1948. 260 с.
- Бекмаханов, 1957** – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: АН СССР. 1957. 342 с.
- Бекмаханов, 1994** – Бекмаханов Е. Бекмаханов Е. Қазақстан XIX ғасырлардың 20-40-жылдарында (Оқу құралы). Алматы, Санат, 1994. Б. 75-77.
- Вяткин, 1947** – Вяткин М.П. Батыр Срым: Освободительное движение в Казахстане в конце 18-го в. Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва, Ленинград : изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 392 с.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. I. Санкт-Петербург: Типография им. М. М. Стаслюевича, 1897. С. 110-111.
- Гейнс, 1898** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. II. Санкт-Петербург: Типография им. М. М. Стаслюевича, 1898. С. 625-631.
- ГИАОО** – Государственный Исторический Архив Омский области.
- Добросмыслов, 1904** – Добросмыслов А.И. Суд у киргизов Тургайской области. XVIII–XIX вв. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1904. С. 25.
- Зиманов, 1958** – Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН. Каз ССР. 1958. 294 с.
- Зиманов, 1960** – Зиманов С.З. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата. 1960. С. 196-200.
- Зиманов, 2009** – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское Ханство. Алматы: Арыс, 2009. С. 189.
- Казахско-русские отношения..., 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов и материалов / Акад. наук КазССР. Архивное упр. при Совете Министров КазССР. Алма-Ата: Наука, 1964. VIII, 575. 535 с.
- Лалин, 2012** – Лалин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780–1790 гг.). Астана: Сарыарқа, 2012. С. 79.
- Материалы по истории..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алматы: Издательство Академии наук КазССР. 1960. С. 205-2014.
- Нысанбаев, 1999** – Нысанбаев Ә. Би сөзінің түсінігі // Қазақстан ұлттық энциклопедиясы. Бас ред. Ә. Нысанбаев. Алматы: Қазақ энциклопедиясының Бас редакциясы, 1999. Б. 317-318.
- Рахымқұлов, 2010** – Рахымқұлов Д.А. Қазақстандағы старшындар институты тарихы (XIX ғасырдың 20–60 жылдары). 07.00.02 – Отан тарихы (Қазақстан Республикасының тарихы) Тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның Авторефераты. Алматы: Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты. 2010. 28 б.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.

- Смоленский, 2008** – *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е издание. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 237.
- СПБ ИИ РАН** – Научный архив Санкт-Петербургского Института истории.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Noda, 2016** – *Noda J.* The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Boston: Brill, 2016. Series: Islamic area studies. Vol. 3. P. 80.
- Olcott, 1995** – *Olcott M.B.* The Kazakhs. 2nd ed. p. cm. (Studies of nationalities) (Hoover Institution Press publication; 427) Includes bibliographical references and index. 1995. P. 28.

References

- Apollova, 1948** – *Apollova, N.G.* (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The annexation of Kazakhstan to Russia in the 1730s]. Alma-Ata: AN. Kaz SSR. 260 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1957** – *Bekmakhanov, E.B.* (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. M.: AN SSSR. 342 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1994** – *Bekmakhanov, E.* (1994). Қазақстан XIX ғасырлардың 20-40-жылдарында [Kazakhstan in the 20s-40s of XIX century]. (Оқи құралы). Almaty, Sanat, 1994. 75-77 б. [in Kazakh]
- Dobrosmyslov, 1904** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1904). Sud u kirgizov Turgaiskoi oblasti. XVIII–XIX vv. [The Court of the Kyrgyz of the Turgai region. XVIII-XIX centuries]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. P. 25. [in Russian]
- Geins, 1897** – *Geins, A.K.* (1897). Sbornie literaturnykh trudov [The Study of literary labor]. T. I. Sankt-Peterburg: Tipografiya im. M. M. Staslyuevicha. Pp. 110-111. [in Russian]
- Geins, 1898** – *Geins, A.K.* (1898). Sbornie literaturnykh trudov [The Study of literary labor]. T. II. Sankt-Peterburg: Tipografiya im. M. M. Staslyuevicha. Pp. 625-631. [in Russian]
- GIAOO** – Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Omskii oblasti [The State Historical Archive of the Omsk region].
- Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1964** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gg.): Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the XVIII–XIX centuries (1771–1867): Collection of documents and materials]. Akad. nauk KazSSR. Arkhivnoe upr. pri Sovete Ministrov KazSSR. Alma-Ata : Nauka, 1964. VIII, 575. 535 p. [in Russian]
- Lapin, 2012** – *Lapin, N.S.* (2012). Deyatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazakhsko-rossiiskikh vzaimootnoshenii (1780–1790 gg.) [O.A. Igelstrom's activity in the context of Kazakh-Russian loan relations (1780–1790)]. Astana: Saryarka. P. 79. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1960** – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. T. 1. Almaty: Izdatel'stvo Akadkemi nauk KazSSR. 1960. Pp. 205-2014. [in Russian]
- Noda, 2016** – *Noda, J.* (2016). The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Boston: Brill. Series: Islamic area studies. Vol. 3. P. 80.
- Nysanbaev, 1999** – *Nysanbaev, Ә.* (1999). Bi sөziniң tьsinigi [Definition of the word bi]. Қазақстан ұлттық энциклопедиясы. Bas red. Ә. Nysanbaev. Almaty: Қазақ энциклопедиясының Bas redaksiyası. Pp. 317-318. [in Kazakh]
- Olcott, 1995** – *Olcott, M.B.* (1995). The Kazakhs. 2nd ed. p. cm. (Studies of nationalities) (Hoover Institution Press publication; 427) Includes bibliographical references and index. P. 28.
- Rakhymқұlov, 2010** – *Rakhymқұlov, D.A.* (2010). Қазақстандағы starshyndar instituty tarikhы (XIX ғасырдың 20–60 жылдары) [History of the Institute of elders in Kazakhstan (20-60 years of the XIX century)]. 07.00.02 – Otan tarikhы (Қазақстан Respublikasynyң tarikhы) Tarikh ғылымдарының kandidaty ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған dissertatsiyanың Avtoreferaty. Almaty: Sh.Sh. Uәlikhanov atyndary Tarikh zhәne etnologiya instituty. 28 b. [in Kazakh]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Smolenskii, 2008** – *Smolenskii, N.I.* (2008). Teoriya i metodologiya istorii [Theory and methodology of history: a student's manual]: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. 2-e izdanie. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». P. 237. [in Russian]
- SPB II РАН** – Nauchnyi arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii [Scientific archive of the St. Petersburg Institute of history].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Vyatkin, 1947** – *Vyatkin, M.P.* (1947). Batyr Srym: Osvoboditel'noe dvizhenie v Kazakhstane v kontse 18-go v. [Batyr Srym: Liberation movement in Kazakhstan at the end of the 18th century]. Akad. nauk SSSR. In-t istorii. Moskva, Leningrad : izd-vo i 1-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 392 p. [in Russian]

Zimanov, 1958 – Zimanov, S.Z. (1958). Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka [The social system of the Kazakhs in the first half of XIX century]. Alma-Ata: AN. Kaz SSR. 294 p. [in Russian]

Zimanov, 1960 – Zimanov, S.Z. (1960). Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata. Pp. 196-200. [in Russian]

Zimanov, 2009 – Zimanov, S.Z. (2009). Politicheskii stroi Kazakhstana pervoi poloviny XIX veka i Bukeevskoe Khanstvo [Political History of Kazakhstan first half of XIX century and Bukeev Khanate]. Almaty: Arys. P. 189. [in Russian]

Роли казахских биев и старшин в структуре управления Российской империи (XIX век)

Канат Алексеевич Енсенов ^{a, *}, Ганий Мукашевич Карасаев ^b, Бакытжан Болатович Актайлак ^b, Бейбитгуль Шуршитбайкызы Шуршитбай ^c

^a Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Институт истории государства, Республика Казахстан

^b Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, Республика Казахстан

Аннотация. В 1822–1824 годах Российская империя провела реформу, в результате которой Казахское ханство перестало существовать. На его территории были созданы новые административные образования. После ликвидации ханской власти в казахской степи на ее место пришли новые институты управления: старший султан, волостная и старшинская системы. Эти институты управления были интегрированы в систему управления Российской империи, подчиняясь царской администрации в лице генерал-губернаторов и правительствующего Сената. В рамках административно-территориального деления в Казахстане на территории Среднего жуза под управлением генерал-губернатора Западной Сибири были образованы новые окружные управления: в 1824 году – Кокшетауский и Каркаралинский округа, в 1832 году к ним добавился Аягозский внешний округ, а в 1833 году – Баянаульский. В 1844 году был учрежден Кокпектинский внешний округ и другие. В этих новых округах путем выборов были определены старшие султаны, власть которых была ограничена по сравнению с традиционной ханской властью. Округа состояли из волостей и аулов, которыми руководили волостные управители и старшины.

В соответствии с «Уставом оренбургских киргизов (авт. – казахов)», принятым в 1824 году, ханская власть была упразднена и заменена системой управления, разделенной на три части: Восточную, Центральную и Западную, где были назначены три отдельных старших султана. В западной зоне казахской степи образовалась Букеевская Орда. Именно в связи с этой реформой административного управления в казахской степи избирались старшие султаны, волостные управители и старшины. Они служили в административной структуре Российской империи. архивных фондах России хранятся данные о деятельности биев и старшин того времени. В целом, очевидно, что рассмотрение института биев и старшин как объекта специального исследования является очень важным. Поэтому для осуществления научно-исследовательской работы в научный оборот была привлечена литература мировой историографии и данные из ряда российских и казахстанских архивов.

Ключевые слова: Казахское ханство, Российская империя, ханская власть, казахи, русские, административное управление, реформа, старшие султаны, волостные управители, институт биев, старшины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kanat-02-79@mail.ru (К.А. Енсенов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1189-1199
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1189

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Significance of the Scientific Activity of Mikhail Sidorov (1823–1887) for the Development of the Northern Territories of the Russian Empire

Natalia Koptseva ^{a, *}, Ksenia Degtyarenko ^a, Maria Kolesnik ^a, Tikhon Ermakov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the activities of Mikhail Konstantinovich Sidorov (1823–1887), an entrepreneur, public figure, and author of strategic ideas for the development of the northern territories of the Russian Empire. M.K. Sidorov invested not only significant financial resources in the development of the North and Arctic of Russia, but also his intellectual capital, being the author of a number of the most important strategic ideas, which were outlined by him in a number of documents, including in the books “North of Russia” (1870), “North of Russia. About its mountain wealth and obstacles to their development” (1881), article “Note on industrial and commercial enterprises in the North” (1867) and a number of others. Almost all of his ideas, proposals and their justification for the development of the Northern Sea Route and the development of northern territories new to the empire will be implemented in subsequent periods of Russian history. The strategy for the development of the northern and Arctic territories created by M.K. is of the greatest historical significance. Sidorov based on his own scientific and practical research and development. A textual analysis of a number of scientific works by M.K. Sidorov, who act as sources on the history of strategic documents on the development of the North, the Arctic and the Northern Sea Route in the Russian Empire, created in the 1860–1880s. It is concluded that the research of M.K. Sidorov are representative of the intellectual history of Russia of this historical period.

Keywords: northern Territories, Russian Empire, Mikhail Sidorov, strategic documents.

1. Введение

История Российской империи – это во многом история освоения новых территорий, которые империя обустроивала, вкладывая в это обустройство огромные ресурсы: финансовые, человеческие, интеллектуальные, оборонные, дипломатические и многие другие. Для этого государственного труда требовались и находились особенные люди, таланты и способности которых совмещали как земные, материальные качества, так и высокие нравственные свойства. Именно в их деятельности формировались предпосылки и возможности для успешного обустройства новых земель, формирования стратегии их развития, планирования целей, которые приведут к новому качественному росту благополучия России. Несомненно, к числу таких одаренных людей относится Михаил Константинович Сидоров (1823–1887), предприниматель, ученый, меценат, финансист, который все свои силы и возможности отдавал развитию российского Севера, русской Арктики, успешному освоению Северного морского пути. Помимо своей предпринимательской, меценатской и общественной деятельности, Михаил Константинович был одаренным интеллектуалом, ученым. Его исследовательские занятия касались и естествознания (зоологии, археологии, геологии и ряда других наук), и стратегического планирования, для которого недостаточно было бы знаний в какой-то одной

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik), erm-tihon@mail.ru (T.K. Ermakov)

научной области, но требовалось комплексное исследование тех территорий, стратегическое развитие которых им планировалось.

Несмотря на достаточно высокую оценку деятельности М.К. Сидорова как предпринимателя, отдававшего все свои силы освоению Севера, Арктики, Северного морского пути в интересах России, его интеллектуальные труды, связанные со стратегией России в обустройстве данных территорий, изучены недостаточно полно. Особое значение для понимания интеллектуальной истории России в 1860-1880-е гг. имеет ряд его научных изданий, в том числе книги «Север России» (1870), «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам» (1881) и статья «Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере» (1867), опубликованная в сборнике «Беседы о Севере», изданном 3 отделением Императорского Вольного экономического общества. Источниковедческий и текстологический анализ этих работ позволяет понять историческое развитие стратегий Российской империи по обустройству Севера, Арктики и северного морского пути и характерные для российского государства способы реализации данных стратегий.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для данного исследования являются тексты научных трудов М.К. Сидорова: книги «Север России» (Сидоров, 1870), «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам» (Сидоров, 1881) и статья «Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере» (Сидоров, 1867). Исследование сосредоточено на трех основных направлениях: анализ особенностей стратегического планирования освоения Севера, Арктики и Северного морского пути Российской империи в трудах М.К. Сидорова; специфика обоснования необходимости обустройства данных территорий Российской империи и выявление особенностей аргументации М.К. Сидорова как интеллектуала и ученого-североведа в его научных публикациях.

2.2. Базовым методом исследования выступает источниковедческий анализ. Было выполнено предварительное изучение всего научного наследия М.К. Сидорова, что позволило выделить основные формы стратегического мышления этого предпринимателя, общественного деятеля и интеллектуала, а также выделить наиболее репрезентативные идеи и аргументы, связанные с необходимостью для Российской империи вкладываться в обустройство своих северных и арктических территорий.

Далее был выполнен детальный текстологический и источниковедческий анализ трех работ М.К. Сидорова, позволяющий составить представление о специфике стратегического мышления, базовых идей, характерных для русского интеллектуала-североведа, ведущего свои исследования в 1860–1880-гг.

3. Обсуждение

Публикации научного характера о М.К. Сидорове начинают появляться еще в дореволюционный период. Например, труд П.М. Зенова «Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера» (Зенов, 1916), где приводятся сведения биографического характера, представляющие М.К. Сидорова как патриота, много сделавшего для развития северного края России. Подробные сведения о деятельности М.К. Сидорова по исследованию и освоению северных территорий империи содержатся в труде Ф.Д. Студитского «История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива» (Студитский, 1883).

Заслуги М.К. Сидорова были признаны в российской исторической науке и в XX в. Так, на страницах монографии А.А. Жилинского (Жилинский, 1918) деятельность Михаила Константиновича оценивается в контексте обновления экономического развития России второй половины XIX в. В этой книге приводятся выдержки из трудов М.К. Сидорова, демонстрирующие его стремление к совершенствованию устройства северных и сибирских территорий Российской империи.

В советский период публикации о М.К. Сидорове были немногочисленны. В качестве примера можно привести монографию В.Н. Королева «России беспокойный гражданин» (Королев, 1987), в которой излагается подробная биография и описывается деятельность М.К. Сидорова по освоению Севера. Историки И.Л. Фрейдин (Фрейдин, 1971) и Д.М. Пинхенсон (Пинхенсон, 1962) в своих исследованиях высоко оценили труды Михаила Константиновича по проектированию Северного морского пути.

С начала XXI в. количество публикаций о М.К. Сидорове возрастает. Так, содержание ряда статей историка Е.В. Комлевой связано с обсуждением предпринимательской, общественной, меценатской и исследовательской видов деятельности М.К. Сидорова. В своих исследованиях автор опирается на архивные документы из фондов РГИА (Комлева, 2022а), анализирует рукописи М.К. Сидорова, посвященные проблемам социально-экономического развития северных российских территорий – Поморья и Туруханского края. В этих рукописях были представлены важные идеи о развитии транспортной сети на Севере, обоснованы концепции и проекты устройства системы образования и поддержки деятельности Русской православной церкви в Сибири. Е.В. Комлева рассматривает фигуру М.К. Сидорова в одном ряду с другими российскими предпринимателями,

которые внесли большой вклад в открытие и освоение Северного морского пути (Комлева, 2017). Она дает описание смелого и новаторского проекта М.К. Сидорова, связанного с формированием воднотранспортной системы, которая должна была соединить великие сибирские реки Обь и Енисей (Комлева, 2022b). В других своих работах Е.В. Комлева раскрывает особенности многообразной интеллектуальной деятельности Михаила Константиновича, приводя в пример его красочное описание родной деревни выдающегося русского ученого М.В. Ломоносова (Комлева, 2023b), анализируя личные впечатления М.К. Сидорова от путешествия по Кавказу, изложенные им в литературной форме путевых заметок (Комлева, 2023a).

Большинство исследователей деятельности М.К. Сидорова обсуждают его проекты по освоению труднодоступных северных территорий Российской империи, богатых полезными природными ресурсами, добавляя к описанию проектов те или иные биографические данные. В таком ракурсе выполнены исследования, изложенные в статьях О.А. Голынской и Е.Л. Мининой (Голынская, Минина, 2008), О.В. Чураковой (Чуракова, 2022a), Н.Г. Суховой (Сухова, 2020), В.А. Ламина и Г.А. Ноздрин (Ламин, Ноздрин, 2007), А.Е. Гончарова (Гончаров, 2011) и ряда других ученых. В свою очередь, М.Г. Агапов подчеркивает, что пример М.К. Сидорова – это пример предпринимателя нового типа, возникшего в России в 1860-1880-х гг., не отступающего перед возможно значительными экономическими рисками и руководствующегося государственными интересами Российской империи на ее северных окраинах (Агапов, 2023). Историк А.И. Терюков в биографическом очерке М.К. Сидорова особо выделяет его благотворительную деятельность, направленную на усилия по учреждению университета в Сибири (Терюков, 2013). Автор Т.Ю. Сергиенко пишет о проектах и предприятиях М.К. Сидорова для Туруханского края (Сергиенко, 2017). В статье исследователя Н.Л. Антуфьевой описывается деятельность Михаила Константиновича по проектированию воднотранспортного пути, который мог бы соединить реки Курейку и Печору (Антуфьева, 2010).

Подробные данные о проектах М.К. Сидорова по развитию судоходства на водных путях, связывающих сибирские реки с рекой Печорой, представлены также в статье историка Е.Г. Меньшаковой (Меньшакова, 2023), где впервые публикуются архивные документы, раскрывающие важные детали этих проектов. В свою очередь, исследователь О.В. Чуракова акцентирует внимание своих читателей на таких сторонах деятельности Михаила Константиновича, как личное коллекционирование и меценатская поддержка российских музеев. Она отмечает, что активное участие М.К. Сидорова в международных и российских выставках было напрямую связано с его стремлением сформировать устойчивое общественное мнение о стратегической необходимости для российского государства развивать свои северные территории, что должно было бы иметь конкретный и значимый экономический эффект (Чуракова, 2021). О.В. Чуракова подробно описывает участие М.К. Сидорова в организации политехнической выставки в г. Москве, где им самим было представлено значительное количество уникальных экспонатов. Исследователь показывает, что эти усилия прилагались ради просвещения соотечественников и с целью привлечения их внимания к перспективным в экономическом отношении для Российской империи отраслям хозяйственной деятельности (морскому промыслу, добыче полезных ископаемых, судоходству) (Чуракова, 2022b). М.К. Сидоров предстает здесь в качестве активного просветителя, умеющего донести собственные идеи о необходимости реализации его проектов до самой широкой аудитории. В еще одной своей статье О.В. Чуракова характеризует публицистическую деятельность М.К. Сидорова в целом, отмечая, что труды Михаила Константиновича, посвященные освоению Севера, многогранны и не потеряли актуальность и в наши дни (Чуракова, 2023).

В свою очередь, экономический историк А.В. Макеев акцентирует внимание на выставочной деятельности М.К. Сидорова в контексте международных отношений и регионального развития России (Макеев, 2020). Т.С. Минаева также рассматривает выставочную деятельность М.К. Сидорова как хороший пример механизма привлечения инвестиций для освоения Новой Земли (Минаева, 2023a). Этот же автор описывает инициативы М.К. Сидорова по возрождению зверобойных промыслов на Севере России (Минаева, 2023b). В свою очередь, в статье Н.Г. Сухановой и А.Ю. Скрыдлова (Sukhova, Skrydlov, 2018) рассматривается взаимодействие М.К. Сидорова с членами Русского географического общества.

Обзор научных источников по истории многообразной деятельности М.К. Сидорова показывает, что авторы, как правило, приводят более или менее подробные биографические сведения, делают описание некоторых его проектов по освоению северных территорий, отмечают значение выставочной деятельности, публицистического наследия, подчеркивая большую роль, которую играл сам Михаил Константинович в освоении северных территорий Российской империи. Однако существующих научных исследований недостаточно для понимания особенностей интеллектуальной истории Российской империи 1860-1880-х гг., прежде всего, в области североведения. М.К. Сидоров был не только предпринимателем и публицистом, меценатом и общественным деятелем в широком смысле этого слова, но и подлинным ученым, интеллектуалом, чьи обоснованные идеи, рекомендации и проекты крайне важны для понимания и определения основных стратегий по освоению и развитию северных территорий российского государства в историческом аспекте. Данное обстоятельство обуславливает необходимость выполнения анализа

научного наследия М.К. Сидорова в аспекте интеллектуальной истории Российской империи второй половины XIX в.

4. Результаты

4.1. Интеллектуальная история освоения Севера, Арктики и Северного морского пути в Российской империи 1860-1880 гг. в научных трудах М.К. Сидорова

Основные векторы деятельности Михаила Константиновича Сидорова, связанные с освоением и развитием северных и арктических территорий Российской империи, представлены в его авторских материалах в следующих изданиях: «Беседы о Севере России» (Сидоров, 1867) – доклад «О китоловстве и звериных промыслах в Северном океане и на Новой земле» в рамках Четвертого Собрания III Отделения Императорского Вольного Экономического Общества по вопросу о Севере России (20 марта 1867 г.) и «Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России Красноярского 1-й гильдии купца М.К. Сидорова»; «Север России» (Сидоров, 1870); «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам» (Сидоров, 1881).

В данных текстах присутствуют отсылки к другим работам М.К. Сидорова, в том числе, к «Записке о Севере России» от 3 и 7 мая 1866 г., где приводились аргументы, подтверждающие наличие в Северном ледовитом океане китов, что позволяет прогнозировать, по мнению автора, успешное развитие китового промысла, запланировать обучение этому промыслу и создать систему поддержки и поощрения промысловиков по примеру других стран, осуществляющих политику экономического освоения Крайнего Севера (в частности, Великобритании и США) (Сидоров, 1867: 167). М.К. Сидоров указывает на причины нисходящей линии морского промысла на Севере России, обращаясь «к тарифам; к потребностям звериного сала в других государствах и к видам его сбыта за границу» (Сидоров, 1867: 183).

Издание «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам» также включает сведения о проведенных ранее исследованиях М.К. Сидорова, обобщая и резюмируя то, что было описано в авторских публикациях сборников «Беседы о Севере России» и «Север России»: «Желая принести посильную пользу своему отечеству, я, хотя и малоученый, решился составить и издать свои записки» (Сидоров, 1881: XXIII).

В опубликованных записках М.К. Сидоров ссылается на работы отечественных (Ивана Лепехина, Иосифа Богуслава, Николая Данилевского, Федора Литке, Александра Штукенберга и др.) и зарубежных ученых (Маттиаса Шлейдена, Альфреда Брема и др.) (Сидоров, 1867: 168; Сидоров, 1867: 173-174; Сидоров, 1870: 71-86; Сидоров, 1870: 505-506). Он воссоздает историю китоловства и промысловой деятельности, всей промышленности Севера России, начиная со времени правления великого князя Ивана III Васильевича (Сидоров, 1870: 203-237) и подчеркивая особое значение первого Императора России Петра Великого (Сидоров, 1867: 167-216; Сидоров, 1870: 180-203). Им анализируются разнообразные сведения в области североведения и различные позиции представителей государственной власти, политической, социальной, экономической сфер, прежде всего, относящихся к управлению ресурсами Российской империи, например, чиновников Министерства финансов Российской империи, консулов, служащих Архангельского статистического комитета и т.д.

В «Записке о промышленных и торговых предприятиях на Севере России Красноярского 1-й гильдии купца М.К. Сидорова» (Сидоров, 1867: 442-459) подчеркивается необходимость планомерной исследовательской программы изучения северных территорий Российской империи, прежде всего, Печорской, Березовской и Туруханской. Задачи, которые ставит М.К. Сидоров, заключаются в необходимости регулярного изучения ряда важнейших географо-территориальных объектов империи: рек – Печоры, Оби, Енисея – для развития транспортной инфраструктуры (в том числе, для совершенствования и развития промышленности), природных ресурсов и полезных ископаемых. Именно М.К. Сидорову принадлежит открытие масштабных залежей графита в Туруханском округе Енисейской губернии (Сидоров, 1867: 447-448). Им же описаны основные маршруты, возможные проблемы и необходимые затраты по перевозке графита и его сбыта, в том числе, в форме экспорта. Помимо графита, М.К. Сидоров занимался геологическими исследованиями золота, железных и медных руд, доломита, нефти и др.: «Сидоров в пустынных местах Сибири, в течение 12 лет его главнейшей жизни в лесах, открыл около 200 золотосодержащих приисков, из коих 36 были и находятся в разработке и дали около 1200 пудов золота, доставшиеся казне, от пошлин и сборов, более 3 млн. руб., не считая ценности самого металла; что добычей этого золота было занято до 30 тыс. человек, кои получили заработки и пропитание; и что в Восточной Сибири не имеется в виду другого лица, через открытия коего разрабатывалось бы столько приисков» (Сидоров, 1867: 453). В «Записке» раскрыты правовые особенности содержания золотых приисков и сбыта полученного золота, относящиеся к частной промышленности. Наиболее масштабное описание процессов изыскания и добычи полезных ископаемых для развития северной промышленности дается М.К. Сидоровым в труде «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам» (Сидоров, 1881). Здесь описываются процессы изыскания и добычи полезных ископаемых, необходимых для развития северной промышленности.

Значение деятельности Михаила Константиновича Сидорова для изучения и развития Севера Российской империи неоценим. Сложно переоценить его личное участие в процессах научного и промышленного освоения Севера, сопровождавшееся и личными большими финансовыми вложениями. М.К. Сидоров фиксирует и публикует для дальнейшего осмысления образованными людьми России подробные данные о специфике северной территории Империи, ее природных богатствах, коренном населении (лопарях, поморах, самоедах, остяках, карелах, тунгусах и др.), особенностях северных промыслов, связанных с проектированием конкретных мероприятий и механизмов развития отдаленных северных территорий Российской империи и с государственной поддержкой местного населения (как коренного, так и приезжих).

4.2. Особенности стратегического планирования обустройства северных и арктических территорий Российской империи в концепции М.К. Сидорова

Будучи активным предпринимателем, занимавшимся поиском и добычей золота, нефти, графита и других полезных ископаемых, М.К. Сидоров внес существенный вклад в формирование долгосрочной стратегии развития северных и арктических территорий Российской империи. Ключевые векторы развития Севера проявлялись в работах М.К. Сидорова не столько в связи с определенными теоретическими обобщениями, но и были результатом его практической деятельности и отражали те проблемы, с которыми сталкивался непосредственно сам ученый-предприниматель.

Ключевые линии стратегического развития, предлагаемые М.К. Сидоровым, можно обобщить в трех основных направлениях. Первым из них, представленным в наибольшей степени в анализируемых трудах, является решение проблем транспортного сообщения. Рассказывая о зловключениях, связанных с разработкой месторождений графита на Нижней Тунгуске, М.К. Сидоров поступательно развивает идею о необходимости открытия «путей из северной части Сибири к Печорскому порту прямо через Уральский хребет», которое «может принести огромную пользу русской промышленности и торговле» (Сидоров, 1867: 443). Транспортная сеть становится первым пунктом в его размышлениях о стратегическом плане освоения Севера (Сидоров, 1870) и, даже обсуждая проект Вятско-Двинской железной дороги, который представляется М.К. Сидорову экономически нецелесообразным, он завершает свое размышление следующим выводом: «Но, сообщая свои замечания, мы отнюдь не хотим сказать, что дорога не доставит выгоды нашему Отечеству, если не теперь, то в будущем, когда разовьются на Севере русские морские промыслы в громадных размерах и устроится русский торговый флот» (Сидоров, 1870:15).

История с Вятско-Двинской железной дорогой весьма показательна для реконструкции логики развития транспортной сети и всего Севера Российской империи. Почему М.К. Сидоров, сторонник развития транспортной инфраструктуры, выступает против именно этой железной дороги? Потому что в обосновании ее строительства указано, что железная дорога должна быть построена для доставки хлеба на территорию Архангельской губернии. По представлениям самого М.К. Сидорова, проблема нехватки продовольствия на северных территориях либо не стоит вовсе, либо связана с внутренними причинами (к которым обратимся в связи с другими векторами развития северных территорий), соответственно, тратить огромный экономический и административный ресурс для «спасения» Архангельской губернии нет необходимости, нужно перенаправить его для решения других, более реальных и важных внутренних задач.

Для каких целей необходимо развитие транспортной инфраструктуры? Для М.К. Сидорова это, в первую очередь, необходимость вывоза получаемой на территории Севера и Сибири продукции в европейскую часть России или за рубеж на экспорт для дальнейшей реализации. Именно водный транспорт открывает возможность быстрого перемещения добытых на приисках полезных ископаемых не только по территории Российской империи, но и за ее пределы.

Второй стратегической линией развития Севера, являющейся естественным следствием и опорой для первой, является реформа административного аппарата. Реформа эта обосновывается М.К. Сидоровым в двух направлениях. Во-первых, его собственный опыт обращения с бюрократическими системами обобщается в отдельном издании (Сидоров, 1881), где, как пишет сам автор, он «решился выяснить те затруднения к созданию новых промыслов на Севере, которые я и мои компаньоны встречали от администрации на каждом шагу» (Сидоров, 1881: 3). Затруднения эти, с точки зрения М.К. Сидорова, возникают по той причине, что администраторы и чиновники министерств, недостаточно знакомые со спецификой северных территорий Империи, в своих указаниях ставят промышленников в такие условия, при которых те неспособны выполнять данные им поручения, что ведет к потере их прав на разработку месторождений. М.К. Сидоров ярко описывает подобную «нелепость» по отношению к разработке нефтяных месторождений: «Как объяснить распоряжение отводить нефтяные прииски зимою при 40°С мороза, в местах необитаемых, когда не бывает дня, а только одна ночь, когда заявленные местности завалены 9-ти аршинными снегами до самых вершин деревьев?» (Сидоров, 1881: 12). Подобную же проблему М.К. Сидоров раскрывает в связи со своим опытом торговли графитом, когда непонимание особенностей логистики со стороны столичных чиновников приводило к простоям груза в различных портах и к убыткам.

Решением указанных проблем должно, по мнению Михаила Константиновича, стать создание отдельной административной структуры в Санкт-Петербурге по комплексному управлению Севером Российской империи: «Комитет из председателя и 4 членов: 1) мореходства и путей сообщения, 2) горных дел, 3) юстиции, 4) хозяйства, коммерции и училищ» (Сидоров, 1870: 367). Данная административная структура будет погружена в специфику предпринимательской деятельности на северных территориях России и сможет обеспечить принятие решений, лучше согласующихся с реальными условиями промышленной деятельности в суровых погодных условиях Крайнего Севера. «Комитет», по мысли М.К. Сидорова, должен обеспечить последовательное экономическое развитие северных территорий, начиная со строительства дорог и заканчивая привлечением на Север новых жителей.

При этом М.К. Сидоров все свои предложения по открытию тех или иных предприятий на Севере сопровождает требованием о необходимости специальных налоговых условий для тех, кто будет занят развитием Севера, будь это добыча леса или пушнины, разработка месторождений полезных ископаемых или открытие собственных фабрик. Такой специальный режим налогообложения должен привести не только к развитию собственно промышленности, но и к притоку на территорию Севера и Арктики столь ценного человеческого ресурса, который необходим для развития любого сектора промышленности.

Современная ему административная линия стратегического планирования представляется М.К. Сидорову связанной с прошлыми временами освоения Севера. Особо он отмечает времена царствования Петра Великого и ставит их в пример администраторам-современникам. Так, заканчивая перечисление административных проблем, связанных с разработкой северной нефти, М.К. Сидоров дает следующее наименование разделу своей работы: «Заключение: разорение промышленников от стеснений администрацией по поводу казенных земель для разработки нефти; между тем как Пётр Великий поощрял промышленников, занимающихся разработкой металлов и минералов, предоставляя им широкие права на земли, особенно открывателям, и объявлял свой гнев презрителям Его воли и врагам общенародной пользы» (Сидоров, 1881: 150). По его мысли, обоснование реформ администрирования северными территориями — это вопрос о возвращении великих идей петровского времени, когда труд на благо Отечества поощрялся в самых различных аспектах. Именно пафос служения Родине становится для М.К. Сидорова основанием особого статуса для любого предпринимателя, ведущего свои дела на северных и арктических территориях империи.

Наконец, третьей важной линией стратегического планирования в концепции М.К. Сидорова выступает обоснование необходимости протекционизма русской предпринимательской деятельности на Севере. Так, говоря о причинах нехватки продовольствия и недоимок в Архангельской губернии, М.К. Сидоров, ссылаясь на отчет глазовского купца Г.Б. Сергеева 1867 г., пишет: «не от мелководья страдает русская торговля, а от наплыва внутрь России иностранцев» (Сидоров, 1870: 9). Эти же аргументы он использует, доказывая несостоятельность проекта Вятско-Двинской железной дороги, поскольку недостаток продовольствия возникает не из-за того, что северные территории в принципе неспособны сами себя обеспечить ресурсами, а потому, что конкуренция с иностранными (в первую очередь, с финскими) торговцами в совокупности с административными проблемами ведут к постепенному обнищанию местных торговцев и предпринимателей, которые больше неспособны реализовывать продажу местного сельскохозяйственного продукта по низким ценам.

Политика протекционизма как важнейшая стратегическая линия отражается М.К. Сидоровым и в конкретных рекомендациях для развития Арктики, где особым образом подчеркивается «невозможность» выделения тех же прав иностранным торговцам, что и русским. Конечно, в первую очередь, это связано с морским рыбным промыслом, поскольку доминирование в этом секторе иностранцев, по мысли М.К. Сидорова, «выбивает почву» из-под русских промысловиков, неспособных конкурировать с «более богатыми» иностранцами.

Что же становится общей канвой модели стратегического развития северных и арктических территорий в концепции М.К. Сидорова? Описывая линию развития, ученый и предприниматель выстраивает логическую последовательность — от создания транспортной инфраструктуры к заселению земель колонистами с последующим открытием собственных российских предприятий (первым должно стать, согласно этой концепции, кораблестроение). Ключевая задача проекта становится предельно ясной — М.К. Сидоров видит Сибирь как стратегически значимый ресурсный регион Российской империи, особые административные и протекционистские условия предпринимательской деятельности там должны привести к решению проблем, сложившихся на территориях российских Севера и Арктики. Так, проблема снабжения арктических территорий хлебом должна быть решена, если условия предпринимательской деятельности здесь дойдут до уровня, при котором частные предприниматели смогут открывать свои «хлебные магазины», тем самым сняв с Российской империи необходимость тратить внутренний бюджет на доставку хлеба в Сибирь. То же самое относится к решению проблем малонаселенности и слабой занятости трудом жителей Сибири, поскольку условия предпринимательской деятельности и собственные производства будут вести к повышению привлекательности региона для населения центральных районов России.

Сложность данной стратегии выражается в следующем. С одной стороны, она явно противопоставлена модели «дотационного» развития Севера и Арктики. Дотационная стратегия в концепции М.К. Сидорова «не работает» в связи с ее направленностью на решение краткосрочных проблем. Пагубным следствием такого подхода становится то, что все развитие необходимой инфраструктуры подчинено этим краткосрочным задачам, а потому буквально обрекает регион на превращение в вечно «нахлебника». Стоит упомянуть и об уверенности М.К. Сидорова в потенциале северных территорий, в том, что ресурсный запас сибирских земель позволит им не только самим решить свои проблемы, но и в будущем ответить специфическими «дотациями» уже для всей Российской империи.

С другой стороны, М.К. Сидоров прекрасно понимал, что «на пустом месте» подобный скачок предпринимательской и иной активности возникнуть не может – для этого необходимы весомые основания. Этими основаниями в его стратегии становятся особые административные решения, которые позволили бы значительно облегчить деятельность российских предпринимателей в условиях Севера и Сибири. Данные административные основания связаны как с необходимостью учитывать особые природные условия и облегчить взаимодействие промышленников с центром, так и с предоставлением прямых льгот и привилегий деятелям северных и сибирских регионов. Важной является идея М.К. Сидорова о колонистах, которые «со своими семьями избавляются, со времени водворения их в колониях, от всех государственных податей и повинностей и от рекрутской очереди» (Сидоров, 1870: 375), т.е. факт проживания на арктических территориях становится основанием особого статуса поселенцев. Эти особые условия, на наш взгляд, и проявляют новый вариант «дотационности» северных регионов, разрабатываемый М. К. Сидоровым.

Если раньше Российская империя была вынуждена вкладывать средства в выживание людей на северных территориях, то в модели М.К. Сидорова необходимо вложить средства в развитие территории, ожидая, что в стратегической перспективе такие вложения (связанные как с уменьшением налогов, так и с уменьшением числа жителей и экономического потенциала других территорий) смогут окупиться, создав сильный ресурсный регион. М.К. Сидоров был уверен в успехе данного предприятия, опираясь во многом на свой собственный опыт и научно-практические исследования. Ведь ресурсы Севера для предпринимателя – это ресурсы «естественные», а значит, требующие двух факторов: транспорта для того, чтобы их вывозить (ядро экономических проектов М.К. Сидорова), и людей, которые будут их добывать (что решается появлением специальной административной структуры). В результате фактические расходы государства и предпринимателей становятся меньше, если организована постоянная доставка еды, одежды и других необходимых Северу ресурсов.

Сегодня очевидно, что подобная стратегия имеет свои положительные и отрицательные стороны. В историческом аспекте она важна как показатель смены вектора отношения государства к северным территориям, для которых находится место в новом, быстро меняющемся мире Российской империи конца XIX в. Как писал М.К. Сидоров, последним следствием реализации его проекта станет то, что удастся «оживить и населить громаднейший по пространству Север, величиною более, чем вся Европа, и имеющий в настоящее время жителей в 10 раз менее, нежели самое маленькое государство, величиною в 550 кв. миль, как Бельгия, или в 5 раз менее, чем одна какая-нибудь наша в ту же величину губерния, как например, Тульская. Тогда исполнится воля восьми Монархов, заботившихся о благоденствии северного народа, с пожертвованием на то десятков миллионов» (Сидоров, 1870: 423).

5. Заключение

Выполненный концептуальный и текстологический анализ произведений Михаила Константиновича Сидорова доказывает значительную роль этого человека в интеллектуальной истории России в контексте североведения наряду с его предпринимательской, общественной и меценатской деятельностью. В научных и научно-практических трудах М.К. Сидорова была сформирована одна из первых многофакторных стратегий развития северных и арктических территорий Российской империи. Будучи внутренне логически обоснованной и опирающейся на огромный исследовательский и практический опыт автора, стратегия М.К. Сидорова является ярким репрезентантом интеллектуальной истории Российской империи, где теоретические исследования опираются на практический опыт ученого, а сумма теоретических и практических выводов обобщается в стратегию, целью которой является благо российского государства и реальные преобразования, актуальные в конкретный исторический период.

Литература

Агапов, 2023 – Агапов М.Г. Северный морской путь: национальный патриотизм и предпринимательские интересы // *Quaestio Rossica*. 2023. № 11 (2). С. 473-488.

Антуфьева, 2010 – Антуфьева Н.Л. Изучение Березовского края купцами Ф. В. Шишкиным и М. К. Сидоровым в середине XIX века // *Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера*. 2010. С. 102-105.

- Голынская, Минина, 2008 – Голынская О.А., Минина Е.Л. Промышленник и меценат Сибири // *Природа*. 2008. №. 6. С. 89–95.
- Гончаров, 2011 – Гончаров А.Е. Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // *Енисейский Север: история и современность*. Красноярск. 2011. №. 1. С. 73-82.
- Жилинский, 1918 – Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова). Архангельск, 1918. 156 с.
- Зенов, 1916 – Зенов П.М. Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. Петроград, 1916. 16 с.
- Комлева, 2017 – Комлева Е.В. Вклад сибирских купцов в открытие и освоение Северного морского пути // *Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие*. 2017. С. 59–65.
- Комлева, 2023а – Комлева Е.В. Кавказ второй половины XIX в. глазами русского купца: из путевых заметок Михаила Константиновича Сидорова // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2023. №. 22(8). С. 81–91.
- Комлева, 2022а – Комлева Е.В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского государственного исторического архива // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. №. 75. С. 45-52.
- Комлева, 2023б – Комлева Е.В. Родина М.В. Ломоносова – деревня Денисовка глазами красноярского купца М. К. Сидорова (1865 г.) // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 16(12). С. 2113-2120.
- Комлева, 2022б – Комлева Е.В. «Сибирский канал»: проект красноярского купца М. К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е гг.) // *Исторический курьер*. 2022. №. 3 (23). С. 137-163.
- Королев, 1987 – Королев В.Н. России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987. 110 с.
- Ламин, Ноздрин, 2007 – Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // *Личность в истории Сибири XVIII-XX веков: сборник биографических очерков*. Новосибирск, 2007. С. 113-123.
- Макеев, 2020 – Макеев А.В. М. К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // *Подольский научный вестник*. 2020. №. 1. С. 40–47.
- Меньшакова, 2023 – Меньшакова Е.Г. М. К. Сидоров и Пустозерье // *Исторический курьер*. 2023. № 6 (32). С. 42-49.
- Минаева, 2023а – Минаева Т.С. Выставочная деятельность М.К. Сидорова по созданию инвестиционно-привлекательного образа Новой Земли // *Развитие Севера и Арктики: потенциал наставничества и инновации в социально-гуманитарной сфере*. 2023. С. 37-41.
- Минаева, 2023б – Минаева Т.С. «Генерал-губернатор Новой Земли» (М.К. Сидоров как вдохновитель развития зверобойных промыслов на Севере России) // *Исторический курьер*. 2023. № 6 (32). С. 31-41.
- Пинхенсон, 1962 – Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Ленинград, 1962. 765 с.
- Сергиенко, 2017 – Сергиенко Т.Ю. Михаил Константинович Сидоров и Туруханский край // *Полярные чтения на ледоколе «Красин»*. 2017. № 4. С. 251=259.
- Сидоров, 1867 – Сидоров М.К. Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере // *Беседы о Севере России*. СПб., 1867. С.442=459.
- Сидоров, 1870 – Сидоров М.К. Север России. СПб., 1870. 591 с.
- Сидоров, 1881 – Сидоров М.К. Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам. СПб, 1881. 277 с.
- Студитский, 1883 – Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб, 1883. Ч. 1. 320 с.
- Сухова, 2020 – Сухова Н.Г. Русское географическое общество и полярные исследования в XIX столетии // *Полярные чтения на ледоколе «Красин»*. 2020. № 7. С. 523-541.
- Терюков, 2013 – Терюков А.И. В. М. Флоринский и М. К. Сидоров // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 2 (22). С. 199-202.
- Фрейдин, 1971 – Фрейдин И.Л. Михаил Константинович Сидоров // *Летопись Севера*. 1971. Т. 5. С. 248-264.
- Чуракова, 2022а – Чуракова, О.В. «Желая по мере сил своих почтить память великого преобразователя России»: участие М. К. Сидорова в Политехнической выставке 1872 г. // *Труды Архангельского центра Русского географического общества*. 2022. С. 248-256.
- Чуракова, 2022б – Чуракова О.В. «Он осыпал русскую географию своим червонным золотом»: М. К. Сидоров и его проекты освоения Севера России и Сибири / *VII Семеновские чтения: наследие П.П. Семенова-Тян-Шанского и современная наука*. 2022. С.219–224.
- Чуракова, 2023 – Чуракова, О.В. Проблемы развития Севера России в творческом наследии Михаила Константиновича Сидорова // *Исторический курьер*. 2023. № 6 (32). С. 107-121.

Чуракова, 2021 – Чуракова О.В. «Произведения полярных стран» – экспонаты коллекций Михаила Константиновича Сидорова, предназначенные для демонстрации на художественно-промышленных выставках 1860–70-х гг. // *Полярные чтения на ледоколе «Красин»*. 2021. № 8. С. 560-568.

Sukhova, Skrydlov, 2018 – Sukhova, N.G., Skrydlov, A.Y. The Russian Geographical Society and the Polar Studies in the Second Half of the 19th Century / *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. – IOP Publishing, 2018, 180 (1), p. 012001. [Electronic resource]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/180/1/012001/pdf>

References

Agapov, 2023 – Agapov, M.G. (2012). Severnyy morskoy put': natsional'nyy patriotizm i predprinimatel'skiye interesy [Northern Sea Route: national patriotism and entrepreneurial interests]. *Quaestio Rossica*. 11 (2): 473-488. [in Russian]

Antufieva, 2010 – Antufieva, N.L. (2010). Izucheniye Berezovskogo kraya kuptsami F. V. Shishkinym i M. K. Sidorovym v seredine XIX veka [Study of the Berezovsky region by merchants F.V. Shishkin and M. K. Sidorov in the middle of the 19th century]. *Chelovek v usloviyakh intensivnogo neftegazovogo osvoyeniya Severa*: 102-105. [in Russian]

Churakova, 2022b – Churakova, O.V. (2022). «On osypal russkuyu geografiyu svoim chervonnym zolotom»: M. K. Sidorov i yego proyekty osvoyeniya Severa Rossii i Sibiri [«He showered Russian geography with his red gold»: M. K. Sidorov and his projects for the development of the North of Russia and Siberia]. *VII Semenovskiy chteniya: naslediyе P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo i sovremennaya nauka*: 219-224. [in Russian]

Churakova, 2023 – Churakova, O.V. (2023). Problemy razvitiya Severa Rossii v tvorcheskoy nasledii Mikhaila Konstantinovicha Sidorova [Problems of development of the Russian North in the creative heritage of Mikhail Konstantinovich Sidorov]. *Istoricheskiy kur'yer*. 6 (32): 107-121. [in Russian]

Churakova, 2021 – Churakova, O.V. (2021). «Proizvedeniya polyarnykh stran» – eksponaty kollektsey Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, prednaznachennyye dlya demonstratsii na khudozhestvenno-promyshlennykh vystavkakh 1860–70-kh gg. [«Works of the Polar Countries» – exhibits from the collections of Mikhail Konstantinovich Sidorov, intended for display at art and industrial exhibitions of the 1860s–70s]. *Polyarnyye chteniya na ledokole «Krasin»*. 8: 560-568. [in Russian]

Churakova, 2022a – Churakova, O.V. (2022). «Zhelaya po mere sil svoikh pochit' pamyat' velikogo preobrazovatelya Rossii»: uchastiyе M. K. Sidorova v Politekhnicheskoy vystavke 1872 goda [«Desiring to the best of my ability to honor the memory of the great transformer of Russia»: participation of M. K. Sidorov in the Polytechnic Exhibition of 1872]. *Trudy Arkhangel'skogo tsentra Russkogo geograficheskogo obshchestva*: 248-256. [in Russian]

Freidin, 1971 – Freidin, I.L. (1971). Mikhail Konstantinovich Sidorov [Mikhail Konstantinovich Sidorov]. *Letopis' Severa*. 5: 248-264. [in Russian]

Golynskaya, Minina, 2008 – Golynskaya, O.A., Minina, E.L. (2008). Promyshlennik i metsenat Sibiri [Industrialist and philanthropist of Siberia]. *Priroda*. 6: 89-95. [in Russian]

Goncharov, 2011 – Goncharov, A.E. (2011). Mikhail Konstantinovich Sidorov i nerazreshennaya problema sibirskogo Severa [Mikhail Konstantinovich Sidorov and the unresolved problem of the Siberian North]. *Yeniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'*. Krasnoyarsk. 1: 73-82. [in Russian]

Komleva, 2023a – Komleva, E.V. (2023). Kavkaz vtoroy poloviny XIX veka glazami russkogo kuptsa: iz putevykh zametok Mikhaila Konstantinovicha Sidorova [The Caucasus of the second half of the 19th century through the eyes of a Russian merchant: from the travel notes of Mikhail Konstantinovich Sidorov]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 22(8): 81-91. [in Russian]

Komleva, 2022a – Komleva, E.V. (2022). Predprinimatel'skaya i obshchestvennaya deyatel'nost' krasnoyarskogo kuptsa Mikhaila Konstantinovicha Sidorova v otrazhenii materialov Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva [Entrepreneurial and social activities of the Krasnoyarsk merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov as reflected in the materials of the Russian State Historical Archive]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 75: 45-52. [in Russian]

Komleva, 2023b – Komleva, E.V. (2023). Rodina M.V. Lomonosova – derevnya Denisovka glazami krasnoyarskogo kuptsa M.K. Sidorova (1865 g.) [Rodina M.V. Lomonosov – the village of Denisovka through the eyes of the Krasnoyarsk merchant M.K. Sidorov (1865)]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 16 (12): 2113-2120. [in Russian]

Komleva, 2022b – Komleva, E.V. (2022). «Sibirskiy kanal»: proyekt krasnoyarskogo kuptsa M. K. Sidorova po soyedineniyu nizov'yev Obi i Yeniseya (1870-ye gody) » [«Siberian Canal»: a project of the Krasnoyarsk merchant M.K. Sidorov to connect the lower reaches of the Ob and Yenisei (1870s)]. *Istoricheskiy kur'yer*. 3 (23): 137-163. [in Russian]

Komleva, 2017 – Komleva, E.V. (2017). Vklad sibirskikh kuptsov v otkrytiye i osvoyeniye Severnogo morskogo puti [The contribution of Siberian merchants to the discovery and development of the Northern Sea Route]. *Sibirskoye kupechestvo: istoki, deyatel'nost', naslediyе*: 59-65. [in Russian].

- Korolev, 1987** – *Korolev, V.N.* (1987). Rossii bespokoyunnyy grazhdanin [Russia's restless citizen]. Syktyvkar, 110 p. [in Russian]
- Lamin, Nozdrin, 2007** – *Lamin, V.A., Nozdrin, G.A.* (2007). Sibirskiy kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII-XX vekov: sbornik biograficheskikh ocherkov*: 113-123. [in Russian]
- Makeev, 2020** – *Makeev, A.V.* (2020). M.K. Sidorov i opyty ekonomicheskoy vystavochnoy deyatel'nosti v interesakh regional'nogo razvitiya [Sidorov and the benefits of economic exhibition activities in the interests of regional development]. *Podol'skiy nauchnyy vestnik*. 1: 40-47. [in Russian]
- Menshakova, 2023** – *Menshakova, E.G.* (2023). Sidorov i Pustozher'ye [M. K. Sidorov and Pustozerye]. *Istoricheskiy kur'yer*. 6 (32): 42-49. [in Russian]
- Minaeva, 2023b** – *Minaeva, T.S.* (2023). General-gubernator Novoy Zemli» (M.K. Sidorov kak vdokhnovitel' razvitiya zveroboynykh promyslov na Severe Rossii) [«Governor-General of Novaya Zemlya» (M.K. Sidorov as the Inspirer of the Development of the Marine Mammal Hunting in the North of Russia)]. *Istoricheskiy kur'yer*. 6 (32): 31-41. [in Russian]
- Minaeva, 2023a** – *Minaeva, T.S.* (2023). Vystavochnaya deyatel'nost' M.K. Sidorova po sozdaniyu investitsionno-privlekatel'nogo obraza Novoy Zemli [Exhibition activities of M.K. Sidorov on creating an investment-attractive image of the New Earth]. *Razvitiye Severa i Arktiki: potentsial nastavnichestva i innovatsii v sotsial'no-gumanitarnoy sfere*: 37-41. [in Russian]
- Pinkhenson, 1962** – *Pinkhenson, D.M.* (1962). Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma [The problem of the Northern Sea Route in the era of capitalism]. Leningrad, 765 p. [in Russian]
- Sergienko, 2017** – *Sergienko, T.Yu.* (2017). Mikhail Konstantinovich Sidorov i Turukhanskiy kray [Mikhail Konstantinovich Sidorov and the Turukhansk region]. *Polyarnyye chteniya na ledokole «Krasin»*. 4: 251-259. [in Russian]
- Sidorov, 1867** – *Sidorov, M.K.* (1867). Zapiska o promyshlennykh i torgovykh predpriyatiyakh na Severe [Note on industrial and commercial enterprises in the North]. *Besedy o Severe Rossii*: 442-459. [in Russian]
- Sidorov, 1870** – *Sidorov, M.K.* (1870). Sever Rossii [North of Russia]. SPb., 591 p. [in Russian]
- Sidorov, 1881** – *Sidorov, M.K.* (1881). Sever Rossii. O gornyykh ego bogatstvakh i prepyatatstviyakh k ih razrabotkam [North of Russia. About its mountain riches and obstacles to their development]. SPb, 277 p. [in Russian]
- Studitsky, 1883** – *Studitsky, F.D.* (1883). Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Yevropy v sibirskiy reki i do Beringova proliva: v 2 ch. Chast' 1 [The history of the discovery of the sea route from Europe to the Siberian rivers and to the Bering Strait: in 2 parts. Part 1]. SPb, 320 p. [in Russian]
- Sukhova, 2020** – *Sukhova, N.G.* (2020). Russkoye geograficheskoye obshchestvo i polyarnyye issledovaniya v XIX stoletii [Russian Geographical Society and Polar Research in the 19th Century]. *Polyarnyye chteniya na ledokole «Krasin»*. 7: 523-541. [in Russian]
- Sukhova, Skrydlov, 2018** – *Sukhova, N.G., Skrydlov, A.Y.* (2018). The Russian Geographical Society and the Polar Studies in the Second Half of the 19th Century. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing. 180(1): 012001. [Electronic resource]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/180/1/012001/pdf>
- Teryukov, 2013** – *Teryukov, A.I.* (2013). V.M. Florinskiy i M.K. Sidorov [V.M. Florinsky and M.K. Sidorov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2 (22): 199-202. [in Russian]
- Zenov, 1916** – *Zenov, P.M.* (1916). Pamyati arkhangel'skogo grazhdanina Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, strazha interesov Severa Rossii [In memory of the Arkhangelsk citizen Mikhail Konstantinovich Sidorov, guardian of the interests of the North of Russia]. Petrograd, 16 p. [in Russian]
- Zhilinsky, 1918** – *Zhilinsky, A.A.* (1918). Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatel'nosti M. K. Sidorova) [Russia in the North (Towards a description of the life and work of M. K. Sidorov)]. Arkhangelsk, 156 pp. [in Russian]

Значение научной деятельности М.К. Сидорова (1823–1887) для освоения северных территорий Российской империи

Наталья Петровна Копцева^{a, *}, Ксения Александровна Дегтяренко^a,
Мария Александровна Колесник^a, Тихон Константинович Ермаков^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье выполнено исследование деятельности Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887), предпринимателя, общественного деятеля, автора стратегических идей по

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко), masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник), erm-tihon@mail.ru (Т.К. Ермаков)

освоению северных территорий Российской империи. М.К. Сидоров вкладывал в развитие Севера и Арктики России не только значительные финансовые средства, но и свой интеллектуальный капитал, будучи автором ряда важнейших стратегических идей, которые были изложены им в ряде документов, в том числе, в книгах «Север России» (1870), «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработкам» (1881), статье «Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере» (1867) и ряде других. Практически все его идеи, предложения и их обоснования по развитию Северного морского пути и освоению новых для империи северных территорий будут воплощены в последующие периоды истории России. Важнейшее историческое значение имеет стратегия развития северных и арктических территорий, созданная М.К. Сидоровым на основании его собственных научно-практических исследований и разработок. Выполнен текстологический анализ ряда научных работ М.К. Сидорова, которые выступают источниками по истории стратегических документов освоения Севера, Арктики и Северного морского пути в Российской империи, созданных в 1860-1880-е гг. Сделан вывод о том, что исследования М.К. Сидорова репрезентативны для интеллектуальной истории России данного исторического периода.

Ключевые слова: северные территории, Российская империя, М.К. Сидоров, стратегия развития Севера и Арктики

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(3): 1200-1206
DOI: 10.13187/bg.2024.3.1200

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the 200th Anniversary of the Birth of the Traveler Ivan Ivanovich Petrov (1824/1842–1896): Some Biographical Aspects

Varvara V. Bogdan ^{a, *}, Sergey N. Rozhnov ^b, Yulia V. Nikolaeva ^c, Ilya V. Tyurin ^d

^a Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^b Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^c Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of biographical aspects and the creative heritage of the American scientist of Russian origin Ivan Ivanovich Petrov and is dedicated to the 200th anniversary of his birth. The works of both the scientist himself and modern researchers were used as materials (in particular, the works of M. Baker, S. Banner, L. Bill, W. Borneman, S. Highcox, A. Postnikov, M. Folk, R. Pierce, M.B. Sherwood, P. Shore, etc.). The methodological basis was the historiographical method (content analysis), the biographical method, the classification method and the synthesis method.

After emigrating to the United States, the traveler and geographer devoted his life to exploring Alaska, including studying its population, nature, minerals, as well as natural and industrial resources, economics, meteorology, etc. Petrov was the first to describe Alaska as part of the United States and the first to begin detailed mapping of its individual territories. For the first time, he visited the territories of Alaska, where no European had ever set foot before him. A bay on the island of Kuyu and a glacier on the Kenai Peninsula are named after Petrov.

At the same time, the authorities and society were very skeptical about the results of Petrov's research. His later biographers, in particular, L. Bill, R. Pierce, A. Postnikov, M. Folk, M. Sherwood, and others, try to justify the scientist, since he was forced to appeal to unconfirmed witness reports. Because of this, they present Ivan Petrov as an energetic and tireless researcher who independently carried out the ambitious tasks set for him.

Keywords: Ivan Ivanovich Petrov, 1824–1896, geography, demography, Alaska, Alaska exploration, Alaska at the end of the XIX century, Petrov's Bay, Petrov Glacier.

1. Введение

Петров Иван Иванович (1824/1842–1896) является известным американским географом русского происхождения, а также исследователем, путешественником, писателем, переводчиком и военнослужащим американской армии, в честь которого названы два географических объекта на Аляске.

Так как Петров стал гражданином США и проводил свои исследования именно в этом статусе, то его научные достижения принято считать американскими. Также на английский манер употребляют в историографии и фамилию ученого, а именно Petroff или Petrof, не обозначая отчество, а только имя: I. Petroff или Ivan Petroff.

И.И. Петрова в полной мере можно назвать одним из наиболее авторитетных исследователей Аляски конца XIX века. Многие современные труды по физической и экономической географии неизменно апеллируют к его работам. В данной статье, которая посвящена 200-летию юбилею с

* Corresponding author

E-mail addresses: kurskpravo@yandex.ru (V.V. Bogdan)

вероятной даты рождения ученого, мы попробуем вкратце осветить его жизненный путь и научные достижения.

2. Материалы и методы

Материалами нашего исследования являются труды самого И.И. Петрова, а именно «Журнал поездки на Аляску» (Petroff, 1878), «Карта Аляски и прилегающих регионов» (Petroff, 1880; Petroff, 1882), 8-томное исследование «Доклад о населении, промышленности и ресурсах Аляски» (Petroff, 1884) и др., а также некоторые биографические и географические исследования, в которых затронуты вопросы биографии и научных достижений Петрова, а именно статья М. Бэйкера к монографии И. Петрова «Географический словарь Аляски» (Baker, 1906), монографии С. Баннера «Аляска: владение Тихим океаном», Л. Билл «Загадочный первый переписчик Аляски» (Bill, 2016), У. Борнемана «Аляска: сага о благодатной земле» (Borneman, 2009), С. Хайкокса «Аляска: американская колония» (Hauxox, 2006), А. Постникова и М. Фолка «Покорение и картографирование Аляски: русско-американская эра» (Postnikov, Falk, 2015), статьи Р. Пирса «Новый Свет» Ивана Петрова: история Аляски» (Pierce, 1968), М.Б. Шервуда «Загадочный Иван Петров» (Sherwood, 1965), П. Шора «Первая американская перепись населения Аляски: освоение территории и распределение коренных жителей по статистическим данным» (Schor, 2017) и др.

Методология данного исследования включает комплекс исторических и общенаучных методов и принципов исследования. Приоритетным методом стал общенаучный метод контент-анализа, предусматривающий исследование биографической историографии о И.И. Петрове. Биографический анализ как исторический метод подразумевает комплексное исследование отдельных биографических страниц жизни И.И. Петрова на основе принципов системности/всесторонности, объективности, историчности. Метод исторической классификации применен для разграничения историографического комплекса о жизненной, научной и творческой деятельности И.И. Петрова по хронологическому принципу. Для формулирования результатов и резюмирования выводов нашей работы применен метод синтеза.

3. Обсуждение

Исследований, связанных с творческим и научным наследием Ивана Петрова, достаточно много. Практически ни один труд, связанный с историей и/или географией Аляски, не обходится без упоминания его фамилии и его географических достижений. Абсолютное большинство работ – зарубежные. Для удобства считаем целесообразным разделить исследуемую историографию по хронологическому принципу, а именно работы XX и XXI веков.

Среди исследований XX века выделим следующие работы.

Одним из наиболее ранних трудов, в которых фигурировали научные достижения И. Петрова, является статья «A Special Agent's Treachery: False Information Incorporated in our Bering sea case» («Предательство специального агента: ложная информация в делах, связанных с Беринговым морем») (A Special..., 1892), в которой демографические исследования Петрова выдаются как умышленно сфальсифицированные. Другой ранней работой, изданной в 1906 году, является обширное 700-страничное фундаментальное исследование Маркусом Бэйкером монографии Петрова «Географический словарь Аляски» (1880). Автор делает попытку объективного анализа и изучает правдоподобность сведений, которые указывал ученый при изучении Аляски (Baker, 1906).

В монографии «Дипломатические мемуары Хоутона Миффлина» Джон Уотсон Фостер также упоминает фамилию Петрова и делает краткий анализ биографических фактов из его жизни (Foster, 1909).

Географическое исследование Улисса Шермана Гранта и Дэниэла Ф. Хиггинса-младшего «Прибрежные ледники пролива Принца Уильяма и полуострова Кенай, Аляска» посвящено топографии обозначенных географических объектов. Авторы выделяют тот весомый вклад, который внес Петров в исследование данных объектов (Grant, Higgins-jr., 1913).

Историографический труд Джона С. Голбрайта, посвященный истории старейшей торговой корпорации «Hudson's Bay Company» («Компания Гудзонова залива») в 1821–1869 годах, также упоминает вклад в исследовании Аляски Иваном Петровым с точки зрения экономического (промышленного и промыслового) развития региона (Galbraith, 1957).

В 60-х годах XX века выходят две работы, посвященные исследованию биографических аспектов личности Ивана Петрова: статья Моргана Б. Шервуда «Загадочный Иван Петров» (ориг. «The enigmatic Ivan Petroff») в журнале «Исследование Аляски в 1865–1900» (Sherwood, 1965) и статья Ричарда А. Пирса «Новый мир¹ Ивана Петрова, история Аляски» (ориг. «New Light on Ivan Petroff, Historian of Alaska»), опубликованная в журнале «Тихоокеанский Северо-Западный ежеквартальный журнал» (Pierce, 1968). Авторы делают попытку изучить некоторые неизвестные биографические страницы жизни ученого, его увлечения и семейную жизнь, деятельность на военной и гражданской службе, а также творческое наследие.

¹ Также можно перевести как «Новый Свет».

Немало работ, посвященных Ивану Петрову, было издано и в XXI веке.

Монография Стефана Хайкокса «Аляска: американская колония» посвящена экономической, политической и социальной жизни полуострова в составе США, в ней также даются обширные географические и демографические данные, в связи с которыми упоминается и имя Ивана Петрова (Наусох, 2006).

Монография Стюарта Баннера «Аляска: владение Тихим океаном» (Banner, 2009), изданная в Гарвардском университете, рассказывает об экономических, политических и военных выгодах присоединения полуострова к США. Петров в ней упоминается как первый исследователь Аляски в составе Американского государства. Похожий биографический анализ сделан и в 640-страничной монографии Уолтера Р. Борнемана «Аляска: сага об отважной земле»¹ (Borneman, 2009).

Среди других фундаментальных трудов, в которых делается анализ научных достижений Ивана Петрова, выделим 525-страничную монографию Алексея Постникова и Марвина Фолка «Исследование и картографирование Аляски: российско-американская эпоха, 1741–1867» (Postnikov, Falk, 2015), Пола Шора «Первая американская перепись населения на Аляске: присвоение территории и распределение коренных жителей по статистическим данным» в сборнике «Подсчет американцев: как перепись населения США классифицировала нацию», изданном в Оксфордском университете (Schor, 2017) и др.

Отдельно следует отметить научную монографию Лаурель Билл «Загадочный первый переписчик на Аляске. Сундук тети Фил: Оживление истории Аляски!» (Bill, 2016), автор которой сделала глубокий анализ неизданных ранее материалов по исследованию Аляски Иваном Петровым, введя их в научный оборот, а также открыла многие неизвестные ранее факты о нем.

Большое количество статей, посвященных И. Петрову, содержится в интернете. Одна из таких – «Исследователи страны Катмай: Иван Петров (1842–1896)», посвященная изучению биографии и научной деятельности ученого (Explorers of..., 2014).

Изучив историографию вопроса, перейдем к формированию результатов нашего исследования.

4. Результаты

Сразу отметим, что точная дата рождения Ивана Ивановича Петрова (Рисунок 1) доподлинно неизвестна. Биографы (в частности, Л. Билл (Bill, 2016), М. Шервуд (Sherwood, 1965), Р. Пирс (Pierce, 1968) и др.) указывают, что ученый обладал весьма скрытым характером, не разглашая (а порой и умышленно искажая) сведения о себе. А. Постников и М. Фолк указывают в качестве даты рождения 1824-й год (Postnikov, Falk, 2015), в то время как Р. Пирс (Pierce, 1968) и Л. Билл (Bill, 2016) называют 1842-й год.

Газета «Нью-Йорк Таймс» от 13 ноября 1892 года указывала, что Петрову на тот момент было 60 лет: «Петров ... переехал на Аляску, когда эта территория была российской провинцией, и прожил там сорок лет. Сейчас ему шестьдесят лет» (A Special..., 1892). Следовательно, датой рождения может являться и 1832.

Мы, в свою очередь, в силу весьма насыщенной служебной и исследовательской деятельности, которую мог осуществлять лишь весьма ментально зрелый человек, считаем наиболее вероятной точку зрения Постникова и Фолка: 1824-й год – дата рождения И. Петрова.

Иван Петров имел русские по отцу и немецкие (либо финские) по матери (чья девичья фамилия была Ланен) корни и принадлежал к военному сословию. По мнению Л. Билл, в раннем детстве Петров потерял отца, который погиб в Крымской войне (Bill, 2016). Стремясь сохранить семейные традиции, будущий ученый хотел пойти по стопам отца и делать военную карьеру, однако, имея склонность к изучению языков и слабое здоровье, стал заниматься научной деятельностью. Особенно его интересовали филология (восточные языки) и география.

Попав по просьбе своего научного руководителя во Францию и надеясь обучаться там, Петров не смог устроиться на работу к профессору И.Ж. Сент-Илеру и решил попробовать счастья за океаном, в 1861 году переехав в США.

С молодости Петров был равнодушен к приключениям, хотя сам имел весьма скромный и застенчивый характер. Согласно Л. Билл, будущий путешественник являл собой «высокого, худощавого блондина, молчаливого и сдержанного, но также яркого, умного и профессионального переводчика» (Bill, 2016: 92). В США поступил на военную службу, дослужился до звания лейтенанта, получил награду за храбрость и был дважды ранен в период Гражданской войны. Не желая участвовать в этой войне, Петров дважды дезертировал, был арестован, но за былые заслуги освобожден и направлен переводчиком на полуостров Кенай. После продажи Россией Аляски в 1867 году автоматически стал гражданином США. Был женат на американке, в браке с которой родилась дочь Ольга, которая во многих аспектах и являлась источником информации для биографов Петрова.

¹ «Saga of a Bold Land» можно перевести также и как «Сага об изобильной (в буквальном переводе – «жирной») земле», так как авторы подчеркивают огромные природные, промышленные и промысловые ресурсы Аляски.

Рис. 1. Петров Иван Иванович (1824/1842–1896).

В конце 1860-х годов активно занимается путешествиями, картографией, демографией и изучением природы территорий Аляски. Был весьма востребован как журналист, публикуясь в журнале «Хроники Сан-Франциско». В этот период было несколько скандалов, связанных с его именем. Л. Билл повествует о том, что Петров, пользуясь малой известностью европейских журналистов в США, присвоил себе несколько статей и опубликовал их под своим именем, что подорвало его репутацию и лишило весьма важного источника доходов для недавно образовавшейся семьи.

Также весьма известен скандал с его переписью населения Аляски, которую ему поручили в 1880-м году и которую он сделал, опираясь лишь на свидетельства сторонних лиц, потеряв, таким образом, авторитет и на государственной службе. Под конец жизни вынужден был подрабатывать переводами текстов. Умер в 1896 году.

Перейдем к анализу творческого наследия И.И. Петрова. Он является автором ряда трудов по физической географии, картографии, геодезии, экономике и демографии полуострова Аляска. Перечислим лишь некоторые: «Журнал поездки на Аляску» (Petroff, 1878), «Карта Аляски и прилегающих регионов» (Petroff, 1880; Petroff, 1882), «Доклад о населении, промышленности и ресурсах Аляски» (Petroff, 1884) и др.

В 1878 году выходит в свет «Journal of a Trip of Alaska» («Журнал поездки на Аляску») (Petroff, 1878), в котором И. Петров дает общую географическую и климатическую картину региона, а также описание мест, где он побывал.

В 1880 и 1882 годах опубликованы два издания «Map of Alaska and Adjoining Regions» («Карта Аляски и прилегающих регионов») (Petroff, 1880; Petroff, 1882), в которых делаются попытки осуществления топографии отдельных районов Аляски.

В 1881 году по результатам правительственной экспедиции Петрова 1880 года, целью которой была перепись населения и разведка промышленного и промыслового потенциала Аляски, Министерством внутренних дел США была опубликована скандальная записка «Population and Resources of Alaska: Letter from the Secretary of the Interior, Transmitting a Preliminary Report Upon the Population, Industry, and Resources of Alaska», 18 Feb., 1881 («Население и ресурсы Аляски: письмо министра внутренних дел, препровождающее предварительный отчет о населении, промышленности и ресурсах Аляски» от 18 февраля 1881 года) (Petroff, 1881), в которой, как принято считать, Петров сфальсифицировал некоторые демографические факты. Однако современные исследователи пытаются оправдать путешественника. Дело в том, что ему приходилось очень много передвигаться как пешим путем, так и водным, и вьючным транспортом. Географ впервые посетил те места, куда до него не ступала нога европейца. Многие сведения он записал от различных свидетелей (алеутских шаманов, вождей, торговцев, промышленников, охотников, моряков и пр.), что, безусловно, вполне могло исказить реальную демографическую картину. За свою энергичность и выносливость Петров получил прозвище «легкие ноги» («Hollow Legs»). И только благодаря своей неутомимости и целеустремленности он смог практически в одиночку осилить столь масштабный проект.

Американские чиновники и публицисты относились к сведениям Петрова весьма настороженно. Вышедший в свет 8-томный «Report on the Population, Industries, and Resources of Alaska» («Доклад о населении, промышленности и ресурсах Аляски») (Petroff, 1884) в силу указанных

обстоятельств был встречен скептически. Более того, в средствах массовой информации его открыто называли «русским шпионом» (см., напр., [A Special..., 1892](#)), несмотря на то, что Петров действовал исключительно в интересах Соединенных Штатов.

«Нью-Йорк Таймс» от 13 ноября 1892 года писала буквально следующее: «Мистер Петров прибыл туда (на Аляску – *Авт.*) по вызову из Бюро переписи населения в Государственный департамент, и ему было поручено изучить и обобщить некоторые факты, касающиеся промысла тюленей. Ему не было необходимости посещать Аляску, и его работа была выполнена в этом городе. Спустя некоторое время после того, как документы были переданы в департамент, один из специальных прокуроров правительства, изучая данные, обнаружил ошибку. Более тщательное расследование показало, что почти вся информация, предоставленная Петровым, была сфальсифицирована, причем таким образом, что не оставалось сомнений в фальсификации с намерением ввести в заблуждение» ([A Special..., 1892](#)). Также указано следующее: «Естественно, возникает вопрос: если работа Петрова была сфальсифицирована в одном случае, не являются ли данные его переписи также недостоверными? Это вопрос, на который можно ответить только после обстоятельного и, возможно, дорогостоящего расследования. Как ни странно, но в законодательстве законов нет закона, регулирующего подобный случай, и мистер Петров просто потеряет свой пост в правительстве, осознавая, что никогда больше не сможет вернуться к государственной службе» ([A Special..., 1892](#)). Не забыто и происхождение исследователя: «Петров – русский по происхождению, он переехал на Аляску, когда эта страна была российской провинцией, и прожил там сорок лет. Сейчас ему шестьдесят лет. Всю свою жизнь он был склонен к приключениям. Он проводил перепись населения Аляски в 1880 году, и именно по рекомендации генерала Фрэнсиса А. Уокера его выбрали для сбора статистических данных по Аляске для переписи, которая только что была завершена» ([A Special..., 1892](#)).

В целом Петров в США получил репутацию человека весьма неблагонадежного и склонного ко всякого рода авантюрам и фальсификациям. Под конец жизни ученому пришлось сменить свою фамилию, и вплоть до смерти в 1896 году он жил под фамилией матери, скромно зарабатывая на жизнь случайными переводами и сочинительством приключенческих рассказов.

Именем Петрова названы некоторые географические объекты, в частности, залив на острове Кую в юго-восточной Аляске и ледник на полуострове Кенай.

5. Заключение

Иван Иванович Петров является известным американским географом русского происхождения, а также исследователем, путешественником, писателем, переводчиком. Эмигрировав в США, путешественник и географ посвятил свою жизнь исследованию Аляски, в том числе ее населения, природы, полезных ископаемых, а также природных и промышленных ресурсов, экономики, метеорологии и пр.

Петров первым описал Аляску в составе Соединенных Штатов и первым начал подробное картографирование ее отдельных территорий. Он впервые посетил территории Аляски, куда до него не ступала нога европейца. Именем Петрова названы залив на острове Кую в юго-восточной Аляске и ледник на полуострове Кенай.

Вместе с тем власти и общество относились к результатам исследований Петрова весьма скептически. Более поздние его биографы, в частности, Л. Билл, Р. Пирс, А. Постников, М. Фолк, М. Шервуд и др., пытаются оправдать ученого, он вынужден был апеллировать к данным индейских алеутских вождей, капитанов, торговцев и пр., в буквальном смысле слова собирая данные «по крупицам». В силу этого они представляют Ивана Петрова как энергичного, физически весьма развитого, неутомимого исследователя, который самостоятельно осуществил поставленные перед ним грандиозные задачи.

Литература

[A Special..., 1892](#) – *A Special Agent's Treachery: False Information Incorporated in our Bering sea case.* New York Times, 1892-11-14. [Электронный ресурс]. URL: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1892/11/14/104101335.pdf?pdf_redirect=true&ip=0 (дата обращения: 24.07.24).

[Baker, 1906](#) – *Baker M.* Petrof, 1880. *Geographic Dictionary of Alaska.* U.S. Government Printing Office, 1906. P. 55. 690 p.

[Banner, 2009](#) – *Banner S.* Alaska. Possessing The Pacific. Harvard University Press, 2009.

[Bill, 2016](#) – *Bill L.* Alaska's Misterious First Census-Taker. Aunt Phil's Trunk: Bringing Alaska's history alive!. Publication Consultants, 2016.

[Borneman, 2009](#) – *Borneman W.R.* Alaska: Saga of a Bold Land. Zondervan, 2009.

[Explorers of..., 2014](#) – *Explorers of Katmai Country: Ivan Petroff (1842-1896) - Katmai National Park & Preserve (U.S. National Park Service).* November 04, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nps.gov/katm/blogs/explorers-of-katmai-country-ivan-petroff-1842-1896.htm> (дата обращения: 24.07.24).

[Foster, 1909](#) – *Foster J.W.* Diplomatic Memoirs. Houghton Mifflin Company, 1909.

- Galbraith, 1957** – *Galbraith J.S.* Bibliography. Hudson's Bay Company, 1821-1869. Vol. 1. University of California Press, 1957.
- Grant, Higgins-jr., 1913** – *Grant U.S., Higgins D.F. (jr.)*. Petrof Glacier. Coastal Glaciers of Prince William Sound and Kenai Peninsula, Alaska. U.S. Government Printing Office, 1913.
- Haycox, 2006** – *Haycox S.* Alaska: An American Colony. University of Washington Press, 2006.
- Petroff, 1878** – *Petroff I.* Journal of a Trip of Alaska. US, 1878.
- Petroff, 1880** – *Petroff I.* Map of Alaska and Adjoining Regions. US, 1880.
- Petroff, 1881** – *Petroff I.* Population and Resources of Alaska: Letter from the Secretary of the Interior, Transmitting a Preliminary Report Upon the Population, Industry, and Resources of Alaska. 18 Feb., 1881. United States. Dept. of the Interior. U.S. Government Printing Office. Vol. 40. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=EX8FiM9NPIC&pg=PP7&dq=Ivan+Petroff&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Ivan%20Petroff&f=false (дата обращения: 23.07.24).
- Petroff, 1882** – *Petroff I.* Map of Alaska and Adjoining Regions. US, 1882.
- Petroff, 1884** – *Petroff I.* Report on the Population, Industries, and Resources of Alaska. In 8 volumes. US, 1884.
- Pierce, 1968** – *Pierce R.A.* New Light on Ivan Petroff, Historian of Alaska // *The Pacific Northwest Quarterly*. University of Washington, 1968. № 1. Pp. 1-10.
- Postnikov, Falk, 2015** – *Postnikov A., Falk M.* Exploring and Mapping Alaska: The Russian America Era, 1741-1867. University of Alaska Press, 2015. Vol. 17.
- Schor, 2017** – *Schor P.* The First American Census of Alaska: Appropriation of the Territory and Assignment of Natives by Statistics / Counting Americans: How the US Census Classified the Nation. Oxford University Press, 2017.
- Sherwood, 1965** – *Sherwood M.B.* The enigmatic Ivan Petroff // Exploration of Alaska 1865-1900. Yale University Press, 1965; the University of Alaska Press, 1992.

References

- A Special..., 1892** – A Special Agent's Treachery: False Information Incorporated in our Bering sea case". New York Times, 1892-11-14. [Electronic resource]. URL: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1892/11/14/104101335.pdf?pdf_redirect=true&ip=0 (date of access: 24.07.24).
- Baker, 1906** – *Baker, M.* (1906). Petrof, 1880. Geographic Dictionary of Alaska. U.S. Government Printing Office. P. 55. 690 p.
- Banner, 2009** – *Banner, S.* (2009). Alaska. Possessing The Pacific. Harvard University Press.
- Bill, 2016** – *Bill, L.* (2016). Alaska's Mysterious First Census-Taker. Aunt Phil's Trunk: Bringing Alaska's history alive! Publication Consultants.
- Borneman, 2009** – *Borneman, W.R.* (2009). Alaska: Saga of a Bold Land. Zondervan.
- Explorers of..., 2014** – Explorers of Katmai Country: Ivan Petroff (1842-1896) - Katmai National Park & Preserve (U.S. National Park Service). November 04, 2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.nps.gov/katm/blogs/explorers-of-katmai-country-ivan-petroff-1842-1896.htm> (date of access: 24.07.24).
- Foster, 1909** – *Foster, J.W.* (1909). Diplomatic Memoirs. Houghton Mifflin Company.
- Galbraith, 1957** – *Galbraith, J.S.* (1957). Bibliography. Hudson's Bay Company, 1821-1869. Vol. 1. University of California Press.
- Grant, Higgins-jr., 1913** – *Grant, U.S., Higgins, D.F. (jr.)* (1913). Petrof Glacier. Coastal Glaciers of Prince William Sound and Kenai Peninsula, Alaska. U.S. Government Printing Office.
- Haycox, 2006** – *Haycox, S.* (2006). Alaska: An American Colony. University of Washington Press.
- Petroff, 1878** – *Petroff, I.* (1878). Journal of a Trip of Alaska. US.
- Petroff, 1880** – *Petroff, I.* (1880). Map of Alaska and Adjoining Regions. US.
- Petroff, 1881** – *Petroff, I.* (1881). Population and Resources of Alaska: Letter from the Secretary of the Interior, Transmitting a Preliminary Report Upon the Population, Industry, and Resources of Alaska. 18 Feb. United States. Dept. of the Interior. U.S. Government Printing Office. Vol. 40. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=EX8FiM9NPIC&pg=PP7&dq=Ivan+Petroff&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Ivan%20Petroff&f=false (date of access: 23.07.24).
- Petroff, 1882** – *Petroff, I.* (1882). Map of Alaska and Adjoining Regions. US.
- Petroff, 1884** – *Petroff, I.* (1884). Report on the Population, Industries, and Resources of Alaska. In 8 volumes. US.
- Pierce, 1968** – *Pierce, R.A.* (1968). New Light on Ivan Petroff, Historian of Alaska. *The Pacific Northwest Quarterly*. University of Washington. № 1. Pp. 1-10.
- Postnikov, Falk, 2015** – *Postnikov, A., Falk, M.* (2015). Exploring and Mapping Alaska: The Russian America Era, 1741-1867. *University of Alaska Press*. Vol. 17.
- Schor, 2017** – *Schor, P.* (2017). The First American Census of Alaska: Appropriation of the Territory and Assignment of Natives by Statistics / Counting Americans: How the US Census Classified the Nation. Oxford University Press.

Sherwood, 1965 – Sherwood, M.B. (1965). The enigmatic Ivan Petroff. Exploration of Alaska 1865-1900. Yale University Press; the University of Alaska Press, 1992.

К 200-летию со дня рождения путешественника Ивана Ивановича Петрова (1824/1842–1896): некоторые биографические аспекты

Варвара Владимировна Богдан ^{a, *}, Сергей Николаевич Рожнов ^b, Юлия Валентиновна Николаева ^c, Илья Владимирович Тюрин ^d

^a Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^b Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается исследованию биографических аспектов и творческого наследия американского ученого русского происхождения Ивана Ивановича Петрова и приурочена к 200-летию юбилею со дня рождения. В качестве материалов были использованы труды как самого ученого, так и современных исследователей (в частности, труды М. Бэйкера, С. Баннера, Л. Билл, У. Борнемана, С. Хайкокса, А. Постникова, М. Фолка, Р. Пирса, М.Б. Шервуда, П. Шора и др.). Методологической основой стали историографический метод (контент-анализ), биографический метод, метод классификации и метод синтеза.

Эмигрировав в США, путешественник и географ посвятил свою жизнь исследованию Аляски, в том числе изучению ее населения, природы, полезных ископаемых, а также природных и промышленных ресурсов, экономики, метеорологии и пр. Петров первым описал Аляску в составе Соединенных Штатов и первым начал подробное картографирование ее отдельных территорий. Он впервые посетил территории Аляски, куда до него не ступала нога европейца. Именем Петрова названы залив на острове Куя и ледник на полуострове Кенай.

Вместе с тем власти и общество относились к результатам исследований Петрова весьма скептически. Более поздние его биографы, в частности, Л. Билл, Р. Пирс, А. Постников, М. Фолк, М. Шервуд и др., пытаются оправдать ученого, так как он вынужден был апеллировать к неподтвержденным данным свидетелей. В силу этого они представляют Ивана Петрова как энергичного и неутомимого исследователя, который самостоятельно осуществил поставленные перед ним грандиозные задачи.

Ключевые слова: Иван Иванович Петров, 1824–1896, география, демография, Аляска, исследование Аляски, Аляска в конце XIX века, залив Петрова, ледник Петрова.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kurskpravo@yandex.ru (В.В. Богдан)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1207-1214
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1207

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Biographical Sketch for the 200th Anniversary of the Birth of the Russian Empress Maria Alexandrovna (1824–1880)

Vladimir A. Svechnikov ^{a, *}, Mikhail G. Smirnov ^b, Ruslan M. Allalyev ^{c, d}, Svetlana A. Grimalskaya ^e

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the 200th anniversary of the birth of Empress Maria Alexandrovna, nee Maximiliana Wilhelmina Augusta Sophia Maria, Princess of Hesse and the Rhine, wife of Russian Emperor Alexander II the Liberator. The materials were biographical studies devoted to Empress Maria, as well as memoirs of her contemporaries. The research methods used are the historiographical method, the classification method, and the synthesis method.

Maria Alexandrovna became famous as the creator of the state welfare system in the Russian Empire. With German pedantry, multiplied by the sense of generosity and justice characteristic of Russians, Maria Alexandrovna creates a network of women's educational institutions/gymnasiums named after her "Mariinsky", which have become a model in terms of the quality of education, and the process of their organization has become the benchmark of the system of state charity in the educational sphere. The branch of the Red Cross in the Russian Empire, whose purpose was to provide medical assistance to those in need, had the largest budget of all charitable organizations during the lifetime of the Empress.

One of the results of the Empress's work was the fact that charity and patronage became an honorable, widespread, popular and very widespread business in the Russian Empire, not only at the state level, but also, above all, at the level of ordinary subjects. Biographers note the poor health, but very strong and at that time complex character of the Empress, while invariably pointing out such traits as pedantry, thrift, kindness and altruism. Maria Alexandrovna found the meaning of her life at the Russian court precisely in helping those in need and was faithful to this principle until the last minutes of her life.

Keywords: Empress Maria Alexandrovna, 1824–1880, the Mariinsky institutions, the welfare system in the Russian Empire, the system of state charity.

1. Введение

Императрица Мария Александровна (1824–1880 гг.) является знаковой фигурой в русской истории, так как фактически первой создала полномасштабную государственную систему благотворительности в целом и возвела благотворительную деятельность, меценатство и вспомоществование в ранг уважаемых и почетных деяний среди российских подданных. Ее философия жизни, в которой благотворительность занимала одну из ключевых мест, оказалась весьма популярной и уважаемой в Российской империи, а учебные заведения, открытые Марией

* Corresponding author

E-mail addresses: svechnikov.va@rea.ru (V.A. Svechnikov)

Александровной, стали эталоном качества образования и государственной системы вспомоществования.

2. Материалы и методы

Материалами данной рукописи послужил комплекс биографических исследований, а также мемуаристика, посвященная деятельности императрицы Марии.

Что касается источников, то абсолютное большинство таковых о личности Марии Александровны – это воспоминания ее родственников, двора и приближенных, среди которых были придворные, фрейлины, высшие чиновники, обслуживающий персонал и пр.

Из мемуарных источников, прежде всего, выделим воспоминания ее сына, императора Александра III Миротворца, в которых он дает характеристику не только исходя из родственных отношений и восприятия ее как матери, но и некоторым деловым качествам характера, в числе которых особенно делает акцент на таких свойствах личности, как пунктуальность, работоспособность, высокий уровень эмпатии, великодушие и доброта (Александр Третий, 2001). Биограф Марии Александровны, адмирал Дмитрий Сергеевич Арсеньев, воспитатель великих князей Сергея и Павла, сыновей Александра II и братьев императора Александра III, также отмечал доброту и энергичность императрицы (Арсеньев, 1911; Арсеньев, 2019).

Министр внутренних дел, министр государственного имущества, а также премьер-министр при Александре II граф Петр Александрович Валуев упоминал ее внутреннюю потребность помогать людям, отмечая, что это был своеобразный стиль жизни и образ мыслей императрицы (Валуев, 1961).

Славянофил, историк и общественный деятель Константин Дмитриевич Кавелин был весьма далек от императорского двора, но в своих трудах достаточно много внимания уделял деятельности императрицы Марии, справедливо полагая, что она всецело разделяет славянофильские либеральные взгляды и в душе является истинной либералкой (Кавелин, 1898).

Придворные дамы, в частности М.А. Паткуль (Паткуль, 1903), А.А. Толстая (Толстая, 1996), А.Ф. Тютчева (Тютчева, 1990), А.И. Яковлева (Яковлева, 1888), отмечали порядочность, честность в делах и фанатичную набожность Марии Александровны, а также преданность супружеским обязательствам и беззаветную (а на закате жизни Александра II – и безответную) любовь к своему мужу.

И.И. Маркелов указывает на непростой характер императрицы, дотошность в непринципиальных вопросах, «девическое» упрямство и особое умение влиять на своего порой легкомысленного супруга, причем по большей части в лучшую сторону (Маркелов, 1898).

Милосердие в характере, женственность и весьма высокая морально-нравственная конституция отмечается в мемуарах военного министра, генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина (Милютин, 1947), великого князя Константина Константиновича Романова (Романов, 1998) и др.

Также в качестве материалов использовались и биографические исследования, в частности работы И.В. Зимина (Зимин, 2011а; Зимин, 2011b; Зимин, 2014; Зимин, Соколов, 2015 и др.), А.В. Володько (Володько, 2021а; Володько, 2021b), В.В. Пономаревой (Пономарева, 2013), А.Н. Позднякова (Поздняков, 2024), В.И. Федорченко (Федорченко, 2003) и др.

Методология данного исследования включает комплекс исторических и общенаучных методов и принципов исследования. Основным методом исследования стал так называемый контент-анализ (историографический метод), который на основе указанных материалов предполагает изучение отдельных биографических аспектов жизни императрицы Марии Александровны, ее характера и жизненных взглядов, практической деятельности и результатов данной деятельности. Вспомогательными методами стали метод классификации, который применен для отграничения используемой литературы и источников по периоду издания, а также метод синтеза, примененный для формулирования результатов и выводов нашей рукописи.

3. Обсуждение

Биографических работ, посвященных императрице Марии, весьма много. Мы, прежде всего, отметим наиболее известные исследования, а также и наиболее интересные труды в контексте анализа процесса организации мариинских учебных заведений.

Историографический комплекс считаем целесообразным классифицировать по времени издания, в частности, труды дореволюционного периода русской истории, советские исследования и современные российские труды. Несмотря на огромный пласт отечественных трудов, глубоко исследовать зарубежную историографию о личности императрицы Марии Александровны считаем нецелесообразным.

Биографические труды о ней стали писать еще при ее жизни (см., частности, Арсеньев, 1911; Арсеньев, 2019).

Практически прижизненным биографическим трудом стала монография П.П. Каратыгина «Императрица Мария Александровна, 1824-1880», в которой глубоко анализируется ее жизнь и к которой апеллирует значительное количество более поздних биографов императрицы (Каратыгин, 1881). В дореволюционный период известность получила также статья И.В. Бертенсона

«Императрица Мария Александровна в ее заботах о деятельности Российского общества Красного Креста», опубликованная в журнале «Русская старина» (Бертенсон, 1892).

В советский период фундаментальных исследований, посвященных Марии Александровне, практически не было, зато выходили мемуары ее современников из числа политиков, придворных, военнослужащих, приближенных к императорской чете и пр.

Всплеск новых биографических исследований о личности императрицы был замечен в новейшей истории России. Среди таковых особое место занимают труды профессора И.В. Зимина, который глубоко изучил жизнь двора в период середины XIX – начала XX вв. в монографиях «Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX вв.» (Зимин, 2011а), «Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги» (Зимин, 2014), «Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых» (Зимин, 2011б), «Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора» (Зимин, Соколов, 2015) и др. Личная жизнь и деятельность императрицы Марии занимает весомое место в этих трудах.

Повседневный быт и вкусы императрицы глубоко анализируются в иллюстрированной монографии Т.А. Петровой «Комнаты императрицы Марии Александровны в Зимнем Дворце» (Петрова, 2007).

Организацию системы вспомоществования, в частности, развитие общества слепых в России анализируют Г.Н. Меженцева (Меженцева, 2020), В.И. Федорченко (Федорченко, 2003) и др.

Вклад императрицы в образовательную деятельность исследуют В.В. Пономарева (Пономарева, 2013), А.Н. Поздняков (Поздняков, 2024) и др.

В историографии присутствует пласт исследований, посвященных благотворительной деятельности Марии Александровны, в том числе, и Мариинским женским учебным заведениям. Так, А.В. Володько анализирует вклад императрицы Марии Александровны в развитие женского образования в России (Володько, 2021а), а также процесс создания и развития российского общества Красного Креста (Володько, 2021б).

Разумеется, это далеко не полный перечень трудов, приводить который в данном исследовании, посвященном 200-летию юбилею Марии Александровны, мы считаем нецелесообразным. Короткий перечень указанных нами работ в целом позволяют понять сущность характера императрицы, ее взглядов и принципов, а также достижения в сфере благотворительности и образования.

4. Результаты

Принцесса Прирейнская и Гессенская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария родилась 27 июля 1824 года¹ в г. Дармштадт, расположенном в ландграфстве Гессен, и принадлежала к знатной династии Гессенского дома, которая уходила корнями еще к лотарингским монархам. В декабре 1840 года в возрасте 16 лет она стала супругой цесаревича Александра, будущего императора Александра II Освободителя и при переходе в православие получила имя Мария Александровна. Являлась этнической немкой.

Имея весьма независимый характер и в то же время девичью непосредственность и женское обаяние, София Мария сразу понравилась будущему императору. Цесаревич Александр, вначале весьма скептически относившийся к свадьбе с представительницами Гессенской династии в силу их «невыразительности», заметил в ней личность и дал согласие на брак (Каратыгин, 1881: 13). Его мать же, императрица Александра Федоровна, напротив, не давала благословение и впервые за всю историю Романовской династии лично поехала в Дармштадт знакомиться с будущей невестой. В итоге природный ум, пронизательность, сильный характер и аристократизм Марии пришлось по душе императрице-матери, и в будущем женщины стали достаточно близкими друзьями.

Выйдя замуж за будущего императора, как и ее предшественница, императрица Екатерина II Великая, в девичестве она и не мечтала об открывшихся перед ней перспективах. Как пишет фрейлина Анна Тютчева, будучи по своей природе застенчивой, сдержанной и воспитанной в соответствующем немецком духе, Мария быстро осознала выгоды своего положения, хотя первоначально испытывала страх подобного брака (Тютчева, 1990: 90-91). Вместе с тем сильный и волевой характер, который при первом же общении заметили император Николай I и его супруга, позволили ей стать той, кем она в итоге стала, и заслужить в России искреннюю любовь и уважение.

До наших дней дошло значительное количество фотографий, а также портретов Марии Александровны работ различных художников. По мнению современников, наиболее близким к реальности стал портрет 1859 года (см. Рисунок 1) немецкого литографа и живописца Франца Винтерхальтера, весьма востребованного придворного портретиста XIX века, рисовавшего аристократок, принцесс, королей и императриц всей Европы. В настоящее время портрет находится в Третьяковской галерее.

¹ Здесь и далее – все даты по старому стилю.

Рис. 1. Императрица Мария Александровна (1824–1880 гг.) (портрет работы Ф. Винтерхальтера, 1859 г.).

Личная жизнь императрицы исследована весьма полно. Вместе с тем мы хотели бы сделать акцент на ее достижениях в сфере создания системы государственной благотворительности, а достижения эти являются выдающимися. И в этой связи нельзя не упомянуть личностное влияние Марии Александровны на своего супруга Александра II. Как Екатерина Великая в свое время быстро осознала русскую сущность елизаветинской политики, так и Мария поняла приверженность супруга либеральным идеям. До конца жизни, даже когда личные отношения с Александром II дали «трещину», она оставалась его верным соратником и помощником и в деле либерального реформирования, и в сфере государственной благотворительности.

Однако императрица никогда открыто не вмешивалась в политику, что многими ее современниками отмечалось как слабость и безынициативность (см., напр., [Милютин, 1947](#)). Однако приближенные императрицы говорили о феномене «серого кардинала» (см., напр., [Паткуль, 1903](#); [Романов, 1998](#); [Толстая, 1996](#); [Тютчева, 1990](#); [Яковлева, 1888](#) и др.) и о том, что природный аристократизм и недюжинный интеллект не позволяли ей демонстрировать свое влияние на супруга.

Именно под патронажем Марии Александровны был создан и отлично действовал Красный Крест, ставший наиболее крупной благотворительной организацией Российской империи. Как указывает В.И. Федорченко, императрица «лично патронировала 5 больниц, 12 богаделен, 36 приютов, 2 института, 38 гимназий, 156 низших училищ и 5 частных благотворительных обществ...», а также «...положила начало новому периоду женского образования в России учреждением открытых всеобщих женских учебных заведений гимназического характера» ([Федорченко, 2003: 473, 475](#)).

Императрица экономила даже на себе. И.В. Зимин указывает, что Мария Александровна с подлинно немецкой бережливостью экономила на одежде, надевая старые платья, а отложенные деньги жертвовала в пользу раненых солдат, сирот, больных и пр. ([Зимин, 2011b: 311](#)).

Одним из наиболее значимых результатов ее деятельности считается создание системы женских гимназий, в скором времени в честь своего создателя получивших название «Мариинских». Понимая необходимость женского образования, императрица глубоко осознавала перспективы принципа всеобщности в образовании. Женское образование в середине XIX века в России (и в мире в целом) было весьма неразвито: традиционная семья, характерная для абсолютного большинства населения планеты, не предполагала широкого участия женщин в экономических и общественных процессах, поэтому женская образованность считалась излишней. Мария Александровна была

категорически против такого подхода, причем назвать императрицу феминисткой было бы неверно. Внедрение системы женского образования должно было, по ее мнению, принести экономические и социальные выгоды для государства. К началу правления Николая II (1894 год) в России действовало 30 Мариинских гимназий с 7-классным курсом обучения, в которых получали образование почти 10 тыс. воспитанниц (Поздняков, 2024: 140). Сфера образования разрасталась, охватывая грамотностью все более широкие слои населения (о вопросе развития системы образования см., напр., Cherkasov et al., 2020; Cherkasov, 2011; Magsumov et al., 2020; Mamadaliev et al., 2020 и др.). Во многом именно императрица положила начало данной тенденции.

Покушения на Александра II, а также его любовные увлечения весьма негативно сказались на здоровье императрицы Марии. Военный министр Д.А. Милютин в своих мемуарах подробно описывает указанный момент (см., напр., Милютин, 1947). Воспитанная в привычке подавлять свои чувства, на склоне лет императрица заболела, причем болезнь носила характер общего недомогания. От природы слабое ее здоровье в зрелом возрасте воспринимало стрессы весьма тяжело, а лечение не давало сколь-либо значимых результатов. На публике Мария Александровна не показывала своего угнетенного морального состояния. В итоге это вылилось в заболевание легочным туберкулезом, от которого императрица умерла в возрасте 55 лет.

5. Заключение

Практически случайно став супругой русского цесаревича, принцесса Гессенская и Прирейнская, после перехода в православие получившая имя Мария Александровна, в России снискала себе всеобщий почет и славу как создатель государственной системы вспомоществования.

С немецкой педантичностью, помноженной на характерное для россиян чувство великодушия и справедливости, Мария Александровна создала сеть учреждений, названных в ее честь «Мариинскими», которые стали образцовыми в части качества образования, а процесс их организации стал эталоном системы государственной благотворительности в образовательной сфере. А филиал Красного Креста в Российской империи, целью которого была медицинская помощь нуждающимся, еще при жизни императрицы имел самый большой бюджет из всех благотворительных организаций.

Не будет преувеличением тезис о том, что по результатам деятельности императрицы Марии благотворительность и меценатство стали в Российской империи делом почетным, повсеместным, популярным и весьма распространенным, причем не только на государственном уровне, но и, прежде всего, на уровне обычных подданных. Такие меценаты, как Бахрушевы, П. Третьяков, С. Морозов, М. Мамонтов и другие, вдохновлялись жизненной философией благотворительности и идеями меценатства Марии Александровны.

Биографы отмечают слабое здоровье, но весьма сильный и сложный характер императрицы, при этом неизменно указывая такие черты, как педантичность, бережливость, доброта и альтруизм. Смысл своей жизни при русском дворе Мария Александровна нашла именно в помощи нуждающимся и была верна этому принципу до последних минут своей жизни.

Литература

- Александр Третий, 2001 – Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- Арсеньев, 1911 – Арсеньев Д.С. Из воспоминаний генерал-адъютанта адмирала Д.С. Арсеньева. 1876–1878 // Русский архив. № 12. М., 1911.
- Арсеньев, 2019 – Арсеньев Д.С. Жизнеописание императрицы Марии Александровны. 1838–1854. М.: Кучково поле, 2019.
- Бертенсон, 1892 – Бертенсон И.В. Императрица Мария Александровна в ее заботах о деятельности Российского общества Красного Креста // Русская старина. №1. М., 1892.
- Валуев, 1961 – Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах. М.: Наука, 1961.
- Володько, 2021a – Володько А.В. Вклад императрицы Марии Александровны в развитие женского образования в России открытые всесословные гимназии // Диалог со временем. 2021. № 76. С. 399-408.
- Володько, 2021b – Володько А.В. Императрица Мария Александровна: у истоков создания и развития российского общества Красного Креста // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 29-38.
- Зимин, 2011a – Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011.
- Зимин, 2011b – Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М.: Центрполиграф, 2011.
- Зимин, 2014 – Зимин И.В. Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. СПб.: Центрполиграф, 2014.
- Зимин, Соколов, 2015 – Зимин И.В., Соколов А.Р. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2015.

- Кавелин, 1898 – Кавелин К.Д. Из дневника 1857 г. / Собрание сочинений. СПб., 1898.
- Каратыгин, 1881 – Каратыгин П.П. Императрица Мария Александровна, 1824-1880. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1881.
- Маркелов, 1898 – Маркелов И.И. Воспоминания 1839 г. Первая встреча императора Александра II и императрицы Марии Александровны // *Русская Старина*. Т. 94. 1898. № 4.
- Меженцева, 2020 – Меженцева Г.Н. Главные цели попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в России // *Colloquium-Journal*. 2020. № 9-5 (61). С. 51-52.
- Милютин, 1947 – Милютин Д.А. Дневники 1873-1882. В 4 томах. М., 1947-1950.
- Паткуль, 1903 – Паткуль М.А. Воспоминания Марии Александровны Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX столетия. СПб., 1903.
- Петрова, 2007 – Петрова Т.А. Комнаты императрицы Марии Александровны в Зимнем Дворце. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007.
- Поздняков, 2024 – Поздняков А.Н. Женские гимназии в России: из истории их становления и развития / Теоретические и практические аспекты педагогики и психологии. Чебоксары, 2024. С. 114-141.
- Пономарева, 2013 – Пономарева В.В. Роль закрытых женских институтов Мариинского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*. 2013. № 2. С. 124-136.
- Романов, 1998 – Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М.: Искусство, 1998.
- Толстая, 1996 – Толстая А.А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни. М.: Энциклопедия Российских деревень, 1996.
- Тютчева, 1990 – Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневника фрейлина двора. М., 1990.
- Федорченко, 2003 – Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск, 2003.
- Яковлева, 1888 – Яковлева А.И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // *Исторический вестник*. 1888. Т. 31. № 1-3.
- Magsumov et al., 2020 – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- Mamadaliyev et al., 2020 – Mamadaliyev A.V., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10). Pp. 138-149.

References

- Aleksandr Tretii, 2001 – Aleksandr Tretii: Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma [Alexander the Third: Memories. Diaries. Letters]. SPb.: Pushkinskii fond, 2001. [in Russian]
- Arsen'ev, 1911 – Arsen'ev, D.S. (1911). Iz vospominanii general-ad'yutanta admirala D.S. Arsen'eva. 1876–1878 [From the memoirs of Adjutant General Admiral D.S. Arsenyev. 1876–1878]. *Russkii arkhiv*. 12. M. [in Russian]
- Arsen'ev, 2019 – Arsen'ev, D.S. (2019). Zhizneopisanie imperatritsy Marii Aleksandrovny. 1838–1854 [Biography of Empress Maria Alexandrovna. 1838–1854]. M.: Kuchkovo pole. [in Russian]
- Bertenson, 1892 – Bertenson, I.V. (1892). Imperatritsa Mariya Aleksandrovna v ee zabotakh o deyatelnosti Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta [Empress Maria Alexandrovna in her concerns about the activities of the Russian Red Cross Society]. *Russkaya starina*. 1. M. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- Cherkasov, 2011 – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.
- Fedorchenko, 2003 – Fedorchenko, V.I. (2003). Imperatorskii Dom. Vydayushchiesya sanovniki: Entsiklopediya biografii [Imperial House. Outstanding dignitaries: Encyclopedia of biographies]. Т. 2. Krasnoyarsk. [in Russian]
- Karatygin, 1881 – Karatygin, P.P. (1881). Imperatritsa Mariya Aleksandrovna, 1824-1880 [Empress Maria Alexandrovna, 1824-1880]. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva. [in Russian]
- Kavelin, 1898 – Kavelin, K.D. (1898). Iz dnevnika 1857 g. [From the diary of 1857]. Sbranie sochinenii. SPb. [in Russian]
- Magsumov et al., 2020 – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev, A.V., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409–2426.

[Markelov, 1898](#) – Markelov, I.I. (1898). Vospominaniya 1839 g. Pervaya vstrecha imperatora Aleksandra II i imperatritsy Marii Aleksandrovny [Memories of 1839. The first meeting of Emperor Alexander II and Empress Maria Alexandrovna]. *Russkaya Starina*. 94(4). [in Russian]

[Mezhentseva, 2020](#) – Mezhentseva, G.N. (2020). Glavnye tseli popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh v Rossii [The Main Goals of Empress Maria Alexandrovna's Guardianship of the Blind in Russia]. *Colloquium-Journal*. 9-5 (61): 51–52. [in Russian]

[Milyutin, 1947](#) – Milyutin, D.A. (1947). Dnevnik 1873–1882. V 4 tomakh [Diaries 1873–1882. In 4 volumes]. M., 1947–1950. [in Russian]

[Patkul', 1903](#) – Patkul', M.A. (1903). Vospominaniya Marii Aleksandrovny Patkul', rozhdennoi markizy de Traversay, za tri chetverti XIX stoletiya [Memories of Maria Alexandrovna Patkul, née Marquise de Traversay, for Three Quarters of the 19th Century]. SPb. [in Russian]

[Petrova, 2007](#) – Petrova, T.A. (2007). Komnaty imperatritsy Marii Aleksandrovny v Zimnem Dvortse. SPb.: Gosudarstvennyi Ermitazh, 2007. [in Russian]

[Ponomareva, 2013](#) – Ponomareva, V.V. (2013). Rol' zakrytykh zhenskikh institutov Mariinskogo vedomstva v ustanovlenii novykh norm povsednevnoi gigieny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role of closed women's institutes of the Mariinsky department in establishing new norms of everyday hygiene (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*. 2: 124–136. [in Russian]

[Pozdnyakov, 2024](#) – Pozdnyakov, A.N. (2024). Zhenskie gimnazii v Rossii: iz istorii ikh stanovleniya i razvitiya [Women's gymnasiums in Russia: from the history of their formation and development]. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pedagogiki i psikhologii. *Cheboksary*. Pp. 114–141. [in Russian]

[Romanov, 1998](#) – Romanov, K.K. (1998). Dnevnik. Vospominaniya. Stikhi. Pis'ma [Diaries. Memories. Poems. Letters]. M.: Iskustvo. [in Russian]

[Tolstaya, 1996](#) – Tolstaya, A.A. (1996). Zapiski freiliny. Pechal'nyi epizod iz moei zhizni [Notes of a Maid of Honor. A Sad Episode from My Life]. M.: Entsiklopediya Rossiiskikh dereven'. [in Russian]

[Tyutcheva, 1990](#) – Tyutcheva, A.F. (1990). Pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniya i fragmenty dnevnika freilina dvora [At the Court of Two Emperors. Memories and Fragments of a Diary of a Maid of Honor]. M. [in Russian]

[Valuev, 1961](#) – Valuev, P.A. (1961). Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del. V dvukh tomakh [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs. In two volumes]. M.: Nauka. [in Russian]

[Volod'ko, 2021a](#) – Volod'ko, A.V. (2021). Vklad imperatritsy Marii Aleksandrovny v razvitie zhenskogo obrazovaniya v Rossii otkrytye vsesoslovnyye gimnazii [Contribution of Empress Maria Alexandrovna to the Development of Female Education in Russia Open All-Class Gymnasiums]. *Dialog so vremenem*. 76: 399–408. [in Russian]

[Volod'ko, 2021b](#) – Volod'ko, A.V. (2021). Imperatritsa Mariya Aleksandrovna: u istokov sozdaniya i razvitiya rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta [Empress Maria Alexandrovna: at the Origins of the Creation and Development of the Russian Red Cross Society]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2: 29–38. [in Russian]

[Yakovleva, 1888](#) – Yakovleva, A.I. (1888). Vospominaniya byvshei kamer-yungefery imperatritsy Marii Aleksandrovny [Memories of the former chambermaid of Empress Maria Alexandrovna]. *Istoricheskii vestnik*. 31: 1–3. [in Russian]

[Zimin, 2011a](#) – Zimin, I.V. (2011). Vzroslyi mir imperatorskikh rezidentsii. Vtoraya chetvert' XIX – nachalo XX v. [The adult world of imperial residences. The second quarter of the 19th – early 20th centuries]. M.: Tsentrpoligraf. [in Russian]

[Zimin, 2011b](#) – Zimin, I.V. (2011). Tsarskie den'gi. Dokhody i raskhody Doma Romanovykh [Tsar's Money. Income and Expenses of the House of Romanov]. M.: Tsentrpoligraf. [in Russian]

[Zimin, 2014](#) – Zimin, I.V. (2014). Lyudi Zimnego dvortsa. Monarshie osoby, ikh favority i slugi [People of the Winter Palace. Royal persons, their favorites and servants]. SPb.: Tsentrpoligraf. [in Russian]

[Zimin, Sokolov, 2015](#) – Zimin, I.V., Sokolov, A.R. (2015). Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovykh. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora [Charity of the Romanov family. XIX – early XX centuries. Everyday life of the Russian imperial court]. M.: Tsentrpoligraf. [in Russian]

Биографический очерк к 200-летию со дня рождения российской императрицы Марии Александровны (1824–1880 гг.)

Владимир Александрович Свечников ^{a,*}, Михаил Гурамович Смирнов ^b,
Руслан Мурадович Аллалыев ^{c,d}, Гримальская Светлана Александровна ^e

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается 200-летию юбилею со дня рождения императрицы Марии Александровны, урожденной Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии, принцессы Гессенской и Прирейнской, супруги российского императора Александра II Освободителя. Материалами послужили биографические исследования, посвященные императрице Марии, а также мемуары ее современников. В качестве методов исследования применены историографический метод, метод классификации, метод синтеза.

Мария Александровна прославилась как создательница государственной системы вспомоществования в Российской империи. С немецкой педантичностью, помноженной на характерное для россиян чувство великодушия и справедливости, Мария Александровна создает сеть женских учебных заведений/гимназий, названных в ее честь «Мариинскими», которые стали образцом в части качества образования, а процесс их организации стал эталоном системы государственной благотворительности в образовательной сфере. Филиал Красного Креста в Российской империи, целью которого была медицинская помощь нуждающимся, еще при жизни императрицы имел самый большой бюджет из всех благотворительных организаций.

Одним из результатов работы императрицы был тот факт, что благотворительность и меценатство стали в Российской империи делом почетным, повсеместным, популярным и весьма распространенным, причем не только на государственном уровне, но и, прежде всего, на уровне обычных подданных. Биографы отмечают слабое здоровье, но весьма сильный и в то время сложный характер императрицы, при этом неизменно указывая такие черты, как педантичность, бережливость, доброта и альтруизм. Смысл своей жизни при русском дворе Мария Александровна нашла именно в помощи нуждающимся и была верна этому принципу до последних минут своей жизни.

Ключевые слова: императрица Мария Александровна, 1824–1880 гг., Мариинские учреждения, система вспомоществования в Российской империи, система государственной благотворительности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svechnikov.va@rea.ru (В.А. Свечников)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1215-1227
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1215

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Influence of the Exile on the Dynamics of Socio-Demographic and Ethnocultural Processes in the Population of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries

Vera I. Fedorova ^{a, *}

^a Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Russian Federation

Abstract

The article examines the influence of exiles on the dynamics of socio-demographic and ethnocultural changes in the population of the Yenisei province at the turn of the XIX–XX centuries. The article considers the number, gender, age, social class, ethno-confessional composition, migration of exiles, their role in the reproduction of the population, the formation of the labor market and a new socio-class structure of the industrial-urban type. It is argued that the impact of the link was ambiguous. On the one hand, it increased the rural population, which led to the conservation of the agrarian society. On the other hand, it accelerated social differentiation in the countryside and formed a labor market. At the same time, the quality of the labor force represented by the exiles was extremely low, which led to the preservation of semi-serfdom forms of exploitation, underestimation of the real cost of labor of employees and aggravated the status of Siberia as a colonial suburb.

Being polyethnic in its composition, the exile contributed to the formation of Siberian identity, which was the result of the acculturation of different ethnic groups, which made Siberian society receptive to the cultural experience and values of other peoples.

Keywords: exile, exiles, penal colonization, mechanical, natural population growth, marriage, age and sex structure, socio-class structure, ethno-confessional composition, migration, acculturation.

1. Введение

Актуальность изучения массовой ссылки в современном сибиреведении обусловлена ее исключительной ролью в жизни края. На ранних этапах освоения Сибири она служила основным способом колонизации региона, но породила столько проблем в его развитии, что вынудила власть радикально пересмотреть понимание места и роли Сибири в составе государства. Потребовалось осмысление сложного комплекса вопросов о последствиях ссылки, в том числе, ее влияния на социально-демографические и этнокультурные процессы в регионе. Поэтому данная тема становится актуальной для российской науки еще в XIX в. и не утрачивает своего значения для современных историков, поскольку в процессе ее изучения обнаруживается переплетение столь сложных связей, которые требуют объединения усилий историков и ученых из других областей гуманитаристики, а также использования междисциплинарных подходов и новых теоретико-методологических траекторий.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составила текущая административная статистика, опубликованная в «Статистических обзорах Енисейской губернии» и «Памятных книжках». Они дают сведения, позволяющие выявить динамику численности ссыльных по годам, их удельный вес в составе населения губернии. Исключительную ценность имеют «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии»,

* Corresponding author

E-mail addresses: vi-fedorova@yandex.ru (V.I. Fedorova)

изданные в 1893 г. под эгидой ВСОРГО. Они стали результатом научной экспедиции по статистическому обследованию крестьянского хозяйства, организованной по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири А.П. Игнатъева в преддверии землеустроительной реформы. Глава о населении Енисейской губернии была подготовлена В.Ю. Григорьевым, а ее раздел о ссыльнопоселенцах – И.Г. Шешуновым. «Материалы» содержат уникальные сведения по демографии: рождаемости, смертности, гендерному составу, миграциям. В основу изучения была положена сплошная подворная перепись. Репрезентативность результатов статистического обследования получила высокую оценку в научном сообществе, а их участники были удостоены золотой медали ИРГО.

В настоящем исследовании представлена попытка дать комплексный анализ ссыльных как специфической социально-демографической группы, обладающей определенным типом демографического и социализирующего поведения. Объединяющим признаком ссыльных всех категорий является маргинальность, связанная с преступным прошлым и отторжением от прежней локальности. Характеристика этой группы дает материал для анализа влияния массовой ссылки на социально-демографическую и этнокультурную динамику населения Енисейской губернии XIX – начала XX в. Таким образом, исследование лежит на стыке исторической демографии и социальной истории, что предполагает использование междисциплинарных подходов. Изучение поставленной проблемы осуществляется в рамках социокультурного регионоведения, открывающего перспективы соотношения общих закономерностей перехода от обществ аграрного типа к индустриально-урбанистическому.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии начало изучению ссылки в социальном аспекте было положено Е.Н. Анучиным. В работе «Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов» (СПб., 1873) ученый рассмотрел динамику численности, социальный, половозрастной, этно-конфессиональный состав ссыльных. Полученные им данные позволяют выявить масштабы и социально-демографический потенциал ссылки

Большая заслуга в разработке проблемы принадлежала Н.М. Ядринцеву. В исследовании «Сибирь как колония» он поднимает вопросы социальной адаптации ссыльных, их участия в хозяйственной и общественной жизни, взаимоотношения с местным населением. Ядринцев пришел к выводу о том, что «увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно» (Ядринцев, 1882: 203). Он объяснял это особенностями половозрастного состава и слабой степенью социализации ссыльных в сибирском обществе. Особенно он акцентировал тему отрицательного значения ссылки для формирования гражданских институтов, без которых, как он считал, Сибирь была обречена оставаться колонией в составе России.

Критического подхода в изучении ссылки придерживался идеолог областничества А.П. Шапов, а также авторы народнического направления В.Л. Серошевский и С.Л. Чудновский, которые единодушно отмечали ее пагубное влияние на развитие сибирского общества (Шапов, 1937; Серошевский, 1908; Чудновский, 1886). А.П. Шапов утверждал, что заселение Сибири уголовными ссыльными оказывало отрицательное воздействие на формирующуюся «сибирско-русскую народность». Это сказывалось не только на ослаблении физического здоровья сибиряков, так как ссыльные были обременены всевозможными физическими дефектами и болезнями, но и на подрыве устоев общинной солидарности и привносило дух «наживательства, эксплуатации и мироедства» (Шапов, 1937: 283).

Важной вехой в изучении проблемы стало исследование начальника Главного тюремного управления А.П. Саломона «Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения» (СПб., 1900), подготовленный им по материалам командировки в Сибирь в связи с предстоявшей реформой пенитенциарной системы в России. В работе был обобщен колоссальный материал о численности, составе, размещении, занятиях, материальном положении ссыльных. Данный материал был предоставлен губернскими экспедициями о ссыльных в виде ответов на вопросы анкеты, разработанной Главным тюремным управлением. По полноте документальных данных и широте проблематики, охватывающей характеристику законодательной базы ссылки, это исследование в дореволюционной историографии можно считать одним из лучших. Автор убедительно показал, что результат ссылки ничтожен: «из 300 тыс. ссыльных только 4500 имеют шанс окончательно слиться с старожильским населением» (Саломон, 1900: 337). Он сравнивает ссылку с крепостным правом, которое к моменту отмены исторически себя уже изжило.

В советской историографии фокус исследовательской проблематики в изучении ссылки смещается в область политической истории. В это время преимущественно изучается политическая ссылка, которая рассматривается как неотрывная часть истории революционного движения. Ссылка как фактор социально-демографических процессов изучалась не как самостоятельный предмет, а в рамках работ по исторической демографии А.Р. Шнейдера, В.В. Покшишевского, В.М. Кабузана, В.В. Воробьева, В.И. Пронина (Шнейдер, 1928; Покшишевский, 1951; Кабузан, 1979; Воробьев, 1975; Пронин, 1981).

Особо стоит выделить работы Е.И. Соловьевой и А.Д. Марголиса. Соловьева, рассматривая ссылку как фактор формирования сельского населения, приходит к выводу о том, что «ее колонизационное значение не следует преувеличивать», так как ссыльные слабо участвовали в воспроизводстве населения (Соловьева, 1983: 226). Марголис основное внимание уделяет анализу статистики, отражающей динамику численности и расселения различных категорий ссыльных, их долю среди сибирского населения. Историк утверждает, что массовая ссылка, сыгравшая известную роль в заселении Сибири, к середине XIX в. «постепенно теряет всякий смысл». Он рассматривает ссылку как «проявление хищнической колониальной политики царизма», сознательно превращавшего «огромную восточную окраину в колонию ссыльных, скопище уголовных элементов» (Марголис, 1975: 237).

Таким образом, однозначной оценки роли ссылки в колонизации Сибири у советских историков не сложилось. В постсоветский период наблюдается возрождение интереса историков к всестороннему изучению ссылки как многогранному социально-демографическому, экономическому, политическому и культурному явлению. В работах М.В. Шиловского, А.А. Сысоева, А.А. Иванова рассматривается комплекс вопросов, связанных с особенностями социальной интеграции ссыльных в сибирское общество, их вклад в хозяйственное развитие края, влияние на демографию и формирование социально-классовой структуры, межэтнические отношения (Шиловский, 2004; Сысоев, 2003; Иванов, 2014).

Плодотворным для исследования ссылки как сложного социокультурного феномена является новый дискурс, раскрывающий образ ссылки в восприятии власти и общества, который получил развитие в трудах А.М. Хламовой и В.П. Шахерова (Шахеров, 2005; Хламова, 2010).

4. Результаты

С ранних этапов освоения Сибири власть рассматривала ссылку не только как меру борьбы с криминальным элементом в обществе, но и как инструмент колонизации сибирского края. Так, уже в XVII в. труд ссыльных использовали при строительстве Енисейского и Красноярского острогов, ими заселяли прилегающие к острогам земли, на которых они вели земледельческое хозяйство. В XVIII в. начинается заселение ссыльными Сибирского тракта. На основании указов 1762–1763 и 1763–1765 гг. только в Красноярский уезд было выслано до 3 тыс. душ ссыльных (Семевский, 1901: 181). Ссыльные также становятся основным контингентом рабочих на Луказском и Ирбинском металлургических заводах на юге края. Часть из них расселялась вокруг заводов, образуя небольшие деревеньки. Однако их доля в составе постоянного населения юга Приенисейского края не превышала 8 % податного населения.

В XIX в. правительство решило распространить на Сибирь практику устройства казенных поселений. Они повторяли идею военных поселений, модифицированную с учетом специфики региона, выполнявшего функцию штрафной окраины, поэтому в них селили ссыльнопоселенцев. В 1827 г. Сибирский комитет разрешил устройство поселений в Енисейской губернии. В короткий срок здесь было создано 22 поселения в Ачинском, Канском и Минусинском округах.

Контингент поселенцев состоял из проштрафившихся солдат, беглых крепостных, бродяг, крестьян, высланных помещиками. К 1837 г. их численность составила 5 952 душ муж. и 3 835 жен. пола (Гагемейстер, 1854: 114). Поселенцы освобождались от уплаты податей и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. Труд их был строго регламентирован. Однако эксперимент закончился полным провалом, так как поселенцы, не желая заниматься земледелием, либо пускались в бега, либо уходили на прииски, либо бродяжничали. И в 1842 г. власти отказались от подобной практики, переводя казенные поселения в статус обычных сел.

Одним из проявлений штрафной колонизации стала высылка в Сибирь солдат, «опороченных по службе». На местах высылки они верстались в казачьи полки и вместе с семьями расселялись по станицам. Такими штрафниками были заселены в 1860-е гг. станицы Иннокентьевская, Тинская Канского округа, Тенгина и Нижне-Есаульская Красноярского округа, Алтайская Минусинского округа. Однако и этот способ освоения края не оправдал себя, и новоявленные казаки, не желавшие пахать землю и одновременно тянуть ярмо военной службы, пополнили вскоре ряды деклассированного элемента или разошлись по селениям старожилов. Концом неудавшегося эксперимента стало расформирование казачьих полков в 1871 г. и перевод казаков в сословие «крестьян из казаков».

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. стали эпохальной вехой в российской истории. В результате реформы 1861 г. крестьяне обрели свободу, но заплатили за нее слишком высокую цену. Выкупные платежи и отрезки наделных земель резко ускорили пауперизацию крестьянства и способствовали росту протестных настроений в деревне. Второй составляющей протестного движения становится деятельность революционных народнических организаций. Все это стимулировало власть к более активному использованию Сибири в качестве штрафной окраины, предназначенной для изоляции протестного контингента. Так, если в предреформенное десятилетие приток ссыльных в Сибирь, по данным А.Д. Марголиса, составлял в среднем 7 057 чел. в год, то в первое пореформенное десятилетие он вырос до 123 543 или 12 354 чел. в год, а к 1880-м гг. ежегодный приток ссыльных

превысил 19 тыс. (Марголис, 1975: 224).

Анализ динамики притока ссыльных в Енисейскую губернию подтверждает отмеченную закономерность. Как видно из таблицы 1, пик приходился на 1860–1870-е гг., когда ссылка достигает своего максимума – 4 330 человек в год. Со второй половины 1870-х гг. она несколько снижается, но все еще остается значительной, давая 38,9 % общего прироста населения губернии.

Таблица 1. Ежегодный приток ссыльных в Енисейскую губернию 1857–1915 гг.

Годы	Численность ссыльных
1857–1861	1375
1862–1866	3252
1867–1871	4330
1872–1876	2797
1877–1881	2156
1883–1885	2050
1886–1896	2006
1897–1902	1202
1903–1905	251
1906–1908	166
1909–1912	682
1913–1915	913

Источник: [Статистический обзор..., 1871–1916](#); [Памятная книжка, 1863–1915](#)

К концу XIX в. в центральных губерниях явственно начинают проявляться признаки аграрного перенаселения, в то время как в Сибири сохраняется огромный резерв свободных земель. Это радикально меняет отношение власти к региону, в котором она отныне видит спасение от аграрного кризиса. Собственно, и постройка Транссиба, облегчавшего вольную крестьянскую колонизацию, во многом была вызвана не только геополитическим поворотом на Восток, но и самой сущностью аграрной политики царизма – сохранить экстенсивную модель сельского хозяйства, ничего не меняя в его экономической и технологической структуре. Одновременно постройка Транссиба обесценила возможность изоляции криминального элемента от центра страны. В итоге политический вектор в отношении региона резко меняется, и из штрафной окраины Сибирь превращается в край вольной крестьянской колонизации. Поэтому законом 12.06.1900 г. ссылка в Сибирь была существенно ограничена. Ссылка на жительство была заменена тюремным заключением. Ссылка на поселение сохранялась только для каторжников, отбывших свой срок, и за преступления религиозного и государственного характера, ссылка на водворение территориально ограничивалась Сахалином, административная ссылка стала срочной с возможностью возвращения в европейскую часть страны. Закон также вводил некоторые ограничения ссылки в Сибирь по приговорам сельских обществ. Это привело к заметному сокращению как общей численности ссыльных, так и их доли в составе сибирского населения, что мы и можем наблюдать посредством статистики по Енисейской губернии. Из [Таблицы 2](#) очевидно, что доля ссылки в составе населения имела устойчивую тенденцию к сокращению, снизившись с максимального значения 18,7 % в 1880-е гг. до 4,1 % к началу Первой мировой войны.

Таблица 2. Доля ссыльных в населении Енисейской губернии

Население	1863	1870	1885	1896	1905	1911	1913
Население губернии	323014	372862	447076	554049	713630	1022486	1119208
Ссыльные	44987	67312	83657	65303	32126	44545	46342
% ссыльных от населения	13,9	18,05	18,7	11,8	4,5	4,4	4,1

Источник: [Статистический обзор..., 1890–1916](#); [Памятная книжка..., 1863–1915](#)

Половозрастной состав ссыльных отражал специфику этого социального контингента. Среди них преобладали люди среднего и старшего возрастов (60 лет и более). Если доля группы среднего возраста среди мужчин из ссыльнопоселенцев ненамного превышала таковую среди старожил (51,4 % и 49,9 % соответственно), то при сравнении группы 60 лет и старше мы видим, что среди ссыльнопоселенцев она более чем в 2 раза превышала таковую у старожил. Менее заметна разница в этой группе среди женщин: 10,4 % и 10,7 %. Естественно, что при такой возрастной структуре ссыльные не могли оказывать сколько-нибудь значительное влияние на динамику естественного

прироста населения в губернии.

Таблица 3. Возрастной состав старожилов и ссыльнопоселенцев в %

Население	Мужчины					Женщины				
	До 7 лет	7-14 лет	14-18 лет	18-60 лет	60+ лет	До 7 лет	7-14 лет	14-18 лет	18-60 лет	60+ лет
Старожилы	20,8	14,3	7,3	49,9	7,7	20,9	11,3	7,3	49,7	10,4
Ссыльнопоселенцы	14,7	11,7	4,8	51,4	17,4	20,6	11,5	7,2	50,0	10,7
Всё население губернии	19,7	13,9	7,0	50,7	8,7	21,0	11,1	7,6	49,8	10,5

Источник: [Материалы..., 1893: 74-75](#)

Соотношение полов среди ссыльнопоселенцев также не способствовало их активному участию в воспроизводстве населения. Если для всего населения губернии соотношение полов составляло 93,5 женщин на 100 мужчин, то среди поселенцев оно было равно 73,8 на 100 ([Материалы..., 1893: 63](#)). Конечно, ссыльнопоселенцы при заключении браков могли рассчитывать на сибирячек. Однако браки с ними были нечастым явлением. В подавляющей массе ссыльнопоселенец – это мужчина старше 40 лет, не имеющий профессии, с подорванным здоровьем, тяжелым жизненным опытом и асоциальными привычками. Хотя по части физических увечий (слепота, глухонмота, нервно-психические расстройства) ссыльнопоселенцы выглядели даже более благополучно на фоне старожилов. Среди мужчин старожилов больные составляли 10,5 на 1тыс., среди женщин – 5,4, а среди мужского населения ссыльнопоселенцев доля увечных – 7,5, у женщин – 7,0 ([Материалы..., 1893: 92](#)). Тем не менее ссыльнопоселенец как потенциальный глава семьи вряд ли мог привлекать сибирячек, так как по своему социальному статусу он относился к париям сибирского общества. У 51,5 % из них не было своего жилья.

Губернские власти, заинтересованные в успешной социализации ссыльных, пытались стимулировать сибиряков к тому, чтобы те включали их в свои семьи. Так, семьи, принявшие ссыльных в свой состав посредством брака, получали денежное пособие 50 руб. Однако охотников польститься на этот капитал из года в год становилось все меньше, и к концу XIX в. эту практику прекратили. Поэтому тем ссыльнопоселенцам, которые все-таки решались завести семью, приходилось рассчитывать на женщин из их круга: ссыльных поселенок, вдов ссыльнопоселенцев или их дочерей. Но такие семейные союзы, как правило, оставались невенчанными и считались незаконным сожительством. Так, на 1892 г. почти 66 % поселенок числились в незаконном браке с поселенцами ([Материалы..., 1893: 104](#)).

Некоторых осужденных в ссылку сопровождали семьи, но они составляли менее пятой части от общей численности ссыльных. Так, за 1886–1897 гг. из общего числа ссыльнопоселенцев лишь 2698 (19,2 %) прибыли в Енисейскую губернию с семьями ([Саломон, 1900: 282](#)). В итоге брачность среди ссыльнопоселенцев на 1892 г. в 4-х округах губернии составляла 41%, что существенно ниже по сравнению со старожильческим населением – 82 % ([Материалы..., 1893: 104](#)).

Второй причиной, повлиявшей на низкий процент семейных среди ссыльных, было брачное законодательство, согласно которому право подать на развод имела только неосужденная сторона. Ее отказ делал для осужденных вступление в новый брак в ссылке невозможным. Кроме того, для некоторых категорий существовали ограничения на вступление в брак. Так, сосланным на водворение рабочим запрещалось в течение 5 лет после поселения вступать в брак.

Семьи ссыльных, как правило, были малодетными. Средняя людность семей ссыльнопоселенцев составляла 1,5 человека, тогда как у старожилов – 5,6. По количеству работников семьи ссыльнопоселенцев очень сильно проигрывали старожилам. Среди них преобладали семьи, не обеспеченные работниками (28,4 %), хорошо обеспеченные, с двумя-тремя работниками было только 1,5 %. Тогда как у старожилов семьи, не обеспеченные работниками, составляли 7,3 %, а хорошо обеспеченные – 30,8 % ([Материалы..., 1893: 68](#)).

Ссылка с первых этапов своей истории оказывала заметное влияние на этнический состав сибирского населения. Уже в XVII-XVIII вв. в Сибирь начали выселять пленных военнослужащих. В Приенисейском крае можно было встретить поляков, украинцев, шведов, финнов, немцев, участвовавших в Северной войне. Позднее практика высылки в Сибирь иностранных военнопленных вплоть до Первой мировой войны была приостановлена. В XIX–XX вв. ряды иноэтнического контингента сибирского населения стали пополнять участники национально освободительного движения в Польше, Украине, Закавказье, Поволжье Средней Азии. В тех случаях, когда высылка нерусских народов носила массовый характер и репрессированные исчислялись тысячами человек, возникали компактные этнические диаспоры, члены которых стремились сохранить свою идентичность.

Ярким примером в этом отношении служит история поляков, высланных в губернию за участие в восстании 1863-1864 гг. К концу 1865 г. численность сосланных поляков в губернии составила

3 204 человека. В дальнейшем в результате внутренних перемещений из других регионов Сибири она достигла своего максимума – 4 419 человек. Надо заметить, что термин «польская ссылка» в исследовательской литературе носит условный характер, так как этнические поляки, действительно, составляли ее ядро. Однако среди ссыльных было немало выходцев из западных губерний (Ковенской, Вольнской, Виленской, Гродненской), которые являлись белорусами, литовцами, немцами, украинцами. В Енисейской губернии они составляли 45 %.

В результате расселения поляков на территории губернии сложилось несколько колоний в волостях Минусинского, Красноярского и Канского округов. Численность поляков в отдельных волостях составляла 300-350 человек. Например, в Тесинской волости находилось 339 человек, в Шушенской – 239, в Абаканской – 352. А в некоторых селах ссыльных поляков было больше, чем старожилов. Среди высланных преобладали мужчины среднего возраста от 30 до 50 лет (35,8 %), хотя немалую когорту составляла и молодежь от 19 до 29 лет (23,7 %), до 18 лет – 10 %, старше 50 лет – 9,5 % (Береговая, 2007: 13). В подавляющей массе они были либо неженаты, либо их семьи остались на родине. А поскольку пребывание поляков в ссылке затянулось почти на 20 лет, то многие из них стали вступать в брак с местными женщинами.

Наиболее активно интеграция поляков в сибирское общество шла среди лиц податных сословий, которые в ссылке обратились к крестьянским занятиям. В этом случае брак с сибирскими крестьянками не только не ронял их социальный статус, но даже позволял достичь более высокого уровня материального благополучия. Ведь изобилие ресурсов, необходимых для ведения крестьянского хозяйства, в Сибири выгодно отличалось от родной Польши или Литвы. Некоторые из них, чтобы добиться успехов в хозяйственной деятельности, которые давали семейно-родственные связи, переходили в православие и, как говорили товарищи по ссылке, «осибирячивались». Правда, в этот термин вкладывалась негативная коннотация, так как большинство этнических поляков очень ревностно относились к сохранению «польского духа». В то же время проявления культурной или конфессиональной конфронтации между сибиряками и поляками встречались очень редко. В городах возводились католические костелы, и польские врачи, инженеры, ученые, коммерсанты, журналисты, учителя, музыканты, невзирая на многочисленные полицейские запреты, находили самый теплый прием у сибиряков. Сибирские крестьяне охотно принимали в сельские общества поляков. Многие их усыновляли, то есть брали в семьи в качестве потенциальных мужей, зятьев. Сибирское общество очень нуждалось в культурных кадрах, а польские ссыльные в этом смысле представляли очень ценный ресурс, поэтому ни этноконфессиональные, ни административно-полицейские барьеры не помешали активной аккультурации сибиряков и поляков. Общая цель культурной миссии, основанной не на традиционной этноконфессиональной идентичности, а на ценностях культурного модерна, ядро которого составляли идеи социального прогресса и гуманистическая парадигма развития общества, сближала русскую и польскую интеллигенцию. Это дает основание некоторым исследователям говорить о формировании особого типа социокультурной идентичности – сибирских поляков.

В конце XIX – начале XX вв. уже не было столь массовых высылки поляков, тем не менее польская диаспора пополнялась и в этот период, главным образом, за счет высылки участников массовых протестных выступлений в годы Первой русской революции и общественно-политического подъема 1910-1912 гг. В целом доля поляков в этнической структуре населения губернии на 1912 г. составила 1 % (Памятная книжка..., 1913: 187).

Другая компактная этноконфессиональная группа ссыльных состояла из лютеран, расселившихся на территории Минусинского округа. Пионерами евангелическо-лютеранской колонизации в Енисейской губернии стали ссыльнопоселенцы, переселившиеся в 1847 г. из Западной Сибири. Первоначально небольшая группа из пяти семей поселилась на берегу Енисея в 200 верстах ниже Минусинска. Но место оказалось неудобным для ведения крестьянского хозяйства, и в 1850 г. колонисты переехали на берега р. Суэтук, основав поселение Верхний Суэтук. Вначале это было смешанное поселение, в котором проживали финны, эстонцы, латыши, но по мере притока новых поселенцев лютеранского вероисповедания в 1858 г. из него выделилась группа латышей, основавших моноэтническое поселение в 20-ти верстах. А в 1861 г. из Верхнего Суэтука отделились эстонцы, основав в 8 верстах от латышского поселения свое, назвав его Верхняя Буланка. Население колоний быстро росло как за счет миграции лютеран из других мест губернии, так и за счет естественного прироста, и к 1864 г. в трех колониях численность населения уже составила 1 222 чел. (Памятная книжка..., 1865: 68).

Активная динамика численности лютеранского населения объясняется тем, что дело расселения лютеран в Сибири взяла под свой контроль Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, которая обратилась в МВД с предложением о компактном расселении своей паствы в Восточной Сибири. Позднее к решению этого вопроса подключились власти Великого княжества Финляндского. В 1863 г. был издан указ Александра II о создании лютеранского прихода в селении Верхний Суэтук. В соответствии с ним предполагалось, что лютеранского пастора будет назначать Финляндский Сенат. Он должен был осуществлять религиозный надзор не только за финнами, но и латышами, и эстонцами. А с 1870 г. всех лютеран, высылаемых в Восточную Сибирь, стали направлять в эти три поселения в соответствии с этнической принадлежностью: финнов – в Верхний Суэтук,

латышей – в Нижнюю Буланку, эстонцев – в Верхнюю Буланку.

В разделении по этническому признаку были обоюдно заинтересованы как власть, так и сами поселенцы. Для первых это упрощало задачу землеустройства поселенцев, так как для более компактных поселений было проще организовать землеотведение. Для вторых – облегчало организацию церковной службы и обучения детей на родном языке. В целом хозяйственная и общественно-культурная жизнь лютеранских колоний протекала в отрыве от тех проблем, которыми жило сибирское общество. Колонистов больше интересовали события, происходившие на их исторической родине, нежели рядом с ними. Они выписывали финские, латышские, эстонские газеты, так как русского языка практически не знали. Преподавание в школах велось на родном языке. Попытка сибирского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина в 1895 г. ввести в лютеранских школах преподавание русского языка, а сами школы передать в ведении МНП, натолкнулась на сопротивление Министерства финансов, так как это неизбежно бы привело к переводу школ на финансирование из российского бюджета. Столичных чиновников вполне устраивало, что все затраты на содержание школ и социальную поддержку ссыльных лютеран брала на себя Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, поэтому колонисты существовали как некий этнокультурный анклав, живший своим замкнутым социально-экономическим и культурным укладом.

Кроме поляков и разных этносов евангелическо-лютеранской конфессии, самую многочисленную (1094 чел.) иноэтническую группу среди ссыльных губернии составляли кавказские народы (грузины, осетины, мингрелы, черкесы, чеченцы и др.). Однако они не представляли сколько-нибудь консолидированное сообщество и были рассеяны на громадных пространствах. Судя по тому, что соотношение мужчин и женщин среди них было практически равным, можно полагать, что они селились семьями и в ссылке сохраняли свой этнокультурный уклад, не смешиваясь с местным населением.

Социально-сословный состав ссыльных являл собой зеркало сложных пертурбаций, которые переживало российское общество, находившееся в стадии перехода от традиционной модели к индустриально-урбанизированной. Рушились старые патриархальные институты, внутрисословные и семейные связи, массы людей выталкивались из привычной жизненной колеи, меняя не только место жизни, где веками обитали их предки, но и свой социальный статус. Радикально менялись социально-культурные и морально-этические ориентации.

Маргинализация, коснувшаяся практически всех слоев российского общества, породила огромную волну преступности. По данным Б.Н. Миронова, индекс преступности в 1850–1860 гг. составлял 95 % от уровня начала XIX в., а в 1911–1913 – 305 % (Миронов, 1999: 84). При этом в структуре преступлений возрастает процент тяжелых, главным наказанием за которые являлись ссылка и каторга. В исследовании Е.Н. Анучина приводится статистика преступлений по сословиям. Очевидно, что самой многочисленной группой среди сосланных в Сибирь являлись крестьяне – 79,77 %. Затем в порядке убывания следовали военные – 8,87 %; мещане – 7,89 %; дворяне – 2,43 %; духовенство – 0,78 %; купцы – 0,25 %. В целом на долю податных сословий, осужденных к ссылке, приходилось 96,54 %, привилегированных – 3,46 % (Анучин, 1873: 71).

Данные Анучина относятся к 1840 – началу 1860-х гг., однако к концу XIX – началу XX вв. пропорциональное их соотношение почти не изменилось. По-прежнему сохранялась высокая доля крестьянства, что было связано с ускорением социальной дифференциации, увеличением безземельного крестьянства, уходившего в города и нередко попадавшего там в криминальные структуры. В начале XX в. повышение численности крестьян среди ссыльных было связано с активным протестным движением в деревне. Пик высылки крестьян в Сибирь, участвовавших в протестных выступлениях в период Первой русской революции, пришелся на 1907–1908 гг. Вторая волна высылки крестьян начинается в 1909–1911 гг. и была связана с массовыми выступлениями против Столыпинской реформы. Высокая доля мещан в составе ссыльных также была обусловлена активной ролью городского населения в бурном протестном движении, охватившем Россию в начале XX в.

Доля высших сословий среди высланных в Сибирь в этот период также имела тенденцию к росту. В структуре преступлений представителей этой группы заметно увеличивается доля дел имущественного характера: подлоги, растраты, присвоения казенных средств и злоупотребления на государственной и общественной службе. Одним из самых ярких событий, отразивших эту тенденцию в российском обществе, стало дело «червонных валетов». Члены «Клуба червонных валетов», объединившего представителей высшей дворянской знати (из 48-ми 36 были высокопоставленными чиновниками, богатыми помещиками), используя связи во власти и деловых кругах, в течение 8 лет организовали множество финансово-экономических афер, ущерб от которых исчислялся в сотнях тысяч рублей. По своей дерзости деятельность «валетов» не имела аналогов в российской криминалистике. Судебный процесс над ними имел громкий резонанс в российском обществе, поколебав представления о том, что криминальные финансовые аферы – это преимущественно сфера зарождающейся буржуазии («колупаевых, разуваевых чумазах»), а не благородного дворянства. Один из организаторов клуба, И.М. Давыдовский, был лишен всех прав и состояний и выслан на поселение в Енисейскую губернию, где пробыл до 1902 г. (Дело о клубе «Червонных валетов», 1997: 142–252).

Среди дворянства сохранялось лидерство и по преступлениям против государства, дававших основной приток политических ссыльных в Сибири. Так, среди лиц, высланных по политическим

процессам 1870–1880-х гг. в Енисейскую губернию, дворянство составляло почти 70 %. Оно лидировало и в начале XX в., но в это время, по признанию самих участников движения, в ссылку «пошла улица», то есть выросла доля низших сословий, сославшихся по политическим преступлениям.

Ссылка оказывала неоднозначное влияние на изменения в социальной структуре населения губернии. Поскольку основной ее контингент составляли крестьяне, то увеличение их доли вело к консервации социума аграрного типа. В Сибири поселенцы приписывались к сельским обществам, получая статус крестьян из ссыльных, но отличие их от старожилов проявлялось лишь в том, что они временно пользовались некоторыми льготами в уплате податей и исполнении повинностей. С окончанием льготного срока отличия фактически исчезали. С другой стороны, ссылка вела к увеличению пролетарских слоев в деревне, следствием чего являлось разложение крестьянства как традиционного сословия. Пополняя ряды сибирского крестьянства, ссыльные составляли его низшую страту. По данным обследования губернского статистического комитета, в 1892 г. из 15 943 ссыльнопоселенцев, причисленных к сельским обществам в 4-х округах губернии, 14,9% жили на иждивении в семьях старожилов, 4,7 % – нищенствовали, 0,1% – бродяжничали (*Материалы..., 1893: 90*). Таким образом, почти пятая часть ссыльнопоселенцев не занималась производительным трудом, паразитируя в качестве иждивенческого балласта и криминального элемента. Из тех, кто жил своим трудом, 46,8 % являлись наемными работниками. Из них 5,9 % занимались поденной работой, 32,2 % являлись сроковыми работниками, 9,6 % – поденщиками, работали на приисках – 5 % (*Материалы..., 1893: 94*). Только 8,7 % занимались земледелием, 17,6 % вели комбинированное хозяйство (земледелие и промыслы), 19,3 % занимались кустарными промыслами, 3,5 %, – извозом и лесозаготовками, 5,2 % – торговлей и интеллигентными профессиями (*Материалы..., 1893: 94*). В городах ссыльные могли поступать на службу в частные фирмы, судоходные компании, до судебной реформы в Сибири 1897 г. вести юридическую практику. Из приведенной группировки ссыльнопоселенцев по занятиям следует, что почти половина их уходила в сферу наемного труда. Поэтому именно ссылка становится главным фактором формирования рынка наемной рабочей силы в регионе. Ссыльные давали 25 % всех батраков и 15 % поденщиков в губернии (*Материалы..., 1893: 94*).

Однако даже те, кому удавалось подняться выше пролетаризирующейся массы и завести свое хозяйство, занимали, как правило, низшие ступени в социальной иерархии мелких хозяев. Доля безлошадных и безземельных из тех, кто занимался земледелием, составляла среди них соответственно 58,2 % и 72 %. Малоземельный контингент в их среде был равен 58 %. И очень тонкой (10,5 %) была прослойка середняков. Они почти не прибегали к наемному труду, зато сами выступали в роли работников в хозяйствах старожилов. Если из крестьян старожилов в работники шли от 7-до 26 %, то у ссыльных – 55,2 %.

Редко выходцы из ссыльных крестьян меняли свой статус, переходя на более высокую ступень социальной лестницы. В качестве примера можно привести известного в начале XX в. сибирского предпринимателя И.В. Кулаева. Его отец начинал свой путь на Олимп богатства с должности писаря в одном из сел Назаровской волости. К этому селу он приписался после отбытия каторжного срока. Писарь – это не последний человек в деревне, он мог оперировать капиталом сельского общества, а, кроме того, Кулаев обладал опытом предпринимательской деятельности еще до каторги. Поэтому ему удалось довольно скоро разбогатеть на хлебной торговле. Нажитый капитал он инвестировал в золотопромышленность и создание Ачинского медеплавильного завода. К концу жизни Кулаев уже достиг гильдейского звания и оставил детям немалый капитал. Однако подобный пример нельзя назвать типичным для ссыльнопоселенцев. Такой скачок по социальной лестнице требовал незаурядных личностных качеств, которыми ссыльнопоселенцы как социальный тип в подавляющей массе не обладали.

Ссылка оказала определенное влияние на формирование социопрофессиональных групп, характерных для индустриально-урбанизированного социума. Это, прежде всего, группы интеллигентных профессий: учителя, врачи, служащие административно-управленческого аппарата. Уровень грамотности среди поселенцев был существенно выше, чем у сибирских старожилов – 15,4 % и 9,8 % соответственно (*Материалы..., 1893: 36*). Поэтому очень часто они входили в сельскую администрацию в качестве писарей, занимались обучением грамоте детей, медицинской практикой. Так, высланный за участие в революционной деятельности Ф.В. Гусаров с 1906 по 1914 гг. работал сельским врачом в с. Еланском Енисейского уезда, а с 1914–1917 гг. – заведующим хирургической лечебницей в Красноярске. В 1917–1918 гг. возглавил губернский отдел здравоохранения. В 1903–1906 гг. политический ссыльный Н. Вигдорчик был назначен на должность участкового врача с. Есаулово Красноярского уезда. Политические ссыльные работали в качестве инженерно-технических специалистов на строительстве Обь-Енисейского канала, на золотых приисках.

Ссыльные являлись самым подвижным элементом среди местного населения. Исследование губернского статистического комитета выявило, что в подавляющей массе они не вели хозяйственную деятельность на местах поселения, а уходили в поисках источников дохода в другие местности. По данным обследования 1892 г., в 4-х округах губернии из каждых 100 ссыльных только 30,2 находились в местах своей приписки, 15,4 отсутствовали по отпускным билетам и 54,4 отсутствовали без вести (*Материалы..., 1893: 81*). В абсолютном выражении группа отсутствовавших без вести

исчислялась десятками тысяч людей, которые находились в постоянном движении по селам, городам губернии и за ее пределами, перемещаясь в поисках временных заработков или какого-либо приюта. Они не имели цели получить постоянную работу и заработок, а направлялись туда, где было легче прожить, не прилагая к этому особых усилий. В этом смысле такое движение сложно квалифицировать как трудовую миграцию, хотя, конечно, оно могло влиять на рынок труда, давая избыток дешевой и абсолютно бесправной рабочей силы.

Уголовная ссылка превращалась в тяжелейшее испытание для местных жителей. Тысячами ссыльные зимовали вокруг городов и сел, держа население в страхе перед грабежами, убийствами, превращая Сибирь, по выражению Н.М. Ядринцева, в «постоянное поле битвы». Треть всех преступлений в губернии, как следует из жандармских сводок, приходилось на долю ссыльнопоселенцев. Кроме того, ссылка ложилась тяжелым бременем на сибирских обывателей, поскольку они должны были обеспечивать содержание тюрем, этапов, доставлять подводы и лошадей для провоза партий ссыльных. Это, конечно, сказывалось на отношении сибиряков к ссыльным, воспринимавших их не только как чужеродный, но и враждебный элемент.

5. Заключение

В ходе исследования выявлены следующие результаты.

1. Ссылка выступала фактором механического прироста населения в губернии, давая в первые пореформенные десятилетия 38,9 % общего прироста. Но по мере изменения вектора колонизационной политики власти ее влияние падало не только в количественном, но и в качественном отношении. В силу своего половозрастного состава (диспропорции полов, преобладании групп старшего возраста) и слабой социализации ссыльнопоселенцы не могли активно влиять на воспроизводство населения. В 1890 г. доля ссылки в общем приросте населения уже снизилась до 29,7 %, а в начале XX в. естественный прирост превысил численность ежегодно поступающих в губернию ссыльных более чем в 40 раз.

2. Ссылка являлась ускорителем миграционных процессов. Однако они отличались от индустриально-урбанистической модели, при которой движение населения шло из деревень в города, способствуя формированию рынка труда. В Сибири существовало ограничение для проживания ссыльных в городах, поэтому главной сферой приложения их труда являлось сельское хозяйство и прииски, где занятость носила сезонный характер и не требовала высокой профессиональной квалификации. В основном ссыльные давали грубую мускульную силу при низкой мотивации и трудовой дисциплине. В итоге сохранялась проблема нехватки высококвалифицированных рабочих. А поскольку ссыльные не имели в подавляющей массе законного разрешения на выход, то их трудоустройство зачастую носило нелегальный характер и порождало уродливые формы эксплуатации. На приисках, например, даже в 1890-е гг. сохранялись живые следы крепостничества, когда рабочих в обход законов о найме рабочей силы просто передавали от одного хозяина к другому, не разрешая увольняться.

3. Использование дешевого и фактически подневольного труда снижало мотивацию предпринимателей к технической модернизации и цивилизованным формам найма рабочих. Огромный резерв дешевой рабочей силы в виде бесправного контингента ссыльных вел к занижению реальной стоимости труда наемных работников. Это усугубляло статус Сибири как колониальной окраины в российской экономической системе.

Огромные расстояния и слабость полицейско-бюрократического аппарата не позволяли регулировать миграции на правовой основе, и они превращались в стихийное движение ссыльных, которое вызывалось не столько экономической мотивацией, сколько иррационально понимаемой тягой к воле и заканчивались бесцельным бродяжничеством.

4. Ссылка являлась фактором, ускорявшим социальную дифференциацию крестьянства, увеличивая долю беднейшего слоя. Собственную пашню среди крестьян из ссыльных имели только 10-20 %. Из них всего лишь 0,5 % имело запашку 20 дес. и более, то есть перешагнуло порог бедноты. Хозяйства ссыльнопоселенцев имели низкую обеспеченность рабочим скотом, давали самую большую группу арендаторов.

5. К отрицательным социальным последствиям ссылки следует отнести рост криминогенности. С учетом того, что судебно-полицейский аппарат был малочисленным, преступность превращалась в острую социальную проблему. Она была связана с низкой степенью социальной интеграции ссыльных в сибирское общество. Так, доля тех, кто стремился приписаться к сельским или городским сообществам, была крайне мала. За 1887–1896 гг. только 1,3 % от всех прибывших за это время ссыльнопоселенцев приписались к сельским обществам. Отчасти это было невыгодно ссыльным из экономических соображений, связанных с выплатами в капитал сельского общества и потерей пособий для ссыльных. С другой стороны, и старожилы не горели желанием их принимать в общество, так как хозяйства ссыльных были недоимочными, а это усиливало податную нагрузку на крестьян.

6. Симметричным ответом сибиряков на рост преступности и неспособность судебно-полицейских институтов обеспечить защиту от нее стали внесудебные расправы над ссыльными, сопровождавшиеся антигуманными проявлениями. Население вершило самосуд, игнорируя все

юридические процедуры. Естественно, что такой правовой нигилизм не способствовал утверждению цивилизованных гражданско-правовых отношений и норм гуманистического общества.

7. Ссылка влияла на многообразие этноконфессионального состава, что способствовало формированию сибирской идентичности. Сибиряк – это другой русский, который формируется как результат аккультурации многообразных этносов, что делало его картину мира полифоничной, не сводимой к монокультурной модели. С.Я. Елпатьевский, известный публицист, участник народнического движения, сам прошедший через сибирскую ссылку, писал о сибиряке: «среди разноплеменных, разноверных людей он не знает, не чувствует разделительных граней религиозных, национальных; он безграничный, внациональный, он сибиряк, он только областник. Он не по-русски реже и менее усердно молится, не по-русски ругается, и о пришедших из-за Урала говорит: "он российский"» (Елпатьевский, 1929: 202-203).

Литература

Анучин, 1873 – Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов. СПб: тип. Майкова, 1873.

Береговая, 2007 – Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2007.

Воробьев, 1975 – Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: «Наука», 1975.

Гагемейстер, 1854 – Гагемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб: тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии. 1854. Ч. II.

Дело о клубе «Червонных валетов», 1997 – Дело о клубе «Червонных валетов». Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей, 8 февраля – 5 марта 1877 г. // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века: [Сборник / Сост. И. Потапчук; Предисл. С. А. Андреевского]. Тула: Автограф, 1997. С.142-252.

Елпатьевский, 1929 – Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л: Прибой. 1929.

Иванов, 2014 – Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII-XIX вв.: Численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №1. С. 42-53.

Кабузан, 1979 – Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795-1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 22-38.

Марголис, 1975 – Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: «Наука». 1975. С. 223-237.

Марголис, 1995 – Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М.: Изд-во «Лантерна»: «Вита», 1995.

Материалы..., 1893 – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: Типография К. И. Витковской, 1893. Т. IV. Вып. 2.

Миронов, 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб., 1999. Т1.

Памятная книжка..., 1863–1915 – Памятная книжка Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губернская типография. ... [по годам]. Красноярск, 1863–1915.

Покшишевский, 1951 – Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Историко-географические очерки. М.: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951.

Пронин, 1981 – Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50-69.

Саломон 1900 – Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900.

Семевский, 1901 – Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевич, 1901.

Серошевский, 1908 – Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: сборник статей / под ред. И. С. Мельника. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 209-241.

Соловьёва, 1983 – Соловьёва Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 214-226.

Статистический обзор..., 1871–1916 – Статистический обзор Енисейской губернии ... [по годам]. Красноярск, 1871–1916.

Сысоев, 2003 – Сысоев А.А. Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия // Сибирская ссылка. Иркутск. 2003. Вып. 5 (17).

Хламова, 2010 – Хламова А.М. Уголовная ссылка в Сибирь в представлениях власти и общества Российской империи второй половины XIX в.: основные итоги изучения. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Омск 2010. 27 с.

Чудновский, 1886 – Чудновский С.Л. Колонизационное значение сибирской ссылки // *Русская мысль*. 1886. Кн. X. С. 40-66.

Шахеров, 2005 – Шахеров В.П. Сибирская ссылка и каторга как социально-культурный феномен / *Образы Сибири. Концептуализация русского Северо-Востока в культурологии*. Иркутск, 2005. С. 94-107.

Шиловский, 2004 – Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 165-173.

Шнейдер, 1928 – Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск: издание Бюро краеведения при Средне-сибирском отделе Русского географического общества, 1928.

Щапов, 1937 – Щапов А.П. Собрание сочинений: Дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск: Восточносибирское областное изд-во, 1937.

Ядринцев, 2003 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.

References

Anuchin, 1873 – Anuchin, E.N. (1873). Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827-1846 godov [Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827-1846 godov]. SPb. tip. Maikova. [in Russian]

Beregovaya, 2007 – Beregovaya, E.P. (2007). Pol'skaya politicheskaya sсыlka v Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Polish political exile in the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Chudnovskii, 1886 – Chudnovskii, S.L. (1886). Kolonizatsionnoe znachenie sibirskoi sсыlki [The colonization significance of the Siberian exile]. *Russkaya mysl'*. 10: 40-66. [in Russian]

Delo o klube «Chervonnykh valetov», 1997 – Delo o klube «Chervonnykh valetov». Zasedanie Moskovskogo okruzhnogo suda s uchastiem prisyzhnykh zasedatelei, 8 fevralya – 5 marta 1877 g. [The case of the Jacks of Hearts club. The session of the Moscow District Court with the participation of jurors, February 8 – March 5, 1877]. *Russkie sudebnye oratory v izvestnykh ugovolnykh protsessakh XIX veka*: [Sbornik. Sost. I. Potapchuk; Predisl. S. A. Andreevskogo]. Tula: Avtograf. Pp. 142-252. [in Russian]

Elpat'evskii, 1929 – Elpat'evskii, S.Ya. (1929). Vospominaniya za 50 let. [Memories for 50 years]. L: Priboi. [in Russian]

Gagemeister, 1854 – Gagemeister, L.A. (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe po vysochaishemu ego imperatorskogo velichestva poveleniyu, pri Sibirskom komitete, deistvitel'nym statskim sovetnikom Gagemeisterom. [Statistical Review of Siberia, compiled by His Imperial Majesty's highest command, under the Siberian Committee, by the acting State Councilor Gagemeister]. SPb: tip. II Otd. Sobstv. e. i. vel. kantselyarii. Ch. II. [in Russian]

Ivanov, 2014 – Ivanov, A.A. (2014). Ugolovnaya sсыlka v Sibir' v XVII-XIX vv.: Chislennost', razmeshchenie, ispol'zovanie v ekonomike regiona. [Criminal exile to Siberia in the XVII-XIX centuries: Number, location, use in the economy of the region]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1: 42-53. [in Russian]

Kabuzan, 1979 – Kabuzan, V.M. (1979). Zaselenie Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XVIII – nachale XX veka (1795-1917 gg.). [Settlement of Siberia and the Far East in the late XVIII – early XX century (1795-1917)]. *Istoriya SSSR*. 3: 22-38. [in Russian]

Khlamova, 2010 – Khlamova, A.M. (2010). Ugolovnaya sсыlka v Sibir' v predstavleniyakh vlasti i obshchestva Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX v.: osnovnye itogi izucheniya. [Criminal exile to Siberia in the views of the authorities and society of the Russian Empire in the second half of the XIX century: the main results of the study]. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Омск. [in Russian]

Margolis, 1975 – Margolis, A.D. (1975). O chislennosti i razmeshchenii sсыl'nykh v kontse XIX v. [Prison and Exile in Imperial Russia: research and archival finds]. Sсыlka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.). Novosibirsk: «Nauka». Pp. 223-237. [in Russian]

Margolis, 1995 – Margolis, A.D. (1995). Tyur'ma i sсыlka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkhivnye nakhodki [Prison and Exile in Imperial Russia: research and archival finds]. M.: Izd-vo «Lantern»: «Vita». [in Russian]

Materialy..., 1893 – Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaistvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii. Eniseiskaya guberniya. [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Yenisei province]. Irkutsk: Tipografiya K. I. Vitkovskoi, T. IV. Vyp. 2. [in Russian]

Mironov, 1999 – Mironov, B.N. (1999). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva

[The Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. v 2-h t. izd. 2-e, ispravl. T. 2. SPb.: Izd. «D.Bulanin». [in Russian]

Pamyatnaya knizhka... – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii. [A commemorative book of the Yenisei province]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya. ... [po godam]. 1863–1915. [in Russian]

Pokshishevskii, 1951 – *Pokshishevskii, V.V.* (1951). Zaselenie Sibiri. Istoriko-geograficheskie ocherki. [Settlement of Siberia. Historical and geographical essays.] M.: Irkut. obl. gos. izd-vo. [in Russian]

Pronin, 1981 – *Pronin, V.I.* (1981). Naselenie Sibiri za 50 let (1863–1913 gg.) [The population of Siberia for 50 years (1863–1913)]. *Istoriya SSSR*. 4: 50–69. [in Russian]

Salomon, 1900 – *Salomon, A.P.* (1900). Ssylka v Sibir'. Ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya. [Exile to Siberia. An outline of its history and current situation.] SPb.: Tipografiya S.-Peterburgskoi tyur'my. [in Russian]

Semevskii, 1901 – *Semevskii, V.I.* (1901). Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ecatherine II [Peasants during the reign of Empress Catherine II]. T. 2. SPb.: tip. M.M. Stasyulevich. [in Russian]

Seroshevskii, 1908 – *Seroshevskii, V.* (1908). Ssylka i katorga v Sibiri [Exile and hard labor in Siberia]. Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei. Pod red. I. S. Mel'nika. Sankt-Peterburg: Izdanie A. F. Devriena. Pp.209–241. [in Russian]

Shakherov, 2005 – *Shakherov, V.P.* (2005). Sibirskaya ssylka i katorga kak sotsial'no-kul'turnyi fenomen. [Siberian exile and penal servitude as a socio-cultural phenomenon]. *Obrazy Sibiri. Kontseptualizatsiya russkogo Severo-Vostoka v kul'turologii*. Irkutsk. Pp. 94–107. [in Russian]

Shchapov, 1937– *Shchapov, A.P.* (1937). Sobranie sochinenii: Dopolnitel'nyi tom k izdaniyu 1905–1908 gg. [Collected Works: An additional volume to the 1905–1908 edition]. Irkutsk: Vostochnosibirskoe oblastnoe izd-vo. [in Russian]

Shilovskii, 2004 – *Shilovskii, M.V.* (2004). Rol' katorgi i ssylki v zaselenii i osvoenii Sibiri v XIX – nachale XX v. [The role of penal servitude and exile in the settlement and development of Siberia in the XIX – early XX centuries]. *Sibirskii plavil'nyi kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoi Azii XVI – nachala XX veka*. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf. Pp. 165–173. [in Russian]

Shneider, 1928 – *Shneider, A.R.* (1928). Naselenie Prieniseiskogo kraja. [The population of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: izdanie Byuro kraevedeniya pri Sredne-sibirskom otdele Russkogo geograficheskogo obshchestva. [in Russian]

Solov'eva, 1983 – *Solov'eva, E.I.* (1983). Rasselenie i polozhenie ssyl'nykh v Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [Settlement and situation of exiles in Siberia in the second half of the XIX century]. *Politicheskie ssyl'nye v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. Pp 214–226. [in Russian]

Statisticheskii obzor... – Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii ... [po godam] [Statistical review of the Yenisei province [by years]. Krasnoyarsk, 1871–1916. [in Russian]

Sysoev, 2003– *Sysoev, A.A.* (2003). Sibirskoe obshchestvo v kontekste penitentsiarnoi politiki Rossiiskogo samodержaviya. [Siberian Society in the context of the penitentiary Policy of the Russian Autocracy]. *Sibirskaya ssylka*. Irkutsk. Vyp. 5 (17). [in Russian]

Vorob'ev, 1975 – *Vorob'ev, V.V.* (1975). Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri (geograficheskie osobennosti i problemy). [Formation of the population of Eastern Siberia (geographical features and problems)]. Novosibirsk: «Nauka». [in Russian]

Yadrintsev, 2003 – *Yadrintsev, N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. [in Russian]

Влияние ссылки на динамику социально-демографических и этнокультурных процессов в населении Енисейской губернии в XIX – начале XX в.

Вера Ивановна Федорова^{a,*}

^a Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучается влияние ссылных на динамику социально-демографических и этнокультурных изменений в населении Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. Рассматривается численность, половозрастной, социально-сословный, этноконфессиональный состав, миграции ссылных, их роль в воспроизводстве населения, формировании рынка труда и новой социально-классовой структуры индустриально-урбанистического типа. Утверждается, что влияние ссылки было неоднозначно. С одной стороны, она увеличивала сельское население, что вело к консервации

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vi-fedorova@yandex.ru (В.И. Федорова)

аграрного социума, с другой, – ускоряла социальную дифференциацию в деревне, формировала рынок рабочей силы. В то же время качество рабочей силы в лице ссыльных было крайне низким, что обусловило сохранение полукрепостнических форм эксплуатации, занижение реальной стоимости труда наемных работников и усугубляло статус Сибири как колониальной окраины.

Являясь по своему составу полиэтничной, ссылка способствовала формированию сибирской идентичности, являвшейся результатом аккультурации разных этносов, что делало сибирское общество восприимчивым к культурному опыту и ценностям других народов.

Ключевые слова: ссылка, ссыльные, штрафная колонизация, механический, естественный прирост населения, брачность, половозрастная структура, социально-классовая структура, этноконфессиональный состав, миграции, аккультурация.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1228-1237
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1228

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of Social Deviations in the Gold Mines of Yenisei Siberia and Ways To Overcome Them in the 1830s–1890s

Anna S. Zhulaeva ^{a,*}, Ekaterina A. Grigoryeva ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The paper, based on archival unpublished sources, examines the deviations prevailing in a complex social environment in the gold mines on the example of Yenisei Siberia in the pre-revolutionary period. The “gold rush” has worsened the criminal situation in the region under study. The statistics of mass robberies and murders grew in proportion to the growth of gold mining in the region. Despite the laws passed by the central government, the vast territory, thousands of kilometers away from the capital, lived according to its often wild rules. The “Prospector’s fart” turned into trouble most often for the lucky one, luck smiled at very few people. The most difficult working conditions of the gold workers undermined their health. However, the general depressing state of medicine (the lack of a sufficient number of hospitals and medical personnel) deprived the workers of this chance for respite. Documents from the Siberian archives indicate that the situation periodically escalated, taking on a serious criminal character. Pre-revolutionary historians especially describe the mass unrest of workers in the Yenisei province in the taiga gold mines in the pre-revolutionary period. Keywords: Yenisei Siberia, gold mining industry, social deviations, crime, prostitution, social and personnel composition of participants, social aspect, deviant behavior, drunkenness.

Keywords: Yenisei Siberia, gold industry, social deviations, the social aspect, deviant behavior, crime, prostitution, drunkenness.

1. Введение

Авторами исследованы социальные девиации, которые сопровождали процесс становления новой золотодобывающей отрасли в Енисейской Сибири в дореволюционный период.

На новом архивном материале изучена глубина социальных проблем и противоречий, с которыми столкнулись рабочие-золотники на золотых промыслах. Рост уголовных преступлений, распространение пьянства, азартных игр и проституции – это далеко не все виды девиантного поведения, массового распространившегося на золотых таежных приисках.

В работе представлена палитра сложных взаимоотношений наемных рабочих-старателей с золотопромышленниками, приисковыми служащими и представителями государственной власти, а также попытки урегулирования со стороны местной власти данных конфликтных взаимоотношений. Таким образом, «золотая лихорадка» только ухудшила социальную обстановку в исследуемом регионе.

2. Материалы и методы

Пережив сложные исторические потрясения (пожары, разруху гражданской войны), сибирские архивы понесли невосполнимые потери своих фондов. В данной ситуации бесценным становится массовый источник – дореволюционные сибирские газеты. Комплекс дореволюционных газет («Енисей», «Енисейские губернские ведомости», «Русская жизнь», «Сибирский вестник», «Сибирская газета»), хранящийся в государственном архиве города Енисейска (Енисейск, Российская

* Corresponding author

E-mail addresses: annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

Федерация), содержит разнообразную фактическую информацию по теме исследования (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30; 39; 42).

Особый интерес для исследования представляют массовые статистические и аналитические материалы: протоколы съездов золотопромышленников Енисейского горного округа, изданные с 1898-х гг. по 1908 гг. типографией Енисейского губернского управления в г. Красноярске (Протоколы..., 1900; Протоколы..., 1903; Протоколы..., 1905; Протоколы..., 1908 и др.).

Важным историческим материалом для исследования стали документы из государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), особенно массовые неопубликованные материалы фонда 595 «Енисейское губернское управление». В данном фонде содержится большой массив отчетных документов по теме данного исследования.

Историко-сравнительный метод позволил выявить общее, типичное, характерное как для российской глубинки, какой в изучаемый период являлась Енисейская Сибирь, так и для центральных губерний империи, и особенное, уникальное, присущее только феномену «енисейская золотая лихорадка». В диалектической связи с общим процессом модернизации исследуется специфика и динамика проявления его «обратной петли» в виде массовых девиаций в таежном енисейском регионе.

3. Обсуждение

Исследователи, побывавшие на золотых приисках в дореволюционной Енисейской Сибири, и своими глазами увидевшие обстоятельства жизни рабочих, массово сообщали об «удручающем впечатлении» (Уманьский, 1888: 156-157) и «печальной картине» (Семевский, 1898: 46). Тяжелое положение рабочих-золотничников приводило их «к глухому недовольству» (Семевский, 1898: LXV), преступлениям против служащих (Семевский, 1898: LXV) и побегам с приисков (Семевский, 1889: 46; Уманьский, 1888: 76, 89).

Данные о вреде «винных порций» приисковых рабочих Енисейской Сибири раскрыты в работах дореволюционного историка А. И. Крахалева (Крахалев, 1898; Крахалев, 1899).

Комплексный подход к проблеме социальных аномалий в целом на материалах дореволюционной России реализовал историк Б.Н. Миронов в двухтомной монографии по социальной истории. Автором изучена не только структура, но и динамика роста преступности в дореволюционной России как последствие процесса модернизации российского общества (Миронов, 2003).

Феномен девиантного поведения на примере различных социальных групп хорошо изучен на материалах центральной России.

Ряд региональных исторических работ посвящен изучению отдельных социальных девиаций, таких, как пьянство (Николаев, 2011), преступность (Куликова, 2011), проституция (Быкова, 2000).

На основе широкого круга архивных источников выдающимся сибирским исследователям (А.И. Погребняк, Г.Ф. Быконя) удалась «реконструкция» социального портрета как енисейского купца-золотопромышленника, так и рабочего-старателя, что позволило найти ключ к пониманию остроты социального противостояния между данными категориями (Быконя и др., 2012; Погребняк, 2002).

Современными авторами (А.С. Жулаевой, Е.А. Григорьевой, А.Г. Грязнухиным, Г.М. Луцаевой) социальный аспект феномена «золотой лихорадки» во всей сложности изучен на материалах Енисейской Сибири в дореволюционный период (Zhulaeva et al., 2024).

4. Результаты

Плачевное состояние дорог, а подчас и полное бездорожье между приисками в енисейской тайге, приводящее к полной оторванности от мирского закона, создавало почву для озлобленности и для безнаказанности рабочих-золотничников, уставших от тяжелого труда и готовых преступить многие человеческие и государственные нормы в погоне за золотом более везучего товарища.

В местной газете «Енисей» от 1898 г. №150 журналист под псевдонимом Н. С-овъ сообщает, что в тесной связи с дорогами стоит запутанный вопрос и о приисковых зимовьях, лежащих по ним. Когда-то, в первое время появления золотопромышленности Енисейской Сибири, зимовья строились владельцами, но благодаря вмешательству казенной палаты они оказались оброчными статьями, а затем в личных интересах хозяев зимовьев местности эти были заявлены под промыслы и составили собственность владельцев, которые, владея ими, с целью содержания зимовьев вносят за землю подешевшую подать. Между тем по горному уставу зимовья должны быть в распоряжении золотопромышленников. Благодаря этой путанице отношений порядки на зимовьях и на дорогах были печальные (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 8).

На Съездах енисейских золотопромышленников данный вопрос регулярно попадал в повестку. Об этом свидетельствуют протоколы съездов золотопромышленников Енисейского горного округа, изданные с 1898-х гг. по 1908 гг. типографией Енисейского губернского управления в г. Красноярске (Протоколы..., 1900; Протоколы..., 1903; Протоколы..., 1905; Протоколы..., 1908 и др.). Решением съездов ассигновались средства на исправление. Архивные источники приводят разные суммы: 400 руб. на мотыгинскую и 600 руб. на климовскую дороги. Кроме того, протоколы данных съездов

освещают массовые споры и желание переложить расходы на других (Протоколы..., 1900; Протоколы..., 1903; Протоколы..., 1905; Протоколы..., 1908).

При возбуждении вопроса о мотыгинской дороге вновь возник вопрос о том, кому исправлять ее – золотопромышленникам или крестьянам. Оказывается, что крестьяне дер. Мотыгиной владеют землей, находящейся под дорогой, на протяжении 18 верст от деревни до Сидоркина зимовья уже несколько лет, отдавая луга на ней и последнее зимовье в аренду. По возникшей же переписке, действительно, оказалось, что земля крестьян лежит только на протяжении трех верст от деревни, и самая дорога на протяжении 15 верст была проложена золотопромышленниками, которые по незнанию исправляли дорогу только от приисков до Сидоркина зимовья, вследствие чего остальной путь до дер. Мотыгиной был в крайне запущенном состоянии, так как крестьяне дорогу эту не исправляли. Из-за этой путаницы земельных отношений съезд решил выйти с ходатайством к господину енисейскому губернатору о разъяснении этого вопроса для принятия мер к исправлению (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 8).

Источники свидетельствуют о дурных, натянутых отношениях между приисковыми служащими и рабочими. Прибывший из Санкт-Петербурга исследователь В.И. Семевский дает этому и свое объяснение. Исполнение непосильных уроков на горных работах переполняет иной раз чашу терпения и доводит до убийства или вызывает волнение всех рабочих того или иного прииска (Семевский, 1898: LXVI). В 40-х гг. XIX в. на сибирских приисках широко применялись телесные наказания рабочих (Семевский, 1898: 24).

Невыносимые условия труда и быта рабочих приводили к саботажу. Источники сообщают о неявке рабочих на работу (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5166), о хищении золота с приисков (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1492). Рано или поздно накопленное возмущение выплескивалось в разных девиантных формах поведения, что проявлялось от обычной формы отказа выходить на работу до крайних, какими можем считать проявления массовых насилий над служащими и так называемые бунты. Многие приисковые служащие подвергались опасности быть избитыми или являлись свидетелями убийств (Уманьский, 1888: 88).

В 1830-е гг. горному ревизору Семенову постоянно шли доклады о том, что приисковые рабочие взбунтовались и ушли самовольно с приисков. Так, 27 июня 1830 г. Семенов получил известие о том, что с Бурлевского прииска Поповых также самовольно ушло 160 человек, и послал донесение предписать томскому земскому исправнику и смотрителю поселений немедленно прибыть, ибо в противном случае начальные примеры самовольства, оставленные без скорого взыскания, могут родить самые вредные последствия для всех частных золотопромышленников. Действительно, волнение не ограничилось двумя названными приисками. 3 июля управляющий промыслами Рязанова и Баландина послал донесение Семенову, что крестьяне и поселенцы Ачинского уезда, находящиеся на Воскресенском прииске, выходя время от времени из повиновения, постепенно усилили буйство и мятеж до такой степени, что сочли уже себя вправе производить на том прииске в табельные дни добычу и промывку самых богатейших песков самовольно, хищническим образом, вопреки контракту, не позволяя приближаться к ним и устрашая ножами (Семевский, 1898: 25-26).

Документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края, свидетельствуют о массовых примерах побегов с Енисейских приисков. Прослеживалась тенденция роста числа неявившихся и сбежавших рабочих. Констатируется, что золотопромышленники из-за этого несут большие потери. На промыслах Асташева в 1880 г. из 900 нанятых в Мариинском и Томском округах не явились 39 человек и сбежали 18, не отработавших задатков на 3 371 рубль (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6277. Л. 6). Купец Евгений Деласье, управляющий золотым промыслом Асташева в Енисейском округе, просит принять меры в отношении рабочих, не исполняющих обязательств по найму, высылать на промыслы посредством внутренней стражи по этапам или земской сельской стражи (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6277. Л. 7).

В деле по рассмотрению предложения Совета Главного Управления Восточной Сибири о принятии мер по прекращению побегов рабочих с частных золотых приисков в октябре 1882 сообщается, что по представлению окружного горного исправника причины побегов и неявки – получение задатков, нежелание работать, чрезмерная склонность к пьянству, привычка к праздничеству и бродяжничеству, потворство волостных и земских начальников, тяжелая работа на приисках, отчасти неудовлетворительное содержание рабочих, резкое с ними обращение (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6277. Л. 130б.).

В докладе же министру финансов о причинах массовых побегов рабочих с приисков Е.П. Ковалевский сообщает о своевольности и наклонности к бродяжничеству рабочих (Семевский, 1898: 28).

Сами бежавшие рабочие называли главной причиной побега суровое обращение с ними надзирателей, избранных из их же среды (Семевский, 1898: 26).

Условия найма на некоторых приисках – односторонние, в пользу золотоприискателя. В докладе начальника Енисейского губернского жандармского управления от 5.10.1882 г. говорится, что некоторые приискатели южной системы Енисейского округа несвоевременно платят рабочим деньги (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6277. Л. 150б.).

На некоторых приисках работы производятся до позднего времени, до 12 ночи, что сильно изнуряет рабочих. На одном из приисков не было каши, рабочие питались одним говяжьим взваром.

В донесении горного исправника южной части Енисейского округа от 12.09.1880 г. сообщается об организации торговли на приисках. С наступлением времени расчета прибывают разные торговые промышленники с установленным свидетельством на торговлю для распродажи съестных припасов и мануфактурных товаров. Производят торговлю с позволения хозяев. Рабочие покупают для себя разные вещи. Необходимо приостановить распродажу до 1 октября, чтобы рабочие не тратили денег на приисках. Торговля с 1 числа, то есть уже после окончания расчета и выхода рабочих, не будет иметь никакого влияния на растрату заработанных денег (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6029. Л. 9).

Подчас рабочие с золотого прииска могли отдохнуть только на больничной койке. При этом материалы фонда Енисейской врачебной управы указывают на то, что промысловые больницы находятся в неудовлетворительном состоянии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 23).

Острой проблемой являлась и нехватка медицинского персонала. Врачи не желали ехать на прииски в тайгу. В документах государственного архива Красноярского края содержатся просьбы вольнопрактикующего врача на золотых приисках Ачинского и Минусинского округов Виктора Станиславовича Юдицкого предоставить ему право государственной службы со времени поступления на промыслы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3876. Л. 2).

Присутствие медицинского персонала являлось острой необходимостью, так как ежегодно на золотых приисках в Енисейской Сибири рабочих в среднем было более 2 тыс. Врач не только оказывал медицинскую помощь рабочим, он же производил судебно-медицинские вскрытия мертвых и освидетельствования живых по судебным вопросам (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3876. Л. 5-50б.).

Нельзя считать, что подобное неудовлетворительное состояние медицинской помощи на енисейских приисках устраивало ответственных должностных лиц. Архивные материалы сохранили массовые обращения в вышестоящие органы государственной власти. Так, 24 декабря 1866 г. в Иркутск в Главное управление Вост. Сибири, отделение 1, Стол 3, Господину, исполняющему должность Енисейского гражданского губернатора от Горного ревизора частных золотых промыслов Енисейского округа, было представлено следственное дело о неправильном ведении горных работ на промыслах Екатерининской Компании Романовых, Екатерининской Компании Латкина о случившемся изувечивании рабочих людей. Ревизор также сообщает, что на некоторых промыслах больницы в неудовлетворительном виде. Рабочие помещаются в старых и ветхих избушках. На прииске нет лекаря и фельдшера, здание бывшей больницы стоит пустое. Была озвучена просьба принять меры по содержанию больниц в надлежащем виде и снабдить их медицинскими чинами согласно 1456-1459 ст. городского устава III тома свода законов (ГАКК. Ф. 595. Оп. Д. 5. Л. 3-30б.). Кроме того, ревизор предлагает обязать почетного гражданина Латкина для заведования больницами на своих и вверенных ему в управление приисках в Енисейском округе решить проблему с врачами (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 230б.).

Понятно, что беспокойная, а подчас и криминальная обстановка на приисках, не являлась привлекательной для грамотных врачей, мечтающих о более спокойной практике. В материалах архивного дела 423 содержится информация об избении врача Северной системы Енисейского горного округа Я.Х. Фалевича заведующим Викторовским прииском Северо-Енисейской золотопромышленной компании Фатеевым (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 423).

Владимир Михайлович Крутовский (1856–1938), врач, публицист, общественный деятель Сибири, в результате исследований здоровья рабочих на золотых приисках Енисейской губернии приходит к следующим выводам: «очевидно, деятельность сердца при этом должна быть напряжена до крайних пределов, давление в кровеносных сосудах повышено, они инсультуются усиленно, глубокие вены сжаты, поверхностные расширены и переполнены. Повторяясь изо дня в день в течении целых лет жизни, нет ничего удивительного, что подобные причины оказывают свое разрушительное действие и приводят в конце концов к постоянному расширению вен и перерождению артерий. Кроме того, весьма способствующими моментами такому паталого-анатомическому изменению сосудистой системы у приисковых рабочих бывают: пьянство, курение табаку, недостаточность питания, цинга, ревматизмы и другие неблагоприятные условия жизни» (Крутовский, 1892: 38).

В январе 1866 г. горный ревизор частных золотых промыслов Енисейского округа 24 декабря представил господину, исполняющему должность Енисейского гражданского губернатора, следственное дело о неправильном ведении горных работ на промыслах в Екатерининской Компании Романовых, Второпавловском, Екатерининской компании Латкина о случившемся изувечивании рабочих людей (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 3).

При опросе 54 приисковых рабочих, лежащих в 1890 году в Красноярской больнице, оказалось, что из них 28 человек подверглись разным несчастьям. 10 человек были засыпаны забоем, получили тяжелые повреждения, переломы ребер, рук и ног, 6 человек падали с высоты, остальные 12 тоже имели переломы и тяжелые контузии. На прииске Михайловском в сезон 1891 г. из команды 153 человек лежало в больнице 127 человек (Крутовский, 1892: 20).

По некоторым договорам рабочие обязывались не иметь между собой никаких азартных денежных игр. Но подобные обязательства плохо исполнялись. Данное пагубное зло ни полицейский чиновник, ни промышленники не в силах были прекратить (Семевский, 1898: 24).

В большинстве работ высказывается мнение, что заработанные трудовые деньги приисковыми рабочими пропивались. Однако дискуссионным остается вопрос: деньги пропивались, т.к. доходы были хорошими? Или, наоборот, пропивались, т.к. заработки были сильно малы? Так считал дореволюционный исследователь В.И. Семевский (Семевский, 1898: LXXX).

В путевом журнале горного исправника Ачинского и Минусинского округа за 1886 г. сообщается информация о Порфирьевском прииске крестьянина Яковлева. На прииске работает золотничный подрядчик Шашков. По собранным сведениям, оказалось, что у Шашкова иногда происходит пьянство. Шашков разрешения на ввоз спирта на прииск не имеет, а имеет хозяин Яковлев. Он отпускает спирт Шашкову в том количестве, которое разрешено (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2368. Л. 28об.).

Архивные материалы содержат многочисленные примеры массового распространения пьянства рабочих на территориях, до которых докатилась «золотая лихорадка». Так, например, акцизное управление VI округа Восточной Сибири, расположенное в Красноярске, указывает 14 июня 1885 на незаконную продажу вина на золотых промыслах Ивана Полуянова в 1879 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1004. Л. 2).

Серьезной социальной проблемой на приисках являлось распространение виноторговли. Как свидетельствует в 1884 г. в «Сибирской газете» современник разворачивавшихся событий под псевдонимом Критский, пьянство между рабочими на золотых промыслах началось с открытия приисков и продолжается до сих пор.

Из числа многих примеров автор приводит три. На Коломинском прииске арендатора Баландина порядочное подъемное золото. Управление прииска, преследуя сбыть хищническое золото, объявило рабочим за него плату наличными деньгами. Таким образом можно было остановить и пьянство. В первом случае принятая мера была действенной, но во втором идет в разрезе с первой. Дело в том, что управление прииском увольняет рабочих на отдых (рабочим дается один неоплачиваемый день отдыха в месяц). На отдых уходила сразу половина команды, человек по 100 и более. Они рассыпались по соседним приискам и вечером возвращались пьяными, избитыми. Тогда как другие золотопромышленниками увольняли рабочих на отдых не по половине команды, а ежедневно по несколько человек, рассчитывая, чтобы в известное число каждый рабочий воспользовался предоставленным ему отдыхом. Такой способ увольнения рабочих на отдых правильнее, при нем рабочие на другой день выходят на работу не с больной головой и во время дня не оставляют работу, не уходят в больницу и не подвергаются штрафам и вычетам, не попадают на суд к исправникам. Увольнение на отдых надо понимать не в буквальном смысле. Рабочие под предлогом отдыха увольняются для исправления своего ношеного платья. Отсюда очевидно, что увольнения на отдых по несколько человек выгодно: можно следить за ними. При увольнении же за раз по 100 человек не предполагает возможности уследить за ними одному казаку. Проиллюстрируем подобную ситуацию следующим примером: «Дело было на днях. Человек до 60 с прииска Баландина напился на ближайшем соседнем прииске. Казак, надзирающий за рабочими, вместе с ними напился и свалился с лошади, которую привел на прииск к Баландину один из рабочих, участвовавший в попойке. Я знал золотничника Лебедева, который по одному и тому же свидетельству, провозил на промыслы спирт несколько раз. На прииске арендатора Черемных в начале лета появилось между рабочими пьянство. Рабочие, не имея ни денег, ни подъемного золота, пропивали свою одежду. Надо заметить, рабочие никогда не выдают тех людей, от которых приобретают водку, а всегда подтасовывают других, которые не ведут с ними торговли и обмена. Так и в этом последнем случае едва не пострадал один золотничник, на которого сначала указали рабочие. Впрочем, довольно! Всех мерзостей о виноторговле и обмане рабочих не пересказать: богаты этим добром промыслы Енисейского округа! Все битые рожи, доносчики, шантажисты, шулера и «пасынки» слетаются на летнее время на промыслы и тут широко раскидывают свои сети, в которые ловят, кого нужны, и сосут до тех пор, пока не высосут последнюю каплю» (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 42. Л. 9).

В Судебном вестнике №64 сообщается о том, что 300 кабаков сделали из Енисейска настоящий вертеп (АГЕ. Ф. 6. Оп.1. Д. 32. Л. 10-12).

Отдельные успехи в борьбе с этим социальным злом все же имелись. Так, в Нерчинском округе тайно осуществлялся подвоз вина на промыслы. Распоряжение губернского начальства о временном закрытии кабаков на всех пунктах переправы по пути следования рабочих оказало благотворное воздействие. В предыдущие годы возвращающиеся с приисков устраивали разгул (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 21).

Настоятельная потребность в вине и недостаточность винных порций, выдаваемых рабочим, вызывали тайную торговлю вином на приисках (Семевский, 1898: LI).

Страсть к пьянству поддерживалась в рабочих отсутствием разумных развлечений и теми препятствиями, которые встречало развитие семейной жизни на приисках. В 1861 г. в летнюю

операцию на промыслах в северо-енисейском округе было всего 5 % женщин, к 1890 г. это количество увеличилось до 10 % (Семевский, 1898: LI).

Как сообщается горными исправниками в «Сибирском вестнике» в 1889 г., изданном под редакцией Н.М. Ядринцевым, искусственный целибат рабочих на приисках в связи с отсутствием или малочисленностью женского населения приводил к необузданным страстям и разврату.

Отсутствием семейной жизни в значительной степени вызывались безобразные кутежи рабочих по окончании операции и такие ужасные явления на приисках, как обычай изнасилования одной женщины многими рабочими (Семевский, 1898: LI).

Неизвестный автор в журнале «Сибирь» от 4 августа 1875 г. с горечью размышляет о таком социальном зле как распространение проституции, расширение ее социального состава в ранее не затронутом этим порочным явлением городе Енисейске: «Золотопромышленности суждено было вместе с другими печальными результатами пошатнуть и наши местные нравы, отличавшиеся ранее замечательной чистотой. Общие жалобы на недостаток средств, заработков, кажутся теперь невероятными, если посмотришь на внешнюю жизнь горожанок, которые не отстают от зажиточных в своих костюмах, и смотря на эту пеструю роскошь невольно является подозрение в честности ее приобретения, что и начинает подкрепляться фактами, в роде следующих: 2-го августа полицейский пристав успел каким-то образом заманить около 60 девиц, живших при своих семействах, для освидетельствования и выдачи им известных билетов. Если пристав не ошибся в своих предположениях, то значит, факт тайного разврата, о котором давно заявляла полиция, подтвердился. И так, значит, кроме пятнадцати домов терпимости со ста проститутками, у нас существуют еще 60, а может и более, домов, где разврат прикрывается семейным очагом и поощряется, быть может, маменьками и папеньками. Вот последствия прилива сюда рабочих рук к услугам золотопромышленности. Если наша промышленность обратила внимание на промышленяющих тайно, то я советовал бы обратить внимание на явное зло, – это на шарманщиков, людей по большей части дурной нравственности, которые, в интересах своей личной выгоды, эксплуатируют молодые женские натуры, водя их по разным труппам, ради угождения пьяным и развратным людям. Девушки эти лет 13 или 15, как я заметил, то и дело меняются, отчего зло еще более увеличивается. Смотри на этих молоденьких девушек, поражаешься их беззастенчивостью, можно даже сказать наглостью и можно быть уверенным, что из них выйдут погибшие создания. Грустно видеть подобные вещи, когда издан и существует закон, запрещающий водить на потеху медведей» (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

Нельзя считать, что местной властью не принимались меры, направленные на наведение порядка в регионе. Уже в 1842 г. генерал-губернатором Восточной Сибири издаются инструкции о жандармском надзоре за частной золотопромышленностью: «По Сибирскому Учреждению в каждом округе (уезде) создавалось полицейское управление для надзора за сохранением общественного порядка и безопасности, назначались особые горные исправники в регионах, где была развита золотодобывающая промышленность» (Шитова, 2006: 42).

Горный исправник частных золотых промыслов северной части Енисейского округа 8.11.1887 г. сообщает, что на каждое зимовье направлены урядники и казаки: «По прибытии на прииски в присутствии понятых провести обыски. Если окажется вино, отобрать, составить акт. Наблюдать, чтобы рабочие останавливались только для необходимого отдыха. Если появятся женщины, удалить их. Смотреть, чтобы не было денежных игр, драк, других беспорядков» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2425. Л. 15-15об.).

Когда рабочие выходили с приисков, следили, чтобы не было никаких беспорядков. В большинстве отчетов написано, что все прошло благополучно, никаких происшествий не было.

Серьезной проблемой, мешающей эффективному взаимодействию между приисками и сибирской администрацией, стала плохая или даже местами отсутствующая связь. Приведем наглядный пример попыток как-то улучшить ситуацию.

Что касается перенесения почтово-телеграфной конторы из д. Каргино в с. Усть-Тунгуское, то съезд для того, чтобы подвинуть вопрос к благоприятному разрешению, согласился на крайнюю меру, вызванную предложением начальника почтово-телеграфного округа принять на себя перестановку 460 телеграфных столбов на сумму 400 руб., тогда как доходность телеграфа и предстоявшая перемена старых уже столбов на новые обязывала бы принять этот расход на счет казны.

По решению вопроса о переносе конторы в с. Усть-Тунгуское съезд постановил: провести телефон на 120 верст от Климовской приисковой резиденции до Степановского с той целью, чтобы иск распоряжения золотопромышленников Климовская резиденция могла передавать в почтово-телеграфную контору для рассылки их по принадлежности. Пользование телефоном, устроенным на общие средства золотопромышленников, должно быть или безвозмездно, или за плату. Устройство телефона обойдется не менее 6000 р. Разработка вопроса поручена бюро с тем, чтобы приготовить доклад к следующему летнему съезду.

В газете «Енисей» 1898 г. в №150 публицист под псевдонимом Южанин рассказывает о новом положительном явлении, которое он наблюдал своими глазами на южном прииске в енисейском округе: «Не все темно в нашей глухой тайге, как принято думать и даже писать. Есть в ней и светлое

пятнышко, на каком бы фоне оно не появилось, представляет отрадное явление для зрения даже обыкновенного обывателя, а таежного в особенности. Такого отрадного явления мы на днях были свидетелями в нашей обездоленной тайге, которое хоть на время оживило нашу действительно однообразную и скучную приисковую жизнь. На Андреевском прииске компании Саввиных, Гудкова и Кузнецова был дан служащими спектакль. Играли: «Три врача и одно пятнышко» комедию и «Дядюшкин поцелуй» шутку-водевиль. Поставленные пьесы не особенно затейливые и трудные для исполнения, сыграны они были безукоризненно. Роли свои господа любители знали отлично и проводили их свободно и умело. Накануне этого спектакля, на репетицию были приглашены дети служащих и рабочих, матери и отцы их. Детям в особенности спектакль доставил особое удовольствие, какого в тайге конечно иметь не легко. После спектакля были устроены танцы, в которых приняла участие почти вся публика, бывшая тут по приглашению. Вообще, время всеми было проведено с большим удовольствием и каждый уходивший из импровизированного театра уносил в себе желание видеть повторение такого развлечения, в особенности в праздничные и свободные дни. Было бы очень желательно, в интересах скучающих и обездоленных таежников, чтобы подобные спектакли повторялись как можно чаще, хотя бы и не даровые, и чтобы они были доступны и для рабочих, не желающих только пьянствовать и ищущих более лучших и возвышенных удовольствий» (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 7).

5. Заключение

«Золотая лихорадка», охватившая Енисейскую Сибирь, крайне отрицательно сказалась на криминогенной обстановке в регионе. Статистика количества разбоев, грабежей и убийств на енисейских приисках в исследуемый период неуклонно росла. Представители правопорядка не были в состоянии быстро реагировать на массовые криминальные происшествия.

Архивные материалы свидетельствуют о массовости девиантного поведения участников процесса золотодобычи в первые десятилетия появления феномена на сибирских просторах. «Золотая лихорадка» сильно ухудшила социальную обстановку в исследуемом регионе.

К сожалению, труд в экстремально тяжелых природно-климатических условиях Енисейской Сибири не приносил рабочим-золотникам достойного заработка. Положение сибирских приисковых рабочих, состояние их здоровья осложнялось каторжными условиями труда, массовым пьянством и плохим качеством продуктов питания.

Литература

АГЕ – Архив города Енисейска.

Быкова, 2000 – Быкова А.Г. Проституция в городах западной Сибири (1880-е – 1917 гг.) // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 69-79.

Быконя и др., 2012 – Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Красноярск, 2012. 316 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Головачев, 1902 – Головачев П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь / П. Головачев; Изд. Ю.И. Базановой; [Предисл. авт.], 1902. [1], 298, [16] л.

Крахаев, 1898 – Крахаев А.И. Золотые прииски Красноярского и Канского округов Енисейской губернии. Красноярск, 1898. 84 с.

Крахаев, 1899 – Крахаев А.И. О вреде «винных порций» приисковых рабочих Сибири. Красноярск, 1899. 14 с.

Крахаев, 1898 – Крахаев А.И. Обстановка нового прииска Красноярско-Канского района. Красноярск, 1898. 16 с.

Крахаев, 1899 – Крахаев А.И. Правила о найме рабочих на частные золотые промыслы. Красноярск, 1899. 16 с.

Кривошапкин, 1865 – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь: с 2 табл. и картою золотоносн. обл. Енис. окр. изд. Импер. рус. геогр. о-ва; на иждивении В. А. Кокорева, 1865. [4], V, [5], 378, [2], 188, 68 с.

Кузнецов, 1892 – Кузнецов А. П. Некоторые данные к вопросам: о количестве выработки, времени рабочего дня, о пищевом довольствии и об улучшении быта рабочих на золотых промыслах: доклад Обществу врачей члена-соревнователя А. П. Кузнецова, 1892. 21 с.

Куликова, 2011 – Куликова С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). М.: Гагарин, 2011. 174 с.

Лебина, Шкаровский, 1994 – Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.

Мионов, 2003 – Мионов Б.Н. Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX вв.). В 2-х т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 583 с.

Николаев, 2011 – Николаев А.В. «Уличное пьянство» как социально-культурное явление российского общества XIX–XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. № 132. С. 14-23.

Орфанов, 1883 – *Орфанов М.И.* В дали: (Из прошлого): рассказы из вольной и невольной жизни [Восточной Сибири / соч.] Мишля (М. И. Орфанова); с предисл. С. В. Максимова, 1883. XIX, 420 с.

Погребняк, 2002 – *Погребняк А.И.* Купцы-предприниматели Енисейской губернии: учебное пособие. Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. Красноярск, 2002.

Правила..., 1913 – Правила внутреннего распорядка на приисках Администрации п/д Федоровского золотопромышленного общества в Южной части Енисейского горного округа, 1913. 23 с.

Протокол..., 1901 – Протоколы заседаний четвертого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского округа, 1899-1900 года, 1901. 46 с.

Протокол..., 1902 – Протоколы заседаний пятого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа, 1901-1902 года, 1902. 69 с.

Протокол..., 1903 – Протоколы заседаний шестого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа, 1903. 57 с.

Протокол..., 1905 – Протоколы заседаний восьмого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа, 1904-1905 года, 1905. 74 с.

Протокол..., 1906 – Протоколы заседаний девятого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского округа, 1905-1906 года, 1906. 78 с.

Протокол..., 1908 – Протокол заседаний 11-го очередного съезда золотопромышленников Южной системы Енисейского горного округа, 1908. 21 с.

Протоколы..., 1900 – Протоколы третьего съезда золотопромышленников Южно-Енисейского округа, 1898-99 года, 1900. 67 с.

Реутовский, 1906 – *Реутовский В.С.* Нужды золотопромышленности. С.-Петербург: Тип. П.П. Сойкина. 1906. 35 с.

Семевский, 1898 – *Семевский В.И.* (1848–1916). Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование: [в 2 т.]. Т. 1: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 года / владелец А. А. Баландин, 1898. LXXXIV, 577, [1] с.

Семевский, 1898 – *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование: [в 2 т.]. Т. 2: Положение рабочих после 1870 года, 1898. V, 914, [1] с.

Сибирский сборник..., 1889 – Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание: приложение к «Восточному обозрению» / Под ред. Н. М. Ядринцева. 1889, вып. 1, 1889. [2], 60 с.

Уманьский, 1888 – *Уманьский А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. С.-Петербург, 1888. 167, [1] с.

Шитова, 2006 – *Шитова Т.В.* Полиция в административной правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006. 222 с.

Zhulaeva et al., 2024 – *Zhulaeva A.S., Grigoryeva E.A., Gryaznukhin A.G., Lushchaeva G.M.* The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1990s // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 670-679.

References

AGE – Arkhiv goroda Eniseiska [Archive of the city of Yeniseisk].

Bykonya, 2012 – *Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I.* (2012). Eniseiskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.) [The Yenisei merchant class in persons (XVIII – early XX centuries)] Krasnoyarsk, 316 p. [in Russian]

Bykova, 2000 – Bykova, A.G. (2000). Prostitutsiya v gorodakh zapadnoi Sibiri (1880-e – 1917 gg.) [Prostitution in the cities of Western Siberia (1880s – 1917s)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5: 69-79. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

Golovachev, 1902 – *Golovachev, P.M.* (1902). Sibir'. Priroda. Lyudi. Zhizn' [Siberia. Nature. People. Life] Izd. Yu. I. Bazanovoi; [Predisl. avt.], [1], 298, [16]. [in Russian]

Krakhalev, 1898 – *Krakhalev, A.I.* (1898) Zolotyie priiski Krasnoyarskogo i Kanskogo okrugov Eniseiskoi gubernii. [Gold mines of the Krasnoyarsk and Kansk districts of the Yenisei province]. Krasnoyarsk, 84 p. [in Russian]

Krakhalev, 1898 – *Krakhalev, A.I.* (1898). Obstanovka novogo priiska Krasnoyarsko-Kanskogo raiona. [The situation of the new mine in the Krasnoyarsk-Kansky district]. Krasnoyarsk, 16 p. [in Russian]

Krakhalev, 1899 – *Krakhalev, A.I.* (1899). Pravila o naime rabochikh na chastnye zolotyie promysly [Rules on hiring workers for private gold mines]. Krasnoyarsk, 16 p. [in Russian]

Krakhalev, 1899 – *Krakhalev, A.I.* (1899). O vrede «vinnykh portsii» priiskovykh rabochikh Sibiri. [About the harm of "wine portions" of mining workers in Siberia]. Krasnoyarsk, 14 p. [in Russian]

Krivoshapkin, 1865 – *Krivoshapkin, M.F.* (1865). Eniseiskii okrug i ego zhizn': s 2 tabl. i kartoyu zolotonosn. obl. Enis. okr. [The Yenisei District and its life] izd. Imp. rus. geogr. o-va; na izhdivenii V.A. Kokoreva. [4], V, [5], 378, [2], 188, 68 p. [in Russian]

Kulikova, 2011 – *Kulikova, S.G.* (2011). Zhenskaya prestupnost' kak sotsial'nyi faktor rossiiskoi modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Female crime as a social factor of Russian modernization (the second half of the XIX – early XX centuries)]. M.: Gagarin, 174 p. [in Russian]

Kuznetsov, 1892 – *Kuznetsov, A.P.* (1892). Nekotorye dannye k voprosam: o kolichestve vyrabotki, vremeni rabochego dnya, o pishchevom dovol'stvii i ob uluchshenii byta rabochikh na zolotykh promyslakh: doklad Obshchestvu vrachei chlena-sorevnovatelya A. P. Kuznetsova [Some data on the following issues: on the amount of output, working hours, food allowance and improvement of the life of workers in the gold fields: a report to the Society of Physicians by a member of the competition A. P. Kuznetsov]. 21 p. [in Russian]

Lebina, Shkarovskii, 1994 – *Lebina, N.B., Shkarovskii, M.V.* (1994). Prostitutsiya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.). M.: Progress-Akademiya, 219 p. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX vv.). V 2-kh t. [The social history of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)]. SPb.: «Dmitrii Bulanin», 548 p. [in Russian]

Nikolaev, 2011 – *Nikolaev, A.V.* (2011). «Ulichnoe p'yanstvo» kak sotsial'no-kul'turnoe yavlenie rossiiskogo obshchestva XIX–XX veka. [«Street drunkenness» as a socio-cultural phenomenon of the Russian society of the XIX–XX century]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 132: 14–23. [in Russian]

Orfanov, 1883 – *Orfanov, M.I.* (1883). V dali: (Iz proshlogo): rasskazy iz vol'noi i nevol'noi zhizni [Vostochnoi Sibiri / soch.] Mishla (M. I. Orfanova); s predisl. [In the distance: (From the past): stories from free and involuntary life [Eastern Siberia / op.]. S.V. Maksimova. XIX, 420 p. [in Russian]

Pogrebnyak, 2002 – *Pogrebnyak, A.I.* (2002). Kuptysy-predprinimateli Eniseiskoi gubernii: uchebnoe posobie. [Merchants and entrepreneurs of the Yenisei province: a textbook]. Krasnoyarsk. gos. torg.-ekon. In-t. Krasnoyarsk. [in Russian]

Pravila..., 1913 – Pravila vnutrennego rasporyadka na priiskakh Administratsii p/d Fedorovskogo zolotopromyshlennogo obshchestva v Yuzhnoi chasti Eniseiskogo gornogo okruga: [utverzhdeny 16 iyunya 1913 goda]. [Internal regulations at the mines of the Administration of the Fedorovsky Gold Mining Company in the Southern part of the Yenisei Mining District]. 1913. 23 p. [in Russian]

Protokoly..., 1900 – Protokoly tret'ego s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhno-Eniseiskogo okruga, 1898-99 goda. [Minutes of the third Congress of gold miners of the South Yenisei District, 1898-99]. 1900. 67 p. [in Russian]

Protokoly..., 1901 – Protokoly zasedanii chetvertogo s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhno-Eniseiskogo okruga, 1899-1900 goda. [Minutes of the meetings of the Fourth Congress of gold miners of the South Yenisei District, 1899-1900]. 1901. 46 p. [in Russian]

Protokoly..., 1902 – Protokoly zasedanii pyatogo s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhno-Eniseiskogo gornogo okruga, 1901-1902 goda. [Minutes of the meetings of the Fifth Congress of Gold miners of the South Yenisei Mining District, 1901-1902]. 1902. 69 p. [in Russian]

Protokoly..., 1903 – Protokoly zasedanii shestogo s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhno-Eniseiskogo gornogo okruga, 1903. [Minutes of the meetings of the sixth Congress of Gold miners of the South Yenisei Mining District]. 1903. 57 p. [in Russian]

Protokoly..., 1905 – Protokoly zasedanii vos'mogo s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhno-Eniseiskogo gornogo okruga, 1904-1905 goda. [Minutes of the meetings of the Eighth Congress of Gold miners of the South Yenisei Mining District, 1904-1905]. 1905. 74 p. [in Russian]

Protokoly..., 1906 – Protokoly zasedanii devyatogo s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhno-Eniseiskogo okruga, 1905-1906 goda. [Minutes of the meetings of the Ninth Congress of Gold miners of the South Yenisei District, 1905-1906]. 1906. 78 p. [in Russian]

Protokoly..., 1908 – Protokol zasedanii 11-go ocherednogo s'ezda zolotopromyshlennikov Yuzhnoi sistemy Eniseiskogo gornogo okruga. [Minutes of the meetings of the 11th regular Congress of gold miners of the Southern system of the Yenisei Mining District]. 1908. 21 p. [in Russian]

Reutovskii, 1906 – *Reutovskii, V.S.* (1906). Nuzhdy zolotopromyshlennosti [The needs of the gold industry]. 35 p. [in Russian]

Semevskii, 1898 – *Semevskii, V.I.* (1848 - 1916). Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh: istoricheskoe issledovanie: [v 2 t.]. [Workers in the Siberian gold fields: a historical study: [in 2 volumes]. T. 2: Polozhenie rabochikh posle 1870 goda, 1898. V, 914, [1] s. [in Russian]

Semevskii, 1898 – *Semevskii, V.I.* (1898). Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh: istoricheskoe issledovanie: [v 2 t.]. [Workers in the Siberian gold fields: a historical study: [in 2 volumes]. T. 1: Ot nachala zolotopromyshlennosti v Sibiri do 1870 goda. Vladelets A. A. Balandin, 1898. LXXXIV, 577, [1] p. [in Russian]

Shitova, 2006 – *Shitova, T.V.* (2006). Politsiya v administrativnoi pravookhranitel'noi sisteme Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Police in the administrative law enforcement system of Siberia in the XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 222 p. [in Russian]

Sibirskii sbornik..., 1889 – Sibirskii sbornik: nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie: prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu» [Sibirskii sbornik (Siberian Collection): scientific and literary periodical:

appendix to the “Vostochnoe obozrenie”]. Pod red. N. M. Yadrntseva. 1889, vyp. 1, 1889. [2], 60 p. [in Russian]

Uman'skii, 1888 – *Uman'skii, A.* (1888). Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseiskoi taige [Essays on the gold industry in the Yenisei taiga]. S-Peterburg, 167, [1] p. [in Russian]

Zhulaeva et al., 2024 – *Zhulaeva, A.S., Grigoryeva, E.A., Gryaznukhin, A.G., Lushchaeva, G.M.* (2024). The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1990s. *Bylye Gody*. 19(2): 670-679.

Особенности социальных девиаций на золотых приисках Енисейской Сибири и способы их преодоления в 1830–1890-х гг.

Анна Сергеевна Жулаева ^{a,*}, Екатерина Александровна Григорьева ^a,
Александр Григорьевич Грязнухин ^a, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В работе на основе архивных неопубликованных источников на примере Енисейской Сибири в дореволюционный период рассматриваются девиации, царящие в сложной социальной среде на золотых приисках. Нагрянувшая «золотая лихорадка» ухудшила криминальную обстановку в исследуемом регионе. Статистика массовых грабежей и убийств росла пропорционально росту золотодобычи на приисках. Несмотря на принимаемые центральной властью законы, огромная территория, удаленная от столицы на тысячи километров, жила по своим диким порядкам. Тяжелейшие условия труда рабочих-золотничников подрывали их здоровье. Однако общее удручающее состояние медицины (отсутствие в достаточном количестве больниц и медицинского персонала) лишало рабочих и этого шанса на передышку. Документы сибирских архивов свидетельствуют о том, что ситуация периодически накалялась, принимая серьезный криминальный характер. Дореволюционные историки особо описывают массовые волнения рабочих в Енисейской губернии на золотых таежных приисках в дореволюционный период.

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, золотодобывающая промышленность, социальный аспект, девиантное поведение, социальные девиации, преступность, проституция, пьянство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1238-1248
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1238

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

National Education as an Instrument of Imperial Colonization of Asian Russia in the Discourse of National Oriental Studies of the mid XIXth – early XXth centuries

Sabira N. Apasheva ^{a, *}, Michael K. Churkin ^b, Sairan M. Kartbaeva ^c, Natalia I. Churkina ^c

^a Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^c Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Abstract

The article attempts to deconstruct the discourse of national education in the scientific works of Russian orientalists. The hypothesis is formulated that the discourse of national education, represented in the works of Russian Orientalist scholars, performed a significant function of forming the perceptions of the authorities and society about possible scenarios of integration of national minorities of peripheral territories into the all-imperial space, based on modern scientific knowledge delegated to the empire the right to make responsible decisions in the field of national and imperial construction. The paper notes the paradoxical construction of the discourse of national education as a tool for integrating the Asian periphery into the all-imperial. On the one hand, orientalists, as carriers of knowledge about the East, associated the achievability of the results of integration of non-ethnic communities with the overcoming of cultural differences and the formation of a "big Russian nation" in Asian Russia. On the other hand, the Eurocentric attitudes and provisions that developed in the intellectual environment of the late Enlightenment era produced such ideas about the possibilities of incorporation of the peripheries, in which the motive of cultural distance between the man of knowledge and culture and the colonial subaltern remained unchanged. In the course of the research, the perceptions of Russian orientalist scholars about the Asian periphery of the Russian Empire as "its own east" at different stages of research activity in the broad chronological boundaries of the 19th – early 20th centuries were revealed. It is established that the problem of the formation of national education in the peripheral regions of the empire was an integral part of the discourse of integration of national minorities into the all-Russian social space, within which the framework of interaction between the imperial authorities and the indigenous population of the peripheries was set. In the discourse of the first generation of Russian Orientalists, the issues of incorporation of the territories and the indigenous population of the peripheries were considered in the context of Eurocentric attitudes, and national education was labeled as an instrument of Christianization of nomadic nomads. In the spirit of conservative romanticism, theorists and practitioners of Orientalism constructed scenarios of a national school, in the coordinate system of which the use of the native language in education was a decisive factor in overcoming cultural differences. The evolution of Russian Orientalism in the following years, which consisted in overcoming the templates of Eurocentrism, did not fundamentally change the general content of the discourse, adjusting only the methods of its implementation in the sphere of national education while maintaining the rhetoric of moral superiority and paternalistic logic in relation to the peoples of Asian Russia.

* Corresponding author

E-mail addresses: sabira66_66@mail.ru (S.N. Apasheva),
proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), kartbaevasairan@yandex.ru (S.M. Kartbaeva),
n_churkina@mail.ru (N.I. Churkina)

Keywords: national education, integration of indigenous peoples, Asian Russia, imperial colonization, discourse, national orientalism.

1. Введение

Постоянное расширение территориальных границ Российской империи, переселения значительных масс людей на окраины страны, в том числе, во второй половине XIX – начале XX вв. в районы ее восточной периферии, ставили перед властью, политическими элитами и обществом вопрос об универсализации имперского административного управления, а также о разработке сценариев и практик встраивания колонизируемых земель и человеческих сообществ в общеимперское поле.

Очевидно, что в XIX столетии российская колонизация как главный сюжет отечественного исторического процесса (Ключевский, 1987: 49-50) обретает свой окончательный «восточный» вектор, а территории, расположенные за Уралом, начинают маркироваться имперской властью как «собственный восток» России (Тольц, 2013), окончательное обретение которого становилось возможным только при условии преодоления его отдельности, что могло быть обеспечено системными действиями, направленными на культурную инкорпорацию отдаленных пространств.

Таким образом, имперские проекты в образовательной сфере были адресованы непосредственно коренным народам Азиатской России, являясь естественным продолжением дискурса национального и имперского строительства в России второй половины XIX – начала XX вв., а обсуждение задач национального образования и технологий их реализации во многом определялось ситуативным общественно-политическим и социокультурным контекстом, в рамках которого происходили важные коррективы в представлениях российского общества и имперской власти о задачах, принципах и практиках колонизации пространств, входивших в «пул» геополитических интересов России.

В этой связи дискурс национального образования, репрезентируемый в трудах российских ученых-востоковедов, выполнял значимую функцию формирования представлений власти и общества о возможных сценариях интеграции национальных меньшинств окраинных территорий в общеимперское пространство.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с раскрытием и рефлексией содержания дискурса национального образования как инструмента имперской колонизации, предполагает привлечение в качестве основного источника массива публикаций (монографии, научные статьи, заметки) российских востоковедов середины XIX – начала XX вв. (Григорьев, 1840; Ильминский, 1889); (Бартольд, 1963). В работах отечественных ориенталистов консервативной и либеральной направленности фиксировалась рецепция научным сообществом императорской России перспектив решения инородческого вопроса в обстоятельствах внутренней колонизации образовательными средствами. Привлеченные материалы позволили раскрыть представления ученых о восточных окраинах как «собственном востоке России», научных сценариях трансляции знания в среду индигенных народов, теориях и практиках конструирования системы национального образования и методах его продвижения в периферийных регионах империи. Важную вспомогательную функцию в исследовании выполнили законодательные материалы (Свод главнейших..., 1882), отчеты духовных миссий (Извлечение..., 1898; Отчёт о Киргизской миссии..., 1900: 4-12), а также личные свидетельства акторов общественно-политического дискурса национального образования в исследуемый период (Миссионерские записки..., 2016; Катков, 2009; Победоносцев, 1901), запечатлевшие нормативные основы и практики реализации имперской образовательной политики.

Обсуждение проблемы становления и эволюции востоковедческого дискурса национального образования малопродуктивно без апелляции к исследовательским подходам «новой культурно-интеллектуальной истории», поскольку практики окраинной инородческой политики и деятельности государства и общественных структур в образовательной сфере являлись следствием представлений научного сообщества о концепте «национальное образование» как интеллектуальном конструкте. В этом аспекте видится актуальным обращение к теории дискурса (Р. Барт, М. Фуко), предполагающей не отражение прошлого, а его интерпретацию, в которой текст выражает этические, идеологические взгляды автора на реальность, его культурные и нравственные конвенции.

Обращение к научно-исследовательским практикам «новой имперской истории» позволяет обнаружить ранее не удостоенные вниманием исследователей обстоятельства, связанные с взаимодействием различных акторов, разворачивавшиеся в границах инкорпорируемых территорий: ученых, общественных деятелей, имперского чиновничества. Из широкого спектра трудов, посвященных истории России как истории империи, наиболее приближены к проблематике нашей работы исследования А. М. Эткинды о феномене внутренней колонизации (Эткинд, 2016). С точки зрения автора, внутренняя колонизация была одним из инструментов расширения территориальных границ Российской империи. Примечательно, что теория А. Эткинды основана на применении к российской истории эвристической схемы, которую разработал Эдвард Саид в книге «Ориентализм» (Саид, 2021), описывавший колонизацию как основанное на насилии формирование и поддержание

культурной дистанции между колонизаторами и «туземцами». По мнению А. Эткинды, российские имперские элиты выстраивали дистанцию по отношению к собственному населению, равно как и к другим народам Российской империи. В данном отношении логика формирования образовательной политики на окраинах страны, институционализация образовательных учреждений и практическая деятельность имперской бюрократии являлись надежным инструментом фиксации культурной дистанции между акторами и субалтернами колонизации.

Аналитическая рецепция научного наследия отечественного востоковедения середины XIX – начала XX вв. предопределила использование адекватных целям и задачам аналитических процедур – дискурс-анализа и контент-анализа текстов российских ориенталистов. В работе также использовались традиционные методы: историко-сравнительный, способствовавший выявлению и объяснению разновременных представлений ученых-востоковедов о моделях интеграции коренного населения, и проблемно-хронологический, позволивший осмыслить социокультурные и интеллектуальные обстоятельства формирования востоковедческих концепций «собственного востока» России и культурной интеграции индигенного населения.

3. Обсуждение

В отечественной исторической науке вопросам национального образования и национальной школы как инструментам имперской колонизации уделяется особое внимание (Плахотник, 2019; Лысенко, 2019; Чуркина, 2018; Чуркин, 2019; Стурова, 2018). Следует заметить, что в корпусе трудов российских специалистов исторической и историко-педагогической направленности сюжеты институционализации образования коренных народов Российской империи органично вписываются в систему координат историографического дискурса национального и имперского строительства. Вместе с тем «белым пятном» историографической традиции проблемы продолжает оставаться тема научной рефлексии инородческого вопроса в трудах российских ученых-востоковедов, эссенциально обозначивших основные принципы и векторы имперской политики как инструмента культуртрегерства в иноэтничной и иноконфессиональной среде. В этой связи актуальным видится интерпретация отечественного колониального процесса в постколониальных штудиях, ставшая на рубеже XX – XXI вв. основанием формирования новых историографических подходов к оценке национальной политики Российской империи, в том числе и в области образования субалтернов (Джераси, 2013; Тольц, 2013; Ходарковский, 2019; Сартори, Шаблей, 2019; Круз, 2020; Верт, 2012). В целом исследовательский опыт позволяет констатировать коммуникативное согласие ученых в отношении ряда специфических факторов, сопутствовавших продвижению русской оседлости в регионы Сибири и Степного края, что проявилось в признании их выраженной лимитирующей функции, а именно отдаленности ареалов водворения мигрантов от Европейской России; дискретности территорий на восточных окраинах с разной степенью интенсивности достигаемых имперской властью; этнической мозаичности населения и пестроты его конфессионального состава, что в условиях географического соседства с государствами Центральной Азии создавало как угрозу исламизации местных номадов, так и способствовало усилению политического влияния в районах, входивших в сферу политических интересов России крупнейших европейских держав.

4. Результаты

Переходя к вопросу репрезентаций национального образования как инструмента имперской колонизации в дискурсе отечественного востоковедения, предварительно отметим два существенных обстоятельства. Во-первых, в XIX веке такие категории, как «нация», «национальное самосознание», «империя», «региональная интеграция», определяли мировоззрение людей. Мир в их представлениях состоял из наций, что давало политическим элитам метрополий моральное право разрабатывать и внедрять различные стратегии строительства национальных государств, распространяя логику преимуществ доминирующей национальной группы при выстраивании отношений с территориями, обладавшими колониальным статусом. Во-вторых, апологии националостроительства соответствовали европоцентристским формулам середины XIX столетия, легитимировавшим преимущества так называемых цивилизованных народов над «взрослеющими» представителями архаических культур.

По констатации В. Тольц, уже в 1840-х гг. идея русской цивилизационной миссии на Востоке становится неотъемлемым элементом идеологии русского национализма, при этом риторика и практики мессианства, характерные для всего колониального мира, именно в России приобретают особый резонанс (Тольц, 2013: 52). Актуализация мессианской идеологии, на наш взгляд, во многом обеспечивалась атмосферным фоном общеевропейского дискурса о цивилизованных и нецивилизованных народах, основные позиции которого были представлены в работах Ф. Энгельса, Г. Гегеля, К. Маркса и др. Так, Ф. Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии», опубликованной в 1852 г., определил славянское население Европы как «жалкие, вымирающие нации, обреченные на уничтожение, не давшие ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закрепощении» (Маркс, Энгельс, 1987: 357). Таким образом, тезис о невключенности России в европейскую систему культурно-политических координат нуждался

в толковании и опровержении, что становилось возможным через переопределение части Азии как фрагмента политического тела России, в отношении которого империя осуществляет цивилизаторские практики.

Симптоматично, что российские имперские ученые артикулировали свою цивилизаторскую миссию в Азии сообразно с устоявшейся европейской формулой: власть над Востоком заключается в обладании научным знанием. Однако в дискурсе отечественного востоковедения, институциональные основы которого уходят корнями в 1840–1850-е гг., миссия России в Азии определялась не только как просветительская, но и как организаторская, что рельефно свидетельствовало о репрезентации азиатских пространств как собственных территорий, а не колоний в традиционном смысле данного понятия. Один из основоположников российского востоковедения В.В. Григорьев, предсказывая блистательную будущность России в ее азиатской политике, констатировал, что в отношениях с Востоком необходимо сохранить многочисленные его народы и устроить их, «научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона, ценить гражданственность выше приманок своевольной свободы» (Григорьев, 1840: 7).

Следует заметить, что в трудах ранних российских востоковедов 1840–1850-х гг. зеркально были отражены широко распространенные в тот период представления и стереотипы о Востоке и народах Азии как «блуждающих во мраке невежества и суеверий», нуждавшихся в просвещении религией и наукой, что влекло за собой естественную необходимость «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» (Григорьев, 1840: 7–8). Логика подобных рассуждений в полной мере соответствовала имперским представлениям о России, не имевшей колоний за океаном, как едином географическом и территориальном пространстве, оформление которого достижимо только средствами политической воли, реализуемой в регулярных интеграционных мероприятиях.

В этой неоформленной программе просматривались некоторые перспективы определения принципов образовательной политики в Азиатской России как инструмента инкорпорации собственных территорий на восточных окраинах империи, в том числе и в сфере национального образования. Необходимо отметить, что задачи вовлечения азиатской периферии в общеимперское пространство располагались в эпицентре дискурса ученых-востоковедов, общественно-политических деятелей и представителей политических элит, позиционирующих себя как «охранителей», стимулирующих безопасность империи. Поражение России в Крымской войне (1853–1856 гг.), стимулировавшее резкий прирост антизападных настроений, а также прецеденты сепаратизма в Царстве Польском и в Сибири в начале 1860-х гг., вызвали к жизни идеи откровенно националистического толка. Призывы «Русского вестника» и «Московских ведомостей», редактируемых лидером национал-консерваторов М.Н. Катковым, к созданию «большой русской нации» путем распространения на окраинах русского помещичьего землевладения и земледелия воплощались в формулу стирания культурных различий (Катков, 2009).

В национальном сегменте образовательной политики преодоление культурных различий и формирование однородного в административном, социальном, этноконфессиональном отношении пространства коммуникации власти и общества в Азиатской России способствовало рождению серии проектов, зафиксированных в консервативном дискурсе. Нельзя не отметить, что исследователи обладают склонностью извлекать из этой дискурсивной канвы преимущественно очевидные сюжеты, связанные исключительно с христианизацией коренных народов и широко растиражированной в среде индигенного населения практикой русификации. Действительно, культурная и административная русификация инородцев Западной Сибири, Степного края, Туркестана являлась одним из инструментов национального строительства на окраинах, а христианизация, отданная фактически до начала XX в. на откуп миссионерам, – способом инкорпорации пространств и людей в общеимперское поле. Концептуально национал-консервативный дискурс русификации как метода инкорпорации коренных народов с предельной откровенностью был запечатлен в позиции миссионера Вениамина, главы Забайкальской миссии: «...даем (инородцам) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» (Джераси, 2013: 99). Однако с течением времени столь примитивные инструменты колонизации продемонстрировали свою низкую эффективность. Так, по констатации миссионера М. Путинцева, в первый год работы Киргизской миссии в уездах Степного края крестившихся по православному обряду инородцев насчитывалось 5 человек (Путинцев, 1896: 2). В последующие годы статистика крещений, в том числе как следствие перехода в православие из ислама, в Степном крае оставалась неустойчивой: в 1897 г., по заверению миссионеров, было «приобретено для Христовой церкви 46 человек из магометанства: 30 мужского и 16 женского пола» (Извлечение..., 1898: 6); в 1902, 1906, 1910, 1911 гг. – 42, 8, 5, 10 душ соответственно. В.Н. Наливкин в своих рассуждениях о положении инородческого населения Азиатской России отмечал, что долгое время большинство русских интеллигентных людей повторяли слова министра просвещения графа Д. Толстого о важности распространения государственного языка на окраинах. Однако, писал Наливкин, когда в 1884 г. генерал Розенбах собрал в Ташкенте особую секретную комиссию по вопросу

интеллектуальной жизни туземного населения, он получил ответ, что до тех пор, пока сарты и киргизы остаются мусульманами, надеяться на успехи распространения в их среде русского языка не приходится (Наливкин, 1913: 102-103).

Во многом неэффективность прямой христианизации и русификации скорректировали представление в консервативном лагере как о моделях взаимоотношений с коренными народами, так и практиках их аккультурации. На новом уровне рецепции инородческого вопроса дискурс национального образования сопрягался с общим вектором позиционирования азиатской периферии как «собственного востока» России, а аборигенные народы интерпретировались в качестве «своих инородцев». Данная концепция получила обоснование в трудах и деятельности ученого-востоковеда, миссионера Н.И. Ильминского (Ильминский, 1889), система которого была апробирована в Поволжье и в дальнейшем получила распространения на восточных окраинах Российской империи. Понимание Н.И. Ильминским общей стратегии культурной интеграции инородцев определялось несколькими принципами. Во-первых, он полагал, что необходимо обеспечить комфортные условия для «взросления» «своих инородцев», которое является значимым элементом строительства империи; во-вторых, в логике рассуждений Ильминского православие – высшая религиозная форма. Поэтому использование родного языка в отправлении обрядово-ритуальных действий выступает как вариант гибкой христианизации, а по сути – русификации язычников. В-третьих, Н.И. Ильминский и его сторонники позиционировали себя как противников интенсивной ассимиляции коренных народов в русскую среду, делая акцент на сохранении местных этнических сообществ как коммуникативного пространства распространения православия и естественного препятствия влиянию других религий (ислам, буддизм).

Подход Н.И. Ильминского в контексте обсуждения перспектив и возможностей подготовки почвы для становления национального образования в период 1880–1905 гг. пользовался безоговорочной поддержкой со стороны Святейшего Синода (К.П. Победоносцев) и Министерства просвещения (Д.А. Толстой) и воплощался практически, что было зафиксировано в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. (Свод главнейших..., 1882: 42-45). Сформулированная Ильминским идея использования местных языков в организации богослужения в широком смысле предполагала подготовку кадров не только для церковных и миссионерских целей, но и для образовательной сферы, в которую в качестве учителей привлекались наиболее способные автохтоны (Джераси, 2013: 69). В отдаленных епархиях и миссионерских станах Западной Сибири и Степного края обращение к опыту привлечения выходцев из местной среды было широко распространено, что подтверждается статистикой: из 93 сотрудников, упомянутых в дневниках и записках Алтайской духовной миссии конца XIX в., 47 являлись инородцами по рождению (Миссионерские записки..., 2016: 167-187). В отчетах Киргизской духовной миссии начала XX в. общим местом являлось упоминание о частых прецедентах отправки новокрещеных инородцев для продолжения образования в семинариях, а также назначении выходцев из коренного населения на должности миссионеров и псаломщиков (Отчет о Киргизской миссии..., 1900: 4-12).

Восприятию и продвижению идей и образовательных практик Н.И. Ильминского (создание аульных, миссионерских школ) во второй половине XIX в. активно способствовали научные представления эпохи, в том числе убежденность в детерминированности культуры географией. В образованной среде России и в сообществах политической элиты доминировала уверенность в том, что цивилизация непременно фланирует с запада на восток, неся с собой не только благо для новых, обойденных культурой народов, но и вредоносное влияние. Пример западных окраин Российской империи с характерными для этого региона сепаратистскими настроениями и националистическими эксцессами актуализировали стремление ученых, общественных деятелей, имперского чиновничества к поддержке этнических меньшинств, принявших христианство, а также малых этнических групп, потенциально готовых войти в семью православных народов, что являлось условием успешного противостояния воздействию татар-мусульман как главному источнику нестабильности на отсталом Востоке.

В значительной мере система Н.И. Ильминского, основанием которой стали европоцентристские представления и идеи о взрослении примитивных народов, репрезентируемые в дискурсе отечественного востоковедения и реализуемые в рамках имперской образовательной политики, привела к результатам, определившим значительные сдвиги в понимании как задач нациостроительства в Азиатской России, так и коррекций в образовательных практиках.

Современники событий, на практике соприкоснувшиеся с системой Н.И. Ильминского, согласно отмечали, что такая модель народного образования «...дала хорошие результаты: многие из окончивших курс в двухклассных русско-киргизских училищах киргизские ученики, выходили хорошими учителями, фельдшерами и с успехом работали и работают на избранном поприще среди своего народа...» (Греховодов, 1913: 15). Вместе с тем на рубеже XIX – XX вв. частыми становятся и критические высказывания по поводу организации и функционирования национальных школ в Азиатской России, что особенно заметно проявлялось в областях, активно включаемых в орбиту русской аграрной колонизации (Степной край), где имперская административно-управленческая система находилась в фазе становления, а коренное население (киргизы) чаще всего оказывалось в

сфере влияния странствующих мулл и учителей из татар. Кроме того, в условиях активизации аграрных переселений и водворения крестьянства губерний Европейской России в непосредственном соседстве с кочевьями номадов в центре колониционной повестки имперской власти оказывалась политика седентаризации, что влекло за собой видоизменения в отлаженном механизме национального образования, сопровождалось расширением спектра образовательных услуг за счет низших сельскохозяйственных школ, назначение которых инородцам было непонятно и воспринималось как культурное насилие (Греховодов, 1913: 9).

Важно отметить, что новые обстоятельства экономической жизни и общественного устройства азиатских окраин, вызванные массовыми миграциями из европейской части страны и естественным распространением русской оседлости и русского языка, значительно снизили напряжение образовательного дискурса, во всяком случае, в сообществе высшей чиновной бюрократии. Известный афоризм российского министра финансов эпохи Николая I Е. Канкрин «образование надобно давать дозировано, как соль» преобразовался в высказывании обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева следующим образом: «Мало кто думает, что отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудрёными целями, мы лишаем родителей и семьи рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого или фальшивого и отрешённого от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия» (Победоносцев, 1901: 84).

Не менее существенным фактором, повлиявшим на эволюцию представлений о национальной школе и национальном образовании в научном дискурсе конца XIX – начала XX вв., стал рельефно выраженный конфликт между целью стирания культурных различий и логикой конструирования «большой русской нации» с универсальной социокультурной идентичностью и результатами реализации имперской политики в образовательной сфере по лекалам системы Н.И. Ильминского. Не вызывает сомнений, что в теории Ильминского, равно как и в рассуждениях его современников, ученых-востоковедов, обретение «собственного востока» в Азии означало прирост русского национально-культурного чувства во многом за счет лишения признаков национальной идентичности коренных народов региона. Однако в практической плоскости формат национального образования де-юре и де-факто предоставил возможность индигенному населению, особенно представителям номадической аристократии, выйти за установленные образовательной системой рамки христианизации и русификации, сохранить острое ощущение принадлежности к своей национальной культуре. В ситуации становления и распространения государственной системы просвещения местная молодежь получила возможность обучения не только в официальных учебных заведениях уровня городских школ и училищ, но и в университетах, что значительно расширило пространство культурной и интеллектуальной коммуникации отдельных представителей коренных групп, в результате чего сформировалось локальное сообщество людей, образованных по европейским университетским стандартам. Возвращение в родные места по окончании университетского курса сопровождалось для данной группы лиц и изменением социального статуса. Приобретая статус служащих, представители национальной интеллектуальной элиты вербовались в ряды имперских экспертов, включались в деятельность общественных организаций, не рассматривая факт перехода в православие в качестве социального лифта. Напротив, коренная аристократия, переживая имущественное разорение, стремилась к сохранению своего статуса путем контактов и слияния с имперской бюрократией и государственной властью. В результате представления национальной интеллигенции, с одной стороны, оформлялись в обстоятельствах влияния русской культуры, что материализовалось в вовлечении национальных кадров в государственную деятельность, с другой, – испытывали воздействие со стороны теоретиков и практиков исламизма, что способствовало распространению антиколониальных, отчасти антирусских, настроений и усилению национальной идентичности.

В осмыслении эволюции дискурса национального образования в трудах российских востоковедов невозможно игнорировать изменения общего интеллектуального фона пореформенной эпохи, ознаменованного формированием новой генерации российских общественно-политических деятелей и чиновничества. На рубеже XIX – XX вв. на авансцену отечественной политической жизни вышло поколение, этос которого складывался под влиянием либеральных идей и либеральных преобразований 1860–1870-х гг., что не могло не оказать влияния на представления ученых-востоковедов о «собственном востоке» и механизмах, в том числе образовательных, встраивания Азиатской России в имперское поле.

Наиболее предметно новое видение «восточной» ситуации оказалось запечатлено в рецепции последователей востоковедческой школы барона В.Р. Розена, полагавших, что «принцип уважения к племенным особенностям инородцев усиливает Россию, а не ослабляет ее» (Чичерина: 595). Научно-интеллектуальное становление таких ярких представителей российского востоковедения, как В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатский, пришлось на начальный период кризиса романтического консерватизма и европоцентристских теорий. Общеευропейская ревизионистская тенденция, в поле влияния которой не успели попасть родоначальники отечественных востоковедческих исследований (В.В. Григорьев, Н.И. Ильминский, В.В. Радлов),

направила исследователей Востока и азиатской части России в русло этнического плюрализма, что усиливалось их сомнениями в продуктивности идеи европейского превосходства. Тем не менее нужно отметить эволюционный и достаточно извилистый характер перемен в востоковедческих теориях и подходах на рубеже XX в., что в значительной степени амортизировало модернизацию практик в сфере национального образования. В дискурсивный корпус новых востоковедов вошло и утвердилось понятие о знании не как источнике завоевания Востока, а как инструменте влияния на самосознание азиатских инородцев. Так, один из ярких представителей школы Розена, В.В. Бартольд, во вступительном слове к защите своей диссертации, говорил: «...восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают...» (Бартольд, 1963: 610). С точки зрения коллег В.В. Бартольда (С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр), это особое знание сформировалось в результате длительного сосуществования с народами азиатской периферии, и патерналистские амбиции России по отношению к «собственному востоку» являются морально оправданными и придают особую легитимность соучастию российского государства в обустройстве всех сфер жизни коренных народов, входивших в ареал геополитических интересов империи.

Устойчивость имперской риторики в суждениях либеральных востоковедов, в отличие от их предшественников «охранителей», оттенялась признанием несомненного факта великой истории азиатских народов, которые нуждаются в обучении особой европейской методологии познания собственного прошлого. «Площадкой» репрезентации такого знания выступали пространственные историко-этнографические очерки лидеров востоковедения, в которых значительное место отводилось сведениям об истории того или иного азиатского народа, начинавшейся с древнейших времен.

Симптоматично, что признание давности и величия прошлого азиатских народов в дискурсе либерального востоковедения вполне вписывалось в возникавшие на рубеже XIX – XX вв. проекты интеграции национальных меньшинств в общеимперское этнокультурное пространство. К этому времени в сознании российских политических и общественных элит сложилось достаточно ясное понимание категории «русская нация», охватывавшая народы евроазиатской Российской империи, включая пространства Поволжья и Западной Сибири. Интеграция этнических групп Сибири заенисейской, Степного края, Туркестана представлялась как отдаленная, но вполне ожидаемая перспектива, инструментом реализации которой рассматривалось сотрудничество, совместная деятельность с целью политического и духовного слияния инородцев с доминирующей группой – русскими. Главным актором политики сотрудничества русского и инородческого населения стала степная аристократия, активно интегрируемая в российский социум через служебные функции и участие в деятельности общественных организаций, аффилированных с государством (филиалы ИРГО, этнографические общества и объединения и т.д.). В дальнейшем, когда в России широкое распространение получила идеология движения «малой родины», вынесшая на первый план принадлежность к «месту» в противовес этнической и конфессиональной маркировке, круг лиц, вовлеченных в коммуникацию, существенно раздвинулся. В значительной степени продвижению идеи «малой родины» способствовало перерождение концепции сибирского областничества, фронтмены которой Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков и др., пережив «травму» репрессий по подозрению в сепаратизме, сосредоточились на экономических и социальных нуждах азиатской окраины, обращаясь к инородческому вопросу, связывая его решение с созданием такой образовательной системы, в пределах которой представители коренного населения будут получать «...те же знания, которые считается необходимым иметь русскому чиновнику» (Потанин, 2014: 67). В целом конвергенция проектов «малой родины» и областничества, репрезентировавших идею отечественных востоковедов о совместной деятельности русского и инородческого населения как условия интеграции «с тяготением к России...» (Клеменц, 1893: 22), обозначили тенденцию к вытеснению национальной школы сценариями совместного обучения русских и инородцев посредством создания пансионов, которые позволили бы преодолеть разбросанность инородцев по территориям проживания, создать условия для усвоения русского языка и взаимопроникновения культур.

5. Заключение

Подводя общий итог, можно констатировать, что процесс внутренней колонизации окраин в России реализовывался как проект инкорпорации территорий и людей, маркируемых в категориях «собственные земли», «собственный восток», «Азиатская Россия». Примечательно, что интеллектуальный дискурс «собственного востока» выстраивался парадоксально. С одной стороны, носители знания о Востоке, заметное место в ряду которых занимали российские ученые-востоковеды, продуктивность результатов интеграции иноэтничных сообществ связывали с преодолением культурных различий и формированием на азиатской периферии «большой русской нации». С другой, – европоцентристские установки и положения, сложившиеся в интеллектуальной среде эпохи позднего Просвещения, продуцировали такие представления о возможностях инкорпорации окраин, в которых мотив культурной дистанции между человеком знания и культуры и колониальным субалтерном оставался неизменным.

Дискурс национального образования, являвшийся одним из сюжетов рефлексии Азиатской России как «собственного востока» в трудах отечественных востоковедов, органично вплетался в канву имперской политики, формулируя для власти сообразные текущей ситуации алгоритмы практической деятельности, направленные на встраивание инородческого населения в общероссийский социум. Несмотря на существенную эволюцию ориенталистских представлений российских ученых-востоковедов на рубеже XIX – XX вв., что выразилось в критическом отношении к европоцентристским установкам, любым проявлениям культурного насилия по адресу коренных народов, имперское понимание образовательной политики и практик как инструмента интеграции индигенных народов осталось неизменным. Проекты национального образования, представленные в востоковедческом дискурсе и реализуемые имперскими структурами на восточных окраинах империи, при всей вариативности средств их воплощения в своей субстанциональной основе оставались русификаторскими, что являлось фактором постоянной этно-конфессиональной конфликтности на окраинах и поддерживало ситуацию отдельности и отдаленности восточной периферии.

Литература

- Бартольд, 1963** – Бартольд В.В. Речь перед защитой диссертации / Сочинения: в 9 т. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 760 с.
- Верт, 2012** – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Греховодов, 1913** – Греховодов М.Н. Народное образование среди киргизского населения Петропавловского уезда Акмолинской области. Казань: Центральная типография, 1913. 31 с.
- Григорьев, 1840** – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
- Извлечение..., 1898** – Извлечение из отчёта Киргизской миссии за 1897 г. // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 8. С. 4-8.
- Ильминский, 1889** – Ильминский Н.И. Беседы о народной школе. СПб.: Синодальная типография, 1889. 40 с.
- Катков, 2009** – Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Клеменц, 1893** – Клеменц Д.Н. Местные музеи: Их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Вып. 2. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. С.1-35.
- Ключевский, 1987** – Ключевский В.О. Курс русской истории / Соч. в 9 т. Т.1. Ч.1. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Круз, 2020** – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Миссионерские записки..., 2016** – Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. Турк т-ва печатного дела, 1913. 144 с.
- Отчёт..., 1900** – Отчёт о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. 1900. № 13. С. 4-12.
- Плахотник, 2019** – Плахотник Т. Ю. Проблема образования кочевого населения Степного края в работах А. Е. Алекторовой - чиновника образовательного ведомства / *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: Материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции*. Омск, 05 декабря 2019 года Омск: «Омский государственный педагогический университет», 2019. С. 21-27.
- Победоносцев, 1901** – Победоносцев К.П. Народное просвещение / *Московский сборник*. М.: Синодальная типография, 1901. С.80-90.
- Потанин, 2014** – Потанин Г.Н. Инородческий вопрос / *Избранное*. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 62-69.
- Путинцев, 1896** – Путинцев М. Из Киргизской миссии Омской Епархии // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1896. № 4. С. 1-7.
- Саид, 2021** – Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.
- Сартори, Шаблей, 2019** – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- Свод главнейших..., 1882** – Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч.1. СПб.: Типография Глазунова, 1882. 256 с.
- Стурова, 2018** – Стурова М.В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2018. № 3(16). С. 88-98.

- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Ходарковский, 2019** – Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Чичерина, 1906** – Чичерина С.В. Положение просвещения у Приволжских инородцев // *Известия Императорского Русского географического общества*. 1906. Т. XLII. Вып. 1. С. 580-612.
- Чуркин, 2019** – Чуркин М.К. Репрезентации стратегий и практик образовательной политики России на восточных окраинах империи в национал-консервативных и либеральных периодических изданиях второй половины XIX - начала XX вв. // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. 2019. Т. 10, № 8(82). С. 29.
- Чуркина, 2018** – Чуркина Н. И. Основные тенденции реализации образовательной политики в Омском Прииртышье (вторая половина XIX - начало XX вв.) / Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности: Сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции - XXXII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования. Нижний Новгород: «Волгоградская государственная академия последипломного образования», 2018. С. 212-216.
- Маркс, Энгельс, 1986** – Маркс К., Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии / Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 686 с.
- Эткинд, 2016** – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Lysenko, 2019** – Lysenko Yu.A. The question of the reliability of the muslim educational institutions of the turkestan region in the reports of the official of special assignments of the ministry of internal affairs I. Naumov // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54(4). Pp. 1745-1753.

References

- Bartol'd, 1963** – Bartol'd, V.V. (1963). Rech' pered zashchitoi dissertatsii [Speech before the dissertation defense]. Sochineniya: v 9 t. T. 1. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 760 p. [in Russian]
- Chicherina, 1906** – Chicherina, S.V. (1906). Polozhenie prosveshcheniya u Privolzhskikh inorodtsev [The state of education among the Volga aliens]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. XLII. Vyp. 1. Pp. 580-612. [in Russian]
- Churkin, 2019** – Churkin, M.K. (2019). Rerezentatsii strategii i praktik obrazovatel'noi politiki Rossii na vostochnykh okrainakh imperii v natsional-konservativnykh i liberal'nykh periodicheskikh izdaniyakh vtoroi poloviny XIX - nachala XX vv. [Representations of strategies and practices of educational policy of Russia on the eastern outskirts of the empire in national-conservative and liberal periodicals of the second half of the XIX - early XX centuries]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 10. 8(82): 29. [in Russian]
- Churkina, 2018** – Churkina, N.I. (2018). Osnovnye tendentsii realizatsii obrazovatel'noi politiki v Omskom Priirtysh'e (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Main tendencies of realization of educational policy in Omsk Priirtyshye (second half of XIX - beginning of XX centuries)]. *Vospitanie i sotsializatsiya molodezhi: potentsial istoriko-pedagogicheskogo poznaniya v kontekste vyzovov sovremennosti: Sb. nauch. tr. Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii - XXXII sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i pedagogicheskoi nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniya i teoreticheskoi pedagogiki Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. Nizhnii Novgorod: «Vologradskaya gosudarstvennaya akademiya poslediplomnogo obrazovaniya». Pp. 212-216. [in Russian]
- Dzherasi, 2013** – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religii v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 548 p. [in Russian]
- Etkind, 2016** – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Grekhovodov, 1913** – Grekhovodov, M.N. (1913). Narodnoe obrazovanie sredi kirgizskogo naseleniya Petropavlovskogo uezda Akmolinskoi oblasti [Public education among the Kyrgyz population of Petropavlovsk uyezd, Akmola oblast]. Kazan': Tsentral'naya tipografiya, 31 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1840** – Grigor'ev, V.V. (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym [On Russia's Attitude Toward the East: A Speech Delivered by Professor V. Grigoriev, the Acting Professor]. Odessa, 18 p. [in Russian]
- Il'minskii, 1889** – Il'minskii, N.I. (1889). Besedy o narodnoi shkole [Talks about the folk school]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 40 p. [in Russian]
- Izvlachenie..., 1898** – Izvlachenie iz otcheta Kirgizskoi missii za 1897 g. [Extract from the report of the Kirghiz Mission for 1897]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1898. 8: 4-8. [in Russian]
- Katkov, 2009** – Katkov, M.N. (2009). Ideologiya okhranitel'stva [Guardian ideology]. M.: In-t russkoi tsivilizatsii, 800 p. [in Russian]

- Khodarkovskii, 2019** – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800. [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]
- Klements, 1893** – *Klements, D.N.* (1893). Mestnye muzei: Ikh znachenie v provintsial'noi zhizni [Local Museums: Their importance in provincial life]. Sibirskii sbornik. Vyp. 2. Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoi. Pp. 1-35. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1987** – *Klyuchevskii, V.O.* (1987). Kurs russkoi istorii [Course of Russian History]. Soch. v 9 t. T.1. Ch.1. M.: Mysl', 430 p. [in Russian]
- Kruz, 2020** – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [To the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 408 p. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The question of the reliability of the muslim educational institutions of the turkestan region in the reports of the official of special assignments of the ministry of internal affairs I. Naumov. *Bylye Gody*. 54(4): 1745-1753.
- Marks, Engel's, 1986** – *Marks, K., Engel's, F.* (1986). Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Germanii [Revolution and Counterrevolution in Germany]. Izbrannye proizvedeniya. V 3-kh t. T. 3. M.: Politizdat. 686 p. [in Russian]
- Missionerskie zapiski..., 2016** – *Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii* [Missionary notes and diaries of the staff of the Altai spiritual mission]: Sbornik arkhivnykh dokumentov. Barnaul, 2016. 204 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [The natives before and now]. Tashkent: Elektrich. tipo-lit. Turk t-va pechatnogo dela. 144 p. [in Russian]
- Otchet..., 1900** – *Otchet o Kirgizskoi missii za 1899 g.* [Report on the Kirghiz mission for 1899]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1900. 13: 4-12. [in Russian]
- Plakhotnik, 2019** – *Plakhotnik, T.Yu.* (2019). Problema obrazovaniya kochevogo naseleniya Stepnogo kraia v rabotakh A. E. Alektorova - chinovnika obrazovatel'nogo vedomstva [The problem of education of the nomadic population of the Steppe region in the works of A. E. Alektorov - an official of the educational department]. Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu: Materialy I Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii. Omsk, 05 dekabrya 2019 goda Omsk: «Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet». Pp. 21-27. [in Russian]
- Pobedonostsev, 1901** – *Pobedonostsev, K.P.* (1901). Narodnoe prosveshchenie [Public Education]. Moskovskii sbornik. M.: Sinodal'naya tipografiya. Pp. 80-90. [in Russian]
- Potantin, 2014** – *Potantin, G.N.* (2014). Inorodcheskii vopros [The Inorodic question]. Izbrannoe. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. Pp. 62-69. [in Russian]
- Putintsev, 1896** – *Putintsev, M.* (1896). Iz Kirgizskoi missii Omskoi Eparkhii [From the Kirghiz Mission of the Omsk Eparchy]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 4: 1-7. [in Russian]
- Said, 2021** – *Said, E.* (2021). Orientalizm [Orientalism]. M.: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 560 p. [in Russian]
- Sartori, Shablei, 2019** – *Sartori, P., Shablei, P.* (2019). Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazakhskoi stepi [Experiments of Empire. Adat, sharia and knowledge production in the Kazakh Steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- Sturova, 2018** – *Sturova, M.V.* (2018). Russko-kazakhskie shkoly v sisteme gosudarstvennogo upravleniya obrazovatel'nym prostranstvom Stepnogo general-gubernatorstva nachala XX v. [Russian-Kazakh schools in the system of state management of educational space of the Steppe Governor-General's Office in the early XX century]. *Narody i religii Evrazii*. 3(16): 88-98. [in Russian]
- Svod glavneishikh..., 1882** – *Svod glavneishikh zakonopolozhenii i rasporyazhenii o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh i uchitel'skikh seminariyakh* [Collection of the most important laws and regulations on primary public schools and teacher's seminaries]. Ch.1. SPb.: Tipografiya Glazunova, 1882. 256 p. [in Russian]
- Tol'ts, 2013** – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdeimperskii period [“Russia's own East”: identity politics and orientalism in the late imperial period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]
- Vert, 2012** – *Vert, P.* (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the history of religious diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]

Национальное образование как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе отечественного востоковедения середины XIX – начала XX вв.

Сабира Нурбаевна Апашева ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^b,
Сайран Максовна Картбаева ^c, Наталья Ивановна Чуркина ^c

^a Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева, Республика Казахстан

^b Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^c Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринимается попытка деконструкции дискурса национального образования в научных трудах российских востоковедов. Сформулирована гипотеза о том, что дискурс национального образования, репрезентируемый в трудах российских ученых-востоковедов, выполнял значимую функцию формирования представлений власти и общества о возможных сценариях интеграции национальных меньшинств окраинных территорий в общеимперское пространство с опорой на современное научное знание, делегировал империи право принятия ответственных решений в сфере национального и имперского строительства. В работе отмечается парадоксальность конструирования дискурса национального образования как инструмента интеграции азиатской периферии в общеимперский. С одной стороны, востоковеды достигимость результатов интеграции иноэтничных сообществ связывали с преодолением культурных различий и формированием в Азиатской России «большой русской нации». С другой, – европоцентристские установки и положения, сложившиеся в интеллектуальной среде эпохи позднего Просвещения, продуцировали такие представления о возможностях инкорпорации окраин, в которых мотив культурной дистанции между человеком знания и культуры и колониальным субалтерном оставался неизменным. В процессе исследования были выявлены представления отечественных ученых-ориенталистов об азиатской периферии Российской империи как «собственном востоке» на разных этапах исследовательской деятельности в широких хронологических границах XIX – начала XX вв. Установлено, что проблема становления национального образования в окраинных регионах империи являлась составной частью дискурса интеграции национальных меньшинств в общероссийское социальное пространство, в рамках которого были заданы рамки взаимодействия имперской власти с коренным населением окраин. В дискурсе первого поколения отечественных ориенталистов вопросы инкорпорации территорий и коренного населения окраин рассматривались в контексте европоцентристских установок, а национальное образование маркировалось как инструмент христианизации кочевников-номадов. В духе консервативного романтизма теории и практики востоковедения конструировали сценарии национальной школы, в системе координат которой использование родного языка в обучении являлось решающим фактором преодоления культурных различий. Эволюция российского востоковедения в последующие годы, заключавшаяся в преодолении шаблонов европоцентризма, не изменила общего содержания дискурса, скорректировав лишь методы его реализации в сфере национального образования при сохранении риторики морального превосходства и патерналистской логики в отношении народов Азиатской России.

Ключевые слова: национальное образование, интеграция коренных народов, Азиатская Россия, имперская колонизация, дискурс, отечественное востоковедение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sabira66_66@mail.ru (С.Н. Апашева),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), kartbaevasairan@yandex.ru (С.М. Картбаева),
n_churkina@mail.ru (Н.И. Чуркина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1249-1256
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1249

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Gaps in Penitentiary Policy and Issues of Criminalization of the Asian part of Russia in the Political and Legal Ideology of Siberian Regionalists in the second half of the 19th century

Alexander V. Golovinov ^{a, *}, Maigul Matayeva ^b, Zaure Ayupova ^c, Yulia V. Golovinova ^d

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

Within the framework of this study, an attempt is made to reconstruct the political and legal views of the Siberian regionalists G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev. The ideological legacy of democratic regionalists is emphasized on the problem of negative factors in the social life of pre-revolutionary Siberia through the growth of crime in the region and short-sighted penitentiary policy. Based on the hermeneutic analysis of published sources - journalistic and scientifically significant articles of political and legal content, as well as books by famous Siberians, the determinants of social ill-being in the Asian part of the Russian Empire are identified, such as a constant increase in crime, robberies, mass hard labor and exile, vagrancy. It is shown that in the political and legal thought of the leaders of the regionalist movement it was noted that the issue of punishment in the history of mankind from the beginning of the centuries to the modern period of development of the state and law constitutes that fatal, global issue that has not been positively resolved either by human practice or by the theory of legal science. The authors note that the thinkers believed that the system of penalties in laws and regulations in most countries is very similar. They analyzed mainly codified acts of European countries. Textual analysis clearly demonstrated to the writers practically identical forms of criminal-legal influence from the death penalty of exile to corporal punitive effects.

The authors come to the conclusion that the humanistic political and legal thought of N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin was characterized by the methodology of quantitative and statistical analysis, which in turn, in the knowledge of the social practices of the Siberian region, clearly and convincingly showed the detrimental impact of the miscalculations of the penal colonization of the region on its social development.

Also, as a result of the work done, it is noted that, according to the legal views of regional thinkers, the criminalization of the population, the growth of crime, countless thefts, the poverty of the lower strata of the population and social insecurity have long been faithful companions of the Siberian "melting pot".

Keywords: history of Russian political and legal thought, G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, Siberian regionalism, colonization, exile to Siberia, vagrancy, criminalization of the region.

1. Введение

Азиатская часть Российской империи и, прежде всего, Сибирь всегда играли значимую роль в истории российского государства и права. Обладая пространственной, географической, этнической, социокультурной и иной спецификой, «Восточная окраина» позиционировалась дореволюционными государями как благодатный и пригодный для внутренней колонизации и освоения регион. В свою очередь, переселенческая политика Российской империи выступила многозначительным фактором развития всей Азиатской части страны. Этот суровый край наполняли новоселы всех мастей, прежде

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.A. Golovinov)

всего, такие, как предприимчивые купцы, староверы, озабоченные поиском земли обетованной, служилый люд, прибывавший сюда по долгу государевой службы, трудолюбивые крестьяне и бесчисленные массы ссыльнопоселенцев, уголовников и политических ссыльных, а также многочисленные арестантские роты, отбывавшие наказание в сибирских тюремных замках. Такой «плави́льный котел» оказался внушительным фактором социальной жизни за Уралом. Детерминанты сибирского социума, таким образом, уходят далеко в историю. Однако и сегодня они могут быть учтены при понимании специфики истории государства и права и современной общественной жизни в уникальном регионе России.

Гносеологическую актуальность в постижении факторов и детерминирующих криминогенных обстоятельств социальной стратификации «Восточной окраины» одними из первых в истории русской политико-правовой мысли рассматривали основоположники движения сибирских областников, публицисты, этнографы, путешественники и знатоки сибирского фронта Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Коренные сибиряки по происхождению, преданные делу решения насущных вопросов отчего края, истинные патриоты своей малой родины на основе статистических данных, криминологических наблюдений и теоретической рефлексии конструировали и выделяли негативные факторы, оказывавшие влияние на развитие социальной жизни дореволюционной Сибири.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современной отечественной гуманитаристике приходится наблюдать дефицит специальных историко-юридических исследований, посвященных реконструкции негативных факторов социальной стратификации Сибири в идейном политико-правовом наследии Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Цель настоящей работы как раз и предполагает исследование данного концепта политических и юридических воззрений просветителей.

2. Материалы и методы

Исследовательские замыслы последовательно осуществляются с применением методологии научной герменевтики, направленной на постижение и интерпретацию истинного смысла концептов идейного политико-юридического мира Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Для достижения цели работы значение имели парадигмы «новой культурно-интеллектуальной истории». Такой инструментарий позволяет эксплицировать идейные политико-правовые представления конкретных мыслителей с учетом научных достижений определенной исторической эпохи и показать всю палитру их интеллектуальной галереи.

Базой исследования выступает систематический корпус публицистических работ ученых, в которых последовательно раскрываются воззрения мыслителей на политические и юридические проблемы. Обращение к письменным источникам, опубликованным во второй половине XIX в., позволяет выявить и показать факторы преступности, просчеты пенитенциарной политики и криминализацию, влияющие на социум Сибири в политико-юридической мысли идеологов областничества.

3. Обсуждение

Общие вопросы идейного наследия адептов областничества, их актуальная публицистика, посвященная социальным, культурным и политическим проблемам, в научно-исследовательской литературе получили освещение. Прежде всего, это работы таких отечественных авторов, как В.А. Должиков (Должиков, Головинов, 2023), В.П. Зиновьев (Зиновьев, 2022), А.А. Иванов (Иванов, 2022), Е.Г. Новикова (Новикова, 2020), А.В. Малинов (Малинов, 2013), Н.В. Жиликова В.А. Есипова, В.В. Щвецов (Жиликова и др., 2022), А.П. Христолюбова (Христолюбова, 2023), В.А. Скопа (Скопа, 2017), М.В. Шиловский (Шиловский, 2019), И.В. Демин (Демин, 2013), А.В. Головинов (Golovinov et al., 2023) и др. Зарубежные ученые также проявляют определенный интерес к областничеству и взглядам Н.М. Ядринцева. Среди группы иностранных авторов можно отметить труды Р. Лопес (Lopez, 2020), М. Субботик (Subotić, 2015), Танака Кацухико (Tanaka, 2016).

Труды современных ученых направлены на постижение многообразного идейного наследия сибирских просветителей. В них отмечаются их заслуги в исследовании национальной политики самодержавия, представления публицистов об уголовно-исполнительной системе дореволюционной России. Анализу подвергаются система идеологических пристрастий идеологов сибирского областничества.

4. Результаты

Итак, в теоретико-правовом наследии областников акцентировалось, что в Российской империи пенитенциарная система требовала реформирования, а тюремных учреждений не хватало. Как следствие, в ссылке как наказании законодатель видел простой и легкий выход. Высвобождение и извлечение части правонарушителей от наказания в виде лишения свободы, как считали мыслители-областники, неотвратимо порождало рост контингента ссыльных. Вместе с ростом численности уголовной и политической ссылки усложнялись и условия сыска за беглыми ссыльными. Все это крайне негативно отражалось на криминогенной ситуации в регионе. Таким образом, социальная жизнь «Восточной окраины» протекала на фоне роста преступных девиаций.

С точки зрения Н.М. Ядринцева, «враждебная сила сибирского общества перевешивала над мирной частью его, как над самой законностью и порядком, присущим всякой социальной среде. Это было явление, без сомнения, ужасное и редкое в истории обществ» (Ядринцев, 1872: 632).

Данные пути самоорганизации общественных сил в регионе просветитель считал объективной и вынужденной необходимостью. С одной стороны, социальная интеграция приводила к появлению действенных механизмов защиты населения от криминальных угроз, а с другой, свидетельствовала о неблагополучии государственно-правового регулирования в сфере элементарной бытовой безопасности. Слабость государственного контроля и профилактических мероприятий публицист объяснял не столько тотальным непрофессионализмом служащих, сколько огромным потоком проблем, которые порождала ссылка в Сибири.

На основной просчет уголовной и пенитенциарной политики самодержавия указывал другой областник – Г.Н. Потанин. Ссылку Григорий Николаевич также осуждал. В работе «Областническая тенденция в Сибири» он высоко оценивал подвижническую и пропагандистскую деятельность Н.М. Ядринцева в деле противостояния ссылке системе. Как отмечал Г.Н. Потанин, «Ядринцеву приходилось дискутировать с известными юристами того времени» (Потанин, 1915: 26).

Панорама сибирского социального мира носила ярко выраженный устрашающий характер. Такова была социальная реальность пореформенной Сибири. Ссылка и каторга, как многократно отмечал публицист, пронизывали все стороны жизни Азиатской части России.

Криминализация сибирского общества по политико-правовому учению просветителей завесила от бродячего населения. Вот какие статистические и криминологические данные приводил мыслитель: «В разбираемый нами двадцатилетний период 1840–1860-е гг. в Сибирь сослано 48 556 бродяг, что составляет более всего числа преступников. Приведенные нами факты показывают, что большая часть преступлений в то время была результатом условий тогдашнего общественного быта, условий, слишком тяжело отзывавшихся на благосостоянии низших классов» (Ядринцев, 1870: 232).

Как отчетливо видно, гуманистической политико-юридической мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина была свойственна методика количественного и статистического анализа, что, в свою очередь, в познании социальных практик сибирского региона наглядно и аргументированно показывало пагубное влияние просчетов штрафной колонизации и пенитенциарной политики в регионе на его общественное развитие.

Апеллируя к численному составу ссылных, Н.М. Ядринцев выводил корреляционную взаимосвязь тяжелого материального положения и роста преступных девиаций. Доказывая свои гипотезы на широком статистическом и криминологическом материале, публицист приходил к выводу о том, что преступления ссылных приводят к росту бродяг, которых отлавливают и снова высылают. Этот замкнутый круг есть продукт отсутствия хоть какой ни будь продуманной государственной социальной политики в регионе того времени. Обнищание населения на этом фоне – явление неизбежное. К тому же нечеловеческие условия жизни сначала толкали ссылных на побег, затем их нелегальное положение верно вело их к рецидиву, за который опять следовало наказание – это почти всегда ссылка.

В статье «Бродячее население в Сибири», проводя исторический экскурс феномена бродячего населения, просветитель отмечал, что Россия всегда имела склонность к бродячеству, а с применением ссылки в Сибирь как распространенного вида наказания оно приобрело огромный масштаб. Большая часть этого люда оставалась несоциализированной, безнравственной, неспособной к труду, но при этом формировала собственную субкультуру. Мыслитель-публицист на этот счет констатировал: «большие массы бродячего населения создавали даже интересы своей корпорации, свои нравы, обычаи, поэзию, предания, мифы и свое законодательство. Они завоевали себе права у общества...» (Ядринцев, 1868: 243).

Далее провинциальный мыслитель, рефлексируя над неблагоприятными условиями жизни подавляющего большинства сибирского населения, задавался вопросом о том, какие же вследствие этого обстоятельства чаще всего преступные деяния совершаются в регионе. «При материальной бедности низших слоев народа, – замечал просветитель, – в числе прочих преступлений главную роль играют преступления против собственности. Во всех сословиях, за исключением военного и духовного, воровство, в тесном смысле, есть самая обыкновенная причина ссылки» (Ядринцев, 1868: 235).

Г.Н. Потанин в статье «Проект отмены ссылки в Сибирь» сравнил Сибирь с большой тюрьмой из-за многочисленной ссылки. Он писал: «это была тюрьма без ключников, без тюремщиков, без обысков и без воспитательных средств» (Потанин, 1873: 2). В целом в своей политико-правовой мысли ученый представал как противник судебных приговоров, предполагающих ссылку на поселение. Этот вид наказания, к сожалению, как замечал областник, был центральным в пенитенциарной политике самодержавия в Азиатской части страны и приводил только к переносу преступного мира из одной части России в другие.

Характерно, что Г.Н. Потанин видел в ссылке только один положительный момент: таким путем в Азиатскую часть огромной страны прибывали образованные люди. Однако на этом преимущества данного вида наказания ограничивались. Местная интеллигенция, по учению

Григория Николаевича, только зарождалась, и неблагополучие, связываемое со ссыльными уголовниками, становилось тормозом в деле развития интеллигентского сословия.

Н.М. Ядринцев считал, что социальная среда, безнравственная и склонная к наплевательскому отношению к букве закона, все более деморализует все без исключения социальные слои, для которых преступления становятся обыденностью.

Преступные девиации и криминализация дореволюционной Сибири так или иначе отражались на всех слоях регионального социума. Пожалуй, единственным механизмом воздействия на такое положение дел со стороны имперской государственности были карательные меры, имеющие целью через устрашения правонарушителя остановить его от противоправной дороги. Однако, как совершенно справедливо констатировал Н.М. Ядринцев, такой нехитрый способ оказался провальным. «Порождаемым общественным складом и неудовлетворительным общественным положением преступления, – приходил он к выводу, – мало зависели от степени карательных и устрашительных мер, прилагаемых к ним. Наказаниями нельзя было предупредить последующие случаи новых преступлений» (Ядринцев, 1872: 233).

Человеколюбие, имманентно присущее идейному миру известного сибиряка, выразилось в попытке понять сущность противоправных действий и постичь мотивы преступных посягательств. В политико-правовом учении сибирского областника отрицались метафизические воззрения на преступника, которые существовали в юридической науке и философии права Нового времени. По этим представлениям преступник считался непременно обладающим только «злою волею», в его натуре предполагался особый злодейский элемент, страсть, которая все его поступки направляла ко злу, пожирала все его существование так, что само зло доставляло ему непреодолимое наслаждение. Отсюда проистекал вывод о том, что личность, ознаменовавшая себя хоть раз преступлением, должна постоянно совершать правонарушения. Николай Михайлович отчаянно разделял мысль о том, что такие подходы неверны и искренне был рад, что в современное ему время ученые юристы также подвергали критике подобные представления.

Положительным он считал исследования в рамках юридической науки неблагоприятных условий жизни и тяжелой обстановки, часто окружающей людей, впадающих в преступление. Познание таких факторов побудило снять многие обвинения. «Ученые-юристы, – как отмечал областник, – убедились в том, что нередко преступления происходят от нужды, от бедности, от несчастий и полной горьких лишений жизни; что прежде совершенные преступления должны были производиться в человеке сильную внутреннюю борьбу; а отсюда они предположили, что личность вынужденно выходит на борьбу с обществом и законом» (Ядринцев, 1872: 167).

Здесь необходимо упомянуть о том, что Н.М. Ядринцев вышел на философско-правовую рефлексию о наказании за преступления. В политико-юридической мысли писателя отмечалось, что вопрос о наказании в истории человечества с первых веков до современного ему периода развития государства и права составляет тот фатальный мировой вопрос, который положительно не разрешен ни человеческой практикой, ни самой теорией юридической науки.

Мыслитель считал: сколько человеческое чувство ни протестует против насилия над человеческой природой, против употребления казней, безвыходное положение общества ввиду внутреннего индивидуального разлада принуждает его считать их необходимыми. «Рассматривать этот вопрос с точки зрения юридических теорий, – заключал областник, – даже самых современных, значит рассматривать его в практической жизни нашей цивилизованной эпохи, что приводит к самым грустным размышлениям» (Ядринцев, 1871: 124).

Применял публицист часто историко-правовой метод вкупе со сравнительно-правовым подходом, что открывало существенные перспективы в познании сферы наказания. Мыслитель полагал, что система мер наказания в законах и нормативных актах в большинстве государств очень похожа. Анализу он подвергал преимущественно кодифицированные акты стран Европы. Текстологический разбор наглядно продемонстрировал писателю практические идентичные формы уголовно-правового воздействия от смертной казни до телесных карательных воздействий.

Так, по учению сибирских областников, только прогрессивное законодательство всегда сможет вооружиться против предрассудков и варварских инстинктов, как оно когда-то противостояло кабале, рабству, лихве и всяким злоупотреблениям. Телесные наказания они считали вообще бесполезными, потому что как устрашительная мера они оказывают сильное деморализующее влияние, развивая в обществе жестокость нравов.

Развивая тематику сущности наказания как меры уголовно-правового воздействия, просветитель писал следующее: «Что касается отмены страданий в самих наказаниях, то юридическая наука, требуя их, тем самым нисколько не отнимает прав у общества ограждать себя от опасных для него субъектов. Желая отмены самих наказаний, как вредных исправлению личности, новая наука права ставит теорию исправления преступника на более рациональных началах» (Ядринцев, 1871: 222). Все это убеждало просветителя придерживаться темы гуманизации в исправительном значении природы наказания.

Такой сравнительно-правовой взгляд позволил мыслителям-областникам провести параллель ссыльнокааторжной темы Сибири со ссылкой в Америку. Они отмечали, что ссылка в Северную

Америку из Англии с конца XVII века представляла собой потоки ссыльных преступников, что порождало преступления, и впоследствии от этого уголовно-правового механизма отказались. Таким образом, уже длительный зарубежный опыт демонстрировал, что от ссылки нужно непременно и решительно отказаться, ведь в Сибири ее пагубные последствия были еще более явными. В этом смысле опыт Запада мог бы быть применим на сибирской почве.

Идея сравнительного изучения особенностей колонизационного процесса с учетом ссыльной системы на двух субконтинентах – в Северной Америке (Новый Свет) и в Северной Азии (Сибирь) – была особенно близка Н.М. Ядринцеву. Подобный географический параллелизм в рассуждениях и публицистике сибирских областников основывался поначалу на литературном, очень поверхностном и преимущественно умозрительном знакомстве с американскими реалиями. В конце 1850-х – начале 1860-х годов похожих взглядов придерживались тогда не одни только сибирские областники, но и многие другие современники, в том числе очень авторитетные, например, «властители дум» А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Поэтому в глазах критически настроенных современников презентация очень уж условной параллели между Северной Азией и Северной Америкой в отечественной региональной и центральной печати не могла не выглядеть излишне восторженной и романтизированной.

В целом лидер движения сибирских областников снискал себе славу эксперта и знатока сибирской ссыльной системы. Просветитель даже был членом юридического общества. Так, в 1879 г. была опубликована важная в содержательном плане брошюра «Новые сведения о сибирской ссылке» для петербургского юридического общества. Были собраны богатейшие статистические данные, оформленные в виде многочисленных таблиц, о распределении ссыльных по губерниям «Восточной окраины», об их гендерном соотношении, о количестве недоимок за ссыльными, а также о преступлениях, совершенных ссыльными отдельно и с участием местных жителей.

Как видно, содержательная часть этого источника требует отдельного специального исследования. Однако для достижения исследовательских замыслов в настоящей работе большой интерес представляют приложения к данной брошюре. Речь идет об отзывах местного населения о пагубном влиянии ссылки на криминализацию общества региона. Н.М. Ядринцев тогда приходил к выводу о том, что невыносимое и ухудшающееся положение жителей края, созданное ссылкой, вызывает постоянные жалобы и ходатайства их о прекращении ссылки.

Анализируя положение дел в Ялutorовском мещанском обществе в 1870-е гг., мыслитель отмечал, что ссыльные, имея крайнюю необходимость в отлучке из города и не получивши из Хозяйственного Управления на таковую письменных видов, вынуждены бывают для сникания себе средств к жизни идти куда-либо в другие местности, откуда местными начальствами препровождаются обратно.

Похожую картину, согласно политико-правовым наблюдениям писателя-сибиряка, рисуют данные Ишимской Городской Думы. Как отмечалось, в этой части сибирского региона преобладающая доля ссыльных, не имея средств на приобретение письменного вида на жительство, шатается по округу, занимается грабежами и бродяжеством. Дела в Томске Н.М. Ядринцев описывал так: «Все эти кражи, как обнаружено по розыскам Полиции, совершены ссыльными и крайне возмущают жителей городов, вынуждая их роптать на бездействие Полиции. Между тем последняя совершенно бессильна предупреждать случаи мошенничества и краж» (Ядринцев, 1879: 16).

Мыслитель пришел тогда к умозаключению о том, что ссыльные между простолюдными прямо говорят о выгоде воровства и мошенничества, похваляются умением делать фальшивую монету и производить отчаянные грабежи. В этом прослеживается их пагубное влияние на местное население. Н.М. Ядринцев заключал, что во всех сибирских губерниях тяжести ссылки одинаково чувствуются, а потому имеется потребность в скорейшем прекращении ссылки.

Особую группу людей, от которых исходили преступные девиации, по мысли Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, составляли ссыльные каторжане. Просветители заметили, что ссыльные на каторгу по окончании сроков отбывания устремлялись на поселение. Это также рассматривалось как колонизационный процесс. Данный акт понимался как решающий фактор скитаний беглых каторжан. Голод и неблагополучие толкали их на преступления. Потому в юридической мысли известных сибиряков сформировалась следующая точка зрения: не имея исправительного воздействия, только картельный уголовно-правовой механизм сам собой толкал на рецидив и, как следствие, приводил к росту преступности в регионе.

5. Заключение

Итак, в завершение нашей реконструкции и анализа политико-юридических воззрений идеологов сибирского областничества, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, можно отметить, что мыслители были глубоко погружены в проблематику выявления негативных криминогенных детерминант общественной жизни родной Сибири. На широкой статистической и криминологической базе, используя официальные социологические данные в области пенитенциарной политики, просветители детализировали пагубное влияние штрафного характера колонизации региона на его общественную жизнь, социальную стратификацию, развитие институтов

гражданственности и правовой культуры. Среди таких факторов сибирские областники называли растущий поток ссыльнопоселенцев и нескончаемое бродячее население, вместе с которым в «Восточную окраину» прибывали всевозможные девиации.

В ракурсе европейского идеала гуманизации уголовных наказаний областники решительно отвергали грубые карательные меры, ставку они делали на принципе исправления правонарушителя. Телесные наказания, смертные казни и повторную, в несколько раз увеличенную по сроку ссылку на каторгу они считали факторами криминализации, подталкивающими на рецидив или иные преступления против личности. Карательная машина, в политико-правовых взглядах Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, только устрашала, но никого так и не исправила.

В целом криминализация населения, рост преступности, бесчисленное воровство, бедность низших слоев населения и социальная незащищенность долгое время были верными спутниками сибирского «плавильного котла».

Литература

Головинов, Должиков, 2023 – Головинов А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. 83. 2023. 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1

Демин, 2013 – Демин И.В. Либеральные детерминанты социально-философских взглядов Н.М. Ядринцева / *Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае*. Барнаул: Издательство Алтайского государственного технического университета, 2013. С. 24-105.

Жилякова и др., 2022 – Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В. "Секретно. Конфиденциально": цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX - начало XX в.): Монография. Томск. 2022. 374 с.

Зиновьев, Филонов, 2022 – Зиновьев В.П., Филонов И.Д. "Сибирский вестник" и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885-1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 121-126.

Иванов, 2022 – Иванов А.А. Историографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири // *Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX - начало XX века)*. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2022. С. 134-210.

Малинов, 2013 – Малинов А.В. Областничество в истории русской мысли // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16. № 1. С. 41-52.

Потанин, 1915 – Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири / *Сборник к 80-летию Г.Н. Потанина*. Томск: Изд-во печатного дела, Омск. 1915. 70 с.

Потанин, 1873 – Потанин Г.Н. Проект отмены ссылки в Сибирь // *Камско-Волжская газета*. 1873. № 102. 2 сентября. С. 2-3.

Скопа, 2017 – Скопа В.А. Вклад Н.М. Ядринцева в развитие региональной статистической системы и ее деятельность (по материалам Западной Сибири последней трети XIX века) // *Четвертые Ядринцевские чтения*. Омск, 2017. С. 423-425.

Христолюбова, 2023 – Христолюбова Т.П. Отражение художественной жизни Сибири в публикациях Г.Н. Потанина по вопросам искусства // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2023. № 1(54). С. 135-142. DOI: 126.0.30725/2619-0303-2023-1-135-142

Шиловский, 2019 – Шиловский М.В. Вопросы истории региона в книге Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» // *Ядринцевские чтения: вып. 6*. 2019. С. 72-77.

Ядринцев, 1870 – Ядринцев Н.М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // *Дело: учено-литературный журнал*. 1870. № 10. отд. 1. С. 122-234.

Ядринцев, 1872 – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.

Ядринцев, 1868 – Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // *Дело: учено-литературный журнал*. 1868. № 9, отд. 1. С. 223-266.

Ядринцев, 1879 – Ядринцев Н.М. Новые сведения о сибирской ссылке: сообщения петербургскому юридическому обществу. Петербург. 1879. 28 с.

Ядринцев, 1871 – Ядринцев Н.М. Условия прогресса в сфере наказаний // *Дело: учено-литературный журнал*. 1871. № 6. С. 124-148

Ядринцев, 1872 – Ядринцев Н.М. Преступники по изображению романтической и натуральной школы // *Дело: учёно-литературный журнал*. 1872. № 6. С. 130-191

Golovinov et al., 2023 – Golovinov A.V., Vasiliev A.A., Dolzhikov V.A. Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1324-1332.

Lopez, 2020 – Lopez R. Understanding Siberia as a Colony. Bureaucracy and Civil Society during the Era of the Great Reforms. Bristol: University of Bristol, 2020. 240 p.

Subotić, 2015 – Subotić M. Siberian regionalism between national and imperial discourses // *Kultura polisa*. 2015. № 12. Pp. 23-32.

Tanaka, 2016 – Tanaka Katsuhiko jiden: Ano jidai, ano hitobito. Tokyo: Heibonsha, 2016. 292 p.

References

Demin, 2013 – Demin, I.V (2013). Liberal'nyye determinanty sotsial'no-filosofskikh vzglyadov N.M. Yadrintseva [Liberal determinants of the social and philosophical views of N.M. Yadrintsev]. Ocherki zarozhdeniya filosofskoy mysli v Sibiri i na Altaye. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Pp. 24-85. [in Russian]

Dolzhiykov, Golovinov, 2023 – Golovinov, A.V., Dolzhiykov, V.A. (2023). Problema gumanizatsii otechestvennoy penitentsiarnoy sistemy v politiko-pravovom ideynom nasledii sibirskikh oblastnikov [The problem of humanization of the domestic penitentiary system in the political and legal ideological heritage of the Siberian regionalists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 83: 5-13. [in Russian]

Golovinov et al., 2023 – Golovinov, A.V., Vasiliev, A.A., Dolzhiykov, V.A. (2023). Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s. *Bylye Gody*. 18(3): 1324-1332.

Ivanov, 2022 – Ivanov, A.A. (2022). Istoriograficheskoye osmysleniye problem politicheskoy i ugovolnoy slylki v Sibir [Historiographic understanding of the problems of political and criminal exile in Siberia]. Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX - nachalo XX veka). Irkutsk. Pp. 134-210. [in Russian]

Khristolubova, 2023 – Khristolubova, T.P. (2023). Otrazheniye khudozhestvennoy zhizni Sibiri v publikatsiyakh G.N. Potanina po voprosam iskusstva [Reflection of the artistic life of Siberia in the publications of G.N. Potanin on art]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1(54). 135-142. DOI: 126.0.30725/2619-0303-2023-1-135-142 [in Russian]

Lopez, 2020 – Lopez, R. (2020). Understanding Siberia as a Colony. Bureaucracy and Civil Society during the Era of the Great Reforms. Bristol: University of Bristol, 240 p.

Malinov, 2013 – Malinov, A.V. (2013). Oblastnichestvo v istorii russkoy mysli. [Regionalism in the history of Russian thought]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1: 41-45. [in Russian]

Potanin, 1915 – Potanin, G.N. (1915). Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri [Regional tendency in Siberia]. Sbornik k 80-letiyu G.N. Potanina. Tomsk: Izd-vo pechatnogo dela, Omsk. 70 p. [in Russian]

Potanin, 1873 – Potanin, G.N. (1873). Proekt otmeny slylki v Sibir' [Project of abolition of exile to Siberia]. *Kamsko-Volzhsкая gazeta*. 102. 2 sentyabrya. Pp. 2-3. [in Russian]

Shilovsky, 2019 – Shilovsky, M.V. (2019). Voprosy istorii regiona v knige N.M. Yadrintseva «Sibir' kak koloniya [Questions of the history of the region in the book of N.M. Yadrintsev "Siberia as a colony"]. *Yadrintsevskiy chteniya*. 6: 72-77. [in Russian]

Skopa, 2017 – Skopa, V.A. (2017). Vklad N.M. Yadrintseva v razvitiye regional'noy statisticheskoy sistemy i yeye deyatelnost' (po materialam Zapadnoy Sibiri posledney treti XIX veka) [Contribution N.M. Yadrintsev in the development of the regional statistical system and its activities (based on materials from Western Siberia in the last third of the 19th century)]. *Chetvertyye Yadrintsevskiy chteniya*. Pp. 423-425. [in Russian]

Subotić, 2015 – Subotić, M. (2015). Siberian regionalism between national and imperial discourses. *Kultura polisa*. 2: 23-32. [in Serbian]

Tanaka, 2016 – Tanaka Katsuhiko jiden: Ano jidai, ano hitobito. Tokyo: Heibonsha, 2016. 292 p. [in Japanese]

Yadrintsev, 1868 – Yadrintsev, N.M. (1868). Brodyacheye naseleniye Sibir [The wandering population of Siberia]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 9: 223-266. [in Russian]

Yadrintsev, 1870 – Yadrintsev, N.M. (1870). Istoricheskiye ocherki russkoy slylki v svyazi s razvitiyem prestupleniy. [Historical essays on Russian exile in connection with the development of crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10: 220-248. [in Russian]

Yadrintsev, 1871 – Yadrintsev, N.M. (1871). Usloviya progressa v sfere nakazaniy. [Conditions for progress in the sphere of punishment]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 6: 124-148. [in Russian]

Yadrintsev, 1872 – Yadrintsev, N.M. (1872). Prestupniki po izobrazheniyu romanticheskoy i natural'noy shkoly [Criminals in the image of the romantic and natural school]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 6: 130-191. [in Russian]

Yadrintsev, 1872 – Yadrintsev, N.M. (1872). Russkaia obshchina v tiur'me i slylke. Issledovaniia i nabludeniiia za zhiznu tiuremnykh, slyl'nykh i brodiazheskikh obshchin. Sravnenie razlichnykh sistem nakazaniia u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnova novoi ratsional'noi sistemy ispravleniia soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytu russkoi tiuremnoi obshchiny [Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to

the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. SPb: Printing house of A. Morigerovsky. 760 p. [in Russian]

Yadrintsev, 1879 – Yadrintsev, N.M. (1879). Novyye svedeniya o sibirskoy ssylke: soobshcheniya peterburgskomu yuridicheskomu obshchestvu. [New information about the Siberian exile: messages to the St. Petersburg legal society]. SPb. 28 p. [in Russian]

Zhilyakova i dr., 2022 – Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A., Shevtsov, V.V. (2022). Sekretno. Konfidentsial'no": tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.). ["Secret. Confidential": censorship history of journalism in the Tomsk province (second half of the 19th - early 20th centuries)]: Monografiya. 374 p. [in Russian]

Zinoviev, Filonov, 2022 – Zinoviev, V.P. Filonov, I.D. (2022) "Sibirskiy vestnik" i sibirskoye oblastnichestvo: evolyutsiya otnosheniy v 1885-1905 gg. ["Sibirskiy vestnik" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885-1905]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 484: 121-126. [in Russian]

Пробелы в пенитенциарной политике и вопросы криминализации Азиатской части России в политико-правовой идеологии сибирских областников второй половины XIX в.

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Майгуль Хафизовна Матаева ^b, Зауре Каримовна Аюпова ^c, Юлия Владимировна Головинова ^d

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан

^c Казахский национальный аграрный исследовательский университет, Алматы, Республика Казахстан

^d Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В рамках настоящего исследования осуществляется попытка реконструкции политико-правовых воззрений сибирских областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Акцентируется идейное наследие демократических регионалистов на проблематику негативных факторов социальной жизни дореволюционной Сибири через рост криминала в регионе и недалеконидную пенитенциарную политику. На основе герменевтического анализа опубликованных источников (публицистических и научно значимых статей политико-юридического содержания, а также книг известных сибиряков) выявляются детерминанты социального неблагополучия в Азиатской части Российской империи, такие, как постоянный рост преступности, грабежи, массовая каторга, ссылка, бродяжество.

В политико-юридической мысли лидеров движения областников отмечалось, что вопрос о наказании в истории человечества с начала веков до современного ему периода развития государства и права составляет тот фатальный мировой вопрос, который положительно не разрешен ни человеческой практикой, ни теорией юридической науки.

Мыслители полагали, что система мер наказания в законах и нормативных актах в большинстве государств очень похожа. Анализу они подвергали преимущественно кодифицированные акты стран Европы. Текстологический разбор наглядно продемонстрировал писателям-областникам практически идентичные формы уголовно-правового воздействия от смертной казни до телесных карательных воздействий.

Авторы приходят к выводу о том, что гуманистической политико-правовой мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина была свойственна методика количественного и статистического анализа, что, в свою очередь, в познании социальных практик сибирского региона наглядно и аргументированно показывало пагубное влияние просчетов штрафной колонизации региона на его общественное развитие.

Также в результате проделанной работы отмечается, что, согласно правовым взглядам мыслителей-областников, криминализация населения, рост преступности, бесчисленное воровство, бедность низших слоев населения и социальная незащищенность долгое время были верными спутниками сибирского «плавильного котла».

Ключевые слова: история русской политико-правовой мысли, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, сибирское областничество, колонизация, ссылка в Сибирь, бродяжество, криминализация региона.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1257-1264
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1257

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Dichotomy of Public and Private on the Case of the Phenomenon of Sexual Commerce in Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries

Daria N. Nesterenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Nadezhda L. Khait ^a, Tatyana V. Izluchenko ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

Abstract

The article considers the phenomenon of sexual commerce through the prism of the dichotomy concept of public and private in the pre-revolutionary society of the Russian Empire in the middle of the 19th – early 20th centuries. Private is a category that included what was hidden from society, which was intimate in character. On the one hand, private is associated with individualism, the presence of internal moral counterbalances that delineate a space to which the rest of the participants of society, as a rule, have no access. The public, on the other hand, is associated with social relations. At the same time, the boundaries of the concepts are outlined in view of the coexistence of two opposite social institutions in pre-revolutionary Russia: the patriarchal family with a set of values and the institution of legalized sexual commerce, which was introduced into the rank of a craft after the reform of Count L. A. Perovsky. Sexual commerce as a phenomenon was used by researchers as a conceptual and categorical apparatus that denoted practices of sexual exchange, which had a compensatory nature, with multiple agents. The use of such a term excluded the moral burden of other concepts, such as prostitution. The concept of dichotomy through the mutually negative properties of appearances in the present study allowed us to conclude that the two institutions are not mutually exclusive. The social processes that were examined in the article through the prism of dichotomy allowed us to approach the essence of the contradictory nature of everyday life. The unique locus of Yenisei province within the space of the Russian Empire implied the presence of authentic everyday practices among certain social categories. They were not perceived as an anomaly, but at the same time violated the boundaries delineated by society in the locus of privacy. Synthetic correlates of behavioral norms and anomalies of Russian pre-revolutionary society allowed us to overcome some contradictions of theoretical and methodological obstacles.

Keywords: dichotomy, public, private, XIX – early XX centuries, sexual commerce, Yenisei Province, Russian Empire.

1. Введение

Общество всегда живет в рефлексии по отношению к общественным институтам и их механизмам. Совокупность повседневных обыденных установок формирует у гражданина государства понятие нормы, присущее такому термину, как ментальность. В Российской Империи существовали две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, это патриархальная семья с системой морально-нравственных ценностей, исключающих любого рода отклонения в сексуальном поведении, а с другой, – регламентированная государством сексуальная коммерция.

Под сексуальной коммерцией авторы подразумевают термин, который обозначает социально-экономический феномен, характеризовавшийся практиками сексуального обмена на возмездной основе. Такое понятие позволяет избежать моральной нагруженности термина «проституция», а также

* Corresponding author

E-mail addresses: d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

охватить не только женщин, которые непосредственно предоставляли интимные услуги, но и других акторов сексуальной коммерции.

С 1843 г. графом Л.А. Перовским была инициирована реформа, которая легализовала практики сексуального обмена. Целью этой меры был, прежде всего, медико-санитарный надзор и контроль над элементами непосредственной группы риска ввиду распространенной «любострастной болезни», сифилиса (Матвеева, Хаит, 2019: 129). Однако изменений в уголовном законодательстве ввиду легализации сексуальной коммерции не последовало. Реформа существовала до 1917 г., так и не став юридической нормой и не претерпев серьезных функциональных и законотворческих изменений.

При существовании института легализованной сексуальной коммерции в Российской империи сохранялось понимание патриархальной семьи с определенным набором ценностных установок. Церковь являлась одним из важнейших социальных институтов, который формировал понятие нормы и аномалии для общества.

Важно понять, каким образом формировалось представление о частном, приватном у индивида дореволюционного времени в повседневности, а также рассмотреть модели поведения, связанные с осознанием границ публичного. Правила поведения, нормы традиций и обычаев, которые имеют корни в исторических устоях общества, формируют определенные привычки, стиль повседневности. Целью статьи является анализ феномена сексуальной коммерции второй половины XIX века сквозь призму дихотомии публичного и приватного в повседневности.

Актуальность темы исследования обуславливается наличием современных дискуссий о легализации сексуальной коммерции. Более того, исследование такого сложного явления даст возможность приблизиться к пониманию феномена дореволюционной повседневности во всем ее многообразии.

2. Материалы и методы

Для анализа повседневности использовались периодические издания – Енисейские епархиальные ведомости как источник официальных средств массовой информации института церкви в дореволюционной России. Важной составляющей исследования являются делопроизводственные документы, впервые введенные в научный оборот. Это фонды Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), а также Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация). Более того, медицинские и статистические очерки того времени позволили дополнить ретроспективную картину повседневности.

Исследование базируется на трех понятиях: дихотомия, публичное, приватное (частное). Изначально эти понятия были присущи для социологических исследований. Приватное в данном исследовании рассматривается как модель личных отношений человека, нечто «сокровенное», интимное, индивидуальное (Теннис, 2002: 361). Социолог И. С. Кон говорил о лингвистических и ментальных проблемах «приватности» в России. Если в английском языке существует «privacy», что дословно обозначает сферу личную, недоступную для окружающих и малознакомых индивидов, то в русском языке такого слова нет (Кон, 2010: 205). Это связано, в том числе, с общинным укладом жизни, где отсутствовало понятие частной неприкосновенности в отношении личных границ индивида (Кон, 2010: 206).

Публичное же в настоящем исследовании характеризуется нормами, желаниями и благами большинства (Мельников, 2015: 125). Оно обусловлено доступностью и открытостью, в то время как приватное скрыто от локуса общественности.

Применение понятия «дихотомия» позволяет на основе различий и сходств приватности и публичности общества XIX столетия проследить те повседневные практики, которые формировали многообразие частной жизни. На основе взаимоотрицающих явлений и их свойств (дихотомии) институтов патриархальной семьи и легализованной сексуальной коммерции в XIX в. сделаны основные выводы в исследовании. Территориальные рамки обусловлены наличием отличительных и уникальных для губернии бытовых практик, которые дополняли общую ретроспективную картину Российской империи.

Сексуальная коммерция в дореволюционную эпоху ввиду легализации рассматривается исследователями как феномен. Это обусловлено применением к данному термину методологической концепции Э. Гуссерля, которая базируется на интенциональности, интерсубъектности и редукции. Интенциональность позволяет исследователю опираться на причинно-следственные связи в локусе сексуальной коммерции. Она репрезентативно подчеркивает ментальные и предметные связующие сексуальной коммерции. Интерсубъектное выстраивание исторического пространства сексуальной коммерции включает в себя полимодальность связей и фигурантов. При очерчивании социально-экономической общности акторов их представления о нормах и аномалиях могут отличаться, но это не взаимоисключающие элементы в рамках феноменологии. Редукция используется исследователями как завершающий этап формирования уникальных характеристик сексуальной коммерции в ландшафте Енисейской губернии, так как она предполагает формирование единого представления своей гетерогенности (Гуссерль, 2023: 65).

В исследовании использовался такой исторический метод, как проблемно-хронологический. Он использовался для анализа различных законодательных актов, ведомостей и других нормативных документов в их логической хронологической последовательности. Более того, так как ядром исследования является понятие дихотомии, важным для исследования было применение историко-системного метода, ввиду которого социальное пространство будет рассматриваться как единый механизм с противоречиями и общностями.

3. Обсуждение

В современной исторической науке применяются различные подходы для изучения повседневности XIX – начала XX вв. Н.Б. Лебина вводит понятия «нормы» и «аномалии», что позволяет воспринимать социальную реальность в контексте сочетания обыденного и отклоняющегося от нормы (Лебина, 2018: 43).

Важность исследования русской сексуальной культуры подчеркивается в работах Н.Л. Пушкаревой (Пушкарева, 1999). Автор делает вывод о том, что изучение особенностей этого явления является ключом к пониманию поведенческих установок и ценностей общества Российской империи (Пушкарева, 1999: 105).

Сибирскими историками был накоплен богатый опыт в исследовании граней повседневности различных социальных категорий дореволюционной России (Кискидосова, 2012). Например, в работе И.С. Иванченко при рассмотрении такого явления, как семейно-брачные отношения, сделан вывод о влиянии Транссибирской железнодорожной магистрали как фактора урбанизации, ввиду которого трансформировалась патриархальная семья (Иванченко, 2021).

Термин «сексуальная коммерция» в рамках проблемного вопроса институционализации явления в дореволюционной России чаще применяется на страницах исследований зарубежных авторов наряду с понятием «проституция» в качестве синонима (Hearne, 2021). Многоаспектный характер этого феномена в Западной Сибири был рассмотрен Н.К. Мартыненко (Мартыненко, 2010).

Рассмотрение сексуальной коммерции в дореволюционной России в эпоху существования реформы Л.А. Перовского шло с позиций девиантного, отклоняющегося поведения (Быкова, 2004). Сам термин отклоняющегося поведения характерен для социологических наук. Ярким представителем исследования девиантологии является И.Я. Гишинский (Гишинский, 2010). Он рассматривает девиацию как коррелят изменчивости любого общества. Однако стоит отметить, что на некоторых территориях практики сексуального обмена среди определенных категорий населения могли не восприниматься как отклонение от существовавших поведенческих норм. Более того, при расширении круга акторов рынка интимных услуг можно сделать вывод о том, что участники сексуальной коммерции нередко не воспринимали свою деятельность как маргинальное, стыдное занятие.

Концепция дихотомии частного и публичного являлась характерной чертой социологических исследований (Теннис, 2002). В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения граней повседневностей посредством использования данного понятийно-категориального аппарата.

4. Результаты

Российская Империя являлась государством, где моральный закон вершила супружеская пара. Именно она являлась основной инстанцией в истине и правде, нравственным началом любого индивида. Традиционно российская и сибирская, в частности, патриархальная семья представляла собой многопоколенную многодетную ячейку общества (Кискидосова, 2012: 35). В этой системе женщине отводилась определенная роль: «Самое важное назначение женщины – преобладающее направление служения роду, поддержанию породы, а поэтому природа организовала телесные и духовные отправления таким образом, чтобы женщина ограничивалась единственно только родовой функцией, между тем как мужчина обязан принимать в ней лишь временное и мимолетное участие, посвящая все остальное время своим социальным целям. Мужчина – рассудок и характер, женщина – чувство и слабость» (Силов, 1897: 54). Из этого суждения следует, что мужчина являлся частью общественных отношений, он постоянно находился в диалоге с социумом. Однако женщина в этой структуре ценностей и была «приватностью» – ее мысли, чувства, деятельность сосредоточены на семье и служении ей.

Важность женской роли в патриархальной семье подчеркивалась институтом церкви: «Женщина – мать, первая влагает в детскую душу первое чистое чувство, первую мысль о святом имени Божию, первый страх перед всяким злым делом» (Енисейские епархиальные..., 1884b: 304).

Церковный брак мог быть расторгнут по нескольким причинам: 1) по половой дисфункции мужа; 2) вследствие прелюбодеяния; 3) «по неизвестному долговременному отсутствию одного из супругов»; 4) при лишении одного из них всех прав состояния; 5) при желании двух супругов, не имевших малолетних детей, принять постриг в монашество (Шашков, 1879: 76).

Церковь не высказывалась на страницах своей официальной печати о легализованном институте сексуальной коммерции. Однако она четко очерчивала границы нравственного и безнравственного. «Духовная природа» являлась благом, а «служение плоти» – «непотребством»

(Енисейские епархиальные..., 1884а: 91). При этом «греховные склонности» (зависть, ссоры, вражда, нечистота, nepотребство) можно отнести к приватным понятиям. «Служение плоти» – это частный выбор индивида ввиду «греховных склонностей» (Енисейские епархиальные..., 1884: 56). Однако служение общему благу, постижение нравственности, помощь тем, кто оступился, – дело общественное (Енисейские епархиальные..., 1884: 92).

Одним из проявлений дихотомии в этот период времени по отношению к феномену сексуальной коммерции являлось понятие «милости к падшим» (Нестеренко, 2024: 160). Оно было характерно для либерально настроенной общественности конца XIX в. Этот термин обозначал христианскую православную добродетель по отношению к оступившимся. В Российской империи он применялся по отношению к женщинам, которые предоставляли интимные услуги. Сторонниками этой концепции являлись Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский (Вдовин, 2022: 15). Вышеизложенное понятие было в большей степени характерно для городского ландшафта, нежели сельского. «Милость к падшим» не являлась дихотомией, а была одним из ее проявлений в публичном пространстве. Касаясь частной интимной жизни актеров, это общественное явление не выходило за рамки понимания нормы. Существовая в локусе тех женщин, которые понимали стыдливость за свои поступки и промысел, а также тех, кто готов протянуть руку помощи, «милость к падшим» входила в рамки христианской добродетели и понимания морали.

С другой стороны, «милость к падшим» не являлась характерным поведенческим коррелятом. Ввиду общественной активности и фактов неприятия реформы государство аккуратно регулировало и встраивало институт легализованной сексуальной коммерции в общественные механизмы. Например, официальные власти в 1844 г., через год после введения реформы, издали Правила, по которым полицмейстеры обязаны были закрывать публичные дома по воскресеньям и в праздничные дни до обедни. Эти Правила были дополнены в 1908 г. тем, что дома терпимости следовало закрывать также во время страстной недели (Мартыненко, 2010: 102).

Тема аномальной сексуальности остро воспринималась российским обществом. Большинство жителей Енисейской губернии были православными, поэтому идея секса, не ведущего к зачатию, являлась для них греховной (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 36. Л. 16). Она противоречила доброму идеалу христианства. «Распутное» поведение наказывалось, чтобы «вразумить от блуда до отрицания» (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 305. Л. 3). Дел относительно женского «распутного поведения» с последующей епитимьей значительно больше, чем по обвинению в этом мужчин (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2556). Однако в Енисейской губернии были дела, где в «худом поведении» обвинялись мужчины. В 1884 г. абаканский дворянин был обвинен в «развратной жизни» ввиду многочисленных жалоб, а также доказанных фактов принуждения к прелюбодеянию крестьянок (ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 3217. Л. 2). Стоит оговориться, что легализация сексуальной коммерции и преступления против половой неприкосновенности качественно и количественно не влияли друг на друга.

В институте легализованной сексуальной коммерции понятий «блуд» и «прелюбодеяние», а также наказаний за эти действия, не было. Акторами, которые были юридически введены в ранг профессии и ремесла, являлись женщины, которые предоставляли интимные услуги, а также содержательницы домов терпимости. Ввиду их легального статуса у них были обязанности, например:

1. Женщины, предоставлявшие сексуальные услуги, должны были предъявлять медицинские билеты или листы о состоянии их здоровья, если клиент о том попросил;
2. Женщинам-акторам сексуальной коммерции воспрещалось показываться в окнах занимаемых ими квартир в непристойном виде, «затрагивать на улицах прохожих и зазывать их к себе»;
3. Каждая женщина, занятая на рынке интимных услуг, была обязана исполнять рекомендации врача, у которого она наблюдалась (ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 107. Л. 13).

Заниматься сексуальной коммерцией могла любая женщина, достигшая совершеннолетия. Она получала в полицейском управлении медицинский билет и обязана была являться с ним на еженедельные осмотры. Если супруга занималась сексуальной коммерцией легально, а муж был против этого, таковой факт не являлся законным основанием для расторжения брака. В 1908 г. полицейское управление ввиду фиксирования спорных случаев обязало женщин, которые изъявляли желание заниматься сексуальной коммерцией, приносить письменное согласие супруга (Мартыненко, 2010: 55).

Однако те женщины, которые выходили за рамки реформы графа Л.А. Перовского и были причислены к «тайному разврату», могли наказываться ввиду того, что юридически в уголовном законодательстве не произошло изменений после введения легализации сексуальной коммерции. За нее также в кодексе предусматривалось уголовное наказание (Шашков, 1879: 47). Эти две противоположности (реформа с институционализацией этого явления и уголовное наказание за «распутство») сосуществовали в нормотворческом поле Российской империи и не претерпели изменений вплоть до 1917 г.

В пространстве губернии в отношении неоднозначных семейно-брачных поведенческих паттернов выделялся г. Енисейск. Для него был характерен «сибирский брак» – сожитительство без церковного скрепления отношений (Шашков, 1879: 107). При этом для вступления в подобные «узы»

мужчины нередко выбирали женщин, которые «промышляли развратом» (Уманьский, 1888: 85). Для устройства подобной «карьеры» были предусмотрены специальные «сводни» – посредники между богатыми купцами и женщинами. А. Уманьский описывал одну из них. Она пользовалась популярностью, но скрывала свое имя. Местные жители называли ее «Варвара с гитарой» (Уманьский, 1888: 86). Стоит сказать, что социум воспринимал подобного рода сожителства внутри Енисейска как норму, однако для остальных посетителей города такое поведение расценивалось как «простой разврат» (Уманьский, 1888: 87). Подобные связи свидетельствовали о достаточно свободном внедрении частной жизни в публичное пространство. Такое явление может свидетельствовать об отсутствии или размытости границ приватного у определенной категории жителей губернии.

Городской социальный ландшафт отличался от сельского. Крестьянская община была оплотом сибирского социума в деревне. Б.Е. Андюсев отмечает, что сибирская община являлась «замкнутым миром полноправных граждан» (Андюсев, 2003: 23). Стоит отметить, что различия в поведенческих нормах среди волостей Енисейской губернии лежали в населявших ее элементах. Если старожильческая община предъявляла к каждому ее члену высокие требования, то локус, который складывался вокруг ссыльных элементов, не соответствовал этой характеристике. В качестве примера можно привести Зеледеевскую волость, где ссыльный элемент формировал особые поведенческие паттерны (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1719. Л. 19). В ней часто фиксировались случаи «развратного поведения», а также «худого», то есть преступного (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2556. Л. 6). У многих представителей зеледеевского общества отсутствовала система нравственных противовесов. Они могли вовлекать в преступные деяния крестьян, формировать у них определенные поведенческие стереотипы, например, избиение жен, конокрадство, пьянство, вовлечение в проституцию (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 154. Л. 8).

Повседневный уклад жизни крестьян базировался на общинных устоях. Проблема отсутствия частного пространства – это ментальная характеристика крестьянской общинной организации, так как она максимально ограничивала частное пространство личности. Крестьянская община не допускала закрытости, ее участниками это воспринималось как норма. Например, в деревнях был распространен «кормиличный промысел», то есть женщина могла «кормить грудью» не своего младенца (Русский врач, 1902: 397). Это являлось причиной распространения «сифилиса невинных», полученного неполовым путем. В целом государственные суждения долгое время связывали распространение венерических заболеваний непосредственно с сексуальной коммерцией, однако уже в начале XX столетия врачами был сделан вывод о том, что женщины, предоставлявшие интимные услуги, не всегда являлись источником заражений (Русский врач, 1902: 1060).

Отсутствие приватности можно проследить также среди игр, характерных для незамужних и неженатых сельских жителей. Многие молодые люди имели обычай ходить на вечера, где играли «с поцелуями». Юноша мог поцеловать любую понравившуюся ему девушку (ГАКК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 707). Подобные игры нарушали границы интимного, однако не воспринимались обществом как то, что выходило за границы дозволенного.

М. Фуко в своей работе «Воля к истине: по ту сторону сексуальности» пишет: «Что же касается секса, не ведущего к зачатию, то он, если упорствует и слишком себя показывает, оказывается чем-то аномальным: он получает соответствующий статус и должен расплатиться соответствующим образом» (Фуко, 1996: 255). В губернии были нередки дела, связанные с прелюбодеянием: измена супругов, вступление в половую связь без брака и т.д. За такой проступок предполагалось наложение епитимьи и другие формы наказаний (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 166. Л. 10). Любовная связь вне семьи – это то, что каралось законом, было порицаемо обществом. Поэтому многие крестьянки скрывали беременности вне брака, а также могли прибегнуть к прекращению беременности или умерщвлению детей ввиду боязни наказания. Например, Тобольская духовная консистория, которая занималась делами о прелюбодеяниях в Енисейской губернии, разобрало дело, касавшееся 18-летней Анны Саламатовой, которая забеременела «в блюде» от 22-летнего крестьянина. Сразу после рождения ребенка они убили младенца и закопали его в тайге, сказав в деревне Малонахвальской, что младенец умер при родах. За прелюбодеяние на Анну наложили епитимью, а вот за погибшего от ее рук младенца – 40 ударов розгами (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 166. Л. 7).

В Енисейской губернии фиксировались случаи насилия над женщинами их супругами (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 166. Л. 2). С.С. Шашков, описывая брачные отношения в Сибири, говорил: «Над супружеской кроватью постоянно висела плеть, исключительно предназначенная для жены и называвшаяся дураком; муж таскал жену за волосы, привязывал веревками и сек дураком» (Шашков, 1879: 39). Все это могло происходить при детях, которые в дальнейшем могли перенимать поведенческие привычки своих родителей, становясь для государства людьми с «плохой наследственностью» (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 36). Стоит отметить, что невозможно статистически проследить количество подобных форм насилия относительно показателей иных форм поведения супругов. Женщины могли обращаться «к букве закона» в исключительно крайних случаях, как, например, крестьянка Александра Куликова, которая обратилась в полицейское управление в 1885 г. ввиду постоянных истязаний со стороны супруга (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 683). Причиной, по которой

она долгое время не придавала огласке действия супруга, была материальная составляющая. Она не имела средств к существованию и воспитанию четверых малолетних детей.

Отклонения от брачной жизни, различные формы прелюбодеяния считались делом внутрисемейным. Однако в случаях, если дело передавалось в волостной суд, оно предавалось огласке. В данном контексте действовал принцип публичности наказания. Это могло не только навредить моральному облику супругов, но и сформировать круг проблем, связанных с общественно-коллективными отношениями индивида и его односельчанами.

5. Заключение

Таким образом, дихотомическое разделение двух понятий приблизило к пониманию противоречивости повседневных практик. Однако взаимоотрицающие свойства и характеристики некоторых суждений говорят о единстве противоположностей. Существование патриархальной семьи с системой ценностных ориентиров и воспитательных функций, базировавшихся на православной морали, не исключало практики сексуального обмена на легальных началах. Более того, Енисейская губерния ввиду уникальности социального пространства обладала некоторыми несвойственными проявлениями дихотомий, как, например, «сибирский брак». Акторы таких практик приватное поле на свободных началах включали в публичное пространство, что говорило о размытости границ представлений о частном и публичном. Безусловно, скученность семей, стесненные жилищные условия, алкоголизм, поведенческие аномалии приводили к отсутствию в ментальном понимании границ частного. Однако сложность общественных отношений в Енисейской губернии существовала в интегральном взаимодействии дихотомии приватного и публичного.

Литература

- [Андюсов, 2003](#) – *Андюсов Б.Е.* Сибирское краеведение. Красноярск, 2003. 179 с.
- [Быкова, 2004](#) – *Быкова А.Г.* Социальные аномалии в истории больших городов Западной Сибири. 1880–1914 гг. Омск, 2004. 96 с.
- [Вдовин, 2022](#) – *Вдовин А.В.* Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому. М.: ВШЭ, 2022. 238 с.
- [ГАИО](#) – Государственный архив Иркутской области.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.
- [Гилинский, 2010](#) – *Гилинский И.Я.* Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е – 90-е гг. XX столетия // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2010. №1. С. 7-19.
- [Гуссерль, 2023](#) – *Гуссерль Э.* Идея феноменологии: пять лекций. 4-е издание. Гуманитарная академия, 2023. 320 с.
- [Дворецкая, 2018](#) – *Дворецкая А.П.* Православная церковь и население Приенисейской Сибири 1700–1919 гг. Красноярск, 2018. 295 с.
- [Енисейские епархиальные..., 1884](#) – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 4. С. 56.
- [Енисейские епархиальные..., 1884a](#) – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 6. С. 91-92.
- [Енисейские епархиальные..., 1884b](#) – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. №22. С. 304.
- [Иванченко, 2021](#) – *Иванченко И. С.* Брак и семья в культуре русского крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX в. // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2021. № 3. С. 21-28.
- [Кискидосова, 2012](#) – *Кискидосова Т.А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX - начале XX века. Абакан, 2012. 351 с.
- [Кон, 2010](#) – *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. Время, 2010. 608 с.
- [Лебина, 2018](#) – *Лебина Н.Б.* Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 483 с.
- [Мартыненко, 2010](#) – *Мартыненко Н. К.* Регламентация проституции в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Воронеж, 2010. 180 с.
- [Матвеева, Хаит, 2019](#) – *Матвеева Д. Н., Хаит Н.Л.* К вопросу о медико-охранительной стороне проституции в XIX – начале XX вв. на примере Енисейской губернии // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2019. №2. С. 127-132.
- [Мельников, 2015](#) – *Мельников М.В.* Дихотомия приватного и публичного в проблематике социологического знания // *Грамота*. 2015. № 12. С. 123-128.
- [Нестеренко, 2024](#) – *Нестеренко Д.Н.* Особенности взаимоотношений маргинальных элементов и общества на примере феномена проституции в XIX веке (по материалам Енисейской губернии) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ*. 2024. №1. С. 155-164.
- [Пушкарева, 1999](#) – *Пушкарева Н.Л.* «А се грехи смертные...». Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.). Москва, 1999. 863 с.
- [Русский врач, 1902](#) – *Русский врач*. 1902. №10. С. 397.
- [Русский врач, 1902](#) – *Русский врач*. 1902. №29. С. 1060-1061.

- Силов, 1897** – Силов В. Женщина замужем. Исследование о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. Москва, 1897. 77 с.
- Теннис, 2002** – Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
- Терскова, 2010** – Терскова А.А. Духовное сословие Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX века // *Вестник КГПУ*. 2010. № 1. С. 219–223.
- Уманьский, 1888** – Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб.: 1888, 170 с.
- Фуко, 1996** – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистерium, 1996. 488 с.
- Шашков, 1879** – Шашков С.С. История русской женщины. СПб, 1879. 352 с.
- Hearne, 2021** – Hearne S. Policing prostitution. Regulating the lower classes in Late Imperial Russia. Oxford University Press, 2021. 209 p.

References

- Andiusev, 2003** – Andiusev, B.E. (2003). Sibirskoe kraevedenie [Siberian studies]. Krasnoyarsk, 179 p. [in Russian]
- Bykova, 2004** – Bykova, A.G. (2004). Sotsial'nye anomalii v istorii bol'shikh gorodov Zapadnoi Sibiri. 1880–1914 gg. [Social anomalies in the history of large cities of Western Siberia. 1880-1914]. Omsk, 96 p. [in Russian]
- Dvoret'skaia, 2018** – Dvoret'skaia, A.P. (2018). Pravoslavnaia tserkov' i naselenie Prieniseiskoi Sibiri 1700–1919 gg. [The Orthodox Church and the population of Prienisei Siberia 1700-1919]. Krasnoyarsk, 295 p. [in Russian]
- Eniseiskie eparkhial'nye..., 1884** – *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 1884. № 4. P. 56. [in Russian]
- Eniseiskie eparkhial'nye..., 1884a** – *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 1884. № 6. Pp. 91-92. [in Russian]
- Eniseiskie eparkhial'nye..., 1884b** – *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 1884. №22. P. 304. [in Russian]
- Fuko, 1996** – *Fuko, M.* (1996). Volia k istine: po tu storonu znania, vlasti i seksual'nosti [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. M.: Magisterium, 488 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gilinskii, 2010** – Gilinskii, I.Ya. (2010). Rossiiskaia sotsiologiya deviantnosti I sotsial'nogo kontroliia (deviantologiya) v 60-e – 90-e gg. XX stoletia [Russian sociology of deviance and social control (deviantology) in the 60s-90s of the XX century]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo institute MVD Rossii*. 1: 7-19. [in Russian]
- Gusserl', 2023** – *Gusserl', E.* (2023). Ideia fenomenologii: piat' lektsii. 4 izdanie. [The idea of phenomenology: five lectures. 4th edition]. Gumanitarnaia akademiia, 320 p. [in Russian]
- Hearne, 2021** – *Hearne, S.* (2021). Policing prostitution. Regulating the lower classes in Late Imperial Russia. Oxford University Press, 209 p.
- Ivanchenko, 2021** – *Ivanchenko, I.S.* (2021). Brak i sem'ia v kul'ture russkogo krest'ianstva Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [Marriage and family in the culture of the Russian peasantry of Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3: 21-28. [in Russian]
- Kiskidosova, 2012** – *Kiskidosova, T.A.* (2012). Povsednevnaia zhizn' gorozhan Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Daily life of the townspeople of Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]. Abakan, 351 p. [in Russian]
- Kon, 2010** – *Kon, I.S.* (2010). Klubnichka na berezke. Seksual'naia kul'tura v Rossii [Strawberry on a birch tree. Sexual culture in Russia]. Vremia, 608 p. [in Russian]
- Lebina, 2018** – *Lebina, N.B.* (2018). Sovetskaia povsednevnost'. Normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stiliiu [Soviet everyday life. Norms and Anomalies. From War Communism to Big Style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 483 p. [in Russian]
- Martynenko, 2010** – *Martynenko, N.K.* (2010). Reglamentatsiia prostitutsii v Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Prostitution in Russia (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Voronezhch, 180 p. [in Russian]
- Matveeva, Khait, 2019** – *Matveeva, D.N., Khait, N.L.* (2019). K voprosu o medico-okhranitel'noi storone prostitutsii v XIX – nachale XX vv. na primere Eniseiskoi gubernii [To the question of medical and safety side of prostitution in XIX - early XX centuries on the example of Yenisei province]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*. 2: 127-132. [in Russian]
- Mel'nikov, 2015** – *Mel'nikov, M.V.* (2015). Dikhotomiia privatnogo i publichnogo v problematike sotsiologicheskogo znaniia [The Dichotomy of Private and Public in the Problems of Sociological Knowledge]. *Gramota*. 12: 123-128. [in Russian]

Nesterenko, 2024 – Nesterenko, D.N. (2024). Osobennosti vzaimootnoshenii marginal'nykh elementov i obshchestva na primere fenomena prostitutsii v XIX veke (po materialam Eniseiskoi gubernii) [Peculiarities of relations between marginal elements and society on the example of the phenomenon of prostitution in the XIX century (on the materials of Yenisei province)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal GAU*. 1: 155-164. [in Russian]

Pushkareva, 1999 – Pushkareva, N.L. (1999). «A se grekhi smertnye...». Liubov', erotika i seksual'naia etika v doindustrial'noi Rossii (X – pervaiia polovina XIX v.) [«And these are mortal sins...». Love, Erotica and Sexual Ethics in Pre-Industrial Russia (10th - first half of the 19th century)]. M., 863 p. [in Russian]

Russkii vrach, 1902 – *Russkii vrach*. 1902. №10. P. 397. [in Russian]

Russkii vrach, 1902 – *Russkii vrach*. 1902. №29. Pp. 1060-1061. [in Russian]

Shashkov, 1879 – Shashkov, S.S. (1879). Istoriia russkoi zhenshchiny [The story of a Russian woman]. Spb, 352 p. [in Russian]

Silov, 1897 – Silov, V. (1897). Zhenshchina zamuzhem. Issledovanie o fizicheskikh, dushevnykh i nravstvennykh obiazannostiakh i pravilakh zamuzhem [Woman married. A study of the physical, mental, and moral duties and rules of married women]. M., 77 p. [in Russian]

Tennis, 2002 – Tennis, F. (2002). Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye poniatia chistoi sotsiologii [Community and society. Basic concepts of pure sociology]. SPb.: Vladimir Dal', 451 p. [in Russian]

Terskova, 2010 – Terskova, A.A. (2010). Dukhovnoe soslovie Eniseiskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [The clergy of Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik KGPU*. 1: 219-223.

Uman'skii, 1888 – Uman'skii, A. (1888). Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseiskoi taiga [Essays on gold industry in the Yenisei taiga]. SPb.: 170 p. [in Russian]

Vdovin, 2022 – Vdovin, A.V. (2022). Damy bez kamelii. Pis'ma pyblichnykh N.A. i N.G. Chernyshevskomu [Ladies without Camellias. Letters of Public Women to N.A. Dobroliubov and N.G. Chernyshevsky]. M.: VSHE, 238 p. [in Russian]

Дихотомия публичного и частного на примере феномена сексуальной коммерции в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Дарья Николаевна Нестеренко ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a, Надежда Леонидовна Хаит ^a, Татьяна Владимировна Излученко ^a

^a Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен феномен сексуальной коммерции через призму концепции дихотомии публичного и частного (частного) в пространстве дореволюционного общества Российской империи середины XIX – начала XX вв. Приватное – это категория, которая включала в себя то, что скрыто от общества. Приватное связано с индивидуализмом, наличием внутренних нравственных противовесов, которые очерчивают то пространство, куда остальным участникам социума, как правило, нет доступа. Публичное же связано с общественными отношениями. При этом границы понятий изложены ввиду сосуществования в дореволюционной России двух противоположных социальных институтов: патриархальной семьи с набором ценностных установок и института легализованной сексуальной коммерции, которая была введена в ранг ремесла после реформы графа Л.А. Перовского. Сексуальная коммерция как явление использовалась исследователями в качестве понятийно-категориального аппарата, обозначающего практики сексуального обмена. Применение такого термина исключало моральную нагруженность других понятий, таких, как, например, проституция. Концепция дихотомии через взаимоотрицающие свойства явлений в настоящем исследовании позволила сделать вывод об отсутствии взаимоисключения двух институтов. Социальные процессы, которые были рассмотрены в статье сквозь призму дихотомии, позволили приблизиться к сущности противоречивости повседневности. Уникальный локус Енисейской губернии внутри пространства Российской империи предполагал наличие аутентичных бытовых практик среди определенных социальных категорий. Они не воспринимались как аномалия, но при этом нарушали границы, очерченные обществом в локусе приватности. Синтетические корреляты поведенческих норм и аномалий российского дореволюционного общества позволили преодолеть некоторые противоречия теоретических и методологических препятствий.

Ключевые слова: дихотомия, публичное, приватное, XIX – начало XX вв., сексуальная коммерция, Енисейская губерния, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1265-1275
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1265

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Caucasian Educational District (1848–1917): A Review of Modern Historiography

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

This historiographical review is devoted to the Caucasian Educational District in the pre-revolutionary period. In total, 63 titles of works found by search queries on the website of the electronic scientific library were used in the work (eLIBRARY.RU), which were published between 1993 and 2023. 46 publications were published in Russian, and 17 in English. The methodological tools of our research are based on the historical and genetic method, which allows us to consider the evolution of the historiography of the public education system and identify problem areas, that is, where the interest of researchers was most insignificant.

The authors came to the following conclusions:

1. The historiography on public education in the territory of the Caucasian Educational District is extensive, it touches on both private issues, for example, the history of specific educational institutions or the organization of the educational process, and the topic of public education, which claims to be generalized (fundamental).

2. The degree of study of different regions of the Caucasian Educational District varies and can vary from one to five papers. Let's name the Kara region as the first example, and the Kuban and Dagestan regions as the second.

3. Almost all the works (63 titles) presented in the review were carried out by representatives of local scientific centers that specialize, among other things, in the history of the Caucasus.

Keywords: Caucasian Educational District, Russian Empire, modern historiography, 1848–1917.

1. Введение

По мере накопления работ по истории Кавказской учебной области появляется необходимость в обобщающих историографических работах. В данном труде мы хотели бы рассмотреть современную историографию по истории Кавказской учебной области. Под современной историографией мы понимаем работы, изданные в постсоветский период с 1991 г. по настоящее время.

2. Материалы и методы

Материалами для данной работы послужили публикации по истории народного образования на территории Кавказского учебного округа в дореволюционный период. Всего в работе использовано 63 наименования работ, обнаруженных по поисковым запросам на сайте электронной научной библиотеки (eLIBRARY.RU), которые были опубликованы в период с 1993 по 2023 гг. 46 публикаций было издано на русском языке, а 17 – на английском.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

Методологический инструментарий нашего исследования опирается на историко-генетический метод, который позволяет рассмотреть эволюцию историографии системы народного образования и определить проблемные места, то есть где интерес исследователей был более всего незначительным.

3. Обсуждение и результаты

Ввиду наличия значительного количества работ по теме нашего исследования мы хотели бы представить историографию с учетом проблемных групп, а именно общие работы по истории Кавказского учебного округа и труды, посвященные данной теме на территории одного из субъектов округа (губернии или области).

Общие работы. Среди общих работ нельзя не отметить публикацию А.Б. Созаева о роли Кавказского учебного округа в деле создания светского среднего и начального образования (Созаев, 2010). В 2013 г. А.А. Крюкова на основе документов из государственного архива Ставропольского края рассматривала роль благотворительных и попечительских учреждений в деле оказания посильной помощи на нужды образования в Кавказском учебном округе (Крюкова, 2013).

Рассматривались авторами и некоторые узкие проблемы, которые были актуальны для территории Кавказа в определенные хронологические периоды. Так, Т.А. Магсумов и другие рассматривали унификацию и регламентацию учебного процесса на Кавказе периода 1850-х гг. (Magsumov et al., 2018), а Н.А. Ладонина обращалась к теме реформ Министерства народного просвещения, которые в 1870-е гг. заложили фундамент под среднее образование на Кавказе (Ладонина, 2015). В свою очередь, О. В. Натолочная и другие анализировали развитие системы народного образования в начале XX века (Natolochnaya et al., 2016), авторы выбрали для исследования период с 1905 по 1917 гг.

Северокавказскую школу на территории Кавказского учебного округа рассматривали также О.И. Шафранова и М.С. Трофимов (Шафранова, Трофимов, 2020). Близкой теме уделили внимание О.В. Натолочная и другие, они рассматривали горскую школу на Кавказе (Natolochnaya et al., 2018). Авторы на основе эмпирического материала реконструируют из разнообразных источников и предшествующей историографической традиции целостную картину развития имперской модели школы на Кавказе. В свою очередь, Н.О. Блейх рассматривала влияние имперского правительства на развитие системы народного просвещения среди мусульман Северного Кавказа (Блейх, 2020). Коммерческое образование на территории Кавказского учебного округа рассматривали К.В. Таран и другие (Taran et al., 2021). Авторы на основе обширного статистического материала рассмотрели эволюцию коммерческого образования и выявили его основные географические точки.

Также предпринимались и другие исследования. Так, например, А.М. Мамадалиев и другие рассмотрели педагогическую периодическую печать на территории Кавказского учебного округа (Mamadaliyev et al., 2022).

Первыми системную попытку изучения системы народного образования на Кавказе за весь дореволюционный период предприняли Н.А. Шевченко и другие (Shevchenko et al., 2016). Хронологические рамки, заявленные в этой работе авторами, – 1802–1917 гг. Ранняя хронологическая граница была связана с открытием первой школы в Тифлисе. Следующей была работа в двух частях О.В. Натолочной и других о народном образовании на территории Кавказского учебного округа. Первая часть была издана в 2021 г. (Natolochnaya et al., 2021), а вторая – уже в 2022 (Natolochnaya et al., 2022).

Карская область. Менее всего была изучена именно Карская область, что объяснялось непродолжительностью периода включения этой территории в состав империи. Как известно, область была включена в состав Российской империи в 1878 г., а возвращена Турции – в 1918 г. по результатам Первой мировой войны. Мы приведем всего одну обобщающую работу, которая была выполнена в двух частях. В этой работе рассматривается вся система народного образования области в период с 1878 г., то есть с момента включения Карской области в состав Российской империи. Так, вопросами народного образования, а именно среднего, низшего и начального, занимались Т.А. Магсумов и другие (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a).

Тифлисская губерния. Система народного образования на территории Тифлисской губернии также была освещена сравнительно мало. Авторы с начала постсоветского периода начинают обращаться к теме народного образования. Так, в 1993 г. Л.С. Гатагова рассматривала государственную политику и образование на Кавказе в XIX веке (Гатагова, 1993). Одному из частных вопросов, а именно законодательству в области народного образования периода 1840–1870 гг., посвящена работа Е.И. Кобахидзе (Кобахидзе, 2015). Еще один частный вопрос, связанный с историей Тифлисского кадетского корпуса, рассматривали М. Гогитидзе и И. Шиукашвили (Gogitidze, Shiukashvili, 2016). В свою очередь, фундаментальную попытку рассмотреть систему народного образования Тифлисской губернии в имперский период предприняли А.М. Мамадалиев и другие (Mamadaliyev et al., 2020; Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c). Авторы в своем труде из четырех частей, несмотря на заявленное название, сфокусировались не только на Тифлисской губернии, но и на территории всего Кавказского учебного округа.

Кубанская область. На современном этапе система народного образования Кубанской области была изучена гораздо лучше, чем система Тифлисской губернии. Так, авторы обращались к многочисленным частным вопросам. Например, особенностям учебного процесса для иногородних детей этой теме посвятил свою работу К.В. Долгополов (Долгополов, 2013). Е.В. Манузин и Т.Г. Письменная обращались к влиянию различных тенденций на дело кубанского народного просвещения (Манузин, Письменная, 2014). Д.И. Чикаева анализировала проблемы материального обеспечения учебных заведений региона во второй половине XIX – начале XX вв. (Чикаева, 2019). Назовем также работу С.В. Трофименко о проблемах народного образования и о влиянии на него деятельности генерал-лейтенанта И.Д. Попко (Трофименко, 2019). Фундаментальной же работой, освещающей систему народного образования на территории Кубанской области в имперский период, стал труд в 3-х частях В.С. Молчановой и других (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020).

Ставропольская губерния. Среди работ о системе народного образования на территории губернии также выделяются как труды, освещающие частные вопросы, так и труды, претендующие на фундаментальность. Среди первых нужно назвать публикацию Т.Е. Покотиловой о народном образовании на Ставрополье в период конца XIX века во время так называемых «стабилизирующих контрреформ» (Покотилова, 2017); труд Е.Н. Володьковой о развитии ремесленного образования на примере Михайловского ремесленного училища (Володькова, 2020), а также работу Н.Б. Ромаевой и А.А. Крюковой о благотворительной деятельности в деле народного образования на территории губернии в имперский период (Ромаева, Крюкова, 2016). Что касается вторых работ, то мы должны назвать труд в 3-х частях О.В. Натолочной и других о системе народного образования на территории Ставропольской губернии в период 1804–1917 гг. (Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b).

Черноморская губерния. Обращались авторы и к теме народного образования на территории Черноморской губернии. Так, в 2012 г. Л.К. Меркулова и Э.С. Бугаева затрагивали в этом аспекте одну из территорий Черноморской губернии – Сочинский округ (Меркулова, Бугаева, 2012). Позднее, в 2020–2021 гг., выходит сразу несколько работ, в которых авторы приходят к одному и тому же выводу, что система народного образования на территории Черноморской губернии в имперский период активно развивалась (Мурадова, 2020; Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a; Белецкая, 2021). Думаем, что будет уместным добавить и граничащий с Черноморской губернией Сухумский округ. Систему народного образования на территории Сухумского округа рассматривали лишь единожды в работе А.М. Мамадалиева и др. (Mamadaliyev et al., 2022a).

Терская область. Историография, посвященная народному образованию на территории области, немногочисленна. Так, попытку изучения системы народного образования на примере деятельности дирекции народных училищ Терской области предпринимал А.Б. Созаев (Созаев, 2009), который привлек новые архивные материалы и критически взглянул на данную проблему. Среди обобщающих работ нужно назвать публикацию в 2-х частях А.А. Черкасова и других о народном образовании на территории Терской области в период 1860–1917 гг. (Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2021).

Кутаисская губерния. Историография, посвященная народному образованию на территории Кутаисской губернии, отличается практически полным отсутствием работ, здесь исключение составляет только работа в 3-х частях А.М. Мамадалиева и других (Mamadaliyev et al., 2021; Mamadaliyev et al., 2021a; Mamadaliyev et al., 2021b). В данной работе авторы на основе обширного статистического материала рассмотрели эволюцию системы среднего, низшего и начального образования на территории губернии в период 1846–1917 гг.

Бакинская губерния. Народное образование на территории Бакинской губернии также не стало популярной темой среди научно-педагогического сообщества. Мы можем назвать всего несколько работ. Одна из них – это труд П. Бешерова, посвященный Бакинской мужской гимназии имени императора Александра III (Бешеров, 2023), другая – это публикация в 2-х частях Т.А. Магсумова и других о системе народного образования на территории губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (Magsumov et al., 2021; Magsumov et al., 2021a). Авторы привлекли в качестве источника ежегодные материалы Попечителя Кавказского учебного округа.

Елисаветпольская губерния. Еще одной губернией, народное образование которой не было популярным среди исследователей, стала Елисаветпольская губерния. Мы можем назвать только одну работу, посвященную данной проблеме – это также работа Т.А. Магсумова и других, которая была выполнена в 3-х частях (Magsumov et al., 2021a; Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2022a).

Эриванская губерния. Эриванская губерния также не стала особо популярной темой среди историков педагогики. В результате мы обнаружили всего одну работу, посвященную вопросам народного образования на территории Эриванской губернии. Эта работа была выполнена в 2021–2022 гг. А.М. Мамадалиевым и другими (Mamadaliyev et al., 2021c; Mamadaliyev et al., 2022b; Mamadaliyev et al., 2022c).

Дагестанская область. По сравнению с Эриванской губернией народное образование на территории Дагестанской области рассматривалось многократно. Так, среди частных тем,

З.Н. Гаджиевой затрагивались инициативы по открытию женских учебных заведений в Дагестанской области на территории компактного проживания русского населения (Гаджиева, 2021). Работа Д.З. Атаевой посвящена истории Темир-Хан-Шурина реального училища (Атаева, 2011). Труд Д.М. Маламагомедова – о конфессиональных школах на территории области (Маламагомедов, 2018). Имеются также труды об истории системы народного просвещения. Так, мы можем назвать исследование Х.М. Джанатлиевой о становлении светских учебных заведений в Дагестане (Джанатлиева, 2021), а также работу Г. Райовича и других в 3-х частях о народном образовании на территории Дагестанской области в 1860–1917 гг. (Rajović et al., 2022; Rajović et al., 2022a; Rajović et al., 2022b).

4. Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы.

1. Историография по вопросам народного образования на территории Кавказского учебного округа обширна, она затрагивает как частные вопросы, например, история конкретных учебных заведений или вопросы организации учебного процесса, так и тему народного образования, которая претендует на обобщение (фундаментальность).

2. Степень изученности разных регионов Кавказского учебного округа различна и может варьироваться от одной до пяти работ. В качестве первого примера назовем Карскую область, а в качестве второго – Кубанскую и Дагестанскую области.

3. Практически все работы (63 наименования), представленные в обзоре, выполнены представителями локальных научных центров, которые специализируются, в том числе, на истории Кавказа.

Литература

Атаева, 2011 – Атаева Д.З. Темир-Хан-Шурина реальное училище в образовательном пространстве Дагестана пореформенного периода // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. 2011. № 4 (17). С. 40-44.

Белецкая, 2021 – Белецкая А.В. Развитие народного образования в Черноморской губернии в начале XX века // *Голос минувшего*. 2021. № 2. С. 17-20.

Бешеров, 2023 – Бешеров П. Мужская гимназия имени императора Александра III в системе училищ Бакинской губернии // *Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки*. 2023. № 4. С. 103-108.

Блейх, 2020 – Блейх Н.О. Роль Российской империи в развитии системы просвещения у мусульманских народов Северного Кавказа // *Диалог со временем*. 2020. № 72. С. 376-390.

Володькова, 2020 – Володькова Е.Н. Развитие ремесленного образования в Ставропольской губернии во второй половине XIX века (на примере ставропольского Михайловского ремесленного училища) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 28-34.

Гаджиева, 2021 – Гаджиева З.Н. Инициативы по открытию женских общеобразовательных школ в Дагестанской области (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2021. № 81. С. 39-41.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. Москва, 1993.

Джанатлиева, 2021 – Джанатлиева Х.М. Становление новой светской системы школьного образования в Дагестане (конец XIX – начало XX вв.) // *Современная научная мысль*. 2021. № 3. С. 41-44.

Долгополов, 2013 – Долгополов К.В. Особенности процесса обучения детей иногородних в кубанских учебных заведениях во второй половине XIX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 8-2. С. 51-54.

Кобахидзе, 2015 – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840-1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. С. 87-90.

Крюкова, 2013 – Крюкова А.А. Дело личной инициативы в развитии образовательных учреждений и обществ, попечительствующих образованию в Кавказском учебном округе дореволюционной России // *Научный потенциал*. 2013. № 2(11). С. 70-75.

Ладонина, 2015 – Ладонина Н.А. К истории формирования системы среднего образования в Кавказском учебном округе // *Инновационная наука*. 2015. № 8-2. С. 89-92.

Маламагомедов, 2018 – Маламагомедов Д.М. Конфессиональные школы конца XIX – начала XX в. в городах Дагестанской области // *Вопросы истории*. 2018. № 7. С. 148-158.

Манузин, Письменная, 2014 – Манузин Е.В., Письменная Т.Г. Образовательные, религиозные и общественные тенденции в российском просвещении второй половины XIX – начала XX века на примере Кубани // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. 2014. № 5. С. 73-80.

[Меркулова, Бугаева, 2012](#) – Меркулова Л.К., Бугаева Э.С. К вопросу о становлении системы народного просвещения на территории Сочинского округа Черноморской губернии в конце XIX – начале XX в. // *Русская старина*. 2012. № 2 (6). С. 32-35.

[Мурадова, 2020](#) – Мурадова Ж.А. Развитие народного образования на Черноморском побережье Кавказа на рубеже XIX-XX вв. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2020. № 3. С. 65-71.

[Покотилова, 2017](#) – Покотилова Т.Е. Народное образование в Ставропольской губернии в конце XIX века в контексте «стабилизирующих контрреформ» // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2017. № 4. С. 107-112.

[Ромаева, Крюкова, 2016](#) – Ромаева Н.Б., Крюкова А.А. Благотворительная деятельность в народном образовании Ставропольской губернии XIX – начала XX вв. // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2016. № 6(57). С. 205-209.

[Созаев, 2009](#) – Созаев А.Б. Деятельность дирекции народных училищ Терской области // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2009. № 15. С. 67-72.

[Созаев, 2010](#) – Созаев А.Б. Кавказский учебный округ и его роль в развитии образования // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. 2010. № 1. С. 71-74.

[Трофименко, 2019](#) – Трофименко С.В. Проблемы народного образования: историческая ретроспектива (на примере деятельности И.Д. Попко) // *Интерактивная наука*. 2019. № 1 (35). С. 11-13.

[Чикаева, 2019](#) – Чикаева Д.И. Материальная обеспеченность учебных заведений Кубанской области во второй половине XIX – начале XX века // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 12. С. 146-150.

[Шафранова, Трофимов, 2020](#) – Шафранова О.И., Трофимов М.С. Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин: северокавказская школа во второй половине XIX – начале XX в. // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 3. С. 109-118.

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (4): 1067–1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 211-218.

[Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#) – Gogitidze M., Shiukashvili I. To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis // *Voennyi Sbornik*. 2016. Vol. 12, Is. 2, pp. 65-71.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.

[Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 529-545.

[Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 822-836.

[Magsumov et al., 2021b](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1042-1047.

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 299-306.

- [Magsumov et al., 2022a](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 662-669.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – *Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Volkov A.N.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1800-1813.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021b](#) – *Mamadaliev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 714-728.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The System of Public Education in Sukhumi District in the Period 1900–1914 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1374-1384.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I.* The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – *Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A.* Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608-614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789-1799.

[Natolochnaya et al., 2022](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 189–198.

[Rajović et al., 2022](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Galitskaya N.V.* The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 656–661.

[Rajović et al., 2022a](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Mineeva E.K., Chuikov O.E.* The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1013–1020.

[Rajović et al., 2022b](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Buryanov S.A.* The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1385–1393.

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802–1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363–372.

[Taran et al., 2021](#) – *Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M.* Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 812–821.

References

[Ataeva, 2011](#) – *Ataeva, D.Z.* (2011). Temir-Khan-Shurinskoe real'noe uchilishche v obrazovatel'nom prostranstve Dagestana poreformennogo perioda [Temir-Khan-Shurinskoye real school in the educational space of Dagestan in the post-reform period]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 4(17): 40–44. [in Russian]

[Beletskaya, 2021](#) – *Beletskaya, A.V.* (2021). Razvitie narodnogo obrazovaniya v Chernomorskoj gubernii v nachale XX veka [Development of public education in the Black Sea province at the beginning of the 20th century]. *Golos minuvshogo*. 2: 17–20. [in Russian]

[Beshеров, 2023](#) – *Beshеров, P.* (2023). Muzhskaya gimnaziya imeni imperatora Aleksandra III v sisteme uchilishch Bakinskoi gubernii [Men's gymnasium named after Emperor Alexander III in the system of schools of the Baku province]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki*. 4: 103–108. [in Russian]

[Bleikh, 2020](#) – *Bleikh, N.O.* (2020). Rol' Rossiiskoi imperii v razvitii sistemy prosveshcheniya u musul'manskikh narodov Severnogo Kavkaza [The role of the Russian Empire in the development of the education system among the Muslim peoples of the North Caucasus]. *Dialog so vremenem*. 72: 376–390. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750–770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067–1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963–970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211–218.

[Chikaeva, 2019](#) – *Chikaeva, D.I.* (2019). Material'naya obespechennost' uchebnykh zavedenii Kubanskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Material security of educational institutions of the Kuban region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 12: 146–150. [in Russian]

[Dolgopolov, 2013](#) – *Dolgopolov, K.V.* (2013). Osobennosti protsessa obucheniya detei inogorodnikov v kubanskikh uchebnykh zavedeniyakh vo vtoroi polovine XIX veka [Features of the process of teaching non-resident children in Kuban educational institutions in the second half of the 19th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8-2: 51–54. [in Russian]

[Dzhanatlieva, 2021](#) – *Dzhanatlieva, Kh.M.* (2021). Stanovlenie novoi svetskoi sistemy shkol'nogo obrazovaniya v Dagestane (konets XIX – nachalo XX vv.) [Formation of a new secular system of school education in Dagestan (late 19th – early 20th centuries)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 3: 41–44. [in Russian]

[Gadzhieva, 2021](#) – *Gadzhieva, Z.N.* (2021). Initsiativy po otkrytiyu zhenskikh obshcheobrazovatel'nykh shkol v Dagestanskoi oblasti (konets XIX – nachalo XX v.) [Initiatives to open girls' schools in Dagestan Oblast (late 19th – early 20th centuries)]. [in Russian]

comprehensive schools in the Dagestan region (late 19th - early 20th centuries)]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 81: 39-41. [in Russian]

[Gatagova, 1993](#) – *Gatagova, L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. Moskva. [in Russian]

[Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#) – *Gogitidze, M., Shiukashvili, I.* To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis. // *Voennyi Sbornik*. 2016. Vol. 12, Is. 2, pp. 65-71.

[Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840-1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840-1870s in the field of education as a factor in the integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10: 87-90. [in Russian]

[Kryukova, 2013](#) – *Kryukova, A.A.* (2013). Delo lichnoi initsiativy v razvitii obrazovatel'nykh uchrezhdenii i obshchestv, popechitel'stvyuyushchikh obrazovaniyu v Kavkazskom uchebnom okruge dorevolutsionnoi Rossii [The Case of Personal Initiative in the Development of Educational Institutions and Societies Trusteeship of Education in the Caucasian Educational District of Prerevolutionary Russia]. *Nauchnyi potentsial*. 2(11): 70-75. [in Russian]

[Ladonina, 2015](#) – *Ladonina, N.A.* (2015). K istorii formirovaniya sistemy srednego obrazovaniya v Kavkazskom uchebnom okruge [To the history of the formation of the secondary education system in the Caucasian educational district]. *Innovatsionnaya nauka*. 8-2: 89-92. [in Russian]

[Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Magsumov et al., 2021](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529-545.

[Magsumov et al., 2021a](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822-836.

[Magsumov et al., 2021b](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1042-1047.

[Magsumov et al., 2022](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 299-306.

[Magsumov et al., 2022a](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 662-669.

[Malamagomedov, 2018](#) – *Malamagomedov, D.M.* (2018). Konfessional'nye shkoly kontsa XIX – nachala XX v. v gorodakh Dagestanskoi oblasti [Confessional schools of the late 19th – early 20th centuries in the cities of the Dagestan region]. *Voprosy istorii*. 7: 148-158. [in Russian]

[Mamadaliyev et al., 2020](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliyev et al., 2020c](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

[Mamadaliyev et al., 2021](#) – *Mamadaliyev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Volkov, A.N.* (2021). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1800-1813.

- [Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021b](#) – Mamadaliev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 17(2): 714-728.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Sukhumi District in the Period 1900–1914. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1374-1384.
- [Manuzin, Pis'mennaya, 2014](#) – Manuzin, E.V., Pis'mennaya, T.G. (2014). Obrazovatel'nye, religioznye i obshchestvennye tendentsii v rossiiskom prosveshchenii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka na primere Kubani [Educational, religious and social trends in Russian education in the second half of the 19th – early 20th centuries on the example of Kuban]. *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*. 5: 73-80. [in Russian]
- [Merkulova, Bugaeva, 2012](#) – Merkulova, L.K., Bugaeva, E.S. (2012). K voprosu o stanovlenii sistemy narodnogo prosveshcheniya na territorii Sochinskogo okruga Chernomorskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [To the issue of the formation of the public education system on the territory of the Sochi district of the Black Sea province in the late 19th – early 20th centuries]. *Russkaya starina*. 2(6): 32-35. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Muradova, 2020](#) – Muradova, Zh.A. (2020). Razvitie narodnogo obrazovaniya na Chernomorskom poberezh'e Kavkaza na rubezhe XIX-XX vv. [Development of public education on the Black Sea coast of the Caucasus at the turn of the 19th-20th centuries]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3: 65-71. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V. (2021). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789-1799.
- [Natolochnaya et al., 2022](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V. (2022). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 189-198.
- [Pokotilova, 2017](#) – Pokotilova, T.E. (2017). Narodnoe obrazovanie v Stavropol'skoj gubernii v kontse XIX veka v kontekste «stabiliziruyushchikh kontrreform» [Public education in the Stavropol province at the

end of the 19th century in the context of "stabilizing counter-reforms"]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 4: 107-112. [in Russian]

Rajović et al., 2022 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Galitskaya, N.V. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 656-661.

Rajović et al., 2022a – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Mineeva, E.K., Chuikov, O.E. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1013-1020.

Rajović et al., 2022b – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Buryanov, S.A. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1385-1393.

Romaeva, Kryukova, 2016 – Romaeva, N.B., Kryukova, A.A. (2016). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' v narodnom obrazovanii Stavropol'skoi gubernii XIX – nachala XX vv. [Charitable activities in public education of the Stavropol province of the 19th - early 20th centuries]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. 6(57): 205-209. [in Russian]

Shafranova, Trofimov, 2020 – Shafranova, O.I., Trofimov, M.S. (2020). Imperskaya model' obrazovatel'noi integratsii dlya natsional'nykh okrain: severokavkazskaya shkola vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Imperial model of educational integration for national outskirts: North Caucasian school in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 3: 109-118. [in Russian]

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

Sozaev, 2009 – Sozaev, A.B. (2009). Deyatel'nost' direktsii narodnykh uchilishch Terskoi oblasti [Activities of the directorate of public schools of the Terek region]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 15: 67-72. [in Russian]

Sozaev, 2010 – Sozaev, A.B. (2010). Kavkazskii uchebnyi okrug i ego rol' v razvitii obrazovaniya [Caucasian educational district and its role in the development of education]. *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya*. 1: 71-74. [in Russian]

Taran et al., 2021 – Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M. (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

Trofimenko, 2019 – Trofimenko, S.V. (2019). Problemy narodnogo obrazovaniya: istoricheskaya retrospektiva (na primere deyatel'nosti I.D. Popko) [Problems of public education: historical retrospective (on the example of the activities of I.D. Popko)]. *Interaktivnaya nauka*. 1(35): 11-13. [in Russian]

Volod'kova, 2020 – Volod'kova, E.N. (2020). Razvitie remeslennogo obrazovaniya v Stavropol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka (na primere stavropol'skogo Mikhailovskogo remeslennogo uchilishcha) [Development of vocational education in the Stavropol province in the second half of the 19th century (on the example of the Stavropol Mikhailovsky vocational school)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2: 28-34. [in Russian]

Кавказский учебный округ (1848–1917 гг.): обзор современной историографии

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зулфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данный историографический обзор посвящен Кавказскому учебному округу в дореволюционный период. Всего в работе использовано 63 наименования работ, обнаруженных по поисковым запросам на сайте электронной научной библиотеки (eLIBRARY.RU), которые были опубликованы в период с 1993 по 2023 гг. 46 публикаций было издано на русском языке, а 17 –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

на английском. Методологический инструментарий нашего исследования опирается на историко-генетический метод, который позволяет рассмотреть эволюцию историографии системы народного образования и определить проблемные места, то есть где интерес исследователей был более всего незначительным.

В заключении авторы пришли к следующим выводам:

1. Историография по вопросам народного образования на территории Кавказского учебного округа обширна, она затрагивает как частные вопросы, например, история конкретных учебных заведений или вопросы организации учебного процесса, так и тему народного образования, которая претендует на обобщение (фундаментальность).

2. Степень изученности разных регионов Кавказского учебного округа различна и может варьироваться от одной до пяти работ. В качестве первого примера назовем Карскую область, а в качестве второго – Кубанскую и Дагестанскую области.

3. Практически все работы (63 наименования), представленные в обзоре, выполнены представителями локальных научных центров, которые специализируются, в том числе, на истории Кавказа.

Ключевые слова: Кавказский учебный округ, Российская империя, современная историография, 1848–1917 гг.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1276-1285
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1276

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Historical Sketch for the 175th Anniversary of the Hungarian Campaign of the Russian Army in 1849

Natal'ya A. Shevchenko ^{a, b}, Yulia V. Kapitanets ^{c, *}, Galina M. Zinchuk ^c, Natalia L. Krasnyukova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the 175th anniversary of the so-called “Hungarian campaign” or “Hungarian crusade” – the intervention of the Russian army in 1849, led by I.F. Paskevich, in Hungary in order to pacify the Hungarian people's liberation revolutionary movement, which wanted to secede from the Austrian Empire. The materials were memoir and archival sources. The methodology consists of a set of methods such as historical-systemic, historiographical, biographical, as well as the synthesis method.

The Hungarian campaign of 1849 has a contradictory assessment in historiography. In pre-revolutionary historiography, the campaign is considered an example of military and diplomatic art. In Soviet historiography, it was the intervention of the tsarist despotic regime and the suppression of the national liberation movement, which rebelled from Austro-imperial oppression. Modern historiography focuses on factual information, new archival data, as well as on a deeper study of individual episodes of the campaign.

The success of the campaign is primarily associated with the name of Field Marshal Ivan Fedorovich Paskevich, a favorite and confidant of the Russian Emperor Nicholas I. Paskevich relied on the quantitative and qualitative superiority of Russian troops, as well as on minimizing combat losses. Because of this, a general battle between the Hungarian militias and the Russian army was not held, but separate, exhausting battles took place. Therefore, the combat losses turned out to be scanty. The main damage to the Russian army was caused by the cholera epidemic.

The Austrians, who were helped by the Russian Empire, proved to be untenable either as a military force or as suppliers to the Russian army. Although it was the Austrians who took the brunt of the blow and suffered the most losses in this civil war, it was the Russian army that ensured victory. The expedition cost the Russian treasury 47.5 million rubles. Paskevich, avoiding losses, was able to reconcile the parties diplomatically by bribing the talented Hungarian commander-in-chief Artur Gergei with a large sum of money, as well as promising him and the rebels amnesty, as a result of which the civil war in Austria-Hungary successfully ended.

Keywords: Austro-Hungarian war, Hungarian war, Hungarian campaign, Hungarian campaign of 1849, 1849, intervention in Hungary, pacification of Hungary, I.F. Paskevich.

1. Введение

Кампания русской армии в Венгрии в 1849 году в историографии имеет весьма противоречивую характеристику. В русской дореволюционной истории она получила названия «усмирение Венгрии», «венгерский поход», «венгерская кампания», «подавление венгерского мятежа» и т.д. В советской историографии, восхвалявшей революционное движение, поход 1849 года был назван «интервенцией

* Corresponding author

E-mail addresses: kapitanetc@yandex.ru (Yu.V. Kapitanets)

в Венгрию», «подавление реакционной Россией венгерской революции/венгерского народно-освободительного движения», «уничтожение свободомыслия и демократии» и пр. Современные трактовки «венгерского похода» являются наиболее взвешенными и объективными по своей сути, пытаются учитывать внутри- и внешнеполитическую конъюнктуру Российской империи, а также пытаются освещать малоизвестные факты.

В данной работе, посвященной 175-летию «венгерского похода», мы попробуем осветить основные события кампании русской армии 1849 года в Венгрии, а также дать характеристику мотивам и целям командующего русской армией в данной кампании, генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича.

2. Материалы и методы

Представляется целесообразным разделить материалы, которые описывают непосредственно интервенцию русской армии в Венгрию, и биографические материалы, которые исследуют личность генерала И.Ф. Паскевича и его роль в указанных событиях.

Среди источников, анализирующих «усмирение Венгрии», отметим следующие мемуары участников данных событий. М.И. Дараган, служивший офицером в пехотном полку во время «венгерской кампании», издает «Записки о войне в Трансильвании в 1849 году», в которых описывает тактику войны, быт солдат, особенности географии мест событий и боевых действий (Дараган, 1859).

Описание повседневного быта солдатской жизни, проблемы эвакуации раненных и, разумеется, основных боевых действий приводит в своих мемуарах А.А. Непокойчицкий. Его труд издан военной типографией Санкт-Петербурга в 1858 году в виде 310-страничной монографии «Описание войны в Трансильвании 1849 г.» и переиздан в 1866-м году (Непокойчицкий, 1858).

Источники, посвященные непосредственно личности генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, также представлены мемуарами и биографическими исследованиями. Так, Д.Н. Бантыш-Каменский дает характеристику профессиональным и личным качествам И.Ф. Паскевича в биографическом сборнике российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов (Бантыш-Каменский, 1991). Применялись также архивные документы из российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация).

Методология включает несколько методов исследования:

- Историко-системный стал доминирующим в нашей работе и применялся для всестороннего анализа венгерского похода в неотрывной связи с другими историческими событиями;
- Историкографический предусматривает исследование научной литературы по проблемам русской кампании 1849 г. на территории Австро-Венгерской империи;
- Биографический применялся для биографического анализа личности генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича;
- Метод синтеза позволил сформулировать результаты и выводы данной работы.

3. Обсуждение

Огромную работу в исследовании «венгерского похода» провели дореволюционные историки. Не будет преувеличением тот факт, что небольшое количество современных исследований на данную тему обусловлено изученностью проблемы, львиную долю в разработку которой внесли именно русские историки. Так, в своей иллюстрированной монографии «Венгерская война 1849 г.», состоящей из двух частей, П.В. Алабин рассказывает об особенностях кампании, ее целях и задачах, а также об основных боевых действиях (Алабин, 1888).

Весьма глубоко интервенцию в Венгрию исследует историк М.Д. Лихутин, который сам являлся участником описываемых событий. Автор делает акцент, прежде всего, на описании боевых действий (Лихутин, 1875). С учетом того, что Лихутин делает исторический анализ с позиции политиков, а не приводит собственные воспоминания, мы относим данную работу к историческим исследованиям, а не к мемуарным источникам. Аналогичная ситуация наблюдается и с монографией О.И. Ореуса «Описание Венгерской войны 1849 года», который делает упор на анализе целей и задач кампании, а также особенностях их претворения в жизнь (Ореус, 1880).

Одним из лучших исследований по проблеме венгерской войны считаем монографию Н.А. Сухотина «Участие русских войск в усмирении восстания венгров в 1849 году». Автор исследует тактику русских войск, подробно описывает боевые действия, а также дипломатические ходы И.Ф. Паскевича и результаты кампании (Сухотин, 1889).

Дореволюционная монография Г.Ю. Пернавского «Усмирение Венгрии. 1848–1849 гг.», переизданная в 2011 году (Пернавский, 2011), оперирует огромным количеством малоизвестных фактов, которые до сих пор не подтверждены и не опровергнуты. Вместе с тем работа является весьма сложной для восприятия, автор использует огромное количество терминов и названий, содержание которых не раскрывает. Также данное исследование требует обязательного наличия карты боевых действий, каковая в монографии отсутствует.

Значительное внимание «венгерской кампании» уделяет и А.А. Керсновский в 4-томном сборнике «История Русской Армии», дореволюционное издание которого было переиздано в России в 1993 году (Керсновский, 1993).

Говоря о трудах дореволюционных ученых, нельзя не отметить фундаментальный 7-томный труд «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность» А.П. Щербатова, который издавался на протяжении 16 лет. Первый том труда вышел в 1888-м году, а последний – в 1904-м. Каждый том содержит около 400 страниц текста, имеет иллюстрации, карты, репродукции и пр. Безусловно, это наиболее глубокий биографический труд о личности Ивана Федоровича Паскевича в историографии (Щербатов, 1888). Автор весьма подробно анализирует дипломатические, военные и организаторские таланты генерал-фельдмаршала, которые в полной мере раскрылись даже в преклонном возрасте.

Советские исследователи, в противоположность дореволюционным историкам, склонны значительно принижать заслуги командования, императора и лично главнокомандующего русскими войсками в Венгерском походе И.Ф. Паскевича. При этом восхваляются героизм и находчивость простых солдат, а также их сострадание венгерскому народу. В частности, Р.А. Авербух в монографии «Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848-1849» прямо обвиняет Николая I в неправомерном вторжении в суверенное государство и подавлении венгерского народно-освободительного движения (см., напр., Авербух, 1935).

Краткая и в то же время содержательная информация содержится в справочных изданиях как по Венгерскому походу (см., в частности, Брокгауз-Ефрон, 1890а; БСЭ, 1951; Военная энциклопедия, 1911), так и по личности И.Ф. Паскевича (см., в частности, Брокгауз-Ефрон, 1890б; РБС, 1896; Словарь..., 1996). Своего рода справочным изданием является и «Хронологический указатель военных действий русской армии и флота», в котором имеется отдельная статья, посвященная венгерской войне (Хронологический указатель, 1826).

Из современных исследований, прежде всего, отметим статью Олега Малашенко «Военная кампания русской армии по спасению Австрии», опубликованную в «Военно-историческом журнале». В работе автор ссылается на архивные материалы и на указанные выше труды дореволюционных авторов, вводя в научный оборот новые источники и освещая малоизвестные страницы венгерской войны (Малашенко, 2012). Вопросы снабжения русской армии в Венгерском походе 1849 года исследуются С.В. Гавриловым (Гаврилов, 2009).

4. Результаты

Вопрос интервенции в Венгрию имеет под собой весьма далеко идущую предысторию. Еще в 1815 году после победы над Наполеоном, император Александр I Благословенный выступил с идеей союза, который бы гарантировал сохранение крупнейших в Европе монархий от всевозможных революционных движений. Идея была весьма заманчива: во-первых, она гарантировала монархам сохранение своей династии с помощью вооруженных сил так называемого мирового сообщества, во-вторых, не допускала прихода к власти талантливых простолюдинов типа Наполеона Бонапарта, которые благодаря своим способностям были способны в значительной степени перекроить политическую карту мира. Так, 14 сентября 1815 года¹ на данный союз согласились три монарха: российский император Александр I (идейный вдохновитель договора), австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм I. Они подписали документ, в котором обязывались безвозмездно оказывать друг другу «пособие, подкрепление и помощь» как «единственное средство наслаждаться миром» для сохранения собственных монархий (Священный союз..., 2009). Документ был скреплен не только подписями, но и кровью подписавших его монархов, что делало его в глазах общества священным. Договор даже стал называться соответствующим образом – «Священный союз».

Понимание сущности Священного союза и русско-австрийских отношений позволяют понять мотивы императора Николая I (Рисунок 1), старший брат которого подписал данный документ. Договор в понимании русского императора был совершенно незыблемым и, без преувеличения, священным для него.

Более того, российский монарх не видел в подавлении венгерского восстания никаких крупных рисков. Как известно, восстание началось в августе-сентябре 1848 года,² в то время как согласие Николая на участие в экспедиции было получено через девять месяцев, 21 мая 1849 года, и то лишь после того, как австрийский император Франц Иосиф I лично попросил об этом. Безусловно, за эти месяцы развития венгерской революции был сделан ее глубокий анализ с военной, с социальной и экономической позиции как Николаем лично (который сам был профессионалом в военном деле, так как, в отличие от двух старших братьев, получил военное образование), так и военным руководством России (прежде всего, в лице николаевского фаворита, талантливого военачальника генерал-

¹ Здесь и далее – все даты по старому стилю.

² Начало боевых действий, те есть вооруженного мятежа, не следует путать с началом революции, которое произошло 15 марта 1848 года, когда правительство только что назначенного премьер-министра Л. Баттьяни приняло решение об отделении Венгрии от Австрийской империи.

фельдмаршала И.Ф. Паскевича). Изучение ситуации показало, что военные и экономические потери русской стороны не могут быть значительными. Репутационные же потери при неказании помощи Австрийской империи были для Николая совершенно неприемлемы.

Рис. 1. Николай I, император Российской империи (1825–1855).

Есть и еще один существенный момент, отмечаемый большинством дореволюционных (Алабин, 1888; Лихутин, 1875; Керсновский, 1993), а также современных историков (см., например, Гаврилов, 2009): волнения в Венгрии вполне могли «всколыхнуть» беспокойную Польшу, которая в то время входила в состав России, поэтому «легкая прогулка» по Венгрии, в каковой ни Николай, ни Паскевич не сомневались (Авербух, 1935: 311), послужит весьма хорошим уроком и полякам.

Как уже указывалось, 21 мая 1849 года между русским и австрийским императорами был заключен договор, предусматривавший военную экспедицию на охваченные восстанием венгерские территории 140-тысячного русского корпуса. Всего же в венгерском походе участвовал 174 841 русский солдат (РГВИА. Ф. 480. Оп. 3. Д. 1. Л. 1). Для сравнения, австрийцев, принимавших участие в подавлении восстания, было около 80 тыс. человек, лояльных сербов – около 3 тыс. бойцов (Военная энциклопедия, 1911: 298).

Говоря о «венгерском походе», нельзя обойти вниманием личность Паскевича (Рисунок 2), благодаря военным и дипломатическим талантам которого кампания оказалась весьма эффективной и скоротечной. Иван Федорович, запорожский казак по происхождению, к этому моменту почти полвека находился на военной службе, из которых последние 23 года – в должности главнокомандующего русской армией. На момент начала кампании ему только исполнилось 67 лет, что в те времена считалось возрастом достаточно преклонным.

Паскевич был не просто главкомом, он был фаворитом, которому Николай доверял безгранично. Ярко выраженный полководческий талант, дипломатическая одаренность (которая, к слову, ярко проявилась и в Венгерской войне), а также безрассудная личная храбрость и патриотизм превратили Ивана Федоровича в самого влиятельного человека в России после самого императора (Щербатов, 1888: 271-273). Причем своим огромным влиянием Паскевич никогда не пользовался в личных интересах, что особенно ценил Николай I. Фанатично преданный Родине и русскому оружию, в планировании операций фельдмаршал был расчетлив, хитер и осведомлен, чему в полной мере обязан «суворовской школе» военного искусства.

Памятуя еще с суворовских времен, что на австрийцев ни в чем нельзя положиться, Паскевич вытребовал себе полный карт-бланш в действиях: действовать самостоятельно и независимо от австрийского командования и иметь численность российского военного контингента, не уступающего по численности венгерскому. Австрийцы обязывались снабжать русский корпус.

Это же касается и весьма внушительной численности русского воинского контингента – 174 тыс. человек. Однако соотношение сил не было превалирующим в сторону российского корпуса. Армия венгерских революционеров насчитывала около 200 тыс. бойцов, в то время как сербских отрядов, отличавшихся надежностью и преданностью, было ничтожное количество (3-5 тыс.), а на австрийцев нельзя было рассчитывать ни в военном отношении, ни в плане тылового обеспечения (и будущее показало справедливость данного тезиса). В тактическом и стратегическом отношении качество австрийских военачальников, по словам Паскевича, также было крайне низким (Гаврилов, 2009: 72).

Рис. 1. Генерал-фельдмаршал, Варшавский граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782–1856) в 1849 году (портрет работы Я.К. Каневского)

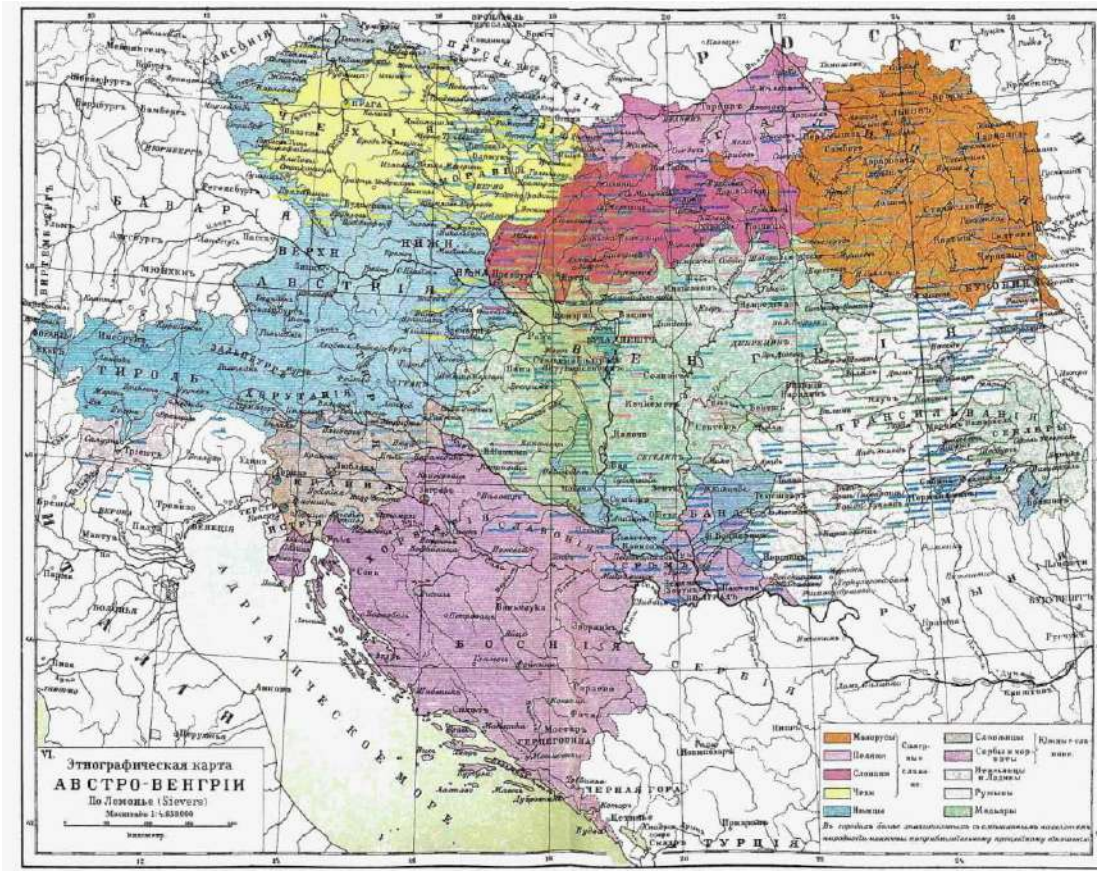

Рис. 3. Этническая карта Австро-Венгерской империи

Австро-Венгерская империя представляла собой полиэтническое многоконфессиональное монархическое государство (см. [Рисунок 3](#)). Мятая Венгрия, включавшая в себя и Трансильванию, представляла весьма обширный оперативный плацдарм. Восстанием также были охвачены словенские, крайние и другие территории империи, что расширяло географию боевых действий весьма значительно.

После заключения договора о взаимопомощи между императорами Паскевич немедленно двинул войска и уже 3 июня 1849 года вошел на территорию Венгрии через Дукельский перевал. Первая встреча авангарда русского корпуса с 25-тысячным отрядом Г. Дембинского состоялась 11 июня и вынудила последнего отступать вглубь венгерских территорий к г. Мишкольц. 12 июня г. Кошице сдался без боя, 16 июня легко был взят г. Токай. Стремительное продвижение русских войск замедлила эпидемия холеры, подхваченная в Токае. Также необходимо было защищать тыловые пути снабжения, поэтому отряды Д.Д. Сельвана (10 пехотных батальонов, 18 орудий и 3 кавалерийских эскадрона и казачья сотня), усиленные позднее отрядом Д.Е. Остен-Сакена (8 батальонов, 12 эскадронов, 4 сотни и 32 орудия), не участвовали в дальнейшем наступлении, обеспечивая защиту коммуникаций ([Алабин, 1888: 119-121](#)).

Отряд генерала Ф.С. Панютин, предусмотрительно высланный Паскевичем из Кракова в сторону Вены еще до официальной договоренности о помощи между императорами, действовал с другой стороны, на западе Венгрии, совместно с австрийскими войсками против венгерских отрядов под командованием наиболее талантливого военачальника революционеров Артура Гергея (см. [Рисунок 4](#)).

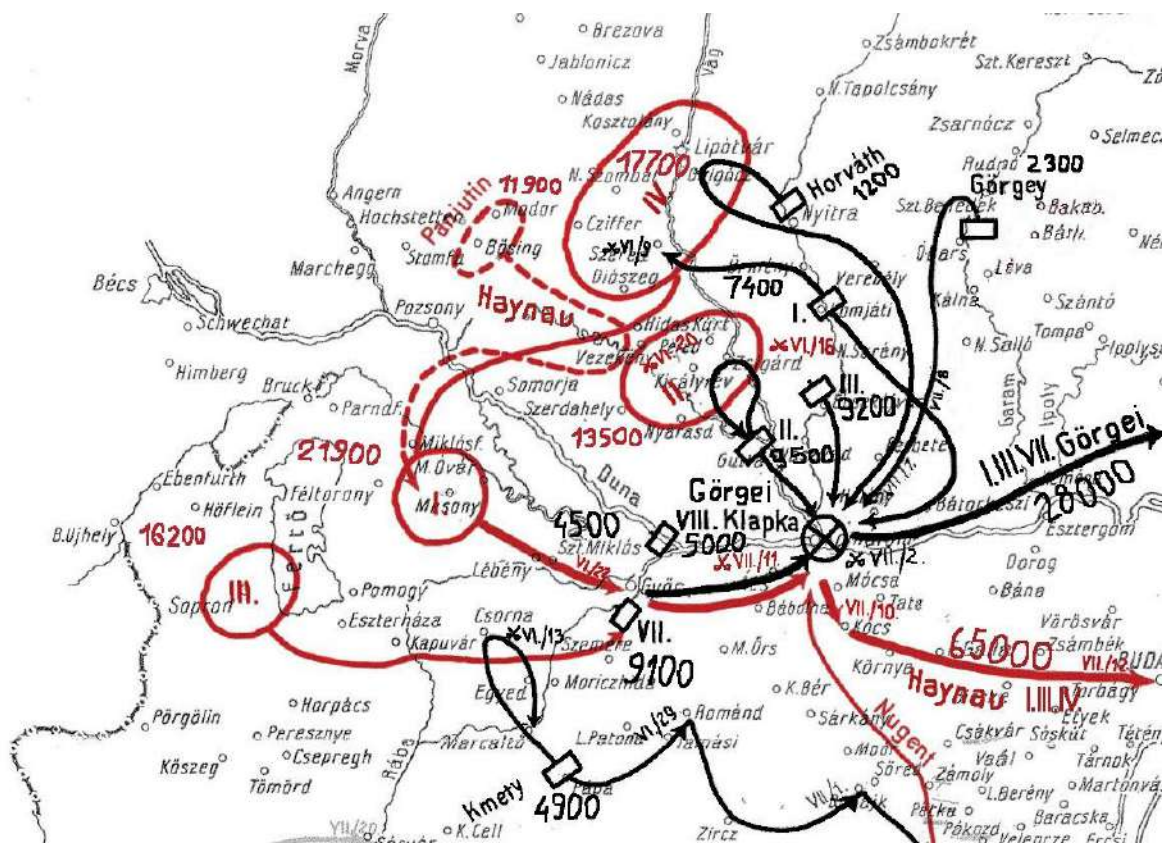

Рис. 4. Действия австро-русских и венгерских войск на западе Венгрии в июне 1849 года

В середине июня венгерская дивизия Исмаил-Паши (Д. Кмети) нанесла поражение австрийцам при г. Черна, однако другой 8-тысячный отряд Л. Ашбота потерпел поражение при Жигарде, что вынудило главнокомандующего мятежными силами Гергея перебросить 18 тыс. при 96 орудиях под г. Перед, ослабив таким образом восточный фронт. Паскевич не замедлил воспользоваться полученными разведанными и двинулся к г. Пешт, выслав вперед «летучий отряд»¹ под командованием Н.В. Адлерберга.

В начале июля австрийское командование активизировалось и сумело взять в клещи крепость Комаром, отрезав Гергею отход к Пешту. Но Гергей не стал прорываться к Пешту, а неожиданно

¹ «Летучий отряд» – принятое в дореволюционной терминологии обозначение военного конного подразделения быстрого реагирования, не отягченного обозом и способного в короткий срок преодолевать значительные расстояния.

двинулся к г. Вац, который находился в руках русской армии, и смог отбить его (см. [Рисунок 5](#)). Понимая важность этого форпоста и пытаясь вернуть город, генерал Г.Х. Засс бросил русские войска в жесткую атаку, потеряв около 400 человек убитыми (что стало больше половиной потерь в 708 чел. за всю кампанию) ([Лихутин, 1875](#)), однако вернуть город не сумел.

Стараясь не допустить выхода в тыл основных сил венгров после потери Ваца, Паскевич главными силами вышел из г. Мишкольца, навязывая Гергею мелкие сражения и изматывая его армию. На стороне русской армии был решающий перевес в силе, однако Гергей неожиданным маневром, не считаясь с потерями, зашел во фланг русской армии, восхитив тем самым не только Паскевича, но и самого Николая I (который постоянно вел переписку со своим фаворитом и, как уже указывалось, разбирался в военных вопросах весьма профессионально). «Венгерский Наполеон» (такое прозвище дал Гергею Николай I) разделил свою армию, чтобы замедлить преследование русскими войсками, поручив Й. Надъшандору задержать русских. Таким образом, 21 июля 1849 года состоялось второе главное сражение между русскими (62 тыс., 298 орудий) и венграми (8 тыс., 41 оружие) у г. Дебрецен. Венгры ввиду огромного численного превосходства противника проиграли сражение, потеряв убитыми почти 2 тыс. человек, в то время как русские потеряли убитыми и ранеными 337 чел. ([Ореус, 1880: 109-110](#)).

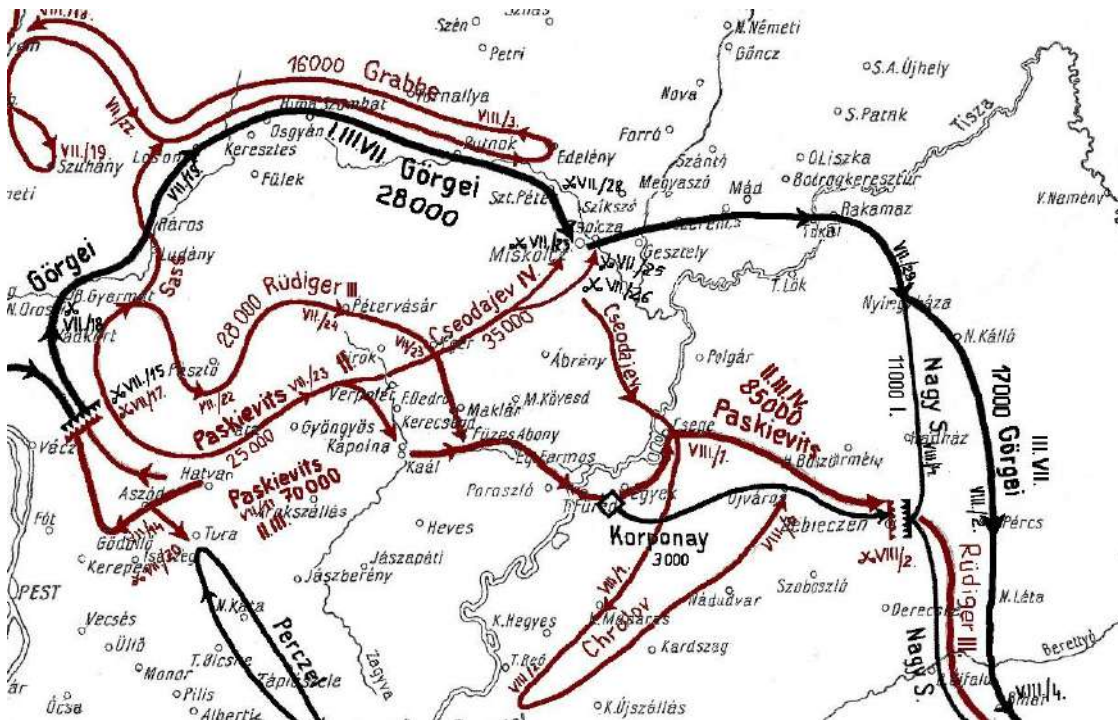

Рис. 5. Действия противоборствующих сторон в июле 1849 года.

Война подходила к своему логическому концу. Гергей даже при своих организаторских и полководческих дарованиях понимал, что перевес сил не на его стороне, и ему приходится иметь дело не со слабой и плохо организованной австрийской, а с многочисленной, подготовленной и хорошо вооруженной русской армией, ведомой способными командирами. Паскевич также не хотел лишних потерь, причем санитарные (холера, прежде всего) в несколько раз превышали боевые потери. В итоге фельдмаршал решил попросту подкупить венгерского военачальника, а также дать ему полную амнистию, как и остальным восставшим. Николай дал согласие и, в свою очередь, истребовал того же самого от австрийского императора, который вынужден был согласиться. Более того, была договоренность с Николаем предоставить Гергею политическое убежище в случае, если австрийские власти не выполнят своего обещания ([Малашенко, 2012: 46](#)). В целом Паскевич относился к венгерским мятежникам весьма мягко, понимая их мотивы, а также тот факт, что озлобленность проигравшей стороны только усилит их мятежный дух. Николай I всецело разделял такой подход.

К тому же австрийцы не смогли даже выполнить обещание по снабжению русской армии. «Показателен в этом отношении случай, который произошел около г. Вайцена, где находившиеся там наши войска стали испытывать проблемы с питанием. И.Ф. Паскевич, чтобы исправить ситуацию, отправил в Пешт для заготовки провианта находившихся при нем австрийских уполномоченных – венгерского магната Ф. Зичи и полковника Р. Заглера. Однако союзный командующий Ю. Гайнау приказал изъять собранные ими запасы, цинично заявив, что «прежде всего, надлежит заботиться об обеспечении моей армии, а потом уже русской» (цит. по [Щербатов, 1888: т. 6, 115](#)). «В итоге нашему командованию пришлось, отвлекаясь непосредственно от военной операции, искать способы

продовольственного обеспечения бедствующих частей. Не удивительно, что невыполнение австрийцами своих обязательств объективно подталкивало его и к таким непопулярным мерам, как реквизиции продовольствия у местного населения. А это, в свою очередь, еще больше активизировало партизанские действия со стороны различных слоев венгерского общества, осложняло в значительной степени проведение операции по разгрому венгерских повстанцев» (Малашенко, 2012: 45).

Подавление восстания вылилось в 708 убитых российских солдат, 2 447 раненых, 10 885 умерших от болезней, а также обошлось казне в 47,5 млн рублей. Однако эти потери не идут ни в какое сравнение с потерями австрийской армии (16,6 тыс. погибшие, 41 тыс. умершие от болезней) и венгерского ополчения (24 тыс.) (Военная энциклопедия, 1911: 300). Столь небольшие потери связаны, прежде всего, с осторожностью Паскевича и опытностью русских командиров.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы.

1. Венгерский поход 1849 года русской армии имеет в историографии противоречивую оценку. В дореволюционной историографии кампания считается образцом военного и дипломатического искусства. В советской историографии – интервенцией царского деспотического режима и подавлением национально-освободительного движения, восставшего из-под австро-имперского гнета. В современной историографии делается упор на фактологию, новые архивные данные, а также на более глубокое изучение отдельных эпизодов кампании.

2. Наибольший вклад в исследование венгерского похода русской армии внесли дореволюционные историки. Последующие исследования лишь уточняют отдельные моменты.

3. Успех кампании связан, прежде всего, с именем генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, фаворита и доверенного лица императора Николая I. Паскевич сделал ставку на количественное и качественное превосходство российских войск, а также на минимизацию боевых потерь. В силу этого генеральное сражение между венгерскими ополченцами и русской армией не проводилось, имели место отдельные, изматывающие венгров, стычки и битвы. Поэтому боевые потери оказались мизерными. Основной урон русской армии принесла эпидемия холеры, унесшая жизни около 10 тыс. человек.

4. Австрийцы, которым помогала Российская империя, оказались несостоятельны ни как военная сила, ни как снабженцы русской армии. Хотя именно австрийцы приняли на себя основной удар и понесли наибольшее количество потерь в этой гражданской войне, однако победу обеспечила именно русская армия. Экспедиция обошлась русской казне в 47,5 млн рублей.

5. Паскевич, избегая потерь, смог примирить стороны дипломатическим путем, подкупив талантливого венгерского главнокомандующего Артура Гергея крупной суммой денег и пообещав ему и мятежникам амнистию, в результате чего гражданская война в Австро-Венгрии успешно закончилась. В случае если бы австрийцы не сдержали обещание в отношении личной и финансовой безопасности Гергея, Николай I по рекомендации Паскевича готов был взять на себя австрийские обязательства и предоставить «венгерскому Наполеону» политическое убежище и хорошую пенсию.

Литература

Авербух, 1935 – Авербух Р.А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848-1849. М., 1935.

Алабин, 1888 – Алабин П.В. Венгерская война 1849 г. Ч. 1. М., 1888.

Бантыш-Каменский, 1991 – Бантыш-Каменский Д.Н. 45-й генерал-фельдмаршал князь Иван Федорович Варшавский, граф Паскевич-Эриванский / Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4 частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Пушкино: Культура, 1991.

Брокгауз-Ефрон, 1890а – Венгерская война / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

Брокгауз-Ефрон, 1890б – Паскевич, Иван Федорович / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

БСЭ, 1951 – Большая Советская энциклопедия: В 51 т. 2-е изд. Т. 7. М., 1951.

Военная энциклопедия, 1911 – Венгерская война / Военная энциклопедия. В 18 томах / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. Т. 5. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911-1915.

Гаврилов, 2009 – Гаврилов С.В. Снабжение русской армии в Венгерском походе 1849 года // Военно-исторический журнал. 2009. № 11.

Дараган, 1859 – Дараган М.И. Записки о войне в Трансильвании в 1849 году. СПб., 1859.

Керсновский, 1993 – Керсновский А.А. История Русской Армии: В 4 т. Т. 2. М., 1993.

Лихутин, 1875 – Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. 1875.

Малашенко, 2012 – Малашенко О.А. Военная кампания русской армии по спасению Австрии // Военно-исторический журнал. 2012. № 2.

- Непокойчицкий, 1858** – *Непокойчицкий А.А.* Описание войны в Трансильвании 1849 г. СПб.: Военная типография, 1858.
- Ореус, 1880** – *Ореус О.И.* Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880.
- Пернавский, 2011** – *Пернавский Г.Ю.* Усмирение Венгрии. 1848-1849 гг. М.: Вече, 2011.
- РБС, 1896** – Паскевич-Эриванский, Иван Федорович / Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб.-М., 1896-1918.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Священный союз..., 2009** – Священный союз (текст договора) // Всеобщая история дипломатии. М.: Эксмо, 2009.
- Словарь..., 1996** – Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Сборник. Т. 7. М.: Студия «ТРИТЭ», 1996.
- Сухотин, 1889** – *Сухотин Н.А.* Участие русских войск в усмирении восстания венгров в 1849 году. СПб., 1889.
- Хронологический указатель, 1826** – Венгерская война / Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Том III: 1826-1854 гг.
- Щербатов, 1888** – *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. В 7 томах. СПб.: Типография, литография Р. Голике, 1888-1904.

References

- Alabin, 1888** – *Alabin, P.V.* (1888). Vengerskaya voina 1849 g. [Hungarian war of 1849]. Ch. 1. M. [in Russian]
- Averbukh, 1935** – *Averbukh, R.A.* (1935). Tsarskaya interventsiya v bor'be s vengerskoi revolyutsiei 1848-1849 [Tsarist intervention in the fight against the Hungarian revolution of 1848-1849]. M. [in Russian]
- Bantysh-Kamenskii, 1991** – *Bantysh-Kamenskii, D.N.* (1991). 45-i general-fel'dmarshal knyaz' Ivan Fedorovich Varshavskii, graf Paskevich-Erivanskii [45th Field Marshal Prince Ivan Fedorovich Varshavsky, Count Paskevich-Erivansky]. Biografii rossiiskikh generalissimusov i general-fel'dmarshalov. V 4 chastyakh. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1840 goda. Pushkino: Kul'tura. [in Russian]
- Brokgauz-Efron, 1890a** – Vengerskaya voina [Hungarian War]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. [in Russian]
- Brokgauz-Efron, 1890b** – Paskevich, Ivan Fedorovich [Paskevich, Ivan Fedorovich]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. [in Russian]
- BSE, 1951** – Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya: V 51 t. 2-e izd. [Great Soviet Encyclopedia: In 51 volumes, 2nd ed.]. Т. 7. М., 1951. [in Russian]
- Daragan, 1859** – *Daragan, M.I.* (1859). Zapiski o voine v Transil'vanii v 1849 godu [Notes on the war in Transylvania in 1849]. SPb. [in Russian]
- Gavrilov, 2009** – *Gavrilov, S.V.* (2009). Snabzhenie russkoi armii v Vengerskom pokhode 1849 goda [Supplies of the Russian army in the Hungarian campaign of 1849]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 11. [in Russian]
- Kersnovskii, 1993** – *Kersnovskii, A.A.* (1993). Istoriya Russkoi Armii: V 4 t. [The history of the Russian Army: In 4 volumes]. Т. 2. М. [in Russian]
- Khronologicheskii ukazatel', 1826** – Vengerskaya voina [Hungarian War]. Khronologicheskii ukazatel' voennykh deistvii russkoi armii i flota. Tom III: 1826-1854 gg. [in Russian]
- Likhutin, 1875** – *Likhutin, M.D.* (1875). Zapiski o pokhode v Vengriyu v 1849 godu [Notes on the campaign in Hungary in 1849]. М.: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko. [in Russian]
- Malashenko, 2012** – *Malashenko, O.A.* (2012). Voennaya kampaniya russkoi armii po spaseniyu Avstrii [Military campaign of the Russian army to save Austria]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2. [in Russian]
- Nepokoichitskii, 1858** – *Nepokoichitskii, A.A.* (1858). Opisanie voiny v Transil'vanii 1849 g. [Description of the war in Transylvania in 1849]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1858. [in Russian]
- Oreus, 1880** – *Oreus, O.I.* (1880). Opisanie Vengerskoi voiny 1849 goda [Description of the Hungarian war of 1849]. SPb. [in Russian]
- Pernavskii, 2011** – *Pernavskii, G.Yu.* (2011). Usmirenje Vengrii. 1848-1849 gg. [Pacification of Hungary. 1848-1849 years]. М.: Vechе. [in Russian]
- RBS, 1896** – Paskevich-Erivanskii, Ivan Fedorovich [Paskevich-Erivansky, Ivan Fedorovich]. Russkii biograficheskii slovar': v 25 tomakh. SPb.-M., 1896-1918. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv [Russian state military-historical archive].
- Shcherbatov, 1888** – *Shcherbatov, A.P.* (1888). General-fel'dmarshal knyaz' Paskevich: Ego zhizn' i deyatel'nost' [Field Marshal Prince Paskevich: His life and work]. V 7 tomakh. SPb.: Tipografiya, litografiya R. Golike, 1888-1904. [in Russian]
- Slovar'..., 1996** – Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deistvii protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812-1815 gg. [Dictionary of Russian generals, participants in military operations against the

army of Napoleon Bonaparte in 1812-1815]. Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII-XX vv.: Sbornik. T. 7. M.: Studiya «TRITE», 1996. [in Russian]

[Sukhotin, 1889](#) – *Sukhotin, N.A.* (1889). Uchastie russkikh voisk v usmirenii vosstaniya vengrov v 1849 godu [Participation of Russian troops in suppressing the Hungarian uprising in 1849]. SPb. [in Russian]

[Svyashchennyi soyuz, 2009](#) – Svyashchennyi soyuz (tekst dogovora) [Sacred Alliance (text of the treaty)]. Vseobshchaya istoriya diplomatii. M.: Eksmo, 2009. [in Russian]

[Voennaya entsiklopediya, 1911](#) – Vengerskaya voina [Hungarian war]. Voennaya entsiklopediya. V 18 tomakh. Pod red. V.F. Novitskogo i dr. T. 5. SPb.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911-1915. [in Russian]

Исторический очерк к 175-летию Венгерского похода Русской армии 1849 года

Наталья Александровна Шевченко ^{a, b}, Юлия Владимировна Капитанец ^{c, *},
Галина Михайловна Зинчук ^c, Наталья Львовна Красюкова ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается 175-летию так называемой «венгерской кампании» или «венгерского похода» – интервенции русской армии 1849-го года во главе с И.Ф. Паскевичем в Венгрию с целью усмирения венгерского народно-освободительного революционного движения, желавшего выхода из состава Австрийской империи. Материалами стали мемуарные и архивные источники. Методологию составляет комплекс таких методов, как историко-системный, историографический, биографический, а также метод синтеза.

Венгерский поход 1849 года имеет в историографии противоречивую оценку. В дореволюционной историографии кампания считается образцом военного и дипломатического искусства. В советской историографии – интервенцией царского деспотического режима и подавлением национально-освободительного движения, восставшего из-под австро-имперского гнета. В современной историографии делается упор на фактологию, новые архивные данные, а также на более глубокое изучение отдельных эпизодов кампании.

Успех кампании связан, прежде всего, с именем генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, фаворита и доверенного лица российского императора Николая I. Паскевич сделал ставку на количественное и качественное превосходство российских войск, а также на минимизацию боевых потерь. В силу этого генеральное сражение между венгерскими ополченцами и русской армией не проводилось, а имели место отдельные, изматывающие венгров, битвы. Поэтому боевые потери оказались мизерными. Основной урон русской армии принесла эпидемия холеры.

Австрийцы, которым помогала Российская империя, оказались несостоятельны ни как военная сила, ни как снабженцы русской армии. Хотя именно австрийцы приняли на себя основной удар и понесли наибольшее количество потерь в этой гражданской войне, победу обеспечила именно русская армия. Экспедиция обошлась русской казне в 47,5 млн рублей. Паскевич, избегая потерь, смог примирить стороны дипломатическим путем, подкупив талантливого венгерского главнокомандующего Артура Гергея крупной суммой денег, а также пообещав ему и мятежникам амнистию, в результате чего гражданская война в Австро-Венгрии успешно закончилась.

Ключевые слова: австро-венгерская война, венгерская война, венгерский поход, венгерская кампания 1849 года, 1849 год, интервенция в Венгрию, усмирение Венгрии, И.Ф. Паскевич.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kapitanetc@yandex.ru (Ю.В. Капитанец)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1286-1293
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1286

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, b, *}, Gulmira T. Urankhaeva ^c, Nikita S. Grudinin ^{a, d}, Ruslan M. Zhirov ^e

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Non-Profit Joint Stock Company «Semey Medical University», Semey, Republic of Kazakhstan

^d Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

^e Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation

Abstract

A study of customary legal methods of acquiring rights to land resources from the Zyryans in the 19th – early 20th centuries. XX centuries, today in many ways allows us to highlight the features and customary legal patterns of transfer of rights in relation to real estate. Despite the spread of sources (forms) of positive law during the period under review, in Zyryan communities a significant place in the regulation of social relations was given to the norms of customary law, which, of course, indicates the significance and relevance of the topic of this study.

It should be noted that the periodically used customary legal method of acquiring rights to land resources from the Zyryans during the period under study was free borrowing, which indicated the emergence of the right of first possession or the right to apply labor during the exploitation of this site.

In customary law, the Zyryans also used this method of acquiring rights to land, such as the acquisition (receipt) of rights to a land plot by the community, after the departure of its member from the community, or after his death.

In addition, the Russian legislator at the state level established the rules for transferring land to peasants for use, by granting peasant societies the right to lease state-owned land and the right to buy and sell land. Such transactions were also supported by the norms of customary law among the Zyryans, therefore the Zyryan legal customs did not contradict, but, on the contrary, complemented the norms of positive law.

The norms of positive and customary Zyryan law also sanctioned this method of acquiring rights to natural land objects as inheritance.

Keywords: acquisition of rights, land resources, Zyryans, customary law.

1. Введение

Исследование обычно-правовых способов приобретения прав на земельные ресурсы у зырян (дореволюционное название коми) в XIX – нач. XX вв. сегодня во многом позволяет выделить особенности и обычно-правовые закономерности перехода прав в отношении объектов недвижимости и, в частности, земли. Несмотря на распространение источников (форм) позитивного права в рассматриваемый период, в зырянских общинах значительное место в регулировании общественных отношений отводилось также и нормам обычного права, что, безусловно, свидетельствует о значимости и актуальности темы настоящего исследования, которое позволит

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), gulmira63@mail.ru (G.T. Urankhaeva), nekit-07@mail.ru (N.S. Grudinin), dzhir-ruslan@mail.ru (R.M. Zhirov)

выявить историко-правовые особенности, характерные черты и закономерности в применении обычно-правовых способов приобретения прав на землю у зырян в исследуемый дореволюционный период. Поэтому изучение обычно-правовых способов приобретения прав на земельные ресурсы у зырян до революции требует значительного внимания как историко-правовое явление, имеющее не только теоретико-доктринальное, но и практико-ориентированное значение. Рассмотрение такого важнейшего традиционного обычно-правового института, распространенного у зырян как способ приобретения прав на землю, сегодня ученым поможет определить правовые обычаи и императивные обычно-правовые нормы, которые исполнялись членами зырянских общин, особенно в сфере землепользования.

В правосознании и практике у зырян исторически сложился правовой обычай, который позволял применять право так называемого пожизненного или наследуемого владения земельным объектом, которое по своей правовой природе обозначало возможность приложить свой труд к земле, еще никем не занятой, начать ее обрабатывать, что ассоциировалось с термином «эксплуатация» земли. С этого момента у зырянина возникало право владения землей, регулируемое обычно-правовой практикой. Зырянское обычное право санкционировало право любого человека эксплуатировать участок, никем не занятый. Однако данный обычай после проведения Генерального межевания (на территории Коми края оно осуществлялось во II пол. XVIII в.) начинает ограничиваться, но зырянские крестьяне не осознавали наметившихся изменений в ограничении общинного землевладения начала XIX в. и введенную во II пол. XIX в. систему выкупа земельных объектов. Население северного края во многом продолжало применять нормы традиционного права, позволявшего любому желающему приступить к облагораживанию и эксплуатации земельного участка еще не разработанного и не занятого трудом другого.

2. Материалы и методы

Архивные материалы в настоящем исследовании послужили значимым историческим источником и первоосновой. Они постоянно хранятся в Национальном архиве Республики Коми (далее НА РК, Российская Федерация, Сыктывкар). Это, как правило, прошения, рапорты уездных судов, межевые книги и иные документированные материалы по чиновничьему делопроизводству на уровне волостей и уездов, которые также содержат некоторые упоминания о применении норм обычного права у зырян. Важнейшее значение в раскрытии обычно-правовых способов приобретения прав на землю у зырян имеют дореволюционные сборники научных исследований специалистов из различных научных сфер, которые во время своих путешествий фрагментарно касались вопросов, посвященных обычно-правовой практике, имевшей место у зырян. Среди таких трудов следует выделить работу Большакова М. А. «Община у зырян» (Большаков, 1907), а также «Труды экспедиции по исследованию земель Печерского края...» (Труды экспедиции..., 1910) и др.

Исследование обычно-правовых способов приобретения прав на землю у зырян осложнено тем, что у коми как у яркого представителя финно-угорской языковой семьи, к сожалению, ученые пока не обнаружили ни одного кодифицированного источника традиционного обычного права, в котором детализировались подобные способы приобретения различных прав в отношении земельных объектов. В периодической печати середины XIX века встречается упоминание без ссылки на хронологический период о существовании у зырянского народа так называемого «зырянского Судебника» (Михайлов, 1850: 241-242), текст которого современной доктрине пока не известен, так как сам судебник не найден.

Значительные выводы в данной статье были сделаны с помощью анализа законов и иных источников государственного дореволюционного права, собранных в «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗ). Современные ученые и исследователи советской эпохи, детально изучавшие аграрную историю зырян, этнографические, историко-лингвистические особенности развития коми, создавали сборники (хрестоматии), включающие исторические архивные материалы и тексты с упоминанием некоторых обычаев, в том числе, и правовых, широко распространенных у коми в исследуемый период. В связи с этим необходимо назвать такую работу, как «История Коми края в документах...» (История Коми края..., 1991).

В настоящем историко-правовом исследовании в качестве методологической основы положен систематизированный комплекс доктринальных принципов, подходов, а также методов исследования. Ведущее место отведено системному подходу, позволяющему рассматривать обычно-правовые способы приобретения прав на землю у зырян в XIX – начале XX вв. как систему со структурированными и взаимосвязанными элементами. Применяемый в настоящей работе метод системного анализа способствует рассмотрению исторических источников, выявлению в них особенностей, связанных с обычно-правовыми способами приобретения прав на землю. Историко-правовой метод позволяет объяснить существование обычно-правовых способов приобретения прав на землю в контексте различных исторических событий, имевших место в XIX – начале XX вв. в Российском государстве. Привлекаемый к данному исследованию герменевтический метод (метод толкования) предоставляет возможность разъяснить используемые не только исторические архивные

источники, но и нормы действовавшего в рассматриваемый период законодательства, привлеченного в данном исследовании в качестве нормативно-правовой основы.

3. Обсуждение

Среди ученых дореволюционного периода, раскрывавших роль общины у зырян, черты их быта, исторические традиции, сложившиеся историко-культурные нравы, некоторые обычаи, необходимо назвать М.А. Большакова (Большаков, 1907), М. Михайлова (Михайлов, 1850; Михайлов, 2010), И. Попова (Попов, 1875) и др.

Исследователи, трудившиеся в советское время, а также современные ученые в своих работах касаются ряда аспектов обозначенной темы. Назовем некоторых: О.Е. Бондаренко, И.Л. Жеребцов, А.А. Попов, В.И. Чупров, В.В. Шаньгина и др. (История Коми..., 2004; История Коми края..., 1991; Чупров, Шаньгина, 2013: 47). Но полученные результаты проведенных исследований вышеназванных ученых не раскрывали обычно-правовые способы приобретения прав на землю у зырян в XIX – нач. XX вв. Тем более не проводили сравнительно-правового анализа действовавших зырянских правовых обычаев с законодательством Российской империи.

Современные ученые значительное внимание уделяют изучению обычного права у различных этносов. Среди таких исследователей необходимо назвать следующие имена: Н.С. Авдонина, К.С. Зайков, В.В. Наумкина, С.А. Правкин, М.А. Соснина, В.В. Титова и др. (Zaikov, Avdonina, 2019; Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023; Plotskaya et al., 2024; Pravkin et al., 2020; Saudakhanov, Garnaya-Ivanova, 2024; Sosnina et al., 2024; Titov, 2021).

В этих научных трудах изучены разнообразные исторические, этнографические, культурологические и иные аспекты обычно-правового мира различных народов. Однако отсутствует анализ обычно-правовых способов приобретения прав на землю у коми, применявшихся в XIX – нач. XX вв.

Поэтому целью настоящей работы является исследование гражданско-правовых особенностей реализации способов приобретения зырянами прав на землю, закрепленных и регламентированных нормами обычного права, применявшихся в XIX – нач. XX вв., а также их соотношение с законодательством Российской империи.

4. Результаты

Зыряне в процессе исторического развития заселяли и осваивали, а также разрабатывали под сельскохозяйственные нужды лесные и земельные пространства, которые были свободны и никем не заняты. Северные таежные лесные массивы, равнинные площади постепенно превращались в вольные и свободные заимки, на которых образовывались поселения. В зырянском народе такие территории получили название «Божьи». В каждом поселении выделялся двор и земельный участок. Осваиваемые территории нормами обычного права закреплялись за теми, кто вкладывал свой труд и труд своей семьи в их разработку. Семьи такие заимки расчищали, использовали в сельскохозяйственном назначении. После этого заимки становились индивидуальным достоянием работавших на них членов семьи.

Таким образом, периодически применявшимся обычно-правовым способом приобретения прав на земельные ресурсы у коми народа в исследуемый период, согласно мнению М.А. Большакова, была так называемая «вольная заимка» (Большаков, 1907: 2).

Согласно обычно-правовым императивам у такой семьи либо ее отдельных членов возникало право «первого владения» или право на приложение труда по его эксплуатации (Большаков, 1907: 32). По мнению М.А. Большакова, «срубленный кустарник» являлся определенной гарантией «того, что участок не будет захвачен другим» (Большаков, 1907: 32) лицом или лицами.

Даже если посторонний данной семье человек посягнет на уже обрабатываемый участок земли, то спорное дело будет рассмотрено в судебном органе местной волости. «Суд... встает на сторону того, кто приложил первоначальный труд» (Большаков, 1907: 32). Таким образом, российский законодатель и правоприменитель поддерживали бытование норм обычного права у зырян.

Кроме того, законодательно на государственном уровне закреплялись правила передачи в пользование земель крестьянам. В связи с этим 9 ноября 1884 года было введено в действие Положение Комитета Министров, в котором регламентировался порядок установления правил передачи крестьянам в аренду государственных земельных ресурсов даже без осуществления торгов (Положение комитета...). Согласно этому Положению п.1 можно было «отдавать... в аренду без торгов, на срок до двенадцати лет, обществам крестьян всех наименований казенные земли, смежные с землями сих обществ, или вообще отстоящие от их селений не далее двадцати верст» (Положение комитета...). Таким образом, за крестьянскими обществами позитивным правом было закреплено «право арендовать казенные оброчные статьи» (История Коми, 2004: 109). В этом Положении Комитета Министров предусматривались ограничения. Так, согласно п.5 «...снятые на сем основании земли не могут быть переуступаемы крестьянскими обществами посторонним лицам и должны состоять в пользовании всего общества, а не некоторых только членов его». Подобное ограничение гражданского оборота арендуемых земель способствовало «закреплению» этих территорий за

определенной общиной и ее членами, причем пользоваться этими землями могли все члены общины. Поэтому соблюдался принцип справедливого распределения права пользования землей. Такой законодательно установленный порядок пользования арендуемыми землями поддерживался существовавшими нормами обычного права у зырян, поэтому зырянские правовые обычаи не противоречили, а, наоборот, дополняли нормы позитивного права.

Арендуемый участок крестьяне стремились закрепить за своей семьей. Это касалось также и лесных участков, которые крестьянские семьи, согласно архивным документам, исследованным О.Е. Бондаренко, В.И. Чупровым, брали в аренду: «... заарендовать... казенный участок...» (*История Коми края...*, 1991: 109).

Подобная тенденция продолжилась и в начале XX века, когда, по мнению П.И. Соколова крестьяне стремились как можно дольше использовать такие участки земли (*Труды экспедиции...*, 1910: 61). Позитивное право санкционировало данные действия. Нормы обычного зырянского права в дополнение к нормам позитивного права охраняли права крестьян на пользование арендуемой землей, где применялся индивидуальный крестьянский труд.

Законодательно на государственном уровне в начале XIX века был закреплен также и такой способ приобретения прав на землю, как покупка земли, которая распространялась, в том числе, и на «...казенных поселян...» (*О предоставлении купечеству...*), что соответствовало традиционным крестьянским представлениям, широко распространенным у зырян.

В правоприменительной практике периодически возникали случаи обезземеливания крестьян: «... нахожусь по настоящее время без надела земельного участка» (*История Коми края...*, 1991: 86), а также спорные ситуации. Они описаны в архивных документах. Так, к примеру, в рапорте Усть-Сысольского Уездного Суда от 09.04.1874 г. рассматривается случай, когда у нескольких крестьян возникло право пользования в отношении одного и того же земельного участка. В Рапорте оно названо «общим владением» (*Рапорт...*). Кроме того, в прошении крестьянина Льюрова, адресованном начальнику Вологодской губернии от 02.07.1895 г., указывается об отсутствии уравнительного раздела земли по количеству едоков «около 12 лет...» (*История Коми края, 1991: 95*). Спорные ситуации на практике происходили и по отношению к общинам. Например, в Рапорте, направляемом в Вологодское Губернское Правление, описаны земельные споры между общинами, находящимися по соседству. Причиной споров является утрата «... границ генерального межевания...» (*НА РК. Ф. 273. Оп. 1. 471. Л. 1-2*).

Вначале прошлого века российский законодатель, санкционируя проведение знаменитой столыпинской реформы, направленной на ликвидацию общины в Указе от 09.11.1906 г., отменил взимание с крестьян выкупных платежей за наделные земли «...с 1 Января 1907 года. С этого срока означенные земли освобождаются от лежавших на них, в силу выкупного долга, ограничений, и крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела» (*Указ...*). Кроме того, признавая действие обычного права в крестьянской среде, законодатель предоставил следующую возможность: «каждый домохозяин, владеющий наделною землею на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли» (*Указ...*). Однако, по мнению знаменитых коми-историков В. И. Чупрова и В. В. Шаньгиной, данный Указ не распространялся на территории проживания коми народа, а, соответственно, не произошло и «существенных изменений в жизнь коми деревни» (*Чупров, Шаньгина, 2013: 151*).

Необходимо назвать также еще один способ приобретения прав на природные земельные объекты, который регулировался не только нормами позитивного, но и нормами обычного зырянского права. Речь идет о приобретении прав по наследству от «родителя ... владевшего... по купчей крепости...» (*НА РК. Ф. 273. Оп. 1. 471. Л. 1-2*).

В обычном праве у зырян применялся также и такой способ приобретения прав на землю, как приобретение (получение) прав в отношении земельного участка общиной после выбытия из состава общинников ее члена или после его смерти. Так, к примеру, из-за наступления «смерти или выбытия из селения» члена общины или отправки члена общины в солдаты его земельный надел поступал в распоряжение «общества...», членом которого он являлся. В такой ситуации крестьянская община, согласно сохранившимся немногочисленным архивным данным, получала только одну из земельных частей выбывшего общинника, т.е. участок, называемый душевой землей. Другую часть, подворную землю «...и усадебную», наследовали его законные наследники (*НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 528. Л. 5*).

В сфере землепользования у общины был широкий круг полномочий. Это санкционировал российский законодатель во второй половине XIX века, заботясь о благосостоянии государственных крестьян «...1. Сельские общества государственных крестьян сохраняют все предоставленные им в надел и состоящие в их пользовании земли и угодья» (*О поземельном устройстве...*). Поэтому зырянские общины применяли обычаи, соответствовавший нормам действовавшего в рассматриваемый период законодательства, и сохраняли общественное пользование на некоторые виды природных ресурсов. В архивных документах его назвали институт «...общественного владения...» (*НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 527. Л. 7*). В настоящее время данный институт именуется

правом общей собственности и играет значимую роль в правовой системе России и ряда зарубежных стран (Abramov et al., 2018: 1176-1177).

5. Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что периодически применявшимся обычно-правовым способом приобретения прав на земельные ресурсы у зырян в исследуемый период была вольная заимка, обозначающая возникновение права первого владения или права на приложение труда при эксплуатации этого участка.

В обычном праве у зырян применялся также и такой способ приобретения прав на землю, как приобретение (получение) прав в отношении земельного участка общиной после выбытия из состава общинников ее члена или после его смерти. В такой ситуации крестьянская община получала только одну из земельных частей выбывшего общинника, т.е. участок, называемый душевой землей. Другую часть, подворную и приусадебную землю, приобретали его законные наследники.

Кроме того, российский законодатель на государственном уровне закреплял правила передачи в пользование земель крестьянам путем предоставления крестьянским обществам права аренды казенных земель, права купли-продажи земель. Такие сделки поддерживались и нормами обычного права у зырян, поэтому зырянские правовые обычаи не противоречили, а, наоборот, дополняли нормы позитивного права.

Нормы позитивного и обычного зырянского права санкционировали еще один способ приобретения прав на природные земельные объекты – по наследству.

Литература

Большаков, 1907 – *Большаков М. А.* Община у зырян. СПб.: Типография М. П. С. (Т-ва И.Н. Кушнерев и К), 1907. 107 с.

История Коми..., 2004 – История Коми с древнейших времен до конца XX века / под ред. А.Ф. Сметанина, В.И. Чупрова, И.Л. Жеребцова, А.А. Попова и др. Сыктывкар, 2004. Т. 1.

История Коми края..., 1991 – История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Ч. I: Дореволюционный период / под ред. О.Е. Бондаренко, В.И. Чупрова. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. 173 с.

Михайлов, 1850 – *Михайлов М.И.* Устьвым (Продолжение)... // *Вологодские губернские ведомости*. 1850. № 22. С. 239-242.

Михайлов, 2010 – *Михайлов М.И.* Физические и нравственные свойства зырян // *Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века* / общ. ред. В. А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010.

О поземельном устройстве... – О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях от 24 ноября 1866 // ПСЗ, Собрание (1825–1881), Т. 41 (1866). Ч. 2. № 43888 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 27.03.2024).

О предоставлении купечеству... – О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли от 12 декабря 1801г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825). Т. 26 (1800–1801), № 20.075 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 27.03.2024).

Положение комитета... – Положение комитета министров об установлении правил отдачи крестьянским обществам в аренду казенных земель без торгов от 9 ноября 1884 г. // ПСЗ, Собрание (1881–1913). Т. 4 (1884), № 2488 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 27.03.2024).

Попов, 1875 – *Попов И.* Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края // *Вологодские губернские ведомости*. 1875. № 90. С. 3-4.

НА РК – Национальный архив Республики Коми.

Труды экспедиции, 1910 – Труды экспедиции по исследованию земель Печерского края Вологодской Губернии / под ред. П.И. Соколова. СПб., 1910. Т. II.

Указ... – Указ о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования от 9 ноября 1906 г. // ПСЗ, Собрание (1881–1913): Т. 26 (1906): Ч. 1, № 28528 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 27.03.2024).

Чупров, Шаньгина, 2013 – *Чупров В.И., Шаньгина В.В.* Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.): монография. Сыктывкар: Кола, 2013. 328 с.

Abramov et al., 2018 – *Abramov V.V., Abramov Yu.V., Grudin N.S., Zeynalova L.M., Zemskov Yu.V., Kochetkova E.V., Lotorev E.N.* Improving the protecting mechanisms of general property in the Russian Federation // *Opcion*. 2018. Vol. 34, Special № 14: 1176-1199.

Plotskaya et al., 2021 – *Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G.* Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49–56.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37–45.

Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya O.A., Makembaeva D.I., Grudinina N.S., Shiryov D.A. Publications of the Periodical Press as a Representative and Authentic Source of Information on Ethno-Justice and Family-Legal Relations of the Permian Peoples in the 19th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 178–188.

Pravkin et al., 2020 – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagiya R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2020. 16(2): 620–628.

Saudakhanov, Garnaya-Ivanova, 2024 – Saudakhanov M.V., Garnaya-Ivanova I.A. The Legal Status of the Native Population of Western Siberia in the Russian Empire (late 17th century – late 19th century) // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 48–57.

Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159–168.

Titov, 2021 – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138–145.

Zaikov, Avdonina, 2019 – Zaikov K.S., Avdonina N.S. Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 29–40.

References

Bol'shakov, 1907 – Bol'shakov, M.A. (1907). Obshchina u zyryan [The community of the Zyryans]. SPb.: Tipografiya M. P. S. (T-va I.N. Kushnerev i K), 107 p. [in Russian]

Istoriya Komi..., 2004 – Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka [The history of Komi from ancient times to the end of the XX century]. Pod red. A.F. Smetanina, V.I. Chuprova, I.L. Zherebtsova, A.A. Popova i dr. Syktyvkar, 2004. T. 1. [in Russian]

Istoriya Komi kraja..., 1991 – Istoriya Komi kraja v dokumentakh i materialakh. Khrestomatiya. Ch. I: Dorevolutsionnyi period [History of the Komi Region in documents and materials. Anthology. Part I: Pre-revolutionary period]. Pod red. O.E. Bondarenko, V.I. Chuprova. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 173 p. [in Russian]

Mikhailov, 1850 – Mikhailov, M.I. (1850). Ust'vym (Prodolzhenie)... [Ust'vym (Continued)...]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 22: 239–242. [in Russian]

Mikhailov, 2010 – Mikhailov, M.I. (2010). Fizicheskie i npravstvennye svoistva zyryan [Physical and moral properties of zyryan]. Zyryane i zyryanskii krai v literaturnykh dokumentakh XIX veka. Obshch. red. V.A. Limerovoi. Syktyvkar. [in Russian]

O pozemel'nom ustroistve... – O pozemel'nom ustroistve gosudarstvennykh krest'yan v 36 guberniyakh ot 24 noyabrya 1866 [On the land structure of state peasants in 36 provinces dated November 24, 1866] // PSZ, Sobranie (1825–1881), T. 41 (1866). Ch. 2. № 43888. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 27.03.2024). [in Russian]

O predostavlenii kupechestvu... – O predostavlenii kupechestvu, meshchanstvu i kazennym poselyanam priobretat' pokupkoyu zemli ot 12 dekabrya 1801g. [On granting merchants, philistinism and state-owned settlers to purchase land from December 12, 1801]. PSZ, Sobranie (1649–1825): T. 26 (1800–1801), № 20.075. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 27.03.2024). [in Russian]

Polozhenie komiteta... – Polozhenie komiteta ministrov ob ustanovlenii pravil otdachi krest'yanskim obshchestvam v arendu kazennykh zemel' bez torgov ot 9 noyabrya 1884 g. [The position of the Committee of Ministers on the establishment of rules for leasing state-owned land to peasant societies without bidding dated November 9, 1884]. PSZ, Sobranie (1881–1913). T. 4 (1884), № 2488. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 27.03.2024). [in Russian]

Popov, 1875 – Popov, I. (1875). Cherty iz byta, npravov i obychaev zyryan Yarenskogo uezda Udorskogo kraja [Features from the life, customs and customs of the Zyryans of the Yarensky district of the Udorsky Territory]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 90: 3–4. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic].

Trudy..., 1910 – Trudy ekspeditsii po issledovaniyu zemel' Pecherskogo kraja Vologodskoi Gubernii [The works of the expedition to explore the lands of the Pechersk region of the Vologda Province]. Pod red. P.I. Sokolova. SPb., 1910. T. II. [in Russian]

Ukaz... – Ukaz o dopolnenii nekotorykh postanovlenii deistvuyushchago zakona, kasayushchikhsya krest'yanskago zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya ot 9 noyabrya 1906 g. [Decree on the addition of some resolutions of the current law concerning peasant land ownership and land use dated November 9, 1906].

PSZ, Sobranie (1881–1913): T. 26 (1906): Ch. 1, № 28528. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 27.03.2024). [in Russian]

Chuprov, Shan'gina, 2013 – Chuprov, V.I., Shan'gina, V.V. (2013). Krest'yanskaya obshchina Komi kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (1861 – fevral' 1917 gg.): monografiya [The peasant community of the Komi Territory in the second half of the XIX – early XX centuries (1861 – February 1917): monograph]. Syktyvkar: Kola, 328 p. [in Russian]

Abramov et al., 2018 – Abramov, V.V., Abramov, Yu.V., Grudinin, N.S., Zeynalova, L.M., Zemskov, Yu.V., Kochetkova, E.V., Lotorev, E.N. (2018). Improving the protecting mechanisms of general property in the Russian Federation. *Opcion*. 34(14): 1176-1199.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V. (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII– XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.

Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya, O.A., Makembaeva, D.I., Grudinin, N.S., Shiryov, D.A. (2024). Publications of the Periodical Press as a Representative and Authentic Source of Information on Ethno-Justice and Family-Legal Relations of the Permian Peoples in the 19th century. *Bylye Gody*. 19(1): 178-188.

Pravkin et al., 2020 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A. (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

Saudakhanov, Garnaya-Ivanova, 2024 – Saudakhanov, M.V., Garnaya-Ivanova, I.A. (2024). The Legal Status of the Native Population of Western Siberia in the Russian Empire (late 17th century – late 19th century). *Bylye Gody*. 19(1): 48-57.

Sosnina et al., 2024 – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.

Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.

Zaikov, Avdonina, 2019 – Zaikov, K.S., Avdonina, N.S. (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye Gody*. 51(1): 29-40.

Обычно-правовые способы приобретения прав на землю у зырян в XIX – начале XX веков

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, b, *}, Гульмира Тельмановна Уранхаева ^c, Никита Сергеевич Грудинин ^{a, d}, Руслан Михайлович Жиров ^e

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Некоммерческое акционерное общество «Медицинский университет Семей», Семей, Республика Казахстан

^d Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

^e Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, Российская Федерация

Аннотация. Исследование обычно-правовых способов приобретения прав на земельные ресурсы у зырян в XIX – нач. XX вв. сегодня во многом позволяет выделить особенности и обычно-правовые закономерности перехода прав в отношении объектов недвижимости. Несмотря на распространение источников (форм) позитивного права в рассматриваемый период, в зырянских общинах значительное место в регулировании общественных отношений отводилось нормам обычного права, что, безусловно, свидетельствует о значимости и актуальности темы настоящего исследования.

Необходимо отметить, что периодически применявшимся обычно-правовым способом приобретения прав на земельные ресурсы у зырян в исследуемый период была вольная заимка, обозначающая возникновение права первого владения или права на приложение труда при эксплуатации этого участка.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), gulmira63@mail.ru (Г.Т. Уранхаева), nekit-07@mail.ru (Н.С. Грудинин), dzhir-ruslan@mail.ru (Н.С. Грудинин)

В обычном праве у зырян применялся также и такой способ приобретения прав на землю, как приобретение (получение) прав в отношении земельного участка общиной после выбытия из состава общинников ее члена либо после его смерти.

Кроме того, российский законодатель на государственном уровне закреплял правила передачи в пользование земель крестьянам путем предоставления крестьянским обществам права аренды казенных земель, права купли-продажи земель. Такие сделки поддерживались и нормами обычного права у зырян, поэтому зырянские правовые обычаи не противоречили, а, наоборот, дополняли нормы позитивного права.

Нормы позитивного и обычного зырянского права также санкционировали такой способ приобретения прав на природные земельные объекты, как вступление в наследство.

Ключевые слова: приобретение прав, земельные ресурсы, зыряне, обычное право.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1294-1303
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1294

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orenburg Educational Institutions in Training Personnel for Administrative and Managerial Institutions of the Turgai Region in the 19th – early 20th centuries

Maisara Bekmagambetova ^a, Aidar Aitmukhambetov ^{a, *}, Ruslan Bekmagambetov ^a, Gulmira Nurusheva ^a

^a Kostanai Regional University named after A. Baitursynuly, Kostanai, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the XIX century the process of formation of Kazakh employees takes place. Kazakh youth had been educated in a number of educational institutions, in particular the cadet corps and gymnasium. These institutions were located in Orenburg, which was a major administrative center. Cadet Corps was intended for the training of officers. The main contingent of the Kazakh cadet consisted of representatives of the aristocracy, i.e. from influential families. Kazakh graduates of the corps in military ranks continued their military and civil service. Subsequently, as a result of changes in the principles of recruitment of administrative and managerial staff through the acquisition of civic education, members of the public were oriented towards learning in civil educational institutions, which included gymnasiums. In the Orenburg gymnasium for the period of its functioning there were several dozen Kazakh boys. The first generation of gymnasists were descendants of officers, some of whom were graduates of the cadet corps. The range of activity of gymnasists was diverse. Many Kazakh gymnasists continued their studies at universities, after which they were engaged in medical practice, were in the system of law, and functioned in the field of clerical work. The graduated gymnasists acted as employees, implemented social projects, carried out scientific and cultural cooperation with representatives of the public.

Keywords: aristocracy, cadets, officers, sultan, gymnasium, law, university, career, rank.

1. Введение

Оренбург являлся административным центром большого региона, в котором концентрированно проживало казахское население с устоявшейся моделью социального устройства. В XIX в. меняется система государственного управления на обширной территории. Внедрялись новые стандарты для претендентов на службу в официальные властные структуры. Существенно возросло значение Оренбургского кадетского корпуса, который специализировался на подготовке офицеров. Казахские офицеры имели возможность продвижения по иерархии по военному и гражданскому ведомствам. Категория казахских кадетов характеризовалась различным региональным составом и высоким представительством выходцев их аристократических фамилий. Значительную роль в привлечении казахских юношей в военное училище выполнял известный казахский правитель Внутренней Орды хан Жангир. В ряду выпускников Оренбургского училища общественную популярность профессионализмом и активностью приобрели офицеры Бабаджанов, Нуралиханов, Сейдалин и другие. Офицеры реализовали свои потенциальные возможности длительной работой на административном поприще. По причине владения несколькими языками, законами права и знаниями менталитета казахского населения соответствующие служащие выполняли разносторонние служебные обязанности и командировались в различные административные единицы в качестве работников официальных учреждений. В процессе внедрения системы делопроизводства

* Corresponding author

E-mail addresses: valerabatyrov@yandex.ru (V.V. Batyrov), en-badmaeva@yandex.ru (E.N. Badmaeva), daniyal2006@rambler.ru (D.S. Kidirniyazov), ochirov.baatr@yandex.ru (B.V. Ochirov)

расширялось влияние Оренбургской мужской гимназии. Гимназисты функционировали в качестве гражданских служащих и обладали правом получения университетского диплома. В отличие от кадетства социальная структура гимназистов отличалась большим разнообразием. В гимназиях формировались основы товарищества и личной дружбы. Гимназисты составляли костяк групп служащих и интеллигенции, которые на рубеже XIX-XX веков гармонично сочетали профессиональную работу и общественную деятельность. Выпускники гимназии Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, Б.-Х. Ниязов, Г.-З. Нуралиханов и многие другие стремились реализовать интересы казахского народа.

2. Материалы и методы

В ходе написания данной статьи авторы выявили ряд документов в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственном архиве Оренбургской области (ныне Объединенный государственный архив Оренбургской области, Оренбург, Российская Федерация). Данные архивные учреждения имеют обширные материалы, которые позволяют создать достаточно полную картину обучения казахской молодежи в оренбургских учебных заведениях. Особую ценность представляют извлеченные архивные источники ЦГА РК и Оренбургского архива. Фонды архивных учреждений содержат обширный материал, который позволяет нам раскрыть качественно-количественные показатели, а также личные характеристики казахских обучающихся в учебных заведениях Оренбурга. В процессе написания работы исследователями был применен системный подход. Этот метод использован для систематизации крупного пласта документов по казахским учащимся, которые обучались в оренбургских гимназии и кадетском корпусе. Данный метод был использован для раскрытия таких показателей, как количественный состав, социальный статус, место проживания и другие. Архивные материалы, которые вводятся в научно-исследовательскую среду, позволяют авторам раскрыть определенные стороны процесса обучения казахских учеников в учебных заведениях.

Следующий метод, который использован был нами, – историко-системный. Данный метод позволил авторам последовательно изложить материал при соблюдении логики построения научной публикации. Одним из актуальных методов является метод критического анализа. Его использование позволило критически подойти к архивным и иным документам и правильно провести процесс интерпретации в контексте понимания и раскрытия представленного материала.

В ходе работы авторы применяли принципы исторического анализа. В процессе написания публикации использовались следующие методы: описания, измерения, синтеза, сопоставления событий. Данные методы позволяют нам на базе интерпретации исторических фактов делать обоснованно научные умозаключения.

Применение сравнительного анализа позволило авторской группе уточнить качество подготовки учащихся гимназии, а также проследить успеваемость казахских юношей в оренбургских учебных заведениях. Использованные материалы учебной статистики были обнаружены в архивных документах. Метод научного поиска использовался для выявления сведений, в которых отражалась информация об уроженцах из территориально близких к Оренбургу регионов. В архивных фондах были обнаружены документы относительно гимназии и кадетского корпуса, располагавшихся в Оренбурге. Аналитическая работа, проведенная с личными делами обучающихся, позволила авторам актуализировать ряд интересных фактов. Аппелируя к методу описания и измерения полученной информации, авторы смогли сформировать объективную картину относительно уровня жизни, социального и имущественного статуса, особенностей жизнедеятельности некоторых учащихся. Практика использования методов синтеза и сопоставления исторических событий востребована исследователями для общего понимания состояния обучающихся в период их пребывания в учебных заведениях города Оренбурга. Данные методы позволили определить результативность их обучения с целью дальнейшей социализации.

3. Обсуждение

Казахстанские ученые в своих работах рассматривают проблему развития просвещения в регионе. Отечественный исследователь С.З. Зиманов изучил процесс формирования системы просвещения на территории Букеевской Орды периода правления хана Жангира. Ученый акцентировал внимание на личностном участии хана в осуществлении его проектов по строительству новых школ, делегированию казахских юношей в Оренбургский кадетский корпус, Казанский университет и региональные гимназии (Зиманов, 1982).

Научный интерес представляет работа А.И. Добросмыслова, который, будучи реальным участником событий XIX в., оставил ценные материалы о некоторых казахских султанах, например, представителях династий Джантуриных и Сейдалиных. А. Добросмыслов проанализировал деятельность ряда казахских служащих, которые получили образование в кадетском корпусе и впоследствии состоялись на административной службе (Добросмыслов, 1902).

В перечне исследований по истории казахского студенчества XIX в. значимой является монография ученого Б.А. Кенжетаева (Кенжетаев, 1996). Б. Кенжетаев в ходе разработки многочисленных источников рассмотрел биографии нескольких десятков студентов Казанского университета. Многие из них являлись выпускниками Оренбургской гимназии. Ученый выявил мотивационные факторы и причины, которые актуализировали деятельность казахских юношей, последовательно обучавшихся в гимназии и в университете в течение длительного времени.

Одним из авторитетных ученых, который посвятил свои работы познанию творчества казахской интеллигенции, является Х.М. Абжанов. В многочисленных исследованиях он на базе существенных источников исследовал причинно-следственные связи возникновения и развития национальной интеллигенции. Ученый ввел в научный оборот значительный массив материалов, которые необходимы в ракурсе познания глобальной проблемы роли казахских интеллектуалов в выражении интересов общества и его эволюции. В поле профессионального исследования Абжанова Х. оказались представители студенчества гимназии и университетов, которые составили основу казахской интеллигенции (Абжанов, 2005; Абжанов, 2006).

Исследователь О. Озганбай в монографии «Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917 гг.)» досконально проанализировал работу казахских депутатов Государственных Дум в дореволюционный период. Ученый исследовал большой массив архивных данных целью изучения биографий и многогранной деятельности казахских депутатов. Автор апеллирует к политическому творчеству казахских интеллигентов А. Беремжанова, Ж. Сейдалина, С. Джантурина, А. Калменова и ряда других, которые являлись выпускниками Оренбургской гимназии и университетов. Они впоследствии активно занимались общественно-политической работой (Озганбай, 2000).

Авторская работа В.В. Васильева сохраняет свою актуальность ценностью представленных сведений. В.В. Васильев изложил подробную характеристику важных учебных заведений Оренбурга периода XIX – нач. XX вв. (Васильев, 1895). Автор со ссылкой на источники проанализировал численность, социальное происхождение, национальный состав, территориально-административную структуру учащихся оренбургских школ и училищ. Автор уделил значительное внимание изучению финансового аспекта процесса обучения казахских учеников. Он изучил роль представителей казахской общественности в формировании стипендий.

Таким образом, в исторической науке исследуется тема обучения казахских юношей в учебных заведениях изучаемого хронологического периода.

4. Результаты

В традиционном казахском обществе лидирующие функции выполняли выходцы из казахской аристократии, представленные султанскими династиями и членами близких к ним социальных категорий. В XIX в. в процессе административно-территориальных введений постепенно меняется система управления в регионе. Главы аристократических групп прекрасно осознавали необходимость адаптации к существующим реалиям с целью сохранения социальной значимости. Большая ответственность в реорганизуемых административных структурах возлагалась на служащих, подготовленных по современным образовательным стандартам. Расширялся чиновничий аппарат, штатные работники которого действовали в сфере делопроизводства, судебных органов, налоговом секторе, здравоохранении, народном образовании. В результате осуществления программы администрирования актуализировалась проблема взаимодействия и коммуницирования российских чиновников с местным казахским населением. Большинство профессиональных служащих не владело казахским языком, имело слабое представление о менталитете, хозяйстве и культуре казахского населения. При различных официальных учреждениях действовал штат переводчиков из числа татарских служащих и местных казахских исполнителей. Усложнение модели делопроизводства настойчиво диктовало необходимость введения современной модели системного обучения переводчиков. Акцентировалась задача наполнения административно-управленческих структур казахскими служащими с целью установления контактного взаимодействия с казахской общественностью и, прежде всего, с руководителями аристократических групп. Характерно отметить осознание казахскими султанами своего нового социального статуса в сложившихся обстоятельствах. Представители султанских династий и других элитных сословий формировали новые методы с целью инкорпорирования в государственные структуры.

Следует отметить подвижническую роль правителя Внутренней Орды хана Жангира, который инициировал открытие при своей ставке Ханской школы. Инфраструктура, методики преподавания, предметное расписание данного учебного учреждения во многом основывались на принципах обучения для подготовки специалистов на государственных стандартах.

Хан Жангир взаимодействовал с территориально близким Казанским университетом. Он лично преподнес в дар музею этого университета значительное количество предметов быта, которые и по сей день обладают исторической ценностью. Высокопоставленные должностные лица административных ведомств обладали официальными званиями. Так, султан-правитель Восточной части Джантурин на рубеже 60-70-х годов XIX в. состоял в звании полковника, его коллега султан-

правитель Средней части Баймухамедов имел звание генерал-майора с соответствующим должностным окладом (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 269. Л. 5).

В Оренбургском регионе длительный период доминировала военизированная модель управления. Как правило, руководители всей административной вертикали имели военные звания: генерал-губернатор, полковник, майор. В последующие десятилетия сохранялась проблема профессиональной подготовки квалифицированных кадров. Различного рода толмачи, спешно подготовленные в волостных школах, не соответствовали требованиям времени. В Оренбурге начал функционировать кадетский корпус. На обучение в кадетский корпус зачислялись и казахские дети. По воспоминаниям современников, казахи неоднозначно воспринимали новости об открытии корпуса. Некоторые султаны не желали обучать своих детей в городе вдали от своих ставок, и только личное вмешательство хана Жангира и султана Джантурина Ахмеда подвигли многих из них принять судьбоносное решение для своих сыновей. Согласно сохранившимся сведениям, полный курс обучения в Оренбургском кадетском корпусе прошли Ниязов, А. Букейханов, М. Бабаджанов, М. Арыков, З. Нуралиханов, М. Бекмухамедов, Ш. Шигаев, С. Шигаев, Ш. Шигаев, Х. Бабаджанов, Б. Букейханов, М. Чукин, М. Джантурин, С. Чалибаев, А. Сейдалин, С. Джантурин, Т. Сейдалин, Д. Айшуаков, А. Айшуаков, А. Нурекин, С. Таубаев, М. Бештжанов (Оренбургский, 1896). Очевидно, информатор предоставил неполный список, так как согласно архивным документам в корпусе обучалось большее количество казахских кадетов. Казахские юноши имели статус «казеннокоштных», т.е. обучались на стипендии. Стипендии формировались за счет казахских общественных сумм. Например, объем пожертвований казахского населения Тургайской области в 1887 году на это учебное учреждение составил 4 621 рубль. Представители общественности понимали значение кадетского корпуса в будущем для последующих поколений, поэтому проявляли солидарность в выражении интересов по обучению юношей. Очевидно, лидеры казахской общественности рассматривали возможные ресурсы для обучения молодых людей. Современники оценивали деятельность султана А. Джантурина: «Ахмет Джантурин отдал в Неплюевский кадетский корпус своего сына Сеит-Хана, брата Махмуда и племянника Омара, затем содействовал отправлению в оренбургские учебные заведения Ибрагима Алтынсарина (впоследствии первый инспектор русско-киргизских школ Тургайской области), внука известного бия Балгожи Жанбуршина, султанов Альмагомета и Тлеу Сейдалиных, Хамзы Каржасова и многих других» (Добросмыслов, 1902).

Дипломированные казахские выпускники в зависимости от социального статуса и успеваемости получали военные звания сотников, хорунжих, зауряд-хорунжих. Формировались фамильные казахские династии обучавшихся в корпусе, в частности, султанов Айшуаковых или Сейдалиных. Многие из них состоялись на гражданской службе. Но ряд молодых офицеров начинал свою карьеру на военном поприще. Огромной популярностью в крае обладал Сейдалин А. Военную службу начинал в звании прапорщика в 1856 г. при Оренбургском линейном батальоне. Длительный период он служил в полевых частях. Состоял при сопровождении Бухарского посольства, которое с дипломатической миссией направлялось в Санкт-Петербург. Впоследствии он курсировал при Аральской флотилии. В отставку вышел в звании майора в 1869 году. Впоследствии он перешел на гражданскую службу. Приказом по Министерству юстиции он переводится на должность уездного судьи в Николаевский уезд Тургайской области (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 15). Подобная система перемещений из военного ведомства в гражданские структуры определялась большой нехваткой квалифицированных специалистов в области права, поэтому в данном случае назначение Сейдалина объяснялось необходимостью пополнения штатов востребованными персоналиями. Претендентам на право получения судебной должности вменялось обязательство обладать надлежащим юридическим образованием или быть дипломированными специалистами университетов или специализированных училищ, к которым относился кадетский корпус. В личном деле содержится его характеристика, согласно которой он признавался в качестве специалиста казахского обычного права. Он неоднократно участвовал в судебных процессах, которые возникали в казахском обществе (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 3). В 1867 г. он переводится на аналогичную должность в Иргизский уезд Тургайской области. Модель перемещений казахский служащих между уездами и областями часто практиковалась в исследуемый период. Дипломированные специалисты прекрасно осознавали необходимость получения образования в соответствующих учебных учреждениях. Администраторы неоднократно ходатайствовали за подающих надежды на успешное обучение детей. В частности, Сейдалин обращался с запросом к областному руководству относительно судьбы одного из претендентов на обучение: «Вдова недавно умершего начальника 1-ой дистанции Миндияра, Султанша Кадыргалиева обратилась ко мне с просьбой о принятии 10-летнего сына Миндиярова в Киргизскую школу при Областном Правлении, так как по скудности оставленного там мужа состояния сама она не имеет возможности к воспитанию собственными средствами. Ротмистр Сейдалин» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4169. Л. 21).

Согласно должностной титулатуре, по линии Министерства юстиции Сейдалин за выслугу лет получал новые чины. Гражданскую службу майор Сейдалин начинал в чине коллежского асессора, затем — коллежского советника. В середине 80-х годов XIX века в документах он числился как статский советник со старшинством. Назначение Сейдалина по гражданскому ведомству носило не

единичный характер. В частности, выходец из знатной семьи, выпускник Оренбургской учительской школы Ибрай Алтынсарин начинал с должности толмача волостного правления. Казахские чиновники различных управлений стартовали с позиций письмоводителей и переводчиков с учетом полученной ими образовательной подготовки престижных школ. Первоначально он имел звание зауряд-хорунжего. Через несколько лет он получил чин хорунжего, работал письмоводителем Тургайского уездного управления Тургайской области. В дальнейшем Алтынсарин карьере по чиновничьей иерархии предпочел учительский труд. С 1869 г. он состоял учителем и смотрителем при казахской школе в городе Тургае (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 35. Л. 106.). Он обладал непререкаемым авторитетом в казахском обществе. Впоследствии на него возлагались обязанности в исправлении должности уездного судьи Тургайского уезда по причине нехватки квалифицированных кадров. Он работал старшим помощником начальника Тургайского уезда. В дальнейшем Алтынсарин посвятил себя педагогическому творчеству, был инспектором казахских школ Тургайской области.

Оренбургский кадетский корпус 1855 г. окончил в чине сотника сын упомянутого выше султана Джантурина А. Сеид-хан Ахмедович Джантурин. Он служил в должностях младшего чиновника особых поручений при Тургайском военном губернаторе. В 1870 году Джантурин состоял членом особого комитета по постановлению и выработке правил обустройства учительских школ для казахского населения (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 258. Л. 5). Включение Джантурина в данный комитет свидетельствует о его высоком уровне качественной подготовки и служебной дисциплины. На пике карьеры Джантурин имел звание подполковника. В 1870 г. ему исполнилось 33 года.

В составе выпускников военного училища числился брат Сейдалина Альмухамеда Сейдалин Тлеумухаммед. Молодой офицер выпущился в звании прапорщика в середине 50-х годов XIX века. Проходил военную службу. В конце 1850-х делегируется на должность помощника пристава при Бухарском посольстве. Выполнял обязанности переводчика делегации казахских депутатов от Тургайской области в Санкт-Петербург по вопросам «Временного положения 1868 года» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 764. Л. 22). Поле деятельности Сейдалина, равно как и ряда других администраторов, было обширным и не ограничивалось системой делопроизводства. Его значимость определялась гармоничным сочетанием его образовательной подготовки, производственного опыта и реальным знанием региональных особенностей как коренного уроженца и представителя влиятельного семейства. Непосредственные руководители Сейдалина описали его деловые качества следующим образом: «В делах административного управления и в судебных, возникающих между киргизами было важно знать родовые связи и отношения кочевго населения. Самые запутанные жалобы и процессы с многочисленными свидетельскими показаниями, одно другому противоречащие, партийные раздоры получают освещение при знании родовых связей. Известно, что киргизы в силу сохранившейся до настоящего времени родовой солидарности, помощь своему родовичу в судебных делах или на выборах считают делом родовой чести. Потому мы сочли необходимым ознакомить жителей с собранными нами расспросным путем и приверженцами через таких знатоков киргизской генеалогии как султан Сейдалин 2-ой, Дербисали Беркимбаев, К.Беремжанов и других нижеприведенные сведения о киргизских родах с подразделениями на волости сообразно между прочими» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 498. Л. 22-230б.).

В 1888 г. он работает в качестве старшего помощника начальника Николаевского уезда Тургайской области. Через некоторое время он получил перевод в Тургайский уезд на должность старшего помощника Тургайского уездного начальника. В 1890-х годах Т. Сейдалин — временно исполняющий обязанности начальника Тургайского уезда. В целом Сейдалин на государственной службе прослужил 43 года, за выслугу лет он получил чин коллежского советника. В апреле 1899 г. Т. Сейдалин, известный в официальной документации как Сейдалин 2-й, уволился по причине «расстройства здоровья». Один из чиновников описал имущественное положение Сейдалина следующим образом: «В настоящее время на склоне лет султан Сейдалин нуждается в материальном обеспечении является помощником султана-правителя» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 764. Л. 6).

Первые казахские выпускники кадетских училищ имели право считаться основателями офицерских династий. Сейдалин А. ходатайствовал о зачислении его сына Сейдалина Жиганшаха в военное учебное заведение (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 30). Возможно, Сейдалин был единственным из среды казахских служащих, который рассматривали для своих детей военный корпус как важный фактор их дальнейшей карьеры. Но в последней четверти XIX в. конъюнктура подготовки категории административных работников в регионе изменилась. Статус военных училищ замещался дипломами гражданских учебных учреждений в качестве учительских семинарий, гимназий и университетов. В конце 60-х годов XIX в. казахские юноши с различной мотивацией стремились к обучению в подобных заведениях. На этот период в регионе складывалась новая система подготовки кадров по вертикальному принципу от аульных и волостных школ до городских школ уездного и областных центров. Во второй половине XIX века дети состоявшихся на административной работе офицеров обладали определенной образовательной подготовкой начальных школ для дальнейшего пребывания в гимназиях.

Оренбургская мужская гимназия начала функционировать в 1868 году. В этот период состоялся набор казахских юношей в это учебное заведение. Казахские дети обучались за счет стипендиального

фонда, который формировался из взносов казахского населения. Стипендиальные места для казахских учащихся распределялись на уроженцев трех административно-территориальных единиц, которые географически имели непосредственное отношение к Оренбургу: Тургайская, Уральская области и Внутренняя Орда, которая в официальных документах синхронно фиксировалась под названием «Букеевское ханство». В совокупности общее количество казахских стипендий составило чуть более трех десятков, из которой для уроженцев Тургайской области действовало 12 мест, для выходцев из Уральской области выделялось 14, представители Внутренней Орды претендовали на 6 (Васильев, 1895: 209).

Общий курс обучения учеников в гимназии составлял восемь лет с начального класса до завершающего восьмого. Сохранялась возможность девятилетнего срока с обучением претендентов в так называемых подготовительных классах с целью подготовки для зачисления в первый класс. Анализ личных дел многие гимназистов демонстрируют их высокую успеваемость во время учебы и прекрасные способности к усвоению знаний в университетский период. Преподавательский штат гимназии ограничивался двумя десятками человек. Образовательный уровень педагогов характеризовался прекрасной квалифицированной подготовкой. В частности, по итогам первой половины 90-х годов XIX в. 13 педагогов являлись дипломированными выпускниками университетов и филологических институтов, трое получили образование в средних учебных заведениях (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 20. Л. 3). Основу программного обучения гимназий составляли гуманитарные дисциплины, ориентированные на системное изучение филологических предметов, в частности, русского, латинского, греческого, немецкого, французского языков. К гуманитарному циклу относились логика и история. Помимо названных предметов, в курс обучения входили точные и естественные дисциплины по математике, физике и географии. Сравнительный анализ показателей успешности казахских выпускников средних учебных заведений в университетах наглядно показывает лидирующие позиции представителей Оренбургской гимназии, которые в ряде случаев доминировали количественно и отличались прекрасными знаниями (Ajtmuhambetov et al., 2024: 249-258). Важным мотивационным фактором гимназистов являлась четко установленная ими задача получения максимального объема знаний с целью зачисления в университеты, успешной адаптации к существующим реалиям, выстраивания деловых отношений и востребованности в обществе. Подавляющее большинство казахских юношей имели статус иногородних и проживали за пределами Оренбурга. В раннем детстве они получили начальное образование в волостях и уездах. Поэтому на период зачисления в гимназии обладали солидной подготовкой в отличие от своих ровесников, которые не имели возможности последовательного обучения. На период отправки в Оренбург для обучения в гимназии они находились под влиянием своих близких в лице родителей и родственников, многие из которых ранее завершили обучение в среднеспециальных школах и университетах и своей жизнедеятельностью являли пример для подрастающих юношей. С целью поступления в гимназию претенденты должны были обладать определенным уровнем знаний. С учетом дороговизны системного обучения многие родители не могли обучать своих детей. Представители привилегированных семей имели большие возможности в плане финансовых средств. Подавляющее большинство казахских учащихся гимназий, других городских учебных заведений и университетов, согласно анализу архивных материалов, учились за счет стипендий. Соответствующий анализ резюмирует вывод наличия объективных сложностей для значительной части населения к получению востребованных для дальнейшей социализации и карьеры знаний. Таким образом, по соответствующим обстоятельствам костяк казахских гимназистов составляли представители аристократии из числа султанов и близких к ним социальных категорий. На период 60-70-х годов XIX в. в регионе проходил процесс формирования группы национальных служащих, верхний слой которого состоял из султанов. Многие султаны-администраторы получили образование в официальных учебных учреждениях и по соответствующему факту являлись носителями военных чинов. Фактически они являлись основными консультантами и вдохновителями последующих действий своих младших родственников, которые направлялись в Оренбургскую гимназию.

Некоторые гимназисты имели статус иногородних и испытывали сложности при адаптации в условиях большого города. Ученики, испытывавшие объективные трудности, демонстрировали разную степень успеваемости. Например, по отчетам директора учебного заведения, в 1888 году в гимназии в младших классах с I-й по IV-й числилось 9 казахских стипендиатов от Тургайской области, соответственно по 1-2 ученикам в каждом классе. Большинство получили право перевода в последующий класс. Сохранялся принцип семейно-династийного обучения. В частности, в составе исследуемых гимназистов зафиксированы Беремжанов Мухамед, который получил возможность перевода из «приготовительного» класса в I-й класс, и Беремжанов Ахмед с переводом из III-го класса в IV-й. В гимназии в это время обучался представитель султанской семьи Айшуаков Сеид Мухамед, родственники которого являлись дипломированными выпускниками различных учебных заведений. Ученики Беремжанов Ахмед и Идигин Асатук показали великолепные знания и переводились в IV-й вышестоящий класс по формулировке: «Беремжанов Ахмед переведен в IV-й класс с наградой 1-й степени, Идигин Асатук переведен в IV-й класса с наградой 2-й степени» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 467. Л. 16). Архивные источники полны сведений о заболеваемости казахских

учеников. Из них только трое остались на повторное обучение, что во многом объяснялось состоянием их здоровья. Большие надежды на прекрасные результаты подавал Балгимбаев Аубакир. Его отец, Балгимбаев Г., на момент поступления сына в гимназию заведовал двухклассным русско-казахским училищем. Балгимбаев старший в официальном письме руководству гимназии ходатайствовал об обучении сына одновременно по французскому и немецким языкам, т.е. тем дисциплинам, которые являлись востребованными в университетский период (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. Л. 88). До поступления в гимназию он получил домашнее образование. А. Балгимбаев суммарно пребывал в гимназии 11 лет, с 1901 по 1912 годы. Он неоднократно прерывал гимназическое обучение по причине обострения хронических болезней. По завершении предпоследнего VII-го класса он вновь оставил гимназию в связи с острым заболеванием. В данный период его отец работал в должности инспектора Народных училищ Иргизского уезда Тургайской области и своей карьерой был обязан комплексному образованию. Но под влиянием сложных обстоятельств Балгимбаев-старший принял решение о прерывании сыном обучения (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. Л. 2).

Фиксировались факты смертности гимназистов. Султан Умбеталиев Аджигирей в письме попечителю относительно своего сына писал, что Примжар Аджигиреев получил образование пяти классов в гимназии с 1883 по 1889 годы, получил право перевода в шестой класс, но впоследствии скончался (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 17. Л. 59). Финансовые трудности, непривычные условия жизни вдали от родительского дома, а также хронические болезни затрудняли процесс пребывания гимназистов, подавляющее большинство которых сохраняло заинтересованность в получении образования. Административный работник есаул Бекмухамедов Мухамеджан ходатайствовал директору гимназии о принятии 10-летнего сына Джамиля по учебной программе: «Желаю, чтобы он случае принятия в гимназию обучался французскому языку, а также рисованию за особую, установленную по сему предмету плату. При этом прилагается свидетельство о возрасте, звании и привитии от оспы. 1893 г. 5 мая» (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 17. Л. 59). Родители по факту зачисления своих сыновей в гимназии подписывали документ «Обязательство» по следующей форме: «Я нижеподписавшийся, определив в Оренбургскую гимназию пансионером сына моего Бекмухамедова Джамиля сим обязуюсь: 1) следующие за содержание его воной гимназии деньги платить исправно, в назначенные сроки, т.е. в течение января и февраля, июля и августа каждого года впредь за полгода, если же в вышеназначенное время не предоставлю следующих за содержание, означенного воспитанника деньги, то по удалении его из заведения, подвергнусь денежному возмещению за все то время, доколе он считается в гимназии» (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 17. Л. 59). Плата за гимназическое обучение составляла большую сумму. Казахские юноши стремились на стипендиальные вакансии, количество которых носило лимитированный характер для каждой области. Казахи традиционно проводили мероприятия по сбору финансов для оплаты обучения своих земляков. Например, директор гимназии получил уведомление от председателя Временного Совета Внутренней Орды, который сообщил о пожертвованиях казахского населения на стипендии для гимназистов. На запрос автора документа на предмет указания точной суммы за обучение директор гимназии представил общую смету расходов: «...стипендиаты должны платить за содержание в пансионате на общем основании 250 рублей в год и 35 рублей на первоначальное обустройство. Плата за право учению в управляемой мною гимназии установлена 45 рублей в год» (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 17. Л. 14). Таким образом, в 1890 году совокупное количество финансов на пребывание пансионера в гимназии составляло 330 рублей. Многие казахские юноши не имели квартир в Оренбурге, поэтому они проживали в пансионате при гимназии и именовались в документах в статусе пансионеров.

При наличии свободной стипендиальной вакансии устанавливалась переписка с участием директора гимназии и руководителя конкретной административно-территориальной единицы. В частности, летом 1889 года накануне зачисления абитуриентов представители Астраханской администрации обратились к директору по поводу замещения областной стипендии претендентом: «За именованием свободной казеннокоштной стипендии мною назначен сын киргиза Акбайулы Дипехалиева — Чигир, 13 лет». Директор вынужден был отказать по причине отсутствия свободной вакансии (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 17. Л. 7-10). В последующем представители аристократии проявляли заинтересованность в обучении своих сыновей. Например, есаул султан Джантурин Махмуд в марте 1868 г. ходатайствовал руководству о возможности обучения его сына в гимназии: «Сознавая важность образования, но не имея к тому собственных средств, я просил чести ходатайства Вашего Превосходительства об определении на казенный счет в Оренбургскую Гражданскую Гимназию, старшего из сыновей моего Хан-Гирея» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4169. Л. 12).

Казахские меценаты регулярно инициировали вопрос об открытии новых стипендий с целью увеличения количества учеников. Формирование новых стипендий проходило медленно и сложно, сопровождалось длительной перепиской ответственных лиц с апелляцией к различным документам. Казахские общинники проявляли настойчивость в обустройстве своих представителей. В частности, Аджибаев ходатайствовал астраханскому губернатору о зачислении своего племянника Такачева Лукпана в качестве кандидата в гимназию. Племянник, к сожалению, не смог набрать должного результата на вступительных экзаменах. Аджибаев лично обратился к директору гимназии о зачислении своего протеже в подготовительный класс с обещанием самостоятельно найти ученика-наставника из

старшеклассников казахов. Другим немаловажным фактором необходимости зачисления абитуриента являлась его отдаленность проживания от Оренбурга, как и многих других провинциалов, в условиях сурового климата, некачественного состояния транспортной инфраструктуры, сезонного функционирования дорог. При таких обстоятельствах директор дал разрешение на зачисление абитуриента в подготовительный класс (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 17. Л. 25).

В стенах гимназии закладывались основы личной дружбы юных учеников. В 90-е годы XIX в. в одном классе числились Алдияров Аубакир и Нуралиханов Селим-Гирей. Алдияров и Нуралиханов представляли статусные семьи. Алдияров являлся уроженцем Николаевского уезда Тургайской области. Его одноклассник Нуралиханов родился и рос в Букеевской Орде. Алдияров учился на стипендии от области. Нуралиханов рано лишился отца, который ранее состоял на административной службе. Одноклассники проявляли корпоративную солидарность, что стало важным фактором их результативного обучения. Сравнительный анализ их гимназического периода показывает наличие положительных характеристик от руководства гимназии по таким критериям, как «Посещение уроков», «Приготовление уроков», «Исполнение письменных работ», «Интерес к учению». Директорат высоко оценил дисциплинарный фон и усердность казахских гимназистов (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 38, 46). Директор гимназии, согласно заданным стандартам, в официальных формулировках представил биографические сведения об Алдиярове: «Алдияров — сын потомственного почётного гражданина, занимающего должности Управителя Сарайской волости Тургайской области, вырос в довольно авторитетной и культурной семье» (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 170). Материалы подобного содержания руководство гимназии представило относительно Нуралиханова: «Нуралиханов — сын киргиза Букеевской Орды, сын умершего хорунжего султана, получившего образование в Оренбургском Неплюевском корпусе, магометанского вероисповедания, 28 лет, в школе пробыл 9 лет. Вырос в интеллигентной семье, хорошо знаком с русским языком» (ОГА ОрО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 124). В гимназии в период XIX–XX веков, согласно архивным материалам, обучалось несколько десятков человек. Из них значительную часть составляли уроженцы Тургайской области, в частности, А. Беремжанов, Ж. Сейдалин, А. Алдияров, А. Темиров и др. По окончании гимназии они изъявили желание продолжить обучение в высших учебных заведениях. Оренбуржцы обучались на медицинских, юридических, филологических факультетах. Дипломированные специалисты гимназий и университетов занимались профессиональной, научной и общественной деятельностью. Они использовали свой потенциал с целью эволюции общества.

5. Заключение

В исследуемый период несколько десятков казахских юношей получили образование в военном училище и в гимназии. Региональная характеристика обучавшихся отличалась разнообразием, но значительная часть из них являлась уроженцами Тургайской области. Казахские кадеты по социальному происхождению относились к категории привилегированных слоев казахского общества. Гимназический состав в социальном аспекте демонстрировал большое разнообразие. Кадеты и гимназисты в подавляющем большинстве имели статус «казеннокоштных» стипендиатов, т.е. обучались за счет общественных сумм, которые формировались из взносов населения. Объем стипендии колебался в размере 300–320 рублей. Учащиеся в период обучения демонстрировали высокий уровень дисциплины и прилежания, будучи мотивированными на получение качественных знаний. Сроки обучения и качество подготовки во многом зависели от материального обеспечения, бытового устройства и состояния здоровья учащихся. Некоторые ученики по объективным обстоятельствам затягивали общий курс обучения или были вынуждены оставлять учебные заведения. По завершении обучения квалифицированные специалисты начинали работать в административно-управленческой сфере. В XIX в. формируются семейные династии служащих, представители которых последовательно обучались в кадетском корпусе и в гимназии. Гимназисты изъявляли желание продолжить обучение в вузах. Выпускники гимназий пополняли категории служащих, которые функционировали в различных структурах. Казахские служащие способствовали развитию культуры, образовательной и научной сферы в XIX — начале XX веков.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта АР19679853 «Российские имперские институты и органы местного управления на территории Тургайской области (1868–1917 гг.): адаптивные практики колониальной системы» при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абжанов, 2005 — Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить // *Казахстанская правда*. 2005. 24 июня. №4.
 Абжанов, 2006 — Абжанов Х.М. Миссия интеллигенции // *Казахстанская правда*. 2006. 24 февраля. №9.

- Васильев, 1895** – *Васильев В.В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург. 1895. 224 с.
- Добросмыслов, 1902** – *Добросмыслов А.И.* Известия Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического общества. Выпуск №17. Тверь, 1902. 523 с.
- Зиманов, 1982** – *Зиманов З.С.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
- Кенжетаяев, 1996** – *Кенжетаяев Б.А.* Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в сер. XIX – начале XX вв. Казань: «ПИФ», 1996. 87 с.
- ОГА ОрО** – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Озганбай, 2000** – *Озганбай О.* Государственная Дума России и Казахстан. 1905-1917 гг. Алматы: «Арыс», 2000. 281 с.
- Оренбургский, 1896** – *Оренбургский А.В.* Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург, 1896.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ajtmuhambetov et al., 2024** – *Ajtmuhambetov A., Ismailov S., Tabuldenov A., Simonov S.* (2024). St. Petersburg University in the history of training of Kazakh specialists in the second half of the 19th and early 20th centuries. // *Bylye Gody.* 19(1): 249-258.

References

- Abzhanov, 2005** – *Abzhanov, H.M.* (2005). Otechestvu predanno sluzhit' [Fatherland devoted to serving]. *Kazahstanskaja pravda.* 24 ijunja. №4. P. 3. [in Russian]
- Abzhanov, 2006** – *Abzhanov, H.M.* (2006). Missija intelligencii [Mission of intellectuals]. *Kazahstanskaja pravda.* 24 fevralja. №9. [in Russian]
- Ajtmuhambetov, Ismailov, 2024** – *Ajtmuhambetov, A., Ismailov, S., Tabuldenov, A., Simonov, S.* (2024). St. Petersburg University in the history of training of Kazakh specialists in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Bylye Gody.* 19(1): 249-258.
- CGA RK** – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dobrosmyslov, 1902** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902). Izvestija Orenburgskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva. [Izvestiya Orenburgskogo Otdela of the Imperial Russian Geographical Society]. Vyp. №17. Tver', 523 p. [in Russian]
- Kenzhetayev, 1996** – *Kenzhetayev, B.A.* (1996). Kazanskije uchebnye zavedenija i process formirovanija kazahskoj intelligencii v ser. XIX – nachale XX vv. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the XIX century - early XX centuries]. Kazan': «PIF», 87 p. [in Russian]
- OGA OrO** – Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- Orenburgskij, 1896** – *Orenburgskij, A.V.* (1896). Nепlyuevskij kadetskij korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovanija kirgizov. [Neplyuyevsky cadet corps as the first educational institution in the history of Russian education of Kyrgyz]. Orenburg. P. 13. [in Russian]
- Ozganbaj, 2000** – *Ozganbaj, O.* (2000). Gosudarstvennaja Duma Rossii i Kazahstan. 1905-1917 gg. [State Duma of Russia and Kazakhstan. 1905-1917]. Almaty: «Arys», 281 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Vasil'ev, 1895** – *Vasil'ev, V.V.* (1895). Istoricheskij ocherk russkogo obrazovanija v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostojanie. [Historical sketch of Russian education in the Turgay region and its current state]. Orenburg, 224 p. [in Russian]
- Zimanov, 1982** – *Zimanov, Z.S.* (1982). Rossija i Bukeevskoe hanstvo [Russia and Bukееv Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 171 p. [in Russian]

Оренбургские учебные заведения в подготовке кадров административно-управленческих учреждений Тургайской области в XIX – начале XX вв.

Майсара Бекмагамбетова ^а, Айдар Айтмухамбетов ^{а, *}, Руслан Бекмагамбетов ^а, Гульмира Нурушева ^а

^а Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы, Костанай, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aidar_abaiv14@mail.ru (М. Бекмагамбетова), maisara75@mail.ru (А. Айтмухамбетов), ruslan69_07@mail.ru (Р. Бекмагамбетов), ng-8080@mail.ru (Г. Нурушева)

Аннотация. В XIX в. происходит процесс формирования казахских служащих. Казахские юноши получали образование в ряде учебных заведений, в частности, в кадетском корпусе и в гимназии. Данные учреждения находились в Оренбурге — крупном административном центре. Кадетский корпус был предназначен для подготовки офицеров. Основной контингент казахского кадетства состоял из представителей аристократии, т.е. выходцев из влиятельных семей. Казахские выпускники корпуса в военных званиях продолжили военную и гражданскую службу. В последующем в результате изменений принципов комплектации административно-управленческого звена на основе приобретения гражданского образования представители общественности ориентировались на получение знаний в гражданских учебных учреждениях, к которым относились гимназии. В Оренбургской гимназии за период ее функционирования числилось несколько десятков казахских юношей. Первое поколение гимназистов составляли потомки офицеров, многие из которых являлись дипломированными выпускниками кадетского корпуса. Спектр деятельности гимназистов оказался разнообразным. Многие казахские гимназисты продолжили обучение в университетах, по окончании которых занимались медицинской практикой, состояли в системе права, функционировали в сфере делопроизводства. Дипломированные гимназисты действовали в качестве служащих, реализовывали общественные проекты, осуществляли научное и культурное сотрудничество с представителями общественности.

Ключевые слова: аристократия, кадеты, офицеры, султан, гимназия, право, университет, карьера, звание.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1304-1317
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1304

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Academician N.S. Kurnakov and His Contribution to the Formation of the Russian Industry in the late XIX – early XX centuries

Sergey I. Podolskiy ^{a, *}

^a Empress Catherine II Saint-Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper examines the biography of academician Nikolai Semenovich Kurnakov (1860–1941), a prominent chemist, metallurgist, the creator of the physico-chemical method. The paper does not embrace the scientist's whole life. Of interest is the time of Kurnakov's formation as a major scientist before the turning point in 1917 he met as a very mature man. Kurnakov managed to enter the professional circle of chemical scientists, became famous in the capital and in the empire. The future academician joined the informal social network of scientists. The turn of the 20th century was the time of his creative takeoff, due to which he had a constellation of brilliant students, among them N.I. Podkopaev, N.I. Stepanov, P.Ya. Saldau, S.F. Zhemchuzhny, A.N. Kuznetsov, K.F. Beloglazov. The paper also draws attention to Kurnakov's pedagogical talent, special ways to treat his students. At that time Kurnakov created of the physico-chemical doctrine of the origins, which we discuss separately. Kurnakov's studies of the properties of salts found in various regions of the Russian Empire may be considered as one of his major achievements. These studies were in demand by the domestic industry. During the First World War Kurnakov became one of the founders of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia (KEPS). This organization was a unique one. Thanks to KEPS, scientists had the opportunity to coordinate research aimed at strengthening the country's defense capability. In particular, strategically important works with the properties of platinum were carried out. Kurnakov was able to formulate important proposals for the government on the use of this metal.

Keywords: chemistry, physico-chemical studies, Mining Institute, metallurgy, properties of salts, scientists, teaching, KEPS, war, academician.

1. Введение

Конец XIX – начало XX столетия стал периодом, когда в Императорской академии наук появились десятки знаменитых ученых, среди которых выделялись химики и металлурги. Российская металлургия сделала мощнейший скачок с начала XVIII века, став основой оборонной промышленности империи (Рудник, Самыловская, 2022: 5-15). Развитая металлургия – это залог суверенитета российского топливно-энергетического комплекса и минерально-сырьевой базы (Литвиненко и др., 2023: 95-111; Жданеев, 2022: 1061-1078). Металлурги и химики пореформенного периода сумели внести серьезный вклад в развитие стремительно модернизирующейся промышленности во времена правления трех последних российских императоров. Среди центров академической науки, где ковались успехи индустрии, выделим Горный институт в столице Российской империи и имя академика Николая Семеновича Курнакова.

Целью нашего исследования является анализ биографических фактов из истории карьеры крупного дореволюционного химика и металлурга, создававшего физико-химический метод. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена непреходящим значением научной деятельности Курнакова, труды которого получили признание среди российских и зарубежных

* Corresponding author

E-mail addresses: octet@yandex.ru (S.I. Podolskiy)

специалистов. Работы Курнакова имеют широкую востребованность на современном этапе развития среди ученых-теоретиков и практиков в области металлургии (Сырков и др., 2023: 5-13). Представляет интерес вклад академика Курнакова и его школы в изучение полезных ископаемых различных территорий Российской империи. Важно соотнести факты из биографии академика с процессами хозяйственной модернизации, происходившей в Российском государстве. Также зададимся вопросом, как Николай Семенович выстраивал систему личных связей между коллегами и учениками.

2. Материалы и методы

Обратимся к источникам нашего исследования. Так, к ценным делопроизводственным материалам относятся документы, почерпнутые в фондах Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В ЦГА СПб в Фонде Ленинградского Горного института Р-8811 мы нашли архивные дела, отображающие важнейшие страницы жизни академика Курнакова. Там мы нашли документы о зачислении Николая Семеновича в сотрудники Горного института, о получении денежного пособия, присвоении ему наград, званий (чиновничьих и академических), рапорты о написании диссертации. О росте и изменениях положения академика в обществе говорит его формулярный список. Представляют интерес справки о проводимых ученым исследованиях (ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 204. Т. 1. Л. 1, 3-4, 28-29; ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 205. Т. 2. Л. 18-19, 22, 24, 29, 31, 34-45, 63, 64-67, 70-73, 75, 78).

Из опубликованных источников личного происхождения выделяется автобиография Николая Семеновича, написанная им для «Биографического словаря действительных членов Академии наук» 1915 г. Хотя это официальная автобиография, но написана она простым языком и повествует о семье ученого, о становлении Николая Семеновича, о его открытиях (Курнаков, 1915: 374-381). Материал написан от второго лица, но в предисловии указано на автобиографический характер источника. В 1961 г. был издан сборник воспоминаний о Н.С. Курнакове (там мы находим мемуары учеников академика (Николай Семенович Курнаков, 1961). Но мы хотели бы выделить мемуары геологов В.П. Нехорошева и Д.С. Коржинского. Они общались с профессором и подметили важные черты в личности ученого (Нехорошев, 1974: 164-189; Коржинский, 1974: 189-195). Очень содержательными были мемуары В.Н. Ипатьева (1867–1952), известного химика, эмигрировавшего из СССР в 1930 г. в разгар борьбы с «вредителями». В двухтомном издании, вышедшем в Нью-Йорке в 1945 г., мы находим впечатления от делового общения с Курнаковым со времен, когда знаменитый академик был еще адъюнктом (Ипатьев, 1945). Из новейших публикаций выделим мемуарные записки А.П. Матвеева (1861–1942, Ленинград), металлурга, окончившего Уральское горное училище. Впоследствии мемуарист стал крупным организатором железодобывающей промышленности. Современник Курнакова, Александр Петрович, подробно рассказывал о профессии металлурга, о заводах Урала, большой интерес представляют замечания А.П. Матвеева о добыче русской платины (Воспоминания Матвеева, 2023: 24-240).

Обозначим методологию исследования. В работе использован метод структурно-функционального анализа, предложенный американским социологом Толкоттом Парсонсом (1902–1979) (Парсонс, 1993: 94-122). Этот метод позволил нам представить личность академика как объект исследования и выстроить его отношения с другими субъектами, в частности, сеть его социальных связей. Также была применена методология научных программ Имре Лакатоса (1922–1974). Она помогает определить место химической школы Курнакова в российской науке (Лакатос, 2008: 217-231). Рассуждая о территориально-производственной специфике различных регионов Российской империи, мы опирались на труды одного из создателей отечественной экономико-географической школы Николая Николаевича Колосовского (1891–1954) (Колосовский, 2006: 87-122).

Из специальных научных методов в работе активно применяется биографический, чтобы реконструировать детали жизненного пути академика Курнакова. Из общенаучных использовались методы синтеза и анализа, а также диахронный метод. Нашел применение институциональный подход, чтобы проанализировать административно-организационные изменения в системе управления наукой.

3. Обсуждение

Оценки деятельности академика Н.С. Курнакова начали появляться в 1920-е гг., когда о нем стали говорить как об одном из классиков химической науки. В пример можно привести юбилейный сборник Горного института 1926 г., выпущенный после празднования 150-летия учебного заведения. Раздел о химических науках был написан профессором Н.И. Степановым (1879–1938), одним из главных учеников академика. Высоко оценивались научные и организаторские способности Курнакова. Автор описывал физико-химические исследования в стенах Горного института и основание Института физико-химического анализа (Степанов, 1926: 97). В 1928 г. Николай Иванович в книге о физико-химическом анализе оценивал Курнакова как создателя теории физиохимии (Степанов, 1928). Биография Курнакова в 1937 г. попала в Большую Советскую Энциклопедию под редакцией академика О.Ю. Шмидта (1891–1956). Там мы находим строки о вкладе «школы Курнакова» в химическую науку (Большая советская энциклопедия, 1937: 541). В 1939 г.

появилась статья, посвященная достойным личным качествам академика, стилю его преподавания и теоретической эрудиции. Авторами выступили бывший лекционный ассистент академика, член-корреспондент АН СССР Г.Г. Уразов (1884–1957) и крупный специалист по соляным озерам профессор А.В. Николаев (1902–1977) (Уразов, Николаев, 1939: 785–812). К юбилею в 1940 г. заметную статью написал коллега Курнакова по Институту общей и неорганической химии ИОНХ, доктор химических наук О.Е. Звягинцев (1894–1967) (Звягинцев, 1940: 139–143).

Смерть корифея вызвала большое количество памятных публикаций. Откликнулись крупнейший специалист в области физико-химического анализа В.Я. Аносов (1891–1972), основоположник биохимии в России академик А.Н. Бах (1857–1946), крупнейший специалист по карналлитам профессор Н.Н. Ефремов (1886–1947) (Аносов, 1941: 46–50; Бах, 1941: 2–4; Ефремов, 1941: 449–456). Прислал памятную статью и президент АН СССР В. Л. Комаров (1869–1945) (Комаров, 1941: 87–88).

Из работ, вышедших в годы войны, интерес представляет статья профессора С. А. Погодина (1894–1984), ученика Курнакова (Погодин, 1944: 23–39). Связывая профессионализм учителя и способность привлекать молодых последователей, он привел цитату из статьи вице-президента Университета Индианы (США), американского химика Г.Т. Бриско (1893–1960) из британского журнала «Nature». Приведем слова Бриско: «со смертью Н.С. Курнакова Россия потеряла пионера физико-химика, работа и влияние которого были велики на его родине и распространилась далеко за ее пределы... Он основал одну из ведущих школ химиков-неоргаников в СССР. Работа Курнакова, производившаяся им с помощью многочисленных более молодых сотрудников, многие из которых в настоящее время способствуют обороне и промышленному росту России, служит превосходным примером того, что развитие науки и прогресс техники тесно связаны и в значительной мере зависят друг от друга» (Погодин, 1944: 23).

После войны, в конце 1940-х гг., в СССР началась компания, направленная на возвеличивание русской науки. Несмотря на идеологический прессинг со стороны власти, советские ученые сумели успешно встроить биографии видных теоретиков и инженеров в сталинский курс истории, науки и техники. Об этом свидетельствует издание новых биографий Курнакова, сделанное в 1948 г. к 225-летию Горного института (Уразов, 1948: 354–364; Немилев, 1951: 47–59).

В годы «оттепели» изучение личности Н.С. Курнакова приобрело новый характер. В 1960 г. появилась первая монография о знаменитом корифее химической науки к столетию его рождения. Авторами ее выступили Ю.И. Соловьев и академик О.Е. Звягинцев (Соловьев, Звягинцев, 1960). Представляет интерес очерк о физической химии в книге А.С. Федорова (1909–1996), изданной в 1969 г. Видный историк естествознания и техники обратил особое внимание на вклад ученого в развитие физической химии (Федоров, 1969: 150–182). В 1970-е гг. личность академика Курнакова стала особенно актуальна в связи с празднованием 200-летия Горного института. В 1973 г. вышло важнейшее издание об истории Института, где мы находим юбилейные материалы об ученом (Ленинградский Горный институт, 1973: 271–275). В последующем хотелось бы выделить второе издание книги Ю. И. Соловьева, вышедшей из печати к 45-летию кончины прославленного химика (Соловьев, 1986).

С 1990-х гг. интерес к личности академика Курнакова не угас. В 1998 г. праздновался юбилей Санкт-Петербургского Государственного Горного института – 225 лет. В новой монографии коллектив ведущих ученых Горного института уделил внимание общественной деятельности академика Курнакова (История создания..., 1998: 37, 44, 47, 49). В 1999 г. вышла книга видного историка науки А.В. Кольцова (1927–2000). Монография была посвящена Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Курнаков плодотворно трудился в комиссии весь период ее деятельности – с 1915 по 1930 гг. (Кольцов, 1999). Впоследствии эту тему в одной из своих статей продолжил видный историк науки Э.И. Колчинский (1944–2020) (Колчинский, 2016: 124–134). Большой интерес представляют публикации ученых химиков из Политехнического университета, историков науки, профессоров А.Г. Морачевского и А.И. Демидова. Публикации посвящены вкладу академика Н.С. Курнакова и его учеников в развитие химических школ ведущих университетов: Горного, Политехнического и Электротехнического (Морачевский, 2009; Морачевский, 2019: 140–147; Демидов, 2021: 64–75).

Выделим несколько публикаций об академике Н.С. Курнакове, сделанных в Москве в 2010-е гг. Это, прежде всего, материалы, собранные под редакцией академика К.А. Солнцева, посвященные 80-летию ИОНХ (Александр Байков, 2018: 9–19). Можно вспомнить о крупном выступлении академика Ю.Н. Третьякова (1931–2012) на юбилее Н.С. Курнакова в 2010 г. (Третьяков, 2010: 3–5). Важную экономико-географическую работу проделала профессор В.А. Широкова по изучению исследований Н.С. Курнакова с солями (Широкова, 2010).

Но, конечно, особенно серьезно выделяются статьи, созданные петербургскими учеными, преподавателями и инженерами Санкт-Петербургского Горного университета Императрицы Екатерины II. Среди них выделим профессоров В.Ю. Бажина, В.Н. Бричкина, О.А. Дубовикова, В.М. Сизякова, А.Г. Сыркова и Д.Э. Чиркста (Чиркст, 2013: 9–13; Дубовиков, 2015: 66–74; Сизяков и др., 2020: 94–96; Сырков и др., 2021: 77–83). В 2023 г. к 250-летию Горного института в

фундаментальной юбилейной статье доцента С.Н. Рудник, Е.А. Самыловская и профессор В.Г. Афанасьев отметили актуальность как научного, так и педагогического наследия академика Н.С. Курнакова (Рудник и др., 2023: 810–830). В том же году вышло новое издание «Очерков истории Горного института (1773–1917)», в которых были актуализированы ценные факты из жизни Курнакова (Очерки..., 2023).

В ходе изучения историографии выделим два крупных направления. Это Московское, связанное с деятельностью корифея в созданном им Институте и в МГУ. Представители петербургского направления, прежде всего, отображают период жизни Николая Семеновича, когда он создавал физико-химическую теорию в Горном университете и в Политехническом.

4. Результаты

Н.С. Курнаков родился в Вятской губернии 6 декабря 1860 г. Родители относились к нижегородским дворянам. Отец, будучи офицером, участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны. После смерти родителей Николаю Семеновичу перешло родовое имение в 300 десятин земли, которое принадлежало ему до революционных событий. Уже крупным ученым он сумел купить новое имение в шесть десятин под Петербургом. Будучи ребенком состоятельных родителей, будущий химик сумел устроить домашнюю лабораторию в 14 лет, учась в гимназии (Чиркст, 2013: 9). Отметим дороговизну такого увлечения. Современник Курнакова, горный инженер А.П. Матвеев, учась в Уральском горном училище, вспоминал: «лабораторная посуда вообще дорога, она высокого качества... Чашка стоила двадцать пять рублей» (Воспоминания..., 2023: 53). Этот эпизод подчеркивает, что Николай Семенович был из очень обеспеченной семьи. В студенческие годы он даже не подрабатывал частными уроками, как, например, будущий академик Д.С. Коржинский (Лейберов, 2023: 73). Увлечение химией предопределило поступление Курнакова в Горный институт по заводскому разряду в 1877 г. (Чиркст, 2013: 9).

В ту эпоху штат Института состоял из 17 преподавателей и двух лаборантов, обучавших студентов по двум разрядам: горному и заводскому. На заводском отделении готовили специалистов для металлургических заводов. Профессор Д.Э. Чиркст пришел к выводу, что на преподавание химии отводилось в четыре раза больше часов, чем на преподавание металлургии. Он пишет: «фактически Горный институт готовил высококвалифицированных химиков с технологическим уклоном» (Чиркст, 2013: 9). После переезда химической лаборатории на первый этаж классного корпуса (нынешний 1-й корпус) Горного института она была оборудована первоклассным образом. В лаборатории было паровое отопление, газовое освещение, новый водопровод, а с 1894 г. появилось электричество от электростанции Института (Чиркст, 2013: 9).

Высокоуровневая лаборатория сыграла не последнюю роль в становлении известного химика. Но не менее важным был преподавательский состав Горного института. Среди профессоров, которые преподавали Курнакову, выделялись К.И. Лисенко, К.Д. Сушин, В.Ф. Алексеев – все знаменитые химики. В целом надо отметить, что преподаватели пореформенного периода совмещали в себе качества педагогов, исследователей, собирателей богатых коллекций минералов (Дорофеев и др., 2023: 674–686). Своим главным учителем Николай Семенович считал Конона Ивановича Лисенко (1837–1903) – талантливого химика, одного из первых основоположников теоретических основ нефтяного дела в России (Тропов et al., 2021: 282–283). В молодости Лисенко сделал ряд открытий и в металлургии. Именно исследование металлов и сплавов заняло важнейшее место в биографии Николая Семеновича (Курнаков, 1915: 375–376).

В 1882 г. Курнаков окончил Горный институт с отличием и был оставлен при институте для занятий в химической лаборатории. Изначально ему платили годовое жалование в 200 рублей. Каждые три месяца он должен был направлять отчеты в Горный департамент (ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 204. Т. 1. Л. 3–4). В марте 1883 г. будущий академик был награжден своим первым орденом Святого Станислава 3-й степени (ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 204. Т. 1. Л. 28). До революции Курнакову вручили восемь императорских орденов (Чиркст, 2013: 10).

Молодой кандидат в адъюнкты активно вбирал новые знания не только в Санкт-Петербурге. Он был отправлен за границу в июле 1883 г. Целый год с лишним во Фрайбергской горной академии и в Парижской горной школе он знакомился с подходами к преподаванию галургии, металлургии и пробирного искусства. Кроме этого, ученый побывал на десятках металлургических и химических заводов, соляных коях и варницах Франции, Германии и Австро-Венгрии. Ежемесячный оклад при этом по сумме приближался к годовому в России – 150 рублей. Вернувшись глубокой осенью 1884 г. из зарубежной командировки, молодой химик уже в октябре следующего 1885 г. успешно защитил диссертацию на звание адъюнкта по кафедре металлургии, галургии и пробирного искусства на тему «Испарительные системы соляных варниц». Став адъюнктом по вышеуказанной кафедре, Николай Семенович получил право на чин титулярного советника, 100 рублей ежемесячного жалования и квартиру в современном 7-м корпусе Горного института. На отопление квартиры из фондов Института выделялись специально дрова (Уразов, 1948: 358).

Летом 1886 г. молодой ученый вместе с профессором Николаем Александровичем Иоссой (1847–1916) исследовал операции выплавки меди, свинца и серебра на Алтайских заводах (Немилов,

1951: 53). А в следующем, 1887 г., Курнаков получил разрешение директора Горного института на заключение брака с дочерью подполковника Волосатова – Анной Михайловной. Впоследствии у них родились сын Николай и дочь Вера. Если Николай Николаевич (рожд. 1889 г.) стал горным инженером на советских заводах, то следы Веры Николаевны (1897 г. рожд.), получившей подготовку сестры милосердия и служившей с апреля 1915 г. в Петроградской Елисаветинской общине Красного креста, терялись на полях Первой мировой и гражданской войн (ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 204. Т. 1. Л. 22).

Посвятив значительную часть времени изучению металлов и сплавов, Николай Семенович в 1893 г. защитил диссертацию «О сложных металлических основаниях», после чего в следующем году он был назначен экстраординарным профессором по кафедре неорганической химии, а с 1896 г. – ординарным. На этой должности Курнаков сменил своего учителя, профессора Лисенко, ушедшего на пенсию в 1891 г. Но в 1899 г. он занял должность Владимира Федоровича Алексеева (1852–1919), возглавив кафедру аналитической химии в Горном институте (Немилов, 1951: 47-48).

К моменту занятия новой должности у Николая Семеновича был целый ряд печатных трудов, посвященных металлургии, комплексным соединениям платиновых металлов, природным соляным растворам Крыма, технологии топлива, теоретической и прикладной химии. Благодаря успехам физической химии и открытию Д.И. Менделеевым периодического закона в научной общественности появился большой интерес к природе металлических сплавов. Николай Семенович успешно этим воспользовался и способствовал открытию при Русском техническом обществе Металлографической комиссии. Она должна была объединить специалистов по металлическим сплавам (Немилов, 1951: 47-48).

Теперь обратим внимание на то, что по Уставу Горного института 1896 г., когда учебному заведению было присвоено имя Екатерины II, были введены должности ассистентов, помогавших профессорам проводить лабораторные работы и научные исследования. Так, у профессоров Горного института и у Николая Семеновича стали появляться ученики, начали формироваться научные школы (Очерки..., 2010: 96-97). Среди учеников Курнакова в этот период выделялись известные химики Николай Иванович Подкопаев (1872–1930), Николай Иванович Степанов (1879–1938), Петр Яковлевич Сальдау (1879–1962), Сергей Федорович Жемчужный (1873-1929), Александр Назарович Кузнецов (1877–1946) и Константин Федорович Белоглазов (1887–1951) (Гончарова, Михайлова, 2023: 90-96).

Николай Семенович очень внимательно относился к своим ученикам. Вот что после смерти он говорил о Сергее Федоровиче Жемчужном в 1929 г.: «более тридцати лет, мне пришлось работать с ним вместе... Многолетние совместные занятия с Сергеем Федоровичем являются для меня одним из самых отрядных воспоминаний в моей жизни; он был моим дорогим сотрудником и другом, который близко принимал к сердцу как радости, так и печали нашей совместной деятельности» (Соловьев, 1986: 47).

В то же время Курнаков благожелательно относился к научным занятиям молодых коллег, учеников других химиков. Так, В.Н. Ипатьев, впоследствии один из создателей каталитической химии высоких давлений и температур, а тогда молодой химик из Михайловской артиллерийской академии, вспоминал о положительной реакции Николая Семеновича на его доклад в 1892 г. на заседании Русского физико-химического Общества под председательством Д.И. Менделеева. Владимир Николаевич писал: «... молодой адъютант Н.С. Курнаков... сделал очень интересное замечание и отнесся одобрительно к моему первому химическому исследованию». Впоследствии Николай Семенович заинтересовался работами Ипатьева, проявил к нему внимание, о чем тот в эмиграции записал: «Мне было очень приятно сознавать, что Н.С. Курнаков, уже адъютант Горного института, заинтересовался моими работами, посетил мою скромную лабораторию на Фурштатдтской и вел со мной продолжительную беседу на тему о карбидах железа и структуре стали» (Ипатьев, 1945: 102).

Николай Семенович вел активную преподавательскую работу не только в Горном институте, но и в таких научных центрах, как Политехнический и Электротехнический институты. По его приглашению с 1898 г. в Электротехническом институте начал свою педагогическую деятельность талантливый химик Николай Александрович Пушкин (1875–1947). Вместе с Пушкиным Курнаков начал проводить первые исследования по сплавам таллия и свинца. В Электротехническом институте Курнаков работал до 1908 г., ушел вследствие большой загруженности. В 1899 г., когда начал создаваться Политехнический институт, Курнаков вместе с Д.И. Менделеевым и Н.А. Меншуткиным участвовал в устройстве химической лаборатории. С 1902 г. Курнаков был приглашен в Политех возглавить параллельно с Горным институтом кафедру общей химии. Он прославился тем, что организовал исследовательские работы, в которых участвовали не только преподаватели, но и студенты-дипломники (Морачевский, 2019: 140-147).

В эти годы также Курнаков совместно со своими учениками С.Ф. Жемчужным, Н.И. Степановым, Н.И. Подкопаевым и А.Н. Кузнецовым, изучая диаграммы «состав-свойство» металлических, органических и соляных систем, установили связь между характером изменения свойства и характером химического взаимодействия компонентов. Эти работы привели к созданию учения, впоследствии названного физико-химическим анализом. Основоположником нового

направления Николай Семенович считал французского химика, участника египетского похода Наполеона в 1798–1799 гг. в качестве научного консультанта, исследовавшего там редкие соли, Клода Луи Бертолле (1748–1822). Тогда направление понималось как учение о причинах взаимодействия веществ, о силах, порожденных химическими явлениями. Учение появилось в ходе споров с другим французским химиком, Жозефом Луи Прустом (1754–1826) в 1801–1808 гг. Но на долгие годы идеи были забыты из-за несовершенства техники. Также отметим, что во многом была неизвестна природа металлических сплавов, что тормозило использование многих металлов, которые не добывались. Несовершенна была и терминология. Требовалось обратиться к дефинициям на стыке физики и химии (Alpatova, May Chan Myae Zaw, 2024: 29-40; May et al., 2023: 60-69). И только в конце XIX века благодаря выросшему техническому уровню стало возможно переосмысление физико-химического анализа (Погодин, 1944: 30-32).

В 1899 г. Курнаков прочитал первую лекцию по физико-химическому анализу в Электротехническом институте, стенограмма которой сохранилась в архиве РАН. В наше время физико-химический анализ позволяет по характеру изменения физических свойств установить наличие ограниченных или непрерывных твердых растворов, механических смесей, химических соединений (Соловьев, 1986: 64-79). Пользуясь методом физико-химического анализа, Курнаков установил несколько типов химического взаимодействия компонентов: твердые растворы, образование химических соединений. Впоследствии Н.С. Курнаков совместно с С.Ф. Жемчужным при исследовании сплавов золота с медью впервые обнаружил неизвестный ранее факт образования химического соединения дальтонида (1912–1914) из твердого раствора при охлаждении. Это способствовало складыванию современной химии твердого и жидкого состояния (Немилов, 1951: 51-52). Академик Дмитрий Сергеевич Коржинский (1899–1985) высказал мысль, что Курнакову прийти к разработке физико-химического анализа помогло то, что в Горном институте во второй половине XIX века были заложены сильные традиции математической подготовки (Коржинский, 1974: 193).

После зарубежной командировки в Париж на Всемирную выставку 1900 г., где Курнаков был членом жюри и награжден французским орденом, Николай Семенович был включен в комиссию по строительству химического корпуса Горного института (ныне 6-й корпус). Архитектором выступил граф Николай Иванович де Рошфор (1846–1905), ему помогали архитектор Адам Иосифович Дитрих (1866–1933, Ленинград) и Константин Николаевич Де Рошфор-младший (1875–1961, Париж). Первый этаж здания занимали лаборатории неорганической и физической химии, второй этаж – лаборатории качественного анализа, третий этаж – лаборатории количественного анализа. Окончательно корпус был достроен в 1905 г. (Чиркст, 2013: 11).

Во время строительства нового корпуса в 1903 г. профессор получил чин действительного статского советника. Находясь в высоких званиях, Николай Семенович пользовался рядом благ: «чин статского советника, относился к пятому, высшему, классу чинов и соответствовал рангу, промежуточному между чином полковника и генерал-майора. Профессору по кафедре в то время полагалась многокомнатная казенная квартира с дровами и собственный выезд в карете с четверкой лошадей...» (Александр Байков, 2018: 13). Ровно через десять лет он стал тайным советником (ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 204. Т. 1. Л. 18).

В 1904 г. Николай Семенович создал прибор для автоматической записи кривых охлаждения металлов – пирометр, который исключал субъективные ошибки наблюдателя. Этот прибор сохранил актуальность до сих пор (Соловьев, 1960: 67). Он начал пользоваться популярностью у других металловедов. Так, его активно использовал профессор кафедры металлургии Политехнического института Александр Александрович Байков (1870–1946). В одной из работ 1910 г. он писал: «я решил воспользоваться лучшим регистрирующим прибором для записи и применить его для дифференциального метода, именно – превосходным прибором проф. Н.С. Курнакова» (Курнаков, 1986: 46).

В 1908 г. в связи с 25-летием учебной деятельности у Курнакова добавилось звание заслуженного профессора. После этого Николая Семеновича включили в Горный ученый комитет. Членство в этой организации обязало профессора с 1909 г. активно заниматься свойствами угля. Работы он проводил в шахтах Донецкого бассейна. Главные исследования он осуществлял в области свойств гремучего газа и взрывов. Но также серьезно он продвинулся в изучении взрывчатых свойств каменноугольной пыли (Немилов, 1951: 52). В том же году, высоко оценив заслуги ученого, Московский университет присвоил ему ученую степень доктора химических наук без защиты диссертации (Чиркст, 2013: 12).

Начиная с 1909 г. и до начала Первой мировой войны в 1914 г. в исследованиях Николая Семеновича произошел поворот в сторону изучения свойств и географии солей. Это было неудивительно, учитывая, что их свойства изучались Курнаковым еще в адъюнктской диссертации. Николай Семенович интересовался водными и безводными соляными системами, природными соляными рассолами. Вместе со своим ближайшим учеником, выпускником Горного института 1900 г. С.Ф. Жемчужным, Курнаков изучал обмен между хлористым магнием и сернокислым натрием. Эта реакция имеет исключительное значение в жизнедеятельности природных соляных

озер. В 1909 г. Николай Семенович организовал экспедицию для обследования залива Кара-Богаз в Каспийском море и получил богатые данные, использованные для создания так называемой диаграммы равновесий. В ней содержится картина соляных превращений, условия кристаллизации различных солей, границы их устойчивого существования. Все это было необходимо для освоения и использования озера Кара-Богаз-Гола и применимо для других сульфатных озер. В частности, стал известен путь выделения отдельных веществ в чистом виде (Немилов, 1951: 53).

После Кара-Богаз-Гола Курнаков изучал химические составы и лечебные грязи рассолов Куяльницкого и Хаджибейского лиманов, находящихся в районе Одессы, Перекопских и Генического озер в Крыму. Ученый ввел в химическую науку процесс метаморфизации рассолов, коэффициент метаморфизации, являющийся критерием изменения химического состава естественных водоемов. В Индрийском районе (современная Атырауская область на Северо-западе Казахстана) в конце XIX века были открыты отложения боратов, и Курнаков занялся изучением борнокислых соединений и условий их образования (Немилов, 1951: 53).

Параллельно Николай Семенович активно лоббировал создание Русского Металлургического общества в 1910 г. Одним из его учредителей был наставник Курнакова по Горному институту профессор Н.А. Иосса. И если почетное председательское место на ряд лет занял основатель научной металлографии, знаменитый ученый-металлург Дмитрий Константинович Чернов (1839–1921), то вице-председателем стал Курнаков. В частности, это было связано с необходимостью организации продолжения изучения платины. Еще в своих диссертационных исследованиях Курнаков анализировал комплексные соединения платиновых металлов. В тот момент вся мировая добыча платины концентрировалась в России, но сырая платина вывозилась за границу – в Британию, Францию и Германию, где подвергалась очистке. Одновременно с Русским металлургическим обществом в 1910 г. по инициативе Николая Семеновича при Горном департаменте Министерства торговли и промышленности было создано совещание по вопросу организации аффинажа сырой платины в России (Соловьев, Звягинцев, 1960: 90).

Взаимосвязь металлов и солей проявилась в 1912 г. на основании изучения рассолов и солей Соликамских и других солевых заводов. Курнаков предсказал существование в окрестностях Соликамска залежей калиевых солей, содержащих около 90 % (свыше 10 млрд. тонн) разведанных в бывшем СССР запасов руды, содержащей хлористый калий и магний, натрий и бром, редкие элементы рубидий, цезий (Соловьев, Звягинцев 1960: 53-54). Продолжая исследование металлов, Курнаков в 1912–1914 гг. проанализировал ядовитые свойства ферросилиция – сплава кремния и железа (Немилов, 1951: 52).

В 1913 г., оценивая заслуги профессора Курнакова, Императорская Академия наук избрала Николая Семеновича действительным членом по кафедре химии на место умершего в 1911 г. академика Николая Николаевича Бекетова (1827–1911). Став академиком, Курнаков начал получать пенсию 250 рублей в месяц. Но он продолжал преподавать, поэтому профессорское жалование ему было уменьшено до 100 рублей (ЦГА СПб. Ф. Р-8811. Оп. 13. Д. 205. Т. 2. Л. 15).

В отношении политики Курнаков сочетал осторожность с порядочностью. Во время студенческих беспорядков 1901–1902 гг. он с такими членами Совета Института, как Д.П. Коновалов, Н.Д. Коцовский, Н.П. Асеев, И.А. Тиме, В.Н. Липин, И.Ф. Шредер, Н.Н. Митинский, поддержал охранительные действия администрации Горного института (Очерки..., 2023: 181). Но в то же время вместе с профессором математики Иваном Петровичем Долбней давал поручительства за студентов в полиции, чтобы тех отпускали (История создания..., 1998: 43-44).

В то же время Николай Семенович не был сухим человеком, всегда умел пошутить. Бывший студент Горного института В. П. Нехорошев (1893–1977) вспоминал, что в 1913 г. учащиеся пожаловались заведующему лабораторией профессору Н.С. Курнакову на перегруженность программы, которая приводила к тому, что студенты сдавали по шпаргалкам. Владимир Петрович был удивлен ответом профессора: «К нашему удивлению, Н.С. Курнаков, улыбнувшись, ответил: «Эх, голубчики! Студенты всегда пользовались шпаргалками. В наше время мы писали их на манжетах» (Нехорошев, 1974: 166-167).

Тяжелым испытанием для страны стала Первая мировая война. Горный институт проводил большую благотворительную и оборонно-промышленную работу (Во главе Горного института, 2017: 232-233). В годы войны были потеряны такие важные ресурсные базы, как Домбровский угольный бассейн (Мокеев, 2023: 113). Поэтому вопросы использования дефицитных материалов приобретали особую значимость. В январе 1915 г. при Императорской Академии Наук группой ведущих ученых была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) (Кольцов, 1999: 13). КЕПС не располагала собственными лабораториями, и Николай Семенович предложил проводить исследования в помещениях Академии наук, университетов, военных организаций (Кольцов, 1999: 13).

В январе 1916 г. академик Н.С. Курнаков и другой известный химик, профессор Вячеслав Евгеньевич Тищенко (1861–1941), докладывали на общем собрании КЕПС об успехах опытов по получению йода из морской капусты и водорослей (Кольцов, 1999: 13; Емельянов, 2016: 21; Ипатьев, 1945: 532). В 1916 г. по поручению Химического комитета КЕПС Курнаков и Жемчужный выезжали в

Крым для исследования соляных озер перекопской группы. Ученые, опираясь на помощь местных инженеров, организовали на Сакском промысле опытный завод, на котором удалось добыть первые технические сорта магниевых и калиевых солей (Кольцов, 1999: 32).

Одновременно с работами по ценным металлам и солям в марте 1916 г. академик Курнаков был сделан членом Совета Военно-Химического Комитета. Члены Совета должны были содействовать химической промышленности в деле изготовления взрывчатых веществ. Николай Семенович, по воспоминаниям химика и генерал-лейтенанта В.Н. Ипатьева, был сделан председателем комиссии, занимавшейся опытами с боевыми газами, которые выпускали из баллонов. Курнакову приходилось ездить в Красное село, где проводились опыты. Работа комиссии, как и всего II Химического отдела, отвечавшего за все боевые отравляющие вещества, была напряженной, так как, по воспоминаниям академика Ипатьева, «фронт постоянно требовал сильно действующих удушающих средств» (Ипатьев, 1945: 503, 541-542).

В мае 1916 г. Подкомиссия по платине и совет КЕПС рассматривали вопросы, связанные с исследованием этого стратегически важного металла. Прозвучал доклад академика В.И. Вернадского «Срочные задачи изучения рудных редких металлов платиновой группы». Курнаков высказал свое мнение, которое он назвал «К вопросу о русской платине». В частности, он предложил «... широкое применение платины в России, организацию получения чистых металлов – платины, иридия, родия» (Кольцов, 2015: 29-30). Академик напомнил, что платинородиевые термоэлементы были необходимы для оборонной промышленности, в частности, в бойлерах, водонагревателях и, главное, в двигателях самолетов (Кольцов, 2015: 29-30). Заметим, что до октября 1917 г. в России было выпущено 5 600 самолетов, работало 15 авиастроительных и 6 моторостроительных заводов (Давыдов, 2023: 23). Правда, не было русской авиационной стали. Металлург и коммерсант А.П. Матвеев вспоминал, что в годы Первой мировой войны к нему обратилось Главное Управление Воздушного Флота через профессора Д.В. Яковлева (1879–1942). Было принято решение об организации производства стали для самолетов из американского никеля, которое развернули на Омутнинском заводе в Вятке (Воспоминания..., 2023: 234-235).

По воспоминаниям А.П. Матвеева, большая часть российской платины, добытой на Исовских приисках, прозванных «русским Клондайком», продавалась таким крупным фирмам, как британская компания «Джонсон Мэтти» (Воспоминания..., 2023: 187-191). В условиях же войны 26 мая совет КЕПС вышел на Правительство с предложением запрета вывоза сырой платины, чтобы изучение сырья происходило только в России (Кольцов, 1999: 33). Это было важным шагом к обеспечению сырьевого суверенитета отечественной промышленности. Подобные методы будут взяты на вооружение в будущем (Литвиненко и др., 2023: 95-111).

В октябре-ноябре 1916 г. Курнаков и Жемчужный продолжили исследование солей Кара-Богаз-Гола. Их добычей и обработкой удалось заинтересовать предпринимателей из Нижегородского биржевого комитета (Кольцов, 1999: 34). Напомним, до революции 1917 г. Нижний Новгород был крупным торговым центром России. Уже упоминавшийся А.П. Матвеев считал: «Нижний Новгород – центр пароходного движения на Волге, рынок вообще многих товаров и потому чувствительный барометр народно-хозяйственной жизни» (Воспоминания..., 2023: 153). Купцы, в частности, хотели наладить торговлю глауберовой солью, которая применялась в производстве соды, различных кислот, ультрамарина (пигмент), в стекольной промышленности, в холодильном деле, в медицине (Кольцов, 1999: 34).

5. Заключение

Николай Семенович Курнаков происходил из состоятельной дворянской семьи. Его биография не изобилует неожиданными или авантюрными поворотами, жизненный путь был связан с постепенным подъемом по лестнице научного и общественного признания. Время студенческой и адъюнктской учебы Курнакова – это эпоха расцвета дореволюционного Горного института, когда в нем преподавали и проводили исследования крупные ученые. К этому располагала и обстановка: ровные деловые отношения между всеми участниками научных и образовательных процессов, современное оснащение лабораторий, отправка ученых за границу. Н. Курнаков унаследовал от своих преподавателей и научного руководителя, профессора К.И. Лисенко, лучшие черты. Сохранились сугубо комплиментарные свидетельства о его преподавательских и научных способностях.

Выделяется и то, что Николай Семенович сумел собрать вокруг себя молодых, талантливых учеников, многие из которых стали знаменитыми химиками. Это стало возможным благодаря тому, что руководство Горного института в конце XIX столетия стимулировало появление у профессоров способных ассистентов. Н.С. Курнакова отличало внимательное и человеческое отношение как к своим ученикам, так и другим коллегам. К студентам, которым он преподавал, Н. Курнаков относился порядочно, сочувственно, умел даже пошутить с ними. Но по политическим взглядам он не был демократом, никогда не поддерживал оппозиционных высказываний против власти.

Успехи Николая Семеновича Курнакова мы находим в различных областях химической науки. Он – один из создателей физико-химического метода, сделал огромный вклад в металловедение и в изучение географии и свойств солей. Достижениям академика Курнакова способствовало

сложившееся в России сообщество профессиональных химиков, поддерживавших друг друга. Это были ученые, которые открыто, без явных ограничений выстраивали свои деловые и научные связи. При этом химики могли работать в нескольких учебных заведениях или пользоваться различными академическими лабораториями. Эти социальные и научные связи, которые мы можем назвать сетями контактов, продолжали работать, когда началась Первая мировая война. Ведущие ученые с участием Н.С. Курнакова сумели создать КЕПС, эта комиссия сумела скоординировать серьезные усилия, направленные на создание оборонно-промышленных технологий.

Исследования Н.С. Курнакова и его учеников способствовали дальнейшему совершенствованию промышленных технологий и территориально-производственной специализации различных регионов Российской империи. Исследования донецких углей делали их добычу более безопасными. А работы, направленные на изучение свойств солей в Крыму, Одессе и у берегов Кара-Богаз-Гол, способствовали развитию заказов на поставку этого сырья, налаживанию торговых связей. Выразительный пример – интерес нижегородских купцов и биржевиков к солям у побережья Казахстана.

Литература

[Александр Байков, 2018](#) – Александр Александрович Байков // Институт металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова – 80 лет. Сб. тр. под ред. академика К. А. Солнцева. М.: Интерконтакт Наука, 2018. С. 9-19.

[Аносов, 2018](#) – Аносов В.Я. Памяти академика Н.С. Курнакова // *Химия в школе*. 1941. № 3. С. 46-50.

[Бах, 1941](#) – Бах А.Н. Светлой памяти академика Н.С. Курнакова // *Бюллетень Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева*. 1941. № 4. С. 2-4.

[Большая советская энциклопедия, 1937](#) – Большая Советская энциклопедия / гл. ред. Шмидт О.Ю. Т. 35. «Крестьянская газета». Ларсон. М.: ОГИЗ РСФСР, 1937. С. 541.

[Во главе Горного института, 2017](#) – Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773-1918) / *Афанасьев В.Г., Волошинова И.В., Друзин М.В., Лейберов А.И., Микешин М.И., Мокеев А.Б., Подольский С.И., Позина Л.Т., Рудник С.Н., Шайдунов В.Н.* СПб.: Санкт-Петербургский Горный университет, 2017. 240 с.

[Воспоминания..., 2023](#) – Воспоминания А.П. Матвеева // *Свердлин Л.И., Зимина О.Г., Легович С.В., Скрипалев К.Г.* Вверх по железной лестнице (На основе воспоминаний Александра Петровича Матвеева) / *Свердлин Л.И., Зимина О.Г., Легович С.В., Скрипалев К.Г.* СПб.: Издатель Садилов А.В. 2023. С. 24-240.

[Гончарова, Михайлова, 2023](#) – *Гончарова М.В., Михайлова М.С.* Две династии горных инженеров – Белоглазовы и Тиме, две ветви одной семьи – полтора столетия на службе Горного университета // *Цветные металлы*. 2023. № 7. С. 90-96. DOI: 10.17580/tsm.2023.07.12

[Давыдов, 2023](#) – Давыдов А.Ю. «Социалистическая реконструкция» 1930-х годов. СССР идет к большой войне. СПб.: «Евразия», 2023. 384 с.

[Демидов, 2021](#) – Демидов А.И. Политехники – члены комиссии по изучению естественных производительных сил России // *История и педагогика естествознания*. 2021. № 1-2. С. 64-75. DOI: 10.24412/2226-2296-2021-1-2-64-75

[Дорофеев и др., 2023](#) – *Дорофеев Д.Ю., Боровкова Н.В., Васильева М.А.* Горный музей как пространство науки и образования Горного университета // *Записки Горного института / Journal of Mining Institute*. 2023. Т. 263. С. 674-686.

[Дубовиков, 2015](#) – Дубовиков О.А. Научное наследие академика Николая Семеновича Курнакова // *Записки Горного института*. 2015. Т. 215. С. 66-74;

[Емельянов, 2016](#) – Емельянов А.Ю. Академик В.Е. Тищенко. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2016. 40 с.

[Ефремов, 1941](#) – Ефремов Н.Н. Светлой памяти академика Н.С. Курнакова // *Известия АН СССР. Отделение химических наук*. 1941. № 3. С. 449-456

[Жданев, 2022](#) – Жданев О.В. Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // *Записки Горного института*. 2022. Т. 258. С. 1061-1078. DOI: 10.31897/PMI.2022.107

[Звягинцев, 1940](#) – Звягинцев О.Е. Академик Николай Семенович Курнаков. К 80-летию со дня рождения // *Вестник АН СССР*. 1940. № 11-12. С. 139-143.

[Ипатьев, 1945](#) – Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1. 1867-1917. Нью-Йорк: Stanford University press, 1945. 562 с.

[История создания..., 1998](#) – История создания и развития Санкт-Петербургского Государственного Горного института. Т. 1. СПб.: СПГИ, 1998. 191 с.

[Колосовский, 2006](#) – *Колосовский Н.Н.* Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии / *Избранные труды*. Смоленск: «Ойкумена», 2006. С. 87-122

[Колчинский, 2016](#) – *Колчинский Э.И.* Первая мировая война и мобилизация науки // *Политическая концептология*. 2016. № 4. С. 124-142.

- Кольцов, 1999** – Кольцов А.В. Создание и деятельность по изучению естественных производительных сил России. 1915-1930 гг. СПб.: Наука, 1999. 181 с.
- Кольцов, 2015** – Кольцов А.В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914-1918 // *Современные производительные силы*. 2015. № 1. С. 26-36.
- Комаров, 1941** – Комаров В.Л. Николай Семенович Курнаков // *Вестник АН СССР*. 1941. № 5-6. С. 87-88.
- Коржинский, 1974** – Коржинский Д.С. Воспоминания о Ленинградском Горном институте // Геологи Ленинградского Горного института. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 17. М.: Наука, 1974. С. 189-195.
- Курнаков, 1915** – Курнаков Н.С. // Императорская академия наук. 1889-1914. Т. 3. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. Ч. 1. А-Л. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1915. С. 374-381.
- Лакатос, 2008** – Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект; «Трикта», 2008. С. 217-231.
- Лейберов, 2023** – Лейберов А.И. Коржинский Д.С. Жизнь, посвященная геологии (академик Д.С. Коржинский) // *Горный журнал*. 2023. № 3. С. 72-78. DOI: 10.17580/gzh.2023.03.11
- Ленинградский горный институт, 1973** – Ленинградского Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени Горный институт им. Г.В. Плеханова. 1773-1973. Л.: Лениздат, 1973. 319 с.
- Литвиненко и др., 2023** – Литвиненко В.С., Петров Е.И., Василевская Д.В., Яковенко А.В., Наумов И.А., Ратников М.А. Оценка роли государства в управлении минеральными ресурсами // *Записки Горного института*. 2023. Т. 259. С. 95-111. DOI: 10.31897/PMI.2022.100
- Мокеев, 2023** – Мокеев А.Б. Вклад ученых Горного института в развитие металлургической промышленности Царства Польского во второй половине XIX в. – начале XX в.: новые технологии и автоматизация производства // *Цветные металлы*. 2023. № 4. С. 109-114. DOI: 10.17580/tsm.2023.04.15
- Морачевский, 2009** – Морачевский А.Г. Очерки о химиках России. СПб.: изд-во Политехнического университета, 2009. 153 с.
- Морачевский, 2019** – Морачевский А.Г. Из истории Химического факультета Политехнического института (1919-1930) // *Научно-технические ведомости СПбПУ. Естественные и инженерные науки*. Т. 25. № 3. 2019. С. 140-147.
- Немилов, 1951** – Немилов В.А. Академик Николай Семенович Курнаков (1860-1941) // Выдающиеся ученые Горного института. 1773-1948 / Ред. – сост. И.И. Шафрановский / *Сб. статей, посвященных 175-летию Горного института*. Вып. второй. М., Металлургиздат, 1951. С. 47-59.
- Нехорошев, 1974** – Нехорошев В.П. Воспоминания старого студента // *Геологи Ленинградского Горного института. Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 17. М.: Наука, 1974. С. 164-189.
- Николай Семенович Курнаков, 1961** – Николай Семенович Курнаков в воспоминаниях современников и учеников. К 100-летию со дня рождения. 1860-1960 гг. М.: АН СССР. Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова [Отв. ред. О.Е. Звягинцев]. 1961. 100 с.
- Очерки..., 2010** – Очерки истории Горного института (1773-1917) / *Афанасьев, Позина Л.Т., Севастьянов Ф.Л., В.Г., Волошинова И.В., Плюхина Т.В.* СПб.: СПГИ, 2010. 185 с.
- Очерки..., 2023** – Очерки истории Горного института (1773-1917) / *Афанасьев В.Г., Волошинова И.В., Мокеев А.Б., Плюхина Т.В., Подольский С.И., Рудник С.Н.* СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2023. 300 с.
- Парсонс, 1993** – Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // *Thesis*. 1993. Вып. 2. С. 94-122.
- Погодин, 1944** – Погодин С.А. Физико-химический анализ (Н.С. Курнаков и его школа) / *Советская химия за 25 лет. Сб. статей*. М.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 23-39.
- Рудник и др., 2023** – Рудник С.Н., Самыловская Е.А., Афанасьев В.Г. 250 лет на службе Отечеству: Санкт-Петербургский Горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах // *Записки Горного института*. 2023. Т. 263. С. 810-830.
- Рудник, Самыловская, 2022** – Рудник С.Н., Самыловская Е.А. Петр I и развитие металлургии в России // *Цветные металлы*. 2022. № 7. С. 5-14. DOI: 10.17580/tsm.2022.07.01
- Сизяков и др., 2020** – Сизяков В.М., Бажин В.Ю., Дубовиков О.А. Крылатый металл Победы // *Цветные металлы*. 2020. № 5 (929). С. 94-96.
- Соловьев, 1986** – Соловьев Ю.И. Николай Семенович Курнаков: 1860-1941. М.: Наука, 1986. 272 с.
- Соловьев, Звягинцев, 1960** – Соловьев Ю.И., Звягинцев О.Е. Николай Семенович Курнаков. Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 208 с.
- Степанов, 1926** – Степанов Н.И. Химия // Ленинградский Горный институт. Юбилейный сборник. 1773-1923. Издание юбилейной комиссии Горного института и издательской комиссии кассы взаимопомощи студентов. Л.: ЛГИ, 1926. С. 90-98.
- Степанов, 1928** – Степанов Н.И. Физико-химический анализ. М.: «Работник просвещения», 1928. 36 с.

[Сырков и др., 2021](#) – Сырков А.Г., Прокопчук Н.Р., Воробьев А.Г., Бричкин В.Н. Академик Н.С. Курнаков как основоположник физико-химического анализа – научного фундамента для разработки новых металлических сплавов и материалов // *Цветные металлы*. 2021. № 1. С. 77-83. DOI: 10.17580/tsm.2021.01.09

[Сырков и др., 2023](#) – Сырков А.Г., Маховиков А.Б., Томаев В.В., Тарабан В.В. Приоритет в области нанотехнологий Горного университета в Санкт-Петербурге – современного центра разработки новых наноструктурированных металлических материалов // *Цветные металлы*. 2023. № 8. С. 5-13. DOI: 10.17580/tsm.2023.08.01

[Третьяков, 2010](#) – Третьяков Ю.Д. К 150-летию со дня рождения Н.С. Курнакова // *Нанометр*. Информационный бюллетень ФНМ. 2010. Декабрь. № 12 (52). С. 3-5.

[Уразов, 1948](#) – Уразов Г.Г. Николай Семенович Курнаков // *Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники*. М.-Л.: ОГИЗ, 1948. С. 354-364.

[Уразов, Николаев, 1939](#) – Уразов Г.Г., Николаев А.В. Академик Николай Семенович Курнаков и его труды по химии // *Успехи химии*. 1939. Т. VIII. Вып. 6. С. 785-812.

[Федоров, 1969](#) – Федоров А.С. Творцы науки о металле. Очерки о творчестве отечественных ученых металлургов и металловедов / отв. ред. Погодин С.А. М.: «Наука», 1969. С. 150-165. 224 с.

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

[Чиркст, 2013](#) – Чиркст Д.Э. О жизни и деятельности академика Н.С. Курнакова // *Записки Горного института*. 2013. Т. 202. С. 9-13.

[Широкова, 2010](#) – Широкова В.А. Гидрохимия в России. Очерки истории. М.: ИИЕТ РАН, 2010. 274 с.

[Alpatova, May, 2024](#) – Alpatova P.N., May Chan Myae Zaw (2024). The componential semantic reflection of Russian energy industry terms in scientific articles. // *Research Journal in Advanced Humanities*. 5(2): 29-40. DOI: <https://doi.org/10.58256/d498dh32>

[May, Alpatova, 2023](#) – May Chan Myae Zaw, Alpatova P.N. Ambiguity in the Russian terminology of the energy industry // *XLinguae*. 2023. 16(1), 60-69. DOI: 10.18355/XL.2023.16.01.05

[Tropov et al., 2021](#) – Tropov I.A., Podolskiy S.I., Lyubichankovskiy S.V. The development of the mineral and raw materials base of Russia in the works of scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. № 16 (1). DOI: 10.13187/bg.2021.1.281

References

[Aleksandr Baikov, 2018](#) – Aleksandr Aleksandrovich Baikov [Aleksandr Aleksandrovich Baikov]. Institut metallurgii i materialovedeniya im. A.A. Baikova – 80 let. Sb. tr. pod red. akademika K.A. Solntseva. M., 2018. Pp. 9-19. [in Russian]

[Anosov, 2018](#) – Anosov, V.Ya. (1941). Pamyati akademika N.S. Kurnakova [In memory of academician N.S. Kurnakov]. *Khimiya v shkole*. 3: 46-50. [in Russian]

[Bakh, 1941](#) – Bakh, A.N. (1941). Svetloi pamyati akademika N.S. Kurnakova [To the bright memory of Academician N.S. Kurnakov]. *Byulleten' Vsesoyuznogo khimicheskogo obshchestva im D.I. Mendeleeva*. 4: 2-4. [in Russian]

[Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, 1937](#) – Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya. 35: «Krest'yanskaya gazeta». Larson. M., 1937. P. 541. [in Russian]

[Chirkst, 2013](#) – Chirkst, D.E. (2013). O zhizni i deyatelnosti akademika N.S. Kurnakova [About the life and work of academician N.S. Kurnakov]. *Zapiski Gornogo instituta*. 202: 9-13. [in Russian]

[Davydov, 2023](#) – Davydov, A.Yu. (2023). «Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya» 1930-kh godov. SSSR idet k bol'shoi voine [The «Socialist reconstruction» of the 1930s. The USSR is heading for a big war]. SPb.: «Evraziya». P. 23. [in Russian]

[Demidov, 2021](#) – Demidov, A.I. (2021). Politekhniki – chleny komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii [Polytechnics – members of the Commission for the Study of the natural productive forces of Russia]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*. 2021. 1-2: 64-75. [in Russian]

[Dorofeev i dr., 2023](#) – Dorofeev, D.Yu., Borovkova, N.V., Vasil'eva, M.A. (2023). Gornyi muzei kak prostranstvo nauki i obrazovaniya Gornogo universiteta [The Mining Museum as a space of science and education of the Mining University]. *Zapiski Gornogo instituta*. 263: 674-686. [in Russian]

[Dubovikov, 2015](#) – Dubovikov, O.A. (2015). Nauchnoe nasledie akademika Nikolaya Semenovicha Kurnakova [The scientific legacy of academician Nikolai Semenovich Kurnakov]. *Zapiski Gornogo instituta*. 215: 66-74. [in Russian]

[Efremov, 1941](#) – Efremov, N.N. (1941). Svetloi pamyati akademika N.S. Kurnakova [To the bright memory of Academician N.S. Kurnakov]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie khimicheskikh nauk*. 3: 449-456. [in Russian]

[Emel'yanov, 2016](#) – Emel'yanov, A.Yu. (2016). Akademik V.E. Tishchenko. [Academician V.E. Tishchenko]. SPb.: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo. P. 21. [in Russian]

[Fedorov, 1969](#) – Fedorov, A.S. (1969). Tvortsynauki o metalle. Ocherki o tvorchestve otechestvennykh uchenykh metallurgov i metallovedov [The creators of the science of metal. Essays on the work of Russian metallurgists and metal scientists]. M., P. 150-165. [in Russian]

- Goncharova, 2023** – *Goncharova, M.V., Mikhailova M.S.* (2023). Dve dinastii gornyykh inzhenerov – Beloglazovyi Time, dve vetvi odnoi sem'i – poltora stoletiya na sluzhbe Gornogo universiteta [Two dynasties of mining engineers – the Beloglazovs and Times, two branches of the same family – have been in the service of the Mining University for a century and a half]. *Tsvetnye metally*. 7: 90-96. [in Russian]
- Leningradskii gornyi institut, 1973** – Leningradskogo Ordena Lenina i Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Gornyi institut im. G.V. Plekhanova. 1773-1973 [Leningrad Order of Lenin and Order of the Red Banner Mining Institute named after G.V. Plekhanov. 1773-1973]. Leningrad, 1973. Pp. 274-275. [in Russian]
- Ipat'ev, 1945** – *Ipat'ev, V.N.* (1945). Zhizn' odnogo khimika. Vospominaniya [The life of a chemist. Memories]. 1. 1867-1917. N'yu-Iork. Pp. 102, 532, 541-542. [in Russian]
- Istoriya sozdaniya..., 1998** – Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Gornogo instituta (1998) [The history of the creation and development of the St. Petersburg State Mining Institute]. 1. SPb. Pp. 102, 532, 541-542. [in Russian]
- Kolchinskii, 2016** – *Kolchinskii, E.I.* (2016). Pervaya mirovaya voyna I mobilizatsiya nauki [The First World War and the mobilization of science]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 4: 124-142. [in Russian]
- Kolosovskii, 2006** – *Kolosovskii, N.N.* (2006). Proizvodstvenno-territorial'noe sochetanie (kompleks) v sovetskoi ekonomicheskoi geografii [Industrial and territorial combination (complex) in Soviet economic geography]. *Izbrannye trudy*. Smolensk. Pp. 87-122. [in Russian]
- Kol'tsov, 1999** – *Kol'tsov, A.V.* (1999). Sozdanie i deyatelnost' po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii. 1915-1930 gg. [Creation and activity on the study of the natural productive forces of Russia. 1915-1930]. SPb: 32-34 [in Russian]
- Kol'tsov, 2015** – *Kol'tsov, A.V.* (2015). Deyatelnost' komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii: 1914-1918. [Activities of the Commission for the Study of the natural productive forces of Russia: 1914-1918]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*. 1: 26-36. [in Russian]
- Komarov, 1941** – *Komarov, V.L.* (1941) Nikolai Semenovich Kurnakov [Nikolay Semyonovich Kurnakov]. *Vestnik AN SSSR*. 5-6:87-88. [in Russian]
- Korzhinskii, 1974** – *Korzhinskii, D.S.* (1974). Vospominaniya o Leningradskom Gornom institute [Memoirs of the Leningrad Mining Institute]. *Geologi Leningradskogo Gornogo instituta. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy*. 17: 189-195. [in Russian]
- Kurnakov, 1915** – *Kurnakov, N.S.* (1915). Imperatorskaya akademiya nauk. 1889-1914 [Imperial Academy of Sciences. 1889-1914]. Materialy dlya biograficheskogo slovarya deistvitel'nykh chlenov Imperatorskoi akademii nauk. 3: 374-381. [in Russian]
- Lakatos, 2008** – *Lakatos, I.* (2008). Izbrannye proizvedeniya po filosofii metodologii nauki [Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki]. M., Akademicheskii proekt: 217-231. [in Russian]
- Leiberov, 2023** – *Leiberov, A.I.* (2023). Zhizn', posvyashchennaya geologii (akademik D.S. Korzhinskii) [Life dedicated to geology (academician D.S. Korzhinsky)]. *Gornyi zhurnal*. 3: 72-78. [in Russian]
- Litvinenko i dr., 2023** – *Litvinenko, V.S., Litvinenko, V.S., Petrov, E.I., Vasilevskaya, D.V.* (2023). Otsenka roli gosudarstva v upravlenii mineral'nymi resursami. [Assessment of the role of the state in the management of mineral resources]. *Zapiski Gornogo instituta*. 259: 95-111. [in Russian]
- Mokeyev, 2023** – *Mokeyev, A.B.* (2023). Vklad uchenykh Gornogo instituta v razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Tsarstva Pol'skogo vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v.: novye tekhnologii i avtomatizatsiya proizvodstva [ontribution of scientists of the Mining Institute to the development of the metallurgical industry of the Kingdom of Poland in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century: new technologies and automation of production]. *Tsvetnye metally*. 4:109-114. [in Russian]
- Morachevskii, 2009** – *Morachevskii, A.G.* (2009). Ocherki o khimikakh Rossii [Essays on chemists of Russia]. SPb: 109-114. [in Russian]
- Morachevskii, 2019** – *Morachevskii, A.G.* (2019). Izistorii Khimicheskogo fakul'teta Politekhnicheskogo instituta (1919-1930) [From the history of the Chemical Faculty of the Polytechnic Institute (1919-1930)]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbPU. Estestvennye i inzhenernye nauki*. 25: 3: 140-147. [in Russian]
- Nekhoroshev, 1974** – *Nekhoroshev, V.P.* (1974). Vospominaniya starogo studenta [Memoirs of an old student]. *Geologi Leningradskogo Gornogo instituta. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy*. 17: 164-189. [in Russian]
- Nemilov, 1951** – *Nemilov, V.A.* (1951). Akademik Nikolai Semenovich Kurnakov (1860-1941). [Academician Nikolai Semenovich Kurnakov (1860-1941)]. *Vydayushchiesya uchenye Gornogo instituta. 1773-1948. Sb. statei, posvyashchennykh 175-letiyu Gornogo instituta*. Vyp. vtoroi. M., Metallurgizdat. Pp. 47-59. [in Russian]
- Nikolai Semenovich Kurnakov, 1961** – Nikolai Semenovich Kurnakov v vospominaniyakh sovremennikov i uchenikov. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. 1860-1960 gg. (1961). [Nikolai Semyonovich Kurnakov in the memoirs of contemporaries and students. To the 100th anniversary of his birth. 1860-1960]. M. [in Russian]
- Ocherki..., 2010** – Ocherki istorii Gornogo instituta (1773-1917) [Essays on the history of the Mining Institute (1773-1917)]. SPb., 2010. [in Russian]

- Ocherki...**, 2023 – Ocherki istorii Gornogo instituta (1773-1917) [Essays on the history of the Mining Institute (1773-1917)]. SPb., 2023. P. 181. [in Russian]
- Parsons, 1993** – Parsons, T. (1993) Ponyatie obshchestva: komponenty I vzaimootnosheniya [The concept of society: components and relationships]. *Thesis*. 2: 94-122. [in Russian]
- Pogodin, 1944** – Pogodin, S.A. (1944). Fiziko-khimicheskii analiz (N.S. Kurnakovi egoshkola) [Physico-chemical analysis (N.S. Kurnakov and his school)]. *Sovetskaya khimiya za 25 let*. Sb. statei. M. Pp. 23-39. [in Russian]
- Rudnik i dr., 2023** – Rudnik, S.N., Samylovskaya, E.A., Afanas'ev, V.G. (2023). 250 let na sluzhbe Otechestvu: Sankt-Peterburgskii Gornyi universitet imperatritsy Ekateriny II v tsifrah I faktakh [250 years in the service of the Fatherland: St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II in facts and figures]. *Zapiski Gornogo instituta*. 263: 810-830. [in Russian]
- Rudnik, Samylovskaya, 2022** – Rudnik, S.N., Samylovskaya, E.A. (2022). Petr I I razvitie metallurgii v Rossii [Peter the Great and the development of metallurgy in Russia]. *Tsvetnye metally*. 7: 5-14. [in Russian]
- Shirokova, 2010** – Shirokova, V.A. (2010). Hidrokhimiya v Rossii. Ocherki istorii. [Hydrochemistry in Russia. Essays on history]. M., Pp. 1-274. [in Russian]
- Sizyakov i dr., 2020** – Sizyakov, V.M., Bazhin, V.Yu., Dubovikov, O.A. (2020). Krylatyi metal Pobedy. [The Winged Metal of Victory]. *Tsvetnye metally*. 5: 94-96. [in Russian]
- Solov'ev, 1986** – Solov'ev, Yu.I. (1986). Nikolai Semenovich Kurnakov: 1860-1941 [Nikolai Semyonovich Kurnakov: 1860-1941]. M. Pp. 47, 64-79. [in Russian]
- Solov'ev, Zvyagintsev 1960** – Solov'ev, Yu. I., Zvyagintsev, O.E. (1960). Nikolai Semenovich Kurnakov. Zhizn' I deyatelnost'. [Nikolai Semyonovich Kurnakov. Life and work]. M. Pp. 53-54, 67, 90. [in Russian]
- Stepanov, 1926** – Stepanov, N.I. (1926). Khimiya. [Chemistry]. Leningradskii Gornyi institut. Yubileinyi sbornik. 1773-1923. Izdaniey ubileinoi komissii Gornogo instituta i izdatel'skoi komissii kassy vzaimopomoshchi studentov. L., Pp. 90-98. [in Russian]
- Stepanov, 1928** – Stepanov, N.I. (1928). Fiziko-khimicheskii analiz [Physico-chemical analysis]. M., Pp. 1-36. [in Russian]
- Syrkov i dr, 2021** – Syrkov, A.G., Prokopchuk, N.R., Vorob'ev, A.G., Brichkin, V.N. (2021). Akademik N.S. Kurnakov kak osnovopolozhnik fiziko-khimicheskogo analiza – nauchnogo fundamenta dlya razrabotki novykh metallicheskikh spлавov I materialov [Academician N.S. Kurnakov as the founder of physico-chemical analysis, the scientific foundation for the development of new metal alloys and materials]. *Tsvetnye metally*. 1: 77-83. [in Russian]
- Syrkov i dr., 2023** – Syrkov, A.G., Makhovikov, A.B., Tomaev, V.V., Taraban, V.V. (2023). Prioritet v oblasti nanotekhnologii Gornogo universiteta v Sankt-Peterburge – sovremennogo tsentra razrabotki novykh nanostrukturirovannykh metallicheskikh materialov [Priority in the field of nanotechnology of the Mining University in St. Petersburg – a modern center for the development of new nanostructured metal materials]. *Tsvetnye metally*. 8: 5-13. [in Russian]
- Tret'yakov, 2010** – Tret'yakov, Yu.D. (2010). K 150-letiyu sodnya rozhdeniya N.S. Kurnakova [On the 150th anniversary of the birth of N.S. Kurnakov]. *Nanometr. Informatsionnyi byulleten' FNM*. 12 (52): 3-5. [in Russian]
- Tropov et al., 2021** – Tropov, I.A., Podolskiy, S.I., Lyubichankovskiy, S.V. (2021). The development of the mineral and raw materials base of Russia in the works of scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 281-287.
- TsGA SPB** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg].
- Urazov, 1948** – Urazov, G.G. (1948). Nikolai Semenovich Kurnakov [Nikolai Semenovich Kurnakov]. *Lyudi russkoi nauki. Ocherki o vydayushchikhsya deyatelyakh estestvoznaniya i tekhniki*. M-L.: Pp. 354-364. [in Russian]
- Urazov, Nikolaev, 1939** – Urazov, G.G., Nikolaev, A.V. (1939). Akademik Nikolai Semenovich Kurnakov I ego trudy po khimii. [Academician Nikolai Semenovich Kurnakov and his works on chemistry]. *Uspekhi khimii*. VIII. 6: 785-812. [in Russian]
- Vo glave Gornogo instituta, 2017** – Vo glave Gornogo instituta [At the head of the Mining Institute. Directors of the educational institution (1918-1994)]. SPb: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet. 2017. Pp. 232-233. [in Russian]
- Vospominaniya Matveeva, 2023** – Vospominaniya A.P. Matveeva [Memoirs of A.P. Matveev]. *Vverkh po zheleznoilestnitse (Na osnove vospominanii Aleksandra Petrovicha Matveeva)*. SPb., 2023. Pp. 24-240. [in Russian]
- Zhdaneev, 2022** – Zhdaneev, O.V. (2022). Obespechenie tekhnologicheskogo suvereniteta otraslei TEK Rossiiskoi Federatsii. [Ensuring the technological sovereignty of the fuel and energy sectors of the Russian Federation]. *Journal of Mining Institute*. 258: 1061-1078. [in Russian]
- Zvyagintsev, 1940** – Zvyagintsev, O.E. (1940). Akademik Nikolai Semenovich Kurnakov. K 80-letiyu so dnyarozhdeniya [Academician Nikolai Semenovich Kurnakov. To the 80th anniversary of his birth]. *Vestnik AN SSSR*. 11-12: 139-143. [in Russian]

May, 2023 – *May Chan Myae Zaw, Alpatova, P.N.* (2023). Ambiguity in the Russian terminology of the energy industry. *XLinguae*. 16(1): 60-69.

Alpatova, May, 2024 – *Alpatova, P.N., May Chan Myae Zaw.*(2024). The componential semantic reflection of Russian energy industry terms in scientific articles. *Research Journal in Advanced Humanities*. 5(2): 29-40.

Академик Н.С. Курнаков и его вклад в становление российской индустрии в конце XIX – начале XX вв.

Сергей Игоревич Подольский ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский горный университет Императрицы Екатерины II, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена биографии академика Николая Семеновича Курнакова (1860–1941), крупного химика, металловеда, создателя физико-химического метода. В центре нашего внимания не весь жизненный путь ученого. Нас интересовало время становления Курнакова как крупного ученого до перелома в 1917 г., который он встретил уже очень зрелым человеком. Курнаков сумел войти в профессиональный круг ученых-химиков, стал известным в столице и в империи. Будущий академик вошел в неформальную сеть социальных связей ученых. Рубеж XIX-XX вв. – время творческого взлета Николая Семеновича, благодаря чему у него появилась плеяда блестящих учеников. К ним относились Н.И. Подкопаев, Н.И. Степанов, П.Я. Сальдау, С.Ф. Жемчужный, А.Н. Кузнецов, К.Ф. Белоглазов. В статье также обращается внимание на педагогические способности Н.С. Курнакова, на особенности его отношений со студентами. В этот период Н. Курнаков выступил создателем физико-химического учения, об истоках которого мы рассуждаем отдельно. Крупным достижением Курнакова можно считать успехи в изучении свойств солей различных регионов Российской империи. Эти исследования были востребованы отечественной промышленностью. В годы Первой мировой войны Н.С. Курнаков стал одним из создателей Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Эта организация была по-своему уникальна. Благодаря КЕПС ученые имели возможность координировать исследования, направленные на укрепление обороноспособности страны. В частности, стратегически важные работы проводились по свойствам платины. Н.С. Курнаков сумел сформулировать важные предложения для Правительства по использованию этого металла.

Ключевые слова: химия, физико-химическое учение, Горный институт, металлургия, свойства солей, ученые, преподавание, КЕПС, война, академик.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: octet@yandex.ru (С.И. Подольский)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1318-1326
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1318

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries

Mariya A. Sosnina ^{a, *}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Natalya I. Besedkina ^c, Anna A. Avanesova ^d

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d North-Caucasus Federal University-NCFU, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the issues of customary legal regulation of obligations from contracts among the peasants of the Arkhangelsk province during the most ambiguous period in the history of the Russian Empire – the period of bourgeois reforms of the second half of the XIX century. At a time when the Napoleonic Civil Code has been in force in France for half a century, and in Germany the preparation of the German Civil Code is rapidly underway, in Russia there is an urgent need not only for further development of bourgeois relations, but also for legal regulation of this process. The difficulty of creating a civil code in the Russian Empire was that after the abolition of serfdom, it was necessary to include free rural inhabitants in the general legal field, who for centuries regulated communal legal relations by custom. After the peasant reform of 1861 introduced a volost court for peasants, which judged on the basis of local customs, their study began, which is relevant in our time, since many analogies with peasant customary norms can be found in modern Russian civil law. Based on the theoretical conclusions drawn in pre-revolutionary historiography, as well as the conclusions of modern researchers in the field of legal history, the authors of this article have made reasonable conclusions using the protocols of the volost courts stored in the State Archive of the Arkhangelsk region about the specifics of the customary legal regulation of the relations of obligation among the peasants of the Russian North. With the help of data from archival documents that have not been published anywhere before, it was possible to draw valuable conclusions for historical and legal science about the conditions of validity of contracts, their types and form, the subject matter of transactions, guarantees of fulfillment of obligations and ways to terminate them. Due to the rather fragmentary state regulation of peasant legal relations, the customary law of the peasants of the Russian North developed local customs, the stable functioning of which was facilitated by volost judicial practice.

Keywords: Russian Empire, Russian North, peasant community, obligation, contract, local custom, volost court, artel, transportation.

1. Введение

Актуальность исследования правовых институтов обязательственного права в эпоху развития рыночных отношений переоценить трудно, поскольку данная отрасль права — социально генерированный элемент любой правовой системы, чувствительно реагирующий даже на самые незначительные общественные изменения. Динамика развития обязательственных правоотношений не только объективно отражает происходящие в обществе процессы, но дает новый импульс развитию гражданского законодательства, основанного тем не менее на обычно-правовой традиции,

* Corresponding author

E-mail addresses: SosninaAGTU@yandex.ru (M.A. Sosnina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), nbesedkina@fa.ru (N.I. Besedkina), annavanesova@yandex.ru (A.A. Avanesova)

сохраняющей значительное влияние и сегодня. Современная российская практика применения правового обычая в области обязательственных правоотношений сложилась исторически в силу особенностей общественного строя дореволюционной России, поскольку крестьянские обязательственные отношения были выведены из-под действия официального законодательства, а именно т. X Свода законов Российской империи. Современное обязательственное право России содержит несколько аналогий с крестьянскими правовыми институтами, например, институты удержания (Сарбаш, 2003: 34), и совместной собственностью крестьянских (фермерских) хозяйств, уходящих своими корнями в обычное гражданское право русских крестьян.

Том X (ст. 1528) Свода законов Российской империи (далее — Свод) (СЗРИ) указывает на два основных условия действительности сделки, а именно, обязательное согласие договаривающихся сторон и наличие цели, не противоречащей закону. Однако для ясного понимания функционирования договора в правоприменительной практике важно то, какое значение стороны вкладывают в содержание договора. По этому поводу в ст. 1539 Свода содержится норма, регламентирующая, что смысл договора необходимо толковать исходя не из точной словесной формулировки, а намерения сторон, доброй совести или «принадлежности оногo изъясняются обычаем, если, впрочем, не определены они законом» (СЗРИ).

Вопрос об условиях действительности договора является многогранным, поскольку зависит от понимания правовой природы договора в различных правовых системах. В настоящей статье авторы исследуют понятие договора и его виды, существенные и несущественные условия, способы исполнения и прекращения, субъектный состав, а также средства обеспечения обязательств из договоров в обычно-правовой системе крестьян русского Севера пореформенной России на основе протоколов волостных судов Архангельской губернии.

Следует отметить, что практика разрешения гражданских споров в волостных судах не отличалась единством правовой позиции, что вполне объяснимо в силу партикулярного характера крестьянских обычаев, которым было свойственно различаться не только в пределах губернии и уезда, но и волости и даже селения. Анализ архивных документов показал, что фактически волостные суды разбирали каждое дело *de novo*, не следуя хоть какой-либо сложившейся практике. Крестьянин-судья не давал готовых «рецептов» решения гражданских споров из договорных обязательств, что, в свою очередь, порождало неоднозначное отношение к обычному праву крестьян и в целом к волостной юстиции в публичном пространстве.

2. Материалы и методы

В силу отсутствия частнофеодальной зависимости крестьян на русском Севере местные обычаи в сфере обязательственных отношений получили широкое распространение и стали объектом исследований как дореволюционных исследователей, так и современных. Поскольку местные обычаи существовали в устной форме, их изучение стало возможным после проведения крестьянской реформы 1861 г., которая закрепила за ними юридическую силу в волостных судах (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 36657). Большая работа по изучению документов волостной юстиции, хранящихся в настоящее время в Государственном архиве Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация), позволила авторам настоящей статьи выявить, систематизировать и проанализировать значительное количество исков по делам из обязательств, условия их действительности, характерные только для русского Севера виды договоров, их формальную определенность, а также уникальные особенности принятия решений волостными судами Архангельской губернии.

Опираясь на материалы дореволюционных юристов и этнографов по данной проблематике, а также на заключения и выводы современных ученых в области историко-правовых исследований, авторы сформулировали обоснованные теоретические выводы о специфике обычно-правового регулирования обязательств из договоров у крестьян Архангельской губернии.

С целью сравнить государственное и обычно-правовое регулирование условий действительности сделок у крестьян с помощью формально-юридического метода дополнительно исследовались официальные акты пореформенного периода Российской империи, которые касались вопросов применения обычаев волостными судами.

В качестве методологической базы настоящего историко-правового исследования был привлечен комплекс научно-обоснованных методов. Важный для настоящего исследования сравнительно-правовой метод позволил выявить различия в государственном и обычно-правовом регулировании обязательственных отношений. Применение системного метода в совокупности с конкретно-историческим предоставило возможность проанализировать договор как сложный правовой институт крестьянского обычного права, характеризующийся множеством специфических черт, обусловленных региональными особенностями русского Севера.

3. Обсуждение

Из значимых для настоящей темы исследований дореволюционных авторов второй половины XIX века, изучавших обычное право, необходимо отметить С.В. Пахмана (Пахман, 1877; Пахман, 1879; Пахман, 2003), И.Г. Оршанского (Оршанский, 1879), П.С. Ефименко (Ефименко, 2009),

Е.Т. Соловьёва (Соловьёв, 1888), Г.Ф. Шершеневича (Шершеневич, 1911), Д.И. Мейера (Мейер, 1902), К.П. Победоносцева (Победоносцев, 1896), А.А. Башмакова (Башмаков, 1911) и др.

Актуальность исследований в области обычно-правового регулирования общественных отношений подтверждается наличием большого количества авторов, пишущих на эту тему. Среди них работы С.В. Березницкого (Bereznitsky et al., 2020), Н.В. Дунаевой (Дунаева, 2010), З.З. Мухиной (Мухина, 2013), П.В. Никитина (Nikitina, 1993), О.А. Плоцкой (Плоцкая, 2019), Т. В. Шатковской (Шатковская, 2000) и др.

Несмотря на внушительное количество работ по обычно-правовому регулированию гражданских правоотношений у крестьян, в историографии историко-правовой науки отсутствуют научные исследования, направленные на комплексное изучение и систематизацию правовых обычаев в области обязательственного права у крестьян русского Севера второй половины XIX века и выполненные на основе изучения протоколов волостных судов Архангельской губернии, нигде ранее не опубликованных.

Первичные источники волостного судопроизводства определили цель настоящей статьи — выявить специфику обычно-правового регулирования обязательств из договоров у крестьян Русского Севера во второй половине XIX – начале XX вв.

Данную статью следует расценивать как продолжение исследования, часть результатов которого уже опубликовано в трудах по теме обычно-правового регулирования крестьянских правоотношений (Соснина, 2017; Соснина, 2022: 367-379; Соснина, 2023; Sosnina et al., 2024).

4. Результаты

В обычно-правовой системе обязательства из договора имели различную терминологию: ряд, обязательство, условие. Так, например, истец заявил, что поряжался (ряд – договор) не на выгонку бревен, а на весну (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 40б.-6). Или ответчик показал, что должен жалобщику только 1 рубль 50 коп., так как истец был ряжен в писари за 26 рублей... (ГААО. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 107-108). Общим термином для обозначения сделок в официальных документах волостного судопроизводства был термин «обязательство»: ... на основании статьи 96 Общего положения о крестьянах волостной суд решает окончательно все споры и тяжбы между крестьянами... по займам, покупкам и всякого рода обязательствам (ГААО. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 123-124).

Анализ 579 протоколов волостных судов по гражданским искам, постоянно хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, за период с 1861 по 1917 гг. показал, что на обязательства из договоров приходится 318 дел. Для сравнения: семейные разделы – 61, дела о наследстве – 46, земельные тяжбы – 154. Чаще всего волостными судами Архангельской губернии рассматривались дела в отношении таких видов договоров, как купля-продажа, заем, найм личный и имущественный, артельные и договоры перевозки. Тонкий знаток обычного гражданского права С.В. Пахман в своих работах подчеркивал, что не все виды договоров, известные официальному законодательству, получили распространение в крестьянском быту (Пахман, 2003: 35). Например, дарение, мена, договор поклажи, за редким исключением, в протоколах волостных судов не встречаются. Данный факт может объясняться тем, что эти сделки были или безвозмездными, или не приводили к конфликтам. Авторы настоящего исследования делают акцент на характеристике не всех видов договоров, а только тех, которые выявляют особенности крестьянского обычного права в сфере обязательственных отношений в сравнении с официальным законодательством и специфику обычного права русского Севера.

Для каждой правовой системы характерен свой набор существенных и несущественных условий договора. Условия действительности сделок по обычному обязательственному праву практически полностью соответствовали т. X Свода. Договор действителен, если:

1. Основан на согласии сторон;
2. Заключен дееспособными лицами;
3. Имеет определенный предмет договора;
4. Не противоречит нормам общественного правопорядка, т.е. обычаю.

По общему правилу согласие сторон выражалось составлением письменного акта, который должен был передаваться на хранение в волостное правление. Письменные договоры, хранящиеся в волостном правлении, в случае судебной тяжбы позволяли волостным судьям при вынесении решения обратиться не к обычной норме, а законодательной, что делало решение последних более обоснованным и последовательным. Более того, неисполнение крестьянами обязательств из договора приводило к наложению на них волостным судом не только гражданской, но и административной ответственности в виде ареста, телесных наказаний (20 ударов розгами), общественных работ или штрафа в пользу мирских сумм. Причинами неисполнения или недобросовестного исполнения обязательств являлись не только финансовая несостоятельность должника, но и пьянство, лень, обман и даже мошенничество.

Заключение устной сделки необходимо было сопроводить определенными ритуальными действиями: рукобитье, молитва, литки или магарыч (Ефименко, 2009: 89), как, например, в деле крестьян истца Попова и ответчика Прялухина, отказавшегося передать истцу проданный сарай. «Истец отдал продавцу один рубль в задаток, они выпили литки, как это водится обыкновенно у

крестьянства» (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 235). Еще одним доказательством заключения устной сделки считалась, по обычаю у крестьян Архангельской губернии, молитва: «...помолившись богу при свидетелях, он с невестой для верности обещания данного слова обменялся подарками...» (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 21-250б.). Поскольку формальная определенность договора для волостного суда не была существенным условием действительности сделки, в устных договорах при принятии решений последний руководствовался принципом справедливости и хозяйственной рациональностью (Гражданское право, 1888: 106).

Сторонами в договорах могли быть как физические, так и юридические лица. Из протоколов волостных судов следует вывод, что община являлась правоспособным участником обязательственных правоотношений и могла заключать сделки подряда с крестьянами на ремонт дорог, пастьбу скота, гонку бревен и др. Например, 27 января 1892 г. волостной суд слушал дело о захвате земли, которая была сдана в аренду за 20 руб. 50 коп. сельским обществом (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 322). В качестве юридического лица могла выступать и артель.

Однако в отношении сделкоспособности физических лиц в обычном крестьянском праве отсутствуют возрастные ограничения, например, договоры личного найма детей на работу совершались от лица родителей или опекунов (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 595. Л. 24), им же передавался задаток по договору, а также последние возмещали ущерб в случае недобросовестного исполнения обязательства их детьми (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 83-86). Спор в волостном суде в таких случаях разрешался на основании т. X Свода, если стороны могли представить суду письменные документы, подтверждающие их правоту. Так, например, часто в резолюции протокола можно увидеть статью 693 т. X Свода, содержащую право обратиться в суд в случае «неисполнения по договорам и обязательствам» (СЗРИ).

В силу отсутствия на русском Севере частнофеодальной зависимости договоры личного найма получили широкое распространение, регламентируемое местными обычаями. Известный исследователь обычного гражданского права С.В. Пахман в своих работах неоднократно отмечал, что работодатель обязан был работнику выдать заработную плату в виде задатка, одежду, обувь и содержание, а также предлагать только обусловленную договором работу. Более того, обычаем воспрещалось оскорблять работника словом или действием и самовольно наказывать. Поскольку договор личного найма носил срочный характер, контрагенты не имели права без уважительной причины уклоняться от исполнения обязательств. Нанявшийся на работу в хозяйство нанимателя обязан был лично выполнять трудовую функцию в течение установленного срока, не пьянствовать и не грубить хозяину (Пахман, 1879: 190, 196-197).

Договор личного найма обнаружен в протоколе волостного суда за 1894 г., по которому работник был нанят на срок с 17 апреля до 8 октября с платой 16 рублей. Наниматель Иван Насонов показал суду, что ответчик Бедрин не выдержал и ушел в страдное время, просит взыскать 11 рублей 50 коп. На суд 2 июля ответчик не явился и был приговорен к аресту при волостном правлении на 3 суток. Но явился 16 октября и был приговорен к взысканию в размере 3 рублей 60 коп. (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 22 об.-23). За самовольный уход с работы волостной суд мог наказать и общественными работами сроком до 6 дней (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 270б.-31).

Социально-экономические условия русского Севера определили и характер работ, выполняемых крестьянами в хозяйстве нанимателя. Жители Архангельской губернии занимались рыбными и звериными промыслами, а также заготовкой и гонкой леса. В работники нанимались из-за пая или за плату (так называемые «ряженные деньги»), которую работнику выплачивал наниматель в качестве задатка, подкрепленного распиской (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 3450б.-347).

Статья 1528 Т. X Свода (СЗРИ) регламентирует, что предметом договора могут быть имущества или действия лиц. Согласно закону и обычаю, по договору необходимо было передать именно тот предмет, о котором говорилось в соглашении. Однако исследование показало, что протоколы волостных судов содержат и альтернативные обязательства с заменой предмета договора со стороны продавца. Судьи не видели хозяйственной необходимости в расторжении сделок на основании замены предмета договора, поддерживая товарно-денежный оборот, и принуждали ответчика к исполнению обязательства, даже альтернативного (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 540б.-56).

Исполнение и прекращение обязательства – важные аспекты крестьянского обязательственного права, которые имели свою специфику. При неисполнении обязательства в срок волостные суды могли по-разному разрешить дело: либо взыскать долг в размере всей суммы сразу, либо дать должнику отсрочку или рассрочку. Отсрочки и рассрочки для должников допускались, скорее, как исключение из правила с согласия кредитора либо до возвращения ответчика с промысла. Также отложить на время выплату долга волостной суд мог при мировом соглашении между истцом и ответчиком. Показательно в этом отношении дело по жалобе крестьянина Василия Степанова Мостова о взыскании с крестьянской вдовы Ульяны Александровны Гребеновой 16 рублей, данных на свадьбу дочери. Ульяна за собой долг признала, но выплатить сразу всю сумму не могла, потому согласна платить по 2 рубля в месяц (в рассрочку) (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 81-82).

Прекращались обязательства у крестьян несколькими способами: исполнением, прощением долга, с помощью зачета, смертью должника (переходила на наследника) (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр.

165. Л. 403 (об.) – 406, л. 414 (об.-418, л. 419-422) или пропуском исковой давности. Исковая (или так называемая в протоколах волостных судов «земская») давность по обычному праву составляла 10 лет: «...суд постановил в иске отказать по причине пропуска почти двух земских давностей» (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л.130б.-14).

Уникальным случаем прощения долга кредитором стало дело по иску Николая Иванова Попова на Прокопия Федорова Кырчакова о долге в 15 рублей 81 коп., в число которых должник уплатил только 3 рубля, остальные просит взыскать... Судьи постарались склонить тяжущихся к примирению и добровольному расчету. Попов заявил, чтобы Кырчаков перекрестился перед судьями, после чего должные 12 рублей 81 коп. простил (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 258-59).

Своеобразным способом прекращения обязательства у крестьян Архангельской губернии являлось сочетание зачета с задержанием (удержанием) имущества должника. Наряду с залогом, поручительством и задатком как средств гарантии исполнения обязательства такой правовой симбиоз стал обычной практикой в крестьянском быту. Данный способ решения конфликтов, однако, не находил отклика в решениях волостных судов: вещи собственникам возвращали, а за самоуправство наказывали. Так, например, в протоколе волостного суда по делу об обязательстве по перевозке решение основано на статье 520 Устава о благоустройстве в казенных селениях (СЗРИ: Т. XII, ч. II, ст. 272-571), согласно которому с ответчика взыскали 94 коп. и удовлетворили ими просителя, а за захват чужой собственности подвергли ответчика денежному штрафу в размере 7 рублей 50 коп., которые записали в мирской капитал (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 176-178). Удерживали карбасы, лодки, сети, ловушки и другие предметы промысла.

Близким к институту удержания являлся институт залога, регламентированный как нормами обычного права, так и официальным законодательством. Если при небольших займах предметом залога чаще всего выступали личные вещи (сарафаны, платки, шубы), то в залог отдавали даже корову, если сумма займа была крупной, как, например, в деле Марка Задорина, который потребовал вернуть ему корову, взятую в залог под расписку (ГААО. Ф. 945. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 440б.-46).

Распространенным способом обеспечения обязательства среди крестьян в договорах купли-продажи являлся задаток. В деле крестьянской вдовы деревни Волохновская Авдотьи Петровой о взыскании с ее дяди, крестьянина одной с ней деревни, Андрея Иванова Куроптева, денег 39 рублей за продажу ему павозка (*павозок – плоскодонное парусно-гребное судно, которое применяли на реках Русского Севера для перевозки грузов и их разгрузке на мелководье*) ответчик показал, что он действительно покупал у Авдотьи павозок и отдал ей задаток 1 рубль... Суд постановил: взыскать с Андрея Куроптева 39 рублей (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 43-44).

Последнее, но не по значению, условие действительности договора и, вместе с тем, самое неоднозначное – это непротиворечие сделки общинному правопорядку, то есть обычаю. Правоприменительная практика свидетельствует, что волостные суды при решении споров, касающихся сделок, прибегали к помощи местного обычая, когда закон «молчал» в отношении тех или иных крестьянских правоотношений, как, например, артельных договоров. «Как отказать от обращения к субсидиарным обычным нормам, когда к суду обращаются артельщики, ясно сознающие, что есть целый мир артельный, вполне определённый в народных представлениях, но совершенно игнорируемый писаным правом» (Башмаков, 1911: 312).

Пробелы в пореформенном законодательстве по вопросу функционирования артелей породили бурное крестьянское правотворчество в этой сфере. Крестьяне русского Севера сами создали и строго следовали промысловым обычаям. По обычаю, артель – это хозяйственное или промышленное сообщество крестьян, основанное не на капитале, а личном труде участников с целью получения прибыли. Трудовой принцип, главный принцип обычного крестьянского права, в артельных договорах получил самостоятельное юридическое значение (Пахман, 2003: 79). Артель могла появиться на основе письменного, но чаще устного договора. Имущественной основой артели были деньги, инвентарь, добыча и прибыль, что зависело от вида деятельности сообщества. Крестьяне Архангельской губернии объединялись в артели для отхожих промыслов (рыболовного (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 101), зверобойного (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 38, 156, 208-209), по добыче и сплаву леса (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 594. Л. 200б.-22, л. 220б.-24)). По обычаю главной обязанностью артельщика было добросовестно трудиться, а основным правом – право на получение прибыли, которая делилась поровну или «согласно вложенного имущества и труда» (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 572. Л. 30б.-4). Артельные дела касались чаще всего ловли семги или наваги и последующего дележа прибыли, а также несения убытков. Поскольку артели часто возникали спонтанно, были устными, споры решались на основе обычая (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 152).

Договоры перевозки близки по хозяйственному значению к артельным договорам и также характеризуются региональной спецификой в связи с промысловой деятельностью крестьян. Крестьянский обычай устанавливал фиксированную плату за перевозку людей, продуктов питания, добычи (например, шкур животных со зверобойного промысла) или доставку «по пути». Подобный устный договор был заключен между Егором Буториным и Андреем Буториным по случаю перевозки детей истца до села Неси, за что ряжено ответчику 5 рублей. По случаю бурной осени Андрей довез моих детей на карбасе до Неси и взял 10 рублей. Кроме того, отпустил по случаю плохих снастей

общую рюжу, за которую удержал из общего промысла наваги 8 рублей. Суд принял решение взыскать 12 рублей с ответчика, поскольку мировое соглашение между ними не последовало (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 13).

5. Заключение

Таким образом, обычно-правовое регулирование обязательственных правоотношений у крестьян русского Севера во второй половине XIX – начале XX вв. характеризовалось рядом особенностей, предусмотренных местными обычаями, и зависело от крестьянской общины. Поскольку волостным судам было разрешено судить споры по обязательствам из договоров на основании местных обычаев или письменных договоров при волостном правлении, крестьянские судьи активно пользовались данными законом возможностями, что приводило к судебному правотворчеству, так называемому «третьему законодательству».

Проведенное исследование приводит авторов настоящей статьи к следующим выводам:

1. Для обозначения обязательств из договоров в крестьянском быту использовались термины: ряд, условие, обязательство;

2. Условиями действительности сделок считались согласие и дееспособность лиц, вступающих в обязательство, определенный или альтернативный предмет договора, а также непротиворечие последнего общинному правопорядку, а значит, местному обычаю;

3. Согласие на заключение договора стороны могли выражать как письменно, так и устно, с той лишь разницей, что волостные суды разрешали дела в первом случае на основании письменного документа и закона, а во втором – на основании обычая или исходя из принципа справедливости и хозяйственной рациональности;

4. Сторонами в договоре выступали как физические, так и юридические лица. Дееспособность физических лиц по обычаю определялась не возрастом, а хозяйственным положением лица в крестьянской семье, а юридическими лицами в качестве стороны в договоре признавались община и артель;

5. Оригинальным средством гарантии исполнения обязательств из договоров у крестьян Архангельской губернии стало задержание (удержание) имущества несостоятельного должника. Волостные суды строго пресекали подобное самоуправство, принуждая должника к исполнению обязательства, а кредитора – к возврату имущества;

6. Прекращались обязательства по обычаю исполнением, прощением долга, с помощью зачета, смертью должника или пропуском исковой давности, которая составляла 10 лет;

7. Артельные и договоры перевозки получили повсеместное распространение на русском Севере в силу специфики исследуемой территории наряду с договорами купли-продажи, займа, найма личного и имущественного;

8. В силу фрагментарного государственного регулирования артельных отношений обычное право крестьян русского Севера выработало местные обычаи, строго соблюдаемые сторонами правоотношений, к стабильному функционированию которых привела однозначная волостная судебная практика.

Литература

Башмаков, 1911 – Башмаков А.А. Очерки права родового, наследственного и обычного. Юридические исследования. С.-Пб, 1911. 446 с.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

Гражданское право, 1888 – Гражданское право: Очерки нар. юрид. быта. Вып. [1]-2. Казань: тип. Губ. правл., 1888-1893. 2 т.; [Вып. 1]. 1888. 166с.

Дунаева, 2010 – Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в.: Монография. СПб: Изд-во СЗАГС, 2010. 472 с.

Ефименко, 2009 – Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. 272 с.

Мейер, 1902 – Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х ч.: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / Под ред. Ем В.С., Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А., Суханов Е.А. М., 1997. 455 с.

Мухина, 2013 – Мухина З.З. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Политика и общество*. 2013. № 3 (99). С. 322-329.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

Оршанский, 1879 – Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб: Тип. А. Е. Ландау, 1879. 453 с.

Пахман, 1877 – Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки): в 2 т. СПб: Тип. Второго отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1877. Т. 1. 463 с.

Пахман, 1879 – Пахман С.В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки): в 2 т. СПб: Тип. Второго отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1879. Т. 2. 410 с.

- Пахман, 2003** – Пахман С.В. Обычное гражданское право в России / Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. М.: Зерцало, 2003. 736 с.
- Плоцкая, 2019** – Плоцкая О.А. Зырянские и самоедские промысловые обычно-правовые институты в XVII–XIX вв. / *Материалы международной научно-практической конференции. «Возможности правового обеспечения социально-экономического развития Республики Казахстан и благосостояния его населения в рамках Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС): предложения, рекомендации»*. Алматы, 2019. 12–13 апреля 2019 г. С. 66-69.
- Победоносцев, 1896** – Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 ч. СПб., 1896. Ч. 1. 767 с.; Ч. 2. 688 с.; Ч. 3. 755 с.
- Сарбаш, 2003** – Сарбаш С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. 2-е изд., испр. М., 2003. 251 с.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/132.html> (дата обращения: 17.04.2024).
- Соловьев, 1888** – Соловьев Е. Т. Гражданское право: очерки народного юридического быта. Вып. 1-2. Казань, 1888-1893; Вып. 1. 1888. 166 с.
- Соснина, 2017** – Соснина М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в семейно-брачных делах (на материалах Архангельской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2017. № 1. С. 195-218. [Электронный ресурс]. URL: <http://ipp.kursksu.ru/index.php?page=6&new=18>
- Соснина, 2022** – Соснина М.А. Правовая культура северного крестьянства в отражении документов волостных судов / *Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции*. Сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина; отв.ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2022. 632 с.
- Соснина, 2023а** – Соснина М.А. Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России // *Юридические исследования*. 2023. № 5. С.48-59. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844 [Электронный ресурс]. URL: https://e-notabene.ru/lr/article_38844.html
- Шатковская, 2000** – Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: Монография. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2000. 238 с.
- Шершеневич, 1911** – Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1911. 858 с.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Nikitina, 1993** – Nikitina G.A. Sel'skaya obshchina-buskel' v poreformennyi period (1861– 1900 gg.) [Rural community-Buskel – in the post-reform period (1861-1900)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 166 p.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022a** – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2022b** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Laurishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

References

- Bashmakov, 1911** – Bashmakov, A.A. (1911). Ocherki prava rodovogo, nasledstvennogo i obychnogo [Ocherki prava rodovogo, nasledstvennogo i obychnogo]. Yuridicheskie issledovaniya. S.-Pb, 1911. 446 p. [in Russian]
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.
- Dunaeva, 2010** – Dunaeva, N.V. Mezhdru soslovnoi i grazhdanskoi svobodoi: evolyutsiya pravosub"ektnosti svobodnykh sel'skikh obyvatelei Rossiiskoi imperii v XIX v. [Between class and civil freedom: the evolution of the legal personality of free rural inhabitants of the Russian Empire in the XIX century]: Monograph. St. Petersburg: Publishing House of the SSAGS, 2010. 472 p. [in Russian]

- [Efimenko, 2009](#) – *Efimenko, P.S.* (2009). Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangel'skoi gubernii [Folk legal customs of the peasants of the Arkhangel'sk province] M.: OGI, 272 p. [in Russian]
- [GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [The State Archive of the Arkhangel'sk region].
- [Grazhdanskoe pravo, 1888](#) – *Grazhdanskoe pravo: Ocherki nar. yurid. byta* [Civil Law: Essays nar. jurid. everyday life]. Issue [1]-2. Kazan: type. Gubernatorial Administration, 1888-1893. 2 vols.; [Issue 1]. 1888. 166 p. [in Russian]
- [Meier, 1902](#) – *Meier, D.I.* (1902). Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian civil Law]. V 2-kh ch.: Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izdaniyu, 1902 g. Ch. 2. Pod red. Em V.S., Kozlova N.V., Korneev S.M., Kulagina E.V., Pankratov P.A., Sukhanov E.A. M., 1997. 455 p. [in Russian]
- [Mukhina, 2013](#) – *Mukhina, Z.Z.* (2013). Pravovoe polozhenie vdovy v russkoi krest'yanskoi srede: traditsii i novatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The legal status of a widow in the Russian peasant environment: traditions and innovations (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Politics and Society*. 3(99): 322-329. [in Russian]
- [Nikitina, 1993](#) – *Nikitina, G.A.* (1993). Sel'skaya obshchina-buskel' v poreformennyi period (1861–1900 gg.) [Rural community-Buskel – in the post-reform period (1861-1900)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 166 p. [in Russian]
- [Orshanskii, 1879](#) – *Orshanskii, I.G.* (1879). Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu [Research on Russian law, customary and marital law]. SPb: Type A. E. Landau, 453 p. [in Russian]
- [Pakhman, 1877](#) – *Pakhman, S.V.* (1877). Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii (yuridicheskie ocherki) [Customary civil law in Russia (legal essays)]: in 2 vols. SPb: Type. The second edition of his own E. I. V. Chancellery. Vol. 1. 463 p. [in Russian]
- [Pakhman, 1879](#) – *Pakhman, S.V.* (1879). Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii (yuridicheskie ocherki) [Customary civil law in Russia (legal essays)]: in 2 vols. SPb: Type. The second edition of his own E. I. V. Chancellery. Vol. 2. 410 p. [in Russian]
- [Pakhman, 2003](#) – *Pakhman, S.V.* (2003). Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii [Customary civil law in Russia]. Pod red., s predisl.: Tomsinov V.A. M.: Zertsalo, 736 p. [in Russian]
- [Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- [Plotskaya et al., 2022a](#) – *Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A.* (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- [Plotskaya et al., 2022b](#) – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.
- [Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V.* (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- [Plotskaya, 2019](#) – *Plotskaya, O.A.* (2019). Zyryanskie i samoedskie promyslovye obychno-pravovye instituty v XVII–XIX vv. [Zyryan and Samoyedic commercial customary law institutions in the XVII–XIX centuries]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. «Vozmozhnosti pravovogo obespecheniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kazakhstan i blagosostoyaniya ego naseleniya v ramkakh Evraziiskogo Ekonomicheskogo Soyuza (EAES): predlozheniya, rekomendatsii». Almaty, 2019. 12–13 aprelya 2019 g. S. 66-69. Pp. 66-69. [in Russian]
- [Pobedonostsev, 1896](#) – *Pobedonostsev, K.P.* (1896). Kurs grazhdanskogo prava: v 3 ch. [The course of civil law: in 3 parts]. SPb. Part 1. 767 p.; Part 2. 688 p.; Part 3. 755 p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
- [Sarbash, 2003](#) – *Sarbash, S.V.* (2003). Pravo uderzhaniya kak sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv [The right of retention as a way to ensure the fulfillment of obligations]. 2nd ed., ispr. M., 251 p. [in Russian]
- [Shatkovskaya, 2000](#) – *Shatkovskaya, T.V.* (2000). Pravovaya mental'nost' rossiiskikh krest'yan vtoroi poloviny XIX veka: opyt yuridicheskoi antropometrii [The Legal mentality of Russian peasants in the second half of the 19th century: the experience of Legal Anthropometry]: Monografiya. Rostov-on-Don: RSEU (RINH), 238p. [in Russian]
- [Shershenevich, 1911](#) – *Shershenevich, G.F.* (1911). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. M.: Izd. br. Bashmakovykh, 858 p. [in Russian]
- [Solov'ev, 1888](#) – *Solov'ev, E.T.* (1888). Grazhdanskoe pravo: ocherki narodnogo yuridicheskogo byta [Civil law: essays on national legal life]. Vol. 1-2. Kazan, 1888-1893; Issue 1. 166 p. [in Russian]
- [Sosnina, 2017](#) – *Sosnina, M.A.* (2017). Obychno-pravovye osnovy krest'yanskoi sem'i: vliyanie zakona i obychnaya na resheniya volostnykh sudov v semeino-brachnykh delakh (na materialakh Arkhangel'skoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.) [The customary legal foundations of the peasant family: the influence of law and custom on the decisions of local courts in family and marital cases (on the materials of Arkhangel'sk province in the second half of the XIX – early XX centuries)].

and custom on the decisions of the volost courts in family and marriage cases (based on the materials of the Arkhangelsk province of the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs*. 1: 195-218. [Electronic resource]. URL: <http://ipp.kursksu.ru/index.php?page=6&new=18> [in Russian]

Sosnina, 2022 – Sosnina, M.A. (2022). Pravovaya kul'tura severnogo krest'yanstva v otrazhenii dokumentov volostnykh sudov [The legal culture of the Northern peasantry in the reflection of the documents of the volost courts]. *Kenozerskie chteniya - 2021. Zapovednye zemli Russkogo Severa v kontekste sotsial'no-gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh issledovaniy*: Sbornik materialov X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sost. M.N. Melyutina, S.I. Drovkina; otv.red. E.F. Shatkovskaya; FGBU «Natsional'nyi park «Kenozerskii». Arkhangel'sk, 632 p. [in Russian]

Sosnina, 2023a – Sosnina, M.A. (2023). Provintsial'naya pravovaya kul'tura severnogo krest'yanstva v kontekste realizatsii burzhuaznykh reform vtoroi poloviny XIXv. v Rossii [The provincial legal culture of the Northern peasantry in the context of the implementation of bourgeois reforms of the second half of the nineteenth century in Russia]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 5: 48-59. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844 [Electronic resource]. URL: https://e-notabene.ru/lr/article_38844.html [in Russian]

Sosnina et al., 2024 – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.

SZRI – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The Code of Laws of the Russian Empire]. [Electronic resource]. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/132.html> (date of access: 04.17.2024).

Обычно-правовое регулирование обязательств из договоров у крестьян русского Севера во второй половине XIX – начале XX вв.

Мария Александровна Соснина ^{a,*}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b, Наталья Ивановна Беседкина ^c, Анна Артемовна Аванесова ^d

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются вопросы обычно-правового регулирования обязательств из договоров у крестьян Архангельской губернии в самый неоднозначный период истории Российской империи – период буржуазных реформ второй половины XIX века. В то время, когда во Франции уже полвека действует Гражданский кодекс Наполеона, а в Германии бурными темпами идет подготовка Германского гражданского уложения, в России встала острая необходимость не только дальнейшего развития буржуазных отношений, но и правового регулирования этого процесса. Сложность создания гражданского кодекса в Российской империи состояла в том, что после отмены крепостного права необходимо было включить в общее правовое поле свободных сельских обывателей, которые веками регулировали общинные правоотношения обычаем. После того как крестьянская реформа 1861 года ввела для крестьян волостной суд, судивший на основе местных обычаев, началось их изучение, актуальное и в наше время, поскольку в современном гражданском праве России можно найти немало аналогий с крестьянскими обычными нормами. Опираясь на теоретические выводы, сделанные в дореволюционной историографии, а также заключения современных исследователей в области истории права, авторами настоящей статьи сделаны обоснованные выводы с применением протоколов волостных судов, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, о специфике обычно-правового регулирования обязательственных отношений у крестьян русского Севера. С помощью данных из архивных документов, нигде ранее не опубликованных, удалось сделать ценные для историко-правовой науки выводы об условиях действительности договоров, их видах и форме, субъектном составе сделок, гарантиях исполнения обязательства и способах их прекращения. В силу довольно фрагментарного государственного регулирования крестьянских правоотношений обычное право крестьян русского Севера выработало местные обычаи, к стабильному функционированию которых способствовала волостная судебная практика.

Ключевые слова: Российская империя, Русский Север, крестьянская община, обязательство, договор, местный обычай, волостной суд, артель, перевозка.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SosninaAGTU@yandex.ru (М.А. Соснина), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), nbesedkina@fa.ru (Н.И. Беседкина), annavanesova@yandex.ru (А.А. Аванесова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1327-1336
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1327

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Wholesale Alcohol Trade in Excise Russia (1863–1894)

Natalia Ye. Goryushkina ^{a, *}

^a South-Western State University, Russian Federation

Abstract

The article highlights the wholesale trade of alcohol in Russia during the period of the excise duty collection system. The basic principles of historical cognition – historicism, objectivity, consistency – were chosen as methodological tools, they were supplemented by the method of contextual interpretation of legal acts, historical-comparative and historical-genetic methods. Based on a wide range of sources, published and unpublished, the basic principles of organizing the sale of large quantities of alcohol are outlined, the persons who have received the right to wholesale trade at the excise tax are named, the requirements for a wholesale warehouse and a wholesale batch of drinks are clarified. Attention is drawn to the continuous improvement of excise legislation, which did not stop during the entire excise period. The author shows how the wholesale market has evolved under the influence of government measures. At the first stage, it only acquired its outlines, at the second stage there was a distribution of spheres of influence between large regional merchants, at the third stage large wine trading houses took shape, Russian provinces were divided into productive and consumer ones in relation to alcohol. It is concluded that wholesale trade in excise Russia was at the center of commercial relations between the manufacturer of spirits and their consumer. Wholesale warehouses have largely determined the nature of the country's alcohol market. The development of interregional trade has led to an increase in trade operations, an increase in the area of wholesale warehouses, and an increase in the profitability of the wine trade. The state did not fail to take the revenues of wholesale warehouses into its own hands, the state-owned wine monopoly replaced the excise system.

Keywords: alcohol, drinking collection, wine reform, excise system, wine trade, wholesale, productive province, consumer province.

1. Введение

Актуальность изучения исторического опыта переломных эпох обуславливается необходимостью адаптации российского общества к современным вызовам. Высокий уровень нелегального оборота алкоголя, недобросовестная конкуренция среди продавцов, слабая защищенность потребителей, низкие налоговые поступления – эти факторы свидетельствуют об остроте алкогольной проблемы в современной России.

Правительство на протяжении последних лет предприняло ряд серьезных шагов, направленных на «противодействие нелегальному производству и обороту алкогольной продукции, уходу от уплаты акцизов на алкогольную, спиртосодержащую продукцию и этиловый спирт» (Концепция, 2023). Но проблема далека от своего разрешения.

В этой связи практическую значимость приобретает опыт организации оптовой торговли алкоголем в России в 1863–1894 гг. Важность темы с теоретической точки зрения также не вызывает сомнений, поскольку оптовая торговля при акцизе не была подвергнута специальному историческому анализу и требует своего обстоятельного рассмотрения.

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina)

Оптовую торговлю алкоголем в акцизной России (1863–1894 гг.) призвана осветить данная статья.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками исследования стали опубликованные и неопубликованные документы из фонда «Департамент неокладных сборов Министерства финансов» (ф. 574) Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Делопроизводственная документация, сохранившаяся в фонде, обширна и разнообразна, но особый интерес вызвали сжатые по форме и емкие по содержанию отчеты о передвижении по империи крупных партий алкоголя.

Дополнили источниковую базу законодательные акты о питейной продаже, в том числе и оптовой, в период действия акцизной системы. Они были извлечены автором из Полного собрания законов Российской империи и рассмотрены в исторической последовательности.

Организация оптовой торговли алкоголем ввиду фискальных выгод требовала постоянной правительственной настройки, что обусловило издание большого числа правительственных наставлений, указаний и руководств. Наиболее значимые из них были использованы при подготовке данной статьи.

Информацию о количестве оптовых складов, объемах товарооборота, движении алкоголя по губерниям России удалось извлечь из Отчетов Департамента неокладных сборов, которые ежегодно выпускались с 1883 г.

Не были оставлены без внимания и источники личного происхождения: мемуары, дневники, записки современников. Оценочные суждения о виноторговле и виноторговцах представили информацию, которая не находила своего отражения в официальных документах.

2.2 Методологический инструментарий статьи включает базовые принципы исторического познания, а именно историзм, объективность и системность. Первый позволил рассмотреть перемены в организации оптовой торговли алкоголем под воздействием постоянно меняющегося акцизного законодательства; второй потребовал привлечения разнообразных, но надежных источников, правдиво отражавших организацию оптовой торговли в акцизный период; третий представил оптовую торговлю как структурную единицу единой системы свободного оборота питей при акцизе.

Свое применение нашли следующие методы: контекстной интерпретации правовых актов, использовавшийся в целях изучения акцизного законодательства, историко-сравнительный, продемонстрировавший сходства и различия в деятельности оптовых складов в различные акцизные отрезки, историко-генетический, способствовавший выявлению новых сторон оптовой продажи питей, которые возникли по мере реализации винной реформы 1863 г.

3. Обсуждение

Оптовая торговля играла системообразующую роль в свободном обороте алкоголя, связывая между собой производителя и потребителя. В дореволюционной историографии обороту крупных партий алкоголя уделялось меньше внимания, чем анализу раздробительной продажи. Специальные исследования по теме отсутствуют. Обзор отдельных сторон оптовой торговли был попутно произведен ревизором Департамента неокладных сборов Н. А. Терским (Терский, 1890) и директором Департамента казенной продажи питей М. И. Фридманом (Фридман, 2005). В работах указанных авторов не надо искать мотива: он налицо. Служители казны акцентировали внимание на выгодах крупных операций со спиртом для российского бюджета и подтверждали свой посыл развернутым статистическим материалом.

Немало любопытных подробностей об оптовой торговле содержится в работе акцизного надзирателя Э. Ф. Нольде. Он построил свое повествование на показе тех приемов, к которым прибегали виноторговцы, чтобы увеличить собственную прибыль (Нольде, 1882).

Советские ученые проблему оптовой торговли алкоголем при акцизе не поднимали. Богатейший эмпирический материал в течение продолжительного времени оставался невостребованным. Интерес к теме возвратился в отечественную историографию только в 1990-е гг., когда акцизная система взимания налога с алкоголя была установлена повторно. Именно тогда были выпущены в свет первые статьи об акцизной виноторговле, но в основе своей они имели научно-популярный характер (Лушин, 1996: 57-58; Буланже, 1998: 123-126; Толкушкин, 2002: 69-71).

Более глубокую оценку оптовой торговле алкоголем при акцизе дал барнаульский историк А.М. Мариупольский. В его работах описан процесс возникновения монопольных объединений виноторговцев, раскрыты причины монополизации сбыта алкоголя, обосновано сохранение участниками объединений производственной самостоятельности (Мариупольский, 1995: 53-74).

Вопрос о степени свободы оборота алкоголя при акцизе поднят в статье Н. Е. Горюшкиной (Горюшкина, 2021: 122).

В целом имеющаяся историография дает представление о функционировании оптовых складов в акцизной России, но значительный комплекс источников требует своей атрибуции и интерпретации.

4. Результаты

Известно, что акцизная система была введена в Европейской части России и в Сибири в первый день 1863 г. В основание нового питейного порядка был положен тезис о свободном обороте алкоголя. Его суть декларировалась «Положением о питейном сборе», которое получило высочайшее утверждение 4 июля 1861 г. «Оптовая <...> продажа питей, – гласила статья 229 «Положения», – есть предмет свободной торговли» (ПСЗ РИ-2, № 37197: 65).

Отпуск оптовых партий алкогольных изделий (спирта, хлебного вина, водки и т.д.) был разрешен заводским подвалам и складам, которые могли открываться всюду: и в городской, и в сельской местности.

Правительство серьезно опасалось недостатка оптовых заведений в переходный от откупов к акцизу период, поскольку при откупках частная оптовая торговля в великороссийских и сибирских губерниях отсутствовала, а откупщики забирали алкогольную продукцию со складов, принадлежавших казне. В привилегированных губерниях оптовая торговля частных лиц имела место, но складские помещения были мелкими, и занимались они в основном распределением алкоголя между розничными заведениями в пределах своей местности. Провоз вина из привилегированных регионов в великороссийские губернии и обратно находился под строгим запретом. Для предотвращения провоза на границах откупов стояла грозная корчемная стража (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 537. Л. 5-50б.).

При акцизе оптовая продажа питей собственного производства была разрешена заводчикам из подвалов винокурных заводов без взятия специального патента, но открытие ими отдельно стоящего оптового склада сопровождалось патентованием. Патент стал обязательным условием и для начала оптовой торговли лицами, состоявшими в гильдиях или имевшими торговые свидетельства первых трех разрядов (Хоткевич, 1879: 12).

Патентный сбор за содержание оптового склада был поставлен в зависимость от выгод местности и первоначально назначен в умеренном размере. Так, в местностях 1-го разряда патент стоил 100 руб., в местностях 2-го разряда – 50 руб., в местностях 3-го разряда – 25 руб. Надо иметь в виду, что к 1-му разряду относились обе столицы – Санкт-Петербург и Москва; ко 2-му разряду – губернские, областные портовые и крупные уездные города; к 3-му разряду – все прочие местности. Весь акцизный период стоимость патента росла. Уже в 1864 г. в местностях 1-го разряда патент стоил 150 руб., в местностях 2-го разряда – 80 руб., в местностях 3-го разряда – 50 руб. (ПСЗРИ-2, № 41282: 889). В 1872 г. патентная плата поднялась до 300 руб. в местностях 1-го разряда, 100 руб. – в местностях 2-го разряда, 50 руб. – в местностях 3-го разряда (ПСЗРИ-2. № 49682: 743). В 1873 г. патенты вновь подорожали. Патент на оптовые склады, расположенные в местностях 1-го разряда, уже стоил 600 руб., в местностях 2-го разряда – 200 руб., 3-го разряда – 100 руб. (ПСЗ РИ-2, № 52394: 857-858). Со временем патентный сбор зримо вырос, а система его взимания усложнилась. Законом 8 июня 1893 г. для занятия оптовой торговлей требовалось приобрести два вида патентов – основной и дополнительный. В местностях 1-го разряда основной патент стоил 400 руб., 2-го разряда – 300 руб., 3-го разряда – 200 руб., предоставляя право на отпуск 400 тыс.^о безводного спирта. Второй платился в размере 25 руб. повсеместно за каждые 100 тыс.^о безводного спирта, отпускаемые сверх 400 тыс. (ПСЗ РИ-3, № 9739: 410).

Законодатель настаивал, чтобы виноторговцы при открытии складского помещения учли все требования противопожарной безопасности. Но ввиду недостатка годных строений крупные партии алкоголя разрешалось расположить в зданиях из кирпича, камня, а также в строениях из дерева, камыша или глины. Во избежание возгораний склад требовалось обложить землей, укрепить железными дверями и ставнями, покрыть негорючей кровлей, снабдить продушинами и вытяжками.

В 1863 г. оптовыми складами алкоголя стали все более-менее подходящие кирпичные и каменные строения. Их не хватало, потому значительная часть оптовых складов разместилась в бревенчатых амбарах, дощатых сараях, лабазах из камыша или глины.

Вместе с требованиями о противопожарной безопасности отцы винной реформы поставили перед торговцами условие об одновременном хранении на оптовом складе не менее 500 ведер крепких напитков (ПСЗ РИ-2, № 37197: 68).

Это требование оптовиков благополучно обходили перевозкой недостающих объемов алкоголя из склада в склад, а также нужными записями в подвальных книгах (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 42. Л. 56).

Первоначально оптовой партией признавался отпуск вина и спирта объемом от 10 ведер (ПСЗРИ-2, № 37197: 67). Законом 12 августа 1863 г. оптовая партия была уменьшена до 3-х ведер (ПСЗ РИ-2, №39951: 880). Закон 18 июня 1868 г. удостоверил, что отпуск «за один раз в одни руки» 3-х и более ведер есть оптовый, а менее – розничный (ПСЗРИ-2, №46003: 867). Закон 14 мая 1885 г. признал минимальной оптовой партией объем вина и спирта в 1 ведро (ПСЗРИ-3, № 2946: 199-200).

Несмотря на законодательно определенный наименьший размер отпуска вина, встречались складчики, кто отпускал алкоголь всякими мерами и даже распивочно, конкурируя с трактирами и кабаками (Отчет ДНС за 1884 год, 1885: 43).

Определенной крепости для алкогольных напитков в оптовой продаже не было установлено. «Положение о питейном сборе» гласило: «Напитки могут быть всякой крепости, какая только

спрашивается покупателями. Напитки должны быть доброкачественными, без вредной для здоровья примеси» (ПСЗРИ-2, № 37197: 65). Но акцизная система еще не сменила откупной строй, когда Закон 17 августа 1862 г. назначил обязательную крепость в 38° (по Траллесу), ниже которой виноторговцы не могли предлагать покупателям хлебное вино (ПСЗРИ-2, №38582: 794). Закон 16 декабря 1866 г., учитывая различия местных условий, определил крепость вина в оптовой продаже для великороссийских губерний в 40°, для остальных губерний – в 45° (ПСЗРИ-2, №№43977: 389). Законом 18 июня 1868 г. различия в крепости по местностям были отменены, крепость хлебного вина повсеместно составила 40° (ПСЗРИ-2, №46003: 858). Это требование действовало весь акцизный период.

В 1863 г. было приобретено 5 500 патентов на оптовую торговлю алкоголем. Размеры открывшейся при акцизе оптовой торговли напрямую зависели от климатических и почвенных условий российских губерний, обеспеченности их дорогами, состояния винокуренного производства и спроса населения.

Но невысокая стоимость патента, простота в открытии оптового склада и гарантированный сбыт крупных партий алкоголя обусловили высокий предпринимательский интерес к данному занятию. Нашлось немало лиц, кто пытался преуспеть в питейном деле, имея мелочь в кармане. Однако в основном операциями с крупными партиями спирта занялись состоятельные купцы, среди которых значились бывшие откупщики и их приказчики. С одной стороны, они располагали необходимыми капиталами, умело пользовались государственными займами, с другой, – имели торговую сноровку, весьма нужную при продаже алкоголя.

Еще больше откупщиков пришло в оптовую торговлю в 1864–1865 гг. К этому времени они осмотрелись, осмелели и «принялись дружно и энергично чинить свою золотоделательную машину». Бывшие откупщики привнесли в оптовую торговлю «каверзы» старого времени. «Складчики же из откупных, в первый момент своего самостоятельного существования, скупив спирт нипочем, тем, конечно, несказанно обогатились и, взяв раз силу, продолжали, при помощи ея, и поднесь продолжают, совместно, конечно, с другими вообще складчиками, обогащаться, в общем – за счет всего русского народа, а в частности: с одной стороны – за счет заводчиков, а с другой, и главной, за счет подлого <...> труда кабатчиков», – писал с возмущением купец Н. Н. Елифанов (Елифанов, 1906: 18).

Закупочная цена алкоголя и его продажная цена существенно отличались. Это обстоятельство позволяло наиболее удачливым торговцам получать сверхприбыль. К примеру, в Тобольской губернии с введением акцизной системы десятки оптовых складов открыл бывший откупщик А.Ф. Поклевский-Козелл. Его торговые обороты год от года только росли. В скором времени он заключил негласный договор с купцами Корчемкиным и Кузнецовым по координации действий при реализации крупных партий алкоголя, и к концу 1860-х гг. членам образованного товарищества принадлежало уже около 75 % оптовых складов Тобольской губернии. Конкурировать с ними было затруднительно. Названное объединение представляло собой типичную раннюю монополию (Мариупольский, 2013: 73).

Оптовики не стеснялись с выбором средств для наживы. Невзирая на строгость питейного законодательства, они отпускали алкоголь в кредит, открывали розничные магазины на подставных лиц, выпускали в продажу «дешевку» по 1 руб. за четверть, а потом наворачивали убытки, назначая монопольные цены по 8 руб. за ведро (Труды..., 1893: 224).

В 1866 г. частные оптовые склады открылись в губерниях Царства Польского, в 1869 г. – в Туркестанском крае, в 1873 г – в Закавказье, с 1878 г. – в Карской и Батумской областях, части Бессарабии. С вхождением этих территорий в акцизную зону численность оптовых складов поднялась. Вместе с тем немалое число складских помещений Центральной России прекратило свое существование.

В 1876 г. было выкуплено 5 036 патентов на оптовую торговлю вином и спиртом. В этот год Россия впервые услышала о крупной стачке виноторговцев (договоре о совместных действиях), которая была организована в Пермской губернии. Эту стачку отличали широкий состав участников, согласованность действий, разнообразие методов давления на соперников: сильные «покупались» десятками тысяч рублей, мелкие вытеснялись понижением цен на алкоголь «до невозможного уровня». Многие виноторговцы губернии, не выдержав конкуренции, попали в долги, разорились и поступили в приказчики к участникам сговора. Организация пермских оптовиков, заключивших договор (т.н. «ноябрьское соглашение»), стала одним из первых монополистических объединений картельного типа в виноторговле (СПС за 1885 год, 1898: 587).

Этот случай стал широко известным, но он не был единственным. «Монополизация эта, – признавал Н.С. Терский, – особенно усилилась в конце 70-х и в начале 80-х годов. Таким образом, положение дела в последнее время напоминает несколько откупные порядки» (Терский, 1890: 107).

В 1879 г. в России действовал 5 371 оптовый склад. Оптовики без усталости разъезжали по стране, находили алкоголь в тех губерниях, где по дешевизне хлеба и других припасов он стоил недорого, переправляли его в свою местность и продавали с громадной прибылью (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 325. Л. 73-74).

Высоким доходам сопутствовали немалые риски. Они были связаны с приобретением, перевозкой, хранением и реализацией алкоголя.

Путевая трата спирта уменьшала доходы оптовиков. Зависела она от многих обстоятельств: от дальности расстояния проходимого спиртом, от климатических условий во время нахождения спирта в пути, от качества тары и т.д. Помимо того, на оптовых складах нередко возникали пожары. Не всегда удавалось соблюсти температурный режим в местах хранения алкоголя. Усушка и утечка временами была значительной, а акцизная пошлина между тем платилась за весь объем поступившего на оптовый склад продукта. Оптовые складчики по этой причине старались как можно скорее сбыть заготовленные партии спиртного или договориться с заводчиками, чтобы спирт оставался в заводских подвалах весь летний период. Бывало, что Министерство финансов, озабоченное большими запасами спирта на заводах, входило в положение заводчиков и освобождало имевшиеся в наличии остатки от доплат акциза при повышении последнего. Но пользовались этой льготой складчики, поскольку именно они были юридическими владельцами спирта, хранившегося у заводчиков (СПС за 1865 год, 1897: 367).

Торговцы рисковали капиталами, предоставляя ссуды заводчикам для оплаты акциза под будущие поставки спирта и вина на склад. Планируя приобрести спирт с завода, они отправляли в ближайшее акцизное управление заявление о выпуске спирта к указанному сроку и прилагали в качестве гарантий уплаты акциза залоговые свидетельства (деньги, свидетельства на движимое и недвижимое имущество). Распоряжение о выпуске спирта передавалось акцизному управлению, в ведении которого находился завод, и оптовик смиренно ждал исхода дел, пока его деньги были в товаре. Если договор оставался в силе и спирт выпускался с завода, складчик сбывал его, заранее изыскивая места повышенного спроса на алкоголь. Таковыми являлись районы строительства железных дорог, рабочие поселки. Если же по каким-то причинам спирт с завода не выпускался, акцизное управление распоряжалось об освобождении залогов, деньги оптовику возвращались, но время для закупок было упущено, и предстояло считать убытки (Труды..., 1893: 270).

Законодательство настойчиво требовало, чтобы при отпуске вина и спирта в места розничной торговли, на заводы для выделки каких-либо изделий или на экспорт хозяин склада выдавал покупателю провозное свидетельство. В нем фиксировались сведения о том, кто, когда, кому, куда, сколько и какой крепости продукцию отпустил. К свидетельству прилагались пробы из каждой перевозимой бочки, удостоверенные печатью и подписью ответственного лица (ПСЗ РИ-2, № 37197: 68).

Оптовые складчики нередко пользовались этим правом для своего обогащения. Они вступали в сговор с заводчиками и придавали незаконно произведенному алкоголю характер законного. Иллюстрацией к сказанному является эпизод, описанный П. В. Березиным: «Мы подготовили места в подвалах для помещения имеющего получить солидного безакцизного количества <...>. Заготовка делалась так: из бочек, к которым особенно неудобен доступ в подвале, выкачивался ручным насосом спирт, который по длинным резиновым трубкам передавался в бочки, стоящие вне подвала; в опорожненные же и оставленные на местах в подвале бочки, в которых был спирт, таким же способом накачивалась вода, которая при ревизии показывалась и принималась за спирт. Затем поступающий безакцизный спирт таким же путем вновь заменял воду. Превращение происходило то спирта в воду, то воды в спирт» (Березин, 1900: 71).

Надзор над оптовыми оборотами спирта был строг. Его денно и нощно вели акцизные чиновники. Ими штудировались шнурованные книги для записи прихода и расхода, проводились плановые и внезапные ревизии подвалов, сверялись провозные свидетельства. Бывало, что по бумагам на складе числились 500 ведер крепких напитков, а на деле стояло 3-5 бочек, а торговал склад не спиртом и вином, а провозными свидетельствами, называемыми в народе «сухими бумагами». За такую операцию владелец погребка, ничего не делая, мог получить неплохой доход (1-1,5 коп. за каждый упомянутый в свидетельстве градус).

Встречались небольшие в торговом отношении селения или местечки, где действовали сразу 3-4 оптовых склада и где вино находилось в постоянном движении. Один транспорт со спиртом, согласно наличествующим бумагам, выпускался из склада А в склад Б, в то время как из склада Б в склад А начинал движение другой транспорт. В одних случаях расстояние в 15-20 верст спирт преодолевал за 2-3 недели, в других – двигался со скоростью 180 верст в сутки, причем по грунтовыми дорогам и в распутицу (Отчет ДНС за 1884, 1885: 43).

Наличие такого рода злоупотреблений подтверждал акцизный чиновник Э.Ф. Нольде: «Существуют, например, оптовые склады, специально устраиваемые для снабжения законными паспортами самого незаконного спирта, мнимо передвигающегося из одних концов Империи в другие. Иногда вы приезжаете на склад, вечно состоящий из двух трех бочек спирта, а, между тем, книги этого склада с помощью их чеков, свидетельств и пр. служат передаточными пунктами для большого передвижения спирта. Склады для такой передачи устраиваются преимущественно в городах при размерах торговли столь значительной и быстрой, что даже опытный акцизный чиновник <...> не поймет в чем дело» (Нольде, 1882: 10).

В 1883 г. в России действовало 6 170 оптовых складов, в 1885 г. – 6 030 (ВФПТ, 1885, №32: 326-334). Для удобства счетоводства их было принято делить на три категории: 1) малые (объем оборота до 200 тыс.°); 2) средние (до 800 тыс.°); крупные (свыше 800 тыс.°) (Статистические сведения..., 1888: 138-139).

Средние и большие склады торговали алкоголем, приобретенным «из первых рук», малые склады редко покупали алкоголь непосредственно у винокуров, а в большинстве случаев они обращались к «большим» складчикам (Епифанов, 1906: 21).

В 1888 г. было приобретено 4 745 патентов на оптовую торговлю. Опт «двигался» в сторону потребителя. Губернии в отношении производства алкоголя окончательно разделились на производительные и потребительные. К первой группе относились среднечерноземные, прибалтийские, юго-западные, малороссийские, северо-западные, Царства Польского, восточные губернии; ко второй – губернии столичные, южные, средне-промышленные и северные. Самые крупные хранилища были устроены в обеих столицах, Ревеле, Ростове-на-Дону, Одессе. В то время как численность оптовых складов в Санкт-Петербурге и Москве составляла всего 0,6 % от общего их числа, оборот столичных складов был громадным и достигал 12 % от общероссийского показателя. Много оптовых складов располагалось в губернских городах. Эти оптовые склады составляли около 8,2 % от общей численности, но на их долю приходилось 20 % от оборота спирта и вина. В тех губерниях, где проживало промышленное население, оптовая торговля тяготела к городским поселениям. В уездных и заштатных городах функционировало порядка 37,2 % от общего числа складов, оборот их составлял 44 % от общих объемов. Здесь преобладали складские помещения среднего размера. В сельскохозяйственных губерниях, где расстояние между населенными пунктами было значительным, склады были малыми. Сельские оптовые склады имели долю в 54 % от общего числа складских помещений. Они обеспечивали 24 % всего спиртового оборота по складам (Современное положение..., 1888: 467).

В 1880-е гг. в виноторговле стали оформляться крупные торговые дома, диктовавшие условия на внутреннем рынке алкоголя. Первое место по спиртовым оборотам занимали южные губернии. За ними шли среднепромышленные, среднечерноземные и восточные. Далее следовали малороссийские, северо-западные и юго-западные губернии. Самые незначительные обороты алкоголя были характерны для северных, Царства Польского и прибалтийских губерний (Отчет ДНС за 1894 год, 1896: 58).

В 1890-е гг. общая численность оптовых складов в России пошла на спад: в 1891 г. действовало 3 943 оптовых склада, в 1894 г. – 3 509 (Отчет ДНС за 1894 год, 1896: 57). Причины означенного процесса крылись в общем кризисе винокуренной отрасли и уходе с алкогольного рынка последних мелких оптовиков. Они при всем старании не выдержали обострявшейся год от года конкуренции, возникновения крупных торговых домов и сворачивали свой промысел. Вместе с тем увеличилось число оптовых складов нового поколения. Это были просторные погреба, построенные из качественного материала (кирпич, камень, дерево). Они состояли из приемочного, филтрационного, моечного, разливающего, сортировочного, укупорочного, отпускного отделений. На оптовых складах применялась машинная техника, осуществлялся автоматический слив и разлив алкоголя, велся контроль температурного режима и влажности воздуха. Все рабочие имели необходимую квалификацию. Территория новых оптовых складов огораживалась и мостилась, поблизости со складским помещением строились конторы, сарай, навесы для подвод и лошадей (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 11 об.-13).

Оптовых складов в потребительных губерниях было больше, чем в производительных. Так, в 1894 г. в потребительном районе на каждую губернию приходился 61 склад, в производительных – 50. Такая пропорция объяснялась наличием в производительных губерниях большого числа заводских подвалов, которые вели оптовую торговлю алкоголем. К тому же сравнительно высокую численность оптовых складов в потребительных губерниях обеспечивали складские помещения южных губерний, которых весь акцизный период было много. Северные и среднепромышленные губернии в этом отношении даже уступали производительным губерниям. Из числа последних наименьшее число оптовых складов располагалось в губерниях Царства Польского и прибалтийских губерниях (Отчет ДНС за 1894 год, 1896: 57-58).

Оптовые складчики с удовлетворением приняли правительственное разрешение на устройство в складах аппаратов для рассиропки и очистки алкоголя посредством пропуска его через уголь и песок. Чистота выпускаемой продукции в значительной мере зависела от объемов очищаемого спиртного и размеров используемых чанов или колонн. Надо заметить, что выпускавшим по 10-15 тыс. ведер в месяц оптовикам очистка вина, раскладываясь на большее количество ведер сбыта, обходилась в 15 коп. за ведро, тогда как для складчика, выпускавшего 1-1,5 тыс. ведер, расходы составляли не менее 50-60 коп. за то же ведро вина (Епифанов, 1906: 7-8).

Доходы, получаемые государством с содержателей оптовых складов, весь акцизный период поднимались, еще быстрее росли капиталы оптовых торговцев. Злоупотребления в оптовой торговле носили постоянный характер. Выходом из сложившегося положения дел виделась казенная винная монополия. Громадные деньги, обращавшиеся на алкогольном рынке, финансовое ведомство вознамерилось забрать в свои руки (Буловский, 1898: 7). Складчикам, обвиненным во всех грехах, начиная от сдерживания винокуренного производства в собственных интересах и заканчивая спаиванием народа, предстояло найти себе иное занятие, вложив в его развитие заработанные на обороте алкоголя капиталы.

По настоянию министра финансов С.Ю. Витте, акцизная система уступила место казенной операции в отношении алкоголя ([ПСЗРИ-3. № 10766: 404-410](#)).

5. Заключение

Оптовая торговля алкоголем оформилась в период действия акцизной системы взимания питейного сбора. Базовые принципы организации продажи крупных партий алкоголя были четко обозначены в «Положении о питейном сборе», высочайше утвержденном 4 июля 1861 г. В течение трех десятков лет акцизное законодательство совершенствовалось, менялись требования к крепости алкогольных напитков, объемам оптовых партий, размерам складских помещений, стоимости патентов. Под воздействием правительственных мер оптовый рынок эволюционировал. В 1860-е гг. наблюдалось становление частной оптовой виноторговли, в 1870-е гг. имело место распределение сфер влияния между виноторговцами, образовались ранние монополии в виноторговле, в 1880–1890-е гг. завершился процесс формирования спиртового рынка, возникли крупные торговые дома. Оптовые склады как посредники между производителем и розничной сетью серьезно повлияли на характер алкогольного рынка акцизной России. Численность крупных торговых операций между регионами росла, увеличились объемы поставок и протяженность маршрутов, поднимались доходы виноторговцев, но вместе с тем злоупотребления в оптовой торговле не прекращались, несмотря на усилившийся с годами акцизный контроль. Министерство финансов считало, что дальнейшее оставление виноторговли в руках частных лиц не соответствует интересам государства, и признало необходимым забрать оптовую торговлю алкоголем в ведение правительства. Акцизная система была заменена казенной винной монополией.

6. Благодарности

НИР в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).

Литература

- [Березин, 1900](#) – Березин П.В. На службе злему делу (Хроника из жизни на винокурных заводах). М.: Типолиитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 156 с.
- [Буловский, 1898](#) – Буловский А.И. Казенная винная монополия. Санкт-Петербург: тип. Министерства внутренних дел, 1898. 31 с.
- [Буланже, 1998](#) – Буланже М. Акцизная наклейка на зеленую злодейку // *Финансы*. 1998. №8. С. 123-126.
- [ВФПТ, 1885](#) – Современное положение производства спирта и торговли им в России // *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1885. № 32. С. 326-334.
- [Горюшкина, 2021](#) – Горюшкина Н.Е. Основы организации оборота алкоголя в России (1863 – 1894 годы) // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2021. № 11(2). С. 120-129.
- [Елифанов, 1906](#) – Елифанов Н.Н. Записка по вопросу: «чем может и должно быть питейное дело на Руси?». Баку: Тип. А. К. Касабова, 1906. 272 с.
- [Концепция..., 2023](#) – Концепция сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу. [Электронный ресурс]. URL: garant.ru (дата обращения: 20.05.2024).
- [Лушин, 1996](#) – Лушин С.И. Водка и финансы. Немного истории // *Финансы*. 1996. №6. С. 57-58.
- [Мариупольский, 1995](#) – Мариупольский А.М. Оптовая торговля вином в Западной Сибири (60-80-е гг. XIX в.) / Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Скубневский В.А. Барнаул, 1995. С. 53-74.
- [Мариупольский, 2013](#) – Мариупольский А.М. Ранние монополии в западносибирском винокурении в пореформенный период // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2013. №1 (28). С. 72-75.
- [Нольде, 1882](#) – Нольде Э.Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Ч. 1. 40 с.
- [Отчет ДНС за 1884 год, 1885](#) – Отчет Департамента неокладных сборов за 1884 год. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1885. 410, 193 с.
- [Отчет ДНС за 1894 год, 1896](#) – Отчет Департамента неокладных сборов Министерства финансов за 1894 год. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1896. 229, 77 с.
- [ПСЗРИ-2, №37197](#) – Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 36. Ч. 2. № 37197.
- [ПСЗРИ-2, №38582](#) – О мерах к ограждению интересов казны по питейной части // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 37. Ч. 1. №№38582.
- [ПСЗРИ-2, №39951](#) – О том, что оптовая продажа вина и спирта может производиться количествами менее трех ведер, и о порядке открытия временных выставок и ренсковых погребов с

распивочною продажею на ярмарках и установленных торгах и базарах // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Ч. 1. №39951.

ПСЗРИ-2, №41282 – Об изменении установленного Уставом о питейном сборе размера патентного сбора с заведений для продажи напитков // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Ч. 1. № 41282.

ПСЗРИ-2, №43977 – Об установлении обязательной крепости продаваемого вина // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Ч. 2. №43977.

ПСЗРИ-2, №46003 – Высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 43. Ч. 1. №46003.

ПСЗРИ-2, №49682 – О размере патентного сбора с заводов для приготовления напитков и изделий из вина и спирта и с заведений для продажи напитков // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49682.

ПСЗРИ-2, №52394 – О правилах ограничения раздробительной продажи в С.-Петербурге и пригородных участках и о возвышении патентного сбора с водочных заводов и заведений для продажи крепких напитков // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 48. Ч. 2. № 52394.

ПСЗРИ-3, № 10766 – Положение о казенной продаже питей // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 14. № 10766.

ПСЗРИ-3, № 2946 – Высочайше утвержденные Правила о раздробительной продаже напитков // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 5. № 2946.

ПСЗРИ-3, №9739 – О патентном сборе с заведений для продажи крепких напитков // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 13. № 9739.

РГИА – Российский государственный исторический архив

СПС за 1865 год, 1897 – Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1865 год. М.: тип. С. П. Каткова, 1897. 841 с.

СПС за 1885 год, 1898 – Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. М. : С.П. Каткова, 1898. 653 с.

Статистические сведения..., 1888 – Статистические сведения о положении винокуренной промышленности и оптовой торговли вином в России. СПб.: Департамент неокладных сборов, 1888. 307 с.

Терский, 1890 – *Терский Н.С.* Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1890. 252 с.

Толкушкин, 2002 – *Толкушкин А.В.* Винные откупа, винный акциз и винная монополия // *Финансы*. 2002. №3. С. 69-71.

Труды..., 1893 – Труды Съезда винокуренных заводчиков и спиртопромышленников, состоявшегося в Москве в июня 1892 года Т. 2: Приложения. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1893. 434 с.

Фридман, 2005 – *Фридман М.И.* Винная монополия в России. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. 555 с.

Хоткевич, 1879 – *Хоткевич А.М.* Уставы о пошлинах и питейном сборе по отношению к гражданскому праву. М.: тип. Л. Ф. Снегирева, 1879. 48 с.

References

Berezin, 1900 – *Berezin, P.V.* (1900). Na sluzhbe zlomu delu (Khronika iz zhizni na vinokurenykh zavodakh) [In the service of an evil cause (Chronicle of life in distilleries)]. М.: Tipolitografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o, 156 p. [in Russian]

Bulanzhe, 1998 – *Bulanzhe, M.* (1998). Aktsiznaya nakleika na zelenuyu zlodeiku [Excise sticker on the green villain]. *Finansy*. 8: 123-126. [in Russian]

Bulovskii, 1898 – *Bulovskii, A.I.* (1898). Kazennaya vinnaya monopoliya [State-owned wine monopoly]. SPb.: tip. Ministerstva vnutrennikh del, 31 p. [in Russian]

Epifanov, 1906 – *Epifanov, N.N.* (1906). Zapiska po voprosu: «chem mozhet i dolzhno byt' piteinoe delo na Rusi?» [A note on the question: “what can and should be a drinking business in Russia”]. Baku: Tip. A. K. Kasabova, 272 p. [in Russian]

Fridman, 2005 – *Fridman, M.I.* (2005). Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine monopoly in Russia]. М.: Obshchestvo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 555 p. [in Russian]

Goryushkina, 2021 – *Goryushkina, N.E.* (2021). Osnovy organizatsii oborota alkogolya v Rossii (1863 – 1894 gody) [Fundamentals of the organization of alcohol turnover in Russia (1863-1894)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 11(2): 120-129. [in Russian]

Khotkevich, 1879 – *Khotkevich, A.M.* (1879). Ustavy o poshlinakh i piteinom sbore po otnosheniyu k grazhdanskomu pravu [Statutes on duties and drinking fees in relation to civil law]. М.: tip. L. F. Snegireva, 48 p. [in Russian]

Kontseptsiya..., 2023 – Kontseptsiya sokrashcheniya potrebleniya alkogolya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda i dal'neishuyu perspektivu [The concept of reducing alcohol consumption in the

- Russian Federation for the period until 2030 and beyond]. [Electronic resource]. URL: garant.ru (date of access: 20.05.2024). [in Russian]
- [Lushin, 1996](#) – *Lushin, S.I.* (1996). Vodka i finansy. Nemnogo istorii [Vodka and finance. A little history]. *Finansy*. 6: 57-58. [in Russian]
- [Mariupol'skii, 1995](#) – *Mariupol'skii, A.M.* (1995). Optovaya trgovlya vinom v Zapadnoi Sibiri (60-80-e gg. XIX v.) [Wholesale trade in wine in Western Siberia (60-80s of the 19th century)]. *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri (XVIII – nachalo XX vv.)*. Barnaul: Skubnevskii V. A. Pp. 53-74. [in Russian]
- [Mariupol'skii, 2013](#) – *Mariupol'skii, A.M.* (2013). Rannie monopolii v zapadnosibirskom vinokurenii v poreformennyi period [Early monopolies in West Siberian distillation in the post-reform period]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 1(28): 72-75. [in Russian]
- [Nol'de, 1882](#) – *Nol'de, E.F.* (1882). Piteinoe delo i aktsiznaya sistema [Drinking business and excise system]. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha. Ch. 1. 40 p. [in Russian]
- [Otchet DNS za 1884 god, 1885](#) – Otchet Departamenta neokladnykh sborov za 1884 god [Report of the Department of Non-Salaries for 1884]. SPb.: tip. V. F. Kirshbauma, 1885. 410, 193 p. [in Russian]
- [Otchet DNS za 1894 god, 1896](#) – Otchet Departamenta neokladnykh sborov Ministerstva finansov za 1894 god [Report of the Department of Non-Salary Levies of the Ministry of Finance for 1894]. SPb.: tip. V. F. Kirshbauma, 1896. 229, 77 p. [in Russian]
- [PSZRI-2, №37197](#) – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o piteinom sbore [The highest approved Regulations on the drinking tax]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 36. Ch. 2. № 37197. [in Russian]
- [PSZRI-2, №38582](#) – O merakh k ogradzheniyu interesov kazny po piteinoi chasti [On measures to protect the interests of the treasury in the drinking sector]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 37. Ch. 1. №№38582. [in Russian]
- [PSZRI-2, №39951](#) – O tom, chto optovaya prodazha vina i spirita mozhet proizvodit'sya kolichestvami menee trekh veder, i o poryadke otkrytiya vremennykh vystavok i renskovykh pogrebov s raspivochnoyu prodazheyu na yarmarkakh i ustanovlennykh torgakh i bazarakh [The fact that the wholesale sale of wine and alcohol can be carried out in quantities of less than three buckets, and on the procedure for opening temporary exhibitions and Rennes cellars with drinking alcohol sold at fairs and established auctions and bazaars]. PSZRI. Sobr. 2. T. 38. Ch. 1. №39951. [in Russian]
- [PSZRI-2, №41282](#) – Ob izmenenii ustanovlennogo Ustavom o piteinom sbore razmera patentnogo sbora s zavedenii dlya prodazhi napitkov [On changing the amount of the patent fee established by the Charter on the drinking collection from establishments for the sale of beverages]. PSZRI. Sobr. 2. T. 39. Ch. 1. № 41282. [in Russian]
- [PSZRI-2, №43977](#) – Ob ustanovlenii obyazatel'noi kreposti prodavaemogo vina [On the establishment of the mandatory strength of the wine sold]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 41. Ch. 2. №43977. [in Russian]
- [PSZRI-2, №46003](#) – Vysochaishe utverzhdennaya novaya redaktsiya statei Ustava o piteinom sbore [The most highly approved new edition of the articles of the Charter on the drinking collection]. PSZRI. Sobr. 2. T. 43. Ch. 1. №46003. [in Russian]
- [PSZRI-2, №49682](#) – O razmere patentnogo sbora s zavodov dlya prigotovleniya napitkov i izdelii iz vina i spirita i s zavedenii dlya prodazhi napitkov [On changing the amount of the patent fee established by the Charter on drinking establishments for the sale of drinks]. PSZRI. Sobr. 2. T. 46. Ch. 1. № 49682. [in Russian]
- [PSZRI-2, №52394](#) – O pravilakh ogranicheniya razdrobitel'noi prodazhi v S.-Peterburge i prigorodnykh uchastkakh i o vozvyshenii patentnogo sbora s vodochnykh zavodov i zavedenii dlya prodazhi krepkiikh napitkov [On the rules for limiting the fragmentation of sales in St. Petersburg and suburban areas and on the elevation of the patent fee from vodka factories and establishments for the sale of spirits]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 48. Ch. 2. № 52394. [in Russian]
- [PSZRI-3, № 10766](#) – Polozhenie o kazennoi prodazhe pitei [Regulation on the state sale of drinks]. PSZRI. Sobr. 3. T. 14. № 10766. [in Russian]
- [PSZRI-3, № 2946](#) – Vysochaishe utverzhdennye Pravila o razdrobitel'noi prodazhe napitkov [Highly approved Rules on the fragmented sale of beverages]. PSZ RI. Sobr. 3. T. 5. № 2946. [in Russian]
- [PSZRI-3, №9739](#) – O patentnom sbore s zavedenii dlya prodazhi krepkiikh napitkov [About the patent fee from establishments for the sale of spirits]. PSZ RI. Sobr. 3. T. 13. № 9739.
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- [SPS za 1865 god, 1897](#) – Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1865 god [Collection of leading articles of the Moscow Gazette for 1865] M.: tip. S. P. Katkova, 1897. 841 p.
- [SPS za 1885 god, 1898](#) – Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1885 god [Collection of leading articles of the Moscow Gazette for 1885]. M.: S.P. Katkova, 1898. 653 p. [in Russian]
- [Statisticheskie svedeniya..., 1888](#) – Statisticheskie svedeniya o polozhenii vinokurennoi promyshlennosti i optovoi trgovli vinom v Rossii [Statistical information on the situation of the distillery

industry and wholesale wine trade in Russia]. SPb.: Departament neokladnykh sborov, 1888. 307 p. [in Russian]

Terskii, 1890 – *Terskii, N.S.* (1890). Piteinye sbory i aktsiznaya sistema v Rossii: Istoricheskii ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavneishikh rezul'tatov aktsiznoi sistemy i ee znacheniya dlya gosudarstva, kazny i naseleniya [Drinking fees and the excise system in Russia: A historical sketch and the present situation: The experience of comparative research of the main results of the excise system and its significance for the state, treasury and population] SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 252 p. [in Russian]

Tolkushkin, 2002 – *Tolkushkin, A.V.* (2002). Vinnye otkupa, vinnyi aktsiz i vinnaya monopoliya [Wine purchases, wine excise duty and wine monopoly]. *Finansy*. 3: 69-71. [in Russian]

Trudy..., 1893 – *Trudy S"ezda vinokurenykh zavodchikov i spirtopromyshlennikov, sostoyavshegosya v Moskve v iyunya 1892 goda* [Proceedings of the Congress of Distillers and Distillers, held in Moscow in June]. T. 2: Prilozheniya. SPb.: tip. V. F. Kirshbauma, 1893. 434 p. [in Russian]

VFPT, 1885 – *Sovremennoe polozhenie proizvodstva spirta i trgovli im v Rossii* [The current situation of alcohol production and trade in Russia]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1885. 32: 326-334. [in Russian]

Оптовая торговля алкоголем в акцизной России (1863–1894 гг.)

Наталья Евгеньевна Горюшкина^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья освещает процесс оптовой торговли алкоголем в России в период действия акцизной системы взимания питейного сбора. В качестве методологического инструментария были выбраны базовые принципы исторического познания: историзм, объективность, системность. Их дополнили метод контекстной интерпретации правовых актов, историко-сравнительный и историко-генетический методы. На основе широкого круга источников, опубликованных и неопубликованных, обозначены базовые принципы организации продажи крупных партий алкоголя, названы лица, получившие право на оптовую торговлю при акцизе, выяснены требования к оптовому складу и оптовой партии питей. Обращено внимание на непрерывное совершенствование акцизного законодательства, не прекращавшееся в течение всего акцизного периода. Автор показывает, как под воздействием правительственных мер оптовый рынок эволюционировал. На первом этапе он только приобрел свои очертания, на втором произошло распределение сфер влияния между крупными региональными торговцами, на третьем оформились крупные виноторговые дома, российские губернии разделились в отношении алкоголя на производительные и потребительные. Сделан вывод о том, что оптовая торговля в акцизной России находилась в центре коммерческих связей между изготовителем крепких напитков и их потребителем. Оптовые склады во многом определили характер алкогольного рынка страны. Развитие межрегиональной торговли привело к росту торговых операций, увеличению площадей оптовых складов, повышению прибыльности виноторговли. Государство не преминуло забрать доходы оптовых складчиков в свои руки, на смену акцизной системе пришла казенная винная монополия.

Ключевые слова: алкоголь, питейный сбор, винная реформа, акцизная система, виноторговля, оптовая продажа, производительная губерния, потребительная губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1337-1344
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1337

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Scientific Study of Historical and Cultural Monuments of the Syrdarya Region of Turkestan by Russian Scientists (XIX – early XX centuries)

Mukhtar S. Isayev ^{a, *}, Khazretali M. Tursun ^a, Gaukhar B. Batyrbekkyzy ^b, Gulnar B. Kozgambayeva ^c

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^b Mukhtar Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The Turkestan region, which became part of the Russian Empire in 1865, was rich in historical and cultural monuments. Historical monuments of the Syrdarya region, one of the 3 regions in the administrative composition of the region, were distinguished by a combination of sedentary and nomadic cultural values. Arab and Persian travelers left extensive information about historical and cultural monuments on the territory of the region in the Middle Ages. But his professional study in a scientific context and work on objects in the state register were carried out during the period of the Russian Empire.

Russian scientists were the first to take steps on the issues of systematization, classification and protection of types of historical monuments in this area. Russian scientists attached great importance to medieval Muslim architectural monuments. In this direction, for the first time they undertook a scientific description of the construction of a mausoleum built in honor of the authoritative medieval Sufi Khoja Ahmed Yasawi, a minaret in the city of Sauran and other monuments. In addition, Russian scientists have shown great interest in studying historical and cultural sites in the Syrdarya region that have totemic and Sufi religious significance.

Underground mosques were also important. One of these underground mosques was Kiluet in the Turkestan city. On the recommendation of scientists, the tsarist administration initiated measures for the first time to preserve and protect large historical and cultural monuments. The materials of Russian scientists left behind for the study of historical monuments have not lost their value to this day. In this article, based on archival and field research materials, the analysis of the main stages and results of the study by Russian scientists of historical and cultural monuments of the Syrdarya region of the Turkestan region is carried out.

Keywords: Syrdarya region, Turkestan region, historical and cultural monuments, Russian scientists, underground mosques, Islam.

1. Введение

Ученые Российской империи внесли большой вклад в изучение исторических и культурных ценностей народов Средней Азии. Российские ученые подняли на научный уровень изучение элементов языка, обычаев, хозяйства, культуры жителей Туркестанского края. Территория Туркестанского края очень обширна, и историко-культурный ландшафт имеет разную степень. В связи с этим российские ученые обратили внимание на комплексное изучение тех или иных регионов края. На территории Сырдарьинской области располагались историко-культурные объекты, представлявшие период тюркских, арабских, монгольских и последующих тюркских государств.

* Corresponding author

E-mail addresses: isayev.m78@mail.ru (M.S. Isayev)

Эти исторические памятники сочетали в себе ценности религии, природы и национальных традиций (Левина, 1992: 45). В этом смысле у них были свои особенности из других регионов.

С первой половины XIX века русские послы и путешественники оставили ценные данные об исторических памятниках Туркестана. Вхождение Туркестана в состав Российской империи и создание Сырдарьинской области сформировали новый этап научных исследований. Это было началом профессионального научного исследования. Российские ученые провели археологические работы по определению количества историко-культурных памятников на территории Сырдарьинской области и их культурного возраста. Вместе с тем царской администрацией была предпринята попытка организовать работу по сохранению подлинности исторических объектов и защите от внешних факторов.

2. Материалы и методы

Базу источников данной статьи составляют материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан). В вышеуказанном архиве хранятся документы, свидетельствующие об изучении исторических памятников Туркестанского края русскими учеными и принятии исторических объектов под охрану местной царской администрацией.

Также «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края» (Сборник материалов..., 1915) увеличил фактическую базу работы. В сборнике материалов содержатся сведения, характеризующие состояние исторических памятников, расположенных в Туркестанском крае XIX века.

В процессе написания статьи нашли широкое применение классические методы истории и общегуманитарных наук. С помощью структурного метода мы можем дать оценку общим результатам работы царской администрации по регистрации и охране исторических памятников. Типологический метод позволил разделить записи русских ученых, изучавших исторические памятники Туркестанского края, на классификацию по содержанию. Например, первая группа ученых опубликовала работы по изучению исторических памятников в виде статей, а вторая – в сборниках материалов и очерков.

Кроме того, мы придерживались принципа объективности в оценке научной ценности на сегодняшний день выводов, высказанных русскими учеными по определению времени возникновения и духовно-культурного значения исторических памятников. Мы опирались на метод исторической периодизации в установлении различий между периодами исследований российских ученых и путешественников. Описание исторических памятников Туркестанской области русскими путешественниками и офицерами датируется концом XVII века, а работа по профессиональному подходу к историческим объектам и записи была поднята на научный уровень во второй половине XIX века.

3. Обсуждение

Научная основа историографии данной темы сформировалась исследованиями русских дореволюционных ученых. А в советское время объем тематики увеличился археолого-этнографическими исследованиями. В настоящее время историография этой темы пополняется новыми взглядами в теоретико-методологическом контексте.

П.С. Савельев (Савельев, 1848) является исследователем, проводившим научный анализ политико-социальных и историко-культурных пространств народов и ханств, населявших Среднюю Азию в первой половине XIX века. В его работе хранятся сведения о памятниках культуры городов Ташкент, Туркестан, Самарканд и Бухара. В написании научной работы были широко использованы материалы русских путешественников и послов.

В.В. Григорьев (Григорьев, 1861) относится к числу ученых, проводивших исследования до того, как Туркестан стал частью Российской империи. Он оценил культурно-исторический образ Туркестана, проанализировав записи путешественников и военных, совершивших поездки в Туркестан. П.И. Лерх (Лерх, 1867) считается одним из русских ученых, проводивших археологические исследования исторических объектов Туркестанского края, вновь вошедших в состав Российской империи. В своей работе он составил описание культурных мест городов Самарканд, Ташкент, Хива, Туркестан, где расположены средневековые историко-архитектурные памятники Туркестана. Археологические данные труда до сих пор не утратили своего значения. Г.А. Арендаренко (Арендаренко, 1869) оставил записи об исторических памятниках в городах Ходжент, Ош, Кокан. Он был одним из первых ученых, кто классифицировал историю средневековых городов в период доисламской культуры и периода исламской культуры. В работе Г.Ф. Хельмерсена (Хельмерсен, 1875) дается обзор истории строительства историко-архитектурных памятников города Хива, относящихся к XVI-XVIII векам. Автор подробно остановился на особенностях местной архитектуры.

Н. Февралев (Февралев, 1895) провел научный обзор историко-археологических памятников в Гиссарском, Термезском регионах. П.И. Пашино (Пашино, 1896) является одним из первых русских ученых, составивших характеристику историко-культурного ландшафта Туркестанского края. Его научная работа содержит ценные сведения о состоянии средневековых исторических памятников, расположенных на территории Самаркандской и Сырдарьинской областей Туркестана.

Научная работа И. Аничкова (Аничков, 1899) охватывает регион Северного Туркестана. В ней были отражены общие сведения об архитектурных памятниках тюркской и мусульманской эпох,

расположенных на территории Туркестанского, Казалинского, Перовского уездов. Э.К. Мейендорф (Мейендорф, 1900) совершил поездку из Оренбурга в Бухару. В ходе путешествия собрал ценные данные о быте и образе жизни городов и аулов Средней Азии. В этом контексте большой интерес представляют его мнения относительно хронологии историко-культурных памятников в Ташкенте, Сайраме и Джизахе.

К.К. Абаза (Абаза, 1902) дал характеристику состояния историко-культурных памятников на территории Сырдарьинской, Семиреченской областей Туркестанского края. Кроме того, он предложил меры по охране исторических памятников.

И. Кастанье (Кастанье, 1913) был одним из первых исследователей, опубликовавших научный обзор религиозных верований казахов Сырдарьинской области. Он отличается подходом к роли историко-архитектурных памятников в формировании и развитии религиозных верований. А. Минкин (Минкин, 1916) принадлежит к группе русских исследователей, который дал обобщенный обзор культурной жизни Туркестанского края. Автор стремился проанализировать происхождение архитектурных элементов мечетей-медресе, старых исторических курганов Туркестана.

В публикациях дореволюционных авторов имеются все основания полагать, что данные о большей части историко-культурных объектов Туркестанского края вошли в научный оборот. Ряд авторов придавал большое значение научному анализу мотивов строительства и политико-религиозных аспектов исторических памятников. Учитывая это, предполагаем, что в период Российской империи культурно-исторический образ Туркестана был возведен в степень научного изучения.

В советской историографии сложилось особое направление историко-археологической научной литературы об историко-культурных памятниках Туркестанского края. Но была дана поверхностная оценка актуальности дореволюционной историографии, в которой рассматривались культурно-архитектурные памятники Туркестана. Недостаточно внимания уделялось теоретико-методологическому значению историографии периода царской России. В советской научной историографии была сформулирована новая концепция, согласно которой изучение культурно-исторических памятников Центральной Азии началось только в советское время.

Большую роль в становлении и развитии советской востоковедческой отрасли сыграли труды научного представителя дореволюционного периода В.В. Бартольда (Бартольд, 1925). В.В. Бартольд усовершенствовал теоретико-методологические принципы изучения истории и культуры Туркестана. И.И. Зарубин (Зарубин, 1925) обратил внимание на историю культурно-архитектурных объектов Туркестанского края с XIV по XVIII века.

А.А. Диваев (Диваев, 1928) собрал актуальные данные о лечебных свойствах пещер и сакральных памятников в Сырдарьинской области среди населения. Известный советский ученый М.Е. Массон (Массон, 1929; Массон, 1930) сыграл большую роль в изучении историко-архитектурных памятников городов Туркестан и Ташкент. В 1930-х годах он провел археологические исследования истории мавзолея Ходжа Ахмеда Яссауи в городе Туркестан. Кроме того, он относится к категории первых ученых, придавших значение строительству подземной мечети (кылует) в Туркестане.

Вместе с тем необходимо отметить, что вышеупомянутые советские ученые в своих публикациях активно опирались на труды дореволюционных русских путешественников и исследователей.

В 1960-е годы в советской историографии появились научные исследования, которые выявили нераскрытые аспекты историко-культурной жизни Туркестана. В них были опубликованы результаты археологических исследований памятников культуры вблизи Сырдарьи, Аральского моря. У.Х. Шалекенов (Шалекенов, 1966) ввел в научный оборот полевые материалы по памятникам культуры казахского, каракалпакского народов вблизи рек Сырдарья и Амударья. Внес большой вклад в научное открытие археолого-этнографических аспектов средневековых историко-архитектурных памятников Туркестана.

Стоит упомянуть и В.М. Файбушевича (Файбушевич..., 1969), в работе которого был проведен косвенный источниковедческий анализ трудов дореволюционных русских ученых, изучавших историю советского Узбекистана. Авторы обратили внимание на труды русских путешественников и ученых, описавших средневековые культурно-архитектурные памятники в городах Самарканд, Ташкент в XIX – начале XX вв.

Т.Н. Сенигова (Сенигова, 1974; Сенигова, 1976; Сенигова, 1977) осуществила важные публикации по изучению культурно-архитектурных сооружений города Туркестан. В своих исследованиях она часто использовала картографические и фотоматериалы, сделанные русскими офицерами, путешественниками царской эпохи.

Несмотря на недоверие к взглядам и выводам дореволюционных русских исследователей в советской историографии, ценность оставленных ими данных и письменных материалов оценивалась объективно. Есть основания полагать, что между учеными двух эпох был компромиссный диалог.

Постсоветская историография пополнилась новыми археолого-этнографическими исследованиями по теме. Наибольшую активность в этом направлении проявили казахстанские и узбекистанские исследователи. Е.А. Смагулов (Смагулов, 1994; Смагулов, 1997; Смагулов, 1998) является одним из ученых, комплексно организовавших археологические раскопки средневековых

исторических объектов в городе Туркестан. В его публикациях широко использовались записки дореволюционных русских путешественников и офицеров.

Важную роль в изучении культурно-архитектурных памятников древних городов Туркестана и оазиса играют исследования М.К. Туякбаева (Туякбаев, 1998; Туякбаев, 2000; Туякбаев, 2005). Значительный интерес среди исследований ученого вызывают находки и мнения о строительстве подземных мечетей. Кроме того, в научных работах В.А. Левина (Левина, 1992), К.М. Байпакова (Байпаков, 2004) были определены актуальные подходы к архитектурному стилю, хронологии историко-культурных памятников Туркестанского региона.

Подводя итоги историографии по теме, убеждаемся, что она имеет особое направление, отличающееся от других исторических тем. Мы видим, что даже в советскую эпоху историография этой темы не подвергалась серьезным теоретико-методологическим искажениям. Причина в том, что политико-идеологические аспекты этого вопроса были незначительными.

4. Результаты

Одним из крупных историко-архитектурных памятников, который расположен на территории Сырдарьинской области Туркестанского края, является мавзолей Ходжи Ахмеда Яссауи. О нем русские путешественники и чиновники оставили записи в первой половине XIX века. Данный мавзолей был построен по приказу Амира Тимура в 1397–1405 годах. Мавзолей был расположен в городе Туркестан Чимкентского уезда Туркестанского генерал-губернаторства. На территории мавзолея было построено несколько исторических мемориалов. К основным из них относились общественная баня Жума, подземная мечеть Хылует, мавзолей Рабия Султана Бегим, мавзолей Есим хана и др. Вышеупомянутые исторические объекты были возведены в XVI–XVII веках. Только подземная мечеть Хылует считается памятником культуры XII века (Смагулов, 1997: 37).

До образования Сырдарьинской области в 1867 году этот регион жил в составе Кокандского ханства. Русские послы и офицеры, прибывшие в регион при Кокандском ханстве, оставили различные интересные материалы об исторических памятниках. Известно, что главным историко-культурным памятником на территории Сырдарьинской области являлся мавзолей Ходжи Ахмеда Яссауи. Мавзолей находился в городе Туркестан. Несмотря на то, что город Туркестан был частью Шымкентского уезда, в 1903 году городу был присвоен статус заштатного (ЦГА РК. Ф. 14. Кн. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 18). Научное внимание многих российских ученых привлек именно упомянутый мавзолей. В 1830-х годах в ходе визита в Среднюю Азию Н.И. Потанин совершил поездку в Туркестан. Н.И. Потанин писал, что город Туркестан местными жителями называется «Азрет Султан», и характеризовал духовную сущность города (Левина, 1992: 45). Кроме того, русский ученый оставил сведения об обычаях захоронения в Туркестане умерших влиятельных людей казахов Западной Сибири, Жетысу. По мнению Н.И. Потанина, погребение в Туркестане было большой честью для казахских султанов и богатых. Н.И. Потанин считался одним из первых русских путешественников, нарисовавших картину мавзолея Ходжи Ахмеда Яссауи. На оставленные им записи археологи до сих пор опираются как на достоверный источник (Туякбаев, 2005: 38).

В 1859 году русский путешественник Н.А. Северцев во время поездки в Кокандское ханство посетил Туркестан и ознакомился со структурой мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (Сенигова, 1977: 49). Русский путешественник описал историю постройки мавзолея и дал оценку сакральному значению. Н.А. Северцев оставил важные сведения о средневековой крепости и узких улочках Туркестана. Среди его записей особое внимание было уделено строительству мавзолея Рабия Султан Бегим (Сенигова, 1977: 50).

В 1864 году город Туркестан был освобожден от Кокандского ханства войсками русского генерала М.Г. Черняева (Мейендорф, 1900: 17). С этого периода город, где расположены крупные историко-культурные памятники, был открыт для свободного посещения русскими учеными и путешественниками. Находясь в Туркестане в 1865–1866 гг., М. Бекчурин сделал важные записи о мавзолеях Ахмеда Ясави, Рабии Султана Бегима. М. Бекчурин является первым из российских ученых, составившим альбом по историко-культурным объектам города Туркестан (Сенигова, 1974: 71). Он собрал систематические научные данные о расположении и архитектурном стиле мавзолея Рабия Султан Бегим, тайказана (большой казань) и др.

В альбоме М. Бекчурина сохранилась схема средневекового города Суран, расположенного в Сырдарьинской области. Русский ученый нарисовал на бумаге старую 11-метровую башню в городе Сауран и описал ее уникальное движение, которое создает впечатление, будто она качается (Микин, 1916: 48). Первое историческое воспоминание о данной башне было оставлено в начале XVI века Бухарским историком З. Васафи (Сборник..., 1915: 74).

Известный русский художник В.И. Верещагин побывал на территории Сырдарьинской области в 1880-х годах. Свои немалые дни он посвятил изображению историко-архитектурных памятников города Туркестан. С помощью его картин мы можем увидеть, в каком состоянии находились мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави, Рабия Султан Бегим и старая городская крепость в конце XIX века. Например, альбом, на котором изображены дверь гробницы мавзолея и сидящие рядом с ней духовные священники (дервишей), дает важную информацию из жизни духовного развития общества

(Туякбаев, 2005: 39). Кроме того, В.И. Верещагин обратил внимание на стиль куфийской письменности, эпиграфических узоров, использованных в отделочных работах мавзолея.

На картинах В.И. Верещагина великолепно были изображены двухцилиндровые подсвечники (шырагдан) внутри мавзолея, узоры на дверях могильной комнаты (кабирхана). Через картины В.И. Верещагина мы можем увидеть строительные деревья, выбитые на стенах у входа в мавзолей (Массон, 1930: 93). Данные материалы были использованы при строительстве мавзолея в начале XV века (Смагулов, 1998: 33). В.И. Верещагин придавал большое значение качеству и инженерному использованию деревьев (Массон, 1930: 93).

В 1870–1872 годах один из составителей «Большого Туркестанского альбома», известный русский востоковед А.Л. Кун, в своих трудах собрал ряд важных данных об историко-культурных памятниках и общественной жизни Сырдарьинской области Туркестанского края (ЦГА РК. Ф. 14. Кн. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 4). В сборнике материалов представлены средневековые культурные объекты в городах Сайрам, Отырар и Туркестан. В сборнике А.Л. Кун указал данные о подземной мечети (Хылуе), цитадели, работе в городе Туркестан. Кроме того, предпринимались попытки обобщения и научного анализа средневековых рукописей, относящихся к истории города Отрар (Сборник..., 1915: 117).

В работе по изучению и охране историко-культурных памятников Туркестанского края большую роль сыграл Туркестанский кружок любителей археологии. Центр этого кружка располагался в городе Ташкенте, членами которого были известные русские ученые. Кружок был организован 11 декабря 1895 года (Файбушевич, 1969: 52). С 1896 года члены кружка активно приступили к изучению историко-культурных объектов Сырдарьинской и Самаркандской областей (Файбушевич, 1969: 52). Ряд из них был направлен на изучение памятников культуры и архитектуры города Туркестан. Фотографии оригинала мавзолея Рабия Султан Бегим, построенного напротив мавзолея Ходжи Ахмеда Яссауи, были описаны в трудах русских ученых, которые вошли в состав кружка, а нынешняя версия мавзолея, очевидно, была возведена в XX веке.

Мавзолей Рабии Султан Бегим относится к зданию архитектуры XVI века. Он был построен в честь дочери известного ученого-астронома Улутбека, внука Амира Тимура (Туякбаев, 2000: 26). Работа по охране этого мавзолея началась в 1890-х годах. В протоколе кружка от 16 октября 1897 года говорится о разрушении мавзолея Рабия Султан Бегим в августе 1895 года (Файбушевич, 1969: 52). Кроме того, членами кружка были разработаны предложения соответствующим органам по восстановлению мавзолея. Активный член кружка и известный русский ученый В.А. Каллаур проделал большую работу по регистрации историко-культурных объектов в Сырдарьинской области. В частности, научное значение археологических исследований древних пещер и камней у реки Талас до сих пор не утратило своей ценности (Бернштам, 1950: 41).

В 1910-е годы Н.И. Гродеков проводил свои этнографические исследования в Сырдарьинской области. В ходе исследований русский ученый собрал ценные сведения о том, с каким уважением местные казахи относились к древним историческим памятникам (Гродеков, 1913: 63-64).

В целом научные исследования историко-культурных памятников на территории Сырдарьинской области в рамках историко-археологических и этнографических направлений сложились после того, как Туркестанский край вошел в состав Российской империи. Большой вклад в создание историко-культурного представления о Туркестанском крае в мировом научном пространстве вносили российские исследователи XIX – начала XX веков.

5. Заключение

Научные основы работы по изучению исторических памятников на территории Сырдарьинской области сложились при Российской империи. В этом направлении была проделана археологическая, этнографическая и историко-познавательная работа. Русские ученые уделили значительное внимание анализу историко-культурных памятников. Также были систематизированы типы исторических памятников и предприняты попытки установить генетические связи. Подводя итоги данной статьи, отметим, что археологические, картографические и исторические исследовательские работы российских ученых по изучению историко-культурных объектов Сырдарьинской области до сегодняшнего дня не утратили научного значения.

Литература

- Абаза, 1902 – Абаза К.К. Завоевание Туркестана. СПб., 1902.
 Аничков, 1899 – Аничков И. Очерки жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.
 Арндаренко, 1869 – Арндаренко Г.А. Из Ходжента / Туркестанский сборник. Том 2. СПб., 1869. С. 56.
 Байпаков, 2004 – Байпаков К.М. О локализации средневекового города Шавгара / Transoxiana. История и культура. Ташкент, 2004. С. 40-43.
 Бартольд, 1925 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Ленинград, 1925.
 Бернштам, 1950 – Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. Археология. 1950. Вып. 2. С. 35-41.

- Веселовский, 1877 – *Веселовский Н.И.* Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве до настоящего времени. СПб., 1877.
- Гедин, 1899 – *Гедин С.* В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан. Т.1. СПб., 1899.
- Григорьев, 1861 – *Григорьев В.В.* Россия и Азия / Сборник исследований и статей по истории, этнографии, написанное в разное время. СПб., 1861.
- Гродеков, 1889 – *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Ташкент, 1889.
- Гумбольдт, 1915 – *Гумбольдт А.* Центральная Азия. Москва, 1915.
- Диваев, 1928 – *Диваев А.А.* Баксы в жизни киргиза // *Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.* 1928. Выпуск 3. С. 188.
- Добросмыслов, 1909 – *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк / Туркестанский сборник. Том 520. Ташкент, 1909.
- Зарубин, 1925 – *Зарубин И.И.* Список народностей Туркестанского края. Ленинград, 1925.
- Кастанье, 1913 – *Кастанье И.* Из области киргизских верований. СПб, 1913.
- Левина, 1992 – *Левина В.А.* Отчет об археологических работах на комплексе Ходжи Ахмеда Ясави. Рукопись / Архив НИПИ памятников матер, культуры. Инв. № 204. Чимкент, 1992. С. 44-48.
- Лерх, 1870 – *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. / Туркестанский сборник. Том 24. СПб., 1870. С. 324.
- Макшеев, 1896 – *Макшеев А.И.* Путешествие по киргизским степям Туркестанского края. СПб., 1896.
- Массон, 1929 – *Массон М.Е.* О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане // *Известия Среднеаз. Геогр. общ-ва.* Т. 19. 1929. С. 44-45;
- Массон, 1930 – *Массон М.Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930.
- Мейендорф, 1900 – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. Ташкент, 1900. С. 104.
- Микин, 1916 – *Микин А.* Туркестан / Народы мира в нравах и обычаях. СПб., 1916. С. 481-482.
- Пашино, 1869 – *Пашино П.И.* Туркестанский край / Туркестанский сборник. Том 16. СПб., 1869.
- Савельев, 1848 – *Савельев П.С.* Средняя Азия. СПб., 1848. С. 267.
- Сборник..., 1915 – Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края / Сост. полк. А.Г. Серебренников. Ташкент: тип. Шт. Туркест. воен. окр., 1915.
- Сенигова, 1977 – *Сенигова Т.Н.* Культовое сооружение около мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави / Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977 г. С. 42-58.
- Сенигова, 1974 – *Сенигова Т.Н.* Отчет об археологических раскопках в охранной зоне архитектурно-мемориального комплекса Ходжи Ахмеда Ясави (1973-1974 гг.). Алма-Ата, 1974.
- Сенигова, 1976 – *Сенигова Т.Н.* Уникальное культовое сооружение Аулие Кумчик-Ата в районе г. Туркестана / Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С.105-121.
- Скайлер, 1880 – *Скайлер Ю.* Среднеазиатская культура / Туркестанский сборник. Том 222. СПб., 1880. С. 22.
- Смагулов, 1994 – *Смагулов Е.А.* Городище Культобе / Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область Алматы, 1994.
- Смагулов, 1997 – *Смагулов Е.А.* Ясы-Туркестан-Шавгар: археологические данные к исторической идентификации // *Известия МН-АН РК. Сер. общ. наук.* № 1. 1997. С. 35-43.
- Смагулов, 1998 – *Смагулов Е.А.* Древний Туркестан // *Новости археологии.* № 1. 1998. С. 64-68.
- Смагулов, 1998 – *Смагулов Е.А.* Новое в археологии Туркестана / *Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума.* Новосибирск, 1998. С. 32-42.
- Туякбаев, 1998 – *Туякбаев М.К.* Халуат жер асты мешіті // *Кумбез.* 1998. № 2. Б. 11-15.
- Туякбаев, 2005 – *Туякбаев М.К.* Типология городов и поселении Туркестанского оазиса // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.* 2005. Вып. 2. С. 36-42.
- Туякбаев, 2000 – *Туякбаев М.К.* Түркістанда жерленген тарихи тұлғалар. Алматы: Атамұра, 2000.
- Файбушевич, 1969 – *Файбушевич В.М., Муминов Я.К., Китко М.И., Дрынкин А.П.* Здравницы и лечебные местности Узбекистана. Ташкент: изд-во АН Узбекской ССР, 1969. С. 187.
- Февралев, 1895 – *Февралев Н.* Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч до Керки // *Военный Сборник.* СПб., 1895. С. 427.
- Хельмерсен, 1875 – *Хельмерсен Г.Ф.* Хива / *Туркестанский сборник.* Т.89. СПб. 1875 г. С. 333.
- Шалекенов, 1966 – *Шалекенов У.Х.* Казахи низовьев Амударьи / К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII–XX вв. Ташкент, 1966. С. 58-65.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Abaza, 1902 – *Abaza, K.K.* (1902). Zavoevanie Turkestana [Conquest of Turkestan]. SPb. [in Russian]
- Anichkov, 1899 – *Anichkov, I.* (1899). Ocherki zhizni Severnogo Turkestana [An essay on the life of Northern Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- Arendarenko, 1869 – *Arendarenko, G.A.* (1869). Iz Hodzhenta [From Khojent]. *Turkestanskii sbornik.* Т. 2. SPb. P. 56. [in Russian]

- Baipakov, 2004** – *Baipakov, K.M.* (2004). O lokalizacii srednevekovogo goroda Shavgara [About localization of the medieval city of Shavgar]. *Transoxiana. Istoriya i kul'tura*. Tashkent. P. 40-43. [in Russian]
- Bartol'd, 1925** – *Bartol'd, V.V.* (1925). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of Oriental Studies in Europe and Russia]. Leningrad. [in Russian]
- Bernshtam, 1950** – *Bernshtam, A.N.* (1950). Problemy drevnej istorii i etnogeneza Yuzhnogo Kazahstana [Problems of ancient history and ethnogenesis of Southern Kazakhstan]. *Izvestiya AN KazSSR. Ser. Arheologiya*. 2: 35-41. [in Russian]
- CGA RK** – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Divae, 1928** – *Divae, A.A.* (1928). Baksy v zhizni kirgiza [Baksi in the life of Kyrgyz]. *Izvestiya Sredneaziatskogo komiteta po delam muzeev i ohrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody*. 3: 188. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1909** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1909). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskij ocherk [Tashkent in the past and present. Historical essay]. *Turkestanskii sbornik*. T. 520. Tashkent. [in Russian]
- Gedin, 1899** – *Gedin, S.* (1899). V serdce Azii. Pamir, Tibet, Vostochnyj Turkestan [Pamir, Tibet, East Turkestan]. Vol.1. SPb. [in Russian]
- Grigor'ev, 1861** – *Grigor'ev, V.V.* (1861). Rossiya i Aziya [Russia and Asia]. Sbornik issledovanij i statej po istorii, etnografii, napisannoe v raznoe vremya. SPb. [in Russian]
- Grodek, 1889** – *Grodek, N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syrdar'inskoj oblasti [Kyrgyz and Karakirgiz of Syrdarya region]. Tashkent. [in Russian]
- Gumbol'dt, 1915** – *Gumbol'dt, A.* (1915). Central'naya Aziya [Central Asia]. Moskva. [in Russian]
- Hel'mersen, 1875** – *Hel'mersen, G.F.* (1875). Hiva [Khiva]. *Turkestanskii sbornik*. T.89. SPb. P. 333. [in Russian]
- Fajbushevich, 1969** – *Fajbushevich, V.M., Muminov, Ya.K., Kitko, M.I., Drynkin, A.P.* (1969). Zdravnicy i lechebnye mestnosti Uzbekistana [Health resorts and medical places of Uzbekistan]. Tashkent: izd-vo AN Uzbekskoj SSR. P. 187. [in Russian]
- Fevrale, 1895** – *Fevrale, N.* (1895). Pravoberezhnaya polosa Pyandzha i Amu-Dar'i ot Kaly-Vanch do Kerki [The right-bank strip of the Panj and Amu Darya from Kelly Vanch to Kerka]. *Voennyj Sbornik*. SPb. P. 427. [in Russian]
- Lerh, 1870** – *Lerh, P.I.* (1870). Arheologicheskaya poezdka v Turkestanskii kraj v 1867 [Archaeological trip to the Turkestan region in 1867]. *Turkestanskii sbornik*. Tom 24. SPb. P. 324. [in Russian]
- Levina, 1992** – *Levina, V.A.* (1992). Otchet ob arheologicheskikh rabotah na komplekse Hodzhi Ahmeda Yasavi. Rukopis' [Report on the archaeological work at the Khoja Ahmed Yasawi complex. The manuscript']. Arhiv NIPI pamyatnikov mater, kul'tury. Inv. № 204. Chimkent. Pp. 44-48. [in Russian]
- Maksheev, 1896** – *Maksheev, A.I.* (1896). Puteshestvie po kirgizskim stepyam Turkestanskogo kraja [A journey through the Kyrgyz steppes of the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- Masson, 1929** – *Masson, M.E.* (1929). O postrojke mavzoleya Hodzha Ahmeda Yasavi v g. Turkestane [About the construction of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi in Turkestan]. *Izvestiya Sredneaz. Geogr. obshch-va*. T. 19. Pp. 44-45. [in Russian]
- Masson, 1930** – *Masson, M.E.* (1930). Mavzolei Hodzha Ahmeda Yasevi [Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi]. Tashkent. [in Russian]
- Meiendorf, 1900** – *Mejendorf, E.K.* (1900). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. Tashkent. P. 104. [in Russian]
- Mikin, 1916** – *Mikin, A.* (1916). Turkestan [Turkestan]. Narody mira v nrvah i obyayah. SPb. Pp. 481-482. [in Russian]
- Kastan'e, 1913** – *Kastan'e, I.* (1913). Iz oblasti kirgizskih verovani [From the area of Kyrgyz beliefs]. SPb. [in Russian]
- Pashino, 1869** – *Pashino, P.I.* (1869). Turkestanskij kraj [Turkestan region]. *Turkestanskij sbornik*. T. 16. SPb. [in Russian]
- Savel'ev, 1848** – *Savel'ev, P.S.* (1848). Srednyaya Aziya [Central Asia]. SPb. P. 267. [in Russian]
- Sbornik..., 1915** – Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraja (1915) [Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region (1915)]. Sost. polk. A.G. Serebrennikov. Tashkent: tip. Sht. Turkest. voen. okr. [in Russian]
- Shalekenov, 1966** – *Shalekenov, U.H.* (1966). Kazahi nizov'ev Amudar'I [Kazakhs of the lower reaches of the Amu Darya]. K istorii vzaimootnosheniya narodov Karakalpakstana v XVIII–XX vv. Tashkent. Pp. 58-65. [in Russian]
- Senigova, 1977** – *Senigova, T.N.* (1977). Kul'tovoe sooruzhenie okolo mavzoleya Hodzhi Ahmeda Yasavi [A religious building near the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi]. Arheologicheskie issledovaniya v Otrare. Alma-Ata. Pp. 42-58. [in Russian]
- Senigova, 1977** – *Senigova, T.N.* (1977). Kul'tovoe sooruzhenie okolo mavzoleya Hodzhi Ahmeda Yasavi [A religious building near the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi]. Arheologicheskie issledovaniya v Otrare. Alma-Ata. Pp. 42-58. [in Russian]

- Senigova, 1976 – *Senigova, T.N.* (1976). Unikal'noe kul'tovoe sooruzhenie Aulie Kumchik-Ata v rajone g. Turkestana [A unique cultural building of Aulie Kumchik-Ata in the area of Almaty. Turkestan]. Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam. Alma-Ata. Pp.105-121. [in Russian]
- Skajler, 1880 – *Skajler, Yu.* (1880). Sredneaziatskaya kul'tura [Central Asian culture]. *Turkestanskij sbornik*. T. 222. SPb., 1880. P. 22. [in Russian]
- Smagulov, 1994 – *Smagulov, E.A.* (1994). Gorodishche Kul'tobe [The settlement of Kultobe]. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazahstana. Yuzhno-Kazahstanskaya oblast' Almaty. [in Russian]
- Smagulov, 1997 – *Smagulov, E.A.* (1997). Yasy-Turkestan-Shavgar: arheologicheskie dannye k istoricheskoi identifikacii [Yassy-Turkestan-Shavgar: archaeological data for historical identification]. *Izvestiya MN-AN RK. Ser. obshch. nauk.* 1: 35-43. [in Russian]
- Smagulov, 1998 – *Smagulov, E.A.* (1998). Drevnii Turkestan [Ancient Turkestan]. *Novosti arheologii*. 1: 64-68. [in Russian]
- Smagulov, 1998 – *Smagulov, E.A.* (1998). Novoe v arheologii Turkestana [New in the archeology of Turkestan]. Sibir' v panorame tysyacheletij. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Novosibirsk. Pp. 32-42. [in Russian]
- Tuyakbaev, 1998 – *Tuyakbaev, M.K.* (1998). Haluat zher asty meshiti [Underground mosque of Halauat]. *Kumbez*. 2: 11-15. [in Kazakh]
- Tuyakbaev, 2000 – *Tuyakbaev M.K.* (2000). Turkistanda zherlengen tarihi tulgalar [Historical figures who are buried in Turkestan]. Almaty: Atamura. [in Kazakh]
- Tuyakbaev, 2005 – *Tuyakbaev, M.K.* (2005). Tipologiya gorodov i poselenii Turkestanskogo oazisa [Typology of cities and settlements of the Turkestan oasis]. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana*. 2: 36-42. [in Russian]
- Veselovskii, 1877 – *Veselovskii, N.I.* (1877). Oчерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве до настоящего времени [Essays on historical and geographical information about the Khanate of Khiva to the present]. SPb. [in Russian]
- Zarubin, 1925 – *Zarubin, I.I.* (1925). Spisok narodnostei Turkestanskogo kraja [List of peoples of the Turkestan region]. Leningrad. [in Russian]

К вопросу об изучении историко-культурных памятников Сырдарьинской области Туркестанского края русскими учеными (XIX – начало XX вв.)

Мухтар Сейтханулы Исаев ^{a, *}, Хазрет Маханулы Турсын ^a, Гаухар Батырбековна Батырбеккызы ^a, Гульнар Бестибаевна Козгамбаева ^b

^a Международный Казахско-Турецкий Университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Республика Казахстан

^b Южно-Казахстанский университет имени Мухтара Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

^c Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Туркестанский край, вошедший в состав Российской империи в 1865 году, был богат историко-культурными памятниками. Исторические памятники Сырдарьинской области отличались сочетанием оседлых и кочевых культурных ценностей. Об историко-культурных памятниках на территории области в средневековье оставили обширные сведения арабские и персидские путешественники. Российские ученые первыми сделали шаги по вопросам систематизации, классификации и охраны видов исторических памятников данной области.

Русские ученые придавали большое значение средневековым мусульманским архитектурным памятникам. В этом направлении они впервые предприняли научное описание мавзолея, построенного в честь авторитетного средневекового суфиста Ходжи Ахмеда Ясави, минарета в городе Сауран и других памятников. Кроме того, российские ученые проявили большой интерес к изучению историко-культурных мест на территории Сырдарьинской области, имеющих тотемное и суфистское религиозное значение. В том числе значение имели подземные мечети. Одна из таких подземных мечетей была в городе Туркестан. По рекомендации ученых царская администрация впервые инициировала меры сохранения крупных историко-культурных памятников. Материалы русских ученых, оставленные по изучению исторических памятников, до сегодняшнего дня не утратили своей ценности.

В данной статье на основе архивных и полевых исследовательских материалов проведен анализ этапов изучения российскими учеными историко-культурных памятников Сырдарьинской области Туркестанского края.

Ключевые слова: Сырдарьинская область, Туркестанский край, историко-культурные памятники, русские ученые, подземные мечети, ислам.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: isayev.m78@mail.ru (М.С. Исаев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1345-1355
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1345

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France at the end of the XIXth century

Nikolay A. Vlasov ^{a, *}, Andrey V. Bodrov ^a, Nina E. Adamova ^a, Olga V. Smirnova ^a

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The reconstruction of the image of Russian Pan-Slavism in Western European countries at the end of the 19th century is of no small importance, since it brings us closer to understanding the perception of Russia and Russian politics by the great European powers. The article offers a comparative analysis of the image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France, the purpose of which is to identify common features and differences that allow us to establish the presence or absence of a correlation between the nature of this image in a particular country and the trajectory of its relations with Russia during the period under review. The analysis is based on a wide range of sources: diaries and correspondence of representatives of the political, diplomatic and military elite, materials of parliamentary debates, newspaper and magazine journalism, fiction and journalistic literature.

The main common feature of the perception of the image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France was a negative attitude towards the ultimate goals of this movement, which could lead to a “big war” in Europe, regardless of whether it was interpreted as a plausible cover for the expansion of the Russian Empire, as an irrational public demand “from below” or the intrigues of a small “party”. However, while in Germany the term Pan-Slavism acquired an increasingly broad sense of a label to designate Germany's opponents in Russia, in France, on the contrary, the previously quite unambiguous image of Russian Pan-Slavism fragmented, being replaced by new neutral or even positive interpretations. The evolution of the image correlated with the dynamics of relations between the great powers: the degradation of Russian-German relations, the increasingly close nature of Russian-French ties, as well as the stability of Russian-British rivalry within the framework of the Great Game. In all three countries, interest and attention to the phenomenon of Pan-Slavism had almost disappeared by the end of the 1880s.

Keywords: Pan-Slavism, image of Russia, XIX century international relations, national stereotypes.

1. Введение

Проблема взаимного восприятия в международных отношениях является остроактуальной. Национальные образы и стереотипы не только определяют долгосрочные представления народов друг о друге, но и оказывают большое влияние на внешнюю политику государств. Это становится особенно заметным в переломные моменты истории международных отношений, такие, как последняя четверть XIX века, когда в Европе начали складываться два противостоящих друг другу военно-политических блока. Российская империя являлась активной участницей этого процесса, в начале 1890-х годов окончательно отказавшись от традиционного альянса с Берлином и вступив в союз с Францией, направленный против Германии и, в меньшей степени, Великобритании.

Разумеется, принимавшиеся в Петербурге решения во многом зависели от политики трех названных великих держав, которая, в свою очередь, определялась в значительной степени представлениями о России, существовавшей у политических элит и в обществах этих стран.

* Corresponding author

E-mail addresses: n.vlasov@spbu.ru (N.A. Vlasov)

Реконструкция и сравнительный анализ данных представлений является важной исследовательской задачей, которая по сегодняшний день не может считаться решенной. Предварительный анализ источников свидетельствует о том, что важной составляющей представлений о России в Западной Европе конца XIX века являлся образ российского панславизма. От того, как воспринимался панславизм, и какая роль ему отводилась, во многом зависело восприятие Российской империи в целом.

Таким образом, целью представленного исследования является реконструкция образа российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции последней четверти XIX века, включая выявление общих черт и различий между тремя указанными странами. Это позволит сделать вывод о наличии или отсутствии корреляции между характером данного образа в конкретной стране и траекторией ее отношений с Россией в рассматриваемый период.

2. Материалы и методы

Поскольку в рамках настоящего исследования речь идет о представлениях не только политической элиты, но и общества в целом (в конечном счете, политики тоже являются частью общества), к решению поставленной задачи привлекается широкий круг источников, которые можно разделить на следующие категории:

- Документы, представляющие взгляды представителей политико-дипломатической и военной элиты: дневники, личная переписка, служебная корреспонденция;
- Материалы парламентских дебатов, отражающие позицию различных политических партий;
- средства массовой информации, включая как ежедневные газеты, так и журналы для широкой читательской аудитории;
- Художественная и публицистическая литература, включая политические памфлеты, рассказы о путешествиях и т.п.

В связи с большим объемом текстов в ходе исследования, помимо историко-сравнительного метода и методов исторической имагологии, применялся качественный контент-анализ (Schreier, 2012). Контент-анализ позволил не только выявить особенности содержания образа панславизма в документах, но и определить закономерности функционирования и эволюции этого образа в рамках рассматриваемого периода. В ряде случаев использовалась методология «обоснованной теории», позволяющая на основе анализа текстов сформулировать теоретическое описание изучаемого феномена (Власов, 2024).

3. Обсуждение

Образ российского панславизма как таковой еще не становился объектом самостоятельного исследования. К числу исключений относится ряд публикаций, принадлежащих авторам данной статьи (Адамова, 2023; Власов, 2023). Тем не менее, существует некоторое количество работ, в которых образ панславизма упоминается как составляющая представлений о России в целом.

Образу Российской империи в Германии конца XIX в. посвящено лишь небольшое число исследований. Среди наиболее значимых публикаций следует назвать работы М. Ламмих (Lammich, 1978), Л. Копелева (Kopelew, 2000) и Х.Х. Шредера (Schröder, 2010). Существуют также исследования, посвященные образу России у отдельных государственных и общественных деятелей или в отдельных германских средствах массовой информации (Vlasov, 2020). Тем не менее ни в одной из этих работ не проводится анализ образа российского панславизма как важной составляющей образа России в целом.

Аналогичная ситуация существует и применительно к изучению представлений о России в Великобритании соответствующего периода. Образ панславизма как таковой остается в историографии «белым пятном». Этот вопрос лишь частично освещен в монографии Х. Кона (Kohn, 1960). Представлениям британцев о России посвящено сравнительно небольшое число исследований, среди которых следует особо отметить монографии А.Н. Зашихина (Зашихин, 1994) и С.Б. Королевой (Королева, 2014). Существуют также статьи, в которых рассматривается образ России на основе отдельных групп источников (Гелла, 2020).

Нет крупных работ, которые обращались бы непосредственно и к образу панславизма во Франции. Лишь аргентинский историк И. Адамовски (Adamovsky, 2006) вскользь затрагивает эту проблему, ограничиваясь восприятием панславизма французскими либералами в конце 1870-х гг. Эта тема не затрагивается и в классической монографии Ш. Корбе, посвященной образу России во Франции в XIX в. (Corbet, 1967). Феномен французского «славофильства», связанный с переоценкой отношения к славянскому единству, рассматривается в ряде статей (Бернар, 1998; Данилова, 2002; Hogenhuis-Seliverstoff, 2000).

4. Результаты

Поскольку именно российско-германские отношения претерпели в последней четверти XIX в. наиболее драматичные изменения, логично будет начать с образа российского панславизма в Германии. Анализ источников различных типов показывает, что представления о российском панславизме (иногда его называли «славофилией», не делая различия между этими терминами) были общими у самых различных деятелей, политических группировок и слоев общества. И в письмах имперского канцлера

О. фон Бисмарка, и в парламентских выступлениях ораторов оппозиционных партий, и в независимой прессе встречаются одни и те же тезисы с незначительными вариациями.

В глазах немцев последней четверти XIX в. российский панславизм представал могущественным общественным течением, ядром которого являлись московские интеллектуалы. В руках панславистов находилась практически вся российская пресса во главе с «Московскими ведомостями» М.Н. Каткова; у них имелись многочисленные влиятельные сторонники при дворе, в государственной бюрократии и в армии. В разное время к числу панславистов в Германии относили А.М. Горчакова, Н.П. Игнатьева, Д.А. Толстого, М.Д. Скобелева, Д.А. Милютину, М.И. Драгомирова, К.П. Победоносцева. Влияние панславистов в глазах немцев оказывалось столь значительным, что превосходило власть самого императора. В 1886 г. Бисмарк утверждал, что уже не знает, кто в России «обладает императорским влиянием – Александр III или Катков» (*Bismarck, 2001: 427*). «Панславистское течение в России могущественное настолько, что даже самодержец во главе русского государства вынужден с ним считаться, – писала в том же году одна из немецких газет. – Он может пытаться руководить им и сдерживать его, временно успокаивать частичными успехами; но прямо противостоять ему он не сможет» (*Zur Entwicklung..., 1886*). Считалось, что Александр II начал войну с Османской империей в 1877 г. под влиянием панславистов; высказывались сомнения в том, что Александр III сможет совладать с этим движением. Генерал-квартирмейстер Большого генерального штаба А. фон Вальдерзее писал: под давлением панславистской общественности царь «будет вынужден плыть с потоком» (*Waldensee, 1922: 331*).

Иногда в немецкой публицистике различали несколько течений внутри панславизма (*Eckardt, 1882: 327*), но гораздо чаще его изображали в качестве единого движения. Цели этого движения заключались, по мнению немцев, в серьезном переустройстве самой России (включая русификацию национальных окраин и удаление «инородцев» с высоких постов) и формировании единой политической общности славянских народов под скипетром российского императора. «Как и нигилисты, панслависты лелеют и взращивают идею переворота; идеал и тех, и других – революция, – писала в 1886 г. «Национальная газета». – В глазах нигилистов счет должны оплатить самодержавие и общество, в глазах панславистов – заграница, неславянский мир. Нигилисты хотят устранить царя, а панслависты – сделать его волей или неволей новым Тамерланом» (*Russische Verstimmungen, 1886*).

Особое внимание германской общественности привлекала политика «русификации» остзейских губерний, проведение которой они приписывали влиянию панславистов. «Кельнская газета» писала: эта политика дестабилизирует и разрушает балтийские провинции, положение дел в которых уже «приближается к ирландскому» (*Die Zustände..., 1882*). Это, в конечном счете, наносит большой ущерб самой России. «Нам будет только выгодно, – писал Бисмарк, – если Россия уничтожит свой балтийский питомник генералов и государственных деятелей и тем самым сделает себя импотентной» (*Bismarck, 2011: 773*).

Немцы считали, что своих внешнеполитических целей панслависты хотят достигнуть военным путем и считают главными противниками Германию и Австро-Венгрию. В рамках этого образа война была для панславистов не только инструментом усиления России в Европе, но и рычагом для преобразований внутри самой империи – она должна была усилить зависимость самодержца от панславистской общественности. «С момента падения Наполеона миру в Европе не угрожает никто, кроме славянской России», – писал Бисмарк в 1879 г. в одном из докладов императору (*Bismarck, 2008: 175*). Лидер национал-либералов Р. фон Бенниген, выступая в 1880 г. в рейхстаге, подчеркивал, что в России растет ненависть ко всему немецкому, а «панславистское движение, требования которого ставят под вопрос всю систему государств на востоке Европы, за последние годы – до и после Восточной войны – увеличилось в масштабах и расширило свое влияние, распространившееся на те круги, куда ранее не проникало, из чего может возникнуть большая опасность для остальной Европы и для нас в частности» (*Stenografische Berichte..., 1880: 190*). Даже в официальной прессе неоднократно подчеркивалось, что панслависты полны ненависти к Германии и Австрии и систематически возбуждают такую же ненависть к западным соседям в российском обществе (*Politische Tagesfragen..., 1887*).

Термин «панславизм» нередко использовался немцами как своего рода ярлык для всех идейных и политических течений, выступавших за реформы внутри страны и против ориентации на Германию во внешней политике. При этом идеи панславистов изображались в Германии как иррациональные, нелогичные, продиктованные фанатизмом и потому губительные в конечном счете для самой России. Один из наиболее значимых германских публицистов рассматриваемого периода Ю. фон Эккардт писал: панслависты терпели неудачу каждый раз, когда им представлялась возможность воплотить свои взгляды в жизнь, их практическая деятельность неизменно заканчивалась провалом (*Eckardt, 1879: 208*). В немецкой прессе начала 1880-х гг. панславистов называли главной угрозой для Российской империи и правящей династии (*Rußland beim Tode..., 1882*).

В то же время этот иррациональный характер панславистского движения делал его еще более непредсказуемым и опасным для соседей Германии. Генерал от кавалерии В. фон Леэ, командовавший VIII армейским корпусом, писал Вальдерзее в 1886 г., что одна из двух главных

причин враждебности России к империи Гогенцоллернов – «панславизм, мечтающий о войне с германским миром»; он иррационален, поэтому с ним ничего нельзя поделать (Waldерsee, 1928: 37). «Именно панславистская партия всегда подталкивает к войне», – заявил депутат Имперской партии В. фон Кардорфф, выступая в 1890 г. в рейхстаге при обсуждении очередного военного законопроекта (Stenografische Berichte..., 1890: 105). По мнению того же Эккардта, угроза войны значительно увеличивалась благодаря неспособности «славофилов» к конструктивной деятельности: потерпев неудачу внутри страны, они могут попытаться отвлечь внимание общества, провоцируя внешнеполитические кризисы (Eckardt, 1882: 405).

Наибольшее внимание к российскому панславизму было приковано в Германии с середины 1870-х до начала 1890-х гг. Этот интерес стимулировали международные кризисы – Восточный и Болгарский. В 1890-е гг. актуальность проблемы в глазах германских наблюдателей несколько снизилась; вместо панславизма стали все чаще говорить о великорусском национализме и шовинизме. «Я не наблюдаю роста влияния панславизма. Напротив, рискну утверждать, что он отступает под натиском великорусской партии», – писал в 1891 г. германский посол в России Г.Л. фон Швейниц (Швейниц, 2024: 323).

В Великобритании образ российского панславизма также имел по большей части ярко выраженную негативную окраску. Широкое обсуждение этого феномена началось в ходе Восточного кризиса 1875–1878 гг. Можно выделить несколько вариантов или, возможно, граней образа российского панславизма в Британии: панславизм как общественное движение российского народа; как экспансионистские «амбиции» Российской империи, реализуемые и легальными методами, и с помощью «интриг»; как политика «панславистской партии»; как «революционное движение»; как национализм или «панрусизм».

В начале Восточного кризиса в британском дискурсе непродолжительное время доминировал позитивный образ панславизма как сочувствия русского народа угнетенным славянским братьям. Однако вскоре он сменился более традиционным восприятием панславизма как идейного прикрытия российской экспансии. Этот образ в той или иной степени разделялся большинством в английском обществе. Недаром английские толковые словари в последней трети XIX в. определяли панславизм как часть политики России: «идея об объединении всех славянских народов, особенно под гегемонией России» (A Standard..., 1897: 1272). Российский панславизм зачастую представлял уже не просто как движущая сила политики Петербурга, а как вечная угроза интересам Британии и вообще миру в Европе. Главными орудиями панславизма на международной арене считались интриги и пропаганда. В вышедшем в 1877 г. анонимном труде «Русские интриги» читателю сообщалось, что по всей Российской империи существует разветвленная сеть панславистских организации, которые спонсируются императорским двором и состоят в сношениях с официальными консульскими органами и аппаратом управления внешней политикой Российской империи. Более того, они распространили свое влияние за пределы государства, в особенности на территории Турции, где готовят масштабное восстание славянских народов в угоду интересам России (Russian intrigues, 1877).

Альтернативным было представление о панславизме как общественном течении, которому иногда придавались черты революционного тайного общества. Так, в 1877 г. консервативный политик Д. Вольф утверждал, что давно существует «заговор», цель которого – установить великую империю, основанную на «анархии»; панславизм связан с «преступными интригами», которые нацелены не просто на раскол целостности Турции, а на «свержение всех монархий в Европе» (Hansard..., 1877). В том же году анонимный публицист писал о российских панславистах как о революционерах, «которые ненавидят российское государство в его нынешних границах, и чей идеал – славянская конфедерация» (Panslavists..., 1877: 68).

При этом панславизм изображался достаточно мощным общественным течением, способным оказывать влияние на политику российских властей. «Очень вероятно, – писал в преддверии Русско-турецкой войны историк и либеральный политик Э. Фримен, – что сердце русского народа – а у него есть сердце – может быть настолько встревожено, что его требование станет сильнее воли царя» (Should England..., 1876). Консервативный политик Ч. Ньюдегейт в 1878 г. убеждал парламент, что войну до конца хочет вести не правительство и не царь, а «панславистская Россия», вдохновленная «всепоглощающей амбицией расы, которая мечтала о времени, когда образуется огромный союз еще больше территории нынешней Российской империи» (Hansard..., 1878).

После Берлинского конгресса 1878 г. каждый кризис на Балканском полуострове вызывал новый всплеск внимания к российскому панславизму в Британии. Обостряла внимание к панславизму и смена власти в России: новый император Александр III славился своей склонностью к «московским» идеям славянофильства, а деятели, известные своей панславистской позицией, назначались на ведущие министерские посты. Как писали в одном британском журнале в середине 1880-х гг., в России и повсюду возродилась «деятельность лидеров и деятелей движения за панславистское дело» (Austria's policy..., 1886: 24).

Тем не менее в 1880-е гг. обсуждения российского панславизма ни в британской публицистике, ни в парламенте не имели такого же накала, как во время Восточного кризиса, а в 1890-е гг. даже в прессе панславизм упоминался редко. Высказывались и мнения о том, что панславизм в России уже

изжил себя, что российское общество убедилось, что национализм и панславизм ни к чему не привели, и пребывает в скептицизме, апатии и разочаровании (Life..., 1886: 444). Восточный вопрос больше не занимал центральное место в британской внешней политике; даже во времена наибольшего накала в отношениях с Россией по вопросам Азии в конце XIX в. парламентские обсуждения уже не касались панславистской политики.

Несколько утратив свою актуальность, образ российского панславизма в Британии в последние два десятилетия XIX в. оставался сугубо негативным. Можно констатировать почти полное исчезновение образа «общественного панславизма» в его позитивной коннотации. При этом усилились два мотива, касавшиеся сущности российского панславизма. Во-первых, основным проводником или «актером» российского панславизма стала все чаще называться «панславистская партия». Во-вторых, панславизм все чаще рассматривался не в восточноевропейском или балканском контексте, а как феномен российской внутренней политики – как русский национализм или «панрусизм». Эти черты дополняли прежние образы панславизма, фактически все больше превращая его из опасного регионального движения во внутрироссийское явление.

«Панславистскую партию» связывали как с конкретными лицами (М.Н. Катковым, И.С. Аксаковым, Н.П. Игнатьевым, Победоносцевым и т.д.), так и в целом с «московским» окружением царя или с «неофициальной Россией» (Panslavist propaganda, 1882). Ее отождествляли и с «партией войны», подразумевая, что именно панслависты выступают за силовое решение вопросов на Балканском полуострове. Ряд британских наблюдателей обращали внимание на то, что панславистская партия, хоть и оппозиционна по отношению к курсу правительства и царя, остается влиятельной и поддерживается руководством страны. Отмечали, что эта партия и ее фракции могут давить на императора и таким образом определять политику России.

При этом «панславизм» все чаще отождествлялся с «панрусизмом». Широко распространилось мнение о том, что панславистские идеи не имеют реальной поддержки у славянских народов за пределами Российской империи. Как писал Дж. Минчин, путешественник и впоследствии генеральный консул Сербии в Лондоне, панславизм – «это великая русская идея, и к ней можно было бы относиться с полным уважением, если бы она ограничивалась формулой «Россия – великая страна». Но, к сожалению, у этой мысли есть продолжение: «следовательно, меньшие славянские государства должны зависеть от нее»» (Minchin, 1886: 65). Британское общество все так же с беспокойством ожидало, что панславистские идеи могут подтолкнуть Россию к более активным действиям в восточном вопросе, однако постепенно переходило к восприятию российского панславизма как национализма, который даже свои внешнеполитические заявления адресует своей внутренней аудитории.

Образ панславизма в Британии был тесно связан с негативными стереотипами о России в целом. Его изображали отсталым, грубым, ограниченным в идейном плане. Хороший пример – опубликованная в 1889 г. книга Т. Митчелла «Картины из России». Панслависты, в представлении автора, не предлагают никакой великой идеи, их «звезды» называют себя просветителями, но не имеют никакого отношения к реальному просвещению, для них характерно собственническое отношение к истории России, неспособность качественно анализировать и здраво оценивать факты из собственного прошлого (Michell, 1889: 63). Другой известный автор и издатель, Дж. Сэмюэльсон, писал о том, что российский панславизм бесплоден и не в состоянии принести ничего хорошего народам Балканского полуострова (Samuelson, 1886: 7).

Образ российского панславизма во Франции также претерпел серьезные изменения, отражая динамику франко-русских отношений в последней трети XIX в. Стоит учитывать, что поражение во Франко-германской войне 1870–1871 гг. снизило приоритет т.н. «восточного вопроса» для Парижа, исключив саму мысль о прямом противостоянии с Россией. Антагонистические отношения с Германией, обострение колониальных противоречий с Великобританией и Италией подталкивали французскую Третью республику к сближению с Российской империей, увенчавшемуся заключением в 1893–1894 гг. полноценного союза.

Все это требовало пересмотра и установок в отношении российской политики на Балканах. Отношение к российскому панславизму как к прямой угрозе французским интересам было наследием Второй империи (Бернар, 1995: 40) и успело глубоко укорениться в умах французов. В силу этого, по воспоминаниям французской писательницы Ж. Адан, мало кто во Франции желал успеха русскому оружию в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Adam, 1910: 419). Если французские государственные деятели и политики проявляли сдержанность в высказываниях, то пресса не скрывала подозрений к конечным целям Петербурга. «Московские ведомости» негодовали на «бессмысленные заботы» ведущих французских газет и журналов о сохранении целостности Османской империи: «не проходит и дня, чтобы французская печать не сказала чего-нибудь омерзительного об этом деле» (Катков, 1897: 622). Показателен пример либеральной «Journal des Debates», печатавшей в июне 1878 г. обширные выдержки из вышедшей в Париже брошюры турецкого государственного деятеля Мидхат-паши, в которой тот называл целью российского панславизма не просто «разрушение» Парижского трактата 1856 г., но и установление «мирового господства» России (Journal des Debates, 1878: 3).

Однако в 1870-х гг. во Франции появились также свои «славофилы», сочувственно относившиеся к борьбе славянских народов Балканского полуострова и Австро-Венгрии за свои права и независимость, видя в них будущих союзников Франции в схватке с «германизмом» (Leger, 1873: VII). В число «славофилов» входили как французские ученые-слависты, так и публицисты и политики, продвигавшие идею сближения с Россией на антигерманской и антибританской основе. Для них было характерно стремление придать «панславизму» новое позитивное значение «славянской солидарности», венцом которой могло стать формирование на Балканах «славянской конфедерации» вокруг Сербии и Болгарии.

Важно отметить, что «славянская конфедерация» мыслилась как альтернатива прямому российскому контролю над Балканами, «славянской империи» во главе с Россией. Любые формы российского «имперского панславизма» неизменно вызывали осуждение, поскольку представляли угрозу для европейского мира и равновесия, а также являлись сомнительным благом для самих югославянских народов. Автор многочисленных книг о «Востоке» Г. Шарм, например, утверждал, что в славянской империи «ничего не будет от Византийской, кроме как вечной альтернативы между деспотизмом и анархией» (Journal des Debates, 1883: 2). Даже открыто симпатизировавшая России Ж. Адан выражала убеждение, что Австрия и Россия пойдут по ложному пути, «став грабителями малых народов» ради гегемонии на Балканах (Lettres..., 1883: 488).

К середине 1880-х гг. образ российского панславизма во Франции стал отличаться все большей двойственностью. Исход Болгарского кризиса 1885–1887 г. ознаменовался поражением российской дипломатии и сближением Сербии, Болгарии и Румынии с австро-германским блоком. Панславизм более не казался реальной угрозой – этот мотив продолжал встречаться во французской прессе лишь в перепечатках из австрийских или немецких газет, воспроизводившихся без развернутых комментариев.

Ведущие французские газеты – «Journal des Debates», «Le Temps», «La Justice» – предпочитали делать акцент на разобщенности «панславистской партии» в России, выступавшей преимущественно в лице М.Н. Каткова и И.С. Аксакова. Последний не без симпатии рисовался химеричным, искренним и бескорыстным защитником интересов славян, «мистическим трибуном», не имевшим ни четкой доктрины, ни политической поддержки (Après le couronnement, 1883; Katkof..., 1887). Этот образ только укрепился во Франции после смерти писателя и публикации его писем (Haumant..., 1897). Аксакову противопоставлялся прагматик М.Н. Катков, главной заботой которого подавалось укрепление российского самодержавия. Распространено было представление о том, что Катков примкнул к панславистам лишь тактически и даже в чем-то извратил благородные цели панславистов-романтиков толка Аксакова (Aksakof..., 1886). Словами французского писателя А. Леруа-Болье, для Каткова «истинными славянами были только те, кто принимал русское руководство» (Leroy-Beaulieu, 1887).

Для «мейнстримных» изданий было характерно признавать популярность панславистских идей в российском обществе, но последовательно оспаривать способность того же М.Н. Каткова влиять на реальный внешнеполитический курс страны с учетом характера и темперамента Александра III. Как весьма проникательно подмечал петербургский корреспондент «Le Temps», Катков находился ровно в том же положении, что и все остальные журналисты, чиновники МИД и даже сам министр иностранных дел: «никто не может сказать, какое решение царь примет в той или иной ситуации» (Lettres de Russie, 1887).

Однако параллельно во Франции в 1880-е гг. действовало несколько немногочисленных, но шумных групп влияния вокруг Ж. Адан, П. Дерулета, Л. Мильвуа, А. Рошфора самой разной политической окраски (от монархической до социалистической), продвигавших идею союза с Россией ради будущей войны-реванша с Германией. Печатные органы этих групп («La Nouvelle revue», «Le Drapeau», «L'Intransegeant», «La Patrie», «Le Pays») предлагали позитивное восприятие т.н. «национальной партии» М.Н. Каткова и И.С. Аксакова как борцов с немецким «засильем» в России.

Для вышеназванных изданий было характерно оспаривать тезис о стремлении Петербурга к новым завоеваниям и переносить все прежние клише «русской угрозы» для Европы на Германию. Российский панславизм подавался как «навязчивый призрак» германских и австрийских политиков и публицистов, не имевший связи с реальностью (Lettres..., 1880: 202). Сторонники этого альтернативного дискурса не уставали опровергать связь «национальной партии» с панславизмом, подобно корреспонденту «Le Matin»: «принципы русских патриотов сегодня не имеют никакого панславистского оттенка и вовсе не агрессивны» (Le parti muscovite..., 1887). Они делали акцент на силе, а не слабости «национальной партии», окружая симпатии к славянам в России мистическим ореолом народной «патриотической веры». Они ставили на устойчивость позиций «национальной партии» даже после смерти Аксакова и Каткова, исходя из идейной близости с ней и самого императора Александра III (Adam, 1888: 907).

Именно этот альтернативный дискурс и взял верх во французском медийном пространстве в начале 1890-х гг. Хотя французские журналисты могли только гадать о характере договоренностей между Россией и Францией, для них с самого начала было очевидно, что за дружественными официальными жестами стоит что-то серьезное. Российский панславизм как сюжет и тем более как угроза окончательно исчезает со страниц «большой» парижской прессы. Пожалуй, лишь французские левые до последнего

держались своих позиций. Социалисты были готовы приветствовать панславизм как шаг вперед по сравнению с национализмом, но подлинным решением международных противоречий, по их мнению, мог быть только интернационализм (Matgioi, 1893). Социалистическая пресса не симпатизировала Российской империи как «темнице народов» и не верила, что Романовы были способны принести славянским народам подлинное освобождение.

5. Заключение

Образ российского панславизма приобрел ряд общих черт в сознании политиков и публицистов в Германии, Великобритании и Франции. Прежде всего, подозрительное и негативное отношение к конечным целям этого движения, способного привести к «большой войне» в Европе вне зависимости от того, трактовалось ли оно как ширма для российской внешней политики, как иррациональный общественный запрос «снизу» или интриги небольшой «партии». Общим оставалось и влияние национальных стереотипов на образ панславизма: так, мнимая иррациональность этого движения коррелировала с представлениями о русском национальном характере.

Тем не менее присутствовали и весьма существенные различия. Если в Германии во всех слоях общества существовал единый образ панславизма, резко отрицательный по своему характеру, то в Великобритании и Франции картина была более дифференцированной. Немцы считали панславизм центральной идеей российского государства и общества, и пик внимания к нему был достигнут в конце 1880-х гг., когда сам этот термин приобрел характер эвфемизма для обозначения всех негативных составляющих образа Российской империи в целом. В Великобритании, напротив, при том же преимущественно негативном отношении к российскому панславизму ему редко отводилась столь масштабная роль, а актуальность образа пошла на спад уже после восточного кризиса конца 1870-х гг. Принципиально иной была в рассматриваемый период ситуация во Франции, где прежде вполне однозначный образ российского панславизма фрагментировался, подменяясь новыми нейтральными или даже позитивными трактовками.

Эволюция образа панславизма в трех рассматриваемых странах коррелировала с динамикой отношений великих держав: деградацией российско-германских отношений, все более тесным характером российско-французских связей, а также стабильностью российско-британского соперничества в рамках «Большой игры». Во всех трех странах интерес и внимание к феномену «панславизма» практически сошли на нет к середине 1890-х гг.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

Литература

- Адамова, 2023 – Адамова Н.Э. Образы российского панславизма в британских парламентских дебатах в начальный период Восточного кризиса 1870-х гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2023. Т. 64. № 5. С. 49-71.
- Бернар, 1998 – Бернар А. Несколько особенностей панславизма во Франции // *Славяноведение*. 1998. № 5. С. 38-43.
- Власов, 2024 – Власов Н.А. Методология «обоснованной теории» как инструмент исследования интеллектуальной истории // *Диалог со временем*. 2024. Вып. 86. С. 5-17.
- Власов, 2023 – Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870-1880-х гг. // *Диалог со временем*. 2023. Вып. 84. С. 297-307.
- Гелла, 2020 – Гелла Т.Н. Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века / «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 256-274.
- Данилова, 2002 – Данилова О.С. Французские «славянофилы» конца XIX – начала XX века // *Славянский альманах*. М.: Индрик, 2002. С. 217-233.
- Зашихин, 1994 – Зашихин А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX - нач. XX в. Архангельск: Изд-во Поммеждународпедун-та, 1994. 204 с.
- Катков, 1897 – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1876 год. Москва: Тип. В. В. Чичерина, 1897. 680 с.
- Королева, 2014 – Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: DirectMedia, 2014. 313 с.
- Швейниц, 2024 – Швейниц Л.ф. При дворе Александра III. Дневник германского посла. Санкт-Петербург: Евразия, 2024. 349 с.
- Adam, 1888 – Adam J. Lettres sur la politique extérieure, 12 février 1888 // *La Nouvelle Revue*. 1888. Т. 50. P. 903-917.
- Adam, 1910 – Adam J. Mes souvenirs. T. VII. Paris: Alphonse Lemerre, 1910. 495 p.
- Adamovsky, 2006 – Adamovsky E. Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France (c. 1740–1880). Bern: Peter Lang, 2006. 358 p.

- [Aksakof..., 1886](#) – Aksakof et le parti panslaviste // *La Justice*. 22.02.1886.
- [Après le couronnement, 1883](#) – Après le couronnement (de notre correspondant spécial), 19 juin 1883 // *Le Temps*. 26.06.1883.
- [A Standard..., 1897](#) – A Standard Dictionary of the English Language. London: Funk&Wagnalls Company, 1897. 1304 p.
- [Austria's policy..., 1886](#) – Austria's policy in the East // *Macmillan's Magazine*. 1886. Vol. 53. Pp. 17-27.
- [Bismarck, 2008](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 4. Schriften 1879-1881. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 827 S.
- [Bismarck, 2011](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 6. Schriften 1884-1885. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. 855 S.
- [Bismarck, 2001](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 7. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 807 S.
- [Corbet, 1967](#) – *Corbet Ch.* À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Librairie Marcel Didier, 1967. 490 p.
- [Die Zustände..., 1882](#) – Die Zustände in russischen Ostseeprovinzen // *Kölnische Zeitung*. 1882. 03. Februar. No. 34. Erstes Blatt. S. 1.
- [Eckardt, 1882](#) – *Eckardt J.* Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1882. 412 S.
- [Eckardt, 1879](#) – *Eckardt J.* Russland vor und nach dem Kriege. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. 467 s.
- [Hansard..., 1877](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 06.02.1877. Vol. 232. Col. 522.
- [Hansard..., 1878](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 07.02.1878. Vol. 237. Col. 1275.
- [Haumant..., 1897](#) – *Haumant E.* Les chagrins d'un panslaviste // *Journal des Debates*. 24.03.1897.
- [Hogenhuis-Seliverstoff, 2000](#) – *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918 // *Deutschland – Frankreich – Rußland / La France et l'Allemagne face à la Russie: Begegnungen und Konfrontationen*. Boston: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. Ss. 71-86.
- [Journal des Debates, 1878](#) – *Journal des Debates*. 03.06.1878.
- [Journal des Debates, 1883](#) – *Journal des Debates*. 22.09.1883.
- [Katkof..., 1887](#) – Katkof, ennemi mortel de la France // *La Justice*. 27.08.1887.
- [Kohn, 1960](#) – *Kohn H.* Pan-Slavism. Its history and Ideology. New York: Vintage Books, 1960. 468 p.
- [Kopelew, 2000](#) – *Kopelew L.* Am Vorabend des großen Krieges / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 11-109.
- [Lammich, 1978](#) – *Lammich M.* Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichs-gründung. Boppard am Rhein: Harald Boldt, 1978. 298 s.
- [Leger, 1873](#) – *Leger L.* Le monde slave: voyages et littérature. Paris: Didier et Cie, 1873. 333 p.
- [Leroy-Beaulieu..., 1887](#) – Leroy-Beaulieu A. Katkoff // *Journal des Debates*. 06.08.1887.
- [Lettres..., 1880](#) – Lettres sur la politique extérieure // *La Nouvelle Revue*. 1880. T. 7. Pp. 197-218.
- [Lettres..., 1883](#) – Lettres sur la politique extérieure // *La Nouvelle Revue*. 1883. Tome 22. P. 483-493.
- [Lettres de Russie, 1887](#) – Lettres de Russie // *Le Temps*. 16.02.1887.
- [Life..., 1886](#) – Life and thought in Russia // *The Contemporary Review*. 1886. Vol. 50. Pp. 438-447.
- [Matgioi, 1893](#) – *Matgioi* [Puyou de Pouvourville E-A.]. L'idée de Patrie en Asie orientale // *La Revue socialiste*. T. 18. N. 103. 1893. Pp. 22-39.
- [Michell, 1889](#) – *Michell T.C.B.* Russian pictures: drawn with pen and pencil. London: The Religious Track Society, 1889. 224 p.
- [Minchin, 1886](#) – *Minchin J.G.C.* The growth of freedom in the Balkan peninsula: Notes of a traveller in Montenegro, Bosnia, Servia, Bulgaria, and Greece. London: J. Murray, 1886. 448 p.
- [Panslavist propaganda, 1882](#) – Panslavist propaganda // *The Daily Telegraph*. 06.02.1882. P. 5.
- [Panslavists..., 1887](#) – Panslavists and the Slav Committes // *Macmillan's Magazine*. 1877. Vol. 37. Pp. 68-73.
- [Le parti muscovite..., 1887](#) – Le parti muscovite et le panslavisme // *Le Matin*, 22.02.1887.
- [Politische Tagesfragen, 1887](#) – Politische Tagesfragen // *Neueste Mittheilungen*. 1887. 10. Mai. No. 49. S. 3.
- [Russian Intrigues..., 1877](#) – Russian intrigues. Secret despatches of general Ignatieff and consular agents of the Great Panslavic Societies. London: W. Ridgway, 1877. 69 p.
- [Russische Verstimmungen, 1886](#) – Russische Verstimmungen // *National-Zeitung*. 1886. 15. August. No. 477. S. 1.
- [Rußland beim Tode..., 1882](#) – Rußland beim Tode Skobelev's // *National-Zeitung*. 1882. 12. Juli. No. 320. S. 1.
- [Samuelson, 1886](#) – *Samuelson J.* Shall Russian treachery win the day? An appeal to Englishmen. London: Trübner & Co., 1886. 14 p.
- [Schreier, 2012](#) – *Schreier M.* Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE, 2012. 272 p.

- [Schröder, 2010](#) – *Schröder H.H.* „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild // *Osteuropa*. 2010. Bd. 60. No. 10. S. 83-100.
- [Should England..., 1876](#) – Should England fight Russia // *The Northern Echo*. 1876. July 31. P. 3.
- [Stenografische Berichte..., 1880](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 4. Legislatur-Periode. III. Session 1880. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1880. 686 p.
- [Stenografische Berichte..., 1890](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1890. 766 p.
- [Vlasov, 2020](#) – *Vlasov N.A.* The Image of Russia in Otto von Bismarck's Mind // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2720-2728.
- [Waldersee, 1928](#) – *Waldersee A.v.* Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart – Berlin – Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1928. 446 p.
- [Waldersee, 1922](#) – *Waldersee A.v.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart – Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. 423 s.
- [Zur Entwicklung..., 1886](#) – Zur Entwicklung der bulgarischen Frage // *National-Zeitung*. 1886. 23. September. No. 545. S. 1.

References

- [Adam, 1888](#) – *Adam, J.* (1888). Lettres sur la politique extérieure. *La Nouvelle Revue*. 50: 903-917.
- [Adam, 1910](#) – *Adam, J.* (1910). Mes souvenirs. T. VII. Paris.
- [Adamovsky, 2006](#) – *Adamovsky, E.* (2006). Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France (c. 1740–1880). Bern.
- [Aksakof..., 1886](#) – Aksakof et le parti panslaviste (1886). *La Justice*. 22.02.
- [Après le couronnement, 1883](#) – Après le couronnement (de notre correspondant spécial) 1883. *Le Temps*. 26.06.
- [A Standard..., 1897](#) – *A Standard Dictionary of the English Language*. London, 1897.
- [Adamova, 2023](#) – *Adamova, N.E.* (2023). Obrazy rossijskogo panslavizma v britanskijh parlamentskih debatah v nachal'nyj period Vostochnogo krizisa 1870-h gg. [Perception of Russian Panslavism in the British parliamentary debates in the beginning of the Eastern crisis of the 1870s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija*. 64 (5): 49-71. [in Russian]
- [Bernard, 1998](#) – *Bernard, A.* (1998). Neskol'ko osobennostej panslavizma vo Francii [Several features of Pan-Slavism in France]. *Slavyanovedenie*. 5: 38-43. [in Russian]
- [Corbet, 1967](#) – *Corbet, Ch.* (1967). À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris.
- [Danilova, 2002](#) – *Danilova, O.S.* (2002). Francuzskie «slavyanofily» konca XIX – nachala XX veka [French "Slavophiles" of the late XIX – early XX century]. *Slavyanskij al'manah*. 217-233. [in Russian]
- [Gella, 2020](#) – *Gella, T.N.* (2020). Obraz Rossii v politicheskoj ritorike britanskijh parlamentariev v period Vostochnogo krizisa 70-h godov XIX veka [The image of Russia in the political rhetoric of British parliamentarians during the Eastern Crisis of the 70s of the XIX century]. «Svoi» i «Drugie»: vzaimodejstvie i vosprijatie kul'tur Zapada i Rossii. ["Own" and "Others": interaction and perception of cultures of the West and Russia]. Saint-Petersburg. 256-274. [in Russian]
- [Hansard..., 1877](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 1877. 232: 522.
- [Hansard..., 1878](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 1878. 237: 1275.
- [Haumant..., 1897](#) – *Haumant, E.* (1897). Les chagrins d'un panslaviste. *Journal des Debates*. 24.03.
- [Hogenhuis-Seliverstoff, 2000](#) – *Hogenhuis-Seliverstoff, A.* (2000). Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918. *Deutschland – Frankreich – Rußland / La France et l'Allemagne face à la Russie: Begegnungen und Konfrontationen*. Boston. Pp. 71-86.
- [Journal des Debates, 1878](#) – *Journal des Debates*. 03.06.1878.
- [Journal des Debates, 1883](#) – *Journal des Debates*. 22.09.1883.
- [Katkof..., 1887](#) – Katkof, ennemi mortel de la France (1887). *La Justice*. 27.08.
- [Katkov, 1897](#) – *Katkov, M.N.* (1897). Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej, 1876 [Collection of leading articles of the Moscow Gazette, 1876]. Moscow. [in Russian]
- [Kohn, 1960](#) – *Kohn, H.* (1960). Pan-Slavism. Its history and Ideology. New York.
- [Koroleva, 2014](#) – *Koroleva, S.B.* (2014). Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-h godov) [The myth of Russia in British culture and literature (before the 1920s)]. Moscow. [in Russian]
- [Kopelew, 2000](#) – *Kopelew, L.* (2020). Am Vorabend des großen Krieges. *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München. 11-109.
- [Lammich, 1978](#) – *Lammich, M.* (1978). Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichs-gründung. Boppard am Rhein.
- [Leger, 1873](#) – *Leger, L.* (1873). Le monde slave: voyages et littérature. Paris, 1873.
- [Leroy-Beaulieu..., 1887](#) – *Leroy-Beaulieu, A.* (1887). Katkoff. *Journal des Debates*. 06.08.

- [Lettres..., 1880](#) – Lettres sur la politique extérieure. *La Nouvelle Revue*. 1880. 7: 197-218.
- [Lettres..., 1883](#) – Lettres sur la politique extérieure. *La Nouvelle Revue*. 1883. 22: 483-493.
- [Lettres de Russie, 1887](#) – Lettres de Russie. *Le Temps*. 1887. 16.02.
- [Life..., 1886](#) – Life and thought in Russia. *The Contemporary Review*. 1886. 50: 438-447.
- [Matgioi, 1893](#) – *Matgioi* [Puyou de Pouvoirville E-A.] L'idée de Patrie en Asie orientale. *La Revue socialiste*. 1893. 103: 22-39.
- [Michell, 1889](#) – *Michell, T.C.B.* (1889). Russian pictures: drawn with pen and pencil. London.
- [Minchin, 1886](#) – *Minchin, J.G.C.* (1886). The growth of freedom in the Balkan peninsula: Notes of a traveller in Montenegro, Bosnia, Servia, Bulgaria, and Greece. London.
- [Panslavist propaganda, 1882](#) – Panslavist propaganda. *The Daily Telegraph*. 1882. 06.02.: 5.
- [Panslavists..., 1887](#) – Panslavists and the Slav Committees (1877). *Macmillan's Magazine*. 37: 68-73.
- [Le parti muscovite..., 1887](#) – Le parti muscovite et le panslavisme (1887). *Le Matin*. 22.02.
- [Politische Tagesfragen, 1887](#) – Politische Tagesfragen (1887). *Neueste Mittheilungen*. 10.05. 49: 3.
- [Russian Intrigues..., 1877](#) – Russian intrigues. Secret despatches of general Ignatieff and consular agents of the Great Panslavic Societies. London, 1877.
- [Russische Verstimmungen, 1886](#) – Russische Verstimmungen (1886). *National-Zeitung*. 15.08. 477: 1.
- [Rußland beim Tode..., 1882](#) – Rußland beim Tode Skobelew's (1882). *National-Zeitung*. 12.07. 320: 1.
- [Samuelson, 1886](#) – *Samuelson, J.* (1886). Shall Russian treachery win the day? An appeal to Englishmen. London.
- [Schreier, 2012](#) – *Schreier, M.* (2012). Qualitative Content Analysis in Practice. London.
- [Schröder, 2010](#) – *Schröder, H.H.* (2010). „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild. *Osteuropa*. 60 (10): 83-100.
- [Schweinitz, 2024](#) – *Schweinitz, L.v.* (2024). Pri dvore Aleksandra III. Dnevnik germanskogo posla [At the court of Alexander III. The diary of the German ambassador]. Saint-Petersburg. [in Russian]
- [Should England..., 1876](#) – Should England fight Russia (1876). *The Northern Echo*. 31.07: 3.
- [Stenografische Berichte..., 1880](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1880) 4. Legislatur-Periode. III. Session. Bd. 1. Berlin.
- [Stenografische Berichte..., 1890](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1890) VIII. Legislatur-Periode. I. Session. Bd. 1. Berlin.
- [Vlasov, 2024](#) – *Vlasov, N.A.* (2024). Metodologija «obosnovannoј teorii» kak instrument issledovanija intellektual'noj istorii [The Grounded Theory methodology as a research tool in intellectual history]. *Dialog so vremenem*. 86: 5-17. [in Russian]
- [Vlasov, 2023](#) – *Vlasov, N.A.* (2023). Obraz rossijskogo panslavizma u germanskoј voenno-politicheskoј jelity 1870-1880-h gg. [The image of Russian Pan-Slavism in German military-political leadership of 1870s and 1880s]. *Dialog so vremenem*. 84: 297-307. [in Russian]
- [Vlasov, 2020](#) – *Vlasov, N.A.* (2020). The Image of Russia in Otto von Bismarck's Mind. *Bylye Gody*. 58(4): 2720-2728.
- [Waldersee, 1928](#) – *Waldersee, A.v.* (1928). Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart – Berlin – Leipzig.
- [Waldersee, 1922](#) – *Waldersee, A.v.* (1922). Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart – Berlin.
- [Zashikhin, 1994](#) – *Zashikhin, A.N.* (1994). «Gljadja iz Londona»: Rossija v obshhestvennoj mysli Britanii. Vtoraja polovina XIX - nach. XX v. [“Looking from London”: Russia in British public thought. The second half of the XIXth – beginning of the XXth century]. Arkhangelsk. [in Russian]
- [Zur Entwicklung..., 1886](#) – Zur Entwicklung der bulgarischen Frage (1886). *National-Zeitung*. 23.09. 545: 1.

Образ российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции в конце XIX века

Николай Анатольевич Власов ^{a, *}, Андрей Владимирович Бодров ^a, Нина Эдуардовна Адамова ^a, Ольга Владимировна Смирнова ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Реконструкция образа российского панславизма в странах Западной Европы в конце XIX в. имеет немаловажное значение, поскольку приближает к пониманию восприятия России и российской политики крупнейшими европейскими державами. В статье предлагается сравнительный анализ образа российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции, цель которого –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.vlasov@spbu.ru (Н.А. Власов)

выявление общих черт и различий, позволяющих установить наличие или отсутствие корреляции между характером данного образа в конкретной стране и траекторией ее отношений с Россией в рассматриваемый период. Анализ проводится на основе широкого круга источников: дневников и переписки представителей политико-дипломатической и военной элиты, материалах парламентских дебатов, газетной и журнальной публицистики, художественной и публицистической литературы.

Главной общей чертой восприятия образа российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции стало негативное отношение к конечным целям этого движения, способного привести к «большой войне» в Европе вне зависимости от того, трактовалось ли оно как благовидное прикрытие для экспансии Российской империи, как иррациональный общественный запрос «снизу» или интриги небольшой «партии». Однако если в Германии термин «панславизм» приобретал все более широкий смысл ярлыка для обозначения противников Германии в России, во Франции, напротив, прежде вполне однозначный образ российского панславизма фрагментировался, подменяясь новыми нейтральными или даже позитивными трактовками. Эволюция образа коррелировала с динамикой отношений великих держав: деградацией российско-германских отношений, все более тесным характером российско-французских связей, а также стабильностью российско-британского соперничества в рамках «Большой игры». Во всех трех странах интерес и внимание к феномену «панславизма» практически сошли на нет к концу 1880-х гг.

Ключевые слова: панславизм, образ России, международные отношения XIX века, национальные стереотипы.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1356-1363
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1356

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Vagrant Population and the Causes of Criminal Acts in Pre-Revolutionary Siberia in the Political and Legal Ideological Heritage of N.M. Yadrintseva

Alexander V. Golovinov^{a, *}, Zhamaladen Ibragimov^b, Anton A. Vasilev^a, Zhumageldy Kenispaev^c

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Omsk State Agrarian University named after. A.P. Stolypin, Omsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of the research is to demonstrate and reconstruct the political and legal ideas of the Siberian regionalist Nikolai Mikhailovich Yadrintsev in the field of factors of criminalization and the growth of crime in the pre-revolutionary period of the history of state and law in Siberia.

The material in the work is the journalistic works of the Siberian educator on the topic of the causes of crime in the Asian part of Russia. The author's articles published in Tue. floor. XIX century, as well as his book on prison studies and the penal policy of the autocracy (1872).

The methodological basis for the work was the paradigm of narratology. We consider the historical comprehension of political and legal views, expressed in the form of textual expression of ideas and ideals, to be most successfully possible using the tools of narrative history.

The article emphasizes that, guided by the principle of dialectical materialism, the regionalist publicist believed that criminal statistics should demonstrate the interdependence of personal reasons and social influence on intentional criminal acts.

The authors come to the conclusion that the worldview of the ideologist of Siberian regionalism was characterized by a concept based on an integrated approach and the Hegelian principle of the dialectical unity of all factors and causes that lead to criminal acts in Siberia. The social stratification of the region was powerfully influenced by the punitive nature of the colonization of the East of pre-revolutionary Russia. The scale of the social impact of convicts, exiles, thieves, robbers, and tramps was impressive. This was expressed in an increase in crimes and was accompanied by a lack of faith in the law as the embodiment of the fight against evil.

It is also shown that in his political and legal thought the famous Siberian attached importance to the wandering population as the main factor in the spread and growth of crime. He associated with this class the total criminalization of society in the East of the country. Exile and hard labor were considered as accompanying negative factors of deviations and atrocities in Siberia.

Keywords: N.M. Yadrintsev, Siberian regionalism, Russian Empire, history of political and legal thought, exile, wandering population, crime, history of penal policy, colonization, causes of deviations.

1. Введение

Противоправные деяния, увы, сопровождают человеческий мир как незримый спутник. История государства и права демонстрирует всевозможные попытки органов государственной власти в непростом деле противодействия общественно опасным девиациям. К сожалению, эта печальная часть онтологии государства и общества во все времена остается актуальной проблемой. Выявление причин, детерминирующих рост злодеяний, является в этом смысле древним, но действенным

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

механизмом, направленным на минимизацию криминализации общественных сил. В истории учений о праве и государстве неоднократно поднимался вопрос о гносеологической рефлексии и подходах на уровне доктринальных обобщений, как же выявить истинные причины и вскрыть настоящие мотивы человеческих посягательств на общественный порядок. Состояние защищенности как осязаемая форма безопасности в правовой мысли имперской России было одним из важных направлений познания и ликвидации причин преступлений. Характерно, что интеллектуальная история наиболее изучена в ракурсе известных представителей юридической науки и практики дореволюционной России. На периферии исследовательского интереса остаются многие незаслуженно забытые имена русских писателей, не имеющих специального университетского образования в области права. Однако вовлечение идейного политико-юридического наследия таких общественных деятелей может реально обогатить представления в истории учений о праве новыми экспертными подходами к проблематике причин, последствий и профилактики преступлений. Не без оснований среди таких личностей можно назвать идеолога движения сибирских областников Николая Михайловича Ядринцева. В материалах своей публицистики в период вт. пол. XIX в. просветитель неоднократно размышлял о природе противоправных деяний. Справедливости ради отметим, что дискурс о факторах девиаций был вызван стремлением помочь азиатской части Российской Империи в избавлении этой неоднородной территории от наследия штрафной колонизации.

Сибирь как особый макрорегион в системе уголовно-исполнительной политики России дореволюционного периода занимала важное место. «Восточная окраина» Российской Империи выступила территорией ссылки, каторги и огромной сети учреждений тюремной системы. Непрерывный поток уголовных и политических ссыльных, этапирование сюда сотен тысяч арестантов и перманентное бродячее население по природе своей выступали серьезными факторами расцвета криминального мира в регионе. Один из первых мыслителей, кто обеспокоился таким положением, был Николай Михайлович Ядринцев, известный сибирский писатель. В своей актуальной политико-правовой публицистике он осуществлял попытки определения тех негативных причин, которые влекут рост преступности в отчем крае.

Учитывая «передовое» место Сибири в уголовно-исполнительной политике самодержавия, Н.М. Ядринцев акцентировал преимущественно негативные стороны в социальной стратификации, отмечал крайне низкий уровень общественной активности и констатировал высокую криминогенную обстановку. К числу отрицательных факторов он относил стабильный рост численности ссыльнопоселенцев. Лидер движения сибирских областников считал это результатом неразборчивых трансформаций в уголовном законодательстве.

2. Материалы и методы

Сформулированная в рамках исследования цель обязывает к выбору адекватной задачам работы методологии. Познавательный потенциал при обращении к идейному миру, представленному в публицистическом творчестве исторической личности, видится в инструментарии нарратологии. Историческое постижение политико-юридических взглядов считаем наиболее успешно возможным с применением нарративной истории. Дискурсы, воспроизведенные прямо или косвенно на столбцах периодической печати, не всегда явны, понятны и эксплицированы. Потому гносеологические возможности нарративного формата в аналитике фрагмента истории представляются эвристичными.

Определенное значение имела теория социальной дезорганизации. Такой историко-социологический взгляд, берущий начало с Э. Дюргейма, позволяет понимать преступность как социальное явление, неизбежно свойственное любому обществу. В работах Н.М. Ядринцева приходится наблюдать очевидный социологический подход к главной проблеме, решаемой криминологией, – выявление причин и условий преступности.

Культурно-антропологический метод также оказался востребованным в решении поставленных задач. Парадигмы такого подхода вполне положительно сказываются на учете интеллектуального и культурного уровня эпохи, в которой формировались идейные убеждения общественного деятеля посредством актуальной публицистики.

Обозначенная исследовательская база не случайно имеет междисциплинарный облик, она обусловлена источниковой основой работы. Основным материалом настоящего исследования выступает корпус опубликованных статей сибирского областника Н.М. Ядринцева, в дореволюционных периодических изданиях сориентированных по тематике пенологии, уголовно-исполнительного права и криминологии.

3. Обсуждение

Историография не обделяет вниманием публицистическое наследие сибиряка-просветителя. В современных исследованиях внимание уделяется вехам исторической эволюции движения сибирского областничества, лидером которого выступал Николай Михайлович. Среди отечественных и зарубежных работ, где рассматривается идеи и общественная деятельность известного сибиряка, можно выделить исследования, В.А. Должикова (Должиков, 2023), И.Л. Дамешек (Дамешек, 2019), Ю.Б. Костяковой (Костякова, 2017), Н.В. Жилияковой (Жилиякова, 2022), Е.В. Масяйкиной (Масяйкина,

2022) М.К. Чуркина (Чуркин, 2021), В.Н. Яранцева (Яранцев, 2023), Т.П. Христолюбовой (Христолюбова, 2023), И.В. Демина (Демин, 2013), С.К. Игибаева (Игибаев, 2017), Б.С. Токмурзаева (Tokmurzaev et al., 2022), М.В. Шиловского (Шиловский, 2021) и др.

Группа ученых сосредоточена на познании этнографического наследия и межкультурной коммуникации коренного и пришлого населения Сибири, тематики путешествий, исследованию Алтая, искусствоведческим и социально-философским взглядам Н.М. Ядринцева, актуальным и стилевым содержанием его публицистики. Вместе с тем в современной историографии до сих пор слабо освещен комплекс идей просветителя на причины преступности в азиатской части России, на проблемы бродячего населения, ссыльной системы и их воздействия на криминализацию сибирского общества. Мы надеемся, что данный материал может способствовать исследованию массива политико-правовой мысли дореволюционного общественного деятеля.

4. Результаты

В постижении мира противоправных деяний идеолог сибирского регионализма пытался выявить факторы, оказывающие мотивирующее воздействие на преступление как социальное явление. Мыслитель полагал: чтобы понять природу преступления нужно учитывать прежде все социальную среду, но обязательно с учетом анализа характера и личных качеств преступника.

Руководствуясь принципом диалектического материализма, публицист считал, что уголовная статистика должна демонстрировать взаимообусловленность личных причин и общественного воздействия на умышленные криминальные поступки. В политико-правовой мысли известного сибиряка высказывалась идея о том, что наказания за злодеяния часто могли не минимизировать криминальную деятельность, при этом даже выступали детерминантой распространения преступного образа жизни.

Так, в ракурсе социологического подхода к криминологии Н.М. Ядринцев рассматривал преступление через жизнь самого общества. Собственно человеческие инстинкты и взаимные связи часто могут толкать к противоправному деянию. Соответственно обязанность наказания за всякую сделанную несправедливость принимает на себя не общество, а сам обиженный или его родные и близкие, имеющие право на мщение. Сообразно с понятиями общественных интересов начинают сознаваться преступления против общества, и право наказывать переносится на общество или государство. В политико-правовом учении просветителя принцип наказания выступал подражателем индивидуальной мести, выполняемой коллективно.

Как отмечал писатель, в современное ему время обыкновенными формами наказания являлись сожжение, виселица, заливие горла свинцом, колесование, отсечение рук, языка и клеймение. Будучи гуманистом по своему мировоззрению, он приходил к выводу о том, что в применении наказаний за преступления постепенно терялась всякая пропорциональность между преступлением и наказанием, так что часто полицейское распоряжение обеспечивается только угрозой смертной казни.

Ссылаясь на идеи Ш.Л. Монтескье и Ч. Беккриа, сибирский писатель считал, что высшая мера наказания – это проявления древней языческой традиции. Он прямо высказывался против такого наказания, применяемого часто беспорядочно. Высоко оценивая идеи французского просвещения, лидер движения областников отмечал: «Энциклопедисты и гуманисты в XVIII веке восстали против варварских приговоров судов, совершавшихся пред их глазами. Самым блистательным борцом и популяризатором новых воззрений является Вольтер» (Ядринцев, 1871: 137). Как считал публицист со всей силою красноречия, с глубоким негодованием французский мыслитель выступал против фанатизма, суеверия, деспотизма и против жестокости наказаний. Сименом Вольтера он связывал факт изменений взгляда криминалистов на наказание и метафизическое воззрение на возмездие как устрашающую кару с гуманистических позиций.

Как видно, рефлексия Н.М. Ядринцева о причинах преступленных девиаций была основана на гуманизме и социологическом подходе. Социологический инструментальный познания бытия права тесно связан со статическими методами. В этом отношении идеолог сибирского демократического регионализма часто использовал статистику при анализе последствий неблагоприятного действия уголовно-исполнительной политики царизма. Понимая, что цифры – вещь точная и упрямая, публицист наглядно вскрыл то расхождение, которое возникало между текстом законоположения и былью жизненных практик. Так, фактором, существенно повлиявшим на криминализацию сибирского дореволюционного социума, лидер движения областников считал бродячее население.

Как отмечал Н.М. Ядринцев, бродяжество порождало огромную численность ссыльных девиантов. В то же время он констатировал: «Наш закон относительно бродяг нельзя назвать слабым и непредусмотрительным, напротив за все обходы и увертки положено наказание, также как и приняты меры для открытия личности» (Ядринцев, 1872: 435).

Конечно, меры уголовно-правового воздействия на ссыльных были больше, чем на бродяг. Государственная карательная машина в таком случае часто наказывала бродячее население как ссыльных. Множество такого безродного люда в Сибири, что отлавливали в регионе, выступало объектом воздействия уголовного правосудия без разбора, ссыльные это были или бродяги.

В Сибири Н.М. Ядринцев считал бродяжество результатом многочисленного бегства каторжан и ссыльных. Среди причин же бродячества как наказуемого преступного деяния он называл такие обстоятельства, как рецидив и бедственное экономическое положение.

Вместе с тем влияние бродячего населения на способность к росту девиации не было исчерпывающим и не полностью имело негативную окраску. Кое-что в этом колонизационном влиянии было и позитивного. Некоторая часть бродячего народа все же могла вписаться в социальную жизнь Сибири. Социально-профессиональный облик такой группы просветитель описывал яркими красками. По наблюдениям областника, бродячее сословие было занято в ремесленном производстве. Часто они трудились на неквалифицированных должностях пастуха или пасечника. Выполняли эти люди и сторожевые функции. За счет таких обстоятельств они могли проживать в домах сибирских крестьян.

По мысли ученого, бродяжество как явление заслуживает пристального внимания. Действительно, таких в Сибири в XIX в. были тысячи. Вынужденные обстоятельствами идти в бега, такие индивиды жили почти всю оставшуюся жизнь в бегстве.

Положение данной социальной группы мыслитель характеризовал с гуманистических позиций. Сам факт того, что беглых бродяг отлавливала правоохранительная система, делала этот люд очень озлобленным и даже жестоким. Обращаясь к внутреннему миру такого преступника, просветитель отмечал, что он постоянно выступал против общества и государства на уровне собственной души, что превращало таких людей в неконтролируемую массу.

Вполне понятно, что именно данный социальный фактор Н.М. Ядринцев относил к ключевым причинам, пагубно влияющим на развитие восточной окраины. Конечно, бродячее население было далеко не единственным фактором расцвета криминогенной обстановки в регионе, но по масштабу оказывало существенное влияние. Печальное состояние дел стало ни чем иным, как прямым следствием распространения ссылки в Сибири, многочисленной каторги и обилия тюремных замков. Колонизация по «штрафному» пути и освоение азиатской части Империи путем переселения преступников обернулась комплексом проблем, которые приводили к криминализации Востока России. В этом смысле бродяжество как порождение неразборчивой ссылки не столько не приводило к достижению цели исправления преступника, но и само только увеличивало девиации и противоправные деяния.

Самым типичным преступлением бродяг Н.М. Ядринцев считал кражу.

Вороватость, очевидно, была вызвана тотальной бедностью и крайней нищетой в обществе бродячего сословия. В азиатском регионе имперского государства приходилось встречать и очень крупные кражи денежных знаков и имущества. Бродячие преступники не только обворовывали и грабили местных крестьян, но и устраивали разбой и грабежи среди себе подобных лиц.

Менее массовым, но более опасным для государства российского был другой вид преступных злодеяний среди бродяг – подделка ассигнований. Вот как писал по этому поводу просветитель: «Профессия подделки ассигнаций слишком обольстительна и выгодна, и ссыльные монетчики занимаются ею и на новом месте невольного жительства; они также учат других своему искусству. Таким путем образовалась довольно значительная отрасль этого производства, распространенная преимущественно между бродягами. Звание монетчика самое аристократическое и самое денежное, а потому каждый бродяга лелеет в своей душе надежду и самому достигнуть этого привилегированного звания» (Ядринцев, 1872: 469).

Пагубность этого государственной важности противоправного деяния усугублялась отдаленностью сибирского региона от центральной части Империи. Нечистоплотные торговцы и даже крестьяне в Сибири могли с удовольствием прибегать к услугам бродяг-фальшивомонетчиков. Как отмечал сибирский областник, так называемые монетчики жили в крестьянских избах. По меркам дореволюционного крестьянства их бытие было довольно комфортным. К их жизни добавлялась выпивка и любовницы. За такую устроенную жизнь преступники отплачивали хозяину дома подделкой бумажных денег.

Фальшивые ассигнования, таким образом, быстро распространялись по Сибири и востоку страны. Конечно, крестьян было трудно также привлекать к уголовной ответственности за такое деяние, и они могли просто сами сообщать и доносить на беглых монетчиков.

Убийство как умышленное преступление также было менее распространено в среде бродяг. Надо отметить, что это касалось только совершенно огрубевших бывших каторжан, пополнявших ряды бродячего сословия. В целом мыслитель приходил к выводу о том, что действия администрации, полицейских и военных судов в вт. пол XIX в. все же минимизируют влияние бродячего населения на причины преступлений в окраине Российской Империи.

Борьба с бродячим сообществом все же большого успеха не имела. Это сибирский областник связал с непоследовательностью политики Российской Империи в исполнении наказания. Сама каторжная система и ссылка в Сибирь способствовали увеличению бродяг.

Прямую связь с наличием множественности преступлений сибирский мыслитель проводил с ссылкой на систему. Каторга и нескончаемый поток ссыльнопоселенцев серьезно влияли на бродячее население в азиатской части России. Предполагалось, что отмена ссылки снизит тот контингент

бродяг, что распространяются по русским окраинным территориям. Мировоззрению идеолога сибирского областничества был присущ концепт на комплексном подходе и гегелевском принципе диалектического единства всех факторов и причин, приводящих к преступным деяниям в родной Сибири. Социальная стратификация региона оказывалась под мощным влиянием штрафного характера колонизации Востока дореволюционной России. Масштаб общественного воздействия на каторжан, ссыльных, воров, разбойников, бродяг был внушительным. Это выразилось в росте преступлений на фоне неверия в закон как воплощения борьбы со злом. Можно констатировать, что в политико-правовом идейном наследии Н.М. Ядринцева неоднократно отмечались непоследовательность и медлительность государственных защитников правопорядка в противодействии девиациям в регионе.

Например, просветитель полемизировал о том, что сама ссыльная система несовершенна, мало какого исправляет. Ссылка, как считал писатель, совсем не выполняла уголовно-исправительных целей. Исправления такая система не предполагала.

Просветитель констатировал, что ссыльные очень часто привлекаются к уголовной ответственности. К числу обстоятельств, тенденций и причин, вызывающих рост преступности в среде ссыльнопоселенцев, Н.М. Ядринцев относил и некоторые просчеты в уголовной политике имперского режима.

Недальновидность дореволюционной пенитенциарной политики, таким образом, порождала девиации, пагубно влияла на развитие азиатской части России и вызывала безмерный рост криминала. По учению областника, данный фактор необходимо считать основным, а, следовательно, учет данных неблагоприятных обстоятельств позволит изменить ситуацию в лучшую сторону.

5. Заключение

Таким образом, можно определить основные результаты проведенного исследования. Во-первых, Николай Михайлович Ядринцев не был профессиональным криминологом и не получил специального университетского юридического образования, но, самостоятельно освоив зарубежные уголовно-правовые доктрины и отечественный опыт, он смело рефлексировал о факторах и причинах составов преступных общественно опасных деяний в Сибири имперского исторического периода.

Во-вторых, дискурс о причинах девиаций в Восточной окраине Российской Империи был напрямую связан со штрафным характером освоения территориального пространства в Азиатской части огромной страны. В своей политико-правовой мысли известный сибиряк придавал значение бродячеству населению как основному фактору распространения и роста преступности. С этим сословием он связывал криминализацию социума на Востоке страны. Мыслитель также в своем идейном наследии показывал такие явления, как ссылка и каторга, рассматривая их в качестве негативных факторов девиаций и злодеяний в Сибири. Именно данные виды наказания порождали многочисленное бродячее сословие, становившееся серьезным источником преступного образа жизни. Детерминанты криминализации в сибирском регионе наглядно демонстрировали направления, в которых государственная уголовная политика Российской империи должна была трансформироваться. Будущее развитие Сибири было осложнено многочисленными преступлениями, совершаемыми ссыльными, бродягами и беглыми каторжанами. Потому в политико-правовом учении идеолога демократического регионализма задачей экзистенциальной важности было искоренение негативных последствий в социальной стратификации восточной окраины. Бродячее население с его многочисленными девиациями пускало метастазы в общественную жизнь региона. Поток снова и снова происходящих преступлений выступал угрозой состоянию защищенности в русской провинции. Потому противодействие ссыльной системе, порождающей многочисленное бродяжество, представлялось действенной мерой.

Литература

Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX - начала XX веков: Коллективная монография / Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019. С. 98-120.

Должиков, Головинов, 2023 – Головинов, А.В., Должиков В.А Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // Вестник Томского государственного университета. История, 83. 2023. 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1

Демин, 2013 – Демин И.В. Либеральные детерминанты социально-философских взглядов Н.М. Ядринцева / Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае: Сборник научных статей / Под редакцией В.Ю. Инговатова и И.В. Демина. Барнаул: Издательство Алтайского государственного технического университета, 2013. С. 24-105.

Жилякова и др., 2022 – Жилякова Н.В, Есипова В.А., Шевцов В.В. "Секретно. Конфиденциально": цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX -

начало XX в.): Монография / Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. 374 с.

Зиновьев, Филонов, 2022 – Зиновьев В.П., Филонов И.Д., "Сибирский вестник" и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885 - 1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 121-126.

Игибаев, 2017 – Игибаев С. Г.Н. Потанин – великий путешественник, ученый, демократ // *Известия Алтайского государственного университета*. № 5(97). С. 49-57. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-07

Костякова, 2017 – Костякова Ю. Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 г. (на материалах журнала "Сибирские записки") // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 3(56). С. 23-30.

Масяйкина, Владимирова, 2022 – Масяйкина Е., Владимирова С. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова "Ханство Батырбека" // *Юрислингвистика*. 2022. № 26(37). С. 90-95. DOI 10.14258/leglin(2022)2615

Христолюбова, 2023 – Христолюбова Т.П. Отражение художественной жизни Сибири в публикациях Г. Н. Потанина по вопросам искусства // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2023. № 1(54). С. 135-142. DOI: 126.0.30725/2619-0303-2023-1-135-142

Чуркин, 2021 – Чуркин М.К. "Субалтерны" колонизации в научно-публицистическом и литературном наследии Н.М. Ядринцева // *Имагология и компаративистика*. 2021. № 15. С. 236-247. DOI: 10.17223/24099554/15/14

Шиловский, 2021 – Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870 – 1880-е гг. // *Ядринцевские чтения 2021*. Вып. 9. Омск. ОмГУ. С. 22-26.

Яранцев, 2023 – Яранцев В.Н. Роль, функции и значение жанра фельетона в развитии сибирской литературы последней четверти XIX века в связи с деятельностью Н. М. Ядринцева, писателя и редактора // *Сюжетология и сюжетология*. 2023. № 4. С. 5-23. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23.

Ядринцев, 1870 – Ядринцев Н.М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // *Дело: учено-литературный журнал*. 1870. №10. С. 220-248.

Ядринцев, 1868 – Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // *Дело*. 1868. № 9, отд. 1. С. 223-266.

Ядринцев, 1872 – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872. 708 с.

Ядринцев, 1872 – Ядринцев Н.М. Преступники по изображению романтической и натуральной школы // *Дело: учёно-литературный журнал*. 1872. № 6. С. 130-191.

Ядринцев, 1871 – Ядринцев Н.М. Условия прогресса в сфере наказаний // *Дело: учено-литературный журнал*. 1871. № 6. С. 124-148.

Tokmurzaev et al., 2022 – Tokmurzaev B.S., Churkin M.K., Apasheva S.N. Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 338-348.

References

Churkin, 2021 – Churkin M.K. (2021). Subalterny" kolonizatsii v nauchno-publitsisticheskom i literaturnom nasledii N.M. Yadrintseva. ["Subalterns" of colonization in the scientific, journalistic and literary heritage of N.M. Yadrintseva]. *Imagologiya i komparativistika*. 15: 236-247. DOI: 10.17223/24099554/15/14 [in Russian]

Dameshek, 2019 – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i «sibirskiye voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and "Siberian issues"]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX - nachala XX vekov: Kollektivnaya monografiya*. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]

Demin, 2013 – Demin, I.V. (2013). Liberal'nyye determinanty sotsial'no-filosofskikh vzglyadov N.M. Yadrintsev [Liberal determinants of the social and philosophical views of N.M. Yadrintsev]. Pod redaktsiei V.Yu. Ingovatova i I.V. Demina. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Pp. 24-105 [in Russian]

Dolzhikov, Golovinov, 2023 – Golovinov, A.V., Dolzhikov V.A. (2023). Problema gumanizatsii otechestvennoy penitentsiarnoy sistemy v politiko-pravovom ideynom nasledii sibirskikh oblastnikov [The problem of humanization of the domestic penitentiary system in the political and legal ideological heritage of Siberian regionalists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 83: 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1 [in Russian]

- Igibaev, 2017** – *Igibaev, S.* (2017). G.N. Potanin – velikiy puteshestvennik, uchenyy, demokrat [G.N. Potanin – a great traveler, scientist, democrat]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(97): 49-57. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-07 [in Russian]
- Khristolubova, 2023** – *Khristolubova, T.P.* (2023). Otrazheniye khudozhestvennoy zhizni Sibiri v publikatsiyakh G. N. Potanina po voprosam iskusstva [Reflection of the artistic life of Siberia in the publications of G.N. Potanin on art]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1(54): 135-142. DOI: 126.0.30725/2619-0303-2023-1-135-142. [in Russian]
- Kostyakova, 2017** – *Kostyakova, Y.B.* (2017). Otnosheniye Sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (na materialakh zhurnala "Sibirskiy zapiski") [Attitude of the Siberian regionals to the revolutions of 1917 (based on the materials of the journal "Siberian Notes")]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 3(56): 23-30. [in Russian]
- Masyaykina, Vladimirova, 2022** – *Masyaykina, E., Vladimirova, S.* (2022). Ideologiya oblastnichestva v zerkale russkoy kul'tury: na materiale leksiko-yazykovykh praktik povesti Georgiya Grebenschchikova "Khanstvo Batyrbeke" [The ideology of regionalism in the mirror of Russian culture: based on the lexical and linguistic practices of Georgy Grebenschchikov's story "The Khanate of Batyrbek"]. *Yurilingvistika*. 26(37): 90-95. DOI: 10.14258/leglin(2022)2615 [in Russian]
- Shilovsky, 2021** – *Shilovsky, M.V.* (2021). Publitsisticheskoye osmysleniye N. M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870 – 1880-ye gg. [N.M. Yadrintsev's publicistic comprehension of the prospects for the development of Siberia in the 1870s - 1880s]. *Yadrintsev readings*. Is. 9. Omsk. OmGU. Pp. 22-26. [in Russian]
- Tokmurzaev et al., 2022** – *Tokmurzaev, B.S., Churkin, M.K., Apasheva, S.N.* (2022). Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism. *Bylye Gody*. 17(1): 338-348.
- Yadrintsev, 1868** – *Yadrintsev, N.M.* (1868). Brodyacheye naseleniye Sibiri [The wandering population of Siberia]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 9: 220-248. [in Russian]
- Yadrintsev, 1870** – *Yadrintsev, N.M.* (1870). Istoricheskiye ocherki russkoy ssylki v svyazi s razvitiyem prestupleniy [Historical essays on Russian exile in connection with the development of crimes]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 10: 220-248. [in Russian]
- Yadrintsev, 1871** – *Yadrintsev, N.M.* (1871). Usloviya progressa v sfere nakazaniy. [Conditions for progress in the sphere of punishment]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 6: 124-148. [in Russian]
- Yadrintsev, 1872** – *Yadrintsev, N.M.* (1872). Prestupniki po izobrazheniyu romanticheskoy i natural'noy shkoly [Criminals in the image of the romantic and natural school]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 6: 130-191. [in Russian]
- Yadrintsev, 1872** – *Yadrintsev, N.M.* (1872). Russkaia obshchina v tiur'me i ssylke. Issledovaniia i nabludeniiia za zhiznu tiuremnykh, ssyl'nykh i brodiavshchikh obshchin. Sravnenie razlichnykh sistem nakazaniia u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnova novoi ratsional'noi sistemy ispravleniia soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytu russkoi tiuremnoi obshchiny [Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. SPb: Printing house of A. Morigerovsky. 760 p. [in Russian]
- Yarantsev, 2023** – *Yarantsev, V.N.* (2023). Rol', funktsii i znacheniye zhanra fel'yetona v razvitiu sibirskoy literatury posledney chetverti XIX veka v svyazi s deyatel'nost'yu N. M. Yadrintseva, pisatelya i redaktora [The role, functions and significance of the feuilleton genre in the development of Siberian literature in the last quarter of the 19th century in connection with the activities of N. M. Yadrintsev, writer and editor]. *Plotology and plotography*. 4: 5-23. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23. [in Russian]
- Zhilyakova i dr., 2022** – *Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A., Shevtsov, V.V.* (2022). Sekretno. Konfidentsial'no": tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) ["Secret. Confidential": censorship history of journalism in the Tomsk province (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. 374 p. [in Russian]
- Zinoviev, Filonov, 2022** – *Zinoviev, V.P., Filonov, I.D.* (2022). "Sibirskiy vestnik" i sibirskoye oblastnichestvo: evolyutsiya otnosheniy v 1885 – 1905 gg. ["Sibirskiy vestnik" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885 – 1905]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 484: 121-126. [in Russian]

Бродячее население и причины преступных деяний в дореволюционной Сибири в политико-правовом идейном наследии Н.М. Ядринцева

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Жамаладен Ибрагимович Ибрагимов ^b,
Антон Александрович Васильев ^a, Жумагельды Кубжасарович Кениспаев ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Омский государственный аграрный университет им. А.П. Столыпина, Омск, Российская Федерация

Аннотация. Цель проводимого исследования – демонстрация и реконструкция политических и юридических идей сибирского областника Николая Михайловича Ядринцева в сфере факторов криминализации и роста преступности в дореволюционный период истории государства и права на территории Сибири.

Материалом в работе выступают публицистические произведения сибирского просветителя по теме причин преступности в азиатской части России. Анализу подвергались статьи автора, опубликованные во вт. пол. XIX в., а также его книга, посвященная тюрьмоведению и уголовно-исполнительной политике самодержавия (1872).

Методологической базой работы выступили парадигмы нарратологии. Историческое постижение политико-юридических взглядов считаем наиболее успешно возможным с применением инструментария нарративной истории.

В статье акцентируется, что, руководствуясь принципом диалектического материализма, публицист-областник полагал, что уголовная статистика должна демонстрировать взаимообусловленность личных причин и общественного воздействия на умышленные криминальные поступки.

Авторы приходят к выводу о том, что мировоззрению идеолога сибирского областничества был присущ концепт на комплексном подходе и гегелевском принципе диалектического единства всех факторов и причин, что приводит к преступным деяниям в Сибири. Социальная стратификация региона оказывалась под мощным влиянием штрафного характера колонизации Востока дореволюционной России. Масштаб общественного воздействия каторжан, ссыльных, воров, разбойников, бродяг был внушительным. Это выразилось в росте преступлений и сопровождалось неверием в закон как воплощение борьбы со злом.

Также показано, что известный сибиряк придавал значение бродячему населению как основному фактору распространения и роста преступности. С этим сословием он связывал тотальную криминализацию социума на востоке страны. Ссылка и каторга рассматривались в качестве сопутствующих негативных факторов девиаций и злодеяний в Сибири.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, сибирское областничество, Российская Империя, история политической и правовой мысли, ссылка, бродячее население, преступность, история уголовно-исполнительной политики, колонизация, причины девиаций.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1364-1372
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1364

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Development of Gymnasium Classical Education in the second half of the 19th century: Experience of the Past for the Present

Alexey A. Fatyanov ^{a, *}, Nikolay A. Mashkin ^a, Andrey V. Losyakov ^a, Anna V. Filippova ^a

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the education system in the second half of the XIX century. The authors note that the level of education in this period was much higher than in some European countries and was considered one of the best in Europe. Based on the analysis of archival documents and legislation of the XIX century, the study examines the educational process and the chronology of its changes, the lesson schedule, the culture of behavior of teachers and students, the procedure for conducting exams in public and private classical gymnasiums. The main advantages and disadvantages of the gymnasium education process of that time are revealed. The authors conclude that the heyday of classical gymnasium education can be attributed to the 1860-1870 years, when education was wordless, students were given the optimal load for learning the material. The educational process was thoroughly controlled both in public and private gymnasiums, but at the same time there was a certain freedom of teaching. The number of objects and their types contributed to the comprehensive harmonious development of a person as a person and, in turn, formed his civic identity.

Keywords: gymnasium education in the 19th century, classical gymnasiums, pro-gymnasiums, charters of gymnasiums and pro-gymnasiums, educational process, class schedule, exams.

1. Введение

Образование играет ключевую роль в развитии человека как личности. При этом именно школьное образование закладывает фундаментальные начала в его общекультурном уровне. Система всеобщего среднего образования в России начала складываться в первой половине XIX века. Одной из важнейших форм среднего образования в России были классические гимназии, которые на протяжении своего существования подвергались большому количеству различных реформ. Вторую половину XIX века можно назвать расцветом гимназического образования. Статистика говорит о том, что в середине XIX века система фундаментального государственного образования в России была сопоставима с другими европейскими государствами, обгоняя Англию, где в этот период были лишь отдельные учреждения, которые соответствовали французским лицеям, немецким и русским гимназиям (Сапрыкин, 2009: 34). Само качество преподавания в дореволюционных гимназиях было очень высоким, не ниже европейских государств, например, Германии или Франции (Христофорова, 2002). Опыт прошлых лет, несомненно, может оказать позитивное влияние на повышение уровня современного школьного образования в России и возвращение его в списки лучших.

2. Материалы и методы

Источниками исследования послужили архивные материалы Центрального государственного архива города Москвы (г. Москва, Российская Федерация), а также сборники опубликованных документов – постановлений по Министерству народного просвещения 1876–1877 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: Fatyanov.AA@rea.ru (A.A. Fatyanov), Mashkin.N.A.@rea.ru (N.A. Mashkin), Losyakov.AV@rea.ru (A.V. Losyakov), Filippova.AV@rea.ru (A.V. Filippova)

Исследование основано на применении анализа, а также исторического, системного и статистического методов.

При применении исторического метода исследован генезис становления образования в XIX веке в его хронологической последовательности. Системный метод основан на получении новых исторических знаний в системе российского образования. Статистический метод предполагает использование статистических данных в представленной работе, которые позволяют проанализировать количественные аспекты некоторых явлений в процессе получения образования в XIX веке. Анализ позволил исследовать отдельные исторические процессы, явления и правовую регламентацию учебного процесса в классических гимназиях указанного периода истории.

3. Обсуждение

Дискуссии по проблемам образования в российском научной среде не теряют своей актуальности и сегодня. Рассмотрим основные современные работы, которые представляют интерес по исследуемому периоду. Автор А.Д. Егоров в своем историческом очерке гимназического образования в России довольно подробно исследует его возникновение и развитие. При этом он делает неоднозначный вывод о том, что возникновение первых учреждений гимназического типа в России произошло еще в XVII веке (Егоров, 1990: 11). Интерес представляет историческое исследование А.Н. Джурицкого и Н.В. Трошковой, посвященное генезису российской классической гимназии в первой четверти XIX века. Авторы указанного исследования отмечают, что именно период первой четверти XIX века явился ключевым для формирования классического гимназического образования в Российской империи, что характеризуется авторами как «прорывная реформа, выведившая страну на европейский путь развития», а также как «возможность приобщать элиту общества к истинно прекрасным и человеческим идеалам воспитания и обучения» (Дружинский, Трошкова, 2020: 152-153). Одной из фундаментальных работ по указанной тематике можно назвать труд В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. Авторы в своей работе рассматривают женские гимназии, объединившие опыт западной культуры и русских национальных традиций (Пономарева, Хорошилова, 2006). В конце 1990 – начале 2000-х гг. выходят содержательные журнальные статьи Н.В. Христофоровой, Г.Н. Козлова, Е.А. Слепенковой, посвященные истории женских гимназий в России, объектами исследования в которых выступили процесс становления этих учебных заведений, а также особенности образовательного процесса и повседневной жизни (Христофорова, 1998: 81-86, Козлов, 2000: 71-77, Слепенкова, 2000: 27-33). Еще одной работой фундаментального характера является монография Д.Л. Сапрыкина, где автор исследует в целом образовательный потенциал Российской империи в XIX – начале XX века и проводит сравнительный анализ российского и европейского гимназического образования (Сапрыкин, 2009). Систему работы гимназий, их внутреннюю жизнь и структуру учебных курсов, в том числе анализ их недостатков, проводит Э.Д. Днепров в своей двухтомной монографии «Российское образование в XIX – начале XX века» (Днепров, 2011). М. П. Войтеховская оценивает проведенную в 1870-е годы в России реформу среднего образования как неудачную (Войтеховская, 2013: 78). Также вопросы реформ гимназического классического образования в XIX веке в своей отдельной научной статье поднимал М.В. Богуславский (Богуславский, 2006: 5-21). Среди научных публикаций имеются также работы и по отдельным аспектам образования в классических гимназиях, например, работа А.И. Еремина, посвященная исследованию установленного порядка и практике проведения выпускных экзаменов в классических гимназиях в конце XIX – начале XX веков. На основе проведенного анализа А.И. Ереминым сделан вывод о том, что, несмотря на достаточно жесткие правила проведения экзаменов, на практике в отношении учащихся все более частыми становились факты снисходительного поведения экзаменаторов (Еремин, 2014: 120). В.В. Перцев в своей работе о прочности знаний в российской классической гимназии раскрывает содержание этого принципа и выявляет его отличия от современного подхода к его применению в образовательном процессе, которые заключаются, прежде всего, в акценте на общем развитии памяти и мышления учащихся гимназий, достигаемом преимущественно путем заучивания огромного объема информации (Перцев, 2019: 133). При исследовании классических гимназий второй половины XIX века интерес представляют также научные публикации, посвященные вопросам становления и развития реальных гимназий, впоследствии получивших название училищ, поскольку именно в исследованиях этого периода авторы зачастую приводят сравнительный анализ системы существовавшего в тот период классического гимназического образования и только еще разрабатываемых проектов реальных гимназий. В этом сравнительном анализе важным для понимания сущности образования в классических гимназиях представляются те образовательные потребности российского общества второй половины XIX века, которые, по мнению сторонников реформы образования, не могли быть удовлетворены в рамках классического гимназического образования. В этой научно-исторической дискуссии еще более ярко отражаются также главные задачи и преимущества классических гимназий в суждениях их сторонников. К числу современных публикаций, содержащих подтвержденные историческими документами сведения о доводах сторонников классического гимназического

образования и рачителей процесса организации реального образования, можно отнести, например, научную статью К.В. Федорова и Т.Р. Суздалевой (Федоров, Суздалева, 2016).

Подводя итог, следует отметить, что в рассмотрении представленной темы остается еще много неисследованного, и представленная статья, возможно, позволит внести некоторые новые факты в историю российского образования.

4. Результаты

Первые изменения в правовом регулировании гимназического образования во второй половине XIX века начинаются еще в 1849 году. В Устав гимназий 1828 года вносятся существенные изменения. Теперь гимназии делились на три вида:

- С двумя древними языками (латинский и греческий языки);
- С естественной историей и законоведением;
- С законоведением.

При этом греческий язык использовался для изучения древнегреческих авторов и святых отцов восточной церкви (Перцев, 2012: 6). В некоторых гимназиях по выбору учащихся могло встречаться изучение национальных языков, например, татарского языка (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 17. Л. 11).

С 1849 по 1854 гг. учебные планы постоянно пересматривались. Из анализа материалов и результатов, представленных в научных публикациях, можно считать, что 1861 год является годом начавшегося процесса изменения системы гимназического образования в сторону его смягчения. Формально юридически этот процесс был ознаменован началом работ по созданию нового устава. Эти работы осуществляла специально созданная комиссия. Новый устав должен был отвечать новым потребностям общества, вызванным столь значительными переменами в организации его жизни (Егоров, 1990: 10).

19 ноября 1864 года был утвержден новый Устав гимназий и прогимназий по Министерству народного просвещения (Сборник постановлений, 1876: 1420-1469). Уставом 1864 года были созданы два типа средних школ: классические гимназии и реальные гимназии. Одно из существенных различий в образовательных программах реальных и классических гимназий заключалось в наличии или отсутствии обучения древним языкам. Так, изучение древних языков оставалось в программе только классических гимназий, в реальных же таких дисциплин не преподавалось (Ганелин, 1950: 32). В обучении присутствовали и так называемые новые языки: немецкий и французский. Родители на имя директора гимназии писали заявления о выборе языка. Допускалось обучение и сразу двум новым языкам по выбору родителей (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 8. Л. 3-16).

Продолжительность обучения в гимназиях составляла семь лет. Учебный курс в прогимназиях соответствовал курсу низших четырех классов классических или реальных гимназий (Хабалева, 2016: 261-270).

Исследователи характеризуют Устав 1864 года как акт прогрессивного характера. Эта прогрессивность выражалась, в частности, в том, что гимназии становились бессловными учебными заведениями. Устранялись препятствия к поступлению в число гимназистов и по религиозному признаку. Послабления касались и вопросов применения по отношению к гимназистам наказаний, из числа которых были исключены наказания телесные. Новшества Устава 1864 года касались не только вопросов поступления и внутреннего распорядка обучающихся, но и прав педагогического совета в управлении, которые были значительно расширены, а преподавателям давалась свобода в составлении рабочих программ (Войтеховская, 2013: 65).

На долю вводимого нового устава гимназий и прогимназий ставилась задача – восстановить количество поступающих в гимназии, увеличить число окончивших полный курс, возвысить уровень знаний, получаемых учащимися и утвердить правильное воззрение общества на гимназическое образование (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 15. Л. 5-26). Согласно введенному уставу число учащихся в одном классе по возможности ограничивалось до 40 человек. Число воспитанников в пансионах при гимназиях сокращалось до 80 человек. За отличную успеваемость от платы освобождалось не более 10 % от общего числа учащихся (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 15. Л. 5-26). Плату необходимо было вносить в установленные полугодичные сроки с 1 января и с 1 июля. Гимназисты, которые не вносили плату в течение двух месяцев с начала полугодия, исключались из учебного заведения (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 17. Л. 11). Однако была распространена практика установления именных стипендий. Такие стипендии выплачивались согласно положению, которое утверждало Министерство народного просвещения. Для каждой именной стипендии выпускалось отдельное положение. Обычно переданная сумма полностью или частично вкладывалась в ценные бумаги или открывался неприкосновенный вклад в банке под проценты, с которых выплачивалась такая стипендия. В основном стипендиатов избирали из беднейших учеников гимназии (ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 107. Л. 8).

Обучение проходило с понедельника по субботу. Как правило, в день ставилось 4 или 5 уроков. Для старших классов (с 3 по 7 классы) было 5 уроков (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 71. Л. 54).

Сам учебный процесс в гимназиях и прогимназиях строго контролировался как со стороны попечителя учебного округа, Министерства народного просвещения, так и непосредственно директорами учебных заведений. Преподаватели перед каждым полугодием подавали заявления директору гимназии

о том, какие виды заданий и темы письменных работ в соответствии с программами дисциплин предполагают давать своим ученикам (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 38. Л. 1).

Поведение учеников и учителей гимназий также не оставалось без внимания. Основания для исключения из учебного заведения были следующие: грубое поведение как по отношению к учителям, так и к остальным учащимся, воровство, обман и неповиновение администрации учреждения, двукратное самовольное оставление учебы. Исключение из учебного заведения такого ученика было без права на восстановление и оформлялось решением педагогического совета соответствующей гимназии (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 39, 50. Л. 10, 12).

Обычно за исключение по таким основаниям попечитель учебного округа и Министерство народного просвещения оповещали директоров гимназий, где было указание на невозможность приема таких учеников вновь на обучение как в других гимназиях, так и в других учебных округах. Если такого указания в оповещениях не было, то прием отчисленных учеников оставался на усмотрение директора и педагогического совета учебного заведения (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 35).

Хотя стоит признать, что такие отчисления из гимназий и прогимназий не носили массового характера. Например, согласно статистике, число выбывших из учебных заведений за 1857–1866 годы от общего числа обучившихся по Санкт-Петербургскому и Московскому учебным округам следующее:

- 1-я Санкт-Петербургская гимназия – 11,5 %;
- 2-я гимназия – 10,2 %;
- 3-я гимназия – 6,4 %;
- 4-я Ларинская гимназия – 11,7 %;
- 5-я Санкт-Петербургская гимназия – 19,7 %;
- 6-я гимназия – 23,2 %;
- 7-я гимназия – 13,5 %;
- Кронштадская гимназия – 18,7 %;
- Архангельская гимназия – 13,7 %;
- Вологодская гимназия – 14,3 %;
- Олонецкая гимназия – 11,1 %;
- Новгородская гимназия – 17,8 %;
- Псковская гимназия – 15,2 %;
- 1-я Московская гимназия – 11,2 %;
- 2-я – 6,4 %
- 3-я реальная гимназия – 4;
- 4-я Московская гимназия – 12,2;
- Тверская гимназия – 7,6 %;
- Калужская гимназия – 6,6 %;
- Ярославская гимназия – 9;
- Смоленская гимназия – 4,8 %
- Костромская гимназия – 9,1 %;
- Тульская гимназия – 11,3 %;
- Владимирская гимназия – 7,8 %;
- Рязанская гимназия – 7,9 %.

Из данной статистики следует учесть и выбывание учащихся по объективным причинам в результате переезда или перевода в другие учебные заведения (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 15. Л. 5-26).

Как отмечалось выше, такая же система исключения с оповещением по другим учебным округам директоров учебных заведений применялась и для учителей. Так, например, директору 1-й и 5-й Московских гимназий от попечителя московского учебного округа и министра народного просвещения сообщалось: «учитель русского языка и словесности Тифлисской классической гимназии Дмитрий Лаврененко позволил себе в присутствии учащихся сделать дерзость директору гимназии, а впоследствии учинил беспорядки против директора. За данное деяние Попечителем Кавказского учебного округа он удален с должности. В связи с чем, приказано данному учителю не принимать больше на учебную службу» (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 39. Л. 2).

В конце каждого учебного года для перевода в следующий класс учащиеся сдавали экзамены. По большинству предметов средний балл за учебный год формировался из годового балла и балла, полученного на экзамене, за исключением математики, где в старших классах отдельно оценивались арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, и русской словесности, где оценка складывалась из оценки по русскому и славянскому языкам, теории словесности и истории литературы, сочинению на заданную тему и годовой оценки (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 17. Л. 50).

Оценки были следующими:

- 1 – слабые;
- 2 – посредственные;
- 3 – достаточные;
- 4 – хорошие;
- 5 – отличные.

Воспитанники гимназии, получившие средний балл «3» и имевшие хорошее поведение, удаивались перевода в высший класс. По окончании учебного года гимназисту выдавалось свидетельство об успехах в учебе и поведении. В свидетельстве, кроме оценок по предметам, оценивалось поведение, а также могли выставляться количественные показатели отсутствия на уроках и опоздания. Ученик, получивший по какому-либо предмету «1», в более высокий класс не переводился. Для получения аттестата воспитанники должны были иметь как по предметам, так и по поведению не ниже оценки «3». Более того, необходимо было получить не менее оценки «3» в каждой из глав предмета гимназического курса (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 17. Л. 11).

В аттестате указывались дата рождения, происхождение, вероисповедание, год поступления и год окончания гимназии, оценки за дисциплины и за поведение. Далее отмечалось, что по постановлению педагогического совета на основе Устава 1864 года ему предоставлялось право на поступление без экзаменов в университет и в другие высшие учебные заведения. Кроме этого, при наличии всех отличных оценок выпускнику выдавалась золотая медаль, при наличии 1-3 четверок – серебряная (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-3).

Выпускники частных классических гимназий для получения свидетельства, дающего право на поступление в университет, должны были сдавать экзамены, подтверждающие знания. Даты и сроки определялись попечителем учебного округа по согласованию с руководством частной гимназии. В самой гимназии формировалась экзаменационная комиссия из преподавателя или нескольких преподавателей по предмету, по которому осуществлялось испытание, и минимум двух ассистентов из преподавателей других предметов под председательством директора частной гимназии. Для контроля со стороны руководства учебного округа назначались депутаты, которыми могли быть профессора и преподаватели университетов, окружные инспекторы или преподаватели казенных гимназий. К полномочиям руководства учебного округа относилось решение вопросов о количестве таких депутатов и о распределении между ними предметов. Депутаты участвовали в испытаниях с правом голоса, и поставленные ими баллы принимались во внимание при выводе среднего балла (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

Директор либо иное лицо, которое управляло частной классической гимназией, обязан был предоставить попечителю учебного округа не меньше как за 2 недели до окончательных испытаний именной список учеников, которые будут сдавать экзамены, а также даты, время и перечень предметов. Испытание по каждому предмету производилось по каждой составной его части (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42):

- 1) по Закону Божию:
 - а) катехизис;
 - б) священная и церковная история;
 - в) учение о богослужении (учащиеся других исповеданий экзаменовались по программам утвержденных руководством этих конфессий);
- 2) по русскому языку и словесности:
 - а) русский язык и церковнославянский;
 - б) словесность;
- 3) по истории:
 - а) всеобщая история (древняя, средняя, новая);
 - б) русская история;
- 4) по географии:
 - а) всеобщая география;
 - б) русская география;
- 5) по математике:
 - а) арифметика;
 - б) алгебра;
 - в) геометрия;
 - г) тригонометрия;
- 6) по космографии:
 - а) математическая география;
 - б) физическая география;
- 7) по физике:
 - а) общая физика;
 - б) частная физика.

В отношении языков к числу обязательных экзаменов относился лишь экзамен по греческому языку и только в том случае, когда выпускник впоследствии желал поступить в университет на историко-филологический факультет. Вместо древнего языка можно было выбрать один из новых языков – немецкий или французский (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

Экзамены проходили по билетам. Один ответ на какую-либо часть предмета был письменным, а остальные – устными. Письменный ответ по русскому языку заменялся сочинением на заданную тему. По древним и новым языкам был письменный перевод на русский язык. Независимо от ответов

на билеты присутствующие члены экзаменационной комиссии предлагали испытуемым неопределенное число вопросов по предмету (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

По окончании каждого испытания степень знаний определялась числовыми баллами, которые выставлялись в двух экземплярах экзаменационных списков. Один экземпляр экзаменационного списка хранился в самой гимназии в рамках ее внутреннего документооборота, второй же экземпляр направлялся депутатам учебного ведомства для предоставления его попечителю учебного округа (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

Интерес представляет и шкала оценок, которые при переводе в балльную систему можно представить следующим образом:

- «весьма удовлетворительно» (от 4,5 до 5 баллов);
- «удовлетворительно» (от 3 до 4,5 баллов);
- «неудовлетворительно» (менее 3-х баллов).

Важно отметить, что выставленные баллы непосредственно влияли на право дальнейшего поступления в университет. Подтверждением этого права служило свидетельство, которое, однако, выдавалось лишь в том случае, если средний балл, рассчитываемый по итогам прохождения всех испытаний, составлял не ниже 3 баллов, то есть соответствовал оценке «удовлетворительно». Однако права на свидетельство лишались лица, которые получили:

- Единицу хотя бы в одной составной части какого-либо предмета;
- Двойку в одной из составных частей Закона Божия;
- В русском языке или словесности;
- В одном древнем языке, а для экзаменующихся в новых языках – в одном из этих языков;
- В арифметике или геометрии;
- Русской истории;
- В двух или более составных частях одного и того же предмета;
- Полученную, хотя и по одному разу между отметками, из составных частей предмета,

но более чем в двух предметах (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

Переэкзаменовка даже одного предмета не допускалась. В случае неправомерного завышения баллов со стороны экзаменационной комиссии частной классической гимназии депутаты, контролирующие процедуру экзамена, сообщали об этом попечителю учебного округа для проведения проверки (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

Свидетельства подписывались в одно время с экзаменационными списками председателем, членами экзаменационной комиссии и депутатами со стороны учебного округа и скреплялись казенной печатью управления учебного округа (ЦГА Москвы. Ф. 371. Оп. 1. Д. 21. Л. 42).

Для реформирования средней школы и выработки нового положения для гимназий в 1866 г. была образована комиссия, и в 1871 г. был утвержден новый Устав. В соответствии с ним деление гимназий на классические и реальные было отменено. Реальные гимназии переименованы в реальные училища. Классические гимназии состояли из семи классов. Седьмой класс был с двумя годичными отделениями. С 1875 г. гимназии стали восьмиклассными. При каждой гимназии существовал приготовительный класс.

В классических гимназиях была полностью пересмотрена программа преподавания и введены новые учебные планы.

Особенности нового учебного плана:

- Изучение древних языков становилось приоритетным. Более 40 % учебного времени отводилось на их изучение;
- На два часа в неделю сокращено преподавание истории и Закона Божия;
- Уменьшилось число уроков по чистописанию, рисованию и черчению;
- Увеличение количества учебных часов на изучение таких дисциплин, как математика, физика, математическая география;
- Прекращено преподавание естественной истории, космографии, законоведения;
- Вновь введены логика и география.

Преподавание древних языков осуществляли специально приглашенные иностранцы, среди которых большинство составляли немцы и чехи, не владевшие русским языком. Немецкие газеты служили источником при формировании учебных планов, откуда они, как утверждают источники, и были заимствованы. По этой причине, вероятно, ввиду отсутствия необходимой адаптации, второстепенное место в таких учебных планах занимали русский язык, словесность, частично история и Закон Божий (Сборник постановлений, 1877: 431-464).

В 1887 г. вновь введены сословные ограничения в классической гимназии. Способствовал этому так называемый «Циркуляр о кухаркиных детях». Во исполнение этого Циркуляра дети низших сословий, в числе которых дети поваров, кучеров, лакеев и им подобных, действиями попечителей учебных заведений и Министерства народного просвещения должны были быть лишены права на получение гимназического образования. В результате указанного решения в гимназиях резко возросла плата за обучение (Богуславский, 2006: 5-21).

5. Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, приходим к выводу о том, что развитие классического гимназического образования во второй половине XIX века было довольно неоднозначным. С одной стороны, лучшим десятилетием его развития стали 1860–1870 годы. В этот период образование было бессловным, ученикам давалась оптимальная нагрузка для усвоения материала. Учебный процесс основательно контролировался как в государственных гимназиях, так и в частных, но в тоже время была и определенная свобода преподавания. Количество предметов и их виды способствовали всестороннему гармоничному развитию человека как личности и, в свою очередь, формировали его гражданскую идентичность. Стоит указать и на опыт оценок за поведение в процессе обучения, которые носили не просто формальный характер, но и влияли на успеваемость в аттестате. За успешное освоение дисциплин платное обучение могло компенсироваться стипендиями от попечителей, попечительских советов, фондов и неприкосновенных вкладов, что было распространено практикой в XIX веке. И, самое главное, у многих выпускников был шанс получить высшее образование без вступительных экзаменов при успешном окончании государственной гимназии. С другой стороны, к концу XIX века пересмотр учебных планов и увеличение часов по одним предметам в пользу других не стало полезной мерой и отразилось на качестве обучения. Возвращение сословности образования стало еще одной ошибкой, лишив большую часть населения возможности стать образованными. Данный шаг вернул страну на сто лет назад, ограничив российское государство и общество в появлении новых видных ученых и государственных деятелей из простых людей.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0002 «Формирование общероссийской гражданской идентичности молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики Российской Федерации и совершенствование механизмов обеспечения национальной безопасности в контексте миграционных процессов в молодежной среде», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Литература

- Богуславский, 2006** – Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // *Вопросы образования*. 2006. № 3. С. 5–21.
- Войтеховская, 2013** – Войтеховская М.П. История общего образования в России: Учебное пособие. Часть 1. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета. 2013. 212 с.
- Ганелин, 1950** – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины 19 века / под. ред. Н. Г. Казанского. Л – М. учпедгиза. Ленингр. Отделение 1950. 276 с.
- Джуринский, Трошкова, 2020** – Джуринский А.Н., Трошкова Н.В. Сравнительно-исторический анализ становления классической гимназии в первой четверти XIX века: российский и мировой опыт // *Образование и наука*. 2020. № 8 (22). С. 135–161.
- Днепров, 2011** – Днепров Э.Д. Российское образование в XIX - начале XX в. Т. 2. М. Марпос. 2011. 672 с.
- Егоров, 1990** – Егоров А.Д. Гимназическое образование в России (исторический очерк). Иваново: Инж.-строит. Ин-т, 1990. 96 с.
- Еремин, 2014** – Еремин А.И. Испытания зрелости в российской классической гимназии: чиновники, учителя, гимназисты, документация (конец XIX – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2014. № 40. С. 90–126.
- Козлов, 2000** – Козлов Г.Н. «Образ жизни» отечественной гимназии конца XIX – начала XX вв. // *Педагогика*. 2000. № 6. С. 71 – 77.
- Пономарева, Хорошилова, 2008** – Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М.: Русское слово, 2008. 352 с.
- Перцев, 2012** – Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России до первой половины XIX века // *Концепт*. 2012. № 12 (16). С. 1–7.
- Перцев, 2019** – Перцев В.В. Принцип прочности знаний в русской классической гимназии второй половины XIX века // *Современное педагогическое образование*. 2019. № 1. С. 133–137.
- Сборник постановлений..., 1876** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. 1876. Т. 3. С. 1420–1469.
- Сборник постановлений..., 1877** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. 1877. Т. 5. С. 431–464.
- Слепенкова, 2000** – Слепенкова Е.А. Из истории женского среднего образования в России // *Педагогика*. 2000. № 9. С. 27–33.
- Сапрыкин, 2009** – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

[Федоров, Суздалева, 2016](#) – Федоров К.В., Суздалева Т.Р. Реальное образование в контексте исторического развития России во второй половине XIX — начале XX века // *Гуманитарный вестник*. 2016. № 5 (43). С. 1-19.

[Христофорова, 2002](#) – Христофорова Н.В. Российские гимназии XVIII-XX веков. М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 2002. 192 с.

[Христофорова, 1998](#) – Христофорова Н.В. Женские гимназии России // *Педагогика*. 1998. № 4. С. 81-86.

[Хабалева, 2016](#) – Хабалева Е.Н. Положение прогимназий в системе среднего образования Российской империи во второй половине XIX века (на примере Орловской губернии) // *Научный диалог*. 2016. № 1 (49). С. 261-270.

[ЦГА Москвы](#) – Центральный Государственный Архив Москвы.

References

[Boguslavskij, 2006](#) – *Boguslavskij, M.V.* (2006). Reformy rossijskogo obrazovaniya XIX-XX vv. kak global'nyj projekt [Reforms of Russian education in the XIX-XX centuries. as a global project]. *Voprosy obrazovaniya*. 3: 5-21. [in Russian]

[CGA Moskvy](#) – Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Moskvy [The Central State Archive of Moscow].

[Dneprov, 2011](#) – *Dneprov, E.D.* (2011). Rossijskoe obrazovanie v XIX - nachale XX v. [Russian education in the XIX – early XX centuries]. T. 2. Moskva. Marpos, 672 p. [in Russian]

[Dzhurinskij, Troshkova, 2020](#) – Dzhurinskij, A.N., Troshkova, N.V. (2020). Sravnitel'no-istoricheskij analiz stanovleniya klassicheskoj gimnazii v pervoj chetverti XIX veka: rossijskij i mirovoj opyt [Comparative historical analysis of the formation of the classical gymnasium in the first quarter of the XIX century: Russian and world experience]. *Obrazovanie i nauka*. 8(22): 135-161. [in Russian]

[Egorov, 1990](#) – *Egorov, A.D.* (1990). Gimnazicheskoe obrazovanie v Rossii (istoricheskij ocherk) [Gymnasium education in Russia (historical essay)]. Ivanovo: Inzh.-stroit. In-t, 96 p. [in Russian]

[Eremin, 2014](#) – *Eremin, A.I.* (2014). Ispytaniya zrelosti v rossijskoj klassicheskoj gimnazii: chinovniki, uchitelya, gimnazisty, dokumentaciya (konec XIX – nachalo XX vv.) [Maturity tests in the Russian classical gymnasium: officials, teachers, gymnasium students, documentation (late XIX – early XX centuries)]. *Novyi istoricheskij vestnik*. 40: 90-126. [in Russian]

[Fedorov, Suzdaleva, 2016](#) – *Fedorov, K.V., Suzdaleva, T.R.* (2016). Real'noe obrazovanie v kontekste istoricheskogo razvitiya Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka [Real education in the context of the historical development of Russia in the second half of the XIX — early XX century]. *Gumanitarnyi vestnik*. 5(43): 1-19. [in Russian]

[Ganelin, 1950](#) – *Ganelin, Sh.I.* (1950). Oчерki po istorii srednej shkoly v Rossii vtoroj poloviny 19 veka [Essays on the history of secondary schools in Russia in the second half of the 19th century]. M. uchpedgiza. Leningr. Otdelenie, 276 p. [in Russian]

[Habaleva, 2016](#) – *Habaleva, E.N.* (2016). Polozhenie progimnazij v sisteme srednego obrazovaniya Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka (na primere Orlovskoj gubernii) [The position of progymnasiums in the secondary education system of the Russian Empire in the second half of the XIX century (on the example of the Orel province)]. *Nauchnyj dialog*. 1(49): 261-270. [in Russian]

[Hristoforova, 1998](#) – *Hristoforova, N.V.* (1998). Zhenskije gimnazii Rossii [Russian Women's Gymnasiums]. *Pedagogika*. 4: 81-86. [in Russian]

[Hristoforova, 2002](#) – *Hristoforova, N.V.* (2002). Rossijskie gimnazii XVIII-XX vekov [Russian gymnasiums of the XVIII-XX centuries]. M.: Greko-lat. kab. Yu.A. Shichalina, 192 p. [in Russian]

[Kozlov, 2000](#) – *Kozlov, G.N.* (2000). «Образ жизни» otechestvennoj gimnazii konca XIX – nachala XX vv. [The “way of life” of the national gymnasium of the late XIX – early XX centuries]. *Pedagogika*. 6: 71-77. [in Russian]

[Percev, 2012](#) – *Percev, V.V.* (2012). Gimnazicheskoe obrazovanie v dorevolucionnoj Rossii do pervoj poloviny XIX veka [Gymnasium education in pre-revolutionary Russia until the first half of the 19th century]. *Koncept*. 12(16): 1-7. [in Russian]

[Percev, 2019](#) – *Percev, V.V.* (2019). Princip prochnosti znaniy v russkoj klassicheskoj gimnazii vtoroj poloviny XIX veka [The principle of the strength of knowledge in the Russian classical gymnasium of the second half of the XIX century]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 1: 133-137. [in Russian]

[Ponomareva, Horoshilova, 2008](#) – *Ponomareva, V.V., Horoshilova, L.B.* (2008). Mir russkoj zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII — nachalo XX veka. [The world of the Russian woman: upbringing, education, fate. 18th – early 20th centuries]. M.: Russkoe slovo, 352 p. [in Russian]

[Saprykin, 2009](#) – *Saprykin, D.L.* (2009). Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj imperii [The educational potential of the Russian Empire]. M.: IIET RAN, 176 p. [in Russian]

[Sbornik postanovlenij..., 1876](#) – Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya (1876). [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. SPb. T. 3 Pp. 1420-1469. [in Russian]

[Sbornik postanovlenij..., 1877](#) – Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. SPb. 1877. T. 5. Pp. 431-464. [in Russian]

[Slepenkova, 2000](#) – *Slepenkova, E.A.* (2000). Iz istorii zhenskogo srednego obrazovaniya v Rossii [From the history of women's secondary education in Russia]. *Pedagogika*. 9: 27-33. [in Russian]

[Vojtekhovskaya, 2013](#) – *Vojtekhovskaya, M.P.* (2013). Istoriya obshchego obrazovaniya v Rossii. [The history of general education in Russia]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 212 p. [in Russian]

Развитие гимназического классического образования во второй половине XIX века: опыт прошлого для настоящего

Алексей Александрович Фатьянов ^{a, *}, Николай Афанасьевич Машкин ^a,
Андрей Викторович Лосяков ^a, Анна Владимировна Филиппова ^a

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается система образования во второй половине XIX века. Авторы отмечают, что уровень образования указанного периода был на порядок выше некоторых европейских стран и считался одним из лучших в Европе. На основе анализа архивных документов и законодательства XIX века исследуется учебный процесс и хронология его изменения, а также расписание уроков, культура поведения учителей и учащихся, порядок проведения экзаменов в государственных и частных классических гимназиях. Выявляются основные достоинства и недостатки процесса гимназического образования того времени. Авторы приходят к выводу о том, что расцвет классического гимназического образования можно отнести к 1860–1870 годам, когда образование было бессловным, ученикам давалась оптимальная нагрузка для усвоения материала. Учебный процесс основательно контролировался как в государственных гимназиях, так и в частных, но в тоже время была и определенная свобода преподавания. Количество предметов и их виды способствовали всестороннему гармоничному развитию человека как личности и, в свою очередь, формировали его гражданскую идентичность.

Ключевые слова: гимназическое образование в XIX веке, классические гимназии, прогимназии, уставы гимназий и прогимназий, учебный процесс, расписание занятий, экзамены.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Fatyanov.AA@rea.ru (А.А. Фатьянов), Mashkin N.A.@rea.ru (Н.А. Машкин), Losyakov.AV@rea.ru (А.В. Лосяков), Filippova.AV@rea.ru (А.В. Филиппова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1373-1381
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1373

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Conditions and Prospects of Steamship Traffic on the Yenisei in the 19th century based on Materials from a Report by A.N. Gadalov

Evgeny A. Akhtamov ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^{a,b}, Tatyana V. Izluchenko ^{a,b}, Michail G. Tarasov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Since the inclusion of Siberian lands into the Russian state, the agricultural and industrial development of this region has been hampered by the lack of reliable transport communications. Rivers seemed to be the most accessible transport communications in the 19th century in Siberia, due to their large number, length, and proximity to places of economic activity of the population. Merchants and industrialists of the Yenisei province in the second half of the 19th century increasingly raised the issue of developing steamship traffic on the Yenisei – as a necessary condition for the successful economic and cultural development of the region. Also in the future, the issue of using the Northern Sea Route to enter foreign markets was considered: both European Russia and Europe itself. The object of study of this article is the ideas of the Yenisei merchants, outlined by A.N. Gadalov in a memo to the Minister of Finance on the most optimal form of organizing steamship traffic on the Yenisei. The authors note that the development of shipping companies was not possible without government assistance in the form of government benefits to compensate for a number of expenses of shipping companies, at least at the initial stage. This was due to the fact that private individuals could not alone cover the costs associated with the creation and maintenance of the shipping company. Further development of steamship communication required large capital investments, which towards the end of the 19th – beginning of the 20th centuries led to the emergence of partnerships and joint-stock shipping companies. The authors also noted the supposed strongholds of the waterway in the Kara Sea, and considered the factors that influenced the success of the voyage and the activities of the shipping company as a whole.

Keywords: Yenisei, Kara Sea, Northern Sea Route, merchants, shipping company, project, Minusinsk.

1. Введение

В XIX веке отсутствие надежного транспортного сообщения стало препятствием для енисейских промышленников и купцов, которым для дальнейшего развития предприятий было необходимо расширение рынков сбыта. Енисей, несмотря на достаточно сложные для судоходства условия, всегда являлся важнейшей транспортной артерией в регионе, открывал пути на мировые рынки. Во второй половине XIX века именно представители местного сообщества становились инициаторами развития транспортных коммуникаций, спонсируя проведение исследовательских экспедиций, поднимая проблемы развития транспортных компаний на правительственном уровне. Несмотря на то, что история развития судоходства на Енисее получила развитие в ряде научных работ, роль личного

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), tmg.nauka@yandex.ru (M.G. Tarasov)

вклада представителей местного сообщества в развитие транспортных связей региона нуждается в дополнительном освещении.

2. Материалы и методы

Для проведения исследования авторами был привлечен широкий круг источников. Основу исследования составили материалы докладной записки Александра Николаевича Гадалова, потомственного Почетного гражданина, министру финансов о необходимости создания срочного пароходства на Енисее и организации пароходных сообщений по Карскому морю между устьями Енисея и Печоры. Записка отражает взгляды представителей местного купеческого сословия на необходимость развития судоходства. В записке также предложены основополагающие принципы, на которых могло бы быть построено сотрудничество государственного и частного интересов. Материалы сибирского торгово-промышленного и справочного календаря позволили пополнить сведения о развитии судоходства на Енисее.

Работа основана на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Метод сравнительного анализа позволил сопоставить сведения из различных исторических источников, уточнить даты, важные для развития судоходства на Енисее, определить участников событий. Историко-генетический метод позволил изучить развитие парового судоходства на Енисее в динамике за период с 1880-х по 1890-е годы.

3. Обсуждение

Проблема транспортной доступности сибирских регионов неоднократно поднималась в работах исследователей. Стоит отметить, что авторами этих работ зачастую были непосредственные участники событий, путешественники, а также лица, активно способствовавшие развитию судоходства в регионе. М.К. Сидоров содействовал изучению Севера, организовывал экспедиции по Оби, Енисею и Карскому морю (Сидоров, 1864; Сидоров, 1881). А.М. Сибиряков во многом содействовал изучению Сибири, развитию судоходства, написал несколько работ, в том числе и крупных, о проблемах судоходства (Сибиряков, 1881; Сибиряков, 1894; Сибиряков, 1907). С.В. Востротин также указывал на важность речного сообщения для развития региона, занимался активной общественной деятельностью (Востротин, 1906). А.И. Вилькицкий являлся руководителем экспедиций по изучению рек Печора, Енисей, а также Карского моря. Результаты экспедиций, в том числе и по Енисею, были опубликованы (Вилькицкий, 1900).

В советский период проблема использования для навигации рек Сибири и Северного морского пути также сохраняла свою актуальность. Так, в работах А.Ф. Шольца рассматривалось значение Северного морского пути для внешней торговли Сибири (Шольц, 1921), в работе С.А. Рыбина рассмотрена история коммерческого судоходства по морям Северного Ледовитого океана (Рыбин, 1924). Также история коммерческих экспедиций была проанализирована в работах В.Ю. Визе (Визе, 1935; Визе, 1948). Крупным исследованием по истории полярных плаваний стала работа Д.М. Пинхенсона «Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма» (Пинхенсон, 1962).

В современной историографии интерес к проблеме судоходного использования Енисея и Северного морского пути по-прежнему остается высоким. В последние десятилетия появились крупные работы историков, посвященные судоходству в Енисейской губернии. Так, в трудах П.Н. Мешалкина была проанализирована роль сибирских купцов в развитии судоходства в енисейском регионе (Мешалкин, 1995, 2004). Также эти проблемы были рассмотрены в работе А.И. Погребняка «Купцы – предприниматели Енисейской губернии» (Погребняк, 2002). В 2011 году была опубликована работа А.Е. Гончарова «Освоение Северного морского пути: конец XIX – XX вв. История Северного морского пути в пореформенной России». Автор провел комплексный анализ истории коммерческих плаваний во второй половине XIX в. (Гончаров, 2011). Государственная тарифная политика как фактор, влиявший на развитие торговли в Приенисейском регионе, рассмотрена в статье О.М. Долидович, В.И. Федоровой, А.С. Жулаевой (Dolidovich et al., 2019). Опыт взаимодействия жителей Енисейской губернии с иностранными путешественниками проанализирован в статье Т.В. Грязнухиной и А.Г. Грязнухина (Gryaznukhina et al., 2020).

Работы зарубежных исследователей в большей степени посвящены Северному морскому пути. Так, история арктических экспедиций рассмотрена в работе В.Д. Миллса (Миллс, 2003). Исследование Э. Охузена и Дж. П. Ниелсена посвящено истории освоения Северного морского пути (Охузен, Ниелсен, 2022). В работе М. Скинера рассмотрен вклад Британской империи в освоение Северного морского пути (Скинер, 2008).

Таким образом, интерес к проблеме водного сообщения по сибирским рекам и Северному морскому пути остается неизменно высоким среди отечественных и зарубежных авторов.

4. Результаты

Вопрос о доступном вывозе промышленных товаров и природных богатств Сибири имел принципиальное значение для быстрого экономического развития региона. В своей записке министру финансов о необходимости создания на Енисее срочного пароходства А.Н. Гадалов писал:

«Если иностранцы утверждают, что Сибирь – золотое дно России, русское Перу и Мексика, то мы русские знаем, что она не только «золотое», но и неисчерпаемое дно, поистине способное обогатить Россию» (Гадалов, 1890: 3).

Действительно, по одному Енисею с его притоками, охватывающими речную область более чем в 3 млн квадратных километров, лежали неисчислимые, еще непочатые природные богатства. А.Н. Гадалов сопровождал записку краткой географической характеристикой Енисейского бассейна. Он отметил, что в Туруханском крае имеются огромные залежи медной и железной руды, каменного угля, графита превосходного качества, богатейшие золотые россыпи, которые, по имеющимся сведениям, не уступают Олекминским и Амурским россыпям. Вместе с тем эти природные богатства не эксплуатируются вследствие отдаленности их от тех населенных мест, откуда может быть доставлено все необходимое для промысла (от города Енисейска расстояние составляет около 2000 верст). А.Н. Гадалов отмечал, что этот край изобилует пушным зверем, рыбой и дичью. Однако, несмотря на все эти щедрые дары природы, население Туруханского края все-таки претерпевает лишения, а обитающие там инородцы за недостатком хлеба иногда погибают от голода (также бывают случаи людоедства, подобное дело разбиралось в 1888 году в Енисейском губернском суде) (Гадалов, 1890: 3). Между тем в верхней части Енисея расположен чрезвычайно плодородный Минусинский округ, с баснословно дешевым хлебом. При этом развитие хлебопашества останавливается вследствие отсутствия рынков сбыта. Насколько производительность сельского хозяйства может быть велика в одном только Минусинском округе, можно судить из того, что значительная часть занимаемого им пространства (105,775 квадратных верст) покрыта толстым слоем чернозема. Степи же этого округа производят превосходные травы, представляя лучшие, издревле славящиеся по все Сибири местности для скотоводства.

Минеральные богатства Минусинского округа также чрезвычайно значительны: россыпное золото, серебряноцинковые, медные и железные руды, каменный уголь. Весь этот округ прорезывается Енисеем, в который впадает в пределах округа множество рек, отчасти судоходных, но преимущественно сплавных (Гадалов, 1890: 3).

Рассматривая вопрос о причинах трудностей в хозяйственном развитии региона, А.Н. Гадалов отмечал, что корень проблемы не отсутствие предприимчивости. Напротив, если присмотреться к тяжким условиям существования местных промыслов и торговых предприятий, нельзя не усмотреть терпеливости и выносливости сибиряка, преодолевающего всевозможные затруднения, с которыми сопряжено каждое торгово-промышленное начинание. Существовали и капиталы, но и они были бессильны там, где, помимо прямых расходов на постройку предприятия, требовались более значительные побочные затраты, не соответствовавшие самым смелым расчетам относительно ожидаемых выгод. Эти побочные затраты обуславливались необходимостью налаживать особые для каждого предприятия способы сообщения с населенными местами для того, чтобы обеспечить предприятие надлежащим составом рабочих, всеми запасами и необходимыми орудиями производства.

Выход из сложившейся ситуации А.Н. Гадалов видел в создании срочного пароходства на Енисее: от города Минусинска до местечка Караул на расстоянии 3500 верст с заходом пароходов во все главные населенные места. Благодаря этому могли бы стать возможны будущие начинания без особых капитальных затрат и потерь времени, поскольку задуманные предприятия были бы обеспечены самым главным – своевременной доставкой на место всего необходимого для поддержки промысла. Для организации новых предприятий потребовались бы уже более скромные капиталы, затрачиваемые только на потребности самого дела, причем число меньших капиталов несравненно больше, и принадлежат они людям, которые займутся делом непосредственно, это обеспечит успех каждого начинания (Гадалов, 1890: 4).

Особая важность создания постоянного пароходного сообщения виделась в том, что оно могло существенно облегчить административное управление краем. Также в Туруханский край могли доставляться на пароходах арестантские партии, «отправляемые ныне за Иркутск, на 1500 и 2000 верст, пешком. Вообще, едва ли надо доказывать всю необходимость и благодетельность доступных быстрых и правильных сообщений по водному пути, прорезывающему Енисейский край на тысячи верст, на этом пути расположено почти все население края. Очевидно поэтому, то благотворное влияние, которое должно иметь на благосостояние всего населения края, срочное пароходство на главной его артерии» (Гадалов, 1890: 4).

Местное предпринимательское сообщество считало, что создание одного пароходства на Енисее не позволит полностью обеспечить сбыт всех товаров, производимых в Сибири. А.Н. Гадалов отмечал только особо ценные товары, такие, как меха, благородные металлы и немногие другие, имеют доступный путь на внутренние рынки России. Что же касается всей массы прочих грузов, включая хлеб, то возможность их вывоза из Сибири виделась в использовании Северного морского пути – через устье Енисея и Карское море.

К концу XIX века уже был накоплен определенный опыт плавания в северных водах, прежде всего иностранными компаниями. Особенно активными их исследовательские и, частично, коммерческие экспедиции стали в 1870-1880-х годах. Причины, которые не позволяли енисейскому купечеству активнее исследовать Северный морской путь, несмотря на всю его перспективность,

А.Н. Гадаловым объяснялись тем, что каждый из этих предпринимателей был озабочен своим собственным делом, которое возникло и обеспечивалось определенными выгодами при определенных условиях. Для развития судоходства в устье Енисея требовалось оторваться от своего устроенного предприятия и обратиться к новому, «выгоды которого, хотя и весьма значительные, обуславливались бы, однако, уже только одним морским путем» (Гадалов, 1890: 5). Для этого уже были бы необходимы не только затраты на средства передвижения грузов по Енисею и его притокам, но и еще более значительные затраты для вывоза их морским путем. При этом ввиду невозможности возместить расходы по приобретению и содержанию морских пароходов одним рейсом в иностранные порты и обратно основная задача по доставке грузов усложнялась бы новыми заботами по поиску заработка для этих пароходов в дальнем заграничном плавании. Организация такого сложного предприятия едва ли была бы под силу даже значительному по своим средствам товариществу или акционерному обществу, не говоря уже об отдельном лице. При этом А.Н. Гадалов отмечал, что даже если деятельность пароходства в Карском море будет успешной, его возможности по вывозу сибирских грузов будут ограниченными, а сам успех подобного пароходства возможен только при весьма значительном правительственном пособии. При этом существовал риск, что пароходство, располагая правительственной помощью, станет монополистом по вывозу грузов и тем самым не только не окажет благотворного влияния на возникновение новых грузов, но и может послужить едва ли не главным тормозом для этого.

При этом использование иностранных пароходных предприятий для вывоза сибирских товаров не представлялось заманчивым, так как в этом случае русский предприниматель попадал в зависимое положение от иностранцев, располагающих морским путем.

На основании этого А.Н. Гадалов приходил к выводу о необходимости особого пароходного предприятия, занятого исключительно морскими перевозками от берегов Сибири в отечественные и заграничные порты и обратно. На пути главную сложность представляло Карское море, требовавшее не только знания всех условий плавания, но также и судов специальной постройки. После Карских ворот, от западного берега Новой Земли и устья Печоры, дальнейший морской путь «не представляет ни особых трудностей, ни опасностей» (Гадалов, 1890: 6). Поэтому устройство местного на Карском море пароходства представлялось необходимым. Это пароходство должно было совершать если и не срочные, то обязательные рейсы по Карскому морю между устьями Енисея и Печоры. При этом плавание должно было осуществляться пароходами, предназначенными именно для этой цели. Выбор конечным пунктом этих рейсов устья Печоры был обусловлен тем, что оно находилось ближе к Карским воротам и Югорскому шару. Также устье Печоры имело преимущество в виде расположенных вблизи населенных пунктов, в частности село Куя, и, следовательно, наличия рабочей силы, необходимой для строительства и обслуживания складов для подвозимых с запада и востока грузов. При этом на Енисее такой склад следовало построить в месте Караул, выше Гольчихи.

Предполагалось, что со временем можно будет продолжить уже совершаемые пароходами Архангельско-Мурманского товарищества два рейса на Новую Землю до устья Печоры и увеличить число этих рейсов без захода на Новую Землю. В результате получилось бы создать сеть морских и речных сообщений с конечными пунктами в Минусинске, в портах Белого моря, Мурманского берега и Петербурга. А вместе с накоплением опыта навигации в Карском море стало бы возможным установить для рейсов приблизительную срочность.

Таким образом, представлялось, что для успешного развития морского сообщения Сибири с внешними рынками необходимо было создать срочное пароходство на Енисее, особое пароходство в Карском море, увеличить число рейсов, совершаемых пароходами Архангельско-Мурманского товарищества на Новую Землю, и продолжить их до Печоры.

При этом А.Н. Гадалов отмечал, что для того, чтобы пароходство на Енисее стало успешным, необходимо, чтобы в течение навигации его пароходы совершали не менее двенадцати рейсов вверх и вниз по реке. Для этого требовалось три стосильных парохода и один запасной меньших размеров. Сильные пароходы были необходимы ввиду условий плавания по Енисею, местами порожистого, а также для их возможного быстрого пробега вниз до Караула и обратно в Минусинск. Размер правительственного пособия за 12 срочных рейсов этих пароходов (до 7 000 верст каждый круговой рейс) определялся в размере 8 200 рублей за каждый рейс, а всего 98 400 рублей за все 12 круговых рейсов. Причем это пособие должно было выдаваться не сразу, а в течение нескольких лет (Гадалов, 1890: 7).

При учреждении срочного пароходства на Енисее считалось необходимым предоставить право бесплатного пользования местами для пристаней, так как в Сибири в тот период не только в городах, но и в селениях проявилось стремление облагать налогом каждое пришвартовывающееся судно.

К записке министру финансов А.Н. Гадалов приложил проект условий по содержанию срочного товаро-пассажирского пароходства на реке Енисей. Для этого А.Н. Гадалов обязывался иметь три стосильных парохода и один запасной меньших размеров. При этом пароходы должны быть достаточной прочности, приспособлены для пассажиров трех классов и грузов, с отдельной каютой для лица, сопровождающего почту, снабжены огнегасительными снарядами и спасательными

кругами. Все должно было быть в полной исправности. Это должны были засвидетельствовать лица, назначаемые енисейским губернатором.

Пароходы должны были совершать ежегодно между Минусинском и местом Караул двенадцать рейсов вниз и двенадцать вверх по реке. Взамен пункта Караул, по соглашению с енисейским губернатором, может быть избрано другое, которое оказалось бы более удобным. По проекту пароходы должны были совершать рейсы по расписаниям, утвержденным перед открытием навигации енисейским губернатором. Во всех пунктах захода пароходов А.Н. Гадалова должны быть отведены удобные места для пристаней, а в Карауле – также место, достаточное для устройства складов и мастерских. Устраиваемые в местах захода пристани должны содержаться в полной исправности и чистоте.

Плата, собираемая с пассажиров, не должна была превышать полторы копейки с версты для первого класса, одной копейки для второго класса, и половины копейки для третьего класса. Однако же взимаемая плата за груз не должна была превышать 1/30 копейки с пуда за версту для любого груза и 1/75 – для хлебного. Для казенных грузов размер этой оплаты понижался на 50 %. Таким же понижением в 50% пассажирской платы пользовались все чиновники, командированные по делам службы. Почта и сопровождающие ее лица перевозились бесплатно (Гадалов, 1890: 10).

В случае требования правительства А.Н. Гадалов должен был построить баржу для арестантов, причем плата за буксирование такой баржи определялась по особому соглашению с соответствующими правительственными учреждениями.

По проекту пароходам А.Н. Гадалова позволялось брать на буксир баржи с грузом, если это не нарушало расписание рейсов. Пароходство отвечало за целостность и сохранность принятых грузов и багажа как в пути, так и при погрузке и выгрузке. Однако за порчу и утрату, которые произошли от свойства упакованных вещей, а также вследствие аварии или крушения парохода пароходство ответственности не несло.

За каждый совершенный срочный рейс от Минусинска до Караула и обратно в Минусинск А.Н. Гадалов в течение нескольких лет должен был получать пособие от государства за каждый совершенный рейс в 8 200 рублей, а за 12 рейсов – 98 400 рублей (Гадалов, 1890: 10).

Эта плата должна была производиться А.Н. Гадалову из Красноярского казначейства по ассигнованию енисейского губернатора, которому предоставлялось удостоверение о совершенном рейсе за подписью капитана парохода с краткой выпиской из вахтенного журнала и с объяснением причин в случае невыполнения какого-либо пункта условий. За правильность и достоверность всех сведений, представляемых для получения правительственного пособия, ответственность нес А.Н. Гадалов.

Если по каким-либо независимым причинам (бури, обмеления, туман и т.д.) пароход опаздывал, не мог зайти в назначенный пункт или не мог дойти до конечного пункта, капитан парохода должен был составить об этом акт, засвидетельствованный подписями не менее трех пассажиров, находящихся на пароходе, для представления вместе с удостоверением о совершенном рейсе енисейскому губернатору.

В случае неприбытия парохода в назначенный срок в один из конечных пунктов без уважительной причины А.Н. Гадалов должен был быть подвергнут штрафу в 200 рублей за каждые просроченные сутки. Если же весь рейс не был выполнен совсем, то А.Н. Гадалов лишался платы за весь этот рейс.

При невыполнении А.Н. Гадаловым какого-либо из обязательств, налагаемых на него настоящими условиями, енисейский губернатор делал ему письменное предостережение с назначением срока для выполнения этого обязательства. Если и к назначенному сроку такое требование не выполнялось, это должно было быть доведено до сведения министра финансов, который или назначал новый срок для исполнения требования губернатора, или отказывал А.Н. Гадалову в дальнейшем правительственном пособии.

На всех пароходах, совершающих срочные рейсы по Енисею, должны были быть буфеты со всем необходимым для пассажиров продовольствием и по ценам, утвержденным по соглашению с А.Н. Гадаловым енисейским губернатором.

На каждом пароходе должна была быть особая книга для записывания в ней жалоб пассажиров. Эти жалобы должны были направляться на рассмотрение енисейскому губернатору.

А.Н. Гадалов был обязан руководствоваться всеми существующими правилами и правительственными распоряжениями о пароходстве, а также и теми, которые издавались в дальнейшем.

Проект устройства пароходства на Карском море в основополагающих принципах повторял проект пароходства на Енисее. Отличия состояли в том, что по проекту предполагалось спустить на воду два парохода вместимостью не менее 500 тонн со скоростью хода десять узлов в час. Конечные пункты пароходных рейсов предполагалось устроить между местом Караул и селом Куя, при этом пункты могли быть заменены на другие, если бы это оказалось более удобным.

При создании пароходства по Карскому морю государственная помощь считалась необходимым условием, поскольку частные лица не смогут в одиночку покрыть расходы, связанные с созданием и

обслуживанием пароходства. А.Н. Гадалов отмечал, что пособие для этого пароходства должно складываться из 10 % от капитала, затраченного на приобретение пароходов, 8 % – на погашение их стоимости (ввиду повреждений среди льдов необходимо повысить обычные 5 % погашения до 8 %), расходов по содержанию команд судов во время плавания и зимой, расходов на ремонт пароходов (Гадалов, 1890: 8). Только расходы на уголь, устройство складов, администрацию и на непредвиденные надобности могут быть оставлены на риск предпринимателя до тех пор, пока не будет накоплен необходимый опыт в течение нескольких лет работы пароходства (после этого условия получения помощи и ее размер могли быть пересмотрены). Также считалось, что впоследствии количество пароходов могло быть увеличено в соответствии с количеством требующего вывоза сибирского груза. Причем размер правительственного пособия мог быть уже значительно уменьшен.

Суда должны были быть приспособлены для плавания во льдах, а также застрахованы. При этом, если страховая компания отказывалась страховать пароходы по полной стоимости, допускалось страхование в той сумме, которая определялась страховым обществом. В связи с тем, что время начала и окончания навигации определить было невозможно, предполагалось начинать и заканчивать рейсы исходя из состояния моря. Для поощрения команды предполагалось установить процентное вознаграждение с фрахтового дохода.

Расчет стоимости пассажирских билетов был таким же, как и при плавании по Енисею, а стоимость перевозки грузов рассчитывалась исходя из следующего: громоздкие – не свыше 1/25 копейки, разные – не свыше 1/60 копейки, хлебные – не свыше 1/100 копейки с пуда за версту. За совершенные рейсы пароходство должно было получать пособие от правительства по 48 тыс. рублей за каждый пароход, а всего – 96 тыс. рублей сроком на 12 лет.

Стоит отметить, что к моменту составления докладной записки А.Н. Гадалов уже имел большой опыт владения пароходами. Еще в начале 1880-х годов он основал свое пароходство, купив пароход «Москва», пришедший в Енисейск с моря. Впоследствии А.Н. Гадалов купил второй пароход «Дальман», переименованный в «Дедушку». В 1883-1884 гг. им было открыто товарно-пассажирское движение вверх и вниз по Енисею от Красноярска. При этом рейсы совершались без расписания, по объявлениям, каждый раз расклеиваемых в витринах города (*Сибирский торгово-промышленный...*, 1897: 586).

В начале 1890-х годов А.Н. Гадалов, объединив капитал с другими купцами, приступил к созданию крупного пароходства на Енисее. Новое буксирно-пассажирское пароходство товарищества «А. Гадалов и Е. Жернаков» осуществляло навигацию по рекам Западной Сибири: Енисею, Оби и Иртышу. Тогда же министру финансов был представлен проект создания пароходства на сибирских реках. В последующем А.Н. Гадалов, выполняя правительственный заказ на перевозку железнодорожных рельсов для строящейся железной дороги, понес крупные потери: суда с рельсами затонули и поднимать рельсы А.Н. Гадалову пришлось практически за свой счет. Он понес крупные потери и для погашения долгов был вынужден распродать свои пароходы. Развивать судоходство на Енисее продолжили другие представители династии Гадаловых.

5. Заключение

Проект срочного пароходства на Енисее и пароходства в Карском море отражал надежды енисейских купцов и промышленников на сотрудничество с государственным капиталом. Стоит отметить, что подобные надежды имели под собой основания: на организацию и содержание пароходства в Сибири сильное влияние оказывали такие местные условия, как ограниченный срок навигации и достаточно сложные условия плавания. Это усложняло отдельным частным пароходоладельцам задачу по компенсации их затрат. Между тем даже в случае частичного осуществления эти проекты способствовали бы хозяйственному развитию региона. Вопрос о правительственных субсидиях частным пароходным компаниям в Енисейской губернии остается открытым и требует дальнейшего изучения. Однако стоит отметить, что потребность в крупных капиталовложениях для развития судоходства на Енисее привела к объединению частных капиталов и появлению товариществ и акционерных компаний.

Литература

Вилькицкий, 1900 – Вилькицкий А.И. Атлас реки Енисей от г. Енисейска до Енисейского залива / Сост. Гидрографической экспедицией под начальством подполковника А.И. Вилькицкого. Санкт-Петербург: Главное гидрографическое управление Морского министерства, 1900. 6 с.

Визе, 1935 – Визе В.Ю. История исследования Советской Арктики: Карское и Баренцево моря. Архангельск: Севкрайгиз, 1935. 233 с.

Визе, 1948 – Визе В.Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. Москва, Ленинград: изд. и тип. Изд-ва Главсевморпути, 1948. 416 с.

Востротин, 1906 – Востротин С.В. Наши водные пути в Сибирь: Северный морской торговый путь. Обь-Енисейский канал и внутренний водный транзитный путь. Санкт-Петербург: Тип. Альтшулера, 1906. 74 с.

- Гадалов, 1890 – Гадалов А.Н. Докладная записка его Высокопревосходительству Господину Министру Финансов о необходимости срочного пароходства по реке Енисей и пароходных сообщений по Карскому морю между устьями Енисея и Печоры. Москва: Типография Ф.И. Нейбургер, 1890. 14 с.
- Гончаров, 2011 – Гончаров А.Е. Освоение Северного морского пути: конец XIX – XX вв. История Северного морского пути в пореформенной России. Ламберт Академик Пабблишинг, 2011. 96 с.
- Мешалкин, 1995 – Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: Вторая половина XIX - начало XX в. Красноярск: Книжное издательство, 1995. 157 с.
- Мешалкин, Одинцова, 2004 – Мешалкин П.Н., Одинцова М.Н. Предприниматели Енисейской губернии (XIX – начало. XX в.). Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2004. 99 с.
- Пинхенсон, 1976 – Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Ленинград: Морской транспорт, 1962. 765 с.
- Погребняк, 2002 – Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, Красноярский гос. торгово-эконом. ин-т. Красноярск: Красноярский рабочий, 2002. 368 с.
- Рыбин, 1924 – Рыбин С. А. Северный морской путь из Европы к устьям Оби и Енисея, его экономическое значение для Сибири и степень использования в настоящее время. Новониколаевск: тип. Совсибирь, 1924. 88 с.
- Сибирский торгово-промышленный..., 1897 – Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. Томск, 1897. 692 с.
- Сибиряков, 1881 – Сибиряков А.М. Плавание парохода "Оскар Диксон" в 1880 году к устьям Енисея. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и Ко, 1881. 7 с.
- Сибиряков, 1893 – Сибиряков А.М. К вопросу о внешних рынках Сибири. О малоизвестных волоках Сибири. Санкт-Петербург: тип. газ. "Новости", 1893. 23 с.
- Сибиряков, 1907 – Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
- Сидоров, 1864 – Сидоров М.К. Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск: Тип. Губернского правления, 1864. 41 с.
- Сидоров, 1881 – Сидоров М.К. Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработке. Санкт-Петербург: Издание М. Сидорова, 1881. 241 с.
- Шольц, 1921 – Шольц Ф.А. Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири. Омск: Центральная типография, 1921. 67 с.
- Dolidovich et al., 2019 – Dolidovich O.M., Fedorova V.I., Zhulaeva A.S. Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 395-405.
- Gryaznukhina et al., 2020 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Belgorodskaya L.V. Historical stereotypes of foreign travelers about Russia in the 19th century // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 595-603.
- Mills, 2003 – Mills W.J. Exploring Polar Frontiers. Bloomsbury Publishing, 2003. 797 p.
- Nielsen, Okhuizen, 2002 – Nielsen J.P., Okhuizen E. From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Boston: Brill, 2022. 533 p.
- Skinner, 2008 – Skinner M. What we did for the Russians and What the Russians did for (some of) us. Lulu Press, 2008. 216 p.

References

- Dolidovich et al., 2019 – Dolidovich, O.M., Fedorova, V.I., Zhulaeva, A.S. (2019). Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War. *Bylye Gody*. 51(1): 395-405.
- Gadalov, 1890 – Gadalov, A.N. (1890). Dokladnaya zapiska ego Vysokoprevoskhoditel'stvu Gospodinu Ministru Finansov o neobkhodimosti srochnogo parokhodstva po reke Enisei i parokhodnykh soobshchenii po Karskomu moryu mezhdou ust'yami Eniseya i Pechory [Memorandum to His Excellency Mr. Minister of Finance on the need for urgent shipping along the Yenisei River and steamship communications along the Kara Sea between the mouths of the Yenisei and Pechora]. Moscow: Tipografiya F.I. Neiburger, 14 p. [in Russian]
- Goncharov, 2011 – Goncharov, A.E. (2011). Osvoenie Severnogo morskogo puti: konets XIX – XX vv. Istoriya Severnogo morskogo puti v poreformennoi Rossii [Development of the Northern Sea Route: the end of the 19th – 20th centuries. History of the Northern Sea Route in post-reform Russia]. LAP Lambert Academic Publishing, 96 p. [in Russian]
- Gryaznukhina et al., 2020 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Belgorodskaya, L.V. (2020). Historical stereotypes of foreign travelers about Russia in the 19th century. *Bylye Gody*. 56(2): 595-603.

- Meshalkin, 1995** – *Meshalkin, P.N.* (1995). Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskikh kuptsov-predprinimatelei: Vtoraya polovina XIX - nachalo XX v. [Patronage and charity of Siberian merchants-entrepreneurs: Second half of the 19th - early 20th centuries.] Krasnoyarsk: Book publishing house, 155 p. [in Russian]
- Meshalkin, Odintsova, 2004** – *Meshalkin, P.N., Odintsova, M.N.* (2004). Predprinimateli Eniseiskoi gubernii (XIX - nachalo. XX v.) [Entrepreneurs of the Yenisei province (XIX - early XX centuries)]. Krasnoyarsk: Sibirskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 99 p. [in Russian]
- Mills, 2003** – *Mills, W.J.* (2003). Exploring Polar Frontiers. Bloomsbury Publishing, 797 p.
- Nielsen, Okhuizen, 2002** – *Nielsen, J.P., Okhuizen, E.* (2022). From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Boston: Brill, 533 p.
- Pinkhenson, 1976** – *Pinkhenson, D.M.* (1962). Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma [The problem of the Northern Sea Route in the era of capitalism]. Leningrad: Morskoi transport, 765 p. [in Russian]
- Pogrebnyak, 2002** – *Pogrebnyak, A.I.* (2002). Kuptsy-predprinimateli Eniseiskoi gubernii [The merchants are the entrepreneurs of the Yenisei province]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya i trgovli Rossiiskoi Federatsii, Krasnoyarskii gos. trgovno-ekonom. in-t. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii rabochii, 368 p. [in Russian]
- Rybin, 1924** – *Rybin, S.A.* (1924). Severnyi morskoi put' iz Evropy k ust'yam Obi i Eniseya, ego ekonomicheskoe znachenie dlya Sibiri i stepen' ispol'zovaniya v nastoyashchee vremya [The Northern Sea Route from Europe to the mouths of the Ob and Yenisei, its economic significance for Siberia and the degree of use at present]. Novonikolaevsk: Publishing House «Soviet Siberia», 88 p. [in Russian]
- Sibirskii trgovno-promyshlennyi..., 1897** – Sibirskii trgovno-promyshlennyi i spravochnyi kalendar' na 1897 god [Siberian trade, industrial and reference calendar for 1897]. Tomsk, 692 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1881** – *Sibiryakov, A.M.* (1881). Plavanie parokhoda "Oskar Dikson" v 1880 godu k ust'yam Eniseya [Voyage of the steamship "Oscar Dixon" in 1880 to the mouth of the Yenisei]. Sankt-Peterburg: Publishing House «V. Bezobrazov and Co», 7 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1893** – *Sibiryakov, A.M.* (1893). K voprosu o vneshnikh rynkakh Sibiri. O maloizvestnykh volokakh Sibiri [On the issue of foreign markets of Siberia. About the little-known portages of Siberia]. Sankt-Peterburg: Publishing House «News», 23 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1907** – *Sibiryakov, A.M.* (1907). O putyakh soobshcheniya Sibiri i morskikh snosheniyakh ee s drugimi stranami [About the routes of communication between Siberia and its maritime relations with other countries]. Sankt-Peterburg: tip. M.M. Stasyulevicha, 199 p. [in Russian]
- Sidorov, 1864** – *Sidorov, M.K.* (1864). Proekt kuptsa Sidorova o zaselenii Severa Sibiri putem promyshlennosti i trgovli i o razvitiu vneshnei trgovli Sibiri [The project of the merchant Sidorov on the settlement of the North of Siberia through industry and trade and on the development of foreign trade in Siberia]. Tobol'sk: Tip. Gubernskogo pravleniya, 41 p. [in Russian]
- Sidorov, 1881** – *Sidorov, M.K.* (1881). Sever Rossii. O gornyykh ego bogatstvakh i prepyatstviyakh k ikh razrabotke [North of Russia. About its mountain riches and obstacles to their development]. Sankt-Peterburg: Publishing house «M. Sidorov», 241 p. [in Russian]
- Shol'ts, 1921** – *Shol'ts, F.A.* (1921). Severnyi morskoi put' i ego znachenie vo vneshnem tovaroobmene Sibiri [The Northern Sea Route and its significance in the external trade of Siberia]. Omsk: Central Printing House, 67 p. [in Russian]
- Skinner, 2008** – *Skinner, M.* (2008). What we did for the Russians and What the Russians did for (some of) us. Lulu Press, 216 p.
- Vil'kitskii, 1900** – *Vil'kitskii, A.I.* (1900). Atlas reki Eniseya ot g. Eniseiska do Eniseiskogo zaliva [Atlas of the Yenisei River from the city of Yeniseisk to the Yenisei Bay]. Sost. Gidrograficheskoi ekspeditsiei pod nachal'stvom podpolkovnika A.I. Vil'kitskogo. Sankt-Peterburg: Glavnoe gidrograficheskoe upravlenie Morskogo ministerstva, 6 p. [in Russian]
- Vize, 1935** – *Vize, V.Yu.* (1935). Istoriya issledovaniya Sovetskoi Arktiki: Karskoe i Barentsevo morya [History of exploration of the Soviet Arctic: Kara and Barents Seas]. Arkhangelsk: Sevkraigiz, 233 p. [in Russian]
- Vize, 1948** – *Vize, V.Yu.* (1948). Morya Sovetskoi Arktiki: Ocherki po istorii issledovaniya [Seas of the Soviet Arctic: Essays on the history of research]. Moscow, Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 416 p. [in Russian]
- Vostrotin, 1906** – *Vostrotin, S.V.* (1906). Nashi vodnye puti v Sibir': Severnyi morskoi trgovyi put'. Ob'-Eniseiskii kanal i vnutrennii vodnyi tranzitnyi put' [Our waterways to Siberia: Northern sea trade route. Ob'-Yenisei Canal and internal water transit route]. Sankt-Peterburg: Publishing House of Altshuler, 74 p. [in Russian]

Условия и перспективы пароходного сообщения на Енисее в XIX веке (по материалам докладной записки А.Н. Гадалова)

Евгений Александрович Ахтамов ^{a,*}, Денис Николаевич Гергилев ^{a,b},
Татьяна Владимировна Излученко ^{a,b}, Михаил Георгиевич Тарасов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

Аннотация. Со времени включения сибирских земель в состав Российского государства сельскохозяйственное и промышленное развитие этого региона сдерживалось отсутствием надежных транспортных коммуникаций. Наиболее доступными транспортными коммуникациями в XIX веке в Сибири представлялись реки ввиду их многочисленности, протяженности, близости к местам хозяйственной деятельности населения. Купцы и промышленники Енисейской губернии во второй половине XIX века все чаще поднимали вопрос о развитии пароходного сообщения на Енисее как необходимого условия для успешного хозяйственного и культурного развития региона. Также в перспективе рассматривался вопрос об использовании Северного морского пути для выхода на внешние рынки как европейской России, так и самой Европы. Объектом изучения данной статьи являются представления енисейского купечества, изложенные А.Н. Гадаловым в докладной записке министру финансов, о наиболее оптимальной форме организации пароходного сообщения на Енисее. Авторы отмечают, что развитие пароходных компаний не представлялось возможным без государственной помощи в виде правительственных пособий на компенсацию ряда расходов пароходных компаний. Это было связано с тем, что частные лица не могли в одиночку покрыть расходы, связанные с созданием и обслуживанием пароходства. Дальнейшее развитие пароходного сообщения требовало крупных капиталовложений, что к концу XIX – началу XX вв. привело к появлению товариществ и акционерных пароходных компаний. Также авторами отмечены предполагаемые опорные пункты водного пути в Карском море, рассмотрены факторы, влиявшие на успешность плавания и деятельность пароходства в целом.

Ключевые слова: Енисей, Карское море, Северный морской путь, купечество, пароходство, проект, Минусинск.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), tmg.nauka@yandex.ru (М.Г. Тарасов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1382-1393
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1382

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Quasi-Police of the Counties of the Transcaspian Region in the Russian Empire During the Fight against Robberies and Banditry

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of one of the main problems of the establishment of Russian power during the gradual occupation by the Russian Empire of the territory of settlement of Central Asian peoples - the establishment of peace and security, both in the Transcaspian region and throughout Central Asia. At the same time, historical sources eloquently testify to the opposition to this policy of a significant number of organized gangs engaged in raids, robberies, robberies, threatening the peaceful and submissive part of the local population. Since regular police institutions were still being planned in the counties of Transcaspia at the beginning of the 20th century, the district administration of the region, which performed military, police and economic functions, was forced to form quasi-police units in order to ensure law and order. This approach in the Transcaspian region led to the recruitment of the county guard mainly from freelance Turkmen cavalymen (dzhigits) who were well aware of regional extreme conditions, the national language, traditions and customs of the Turkmen. The assignment of police duties to regular military personnel was recognized as untenable not only due to their ignorance of the language and way of life of the local population, but also the complete inconsistency of the military ranks being sent to perform basic police duties, due to the desire of the military command to get rid of those who were unsuitable for combat service, or, more often, violated military discipline. However, the recruitment of police guards from Turkmen horsemen, with all the side difficulties, did not help solve another, no less important problem of combating robberies and robberies - to establish the activities of criminal investigation, inquiry and investigation bodies on the periphery of the counties of the Transcaspian region, the recruitment of which required the involvement of qualified specialists – true fighters against especially serious mercenary and violent crimes.

Keywords: Transcaspian region, Alaman, gangs, city police, county quasi-police, Turkmen, horsemen, search, investigation, inquiry.

1. Введение

Закаспийская область Российской империи была учреждена 6 (18) мая 1881 г., став своеобразным итогом восьмидесятитрехлетнего продвижения России к восточному побережью Каспийского моря и далее вглубь земель, заселенных туркменскими племенами и казахами адаевского рода. Окончательное оформление этого выгодного геополитического для России края произошло в 1890 г. ([Закаспийская область, 1890–1907: 89](#)). Его военно-административным центром стал город Асхабад (в настоящее время г. Ашгабат – столица современного государства Туркменистан) (см. [Рисунок 1](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

Рис. 1. Карта Закаспийской области Российской империи

Тридцать первого января 1890 г. был утвержден геральдический символ Закаспийской области – герб этой административно-территориальной единицы, находившейся в ведении Военного министерства Российской империи. Область простиралась между восточными берегами Каспийского моря, западными границами Хивинского ханства и Бухарского эмирата, граничила на севере с Уральской областью, на юге – с Афганистаном и Ираном. До октября 1920 года область делилась на пять уездов – Асхабадский, Тедженский, Красноводский, Мервский, Мангышлакский, которые, в свою очередь, делились на аульские общества. Некоторые уезды в силу неоднородной этнографической специфики делились еще и на приставства. Протяженность области составляла 501 698 кв. верст (535 430 кв. км), что значительно превышало по площади многие губернии центральной части дореволюционной России. В настоящее время территория бывшей Закаспийской области составляет большую часть независимого государства Туркменистан¹.

На территории области с приходом русских в кратчайшие сроки были конкретизированы права и обязанности местного населения, создана иерархия органов исполнительной власти, учреждена на основе российской модели судебная система. Несмотря на эти значимые цивилизационные изменения, наиболее непокорные представители туркменских племен дезорганизовывали мирную жизнь разбойничьими набегами, что потребовало от областной администрации наладить в срочном порядке функционирование уездной квазиполиции, нацеленной на ликвидацию подобных и других негативных явлений. Однако материальные, кадровые, организационные и иные трудности как на местном, так и на центральном уровне мешали оперативному решению этого вопроса.

2. Материалы и методы

С целью выявления специфических черт функционирования государственного механизма Российской империи, ее институтов, деятельности военных, правоохранительных и иных органов

¹ В октябре 1920 г. Мангышлакский уезд, большую часть населения которого составляли казахи, был передан в состав Киргизской АССР. Ныне это территория Мангистауской области Казахстана.

применительно к Закаспийской области были использованы материалы ГА РФ – Государственного архива Российской Федерации (фонд 102, Москва, Российская Федерация); РГВИА – Российского государственного военно-исторического архива (фонды ВУА, 400, 400-И, 8310, Москва, Российская Федерация); РГИА – Российского государственного исторического архива (фонд 1683, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ЦГАТ – Центрального государственного архива Туркменистана (фонды 1, 97, 141, Ашхабад, Туркменистан); ЦГА КР – Центрального государственного архива Кыргызской Республики (фонд И-46, Бишкек, Кыргызстан). Согласно этим и другим материалам, эффективность деятельности местных органов управления в Закаспии зависела от учета криминальной обстановки, местных условий, родовых обычаев и традиций коренного населения, близости влияния афгано-иранского и кавказского факторов и т.д. Так, например, традиция доимперского периода (поклонение единоличной власти туркменских ханов) стала основанием для установления военно-народного (имперского) управления, осуществлявшегося по специальному положению ([Временное положение...](#), 1892), не исключавшего применения норм обычного (адатного) права туркмен.

Применение конкретно-исторического и системного методов исследования в отношении архивных материалов, нормативных правовых актов Российской империи, отдельных изданий дореволюционной печати позволило сделать вывод о прогрессивном влиянии российской правовой культуры на коренное население, постепенное осознание вредности и невыгодности отдельных национальных обычаев. Если с самого начала образования Закаспийской области (1881 г.) общероссийские законы распространялись на пришлое население (крестьяне-переселенцы, рабочие, торговцы и прочие), а коренное население следовало нормам обычного (адатного) права ([ЦГАТ. Ф. 1, Оп. 2. Д. 4187. Л. 39, 43](#)), то после реформирования судебно-правовой системы в Закаспии из ведения местных судов были изъяты и переданы в подсудность российских судов дела об аламанстве (туркм.: «ал» – возьми, «аман» – добро, – национальный обычай, сопровождавшийся регулярными набегами на территории соседних государств, а также чужих племен в целях разбоя, грабежа), «кровной мести», саморасправе, насильственном захвате имущества и др. Принцип коллективной (родоплеменной) ответственности и защиты в крае сменился индивидуальной ответственностью за совершенные преступления. Однако до полного умиротворения Закаспийской области, как и всего Туркестана, было еще далеко. Показатели роста организованных разбоев и грабежей (набегов) со стороны криминальной части коренного населения свидетельствовали о недостаточности административно-полицейских мер в борьбе с этими преступлениями ([Отчет по ревизии...](#), 1910: 184-185).

3. Обсуждение

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса об организации деятельности уездной квазиполиции Закаспийской области, отметим определенную тенденциозность в некоторых иранских сочинениях ([Реза-кули-хан, 1938](#)) и хивинских хрониках ([Мунис и Агехи, 1938: 401, 502-503](#)), некритически подхваченную отдельными европейскими исследователями. В этих трудах туркменский этнос изображался криминальным явлением, для которого на протяжении веков главным источником выживания служили разбойничьи набеги. Так, по мнению иранского сановника XIX столетия Риза-кули-хана, туркмены никогда не утруждали себя хлебопашеством, что служило основой процветания цивилизованных стран, а все время проводили в набегах, существуя от продажи пленных на невольничьих рынках Кокандского, Хивинского ханств и Бухарского эмирата ([Реза-кули-хан, 1938: 87](#)). Эти и подобные им рассуждения в работах других «знатоков Туркмении», таких, как венгерский востоковед А. Вамбери, русский этнограф П.С. Васильев, стали основанием возведения аламана в ранг главного занятия туркмен не только по причине скудности закаспийской природы, но и врожденной склонности к разбойной жизни. Такие подходы подменили подлинное изучение фактов и не имели ничего общего с национальным характером туркменского народа ([Вамбери, 1863; Васильев, 1888: 6-8](#)).

Составители сборника архивных материалов «Россия и Туркмения в XIX в.», советские историки А.Г. Соловьев и А.А. Сенников решительно возражали против стремления объявить аламану основным занятием закаспийских туркмен ([Россия и Туркмения...](#), 1946). Однако и они не удержались от неверных позиций, попытавшись, хотя и не явно, оправдать набеги, инициировав тем самым справедливую критику в свой адрес на страницах журнала «Вопросы истории» ([Халфин, 1948](#)). Значительная неточность была допущена также советским востоковедом А.И. Акатовой, которая предприняла попытку объявить аламану справедливой национально-освободительной войной туркменского народа против имперского произвола, несмотря на исторические факты грабежа и работоторговли ([Акатова, 1950](#)). Были среди исследователей и те, кто грабежи и вымогательства связывал с малой эффективностью земледелия и скотоводства, ростом калыма (выкупа за невесту), пытался «причислить» аламану не столько к преступлениям, сколько к военному искусству, удалству, доблести смелого и свободолюбивого туркменского народа, не терпящего рабства и не прощающего обид ([Андреев, 1902](#)).

Несомненно, все эти источники на протяжении длительного времени требовали критического осмысления, но при сопоставлении дали исторической науке убедительный, неопровержимый материал. Так, академик Академии наук ТССР А.А. Росляков, проанализировал около двухсот набегов, нашедших отражение в архивных материалах, включая их изображение в туркменских преданиях,

произведениях классиков туркменской поэзии XV-XIX вв. (Махтум-Кули, Молла-Непес, Кемине), показаниях очевидцев и других источниках. Не называя грабительские набеги сугубо «туркменским делом», ученый причислил их к пережиткам прошлого многих патриархально-феодалных обществ, будь то туареги Сахары, бедуины Аравии, горцы Кавказа, скандинавские мореходы (Росляков, 1950). К наиболее масштабным аламанам, но под другими названиями, некоторые ученые советской поры относили и крестовые походы королевств Западной Европы, и нашествия монгольских полководцев (Чингиз-хан, Батый) (Карпов, 1931). Следует отметить, что и сами туркмены подвергались набегам со стороны иранских и афганских бандформирований. Исторические труды авторов этих государств сообщают об уничтожении целых туркменских аулов, истреблении и обращении в рабство туркменского населения независимо от пола, возраста, общественного положения. При таких последствиях аламаны туркменами совершались как акты мести, в целях освобождения угнанных в плен родственников, возвращения отнятого имущества или возмещения нанесенного ущерба (Хайтлиев, 1986: 174, 232).

Анализ исторических источников позволил подробно изучить вопрос об истоках, характере, социальной сущности аламанства. Однако для правильной оценки его затяжного, труднопреодолимого характера понадобились и сведения о методах противодействия этому социальному злу, что оказалось сложно ввиду ограниченности исторических свидетельств. Среди доступных для анализа источников имеются Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом (Отчет по ревизии..., 1910), а также отдельные статьи современных авторов. Об этом свидетельствует, в частности, учреждение в 1907 г. Туркестанского Районного охранного отделения (ТРОО) в г. После событий 1905–1907 гг. в России, наблюдался рост панисламизма, пантюркизма, иностранного шпионажа в преддверии Первой мировой войны (Литвинов, 2014; Хутарев-Гарнишевский, 2022 и другие).

4. Результаты

Согласно Временному положению об управлении Закаспийской областью, (ст. 21) в уездах Закаспия административно-полицейские и судебные функции возлагались на уездных начальников, осуществлявших общее управление уездом. Кроме того, они контролировали, а иногда и председательствовали при разборе судебных дел народными (адатными) судьями, которые, как и сельские управители, избирались из коренного населения. Другими словами, обязанности уездных исправников Империи исполнялись российскими уездными начальниками на основании общих для уездной полиции правил настолько, насколько эти правила соответствовали местным условиям (Временное положение..., 1892). Сосредоточение всех ветвей власти в одних уездных руках было обусловлено необходимостью создания за короткий промежуток времени нового режима государственности в отсталых среднеазиатских окраинах Российской империи.

Каждому из уездных начальников области, должности которых занимали исключительно военные чины, для содействия в исполнении не только полицейских, но и иных обязанностей полагалось только по одному помощнику. Кроме того, согласно ст. 32 этого Положения, к выполнению полицейских и распорядительных функций в волости привлекались местные управители, в основные обязанности которых входило наблюдение за сохранением спокойствия и порядка в волости, немедленное прекращение всякого буйства и драки, надзор за исполнением законов и приказаний начальства и т.д.

Нижних чинов полиции или полицейской стражи в уездах Закаспия не было, следовательно, в области не было и полиции безопасности, а борьба с преступностью нуждалась в особой организации, финансовой поддержке и кадровом обеспечении. Между тем, кроме уездных городов Асхабада и Красноводска, в которых царили законность и правопорядок, в Мангышлакском, Тедженском, Мервском уездах, согласно статистическим данным, растущим с каждым годом явлением стали грабежи и разбои (по-местному «аламаны») (Отчет по ревизии..., 1910: 184-185). Так, из 167 дел, направленных в 1907 г. в следственные органы, 28 дел относились к Мервскому уезду, остальные дела были посланы полицией города Мерва в Асхабад. Борьба с преступностью уездному начальству было сложно из-за отсутствия профессиональной полиции или специализированной стражи. Несмотря на развитие в Закаспии земледелия и переход большей части населения к мирному оседлому образу жизни, часть склонного к грабежу кочевого населения подрывало гарантии национальной безопасности и стабильности в области, о чем свидетельствовали исторические параллели: присоединение к Российской империи Казанского ханства, Кавказа и всей Средней Азии (РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 22).

Туркменская конная милиция области (см. Рисунок 2), дислоцированная на западе Ашхабада (пос. Кеши) (Высочайше утвержденное..., 1887: 63-64) и выступавшая как воинское подразделение в ранге дивизиона, занятая охраной приграничных постов, Закаспийской военной железной дороги и другими обязанностями (РГВИА. Ф. 400. Д. 43. 1881. Л. 1; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6948. 1885. Л. 1; ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 28), при всех дарованных ей преимуществах и привилегиях (РГВИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 995. 1911. Л. 42-42(об); РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1459. Л. 17) не всегда могла оперативно прибыть по приказу уездной администрации. Данный факт усиливал необходимость содержать на местах

дополнительные квазиполицейские силы, обеспечивая, таким образом, общественный порядок и спокойствие на периферии.

Рис. 2. Туркменский милиционер. Фотография из журнала «Разведчик». 11 июля 1900 г. № 508

Несмотря на то что аламанство на территориях проживания туркмен никогда не носило массового (национального) характера, из переписки за 1907 г. начальника Мангышлакского уезда с начальником Закаспийской области было выявлено, что на Мангышлаке в течение короткого времени сформировалась разбойничья банда в составе 50 человек, члены которой в зависимости от масштаба и трудности планируемого набега осуществляли грабежи либо отдельными группами, либо совместно. В любом случае они всегда наводили панику на население, угоняли лошадей и верблюдов, грабили торговые караваны и паломников. Дислоцируясь в центральной части Усть-Урта (степи, лежащей между Аральским и Каспийским морями), банда практически полностью парализовала всякое сообщение Хивы с берегами Каспийского моря и Уральской областью ([Отчет по ревизии..., 1910: 184](#)). По причине отсутствия регулярной полиции и соответствующего военного оснащения уездная администрация была не в состоянии прекратить грабежи и разбои. Уездный начальник, сообщая об этом, просил о командировании на Усть-Урт казачьего подразделения из Аму-Дарьинского отдела, но разрешения от руководства области не получил. Вместо этого для исполнения полицейских функций было предложено воспользоваться пехотинцами из Форта-Александровского – административного центра Мангышлакского уезда. Пехоту рекомендовалось отправить в специальную экспедицию, посадив на верблюдов¹. Однако подобное предложение было явно невыполнимым. Русские пехотинцы, в отличие от аламанщиков, не умели выживать в сложных пустынных условиях: общаться с местным населением из-за незнания языка, довольствоваться водой редких полусохших колодцев, ориентироваться на местности, вести бой в темноте. Снабжение их верховыми лошадьми также не привело бы к успеху. Пехотинцы не владели даже простейшими приемами рубки и джигитовки. Таким образом, от посылки российских военных из Александровского форта пришлось отказаться.

¹ В различных изданиях отмечается удивительная дисциплинированность и выносливость этих животных в пустынных условиях. Верблюды по команде погонщика могут вставать и ложиться. Они крайне чувствительны к надвигающейся опасности и своим специфическим хрипом могут предупреждать об этом.

Действуя по обстоятельствам, начальник Мангышлакского уезда, воспользовавшись имевшимися в управлении остатками денежных сумм для содержания рассыльных-курьеров, подрядил на эти средства туркмен-кавалеристов (джигитов), включив в их состав волостных управителей и аульных старшин. Организованный таким образом отряд из 20 человек отправился в степь на ликвидацию банды. В результате этого похода было схвачено 11 конокрадов, переданных по возвращении джигитов народному суду. Однако никого из главарей и активных участников банды задержать или ликвидировать не удалось ([Отчет по ревизии..., 1910: 184-185](#)).

Экскурс в историю становления и развития Закаспийского края свидетельствует о том, что до занятия этого региона русскими аламаны служили для туркмен одним из источников выживания. Действительно, крайне скудная туркменская земля даже в случае настойчивого и тяжелого труда не могла прокормить большую часть своего населения ([РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 99. 1881. Л. 18](#)) да и соблазн скорой и легкой добычи от грабежа был непомерно велик. Набеги зачастую производились на Персидские владения (северные и северо-восточные провинции Хорасана), Афганистан. Временами банды вторгались в Мерв (Репетекская дорога). Нередко брались в плен и русские подданные, занимавшиеся торговлей или рыболовством на восточном побережье Каспийского моря. Поскольку русские пленники ценились значительно выше азиатов, это подталкивало туркмен к нападению на русских подданных, которые при поощрении Коканда, Хивы и Бухары, крупнейших центров работоторговли, пользовались на невольничьем рынке особым спросом. Заинтересованность этих ханств в столь специфическом товаре привела к тому, что некоторые из туркмен стали монопольными поставщиками русских невольников. Но чаще всего аламанчики не делали различий между чужими народами и своими туркменскими племенами. Сарыки нападали на салыров, текинцы – на иомудов и гоклан; гокланы и иомуды из жажды наживы и мести также не оставались друг перед другом в долгу; племя эрсари, проживавшее на территории Бухарского эмирата, нападало на кочевья Мерва. Однако любой туркменский набег чаще всего приписывался текинцам – наиболее воинственному и многочисленному туркменскому племени ([Записки..., 1880](#)).

Считая себя абсолютными хозяевами степей и пустынь, аламанчики не знали пределов своему хищничеству и жестокости. Ими угонялся скот, отбиралось имущество, уводились в плен мирные жители (см. [Рисунок 3](#)). Пленные мужчины, как наиболее «ходкий товар», после продажи на невольничьих рынках обращались в рабство, женщины либо брались аламанчиками в жены, либо делались наложницами (кырнах). Нераспроданных пленных аламанчики оставляли себе для «личного пользования» или отпускали, получив от родственников значительный выкуп. Один или два раба могли служить денежным эквивалентом при уплате за жену-туркменку (калым) ([Морозова, 1949: 68-70](#)).

Рис. 3. Возвращение с аламана
Источник: [Гродеков, 1883](#)

В начале XX века вследствие учреждения Закаспийского пограничного надзора и отчасти трудностей в организации и подготовке к набегам крупных отрядов аламаны туркмен существенно сократились, особенно в отношении внутренних территорий Персии. Вместе с тем аламанчики стали грабить персидских подданных вблизи границы в тот момент, когда «неверные шииты» (персы) появлялись на российской (закаспийской) территории по торговым, ремесленным, подрядным или иным

делам. Постепенно аламанчики стали совершать грабительские набеги и на внутренние территории Закаспийской области, от чего страдали не только персы и русские переселенцы, но и свои же туркмены.

В самом конце 1902 г. некоторые банды перешли под управление беспринципных и вероломных вождей. Согласно данным ревизии графа К.К. Палена, в Тедженском уезде в 1902 г. была сформирована шайка под предводительством Рамазина-Бербери. В 1908 году в Тедженском уезде было зарегистрировано пять разбойных нападений, в результате которых было угнано 170 овец, 100 голов крупного рогатого скота, 18 верблюдов. Участились случаи разбойных нападений, отличавшихся цинизмом и особой жестокостью. В 1904 году трех ограбленных туркмен недалеко от Серакса разбойники, после длительных пыток огнем, живыми зарыли в землю. В 1905 году число разбойных нападений в Тедженском уезде достигло шести. В результате было угнано 25 верблюдов, убит один пастух и двое ранены. В 1906 году последствиями трех разбойных нападений стали угон 12 верблюдов, отъем 800 рублей у афганских подданных. В 1907 году во время пяти разбойных нападений было угнано 34 верблюда. В 1908 году в Тедженском уезде было зафиксировано четырнадцать разбойных нападений, угон 3 500 голов скота ([Отчет по ревизии..., 1910: 186](#)).

Аламаны совершались разбойниками, как правило, на отборных породистых верховых лошадях. Бандиты, одетые в ватные халаты, с огромными овечьими папахами на головах были вооружены трехлинейными винтовками Мосина, пистолетами системы Маузер и Браунинг, изогнутыми клычками (саблями). Повсюду на рынках они имели своих осведомителей, а по дороге, ведущей в Хиву, организовывали этапные и передаточные пункты для снабжения своих отрядов продовольствием и фуражом. Разбойники значительно превосходили в вооружении силы уездной квазиполиции, и, даже спустя двадцать лет после образования Закаспийской области, охотников практически безнаказанно поаламанить было значительно больше по сравнению с теми, кто им противостоял. Так, например, в распоряжении Тедженского уездного начальника имелось всего лишь три туркмена-кавалериста. Волостные управители и аульные старшины, рапортовавшие начальству о неуловимых преступниках, зачастую не могли выполнять правоохранительных полицейских функций. Большинство из них не держало в руках даже охотничьего ружья, а перед боевым оружием испытывало неподдельный страх. Местное кочевое и оседлое население, страдавшее от разбоев, охотно бы выдало властям грабителей, но, зная, что администрация не в состоянии гарантированно их защитить, опасалось мести как со стороны разбойников, так и их родственников, и не оказывало уездной администрации помощи ([Хуснутдинова, 2016](#)).

Такое ненормальное положение в Закаспии было отмечено генерал-губернатором Туркестанского края П.И. Мищенко в предписании от 18 ноября 1908 г. №14 на имя начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта М.Д. Евреинова: «Из представленных Вами ведомостей о происшествиях видно, что за последнее время значительно увеличилось во вверенной Вам Области число грабежей и разбойных нападений, причем в большинстве случаев эти грабежи и разбойные нападения производятся вооруженными шайками. Вполне признаю, что крайняя ограниченность чинов полиции в городах и отсутствие полицейской стражи в уездах затрудняет борьбу с развивающимися грабежами и разбоями, но вместе с тем нахожу, что и при этих условиях возможно, при более энергичных действиях соответствующих чинов администрации и путем принятия мер, указанных в ст. 816 общ. учр. губ. т. II свод. зак., изд. 1892 года, если, не совсем искоренить разбойничьи шайки, то довести число их до минимума и ограничить деятельность их до таких пределов, чтобы случаи разбоев и грабежей представлялись явлением исключительным, а не обычным, как это происходит теперь. Необходимо прибегнуть к содействию самого населения. В нескольких местах представители его сделали мне заявление, что они сами укажут известных им неблагонадежных людей, занимающихся разбоем и укрывательством. Сообщая об этом для соответствующих распоряжений, прошу, о последующем мне донести» ([Отчет по ревизии..., 1910: 190](#)).

Следует отметить, что принятые со стороны уездной администрации всевозможные меры против грабежей и разбоев были бесполезны. Так, наиболее успешную деятельность развернула администрация Тедженского уезда. С помощью сформированных отрядов из джигитов и добровольцев-лезгин, способных участвовать в продолжительных погонах и перестрелках, в 1908 году была уничтожена банда под предводительством наиболее «дерзкого разбойника» Ай-Логды. Однако, когда уездная администрация обратилась к начальнику Закаспийской области, генерал-лейтенанту М.Д. Евреинову с просьбой об отчислении ей средств для найма еще шестерых специально обученных джигитов, ей из-за экономии средств в этом было отказано.

Граф К.К. Пален, производивший ревизию полиции безопасности Туркестанского края в 1908–1909 гг., наряду с организационно-кадровыми проблемами в ее деятельности назвал и другие причины распространения грабежей и разбойных нападений в уездах и приставствах Закаспийского края ([Отчет по ревизии..., 1910: 190](#)). При этом сама констатация Паленом этих причин способствовала формулировке мер по их возможному преодолению.

1. Неудовлетворительное состояние охраны государственных границ Российской империи на территориях, сопредельных с Афганистаном и Персией.

На границе с Афганистаном в Пендинском приставстве нередко происходили стычки с местным населением из-за угона скота. Афганские солдаты, разыскивая угнанный афганский скот и тех, кто

его похитил, самовольно переходили границы российской территории. В случае же необнаружения угнанного скота они хватали скот, принадлежавший непричастным к краже туркменам. Участились случаи, когда афганские солдаты, схватив мирных туркмен российского подданства, казнили их на российской границе. Афганской властью такие экспедиции объявлялись «карательными». Однако в обстановке даже непрерывной пограничной бдительности со стороны было невозможно определить, кто нападал, а кто совершал «ответный» набег или преследование (Росляков, 1955: 42).

Чтобы минимизировать подобные случаи и одновременно не усложнять российско-афганские отношения, руководство области пошло на увеличение пограничной стражи из местных джигитов, препятствующей переходу афганцами границы. Однако такая мера, на наш взгляд, не могла находиться только в компетенции администрации Закаспийской области, а зависела от мероприятий центральной власти, в числе которых было не только усиление кадрового состава пограничной службы и переориентация ее на выдворение афганских солдат, но и пресечение тайного перехода аламанщиками российских границ.

В других уездах Закаспийской области, в том числе Мангышлакском, деятельность пограничной стражи осложнялась топографией края (масштабностью расстояний, безлюдьем и безводьем), а в южных районах области – близостью персидской границы, где необузданные своей дерзостью преступники всегда находили приют у соплеменников. Потворствовали аламану и персидские чиновники (ильханы) пограничных северных и северо-восточных провинций Ирана, особенно страдавших от набегов туркмен. Оставляя подвластное им население на произвол судьбы, ильханы безмерно богатели, получая от шаха значительные суммы, льготы и прочие выгоды для поддержания боевой готовности вооруженных сил, способных сдерживать «вероломных туркмен». Маскируя под аламан собственные хищения, ильханы не гнушались вступать с туркменами в тайные соглашения и нередко приглашали разбойников напасть на персидские селения для «сбора богатой жатвы» (Андреев, 1902: 130).

Особо отметим и то, что, несмотря на охрану российских рубежей, в Закаспии в начале XX столетия совместными усилиями военных, полицейских и таможенных служб специальное внимание к проблеме ликвидации особо опасных преступников оставалось в ведении Военного министерства. Об этом свидетельствует Инструкция командующего войсками Туркестанского военного округа пограничной страже от 2 марта 1892 г., подробно конкретизировавшая порядок пресечения пограничниками действий вооруженных лиц вплоть до ликвидации в случае сопротивления (ЦГА КР. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 9). Изучение инструкции приводит к выводу о том, что Военное министерство, принимавшее столь решительные и масштабные меры, рассчитывало только на себя, поскольку не было заинтересовано во внедрении крупного контингента сил Департамента полиции МВД в связи с конкуренцией с этим ведомством.

Положение на российских границах усугублялось также близостью к области и повышенной транзитностью через Каспийское море «кавказского региона», кишевшего разного рода бандами (РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3772. Л. 38-380б.). Трудности в охране закаспийских границ без реализации общих успешных проектов и международной поддержки по архивным данным лишь обострились в более поздние времена (ЦГАТ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 145).

2. Служебная загруженность туркменских кавалеристов (джигитов). Исполнение ими наряду с полицейскими их функций и иных обязанностей.

Несмотря на то, что при уездных управляющих имелось некоторое количество джигитов¹, вооруженных револьверами и шашками, получавших жалованье от 300 до 860 рублей в год при собственном снаряжении и лошадях, содержавшихся на личные деньги, они зачастую исполняли свои прямые обязанности в качестве рассыльных (курьеров) и дежурных при их уездных начальниках, помощниках и приставах. Нередко кавалеристы-туркмены командировались в помощь старшинам туркменских селений для сбора податей и сопровождения должностных лиц при поездках по уезду. Иногда они заменяли проводников, служили для охраны порядка при пересчетах кибиток, исполняли требования о приводе обвиняемых и свидетелей, командировались в помощь волостными управителями при производстве розыска по уголовным делам и только в исключительных случаях посылались для совместных действий с джигитами соседних уездов и приставств для ликвидации аламанов.

При столь ничтожном вознаграждении уездные джигиты неизбежно и почти повсеместно были поставлены перед необходимостью искать себе средства к существованию незаконными способами, чему в значительной мере способствовал широкий круг их обязанностей, делавших их для местной (низовой) администрации и населения «нужными за определенную плату людьми». Последствиями такого «привилегированного» положения джигитов стали постоянные и основательные жалобы на незаконные с их стороны поборы и притеснения. Возложение же обязанностей в уездах по несению полицейской службы на русских военных было в самом начале образования Закаспийской области признано несостоятельным вследствие полнейшего несоответствия командированных воинских чинов к исполнению элементарных полицейских функций. Главная причина – стремление военного

¹ При Мангышлакском уездном управлении – 22, при Красноводском – 6, при Мервском – 6, при Асхабадском – 12. Содержались частично на земские суммы, частично – на общественные.

командования избавиться таким образом от тех, кто был непригоден к строевой службе, или нарушал воинскую дисциплину вплоть до аморальных поступков.

3. Неудовлетворительное состояние сыскного (розыскного) дела.

Как правило, розыск преступников и их обезвреживание поручалось местной администрации (волостным управителям и сельским старшинам), что не приводило к должному результату.

По причине ограниченных средств государственной казны, сопротивления Военного министерства внедрению на подведомственных ему территориях представительств Департамента полиции МВД розыскное дело в уездах практически не развивалось. В Мангышлакском уездном управлении имелся всего один тайный агент, получавший жалование в качестве джигита. В Красноводском уезде с 1905 по 1908 гг. в распоряжение уездного начальника на сыскное дело было отпущено всего 168 рублей. По известным причинам прибегать к помощи местных доморожденных «сыщиков» – изчи (туркм. от «из» (след) – человек, занимающийся поиском похищенного скота за вознаграждение, установленное адатом (обычаем) – в борьбе с аламанством уездное руководство не могло.

В Асхабадском уезде осуществление секретных розысков было возложено на полицмейстера г. Асхабада. Ему и Мервскому уездному начальнику ежегодно начислялось всего 50 рублей на содержание агентуры. Этих денег катастрофически не хватало для привлечения к службе нужных лиц, оперативно сообщавших важные сведения (ГА РФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 21, 22).

Списки же поднадзорных (неблагонадежных) лиц в уездных управлениях не велись, хотя эти обязанности возлагались на участковых и городских приставов. Только в Мангышлакском уездном управлении проверявшему чиновнику была предъявлена книга, в которой оказались записанными лица, сосланные как по приговорам суда, так и в административном порядке (Отчет по ревизии..., 1910: 189).

4. Некомпетентность и несвоевременность в действиях органов дознания и расследования преступлений.

В случае отсутствия на местах следственных органов дознание и следственные действия в городах производили участковые приставы – офицеры, прошедшие только военную подготовку. Выезд следователя на место преступления осуществлялся чрезвычайно редко. В Каракалинском приставстве, как и в других местах Закаспийской области, не производилось даже вскрытие трупов. Уездный врач проживал в г. Красноводске, а заведующий местным военным лазаретом – в г. Каракала. И тот, и другой отказывались выезжать на место происшествия, ссылаясь на невозможность покинуть клинику и лазарет, где под наблюдением находились больные. По этим причинам пристав совместно с местным фельдшером производил лишь первоначальный наружный осмотр трупов на месте их обнаружения.

О несвоевременности производства дознания можно судить из следующего примера, описанного в отчете Сенатора К.К. Палена. В октябре 1908 г. в Красноводском уездном управлении было получено известие о том, что в песках местечка Аджи-Гири было совершено убийство туркмена Ходжаева. Уездный начальник, поручив производство дознания своему помощнику, одновременно известил следователя и товарища прокурора об убийстве. Из-за того, что до места происшествия от станции железной дороги было более 90 верст (примерно 96 км), помощник уездного начальника послал туда туркмена-кавалериста с целью собрать на станции нужных для дознания людей. Поскольку джигит приказа не понял, то направил в г. Красноводск всех свидетелей этого убийства. В Красноводске очевидцы были допрошены помощником уездного начальника, который так и не осмотрел места происшествия. После этого дознание было передано следователю. Возникшая затем переписка между следователем и уездным начальником по вопросу, кто из чинов полиции будет сопровождать его в поездке на место происшествия, затянулась до ноября (Отчет по ревизии..., 1910: 189).

Если в уездах преступления совершались в период отсутствия на местах местной администрации, производство дознания еще более затягивалось. При таких условиях, если материалы дела и поступали на рассмотрение суда, то с большим опозданием. К тому времени между сторонами чаще всего наступало примирение, в связи с чем добиться от свидетелей правдивых показаний суду становилось чрезвычайно сложно. При недостаточности улик большая часть убийств и других преступлений, совершенных в степях Закаспийской области, оставались нерасследованными. Частные лица и сельская администрация предпочитали скрывать преступления, чем выезжать за сотни верст в различные судебные инстанции для дачи показаний.

Таким образом, некомпетентность и несвоевременность в действиях органов дознания и следствия приводили к тому, что эти органы не только не достигали своей главной цели (предоставление суду достоверных и полных доказательств виновности (невиновности) тех или иных лиц), но и вызывали у населения чувство недоверия к администрации, правосудию и самим принципам законности и правопорядка Российской империи.

5. Заключение

Изучение деятельности уездной квазиполиции на территории Закаспийской области позволило заключить, что объединение в руках уездной администрации полицейских и административных функций в законе и на практике, а также решение тех хозяйственных задач, что осуществлялись в центральных губерниях органами самоуправления, привели на территориях расселения туркмен к

неблагоприятным результатам в противодействии аламанству. В уездах Закаспийской области сложилась настоятельная необходимость в скорейшей организации профессиональных полицейских учреждений как низшей, так и высшей юрисдикции с учетом условий, характерных для местных уездных особенностей. Однако частое соприкосновение туркмен с русскими полицейскими неминуемо создало бы почву для недовольства населения русскими (колониальными) порядками и могло бы привести к подрыву авторитета имперской власти.

Начальники уездов и приставств перекаладывали исполнение своих обязанностей на волостных управителей и сельских старшин, оставлявших их зачастую невыполненными. Было бы целесообразным этим помощникам по полицейской части, в свою очередь, подчинить особых делопроизводителей, наладив тем самым процесс досудебного производства, избавив саму уездную администрацию от рутинной переписки.

Не менее важным было бы посредством согласованных санкций со стороны Военного министерства и министра внутренних дел увеличить количество и содержание, получаемое теми, кто выполнял полицейские (охранные) функции. При этом норма обеспечения уезда джигитами и их денежное содержание должны были исчисляться не только исходя из количества населения, но и на основе точных сведений о размерах отдельных сельских районов и приставств. Однако комплектование полицейской стражи из благонадежных джигитов-туркмен не помогло бы решить другую, не менее важную проблему борьбы с грабежами и разбоями – налаживание в уездах Закаспия деятельности органов дознания и следствия, комплектование которых требовало привлечения настоящих профессионалов, специалистов по борьбе с особо тяжкими, корыстно-насильственными преступлениями.

Нерешенность задач силами квазиполиции, противодействовавшей аламанству, акцентирование внимания профессиональной полиции на решении проблем, связанных с борьбой с политической преступностью, привели в конечном итоге к перерождению аламанства в затяжное басмачество (от турск. «басма» – «налет», «нападение»), продемонстрировавшего еще больший охват, организованность, сопротивление и деструктивность, ответственность за ликвидацию которого взяли на себя большевики при советской власти.

Литература

- Акатова, 1950** – Акатова А.И. Туркменские племена накануне присоединения к России // *Известия Туркменского филиала АН СССР*. 1950. № 5.
- Андреев, 1902** – Андреев А.П. Туркменский аламан (эскиз) // *Исторический вестник*. Т. LXXXIX, № 7. СПб, 1902.
- Бахтиаров, 1926** – Бахтиаров Х-Г. Аламань // *Туркменская искра*. 3 декабря 1926.
- Вамбери, 1865** – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана чрез Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. СПб, 1865. 221 с.
- Васильев, 1888** – Васильев П.С. Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее: (Историко-географические очерки Закаспийской области) / (Соч.). СПб., 1888. 100 с.
- Временное положение..., 1892** – Временное положение об управлении Закаспийской области // *Свод Законов Российской империи*. Т.2. 4.1. СПб., 1892.
- Высочайше утвержденное..., 1887** – Высочайше утвержденное Положение о Туркменской милиции Закаспийской области. 15 февраля 1885 года // *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание третье (ПСЗРИ-3). Т. 5. СПб., 1887. № 2747.
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гродеков, 1883** – Гродеков Н.И. Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. V. СПб., 1883. Ч. 3.
- Закаспийская область, 1890-1907** – Закаспийская область / Большой энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890-1907.
- Записки..., 1880** – Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. IX. Тифлис, 1880.
- Карпов, 1931** – Карпов Г.И. Аламань // *«Туркменоведение»*. 1931. № 5-6.
- Литвинов, 2014** – Литвинов П.П. Об образовании розыскных пунктов департамента полиции МВД в Туркестане начала XX века (по архивным, правовым и иным материалам) // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2014. Т. 14, № 9. С. 63-70.
- Морозова, 1949** – Морозова А.С. К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. // *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*. М.: 1949. Вып. 6.
- Мунис и Агехи, 1938** – Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-икбаль. (МИТТ, II, М.-Л., 1938).
- Отчет по ревизии..., 1910** – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. СПб., 1910. 221 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.

[Реза-кули-хан, 1938](#) – *Реза-кули-хан. Сафарат-намэ-и-Хорезм // Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. II. АН, 1938.

[Росляков, 1955](#) – *Росляков А.А. Аламань // Советская этнография*. 1955. № 2.

[Россия и Туркмения..., 1946](#) – *Россия и Туркмения в XIX в. Сборник документов*. Ашхабад, 1946.

[Хайтлиев, 1986](#) – *Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен /Под. ред. П.Ф. Повелицыной*. Ашхабад, 1986. 234 с.

[Халфин, 1948](#) – *Халфин Н. Россия и Туркмения в XIX в. // Сборник документов (рецензия) // Вопросы истории*. 1948. № 10.

[Хуснутдинова, 2016](#) – *Хуснутдинова Л.Г. Туркмены в Республике Башкортостан*. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2016. 150 с.

[Хутарев-Гарнишевский, 2022](#) – *Хутарев-Гарнишевский В.В. Скандал в охранном ведомстве. К становлению русского сыска в Туркестане в 1907–1909 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2022. № 2(29). С. 6-24. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-6-24

[ЦГА КР](#) – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.

[ЦГАТ](#) – Центральный государственный архив Туркменистана.

References

[Akatova, 1950](#) – *Akatova, A.I. (1950). Turkmenskie plemena nakanune prisoadineniya k Rossii [Turkmen tribes on the eve of joining Russia]. Izvestiya Turkmenskogo filiala AN SSSR*. 1950. № 5. [in Russian]

[Andreev, 1902](#) – *Andreev, A.P. (1902). Turkmenskii alaman (eskiz) [Turkmen alaman (sketch)]. Istoricheskii vestnik*. Т. LXXXIX. № 7. SPb. [in Russian]

[Bakhtiarov, 1926](#) – *Bakhtiarov, Kh-G. (1926). Alamany [Alamans]. Turkmenskaya iskra*. 3 dekabrya. [in Russian]

[GA RF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

[Grodekov, 1883](#) – *Grodekov, N.I. (1883). Poezdka gen. sht. polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu) [Trip of General Staff Colonel Grodekov from Samarkand through Herat to Afghanistan (in 1878)]. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. V. SPb. Ch. 3. [in Russian]

[Karpov, 1931](#) – *Karpov, G.I. (1931). Alamany [Alamans]. Turkmenovedenie*. 5-6. [in Russian]

[Khaitliev, 1986](#) – *Khaitliev, A. (1986). Ugolovnoe obychnoe pravo turkmen [Criminal customary law of the Turkmen]. Pod. red. P.F. Povelitsynoi*. Ashkhabad, 234 p. [in Russian]

[Khalfin, 1948](#) – *Khalfin, N. (1948). Rossiya i Turkmeniya v XIX v. [Criminal customary law of the Turkmen]. Sbornik dokumentov (retsenziya). Voprosy istorii*. 10. [in Russian]

[Khusnutdinova, 2016](#) – *Khusnutdinova, L.G. (2016). Turkmény v Respublike Bashkortostan [Turkmens in the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Ufimskii gosudarstvennyi neftyanoi tekhnicheskii universitet*, 150 p. [in Russian]

[Khutarev-Garnishevskii, 2022](#) – *Khutarev-Garnishevskii, V.V. (2022). Skandal v okhrannom vedomstve. K stanovleniyu russkogo syska v Turkestane v 1907–1909 gg. [A scandal in the security department. Towards the formation of the Russian detective in Turkestan in 1907-1909]. Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovanií*. 2(29): 6-24. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-6-24 [in Russian]

[Litvinov, 2014](#) – *Litvinov, P.P. (2014). Ob obrazovanii rozysknykh punktov departamenta politsii MVD v Turkestane nachala KhKh veka (po arkhivnym, pravovym i inym materialam) [On the formation of search points of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs in Turkestan at the beginning of the twentieth century (according to archival, legal and other materials)]. Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*. 14(9): 63-70. [in Russian]

[Morozova, 1949](#) – *Morozova, A.S. (1949). K voprosu o rabstve u turkmen v XIX v. [To the issue of slavery among the Turkmen in the XIX century]. Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. М. Vyp. 6. [in Russian]

[Munis i Agekhi, 1938](#) – *Munis i Agekhi (1938). Firdaus-ul'-ikbal' [Firdaus-ul-iqbal]. (MITT, II, М.-Л.)*. [in Russian]

[Otchet po revizii..., 1910](#) – *Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoi po Vysochaishemu poveleniyu Senatorom Gofmeisterom Grafom K.K. Palenom [Report on the audit of the Turkestan region, carried out by the Highest order of Senator Chamberlain Count K.K. Palen]. SPb., 1910. 221 p.* [in Russian]

[Reza-kuli-khan, 1938](#) – *Reza-kuli-khan (1938). Safarat-name-i-Khorezm [Safarat-nameh-i-Khorezm]. Materialy po istorii turkmen i Turkmenii*. Т. II. АН. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian state military historical archive].

[Roslyakov, 1955](#) – *Roslyakov, A.A. (1955). Alamany [Alamans]. Sovetskaya etnografiya*. 2. [in Russian]

Rossiya i Turkmeniya..., 1946 – Rossiya i Turkmeniya v XIX v. [Russia and Turkmenistan in the XIX century]. Sbornik dokumentov. Ashkhabad, 1946. [in Russian]

TsGA KR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki [Central State Archive of Kyrgyzstan].

TsGAT – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Turkmenistana [The Central State Archive of Turkmenistan].

Vamberi, 1865 – *Vamberi, A.* (1865). Puteshestvie po Srednei Azii. Opisanie poezdki iz Tegerana chrez Turkmenskuyu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo morya v Khivu, Bukharu i Samarkand, sovershennoi v 1863 g. [A journey through Central Asia. Description of a trip from Tehran across the Turkmen steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand, made in 1863]. SPb., 221 p. [in Russian]

Vasil'ev, 1888 – *Vasil'ev, P.S.* (1888). Akhal-Tekinskii oazis, ego proshloe i nastoyashchee: (Istoriko-geograficheskie ocherki Zakaspiiskoi oblasti) [Akhal-Tekin oasis, its past and present: (Historical and geographical sketches of the Transcaspian region)]. (Soch.). SPb., 100 p. [in Russian]

Vremennoe polozhenie..., 1892 – Vremennoe polozhenie ob upravlenii Zakaspiiskoi oblasti [Temporary regulation on the administration of the Transcaspian region]. Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. T.2. 4.1. SPb., 1892. [in Russian]

Vysochaishe utverzhdennoe..., 1887 – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o Turkmenskoj militsii Zakaspiiskoi oblasti. 15 fevralya 1885 goda [The most highly approved Regulation on the Turkmen Militia of the Transcaspian region]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e (PSZRI-3). T. 5. SPb., 1887. № 2747. [in Russian]

Zakaspijskaya oblast', 1890-1907 – Zakaspijskaya oblast' [Transcaspian region]. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1890–1907. [in Russian]

Zapiski..., 1880 – Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Kn. IX. Tiflis, 1880. [in Russian]

Квазиполиция уездов Закаспийской области Российской империи в борьбе с грабежами и бандитизмом

Илья Исакович Аминов ^{a,*}

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается изучению одной из главных проблем утверждения русской власти при постепенном занятии Российской империей территории расселения центрально-азиатских народов – водворению спокойствия и безопасности как в Закаспийской области, так и на всей территории Средней (Центральной) Азии. При этом исторические источники красноречиво свидетельствуют о противодействии этой политике значительного количества организованных банд, промышлявших набегами, грабежами, разбоями, работорговлей, угрожавших мирной и покорной части местного населения. Поскольку регулярные полицейские учреждения в начале XX столетия в уездах Закаспия еще только намечались, уездная администрация края, выполнявшая военную, полицейскую и хозяйственную функции, в целях обеспечения законности и правопорядка была вынуждена формировать квазиполицейские подразделения. Данный подход в Закаспийской области привел к комплектованию уездной стражи преимущественно из вольнонаемных кавалеристов-туркмен (джигитов), хорошо знавших региональные экстремальные условия, национальный язык, традиции и обычаи туркмен. Возложение же обязанностей несения полицейской службы на кадровых военных было признано несостоятельным не только вследствие незнания ими языка и жизненного уклада местного населения, но и полного несоответствия командируемых воинских чинов к исполнению элементарных полицейских обязанностей по причине стремления военного командования избавиться таким образом от тех, кто был непригоден к строевой службе или нарушал воинскую дисциплину. Однако комплектование полицейской стражи из туркмен-джигитов при всех побочных трудностях не помогло решить другую, не менее важную проблему борьбы с грабежами и разбоями – наладить на периферии уездов Закаспийской области деятельность органов уголовного розыска, дознания и следствия, комплектование которых требовало привлечения квалифицированных специалистов – истинных борцов с особо тяжкими, корыстно-насильственными преступлениями.

Ключевые слова: Закаспийская область, аламан, бандформирования, городская полиция, уездная квазиполиция, туркмены, джигиты, розыск, следствие, дознание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1394-1406
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1394

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Socio-Political and Cultural Life of the Ukrainian-Ruthenian Population of the Austro-Hungarian Empire on the Pages of the Journal “Kievskaya Starina”

Sergey I. Degtyarev ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

This article is devoted to the study of the information capabilities of the monthly journal “Kiyevskaya starina” in studying various aspects of the history of the Ukrainian-Rusyn population of the Western Ukrainian territories that were part of the Austro-Hungarian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The journal was published in the Ukrainian lands of the Russian Empire in 1882–1906. A large number of materials related to Ukrainian-Rusyn themes were published on its pages. Most often, these are essays and short articles about the social, political and cultural life of the Rusyns of Galicia, Bukovina, Transcarpathia and those who emigrated to the countries of Latin and North America. In addition, the journal contains scientific research of a historical and ethnographic nature, reviews of works devoted to Ukrainian-Rusyn themes, or reviews of Rusyn literature.

These publications were grouped into several thematic areas, which were identified as the most promising for research based on the materials of the journal “Kiyevskaya starina”. The main ones are: self-organization of Ukrainian-Rusyns abroad; socio-economic situation of the Ukrainian population of Galicia, Bukovina, Transcarpathia in the late 19th – early 20th centuries; the struggle of Rusyns for their cultural, national, political rights; historiography of the history and culture of Rusyns on the pages of “Kiyevskaya starina”, etc.

Keywords: “Kiyevskaya starina”, historical source, Ukrainians, Rusyns, education quality, education policy, urbanization, cultural heritage, legal identity for all, effective institutions, ethnic conflicts.

1. Введение

Роль журнала «Киевская старина», издаваемого в конце XIX – начале XX веков, в украинской историографии чрезвычайно высокая. Это был независимый научный журнал, на страницах которого вышло множество исследований ученых, изучавших различные аспекты украинской истории и культуры. Тематический спектр этих работ был очень широк (Палієнко, 2005: 87-96). В частности, несколько десятков публикаций были посвящены украинско-русинскому населению, различным сторонам его жизни на западноукраинских землях, а также за границей. Авторы в основном освещали их культурную и общественно-политическую жизнь. Из их работ не всегда понятно, различают ли они понятия «русин» и «украинец», «русинский» и «русский». Но чаще эти термины используются все же как синонимичные.

В данной работе мы не будем затрагивать этот дискуссионный вопрос, а будем использовать термины «русины», «украинцы-русины», «русины-эмигранты» и другие как тождественные. Наше исследование носит источниковедческий и отчасти историографический характер, а его целью является обзор материалов, опубликованных в «Киевской старине» и посвященных украинско-русинской тематике.

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

2. Материалы и методы

Сама по себе заявленная нами исследовательская цель указывает на то, что основным источником, использованным в данной работе, является массив номеров журнала «Киевская старина». Журнал позиционировался как историко-этнографический и литературный, издавался в течение 1882–1906 годов в Киеве. Инициаторами его издания выступили представители украинской интеллигенции в Киеве (организация «Старая громада»). Подавляющее большинство материалов об украинцах-русинах на страницах журнала были опубликованы в период 1896–1905 годов и лишь некоторые из них датированы 1880-ми – началом 1890-х годов. Опубликованные материалы можно сгруппировать по нескольким тематическим направлениям:

- Очерки об общественной и политической самоорганизации украинско-русинского населения (как у себя на родине, так и на чужбине);
- Историко-этнографические работы о русинах и обзоры русинской литературы;
- Обзоры культурной жизни украинцев-русинов (в том числе освещались проблемные вопросы развития языка, просвещения и т.д.).

Стоит отметить, что часть указанных материалов «Киевской старины» являются републикациями (перепечатками) из других периодических изданий Российской и Австро-Венгерской империй («Санкт-Петербургские ведомости», «Рассвет», «Діло» и другие). Некоторые из них дополнялись редакторскими комментариями или пояснениями.

К методологическому инструментарию предлагаемой статьи нами были отнесены различные методологические принципы и исследовательские методы научного познания. Из числа основных принципов, использованных нами, прежде всего, стоит выделить принципы историзма, объективности, системности. Они позволили избежать ряда возможных ошибок и просчетов, достичь целостности исследования. Были учтены объективные закономерности, определявшие процессы культурного и общественно-политического развития украинцев-русинов на западноукраинских землях и вдали от родины. Кроме того, нами был использован принцип исторического антропологизма, позволивший сделать акцент на гуманистической сути статьи. Центральным ориентиром работы является сообщество людей, объединенных по этническому признаку и являющееся носителем определенных ценностей.

Среди исследовательских методов наиболее результативно были использованы историко-сравнительный и типологический. Они позволили проанализировать широкую палитру материалов «Киевской старины», посвященных украинско-русинской тематике, а также классифицировать их по общим признакам.

3. Обсуждение

Украинско-русинская тематика неоднократно становилась предметом исследования ученых – историков, этнографов, лингвистов. Один из наиболее известных исследователей русинской тематики Павло-Роберт Магочий посвятил множество своих работ этому вопросу (Магочій, 2015). Хотя в ряде его трудов можно заметить определенную политическую заангажированность, особенности «русинского» движения в различных регионах Центральной и Восточной Европы, США, Канады достаточно глубоко проанализировал Л. Белей (Белей, 2017). В данном тематическом поле работали также С. Суляк, С. Мовчан, С. Качараба, М. Клопова, О. Монич (Мовчан, Качараба, 1990; Суляк, 2004; Клопова, 2016; Мопуч, 2021) и многие другие ученые.

Вероятно, наиболее разносторонне русинская и украинско-русинская проблематика освещена на страницах тематического журнала «Русин». Это статьи лингвистического, этнографического, исторического характера. В частности, это работы, посвященные различным аспектам русинской истории XIX – начала XX веков (Суляк, 2020; Добржанский, Шологон, 2022; Птицын, 2023). Подобных исследований в последние два десятилетия увидело свет довольно значительное количество. В рамках данной работы не представляется возможным упомянуть всех исследователей, посвятивших себя изучению русинского вопроса.

Историографические обзоры разных аспектов русинской, украинско-русинской истории также неоднократно предпринимались. Здесь стоит отметить, что наибольшее их количество также публиковались в упомянутом выше журнале «Русин» (Degtyarev et al., 2018; Шевченко, 2020; Тельвак, Наконечний, 2020; Дегтярьов, 2021; Стогов, 2022; Дегтярьов, 2023; Медоваров, 2022; Медоваров, 2023). Журнал «Киевская старина» использовался нами как источник для изучения отдельных аспектов украинско-русинской истории. Но в данной работе мы предпринимает попытку комплексного рассмотрения информационных возможностей указанного периодического издания при изучении обозначенной проблематики.

4. Результаты

После серии европейских революций 1848–1849 годов («Весна народов») общественно-политическая и культурная жизнь многих европейских народов, даже тех, которые не имели своей государственности, заметно оживилась. Не было исключением и украинское население, проживавшее в Австро-Венгерской империи. При этом экономическое и правовое положение украинцев Буковины,

Галичины, Закарпатья было достаточно тяжелым и оставалось таким вплоть до распада империи. Об этом шла речь и на страницах «Киевской старины».

Некоторые работы, опубликованные в журнале, носили статистико-демографический характер. В 1890 и 1900 годах в Австро-Венгрии состоялись переписи населения. Наиболее многочисленными народностями здесь оказались немцы, чехи и поляки. Украинцы-русины были четвертой по численности группой – в 1890 году их насчитывалось 3,1 млн. человек, а в 1900 – почти 3,4 млн. (Статистика украинского населения, 1903: 96). Значительное количество русинов проживало также на Буковине. При населении в 677 тыс. человек в 1903 году их доля составляла около 275 тыс. человек (Русины и румыны на Буковине, 1903: 54-55). Хотя стоит отметить, что статистика этого периода не отличалась высокой точностью. Об этом писали и сами авторы «Киевской старины», например, о русинском населении Галиции в 1903 году. Они отмечали, что по некоторым населенным пунктам греко-католики русинского происхождения не учитывались (а они там были); не учитывались также русины-солдаты, служившие в западной Галиции. Предполагалось даже, что реальное количество русинов здесь могло быть в 10 раз больше (Русины в западной Галиции, 1903: 47-48).

В последние годы XIX и в первые годы XX веков началась первая волна украинской эмиграции в страны Северной и Южной Америки, которая прервалась лишь к началу Первой мировой войны. Она была массовой и состояла в основном из представителей западноукраинского крестьянства (Троциньский, Шевченко, 1999: 47). Именно эта категория находилась в наиболее тяжелом социально-экономическом положении. На страницах «Киевской старины» освещался не только процесс эмиграции, но и анализировалась реакция имперских правительственных кругов на эти процессы, которые были обеспокоены массовой эмиграцией крестьян в развивающиеся заокеанские государства, в частности США (тогда Североамериканские Соединенные Штаты), Канаду, Бразилию. Там у эмигрантов появлялся реальный шанс стать полноправными хозяевами своей земли, независимыми от экономического и, часто, политического гнета. Например, течение 1896–1899 годов только из Галичины в Америку эмигрировало 33,5 тыс. человек, из которых предположительно 75 % были русины. Больше всего их проживало в восточной Галичине и именно оттуда эмигрировали свыше 2/3 всех указанных переселенцев. Почти треть эмигрантов были выходцами из западных районов Галичины, где население преимущественно польско-русинское (Эмиграция из Галиции, 1900: 27). Количество русинов, переселившихся в Бразилию, на 1900 год оценивалось приблизительно в 30 тыс. человек (Русины в Бразилии, 1900а: 24).

В периодике этого времени часто встречается заметки, в которых звучит критика таких переселений. Даже в журнале «Киевская старина» в 1899 году была опубликована заметка о крестьянах-переселенцах из Галичины, а ее автор указывал на то, что «современная эмиграция в восточной Галиции более всего вызывается и поддерживается систематическим обманом и бессовестной еврейской эксплуатацией народной темноты» (Эмиграция в восточной Галиции, 1899: 149). Таким образом, государство пыталось переложить вину на некие силы, стремящиеся обмануть простых людей и нажиться на них (чаще всего именно евреи преподносились в виде такой силы), а также на наивность самих крестьян, игнорируя собственные просчеты во внутренней политике. Даже агенты, которые вербовали крестьян для переселения за океан, преподносились читателю как лица, «которые бессовестным образом мутят крестьян, подбивая их к выселению» (Эмиграция в восточной Галиции, 1899: 147).

Попытки самоорганизации украинско-русинского населения в заокеанских государствах постоянно были в поле зрения журналистов «Киевской старины». Они писали о том, как 1 января 1900 года в Нью-Йорке в помещении Imperial Music Hall состоялся первый съезд русинов-эмигрантов. В посвященной этому событию заметке на страницах «Киевской старины» он назывался вече, а также первым съездом эмигрировавших галицких малоросов. Съезд проводился при содействии священников-русинов и церковного братства Св. Апостолов Петра и Павла. Это и другие подобные братства играли связующую роль в жизни русинов, они инициировали различные мероприятия, направленные на сохранение культурно-этнической самобытности русинов в Америке. На съезд приглашались все «истинные русины и русинки». От имени других братств были приглашены по одному представителю. На съезде были затронуты важные вопросы, касающиеся жизни русинской общины в Америке, а именно:

- Состояние русинской церкви;
- Положение русинов-рабочих;
- Основание так называемого колониционного общества;
- Организация культурно-просветительских учреждений и школ для русинов;
- Помощь «недостаточным русинам из учащейся молодежи».

Каждый из этих вопросов обсуждался делегатами, в результате чего принимались соответствующие решения. В программу этого съезда был включен целый ряд культурных и увеселительных мероприятий: выступления певческих коллективов, декламация и даже кинематограф (Русины в Америке, 1900а: 74-75).

В конце 1903 года в Йонкерсе состоялось еще одно вече русинов, на котором поднимался вопрос о необходимости создания народной (общественной) организации русинов (инициатором выступил

Н. Пидгорецкий), жизнь которых концентрировалась по большей части вокруг русинских церковных братств и тому подобных организаций. Планировалось, что созданная организация объединит всю украинско-русинскую диаспору Америки, насчитывавшую около 400 тыс. человек. За несколько лет их количество, бесспорно, увеличилось, в том числе и за счет эмигрантов из других регионов Австро-Венгрии и Российской империи. Под эгидой этой организации планировалась постройка Русинского Народного Дома эмигрантов; создание института, где русинская молодежь сможет получать высшее образование. Для достижения этой цели решено основать специальный фонд, был избран комитет из семи членов как орган будущей народной организации. На этот комитет и была возложена миссия по созданию Народного Дома ([Народная организация русинов, 1904: 25-26](#)).

Ряд очерков «Киевской старины» был посвящен украинцам-русинам в Канаде и Бразилии. Например, вопрос об их расселении в Канаде решался на высшем государственном уровне. В 1898 году парламент постановил рассеять русинские колонии по всей стране. Нужно отметить, что де-факто канадское правительство придерживалось этой политики и до этого (теперь она была закреплена законодательно) ([Канадские русины, 1899: 108](#)). В течение 1890-х годов русины расселялись в провинциях Манитоба, Альберта, Асинобой, Саскачеван. Состоянием на 1899 год их количество здесь оценивалось в 10 тыс. человек (2 тыс. семейств), большинство которых проживали в провинции Манитоба (около 800 семейств).

В одном из очерков содержалась оценка канадских русинов, данная канадским архиепископом Аделардом. Он характеризовал их как людей небогатых, но работающих и бережливых, способных такими качествами приобрести здесь значительное состояние. Они активно занимались скупкой земель, а к «главе государства относятся с великим почтением, любовью и уважением...» ([Канадские русины, 1899: 110](#)).

Между колониями в Канаде, как правило, расстояния были довольно значительные, что усложняло процесс общения между представителями этой народности, нарушало родственные связи и т.п. В одном из выпусков «Киевской старины» об этом шла речь: «Первое, что утеривается – это те сложные обряды, которые так сильно вкоренились в наше сельское население. Здесь немислимы те длинные свадебные обряды, те крестбины, те обжинки, те праздники, вообще вся та сеть обрядов, что обвивает всю жизнь нашего бедного крестьянина». Очевидец даже утверждал, что между русинами (галицкими) в этот период «связей хозяйственных и просветительных будто и не видно», что связи эти только начинают зарождаться ([Канадские русины, 1899: 109](#)). Это и не удивительно, так как для крестьян-переселенцев первоочередным вопросом стоял, естественно, вопрос земельный. И только заложив основы хозяйства, наладив быт, крестьяне-русины стали налаживать национально-культурную жизнь своих колоний. По нашему мнению, «утрата» традиций, о которой пишет автор заметки, на самом деле, скорее всего, является отвлечением от них на период налаживания жизни на новом месте, то есть явлением временным.

Галицкие русины, проживающие в Канаде, относились к трем группам («партиям»): русско-народная, греко-католических русинов и московских ренегатов. На страницах «Киевской старины» в 1900 году по этому поводу появился целый аналитический очерк. В материале указывалось, что каждое из этих течений имело довольно сильную поддержку в среде самих русинов, и даже имело свои печатные органы. Наиболее сплоченной была первая группа. Она насчитывала более 3 тыс. приверженцев, имела свою организацию «Русско-народный союз» и газету «Свобода». Ее деятельность отличалась системностью, перед членами ставились конкретные цели и задачи.

Но наиболее многочисленной была группировка греко-католических русинов (более 8 тыс. членов). Они были представлены организацией «Соединение» и имели свою газету «Американско-Русский Вестник». Но это течение не имело внутреннего единства. Фактически оно состояло из трех лагерей, каждый из которых по-своему представлял развитие жизни своих земляков в Канаде: 1) представители редакции «Американско-Русского Вестника»; 2) так называемая партия мадьярских священников-патриотов и 3) пассивные представители этой группы, старающиеся не проявлять общественной активности и живущие своей жизнью.

Группа так называемых московских ренегатов объединяла около 1,5 тыс. последователей и также не отличалась внутренним единством. Представлена она была организацией «Взаимопомощь» и также имела печатный орган – газету «Свет». Возглавлял это течение некий священник Грушка ([Русины в Америке, 1900b: 80](#)).

Из очерка «Канадские русины» также становится известно, что первые школы для украинцев-русинов в Канаде начинают появляться в последние годы XIX века. Известен случай о попытках основать школу в колонии галицких русинов Фок Ривер. Предполагалось, что это будет униатская (греко-католическая) школа. Но если не окажется священника-русина этого исповедания, представители общины соглашались обратиться к православному служителю культа. При этом представители католической церкви даже предприняли попытку (неудавшуюся) навязать целой колонии латинскую школу, что вызвало протесты, которые были также адресованы и Министерству просвещения в Оттаве ([Канадские русины, 1899: 110](#)).

Несколько аналитических материалов «Киевской старины» касались и жизни украинско-русинского населения в Бразилии. Наиболее концентрированно оно проживало в колониях Рио

Кларо и Прудентополис. Культурная жизнь русинов здесь была достаточно активной. Известно, что в указанных колониях действовали 4 церкви, в городе Куритиба было основано общество «Руска читальня в Куритибе». Его целью было «сплотить всех здешних русинов, насколько возможно, в одну «Громаду» для общей народной работы». Это общество основало библиотеку, для которой выписывались русинские газеты «Діло», «Свобода», закупались книги. Именно так проводилась работа по сохранению русинского языка, по распространению образования среди переселенцев (Русины в Бразилии, 1900а: 24-25). В бразильской провинции Парана русинская диаспора на 1900 год насчитывала от 5 до 20 тыс. человек. Связь между колониями была очень слабой. С целью сплотить русинов-переселенцев, оградить их от влияния представителей других народностей, в Бразилию отправился галичанский монах о. Малиняк. Он планировал издавать в Прудентополисе газету «Бразілійська Русь», с помощью которой он планировал достичь поставленных целей (Русины в Америке, 1900b: 80).

Целая серия материалов «Киевской старины» посвящена проблемным вопросам организации и функционирования учебных заведений для украинского населения на украинских землях в составе империи Габсбургов. В частности, во многих очерках освещались попытки галицких украинцев добиться у австро-венгерского правительства права открыть собственный университет во Львове. Детально останавливаться на обзоре этих материалов в данной работе мы не будем, так как они были достаточно глубоко проанализированы в одном из наших исследований ранее (Degtyarev et al., 2018).

Борьба украинско-русинской общественности за свои права в сфере просвещения не ограничивалась лишь попытками открытия университета. Предпринимались попытки создания соответствующих гимназий (Открытие новой..., 1900; Проекты..., 1901; Галицкие гимназии, 1902). К примеру, на 1905 год из 37 гимназий в Галичине украинских было лишь 4 (Русины в средних школах, 1905). Например, хотя в Галичине в 1901–1902 годах и существовали 1994 украинские школы (Народные школы в Галиции, 1903), функционированию многих из них активно препятствовали польские власти. Так на сейме во Львове польские послы отказались открывать русинскую гимназию в Станиславове, правительственный комиссар города Яворов отказал в открытии русинской бursy для подготовки молодежи к поступлению в средние школы, в городе Жовква польские власти пытались закрыть русинскую одноклассную народную школу и т.д. (Положение русинских школ, 1904). В результате, согласно школьной статистике за 1904-1905 год в средних школах Галичины обучалось лишь 4714 украинских детей, а польских – 15282. При этом польское и украинское население в регионе было представлено примерно одинаковым числом – около 3,5 человек каждой из этих народностей (Русины в средних школах, 1905).

Значительно хуже обстояли дела с украинско-русинским образованием на Буковине. В «Киевской старине» об этом также есть соответствующие материалы. При этом указывалась в целом положительная динамика развития русинских учебных заведений в регионе в течение 1894–1904 годов. Так, если в 1894 году на Буковине насчитывалось лишь 120 русинских народных школ, подавляющее большинство которых были одноклассные (около 75 %), то в 1904–1905 годах таких заведений было уже 174, а доля одноклассных школ среди них стала значительно меньше (около 50 %). В Черновицком университете были открыты русинские кафедры, появляются, хотя в малом количестве, русинские гимназии, а в некоторых учебных заведениях начинают преподавать русинский язык. Это было связано, в первую очередь, с тем, что в 1890-х годах украинцы-русины начинают проникать в состав провинциальных и окружных школьных советов, а некоторые из них даже становятся школьными инспекторами (Развитие русинской школы, 1905).

Борьба за гражданские, политические, социальные, экономические, культурные права украинского населения на западноукраинских землях Австрийской/Австро-Венгерской империи продолжалась в течение всего XIX – начала XX века. За это время были достигнуты определенные успехи: украинское представительство (хотя и минимальное) в ряде властных и управленческих институций, открытие национальных учебных заведений или преподавание на украинском/русинском языке в университетах, ряде школ и гимназий, фрагментарное участие украинцев в попечительских и наблюдательных органах при учебных заведениях и т.д. Но успехи эти не делали украинское население равной в правах этнической группой с другими народами империи.

На территории Закарпатья политики и чиновники венгерского происхождения (в управленческом аппарате этого региона преобладали именно венгры) делали все, как писалось в «Киевской старине», «для истребления русской народности». Делалось это, преимущественно, через церковь и школьное образование. Богослужение проводилось на латыни или венгерском (мадьярском) языке. Русинской интеллигенции навязывалась идея о том, что они на самом деле мадьяры православного вероисповедания. Даже внутренняя переписка иерархов православной церкви в регионе велась на латинском или венгерском языках. Украинская периодика здесь была под запретом, а местные газеты не освещали проблемы украинско-русинского населения (Мадьяризация угро-русов, 1903). Буковинские русины, будучи наиболее многочисленной этнической группой в регионе, также притеснялись румынско-немецко-польским меньшинством. Их положение не было легким, но здесь они сумели добиться для себя определенных уступок со стороны властей. Хотя и не в большом количестве, но здесь для русинов открывались читальни, специальные райфайзеновские кассы, юношеское общество «Січ», мещанские

общества (библиотечные, театральные, хоровые и др.), студенческие общества, издавались газеты «Буковина» и «Руска Рада» и т.п. ([Культурная жизнь на Буковине, 1903](#)).

Но наиболее разносторонне освещенным на страницах «Киевской старины» конфликтом был украинско-польский. Конфликты между поляками и украинцами широко освещались в прессе, как Австро-Венгрии, так и Российской империи. Корреспонденты «Киевской старины» обнародовали возникающие недоразумения между представителями этих этнических групп, пытались анализировать ([Образец польской антирусинской акции, 1903](#); [Отзывы в печати, 1903](#); [«Діло» о положении..., 1903](#); [К польско-русским отношениям, 1904](#)). В журнале описаны многочисленные примеры утеснений галицких украинцев со стороны представителей польской интеллигенции, чиновничества, католического духовенства (также польского происхождения). Ограничивались возможности украинско-русинского населения получать образование в гимназиях или университетах, использования украинского/русинского языка, в обществе внедрялась идея о доминировании польской культуры над культурой галицкой Украины и т.п. ([К вопросу о малорусском языке, 1898](#); [Шовинизм и русиноедство..., 1903](#); [К гонениям на русинский язык, 1903](#); [Русинско-польское дело, 1903](#); [Польский и русинский язык, 1904](#)).

Наиболее фундаментальной аналитической работой, посвященной польско-украинским отношениям в Галичине, которая увидела свет на страницах «Киевской старины», было исследование известного украинского историка Михайла Грушевского ([Грушевский, 1905](#)). Здесь ученый изучил исторические истоки польско-украинского конфликта на галицких землях. Проанализировав его причины, а также особенности концентрации польского и украинского населения в регионе (в западной Галичине преобладали поляки, а в восточной 70 % населения составляли украинцы-русины), М. Грушевский отстаивал право украинцев на национальную автономию в пределах Восточной Галиции, а также, «чтобы украинской (русинской) народности были предоставлены те культурные и образовательные средства, какими пользуется польская народность в западной, польской, части Галиции» ([Грушевский, 1905: 184](#)).

Сколь тяжелым не было положение украинцев-русинов на западноукраинских землях в конце XIX – начале XX веков, все же они добились возможности заявлять о себе, бороться за свои права, используя парламентскую трибуну. Это был вполне цивилизованный, хотя и не всегда эффективный, метод борьбы. Пресса того времени активно и разносторонне освещала политическую жизнь. Журнал «Киевская старина» не стал исключением. Целый блок очерков носит политический характер, свыше 20 из них посвящены попыткам украинцев (галицких, буковинских) стать неотъемлемой частью политической системы Австро-Венгрии. В этих материалах, главным образом, описаны первые успехи русинов-депутатов в различных представительских органах, их борьба за национальные и культурные права украинцев-русинов ([Национально-политическая деятельность, 1901](#); [Депутация русских галичан в Вену, 1901](#); [Выборы галицких послов, 1901](#); [Первый русин, 1903](#); [Почетное избрание русина, 1903](#); [Рост организации, 1903](#); [Деятельность русинских послов, 1903](#); [Воззвание клуба..., 1904](#)), деятельность русинских политических объединений ([Съезд русско-народной партии, 1903](#)).

Часть из них освещает ситуации, когда русинские депутаты, пытаясь решить некоторые проблемы украинско-русинского сообщества, сталкивались с жесткой оппозицией польских, венгерских других депутатов ([Дела русинов..., 1902](#); [Русины, 1903](#); [Депутация русинов во Львове, 1903](#); [О русских..., 1903](#); [Обструкция русинских послов, 1904](#)). Это часто вызывало протесты русинской фракции ([Выход русских депутатов..., 1901](#); [Выход буковинских послов, 1902](#); [Выход русинских послов, 1903](#); [К вопросу о выходе русинских послов, 1904](#)).

Стоит отметить, что борьба украинцев-русинов за свои национальные и культурные права все же не была абсолютно безуспешной. Только в последние годы XIX – первые годы XX веков на западноукраинских землях, особенно в Галичине, активно развивалась деятельность украинского общества «Просвита», много сделавшее на ниве народного просвещения, что отмечалось и «Киевской стариной» ([Народно-просветительная деятельность, 1902](#)). В регионе появлялись различные общественные и культурные организации, в том числе женские, что, в целом, было не таким уж и рядовым явлением ([Открытие русско-галицкого общества, 1903](#); [«Клуб Русинок», 1903](#); [Общество русинских женщин, 1904](#)). Такие организации популяризовали свою деятельность на страницах периодических изданий. Так, в анализируемом нами журнале содержится информация о проведенной в 1900 году художественной выставке ([Русинская художественная выставка, 1900](#)), попытках открыть русинский театр во Львове ([Русинский национальный театр, 1904](#); [Постройка нового..., 1904](#)) и т.п.

Невзирая на некоторые успехи в отстаивании политических, культурных, национальных прав, представители украинско-русинской этнической группы оставались в одном из наиболее притесняемых положений, сравнительно другими (особенно сравнительно с австрийцами, немцами, поляками и др.). Об этом на страницах «Киевской старины» постоянно писали наиболее активные представители местной украинской интеллигенции, а также корреспонденты журнала.

Кроме проанализированных тематических блоков материалов «Киевской старины», есть еще категория публикаций, посвященных русинской истории и этнографии, обзору русинской литературы или исследований на украинско-русинскую тематику. Авторами таких работ, как правило, были

серьезные украинские ученые и известные писатели: И. Франко, Ф. Вовк, В. Антонович, П. Нестеровский, В. Науменко и другие (Франко, 1888; Галицко-русская библиография, 1896; Науменко, 1899; Антонович, 1900; Рождественские обычаи, 1900; Нестеровский, 1905; Вовк, 1889a; Вовк, 1889b; Вовк, 1889c). В целом, несколько десятков таких материалы представлены рецензиями, обзорами литературы или обычаев, научными исследованиями.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим общий высокий информационный потенциал издаваемого в течение 1882–1906 годов журнала «Киевская старина» как исторического источника, в первую очередь, для изучения различных аспектов истории и культуры Украины. Не менее ценен этот потенциал, по нашему мнению, и для изучения украинской (руси́нской, украинско-руси́нской) части населения западноукраинских земель, которые входили в состав Австро-Венгерской империи.

В частности, анализ «Киевской старины» позволил выделить несколько наиболее перспективных направлений для исследования украинско-руси́нской тематики: первая волна украинско-руси́нской эмиграции в страны Латинской и Северной Америки; борьба украинско-руси́нской этнической группы Австро-Венгрии за свои политические, национальные, культурные права; общественные организации руси́нов на западноукраинских землях; культура, обычаи, история украинского населения Галичины, Буковины и Закарпатья и т.п.

Что касается особенностей самих публикаций, то здесь стоит выделить также несколько их видов. Часть из них очерки и небольшие статьи корреспондентов и журналистов (не только работающих на «Киевскую старину» – часть материалов является републикациями из других периодических изданий). Некоторые материалы являются полноценными авторскими научными исследованиями историко-этнографического характера. Содержит журнал также рецензии на работы, посвященные украинско-руси́нской тематике, или же обзоры непосредственно руси́нской литературы.

Литература

- Антонович, 1900 – Антонович В. К вопросу о галицко-русской литературе (По поводу статьи проф. Т.Д. Флоринского) // *Киевская старина*. 1900. №3. С. 396-423.
- Белей, 2017 – Белей Л. «Руси́нский» сепаратизм: націєтворення in vitro. К.: Темпора, 2017. 392 с.
- Вовк, 1889a – Лупулеску [Вовк Ф.] Русские колонии в Добрудже (Историко-этнографический очерк) // *Киевская старина*. №1. 1889. С. 117-154.
- Вовк, 1889b – Лупулеску [Вовк Ф.] Русские колонии в Добрудже // *Киевская старина*. 1889. №2. С. 314-336.
- Вовк, 1889c – Лупулеску [Вовк Ф.] Русские колонии в Добрудже // *Киевская старина*. 1889. №3. С. 685-704.
- Воззвание клуба..., 1904 – Воззвание клуба руси́нских послов // *Киевская старина*. 1904. №2. С. 76.
- Выборы галицких послов, 1901 – Выборы галицких послов в Сейм // *Киевская старина*. 1901. №10. С. 27.
- Выход буковинских послов, 1902 – Выход буковинских послов из сейма // *Киевская старина*. 1902. №7-8. С. 34-35.
- Выход руси́нских послов, 1903 – Выход руси́нских послов из галицкого сейма // *Киевская старина*. 1903. №11. С. 91-93.
- Выход русских депутатов..., 1901 – Выход русских депутатов из галицкого сейма // *Киевская старина*. 1901. №7-8. С. 20-21.
- Галицкие гимназии, 1902 – Галицкие гимназии // *Киевская старина*. 1902. №10. С. 40.
- Галицко-русская библиография, 1896 – А.Л. Галицко-русская библиография XIX ст. с увзгляднением русских изданий, появившихся в Угорщине и Буковине (1801-1886). Составил Иван Ем. Левицкий. 2 тома. Львов, 1888-1895 // *Киевская старина*. 1896. №4. С. 27-28.
- Грушевский, 1905 – Грушевский М. К польско-украинским отношениям Галиции // *Киевская старина*. 1905. №7-8. С. 174-233.
- Дегтярьов, 2021 – Дегтярьов С.І. Українці-руси́ни у світі в останні роки XIX ст. (за матеріалами часопису «Киевская Старина») / *Суспільно-політичні процеси в Україні та світі: історія, проблеми, перспективи*: матеріали VIII Всеукраїнської науково-практичної конференції (Суми, 23 квітня 2021 р.). Суми: Сумський державний університет, 2021. С.21-26.
- Дегтярьов, 2023 – Дегтярьов С.І. Українці-мігранти у країнах Північної та Південної Америки: досвід самоорганізації (кінець XIX – початок XX ст.) / *Сучасні виклики для міграційної політики: правові, освітні та історичні аспекти*: матеріали науково-практичного круглого столу, Суми, 24 червня 2023 р. Суми: Сумський державний університет, 2023. С. 17-20.
- Дела руси́нов..., 1902 – Дела галицких руси́нов в австрийском парламенте // *Киевская старина*. 1902. №12. С. 168-173.
- Депутация руси́нов во Львові, 1903 – Несостоявшееся представление депутации руси́нов во Львові // *Киевская старина*. 1903. №10. С. 31-33.

- Депутация русских галичан в Вену, 1901** – Депутация русских галичан в Вену // *Киевская старина*. 1901. №9. С. 98-99.
- Деятельность русинских послов, 1903** – Деятельность русинских послов в Венском парламенте // *Киевская старина*. 1903. №6. С. 193.
- «Діло» о положении..., 1903** – «Діло» о положении вопроса русинско-польских отношений // *Киевская старина*. 1903. №12. С. 161-162.
- Добржанский, Шологон, 2022** – *Добржанский А.В., Шологон Л.И.* Украинские профессиональные объединения педагогов Галиции и Буковины (вторая половина XIX – начало XX в.): попытка сравнительного анализа // *Русин*. 2022. №68. С. 131-153.
- К вопросу о выходе русинских послов, 1904** – К вопросу о выходе из сейма русинских послов // *Киевская старина*. 1904. №3. С. 119-120.
- К вопросу о малорусском языке, 1898** – К вопросу о малорусском языке в Галичине // *Киевская старина*. 1898. №9. С. 74-80.
- К гонениям на русинский язык, 1903** – К гонениям на русинский язык в Галичине // *Киевская старина*. 1903. №6. С. 193-195.
- К польско-русским отношениям, 1904** – К польско-русским отношениям в Галиции // *Киевская старина*. 1904. №12. С. 166.
- Канадские русины, 1899** – Канадские русины // *Киевская старина*. №9. 1899. С. 107-110.
- Клопова, 2016** – *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.
- «Клуб Русинок», 1903** – «Клуб Русинок» во Львове // *Киевская старина*. 1903. №5. С. 119-120.
- Культурная жизнь на Буковине, 1903** – Культурная жизнь на Буковине // *Киевская старина*. 1903. №3. С. 172-173.
- Магочій, 2015** – *Магочій П.-Р.* Кожен карпаторусин є русином... але не кожен русин є карпаторусином: статті. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2015. 132 с.
- Мадьяризация угро-руссов, 1903** – Мадьяризация угро-руссов в Венгрии // *Киевская старина*. 1903. №3. С. 171-172.
- Медоваров, 2022** – *Медоваров М.В.* Русины Холмщины и Бессарабии в системе взглядов А.Ф. Филиппова на окраины Российской империи // *Русин*. 2022. №67. С. 188-205.
- Медоваров, 2023** – *Медоваров М.В.* Панславистские журналы «Благовест» и «Русская беседа» о русинском вопросе (1890–1896 гг.) // *Русин*. 2023. №71. С. 76-112.
- Мовчан, Качараба, 1990** – *Мовчан С.П., Качараба С.П.* Еміграція галицьких селян в Боснію і Герцеговіну наприкінці XIX – на початку XX ст. // *Проблеми слов'янознавства = Проблемы славяноведения*. Львів, 1990. Вип.12. С. 66-73.
- Народная организация русинов, 1904** – Народная организация русинов в Североамериканских Соединенных Штатах // *Киевская старина*. 1904. №1. С. 25-26.
- Народно-просветительная деятельность, 1902** – Народно-просветительная деятельность в Галичине // *Киевская старина*. 1902. №6. С. 173-174.
- Народные школы в Галиции, 1903** – Народные школы в Галиции // *Киевская старина*. 1903. №2. С. 101.
- Науменко, 1899** – *Науменко В.* Книжная речь у малороссов и русинов (Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. Т.Д. Флоринского. «Киевские университетские известия». 1898. №11. С. 203-244) // *Киевская старина*. 1899. №1. С. 134-142.
- Национально-политическая деятельность, 1901** – Национально-политическая деятельность галицких русинов // *Киевская старина*. 1901. №5. С. 97-98.
- Нестеровский, 1905** – *Нестеровский П.* Материалы по этнографии бессарабских русинов // *Киевская старина*. 1905. №10. С. 73-125.
- О русских депутатах львовского сейма, 1903** – Польская печать о русских депутатах львовского сейма // *Киевская старина*. 1903. №11. С. 94.
- Образец польской антирусинской акции, 1903** – Образец польской антирусинской акции // *Киевская старина*. 1903. №3. С. 164-165.
- Обструкция русинских послов, 1904** – Обструкция русинских послов в Венском парламенте // *Киевская старина*. 1904. №4. С. 36-37.
- Общество русинских женщин, 1904** – Общество русинских женщин в Галиции и Буковине // *Киевская старина*. 1904. №1. С. 25.
- Отзывы в печати, 1903** – Отзывы в печати о разрыве между русинами и поляками в Галиции // *Киевская старина*. 1903. №12. С. 160-161.
- Открытие новой..., 1900** – Открытие новой русинской гимназии // *Киевская старина*. 1900. №10. С. 26-27.
- Открытие русско-галицкого общества, 1903** – Открытие русско-галицкого общества // *Киевская старина*. 1903. №3. С. 158-159.
- Палієнко, 2005** – *Палієнко М.Г.* «Киевская старина» у громадському та науковому житті України (кінець XIX – початок XX ст.). К.: Темпора, 2005. 384 с.

- Первый русин, 1903** – Первый русин в Палате господ // *Киевская старина*. №2. 1903. С. 91-92.
- Положение русинских школ, 1904** – Положение русинских школ в Галичине // *Киевская старина*. 1904. №3. С. 118.
- Польский и русинский язык, 1904** – Польский и русинский язык в галицийских школах // *Киевская старина*. 1904. №2. С. 76.
- Постройка нового..., 1904** – Постройка нового русинского театра во Львове // *Киевская старина*. 1904. №12. С. 164-165.
- Почетное избрание русина, 1903** – Почетное избрание русина // *Киевская старина*. 1903. №5. С. 119.
- Проекты..., 1901** – Проекты нового украинского университета и гимназии в Галиции // *Киевская старина*. 1901. №7-8. С. 26.
- Птицын, 2023** – *Птицын А.Н.* Русины – директора петербургских и московских гимназий в 1870–1900-е гг. // *Русин*. 2023. №71. С. 60-75.
- Развитие русинской школы, 1905** – Развитие русинской школы в Буковине в 1895-1904 гг. // *Киевская старина*. 1905. №1. С. 39.
- Рождественские обычаи, 1900** – Рождественские обычаи в Угорской Руси // *Киевская старина*. 1900. №3. С. 148-149.
- Рост организации, 1903** – Рост организации среди галицких украинцев для защиты своей народности // *Киевская старина*. 1903. №9. С. 127-130.
- Русинская художественная выставка, 1900** – Русинская художественная выставка во Львове // *Киевская старина*. 1900. №10. С. 26.
- Русинский национальный театр, 1904** – Русинский национальный театр во Львове // *Киевская старина*. 1904. №5. С. 77.
- Русинско-польское дело, 1903** – Русинско-польское дело в австрийском парламенте // *Киевская старина*. 1903. №4. С. 48-49.
- Русины, 1903** – Русины – о назначении нового наместника Галиции // *Киевская старина*. 1903. №6. С. 192-193.
- Русины в Америке, 1900a** – Русины в Америке // *Киевская старина*. 1900. №2. С. 74-75.
- Русины в Америке, 1900b** – Русины в Америке // *Киевская старина*. 1900. №11. С. 80.
- Русины в Бразилии, 1900a** – Русины в Бразилии // *Киевская старина*. 1900. №1. С. 27.
- Русины в Бразилии, 1900b** – [Русины в Бразилии] // *Киевская старина*. 1900. №7-8. С. 24-25.
- Русины в западной Галиции, 1903** – Русины в западной Галиции // *Киевская старина*. 1903. №4. С. 47-48.
- Русины в средних школах, 1905** – Русины в средних школах Галиции // *Киевская старина*. 1905. №6. С. 269.
- Русины и румыны на Буковине, 1903** – Русины и румыны на Буковине // *Киевская старина*. 1903. №7-8. С. 54-55.
- Статистика украинского населения, 1903** – Статистика украинского населения в Галичине // *Киевская старина*. 1903. №2. С. 96.
- Стогов, 2022** – *Стогов Д.И.* Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // *Русин*. 2022. №67. С. 174-187.
- Суляк, 2004** – *Суляк С.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Изд. дом «Татьяна», 2004. 240 с.
- Суляк, 2020** – *Суляк С.Г.* Н.И. Надеждин и Карпатская Русь // *Русин*. 2020. №61. С. 41-66.
- Съезд русско-народной партии, 1903** – Съезд русско-народной партии в Галичине // *Киевская старина*. 1903. №3. С. 170.
- Тельвак, Наконечный, 2020** – *Тельвак В.В., Наконечный В.М.* Положение русинского меньшинства во Второй Речи Посполитой по материалам газеты «Наш лемко» // *Русин*. 2020. №61. С.166-182.
- Троциньский, Шевченко, 1999** – *Троциньский В.П., Шевченко А.А.* Українці в світі. Т. 15. К.: Видавничий дім «Альтернативи», 1999. 352 с.
- Франко, 1888** – *Мирон [Франко І.]* Галицко-русская библиография XIX столетия с увзгляднением изданий, появившихся в Угорщине и Буковине (1801-1886). Составил Иван Ем. Левицкий. Львов. Из типографии Ставропигийского института. Вып. I и II, 1887; III, 1888, стр. 1-72 // *Киевская старина*. 1888. №5. С. 25-32.
- Шевченко, 2020** – *Шевченко К.В.* Украинское движение и политика Чехословакии в русинском вопросе в межвоенный период в освещении газеты «Американский русский вестник» // *Русин*. 2020. № 61. С. 132-148.
- Шовинизм и русиноедство..., 1903** – Шовинизм и русиноедство польского духовенства в Галиции // *Киевская старина*. 1903. №3. С. 166-167.
- Эмиграция в восточной Галиции, 1899** – Эмиграция в восточной Галиции // *Киевская старина*. 1899. №6. С. 147-149.
- Эмиграция из Галиции, 1900** – Эмиграция из Галиции // *Киевская старина*. №1. 1900. С. 27.

[Degtyarev et al., 2018](#) – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in “Kievskaya Starina” Journal // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(4): 911-917.

[Monych, 2021](#) – *Monych O.* Petro-Pavlivsky Monastery in the Village of Irhóc (Vilkhivtsi) in the 18th Century. *Eminak*. 2021. 2(34): 67-75. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2021.2\(34\).515](https://doi.org/10.33782/eminak2021.2(34).515)

References

[Antonovich, 1900](#) – *Antonovich, V.* (1900). K voprosu o galicko-russkoj literature (Po povodu stat'i prof. T.D. Florinskogo) [On the issue of Galician-Russian literature (Regarding the article by Prof. T.D. Florinsky)]. *Kievskaya starina*. 3: 396-423. [in Russian]

[Beley, 2017](#) – *Beley, L.* (2017). «Rusyns'kyj» separatyzm: natsiyetvorennya in vitro ["Rusyn" separatism: nation building in vitro]. K.: Tempora. 392 p. [in Ukrainian]

[Degtyarev, 2021](#) – *Degtyarev, S.I.* (2021). Ukrayintsi-rusyny u sviti v ostanni roky XIX st. (za materialamy chasopysu «Kyevs'kaya Staryna») [Ukrainian-Rusyns in the world in the last years of the 19th century. (based on the materials of the journal "Kievskaya Staryna")]. *Suspil'no-politychni protsesy v Ukrayini ta sviti: istoriya, problemy, perspektivy: materialy VIII Vseukrayins'koyi naukovy-praktychnoyi konferentsiyi* (Sumy, 23 kvitnya 2021 r.). Sumy: Sums'ky derzhavnyy universytet. Pp. 21-26. [in Ukrainian]

[Degtyarev, 2023](#) – *Degtyarev, S.I.* (2023). Ukrayintsi-mihranty u krayinakh Pivnichnoyi ta Pivdennoyi Ameryky: dosvid samoorhanizatsiyi (kinets' XIX – pochatok XX st.) [Ukrainian migrants in the countries of North and South America: experience of self-organization (end of the 19th – beginning of the 20th century)]. *Suchasni vykyky dlya mihratsiyynoyi polityky: pravovi, osvichni ta istorichni aspekty: materialy naukovy-praktychnoho kruhloho stolu*, Sumy, 24 chervnya 2023 r. Sumy: Sums'ky derzhavnyy universytet. Pp. 17-20. [in Ukrainian]

[Degtyarev et al., 2018](#) – *Degtyarev, S.I., Zavorodnia, V.M., Polyakova, L.G.* (2018). On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in “Kievskaya Starina” Journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.

[Dela rusinov..., 1902](#) – *Dela galickikh rusinov v avstrijskom parlamente* [The Affairs of the Galician Rusyns in the Austrian Parliament]. *Kievskaya starina*. 12. 1902. Pp. 168-173. [in Russian]

[Deputaciya rusinov vo L'vove, 1903](#) – *Nesostoyavsheesya predstavlenie deputacii rusinov vo L'vove* [The Failed Presentation of the Deputation of the Rusyns in Lviv]. *Kievskaya starina*. 1903. №10. Pp. 31-33. [in Russian]

[Deputaciya russkikh galichan v Venu, 1901](#) – *Deputaciya russkikh galichan v Venu* [The Deputation of Russian Galicians to Vienna]. *Kievskaya starina*. 1901. №9. Pp. 98-99. [in Russian]

[Deyatel'nost' rusinskikh poslov, 1903](#) – *Deyatel'nost' rusinskikh poslov v Venskom parlamente* [The Activities of the Rusyn Ambassadors in the Vienna Parliament]. *Kievskaya starina*. 1903. №6. P. 193. [in Russian]

[«Dilo» o polozhenii..., 1903](#) – «Dilo» o polozhenii voprosa rusinsko-pol'skikh otnoshenij ["Dilo" on the state of the issue of Rusyn-Polish relations]. *Kievskaya starina*. 1903. №12. Pp. 161-162. [in Russian]

[Dobrzhanskij, Shologon, 2022](#) – *Dobrzhanskij, A.V., Shologon, L.I.* (2022). Ukrainskie professional'nye ob'edineniya pedagogov Galicii i Bukoviny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): popytka sravnitel'nogo analiza [Ukrainian professional associations of teachers in Galicia and Bukovina (second half of the 19th – early 20th centuries): an attempt at a comparative analysis]. *Rusin*. 68: 131-153. [in Russian]

[Ehmigraciya v vostochnoj Galicii, 1899](#) – *Ehmigraciya v vostochnoj Galicii* [Emigration in Eastern Galicia]. *Kievskaya starina*. 1899. №6. Pp. 147-149. [in Russian]

[Ehmigraciya iz Galicii, 1900](#) – *Ehmigraciya iz Galicii* [Emigration from Galicia]. *Kievskaya starina*. 1900. №1. P. 27. [in Russian]

[Franko, 1888](#) – *Miron [Franko I.]* (1888). Galicko-russkaya bibliografiya XIX stoletiya s uvzglyadnieniem izdanij, poyavivshikhsya v Ugorshchine i Bukovine (1801-1886). Sostavil Ivan Em. Levickij. L'vov. Iz tipografii Stavropigijjskogo instituta. Vyp. I i II, 1887; III, 1888, str. 1-72 [Galician-Russian bibliography of the 19th century with a look at publications that appeared in Hungary and Bukovina (1801-1886). Compiled by Ivan Em. Levitsky. Lvov. From the printing house of the Stavropegean Institute. Issues I and II, 1887; III, 1888, pp. 1-72]. *Kievskaya starina*. 5: 25-32. [in Russian]

[Galickie gimnazii, 1902](#) – *Galickie gimnazii* [Galician Gymnasiums]. *Kievskaya starina*. 1902. №10. P. 40. [in Russian]

[Galicko-russkaya bibliografiya, 1896](#) – *A.L.* Galicko-russkaya bibliografiya XIX st. s uvzglyadnieniem russkikh izdanij, poyavivshikhsya v Ugorshchine i Bukovine (1801-1886). Sostavil Ivan Em. Levickij. 2 toma. L'vov, 1888-1895 [Galician-Russian Bibliography of the 19th Century with a View of Russian Editions That Appeared in Hungary and Bukovina (1801-1886). Compiled by Ivan Em. Levitsky. 2 volumes. Lvov, 1888-1895]. *Kievskaya starina*. 1896. №4. Pp. 27-28. [in Russian]

[Grushevskij, 1905](#) – *Grushevskij, M.* (1905). K pol'sko-ukrainskim otnosheniyam Galicii [On Polish-Ukrainian Relations in Galicia]. *Kievskaya starina*. 7-8: 174-233. [in Russian]

[K gononiyam na rusinskij yazyk, 1903](#) – *K gononiyam na rusinskij yazyk v Galichine* [On the Persecution of the Ruthenian Language in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №6. Pp. 193-195. [in Russian]

- K pol'sko-russkim otnosheniyam, 1904** – K pol'sko-russkim otnosheniyam v Galicii [On Polish-Russian Relations in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1904. №12. Pp. 166. [in Russian]
- K voprosu o vykhode rusinskikh poslov, 1904** – K voprosu o vykhode iz sejma rusinskikh poslov [On the Exit of the Ruthenian Ambassadors from the Sejm]. *Kievskaya starina*. 1904. №3. Pp. 119-120. [in Russian]
- K voprosu o malorusskom yazyke, 1898** – K voprosu o malorusskom yazyke v Galichine [On the Little Russian Language in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1898. №9. Pp. 74-80. [in Russian]
- Kanadskie rusiny, 1899** – Kanadskie rusiny [Canadian Rusyns]. *Kievskaya starina*. 1899. №9. Pp. 107-110. [in Russian]
- Klopova, 2016** – Klopova, M.E. (2016). Rusiny, russkie, ukraincy. Nacional'nye dvizheniya vostochnoslavyanskogo naseleniya Galicii v XIX – nachale XX veka [Rusyns, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. M.: Indrik. 280 p. [in Russian]
- «Klyub Rusinok», 1903** – «Klyub Rusinok» vo L'vove [“Club Rusynok” in Lviv]. *Kievskaya starina*. 1903. №5. Pp. 119-120. [in Russian]
- Kul'turnaya zhizn' na Bukovine, 1903** – Kul'turnaya zhizn' na Bukovine [Cultural life in Bukovina]. *Kievskaya starina*. 1903. №3. Pp. 172-173. [in Russian]
- Mahochiy, 2015** – Mahochiy, P.-R. (2015). Kozhen karpatorusyn ye rusynom... ale ne kozhen rusyn ye karpatorusynom: statti [Every Carpatho-Rusyn is a Ruthenian... but not every Ruthenian is a Carpatho-Rusyn: articles]. Uzhhorod: Vydavnytstvo V. Padyaka. 132 p. [in Ukrainian]
- Mad'yarizaciya ugro-russov, 1903** – Mad'yarizaciya ugro-russov v Vengrii [Magyarization of the Ugro-Russians in Hungary]. *Kievskaya starina*. 1903. №3. Pp. 171-172. [in Russian]
- Medovarov, 2022** – Medovarov, M.V. (2022). Rusiny Kholmshchiny i Bessarabii v sisteme vzglyadov A.F. Filippova na okrainy Rossijskoj imperii [Rusyns of Kholmshchyna and Bessarabia in the system of A.F. Filippov's views on the outskirts of the Russian Empire]. *Rusin*. 67: 188-205. [in Russian]
- Medovarov, 2023** – Medovarov, M.V. (2023). Panslavistskie zhurnaly «BlagovesT» i «Russkaya beseda» o rusinskom voprose (1890–1896 gg.) [Pan-Slavic magazines “Blagovest” and “Russkaya Beseda” on the Rusyn question (1890-1896)]. *Rusin*. 71: 76-112. [in Russian]
- Monych, 2021** – Monych, O. (2021). Petro-Pavlivsky Monastery in the Village of Irehóc (Vilkhivtsi) in the 18th Century. *Eminak*. 2(34): 67-75. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2021.2\(34\).515](https://doi.org/10.33782/eminak2021.2(34).515)
- Movchan, Kacharaba, 1990** – Movchan, S.P., Kacharaba, S.P. (1990). Emihratsiya halyts'kykh selyan v Bosniyu i Hertsehovinu naprykintsi XIX – na pochatku XX st. [Emigration of Galician peasants to Bosnia and Herzegovina in the late 19th and early 20th centuries]. *Problemy slov'yanoznavstva = Problemy slavyanovedenyya*. L'viv. Vyp. 12: 66-73. [in Ukrainian]
- Nacional'no-politicheskaya deyatel'nost', 1901** – Nacional'no-politicheskaya deyatel'nost' galickikh rusinov [National-political activity of Galician Rusyns]. *Kievskaya starina*. №5. 1901. Pp. 97-98. [in Russian]
- Narodnaya organizaciya rusinov, 1904** – Narodnaya organizaciya rusinov v Severoamerikanskikh Soedinennykh Shtatakh [People's Organization of Rusyns in the North American United States]. *Kievskaya starina*. 1904. №1. Pp. 25-26. [in Russian]
- Narodno-prosvetitel'naya deyatel'nost', 1902** – Narodno-prosvetitel'naya deyatel'nost' v Galichine [People's Educational Activities in Galicia]. *Kievskaya starina*. №6. 1902. Pp. 173-174. [in Russian]
- Narodnye shkoly v Galicii, 1903** – Narodnye shkoly v Galicii [People's Schools in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №2. P. 101. [in Russian]
- Naumenko, 1899** – Naumenko, V. (1889). Knizhnaya rech' u malorossov i rusinov (Kritiko-bibliograficheskij obzor novejsikh trudov i izdanij po slavyanovedeniyu. T.D. Florinskogo. «Kievskie universitetskie izvestiya». 1898. №11. S. 203-244) [Bookish speech of Little Russians and Rusyns (Critical and bibliographical review of the latest works and publications on Slavic studies. T.D. Florinsky. "Kiev University News". 1898. No. 11. Pp. 203-244)]. *Kievskaya starina*. 1: 134-142. [in Russian]
- Nesterovskij, 1905** – Nesterovskij, P. (1905). Materialy po ehtnografii bessarabskikh rusinov [Materials on the ethnography of Bessarabian Rusyns]. *Kievskaya starina*. 10: 73-125. [in Russian]
- O russkikh deputatakh l'vovskogo sejma, 1903** – Pol'skaya pechat' o russkikh deputatakh l'vovskogo sejma [The Polish press on the Russian deputies of the Lviv Sejm]. *Kievskaya starina*. №11. 1903. P. 94. [in Russian]
- Obrazec pol'skoj antirusinskoj akcii, 1903** – Obrazec pol'skoj antirusinskoj akcii [An example of a Polish anti-Rusyn action]. *Kievskaya starina*. 1903. №3. Pp. 164-165. [in Russian]
- Obstrukciya rusinskikh poslov, 1904** – Obstrukciya rusinskikh poslov v Venskom parlamente [Obstruction of the Ruthenian ambassadors in the Vienna parliament]. *Kievskaya starina*. 1904. №4. Pp. 36-37. [in Russian]
- Obshchestvo rusinskikh zhenshchin, 1904** – Obshchestvo rusinskikh zhenshchin v Galicii i Bukovine [Society of Ruthenian women in Galicia and Bukovina]. *Kievskaya starina*. №1. 1904. P. 25. [in Russian]
- Otkrytie novoj..., 1900** – Otkrytie novoj rusinskoj gimnazii [Opening of a new Rusyn gymnasium]. *Kievskaya starina*. 1900. №10. Pp. 26-27. [in Russian]
- Otkrytie russko-galickogo obshchestva, 1903** – Otkrytie russko-galickogo obshchestva [Opening of the Russian-Galician Society]. *Kievskaya starina*. 1903. №3. Pp. 158-159. [in Russian]

- Otzyvy v pechati, 1903** – Otzyvy v pechati o razryve mezhdru rusinami i polyakami v Galicii [Reviews in the press about the break between the Rusyns and Poles in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №12. Pp. 160-161. [in Russian]
- Paliyenko, 2005** – Paliyenko, M.H. (2005). «Kyevsckaya staryna» u hromads'komu ta naukovomu zhytti Ukrayiny (kinets' XIX – pochatok XX st.) ["Kievskaya starina" in public and scientific life of Ukraine (end of the 19th – beginning of the 20th century)]. K.: Tempora. 384 p. [in Ukrainian]
- Pervyj rusin, 1903** – Pervyj rusin v Palate gospod [The First Rusyn in the House of Lords]. *Kievskaya starina*. 1903. №2. Pp. 91-92. [in Russian]
- Pochetnoe izbranie rusina, 1903** – Pochetnoe izbranie rusina [Honorary Election of a Rusyn]. *Kievskaya starina*. 1903. №5. P. 119. [in Russian]
- Polozhenie rusinskikh shkol, 1904** – Polozhenie rusinskikh shkol v Galichine [The Regulations of Rusyn Schools in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1904. №3. P. 118. [in Russian]
- Pol'skij i rusinskij yazyk, 1904** – Pol'skij i rusinskij yazyk v galicijskikh shkolakh [Polish and Rusyn Language in Galician Schools]. *Kievskaya starina*. 1904. №2. P. 76. [in Russian]
- Postrojka novogo..., 1904** – Postrojka novogo rusinskogo teatra vo L'vove [Construction of a New Rusyn Theater in Lvov]. *Kievskaya starina*. 1904. №12. Pp. 164-165. [in Russian]
- Proekty..., 1901** – Proekty novogo ukrainskogo universiteta i gimnazii v Galicii [Projects of the new Ukrainian university and gymnasium in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1901. №7-8. Pp. 26. [in Russian]
- Pticyn, 2023** – Pticyn, A.N. (2023). Rusiny – direktora peterburgskikh i moskovskikh gimnazij v 1870–1900-e gg. [Rusyns – directors of St. Petersburg and Moscow gymnasiums in the 1870-1900s]. *Rusin*. 71: 60-75. [in Russian]
- Razvitie rusinskoj shkoly, 1905** – Razvitie rusinskoj shkoly v Bukovine v 1895-1904 gg. [Development of the Ruthenian School in Bukovina in 1895-1904]. *Kievskaya starina*. 1905. №1. P. 39. [in Russian]
- Rost organizacii, 1903** – Rost organizacii sredi galickikh ukraincev dlya zashchity svoej narodnosti [Growth of the Organization among Galician Ukrainians to Protect Their Nationality]. *Kievskaya starina*. 1903. №9. Pp. 127-130. [in Russian]
- Rozhdestvenskie obychai, 1900** – Rozhdestvenskie obychai v Ugorskoj Rusi [Christmas Customs in Hungarian Rus]. *Kievskaya starina*. 1900. №3. Pp. 148-149. [in Russian]
- Rusinskaya khudozhestvennaya vystavka, 1900** – Rusinskaya khudozhestvennaya vystavka vo L'vove [Ruthenian Art Exhibition in Lviv]. *Kievskaya starina*. 1900. №10. P. 26. [in Russian]
- Rusinskij nacional'nyj teatr, 1904** – Rusinskij nacional'nyj teatr vo L'vove [Ruthenian National Theater in Lviv]. *Kievskaya starina*. 1904. №5. P. 77. [in Russian]
- Rusinsko-pol'skoe delo, 1903** – Rusinsko-pol'skoe delo v avstrijskom parlamente [Ruthenian-Polish Affair in the Austrian Parliament]. *Kievskaya starina*. 1903. №4. Pp. 48-49. [in Russian]
- Rusiny, 1903** – Rusiny – o naznachanii novogo namestnika Galicii [Rusyns – on the Appointment of a New Viceroy of Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №6. Pp. 192-193. [in Russian]
- Rusiny i rumyny na Bukovine, 1903** – Rusiny i rumyny na Bukovine [Rusyns and Romanians in Bukovina]. *Kievskaya starina*. 1903. №7-8. Pp. 54-55. [in Russian]
- Rusiny v Amerike, 1900a** – Rusiny v Amerike [Rusyns in America]. *Kievskaya starina*. 1900. №2. Pp. 74-75. [in Russian]
- Rusiny v Amerike, 1900b** – Rusiny v Amerike [Rusyns in America]. *Kievskaya starina*. 1900. №11. P. 80. [in Russian]
- Rusiny v Brazilii, 1900a** – Rusiny v Brazilii [Rusyns in Brazil]. *Kievskaya starina*. 1900. №1. P. 27. [in Russian]
- Rusiny v Brazilii, 1900b** – [Rusini v Brazilii] [Rusyns in Brazil]. *Kievskaya starina*. 1900. №7-8. Pp. 24-25. [in Russian]
- Rusiny v srednikh shkolakh, 1905** – Rusiny v srednikh shkolakh Galicii [Rusyns in Secondary Schools of Galicia]. *Kievskaya starina*. 1905. №6. P. 269. [in Russian]
- Rusiny v zapadnoj Galicii, 1903** – Rusiny v zapadnoj Galicii [Rusyns in Western Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №4. Pp. 47-48. [in Russian]
- S"ezd rusko-narodnoj partii, 1903** – S"ezd rusko-narodnoj partii v Galichine [Congress of the Russian People's Party in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №3. P. 170. [in Russian]
- Shevchenko, 2020** – Shevchenko K.V. (2020). Ukrainskoe dvizhenie i politika Chekhoslovakii v rusinskom voprose v mezhoennyj period v osveshchenii gazety «Amerikanskij russkij vestnik» [Ukrainian movement and policy of Czechoslovakia in the Rusyn question in the interwar period as covered by the newspaper "American Russian Bulletin"]. *Rusin*. 61: 132-148. [in Russian]
- Shovinizm i rusinoedstvo..., 1903** – Shovinizm i rusinoedstvo pol'skogo dukhovenstva v Galicii [Chauvinism and Russophilia of the Polish Clergy in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №3. Pp. 166-167. [in Russian]
- Statistika ukrainskogo naseleniya, 1903** – Statistika ukrainskogo naseleniya v Galichine [Statistics of the Ukrainian population in Galicia]. *Kievskaya starina*. 1903. №2. P. 96. [in Russian]

- Stogov, 2022** – *Stogov, D.I.* (2022). Rusinskaya problematika v trudakh russkikh konservatorov konca XIX – nachala XX v. [Rusyn issues in the works of Russian conservatives of the late 19th – early 20th centuries]. *Rusin.* 67: 174-187. [in Russian]
- Sulyak, 2004** – *Sulyak, S.* (2004). Oskolki Svyatoj Rusi. Ocherki etnicheskoj istorii rusnakov Moldavii [Fragments of Holy Rus'. Essays on the ethnic history of the Rusnaks of Moldova]. Kishinev: Izd. dom «Tat'yanA». 240 p. [in Russian]
- Sulyak, 2020** – *Sulyak, S.G.* (2020). N.I. Nadezhdin i Karpatskaya Rus' [N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus]. *Rusin.* 61: 41-66. [in Russian]
- Telvak, Nakonechnij, 2020** – *Telvak, V.V., Nakonechnij, V.M.* (2020). Polozhenie rusinskogo men'shinstva vo Vtoroj Rechi Pospolitoj po materialam gazety «Nash lemko» [The situation of the Rusyn minority in the Second Polish Republic based on the materials of the newspaper “Nash Lemko”]. *Rusin.* 61: 166-182. [in Russian]
- Troshchynskyy, Shevchenko, 1999** – *Troshchynskyy, V.P., Shevchenko, A.A.* (1999). Ukrayintsi v sviti. [Ukrainians in the world]. T. 15. K.: Vydavnychy dim «Al'ternatyvy». 352 p. [in Ukrainian]
- Vovk, 1889a** – *Lupulesku [Vovk, F.]* (1889). Russkie kolonii v Dobrudzhe (Istoriko-etnograficheskij ocherk) [Russian colonies in Dobrudja (Historical and ethnographic essay)]. *Kievskaya starina.* 1: 117-154. [in Russian]
- Vovk, 1889b** – *Lupulesku [Vovk, F.]* (1889). Russkie kolonii v Dobrudzhe [Russian colonies in Dobrudja]. *Kievskaya starina.* 2: 314-336. [in Russian]
- Vovk, 1889c** – *Lupulesku [Vovk, F.]* (1889). Russkie kolonii v Dobrudzhe [Russian colonies in Dobrudja]. *Kievskaya starina.* 3: 685-704. [in Russian]
- Vozzvanie kluba..., 1904** – Vozzvanie kluba rusinskikh poslov [Appeal of the Club of Ruthenian Ambassadors]. *Kievskaya starina.* 2: 76. [in Russian]
- Vybory galickikh poslov, 1901** – Vybory galickikh poslov v Sejm [Elections of Galician Ambassadors to the Sejm]. *Kievskaya starina.* 10: 27. [in Russian]
- Vykhod bukovinskikh poslov, 1902** – Vykhod bukovinskikh poslov iz sejma [Exit of Bukovinian ambassadors from the Sejm]. *Kievskaya starina.* 7-8: 34-35. [in Russian]
- Vykhod rusinskikh poslov, 1903** – Vykhod rusinskikh poslov iz galickogo sejma [Exit of the Ruthenian Ambassadors from the Galician Sejm]. *Kievskaya starina.* 11: 91-93. [in Russian]
- Vykhod russkikh..., 1901** – Vykhod russkikh deputatov iz galickogo sejma [Exit of Russian deputies from the Galician Sejm]. *Kievskaya starina.* 7-8: 20-21. [in Russian]

Общественно-политическая и культурная жизнь украинско-русинского населения Австро-Венгерской империи на страницах журнала «Киевская старина»

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Данная статья посвящена изучению информационных возможностей ежемесячного журнала «Киевская старина» при изучении разных аспектов истории украинско-русинского населения западноукраинских территорий, входивших в конце XIX – начале XX веков в состав Австро-Венгерской империи. Сам журнал издавался на украинских землях Российской империи в 1882-1906 годах. На его страницах было опубликовано большое количество материалов, относящихся к украинско-русинской тематике. Чаще всего это очерки и небольшие статьи об общественной, политической и культурной жизни русинов Галичины, Буковины, Закарпатья и эмигрировавших в страны Латинской и Северной Америки. Кроме того, журнал содержит исследования ученых историко-этнографического характера, рецензии на работы, посвященные украинско-русинской тематике, или обзоры русинской литературы.

Указанные публикации были сгруппированы по нескольким тематическим направлениям, которые и были определены как наиболее перспективные для исследования по материалам журнала «Киевская старина». Основные из них: самоорганизация украинцев-русинов за рубежом; социально-экономическое положение украинского населения Галичины, Буковины, Закарпатья в конце XIX – начале XX веков; борьба русинов за свои культурные, национальные, политические права; историография истории и культуры русинов на страницах «Киевской старины» и т.д.

Ключевые слова: «Киевская старина», исторический источник, украинцы, русины, качество образования, образовательная политика, урбанизация, культурное наследие, правовая идентичность для всех, эффективные институты, этнические конфликты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1407-1415
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1407

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province)

Tatyana G. Karchaeva ^{a,*}, Galina M. Lushchayeva ^a, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Mikhail D. Sever'yanov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the historical facts about awarded officials in Siberia in the XIX – early XX centuries. Formulary lists from the funds of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory made it possible to create an electronic archive in the Microsoft Excel program about 373 civil servants who worked in provincial and county government bodies in the Yenisei province from 1887 to 1917. There were officials from grades XV to XIV according to the Table of Ranks (287 people) and clerical servants who did not have ranks (86 people). Mathematical and statistical methods made it possible to establish the exact number of civil servants awarded the insignia of the Russian Empire. The Orders of St. Stanislaus III degree had 103 people, II degree – 40 people, St. Anna III degree – 71 people, St. Anna II degree – 12 people, St. Vladimir IV degree – 15 people, St. Vladimir III degree – 4 people, foreign orders – 2 people, military medals – 45 people, jubilee and for achievements with medals – 151 people, jubilee and achievement medals – 151 people, other crosses and badges – 4 people, badges of immaculate service – 2 people. The techniques of the prosopographic approach allowed us to recreate the image of officials who have been awarded various government awards. We examined the biographies of average and special employees who differed from the general array of bureaucracy. We concluded that in the Yenisei province, a number of factors influenced the receipt of insignia: social origin, level of education, territory, place, conditions for the beginning and stages of public service. Thus, the most complete sets of orders in the "correct" gradualism (according to the statutes of the orders) were 40-50-year-old officials transferred to Siberia from the central and western provinces of the Russian Empire, of noble origin, who served for more than 20 years in the field of civil service, as well as those who participated in battles and battles or had experience helping troops during military operations in which the Russian Empire participated in those years.

Keywords: officialdom, civil servants, provincial authorities, county authorities, imperial and royal orders, medals, insignia, Yenisei province, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. отличившиеся на поприще гражданской службы чиновники центральных и местных управлений Российской империи имели право на «различные почести»: подарки, денежные выплаты (сверх окладов содержания), пенсии, постоянные и единовременные пособия, различные знаки отличия, медали, императорские и царские ордена. Награды чиновники получали по представлению в Комитет министров с 1892 г. – «Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах», а орденами ведал «Капитул Российских Императорских и Царских орденов» (в составе Министерства императорского двора). На законодательном уровне обобщающим нормативным правовым актом, регламентировавшим наградную систему, было «Учреждение орденов и других знаков отличия» в составе т. I ч. 2 Свода законов Российской империи 1896 г. издания, а также принятые до этого статуты орденов и другие положения о знаках отличия.

* Corresponding author

E-mail addresses: me@karchaeva.ru (T.G. Karchaeva)

В Сибири как отдаленной местности право на награды имели все чиновники губернских, областных и подведомственных им управлений. Местные чиновники получали награды с учетом чина, выслуги лет, класса занимаемой должности, в том числе, медали и ордена в строгой постепенности – от низшего к высшему ([Учреждение орденов, 1896: ст. 86](#)).

Цель статьи – выявить на материалах Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. количественные данные о чиновниках среднего звена управления (исключая губернаторов, вице-губернаторов), которые были пожалованы знаками отличия, медалями и орденами, а также на примере отдельных персоналий реконструировать жизненный путь награжденных.

Хронологические рамки исследования – 1887–1917 гг. – обусловлены периодом существования Иркутского генерал-губернаторства, а территориальные границы охватывают Енисейскую губернию, которая входила в его состав.

2. Материалы и методы

При рассмотрении вопросов установления численности и характеристики чиновников, награжденных медалями и орденами на территории Восточной Сибири, применены качественный и количественный подходы к описанию результатов исследования.

Общенаучные (анализ и синтез), специально-исторические (проблемно-хронологический, ретроспективный) методы исследования в рамках качественного подхода позволили в русле просопографической методики проиллюстрировать личные качества и заслуги, позволившие служащим быть отмеченными центральной властью ([Петрова, 2022: 941](#)).

Количественные данные о награжденных чиновниках получены статистическим и математическим методами посредством фильтрации записей в разработанном нами на платформе Microsoft Excel электронном архиве, названном «Чиновники Енисейской губернии в 1887–1917 гг.». Электронный архив представляет собой свод информации в табличной форме о 373 чиновниках среднего звена управления (изучаемых объектах). Сведения о наградах в таблице выведены в отдельное поле (столбец) «Награды» и соотнесены с информацией в других столбцах («Источник», «Год сбора информации», «Фамилия», «Имя», «Отчество», «Чин», «Должность», «Возраст», «Территория службы в год сбора информации», «Место службы (управление)», «Социальное происхождение», «Уровень образования», «Выслуга лет по гражданскому ведомству», «Опыт военной службы», «Бытность под судом и следствием» (да/нет).

Сведения о чиновниках получены из неопубликованных формулярных (послужных) списков, которые подяты из фондов №141 «Енисейский губерний суд», №160 «Енисейская казенная палата», №595 «Енисейское общее губернское управление», №613 «Енисейский губернский прокурор» Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация) ([ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1479–1482; Ф. 160. Оп. 1. Д. 972, 1066, 1268, 1373; Ф. 595. Оп. 45. Д. 4, 7, 19, 23, 28, 31, 45, 53–92, 112, 123, 125, 127, 130, 140, 143, 147, 152, 155, 164, 174, 179, 186, 189, 193, 201–204, 211–215; 223–241, 325–335, 357, 358, 404, 462, 470, 479; Ф. 613. Оп. 1. Д. 165, 257, 175, 288, 294, 300–316](#)).

3. Обсуждение

История чиновничества на локальном (территориальном) уровне – достаточно распространенная предметная область современных исследований.

Среди работ последних лет стоит упомянуть научные статьи по губерниям Центральной России (например, Курской губернии) или, для сравнения, по западным окраинам Российской империи, в которых представлен социальный портрет гражданских служащих ([Плех, Черникова, 2023; Шатохин, 2022; Degtyarev et al., 2021](#)). Некоторая параллель между дореволюционными и современными российскими чиновниками проводится в исследованиях В.Н. Каракчиева, Д.А. Соловьева, В.И. и Е.В. Дятловых, А.Г. Грязнухина, А.П. Дворецкой, которые на стыке истории, политологии и социологии раскрывают отдельные темы деятельности гражданских служащих в дореволюционный, советский и постсоветский периоды ([Каракчиев, 2022; Соловьев, 2021; Degtyarev et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2023; Dyatlov, Dyatlova, 2020](#)).

Научные исследования, в которых территориальные рамки ограничены Сибирью, – существенный пласт в современной историографии чиновничества. Вопросы организации в дореволюционный период государственной власти на «восточной окраине» рассматриваются с позиции формирования и функционирования органов управления в научных трудах историков Л.М. и И.Л. Дамешек, И.Н. Мамкиной ([Дамешек, Дамешек, 2023; Дамешек, Мамкина, 2021](#)). Деятельность значимых исторических личностей (чиновников) в Сибири – предмет исследований, например, Е.П. Мамышевой, О.В. Коноваловой, А.А. Евстратчик ([Мамышева, 2023; Евстратчик, Коновалова, 2023](#)). Социальная структура чиновничества – традиционная тема исследований Н.П. Матхановой, Д.В. Андрияновой, В.М. Костомарова, Т.Г. Карчаевой ([Андриянова, Костомаров, 2023; Карчаева, Осипов, 2023; Матханова, 2023](#)).

Методы и приемы автоматизированной обработки данных уже широко применяются в исследованиях по изучению социальной истории Сибири. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров заложили

основы исторической информатики, которые позволили включить в цифровое пространство историческую науку (Бородкин, Владимиров, 2019; Владимиров, 2023).

4. Результаты

4.1. Статистический обзор награжденных чиновников

Государственные служащие правительственных учреждений Восточной Сибири получали награды по правилам, принятым на общероссийском уровне. Однако Сибирь входила в перечень отдаленных краев Российской империи, на которые распространялись привилегии для чиновников, переведенных на окраину по решению властей (СЗРИ, 1906, т. 3, кн. 3, ст. 1). Тем самым приезжие в Сибирь государственные служащие имели возможность «в ускоренном порядке» поступить на более высокую должность, быть награжденными следующим классным чином и, например, соответствующим орденом (согласно постепенности или «за исключительные заслуги»). Награждение знаками отличия, медалями и орденами давало чиновникам дополнительные социальные и материальные права: например, личное дворянство – для награжденных орденом Св. Анны II–IV ст. (после 1845 г.), Св. Станислава (после 1855 г.), Св. Владимира IV ст. (после 1900 г.) или статус почетного потомственного гражданина – при условии, если отец-чиновник не получил статус личного дворянина по орденам, а также право на пенсию самому чиновнику или (после его смерти) членам семьи (СЗРИ, 1912, т. 1: 324, 328–333).

В приведенной таблице показаны статистические данные по имевшимся наградам у чиновников среднего звена управления Восточной Сибири, служивших в губернских и окружных/уездных правительственных учреждениях Енисейской губернии (Таблица 1).

Заметим, в таблицу вошли знаки отличия, медали, российские ордена Святых Станислава, Анны, Владимира, иностранные ордена, знаки беспорочной службы, которыми были награждены чиновники, то есть отсутствуют высшие степени орденов, военный орден Святой Анны IV ст., которыми в Енисейской губернии никто награжден не был.

Во-первых, анализ данных в таблице свидетельствует о том, что в целом по Енисейской губернии присутствовала общая тенденция увеличения количества и значимости наград с повышением рангов классных чинов: чем выше социальный статус чиновника, тем больше вероятность, что у него были знаки отличия (от 75 до 96 % награжденных среди служащих VIII–V классов – от коллежского асессора до статского советника; от 18 до 38 % – среди XIV–IX классов – от коллежского регистратора до титулярного советника).

Таблица 1. Награжденные чиновники Енисейской губернии (1887–1917 гг.), чел.

Чин	Всего чел.	Наличие орденов и медалей				Святого Станислава		Св. Анны		Святого Владимира		Иностранные ордена	Медали, кресты, знаки			Знаки беспорочной службы
		ордена и медали, знаки	только медали	не награждены	н/с	III	II	II I	II	IV	II I		военные	юбилейные, за достижения	кресты, знаки, перстни	
V	27	26	18	1	0	25	22	18	9	9	3	0	8	25	2	1
VI	32	24	16	7	1	19	7	2 0	3	3	0	0	7	24	2	0
VII	40	30	17	10	0	25	5	15	0	1	0	1	4	30	0	0
VIII	38	29	18	7	2	20	4	12	0	0	0	0	11	29	0	0
IX	50	19	8	29	2	2	0	2	0	0	0	1	7	19	0	0
X	33	6	4	26	1	3	2	3	0	2	1	0	2	6	0	0
XII	42	13	9	27	0	9	0	1	0	0	0	0	4	12	0	0
XIV	25	6	4	19	0	2	0	0	0	0	0	0	2	6	0	0
Итого	287	152	94	129	6	103	40	71	12	15	4	2	45	151	4	1
Неимеющие чина	86	12	12	74	0	0	0	0	0	0	0	0	1	10	0	1
Всего	373	164	106	203	6	103	40	71	12	15	4	1	4 6	163	4	2

Источник: ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1479–1482; Ф. 160. Оп. 1. Д. 972, 1066, 1268, 1373; Ф. 595. Оп. 45. Д. 4, 7, 19, 23, 28, 31, 45, 53–92, 112, 123, 125, 127, 130, 140, 143, 147, 152, 155, 164, 174, 179, 186, 189, 193, 201–204, 211–215; 223–241, 325–335, 357, 358, 404, 462, 470, 479; Ф. 613. Оп. 1. Д. 165, 257, 175, 288, 294, 300–316.

Разумеется, согласно нормам, не имеющие чина не награждались орденами.

Так, например, за рассматриваемый 30-летний период были награждены орденами и медалями все выявленные нами губернские инженеры, землемеры, ветеринары, прокуроры, советники прокурора, начальники отделений, непрременные члены по крестьянским делам, судьи и пр., которые имели высокий чин V класса (статского советника). Исключение составлял только исправлявший в 1887 г. должность оператора Енисейской губернской врачебной управы статский советник П.И. Мажаров, у которого в формулярном списке значилось «под судом и следствием не был», но который проходил в качестве свидетеля по делу об убийстве казначея Енисейского губернского правления (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 112. Л. 45-59). К слову, расследование длилось 18 лет, с 1866 по 1882 г., в итоге все участники Правительствующим Сенатом были оправданы, им были возвращены удержанные жалованья и штрафные деньги, но они в период расследования награды не получали (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 520б.-66, 72, 89, 204).

Во-вторых, у среднего уровня чиновников в отдаленной Енисейской губернии иностранные ордена представляли собой «исключение из правил». Всего выявлено два человека, имевших ордена за участие в боевых действиях, которые, впрочем, на данных должностях оставались на военной службе: чиновник особых поручений (1906 г.) в чине штаб-ротмистра запаса П.П. Родственный, награжденный Бухарскими орденами Золотой звезды и Серебряной звезды (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 357. Л. 2-20б.); Усинский пограничный начальник (1915 г.) подполковник А.Х. Чакиров награжден орденом Двойного Дракона II степени III класса (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 232. Л. 32).

Иностранные ордена повышали в статусе обладавших ими чиновников, поэтому они были, например, у губернаторов Енисейской губернии. Среди них тайный советник М.А. Плец имел большой офицерский крест Итальянского ордена Святых Маврикия и Лазаря (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 230. Л. 29-36); тайный советник Н.И. Айгустов – китайский орден Двойного Дракона II ст. I класса и I степени II класса в память похода в Китай в 1900-1901 гг. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1903 г. Д. 74. Л. 61-71).

В-третьих, статистический анализ показал, что у 269 из 287 классных чиновников (94 %) присутствовали и ордена, и медали. Только 18 чел. имели по одному ордену при отсутствии медалей. Здесь стоит упомянуть надворного советника С.А. Попова – по формуляру 1891 г. исправника Енисейского окружного управления, происходившего из семьи сибирского чиновника. Он имел начальное образование – Красноярское уездное училище, имел единственную награду – орден Святого Владимира IV ст. за 35 лет беспорочной службы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 130. Л. 10б.-2), а также надворного советника А.С. Ивановского – 55-летнего бухгалтеря в Енисейском губернском управлении, уроженца Вятской губернии, для которого Восточная Сибирь стала первым местом гражданской службы после окончания Вятского уездного училища. Он награжден орденом Святого Станислава II степени, как сказано в формуляре, «в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы и особых трудов» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 214. Л. 32 об.-34).

При этом в остальных 17 из 18 случаев это был первый в постепенности орденов – орден Святого Станислава III степени, которым были награждены 30-40-летние по возрасту чиновники, вступившие на «полосу наградений». Все они происходили из семей канцелярских служителей, обер-офицеров, мещан, крестьян и духовенства (не из дворянского сословия), имели 10-15 лет выслуги по гражданскому ведомству, занимали должности в системе прокурорского надзора, были чиновниками особых поручений, начальниками отделений, станowymi приставами, заседателями, секретарями, делопроизводителями (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 130. Л. 10б.-2; Д. 152. Л. 34 об.-35; Д. 174. Л. 10б.-2; Д. 186. Л. 34-35; Д. 191. Л. 38-39; Д. 193. Л. 30-31; Д. 238. Л. 70-700б.; Д. 196. Л. 43-430б.; Д. 196. Л. 58-58 об.; Д. 201. Л. 1 об.-2; Д. 211. Л. 39-390б.; Д. 215. Л. 37-370б.; Д. 19. Л. 12-12 об.; Д. 71. Л. 6-6 об.; Д. 92. Л. 12-120б.; Д. 93. Л. 9-90б.; Д. 96. Л. 12-120б.; Ф. 613. Оп. 1. Д. 165. Л. 18-180б.; Д. 310. Л. 610б.; Ф. 141. Оп. 1. Д. 1482. Л. 95 об.-96). Например, по формуляру 1895 г. исполнявший должность Енисейского губернского прокурора коллежский советник Н.А. Лубенцов, имевший орден Святого Станислава III степени за 15 лет беспорочной службы, был переведен в 1891 г. из Варшавской губернии, где занимал должность товарища прокурора Варшавской судебной палаты, и имел к 36 годам от роду столь высокий чин VII класса в связи с наличием высшего образования: окончил в 1880 г. Императорский Варшавский университет, юридический факультет со степенью кандидата (ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 257. Л. 7-8).

В-четвертых, наиболее частым видом наград у чиновников Енисейской губернии были медали, которыми награждались чиновники за отличия в выполнении служебных обязанностей независимо от классных чинов.

В разряд медалей за военные заслуги, наиболее часто встречаемых среди указанных государственных служащих, входили медали «В память Русско-турецкой войны 1877-1878», «За поход в Китай» (указывались 1900-1901 гг.), «В память Русско-японской войны». Гражданские чиновники имели названные медали за какую-либо помощь во время боевых действий, включая благотворительную (светло- и темно-бронзовые медали), реже – за участие в боевых действиях, будучи на военной службе (серебряные медали). В начале XX в. только один чиновник обладал темно-бронзовой медалью «В память войны 1812 г.» – старший чиновник особых поручений

Енисейского губернского управления, коллежский ассессор С.Д. Вилькенский (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 237. Л. 44-56).

Обладатели медалями, как бы сейчас сказали, за планирование и организацию поставленных перед государством и обществом срочных задач – «За труды по первой всеобщей переписи населения», «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914» – были в основном служащие с чинами V-VIII классов. Они занимали значимые в системе административного управления должности. При этом совсем немногие имели медаль «За усердие» – всего три человека: не имеющий классного чина С.П. Кошелев, занимавший должность смотрителя Красноярских богоугодных заведений (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 325. Л. 1-2); губернский секретарь А.М. Ламеко, помощник пристава в Енисейском уездном управлении (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 404. Л. 21-23); коллежский регистратор Е.Р. Зайцев, помощник делопроизводителя в Енисейском губернном управлении (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 214. Л. 32 об.-34).

Юбилейные медали «В память царствования императора Александра III» (серебряная), «В память коронации Императора Николая II» (серебряная), «В память 100-летия Отечественной войны 1812», «В память 300-летия царствования дома Романовых» (светло-бронзовая) были самой распространенной категорией среди награжденных: 75-86 % от общего числа классных чиновников VII-V разрядов – от коллежского до статского советника; 19-38 % – от общего числа служащих с чинами XIV-IX классов – от коллежских регистраторов до титулярных советников. Юбилейные медали получали чиновники всех рангов и должностей за достижения на поприще гражданской службы в юбилейные годы.

При этом в Енисейской губернии в 1887-1917 гг. из не имевших чинов 86 чел. только 10 канцелярских служащих имели награды медалями:

– экзекутор и казначей А.С. Покровский, помощники делопроизводителей А.П. Делекторский и А.П. Масловский, канцелярские служащие А.И. Терский, И.В. Лялюлин и В.А. Селезнев. Это серебряная медаль «В память царствования императора Александра III». У последнего еще темно-бронзовая медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 130. Л. 103 об.-104; Д. 147. Л. 22 об.-23; Д. 179. Л. 31-31 об.; Д. 225. Л. 15-15 об.; Д. 326. Л. 54-54 об.; Д. 200. Л. 62-62 об.);

– становой пристав А.М. Вологдин – светло-бронзовая медаль «В память Русско-японской войны»; становой пристав К.И. Зудин – серебряная медаль «За беспорочную службу в Полиции» для ношения на груди на Анненской ленте, серебряная медаль «В память царствования императора Александра III» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 237. Л. 17-17 об.; Д. 238. Л. 1 об.-2);

– секретарь И.Д. Протасов – бронзовая медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 239. Л. 68-68 об.);

– исправлявший должность смотрителя Красноярских богоугодных заведений С.П. Кошелев – серебряная медаль с надписью «За поход в Китай в 1900-1901 гг.», серебряная «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте, темно-бронзовая медаль за войну 1904-1905 гг. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 325. Л. 1-106.).

За рассматриваемый период выявлен только один чиновник, имевший «Знак отличия беспорочной службы в классных чинах 15 лет» – это 70-летний (по формуляру 1887 г.) Енисейский губернский прокурор статский советник В.Ф. Долгушин, так как названный знак отличия после 1859 г. не выдавался. Василий Федорович Долгушин за 34-летний период службы по гражданскому ведомству был награжден орденами Святой Анны II ст., Святым Станиславом II ст., Святым Владимиром IV и III степеней, серебряной медалью с мечами и бантом «В память войны 1853-1856» (ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 275. Л. 4-5).

4.2. Личности, заслуживающие упоминания

Фильтрация данных в созданном нами электронном архиве на платформе Excel по полям (столбцам) «должность», «возраст», «территория службы в год сбора информации», «территория первого места службы», «социальное происхождение», «уровень образования», «выслуга лет по гражданскому ведомству», «опыт военной службы» показала, что наибольший комплект орденов и медалей в 1887-1900 гг. имели чиновники V-IX классов возрастом от 50 до 60 лет (72 %), переведенные в Сибирь и в связи с этим имевшие ускоренное чинопроизводство (68 %), а также с опытом гражданской службы более 10 лет (66 %), а также участвовавшие когда-либо в боях и сражениях (36 %).

В 1900-1917 гг. образ награжденного государственного служащего претерпел некоторые изменения. Так, среди чиновников, имевших, согласно постепенности, наиболее полные комплекты наград, стали выделяться чиновники, окончившие университетское образование: Императорские университеты в Варшаве, Дерпте, Киеве, Харькове, Казани, Санкт-Петербурге, Томске. Среди них чуть меньше половины были сибиряки по происхождению.

Среднестатистическим примером данного вида чиновников может служить старший советник Енисейского губернского управления коллежский советник Геннадий Алексеевич Хотунцев. По формуляру 1902 г. – 42 года от роду, православный, происходивший из купеческих детей Тульской губернии, окончивший физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского

университета, в 1883 г. поступивший вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семеновский полк в чине унтер-офицера, прослуживший несколько месяцев и прибывший в 1884 г. в Сибирь и Енисейскую губернию на должность учителя математики в Красноярскую мужскую гимназию, через 10 лет работы в педагогике, согласно прошению, переведенный чиновником особых поручений при Иркутском губернаторе, а в 1896 г. – старшим чиновником особых поручений в Енисейское губернское управление (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 191. Л. 48 об.-60).

Наибольшее количество наград среди чиновников среднего звена в Енисейской губернии, помимо не рассмотренных нами в данной статье губернаторов, вице-губернаторов и управляющих губернских учреждений, имел советник Енисейского губернского управления, статский советник Вильгельм-Михаил Дмитриевич Росновский. По формуляру 1914 г. имел серебряную медаль «В память царствования императора Александра III», темно-бронзовую медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения», светло-бронзовую 300-летия Дома Романовых, серебряную медаль за участие в деятельности Красного Креста во время Русско-японской войны, а также Кавалерский крест ордена Румынской войны, знаки Красного Креста и в память столетия основания Константиновского военного училища. В.-М. Д. Росновский был римско-католического вероисповедания, родился 10 января 1865 г., происходил из потомственных дворян Киевской губернии, окончил курс наук во Втором военном Константиновском училище по 1-ому разряду, затем – Псковский кадетский корпус в 1893 г. После трех лет военной службы в 57-ом Модлинском пехотном полку он поступил на гражданскую службу уже в чине титулярного советника (IX класс). В 1897 г. сразу был переведен в Енисейскую губернию на должность председателя в Ачинский уездный съезд крестьянских начальников, затем стал заведующим Первым отделением Енисейского губернского управления, в 1912 г. был награжден чином статского советника (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 358. Л. 44-56).

Региональной особенностью является тот факт, что в Сибири чиновники, как правило, происходили из чиновничьей и мещанской среды. Тем самым сословно-социальное происхождение не играло значимой роли в системе награждения.

5. Заключение

В дореволюционный период российской истории государство награждало медалями, орденами и прочими знаками отличия чиновников, которые «ревностно и усердно» исполняли служебные обязанности. Набор наград у гражданских служащих в Енисейской губернии зависел от сочетания факторов, включавших в себя социальное происхождение, уровень образования, территорию, место, условия начала и этапы прохождения государственной службы. На основе математических и статистических методов исследования сделаны выводы, что наибольший видовой состав орденов, медалей и прочих знаков отличия был у сибирских чиновников, имевших более высокий классный чин по Табели о рангах, обусловленный, как правило, переводом в отдаленную Енисейскую губернию из центральных и западных губерний Российской империи, а также университетским уровнем образования. Чиновники, имевшие сибирское (территориальное) происхождение, как правило, имели ордена сверх постепенности в награду за высокий срок службы и усердное ее исполнение. Отдельной категорией гражданских служащих можно считать переведенных из военной службы, ранее участвовавших в боях и сражениях или оказывавших посильную помощь в военных действиях государства. Они награждались медалями, орденами и прочими знаками отличия, подчеркивавшими личный вклад в задачи, стоявшие перед Отечеством.

Литература

Андрянова, Костомаров, 2023 – Андрянова Д.В., Костомаров В.М. Чиновничество и служащие Тобольского и Томского губернских управлений конца XIX - начала XX вв. в пространственном измерении // *Журнал фронтирных исследований*. 2023. Т. 8. № 2 (30). С. 62-80.

Бородкин, Владимиров, 2019 – Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Цифровые технологии и ресурсы в конкретно-исторических исследованиях: дискуссии и опыт // *Историческая информатика*. 2019. № 2. С. 1–8.

Владимиров и др., 2023 – Владимиров В.Н., Володин А.Ю., Гарскова И.М., Фролов А.А. Международная научная конференция «Историческая информатика как Historical Data Science»: к 30-летию Ассоциации «История и компьютер» // *Историческая информатика*. 2023. № 1(43). С. 125-146.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2023 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Наследники М. М. Сперанского. социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Сибири 1822-1917 гг. // *I Степановские чтения. административные реформы в дореволюционной Сибири*. Материалы Международной научной конференции. Красноярск, 2023. С. 184-188.

Дамешек, Мамкина, 2021 – Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Государственная гражданская служба в Сибири: закон и практика (XVIII – начало XX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2021. Т. 38. С. 4-20.

Дворецкая и др., 2023 – Дворецкая А.П., Пиков Н.О., Слабуха А.В., Меховский В.А. Сакральное пространство Енисейского Севера в виртуальных проектах // *Историческая информатика*. 2023. № 4. С. 150-166.

Евстратчик, Коновалова, 2023 – Евстратчик А.А., Коновалова О.В. О стачке рабочих красноярских главных железнодорожных мастерских и паровозного депо 17 января 1905 г. // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2023. № 3 (29). С. 165-176.

Каракчиев, 2022 – Каракчиев В.Н. Проблемные аспекты низовых органов власти Коми автономной области в 1920-е годы // *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 377-384.

Мамышева, 2023 – Мамышева Е.П. Личность в истории Енисейской Сибири. А.Р. Шнейдер (1877–1930 гг.) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2023. № 1 (27). С. 130-139.

Матханова, 2023 – Матханова Н.П. Фрагменты мемуарного и автобиографического характера в деловых документах XIX в. на примере отчетов сибирских генерал-губернаторов // *Вестник архивиста*. 2023. № 1. С. 34-44

Петрова, 2022 – Петрова М. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 939-954.

Плех, Черникова, 2023 – Плех О.А., Черникова Н. В. Высочайшие путешествия по окраинам Российской империи в 1880-е гг.: на материалах дневника В.С. Оболенского // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2023. Т. 22. № 2. С. 303-315.

Соловьев, 2021 – Соловьев Д.А. Определение влияния вице-губернаторов России: позиционный метод (на примере Тамбовской области) // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5. № 1. С. 150-177.

Шатохин, 2022 – Шатохин И.Т. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры // *Via in Tempore. История. Политология*. 2022. Т. 49. № 2. С. 375-384.

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638.

Degtyarev et al., 2021 – Degtyarev S.I., Nazarov M.S., Polyakova L.G., Gut Ja. Representatives of the unprivileged social groups of the former hetmanate on public service of the Russian Empire (on the example of the peasant-Cossack Kunits family) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 56-63.

Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Dvoretzkaya A.P., Zhulaeva A.S. The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European. Society in the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 115-124.

Karchaeva et al., 2022 – Karchaeva T.G., Severyanov M.D., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Where are you from?": Staffing of the Public Service in the Irkutsk and Yenisei Provinces from XIX to early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 403-411.

References

Andriyanova, Kostomarov, 2023 – Andriyanova, D.V., Kostomarov, V.M. (2023). Chinovnichestvo i sluzhashchie Tobol'skogo i Tomskogo gubernskikh upravlenij konca XIX – nachala XX vv. v prostranstvennom izmerenii [Kostomarov V.M. Bureaucracy and Civil Servants of the Tobolsk and Tomsk Provincial Administrations of the late 19th - early 20th centuries in the Spatial Dimension]. *Zhurnal frontirnykh issledovanij*. 2 (30): 62-80. [in Russian]

Borodkin, Vladimirov, 2019 – Borodkin, L.I., Vladimirov, V.N. (2019). Tsifrovye tekhnologii i resursy v konkretno-istoricheskikh issledovaniyakh: diskussii i opyt [Digital technologies and resources in concrete historical research: discussions and experience]. *Istoricheskaya informatika*. 2: 1-8. [in Russian]

Dameshek, Dameshek, 2023 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2023). Nasledniki M. M. Speranskogo. Social'nyj portret general-gubernatorskogo korpusa Sibiri 1822–1917 gg. [Speransky. social portrait of the Siberian Governor-General's Corps of 1822–1917]. *I Stepanovskie chteniya. Administrativnye reformy v dorevolucionnoj Sibiri*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Krasnoyarsk. Pp. 184-188. [in Russian]

Dameshek, Mamkina, 2021 – Dameshek, L.M., Mamkina, I.N. (2021). Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba v Sibiri: zakon i praktika (XVIII – nachalo XX v.) [State Civil Service in Siberia: Law and Practice (18th– Early 20th)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 38: 4-20. [in Russian]

Degtyarev et al., 2021 – Degtyarev, S.I., Nazarov, M.S., Polyakova, L.G., Gut, Ja. (2021). Representatives of the unprivileged social groups of the former hetmanate on public service of the Russian Empire (on the example of the peasant-Cossack Kunits family). *Bylye Gody*. 16(1): 56-63.

Dvoretzkaya et al., 2023 – Dvoretzkaya, A.P., Pikov, N.O., Slabukha, A.V., Mekhovskij, V.A. (2023). Sakral'noe prostranstvo Enisejskogo Severa v virtual'nykh proektakh [The sacred space of the Yenisei North in virtual projects]. *Istoricheskaya informatika*. 4: 150-166. [in Russian]

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V. (2020). From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. [in Russian]

Evstratchik, Konovalova, 2023 – Evstratchik, A.A., Konovalova, O.V. (2023). O stachke rabochikh krasnoyarskikh glavnykh zheleznodorozhnykh masterskikh i parovoznogo depo 17 yanvarya 1905 g. [On the strike of the workers of the Krasnoyarsk main railway workshop and the locomotive Depot on January 17, 1905]. *Social'no-ehkonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 3(29): 165-176. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Krai].

Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Dvoretzkaya, A.P., Zhulaeva, A.S. (2023). The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European. Society in the 19th century. *Bylye Gody*. 18(1): 115-124.

Karakchiev, 2022 – Karakchiev, V.N. (2022). Problemnye aspekty nizovykh organov vlasti Komi avtonomnoj oblasti v 1920-e gody [Problematic aspects of Grassroots Authorities of the Komi Autonomous Region in the 1920s]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*. 8. 4 (32): 377-384. [in Russian]

Karchaeva et al., 2022 – Karchaeva, T.G., Severyanov, M.D., Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2022). Where are you from?": Staffing of the Public Service in the Irkutsk and Yenisei Provinces from XIX to early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 403-411.

Mamysheva, 2023 – Mamysheva, E.P. (2023). Lichnost' v istorii Enisejskoj Sibiri. A.R. Shnejder (1877–1930 gg.) [Personality in the Yenisei Siberia History. A.R. Schneider (1877–1930)]. *Social'no-ehkonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 1 (27): 130-139. [in Russian]

Matkhanova, 2023 – Matkhanova, N.P. (2023). Fragmenty memuarного i avtobiograficheskogo kharaktera v delovykh dokumentakh XIX v. na primere otchetov sibirskikh general-gubernatorov [Memoirs and autobiographical fragments in official documents of the 19th century on the example of the Siberian Governors' General Reports]. *Vestnik arkhivista*. 1: 34-44. [in Russian]

Petrova, 2022 – Petrova, M. (2022). Sovremennye metody i podkhody prosopografii (masterskaya issledovatelya) [The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop)]. *Quaestio Rossica*. 10(3): 939-954. [in Russian]

Plekh, Chernikova, 2023 – Plekh, O.A., Chernikova, N.V. (2023). Vysochajshie puteshestviya po okrainam Rossijskoj imperii v 1880-e gg.: na materialakh dnevnika V.S. Obolenskogo [An Emperor Travels around the Russian Empire Outskirts in the 1880s: as according to V.S. Obolenskii's diary]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 22 (2): 303-315. [in Russian]

Shatokhin, 2022 – Shatokhin, I.T. (2022). Kurskie vice-gubernatory: opyt rekonstrukcii sluzhebnoj kar'ery [Kursk vice-governors: experience of reconstruction of service career]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya*. 49(2): 375-384. [in Russian]

Solov'ev, 2021 – Solov'ev, D.A. (2021). Opreделение vliyatel'nosti vice-gubernatorov Rossii: pozicionnyj metod (na primere Tambovskoj oblasti) [Determining the influence of vice-governors of Russia: positional method (using the example of Tambov Oblast)]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*. 5 (1): 150-177. [in Russian]

Vladimirov et al., 2023 – Vladimirov, V.N., Volodin, A.Yu., Garskova, I.M., Frolov, A.A. (2023) Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Istoricheskaya informatika kak Historical Data Science»: k 30-letiyu Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter» [International scientific conference “Historical Informatics as Historical Data Science”: to the 30th anniversary of the Association “History and Computer”]. *Istoricheskaya informatika*. 1(43): 125-146. [in Russian]

«Ревностные служители» государству: о чиновниках и их наградах в XIX – начале XX вв. (на материалах Енисейской губернии)

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Галина Михайловна Луцаева ^a,
Николай Рзавич Новосельцев ^a, Михаил Дмитриевич Северьянов ^a,

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены ранее не известные исторической науке факты о награжденных чиновниках Сибири в конце XIX – начале XX вв. Формулярные списки из фондов Государственного архива Красноярского края позволили создать в программе Microsoft Excel электронный архив по 373 государственным служащим губернского окружного/уездного уровня управления в Енисейской губернии за 1887-1917 гг. В архив вошли данные о чиновниках V-XIV классов по Табели о рангах (287 чел) и о не имевших чинов канцелярских служителях (86 чел.).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: me@karchaeva.ru (Т.Г. Карчаева)

Математические и статистические методы исследования позволили установить точное количество гражданских служащих, награжденных знаками отличия Российской империи: орденами Святого Станислава (III степень – 103 чел., II степень – 40 чел.), Святой Анны (III степень – 71 чел., II степень – 12 чел.), Святого Владимира (IV степень – 15 чел., III степень – 4 чел.), иностранными орденами (2 чел.), военными медалями (45 чел.), юбилейными медалями и за достижения (151 чел.), прочими крестами и знаками (4 чел.), знаками беспорочной службы (2 чел.). Применение приемов просопографического подхода позволило на примере биографий конкретных служащих воссоздать образ чиновников, удостоенных различных правительственных наград. Сделан вывод о том, что в Енисейской губернии на получение знаков отличия влиял ряд факторов: социальное происхождение, уровень образования, территория, место, условия начала и этапы прохождения государственной службы. Так, наиболее полные комплекты орденов в «правильной» постепенности (согласно статутам орденов) имели переведенные в Сибирь из центральных и западных губерний Российской империи 40-50-летние чиновники, прослужившие более 20 лет на поприще гражданской службы, участвовавшие в боях или имевшие опыт помощи войскам во время военных действий, в которых в те годы участвовала Российская империя.

Ключевые слова: чиновничество, государственные служащие, гражданская служба, губернские органы власти, уездные органы власти, императорские и царские ордена, медали, знаки отличия, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1416-1424
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1416

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Forest and Forest Guards in the System of the Central Asian Possessions of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Satay M. Syzdykov ^b, Samat Zhumatay ^b, Assemgul S. Temirkhanova ^c

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Republic of Kazakhstan

^c North Kazakhstan University named after M. Kozybayev, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

State priorities in the field of protection and conservation of natural resources are strategic, which is evident from the historical experience of a number of European monarchies in England, France, Russia, etc. In the context of a growing shortage of moisture in the expanses of Central Asia, the “forest” theme is relevant. The study of the historical experience of relations between various social strata, within the framework of the imperial model, through the prism of the “forest” issue, is important in the context of identifying trends towards the centralization of the natural resource management system in remote regions. A critical analysis of thematic archival sources, narratives and published works on the history of the forest possessions of the Russian Empire and, in particular, the Turkestan and Steppe territories is carried out. Within the framework of the topic, the role of the forest guard in the implementation of imperial policy in the XIX – early XX centuries is studied. To analyze the historical mission of the forest guard at the beginning of the twentieth century, an analysis of facts and their interpretation was carried out, in particular, from the history of the requisition of “foreigners” for rear work in 1916 and mass unrest. The materials on the uprising of 1916 were studied in detail, sources from the central and regional archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, memoirs, etc. were involved. The scientific methods and approaches we use are traditional: analysis and synthesis, comparative, the principle of historicism, verification of sources, etc. A previously unexplored layer of problematic issues of conservation and exploitation of forests within the designated geographical areas was raised the framework in the XIX – early XX centuries. On the basis of the studied special literature and sources, trends in the evolution of the imperial right of ownership and use of state-owned forests and the social code of relations between forestry and local residents were identified.

Keywords: history, Central Asia, Russian Empire, Turkestan, forest, government cottages, steppe, Kazakhs, code, guards.

1. Введение

Кодификация взаимоотношений, коммуникаций, которые возникают относительно того или иного вопроса, касающегося интересов различных социальных страт, – типичное явление в рамках отдельно взятого государства. Существуют разновидности Кодексов (чести служащих, земельный и т.д.), регулирующих возможные взаимоотношения, в том числе спорные, требующие при необходимости решительных действий и принятия процессуальных решений. Принятие Кодекса предполагает правовое поле, в рамках которого его применяют, на него ссылаются, и возникают исполнители данного акта, подчиняющиеся прописанным в Кодексе нормам. Безусловно, и Лесной Кодекс имеет свою историю. Происхождение его было связано с необходимостью сохранности природных ресурсов государством,

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), satay14@mail.ru (S.M. Syzdykov), kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay), asema_sko@inbox.ru (A.S. Temirkhanova)

в связи с чем, как правило, регулировались подразделения, их охраняющие, а также их полномочия, функции и т.д. То есть создавался круг обязанностей и прав вокруг «лесного» вопроса.

В Российской империи леса со времен Петра I были востребованы в государственных масштабах (строительство мачт и оснастка флотилии, возведение столицы, прокладывание рельсов, изготовление мебели и т.п.), и собственно лесосплав был обычным занятием в районе полноводных рек. Лес становился товаром, достаточно ценились продукты его переработки. Со временем изменились запросы государствующей элиты, расширились функции лесной стражи по мере приращений территории Российской империи. К началу XX века лесничество и объездчики стали олицетворять собой оплот династии Романовых как внутри государства, так и на имперских окраинах. Соответственно, исследование роли конкретной социальной страты представляется актуальным.

2. Материалы и методы

2.1 В ходе исследования были использованы источники из российских и центральноазиатских архивохранилищ: Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Национальный архив Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан), Центральный архив Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан); региональных – Государственный архив Алтайского края (Барнаул, Российская Федерация), Исторический архив Омской области (Омск, Российская Федерация), Государственный архив Алматинской области (Алматы, Казахстан) и др. Содержание архивных материалов отражает специфику изучаемой эпохи и особенности практических методов управления краем колониальной администрации. В изученных материалах имеются переписка имперских ведомств, донесения генерал-губернаторов по инстанциям, рапорты и телеграммы, порядок рассмотрения жалоб семиреченцев на действия лесной стражи и др. Большим подспорьем для исследователей оказываются изданные своды имперских законодательных актов (ПСЗРИ), а также опубликованные в периодической печати копии документов по истории восстания 1916 года в Туркестане, Джизаке (см. «Красный архив» и др.).

2.2 Тема изучается на основе признанных в современной методологии междисциплинарных подходов. Используются общенаучные методы гуманитарных и социальных наук, а именно истории, экономики, антропологии, этнологии. Для достижения поставленной цели и задач использованы методы идентификации и верификации источников; метод анализа и синтеза, компаративный метод, а также методы дедукции и индукции, статистические (количественные) и проч.

3. Обсуждение

Леса евразийского материка подлежали кодификации в законодательстве империй еще в раннем средневековье. Французский двор и Голландская и Английская монархии тщательно регулировали принадлежность лесных массивов короне. В 70 годы XX века в медиевистике активизировалось изучение истории природной среды и ее влияния на хозяйственную жизнь (Филиппов, 2021: 12). Исследования советских историков способствовали в целом возрождению интереса к аграрной истории материка (Серовайский, 1977: 9). Леса в таком случае рассматривались не столько как ресурс, сколько как объект права собственности, владения и т.п.

О том, что лесам было придано государственное значение велением российского императора Петра, свидетельствует Указ от 19 ноября 1703 года, и за порубку леса вдоль крупных рек (Дон, Волга) полагалось строгое наказание вплоть до смертной казни, пишет С. Сутягин (Сутягин, 2011: 460). При Павле Первом был создан Лесной Институт в Петербурге в 1803 году, который в 1837 году был военизирован (Сутягин, 2011: 461).

В целях сохранения лесов, столкнувшись с ужасающими последствиями их вырубки в центральной части Российской империи, в 1888 году было издано «Положение о сбережении лесов». Лесные массивы стали подразделять по принадлежности. Так, к 1914 году из общей площади лесов Европейской части России 66 % составили казенные, 22 % – частные владения, 8 % – крестьянские, 4 % – удельные и проч. (ПСЗРИ, 1888: 148-155).

Имеющиеся доступные исследования на постсоветском пространстве можно было бы объединить как описательные в части изложения истории переселенческого движения и освоения лесных богатств отдаленных регионов Российской империи (Калашников, Афанасьев, 2018: 16-20). Публикации основаны на фундаментальных законопроектах, явившихся теоретической базой для организации практической работы на местах, где приходилось приспособлять громоздкий бюрократический механизм к реалиям. Поэтому любопытны результаты многолетних исследований Шейнгауза (2008) и Шибаева (2014).

Тем не менее, в советской и частично постсоветской историографии тема «переселенцы и лес» не охватывает такой аспект, который выбран нами, а именно кочевые этносы и лес в новых условиях насильственного ограничения хозяйственного пространства и присутствия лесной стражи в непосредственной близости к очертам казахских пастбищ.

Кочевничество в данном контексте следует понимать как «форму динамического равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, как специфическую форму адаптации,

жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека в определенных экологических нишах» (Масанов, 2000: 85). Экосистема Степного края на примере Акмолинской и Семипалатинской областей была освоена казахами достаточно полно. Помимо иных полезных свойств применения, в лесу можно было разжиться топливным ресурсом в холодное время года. Если на дальневосточных окраинах освоение леса и его заготовка, торговля и экспорт ассоциировались с трудовым подвигом, патриотизмом, то в землях «за Уралом» и среднеазиатской части империи процесс происходил обыденно и в противостоянии (большей частью негласном) с коренными жителями. Плотность заселенности в рассматриваемых областях была намного больше, чем, к примеру, на Дальнем Севере и Востоке. Ущемление зон выпаса скота для кочевых народов сродни стихийному бедствию (Масанов, 2000: 75).

Профессор истории Университета Миссисипи (США) Stephen Brain (Brain, 2011) считает, что «к моменту революции 1905 года в лесной науке России проявился «романтический» уклон, когда теория «типов древостоев» требовала от лесоводов учитывать местные виды и условия при разработке планов восстановления лесов. То есть существовал своего рода научно обоснованный подход к организации лесного хозяйства. Однако впоследствии все эти мероприятия утратили актуальность, что привело к хищнической вырубке лесов.

Brian Bonhomme, доцент кафедры русской истории в University of Central Arkansas (США) в своем исследовании уделяет значительное внимание событиям в лесном хозяйстве России конца девятнадцатого и дореволюционного двадцатого веков, что весьма ценно (Bonhomme, 2005). Большинство же исследователей останавливаются на советских реформах, в том числе лесной отрасли, что не входит в хронологические рамки нашей статьи.

Коллективный труд британских, французских и кыргызских историков (A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva) посвящен малоизученным аспектам восстания 1916 года в Средней Азии (Morrison et al., 2021). В данном сборнике статей тема лесной стражи и ее места и роли в событиях 1916 года в регионе специально не рассматривалась.

В целом обзор имеющейся специальной литературы, в частности советского периода, выявляет недостаточную изученность социального контекста отношений между автохтонным населением имперских владений центрально-азиатского региона, с одной стороны, и лесными стражниками как преимущественно контактной части военизированного имперского контингента, с другой. Между тем именно модели поведения стражников во взаимоотношениях с казахами и кыргызами следует рассматривать как фактор, возможно спровоцировавший массовые волнения в преддверии реквизиции и последовавших глобальных событий.

4. Результаты

По мере распространения имперских границ в Степь проникали новые правила поведения в лесу. Соответственно, формировался контингент лесных стражников, которые в традиционном сознании кочевников олицетворяли власть, запреты и ограничение передвижения. В этом смысле лесные стражники сразу же стали чуждым элементом для казахов, тем более что оружие в руках стражников представляло реальную угрозу. И хотя для кочевого типа хозяйствования леса, в отличие от степных пастбищных угодий и предгорных долин, представляли относительно меньший интерес, тем не менее значение лесных массивов для местных жителей они имели. Лесостепная зона занимает, по мнению специалистов, 7 % территории Казахстана на северо-западе, севере и северо-востоке страны. Здесь в среднем за год выпадает от 250 до 350-400 мм осадков (Масанов, 2000: 13). Это больше сезонных осадков в других областях на юге и юго-западе.

Добываемые в лесу пушное мелкое зверье, орехи и ягоды, хворост, кора (береста) деревьев использовались в хозяйстве. Собственно наличие деревьев на землях предков, наследуемых сыновьям, признавалось как часть собственности рода. Топонимические наименования также отражают принадлежность определенному лицу данного конкретного леса («Айбардың *ағашы*», «Ақназардың *ағашы*» и др.) или обозначение цветовой гаммы («Қызылағаш» (в переводе «Красный лес»), «Сарыағаш» («Желтый лес»)» «Шұбарағаш» («Пестрый лес») и др. Казахская лексика содержит множество названий деревьев: тал, терек, арша, кайын, о чем писал исследователь Герольд Бельгер (Бельгер, 2003: 87). Это означает, что казахский язык сохранил издревле используемые в быту и ценившиеся предметы окружающей среды.

По мере вступления в непосредственный контакт кочевого казахского населения Степного края, а затем и Западного Туркестана, с первыми казачьими отрядами в районе городов-крепостей (Уральск, Оренбург, Петропавловск, Павлодар, Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск) в середине и второй половине XVIII в. статус лесов претерпевал изменения не в пользу автохтонного населения. Привычный образ жизни оседлых этносов предполагает походы в лес, что приводило к столкновению интересов: места привычной охоты и сбора лесных даров, той же древесины для изготовления остова юрт, телег (арба), домашней утвари, оказывались заняты казаками. Не будучи защищаемы имперским судом как собственники лесных угодий, казахи нередко оказывались в положении жертв ситуации. Теперь им приходилось признавать, что часть лесов вовсе недоступны как «казенные», а другая часть перешла в собственность какой-нибудь станицы.

О роли лесов в хозяйственном цикле и о ментальности казахов-кочевников писал еще в середине XIX века казахский этнограф Чокан Валиханов (1835–1865). Ученый Валиханов описал реликтовые верования казахов, такие, как «Тенгри» в очерке «Тенгри Бог» ([Классические исследования, 2013: 67-73](#)), и среди демонических мифологических образов приводил следующие: «сорель» (леший), «кон-аяк», «жезтырнак» и проч. Сорель – это обитатель лесов, имеющий вид человека, с чрезмерно длинным туловищем, оно «...так длинно, что он (сорель) бывает равен с лесом» ([Классические исследования, 2013: 69](#)). Живущие в лесах кон-аяк и жезтырнак в мифологии казахов представляли опасность для путников. Наличие перечисленных существ-демонов в мифах, сказках и легендах, передававшихся казахами изустно, в действительности свидетельствует о естественно образующихся контактах этноса с лесом как природным ресурсом. Ведь понятие о существах, подобных лешему, было у многих других народов, оседлых в том числе, то есть традиция создавать образы лесных существ издревле присуща людям и запечатлена чаще всего в фольклоре.

В другом историко-этнографическом очерке «Казахское родословие» Ч.Ч. Валиханов отмечал, что знаменитый кобызшы – степной бард, владевший игрой на струнном инструменте кобызе, исполняя плач по Ормамбету, передавал так драму утери: «Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Ормамбет-бий умер (1600 г.) и самые черные леса загорелись» ([Классические исследования, 2013: 111-112](#)). В данном контексте потеря авторитетного члена сообщества как бы соразмерна с массовым народным волнением и пожаром в тайге («самые черные леса»), который, как известно, трудно потушить. Так, на рубеже XVI–XVII столетий тюркские этносы (ногаи, казахи, др.) ценили лесные ресурсы и неслучайно в назидание потомкам в эпосах сохранили указанные выше строки. Примечательно, что и имя «Ормам-бет» (другой вариант написания – «Орманбет») состоит из двух составных частей; у тюрков «Орман» означает «лес». «Қара орман» или «черные леса», то есть густые, частично рифмуются с именем бия.

Валиханов интересовался не только фольклорными сведениями, но и современными социальными процессами. Известно, что его взгляды формировались не без влияния родного дяди, известного степного деятеля Чорманова (Шорманова) Мусы. Мнение казахского авторитетного управителя запрашивали колониальные власти. Составление записок на русском языке дядя поручал Чокану. Одна из таких записок, адресованная генерал-губернатору Западной Сибири от имени М. Чорманова, датируется мартом 1864 года и была подготовлена Ч. Валихановым, она касалась вопроса кочевков казахов Баян-Аульского приказа. Документ этот за подписью М. Шорманова сохранился в Историческом архиве Омской области ([ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. К-697. Л. 1-31](#)). Данную записку следует идентифицировать как совместный труд М. Чорманова и Ч. Валиханова на острую тему ограждения территорий казахских кочевий Среднего жуза от возможных ущемлений.

В данном контексте представляет интерес тот факт, что в записке «О кочевках казахов» Шормановым и Валихановым затронут вопрос о лесах Баян-Аульского края. Авторы записки подчеркивают: «Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод» ([Классические исследования, 2013: 125](#)). И далее: «... для успеха скотоводства необходимы: 1) обилие земли и большой район для кочевков. 2) густые леса или лесистые горы для зимовок и открытые, привольные, безлесные места, обильные водою для летних пастбищ» ([Классические исследования, 2013: 126](#)). Содержание записки Ч. Валиханова касалось обширной территории: Кокчетавский округ, северная часть Акмолинского и Внутренний округ Семипалатинской области. Обозначенные области были покрыты лесами и отличались богатым травостоем ([Классические исследования, 2013: 126](#)). Также в записке указан Каркаралинский округ, где имеются «...уютные зимовки в лесистых горах Кент и Казылык и в камышистых прибрежьях Балхаша» ([Классические исследования, 2013: 127](#)). По Баян-аульскому округу авторами записки упомянуты «лесистые горы Баян-Аул и Ереймен...», которые позволяют казахам уберечь скот от ветров и холодов ([Классические исследования, 2013: 127](#)).

То есть еще в 1864 году казахские султаны, осознавая всю ответственность, предупреждали омскую администрацию о том, «...что при предстоящем размежевании земель для Баян-Аульской станицы было бы справедливым прежде всего наделить зимовками и лесными участками коренных жителей казахов» без стеснения казахов в их пастбищах ([Классические исследования, 2013: 1270](#)). Потанин в своих воспоминаниях о Чокане Валиханове приводит интересный факт, что казахский юноша использовал слово «орман» (лес) для характеристики окрестностей Омска ([Классические исследования, 2013: 317-318](#)).

Слово «орман» присутствует в шежире (родословные) казахов, оно также зафиксировано в письменных источниках, и одним из первых записал это название рода известный фольклорист Машгур Жусип Копеев. Например, есть казахский род Жолболды (Орманшы) ([Қазақстан тарихы, 2010: 207-210](#)).

О роли лесов у тюркских народов писал и Радлов. К примеру, характеризуя хозяйственный тип казахов, в сочинении «Из Сибири» Радлов пишет: «Для зимней стоянки необходимо место, по возможности обеспечивающее скоту защиту от непогоды в это суровое время года: или в лесистой местности, или в низкой речной долине, укрытой от ветра» ([Классические исследования, 2013: 159](#)). В статье «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у казахов и сибирских татар» Радлов упоминает «поверье о духах, населяющие леса» – женщинах с медными когтями, «жезтырнак», «жалмауз» ([Классические исследования, 2013: 239](#)). Востоковеды таким образом отмечали большое значение леса для степных кочевников, казахов в частности.

У разных этносов империи лесные массивы использовались в зависимости от ситуации. К примеру, были особенности эксплуатации лесов башкирами. Из публикаций З. Хасановой (Хасанова, 2018: 105-112) следует, что леса у башкир именовались «собственные дачи», которые они могли сдавать в аренду на определенный срок богатым владельцам заводов и получать компенсацию.

Несмотря на эти научно обоснованные рекомендации, царская администрация не учитывала здравомыслящих советов и упорно насаждала лесных стражей на присоединенных территориях империи. «Лесные дачи» приписывались и к станичным казакам, которые совмещали службу с охраной леса. Отдельные циркуляры за 1907-1908 годы, содержащие как описание лесных дач войска, так и переписку о войсковых лесах, свидетельствуют о новых «владельцах» лесов в пределах Степного генерал-губернаторства (ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2405. Л.1-14).

Как следствие, социальные отношения на местах вокруг «лесного» вопроса становились все более натянутыми, поскольку местное население неодобрительно отнеслось к пришельцам. Социальный кодекс был односторонне нарушен, и последствия не заставили долго себя ждать. Разве не лучше было бы обучить лесному делу лиц из числа местных жителей и тем самым снять остроту потенциального конфликта? Если это не было предусмотрено, то не означает ли это, что правительство не стремилось к распространению знаний и предпочло навязать социумам спущенный «сверху» исполнительный аппарат, предназначение которого заключалось в запугивании местного населения и удерживании его в подчинении?

Социальный протест против ограничений в общественном пользовании лесом был закономерным следствием политики монархов. Так, например, формы, характер и тенденции «народной борьбы против института заповедных королевских лесов» (Серовайская, 1975: 162-178) в Англии XI-XIV вв. аналогичны тем, какие зафиксированы в Туркестанском и Степном краях Российской империи.

Социальная ситуация стала еще более напряженной по мере прибытия в край потока переселенцев в связи с реформой Столыпина. Из материальной нужды, не имея по месту прибытия обещанного жилья, переселенцы решали проблему просто: рубили на возведение срубов без разбору близлежащие леса. Своего рода «лесная революция» сопровождалась перепиской ведомств (Mukanova et al., 2024: 951).

Экосистема лесостепной полосы подвергалась перманентному воздействию. Варварское освоение лесов было характерной чертой периода. Так, Н. Чернов, исследовавший историю сберегательных технологий леса на Урале, пишет: «...правила рубки леса не соблюдались и в целом носили бессистемный характер, велись «наголо» или «степью», что неизбежно приводило к истощению лесов вблизи расположения железодельных заводов» (Чернов, 1994: 25).

Усиление самовольных рубок, производившихся переселенцами, особенно в годы Первой мировой войны, доставляло немало хлопот администрации и особенно стражникам. Рубки истребляли лес, особенно вблизи крупных сел и областных центров. К тому же леса страдали от произвольных пожаров. Малочисленность объездчиков и лесников, отсутствие специального инвентаря делало их бессильными против масштабных пожаров. Они также должны были содержать лошадь за свой счет, в связи с чем в Совете министров в сентябре 1916 года по инициативе Министерства земледелия рассматривался вопрос о доплатах объездчикам и лесничим (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1057. Л. 1-2).

Лесные стражники были вооружены ружьями, имели возможность носить холодное оружие, что в глазах неискушенных степняков ставило их на один уровень с уездным начальством. Стражники могли арестовать «нарушителей» и взять их под стражу, наложить штраф, что в период волнений 1916 года возымело обратный эффект: именно на стражников обрушилась волна гнева семей реквизированных. Так, телеграммой генерал Ерофеев докладывал военному министру 1 августа 1916 года о том, что жертвами волнений стала «лесная стража Зааминского лесничества» (НА РУ. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1140. Л. 75-78). Эта особенность была характерна как для казахских областей, так и для тех, где проживали узбеки и казахи, например, в Джизакской области, где так же «...шел нажим на население по линии лесопользования. Местное население не пускали в лес даже за хворостом» (Шестаков, 1933: 62).

К началу Первой мировой войны леса на землях, ранее принадлежавших степнякам, подразделялись на определенные категории, а именно леса крестьянских и казачьих наделов, леса казачьих дач и казенные леса. Фонды казахстанских архивов, в частности ЦГА РК, содержат массу жалоб от казахов, кыргызов на злоупотребления лесников (ЦГА РК. Ф. 44. Оп.1. Д. 6253. Л. 1-22). Документы датируются концом XIX – началом XX вв. и первыми десятилетиями, включая 1916 год.

Социальные отношения вокруг «лесной» темы складывались непросто. Сравнительный анализ этапов переселенческого движения начала XX века в разные отдаленные регионы Российской империи (Дальний Восток, Степной и Туркестанский край, Зауралье) показывает, что ситуация была примерно одинаковая. Переселенцы распоряжались земельными участками и лесами «по праву захвата», бесконтрольно, были случаи перепродаж общинных лесов до прибытия новых партий переселенцев (Шейнгауз, 2008: 128). Там же, где заботились о естественном воспроизводстве леса, запрещали выпас скота (на Урале, к примеру), что было для кочевого населения неприемлемо (Чернов, 1994: 29).

В зависимости от регионов деятельность лесной стражи различалась по всему пространству Российской империи. Так, вследствие ландшафта местности (степной, горный, равнинный) варьировался контингент и род войск. К примеру, в гористой местности (Урал, Кавказ) охрану

горнозаводских дач осуществляли вальдмейстеры или лесные смотрители, в помощь им определяли заводских казаков и работников (Шибяев, 2014: 56). Охрану лесов осуществлять могли также объездчики, выбираемые из крестьян, которые сами пользовались заводскими лесами и не состояли на заводской службе (ПСЗ РИ. Т. 29. № 22208).

В моменты социальных протестов, поскольку выполнение надзорной миссии охраны лесов было возложено на стражников (Тяпкин, Тяпкина, 2016: 145), последние воспринимались инородческим населением негативно. Ситуация проявилась и в Туркестанском крае в годы реквизиции инородцев. Неслучайно сам Куропаткин в докладе Николаю II одной из причин волнений 1916 года назвал именно злоупотребления лесной стражи. Этот вывод следовал из тех многочисленных прошений и ходатайств, что поступали в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства в канун волнений и ранее (Мухамедов, 2016: 151-181). О взяточничестве как социальном зле, приведшем к обнищанию кыргызского населения Семиреченской области, говорилось и в обобщающих докладах по последствиям 1916 года: «...Взятки брали все: уездные начальники, пристава, податные инспектора, судьи, следователи, лесные стражники, волостные управители и т.д.» (ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 6. Д. 139. Л. 75-143об.).

Данные о последствиях восстания казахов и кыргызов 1916 года по Семиреченской области Туркестанского края также фиксируют наличие жертв именно среди работников лесничеств края (ГААО. Ф. 2. Оп. 22. Д. 10. Л. 17). Аналогичную ситуацию противостояния коренных жителей Алтайского края и лесной стражи в тот же период приводят российские коллеги (Калашников, Афанасьев, 2018: 16-20), опираясь на архивные источники (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4175, 4682, 4775 и др.). Данный исторический факт доказывает гипотезу, что, находясь в авангарде имперских военизированных подразделений, лесная стража неслучайно стала объектом негативного воздействия. Имелись случаи насилия над членами семей лесничих вплоть до физической расправы со стороны доведенных до отчаяния местных жителей и переселенцев. В основе данного социального конфликта, безусловно, лежал острый земельный вопрос, отягощенный реквизицией на тыловые работы в годы Первой мировой войны.

5. Заключение

Таким образом, в пределах изученного хронологического периода имела место естественная эволюция социальных взаимоотношений вокруг «лесного» вопроса. Лес и право владения им в пределах Российской империи изначально расценивались как собственность и приоритеты государственной казны. География законодательных актов на «лесную» тему априори распространялась на ареалы, в которых имелся так называемый «корабельный» лес, пригодный для строительства имперского флота. Созданное изначально в целях охраны корабельного леса такое подразделение, как лесная стража, постепенно обрела более широкие полномочия. В частности, ее использовали в мероприятиях по ограждению жителей новых территорий (в их числе, Среднего и Старшего казахских жузов) от лесных массивов, вошедших в собственность казны.

Лесная стража по мере расширения имперских владений и ущемления земельных наделов и пастбищ «инородцев» и крестьян стала своего рода «индикатором» социальных протестов. Коренные жители Степного и Туркестанского краев, российские подданные казахи и кыргызы в указанной схеме во временных пределах хронологии данной статьи не имели права владения и свободного пользования. Их права были ограничены нормативными имперскими актами. Иными словами, кодификация «лесного» вопроса оказалась односторонней, когда закон защищал имущество казны и давал широкие полномочия лесной страже, деятельность которой регулировалась еще и местным губернатором.

Лесная стража существовала по всей территории империи. Целевыми задачами данного вооруженного подразделения были охрана лесных угодий и так называемых «лесных дач» как имущества царской фамилии; сбережение леса; ограждение свободного посещения лесных массивов со стороны местных жителей. Поскольку лесные стражники имели доступ к пользованию дарами леса, т.е. могли кормиться за счет мелкого зверья, птицы, орехов и т.д., к тому же проживать на охраняемой территории на заимках, то их содержание для казны было менее затратным. Если же этого было недостаточно, со временем сами стражники в конце XIX – начале XX вв. начали злоупотреблять своим положением, наказывать «нарушителей», приторговывать лесом и лесными ресурсами, попутно отжимая у местных казахов хорошие пастбищные участки.

В ходе массовой реквизиции «инородцев» с лета 1916 года вооруженные стычки местного населения со стражниками и местной администрацией в Семиречье и Степном крае затянулись на несколько месяцев. Их подавление потребовало бы отвлечения военных частей с фронта, потому вновь были привлечены силы лесной стражи в деле подавления волнений. Изначально лесная стража в землях, заселенных казахами, выступала в роли социального «раздражителя» в мирное время (злоупотребления служебным положением) и инструмента давления на население окраин, «инородцев», в период массовых волнений.

Характерно, что стражники вступали невольно в противоборство и с крестьянскими общинами переселенцев, претендовавшими на беспрепятственное пользование древесиной, сухостоем и иными дарами леса, будучи в крайне сложном материальном положении. Экосистема региона значительно пострадала также от бесконтрольной вырубке со стороны крестьян-переселенцев в периоды гражданского

противостояния. О судьбах конкретных лесничих в Туркестанском и Степном краях после 1917 года, к сожалению, не сохранилось сведений. Часть их погибла в годы гражданской войны, другая часть предпочла скрывать сам факт службы в имперских подразделениях, опасаясь преследований и репрессий.

Так состоялась миссия имперской лесной стражи, предназначенная для конкретных целей охраны казенных владений. Стражники оказывались в эпицентре социальных процессов вокруг «лесной» темы, им приходилось решать различные вопросы на местах, коммуницировать с местными жителями, отчитываться перед начальством, помимо собственно содержания семьи, ухода за лесопосадками, тушения пожаров и проч.

Стражники, таким образом, ассоциировались у «иностранцев» с неким оплотом власти монархии на местах, именно через них формировался своего рода социальный кодекс вокруг «лесной» темы. Характер взаимоотношений с лесными стражами являлся своего рода социальным «барометром», в котором проявлялась общая региональная атмосфера контактов российской администрации с местными жителями и крестьянами-переселенцами.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта BR24993173.

Литература

- [Арнольд, 1895](#) – *Арнольд Ф.К.* Лесоводство в Германии, Франции и России. СПб.: издание А.Ф. Маркса, 1895. 409 с.
- [Бельгер, 2003](#) – *Бельгер Г.* Гармония духа. М.: Русская книга, 2003. 288 с.
- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
- ГАОО – Государственный архив Алматинской области.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- [Истомина, 2014](#) – *Истомина Э. Г.* Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX вв.: механизмы управления и охраны // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология.* 2014. № 17 (139). С. 169-184.
- [Калашников, Афанасьев, 2018](#) – *Калашников А.А., Афанасьев П.А.* Лесная стража и лесничие глазами сельского населения Алтайского округа после событий Февральской революции // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 55. С. 18-20.
- [Классические исследования, 2013](#) – Классические исследования. Т. 12: Ч.Ч. Валиханов, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин. Труды по фольклору. Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. 392 с.
- [Казакстан..., 2010](#) – *Қазақстан тарихы этникалық зерттеулерде.* Т. IX: Арғын. Алматы: Алаш, 2010. 408 б.
- [Масанов и др., 2000](#) – *Масанов Н.Э. и др.* История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.
- [Мухамедов, 2016](#) – *Мухамедов Ш.Б.* Восстание 1916 г. В Средней Азии. Взгляд в прошлое // *Метаморфозы истории.* 2016. № 7. С. 151-181.
- НА РУ – Национальный архив Республики Узбекистан.
- [Положение..., 1888](#) – Положение о сбережении лесов // Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье. Том VIII. СПб.: Гос. тип., 1888. С. 148-155.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- [Серовайская, 1975](#) – *Серовайская Ю. Я.* Крестьянские общины в системе заповедного королевского леса в Англии в XI-XIII вв. // *Средние века.* 1975. Вып. 39. С. 162-178.
- [Серовайский, 1977](#) – *Серовайский Я.Д.* Развитие прав феодальной собственности на леса и пустоши во Франции в период с X по XIII вв. Алма-Ата: КазГУ, 1977. 32 с.
- [Сутягин, 2011](#) – *Сутягин С. С.* Лесное законодательство в дореволюционной России: историческая преемственность и эволюция // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 458-462.
- [Тяпкин, Тяпкина, 2016](#) – *Тяпкин М., Тяпкина О.* Развитие законодательства об охране частных лесов Российской империи во второй половине XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2016. № 4 (92). С. 144-149.
- [Филиппов, 2001](#) – *Филиппов И.С.* Становление феодализма в Средиземноморской Франции. Диссерт. докт. ист. наук. М., 2001. 920 с.
- [Хасанова, 2018](#) – *Хасанова З.Ф.* Лесные промыслы башкир Инзерского бассейна (конец XIX – начало XXI вв.) // *История, археология и этнография Кавказа.* 2018. №1. С. 105-112.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- [Чернов, 1994](#) – *Чернов Н.Н.* Истоки лесокультурного дела на Урале // *Леса Урала и хозяйство в них: Сб. научных трудов Уральской государственной лесотехнической академии.* Екатеринбург, 1994. Вып. 17. С. 24-31.
- [Шейнгауз, 2008](#) – *Шейнгауз А.С.* Освоение лесов Дальнего Востока и использование их продуктивности с середины XIX до середины XX вв. // *Пространственная экономика.* 2008. № 1. С. 118-146.

- [Шестаков, 1933](#) – Шестаков А. Джизакское восстание 1916 г. // *Красный архив*. 1933. № 5 (60). С. 60–91.
- [Шиббаев, 2014](#) – Шиббаев В.В. История лесного законодательства и управления лесным хозяйством Уральских горных заводов в первой половине XIX в. // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 14. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. С. 55–57.
- [Bonhomme, 2005](#) – Bonhomme B. Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929. East European Monographs, 2005. 256 p.
- [Brain, 2011](#) – Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. University of Pittsburgh Press, 2011. 240 p.
- [Morrison et al., 2021](#) – Morrison A., Drieu C., Chokobaeva A. The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution. Manchester University Press, 2021. 384 p.
- [Mukanova et al., 2024](#) – Mukanova G.K., Tleubayev Sh.B., Konkabayeva A.N. Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917 // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 945–958. DOI: 10.13187/bg.2024.2.945

References

- [Arnol'd, 1895](#) – Arnol'd, F.K. (1895). Lesovodstvo v Germanii, Frantsii i Rossii [Forestry in Germany, France and Russia]. St. Petersburg, 409 p. [in Russian]
- [Bel'ger, 2003](#) – Bel'ger, G. (2003). Garmoniya dukkha [Harmony of the spirit]. M., 288 p. [in Russian]
- [Bonhomme, 2005](#) – Bonhomme, B. (2005). Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929. East European Monographs, 256 p.
- [Brain, 2011](#) – Brain, S. (2011). Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. University of Pittsburgh Press, 240 p.
- [Chernov, 1994](#) – Chernov, N.N. (1994). Istoki lesokul'turnogo dela na Urale. Lesa Urala i khozyaistvo v nikh: Sb. nauchnykh trudov Ural'skoi gosudarstvennoi lesotekhnicheskoi akademii [The origins of forestry in the Urals. Forests of the Urals and agriculture in them: Collection of scientific papers of the Ural State Forestry Academy]. Yekaterinburg. 17: 24–31. [in Russian]
- [CSA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Filippov, 2001](#) – Filippov, I.S. (2001). Stanovlenie feodalizma v Sredizemnomorskoj Frantsii [The formation of feudalism in Mediterranean France]. Dissert. dokt. ist. nauk. M., 920 p. [in Russian]
- [GAAK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State Archive of the Altai Krai].
- [GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archive of the Almaty region].
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [IAOO](#) – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti].
- [Istomina, 2014](#) – Istomina, E.G. (2014). Lesnoe khozyaistvo gubernii Evropeiskoi Rossii v XIX – nachale XX vv.: mekhanizmy upravleniya i okhrany [Forestry of the provinces of European Russia in the XIX – early XX centuries: management and protection mechanisms]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 17(139): 169–184. [in Russian]
- [Kalashnikov, Afanas'ev, 2018](#) – Kalashnikov, A.A., Afanas'ev, P.A. (2018). Lesnaya strazha i lesniche glazami sel'skogo naseleniya Altaiskogo okruga posle sobytii Fevral'skoi revolyutsii [Forest guards and foresters through the eyes of the rural population of the Altai District after the events of the February Revolution]. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Istoriya*. 55: 18–20. [in Russian]
- [Khasanova, 2018](#) – Khasanova, Z.F. (2018). Lesnye promysly bashkir Inzerskogo basseina (konets XIX – nachalo XXI vv.) [Forest crafts of the Bashkir Inzer basin (late XIX – early XXI centuries)]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. 1: 105–112. [in Russian]
- [Klassicheskie issledovaniya, 2013](#) – Klassicheskie issledovaniya. T. 12: Ch. Valikhanov, V. Radlov, G. Potanin. Trudy po fol'kloru [Classical studies. Vol. 12: Ch. Valikhanov, V. Radlov, G. Potanin. Works on folklore]. Almaty, 2013. 392 p. [in Russian]
- [Masanov et al., 2000](#) – Masanov, N. et al. (2000). Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury [The history of Kazakhstan: peoples and cultures]. Almaty, 608 p. [in Russian]
- [Morrison et al., 2021](#) – Morrison, A., Drieu, C., Chokobaeva, A. (2021). The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution. Manchester University Press, 384 p.
- [Mukanova et al., 2024](#) – Mukanova, G.K., Tleubayev, Sh.B., Konkabayeva, A.N. (2024). Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917. *Bylye Gody*. 9(2): 945–958. DOI: 10.13187/bg.2024.2.945
- [Mukhamedov, 2016](#) – Mukhamedov, Sh.B. (2016). Vosstanie 1916 g. V Srednei Azii. Vzglyad v proshloe [The Uprising of 1916 in Central Asia. A look into the past. *Metamorfozy istorii*. 7: 151–181. [in Russian]
- [NA RU](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archive of the Republic of Uzbekistan].
- [Polozhenie..., 1888](#) – Polozhenie o sberezhenii lesov. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobranie tret'e [Regulations on forest conservation. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. The third meeting. Vol. VIII. St. Petersburg, 1888. Pp. 148–155. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Serovaiskaya, 1975 – *Serovaiskaya, Yu.* (1975). Krest'yanskije obshchiny v sisteme zapovednogo korolevskogo lesa v Anglii v XI-XIII vv. [Peasant communities in the system of the protected royal forest in England in the XI-XIII centuries. *Srednie veka*. 39: 162-178. [in Russian]

Serovaiskii, 1977 – *Serovaiskii, Ya.D.* (1977). Razvitie prav feodal'noi sobstvennosti na lesa i pustoshi vo Frantsii v period s X po XIII vv. [The development of the right of feudal ownership of forests and wastelands in France in the period from the X to the XIII centuries]. Alma-Ata, 32 p. [in Russian]

Sheingauz, 2008 – *Sheingauz, A.S.* (2008). Osvoenie lesov Dal'nego Vostoka i ispol'zovanie ikh produktivnosti s serediny XIX do serediny XX vv. [The development of forests of the Far East and the use of their productivity from the middle of the XIX to the middle of the XX centuries]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 1: 118-146. [in Russian]

Shestakov, 1933 – *Shestakov, A.* (1933). Dzhizakskoe vosstanie 1916 g. [The Jizzakh uprising of 1916]. *Krasnyi arkhiv*. 5(60): 60-91. [in Russian]

Shibaev, 2014 – *Shibaev, V.V.* (2014). Istoriya lesnogo zakonodatel'stva i upravleniya lesnym khozyaistvom Ural'skikh gornykh zavodov v pervoi polovine XIX v. [The history of forest legislation and forestry management of the Ural mining plants in the first half of the XIX century. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Is. 14. Yekaterinburg. Pp. 55-57. [in Russian]

Sutyagin, 2011 – *Sutyagin, S.S.* (2011). Lesnoe zakonodatel'stvo v dorevolutsionnoi Rossii: istoricheskaya pravopremestvennost' i evolyutsiya [Forest legislation in pre-revolutionary Russia: historical succession and evolution. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5: 458-462 [in Russian]

Tyapkin, Tyapkina, 2016 – *Tyapkin, M., Tyapkina, O.* (2016). Razvitie zakonodatel'stva ob okhrane chastnykh lesov Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX v. [The development of legislation on the protection of private forests of the Russian Empire in the second half of the XIX century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(92): 144-149. [in Russian]

Kazakstan..., 2010 – Kazakstan tarikhy etnikalyk zertteulerde. T. IX: Arɣyn [History of Kazakhstan in ethnic studies. Volume IX: Argyn]. Almaty: Alash, 2010. 408 p. [in Kazakh]

Лес и лесная стража в системе центральноазиатских владений Российской империи в XIX – начале XX вв.

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a,*}, Сатай Максutowич Сыздыков ^b, Самат Жуматай ^b, Асемгуль Сериковна Темирханова ^c

^a Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

Аннотация. Государственные приоритеты в области охраны и сбережения природных ресурсов являются стратегическими, что очевидно на историческом опыте ряда европейских монархий Англии, Франции, России и др. В условиях растущего дефицита влаги на просторах Центральной Азии «лесная» тема является актуальной. Изучение исторического опыта отношений различных социальных слоев в рамках имперской модели через призму «лесного» вопроса важно в контексте выявления тенденций к централизации системы управления природными ресурсами отдаленных регионов. Проведен критический анализ тематических архивных источников, нарративов и опубликованных работ по истории лесных владений Российской империи и, в частности, Туркестанского и Степного краев. В пределах темы изучена роль лесной стражи в реализации имперской политики в XIX – начале XX вв. Для анализа исторической миссии лесной стражи в начале XX столетия проведен анализ фактов и их интерпретации, в частности, из истории реквизиции «инородцев» на тыловые работы в 1916 году. Детально изучены материалы о восстании 1916 года, привлечены источники из центральных и региональных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, мемуары и др. Применяемые нами научные методы и подходы традиционны: анализ и синтез, сравнительный, принцип историзма, проверка источников и т.д. Был поднят ранее неизученный пласт проблемных вопросов сохранения и эксплуатации лесов в пределах обозначенных географических рамок XIX – начала XX вв. На основе изученной специальной литературы и источников были выявлены тенденции к эволюции имперского права владения и пользования казенными лесами и социального кодекса отношений лесничеств с местными жителями.

Ключевые слова: история, Центральная Азия, Российская империя, Туркестан, лес, казенные дачи, степь, казахи, кодекс, стража.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), satay14@mail.ru (С.М. Сыздыков), kopeev95@mail.ru (С. Жуматай), asema_sko@inbox.ru (А.С. Темирханова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1425-1432
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries

Serikbay D. Mamraimov^a, Sarsenbek K. Yelshibayev^b, Bakyt S. Tokmurzayev^{c,*}, Zhanat R. Abisheva^d

^a South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, based on the materials of missionary records, as well as diaries and notes of the staff of the Kirghiz Spiritual Mission, reveals the practices of implementation of imperial religious policy in the Steppe region as a region that was the object of intensive colonial expansion in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. In the course of the research it was established that the incorporation of new subjects in the peripheral regions was carried out within the algorithm of communication between the imperial authorities and the Russian Orthodox Church, with reliance on the principles of religious tolerance towards the indigenous peoples. However, the movement of imperial structures from the center to the peripheries actualized the issues of cultural equalization of the population, which was a determining condition for the consolidation of remote territories within Russia. In this connection there were certain adjustments in religious policy, which, without changing its content, implied not only active proselytizing actions in the indigenous environment, but also a number of serious concessions to the pagans, which strengthened the authority of Christian preachers and removed the indigenous inhabitants from the sphere of influence of Muslimism. During the period under study, the staff of the Kirghiz mission, relying on the traditions of spreading Orthodox Christianity that had been established in the European part of Russia, introduced flexible practices in the Steppe region that were oriented towards achieving harmony with the indigenous peoples in the religious sphere. These included the widespread experience of influencing the aesthetic sense of proselytes by demonstrating the external effects of Christian worship, material aid to neophytes and land provision, the performance of church services in local languages and dialects, and the involvement in missionary work of natives of various social strata of the foreign community. In the system of coordinates of the peripheral religious policy, the low efficiency of the actual conversion of local inhabitants to Orthodoxy was to some extent compensated by the efforts of missionaries who were in regular communication with the indigene population. The understanding of the fundamentals of the indigenous peoples' way of life and clear ideas about the organization of their economic life, which were characteristic of Orthodox missionaries, provided more comfortable conditions for the spread of Christianity in a foreign ethnic cultural environment.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, proselytism, missionaryism, colonization, religious policy.

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

1. Введение

В поздней имперский период территориальная экспансия России, принявшая формат внутренней колонизации в отношении пространств и населения Западной Сибири и Степного края, последовательно инкорпорированных в общегосударственный контекст, сопровождалась активной культуртрегерской деятельностью Русской православной церкви, реализующей функции регулярного религиозного просветительства в переселенческой и старожильской среде и прозелитизма по адресу коренных народов Зауралья. Актуальность темы исследования во многом определяется тем, что продвижение в Степной край и земледельческое освоение пространств Акмолинской и Семипалатинской областей предполагало разработку сложной и вариативной модели выстраивания отношений государства и подданных, значительный сегмент которых составляли представители коренного населения, в материальной сфере ведущие кочевой образ жизни, а в духовной – придерживавшиеся языческих верований. В рамках взаимодействия имперской власти с мозаичным в этническом и конфессиональным отношении социумом Степного края задачи православной церкви и миссионеров как представителей данного института на востоке страны существенно усложнились, поскольку церковь как действующий актор колонизации, с одной стороны, несла ответственность за трансляцию имперских принципов религиозной политики, с другой, – должна была демонстрировать свойственное христианству смирение и готовность сыграть роль духовного наставника паствы. Во многом позиция РПЦ в присоединенных империей окраинных регионах должна была вписываться в схему, озвученную С. Беккером, по утверждению которого к XIX веку Российская империя управлялась в настолько централизованной манере, насколько могли позволить огромные расстояния, но, по необходимости, с такой долей терпимости к местным обычаям, которая обеспечивала поддержание правопорядка и осуществление фискальных функций (Беккер, 2004: 76). В данном контексте православное миссионерство может рассматриваться не только как сообщество, реализующее в Степном крае принципы имперской религиозной политики, но и как ее региональная практика, учитывавшая специфику организации этноконфессионального пространства, экономические интересы и культурные особенности коренного населения.

2. Материалы и методы

Решение задач, связанных с научной рефлексией практик реализации имперской религиозной политики в Степном крае на рубеже XIX–XX вв., осуществляется в статье с опорой на делопроизводственные материалы Киргизской духовной миссии в период ее функционирования в юрисдикции Омской епархии (1895 г.). Отделение от Алтайской духовной миссии на исходе XX в. во многом было обусловлено стартом активной аграрно-земледельческой колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей, в пространстве которых индигенное население было преобладающим. Однако не менее существенным являлось и то, что киргизы (казахи) попадали под массивное влияние татарских мулл и находились в «оптике» мусульманского воздействия, что расходилось с колонизационными планами Российской империи. Делопроизводство Киргизской духовной миссии, репрезентированное в ежегодных отчетах священников-миссионеров, которые публиковались на страницах епархиальной прессы, позволяет выявить конкретные практики РПЦ, ориентированные на расширение круга новообращенных в православное христианство, а также закрепление их в вере, что осуществлялось как средствами религиозно-просветительского характера, так и методами материального поощрения новых адептов. Ценность отчетов миссии определяется не только качественно выстроенными и обработанными статистическими сведениями о крещении местного населения, материальных возможностях отдельных станом, но и наличием пространственных комментариев о деятельности миссионеров, в которых в разные периоды была представлена оценка усилий Русской православной церкви на окраинах империи (Путинцев, 1896). Значимым источником в работе являются дневники и записки миссионеров, отразившие эмоционально-экспрессивную реакцию священнослужителей на процесс религиозного прозелитизма в разных регионах Зауралья, в том числе и Степном крае (Миссионерские записки..., 2016). Привлечение эго-текстов миссионеров дает возможность существенно скорректировать сложившиеся в обществе и исторической науке тенденциозные и шаблонные представления о деятельности священнослужителей как механическом исполнении служебных обязанностей. Дискурс миссионеров, отраженный в личных текстах, предметно фиксирует личную включенность и заинтересованность в культуртрегерской работе сотрудников миссий, широкую гамму эмоциональных переживаний, связанных с организационными и сущностными аспектами взаимоотношений как с регулярной паствой, так и с новообращенными.

Деконструкция дискурса православного миссионерства в Степном крае в конце XIX – начала XX вв., рассматриваемая как инструмент в рамках исследовательских процедур «новой культурно-интеллектуальной истории», предполагает осмысление репрезентаций представителями института церкви понимания целей и задач реализации религиозной политики в контекстуальных обстоятельствах аграрной колонизации региона.

3. Обсуждение

В современной научном дискурсе оценка религиозной политики России как имперской является предметом коммуникативного согласия исследователей и сводится к следующим положениям.

Во-первых, фундаментальные основы организации конфессионального пространства Российской империи обозначились в XVIII в. и опирались на выраженное желание власти и общества осуществить органичный транзит христианства (цивилизации) аборигенным народам. Понятия «миссия» и «миссионерство» не были включены в колониционную риторику, а учреждения, выполнявшие миссионерские функции (Контора новокрещенских дел в Среднем Поволжье), относились не к церковной, а к гражданской бюрократии (Ходарковский, 2019: 269).

Во-вторых, в XVIII в. была задана мощная инерция для организации имперской власти с учетом религиозного разнообразия, что во многом обеспечивалось приростом иноэтничного и иноконфессионального элемента в управлении и социуме. В ситуации религиозной мозаичности российский государство и церковь в качестве основного идеологического приоритета рассматривали политику веротерпимости как инструмент, обеспечивавший лояльность новых подданных. Наряду с этим фактором религиозные общины выполняли важную дисциплинирующую функцию, призванную исключить склонность сообществ и индивидуумов к уклонению в любые формы раскола или гетеродоксии (Круз, 2020: 15).

В-третьих, в условиях роста миграционной мобильности населения, аграрных переселений на восточные окраины страны российские политические и социальные структуры приходили в тесное соприкосновение с сообществами язычников и представителей мусульманства, оказываясь в ситуации острой конкуренции за сервильность потенциальных новых граждан и социальную стабильность. Если в обстоятельствах колонизации Поволжья имперские власти декларировали и реализовывали принципы веротерпимости с «оглядкой» на Османскую империю, то в продвижении за Урал, особенно в южном степном направлении, приходилось считаться с достаточно широким спектром противоборствующих сил: исламскими государствами центрально-азиатского региона и европейскими державами, отстаивавшими здесь свои экономические и политические интересы. Необходимо также учитывать географическую отдаленность и гетерогенность колонизованных в азиатской части империи территорий, что видоизменяло традиционный формат политики веротерпимости и требовало включения в практики по ее осуществлению на востоке дополнительных акторов (Чуркин, 2022; Чуркин, 2023; Чуркин, Токмурзаев, 2019; Недзелюк, 2022; Лысенко, 2020).

4. Результаты

Во второй половине XIX – начале XX вв., когда вектор колонизации оказался переориентирован от Западной Сибири, губернии которой приобрели статус внутренних в направлении Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края, миссионерская деятельность Русской православной церкви в языческих станах казахов-кочевников воспринималась в российском обществе как важный и определяющий способ инкорпорации пространств и людей в общеимперское поле. Киргизская духовная миссия, продолжительный временной отрезок включенная в состав Алтайской духовной миссии, в 1895 г. получила самостоятельный статус в рамках Омской епархии, что определенно подчеркивало значимость и специфичность фундаментальной задачи государства и церкви – совместить практики аграрной колонизации посредством переселений крестьянства европейских губерний в удобные для земледелия местности Степного края с образом жизни и хозяйствования казахских племен. Особую актуальность в сложившемся контексте приобретала разработка таких вариантов взаимодействия власти, церкви и конфессиональных в регионе, которые позволили бы сохранить общеимперскую модель религиозной толерантности.

В осуществлении данного проекта Русская православная церковь, организуя миссионерскую деятельность в Степном крае в конце XIX – начале XX вв., опиралась на апробированные модели коммуникации и влияния в инородческой среде. Данные модели сложились в системе координат российской колонизации в европейской части империи.

Наиболее предметное отражение миссионерская деятельность в Степном крае, как и в других регионах Азиатской России, получила в делопроизводстве миссий – ежегодных отчетах, издававшихся отдельными оттисками или публиковавшихся в епархиальной периодической печати, рекомендациях, практических советах и разъяснениях по вопросам миссионерской практики, исходящих от непосредственных участников миссионерского дела и адресованных не только сообществу миссионеров, но и широкому кругу лиц, включенных в систему колониционных мероприятий. Необходимо отметить, что исследовательская ценность материалов отчетной категории во многом определяется профессиональным подходом составителей отчетов – священников-миссионеров. Они стремились дать всестороннюю оценку религиозным отношениям в различных местностях Степного края. Не менее существенной являлась и согласованность характеристик и выводов авторов с основными сюжетами церковного дискурса, к разряду которых неизменно относились такие актуальные темы, как противостояние исламу влиянию на еще

невоцерковленные категории индигенного населения, антираскольнические мероприятия, религиозное просвещение в старожильской и переселенческой среде и т.д.

Выскажем предположение, что центральным сюжетом дискурса РПЦ в Степном крае выступала тема миссионерской работы в инородческой среде в связи с активизацией переселенческого движения на рубеже XIX – XX вв. В ходе аграрного освоения азиатской России, особенно в конце XIX столетия, когда земледельческие миграции за Урал приняли массовый масштаб, вопрос обустройства переселенцев приобрел необычайно острый характер. Государство встало перед необходимостью регулирования поземельных отношений переселенческого, старожильского и инородческого социумов. В этой многогранной работе империя принимала во внимание мнение церкви, а российский клир позиционировал себя в качестве реально действующего актора колонизации, способного влиять на хозяйственно-экономические и социокультурные процессы в границах осваиваемых территорий. В представлениях священнослужителей крестьяне-переселенцы маркировались как «...проводники света веры Христовой в иноверную среду полудиких кочевников...», чье появление «позволит искупить грех небрежения нашего правительства, благодаря которому мусульманство приобрело 5 миллионов киргиз» (Трегубов, 1909; 29). Алармистские мотивы, вызванные широким распространением ислама среди кочевого населения, отчасти уравновешивались надеждами на русское культуртрегерство и благотворное влияние православия: «прежнее отверженное и почти забытое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан освежается как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии растут, множатся и благоухают среди векового невежества» (Скальский, 1898: 1).

Делопроизводственные документы Киргизской духовной миссии дают возможность распознать основные векторы миссионерской работы РПЦ в Степном крае, обозначить, каким образом устанавливались и корректировались практики коммуникации с инородческим сегментом населения в контексте имперской религиозной политики и ее реализации в периферийных регионах России.

В этой связи очевидным и естественным являлось стремление миссионеров вовлечь в границы «церковных стен» максимально возможное число новых адептов, действуя ненасильственными, а просвещенческими методами. Отчеты по итогам функционирования Киргизской духовной миссии Омской епархии (1895–1911 гг.) свидетельствуют о «плавающей» динамике и в целом невысоких количественных показателях привлеченных в православие представителей коренного населения, которое уже находилось под влиянием ислама. По констатации миссионера М. Путинцева, в первый год работы миссии в новом качестве в уездах Степного края крестившихся по православному обряду инородцев насчитывалось 5 человек (Путинцев, 1896). В последующие годы статистика крещений, в том числе как следствие перехода в православие из ислама, в Степном крае оставалась неустойчивой: в 1897 г., по заверению миссионеров было «приобретено для Христовой церкви 46 человек из магометанства: 30 мужского и 16 женского пола» (Извлечение из отчета..., 1898: 6); в 1902, 1906, 1910, 1911 гг. – 42, 8, 5, 10 душ соответственно.

В отчетах и приложениях к ним миссионеры, повсеместно провозглашая, что «суть апостольского служения не в количестве, а в качестве» (Путинцев, 1896: 2), сетовали на широко распространенные в среде коренного населения прецеденты «отклонения» от православия, что было связано с активной деятельностью татарских мулл, влиявших на новообращенных как материальными, так и духовно-пропагандистскими методами (Елисеев, 1909). Член Государственной думы, священник А. Трегубов, комментируя предложение своих коллег об образовании автономных поселков для коренных жителей, считал нецелесообразным их основание, поскольку «каждое кочевье и каждый кишлак имеют своих пауков – татар или сартов, которые являются самыми беспощадными эксплуататорами мирного и доброго киргизского народа» (Трегубов, 1909: 30).

В длительной временной перспективе в рамках деятельности Киргизской духовной миссии миссионерские практики выстраивались таким образом, чтобы, с одной стороны, не допустить отклонений от общего имперского вектора политики веротерпимости, с другой, – приложить максимум усилий к реализации задач по инкорпорации территорий, маркируемых как «собственный Восток России» (Тольц, 2013), что неизбежно влекло за собой христианизацию язычников и их последующее культурное просвещение.

В палитре столь противоречивой программы миссионерское дело в Степном крае первоначально было ориентировано на совершение актов крещения и поддержания религиозного чувства средствами эмоционально-визуального воздействия на неопитов. К числу своих приоритетных обязанностей миссионеры относили необходимость «показать красоту и величие православных служб, кои более всего располагают к беседе с Богом, сознанию своего ничтожества и, следовательно, к более искреннему исполнению таинства» (Миссионерские записки..., 2016: 46). Обращение к внешним эффектам как способу влияния на будущих христиан регулярно репрезентировалось в отчетах и дневниковых записях миссионеров и, по их убеждению, приносило быстрый эффект, а также способствовало коррекции культурной и гражданской идентичности инородцев, у которых интерес к новой вере тесно сплетался с осознанием своей принадлежности к России и государству (Миссионерские записки..., 2016: 36). Одним из инструментов эстетизации представлений о православии в инородческой среде являлись частые посещения благочиний

Степного края церковными иерархами – архипастырями ([Посещение Его Преосвященством..., 1901; К сведению..., 1902](#)). Так, епископ Омский и Семипалатинский отец Сергей в дни своего визита в церкви Павлодарского благочиния лично проводил службы и частные богослужебные беседы с паствой, особо акцентируя внимание на необходимости поддержки миссионеров в противоборстве с мусульманством, подчеркивая важность совместных молитв и постоянных культурных контактов с невоцерковленными язычниками ([К сведению..., 1902: 16-17](#)).

Дискурс миссионерского делопроизводства позволяет утверждать, что в среде церковных подвижников методы религиозно-просветительского характера не рассматривались как единственно продуктивные. В прилагаемых к отчетам практических советах и разъяснениях по вопросам миссионерской практики осведомленные деятели миссий делились со своими коллегами не только личным опытом работы в инородческой среде, но и знанием о предпочтениях, на которые могли рассчитывать новоприобретенные. Речь шла о материальном поощрении при крещении, фиксируемом законодательно ([Елисеев, 1909: 65](#)), а также об особых правилах при совершении обрядовых действий ([Извлечение из отчёта..., 1898: 4](#)), земельном обеспечении для принявших православие (этот наиболее острый вопрос был урегулирован в 1890-е гг., когда миссионерам был передан Министерством государственных имуществ участок земли в 1 тыс. десятин вокруг Буконского стана) ([Елисеев, 1909: 66](#)).

Одним из отработанных в центральных регионах Российской империи алгоритмов приобщения инородцев к обрядовой культуре православия и противодействия влиянию мусульманских проповедников стал сформировавшийся в Казанской академии середины XIX в. подход тюрколога-арабиста Н.И. Ильминского, в соответствии с которым предлагалось использовать местные языки в организации богослужения и привлекать наиболее способных автохтонов к учительской работе и миссионерской службе ([Джераси, 2013: 69](#)). В отдаленных епархиях и миссионерских станах Западной Сибири и Степного края обращение к опыту привлечения выходцев из местной среды было широко распространено, что подтверждается статистикой: из 93 сотрудников упомянутых в дневниках и записках Алтайской духовной миссии конца XIX в. 47 являлись инородцами по рождению ([Миссионерские записки..., 2016: 167-187](#)). В отчетах Киргизской духовной миссии начала XX в. общим местом являлось упоминание о частых прецедентах отправки новокрещенных инородцев для продолжения образования в семинариях, а также о назначении выходцев из коренного населения на должности миссионеров и псаломщиков ([Отчет о Киргизской миссии за 1899 г., 1900: 8-9](#)). Столь же постоянны и свидетельства о позитивном эффекте перевода церковных текстов службы и хоровом исполнении литургий на языках индигенных народов. Восторженная реакция миссионеров различных станов Степного края по поводу воодушевления инородческой паствы в связи с возможностью исполнения религиозных треб на родном языке в мельчайших подробностях совпадает с риторикой Н.И. Ильминского, описавшего в 1868 г. чувства якутов: «Когда, назад тому лет девять, якуты в первый раз слышали в церкви богослужение на якутском языке, они пришли в такое умиление и восторг, что просили своего знаменитого архипастыря установить в тот день праздник для всегдашнего ежегодного воспоминания об этом событии» ([Ильминский, 2024](#)). В отчете по Киргизской духовной миссии за 1901 г. по данному поводу встречаем следующие комментарии: «новокрещенным является возможность не менять своей киргизской физиономии..., нет надобности менять киргизский костюм на русский..., служба ведется на родном языке, и один из воспитанников после обедни прибежал прямо к надзирателю приюта, выражая свою радость: «Больно хорошо»» ([Епархиальные известия..., 1902: 11](#)). Непосредственные участники миссионерского дела, поддерживая и распространяя практики службы на казахском языке, констатировали значительные перемены, происходившие с новыми православными в русских поселках, подчеркивая, что незнание или слабое владение русским языком компенсировалось в таких случаях приобщением к христианству и овладением религиозными догматами, что в дальнейшем способствовало и экономическому сближению с сообществами переселенцев и старожилов ([Епархиальные известия..., 1902: 20](#)).

5. Заключение

Таким образом, миссионерская деятельность РПЦ в Степном крае на рубеже XIX – XX вв. конструировалась в общеимперской логике политики веротерпимости. Руководители миссий и непосредственные исполнители миссионерских задач неукоснительно следовали общему вектору религиозной политики, исходившему от имперской власти и Святейшего Синода. Вместе с тем в реализации миссионерского дела в регионе в условиях территориальной отдаленности от центра страны этноконфессионального разнообразия населения, специфики его распределения в границах областей, эскалации переселенческого движения миссионерские практики отличались очевидной пластичностью. Масштаб и сила влияния мусульманских проповедников на потенциальную паству, коренных обитателей Степного края, ставили представителей Русской православной церкви в ситуацию варьирования практик религиозно-просветительской коммуникации с автохтонами и выстраивания более тесных и регулярных контактов с прозелитами. В ситуации окраинной религиозной политики относительно невысокая результативность реального обращения в

православие язычников и тех, кто уже принял ислам, в известной степени компенсировалась усилиями миссионеров, находившихся в регулярной коммуникации с индигенным населением. Понимание основ образа жизни коренных народов, внятные представления об организации их хозяйственного быта, свойственные деятелям православных миссий, обеспечивали более комфортные условия для распространения христианства в иноэтнической культурной обстановке.

Литература

- Беккер, 2004** – Беккер С. Россия и концепт империи / *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей* / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.67-81.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 548 с.
- Елисеев, 1909** – Елисеев Е. Практические советы и разъяснения по вопросам миссионерской практики // *Омские епархиальные ведомости*. 1909. № 7-8. С. 63-72.
- Епархиальные известия..., 1902** – Епархиальные известия (Киргизская миссия) // *Омские епархиальные ведомости*. 1902. № 11-12. С. 2-38.
- Извлечение из отчёта..., 1898** – Извлечение из отчёта Киргизской миссии за 1897 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1898. № 8. С.4-8.
- Ильминский, 2024** – Ильминский Н.И. Сочувствие инородцев к православно-церковному пению на их родном языке. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Ilminskii (дата обращения: 22.04.2024).
- К сведению..., 1902** – К сведению и должному исполнению духовенства Омской епархии // *Омские епархиальные ведомости*. 1902. № 13-14. С.2-19.
- Круз, 2020** – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М., 2020. 408 с.
- Лысенко, 2020** – Лысенко Ю. А. Ежегодные отчеты омских и оренбургских архиереев Синоду как источник по истории православия в Степном крае Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 3(113). С. 76-83.
- Миссионерские записки..., 2016** – Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
- Недзельюк, 2022** – Недзельюк Т.Г. Государственно-конфессиональная политика Российской империи в зоне сибирского фронта (по материалам архивного хранения) / *Астраханские Петровские чтения. Материалы VI Международной научной конференции "Петр Первый и имперские практики фронтального пространства"*. Астрахань, 2022. С. 251-259.
- Отчёт о Киргизской миссии за 1899 г., 1900** – Отчёт о Киргизской миссии за 1899 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1900. № 13. С. 4-12.
- Посещение Его Преосвященством..., 1901** – Посещение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Сергием, епископом Омским и Семипалатинским церквей Павлодарского благочиния // *Омские епархиальные ведомости*. 1901. № 21. С. 15-21.
- Путинцев, 1896** – Путинцев М. Из Киргизской миссии Омской Епархии // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1896. № 4. С. 1-7.
- Скальский, 1898** – Скальский К. Господи, благослови! // *Омские епархиальные ведомости*. 1898. № 1. С.1-2.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
- Трегубов, 1909** – Трегубов А. Колонизация Сибири и миссия среди инородцев // *Омские епархиальные ведомости*. 1909. № 24. С.27-31.
- Ходарковский, 2019** – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М., 2019. 352 с.
- Чуркин, 2022** – Чуркин М.К. Дискурс имперской инкорпорации Западной Сибири в программных публикациях церковно-приходской печати начала 80-х гг. XIX в. (на материалах "Тобольских епархиальных ведомостей") // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2022. Т. 39. С. 13-19.
- Чуркин, 2023** – Чуркин М.К. Русская православная церковь как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе дневников и записок миссионеров Алтайской духовной миссии (конец XIX - начало XX в.) // *Культурный код*. 2023. № 3. С.158-172.
- Чуркин, Токмурзаев, 2019** – Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 2019. 261 с.

References

- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i koncept imperii [Russia and the concept of empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semyonova. Kazan: «Centr Issledovaniya Nacionalizma i Imperii», pp. 67-81. [in Russian]
- Churkin, 2022** – Churkin, M.K. (2022). Diskurs imperskoi inkorporatsii Zapadnoi Sibiri v programmnykh publikatsiyakh tserkovno-prikhodskoi pečati nachala 80-kh gg. XIX v. (na materialakh "Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti") [Discourse of imperial incorporation of Western Siberia in the program publications of the church-parish press of the early 80-ies of the 19th century (on the materials of "Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti")]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 39: 13-19. [in Russian]
- Churkin, 2023** – Churkin, M.K. (2023). Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak instrument imperskoi kolonizatsii Aziatskoi Rossii v diskurse dnevnikov i zapisok missionerov Altaiskoi dukhovnoi missii (konets XIX - nachalo XX v.) [The Russian Orthodox Church as an instrument of imperial colonization of Asian Russia in the discourse of diaries and notes of missionaries of the Altai Spiritual Mission (late XIX – early XX centuries)]. *Kul'turnyi kod*. 3: 158-172. [in Russian]
- Churkin, Tokmurzaev, 2019** – Churkin, M.K., Tokmurzaev, B.S. (2019). Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraja: obshhestvenno-politicheskij diskurs i imperskie praktiki vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian Colonization of the Steppe Region: Socio-political Discourse and Imperial Practices of the Second Half of the XIX – early XX centuries]. Omsk, 261 p. [in Russian]
- Dzherasi, 2013** – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. M., 548 p. [in Russian]
- Eliseev, 1909** – Eliseev, E. (1909). Prakticheskie sovety i raz'yasneniya po voprosam missionerskoi praktiki [Practical advice and explanations on questions of missionary practice]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 7-8: 63-72. [in Russian]
- Eparkhial'nye izvestiya..., 1902** – Eparkhial'nye izvestiya (Kirgizskaya missiya) [Eparkhial'nye izvestiya (Kyrgyz Mission)]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902. 11-12: 2-38. [in Russian]
- Il'minskii, 2024** – Il'minskii, N.I. (2024). Sochuvstvie inorodtsev k pravoslavno-tserkovnomu peniyu na ikh rodnom yazyke [Sympathy of foreigners for Orthodox church singing in their native language]. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Il'minskii (date of access: 22.04.2024). [in Russian]
- Izvlechenie iz otchyota..., 1898** – Izvlechenie iz otchyota Kirgizskoj missii za 1897 g. [Extract from the report of the Kirghiz Mission for 1897]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1898. 8: 4-8. [in Russian]
- K svedeniyu..., 1902** – K svedeniyu i dolzhnomu ispolneniyu duxovenstva Omskoj eparxii [To the attention and due performance of the clergy of the Omsk diocese]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902. 13-14: 2-19. [in Russian]
- Khodarkovskii, 2019** – Khodarkovskii, M. (2019). Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800 [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M., 352 p. [in Russian]
- Kruz, 2020** – Kruz, R. (2020). Za proroča i czarya. Islam i imperiya v Rossii i Centralnoj Azii [To the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow, 408 p. [in Russian]
- Lysenko, 2020** – Lysenko, Yu.A. (2020). Ezhegodnye otchety omskikh i orenburgskikh arkhieriev Sinodu kak istochnik po istorii pravoslaviya v Stepnom krae Rossijskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Annual reports of Omsk and Orenburg bishops to the Synod as a source on the history of Orthodoxy in the Steppe region of the Russian Empire (second half of the XIX - early XX century)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(113): 76-83. [in Russian]
- Missionerskie zapiski..., 2016** – Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Missionary notes and diaries of the staff of the Altai Spiritual Mission]. Barnaul, 2016. 204 p. [in Russian]
- Nedzelyuk, 2022** – Nedzelyuk, T.G. (2022). Gosudarstvenno-konfessional'naya politika Rossijskoi imperii v zone sibirskogo frontira (po materialam arxivnogo xraneniya) [State-confessional policy of the Russian Empire in the Siberian frontier zone (based on archival materials)]. *Astraxanskije Petrovskie chteniya. materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Petr Pervyi i imperskie praktiki frontirnogo prostranstva"*. Astraxan. Pp. 251-259. [in Russian]
- Otchet o Kirgizskoi missii za 1899 g., 1900** – Otchet o Kirgizskoi missii za 1899 g. [Report on the Kirghiz Mission for 1899]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1900. № 13. Pp. 4-12. [in Russian]
- Poseshhenie Ego Preosvyashhenstvom..., 1901** – Poseshhenie Ego Preosvyashhenstvom, Preosvyashhennejshim Sergiem, episkopom Omskim i Semipalatinskim cerkvej Pavlodarskago blagochiniya [Visit of His Eminence, Most Reverend Sergius, Bishop of Omsk and Semipalatinsk, to the churches of Pavlodar district] *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1901. 21: 15-21. [in Russian]
- Putincev, 1896** – Putincev, M. (1896). Iz Kirgizskoj missii Omskoj Eparxii [From the Kirghiz Mission of the Omsk Eparchy]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 4: 1-7. [in Russian]

Skal'skii, 1898 – *Skal'skii, K.* (1898). Gospodi, blagoslovi! [God bless!]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1: 1-2. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's Own East: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period”]. M., 336 p. [in Russian]

Tregubov, 1909 – *Tregubov, A.* (1909). Kolonizaciya Sibiri i missiya sredi inorodcev [Colonization of Siberia and mission among foreigners]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 24: 27-31. [in Russian]

Православное миссионерство в Степном крае как региональная практика имперской религиозной политики в конце XIX – начале XX вв.

Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^a, Сарсенбек Кулишович Елшибаев ^b,
Бакыт Салманович Токмурзаев ^{c,*}, Жанат Рысбековна Абишева ^d

^a Южно-Казахстанский педагогический университет имени Озбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

^b Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева, Шымкент, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

^d Казахский агротехнический исследовательский университет имени Сакена Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В настоящей статье с опорой на материалы миссионерского делопроизводства, а также дневники и записки сотрудников Киргизской духовной миссии выявляются практики реализации имперской религиозной политики в Степном крае как регионе, ставшем объектом интенсивной колониальной экспансии во второй половине XIX – начале XX вв. В процессе исследования установлено, что инкорпорация новых подданных в периферийных регионах осуществлялась в алгоритме коммуникации имперской власти и Русской православной церкви с опорой на принципы веротерпимости по отношению к коренным народам. Однако движение имперских структур от центра к окраинам актуализировало вопросы культурного выравнивания населения, что являлось определяющим условием закрепления отдаленных территорий в составе России. В этой связи происходили определенные коррективы в религиозной политике, которые, не меняя ее содержания, предполагали не только активные прозелитические действия в индигенной среде, но и ряд серьезных уступок язычникам, что усиливало авторитет христианских проповедников и выводило коренных обитателей из сферы влияния мусульманства. В исследуемый период сотрудники Киргизской миссии, опираясь на сложившиеся еще в европейской части России традиции распространения православного христианства, внедряли в Степном крае гибкие практики, ориентированные на достижения согласия с коренными народами в религиозной сфере. К таковым относился широко распространенный опыт воздействия на эстетическое чувство прозелитов посредством демонстрации внешних эффектов христианского богослужения, материальной помощи неопитам и земельного их обеспечения, а также посредством исполнения церковных служб на местных языках и наречиях и с помощью привлечения к миссионерской работе выходцев из различных социальных слоев инородческого сообщества. В системе координат окраинной религиозной политики низкая результативность реального обращения в православие местных обитателей до некоторой степени компенсировалась усилиями миссионеров, находившихся в регулярной коммуникации с индигенным населением. Понимание основ образа жизни коренных народов, внятные представления об организации их хозяйственного быта, свойственные деятелям православных миссий, обеспечивали более комфортные условия для распространения христианства в иноэтничной культурной обстановке.

Ключевые слова: Российская империя, Русская православная церковь, прозелитизм, миссионерство, колонизация, религиозная политика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1433-1444
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1433

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Coverage of Technical Progress at the beginning of the XX century on the Pages of the Journal “Vestnik Znaniya” (1903–1917)

Ekaterina A. Sertakova ^{a, *}, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Maria A. Kolesnik ^a, Aleksandra A. Sitnikova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the number of new technical inventions that transformed the life of mankind in the 20th century was rapidly growing – electricity, cars, airplanes, reinforced concrete structures, etc. Today, technological progress continues and proceeds at an equally rapid pace. The relevance of this study is related to the need for philosophical and cultural understanding of issues of technical progress. The study of the history of the issue of how society related to technical changes in culture at the beginning of the 20th century was carried out on the basis of content analysis of articles in the journal “Vestnik znaniya” (1902–1918, publisher V.V. Bitner). The journal was educational in nature and set itself the goal of familiarizing a wide audience of readers in the Russian Empire with the phenomena of modern life. Based on the results of studying the magazine, the cultural-philosophical position of the magazine's publishers in relation to technical progress was revealed, and a list of the main technical inventions was presented, which were described on the pages of the magazine as the most significant technical discoveries of the early 20th century. Content analysis of journal articles was carried out on the basis of a study of a selection of issues for 4 years – 1903, 1908, 1913 and 1917, which made it possible to trace the evolution of the educational activities of the journal publishers in relation to issues of technical progress.

Keywords: journal “Vestnik znaniya”, technical progress, education.

1. Введение

Начало XX века является временем прорывных открытий в области науки и техники, оказавших значительное влияние на путь развития мировой культуры и исторического процесса в целом. В то же время история культуры содержит немало фактов, подтверждающих то, что научные открытия и технические изобретения зачастую не принимаются сообществом или проходят долгий путь их признания. И в данном вопросе значительную роль играет просвещение, информирование о значении и пользе открытий и изобретений, позволяющие сформировать позитивное восприятие у сообщества открытий и изобретений.

Целью настоящего исследования является изучение роли печатных изданий в вопросах освещения технического прогресса в начале XX века на примере анализа публикаций в журнале «Вестник знания». Изначально журнал задумывался с названием «Народный университет», что подчеркивает его просветительское предназначение. Выпуск журнала организовывался в сложных актуально-исторических условиях. В течение 1902 года инициатору и учредителю журнала В.В. Битнеру пришлось пройти непростой путь одобрения и согласования формальных и содержательных вопросов в Главном управлении по делам печати Российской империи, представлявшем собой высшую цензурную инстанцию, чтобы выпуск журнала стал возможным. Издание получило название «Вестник знания». В качестве программы журнала редакцией было

* Corresponding author

E-mail addresses: sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova)

определено следующее: «распространять знания как главный залог прогресса и благосостояния народа», а девизом, объединяющим читателей и издателей в круг единомышленников, стала фраза: «учиться и учить других», вследствие чего данный журнал представляется ценным источником сведений об особенностях освещения технического прогресса в начале XX века.

2. Материалы и методы

2.1. Настоящая работа основана на результатах исследования публикаций в журнале «Вестник знания», вышедших в свет в период до 1917 года. Исследовательский потенциал периодических изданий Российской империи раскрыт в ряде научных публикаций (Koptseva, Avdeeva, 2021; Koptseva et al., 2022). Журналы предстают как исторический источник, позволяющий черпать актуальные для того периода времени знания об истории культуры Российской империи. Фокус настоящего исследования направлен на анализ публикаций, раскрывающий то, каким образом на страницах журнала представляли достижения технического прогресса в начале XX века. Для исследования были выбраны репрезентативные журналы 1903, 1908, 1913, 1917 годов издания.

2.2. В качестве основного метода был применен количественный и качественный контент-анализ, зарекомендовавший себя как эффективный исследовательский инструмент поиска и обработки информации (Koptseva et al., 2017; Ситникова, 2023). Применение данного метода позволило оценить, какие вопросы, темы, дискуссии рассматривались как значимые для осмысления технического прогресса начала XX века, а также отношение к обозначенной проблематике представителей российского дореволюционного научного сообщества. Дополнительно исследование опирается на методологию изучения исторической памяти через влияние средств массовой информации (Гнатченко, 2019; Koptseva, Reznikova, 2015).

3. Обсуждение

Мониторинг новостей из мира науки и техники, пристальное наблюдение за прогрессивными открытиями, внимание к выдающимся персонам – неотъемлемая часть профессиональной деятельности каждого ученого. Популяризация науки в Российской империи, порвавшая с обменом данными в узком кругу ученых, наиболее ярко себя проявила во второй половине XIX – начале XX вв. Одной из причин широкого распространения знаний стало издание специализированных или гибридных журналов представителями интеллигенции и нового предпринимательства, которые видели в доступности информации возможности для самообразования, а также прогресс общества в социальном, экономическом и других значениях.

Внимание к подобному рода журналам как к источникам, освещающим научно-техническое развитие в России и мире на рубеже XIX–XX веков, наблюдается и сегодня. Так, И.А. Акопов провел историко-типологическое исследование отечественных специальных журналов, которые были опубликованы с 1765 по 1917 гг. Он отметил, что к концу XIX – началу XX вв. тип научно-технических журналов значительно укрепился. Количество журналов по этому профилю выросло до нескольких десятков (Акопов, 1986). Он отмечает, что очень редко такие издания принадлежали частным лицам, преимущественно они издавались влиятельными учреждениями: Академией наук, институтами, научно-техническими обществами, разными ведомствами. Интерес к научно-популярной прессе и ее типологии в дореволюционный период проявили исследовательницы В.А. Парафонова (Парафонова, 2011) и Ю.Б. Балашова (Балашова, 2017). А.Г. Ваганов (Ваганов, 2016) изучил эволюцию разнообразных форм популяризации науки в России с XVIII–XXI вв., уделив важное значение в этом процессе журналам.

Рассмотрение отдельных журналов как источников ценной исторической информации о развитии научного знания в Российской империи и анализ их содержания представлен в научных статьях Н.П. Копцевой и Ю.Н. Авдеевой (Koptseva, Avdeeva, 2021); Ю.С. Замараевой, Н.Н. Середкиной, Д.С. Пчелкиной, Н.Н. Пименовой (Zamaraeva et al., 2023).

Журнал «Вестник Знания», который в данной статье выступает объектом исследования, рассматривался редко. Так, Д.В. Власов (Власов, 2012) упоминал журнал, рассматривая развитие эсперанто-движения в России, так как приложение на этом искусственном языке выходило совместно с «Вестником». О.В. Морева рассматривала данный журнал с точки зрения выстраивания коммуникации с аудиторией (Морева, 2023). В качестве источника по информированию, анализу и оценке состояния научно-технического развития журнал «Вестник Знания» не рассматривался ранее.

Проблема социокультурной оценки вопросов научно-технического прогресса находится в фокусе внимания ученых Сибирского федерального университета (Лещинская и др., 2023; Сертакова и др., 2023; Шпак, Барышев, 2024; Барышев, Копцева, 2023; Кирко, 2023; Лещинская, Колесник, 2023; Копцева, Колесник, 2023; Андрюшина, 2024). Исследование особенностей освещения технического прогресса на страницах журнала «Вестник знания» начала XX века позволяет получить новые данные в этом направлении.

4. Результаты

В.В. Битнер, редактор-издатель журнала «Вестник Знания», определил издание как иллюстрированный «толстый» ежемесячный литературно-художественный, научно-популярный

журнал с 36-ю книгами бесплатных приложений для самообразования. С самого первого номера, вышедшего в 1903 году, издатели следовали намеченному пути: быть просветительским изданием, учиться и учить. В структуре первого номера были такие разделы: «От редакции», «Из литературы и жизни», «Вопросы народного образования и библиографии», «Библиография», «Научная хроника», «Ответы подписчикам», а также приложения: «Общедоступный университет», «Энциклопедическая библиотека для самообразования», «Читальня «Вестник знания».

В разделе «От редакции» детально описаны программа, цели и идеи, которым следуют издатели. Редакторы заявляют о своей беспристрастности и о том, что в журнале будут публиковаться различные обсуждения, в ходе которых прояснится истина. С восторгом и восхищением авторы пишут о прогрессе, о силе знания, которое видят «верным средством борьбы не только со всевозможными предрассудками, но – что гораздо важнее – и темными сторонами человеческой природы» (От редакции, 1903: 3).

Особенно интересным представляется то, что авторы не противопоставляют научное знание и религию, а, наоборот, указывают на то, что сила знания, прогресс и, прежде всего, духовный прогресс, способны привести человечество к идеалам, провозглашенным девятнадцать веков назад, и стать основой для современного христианства, гуманности, но в то же время не отрицают, что знание является основой материального достатка (От редакции, 1903).

На страницах журнала уделяется внимание и вопросам из гуманитарной сферы, и из научно-естественной. Среди значимых публикаций первого номера, посвященных именно достижениям технического прогресса, стоит отметить работы В.А. Тюринга о катализе (Тюринг, 1903), А.А. Исаева – об изобретениях, оказавших влияние на развитие промышленности в России и на Западе (Исаев, 1903).

В разделе «Научная хроника» представлены актуальные и остро обсуждаемые вопросы в области астрономии, метеорологии, физики (обсуждения доказательности вращения Земли, лунные каналы и растительность спутника Земли, влияние Луны на грозы), антропологии, криминологии, физиологии, медицины (вопросы о происхождении пола, возможности использования исследований крови в доказательстве преступлений, соотношение физических и умственных качеств человека, возможности применения электрического сна, использование противоклоушной сыворотки и лечение скарлатины), биологии, зоологии, ботаники, геологии и почвоведения (исследование высших чувств у животных, разработка мер по обеззараживанию прудов).

Во втором номере 1903 года значительная часть отводится гуманитарной составляющей. Издатели продолжают следовать выбранному пути: способствовать прогрессу и самообразованию человека. В качестве одного из ярких материалов необходимо упомянуть текст речи А. Фогаццаро, произнесенной в Римском Обществе Поощрения Женского образования, под названием «Прогресс человеческий» (Фогаццаро, 1903). Автор анализирует суть прогресса, представляет этот процесс как путь к счастью. Стремясь быть объективным, автор приводит и пессимистический взгляд на прогресс как на погоню за материальными наслаждениями, радость от обретения которых омрачается нравственными муками беспокойства и злобы. Но, будучи сторонником оптимистических воззрений, отмечает: «Влияние нравственного фактора неразрывно связано с научным. Вместе с развитием научного знания растет и нравственная сила, а без последней не может существовать и науки» (Фогаццаро, 1903: 69). Он утверждает: «Современная же цивилизация, проникнутая этим началом христианства, не погибнет, но окрепнет в борьбе страстей, способствующей удалению из общественного организма вредных ему начал» (Фогаццаро, 1903: 69).

В разделе «Научная хроника» рассматриваются вопросы антропометрии, психофизиологии, гигиены, биологии т.д. Читателям представляются современные достижения прогресса, поставленные на службу обществу, например, использование дактилоскопии при раскрытии преступлений.

В третьем номере 1903 года также перемежаются философские рассуждения на тему «Куда ведет нас наука, и чего нам ожидать от нее» (Куда ведет..., 1903) и обзор современных открытий и изобретений. Например, развитие телефонии, изобретение беспроволочного телефона, усовершенствование рентгеновской трубки, создание стенографической пишущей машинки.

В последующих номерах (4-12), изданных в 1903 году, редакторы остаются верными поставленной цели: публикуют обзоры научных открытий и самых передовых изобретений в различных областях. В каждом номере присутствует раздел «Научная хроника», где читателей знакомят с новыми свойствами химических элементов и открытиями в области физики, новыми знаниями в области физиологии человека и успехами борьбы с различными заболеваниями, с новыми знаниями о животном и растительном мире, а также о трансформации привычных знаний в связи с новыми данными. Так, например, в связи с открытием радиоактивности меняется понимание материи (Лодж, 1903). При этом не остаются в стороне и рассуждения о нужности данных изобретений и открытий, какое значение они имеют для современного человека и будущего всего человечества, а также осмысление развития науки в целом и задач, решаемых конкретными дисциплинами (Леб, 1903; Пуанкаре, 1903). Стремление быть объективными и представлять широкий диапазон мнений приводит к тому, что в журнале публикуются сложные дискуссионные темы, например, имеется ли у растений разум или превращение олова в золото (Научная хроника, 1903).

В выпусках журнала за 1908 г. большое место занимают рубрики, посвященные вопросам социального характера, рассуждениям о развитии отдельных научных областей (таких как биология, химия, физика) с древности до современности, а также рассуждениям философского характера. Однако даже в этом разнообразии тем можно обнаружить статьи и заметки, отражающие взгляд на развитие техники, содержащие достаточно подробные описания новейших изобретений.

Необходимо отметить, что появляются статьи, в которых заметным становится сопряжение научно-технического прогресса с военным делом, поскольку формируется понимание того, что научно-техническое превосходство, вероятно, повлияет и на превосходство некоей стороны и в случае вооруженного конфликта. Примером тому служит статья М. С. Тиханова «Воздухоплавание в начале XX века», в которой буквально написано следующее: «к энергичному международному соревнованию в области завоевания воздуха побуждает та неоспоримая истина, что в ближайших войнах господство и победа будут на стороне противника, обладающего наиболее сильным флотом аэронавтов» (Тиханов, 1908: 1). Автор предлагает серьезный и объективный подход к рассмотрению еще нового для человечества изобретения, признавая его важность как для расширения границ научного знания, так и несущего большую опасность для множества людей. В статье дается подробное описание технических особенностей аэронавтов, разработанных во Франции, Германии, Италии и Великобритании. В заключении автор выражает надежду, что в России также будет развиваться эта область, полезная, к примеру, для исследования обширных арктических территорий страны.

Внимание к изобретениям в военной области уделяется и в коротких заметках. В разделе «Мелкие сообщения из области науки и техники. Техника» (Мелкие сообщения..., 1908: 1) наряду с изобретением телефона для слабослышащих людей упоминается прибор, способный парализовать действие минных заграждений. Или же во втором номере журнала имеется статья о телеметре – изобретении французского майора Жерара, позволяющее точно и просто рассчитывать расстояние до наблюдаемого предмета, что необходимо в артиллерийском деле (Техника, 1908: 2). В номере 12 журнала в рубрике «Новые изобретения» дается описание устройства и принципа работы электрической пушки (Электрические пушки, 1908: 12).

Интересна также статья об изобретенном братьями Люмьер способе цветного фотографирования, в которой наряду с подробным описанием технической стороны процесса создания цветного изображения дается весьма комплиментарная оценка результата. Научно-техническая составляющая деятельности человека в данном случае возвышается до уровня создания произведений искусства (Научные новости, 1908: 1).

Вообще же тема, связанная с получением изображений, появляется на страницах журнала неоднократно. Все в том же первом номере за 1908 г. содержится статья о практическом применении передачи изображений с помощью телеграфа (Научные новости, 1908а: 1). А в номере 12 содержится статья доктора Курта-Шмидта о пользе и возможностях микрофотографии для научных исследований (Курт-Шмидт, 1908: 12). Данная статья указывает на ряд преимуществ изобретения в сравнении с глазом человека, неизбежно делающим ошибки в наблюдениях.

Довольно большое место среди статей за 1908 г. занимают те, что посвящены открытиям Марии Склодовской-Кюри (содержатся также и небольшие сообщения о результатах исследований ученой, например, об определении атомного веса радия (Мелкие сообщения..., 1908: 1), изучению возможностей радия и рентгеновских лучей в научной области. Так, например, во втором номере журнала за 1908 г. напечатана большая статья с иллюстрациями об опытах с радиоактивными телами (Новые опыты..., 1908: 2). В ней даются подробные описания приборов, предназначенных для подобного типа опытов. Статья эта выдержана в строго научном стиле.

В 5 номере содержится статья доктора Отто Гана «Основное вещество радия», в которой подробно охарактеризованы свойства радия, сделаны предположения о происхождении радия (Ган, 1908: 5). В 7-8 номерах журнала есть статья, разъясняющая периоды жизни радиоактивного атома, в ней же приводится сравнение продолжительности жизни атома и человека по принципу определенности ее величины, ведущее к выводу о большей правильности жизни мертвой материи, не зависящей от каких-либо случайностей (Камерон, 1908: 7-8).

В связи с этой тематикой печатаются также заметки и в разделе «Медицина». Доктор Папен в статье «Новейшие методы диагностики» упоминает, в том числе, и радиографию (или радиоскопию), метод, доказавший на практике свою эффективность в диагностике некоторых заболеваний человека (Папен, 1908: 6). Есть в одном из номеров журнала также и сообщение о прорыве в фотографировании с помощью рентгеновских лучей грудной клетки, об устранении сложности в получении ясного изображения благодаря сокращению времени экспозиции (Моментальные снимки..., 1908: 7-8).

В целом статьи по данной тематике отличаются научным стилем написания, не содержат лишних отвлечений на какие-либо смежные темы, а также включают прогнозы будущих открытий или изобретений, опирающихся на знания о радиоактивных веществах.

На страницах журнала за этот год встречаются описания принципов работы разнообразных технических новинок, таких, как телеграфоскоп Сенлека (Телеграфоскоп Сенлека, 1908: 3), телеграфон

Пульсена, предназначенный для записывания и воспроизведения звуков (Кинцбруннер, 1908: 5), тепловые часы Павла Корню (Тепловые часы, 1908: 12).

В достаточно большой блок можно выделить статьи, посвященные разбору и выдвигению самых разных научных теорий. Подробные статьи о теориях в области физики рассказывают об электромагнитных теориях (Корбино, 1908: 4). В статье Августа Ригги, профессора из Болоньи, обобщаются все известные гипотезы относительно электрической природы материи (Ригги, 1908: 10-11). Доказательства в пользу теории о молекулярном строении вещества приводятся в статье доктора Бехгольда «Ультра-фильтрация. Доказательства существования молекул» (Бехгольд, 1908: 6).

Любопытна статья из раздела «Математика», в которой Д. Спрингер объясняет специфику четвертого измерения, предлагая выйти за рамки того, что человек может себе представить, опираясь на реальность (Спрингер, 1908: 9). И если человеку не дано вообразить то, каким образом осуществляется движение в четвертом измерении, то, по мнению автора статьи, ему вполне по силам вообразить себе миры первого и второго измерений, тем самым расширив и усложнив свои представления о возможном устройстве мира. Опираясь на знания в области геометрии, автор делает вывод о том, что четвертое измерение вполне может существовать.

1913 год очень важен для рассмотрения содержательного наполнения «Вестника Знаний». Это год десятилетия журнала, который стал коммерчески успешным и сформировал вокруг себя большое количество читателей и почитателей. Об этом свидетельствует, например, подарок, преподнесенный подписчиками в честь десятилетия журнала В.В. Битнеру – его портрет, написанный известным художником И.Е. Репиным, а также подготовленная редакцией книга «Десять лет культурной работы журнала «Вестник Знания» (Десять..., 1913).

121 выпуск (1 номер 1913 года) «Вестника Знаний» открывается публикацией, в которой редакция подводит итоги распространения научного знания журналом и публикует письмо профессора И.П. Скворцова, подарившего журналу на юбилей свою оригинальную статью. Здесь говорится о миссии журнала: «Пробуждать в читателях духовную самостоятельность и сознание единства интересов высшего порядка» (Десять..., 1913: 14), упоминается важность самообразования, распространения научных знаний. И. Скворцов отмечает, что журнал стал той площадкой, на которой были возможны публикации, незамеченные другими научными журналами, здесь возникали дискуссии, которые давали пищу для ума и настраивали на дальнейшую работу.

В этом же номере была опубликована статья профессора Умова о роли физических наук в прогрессивном развитии человечества. «Успехи физического знания, затрагивающие глубочайшие духовные и экономические интересы человечества, имеют своей базой использование основных факторов экономической жизни народа – тех источников энергии, которые в данную эпоху человек подчинил своей воле. Это подчинение идет рука об руку с развитием этих знаний и экономическими преуспеваниями» (Пр. Умов..., 1913: 140). Автор рассматривает энергию воды, ветра и института рабства в производительности, которые исторически использовались человеком, и говорит об их маломощности, несравнимой с полезной силой современных машин.

Сравнивая инструменты выколачивания сил из рабов с машинными инструментами, Умов говорит не только об их превосходстве в получении материальных показателей, но и о способности благоприятно воздействовать на духовную жизнь человека: «весь колоссальный успех создан тесным общением человека с мертвой природой, свободной, подчиненной вечным законам и повинующейся только тому, кто их познает и соблюдает. Это общение создает ценные этические навыки и обычаи, которые лежат в основе и экономического, и духовного преуспевания. Вместо произвола – изучение и наука, вместо насилия – закономерность и сообразование с природой явления» (Пр. Умов..., 1913: 141). Профессор Умов позитивно описывает результаты открытий в физике, говоря, что их дальнейшие исследования неизменно послужат и миропониманию, и материальному успеху человечества: «наука научила людей пользоваться энергией, скрытой в сокровищницах земли. И к счастью человечества, наука уже строит тот мост, по которому пойдут в космос ловцы его энергии» (Пр. Умов..., 1913: 141).

В следующих номерах 1913 года в разделе «Новости науки и техники» в основном даются обзоры на новейшие изобретения и размышления об их полезности для общества.

Во 2 номере (122 выпуск) приводится статья доктора А. Нейбургера «Фотографирование по телефону», в которой автор рассматривает изобретение (аппарат отправляющий и аппарат принимающий изображения) французского физика Э. Белена, позволяющее телеграфировать изображения на дальние дистанции. Вместо традиционно используемого селена физик использовал электрические токи разных сил и полностью механизировал создание фотокопии (Нейбургер, 1913).

В 3 номере читателей знакомят с изобретениями подводных саней, которые должны облегчить работу водолазам, и ручной пушкой, которая может использоваться полицией для наведения порядка. В 4 выпуске приводится устройство дактилофона д-ра Лежакса – аппарат для общения с глухими. Это изобретение сделано по принципу пишущей машинки, в которой укрупнены и ужирнены литеры, чтобы, даже находясь на расстоянии от глухого человека, можно было бы отчетливо прочитать его слова.

5-6 выпуски выходят без знаменитого раздела, с седьмого номера он вновь возвращается. В 8 выпуске публикуется статья о сравнительном микроскопе и новых пушках. В целом внимание к разработке новых видов вооружения и модификации старых образцов являются нормой для данного периода времени. В 10 выпуске выходит большая статья о «Революции в физике», в которой инженер-техник В. Рюмин сообщает о великом, объединяющем всю физику законе сохранения энергии. В номере рассматриваются изобретение телефона в поезде, нахождение автоматической устойчивости при выполнении сложных маневров аэропланами, описывается радость от того, что Эйфелева башня стала прекрасной площадкой для проведения многочисленных научных экспериментов. Так, целая статья «Эйфелева башня – исполинский термометр» рассматривает ее великолепное инженерное решение, которое позволяет получать очень корректные данные и использовать их на благо общества. В 12 номере внимание уделено созданию искусственного холода, технологии покрытия металлом разных предметов и цветному кинематографу А. Хермандеса, который, хоть и имел на старте большой потенциал, не увенчался успехом из-за громоздкости получения цветного изображения.

В заключительном выпуске года в целом приводятся данные по всем разделам за 1913 год, из которых видно, что раздел «новости науки и техники» имел популярность и занимал важное место в структуре журнала. Приведенные обзоры изобретений показывают, что они были лишь этапными, мало что удалось по-настоящему внедрить в жизнь, мало что действительно повлияло на технический прогресс. Как уже было сказано выше, ряд разработок был направлен на получение преимуществ в военном деле либо охране правопорядка, что, несомненно, связано с контекстом времени. При этом стоит отметить тот факт, что постоянно увеличивающееся количество изобретений формировало благодатную почву для истинно революционных открытий в науке и технике.

1917 год стал последним годом издания журнала до последующего его возрождения в 1925 году. По понятным причинам (Первая мировая война, Октябрьская революция в России) журнал в этот год издавался реже, выходили вдвоенные и строенные номера. В 1917 году в журнале были освещены следующие вопросы текущего технического развития в мире.

В 1 номере в статье «Воздушно-пассажирские рейсы в Германии» описаны многообещающие перспективы развития авиационного сообщения между разными странами: «Возможность использования летательных аппаратов в настоящее время уже не кажется фантастической, так как достигнута большая устойчивость и грузоподъемность аэропланов, и имеется большое число опытных пилотов. При таких условиях в Германии родилась мысль о коммерческом использовании нового средства передвижения, если пока еще не для товаров, то хотя бы для перевозки пассажиров и почты» (П.В., 1917: 94-95). В статье сделан акцент на том, что потребность в развитии авиационного сообщения исходила, в первую очередь, от стремления увеличить скорость почтового сообщения.

Во 2 номере при обзоре новостей из мира изобретений упоминается такое открытие, как «белые из бумаги для защиты от холода». Также вопросы техники рассматриваются в разделе «Отдел познания России». Статья «Использование механических двигателей в сельском хозяйстве и других областях народного труда» описывает преимущества использования автомобилей в деревнях и селах. Неизвестный автор выделяет три типа автомобилей, пригодных для использования на селе: 1) небольшие (легковые) автомобили для перемещения помещиков; 2) грузовые автомобили для транспортировки строительных материалов и товаров; 3) использование различных механических элементов, которые можно найти при разборке автомобиля, для использования в иных целях – двигателях, насосов и т.п. В статье отмечено, что пока в России использование автомобилей слишком дорого и не получило широкого распространения, в то время как в Америке и во Франции их применение уже привело к существенной экономии финансовых и трудовых ресурсов. В этом же номере журнала освещается вопрос о распространении железнодорожной сети в Российской империи на 1 декабря 1916 года. Обозначено, что общая длина используемых железных дорог составляет 72,279 верст, то есть чуть более 77 тысяч метров.

В объединенном 4-ом и 5-ом номерах сообщают об экспериментальных работах по расплавлению угля с целью получения алмазов, так как оба этих материала состоят из одного и того же вещества разной плотности – углерода. Сообщается об изобретении нового типа подвижной дороги – металлическое полотно, по которому движутся вагоны поездов на колесах без реборд. Смутное и краткое описание изобретения не позволяет точно установить, получило ли оно последующее распространение. В заметке «Использование подземной теплоты» описано создание первой термо-электроподстанции в Италии: «Италия открыла новый источник использования оригинальных естественных богатств вулканической почвы, заменяющих недостаток минерального топлива и водяной гидравлической энергии» (Использование механических..., 1917: 278).

В заключительных объединенных номерах за 1917 год (6,8-9 и 10-12) значительно снижается внимание редакторов журнала к вопросам технического развития страны. В этих номерах встречается всего несколько заметок. Первая – о необходимости организации отечественного производства кос в военное время, так как ранее в Российской империи пользовались косами штирийского производства. В заметке сказано, что ученый В.В. Лермонтов изобрел необходимый для организации этого производства новый метод закаливания кос. Вторая заметка – о расточительном использовании

Ниагарского водопада. Указывая конкретные цифры, автор обращает внимание на то, что экономическая выгода от использования этого водопада была бы значительно выше, если бы от него получали электричество, а не тратили его мощности для получения эстетического наслаждения зрителями (и даже плата за осмотр достопримечательности не покрывает разницу в доходе) (*Сколько стоит... , 1917: 368*). Наконец, еще одна заметка описывает получение нового сплава на основе цинка: «В Германии, где идет планомерная работа изыскания всяких замен, инженер Шульц изобрел новый способ использования с этой целью цинка. (...) получают однородный вполне сплав, чрезвычайно устойчивый, отличающийся особой твердостью, не уступающий железу и прекрасной ковкостью» (*Новый сплав, 1917: 448*).

В журнале «Вестник знания» технические новинки, изобретения, различные аспекты технического развития освещались довольно хорошо, но никогда не были главным предметом рассмотрения и освещения на его страницах. В 1917 году доля статей и заметок о вопросах технического развития мира и страны значительно сократилась, в эпоху мирового кризиса и гуманитарных катастроф они не имели первоочередного значения.

5. Заключение

На основе анализа репрезентативных номеров журнала «Вестник знания», вышедших в свет в 1903, 1908, 1913 и 1917 годах, были обнаружены характерные черты освещения технического прогресса в начале XX века. «Вестник знания» не являлся узкоспециализированным научным журналом, а позиционировался как иллюстрированный ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал. И в соответствии с этим издателями была выбрана цель – способствовать просвещению, утверждению идей прогресса, «учиться и учить самим». Следуя заявленной цели, авторы журнала интегрируют на его страницах разноплановые материалы, посвященные остро актуальным вопросам как в сфере гуманитаристики, так и в научно-технической сфере. Также интересным представляется тот факт, что среди опубликованных материалов встречаются радикально противоположные взгляды. Данная особенность подчеркивается издателями в обращении редакции к читателям, где заявляется стремление ради достижения истины публиковать максимально широкий круг взглядов на обсуждаемые темы.

Нельзя оставить без внимания еще одну особенность, характеризующую представление идей технического прогресса в публикациях «Вестника знаний». Авторами журнала выступают как профессора, деятели науки, так и священники или увлеченные каким-либо знанием обыватели. В журнале представлены публикации не только о конкретных технических изобретениях, но и современные представления о «философии техники». Современное техническое развитие получает на страницах журнала как позитивную оценку в качестве блага для человечества, так и негативную оценку – снижение уровня духовно-нравственного развития человечества на фоне стремительного технического развития. Таким образом, издателей «Вестника знания» вопросы техники не интересовали сами по себе, а только с точки зрения их значения для целостного социокультурного развития.

Необходимо подчеркнуть и отношение к читателю как единомышленнику, соучастнику дела просвещения и продвижения идей прогресса. Публикуя тот или иной материал, издатели приглашают к обсуждению ученых и напрямую обращаются с просьбой присылать в редакцию свои исследования по затронутой теме. Также непосредственная коммуникация с читателями осуществляется в разделе «Ответы подписчикам», где редакция журнала отвечает как на прозаические вопросы о доставке журналов, так и о вечности материи и математических рассуждениях о бесконечности.

Описание новых технических изобретений, а также научных открытий, которые будут способствовать будущим техническим изобретениям, можно обнаружить в разных разделах журнала: «Новости науки, литературы и техники», «Отдел естественных наук», «Отдел познания России» и прочие.

На страницах журнала можно найти статьи о таких значимых явлениях в сфере технического прогресса начала XX века, как развитие воздухоплавательной техники (интересно, что в 1908 году писали о возможностях использования самолетов для военных действий, а в 1917 году появились первые публикации о том, что в ближайшее время планируется запустить пассажирские и почтовые перевозки); описание телескопов, фотографий и микрофотографии, статьи об усовершенствовании дорог и железнодорожного транспорта; описание возможностей применения автомобильной техники для развития сельского хозяйства и др. Многие публикации раскрывают современный уровень познания материи и особенностей различных химических элементов, сплавов и составов, на основе экспериментальных преобразований которых могут быть получены новые материалы с новыми свойствами для совершенствования техники.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>.

Литература

- Акопов, 1986** – Акопов А.И. Отечественные специальные журналы. Историко-типологический обзор. Издательство Ростовского университета, 1986.
- Андрюшина, 2024** – Андрюшина Я.Д. Нейросети: помощники или противники современному художнику? // *Сибирский искусствоведческий журнал*. 2024. 1 (3). С. 20-28.
- Балашова, 2017** – Балашова Ю.Б. Типология научно-популярной прессы начала XX века // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. 159(3). С. 680-690.
- Барышев, Копцева, 2023** – Барышев Р.А., Копцева Н.П. Технологические инновации для дизайна искусственной среды // *Сибирский антропологический журнал*. 2023. 4 (7). С. 54-64.
- Бехгольд, 1908** – Бехгольд. Ультра-фильтрация. Доказательство существования молекул // *Вестник знания*. 1908. 6. С. 768-771.
- Ваганов, 2016** – Ваганов А.Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII-XXI вв. // *Наука. Инновации. Образование*. 2016. 11(3). С. 64-77.
- Власов, 2012** – Власов Д.В. Издатель В.В. Битнер и его сотрудничество с эсперанто-движением // *Медиаскоп*. 2012. 4. С. 27.
- Ган, 1908** – Ган О. Основное вещество радия // *Вестник знания*. 1908. 5. С. 600-603.
- Гнатченко, 2019** – Гнатченко А.И. Влияние средств массовой информации на формирование исторической памяти населения // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2019. 6(84). С. 50-55.
- Десять..., 1913** – Десять лет культурной работы журнала «Вестник знания», 1903–1913. Санкт-Петербург, 1913, 224 с.
- Исаев, 1903** – Исаев А.А. Развитие промышленности на Западе и в России // *Вестник знания*. 1903. 1. С. 69-81.
- Использование механических..., 1917** – Использование механических двигателей в сельском хозяйстве и других областях народного труда // *Вестник знания*. 1917. 2. С. 90.
- Использование подземной теплоты, 1917** – Использование подземной теплоты // *Вестник знания*. 1917. 4-5. С. 278.
- Камерон, 1908** – Камерон А. Т. Жизнь радиоактивного элемента // *Вестник знания*. 1908. 7-8. С. 983-985.
- Кинцбруннер, 1908** – Кинцбруннер Ц. Телеграфон // *Вестник знания*. 1908. 5. С. 639-641.
- Кирко, 2023** – Кирко В.И. Современное инженерное образование в университете Гарварда // *Азия, Америка и Африка: история и современность*. 2023. 4 (2). С. 40-67.
- Копцева, Колесник, 2023** – Копцева Н.П., Колесник М.А. Искусственный интеллект как системная технология // *Цифровизация*. 2023. 4 (4). С. 59-76.
- Корбино, 1908** – Корбино О. М. Новейшая электродинамическая теория и абсолютное движение // *Вестник знания*. 1908. 4. С. 468-473.
- Куда ведет..., 1903** – Куда ведет нас наука, и чего нам ожидать от нее // *Вестник знания*. 1903. 3. С. 90-95.
- Курт-Шмидт, 1908** – Курт-Шмидт. Микрофотография, как вспомогательное средство естественно-научного исследования // *Вестник знания*. 1908. 12. С. 1422-1434.
- Леб, 1903** – Леб В. Современные задачи химии // *Вестник знания*. 1903. 9. С. 57-62.
- Лецинская и др., 2023** – Лецинская Н.М., Колесник М.А., Омелик А.А., Ермаков Т.А. Образ искусственного интеллекта в сериале «Черное зеркало 2 (2011 - 2019)» // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. 16 (8). С. 1331-1342.
- Лецинская, Колесник, 2023** – Лецинская Н.М., Колесник М.А. Внедрение технологий искусственного интеллекта в России // *Социология искусственного интеллекта*. 2023. 2(4). С. 63-72.
- Лодж, 1903** – Лодж О. Современные взгляды на материю // *Вестник знания*. 1903. 8. С. 19-33.
- Мелкие сообщения..., 1908** – Мелкие сообщения из области науки и техники. Атомный вес радия // *Вестник знания*. 1908. 1. С. 157.
- Моментальные снимки..., 1908** – Моментальные снимки при помощи рентгеновских лучей // *Вестник знания*. 1908. 7-8. С. 1051.
- Морева, 2023** – Морева О.В. Содружество читателей «Вестника знания» (1903-1918) – пример успешной коммуникации редакции журнала с аудиторией // *Библиосфера*. 2023. 3. С. 20-27.
- Научная хроника, 1903** – Научная хроника // *Вестник знания*. 1903. 12. С. 194-207.
- Научные новости, 1908** – Научные новости. Новейшие усовершенствования в передаче рисунков по телеграфу // *Вестник знания*. 1908. 1. С. 154-157.
- Научные новости, 1908a** – Научные новости. О цветной фотографии // *Вестник знания*. 1908. 1. С. 152-154.
- Нейбургер, 1913** – Нейбургер Г. Фотографирование по телефону // *Вестник Знания*. 1913. 2. С. 208-210.
- Новые опыты..., 1908** – Новые опыты с радиоактивными телами // *Вестник знания*. 1908. 2. С. 148-150.
- Новый сплав, 1917** – Новый сплав // *Вестник знания*. 1917. 10-12. С. 448.

- От редакции, 1903 – От редакции // *Вестник знания*, 1903. 1. С. 3-4.
- П.В., 1917 – П.В. Воздушно-пассажирские рейсы в Германии // *Вестник знания*. 1917. 1. С. 94-95.
- Папен, 1908 – Папен. Новейшие методы диагностики // *Вестник знания*. 1908. 6. С. 783-793.
- Парафонова, 2011 – Парафонова В.А. Научно-популярные журналы в дореволюционный период // *Медиаскоп*. 2011. 3. С. 3.
- Проф. Умов..., 1913 – Проф. Умов о культурной роли физических наук // *Вестник Знания*. 1913. 1. С. 140-142.
- Пуанкаррэ, 1903 – Пуанкаррэ Г. Место астрономии в ряду наук // *Вестник знания*. 1903. 9. С. 92-99.
- Ригги, 1908 – Ригги А. Новая теория физических явлений // *Вестник знания*. 1908. 10-11. С. 1237-1245.
- Сертакова и др., 2023 – Сертакова Е.А., Колесник М.А., Омелик А.А. Образ научно-технического прогресса в изобразительном искусстве Павла Николаевича Филонова // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. 16 (4). С. 594-607.
- Ситникова, 2023 – Ситникова А.А. Городская художественная культура: современные концептуальные основания и методологические подходы к изучению // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. 16 (11). С. 1999-2009.
- Сколько стоит Ниагарский водопад, 1917 – Сколько стоит Ниагарский водопад // *Вестник знания*. 1917. 6, 8-9. С. 368.
- Спрингер, 1908 – Спрингер Д. Объяснение четвертого измерения // *Вестник знания*. 1908. 9. С. 1094-1097.
- Телестереограф Белина, 1908 – Телестереограф Белина // *Вестник знания*. 1908. 6. С. 797-799.
- Тепловые часы, 1908 – Тепловые часы // *Вестник знания*. 1908. 12. С. 1487.
- Техника, 1908 – Техника. Телеметр майора Жерара // *Вестник знания*. 1908. 2. С. 153-155.
- Тиханов, 1908 – Тиханов М. С. Воздухоплавание в начале XX века // *Вестник знания*. 1908. 1. С. 93-108.
- Тюринг, 1903 – Тюринг В.А. Вещества «действующие одним своим присутствием» // *Вестник знания*. 1903. 1. С. 52-57.
- Фогаццаро, 1903 – Фогаццаро А. Прогресс человечества // *Вестник знания*. 1903. 2. С. 63-72.
- Шпак, Барышев, 2024 – Шпак А.А., Барышев Р.А. Будущее сферы труда для научно-технического развития региона: тенденции, концепции, технологии, направления исследования // *Северные архивы и экспедиции*. 2024. 1 (8). С. 9-18.
- Электрические пушки, 1908 – Электрические пушки // *Вестник знания*. 1908. 12. С. 1487-1488.
- Koptseva et al., 2017 – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy // *Bylye Gody*. 2017. 30(1). Pp. 25-30.
- Koptseva et al., 2022 – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2). Pp. 867-875.
- Koptseva, Avdeeva, 2021 – Koptseva N.P., Avdeeva Yu.N. On the question of the history of science in the Russian Empire (based on the analysis of the journal “Scientific Review” of 1898) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1473-1481.
- Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Refinement of the causes of Ethnic migration North Selkup based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk krai // *Bylye Gody*. 2015. 38(4). Pp. 1028-1038.
- Zamaraeva et al., 2023 – Zamaraeva Y.S., Seredkina N.N., Pchelkina D.S., Pimenova N.N. Scientific and technological progress of the early XX century in the periodical press of the Russian Empire (*Zodchiy magazine*, 1902) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). Pp. 390-401.

References

- Akopov, 1986 – Akopov, A.I. (1986). Otechestvennyye spetsial'nyye zhurnaly. Istoriko-tipologicheskii obzor [National special journals. Historical and typological review]. Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. [in Russian]
- Andryushina, 2024 – Andryushina, Ya.D. (2024). Neuroseti: pomoschniki ili protivniki sovremennomu hudozhniku? [Neural networks: helpers or opponents to the modern artist?]. *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*. 1(3): 20-28. [in Russian]
- Balashova, 2017 – Balashova, Yu.B. (2017). Tipologiya nauchno-populyarnoy pressy nachala XX veka [Typology of the popular science press of the early twentieth century]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 159(3): 680-690. [in Russian]
- Baryshev, Koptseva, 2023 – Baryshev, R.A., Koptseva, N.P. (2023). Tehnologicheskie innovatsii dlya disaina iskusstvennoi sredi [Technological innovation for built environment design]. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*. 4(7): 54-64. [in Russian]

- [Bekhgol'd, 1908](#) – *Bekhgol'd* (1908). Ul'tra-fil'tratsiya. Dokazatel'stvo sushchestvovaniya molekul [Proof of the existence of molecules. Bulletin of knowledge]. *Vestnik Znaniya*. 5: 768-771. [in Russian]
- [Desyat'..., 1913](#) – Desyat' let kul'turnoy raboty zhurnala «Vestnik znaniya» [Ten years of cultural work of the magazine “Vestnik znaniya”]. SPb, 1913. 224 p. [in Russian]
- [Elektricheskkiye pushki, 1908](#) – Elektricheskkiye pushki [Electric guns]. *Vestnik Znaniya*. 1908. 12: 1487-1488. [in Russian]
- [Fogatstsaro, 1903](#) – *Fogatstsaro, A.* (1903). Progress chelovechestva [Progress of mankind]. *Vestnik znaniya*. 2: 63-72. [in Russian]
- [Gan, 1908](#) – *Gan O.* (1908). Osnovnoye veshchestvo radiya [The main substance of radium]. *Vestnik Znaniya*. 5: 600-603. [in Russian]
- [Gnatchenko, 2019](#) – *Gnatchenko, A.I.* (2019). Vliyaniye sredstv massovoi informatsii na formirovaniye istoricheskoi pamyati naseleniya [The influence of the media on the formation of historical memory of the population]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 6(84): 50-55. [in Russian]
- [Isayev, 1903](#) – *Isayev, A.A.* (1903). Razvitiye promyshlennosti na Zapade i v Rossii [Development of industry in the West and in Russia]. *Vestnik znaniya*. 1: 69-81. [in Russian]
- [Ispol'zovaniye mehanicheskikh..., 1917](#) – Ispol'zovaniye mehanicheskikh dvigatelei v sel'skom hozyaistve i drugih oblastyakh narodnogo truda. *Vestnik Znaniya*. 1917. 2: 90. [in Russian]
- [Ispol'zovaniye podzemnoi teploti, 1917](#) – Ispol'zovaniye podzemnoi teploti (1917). *Vestnik Znaniya*, 4-5, pp. 278. [in Russian]
- [Kameron, 1908](#) – *Kameron, A.T.* (1908). Zhizn' radioaktivnogo elementa [Life of a radioactive element]. *Vestnik Znaniya*. 7-8: 983-985. [in Russian]
- [Kintsbrunner, 1908](#) – *Kintsbrunner, C.* (1908). Telegrafon. *Vestnik Znaniya*. 5: 639-641. [in Russian]
- [Kirko, 2023](#) – *Kirko, V.I.* (2023). Sovremennoye inzhenernoye obrazovanie v universitete Garvarda [Modern engineering education at Harvard University]. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*. 4(2): 40-67. [in Russian]
- [Koptseva et al., 2017](#) – *Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I.* (2017). The content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy. *Bylye Gody*. 30(1): 25-30.
- [Koptseva et al., 2022](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.
- [Koptseva, Avdeeva, 2021](#) – *Koptseva, N.P., Avdeeva, Yu.N.* (2021). On the question of the history of science in the Russian Empire (based on the analysis of the journal “Scientific Review” of 1898). *Bylye Gody*. 16(3): 1473-1481.
- [Koptseva, Kolesnik, 2023](#) – *Koptseva, N.P., Kolesnik, M.A.* (2023). Iskusstvennij intellekt kak sistemnaya tehnologiya [Artificial Intelligence as a System Technology]. *Tsifrovizatsiya*. 4(4): 59-76. [in Russian]
- [Koptseva, Reznikova, 2015](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* (2015). Refinement of the causes of Ethnic migration North Selkup based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk kraj. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.
- [Korbino, 1908](#) – *Korbino, O.M.* (1908). Noveyshaya elektrodinamicheskaya teoriya i absolyutnoye dvizheniye [The latest electrodynamic theory and absolute motion]. *Vestnik Znaniya*. 4: 468-473. [in Russian]
- [Kuda vedet..., 1903](#) – Kuda vedet nas nauka, i chego nam ozhidat' ot neye [Where science is leading us, and what we should expect from it]. *Vestnik znaniya*. 1903. 3: 90-95. [in Russian]
- [Kurt-Shmidt, 1908](#) – *Kurt-Shmidt* (1908). Mikrofotografiya, kak vspomogatel'noye sredstvo yestestvenno-nauchnogo issledovaniya [Microphotography as an auxiliary means of natural scientific research]. *Vestnik Znaniya*. 12: 1422-1434. [in Russian]
- [Leb, 1903](#) – *Leb, V.* (1903). Sovremennyye zadachi khimii [Modern problems of chemistry]. *Vestnik znaniya*. 9: 57-62. [in Russian]
- [Leshchinskaia et al., 2023](#) – *Leshchinskaia, N.M., Kolesnik, M.A., Omelik, A.A., Ermakov, T.K.* (2023). Obraz iskusstvennogo intellekta v seriale “Chernoie zerkalo” (2011 - 2019) [The image of artificial intelligence in the series “Black Mirror” (2011 - 2019)]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(8): 1331-1342. [in Russian]
- [Leshchinskaia, Kolesnik, 2023](#) – *Leshchinskaia, N.M., Kolesnik, M.A.* (2023). Vnedreniye tehnologii iskusstvennogo intellekta v Rossii [Introduction of artificial intelligence technologies in Russia]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*. 2(4): 63-72. [in Russian]
- [Lodzh, 1903](#) – *Lodzh, O.* (1903). Sovremennyye vzglyady na materiyyu [Modern views on matter]. *Vestnik znaniya*. 8: 19-33. [in Russian]
- [Melkiye soobshcheniya..., 1908](#) – Melkiye soobshcheniya iz oblasti nauki i tekhniki. Atomnyy ves radiya [Minor messages from science and technology. Atomic weight]. *Vestnik Znaniya*. 1908. 1: 157, 158. [in Russian]
- [Momental'nyye snimki..., 1908](#) – Momental'nyye snimki pri pomoshchi rentgenovskikh luchey [Snapshots using X-rays]. *Vestnik Znaniya*. 1908. 7-8: 1051. [in Russian]

- Moreva, 2023** – *Moreva, O.V.* (2023). Sodruzhestvo chitateley «Vestnika znaniya» (1903-1918) – primer uspeshnoy kommunikatsii redaktsii zhurnala s auditoriyey [The community of readers of “Vestnik znaniya” (1903-1918) is an example of successful communication between the magazine’s editors and the audience]. *Bibliosphere*. 3: 20-27. [in Russian]
- Nauchnaya khronika, 1903** – Nauchnaya khronika [Scientific chronicle]. *Vestnik znaniya*. 1903. 12: 194-207. [in Russian]
- Nauchnyye novosti, 1908** – Nauchnyye novosti. Noveyshiya usovershenstvovaniya v peredache risunkov po telegrafu [Science News. The latest improvements in transmitting pictures by telegraph]. *Vestnik Znaniya*. 1: 154-157. [in Russian]
- Nauchnyye novosti, 1908a** – Nauchnyye novosti. O tsvetnoy fotografii [Scientific news. About color photography]. *Vestnik Znaniya*. 1908. 1: 152-154. [in Russian]
- Neuburger, 1913** – *Neuburger, G.* (1913). Fotografirovaniye po telefonu [Photographing by telephone]. *Vestnik Znaniya*. 2: 208-210. [in Russian]
- Noviy splav, 1917** – *Noviy splav* [New alloy]. *Vestnik Znaniya*. 1917. 10-12: 448. [in Russian]
- Novyye opyty s radioaktivnymi telami, 1908** – *Novyye opyty s radioaktivnymi telami*. *Vestnik Znaniya*. 1908. 2: 148-150. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1903** – *Ot redaktsii*. *Vestnik Znaniya*. 1903. 1, pp. 3-4. [in Russian]
- P.V., 1917** – *P.V.* (1917). Vozdushno-passazhirskie reisi v Germanii [Air passenger flights in Germany]. *Vestnik Znaniya*. 1: 94-95. [in Russian]
- Papen, 1908** – *Papen* (1908). Noveyshiye metody diagnostiki [The latest diagnostic methods]. *Vestnik Znaniya*. 6: 783-793. [in Russian]
- Parafonova, 2011** – *Parafonova, V.A.* (2011). Nauchno-populyarnyye zhurnaly v dorevolutsionnyy period [Popular science magazines in the pre-revolutionary period]. *Mediascope*. 3: 3. [in Russian]
- Prof. Umov..., 1913** – *Prof. Umov* o kul'turnoy roli fizicheskikh nauk [Prof. Umov about the cultural role of physical sciences] (1913). *Vestnik Znaniya*. 1: 140-142. [in Russian]
- Puankarre, 1903** – *Puankarre, G.* (1903). Mesto astronomii v ryadu nauk [The place of astronomy among the sciences]. *Vestnik znaniya*, 9, pp. 92-99. [in Russian]
- Riggi, 1908** – *Riggi, A.* (1908). Novaya teoriya fizicheskikh yavleniy [New theory of physical phenomena]. *Vestnik Znaniya*. 10-11: 1237-1245. [in Russian]
- Sertakova et al., 2023** – *Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A., Omelik, A.A.* (2023). Obraz nauchno-tehnicheskogo progressa v izobrazitel'nom iskusstve Pavla Nikolaevicha Filonova [The image of scientific and technological progress in the fine arts of Pavel Nikolaevich Filonov]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(4): 594-607. [in Russian]
- Shpak, Baryshev, 2024** – *Shpak, A.A., Baryshev, R.A.* (2024). Budushee sferi truda dlya nauchno-technicheskogo razvitiya regiona: tendetsii, kontseptcii, technologii, napravleniya issledovaniya [The future of the world of work for the scientific and technological development of the region: trends, concepts, technologies, research directions]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 1(8): 9-18. [in Russian]
- Sitnikova, 2023** – *Sitnikova, A.A.* (2023). Gorodskaya khudozhestvennaya kul'tura: sovremennyye kontseptual'nyye osnovaniya i metodologicheskiye podkhody k izucheniyu [Urban artistic culture: modern conceptual foundations and methodological approaches to study]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(11): 1999-2009. [in Russian]
- Skol'ko stoit..., 1917** – *Skol'ko stoit Niagarskii vodopad*. *Vestnik Znaniya*. 1917. 6, 8-9. P. 368. [in Russian]
- Springer, 1908** – *Springer, D.* (1908). Ob"yasneniye chetvertogo izmereniya [Explanation of the fourth dimension]. *Vestnik Znaniya*. 9: 1094-1097. [in Russian]
- Tekhnika, 1908** – *Tekhnika*. Telemetr mayora Zherara [Technique. Major Gerard's Telemeter]. *Vestnik Znaniya*. 1908. 2: 153-155. [in Russian]
- Telestereograf Belina, 1908** – *Telestereograf Belina* [Belin's telestenograph]. *Vestnik Znaniya*. 1908. 6: 797-799. [in Russian]
- Teplovyye chasy, 1908** – *Teplovyye chasy*. *Vestnik Znaniya*. 1908. 12: 1487. [in Russian]
- Tikhanov, 1908** – *Tikhanov, M.S.* (1908). Vozdukhoplavaniye v nachale XX veka [Aeronautics at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Znaniya*. 1: 93-108. [in Russian]
- Tyuring, 1903** – *Tyuring, V.A.* (1903). Veshchestva «deystvuyushchiye odnim svoim prisutstviyem» [Substances “acting by their mere presence”]. *Vestnik znaniya*. 1: 52-57. [in Russian]
- Vaganov, 2016** – *Vaganov, A.G.* (2016). Evolyutsiya form populyarizatsii nauki v Rossii: XVIII-XXI vv. [Evolution of forms of popularization of science in Russia: XVIII-XXI centuries]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye*. 11(3): 64-77. [in Russian]
- Vlasov, 2012** – *Vlasov, D.V.* (2012). Izdatel' V.V. Bitner i yego sotrudnichestvo s esperantodvizheniyem [Publisher V.V. Bitner and his collaboration with the Esperanto movement]. *Mediascope*. 4: 27. [in Russian]
- Zamaraeva et al., 2023** – *Zamaraeva, Y.S., Serechkina, N.N., Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N.* (2023). Scientific and technological progress of the early XX century in the periodical press of the Russian Empire (Zodchiy magazine, 1902). *Bylye Gody*. 18(1): 390-401.

**Освещение технического прогресса начала XX века на страницах журнала
"Вестник знания" (1903–1917 гг.)**

Екатерина Анатольевна Сертакова ^{a, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^a,
Мария Александровна Колесник ^a, Александра Александровна Ситникова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В конце XIX – начале XX вв. стремительно растет количество новых технических изобретений, преобразивших жизнь человечества в XX веке: электричество, автомобили, самолеты, железобетонные конструкции и т.д. Сегодня технический прогресс продолжается и идет не менее быстрыми темпами. Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью философского и культурологического осмысления вопросов технического прогресса. Исследование истории вопроса о том, как общество относилось к техническим изменениям в культуре начала XX века, проведено на материале контент-анализа статей в журнале «Вестник знания» (1902–1918 гг., издатель В.В. Битнер). Журнал носил просветительский характер и ставил перед собой цель ознакомления с явлениями современной жизни широкой аудитории читателей в Российской империи. По итогам изучения журнала выявлена культурфилософская позиция издателей журнала по отношению к техническому прогрессу, а также представлен перечень основных технических изобретений, о которых рассказано на страницах журнала как о наиболее значимых технических открытиях начала XX века. Контент-анализ журнальных статей проведен на основе исследования подборки номеров за 4 года (1903, 1908, 1913 и 1917), что позволило проследить эволюцию просветительской деятельности издателей журнала по отношению к вопросам технического прогресса.

Ключевые слова: «Вестник знания», журнал, технический прогресс, просвещение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова),
trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник),
sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1445-1452
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1445

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Feat of Vasily Ryabov and the Formation of Imperial Identity (Based on Materials from the Penza Region)

Olga A. Sukhova ^{a, *}, Ivan N. Inozemtsev ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

During the Russo-Japanese War, the feat of private Vasily Ryabov, a native of the Ivanovka village, Penza district of the same region became the event of unprecedented significance for the Russian province. This article is devoted to identifying and analyzing the practices of spontaneous commemoration and means of memorial policy in relation to honoring the memory of the hero.

The source base of the study was made up of the records of the governor's office and the directorate of public schools, as well as publications of the regional periodical press. The concept of "commemoration" is understood as a set of actions aimed at consolidating in the collective memory and transmitting social experience necessary for solving actual problems of the present and future.

The key parameters of memorialization of the past were reasoned. The functional purpose of commemoration as a method has been established: consolidation and regulation of mass experiences against the background of defeats and the unsuccessful start of the war; formation of imperial, provincial and local identities. The signs of the transition from traditional to modern commemorative forms and manifestations of civil initiative were revealed. The authors consider the ways of information transmitting, historically determined forms of socio-political interaction to coordinate commemorative actions, the relationship between memorial culture and historical politics.

Keywords: The Russo-Japanese War, the feat of Vasily Ryabov, Penza region, spontaneous practices of commemoration, memorial policy, the formation of imperial identity.

1. Введение

Концептом системного порядка в современных исследованиях «memory studies» выступает коммеморация, понимаемая как совокупность действий по закреплению и передаче ценностно-нормативного содержания социального опыта, по инструментализации прошлого для решения актуальных задач настоящего и будущего. К сущностным признакам понятия относят публичность, коллективность, сценарность и репрезентативность (Ярычев, 2022: 13), мемориальность и коммуникативность (Spontaneous Shrines..., 2011).

Типологически выделяются практики организованного (регламентированного властями) и стихийного (спонтанного) характера, другими словами, проявления мемориальной политики и мемориальной культуры, либо по субъекту – инициатору действий: локальные, коллективные и общесоциальные (Ярычев, 2022: 14-15).

Особую актуальность этому направлению научных поисков придает необходимость функционального анализа проблемы. Так, по мнению А. Ассман, исторические (описание прошлого) и «мнемоисторические» вопросы («как мы узнаем об историческом событии и как мы вспоминаем о нем») отвечают за содержание нарративов, формирующих социальную идентичность. Обращение к истории через призму идентичности определяет позитивное содержание мифа как аффективного усвоения

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

прошлого (Ассман, 2023: 39). Не менее значимой представляется адаптивная функция, запускающая процессы консолидации общества, идентификации новых вызовов, внутренней и внешней регуляции.

Одним из аспектов проблемы выступает эволюция коммеморативных практик в условиях социокультурной трансформации, скажем, перехода от традиционного общества к обществу модерна, а, следовательно, степень институциональной зрелости культурных конструктов в пределах определенного временного цикла. В этом контексте религиозное воплощение мифа, сакрализация памяти о смерти, запечатленная в возводимых храмах и часовнях, постепенно вытесняется гражданской коммеморацией, сохранявшей элементы традиции лишь отчасти.

В 1904 г. Пензенская губерния оказалась в эпицентре стихийно возникшего движения по мемориализации подвига Василия Рябова, «расстрелянного японцами на разведках в Манчжурии» (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 23), одного из первых героев Русско-японской войны, подвиг которых получил общеимперскую известность. Василий Тимофеевич Рябов, крестьянин с. Лебедевки Пензенского уезда, в июне 1904 г. был мобилизован в 284-й пехотный Чембарский полк, сформированный в г. Пензе из 2-го батальона 216-го пехотного Инсарского полка, и направлен в Манчжурию. В сентябре 1904 г. в составе пешей охотничьей команды он собирал сведения о неприятеле и был схвачен японцами. 17 (30) сентября 1904 г. Рябов был казнен «ружейным выстрелом». На вопрос, не имеет ли он что высказать перед смертью, он ответил: «готов умереть за Царя, за Отечество, за Веру» и достойно принял смерть. Информацию о смерти разведчика русское командование получило 25 сентября, после того как один из казачьих разъездов обнаружил письмо от капитана штаба японской армии с подробным изложением обстоятельств расследования и казни Рябова и выражением сочувствия и восхищения стойкостью и храбростью русского солдата (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 33, 281 об.-282).

Масштаб акций и сохранение высшей степени актуальности происходивших событий в течение длительного периода времени определяет необходимость осмысления феномена Рябова с позиций функционала коммеморативных практик. Прежде всего, обращает на себя внимание глубинный стихийный характер движения за сохранение и сакрализацию памяти о геройском подвиге Василия Рябова, несмотря на последовательную регламентацию процесса со стороны имперских властей и оформление инициативных практик в общегосударственный проект мемориальной политики.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена делопроизводственной документацией местных органов имперской власти, периодической печатью, а также публицистическими нарративами. В Государственном архиве Пензенской области (Пенза, Российская Федерация) документальные свидетельства об увековечивании памяти о герое Русско-японской войны объединены в два тома по ведомственной принадлежности официальных инициаторов коммеморации: создание школы-памятника имени героя (фонд дирекции народных училищ) и переписка по организации чествования подвига и перезахоронения останков В. Рябова в с. Лебедевка (фонд канцелярии Пензенского губернатора). Отдельной брошюрой в типографии Пензенского губернского правления был издан рассказ штабс-капитана 216-го пехотного Инсарского полка В.М. Вателя «Рядовой Василий Рябов», раскрывающий последовательность событий, связанных с подвигом Рябова и перезахоронением его праха на Родине (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 279-293).

Обращение к материалам региональной периодической печати позволяет реконструировать перформативный контент мемориального движения, определить алгоритм построения и специфику ритуализации коммеморативных практик.

Изучение социокультурного функционала и семиотики коммеморации предполагает опору на широкий междисциплинарный дискурс и привлечение методов «memory studies», включая аксиологический, коммуникативный и институциональный подходы. Сосредоточиться на признании надындивидуального характера социальной памяти позволяет отсылка к научному наследию Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Бергера и Т. Лукмана, А. Мегилл, П. Нора (Halbwachs, 1925; Бергер, Лукман, 1995; Нора и др., 1999; Мегилл, 2007). Опорными конструктами выступают практики запоминания, сохранения и воспроизводства памяти о прошлом, а также инструментализация истории, «изобретение традиций» (Хобсбаум, 2000: 48). При этом учитывается такая особенность российской мемориальной традиции, как приоритет акциональных, обрядовых форм (Ярычев, 2022: 15).

3. Обсуждение

В современной отечественной историографии вопросы коммеморации и мемориальной парадигмы, «past-проблематики» активно разрабатывают Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, М.Л. Шуб (Репина, 2021; Леонтьева, 2017; Шуб, 2016). Так, концепция Л.П. Репиной развивается в русле изучения роли культурных/символических конструктов в организации исторической памяти и в формировании/конструировании идентичности (Репина, 2021).

В исследованиях Л.Б. Зубановой и М.Л. Шуб коммеморация выступает формой «объективации и визуализации культурной памяти» и одновременно одним из инструментов политики памяти (Зубанова, Шуб, 2022: 51). При этом базовой функцией культурной памяти рассматривается возможность конструирования memory-идентификации внешней, основанной на политике памяти, и внутренней,

производной от традиции и социального опыта (Шуб, 2016а: 71-72). Новое поколение исследователей опирается на теоретические построения Э. Хобсбаума, П. Нора, А. Мегилла, П. Хаттона (Шуб, 2016). В числе согласованных позиций, представляющих особое значение для рассматриваемой проблемы, необходимо отметить адаптационную, коммуникативную и солидаризирующую миссии коммеморации.

4. Результаты

Традиция поминовения подвига В.Т. Рябова зарождается стихийно и сразу же приобретает общеимперский масштаб. Обращение «ко всем коренным пензякам» «старого генерала» с призывом чтить подвиг Василия Рябова, стяжавшего себе «мученический воинский венец и неувядаемую славу», было опубликовано в «Русском инвалиде» 27 сентября 1904 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 283об.). В официальной переписке тема коммеморации появится только 7 октября, когда пензенский уездный исправник представит губернатору рапорт о телеграмме из Мукдена, напечатанной в №217 «Правительственного вестника» о «геройской смерти» рядового 284 Чембарского полка В. Рябове и бедственном положении его вдовы Афимьи Фроловой и четверых малолетних детей. В Пензенских губернских ведомостях телеграфное извещение о смерти героя было перепечатано в №268 28 сентября 1904 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 9; ПГВ, 1904: 2).

Следует обратить внимание на условия поступления в провинцию и распространения информации о подвиге Рябова. Благодаря новым технологиям развития связи и, прежде всего, телеграфу семья и односельчане Рябова получили сообщение о смерти героя почти одновременно со всей страной. Панихида по рядовому Василию Рябову была отслужена в церкви с. Лебедевка 28 сентября 1904 г. К этому моменту уже «кто-то по почте из Москвы прислал вдове газету с описанием этого подвига». Оказалось, что многие жители читали «японское» письмо Рябова или слышали о нем во время воскресного базара в Пензе. На панихиде присутствовали жена, дети и родители героя, инспектор народных училищ П.Ф. Орелкин, учащиеся и учительница Лебедевского начального училища, в котором обучался покойный (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 24).

Поминовение Василия Рябова было продолжено 3 октября «по почину директора народных училищ». В Лебедевку из Пензы прибыли директор училищ Н.В. Автократов, инспектор народных училищ П.Ф. Орелкин, инспектора и учителя обоих городских четырехклассных училищ, соединенный ученический хор этих училищ (до 60 человек), начальница 1-й женской гимназии В.А. Николаева и «другие почитатели подвига». Как отмечали Пензенские губернские ведомости, Рябов «был учеником Лебедевского училища и, естественно, учебный мир и должен был первым откликнуться в деле чествования его памяти» (ПГВ, 1904а: 1). Автор статьи «Памяти Василия Рябова» невольно отреагировал на возникающий диссонанс в конструировании «места поминовения» (установки памятника герою), отразивший несовпадение моделей имперской («в его деревне») и региональной идентичностей: «почему не в Пензе?...» (ПГВ, 1904а: 1).

Перед началом литургии к участникам акции, собравшимся в приходском храме, обратился священник Быстров, призывая помолиться об упокоении новопреставленного воина Василия. В его выступлении прозвучали призывы к консолидации и духовно-нравственному совершенствованию в ответ на принесенную жертву, что обнаруживает ключевые характеристики традиционной модели коммеморации, выстроенной в соответствии с православными ценностями: «В своем подвиге он оставил нам целое завещание, которое мы обязательно должны исполнить»; «Рябов умер за веру, Царя и Отечество. Он до конца исполнил долг свой...»; «геройская кончина возложила обязанности»; «Для войны потребны громадные средства, нужно, кроме того, обеспечить больных и раненых воинов, позаботиться о семьях убитых на войне...» (ПГВ, 1904а: 1).

За литургией и панихидой по герою последовали крестины дочери Рябова, родившейся уже после смерти отца. Восприемниками стали П.Ф. Орелкин и В.А. Николаева. После окончания торжеств для учеников-певчих в училище было организовано угощение, и перед отъездом в Пензу перед школой и приходским храмом хор исполнил народный гимн, «покрытый громогласным "Ура!"» (ПГВ, 1904а: 1).

Несмотря на военно-мобилизационное содержание коммеморативной акции, инициатором ее проведения выступил руководящий состав народных училищ. Гражданское начало прослеживается и в обращении Пензенского уездного предводителя дворянства А.Н. Селиванова, направившего 7 октября 1904 г. ходатайство об открытии подписки на устройство в память Рябова школы в канцелярию губернатора: «Для сохранения памяти о доблестном поступке героя Рябова и оказания помощи его осиротевшей семье считал бы нужным образовать под своим председательством в составе членов: воинского начальника, земского начальника 2-го участка и уездного исправника комитет для приема пожертвований в пользу семьи Рябова и на учреждение в селе Лебедевке, месте приходской церкви Рябова школы-памятника погибшему герою, назвав ее "Рябовскою"». Отметим, что к этому времени организация благотворительных акций в российской провинции уже была закреплена на уровне ритуала: предстояло «открыть подписку», «дать объявление в газеты», «пригласить жертвователей». Обращение к читателям с призывом к сбору средств на постройку нового здания училища было опубликовано в Пензенских губернских ведомостях 15 октября 1904 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 14-14об.; ПГВ, 1904а: 1; ПГВ, 1904б: 3). Таким образом, у истоков коммеморации героя обнаруживаем представителей наиболее прогрессивной части местного сообщества – деятелей

системы образования и выборного главу сословного и земского самоуправления, обладавшего известной толикой административной самостоятельности в пределах уезда.

В то же время исполняющий должность пензенского губернатора С.А. Хвостов первоначально усомнился в достоверности информации о мученической смерти героя, о чем свидетельствует оперативный телеграфный запрос в Главный штаб от 8 октября с просьбой о подтверждении обстоятельств гибели Рябова (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 10). На следующий день из штаба также телеграммой сообщили об отсутствии иных известий, «кроме помещенного в Правительственном вестнике». Официального подтверждения, а, следовательно, рекомендаций о соответствующих коммеморативных акциях губернатору не поступало.

Ходатайство на распоряжение министра внутренних дел о создании комитета и открытии подписки с указанием, что со стороны региональных властей инициатива «не встречает препятствий», С.А. Хвостов направляет уже 13 октября 1904 г. Селиванову же последовало указание «ожидать разрешения министерства». 2 ноября в канцелярию губернатора было доставлено письмо от начальника 31-й пехотной дивизии Н.И. Мау с текстом, обнаруженным урядником 1-го Оренбургского казачьего полка М. Соколовым японского послания, адресованным русской армии и напечатанным в «Вестнике Манчжурской армии» от 27 сентября за №55 (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 32-33об.).

В конце ноября 1904 г. губернатор вновь обращается в канцелярию МВД с просьбой оказать содействие к скорейшему разрешению данного вопроса («в виду поступления ежедневно требований от разных лиц»), что служит дополнительным аргументом в пользу стихийного характера процесса коммеморации (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 15-16, 48). Наконец, 14 декабря 1904 г. Главное управление по делам местного хозяйства уведомило губернатора о том, что препятствий к образованию комитета и устройства школы-памятника «не встречается» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 17).

Комитет по «увековечиванию памяти рядового Василия (Тимофеевича) Рябова, погибшего геройской смертью во время войны с Японией» («с разрешения министра внутренних дел») с целью постройки школы-памятника имени В. Рябова и обеспечению его семьи под председательством А.Н. Селиванова начинает свою деятельность уже с нового 1905 г. Заседания комитета проходили в помещении уездного съезда с участием директора народных училищ Пензенской губернии И.В. Автокротова, инспектора народных училищ 1-го участка Н.Ф. Орелкина, уездного исправника Соколова, воинского начальника А.Н. Ханыкова, председателя земской управы А.С. Ермолаева, земского начальника 2-го участка Пензенского уезда В.Н. Мансырева и священника с. Лебедевки о. Александра Тассова (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1-1 об., 14; Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 191-193).

Затяжная процедура согласования комитета не помешала активному сбору пожертвований в пользу семьи рядового Рябова, начиная с октября 1904 г. Так, вдова героя получила пособие от земства, помощь в размере 25 рублей была оказана членами Пензенского дамского кружка. По инициативе инспектора народных училищ Пензенской губернии 1-го участка «Пензенский справочный листок» с рассказом о геройском подвиге Рябова был прочитан в каждом народном училище. Как отметил в своем письме учитель села Дубасова С. Полозов, акция вызвала единодушное сочувствие со стороны учащихся, решивших собрать для детей героя 2 рубля (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 13 об.; Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 35-35об.).

Пожертвования поступали со всей страны от преподавателей и «их друзей» из Кронштадтского реального училища, от Калужского земства («чувствуя потребность выразить чем-нибудь свое глубокое уважение памяти героя Рябова и душевное сочувствие его семье»), редакции «Варшавского дневника», начальницы Пензенской 1-й женской гимназии В.А. Николаевой и инспектора народных училищ Пензенской губернии 1-го участка Н.В. Автокротова, Уфимского управления общества Красного Креста, от полевого штаба наместника императора на Дальнем Востоке генерал-адъютанта, адмирала Е.И. Алексева, отделения Московского международного торгового банка, Кокандского отделения Государственного банка, редакции «Военного сборника» и «Военного инвалида», нижних чинов 98-го пехотного Юрьевского полка, главноначальствующего Гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя Г.С. Голицина и его супруги, «Русского кружка» в г. Варшаве и т.д. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 19, 20, 23, 29, 36, 43, 46, 73, 75).

4 ноября 1904 г. министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский уведомил пензенского губернатора о пожаловании Императором Николаем II из собственных средств двух тысяч рублей: 1000 – для выдачи семье Рябова, 1000 – на устройство школы. К апрелю 1905 г. в казначейство было внесено 1883 руб. 88 коп. на постройку школы и 3 751 руб. 42 коп. на обеспечение семьи (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 58, 191).

Здание школы возводилось как образцовое одноклассное народное училище. По требованиям Министерства просвещения, школьное здание (на 50–60 учащихся) должно было быть каменным или деревянным, возведенным на каменном фундаменте и состоять из классной комнаты, комнаты для библиотеки, квартиры для учителя с кухней и кладовой, помещения для сторожа, комнаты для ночлега учеников из соседних селений. Школу с. Лебедевка посещали дети из д. Ивановка и на время распутицы оставались в ней с ночлегом. В 1905 г. в с. Лебедевка насчитывалось 528 жителей, в д. Ивановка – 422, в том числе, детей школьного возраста (8–11 лет) – 80 человек. Именно на такое количество учащихся и был рассчитан проект образцового училища (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 3).

11 января 1905 г. последовало директивное письмо инспектора народных училищ 1-го участка Пензенской губернии, утвердившего требования к образцовому школьному зданию. Необходимо обратить внимание, что уже на этапе проектирования учитывались средства коммеморации («как вспоминать»). По рекомендации инспектора, в классной комнате следовало поместить «медную доску с изложением на ней подвига В. Рябова и обозначением, что на постройку школы-памятника пожертвовано Государем из собственных сумм 1000 руб.». Вход в здание планировалось оформить надписью: «Лебедевское начальное народное училище в память рядового Василия Рябова» (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 13).

Открытие школы-памятника имени В. Рябова состоялось 9 мая 1909 г. В день торжества освящения начального училища «толпы народа начали стекаться к школе и церкви со всех пригородных сел и деревень». Колокольным звоном было отмечено прибытие владыки, в мероприятия приняли участие пензенский губернатор И.Ф. Кошко, представители учебных заведений, Инсарский и Оровайский полки (ПГВ, 1909: 4).

Одной из форм коммеморации стало учреждение в Пензенской I-й мужской гимназии именной стипендии «Рябова-Чембарского» на средства, пожертвованные чинами 284-го Пехотного Чембарского полка в августе 1905 г., в размере 1 240 рублей. Соответствующее ходатайство было направлено министру народного просвещения пензенским губернатором 8 октября 1905 г., но только 16 февраля 1908 г. попечитель Харьковского учебного округа разрешил учредить стипендию имени рядового 284-го пехотного Чембарского полка В.Т. Рябова. Согласно положению, стипендия учреждалась на проценты с полученного капитала. Право на получение стипендии имели «дети несостоятельных родителей», преимущественно сыновья и родственники В. Рябова, а затем «лица податного сословия» из Пензенского и Чембарского уездов» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 224-226, 248-249об., 252).

Масштаб и длительность коммеморативных акций, связанных с именем Василия Рябова, сакрализация памяти о герое встретили поддержку и обеспечили участие в этом процессе лично Николая II. Безусловно, вопрос об эксгумации и перезахоронении погибшего Рябова мог быть решен только на межгосударственном уровне. Так, 27 августа 1909 г. в своем докладе на имя И.Ф. Кошко начальник штаба Казанского военного округа Ф.Д. Иозефович сообщил, что 15 августа последовало Высочайшее соизволение на командирование за границу в Манчжурию поручика 216 пехотного резервного Инсарского полка Самсонова с унтер-офицером «для извлечения и перевезения на родину» праха рядового Рябова. Генерал-майор Иозефович рекомендовал организовать захоронение в непосредственной близости с именной школой. Предполагалось, что средства на памятник выделит комитет по увековечиванию памяти русских воинов сухопутных армий, павших на войне 1904–1905 гг. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 258).

Заинтересованность локального сообщества в дальнейшем утверждении мифа о Рябове, связь между историей и идентичностью передает переписка о выборе места памяти (захоронения праха). Так, для согласования этого вопроса губернатор обращается к председателю местного мемориального комитета А.Н. Селиванову с просьбой высказать мнение относительно организации могилы на месте устройства школы. На заседании комитета от 4 сентября были высказано пожелание о захоронении праха Рябова в Пензе на военном кладбище на участке 216 пехотного резервного Инсарского полка из-за соображений обеспечения ухода, а также «в интересах боевого воспитания нижних чинов», так как «память Рябова дорога не одной маленькой Лебедевке, а всей Пензенской губернии, почему и памятник ему лучше поставить в губернском городе» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 260-263).

И все же губернские власти поддержали имперский подход к созданию ритуала (родина героя как общероссийское место памяти), и 30 сентября вице-губернатор И.А. Тарасенко-Отрешко сообщает Селиванову о решении «захоронить прах в Лебедевке в церковной ограде, а если будет возражать епархиальное начальство, то вблизи школы». Обращает на себя внимание и попытка регламентировать участие жителей Лебедевки и окрестных сел в общеимперской акции: из штаба Казанского военного округа на имя губернатора поступила просьба о необходимости оповещения населения. Наблюдение за могилой было поручено настоятелю Лебедянской церкви священнику Тюльпанову (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 264-265, 269).

Праха Рябова прибыл в Пензу 6 октября 1909 г. почтовым поездом. Протокольные нормы поминовения, имперский уровень коммеморативной акции требовали соответствовавших средств визуализации и воинских почестей. Улицы города были убраны траурными флагами, над центральной улицей, Московской, при входе с Базарной площади водружена гирлянда из флагов и траурный герб с вензелем В. Р., у подъезда Сызранско-Вяземского вокзала – зеленая арка из хвои (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 270, 289). У здания вокзала собрались военные и гражданские власти, войска пензенского гарнизона, представители казенных и общественных учреждений, городское духовенство, жена и родственники Рябова. Начальник штаба Казанского военного округа Ф.Д. Иозефович лично прибыл в Пензу и принял участие в перезахоронении (ПГВ, 1909 b: 3).

Основную задачу мемориализации происходившего, формирования исторического сознания, провинциальной и имперской идентичностей обозначил в своем выступлении владыка Митрофан: «пензенская земля из рода в род должна хранить прах его как святыню» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 290). После панихиды у здания вокзала траурная процессия проследовала к Кафедральному

собору, где была отслужена заупокойная литургия и состоялось отпевание. Гроб с прахом установили на белую колесницу, запряженную четверкой лошадей, покрытых белыми попонами. Движение траурного кортежа открывало шествие с выносом креста и иконы Богородицы, а также более 40 венков (от воинских частей, от пензенского губернатора, учащихся, пензенского земства, ряда городов). Вдоль улицы Московской были выстроены «шпалерами учащиеся всех мужских и женских учебных заведений города Пензы» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 271, 290-291).

По пути следования к месту захоронения (с. Терновка) жители также украсили свои дома елями, устлали дорогу хвоей. Крестьяне вышли к дороге с иконами, хлебом и солью. В Лебедевке прах Рябова был встречен местным причтом и населением и после литургии, крестного хода и молебна предан земле в могиле, устроенной в ограде начального училища. Здание школы по случаю торжества было украшено гирляндами зелени и национальными флагами (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 284-284об.). Военнослужащие Инсарского полка преподнесли в дар учебному заведению икону Св. Василия Великомученика. Отметим также, что по решению императора от 7 ноября 1906 г. всех погибших на минувшей войне зачислили в списки соответствующих частей. Рябов значился в списках 5-й роты Инсарского полка. Ежедневно на вечерней переключке Василия Рябова вызывали в числе прочих, и правофланговый отвечивал: «Погиб за Веру, Царя и Отечество» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 286-286об.).

Оказывая информационную поддержку имперской коммеморативной акции в 1909 г., провинциальная пресса, помимо прочего, реагировала и на разрыв фронта сакрализации, вынужденно обращаясь к поиску свидетельств, удостоверяющих и восстанавливающих элементы мифа: «Как было найдено и извлечено из могилы тело В. Рябова» (ПГВ, 1909с: 3), реагируя на сомнения обывателей: «Совершал ли Рябов подвиг?», «Могилы ли Рябова была указана Голубеву?»; «Останки ли Рябова везут на Родину?» (ПГВ, 1909 а: 3-4).

В современной системе мест памяти мемориал в с. Лебедевке восстановил свои позиции после падения коммунистической идеологии. Открытие монумента на могиле В. Рябова состоялось 10 октября 2004 г. (Тюстин, Шишкин, 2012: 149).

5. Заключение

Стихийное движение за увековечивание памяти Василия Рябова, вспыхнувшее стремительно и в одно мгновение охватившее всю империю от края до края, объясняется наложением и взаимным усилением двух социальных процессов. С одной стороны, речь идет о стремлении к консолидации и регуляции массовых переживаний на фоне поражений и неудачного начала войны. Принесенная жертва, а, главное, признание стойкости и верности духовному выбору и воинскому долгу со стороны противника отражала исторические грани учредительного мифа, первоосновы святости в канонах православной цивилизации. С другой, – практики коммеморации являли собой одну из областей свободы, где могла реализоваться гражданская инициатива, а потому чествование памяти рядового Рябова стало инструментом обретения и укрепления горизонтальных структур социальной активности и взаимодействия, признаком их институциональной зрелости.

В смутное рубежное время феномен Рябова имел исключительное значение, так как позволял интегрировать имперский, провинциальный и локальный уровни идентичности, сохраняя при этом преемственность коллективных представлений о прошлом. Приобрел определенную целостность и завершенность процесс визуализации ментального образа, духовной матрицы региона, в конструировании которой проявляются персонифицированные черты. Читая героя и следовать его примеру, идеалам служения и подвижничества – так определялись всепоглощающие установки самоидентификации населения Пензенской губернии в конце 1904 г. Революция 1905–1907 гг. ослабит стихийные консолидирующие скрепы, и на следующем этапе формирования идентичности особую роль будут играть политические акторы и, соответственно, перформативные и акциональные средства мемориальной политики, что позволит восстановить утраченное единство.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>.

Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Ассман, 2023 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. 3-е изд-е. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.

Бергер, Лукман, 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Зубанова, Шуб, 2022 – Зубанова Л.Б., Шуб М.Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации // Вестник Томского государственного университета.

- Культурология и искусствоведение*. 2022. № 47. С. 48-60. DOI: 10.17223/22220836/47/4
- Леонтьева, 2017 – Леонтьева О.Б. Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман // *Историческая экспертиза*. 2017. № 4. С. 31-46.
- Леонтьева, Репина, 2019 – Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // *Историки в поисках новых перспектив / Под общей ред. З.А. Чеканцевой*. М.: Аквилон, 2019. С. 274–317.
- Мегилл, 2007 – Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Нора и др., 1999 – Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Спб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 333 с.
- ПГВ, 1904 – *Пензенские губернские ведомости*. 1904. № 268. 28 сентября.
- ПГВ, 1904a – *Пензенские губернские ведомости*. 1904. № 285. 15 октября.
- ПГВ, 1904b – *Пензенские губернские ведомости*. 1904. № 299. 29 октября.
- ПГВ, 1909 – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 98. 12 мая.
- ПГВ, 1909a – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 209. 3 октября.
- ПГВ, 1909b – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 212. 8 октября.
- ПГВ, 1909c – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 214. 10 октября.
- Репина, 2021 – Репина Л.П. Память и наследие в «Крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 2 (71). С. 6-16.
- Тюстин, Шишкин, 2012 – Тюстин А.В., Шишкин И.С. Рябов Василий Тимофеевич / *Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие*. Т. 2. (М–Т). М.: Локус Станди, 2012. 216 с.
- Хальбвакс, 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Хобсбаум, 2000 – Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. 47-62.
- Шуб, 2016 – Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3 (36). С. 80-87.
- Шуб, 2016a – Шуб М.Л. Функции культурной памяти // *Вестник культуры и искусств*. 2016. № 4 (48). С. 71-76.
- Шуб, 2018 – Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // *Обсерватория культуры*. 2018. № 15 (2). С. 161-169.
- Ярычев, 2022 – Ярычев Н.У. Феномен стихийной коммеморации: сущность, типы, функции // *Сфера культуры*. 2022. № 1 (7). С. 13-19. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13
- Halbwachs, 1925 – Halbwachs M. Les Cadres Sociaux de la Mémoire / Paris : Presses Universitaires de France, 1925. 211 p.
- Spontaneous Shrines..., 2011 – Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / Ed. J. Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 432 p.

References

- Assman, 2023 – Assman, A. (2023). Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translation from German. 3rd edition. Moscow: New Literary Review. 328 p. [in Russian]
- Berger, Lukman, 1995 – Berger, P., Lukman, T. (1995). Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. М.: Medium. 323 p. [in Russian]
- GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].
- Hal'bvaks, 2007 – Hal'bvaks, M. (2007). Social'nye ramki pamyati. Per. s fr. i vstup. st. S.N. Zenkina. [Social frames of memory. Translation from French and introductory article by S.N. Zenkin]. М.: Novoe izd-vo, 348 p. [in Russian]
- Halbwachs, 1925 – Halbwachs, M. (1925). Les Cadres Sociaux de la Mémoire [The Social Frameworks of Memory]. Paris : Presses Universitaires de France, 211 p. [in French]
- Hobsbaum, 2000 – Hobsbaum, E. (2000). Izobretenie traditsij [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1: 47-62. [in Russian]
- Leont'eva, 2017 – Leont'eva, O.B. (2017). Pamyat', vremya, memorial'naya kul'tura v rabotah Alejdy Assman [Memory, time, memorial culture in the works of Aleida Assman]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4: 31-46. [in Russian]
- Leont'eva, Repina, 2019 – Leont'eva, O.B., Repina, L.P. (2019). «Memorial'nyj povorot» i «istoriya pamyati» v Rossii [“Memorial turn” and “history of memory” in Russia]. *Istoriki v poiskah novyh perspektiv*. Pod obshchej red. Z.A. Chekancevoj. М.: Akvilon, pp. 274-317. [in Russian]
- Megill, 2007 – Megill, A. (2007). Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemology]. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 480 p. [in Russian]
- Nora i dr., 1999 – Nora, P., Ozuf, M., de Pyuimezh, Zh., Vinok, M. (1999). Frantsiya-pamyat' [France-memory]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 333 p. [in Russian]

- PGV, 1904 – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 268, 28, sentyabr' 1904. [in Russian]
- PGV, 1904a – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 285, 15, oktyabr' 1904. [in Russian]
- PGV, 1904b – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 299, 29, oktyabr' 1904. [in Russian]
- PGV, 1909 – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 98, 12, maj 1909. [in Russian]
- PGV, 1909a – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 209, 3, oktyabr' 1909. [in Russian]
- PGV, 1909b – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 212, 8, oktyabr' 1909. [in Russian]
- PGV, 1909c – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 214, 10, oktyabr' 1909. [in Russian]
- Repina, 2021 – Repina, L.P. (2021). Pamyat' i nasledie v «Krestovom pohode» protiv istorii, ili rozhdenie «memorial'noj paradigmy» [Memory and heritage in the “Crusade” against history, or the birth of the “memorial paradigm”]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2 (71): 6-16. [in Russian]
- Shub, 2016 – Shub, M.L. (2016). Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel'nyj i vospitatel'nyj potencial [Modern commemorative practices: educational and educational potential]. *CHelyabinskij gumanitarnij*. 3 (36): 80-87. [in Russian]
- Shub, 2016a – Shub, M.L. (2016). Funkcii kul'turnoj pamyati. [Functions of cultural memory]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 4(48): 71-76. [in Russian]
- Shub, 2018 – Shub, M.L. (2018). Fenomen kommemoracii: opyt kul'turologicheskogo analiza praktik publichnogo pominoveniya (na primere naimenovaniya ulic Chelyabinska) [The phenomenon of commemoration: experience in cultural analysis of public commemoration practices (using the example of the names of streets in Chelyabinsk)]. *Observatoriya kul'tury*. 15(2): 161-169. [in Russian]
- Spontaneous Shrines..., 2011 – Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death. Ed. J. Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 432 p.
- Tyustin, Shishkin, 2012 – Tyustin, A.V., Shishkin, I.S. (2012). Ryabov Vasilij Timofeevich. Penzenskaya personaliya. Slavu Penzy umnozhevshie. Penza personality. Multiplying the glory of Penza. T. 2. (M–T). Moscow: Lokus Standi, 216 p. [in Russian]
- Yarychev, 2022 – Yarychev, N.U. (2022). Fenomen stihijnoj kommemoracii: sushchnost', tipy, funkcii. [The phenomenon of spontaneous commemoration: essence, types, functions]. *Sfera kul'tury*. 1(7): 13-19. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13 [in Russian]
- Zubanova, Shub, 2022 – Zubanova, L.B., Shub, M.L. (2022). Zapechatlennaya pamyat': sociologicheskij analiz praktik kommemoracii [Imprinted Memory: Sociological Analysis of Commemoration Practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 47: 48-60. DOI: 10.17223/2220836/47/4 [in Russian]

Подвиг Василия Рябова и формирование имперской идентичности (по материалам Пензенской губернии)

Ольга Александровна Сухова ^{a, *}, Иван Николаевич Иноземцев ^a

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В период Русско-японской войны событием беспрецедентного значения для российского общества стал подвиг рядового Василия Рябова, уроженца с. Ивановки Пензенского уезда той же губернии. Данная статья посвящена выявлению и анализу практик стихийной коммеморации и средств мемориальной политики в отношении чествования памяти о герое.

Источниковую базу исследования составили материалы делопроизводственной документации канцелярии губернатора и дирекции народных училищ, а также публикации региональной периодической печати. Концепт «коммеморация» понимается как совокупность действий, направленных на закрепление в коллективной памяти и трансляцию социального опыта, необходимого для решения актуальных задач настоящего и будущего.

Аргументированы ключевые параметры мемориализации прошлого. Установлено функциональное предназначение коммеморации как способа консолидации и регуляции массовых переживаний на фоне поражений и неудачного начала войны; формирования имперской, провинциальной и локальной идентичностей. Выявлены признаки перехода от традиционных к современным коммеморативным формам, проявлениям гражданской инициативы. Авторы рассматривают способы передачи информации, исторически обусловленные формы социально-политического взаимодействия по согласованию коммеморативных акций, соотношение мемориальной культуры и исторической политики.

Ключевые слова: Русско-японская война, подвиг Василия Рябова, Пензенская губерния, стихийные практики коммеморации, мемориальная политика, формирование имперской идентичности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1453-1461
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1453

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

N.F. Rudolf – Organizer and Trustee of Public Education in the Caucasus

Lina R. Gaunova ^a, Angela A. Zhurtova ^a, Peter A. Kuzminov ^{a, b, *}, Zareta H. Soblirova ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

^b Scientific and innovative center «Natural scientific methods in archeology, anthropology and archeography» KBSC RAS, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the role of Nikolai Fedorovich Rudolf as the Trustee of the Caucasian educational district and his contribution to the development of primary and secondary education in the region in 1907–1917.

To reconstruct the organizational and pedagogical activities of the Trustee of the Caucasus Educational District the authors attracted a large number of documentary materials, including archival ones, taken from the archives of the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania, systematized and analyzed historical sources, which made it possible to highlight the main directions of his work, analyze methods and principles of his educational policy.

Nikolai Fedorovich graduated with excellent grades from the Imperial Moscow Technical School in 1886 – one of the best educational and scientific institutions in Russia and Europe. He implemented the acquired knowledge in all positions he held during his career. On July 7, 1907, he was confirmed as Trustee of the Caucasian Educational District and in this capacity faced the unique challenges of a multinational and multi-confessional region, which he successfully resolved.

Under his leadership, projects were developed aimed at opening new schools, he introduced teacher training courses, and set the task of updating old ones and developing new curricula that took into account both national and local educational needs.

A characteristic feature of Rudolph's activities was his attention to vocational education. He supported the creation of technical schools that taught young people the necessary skills to work in agriculture, industry, and craft production.

Keywords: N.F. Rudolf, Caucasian educational district, educational policy, primary schools, secondary educational institutions, higher education, Ministry of Public Education.

1. Введение

Изучение исторических аспектов становления образования на Кавказе в имперский период, его руководителей, определяющих вектор учебного процесса, помогает углубить понимание связей между образовательными инициативами государства и качеством освоения учебного материала учащимися.

В этом контексте актуальным является изучение деятельности попечителя Кавказского учебного округа Николая Федоровича Рудольфа, на долю которого выпала сложная задача восстановления нормального образовательного процесса в регионе после революционных событий 1905–1907 гг. Его глубокое понимание роли образования и профессионализм, помогли выстроить доверительные отношения с местным населением, что позволило за короткий срок увеличить количество учебных заведений, а его новаторские идеи в отношении развития образования были реализованы на практике.

* Corresponding author

E-mail addresses: petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили несколько групп документальных материалов. В первую очередь, это архивные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) – Ф. 919 (Воронцовы-Дашковы, графы: Илларион Иванович (1837–1916), Наместник на Кавказе; Елизавета Андреевна, его жена). [Оп. 2. Д. 672; Ф. 733](#) (Департамент Народного Просвещения). [Оп. 122. Д. 1629; Ф. 1276](#) (Совет Министров 1905–1917). [Оп. 19. Д. 239; Ф. 1409](#) (Собственная его Императорского Величества Канцелярия). [Оп. 6. Д. 879; Ф. 1276](#) (Совет Министров 1905–1917). [Оп. 20. Д. 56, 58](#); а также документы Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ, Российская Федерация) – Ф. 123 (Дирекция народных училищ Терской области). [Оп. 1. Д. 529, 902](#).

Во вторую группу источников вошли справочники, отчеты, сборники и календари ([Сборник распоряжений..., 1907; Журнал..., 1900; Журнал..., 1912; Вадемекум..., 1915](#)), которые позволяют провести сравнительное исследование и выстроить модель развития образовательных учреждений на Кавказе.

Особую ценность представляют работы Н.Ф. Рудольфа и А.И. Роговского ([Рудольф, 1907; Рудольф, 1913; Рудольф, 1914; Роговский, 1914](#)), в которых отражены формы и методы работы попечителя.

В процессе исследования авторы опирались на основополагающий принцип историзма, который позволил изучать события, связанные с деятельностью Н.Ф. Рудольфа, в контексте взаимосвязи места и времени. Системный подход дал возможность определить значение проводимой попечителем политики для развития образования на Кавказе. Статистический метод незаменим при подсчете абсолютных и относительных показателей уровня грамотности, развития сети образовательных учреждений на основе отчетов попечителя Кавказского учебного округа.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что Николай Федорович оказал серьезное влияние на развитие образования на Кавказе в начале XX века, его деятельность не стала предметом специального изучения. Имя ведущего теоретика и практика упоминается только в контексте освещения различных аспектов работы Кавказского учебного округа. Данная статья – дань уважения его подвижнической деятельности на благо народов Кавказа, а, с другой стороны, – пилотный проект в исследовании его профессиональной деятельности.

Изучением истории образования на Кавказе занималось немало исследователей ([Бадтиева, 2003; Чотчаев, 2016; Cherkasov, 2023; Kuzminov et al., 2022; Natolochnaya et al., 2022; Shevchenko et al., 2016](#)). В диссертации А. Б. Созаева ([Созаев, 2009](#)) освещен процесс создания Кавказского учебного округа и законодательные акты, регулирующие его работу, но он лишь упоминает имя Н.Ф. Рудольфа в контексте общего анализа образовательной политики. Выявлена всего одна статья, посвященная деятельности Николая Федоровича ([Чегутаева, 2018](#)). Она написана на материалах, предоставленных правнучкой попечителя Эвелиной Вадимовной Байрамкуловой. В ней содержатся подробности личной жизни, которые невозможно отыскать в архивных документах, что делает эту работу особенно ценной.

4. Результаты

Родился Николай Федорович в 1862 г. В 1886 г. с отличием окончил курс Императорского Московского технического училища, одного из лучших учебных и научных заведений России и Европы. Хорошее образование позволило ему проявить себя на уровне образования.

В 1899 г. он утвержден начальником Гомелевского технического железнодорожного училища, а всего через несколько месяцев Высочайшим приказом от 18 сентября 1899 г. Н.Ф. Рудольф назначен на должность Александровского механико-технического директора училища в Екатеринославской губернии ([Александровское среднее..., 1902: 12](#)). 2 апреля 1900 г. Н.Ф. Рудольф назначен на должность «инспектора для наблюдений за промышленными училищами» в Министерство Народного Просвещения ([Журнал..., 1900: 65](#)).

Кроме плановых командировок по стране, Николай Федорович активно участвовал в конференциях, дискуссиях и обсуждениях проектов технического образования в регионах страны. В 1903 г. на 3-м съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, Н.Ф. Рудольф выступал с двумя докладами «Современное состояние ремесленных классов и отделений при общеобразовательных учебных заведениях» и «Меры, способствующие развитию деятельности ремесленных классов». Концепты этих докладов легли в основу разработки новых законов об учреждении ремесленных отделений и положений о них ([Чегутаева, 2018: 95](#)).

С инспекторскими проверками Н.Ф. Рудольф неоднократно посещал Кавказ, где проводил ревизии промышленных училищ в Ейске, Екатеринодаре, Темрюке, Новороссийске, Пятигорске, Владикавказе, Грозном, Баку, Тифлисе, Батуме и др. Во время этих поездок молодого министерского чиновника, выявившего ряд злоупотреблений местных деятелей от образования, заметил Наместник Кавказа граф И.И. Воронцов-Дашков. В июне 1907 г. он предложил министру Народного Просвещения предоставить вакантную должность попечителя Кавказского Учебного округа Николаю Федоровичу. 7 июля приказ о назначении был подписан ([РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1629. Л. 55](#)). Вместе с женой и пятью детьми он переехал из Петербурга в Тифлис, где приступил к исполнению обязанностей.

Познакомившись с народами региона, Н.Ф. Рудольф понял, что Кавказ отличается от других регионов Российской империи, в первую очередь, пестрым национальным составом, особой ментальностью, сохранившимися многовековыми обычаями и традициями, которые затрудняли работу округа (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 672. Л. 16). Поэтому попечитель подчеркивал необходимость совместной работы «не только педагогов и сотрудников, но и вообще лиц, работающих в Крае и интересующихся делом народного образования» (Сборник..., 1908: 370-375). Это было необходимо, так как масштабные преобразования и организация школьного строительства на периферии региона требовали огромных материальных ресурсов, в то время как средств, выделяемых государством, было недостаточно. После тщательного изучения этого вопроса Н.Ф. Рудольф определил долю местных средств относительно всего бюджета учебного округа в 35 % (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1629. Л. 203).

Николай Федорович являлся сторонником развития практических навыков в ходе учебы. Не случайно период попечительства Н.Ф. Рудольфа характеризуется значительным количеством открытых профессиональных классов в школах различного уровня. В зависимости от потребностей местности это были классы по ручной лепке, корзиноплетению, резьбе по дереву и т.д. Они учреждались на всех ступенях образования и оплачивались средствами из казны.

Типичным примером такого рода занятий является распоряжение попечителя о необходимости проведения ученических экскурсий для «закрепления практическим путем добытых учащимися теоретических сведений» (РГИА Ф. 1276. Оп. 19. Д. 239. Л. 3). В соответствии с ним некоторые училища Тифлиса и Баку с 1907 г. начали тесно сотрудничать с Кавказским горным обществом, благодаря чему теоретические знания, приобретенные учениками, закреплялись на практике, тем самым экскурсии стали иметь научную направленность.

Для того чтобы объективно оценить работу Рудольфа на посту попечителя учебного округа, рассмотрим его деятельность на всех образовательных ступенях.

Начальное образование

Мощный промышленный подъем в конце XIX века поставил перед правительством Российской империи вопрос о введении всеобщего начального образования. В 1908 г. в силу вступил закон о Народном образовании, согласно которому организация сети начальных школ возлагалась на местные органы власти. Таким образом, правительство рассчитывало на грамотное распределение средств и эффективное школьное строительство, которое позволило бы быстро материализовать данную идею. В этой связи попечитель Кавказского округа издал циркулярное распоряжение Дирекциям и Инспекторам народных училищ Кавказа обследовать те области, где еще нет образовательных учреждений ведомства Министерства Народного Просвещения, «дабы при составлении школьных сетей иметь возможность стоять на почве данных не только статистического характера..., но и на показаниях личного изучения местных нужд» (Рудольф, 1914: 65). Благодаря этому к 1914 г. были составлены проекты введения всеобщего начального образования почти во всех губерниях и областях Кавказского округа (Бадтиева, 2003: 11).

Значительный прирост начальных школ не решал проблему массового обучения, поскольку выявилась низкая посещаемость учебных занятий в связи с периодом полевых работ, отрывающих детей от школы. В связи с этим было принято решение добавить дополнительный год в одноклассных начальных училищах, и вместо трех лет курс начальных училищ составил четыре года. Он состоял из 180-ти учебных дней в год по 3-4 часа ежедневных занятий. Необходимо было, подчеркивал Н.Ф. Рудольф, не увеличивая объем преподавания, придать школе характер развивающего начала, «связать классное преподавание с жизнью» (Рудольф, 1914: 61). Попечитель был убежден, что трудовое воспитание должно стать ключевым фактором развития образования в Кавказском округе. Для начальных училищ это игры, беседы, разные виды ручного труда, экскурсии, способствующие развитию в детях самостоятельности, укреплению в них моральных принципов и физических сил. На третьем и четвертом году обучения начальные училища должны были закрепить у учащихся наравне с теоретическими основами практические навыки, позволяющие воспринимать мир за пределами школьного порога сообразно с полученными знаниями.

Организация трудового начала в начальных учебных заведениях всячески поощрялась: оклад учителей возрастал, создавались курсы по различным направлениям дополнительного образования, а их финансирование шло из бюджета Министерства Народного Просвещения.

Развивать школьную систему было невозможно в отрыве от главного элемента, обеспечивающего эффективное усвоение учебного материала, – учителя. Организация курсов для повышения их квалификации играла важную роль в образовательной политике, иначе, утверждал Н.Ф. Рудольф, учитель продолжит оставаться в отрыве от практической деятельности и «по-прежнему будет занят букварем и указкой» (Рудольф, 1914: 62).

С этой целью проводились методические курсы и курсы дополнительного образования (ручного труда, сельскохозяйственные, рукоделья, гимнастики и т. д.). За 1911 отчетный год в Кавказском учебном округе было организовано 27 курсов повышения квалификации, участниками которых стали более 1 395 работников начальных учебных заведений (Рудольф, 1914: 50).

Городские училища нуждались в обновлении программы обучения и внедрении новых методов преподавания, чтобы соответствовать потребностям времени. Реформа 1912 г. была призвана решить

эту задачу с помощью преобразования городских училищ в высшие начальные училища (далее – ВНУ), на что отводилось три года.

Право обучаться в них получали дети, прошедшие курс одноклассного начального училища (*Журнал...*, 1912: 16, 25). Выпускникам мужского пола присваивались служебные права соответственно тем, что получали лица, окончившие курс четырех классов мужских гимназий (*Журнал...*, 1912: 32). Выпускницы высшего начального училища наделялись равными правами с выпускницами прогимназий, т. е. имели право на звание домашней учительницы (*Мамкина, 2015: 172*).

Действие реформы распространялось на все регионы Российской империи, в том числе и на Кавказ, где проблема нехватки подобных учебных заведений стояла особенно остро. Плодотворная работа попечителя и аппарата округа позволила к 1 января 1916 г. открыть 158 ВНУ с общим количеством учащихся обоюбого пола 23 803 человека (*Кавказский календарь, 1916: 292-298*).

Кавказ всегда славился разнообразием культур, где каждая конфессия выработала свой подход к получению образования. Выявленные материалы показывают, что количество грамотных людей среди мусульман Кавказа было значительно меньше, чем у православных. В этой связи были подготовлены «Планы дальнейшего насаждения образования среди мусульман», которые предполагали расширение школьной сети в Дагестане, Батумской и Терской областях. В частности, в Веденском и Чеченском округах Терской области и среди кочующих народов (калмыков, туркмен, ногайцев) Ставропольской губернии были открыты школьные фонды имени Дома Романовых (*РСО-Алания. Ф-123. Оп. 1. Д. 902. Л. 110б.*).

Развитие сети начальных училищ среди мусульман поставило вопрос о подготовке учителей. С этой целью в 1914 г. в Елисаветполе, в 1915 г. в Сухуме и в 1916 г. в Баку были открыты учительские семинарии. В этом же году были возбуждены ходатайства об открытии семинарий в Шемахе, Темир-Хан-Шуре, Грозном, Владикавказе (*РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 902. Л. 110б.*).

В целях подготовки вероучителей и учителей «татарского» языка для начальных мусульманских училищ попечитель разработал и представил в Совет Наместника Кавказа проект «Положения о высших начальных училищах Омарова и Алиева учений в городе Тифлисе». В этих училищах предусматривалось учреждение дополнительных богословско-педагогических классов. До открытия этих классов в 1911 г. были устроены краткосрочные курсы «татарского» языка в Баку, а в 1915 г. подобные курсы были организованы в Тебердинском ауле в Карачае (*РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 902. Л. 11*).

Для снабжения начальных мусульманских училищ учебными материалами Учебный Округ издал буквари на кюринском, даргинском, кабардинском, чеченском и абхазском языках. В 1916 г. было одобрено издание карачаевского букваря Исмаила Акбаева (*Чотчаев, 2016: 184*).

В 1916 г. в Тифлисе прошел «Съезд для обсуждения образовательных нужд мусульманского населения края», на котором была дана подробная информация о состоянии дел в регионе. К январю 1916 г. из общего числа училищ (4 739) среди мусульман насчитывалось 855 (в 1908 г. – 275), а число учащихся достигло среди мальчиков – 28 914, среди девочек – 3 584 (*РСО-Алания. Ф-123. Оп. 1. Д. 902. Л. 8*). Учитывая, что количество мусульманского населения в регионе насчитывало более 3,8 млн человек, этого было чрезвычайно мало. Однако отрицать положительное влияние образовательной политики, проводимой попечителем, невозможно.

Среднее образование

Среднее образование на Кавказе в период попечительства Н.Ф. Рудольфа имело свои особенности и претерпело существенные изменения. Образование на Кавказе было развито неравномерно. В столицах регионов (Тифлисе, Баку, Ереване, Екатеринодаре и Владикавказе) были сильные образовательные учреждения и центры культуры. Однако на периферии округа образовательные возможности были ограничены. Необходимо было изменить ситуацию.

Инициатором выступило Министерство Народного Просвещения. Попечителям учебных округов было поручено организовать сбор материалов о состоянии среднего образования и представить их Министерству в виде отчетов. С целью реализации этого решения Н.Ф. Рудольф организовал особые комиссии, состоящие из представителей разных ведомств, администрации и обществ, а также уполномоченных лиц от горского населения (*Созаев, 2009: 36*), которые выявили острую нехватку всех видов промышленных и сельскохозяйственных учебных заведений. Основная проблема открытия подобных училищ заключалась в трудности обоснования ходатайств из-за отсутствия земских учреждений и малого количества крупных промышленных предприятий, заинтересованных в распространении специализированного образования (*Рудольф, 1909: 7*).

Тщательное изучение собранного материала позволило Н.Ф. Рудольфу представить 1 января 1909 г. «План дальнейшего насаждения промышленного образования в Кавказском крае». Он был рассчитан на 14 лет и включал в себя открытие средних земледельческих, сельскохозяйственных и технических училищ; ремесленных школ в городах, а в селениях – ремесленных и профессиональных отделений; организацию краткосрочных курсов; учреждение высшего учебного заведения с промышленным отделением; устройство промышленного музея и его филиалов с подвижными учебно-показательными выставками (*Роговский, 1914: 25-26*).

Большое значение для развития промышленного образования имела организованная «Первая сводная выставка ученических изделий промышленных учебных заведений», которая работала с 15 июня по 15 августа 1910 г. Цели ее проведения были обозначены попечителем в циркулярном обращении к начальникам и инспекторам промышленных учебных заведений. В документе подчеркивалось, что первоочередная задача мероприятия – предоставить заинтересованным сторонам возможность ознакомиться с текущим состоянием промышленного образования на Кавказе (ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 529. Л. 95).

Участие в выставке приняли 106 учебных заведений округа, а количество зарегистрированных посетителей составило свыше 15 тыс. человек. Подготовленные курсантами училищ экспонаты выставки были быстро раскуплены и разошлись по всему государству. Некоторые промышленные учебные заведения получили заказы для отдаленных городов (Воронеж, Пермь, Вятка) (Роговский, 1914: 35). Выставка привлекла большое внимание общественности и предпринимателей. Она стала площадкой для обмена опытом и знаниями между учебными заведениями, а также была оценена как положительный шаг в развитии промышленности Кавказа.

Высокая оценка этого события послужила поводом к организации второй выставки в 1914 г. На этот раз попечителю удалось испросить из сумм земских сборов по Закавказью 3 тыс. руб. на организацию более масштабного выставочного пространства. Местом проведения выставки снова был выбран Пятигорск. Открытие выставки прошло 15 июня, а 15 августа должно было состояться торжественное закрытие, однако начавшаяся Первая мировая война изменила планы.

22 июня 1914 г. Н.Ф. Рудольф, пользуясь проходившим съездом деятелей по техническому и профессиональному образованию, созданным при Второй сводной выставке ученических изделий, объявил о мобилизации всех промышленных училищ округа для исполнения военных заказов, т. е. округ еще за год до обращения правительства о мобилизации промышленных сил империи призвал к консолидации сил в интересах национальной обороны.

В годы Первой Мировой войны существенная помощь фронту со стороны Учебного округа выражалась в крупных заказах, которые направлялись в учебные заведения округа. Так, например, Бакинское среднетехническое училище выполнило заказ Самарского трубчатого завода на изготовление специальных станков (заказ на 200 тыс. руб.) (РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 879. Л. 4).

В Кутаисе и Елизаветополе народные учителя, подготовленные на специальных учебно-окружных курсах консервирования, выполняли заказы военного ведомства по изготовлению томатного пюре и сушеных овощей на 50 тыс. руб. (РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 879. Л. 4). В Майкопском механико-техническом училище Н.Ф. Рудольф организовал работу по массовому изготовлению станков для выделки сноповязального шпагата.

В целом с 1907 по 1916 годы произошло увеличение количества среднеобразовательных учреждений на 65 % (если не учитывать частные школы) и рост численности учеников на 55 % (Кавказский календарь..., 1916: 284-303).

Высшее образование

Вначале XX в. единственным представителем высшего образования на Кавказе были частные Тифлиские высшие женские курсы с двумя отделениями: историко-словесным и естественно-историческим (Вадемекум..., 1915: 59). Курсы были открыты в 1909 г., а в 1913 г. количество обучающихся на них девушек достигло 312. Курсы числились по ведомству Министерства Народного Просвещения, поэтому попечитель округа тщательно следил за их деятельностью. В частности, Николай Федорович принимал участие в обсуждении и утверждении кандидатур для профессорско-преподавательского состава. В 1914 г. из 28 преподавателей женских курсов 14 имели общее университетское образование, 6 имели степень магистра, а докторов наук насчитывалось 8 (Тифлиские высшие курсы, 1914).

Вместе с тем вопрос о создании высшего учебного заведения на Кавказе обсуждался с конца XIX века, однако он получил поддержку только в 1906 г., когда при наместнике Кавказа был учрежден Главный Комитет, который обсуждал вопросы, связанные с устройством высшего образования. В 1907 г. Комитет выработал проект Кавказского университета с двумя факультетами: физико-математическим и юридическим.

В 1909 г. при Совете наместника обсуждали новый проект университета, составленный под руководством попечителя, который предлагал приступить к созданию университета в ближайшее время, но ввиду ограниченности средств обойтись открытием одного юридического факультета. В целях экономии средств предполагалось использовать здание 2-ой Тифлиской гимназии.

При обсуждении проекта Главный Комитет настаивал на необходимости, в первую очередь, открытия физико-математического отделения, поэтому поручил учебной комиссии проверить достоверность рассуждений попечителя относительно имеющихся средств, которая подтвердила, что содержание гуманитарного факультета обойдется значительно дешевле физико-математического, который требовал значительных сумм на покупку специального оборудования.

На заседании 21 марта 1910 г. было принято окончательное решение, соответствующее мнению Главного Комитета, а учебной комиссии было поручено приступить к разработке проекта по устройству университета, но Совет министров принял решение от 9 февраля 1912 г., согласно

которому «рекомендовал еще раз поставить вопрос о необходимости высшего учебного заведения на Кавказе, не жили ли оно действительно нужно, и вместо физико-технического факультета учредить Политехнический институт» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 56. Л. 74). Главный Комитет согласился с этим предложением, но настаивал на открытии Политехнического института с четырьмя отделениями (сельскохозяйственным, механическим, химическим и экономическим).

Следующее совещание Совета министров проходило при участии наместника Кавказа. Хотя в целом идея нового учебного заведения была поддержана, в практическом аспекте у 8 членов Совета министров она вызывала определенные сомнения. Большие расходы на создание учебного заведения должны были лежать на общих ресурсах государственного казначейства. В тоже время у Совета не было уверенности, что Политехнический институт будет востребован ввиду существования Алексеевского политехнического института в г. Новочеркасске и в ближайшем будущем – медицинского факультета в Ростове-на-Дону (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 58. Л. 53-61об.).

Мнение Совета разделилось, поэтому решение данного вопроса было передано на рассмотрение императора. 20 июля 1912 г. Высочайше утверждена целесообразность открытия Политехнического института на Кавказе при условии содержания учебного заведения за счет местных средств (Рудольф, 1914: 85).

По этой причине наместник Кавказа поручил Н.Ф. Рудольфу отправиться в Петербург, Ригу и другие города империи для выяснения подробностей организации учебного дела и устройства учебно-вспомогательных учреждений. В результате поездки 20 ноября 1913 г. он представил «Доклад Главному комитету по учреждению на Кавказе политехнического института» с приложением временного штата, объяснительными записками к примерному учебному плану, материалами по вопросам оборудования и постройке здания, а также эскизами предварительных планов зданий (Рудольф, 1913). 28 апреля 1914 г. исполнительный проект был утвержден И.И. Воронцовым-Дашковым, а 4 мая состоялась торжественная закладка здания (Закладка Политехникума, 1914).

После начала Первой мировой войны строительство остановилось, однако проект не был заморожен. В 1915 г. было принято решение открыть в составе четырех факультетов Политехникума первый в России гидромеханический факультет с двумя отделениями: гидротехническим и гидроэлектромеханическим (О Политехникуме, 1915).

Революционные события 1917 г. не позволили закончить строительство, а в марте попечителя как «представителя старого режима, совершенно не способного служить обновленной России,...» просили отстранить от должности (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1629. Л. 182). Из письма Н.Ф. Рудольфа на имя товарища министра Просвещения А.П. Даева от 16 марта 1917 г. известно, что он хотел работать с Временным правительством в сфере образования, но оно не имело успеха. Указом Временного Правительства от 31 мая 1917 г. попечитель Кавказского учебного округа был уволен (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1629. Л. 398).

Так закончилась служебная карьера Николая Федоровича в качестве попечителя Кавказского учебного округа. По воспоминаниям правнучки, семью бывшего попечителя постигла трагичная судьба. Оба сына, воевавшие по разные стороны баррикад, погибли в ходе Гражданской войны, супруга в 1920-х годах была обвинена в шпионаже и расстреляна, а Николай Федорович и одна из его дочерей эмигрировали во Францию. Старшая дочь, Наталья Николаевна, до самой смерти в 1972 г. проживала в Пятигорске (Чегутаева, 2018: 99).

Деятельность попечителя в этот период была высоко оценена как местным начальством, так и центральной властью. 1 января 1916 г. Н.Ф. Рудольф был награжден орденом Святой Анны I степени, высшей наградой по гражданской части (РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 879. Л. 6).

В знак признания его активной деятельности по развитию просвещения среди горского населения Н.Ф. Рудольф был удостоен званий почетного жителя городов Анапы и Пятигорска, а также почетного старика (РГИА. Ф. 733 Оп. 122 Д. 1629. Л. 176).

5. Заключение

Анализ деятельности Н.Ф. Рудольфа позволяет сделать вывод о том, что он много сделал на ниве просвещения: уделял особое внимание расширению сети школ, повышению квалификации учителей, развитию учебных программ, строительству средних специальных заведений, высшему образованию. Под его руководством были проведены масштабные работы по развитию профессионального образования и созданию новых учебных заведений. Попечитель пропагандировал необходимость развития образования среди жителей Кавказа, старался привлекать местные средства и в тоже время он увеличил приток финансирования из бюджета государства.

Пример Николая Федоровича Рудольфа является ярким свидетельством того, как усилия одного человека, подкрепленные глубоким пониманием специфики края и активным участием в жизни общества, могут внести весомый вклад в культурное и образовательное развитие региона.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 9.07.2024.

Литература

- Александровское среднее..., 1902** – Александровское среднее семиклассное механико-техническое училище. 1900–1902. Александровск: Типография Б.Я. Штерн. 1902. 59 с.
- Бадтиева, 2003** – *Бадтиева Д.Х.* Школа, просветительская и педагогическая мысль народов Северного Кавказа накануне и в период между тремя русскими революциями: 1900-1917 гг. автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2003. 22 с.
- Вадемекум..., 1915** – Вадемекум по высшему женскому образованию: Полное собрание правил приема и программ всех высших женских общеобразовательных, специальных и профессиональных, правительственных, общественных и частных учебных заведений в России. / Сост. Марголин Д.С. Киев. Издательство И. И. Симоненко, 1915. – 304 с.
- Журнал..., 1900** – Журнал министерства народного просвещения. Часть СССXXIX. СПб: типография В. С. Балашева, 1900. – 811 с.
- Журнал..., 1912** – Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть ХLI. Санкт-Петербург: Сенатская Типография, 1912. – 550 с.
- Закладка Политехникума, 1914** – Закладка Политехникума // *Кавказ*. 4 мая 1914 г. № 101. С. 4.
- Кавказский календарь..., 1916** – Кавказский календарь на 1917. Тифлис: Главное управление Кавказского Наместника, 1916. 1231 с.
- Мамкина, 2015** – *Мамкина И.Н.* Типы начальных школ Министерства народного просвещения в XIX – начале XX века (на примере Восточной Сибири) // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения*. 2015. № 6 (65). С. 167-174.
- О Политехникуме, 1915** – О Политехникуме // *Кавказ*, 13 августа 1915 г. № 183. С. 3.
- Роговский, 1914** – *Роговский А. И.* Промышленные школы Кавказа М. Н. П. II сводная выставка ученических изделий промышленных училищ Кавказского учебного округа в гор. Пятигорске. Июнь-август 1914 года. Санкт-Петербург: Унион, 1914. 95 с.
- Рудольф, 1909** – *Рудольф Н.Ф.* План дальнейшего насаждения промышленного образования в Кавказском крае. Ставрополь: Тип. Товарищества «Либерман и К», 1909. 128 с.
- Рудольф, 1913** – *Рудольф Н.Ф.* Проект организации Тифлисского политехнического института, составленный попечителем Кавказского учебного округа Н. Рудольфом Доклад Гл. комитету по учреждению на Кавказе Политехнического института. В Главный комитет по учреждению на Кавказе Политехнического института. Тифлис, 1913. 176 с.
- Рудольф, 1914** – *Рудольф Н.Ф.* Обзор деятельности Кавказского учебного округа 1908-1912 гг. Тифлис, 1914. 231 с.
- Сборник..., 1908** – Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т. 12. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской части на Кавказе, 1908. – 528 с.
- Созаев, 2009** – *Созаев А.Б.* Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в.: диссертация на соискания ученой степени к. и. н.: 07.00.02. СОГУ, Владикавказ, 2009. 200 с.
- Тифлиссские высшие курсы, 1914** – Тифлиссские высшие курсы // *Кавказ*. 1914. №213. С. 3.
- Чегутаева, 2018** – *Чегутаева Л.Ф.* Из новых поступлений Пятигорского краеведческого музея: Н.Ф. Рудольф и его деятельность на посту попечителя Кавказского учебного округа (1906-1917) // Четвертый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов. Пятигорск, 2018. С. 94-100.
- Чотчаев, 2016** – *Чотчаев Д.Д.* Роль Исмаила Акбаева в развитии письменности и образования караево-балкарского народа // *Манускрипт*. 2016. №12 (74). Ч.1. С. 183-185.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- ЦГА РСО-Алания** – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- Cherkasov, 2023** – *Cherkasov A.A.* Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). 2023. 18(1): 465-474.
- Kuzminov et al., 2022** – *Kuzminov P.A., Apazheva S.S., Zhurtova A.A.* «The Temple of Sciences Has Been Erected»: on the History of the Creation of the Real School in the Nalchik District // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 844-852.
- Natolochnaya et al., 2022** – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.P.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 189-198.
- Shevchenko et al., 2016** – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. 40 (2): 363-372.

References

- [Aleksandrovskoe srednee...](#), 1902 – Aleksandrovskoe srednee semiklassnoe mekhaniko-tekhnicheskoe uchilishche. 1900–1902. [Alexander secondary seventh-grade mechanical engineering school. 1900–1902]. Alexandrovsk.: Tipografiya B.Ya. Stern, 1902. 59 p. [in Russian]
- [Badiyeva, 2003](#) – *Badiyeva, D.Kh.* (2003). Shkola, prosvetitel'skaya i pedagogicheskaya mysl' narodov Severnogo Kavkaza nakanune i v period mezhdru tremya russkimi revolyutsiyami: 1900-1917 gg. [School, educational and pedagogical thought of the peoples of the North Caucasus on the eve and in the period between the three Russian revolutions: 1900-1917]. avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk: 13.00.01. Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitet im. K. L. Khetagurova. Vladikavkaz, 22 p. [in Russian]
- [Chegutaeva, 2018](#) – *Chegutaeva, L.F.* (2018). Iz novykh postuplenii Pyatigorskogo kraevedcheskogo muzeya: N.F. Rudol'f i ego deyatel'nost' na postu popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga (1906-1917) [From the new collections of the Pyatigorsk Museum of Local Lore: N.F. Rudolf and his activities as a trustee of the Caucasian Educational District (1906-1917)]. *Chetvertiy Kavminvodskii mezhtseleobrazovatel'nyy muzeino-nauchnyy seminar pamyati kraevedov: sbornik materialov*. Pyatigorsk. Pp. 94-100. [in Russian]
- [Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov, A.A.* (2023). Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System. *Bylye Gody*. 18(1). 18(1): 465-474.
- [Chotchaev, 2016](#) – *Chotchaev, D.D.* (2016). Rol' Ismaila Akbaeva v razvitii pis'mennosti i obrazovaniya karachaevo-balkarskogo naroda. [The role of Ismail Akbaev in the development of writing and education of the Karachay-Balkar people]. *Manuskript*. 12(74). Ch. 1. Pp. 183-185. [in Russian]
- [Kavkazskii kalendar', 1916](#) – *Kavkazskii kalendar' na 1917*. [The Caucasian calendar for 1917]. Tiflis: Glavnoe upravlenie Kavkazskogo Namestnika, 1916. 1231 p. [in Russian]
- [Kuzminov et al., 2022](#) – *Kuzminov, P.A. Apazheva, S.S., Zhurtova, A.A.* (2022). «The Temple of Sciences Has Been Erected»: on the History of the Creation of the Real School in the Nalchik District. *Bylye Gody*. 17(2): 844-852.
- [Mamkina, 2015](#) – *Mamkina, I.N.* (2015). Tipy nachal'nykh shkol Ministerstva narodnogo prosveshcheniya v XIX – nachale KhKh veka (na primere Vostochnoi Sibiri) [Types of primary schools of the Ministry of Public Education in the XIX – early XX century (on the example of Eastern Siberia)]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya*. 6(65): 167-174. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2022](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.P.* (2022). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 189-198.
- [O Politekhnikume, 1915](#) – O Politekhnikume [About the Polytechnic Institute]. *Kavkaz*. 13 avgusta 1915 g. № 183. P. 3. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rogovskii, 1914](#) – *Rogovskii, A.I.* (1914). Promyshlennye shkoly Kavkaza M. N. P. II svodnaya vystavka uchenicheskikh izdelii promyshlennykh uchilishch Kavkazskogo uchebnogo okruga v gor. Pyatigorske. Iyun'-avgust 1914 goda. [Industrial schools of the Caucasus M. N. P. II consolidated exhibition of student products of industrial schools of the Caucasian educational District in the mountains]. Sankt-Peterburg: Union, 95 p. [in Russian]
- [Rudol'f, 1909](#) – *Rudol'f, N.F.* (1909). Plan dal'neishego nasazhdeniya promyshlennogo obrazovaniya v Kavkazskom krae. [Plan for further planting of industrial education in the Caucasus region]. Stavropol': Tipografiya Tovarishchestva «Liberman i K», 128 p. [in Russian]
- [Rudol'f, 1913](#) – *Rudol'f, N.F.* (1913). Proekt organizatsii Tiflisskogo politekhnicheskogo instituta, sostavlennyi popechitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga N. Rudol'fom Doklad Gl. komitetu po uchrezhdeniyu na Kavkaze Politekhnicheskogo instituta. V Glavnyi komitet po uchrezhdeniyu na Kavkaze Politekhnicheskogo instituta. [The project of organizing the Tiflis Polytechnic Institute, compiled by the trustee of the Caucasian Educational District N. Rudolf, Report to the Main Committee on the establishment of a Polytechnic Institute in the Caucasus. To the Main Committee for the Establishment of a Polytechnic Institute in the Caucasus]. Tiflis, 176 p. [in Russian]
- [Rudol'f, 1914](#) – *Rudol'f, N.F.* (1914). Obzor deyatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga 1908-1912 gg. [Review of the activities of the Caucasian Educational District 1908-1912]. Tiflis, 231 p. [in Russian]
- [Sbornik..., 1908](#) – Sbornik rasporyazhenii, napechatannykh v tsirkulyarakh po upravleniyu Kavkazskim uchebnym okrugom. T. 12. [A collection of orders printed in circulars on the management of the Caucasian educational district. Vol. 12]. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chasti na Kavkaze, 1908. 528 p. [in Russian]
- [Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.
- [Sozaev, 2009](#) – *Sozaev, A.B.* (2009). Narodnoe obrazovanie v Terskoi oblasti v 60-kh gg. XIX v. [Public education in the Tersk region in the 60s of the XIX century]. Dissertatsiya na soiskaniya uchenoi stepeni k. i. n.: 07.00.02. SOGU, Vladikavkaz, 200 p. [in Russian]

Tiflisskie vysshie kursy, 1914 – Tiflisskie vysshie kursy [Tiflis higher courses]. Kavkaz. 1914. №213. P. 3. [in Russian]

TsGA RSO-Alaniya – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

Vademekum..., 1915 – Vademekum po vysshemu zhenskому obrazovaniyu: Polnoe sbornik pravil priema i programm vsekh vysshikh zhenskikh obshcheobrazovatel'nykh, spetsial'nykh i professional'nykh, pravitel'stvennykh, obshchestvennykh i chastnykh uchebnykh zavedenii v Rossii. [Vademecum on Higher Women's Education: A complete collection of admission rules and programs for all higher women's general education, special and professional, government, public and private educational institutions in Russia]. Sost. Margolin D.S. Kiev. Izdatel'stvo I. I. Simonenko, 1915. 304 p. [in Russian]

Zakladka Politekhnikuma, 1914 – Zakladka Politekhnikuma [The foundation of the Polytechnic Institute]. Kavkaz. 4 maya 1914 g. № 101. P. 4. [in Russian]

Zhurnal..., 1900 – Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' CCCXXIX. [Journal of the Ministry of Public Education. Part of the CCXXXIX]. SPb: tipografiya V. S. Balasheva, 1900. 811 p. [in Russian]

Zhurnal..., 1912 – Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. Chast' XLI. [Journal of the Ministry of Public Education. A new series. Part XLI]. Sankt-Peterburg: Senatskaya Tipografiya, 1912. P. 550. [in Russian]

Н.Ф. Рудольф – организатор и попечитель народного образования на Кавказе

Лина Ризуановна Гаунова ^a, Анжела Ариковна Журтова ^a, Пётр Абрамович Кузьминов ^{a, b, *}, Зарета Хасанбиевна Соблирова ^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

^b Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследована роль Николая Федоровича Рудольфа в качестве попечителя Кавказского учебного округа, изучен его вклад в развитие начального и среднего образования в регионе в 1907-1917 гг.

Для реконструкции организаторской и педагогической деятельности попечителя Кавказского учебного округа авторы привлекли значительный круг документальных материалов, в том числе архивных, извлеченных из архивохранилищ РГИА и ЦГА РСО-Алания, систематизировали и проанализировали исторические источники, которые дали возможность осветить основные направления его работы, обосновали методы и принципы его образовательной политики.

Николай Федорович окончил с отличием Императорское Московское техническое училище в 1886 году – одно из лучших учебных и научных заведений России и Европы. Полученные знания он внедрял на всех постах, которые занимал в процессе служебной деятельности. 7 июля 1907 г. он был утвержден в должности попечителя Кавказского Учебного округа и в этом качестве столкнулся с уникальными вызовами многонационального и поликонфессионального региона, которые успешно решал.

Под его руководством были разработаны проекты, направленные на открытие новых школ. Он ввел курсы обучения учителей, поставил задачу обновить старые и разработать новые учебные программы, которые учитывали как общероссийские, так и местные образовательные потребности.

Характерной особенностью деятельности Рудольфа было внимание к профессиональному образованию. Он поддерживал создание технических школ, в которых обучали необходимым навыкам работы в сельском хозяйстве, промышленности, ремесленном производстве.

Ключевые слова: Н.Ф. Рудольф, Кавказский учебный округ, образовательная политика, начальные училища, средние учебные заведения, высшее образование, Министерство Народного Просвещения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1462-1469
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1462

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charitable Activities in Penza Province during the First World War

Olga V. Kolpakova ^{a, *}, Alena B. Shigurova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

Based on the materials of the Penza province, the charitable activity of the population of the Penza province is considered as a sphere of formation of civil identity. The authors address the question of how military actions and global conflicts affected the development of charity, what challenges charities faced in wartime conditions and what forms of assistance were developed to support the military, refugees and war victims.

Various organizations are being created on the territory of the Penza province, which have become an important link in the system of providing assistance to the military and their families. The purpose of their activities during the war was to coordinate efforts to provide assistance to those in need, including refugees who found themselves on the territory of the Penza province.

Charitable activities in the Penza province during the First World War were marked by widespread and all-round support of the population during the war period. Not only charitable organizations, but also ordinary citizens actively participated in providing assistance, which was not only of economic importance, but also contributed to strengthening the socio-cultural sphere, social cohesion and the formation of civic consciousness, ensuring the unity of the population in the conditions of military trials.

Keywords: charity, Penza province, Penza diocese, World War I, public charity, donation, refugees.

1. Введение

Первая мировая война поставила Пензенскую губернию, как и другие регионы Российской империи, перед серьезными социальными вызовами. Во многом по этой причине благотворительность стала неотъемлемой частью жизни общества, приобретая качественно иной масштаб. Рост социального напряжения военного времени обусловил высокую потребность в благотворительной деятельности, способной гибко реагировать на различные кризисные ситуации.

2. Материалы и методы

Для изучения благотворительной деятельности в условиях Первой мировой войны были привлечены материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Пензенской области (Пенза, Российская Федерация).

В фондах Российского государственного исторического архива интерес представляют отчеты о состоянии Пензенской епархии за 1914–1915 гг. В данные годы отчеты отдельными пунктами содержат сведения о благотворительных учреждениях и мероприятиях: «Приходские попечительные советы о семействах лиц, ушедших на войну», «Благотворительная деятельность монастырей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657; 2719).

Реалии жизни в провинции в период Первой мировой войны отражены в материалах периодической печати: «Вестнике пензенского земства», «Пензенских епархиальных ведомостях», «Пензенских губернских ведомостях». В «Вестнике пензенского земства» можно найти информацию о благотворительных акциях, сборах средств, помощи нуждающимся и пострадавшим от военных

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), april-ka@mail.ru (A.B. Shigurova)

действий. Данный источник позволяет понять, как общество реагировало на вызовы военного времени и какими способами помогало своим согражданам в трудных обстоятельствах.

Материалы «Пензенских епархиальных ведомостей» представляют интерес в рамках изучения социокультурного контекста того времени, анализа общественной роли церкви и религии в условиях глобального военного конфликта. Ведомости содержат сведения о деятельности церковных учреждений во время войны, а также об организации благотворительных мероприятий, участии верующих в общественных и гуманитарных инициативах.

Исследование проводилось с опорой на историко-системный и историко-генетический методы. Историко-системный метод позволил проанализировать общую обстановку в губернии в период Первой мировой войны, рассмотреть функционирование благотворительных организаций на территории Пензенской губернии, а также оценить влияние военных действий на жизнь местного населения. Историко-генетический метод использовался для анализа влияния событий военного времени на благотворительную деятельность в губернии и на динамику развития благотворительных инициатив.

3. Обсуждение

Актуальность изучения благотворительной деятельности как одного из аспектов истории Первой мировой войны сегодня обусловлена не только интересом к прошлому, но и реактуализацией практик социального волонтерства и добровольчества.

На современном этапе развития исторической науки выходят труды, решающие задачи многоаспектного и системного изучения истории Первой мировой войны. Отдельное место занимают труды, раскрывающие обстановку в российской провинции в условиях военного времени, процессы эмиграции, а также деятельность общественных организаций по оказанию помощи различным категориям населения. Анализ практик социального попечения нашел отражение в работе «Первая мировая война и российская провинция 1914 – февраль 1917 гг.» (Белова, 2021). Отмечается, что благотворительность с широким участием в ней народных масс стала важной составляющей жизни общества в военное время.

В рамках региональной историографии исследователи фокусируются на различных аспектах истории Пензенской губернии военного времени. К характеристике ситуации в годы войны в Пензенской губернии обращается В.В. Кондрашин, делая вывод о том, что губерния пережила серьезные потрясения и испытания (Кондрашин, 2022: 113).

В 2014 г. увидел свет сборник документов и материалов, посвященный глобальному военному конфликту, в который включены материалы, в том числе и по вопросам оказания помощи различным категориям населения (Первая мировая..., 2014). В том же году по итогам работы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны, был издан сборник статей (Первая мировая война..., 2014), где уделяется внимание и вопросам благотворительности (Паршина, 2014; Сухова, 2014; Дорофеева, 2014).

Отдельное место в работах региональных историков уделяется вопросу оказания помощи беженцам в провинции. В исследованиях отмечается широкий спектр оказываемой им социальной помощи, изучаются способы адаптации к новым условиям проживания (Мурашов, 2014; Спиридонова, 2017; Спиридонова, 2019). А.А. Грачев, несмотря на участие правительственных и общественных организаций в оказании помощи беженцам, пришел к выводу, что данная деятельность не носила системного характера (Грачев, 2020).

4. Результаты

Созданные в губернии благотворительные организации занимались сбором средств, продовольствия и одежды для фронта, помощью раненым и пострадавшим. Приоритетной задачей считалось устройство госпиталей. В «Вестнике пензенского земства» сообщается о 1 тыс. оборудованных коек к 1 сентября 1914 г. В 1916 г. в губернии числилось 69 лазаретов при 2 922 койках. Городскими лазаретами со времени их открытия по 15 ноября 1915 г. было принято 14 519 чел., из которых выписано 13 697 чел. (На помощь..., 1916: 53-54).

Поступающие на территорию Пензенской губернии раненые воины получали усиленную помощь. Губернский комитет помощи раненым свидетельствует о 1 319 раненых, отправленных в уездные лазареты губернии с сентября 1914 г. по февраль 1915 г. (Кондрашин, 2014: 115).

В докладе «По лазаретно-патронатному отделу» Губернскому комитету сообщалось, что оборудованных коек в лазаретных отделениях г. Пензы имелось 182. За время существования лазаретных отделений их услугами воспользовались 424 нижних чина (1915 г.). Четыре отделения содержались полностью за счет частных лиц (В Губернском комитете, 1915, 1915).

В январе 1915 г. из действующей армии вернулись уполномоченные Общественного комитета Калашников и Аброськин, указывая на острую нехватку белья и сапог. На 22 февраля был назначен сбор белья для армии и беженцев, а также кружечный сбор. Граждане оповещались о сборе карточками, разнесенными по квартирам (Оказание помощи..., 1915).

Таблица 1. Отчет Пензенского общественного комитета о собранных или изготовленных на средства Комитета и отправленных вещах по 1 января 1915 г. (*Вестник, 1915: 102*).

Предметы	Поступило	Отправлено и выдано			Осталось
		В армию	Беженцам в Польшу	В лазареты и инвалидам	
Белье «носильное»	13065	12167	832	45	21
Белье постельное	4070	3056	126	624	264
Стеганные жилеты и вязаные фуфайки	779	778	–	1	–
Платье домашнее и верхнее	2485	98	2190	12	185
Шапки, фуражки, шлемы, башлыки и шарфы	767	388	368	3	8
Варежки, перчатки, набрюшники, нагрудники и т.п.	1814	1784	–	30	–
Обувь	578	22	540	11	5
Кровати	76	–	–	67	9
Матрацы и подушки	378	–	34	326	18
Одеяла	247	–	72	142	33
Кушетки, самовары, лампы, посуда и другие предметы домашнего обихода	361	17	36	303	5
Итого:	24620	18310	4198	1564	548

Кроме предметов, перечисленных в таблице, в армию отправлено 1 100 кисетов с табаком, 2 ящика и 9 240 пакетов с рождественскими подарками, 8 ящиков ветчины и колбасы, 15 ящиков с селедкой, 3 куля с печеньем, 1 ящик сухарей, 1 куль сала, 10 ящиков конфет и 10 ящиков пряников. Жертвовались вещи разными лицами и группами. Рождественские подарки – преимущественно учащимися низших и средних школ г. Пензы, запасы еды – педагогическим комитетом, белье – служащими Страхового отдела и гражданами г. Мокшана (через исправника) (*Вестник..., 1915: 102*).

В с. Ямщино Инсарского уезда в земской школе был открыт приют-ясли для детей призванных на войну и бедных крестьян. Принимались дети от года до восьми лет. Приютом заведовали учительницы В.И. Рязанцева и Е.А. Алексеевская. Ясли были открыты на время уборки хлебов уполномоченным Московского общества «Помощи жертвам войны» Л.Н. Архангельской. В с. Пачелма Чембарского уезда с 20 июля 1915 г. стал работать приют для детей воинов (3-8 лет) в помещении, принадлежавшем местному священнику (*Приюты-ясли, 1915: 596*).

Одним из направлений благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны стало оказание помощи беженцам. Помощь правительству в решении вопроса относительно беженцев оказывал комитет великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), созданный в сентябре 1914 г. В рамках своей деятельности он решал задачи, связанные с оказанием помощи сиротам и нетрудоспособным, с жильем, обеспечением учащихся одеждой, выдачей пособий определенным категориям лиц, организацией трудовой помощи (*Мурашов, 2014: 90*).

В соответствии с указаниями вышестоящих органов власти в Пензенской губернии был создан «Пензенский губернский комитет помощи беженцам» при губернской земской управе. Из числа более чем 700 тыс. человек, эвакуированных в 1915 г., около 63 тыс. остались на временное жительство в Пензенской губернии. Около 500 тыс. беженцев были обеспечены предметами первой необходимости и питанием (Рыбков, 2012: 126). В «Вестнике пензенского земства» от 3 сентября 1915 г. сообщалось, что в г. Пензе находилось около 15 тыс. беженцев.

В ноябре 1915 г., согласно данным Пензенского губернского комитета помощи беженцам, наибольшее число беженцев находилось на территории Инсарского уезда Пензенской губернии – 8 530 чел. Наименьшее число находилось в Мокшанском – 2 073 чел. В г. Краснослободске числилось 408 чел., в г. Троицке – 313 чел., г. Пензе – 9 561 чел. Всего в губернии насчитывалось 63 479 чел. (ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 13. Л. 33).

В телеграмме Управляющего губернией от 22 декабря 1915 г. осевшие в губернии беженцы определялись в количестве 62 200 чел. (ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 13. Л. 170). В силу того, что уездные города Пензенской губернии не могли вместить большого количества беженцев, последние расселялись в сельской местности. Первое время после прибытия беженцы должны были получать общественный хлеб на пожертвованные средства или казенные (Оказание помощи..., 1915).

Различные организации присылали пожертвования на оказание помощи беженцам. Так, Пензенское ремесленное общество в августе 1915 г. направило беженцам 100 руб. (ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

Оказывалась помощь и детям беженцев, обучающимся в различных учебных заведениях губернии. Согласно смете расходов, составленной Нижнеломовским уездным комитетом помощи беженцам от 22 сентября 1916 г., на снабжение одеждой, обувью и бельем детей беженцев, посещающих сельские школы, полагалось в среднем 25 руб. на ученика, учащимся высших начальных училищ и гимназий – по 30 руб. (ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8. Л. 13).

Отклик на события Первой мировой войны имел место среди различных категорий населения и организаций. Крестьяне жертвовали деньги и продукты собственного хозяйства. Так, жители с. Нагорная Пелетьма Мокшанского уезда пожертвовали деньги, вырученные после продажи хлеба с торгов (Первая мировая..., 2015: 119). Ученики Пензенского духовного училища собрали 14 руб. 56 коп. беженцам (ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3. Л. 17).

Благотворительные мероприятия стали неотъемлемой частью жизни пензенского общества в условиях военного времени. Местная периодическая печать сообщала населению губернии о проведении различных благотворительных акций.

В с. Царевщино Мокшанского уезда местная молодежь с участием учительского персонала в здании бывшего общественного трактира устроила спектакль, половина сбора с которого в сумме 21 руб. 30 коп. была отправлена в Пензенский губернский комитет (Спектакль..., 1915: 52). Спектакль, данный в здании бывшего общественного трактира любителями из местной интеллигенции в пользу беженцев, дал чистой прибыли 20 руб. 26 коп., которые были отправлены в Губернский комитет помощи беженцам (В пользу беженцев, 1916: 43-44). В с. Лунино Мокшанского уезда состоялся концерт, сбор с которого поступил на нужды войны (Благотворительный концерт, 1915, 1915: 52).

В ноябре 1915 г. в Татьянинский комитет поступили 58 руб. 13 коп., собранные во время антракта на концерте Завадского по его инициативе в г. Пензе в пользу больных и раненых воинов. (ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3. Л. 16).

Значительную роль в оказании благотворительной помощи в военное время играла Пензенская епархия. Согласно определению Св. Синода от 3 сентября 1914 г. «об оказании помощи со стороны православного духовенства раненым воинам во время следования их в лазареты и госпитали содействие должно было выражаться в том, чтобы священнослужители в местах остановки поездов должны обойти вагоны, нося на себе Святые дары и необходимые принадлежности для приобщения тяжело больных, на случай, если бы они пожелали исповедоваться и приобщиться Святых тайн. Желательно также, чтобы священнослужители раздавали раненым святыне евангелия, листки и книжки для чтения, снабжали их бельем, кормили и вообще старались посылить облегчить их страдания» (Определение..., 1914: 532).

Во всех благочиннических округах епархии и большинстве приходов функционировали попечительные советы для оказания помощи семьям воинов. Приходские попечительные осуществляли помощь крестьянским семьям в уборке хлеба, собирали пожертвования (Пензенские епархиальные ведомости, 1914: 541-542). В период с сентября по декабрь 1914 г. в церковно-приходские попечительства поступило 36 869 руб. 25 коп., из которых 24 984 руб. 58 коп. выдано в качестве пособия. Многим семьям лиц, ушедших на войну, оказывалась помощь продуктами (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 180б.).

В 1915 г. на территории епархии функционировало 770 попечительств.

За февраль 1915 г. попечительными советами епархии собрано 3 307 руб. 56 коп., из которых 2 582 руб. 75 коп. были использованы на выдачу пособий 2 753 семействам (Помощь..., 1915: 2).

Всего в 1915 г. в регионе было собрано пожертвований на сумму 38 542 руб. 14 коп., из них 8 046 руб. 78 коп. – из церковных средств, кроме того, 1 052 п. муки, ржи и пшена, 36 м. картофеля,

150 возов дров, 92 воза соломы и 206 аршин холста. Всего с начала военных действий поступило пожертвований на сумму 74 186 руб. 82 коп. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2719. Л. 10).

Так, Панцыревско-Оськинское волостное попечительство, состоящее из трех священников и учителя, осуществляло сбор пожертвований и выдавало пособия семьям нуждающихся. Кроме того, принималось белье, теплые вещи, холст и пр. Председатель попечительства, священник с. Репьевки А. В. Архангельский собрал значительное количество холста, а священник с. Забалуйки Д.И. Туберозов по подписному листу – наличные деньги (Панцыревско-Оськинское..., 1915: 102).

При монастырях открывались лазареты, где определенная часть пострадавших находилась на монастырском иждивении. Так, Параскево-Вознесенский монастырь не только пожертвовал тысячу рублей на раненых, но и открыл лазарет. Послушницы монастырей осуществляли уход за ранеными (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 11). Больные и раненые воины получали от Пайгармского Параскево-Вознесенского монастыря хлеб, молоко, овощи и пользовались прислугой (Европейцев, 1917: 28). Инсарский Свято-Ольгинский женский монастырь в ноябре 1915 г. послал в действующую армию 60 варежек, 100 кисетов с 13 ф. табака и 10 ф. конфет (По епархии, 1916: 23).

5. Заключение

Благотворительная деятельность в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны играла важную роль в обеспечении помощи нуждающимся и поддержании социальной стабильности в условиях военного конфликта. Помощь оказывалась воинам, семьям участников военных действий и инвалидам, беженцам. В период Первой мировой войны в Пензенской губернии общество проявило высокую активность в благотворительных инициативах.

Благотворительные организации также играли важную роль в формировании гражданского сознания и активизации гражданского участия. Данная деятельность в Пензенской губернии в период Первой мировой войны имела не только материальное, но и социокультурное значение, способствуя укреплению общественной солидарности, гражданского сознания и единства населения в условиях испытания войной.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.».

Литература

Белова, 2021 – Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2021. 288 с.

Благотворительный концерт, 1915 – Благотворительный концерт // Вестник Пензенского земства. 1915. №4. С. 52.

В Губернском комитете, 1915 – В Губернском комитете // Вестник Пензенского земства. 1915. №6. С. 101.

В пользу беженцев, 1916 – В пользу беженцев // Вестник пензенского земства. 1916. №3. С. 43-44.

Вестник..., 1915 – Вестник Пензенского земства. 1915. №6. С. 102.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области

Грачев, 2020 – Грачев А.А. Благотворительная деятельность Татьянинского комитета и духовенства по оказанию помощи армии и беженцам в 1916 году (по материалам Пензенской губернии) / Великая война 1914-1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. 2020. Вып. 8.

Дорофеева, 2014 – Дорофеева Т.Г. Русская православная церковь в годы Первой мировой войны / Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10-11 июня 2014 г.). Пенза, 2014. С. 42-45.

Европейцев, 1917 – Европейцев А. Памяти настоятельницы Пайгармского монастыря игумении Евпраксии // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. №1. С. 26-29.

Кондрашин, 2022 – Кондрашин В.В. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. №1. С. 112-134.

Мурашов, 2014 – Мурашов Д.Ю. Тема беженцев в публикациях журнала «Вестник пензенского земства» / Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10-11 июня 2014 г.). Пенза, 2014. С. 84-89.

На помощь..., 1916 – На помощь раненым // Вестник Пензенского земства. 1916. №4. С. 53-54.

- Оказание помощи..., 1915** – Оказание помощи беженцам, прибывающим в Пензенскую губернию // *Вестник Пензенского земства*. 1915. №33-34. С. 591-592.
- Определение..., 1914** – Определение Святейшего Синода, от 3 сентября 1914 года за № 7939, об оказании помощи со стороны православного духовенства раненым воинам во время следования их в лазареты и госпитали // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. №19. С. 531-533.
- Панцыревско-Оськинское..., 1915** – Панцыревско-Оськинское Волостное Попечительство Городищенского уезда // *Вестник Пензенского земства*. 1915. №6. С. 102-103.
- Паршина, 2014** – *Паршина В.Н.* Пензенские епархиальные ведомости о деятельности Русской православной церкви в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10-11 июня 2014 г.)*. Пенза, 2014. С. 104-109.
- Пензенские епархиальные ведомости, 1914** – *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. №19. С. 541-542.
- Первая мировая война..., 2014** – Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. Междунар. научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10-11 июня 2014 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 199 с.
- Первая мировая..., 2015** – Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье / под ред. М.М. Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина. М.: Новый хронограф, 2015. 288 с.
- По епархии, 1916** – По епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. №1. С. 23.
- Помощь..., 1915** – Помощь семьям воинов // *Пензенские губернские ведомости*. 1915. №103. С. 2.
- Приюты-ясли, 1915** – Приюты-ясли // *Вестник Пензенского земства*. 1915. №33-34. С. 596.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Рыбков, 2012** – *Рыбков А.Г.* Деятельность пензенского земства в годы Первой мировой войны // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2012. № 3(42). С. 124-127.
- Спектакль..., 1915** – Спектакль в пользу раненых // *Вестник Пензенского земства*. 1915. №4. С. 52.
- Спиридонова, 2017** – *Спиридонова Л.М.* Деятельность Татьянинского комитета в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // *Вестник военно-исторических исследований: сборник научных трудов*. 2017. Вып. 8. С. 77-87.
- Спиридонова, 2018** – *Спиридонова Л.М.* Польские беженцы в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // *Вестник военно-исторических исследований: сборник научных трудов*. 2018. Вып. 9. С. 106-117.
- Сухова, 2014** – *Сухова О.А.* Деятельность Пензенской Городской Думы в годы Первой мировой войны / *Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10-11 июня 2014 г.)*. Пенза, 2014. С. 164-169.

References

- Belova, 2021** – *Belova, I.B.* (2021). Pervaya mirovaya voina i rossiiskaya provintsia 1914 – fevral' 1917 g. [World War I and the Russian province 1914 – February 1917]. М.: AIRO-XXI, 288 p. [in Russian]
- Blagotvoritel'nyi kontsert, 1915** – Blagotvoritel'nyi kontsert [Charity concert]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1915. 4: 52. [in Russian]
- Dorofeeva, 2014** – *Dorofeeva, T.G.* (2014). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v gody Pervoi mirovoi voiny [The Russian Orthodox Church during the First World War]. *Pervaya mirovaya voina v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny (g. Penza, 10-11 iyunya 2014 g.)*. Penza. Pp. 42-45. [in Russian]
- Evropeitsev, 1917** – *Evropeitsev, A.* (1917). Pamyati nastoyatel'nitsy Paigarmskogo monastyrya igumenii Evpraksii [In memory of Abbess of the Paygarm monastery Abbess Evpraxia]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1: 26-29. [in Russian]
- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].
- Grachev, 2020** – *Grachev, A.A.* (2020). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Tat'yaninskogo komiteta i dukhovenstva po okazaniyu pomoshchi armii i bezhentsam v 1916 godu (po materialam Penzenskoi gubernii) [Charitable activities of the Tatiana Committee and the clergy to assist the army and refugees in 1916 (based on the materials of the Penza province)]. *Velikayavoina 1914-1918: Al'manakh Rossiiskoi assotsiatsii istorikov Pervoi mirovoi voiny*. Vyp. 8. [in Russian]
- Kondrashin, 2022** – *Kondrashin, V.V.* (2022). Penzenskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny [Penza province during the First World War]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 1: 112-134. [in Russian]
- Murashov, 2014** – *Murashov, D.Yu.* (2014). Tema bezhentsev v publikatsiyakh zhurnala «Vestnik penzenskogo zemstva» [The topic of refugees in the publications of the journal “Vestnik penzenskogo zemstva”]. *Pervaya mirovaya voina v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi*

- nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny (g. Penza, 10-11 iyunya 2014 g.)*. Penza. Pp. 84-89. [in Russian]
- Na pomoshch'...**, 1916 – Na pomoshch' ranenym [To help the wounded]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1916. 4: 53-54. [in Russian]
- Okazanie pomoshchi...**, 1915 – Okazanie pomoshchi bezhentsam, pribyvayushchim v Penzenskuyu guberniyu [Assistance to refugees arriving in Penza province]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1915. 33-34: 591-592. [in Russian]
- Opreделение...**, 1914 – Opredelenie Svyateishego Sinoda, ot 3 sentyabrya 1914 godaza № 7939, ob okazanii pomoshchi so storony pravoslavnogo dukhovenstva ranenym voynom vo vremya sledovaniya ikh v lazarety i gospitali [The definition of the Holy Synod, dated September 3, 1914, No. 7939, on the provision of assistance by the Orthodox clergy to wounded soldiers during their journey to infirmaries and hospitals]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. 19: 531-533. [in Russian]
- Pantsyrevsko-Os'kinskoe...**, 1915 – Pantsyrevsko-Os'kinskoe Volostnoe Popechitel'stvo Gorodishchenskogo uezda [Pantsyrevsko-Oskinsky Volost Guardianship of Gorodishchensky district]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 6: 102-103. [in Russian]
- Parshina, 2014** – Parshina, V.N. (2014). Penzenskie eparkhial'nye vedomosti o deyatel'nosti Russkoi pravoslavnoi tserkvi v gody Pervoi mirovoi voiny [Penza Diocesan Gazette on the activities of the Russian Orthodox Church during the First World War]. *Pervaya mirovaya voyna v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny (g. Penza, 10-11 iyunya 2014 g.)*. Penza. Pp. 104-109. [in Russian]
- Penzenskie eparkhial'nye vedomosti, 1914** – *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. 19:541-542. [in Russian]
- Pervaya mirovaya voyna...**, 2014 – Pervaya mirovaya voyna v istorii rossiiskoi natsii: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny (g. Penza, 10-11 iyunya 2014 g.) [The First World War in the history of the Russian nation: collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the outbreak of the First World War (Penza, June 10-11, 2014)]. Penza: Izd-vo PGU, 2014. 199 p. [in Russian]
- Pervaya mirovaya...**, 2015 – Pervaya mirovaya voyna i voenno–mobilizatsionnye meropriyatiya v Srednem Povolzh'e I Tsentral'nom Chernozem'e [World War I and military mobilization measures in the Middle Volga region and Central Chernozem region]. Pod red. M.M. Esikovoi, P.S. Kabytova, K.V. Samokhina. M.: Novyikhronograf, 2015. 288 p. [in Russian]
- Po eparkhii, 1916** – Po eparkhii [By diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1916. 1: 23. [in Russian]
- Pomoshch'...**, 1915 – Pomoshch' sem'yam voynov [Helping families of warriors]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1915. 103: 2. [in Russian]
- Priyuty-yasli, 1915** – Priyuty-yasli [Orphanage-nursery]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1915. 33-34: 596. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Rybkov, 2012** – Rybkov, A.G. (2012). Deyatel'nost' penzenskogo zemstva v gody Pervoi mirovoi voiny [Activities of the Penza Zemstvo during the First World War] // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2012. 3(42):124-127. [in Russian]
- Spektakl'...**, 1915 – Spektakl' v pol'zu ranenyykh [A performance for the benefit of the wounded]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1915. 4: 52. [in Russian]
- Spiridonova, 2017** – Spiridonova, L.M. (2017). Deyatel'nost' Tat'yaninskogo komiteta v Penzenskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Activities of the Tatiana Committee in the Penza province during the First World War]. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov*. 8: 77-87. [in Russian]
- Spiridonova, 2018** – Spiridonova, L.M. (2018). Pol'skie bezhentsy v Penzenskoi gubernii v gody Pervoi Mirovoi voiny [Polish refugees in Penza province during the First World War]. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov*. 9: 106-117. [in Russian]
- Sukhova, 2014** – Sukhova, O.A. (2014). Deyatel'nost' Penzenskoi Gorodskoi Dumy v gody Pervoi mirovoi voiny [Activities of the Penza City Duma during the First World War]. *Pervaya mirovaya voyna v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny (g. Penza, 10-11 iyunya 2014 g.)*. Penza. Pp. 164-169. [in Russian]
- V Gubernskom komitete, 1915** – V Gubernskom komitete [In the Provincial Committee]. *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1915. 6: 101. [in Russian]
- V pol'zu bezhentsev, 1916** – V pol'zu bezhentsev [In favor of refugees]. *Vestnik penzenskogo zemstva*. 1916. 3: 43-44. [in Russian]
- Vestnik Penzenskogo zemstva, 1915** – *Vestnik Penzenskogo zemstva*. 1915. 6: 102. [in Russian]

Благотворительная деятельность в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны

Ольга Васильевна Колпакова ^{а,*}, Алена Борисовна Шигурова ^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. На материалах Пензенской губернии рассматривается благотворительная деятельность населения Пензенской губернии как сфера формирования гражданской идентичности. Авторы обращаются к вопросу о том, как военные действия и глобальные конфликты повлияли на развитие благотворительности, какие вызовы стояли перед благотворительными организациями в условиях военного времени и какие формы помощи были разработаны для поддержки военных, беженцев и пострадавших от военных действий.

На территории Пензенской губернии создаются различные организации, ставшие важным звеном в системе оказания помощи военным и их семьям. Целью их деятельности в годы войны стала координация усилий по предоставлению помощи нуждающимся, в том числе и беженцам, которые оказались на территории Пензенской губернии.

Благотворительная деятельность в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны была отмечена широкой и всесословной поддержкой населения на протяжении военного периода. Не только благотворительные организации, но и обычные граждане активно участвовали в оказании помощи, что имело не только экономическое значение, но также способствовало укреплению социокультурной сферы, сплочению общества и формированию гражданского сознания, а также обеспечивало единство населения в условиях испытания войной.

Ключевые слова: благотворительность, Пензенская губерния, Пензенская епархия, Первая мировая война, общественное призрение, пожертвование, беженцы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова),
april-ka@mail.ru (А.Б. Шигурова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1470-1481
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1470

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Znanie Dlya Vsekh” (1915) as a Source on the History of the Russian Empire Science in the late 19th and early 20th centuries

Maria S. Koptseva^{a,*}, Anna A. Shpak^a, Yulia N. Menzhurenko^a, Kenija A. Degtyarenko^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article is a source-based issues analysis of the monthly journal “Znanie dlya vsekh”, published in St. Petersburg in 1915. The study purpose is to analyze the Russian science history and assess the information potential of the journal under study as a historical source. The materials of the editions of “Znanie dlya vsekh” are not limited by either time or geographical limits. Here we find a variety of scientific pursuits, both modern and rooted in antiquity. This study attempts to classify all the richness of the materials presented and form an overall picture of the development of science in Russia. Russian painting history The journal provides information not only about the scientific activities and technical specific scientists discoveries in the period under study, but also describes the economic, cultural and religious life of the Russian population in its dynamics, historical and military events on Russian soil, the role rulers, the cultural specifics of other states and the peculiarities of Russian life in them, the history of the development of world painting and the formation of art galleries, etc. “Znanie dlya vsekh” is important not only as a historical source, but also as an educational and pedagogical publication combining the natural science, humanities and technical fields of knowledge. The article analyzes twelve issues of the journal for 1915, which allowed to determine the main directions of educational activity and self-education of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The topics of the issues themselves made it possible to trace which scientific directions, scientists and inventions were popular and had recognized importance in the global scientific space.

Keywords: journal “Znanie dlya vsekh”, self-education, science and technology, history of science, popular science periodicals, Russian Empire, progress.

1. Введение

Исследование истории становления и развития отечественной науки имеет особую значимость, поскольку позволяет обратиться к истокам и проанализировать динамику этих процессов. На сегодняшний день недостаточно комплексных исследований, которые могли бы сформировать целостный образ истории российской науки. Научные открытия и государственные условия их совершения являются одним из мощнейших факторов, воздействующих на российское общество, его структуру и культуру в целом. Под влиянием изменений, произошедших в научно-технической среде Российской империи в конце XIX – начале XX вв., стремительно менялся многовековой уклад жизни людей и их представления об окружающем мире. Исследование позволяет проанализировать закономерности таких изменений и их отдаленные последствия, учитывая тот факт, что наука затронула абсолютно все сферы жизни различных сообществ и групп России изучаемого периода.

Источники, подобные журналу «Знание для всех», который являлся общедоступным всеохватывающим изданием для самообразования, имеют историческую значимость и актуальны для истории российской науки и техники. Каждый номер издания представляет собой, в сущности,

* Corresponding author

E-mail addresses: mkoptseva@sfu-kras.ru (M.S. Koptseva), annahey@gmail.com (A.A. Shpak), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Y.N. Menzhurenko), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko)

отдельную научно-популярную книгу на русском языке с богатым иллюстрационным материалом. Страницы журнала наполнены значительным количеством естественно-научных сведений, исторических данных и разного рода научных открытий. Такой тип журнала в Российской империи было принято относить к категории «народных журналов» или «народного университета». Народную направленность журналов задавала сама аудитория – в исследуемый период самообразованием занимались широкие слои населения, начиная от рабочих заводов, фабрик, мануфактур, ремесленных мастерских, заканчивая людьми, занятыми умственным трудом и имеющим соответствующее образование.

Актуальность исследования журнала «Знание для всех» как источника по истории отечественной науки заключается в том, что на основании текстологического анализа представленных в нем материалов можно сформировать целостную картину исторической динамики научно-технического прогресса в нашей стране, а также определить место и роль науки в сложной системе отношений «государство-наука-общество» не только в исследуемый период, но и в широкой исторической панораме. Подобные источники представляют собой культурно-просветительскую среду, где наука и просвещение становится делом всего российского общества и инструментом консолидации между различными его элементами.

2. Материалы и методы

1. Источниковой базой исследования являются двенадцать номеров ежемесячного журнала «Знание для всех» 1915 г. Журнал издавался с 1913 по 1917 гг. в Санкт-Петербурге и включал в себя публикации естественно-научного и научно-популярного характера. Выпускал «Знание для всех» известный петербургский книгоиздатель П.П. Сойкин. В соответствии с названием журнала его цель состояла в том, чтобы обратиться к как можно более широкому кругу читателей. Известно, что сами издатели определяли его как общедоступный журнал для самообразования. Каждый номер представляет собой оригинальный выпуск комплексного характера с богатым иллюстрационным материалом. Кроме того, каждая публикация выпускалась в виде отдельных брошюр. «Знание для всех» сыграло немаловажную роль в становлении научно-популярных журналов и имеет большую историческую ценность для понимания специфики истории российской науки и просвещения.

2. Методологическим основанием данного исследования являются источниковедческий и сравнительный анализ указанного источника. Данные подходы позволят выявить закономерности становления и динамики развития науки и техники императорской России, проследить, на каких аспектах научно-технического прогресса акцентируется внимание авторами научно-популярной литературы. Кроме того, можно установить преемственность развития современной науки и техники с их статусом в конце XIX – начале XX вв. Сравнительный анализ позволит соотнести содержание выпусков, оценив при этом его потенциал в исследованиях данного исторического периода отечественной истории.

3. Обсуждение

Популяризация науки и становление научно-популярной просветительской периодики исторически обусловлены стремительным развитием науки и промышленности в России в конце XIX – начале XX вв. В Российской империи с ее масштабной географией, отсутствием налаженной системы сообщения и сравнительно небольшим количеством книжных изданий именно журналы становятся главным информационным источником, сообщающим о научных открытиях и иных общественно значимых событиях. К исследованию истории науки на материалах периодических изданий конца XIX – нач. XX вв. обращаются многие современные ученые (Сертакова, 2022; Дегтяренко, 2022; Koptseva et al., 2015; Koptseva et al., 2016; Koptseva et al., 2022; Koptseva et al., 2023; Koptseva et al., 2024; Пименова, 2023; Середкина, 2022).

Вопросу становления научно-популярной прессы в дореволюционной России посвящен ряд исследований российских историков (Парафонова, 2011; Севастенко, 2013; Балашова, 2017; Хомяков, 2021), поскольку количественный рост периодических изданий связан именно с этим историческим этапом и обусловлен формированием нового социально-политического пространства империи. Различные просветительские инициативы получают свое выражение сначала в энциклопедическом, а затем классическом формате журнала. К началу XX в. среди научно-популярных журналов стали преобладать специализированные издания, посвященные конкретным научным областям: медицине, технике, освоению воздушного пространства и т.д. (Математический вестник 1914–1917; Медицинское обозрение 1874–1918).

Вместе с тем наблюдается противоположная тенденция преодоления узкоспециализированной направленности журналов и расширения числа универсальных журналов, демонстрирующих погруженность науки в литературно-общественную среду и следующих новым просветительским целям (Наука и жизнь, 1904–1906; Научное обозрение, 1894–1903). Особое значение среди таких изданий универсального типа приобретают журналы, ориентированные на самообразование. Их отличает не только обширное разноплановое содержание, но и сама форма: они приближены к

типу альманаха, каждый выпуск представляет собой оригинальный труд тематически целостного характера, содержащий множество иллюстраций, чертежей и карт. К журналам, следовавшим целям саморазвития, и относится исследуемый в данной работе журнал «Знание для всех», наряду с которым значимыми изданиями были «Вестник знания» (*Вестник знания, 1903–1918*) и «Вестник и библиотека для самообразования» (*Вестник и библиотека для самообразования, 1903–1905*).

Современный исследователь В.Г. Полежай в ряде работ детально и комплексно рассматривает дореволюционную систему печатных изданий, а именно многообразие форматов участия высших технических учебных заведений и инженерных организаций в создании журналов, популяризирующих науку (*Полежай, 2001; Полежай, 2004; Полежай, 2013*). До него к проблеме издательской деятельности технических учреждений обращались и другие ученые (*Гаранина, 1973; Черняк, 1981; Лазаревич, 1984; Акопов, 1986*), однако именно В.Г. Полежай систематизировал имеющиеся сведения в данной области. Более того, он рассмотрел журналы технических организаций не только как источник для изучения истории науки, техники, общества и вуза, но и как самостоятельное уникальное явление в истории российской печати.

Технические журналы стали своего рода информационным мостом между наукой, высшей школой, промышленностью и обществом. Примером универсального технического журнала, затрагивающего практически все отрасли техники, является «Вестник инженеров». Общую картину по числу и специфике технических журналов можно проследить в материалах каталога «Русская техническая периодика. 1800–1916» (*Меженко, 1955*).

Историографической ценностью для изучения науки дореволюционной России обладает также педагогическая периодика. Педагогические журналы явили собой прогрессивные инициативы в деле образования и воспитания будущих поколений. К феномену русской педагогической журналистики и ее влиянию на общее просвещение страны обращены многие работы современных авторов (*Гончаров, 2011; Пузырева, 2012; Волик, 2020*).

4. Результаты

Доступное для всех знание – одно из ключевых идей конца XIX – начала XX вв., когда интерес к науке и образованию стал всеобщим стремлением. В рамках этой инициативы журнал «Знание для всех» освещает темы разных научных направлений. Он сыграл важную роль в распространении знаний о природе, человеке, обществе, техническом прогрессе и т.д.

В 1915 г. было издано 12 выпусков периодического издания «Знание для всех», освещающих тематику разных научных областей в форме очерков. Выпуски сопровождаются многочисленными рисунками, красочными изображениями, картографическим материалом, изображениями рукописных текстов.

Художественное оформление журнала соответствует тенденциям развития стиля «модерн» на рубеже XIX–XX вв. Начальная страница каждого очерка украшена белым растительным полупрозрачным орнаментом на темном фоне (*Рисунок 1*). Повышенная декоративность в оформлении поддерживается, помимо четкого контура орнамента, еще и таким приемом, как контрастный и разноразмерный шрифт. Каждая обложка содержит цветное живописное произведение, отражающее тематику месячного выпуска. Учитывая специфику развития стиля «модерн» в начале XX в., можно сказать о его непосредственном влиянии через поиск природной гармонии на новую промышленную эпоху, репродуцирование произведений (в расчете на массового потребителя в сочетании с совмещением утилитарной и практической значимости объектов). Изобразительный язык иллюстрации не только отражает эстетические и художественные тенденции модерна, но и подчеркивает его универсальный характер и стремление к привлечению широкой аудитории через использование красочных и привлекательных образов.

Общее количество иллюстраций – 443 (без учета фотоснимков с рукописей), цветных картин – 36 (без учета географических цветных карт), что позволяет отметить специальную издательскую работу по наглядности представленного текстового материала. Формат выпусков периодического издания имеет много общего со стилистикой энциклопедических статей.

В первом выпуске опубликован очерк профессора Харьковского университета А.Л. Погодина «Зарубежная Русь» (*Погодин, 1915*), в котором дается подробное историко-культурное описание западных территорий Российской империи. Очерк состоит из пяти частей, в каждой из которых обозначены тезисы смысловых подразделов: 1) история и этнографические сведения о Зарубежной Руси (Статистические данные; прошлое Зарубежной Руси; Переход Галиции к Польше при Казимире Великом; первый раздел Польши переход Галиции к Австрии (1772 г.); 2) исторический обзор Галиции (дворянство, крестьянство и духовенство; культурное и политическое значение православных братств; принятие унии в 1595 г.; борьба православия с унией; прошлое Угорской Руси; присоединение ее к Венгрии в XIV веке; принятие унии в 1652 г.; Буковина; 3) Галицкая Русь под властью Австрии (русский язык и литература в Галиции; пробуждение национального сознания в Зарубежной Руси; борьба Галицкой Руси с польским влиянием; русское и украинское движения); 4) Угорская Русь под властью мадьяр (национальное пробуждение Угорской Руси после 1849 г.; Буковинская Русь); 5) экономическая и культурная жизнь русского населения в Галиции (гуцулы).

Рис. 1. Обложка периодического издания «Знание для всех», № 2, 1915 г.

Второй выпуск издания «Знание для всех» представлен очерком профессора Петроградского политехнического института Б.Н. Меншуткина «Первый русский ученый» (Меншуткин, 1915), который посвящен жизни и научной деятельности М.В. Ломоносова. Автор очерка фиксирует поворот в образе Ломоносова как ученого естественнонаучной направленности, определяя его значительную роль в развитии науки посредством таких достижений, как атомистическая гипотеза, механическая теория теплоты, механическая теория газов, исследования света в физике, а также разработки в области химии (в том числе создание первой научной химической лаборатории в России), мозаичного дела, метеорологии, астрономии и др. Отдельной линией идет описание истории становления ученого, сопоставление научных достижений М.В. Ломоносова по времени и полученным результатам по отношению к другим ученым.

Очерк инженера-технолога В.В. Рюмина «Беспроволочный телеграф», опубликованный в третьем выпуске «Знание для всех» (Рюмин, 1915), представлен четырьмя частями с подразделами: 1) прообраз беспроводного телеграфа – оптический телеграф (замена телеграфа без проводов электрическим телеграфом; неудобства такого телеграфа; новый взгляд на распространение электричества; опыты Герца; изобретение телеграфа без проводов; схема его действия); 2) из чего состоит станция беспроводного телеграфа (первоначальные установки и последовательное увеличение дальности действия; выдающиеся постоянные станции; судовые станции и станции передвижные; карманные станции); 3) замена беспроводным телеграфом обыкновенных телеграфных линий (телеграф без проводов на морских судах и береговых станциях, в военном деле, в полярных экспедициях и пр.; телеграфирование в воздушном флоте; телеграфирование из-под воды и из-под земли; телеграфирование с поезда); 4) искровой телеграф в качестве мировых часов (особые случаи применения искрового телеграфа; различие в распространении волн; ближайшее будущее беспроводного телеграфа; интересная задача для дальнейшего усовершенствования телеграфа без проводов; действие на здоровье).

Автор широко представляет разработанность темы посредством хронологии развития телеграфа, упоминания ученых, внесших большой вклад в развитие беспроводного телеграфа (П.Л. Шиллинг фон Канштадт, С. Морзе, К. Шапп, Г.Д. Румкорф, Г.Р. Герц, К. Максвелл, П.Н. Лебедев, М. Фарадей, Г. Гельмгольц, Э. Бранли, А.С. Попов, Г. Маркони, Д.С. Троицкий, П.Н. Рыбкин, Э. Рутерфорд, Г. Ромон и др.), многочисленных изображений, фотографий и схем телеграфа, элементов и деталей телеграфа и радиостанций, сопутствующих разработок.

Четвертый выпуск периодического издания «Знание для всех» включает очерк В.П. Лебедева «На заре славянства» (Лебедев, 1915), который посвящен князю Владимиру. Автор представляет исследовательские материалы, уточняющие биографию и объясняющие некоторые особенности деятельности князя Владимира, его семьи и приближенных. Очерк сопровождается примерами из известных памятников литературы, изображениями архитектурных сооружений, произведений искусства, в том числе работ В.М. Васнецова, Г.И. Угрюмова и др.

Очерк «Землетрясения» В.К. Агафонова (Агафонов, 1915) в своей структуре насчитывает девять частей с подразделами в четвертой и пятой частях: 1) землетрясения в городе Верном 22 декабря 1910 г. и в Мессине 28 декабря 1908 г.; 2) сильные землетрясения и микросейсмические явления; 3) горизонтальные и вертикальные колебания; 4) эпицентр и гнездо землетрясений (скалы

землетрясений); 5) скорость распространения землетрясений (сейсмографы; сейсмограммы; три рода волн землетрясения); 6) моретрясения; 7) причины землетрясений; 8) тектонические землетрясения; 9) работы Герланда, Таммана и Зиберга. Помимо описания специфики землетрясений и их разновидностей, автор фиксирует некоторые закономерности, последовательность этапов землетрясений, результаты наблюдений и расчетов. В публикации подчеркивается важность специализированных приборов (сейсмографов) и дается краткое описание новых, усовершенствованных образцов, в частности тех, что способны фиксировать колебания земли в виде сейсмограммы. Особое значение В.К. Агафонов придает ученым, внесшим неоценимый вклад в изучение движения земли, тем самым выстраивая прочную основу для дальнейших научных изысканий, но уже касающихся подземных материй – «науки о глубинах земли» (Агафонов, 1915: 32): Пифагор, Аристотель, Ф. Монтессю де Балор, Д. Меркалли, Ф. Омори, А. Зиберг, А. Гумбольдт, Р. Фальб, Г. Креднер, М. Гернес, М.В. Ломоносов, Э. Зюсс, А. Штюбель, Ж. Герланд, Г. Тамман и др.

В шестом выпуске журнала «Знание для всех» опубликован очерк Б.И. Имшенецкого «Монголия» (Имшенецкий, 1915). Очерк состоит из девяти частей, некоторые из них имеют внутренние тематические подразделы: 1) что такое представляет и представляла собою Монголия (судьба ее и обособленность от всего мира); 2) границы Монголии (степи и пустыня Гоби; жалкая растительность их; стихийная борьба в пустыне; горы; климат; буря в заоблачном пространстве на вершинах монгольских гор; флора; почва); 3) скотоводство (верблюды; рогатый скот; овцы; козы; лошади; яки; звероловство); 4) население (разделение его на группы; история Монголии; Чингисхан; административное деление Монголии; китайская политика; причина обнищания народа); 5) несколько слов о русской и китайской торговле в Монголии; 6) быт и характер монголов (костюм; внешний вид; флегматичность; невежество; ламы и их медицина; болезни; юрта; божница; домашняя жизнь; свадьба; бедность; любовь к детям; монгольские собаки; простота нравов; отношение к покойникам и больным); 7) религия (влияние религии на характер и быт монголов; идея буддизма и ламаизма; стремление к нирване; Цаган-Дара-Эхэ и императрица Екатерина II); 8) монгольское правосудие (основные причины жестокости; способ ведения следственных дел; пытки; казни); 9) события, предшествующие отпадению Монголии от китайского владычества; манифест хутухты; договор с русским правительством).

Автор очерка акцентирует внимание на необходимости сбора всеобщего представления о Монголии, несмотря на известные исследовательские труды Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, М.Н. Соболева и др., и делает попытку представить разносторонний образ Монголии, затрагивая исторический процесс развития страны и ее современное состояние.

Очерк «Тайны Цветов» К. К. Серебрякова (Серебряков, 1915) подразделяется на девять глав, которые, в свою очередь, подразделяются на подглавы: 1) храм природы (тайны красоты и чудесного устройства цветов; взгляды древних философов и поэтов на красоты растительного мира; взгляды современной науки); 2) что такое цветок? (общий план строения цветка; таинство опыления и оплодотворения цветка; явление двойного оплодотворения, открытое русским ученым С. Навашиным; образование семени); 3) отвращение к самоопылению у растений (исследование Дарвина; приспособление растений к избеганию самооплодотворения; раздельнополюе тычиночные и пестичные цветы; одновременное созревание тычинок и пестиков; явление гетеростилии); 4) происхождение цветка (легенды древности; исследование И.-В. Гете и цветок белой кувшинки; красивые уроды – махровые цветы; обратная крайность – цветы, лишённые околоцветника); 5) ветроопыляемые растения (цветы, ели и сосны; опыление ветром орешника и хлебных знаков; приспособление растений к опылению ветром; общие черты всех ветроопыляемых растений; несовершенство этого способа опыления и образование новых растительных форм, оплодотворяемых насекомыми); 6) насекомопыляемые растения (современная теория цветов; Конрад Шпенгель и Ч. Дарвин; яркая окраска, запах и мед цветов как средства привлечения насекомых; способность насекомых к восприятию цвета и запаха; почему многие растения пестры и пятнисты; значение контрастных сочетаний в окраске цветов; медовые пятна на лепестках венчика; соединение отдельных цветков в группы или соцветия); 7) приспособление растений к определенным группам посещающих цветы насекомых (образование различных групп цветов, окрашенных во вкусе мух, пчел и бабочек; сезонная окраска полей; Образование трубчатых и сростнолепестных околоцветников; примеры наиболее совершенного приспособления цветов к перекрестному опылению посредством насекомых; орхидей); 8) цветы в борьбе с различными врагами (средства защиты цветов у растений; клейкие железы на стебле; ядовитые соки; колючие волоски; острые щетинки и шипы; защита цветов от непогоды; сон растений; ночные цветы); 9) заключение (эстетика и цветы; эстетическое воспитание человеческого глаза на прекрасных формах и красках растительного мира; влияние растительного мира на мотивы архитектуры живописи и поэзии; цветы в мистике и религии).

Помимо полного ботанического описания цветов, упоминаются ученые, причастные к важным научным открытиям в области ботаники, а именно: Дж. Б. Амичи, К. Шпенгель, Ч. Дарвин.

Очерк «Южная Колхида» автора А. Н. Краснова, опубликованный в восьмом выпуске «Знание для всех», содержит пять тематических глав без названий. Исторические события включают темы рождения второго Египта в Рионской равнине со времен фараона Сесостриса (контаминация Рамзеса

II), связь реальных событий и похода аргонавтов, правление царицы Тамары, османское правление султана Сулеймана Великолепного, история владения рассматриваемой области Российской империей. В тесной связи с историческими событиями обсуждается история религии в основном с позиций развития христианства и ислама. Автор дает описание приграничных областей (территориальный компонент) Российской империи – части Южной Колхиды, в то время как сама область занимает места «от склонов Аджарских гор, и их продолжения за Чорохом до моря и реки Чолока у Кобулет, до турецкой границы и далее к Трапезонду» (Краснов, 1915: 5). Отмечается связь с имперскими интересами, колониальной политикой и стремлением к расширению знаний о внутренних и внешних территориях Российской империи.

Очерк «Солнце» Н. П. Каменщикова содержит следующие семь глав: 1) Солнце как божество; 2) размеры Солнца и расстояние до него от Земли; 3) движение Земли вокруг Солнца (смена дня и ночи и времен года; климатические пояса; солнечные затмения); 4) что мы видим на Солнце (пятна, образования и периодичность их появления; протуберанцы; солнечная атмосфера; солнечная корона); 5) спектральный анализ (химический состав Солнца; спектр Солнца; солнечная обсерватория); 6) солнечная энергия (солнечные машины); 7) Солнце среди звезд.

Очерк раскрывает многоаспектность Солнца с разных позиций, целиком охватывая научные направления исследования этого небесного явления, представлены факты из истории науки и важные персоналии: Пифагорейская школа, Аристарх Самосский, Семеон Полоцкий, Н. Коперник, И. Ньютон, Э. Галлей, А. С. Васильев, С.А. Костинский, Горребов, Швабе, Жансен, Лукье, Г.Р. Кирхов, Ж. Фраунгофер (Каменщиков, 1915: 23-25).

«Сон» М. И. Сизова – очерк десятого выпуска, который структурирован шестью главами и подглавами: 1) смешение понятий «сон» и «сновидение» (сновидения – психические явления, сопутствующие сну; сон и бодрствование у человека; сон – результат утомления организма); 2) роль нервной системы во время сна (физиология нервной системы; роль нервов; сон – отдых сознания; что такое сновидение?); 3) причины сна (теории сна – анатомическая, гистологическая и химическая; учение о внутренней секреции (о гормонах); «яды» сна; картина «химического» сна); 4) нормальный сон (гигиена сна; ненормальный сон; бессонница; спячка; летаргия; сонная болезнь; наркотический сон; гипноз); 5) сон у животных (биологическая теория сна; сон – инстинкт); 6) физиологическое назначение сна (почему мы спим ночью; влияние света; ритм природы; химический ритм сна).

В очерке «Сон» описаны также технические приспособления и изобретения, а именно лучи спектрокопа (Сизов, 1915: 22), разновидности телескопов, зеркала, собирающие лучи, и прибор утилизации теплоты Цирасского (Сизов, 1915: 27-30). В тексте упоминаются имена множества ученых, внесших большой вклад в изучение сна: Дюркгейм, Гэлионд, Галлер, А. Гумбольдт, М. Ф. К. Биша, Я.Э. Пуркине, Видерсгейм, Дюваль, Лепин, Зоммер, Пфлюгер, Рабль-Рюкгард, Дюбуа, Сильвий, Дуттон, Тодд, Каstellяни, П. Ю. Шмидт, В. М. Бехтерев.

«Сокровища императорского Эрмитажа (Картинная галерея)» Э. Старка включает семь основных глав: 1) как возник Эрмитаж; 2) образование картинных галерей Эрмитажа; 3) итальянская живопись; 4) испанская живопись; 5) французская живопись; 6) живопись английская и немецкая; 7) живопись нидерландская, фламандская и голландская.

Текст очерка содержит описание живописной коллекции с исторической позиции, упоминания императоров, покровительствующих развитию коллекции: Екатерины II, Николая I. Имеется и краткое описание западноевропейских памятников периода XV – начала XIX вв.

Во все времена значимой темой выступает старение и способы борьбы с этим у разных живых организмов. Данная тема раскрыта в двенадцатом, заключительном очерке – «Борьба со старостью» (Шмидт, 1915: 3). Очерк состоит из шести глав и подглав: 1) разум как орудие в борьбе за существование (борьба с болезнями; борьба со смертью; перспективы будущего); 2) бессмертие простейших организмов (бессмертие колониальных организмов и древесных организмов; наблюдение Мопя; депрессия и ее значение; старость и смерть); 3) причины смерти (объяснение естественным отбором; объяснение дифференцированием; клетки-рабыни; раковые опухоли; интенсивность и сложность жизни – основная причина смерти); 4) омолаживание организма (регенерация; пересадка органов; искусственное культивирование тканей; дисгармонии природы человека; рудиментарные органы; червеобразный отросток и толстые кишки; значение последних); 5) пределы жизни (возраст животных в связи с размерами и степенью развития; связь с плодовитостью; долговечность и органы пищеварения; толстые кишки – причина преждевременной старости; отравление тканей и их гибель от блуждающих клеток); 6) преждевременность старости (борьба со старостью; оперативный путь; путь рационального питания; бактерии, противодействующие гниению; молочнокислые бактерии; происхождение человека; дисгармонии его природы).

Обсуждаются факторы, влияющие сильнее всего на преждевременное старение человеческого организма. Основной акцент сделан на пищеварительной системе человека и ее разностороннем влиянии в целом на организм человека.

В очерке встречаются ссылки на таких ученых, как А. Вейсманн, Мопя, Калкинс, Р. Гертвиг, Майнот, Иенсен, Ганземанн, Рибберт, Е.А. Шульц, А. Каррель, Видерсгейм, Бюффон.

Таким образом, в выпусках журнала «Знание для всех» за 1915 г. представлены различные научные направления, в совокупности затрагивающие сферы гуманитарных, естественных и технических наук.

Так, например, очерк «Сон» целиком основан на изучении физиологии сна, включая воздействие сна на организм человека. Определение специфики понятийного аппарата в начале очерка позволяет избежать дальнейшего недопонимания, например, «Смещение понятий сон и сновидение» (Сизов, 1915: 2). Очерк рассчитан на знакомство с биологическим явлением живых организмов, их видами и прочее.

Зачастую очерки в своей специфической теме находятся на границе разных научных дисциплин. Например, в публикации «Первый русский ученый» Б.Н. Меншуткина раскрывается проблематика истории естественных, технических и гуманитарных наук посредством повествования о деятельности М.В. Ломоносова. В шестом выпуске, освещающем основные вопросы, которые связаны с изучением движения земли, обсуждаются механизм действия и возможности применения специализированных приборов, что, в свою очередь, относится к научным результатам технической направленности. А седьмой очерк «Тайны цветов» посвящен одному из разделов биологии – ботанике. Тематика очерка носит междисциплинарный характер по причине синтеза биологического описания и значения цветочных символов в культуре и истории. Популярность и важность биологии на рубеже XIX–XX вв. обусловлена активными научными открытиями в данной области. Понимание природы и связанные с этим новые научные знания расширяют человеческое мировоззрение. В тексте используются ссылки на значимых ученых, работающих в русле проблематики очерка. Простота языка способствует широкому распространению научного знания. Научный контекст в систематике растений поддерживается структурой и логикой рассуждения в научно-популярном тексте, это происходит и за счет использования множества схем и рисунков для упрощения восприятия информации, наглядности и сокращения объема вербальной информации. Наглядность иллюстраций – признак трансформации медиапространства рубежа XIX–XX вв.

Очерк третьего выпуска, посвященный беспроволочному телеграфу, имеет сугубо техническую направленность и фиксирует основные вехи развития беспроволочного телеграфа.

Астрономический очерк «Солнце» содержит информацию о солнце как о физическом явлении. В то же время публикуются данные о его химическом составе, спектральном анализе, о положении и отношении к другим небесным телам. Всесторонний анализ физического небесного тела через обращение к его символическому восприятию, физическим особенностям, влиянию на человека позволяют охватить тему кратко и емко.

Мифологические характеристики небесного тела, Солнца, с древнейших времен описаны во вступительной части астрономического очерка «Солнце» Каменщикова Н. П. Это пример информативности и приемов заразительности в распространении знаний естественных наук. Египетская мифология во многом основана на культе Солнца, упоминаются боги Атон и Хонсу (Каменщиков, 1915: 3), приводятся в пример гимн пифагорейцев и славянский бог Ярило (Каменщиков, 1915: 4).

К выпускам гуманитарной направленности можно отнести одиннадцатый выпуск «Сокровища императорского Эрмитажа», который содержит описание основных живописных коллекций и историю создания знаменитой российской галереи. Обзор творчества основных западноевропейских художников позволяет говорить о территориальной основе для описания и группировки произведений искусства. К этому же направлению можно отнести первый и четвертый выпуски с очерками «Зарубежная Русь» А. Л. Погодина и «На заре славянства» В. П. Лебедева, представляющие результаты соответствующих историко-культурных исследований.

На стыке таких научных дисциплин, как этнография, история, география (изучение особенностей климата, территориальных отношений, полезных ископаемых, гидрографии и т.д.), находятся исследования, представленные в очерках «Монголия» Б. И. Имшенецкого и «Южная Колхида» А. Н. Краснова. Для территориального обзора Российской империи было важно понимание природных условий различных территорий, наличие полезных ископаемых, специфической флоры и фауны для оптимизации использования ресурсов и планирования экономического развития.

Стоит также отметить, что в анализируемых выпусках авторы уделяют большое внимание личностям и трудам ученым, их роли в развитии науки. В очерках зафиксированы имена отечественных исследователей, внесших огромный вклад в развитие науки и техники: Симеон Полоцкий, М.В. Ломоносов, П.Л. Шиллинг фон Канштадт, П.Н. Лебедев, А.С. Попов, Д.С. Троицкий, П.Н. Рыбкин, Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, П.К. Козлов, М.И. Боголепов, М.Н. Соболев, С. Навашин, А.С. Догель, А.В. Немилов, В.М. Бехтерев, А.С. Васильев, С.А. Костинский, И.И. Мечников.

5. Заключение

Анализ двенадцати выпусков журнала «Знание для всех» за 1915 г. позволил зафиксировать основные направления в просветительской деятельности и самостоятельном образовании Российской империи конца XIX – начала XX вв. Данные выпуски определяются просветительским интересом к

новым исследовательским темам из разных научных областей: истории, этнографии, ботаники, географии, химии, инженерии, астрономии, физиологии сна, искусствоведения и т.д.

Для анализируемых очерков характерно использование литературных средств выразительности с целью привлечения внимания широкой читательской аудитории. Тексты структурированы и имеют небольшой объем, сопровождаются большим количеством иллюстраций (в том числе цветных) со схематичным объяснением физических, природных, биологических явлений, предметов и географических областей.

Тематика выпусков определяется популярностью и общепризнанным значением научных областей, ученых, изобретений и открытий в общемировом научном пространстве. По отношению к определенным физическим явлениям выбирается их устойчивый культурный образ, и с опорой на постоянный интерес транслируется специфика конкретных явлений с позиций технических, естественных или гуманитарных наук. Разные области знания дополняют друг друга, позволяя тем самым создать полную картину того или иного явления.

Таким образом, в рамках просветительского издательского проекта «Знание для всех» формировались представления об истории науки Российской империи рубежа веков с помощью описания актуальной ситуации в выбранной научной тематике и деятельности конкретных ученых; сравнения исследовательских позиций ведущих ученых и полученных результатов; опубликования информации о научных, научно-технических изобретениях в российском и мировом масштабе.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

Литература

- [Агафонов, 1915](#) – Агафонов В.К. Землетрясения. Журнал «Знание для всех». Петроград, 1915. 32 с.
- [Акопов, 1986](#) – Акопов А.И. Отечественные специальные журналы. 1765-1917. Историко-типологический обзор. Ростов-на-Дону, 1986. 125 с.
- [Балашова, 2017](#) – Балашова Ю.Б. Типология научно-популярной прессы начала XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 3. С. 680-690.
- [Вестник знания, 1903-1918](#) – Вестник знания. СПб., 1903-1918.
- [Вестник и библиотека самообразования, 1903-1905](#) – Вестник и библиотека самообразования: научно-популярный журнал по всем отраслям знания. Санкт-Петербург, 1903-1905.
- [Вестник инженеров, 1915-1929](#) – Вестник инженеров. Научно-технический журнал. Петроград. 1915-1929.
- [Волик, 2020](#) – Волик Е. А. О тематических особенностях педагогической журналистики 1860-1917 гг. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 1. С. 197-203.
- [Гаранина, 1973](#) – Гаранина С.П. Записки Русского технического общества в системе периодических издания Русского технического общества // Труды Московского государственного института культуры, 1973.
- [Гончаров, 2011](#) – Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияние на общее и Педагогическое образование середины XIX начала XX вв. (к 150-летию со дня выхода журнала «Учитель») // Проблемы современного образования. 2011. №4. С. 112-120.
- [Дегтяренко и др., 2022](#) – Дегтяренко К.А., Ермаков Т.К. Анализ этнологических особенностей традиционных видов хозяйственной деятельности в мире, в Российской Федерации // Северные Архивы и Экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 150-162.
- [Имшенецкий, 1915](#) – Имшенецкий Б.И. Монголия. Журнал «Знание для всех». Петроград, 1915. 40 с.
- [Каменщиков, 1915](#) – Каменщиков Н. П. Солнце. Журнал «Знание для всех». Петроград, 1915. 33 с.
- [Краснов, 1915](#) – Краснов, А. Н. Южная Колхида. Журнал «Знание для всех». Петроград, 1915. 36 с.
- [Лазаревич, 1984](#) – Лазаревич Э.А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал. Москва, 1984. 383 с.
- [Лебедев, 1915](#) – Лебедев, В.П. На заре славянства. Журнал «Знание для всех». Петроград, 1915. 32 с.
- [Математический вестник, 1914-1917](#) – Математический вестник. Москва, 1914-1917.
- [Медицинское обозрения, 1874-1918](#) – Медицинское обозрение: Ежемесячный журнал. Москва, 1874-1918.
- [Меженко, 1955](#) – Меженко Ю.А. Русская техническая периодика. 1800-1916. Библиографический указатель. Москва. Ленинград, 1955, 300 с.
- [Меншуткин, 1915](#) – Меншуткин Б.Н. Первый русский ученый. Журнал «Знание для всех». Петроград, 1915. 36 с.
- [Наука и жизнь, 1904-1906](#) – Наука и жизнь. СПб., 1904-1906.
- [Научное обозрение, 1894-1903](#) – Научное обозрение. СПб., 1894-1903.

- Парафонова, 2011 – Парафонова, В. А. Научно-популярные журналы в дореволюционный период // *Медиаскоп*. 2011. №3.
- Погодин, 1915 – Погодин, А.Л. Зарубежная Русь. *Журнал «Знание для всех»*. Петроград, 1915. 34 с.
- Полежай, 2001 – Полежай В.Г. Значение изданий научных обществ для развития российской инженерной школы // *Информационный бюллетень Политехнического общества*, 2001, № 7, 25 с.
- Полежай, 2004 – Полежай В.Г. Периодические издания технических организаций России конца XIX-начала XX века: типология и функционально-содержательные особенности. Москва, 2004. 25 с.
- Полежай, 2013 – Полежай В. Г. Периодические издания МГТУ им. Н. Э. Баумана в системе научной печати России второй половины XIX - начала XX века. Москва, 2013. 380 с.
- Пузырева, 2012 – Пузырева Л. В. О феномене русской педагогической журналистики // *Проблемы современного образования*. 2012. №1. С. 49-59.
- Рюмин, 1915 – Рюмин, В.В. Беспроволочный телеграф. *Журнал «Знание для всех»*. Петроград, 1915. 32 с.
- Савастенко, 2013 – Савастенко Р. А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2013. №4. С. 112-121.
- Серебряков, 1915 – Серебряков К. К. Тайны цветов. *Журнал «Знание для всех»*. Петроград, 1915. 36 с.
- Середкина, 2022 – Середкина Н. Н. Общероссийская гражданская идентичность как фактор интеграции общества // *Сибирский антропологический журнал*. 2022. Т. 6. № 2. С. 125-135.
- Сертакова и др., 2022 – Сертакова, Е. А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX - начале XX веках // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 2. С. 94-106.
- Сизов, 1915 – Сизов М.И. Сон. *Журнал «Знание для всех»*. Петроград, 1915. 36 с.
- Старк, 1915 – Старк Э. Сокровища императорского Эрмитажа (картинная галерея). *Журнал «Знание для всех»*. Петроград, 1915. 38 с.
- Хомяков, 2021 – Хомяков В.И. К истории становления научно-популярного журнала «Наука и жизнь» // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2021. №2. С. 85-90
- Черняк, 1981 – Черняк А.Я. История технической книги. Москва, 1981, 320 с.
- Шмидт, 1915 – Шмидт П.Ю. Борьба со старостью». *Журнал «Знание для всех»*. Петроград, 1915. 33 с.
- Koptseva et al., 2015 – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai / Н. П. Копцева, К. В. Резникова // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. Pp. 1028-1038.
- Koptseva et al., 2016 – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A. et al. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. V. 29. Nr. 2. Pp. 1-28.
- Koptseva et al., 2022 – Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S. et al. The Image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.
- Koptseva et al., 2023 – Koptseva N.P., Shpak A.A., Menzhurenko Y.N. et al. “Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge” (1901–1904) as a source on the history of Russian science and technology // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 378-389.
- Koptseva, et al., 2024 – Koptseva N.P., Zamaraeva Y.S., Menzhurenko Y.N. The policy of the Council of People’s Commissars and the Russian Communist Party (Bolsheviks) in Relation to the Fine Arts in years 1917–1918. // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024. Nr 17(4). Pp. 666-680.
- Pimenova et al., 2023 – Pimenova N.N., Sertakova E.A., Shpak A.A. The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922. // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2023. Nr 16(4). Pp. 566-579.
- Seredkina et al., 2022 – Seredkina, N.N., Reznikova, K.V., Menzhurenko Y.N., Sergeeva N.S. Education and healthcare as nation-building practices based on the materials of Evenki archive. // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Nr 15(10). Pp. 1480-1491.

References

- Agafonov, 1915 – Agafonov, V.K. (1915). Zemletryaseniya [Earthquakes]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 32 p. [in Russian]
- Akopov, 1986 – Akopov, A.I. (1986). Otechestvennye spetsial'nye zhurnaly. 1765-1917. Istoriko-tipologicheskii obzor [Domestic special magazines. 1765-1917. Historical and typological review]. Rostov-na-Donu, 125 p. [in Russian]

- Balashova, 2017** – *Balashova, Y.B.* (2017). Tipologiya nauchno-populyarnoi pressy nachala XX veka [Typology of the popular science press of the early twentieth century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 159(3): 680-690. [in Russian]
- Vestnik znaniya, 1903–1918** – *Vestnik znaniya*. SPb., 1903–1918. [in Russian]
- Vestnik i biblioteka samoobrazovaniya, 1903–1905** – *Vestnik i biblioteka samoobrazovaniya: nauchno-populyarnyi zhurnal po vsem otraslyam znaniya. Sankt-Peterburg*. 1903–1905. [in Russian]
- Vestnik inzhenerov, 1915–1929** – *Vestnik inzhenerov. Nauchno-tehnicheskii zhurnal*. 1915–1929. Petrograd. [in Russian]
- Volik, 2020** – *Volik E.A.* (2020). O tematicheskikh osobennostyakh pedagogicheskoi zhurnalistiki 1860-1917 gg [On the thematic features of pedagogical journalism in 1860-1917]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 26(1): 197-203. [in Russian]
- Garanina, 1973** – *Garanina, S.P.* (1973). Zapiski Russkogo tekhnicheskogo obshchestva v sisteme periodicheskikh izdaniya Russkogo tekhnicheskogo obshchestva [Russian Technical Society Notes in the system of periodicals of the Russian Technical Society]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. [in Russian]
- Goncharov, 2011** – *Goncharov, M.A.* (2011). Russkie pedagogicheskie zhurnaly i ikh vliyanie na obshchee i Pedagogicheskoe obrazovanie serediny XIX nachala XX vv. (k 150-letiyu so dnya vykhoda zhurnala «Uchitel'») [Russian pedagogical journals and their influence on general and pedagogical education in the middle of the XIX – early XX centuries (to the 150th anniversary of the publication of the magazine "Teacher")]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 4: 112-120. [in Russian]
- Degtyarenko i dr., 2022** – *Degtyarenko K. A., Ermakov T. K.* (2022). Analiz etnologicheskikh osobennosti traditsionnykh vidov khozyaistvennoi deyatel'nosti v mire, v Rossiiskoi Federatsii [Analysis of ethnological features of traditional types of economic activity in the world, in the Russian Federation]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(3): 150-162. [in Russian]
- Imshenetskii, 1915** – *Imshenetskii, B.I.* (1915). Mongoliya [Mongolia]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 40 p. [in Russian]
- Kamenshchikov, 1915** – *Kamenshchikov, N.P.* (1915). Solntse [Sun]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 33 p. [in Russian]
- Krasnov, 1915** – *Krasnov, A.N.* (1915). Yuzhnaya Kolkhida [Southern Colchis]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 36 p. [in Russian]
- Lazarevich, 1984** – *Lazarevich, E.A.* (1984). S vekom naravne. Populyarizatsiya nauki v Rossii. Kniga. Gazeta. Zhurnal [On a par with the century. Popularization of science in Russia. Book. Newspaper. Journal]. M., 383 p. [in Russian]
- Lebedev, 1915** – *Lebedev, V.P.* (1915). Na zare slavyanstva [At the dawn of Slavyanism]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 32 p. [in Russian]
- Matematicheskii vestnik, 1914–1917** – *Matematicheskii vestnik*. 1914–1917. M. [in Russian]
- Meditsinskoe obozreniya, 1874–1918** – *Meditsinskoe obozrenie: Ezhemesyachnyi zhurnal*. 1874–1918. M. [in Russian]
- Mezhenko, 1955** – *Mezhenko, Yu.A.* (1955). Russkaya tekhnicheskaya periodika. 1800-1916. Bibliograficheskii ukazatel' [Russian technical periodicals. 1800-1916. Bibliographic index]. M., Leningrad, 300 p. [in Russian]
- Menshutkin, 1915** – *Menshutkin, B.N.* (1915). Pervyi russkii uchenyi [The first Russian scientist]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 36 p. [in Russian]
- Nauka i zhizn', 1904–1906** – *Nauka i zhizn'*. 1904–1906. SPb. [in Russian]
- Nauchnoe obozrenie, 1894–1903** – *Nauchnoe obozrenie*. 1894–1903. SPb. [in Russian]
- Parafonova, 2011** – *Parafonova, V.A.* (2011). Nauchno-populyarnye zhurnaly v dorevolyutsionnyi period [Popular science magazines in the pre-revolutionary period]. *Mediaskope*. 3. [in Russian]
- Pogodin, 1915** – *Pogodin, A.L.* (1915). Zarubezhnaya Rus' [Foreign Russia]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 34 p. [in Russian]
- Polezhai, 2001** – *Polezhai, V.G.* (2001) Znachenie izdaniy nauchnykh obshchestv dlya razvitiya rossiiskoi inzhenernoi shkoly [The importance of publications of scientific societies for the development of the Russian engineering school]. *Informatsionnyi byulleten' Politekhnikeskoyu obshchestva*. 7: 25. [in Russian]
- Polezhai, 2004** – *Polezhai, V.G.* (2004). Periodicheskie izdaniya tekhnicheskikh organizatsii Rossii kontsa XIX-nachala XX veka: tipologiya i funktsional'no-soderzhatel'nye osobennosti [Periodicals of technical organizations of Russia of the late XIX-early XX century: typology and functional and substantive features]. M., 25 p. [in Russian]
- Polezhai, 2013** – *Polezhai, V.G.* (2013). Periodicheskie izdaniya MGTU im. N. E. Baumana v sisteme nauchnoi pechati Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Periodicals of the Bauman Moscow State Technical University in the Russian Scientific Press system of the second half of the XIX – early XX centuries]. M., 380 p. [in Russian]

- Puzyreva, 2012** – *Puzyreva, L.V.* (2012). O fenomene russkoi pedagogicheskoi zhurnalistiki [On the phenomenon of Russian pedagogical journalism]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 1: 49-59. [in Russian]
- Ryumin, 1915** – *Ryumin, V.V.* (1915). Besprovolochnyi telegraf [Wireless telegraph]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 32 p. [in Russian]
- Savastenko, 2013** – *Savastenko, R.A.* (2013). Rossiiskaya periodika v nachale KhKh veka i ee uchastie v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany [Russian periodicals at the beginning of the twentieth century and its participation in the socio-political life of the country]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 4: 112-121. [in Russian]
- Serebryakov, 1915** – *Serebryakov, K.K.* (1915). Tainy tsvetov [Flower secrets]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 36 p. [in Russian]
- Seredkina, 2022** – *Seredkina, N.N.* (2022). Obshcherossiiskaya grazhdanskaya identichnost' kak faktor integratsii obshchestva [All-Russian civil identity as a factor of integration of society]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 6(2): 125-135. [in Russian]
- Sertakova i dr., 2022** – *Sertakova, E.A.* (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Eniseiskoi gubernii v XIX - nachale XX vekakh [The Charter on the "Management of foreigners", compiled by M.M. Speransky, and the specifics of its implementation in relation to the indigenous small peoples of the Yenisei province in the XIX - early XX centuries]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(2): 94-106. [in Russian]
- Sizov, 1915** – *Sizov, M.I.* (1915). Son [Sleep]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 36 p. [in Russian]
- Stark, 1915** – *Stark, E.* (1915). Sokrovishcha imperatorskogo Ermitazha (kartinnaya galereya) [Treasures of the Imperial Hermitage (art gallery)]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 38 p. [in Russian]
- Khomyakov, 2021** – *Khomyakov, V.I.* (2021). K istorii stanovleniya nauchno-populyarnogo zhurnala «Nauka i zhizn'» [On the history of the formation of the popular scientific journal "Science and Life"]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2: 85-90. [in Russian]
- Chernyak, 1981** – *Chernyak, A.Y.* (1981). Istoriya tekhnicheskoi knigi [The history of the technical book]. M., 320 p. [in Russian]
- Shmidt, 1915** – *Shmidt, P. Y.* (1915). Bor'ba so starost'yu [Struggle with old age]. *Zhurnal «Znanie dlya vsekh»*. Petrograd, 33 p. [in Russian]
- Koptseva et al., 2015** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* (2015). Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.
- Koptseva et al., 2016** – *Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A. et al.* (2016). The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. *International Journal for the Semiotics of Law*. 29(2): 1-28.
- Koptseva et al., 2022** – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S. et al.* (2022). The Image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.
- Koptseva et al., 2023** – *Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N. et al.* (2023). "Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge" (1901-1904) as a source on the history of Russian science and technology. *Bylye Gody*. 18(1): 378-389.
- Koptseva, et al., 2024** – *Koptseva, N.P., Zamaraeva, Y.S., Menzhurenko, Y.N.* (2024). The policy of the Council of People's Commissars and the Russian Communist Party (Bolsheviks) in Relation to the Fine Arts in years 1917–1918. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 17(4): 666-680.
- Pimenova et al., 2023** – *Pimenova, N.N., Sertakova, E.A., Shpak, A.A.* (2023). The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(4): 566-579.
- Seredkina et al., 2022** – *Seredkina, N.N., Reznikova, K.V., Menzhurenko Y.N. et al.*, (2022). Education and healthcare as nation-building practices based on the materials of Evenki archive. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(10): 1480-1491.

«Знание для всех» (1915 г.) как источник по истории науки Российской империи конца XIX – начала XX вв.

Мария Сергеевна Копцева ^{а,*}, Анна Андреевна Шпак ^а, Юлия Николаевна Менжуренко ^а,
Ксения Александровна Дегтяренко ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья представляет собой источниковедческий анализ выпусков ежемесячного журнала «Знание для всех», опубликованных в Санкт-Петербурге в 1915 г. Целью исследования является анализ истории российской науки и оценка информационного потенциала исследуемого журнала как исторического источника. Материалы выпусков «Знания для всех» не ограничены ни временными, ни географическими рамками. Здесь мы находим самые разные научные искания, как современные, так и уходящие корнями в древность. В данном исследовании предпринята попытка классифицировать все богатство представленных материалов и сформировать общую картину развития науки в России. В журнале представлены сведения не только о научной деятельности и технических открытиях конкретных ученых в исследуемый период, но также дается описание экономической, культурной и религиозной жизни русского населения в ее динамике. Кроме того, дается описание исторических и военных событий на русской земле, роли правителей, культурной специфики других государств и особенностей жизни в них русских, истории развития мировой живописи и образования картинных галерей и т.д. «Знание для всех» представляет собой значимость не только как исторический источник, но и как просветительское и педагогическое издание, объединяющее собой естественно-научную, гуманитарную и техническую области знания. В работе проведен анализ двенадцати выпусков журнала за 1915 год, который позволил определить основные направления в просветительской деятельности и самообразовании Российской империи конца XIX – начала XX века. Тематика самих выпусков дала возможность проследить, какие научные области, ученые и изобретения пользовались популярностью и имели общепризнанное значение в общемировом научном пространстве.

Ключевые слова: журнал «Знание для всех», самообразование, наука и техника, история науки, научно-популярная периодика, Российская империя, прогресс.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mkoptseva@sfu-kras.ru (М.С. Копцева), annaheyy@gmail.com (А. А. Шпак), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко), akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1482-1488
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1482

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Reflection of the Trebizond Operation of the Caucasian Army (1916) on the Pages of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The work examines the Trebizond operation on January 23 – April 5, 1916 on the pages of the military newspaper “Soldatskii Vestnik”. The files of the military newspaper “Soldatskii Vestnik” for the period of the Trebizond operation were used as a source base. The first publication dates back to February 17, 1916, and the last to April 16 of the same year. The research methodology is presented by the chronological method, the method of content analysis, as well as the method of scientific induction.

The authors came to the following conclusions:

1. The first episodic mention of the new Trebizond direction of the Caucasian Front on the pages of the “Soldatskii Vestnik” began only on February 17, 1916, that is, more than three weeks after the start of this operation on January 23. This is partly due to the presence of the Erzurum area, which is more promising for war correspondents, where the military operation at that time was close to a successful conclusion.

2. Most of the materials in the newspaper devoted to the Trebizond operation were presented by reports from the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief with few exceptions, when additions were required from the editorial office or there was other material that could be used as propaganda (for example, a reprint from the Austrian newspaper “Zeit”).

3. Due to the fact that the Turkish city of Trebizond was captured by Russian troops without a fight, the newspaper paid minimal attention to the circumstances of the capture of the city. The reasons for this, among other things, were that Russian troops at the beginning of April 1916 actively developed an offensive in the Erzincan direction, as well as the fact that the newspaper was not published in the period from April 7 to April 14, 1916. As a result, the success at Trebizond was practically not represented on the pages of the “Soldatskii Vestnik”.

Keywords: World War I, the Caucasian Front, the Trebizond operation, January 23 – April 5, 1916.

1. Введение

Трапезундская операция русских войск на Кавказском фронте в период Первой мировой войны является одной из ярких страниц русской военной истории. Эта операция началась еще в период последних боев за турецкую крепость Эрзерум на том же театре боевых действий, а именно 23 января 1916 г., и продолжалась до 5 апреля того же года. Итогом этой операции стал захват черноморского города Трапезунд. В данной работе мы хотели бы рассмотреть освещение этой операции в русской военной периодической печати.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы были использованы подшивки военной газеты «Солдатский вестник» за период проведения Трапезундской операции. Первая публикация относится к 17 февраля 1916 г., а последняя – к 16 апреля того же года. Подробно на газете, которая стала главным источником, мы останавливаться не будем, так как это уже было сделано в предыдущих наших исследованиях (например: [Rajović, Bratanovskii, 2023](#)).

Что касается методологического инструментария, то здесь были применены такие методы, как хронологический, метод контент-анализа, а также метод научной индукции. Совокупное применение этих методов позволило нам всесторонне взглянуть на проблему, выстроить исследование в хронологической последовательности, выявить из массива публикаций те работы, которые имеют отношение к нашей проблеме и сфокусироваться на причинно-следственных связях, благодаря которым рассмотрение Трапезундской операции в военной периодической печати прекратилось уже спустя 10 дней после взятия Трапезунда.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования значительна, она включает в себя как работы по истории непосредственно Трапезундской операции, так и по событиям на Кавказском фронте. К первой группе работ мы хотели бы отнести публикацию А.Т. Сибгатуллиной, в которой делается попытка представить взгляд турецких историков на Трапезундскую войсковую операцию ([Сибгатуллина, 2021](#)). Истории Кубанской пластуной бригады в период Трапезундской операции уделил внимание И.А. Харитонов ([Харитонов, 2009](#)). В свою очередь, проблему взаимодействия Кавказской армии и Черноморского флота в ходе этой операции рассмотрел Д.Г. Мартирисян ([Мартирисян, 2023](#)).

Что касается второй группы работ, то здесь уместно назвать следующие обобщающие работы: публикация А.В. Олейникова о кампании 1916 г. на русском фронте ([Олейников, 2016](#)), труд И.В. Бочарникова о Кавказском фронте в период войны ([Бочарников, 2015](#)) и работа Т.А. Филипповой о Кавказском фронте через призму российской сатирической журналистики ([Филиппова, 2015](#)). Нельзя обойти вниманием и труд О.В. Натолочной и других о попытках блокирования Черноморским флотом Босфорского пролива в период Первой мировой войны ([Natolochnaya et al., 2021](#); [Natolochnaya et al., 2021a](#); [Natolochnaya et al., 2021b](#)). Проблеме планирования и проведения Эрзерумской операции Кавказского фронта уделил внимание В.Б. Каратаев ([Karataev et al., 2016](#)). Авторы обращались и к теме России и народов Малой Азии в период Первой мировой войны ([Темчук, 2024](#)).

Таким образом, мы можем видеть, что Трапезундская операция на материалах военной периодической печати не становилась объектом изучения, что и предопределило актуальность нашего исследования.

4. Результаты

Начиная обзор, отметим, что начальная стадия Трапезундской операции, как и события на Кавказском фронте в январе-феврале 1916 г. (за исключением взятия Эрзерум), в периодической печати освещались слабо. На наш взгляд, это было связано со слабовидными действиями русских войск на дальних подступах к городу. При этом мы хотели бы пояснить, что Трапезундская операция являлась своего рода продолжением Эрзерумской операции, и между ними никакого периода с понижением боевой активности не было. Для большего удобства представим карту зоны боевых действий с наиболее важными датами ([Рисунок 1](#)).

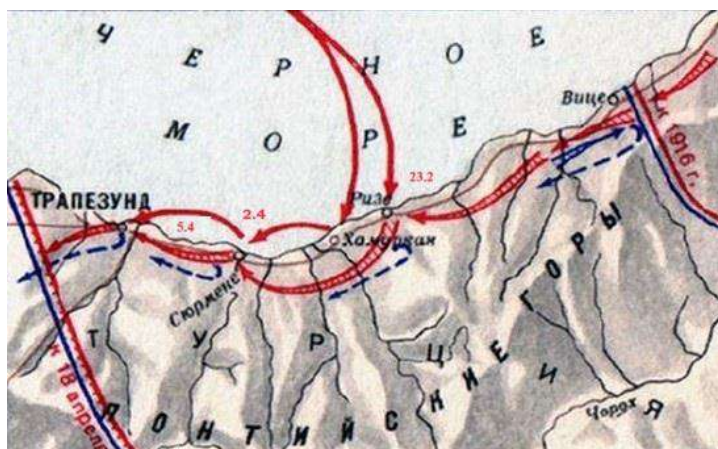

Рис. 1. Продвижение приморских войск Русской армии к Трапезунду. Даты даны по старому стилю. 23 февраля – 5 апреля 1916 г.

Итак, в газете «Солдатский вестник» первое упоминание о Трапезундском направлении появилось только 17 февраля 1916 г. в номере 144. Так, в сводке «От штаба верховного главнокомандующего» за 13 февраля отмечалось, что в 50 километрах от Эрзерума, на Трапезундском шоссе, были сбиты арьергарды турецких войск ([От штаба..., 1916: 1](#)).

Спустя несколько дней в следующем 145 номере газеты в сводке за 22 февраля 1916 г. сообщалось о том, что русский десант при огневой поддержке Черноморского флота в ночь на 20-е февраля захватил населенный пункт Атину в прибрежной зоне. В ходе этого дела в плен попали два турецких офицера и 280 нижних чинов, в качестве трофеев русские войска захватили два орудия, винтовки и боеприпасы. При этом преследование неприятеля было продолжено, и 21-го февраля русские войска заняли селение Мапаври, которое находилось между Атиной и Ризой ([От штаба..., 1916a: 2](#)).

По мере развития операции материалы о Трапезундских боях стали публиковаться не только в сводках от штаба верховного главнокомандующего Русской армии. Так, в №146 «Солдатского вестника» за 27 февраля была опубликована заметка «Эрзерумское эхо», где в контексте захвата Эрзерума отмечалось, что в Турции уже раздаются робкие голоса, указывающие на Трапезунд и на грозящую ему опасность, в прибрежной полосе которого действовали русские миноносцы ([Эрзерумское эхо, 1916: 2](#)). Так шаг за шагом с учетом боевой обстановки в периодической печати начал появляться турецкий город Трапезунд. Однако в двух последующих номерах «Солдатского вестника» (№ 147-148) упоминаний о Трапезунде не было.

В 148-м номере газеты за 9 марта 1916 г. была перепечатана заметка из австрийской газеты «Цейт» «Турки готовятся к защите Трапезунда». В этой перепечатке, в частности, отмечалось, что турки считались с возможностью осады Трапезунда. Город был сильно укреплен и пополнен свежими войсками. В качестве усиления в город была доставлена артиллерия, а перед городом построены две оборонительные линии. Таким образом, корреспондент «Цейта» резюмировал, что отступление турецких войск в ходе Эрзерумской операции и позднее не означало отказа от защиты Трапезунда ([Турки готовятся..., 1916: 2](#)).

16 марта 1916 г. в газете за номером 151 в сводках от штаба отмечалось, что русские войска на Кавказском фронте продолжают продвижение вглубь территории противника. Так, в сводке за 12 марта отмечалось, что движение вперед продолжается ([От штаба..., 1916b: 1](#)). В сводке за 14 марта отмечалось, что в приморском районе русские войска сбили турок, перешли на левый берег реки Балтачи-Дараси, а на остальных участках движение продолжалось ([От штаба..., 1916c: 2](#)). 15 марта в сводке сообщалось, что после форсирования реки Балтачи-Дараси русские войска штурмом взяли прибрежный город Оф ([От штаба..., 1916d: 2](#)).

19 марта 1916 г. в 152-м номере газеты в сводке от штаба за 17 марта отмечалось, что в боях на приморском фронте русскими войсками было захвачено в плен 10 турецких офицеров и до 400 нижних чинов. Согласно показаниям пленных, командиром их полка был немецкий офицер ([От штаба..., 1916e: 2](#)).

23 марта в газете №153 в сводке от штаба за 21 марта отмечалось, что на приморском фронте русскими войсками было захвачено 100 нижних чинов турецкой армии ([От штаба..., 1916f: 2](#)).

Тем временем турецкие войска предпринимали попытки противодействия русской армии и переходили на приморском фронте в контратаки. Об этих контратаках сообщалось в «Солдатском вестнике» за 26 марта 1916 г. (№154). Так, в сводке от штаба за 23 марта отмечалось, что в приморском районе турки, поддержанные артиллерийским огнем с крейсера «Бреслау», пытались атаковать, но были отбиты с большими потерями ([От штаба..., 1916g: 1](#)). Аналогичные данные публиковались и в сводке за 24 марта, где неприятель был отбит ответным огнем и ручными гранатами ([От штаба..., 1916h: 1](#)). Однако уже 25 марта в сводке сообщалось, что русские войска неожиданным ударом сбили противника с позиций на правом берегу реки Кара-Дере и отбросили его за реку ([От штаба..., 1916i: 2](#)).

В 155-м номере газеты за 30 марта 1916 г. вновь отмечались контратаки противника, что свидетельствовало об ожесточенности боев. Такие бои часто происходили на коротких дистанциях с применением ручных гранат. Так, 26 марта в сводке от штаба отмечалось, что на приморском фронте в ночь на 24-е марта турки делали попытки перейти на правый берег реки Кара-Дере, то есть вернуть ранее утраченные позиции, но были отогнаны русским огнем и ручными гранатами ([От штаба..., 1916j: 1](#)). Эти атаки турки трижды предпринимали и 25-го марта ([От штаба..., 1916k: 1](#)). Однако уже в сводке от 29 марта отмечалось, что к западу от меридиана Эрзерума русские войска продолжают захватывать новые участки территории противника ([От штаба..., 1916l: 2](#)).

В этом же номере газеты редакция дополнительно опубликовала заметку «На Кавказском фронте», стремясь восполнить скудные сведения сводок от штаба верховного главнокомандующего. В заметке «На Кавказском фронте», в частности, отмечалось, что за последнее время турки предпринимали попытки задержать русское наступление и особенно упорно они сопротивляются в приморском районе, где русские войска подходят к опорному пункту противника – Трапезунду. Учитывая важность этого города, противник предпринимал безрезультатные контратаки с целью отдалить падение Трапезунда. Не надеясь на долгое сопротивление, противник даже прибегнул к помощи крейсера «Бреслау». Едва починенный крейсер сделал кратковременный рейд в район

Трапезунда, после чего ушел под защиту береговых батарей. В настоящее время, сообщалось в заметке, русские войска находились вблизи города Сюрмене, в 28 километрах от Трапезунда и, судя по ходу военных действий, близость падения Трапезунда становится неминуемой ([На Кавказском фронте, 1916: 2](#)).

2 апреля 1916 г. вышел 156-й номер «Солдатского вестника», и в сводке от 30-го марта вновь сообщалось о том, что к западу от меридиана Эрзерума русские войска овладели новыми позициями турок ([От штаба..., 1916m: 1](#)), а в сводке за 31 марта отмечалось, что противник предпринимал контратаки, пытаясь вернуть утраченные позиции, и даже в бою пользовался ядовитой жидкостью, которой пытался обливать русскую пехоту ([От штаба..., 1916n: 1](#)).

6 марта 1916 г. в 157-м номере «Солдатского вестника» сообщалось об энергичном преследовании противника. Так, в сводке за 3 апреля отмечалось, что на черноморском побережье русские войска после упорного боя сбили турок с позиций на левом берегу реки Кара-Дэре, в 25 километрах восточнее Трапезунда, и приступили к преследованию противника ([От штаба..., 1916o: 1](#)). 4 апреля в сводке сообщалось, что войска достигли селения Арсен-Келеси в 18 км от Трапезунда ([От штаба..., 1916p: 1](#)). В этом же номере в сводке за 5 апреля отмечалось, что приморские части русской армии заняли селение Дрона в 10 км от Трапезунда, сбили противника еще с ряда укрепленных позиций, и в тот же день Трапезунд был взят. В первичных деталях о взятии Трапезунда в сводке сообщалось, что русские войска после кровопролитного боя 1-го апреля в районе Кара-Дараси безостановочно теснили противника и всюду сокрушали его сопротивление. При этом действиям русской пехоты сильно помогал Черноморский флот, который оказывал постоянную огневую поддержку приморскому фронту русской армии ([От штаба..., 1916q: 2](#)).

Следующий номер «Солдатского вестника» вышел только спустя 10 дней, 16 апреля 1916 г. В сводке от штаба за 7 апреля были даны некоторые подробности взятия Трапезунда, в которых отмечалось, что город от военных действий не пострадал, турецкое население из города бежало, а христианское приветствовало русские войска. В городе были захвачены шестидюймовые орудия ([От штаба..., 1916r: 2](#)).

После занятия без боя Трапезунда русские войска продолжили свое наступление на Эрзиджан. Последнее упоминание Трапезундского дела было в том же (158-м) номере газеты за 16 апреля. В заметке под названием «Красное яичко» отмечалось, что Трапезунд пал. Кавказская армия поднесла русскому народу к светлому празднику Пасхи красное яичко. В заметке отмечалось, что уже тогда, когда на рейде Трапезунда появились русские миноносцы, можно было предсказать и появление русской армии, а теперь же на стенах Трапезунда вьется русское знамя ([Красное яичко, 1916: 4](#)). Больше к теме Трапезундской операции в газете «Солдатский вестник» корреспонденты не обращались, так как в это время уже активно развивалась Эрзиджанская операция частей Кавказского фронта.

5. Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы.

1. Первое эпизодическое упоминание нового Трапезундского направления Кавказского фронта на страницах «Солдатского вестника» началось только 17 февраля 1916 г., то есть спустя более чем три недели после начала этой операции 23 января. Отчасти это объясняется наличием более перспективного для военных корреспондентов Эрзерумского направления, где войсковая операция в это время была близка к успешному завершению.

2. Большинство материалов в газете, посвященных Трапезундской операции, было представлено сводками от штаба верховного главнокомандующего с небольшими исключениями, когда от редакции требовались дополнения или имелся и другой материал, который можно было использовать в качестве пропаганды (например, перепечатка из австрийской газеты «Цейт»).

3. Ввиду того, что турецкий город Трапезунд был захвачен русскими войсками без боя, в газете было уделено минимальное внимание обстоятельствам взятия города. Причинами этого, среди прочего, было и то, что русские войска в начале апреля 1916 г. активно развивали наступление на Эрзиджанском направлении, а также то, что в период с 7 по 14 апреля 1916 г. газета не издавалась. В результате успех под Трапезундом был практически не представлен на страницах «Солдатского вестника».

Литература

[От штаба..., 1916](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 144. 17 февр.

[От штаба..., 1916a](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 145. 24 февр.

[Эрзерумское эхо, 1916](#) – Эрзерумское эхо // *Солдатский вестник*. 1916. № 146. 27 февр.

[Турки готовятся..., 1916](#) – Турки готовятся к защите Трапезунда // *Солдатский вестник*. 1916. № 149. 9 марта.

[От штаба..., 1916b](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 151. 16 марта.

- [От штаба..., 1916c](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 151. 16 марта.
- [От штаба..., 1916d](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 151. 16 марта.
- [От штаба..., 1916e](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 152. 19 марта.
- [От штаба..., 1916f](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 153. 23 марта.
- [От штаба..., 1916g](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 154. 26 марта.
- [От штаба..., 1916h](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 154. 26 марта.
- [От штаба..., 1916i](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 154. 26 марта.
- [От штаба..., 1916j](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 155. 30 марта.
- [От штаба..., 1916k](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 155. 30 марта.
- [От штаба..., 1916l](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 155. 30 марта.
- [На Кавказском фронте, 1916](#) – На Кавказском фронте // *Солдатский вестник*. 1916. № 155. 30 марта.
- [От штаба..., 1916m](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 156. 2 апр.
- [От штаба..., 1916n](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 156. 2 апр.
- [От штаба..., 1916o](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 157. 6 апр.
- [От штаба..., 1916p](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 157. 6 апр.
- [От штаба..., 1916q](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 157. 6 апр.
- [От штаба..., 1916r](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. № 158. 16 апр.
- [Красное яичко, 1916](#) – Красное яичко // *Солдатский вестник*. 1916. № 158. 16 апр.
- [Сибгатуллина, 2021](#) – *Сибгатуллина А.Т.* Траpezундская операция глазами турецких историков // *Восточный курьер*. 2021. № 3-4. С. 158-165.
- [Олейников, 2016](#) – *Олейников А.В.* Кампания 1916 года на русском фронте // *Военно-исторический журнал*. 2016. № 1. С. 23-29.
- [Харитонов, 2009](#) – *Харитонов И.А.* Кубанская плаcтунская бригада в Траpezундской операции 1916 года по запискам участника событий // *Вестник ИМСИТ*. 2009. № 1-2. С. 50-56.
- [Бочарников, 2015](#) – *Бочарников И.В.* Кавказский фронт России в Первой мировой войне // *Международные отношения*. 2015. № 2. С. 248-255.
- [Филиппова, 2015](#) – *Филиппова Т.А.* Кавказский фронт Первой мировой войны в объективе отечественной сатирической журналистики // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2015. № 1. С. 74-95.
- [Темчук, 2024](#) – *Темчук Е.И.* Россия и народы Малой Азии в условиях Первой мировой войны на Кавказском фронте // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2024. Т. 14. № 3 (108). С. 789-796.
- [Мартirosян, 2023](#) – *Мартirosян Д.Г.* Взаимодействие Кавказской армии и Черноморского флота в ходе Траpezундской операции (23 января – 5 апреля 1916 г.) // *Морской сборник*. 2023. № 4. С. 84-90.
- [Karataev et al., 2016](#) – *Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N.* To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1368-1377.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 404-412.
- [Natolochnaya et al., 2021a](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1042-1051.
- [Natolochnaya et al., 2021b](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1560-1567.

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

References

- Bocharnikov, 2015 – Bocharnikov, I.V. (2015). Kavkazskii front Rossii v Pervoi mirovoi voine [The Caucasian Front of Russia in World War I]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2: 248-255. [in Russian]
- Erzerumskoe ekho, 1916 – Erzerumskoe ekho [Erzurum Echo]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 146. 27 fevr. [in Russian]
- Filippova, 2015 – Filippova, T.A. (2015). Kavkazskii front Pervoi mirovoi voiny v ob"ektive otechestvennoi satiricheskoi zhurnalistiki [The Caucasian Front of World War I through the Lens of Domestic Satirical Journalism]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 1: 74-95. [in Russian]
- Karataev et al., 2016 – Karataev, V.B., Zulfugarzade, T.E., Cherkasova, N.N. (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*. 42(4): 1368-1377.
- Kharitonov, 2009 – Kharitonov, I.A. (2009). Kubanskaya plastunskaya brigada v Trapezundskoi operatsii 1916 goda po zapiskam uchastnika sobytii [Kuban Plastun Brigade in the Trebizond Operation of 1916 Based on the Notes of a Participant in the Events]. *Vestnik IMSIT*. 1-2: 50-56. [in Russian]
- Krasnoe yaichko, 1916 – Krasnoe yaichko [Red egg]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 158. 16 apr. [in Russian]
- Martirosyan, 2023 – Martirosyan, D.G. (2023). Vzaimodeistvie Kavkazskoi armii i Chernomorskogo flota v khode Trapezundskoi operatsii (23 yanvarya – 5 aprelya 1916 g.) [Interaction of the Caucasian Army and the Black Sea Fleet during the Trebizond Operation (January 23 – April 5, 1916)]. *Morskoi sbornik*. 4: 84-90. [in Russian]
- Na Kavkazskom fronte, 1916 – Na Kavkazskom fronte [On the Caucasian Front]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 155. 30 marta. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2021 – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 404-412.
- Natolochnaya et al., 2021a – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 1042-1051.
- Natolochnaya et al., 2021b – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1560-1567.
- Oleinikov, 2016 – Oleinikov, A.V. (2016). Kampaniya 1916 goda na russkom fronte [The 1916 Campaign on the Russian Front]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 1: 23-29. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916 – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 144. 17 fevr. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916a – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 145. 24 fevr. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916b – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 151. 16 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916c – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 151. 16 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916d – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 151. 16 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916e – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 152. 19 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916f – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 153. 23 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916g – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 154. 26 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916h – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 154. 26 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916i – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 154. 26 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916j – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 155. 30 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916k – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 155. 30 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916l – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 155. 30 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916m – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 155. 30 marta. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916n – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 156. 2 apr. [in Russian]

- Ot shtaba..., 1916n** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 156. 2 apr. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916o** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 157. 6 apr. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916p** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 157. 6 apr. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916q** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 157. 6 apr. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916r** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 158. 16 apr. [in Russian]
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.
- Sibgatullina, 2021** – Sibgatullina, A.T. (2021). Trapezundskaya operatsiya glazami turetskikh istorikov [The Trebizond operation through the eyes of Turkish historians]. *Vostochnyi kur'er*. 3-4: 158-165. [in Russian]
- Temchuk, 2024** – Temchuk, E.I. (2024). Rossiya i narody Maloi Azii v usloviyakh Pervoi mirovoi voiny na Kavkazskom fronte [Russia and the Peoples of Asia Minor in the Conditions of the First World War on the Caucasian Front]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. 14. 3(108): 789-796. [in Russian]
- Turki gotovyatsya..., 1916** – Turki gotovyatsya k zashchite Trapezunda [The Turks are preparing to defend Trebizond]. *Soldatskii vestnik*. 1916. № 149. 9 marta. [in Russian]

Отражение Траpezундской операции Кавказской армии (1916 г.) на страницах газеты «Солдатский вестник»

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^d, Иван Николаевич Куксин ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается Траpezундская операция 23 января – 5 апреля 1916 г. на страницах военной газеты «Солдатский вестник». В качестве источниковой базы были использованы подшивки военной газеты «Солдатский вестник» за период проведения Траpezундской операции. Первая публикация относится к 17 февраля 1916 г., а последняя – к 16 апреля того же года. Методология исследования представлена хронологическим методом, методом контент-анализа, а также методом научной индукции.

В заключение авторы пришли к следующим выводам:

1. Первое эпизодическое упоминание нового Траpezундского направления Кавказского фронта на страницах «Солдатского вестника» началось только 17 февраля 1916 г., то есть спустя более чем три недели после начала этой операции 23 января. Отчасти это объясняется наличием более перспективного для военных корреспондентов Эрзерумского направления, где войсковая операция в это время была близка к успешному завершению.

2. Большинство материалов в газете, посвященных Траpezундской операции, было представлено сводками от штаба верховного главнокомандующего с небольшими исключениями, когда от редакции требовались дополнения или имелся и другой материал, который можно было использовать в качестве пропаганды (например, перепечатка из австрийской газеты «Цейт»).

3. Ввиду того, что турецкий город Траpezунд был захвачен русскими войсками без боя, в газете было уделено минимальное внимание обстоятельствам взятия города. Причинами этого, среди прочего, было и то, что русские войска вначале апреля 1916 г. активно развивали наступление на Эрзинджанском направлении, а также то, что в период с 7 по 14 апреля 1916 г. газета не издавалась. В результате успех под Траpezундом был практически не представлен на страницах «Солдатского вестника».

Ключевые слова: Первая мировая война, Кавказский фронт, Траpezундская операция, 23 января – 5 апреля 1916 г.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1489-1497
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1489

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Contribution of Academician B.A. Akhmedov to the Study of the Historical Geography of Central Asia of the Modern Era (on the Occasion of the 100th Anniversary of the Scientist's Birth)

Zhuldyz M. Tulibayeva ^{a, *}, Temur E. Tulibayev ^a

^a Eurasian Research Institute at Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses and analyzes the scientific works of academician B. A. Akhmedov (1924–2002), addressing issues related to the study of the historical geography of Central Asia from the 17th to the 19th centuries. Most researchers are familiar with the scholarly legacy of the scientist primarily through his works, which illuminate the medieval period of Central Asia, but B. A. Akhmedov made a significant contribution to the study of various aspects of the region's history in the Modern Era as well. The authors of this article investigated the main works of the scientist, which contain valuable factual material on the historical geography of this period. Among them, notable works include Mahmud ibn Wali: Sea of Secrets Regarding the Deeds of the Noble (Geography), History of Balkh (the 16th – first half of the 18th centuries), and Historical-Geographical Literature of Central Asia in the 16th – the 18th centuries (Written Monuments). The authors of this article studied works by the scientist and presented them in the most detail. The authors provided an analysis of the information on the historical geography of the Central Asian region from the 17th to the 19th centuries contained in B.A. Akhmedov's works.

First and foremost, this includes the reconstruction of the administrative-territorial division of the Balkh Khanate in the 17th–18th centuries, conducted by the scientist based on the materials of Eastern manuscript compositions. B.A. Akhmedov describes in detail the location of regions, districts, and major cities, as well as their internal structure, with descriptions of the surrounding areas, forts located on caravan routes, water channels of the khanate, etc. The scientist reconstructed and identified individual historical toponyms mentioned in the manuscripts.

Keywords: B.A. Akhmedov, Central Asia in the 17th – 19th centuries, historical geography, written sources, Balkh Khanate, administrative-territorial organization.

1. Введение

В этом году исполняется сто лет со дня рождения известного историка-востоковеда, академика АН Республики Узбекистан Бори Ахмедовича Ахмедова (1924–2002). За долгие годы исследовательской деятельности из-под пера ученого вышло свыше 300 научных трудов по истории и культуре народов Центральной Азии. Творческое наследие Б.А. Ахмедова можно подразделить на ряд крупных научных направлений: изучение общественно-политической, социально-экономической и этнической истории народов Центральной Азии в Средневековье и Новое время, исследование и введение в научный оборот рукописных сочинений историков центральноазиатского региона. Научной общественности хорошо известна монография Б.А. Ахмедова «Государство кочевых узбеков» (Ахмедов, 1965). В работе были использованы многочисленные письменные источники,

* Corresponding author

E-mail addresses: tulibay@gmail.com (Zh.M. Tulibayeva)

данные археологии и этнографии. Многие сведения рукописных сочинений вводились Б.А. Ахмедовым в научный оборот впервые, им же был введен термин «кочевые узбеки».

Изучение многочисленных рукописных источников позволило Б.А. Ахмедову исследовать категории феодального землевладения (государственные земли, ханские, пожалованные, вакуфные и земли кочевых племен), налоги и повинности, существовавшие в Центральной Азии в XVI–XVIII веках. Опираясь на оригинальный фактический материал, ученый описал историю политических и торговых связей стран центральноазиатского региона с Россией, Ираном и Индией.

В своих трудах Б.А. Ахмедов неоднократно подчеркивал, что при изучении сложных вопросов этнической истории народов Центральной Азии необходимо учитывать два важных момента. Во-первых, историю одних народов Центральной Азии трудно искусственно отделить от истории других народов, проживавших на этой территории. Во-вторых, дошедшие до наших дней письменные памятники прошлых веков являются основными источниками для изучения истории региона, начиная с периода средневековья (Ахмедов, 1986: 14-30).

Как ответственный редактор Б.А. Ахмедов участвовал в подготовке к изданию трех сборников: «Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв.» (Из истории..., 1987), «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв.» (Материалы по истории..., 1988) и «Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии» (Материалы по этнической..., 2003). В научный оборот были введены письменные источники, содержащие ценные сведения по социально-экономической и политической истории Центральной Азии, а также об историко-культурных и торговых связях региона с Китаем и другими странами Востока в X–XIX вв.

Новая геополитическая ситуация, возникшая в современной Центральной Азии и вокруг нее после распада СССР, вызывает повышенный интерес со стороны историков к изучению исторической географии региона в Новое время. В этой связи изучение научных трудов Б. А. Ахмедова, в которых освещена история Центральной Азии этого периода, приобретает особое значение.

2. Материалы и методы

Основными источниками для проведения данного исследования стали научные труды Б.А. Ахмедова, содержащие ценные сведения об исторической географии центральноазиатского региона XVII–XIX вв. Среди таких работ особо отметим его исследования уникального источника «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (Море тайн относительно доблестей благородных) (Ахмедов, 1969; Ахмедов, 1985: 65-71, 145-146) и публикацию перевода с персидского на русский оригинальной части данного сочинения (Махмуд ибн Вали, 1977). Сочинение Махмуда ибн Вали содержит наиболее богатый и оригинальный фактический материал по исторической географии Центральной Азии (Тулибаева, 2014: 129).

Следующий труд ученого «История Балха (XVI – первая половина XVIII вв.)» (Ахмедов, 1982), базирующийся на оригинальных сведениях восточных (арабских, персидских и тюркских) сочинений и русских архивных документов, содержит ценный материал по административно-территориальному устройству и этно-территориальному положению Балхского ханства.

Среди работ по источниковедению Центральной Азии следует выделить книгу Б.А. Ахмедова «Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв.» (Ахмедов, 1985). Здесь представлены сорок пять рукописных сочинений, созданных на персидском и тюркском языках (Ахмедов, 1985: 12-194), а также записи путешественников и отчеты русских послов (Ахмедов, 1985: 200-212) и (Ахмедов, 1985: 194-200; 212-219). Следует подчеркнуть, что книга содержит аналитические обзоры восьми сочинений XVII в. (Ахмедов, 1985: 54-82, 141-146, 173-178, 188-194), семи сочинений XVIII в. (Ахмедов, 1985: 82-120), шести сочинений XIX в. (Ахмедов, 1985: 120-128, 146-149). Кроме того, были исследованы работы Б.А. Ахмедова, содержащие сведения по географии, истории и культуре Центральной Азии в XVII–XVIII вв. (Материалы по истории..., 1988: 240-255, 336-345).

Мы рассматривали научные труды Б.А. Ахмедова, используя хронологический анализ, критический подход, сравнительный и обобщающий методы исследования. Для осуществления сравнительно-критического анализа сведений ученого были привлечены труды других исследователей, в первую очередь, В.В. Бартольда (Бартольд, 1963; Бартольд, 1965; Бартольд, 1977) и А.А. Семенова (Мухаммед Юсуф Мунши, 1956; Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957; Абд ар-Рахман Таъле, 1959).

3. Обсуждение

Изучение исторической географии Центральной Азии на основе восточных письменных источников началось в XIX в. Географические исследования региона в основном базировались на русских и западных материалах с редким привлечением некоторых данных восточных источников Нового времени. Богатейшие сведения этих источников долгое время оставались во многом невостребованными. Тем не менее, не смотря на всю сложность и трудоемкость работы с рукописными текстами, востоковеды дореволюционного и советского периода достигли определенных успехов и внесли существенный вклад в изучение письменного наследия народов Центральной Азии (Лунин, 1958; Лунин, 1965).

Труды академика В.В. Бартольда (1869–1930) являются ярким образцом становления традиции научного изучения и использования рукописных сочинений центральноазиатских авторов в качестве исторического источника. Материалы отдельных восточных сочинений XVII–XIX вв. были использованы в исследованиях В.В. Бартольда, они непосредственно затрагивали историю и географию региона (Лунин, 1981: 45-46, 64). Многие работы известного востоковеда посвящены изучению персидских и тюркских нарративных сочинений, что позволило ученому разработать многие вопросы средневековой истории Центральной Азии (Бартольд, 1963; Бартольд, 1973; Бартольд, 1977). Его работы, такие, как «История орошения Туркестана», «Ак-Мечеть», «Каратегин», «Коканд», «Фергана», «Курама», целиком основанные на использовании данных восточных источников, до сих пор не утратили своей научной значимости (Бартольд, 1965: 97-233, 314, 446, 463-466, 527-538; Бартольд, 1968: 552-552).

По мере выявления и изучения рукописных сочинений, а также в связи с публикацией их текстов или отдельных частей начались первые шаги по переводу на русский язык отдельных извлечений. В научный оборот были введены переводы полных текстов нарративных источников, среди которых выделим труды А.А. Семенова (1873–1958) по исследованию и переводу на русский язык бухарских исторических рукописей. Ученый сделал доступным широкому кругу исследователей ряд ценных источников (Мухаммед Юсуф Мунши, 1956; Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957; Абд ар-Рахман Таъле, 1959).

Проведенные исследования последних лет дают основание утверждать, что многие рукописные сочинения XVII–XIX вв., содержащие сведения об исторической географии Центральной Азии, до сих пор тщательно не изучались и представляют собой значительный потенциал для новых научных разработок в этой области (Бейсембиев 2009; Тулибаева, Исахан 2014).

4. Результаты

Безусловная заслуга Б.А. Ахмедова в том, что он тщательно исследовал административно-территориальное деление Центральной Азии в XVII–XIX вв. В частности, в монографии, посвященной истории Балха (Ахмедов, 1982), исследователь впервые вводит в научный оборот термин «Балхское ханство», которое было основано в XVI в. Чингизидом Кистин-Кара-султаном (1526–1544) и управлялось наследником престола Бухары. Опираясь на данные рукописного сочинения XVII в., ученый определил границы территории ханства: его западная граница проходила по реке Мургаб, а восточная – с 80-х годов XVI в. по реке Кокча, позже – на Памире. На юге граница пролегла по Гиндукушу, а на севере – по Туркестанскому хребту (Ахмедов, 1982: 15).

Фактический материал источников показал, что в XVII в. Балхское ханство включало в себя такие крупные области, как Балх, Бамиан, Тохаристан с Бадахшаном, Чаганиан, и Хутталан. Балхская область занимала в основном левобережье Амударьи. На западе граница области пролегла по р. Мургаб, на востоке проходила в Хульме, на севере – по р. Амударья, а на юге – по ущелью Гез. В состав области входили крупные города: Балх (столица ханства), Ахча, Андхуд (разрушен в XIX в.), Гурзуван (административный центр особого округа, разрушен в XVIII в.), Держаб (административный центр особого округа), Дерезез (в XVII в. главный лагерь пребывания войска), Кагнам, Келиф, Меймене, Парвард, Фарйаб (разрушен в XVIII в.), Хульм (административный центр особого округа, разрушен в XIX в.), Чечекту, Шеберган. В XVII в. на короткий период Шеберган становится административным центром нескольких округов. С середины XIX в. округа Гурзуван и Держаб стали подчиняться области Кайсар (Ахмедов, 1982: 15-16, 32-44).

Город Балх на протяжении нескольких веков оставался важным торгово-экономическим и политическим центром региона. Однако, как отмечает автор монографии, значительное развитие город получил в XVI–XVII вв. В это время в Балхе возводились дворцы, культовые и общественные здания, разбивались роскошные сады (Баг-и Мурад, Баг-и хани, Баг-и хурам сара, Баг-и Гильзамин, Баг-и заган), улучшалась ирригационная система (канал Исфахан, канал Муштук, канал Фахир, канал Гандаб). В монографии приводятся ценные сведения из рукописных сочинений о восемнадцати каналах, орошавших всю Балхскую область (Ахмедов, 1982: 31; Салахетдинова, 1970; Бялковский, 1932: 49-50).

Город Балх состоял из двух частей: внутренний город (*шахр-и дарун*) и внешний город (*шахр-и бирун*). Обе части города были обнесены прочной стеной, земляным валом и крепостным рвом. По мнению исследователя, город Балх размерами не уступал таким крупным городам Мавераннахра и Хорасана, как Бухара, Самарканд, Мерв и Герат (Ахмедов, 1982: 24-25).

Внешняя часть города имела шесть ворот, и крепостной ров был наполнен водой. На южной стороне находились ворота ходжи Султана Ахмада Хазравий, на юго-западной стороне – ворота Аб, на западной стороне – ворота Джабба-хана, на северо-западной стороне – ворота Дах Шейха, на северной стороне – ворота Хийабан, на восточной стороне – ворота Ишкабад. За городскими воротами располагались кладбища мусульманских святых, многочисленные мечети, медресе и ханаки. От городских ворот начинались дороги, ведущие к другим городам ханства. В частности, от ворот Дах Шейха шла дорога в сторону городов Ахча и Келиф (Ахмедов, 1982: 26). В источниках

упоминаются названия селений и местностей, расположенных в окрестностях Балха: селение Нохгунбадан, местности Джаббакаран, Базарча, Гильзамин и др.

Внутренний город был расположен в юго-восточной части Балха, с трех сторон был окружен садами: Баг-и Гильзамин (восточная сторона города), Баг-и хуррам сара (южная сторона), Баг-и шимал (северная сторона). На юго-западной стороне внутреннего города находились ворота Ирак, на западной стороне – ворота Ислам, на северо-западной стороне – ворота Уштурхар, на восточной стороне – ворота Ходжа Уккаша. Здесь располагались административные учреждения ханства, дома знатных сановников и духовенства, Соборная мечеть, мечеть Михраб-и сангин, большое медресе Милькат-ага, медресе ходжа Абу Насра Парса, место для проведения общенародных праздников – Джабаханабад, и большая общественная баня Гульбахар мехтар Хайдара Алиабади. Внимательно изучив источники, Б.А. Ахмедов установил названия шести кварталов внутреннего города (Ахмедов, 1982: 27-29). По данным источников, в городе было посажено 500 тыс. декоративных и плодовых деревьев, привезенных из Индии, Китая и других стран (Ахмедов, 1982: 32).

По материалам рукописных сочинений, учеными была воссоздана картина социально-экономического развития главных городов Балхского ханства. При описании городов ханства Б.А. Ахмедов приводит их разные исторические названия, под которыми они упоминаются в восточных сочинениях с древности до Нового времени, дает подробное описание месторасположения. Город-крепость Ахча благодаря своему расположению на караванном пути, будучи первым перевалочным пунктом между Мавераннахром и Индией, быстро рос и развивался. По утверждению Б.А. Ахмедова, это назначение город сохранил до настоящего времени (Ахмедов, 1982: 32). Город Чечекту находился на большой караванной дороге, связывающей Балх с Гератом. В городе-крепости Келиф находилась одна из важнейших переправ Амударьи, через которую пролегал путь из Хорасана в Мавераннахр (Ахмедов, 1982: 38-40).

Интересные сведения приводит Б.А. Ахмедов о городе Шеберган. Высота городских крепостных стен была равна двадцати гязов (1 гяз равен 95 см), а окружность ее составляла восемь тысяч шагов. В середине крепости находились высокие здания, арка (цитадель), дворец правителя, мечети, ханака. Шебергану в XVII в. подчинялись окрестные семьдесят четыре селения (Ахмедов, 1982: 43-44).

Среди главных городов области Бамиан указаны такие, как Андераб (центр округа), Балхаб, Дер-йи суф, Зари-у кипчак, Кахмерд (главный город Хазареджата), Сан-у чехарйак (центр округа), Хенджан. Город Андераб играл важную роль в ханстве, так как располагался на пути из Мавераннахра в Индию через Бадахшан. Город Дер-йи суф находился в горах Хазареджата, на караванном пути на Гиндукуш. В городе Кахмерд располагалась таможенная застава на пути следования индийских караванов через перевал Данданшикан, открытый круглый год. Город Хенджан также был расположен на одной из караванных дорог из ханства в Индию через Хульм и Семенган. В городе находились таможня и место таможенного сбора с караванов, прибывших из Индии. Караваны переходили через перевал Ховак, расположенный примерно в 50 км к востоку от Хенджана (Ахмедов, 1982: 45-49).

В числе главных городов области Тохаристан указан Айбак (Хейбак), который был центром значительного округа и находился на караванной дороге из Балха в Индию (Ахмедов, 1982: 50). Город Гури был расположен на правом берегу реки Сурхаб, на караванном пути Кундуз-Кабул. Город Ишкмыш был известен своими богатыми рубиновыми рудниками (Ахмедов, 1982: 55-56). По сообщениям источников, в XVII в. город Кишм являлся столицей Бадахшана (Ахмедов, 1982: 57). Город Нарин был расположен на караванной дороге, связывающей города Кундуз и Киши с Андерабом (Ахмедов, 1982: 60).

Среди востоковедов существовало мнение, что название страны Тохаристан употреблялось только до XIII в. (Бартольд, 1965: 515). Источниковедческие исследования Б.А. Ахмедова показали, что данный термин встречается и в рукописях XVI–XVII вв. По словам ученого, под Тохаристаном имеются в виду горные области, расположенные в верхнем течении Амударьи, включая Бадахшан. В область входило около тридцати городов (Ахмедов, 1982: 49).

Существуют разные точки зрения относительно названия города Арханг-сарай (Бартольд, 1963: 120). На основе сведений письменных источников Б.А. Ахмедов доказал, что в XVII в. Арханг-сарай был известен также под названием Хазрат Имам (Ахмедов, 1982: 51).

Скрупулезное изучение источников и старых топографических карт позволили ученому восстановить историю возникновения и развития города Кундуз. В противовес существовавшему в советской историографии мнению, что Кундуз стал столицей обширной страны только в первой половине XIX в. (Бартольд, 1963: 117), Б.А. Ахмедов установил, что уже в XVII в. Кундуз становится административным центром обширного владения, объединявшего такие округа Тохаристана, как Талькан и Кишм (Ахмедов, 1982: 58-59).

Ссылаясь на данные источников, Б.А. Ахмедов сообщает, что в первой половине XVIII в. от Балхского ханства отпали такие богатые области, как Тохаристан, Бадахшан и правобережье Амударьи – области Термез и Кулаб. Правящий хан Чингизид был номинальным правителем Балха, в действительности вся власть была в руках военной знати племен минг и сарай.

Правитель Бухары Убайдаллах-хан (1702–1711) совершил ряд походов на Балхское ханство с целью покончить с ее независимостью. Четвертый поход Убайдаллах-хана, состоявшийся в 1707 г., привел к ликвидации независимости Балха и подчинению ее Бухаре. Однако смуты и беспорядки в ханстве все не прекращались, и в 1709 г. Убайдаллах-хан вновь послал войска на Балх. Но из-за обстоятельств, сложившихся в самой Бухаре, хан был вынужден вернуть бухарские войска обратно. В 1711 г. Убайдаллах-хан решил выступить походом на Балх, хотя видимых причин для этого не было (Ахмедов, 1982: 229). Но поход так и не состоялся из-за убийства самого Убайдаллах-хана в том же году. По утверждению Б.А. Ахмедова, после его смерти Бухарское ханство потеряло контроль над Балхом, а влияние Ирана, наоборот, возросло. С этого времени на трон Балхского ханства возводились ставленники шаха Ирана. В 1737 г. Балх и его округа были полностью завоеваны Ираном и стали важным стратегическим плацдармом для вторжения во внутренние районы Мавераннахра (Ахмедов, 1982: 234).

Б.А. Ахмедов ввел в научный оборот письменные источники XVII–XIX вв., которые содержат целый комплекс важных сведений по административно-территориальному делению Центральной Азии. Административно-территориальное устройство Бухарского ханства отражено в сочинениях «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (Махмуд ибн Вали, 1977), «Тарих-и Муким-хани» (История Муким-хана) (Ахмедов, 1985: 82-87; Мухаммед Юсуф Мунши, 1956; Собрание..., 1998: 156-162), «Убайдаллах-наме» (Книга об Убайдаллах-хане) (Ахмедов, 1985: 87-93; Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957; Собрание..., 1998: 173-175), «Тарих-и Абу-л-Файз-хани» (История Абу-л-Файз-хана) (Ахмедов, 1985: 93-95; Абд ар-Рахман Таъле, 1959), «Тухфат ал-хани» (Ханский подарок) (Ахмедов, 1985: 114-120; Собрание..., 1998: 176-179). Источники описывают удельные владения ханства, крупные города и прилегающие к ним окрестности, а также территориальные изменения, происходившие в Мавераннахре в XVII–XVIII вв. Как сообщают авторы исторических сочинений, Бухарское ханство в XVIII в. состояло из отдельных удельных владений, номинально подчинявшихся правителю Бухары. Согласно источникам территория Бухарского ханства в XVIII в. сильно сократилась, но в начале XIX в. границы ханства стали расширяться за счет присоединения соседних владений (Ахмедов, 1985: 82-95; 114-120).

Данные об административно-территориальных изменениях в Хивинском ханстве ученым были выявлены из сочинений известных хивинских историков «Шаджара-йи тюрк» (Генеалогия тюрков) (Ахмедов, 1985: 72-78; Собрание..., 1998: 154-155) и «Фирдаус ал-икбал» (Райский сад благоденствия) (Ахмедов, 1985: 120-125; Собрание..., 1998: 191-192). Сведения об удельных владениях кокандских правителей были привлечены из сочинения «Мунтахаб ат-таварих» (Ахмедов, 1985: 126-127; Собрание..., 1998: 195-198).

Б.А. Ахмедов выявил отдельные малоизвестные факты значимых изменений, происходивших в центральноазиатском регионе (Ахмедов, 1985: 105-106). В сочинении «Силсилат ас-салатин» повествуется, что, когда в 1643 г. в Хорезме скончался Исфандийар-хан (1623–1643), его родственники отправили к Надир-Мухаммад-хану (в 1606–1642 гг. правил в Балхе, а в 1642–1645 гг. – в Бухаре) послов с просьбой назначить в Хорезм своего наместника Чингизида. Послы Хорезма сообщили хану Бухары, что его имя как правителя уже упомянуто в хутбе. Надир-Мухаммад-хан назначил в Хорезм Суфи-султана (Тулибаева, 2006: 128).

Особый интерес представляют сведения «Силсилат ас-салатин» о Махмуд-бий аталыке из племени катаган. В 1686 г. хивинский правитель Ануша-хан (1663–1686) захватил Самарканд и Шахрисабз. Субханкули-хан обратился за помощью к Махмуд-бий аталыку, и тот, выступив против хивинцев, прогнал их. В знак благодарности Субханкули-хан назначил Махмуд-бий аталыка правителем Балха. Известно, что в конце XVI века в Кашгарию ушли казахи племени катаган во главе с Султан-Гази-ханом, где они играли значительную роль в политических событиях, а их предводители занимали государственные посты. В первой четверти XVII в. остатки казахов-катаганов находились в Ташкенте. Тогда же катаганы были истреблены в междоусобной борьбе Чингизидов. С тех пор катаганы в родоплеменном составе казахов не упоминались (Материалы по истории казахов..., 1969: 326).

Во многих трудах Б.А. Ахмедова содержатся ценные сведения об этно-территориальном устройстве Центральной Азии. Как неоднократно говорил исследователь, в письменных источниках приведены многочисленные данные о населении региона, его этническом составе, местообитании, различные аспекты ведения хозяйства. Однако сведения о них разбросаны по всему тексту сочинения, поэтому требуется скрупулезный труд ученого для их выявления (Ахмедов, 1986: 14-30). Он — один из первых востоковедов, кто обратил внимание на 4-ю часть шестого тома сочинения «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», где содержатся сведения о составе тюрко-монгольских племен, населявших Мавераннахр, Хорасан, Балх в первой половине XVII века (Ахмедов, 1969: 63-65; Махмуд ибн Вали, 1977; Ахмедов, 1985: 65-71, 145-146). В своей работе по истории Балха автор приводит названия свыше пятидесяти кочевых и полукочевых племен и родов тюрко-монгольского происхождения (Ахмедов, 1982: 122).

Анализируя данные сочинения «Силсилат ас-салатин» (Ахмедов, 1985: 101-110), Б.А. Ахмедов отмечает, что наряду с известными племенами здесь впервые упоминается племя бурт, встречающееся

среди этнических компонентов киргизов. Согласно мнению Б.А. Ахмедова, упоминаемые в «Силсилат ас-салатин» предводители бурутов Назар-бий и его сын Хосроу-бек занимали видное положение при Аштарханидах (1601–1753) и играли большую роль в общественно-политической жизни страны. Первый был вторым лицом в государстве после всесильного Надир диванбеги тагаи, а второй – начальником *дивана* Абд ал-Азиз-хана, что свидетельствует о силе и влиянии бурутов, входивших в объединение «семи племен» в долине Зеравшана (Ахмедов, 1985: 108).

Б.А. Ахмедов утверждал, что одним из достоинств сочинения «Убайдаллах-наме» является указание автором территории обитания тюрко-монгольских племен (Ахмедов, 1985: 87-93). Более того, автор раскрывает общественно-политическое положение ряда племен, указывает их приблизительную численность, приводит факты, свидетельствующие об усилении распада некогда единых и сильных племенных объединений. Б.А. Ахмедов пишет, что в этом отношении интересны сведения о племенах найман и конгурат, населявших в тот период район нынешнего Термеза. В составе племена найман, обитавшем в этих местах, было больше конгуратов. Они проживали здесь еще с XIII в., а в XVII – начале XVIII вв. распались на две группы. Как сообщает автор исторической хроники, те, кто по природе своей был мусульманином, считали необходимым повиноваться государю и они перекочевали в район Термеза и там обосновались. Те же, кто «дал себе доступ к стремлениям, к возмущению и упорству и ставил своею потребностью смуту и анархию», откочевали и поселились в Ширабаде (Ахмедов, 1985: 92).

Автор «Убайдаллах-наме» сообщает о крупных походах калмыков на земли казахских жузов в начале XVIII в. и массовой миграции казахов в соседние ханства. Интересны сведения сочинения о казахах, обитавших в районах Андижана, Ходжента, Ак-Кутала, Ташкента, Сайрама, Туркестана. В сочинении объясняются причины появления казахских племен в окрестностях Самарканда, Бухары, Карши, Шахрисабза, Гиссара.

Сведения письменных источников позволяют определить территориальное расположение отдельных групп населения в регионе. Согласно сообщениям историков XVIII в., Шахрисабз считался главным уделом племени кенегес, они также обитали в окрестностях Самарканда и Миянкаля (Ахмедов, 1985: 134).

В своей книге, изданной в 1985 г., Б.А. Ахмедов писал о важности и значении сведений сочинений «Мунтахаб ат-таварих» для изучения Кокандского ханства (Ахмедов, 1985: 126-127) и «Фирдаус ал-икбал» — для изучения Хивинского ханства (Ахмедов, 1985: 120-125). Утверждения ученого подтверждаются изданием Ю. Брегелем текста сочинения и его перевода на английский язык (Shir Muhammad Mirab..., 1998; Shir Muhammad Mirab..., 1999). Японские исследователи подготовили к изданию и опубликовали в двух томах критический текст рукописи «Мунтахаб ат-таварих» (Muhammad Hakim Khan, 2006; Muhammad Hakim Khan, 2009).

5. Заключение

Научные труды Б.А. Ахмедова внесли ценный вклад в изучение исторической географии Центральной Азии XVII–XIX вв. Среди них следует особо отметить монографию «История Балха», в которой впервые даны систематическое изложение истории и подробное географическое описание ханства в XVI – первой половине XVIII вв. На основе сведений восточных письменных источников Б.А. Ахмедову удалось выявить, локализовать и описать отдельные города и крупные населенные пункты Балхского государства.

Б.А. Ахмедовым был введен в научный оборот ряд ценных рукописных сочинений, содержащих такие сведения об исторической географии региона, как территория, рельеф, климат, водные и земельные ресурсы, а также происхождение и состав населения, особенности хозяйственной деятельности народов Центральной Азии. Исследования ученого показали богатство и разнообразие содержащихся в источниках XVII–XIX вв. сведений по истории и географии региона.

До сих пор не утратили своего научного значения выявленные Б.А. Ахмедовым фактические материалы из рукописных сочинений, в которых раскрываются причины и обстоятельства появления новых удельных владений, крупных территориальных изменений в регионе, а также устанавливаются причины возникновения внутренних и внешних миграционных процессов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научной программы «Историческая география Центральной Азии», финансируемой Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR21882416).

Литература

- Ахмедов, 1965 – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков, М.: Наука, 1965. 196 с.
 Ахмедов, 1969 – Ахмедов Б.А. Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд // *Общественные науки в Узбекистане*. 1969, № 11. С. 63-65.
 Ахмедов, 1982 – Ахмедов Б.А. История Балха (XVI – первая половина XVIII вв.), Ташкент: Фан, 1982. 296 с.

- Ахмедов, 1985** – Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985. 262 с.
- Ахмедов, 1986** – Ахмедов Б.А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986. С. 14-30.
- Абдурахман Тали', 1959** – Абдурахман-и Тали'. История Абулфейз-хана. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатель профессора А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. 176 с.
- Бартольд, 1963** – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 45-597.
- Бартольд, 1965** – Бартольд В.В. Работы по исторической географии // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. 713 с.
- Бартольд, 1968** – Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 759 с.
- Бартольд, 1973** – Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан. Август-декабрь 1920 г. / Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 366-396.
- Бартольд, 1977** – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России / Сочинения. Т. IX. М.: Наука, 1977. С. 199-482.
- Бейсембиев 2009** – Бейсембиев Т.К. Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII – XIX вв. Алматы: ТОО «Print-S», 2009. 1263 с.
- Бялковский, 1932** – Бялковский С.Н. Афганистан. Военно-географическое и военно-статистическое описание. М.: Издание IV управления штаба РККА, 1932. 217 с.
- Из истории..., 1987** – Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв. Ташкент: Фан, 1987. 178 с.
- Лунин, 1958** – Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917). Ташкент: Издательство АН УзССР, 1958. 320 с.
- Лунин, 1965** – Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965. 408 с.
- Лунин, 1981** – Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981. 224 с.
- Материалы по истории..., 1969** – Материалы по истории казахских ханств в XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. 652 с.
- Материалы по истории..., 1988** – Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. 414 с.
- Материалы по этнической..., 203** – Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2003. 218 с.
- Махмуд ибн Вали, 1977** – Махмуд ибн Вали. *Море тайн относительно доблестей благородных (география). Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова.* Ташкент: Фан, 1977. 168 с.
- Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957** – Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод с таджикского с примечаниями члена-корреспондента Академии Наук Узбекской ССР профессора А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 326 с.
- Мухаммед Юсуф Мунши, 1956** – Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. 304 с.
- Салахетдинова, 1970** – Салахетдинова М.А. К исторической топонимике Балхской области // *Палестинский сборник.* Вып. 21 (84): Ближний Восток и Иран. Л.: Наука, 1970. С.222-228.
- Собрание..., 1998** – Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. История. Ташкент: Изд-во «Фан», 1998. 535 с.
- Тулибаева, 2006** – Тулибаева Ж. М. Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII – XIX вв.: Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. 256 с.
- Тулибаева, 2013** – Тулибаева Ж.М. История Казахстана в аштарханидских источниках // *Доклады Национальной академии наук РК.* 2013. № 4. С. 126-140.
- Тулибаева, Исахан 2014** – Тулибаева Ж.М., Исахан Г.Т. Арабографические источники по истории Казахстана: Фонд Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. Астана, 2014. 154 с.
- Muhammad Hakim Khan, 2006** – *Muhammad Hakim Khan.* Muntakhab al-Tawarikh. Selected History. Vol. II. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2006. 716 p.
- Muhammad Hakim Khan, 2009** – *Muhammad Hakim Khan.* Muntakhab al-Tawarikh. Selected History. Vol. I. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2009. 664 p.
- Shīr Muḥammad Mīrāb..., 1998** – *Shīr Muḥammad Mīrāb Mūnīs and Muḥammad Rīza Mīrāb Āgahī.* Firdaws al-iqbāl: History of Khorezm. Edited by Yuri Bregel. Leiden: Brill, 1988. viii, 1281 p.

[Shir Muhammad Mirab..., 1999](#) – *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-iqbāl: History of Khorezm. Translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden: Brill, 1999. lxxviii, 718 p.

References

- [Akhmedov, 1965](#) – *Akhmedov, B.A.* (1965). Gosudarstvo kochevyh uzbekov [The State of the Nomadic Uzbeks]. M.: Nauka. 196 p. [in Russian]
- [Akhmedov, 1969](#) – *Akhmedov, B.A.* (1969). Mahmud ibn Vali i ego enciklopedicheskii trud [Mahmud ibn Wali and His Encyclopedic Work]. Obshhestvennye nauki v Uzbekistane. 11: 63-65. [in Russian]
- [Akhmedov, 1982](#) – *Akhmedov, B.A.* (1982). Istoriya Balha (XVI – pervaya polovina XVIII vv.) [History of Balha (the 16th – first half of the 18th centuries)]. Tashkent: Fan. 296 p. [in Russian]
- [Akhmedov, 1985](#) – *Akhmedov, B.A.* (1985). Istoriko-geograficheskaya literatura Srednei Azii XVI-XVIII vv. (Pis'mennye pamyatniki) [Historical-Geographical Literature of Central Asia in the 16th – the 18th centuries (Written Monuments)]. Tashkent: Fan. 262 p. [in Russian]
- [Akhmedov, 1986](#) – *Akhmedov, B.A.* (1986). Znachenie pis'mennykh pamyatnikov v izuchenii etnicheskoi istorii uzbekov [The significance of written monuments in the study of the ethnic history of Uzbeks] Materialy k etnicheskoi istorii naseleniya Srednei Azii. Tashkent: Fan. Pp. 14-30. [in Russian]
- [Abdurahman Tali', 1959](#) – *Abdurrahman-i Tali'* (1959). Istoriya Abulfayz-hana [Abulfayz Khan]. Perevod s tadjikskogo, predislovie, primechaniya i ukazatel' professora A.A. Semenova. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR. 176 p. [in Russian]
- [Bartol'd, 1963](#) – *Bartold, V.V.* (1963). Turkestan v epohu mongol'skogo nashestviya [Turkestan During the Mongol Invasion Era]. Sochineniya. T. I. M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1963. Pp. 45-597. [in Russian]
- [Bartol'd, 1965](#) – *Bartold, V.V.* (1965). Raboty po istoricheskoi geografii [Works on historical geography]. Sochineniya. T. III. M.: Nauka. 713 p. [in Russian]
- [Bartol'd, 1968](#) – *Bartold, V.V.* (1968). Raboty po istorii i filologii turkskikh i mongol'skikh narodov [Works on the History and Philology of Turkic and Mongolian Peoples.]. Sochineniya. T. V. M.: Nauka. 759 p. [in Russian]
- [Bartol'd, 1973](#) – *Bartold, V.V.* (1973). Otchet o komandirovke v Turkestan. Avgust-dekabr' 1920 g. [Report on the Official Trip to Turkestan. August-December 1920]. Sochineniya. T. VIII. M.: Nauka. Pp. 366-396. [in Russian]
- [Bartol'd, 1977](#) – *Bartold, V.V.* (1977). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of Oriental studies in Europe and Russia]. Sochineniya. T. IX. M.: Nauka. Pp. 199-482. [in Russian]
- [Beysembiyev, 2009](#) – *Beysembiyev, T.K.* (2009). Kokandskaya istoriografiya: Issledovaniye po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII – XIX vv. [Kokand historiography: A study on the source study of Central Asia in the 18th – 19th centuries]. Almaty: Print-S. 1263 p. [in Russian]
- [Bjalkovskij, 1932](#) – *Bjalkovskij, S.N.* (1932). Afganistan. Voenno-geograficheskoe i voenno-statisticheskoe opisanie [Afghanistan: Military-Geographical and Military-Statistical Description]. M.: Izdanie IV upravleniya shtaba RKKA. 217 p. [in Russian]
- [Iz istorii..., 1987](#) – Iz istorii Srednei Azii i Vostochnogo Turkestana XV–XIX vv. [From the History of Central Asia and Eastern Turkestan, the 15th – the 19th Centuries]. Tashkent: Fan, 1987. 178 p. [in Russian]
- [Lunin, 1958](#) – *Lunin, B.V.* (1958). Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arheologii v Turkestane. Turkestanskii kruzhok ljubitelei arheologii (1895-1917) [From the History of Russian Oriental Studies and Archaeology in Turkestan. The Turkestan Circle of Amateur Archaeologists (1895-1917)]. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR. 320 p. [in Russian]
- [Lunin, 1965](#) – *Lunin B.V.* (1965). Srednyaya Aziya v dorevolucionnom i sovetskom vostokovedenii [Central Asia in Pre-Revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Tashkent: Fan. 408 p. [in Russian]
- [Lunin, 1981](#) – *Lunin, B.V.* (1981). Zhizn' i deyatel'nost' akademika V.V. Bartol'da: Srednyaya Aziya v otechestvennom vostokovedenii [Life and work of Academician V.V. Bartold: Central Asia in Russian Oriental Studies]. Tashkent: Fan. 224 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 1969](#) – Materialy po istorii kazahskikh hanstv v XV-XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i turkskikh sochineniy) [Materials on the History of Kazakh Khanates in the 15th – the 18th centuries (Extracts from Persian and Turkic Works)]. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazahskoi SSR, 1969. 652 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 1988](#) – Materialy po istorii Srednei i Central'noi Azii X – XIX vv. [Materials on the History of Central Asia, the 10th – the 19th centuries]. Tashkent: Fan, 1988. 414 p. [in Russian]
- [Materialy po etnicheskoi..., 2003](#) – Materialy po etnicheskoi istorii turkskikh narodov Central'noi Azii [Materials on the Ethnic History of Turkic Peoples of Central Asia]. Tashkent: Fan, 2003. 218 p. [in Russian]
- [Mahmud ibn Vali, 1977](#) – *Mahmud ibn Vali* (1977). More tajn otnositel'no doblestej blagorodnykh (geografija) [Sea of Secrets Regarding the Deeds of the Noble (Geography)]. Vvedenie, perevod, primechaniya, ukazateli B. A. Ahmedova. Tashkent: Fan. 168 p. [in Russian]
- [Mir Muhammed Amin-i Buhari, 1957](#) – *Mir Muhammed Amin-i Buhari* (1957). Ubaydulla-name [Ubaydulla-name]. Perevod s tadjikskogo s primechaniyami chlena-korrespondenta Akademii Nauk Uzbekskoi SSR professora A.A. Semenova. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR. 326 p. [in Russian]

[Muhammed Jusuf Munshi, 1956](#) – *Muhammed Jusuf Munshi* (1956). Mukim-hanskaya istoriya [Mukim Khan's History]. Perevod s tadjikskogo, predislovie, primechaniya i ukazateli professora A.A. Semenova. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR. 304 p. [in Russian]

[Salahetdinova, 1970](#) – *Salahetdinova, M.A.* (1970). K istoricheskoi toponimike Balhskoi oblasti. [To the Historical Toponymy of the Balkh Region]. *Palestinskii sbornik*. Vyp. 21 (84): Blizhnii Vostok i Iran. L.: Nauka. pp. 222-228. [in Russian]

[Sobranie..., 1998](#) – *Sobranie vostochnykh rukopisei Akademii nauk Respubliki Uzbekistan. Istoriya*. [Collection of Eastern Manuscripts of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. History]. Tashkent: Izd-vo «Fan», 1998. 535 p. [in Russian]

[Tulibayeva, 2006](#) – *Tulibayeva, Zh.M.* (2006). Persoyazychnye istochniki po istorii kazahov i Kazahstana XIII – XIX vv. [Persian-language Sources on the History of Kazakhs and Kazakhstan from the 13th to the 19th centuries]. Astana: ENU im. L.N. Gumileva. 256 p. [in Russian]

[Tulibayeva, 2013](#) – *Tulibayeva, Zh.M.* (2013). Istoriya Kazahstana v ashtarhanidskih istochnikah [The history of Kazakhstan in the Ashtarkhanids sources]. *Doklady Nacionalnoy akademii nauk RK*. 4: 126-140. [in Russian]

[Tulibayeva, Isahan, 2014](#) – *Tulibayeva, Zh.M., Isahan, G.T.* (2014). Arabograficheskie istochniki po istorii Kazahstana: Fond Instituta vostokovedeniya Akademii nauk Respubliki Uzbekistan [Arabic-script Sources on the History of Kazakhstan: the fund of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan]. Astana. 154 p. [in Russian]

[Muhammad Hakim Khan, 2006](#) – *Muhammad Hakim Khan* (2006). Muntakhab al-Tawarikh. Selected History. Vol. II. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa. 716 p. [in Russian]

[Muhammad Hakim Khan, 2009](#) – *Muhammad Hakim Khan* (2009). Muntakhab al-Tawarikh. Selected History. Vol. I. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa. 664 p.

[Shir Muhammad Mirab..., 1998](#) – Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi (1988). *Firdaws al-iqbāl: History of Khorezm*. Edited by Yuri Bregel. Leiden: Brill. viii, 1281 p.

[Shir Muhammad Mirab..., 1999](#) – Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi (1999). *Firdaws al-iqbāl: History of Khorezm*. Translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden: Brill. lxxviii, 718 p.

Вклад академика Б. А. Ахмедова в изучение исторической географии Центральной Азии Нового времени (к 100-летию со дня рождения ученого)

Жулдыз Мусаевна Тулибаева ^{a, *}, Темур Едгорович Тулибаев ^a

^a Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Евразийский научно-исследовательский институт, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются научные труды академика Б.А. Ахмедова (1924–2002), затрагивающие вопросы изучения исторической географии Центральной Азии XVII–XIX веков. Большинство исследователей знакомы с творческим наследием ученого, в первую очередь, по его трудам, в которых освещается период средневековья Центральной Азии, однако Б.А. Ахмедов внес существенный вклад и в изучение различных аспектов истории региона в Новое время. Авторы данной статьи исследовали основные работы ученого, в которых содержится богатый фактический материал по исторической географии этого периода. Среди его трудов можно выделить такие, как «Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география)», «История Балха (XVI – первая половина XVIII вв.)», «Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники)». Данные работы были изучены авторами этой статьи наиболее подробно. Авторами был представлен анализ сведений об исторической географии центральноазиатского региона XVII–XIX вв., содержащихся в работах Б.А. Ахмедова. В первую очередь, это реконструкция административно-территориального деления Балхского ханства XVII–XVIII вв., проведенная ученым на основе материалов восточных рукописных сочинений. Б.А. Ахмедов подробно приводит месторасположение областей, округов, крупных городов, а также говорит об их внутреннем устройстве с описанием окрестностей, указывает крепости, расположенные на караванных дорогах, водные каналы ханства и т. д. Ученым были восстановлены и идентифицированы отдельные исторические топонимы, упоминаемые в манускриптах.

Ключевые слова: Б.А. Ахмедов, Центральная Азия XVII–XIX вв., историческая география, письменные источники, Балхское ханство, административно-территориальное устройство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tulibay@gmail.com (Ж.М. Тулибаева)